

Я. Г. Тестелец

Введение
в
общий
синтаксис

Тестелец Я.Г.

*Введение в общий
синтаксис*

Рекомендовано НМС по филологии

*УМО университетов РФ
в качестве учебника*

УДК 801.56(075)
ББК 81.2Рус-923
Т36

Художник Михаил Гуров

Учебная литература по гуманитарным
и социальным дисциплинам
для высшей школы и средних
специальных учебных заведений
подготовлена при содействии Института
«Открытое общество» (фонд Сороса)
в рамках программы «Высшее образование»

ISBN 5-7281-0343-X

Тестелец Я.Г., 2001
) Российский государственный
 гуманитарный университет, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

от АВТОРА	13
ВВЕДЕНИЕ	19
Предмет синтаксиса	19
Из истории синтаксических исследований	23
Предназначение и структура учебника	28
Необходимые предварительные знания	36
Особенности оформления	37
Негативный материал: грамматичность и приемлемость	38
НЕСКОЛЬКО МЕТАФОР	41
Связка ключей	41
Армия	42
Матрёшка и пирамида из черепах	48
Шахматная доска	51
Передвижение в пространстве	54

ЧАСТЬ I СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Глава I

СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ. СТРУКТУРА ЗАВИСИМОСТЕЙ

1. Необходимость формального представления структуры предложения	63
2. Синтаксическая зависимость: свидетельства интуиции	65
3. Структура зависимостей	70
4. Вершины и зависимые	75
4.1. Грамматическая связанность	76
4.2. Линейный порядок	77
4.3. Фонетическая слитность	77
4.4. Критерий эндоцентричности	79
4.5. Морфосинтаксический локус	84
4.6. Другие критерии	86
5. Центральное положение глагола	88
6. Виды синтаксических отношений	91
7. Проективность	94
8. Трудности с применением структур зависимостей	101
Рекомендуемая литература	106

Оглавление

<i>Глава 2</i>	
СТРУКТУРА СОСТАВЛЯЮЩИХ	
И ФРАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ	
	107
1. Некоторые интуитивные соображения	107
2. Система составляющих	118
3. Терминальные категории	125
4. Фразовые категории: критерии выделения	129
4.1. Несинтаксические критерии	129
4.2. Синтаксические критерии	134
4.2.1. Отделимость	134
4.2.2. Поведение обстоятельств	138
4.2.3. «Эффект крысолова»	140
4.2.4. Проформы	142
4.3. Обязательность фразовых категорий	143
5. Сравнение структур зависимостей и структур составляющих	145
<i>Отступление.</i> Проблема детерминантов	150
Рекомендуемая литература	154
<i>Глава III</i>	
ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА	
	156
1. Валентности и актанты	156
1.1. Семантические валентности	157
1.2. Синтаксические валентности и модель управления	162
2. Ограничение числа particипантов	168
3. Обязательность, факультативность, нереализуемость	172
4. Актанты и сирконстанты	179
4.1. Краткий обзор	179
4.2. Предполагаемые различия	181
5. Адъекты	187
6. Зависимые предложения в роли актантов и сирконстантов	190
7. Именные сирконстанты: сильные и слабые	193
8. Вторичные и ложные актанты	203
9. Семантические роли	206
10. Инвентарь ролей	213
11. Перспектива	216
<i>Отступление.</i> О «понятийных категориях»	220
12. Ролевые типы глаголов: краткий обзор	223
Рекомендуемая литература	228
<i>Глава IV</i>	
ПРЕДЛОЖЕНИЕ И КЛАУЗА	
	229
1. Что делает предложение предложением?	229
2. Парадигма предложения: модальность, наклонение, время, категории предикативного согласования	235

Введение в общий синтаксис

3. Парадигма предложения: выражение вопроса	243
4. Связочные и бытийные предложения	247
5. Номинативные и неполные предложения	252
6. Клаузы: сочинение и подчинение	255
7. Нефинитные зависимые обороты	266
Рекомендуемая литература	268

Глава V

СИНТАКСИЧЕСКИЕ «НЕВИДИМКИ»

	269
1. Необходимость нулевых единиц в синтаксисе	269
1.1. Обнаружение подлежащего при инфинитиве <i>Отступление. Нулевой элемент или эллипсис?</i>	270
1.2. Подлежащее в других нефинитных глагольных клаузах русского языка	276
1.3. Нулевое подлежащее в неглагольных обособленных оборотах	278
1.4. Нулевые словоформы глагола-связки и бытийного глагола	279
1.5. Нулевой вспомогательный глагол в английском языке	280
1.6. Нулевой показатель инфинитива в английском языке	282
2. Нулевое подлежащее нефинитных клауз (PRO)	285
2.1. Контроль PRO	287
2.2. «Плавающие определители» и PRO в инфинитивном обороте	288
2.3. «Плавающие определители» и PRO в деепричастном обороте	295
2.4. «Плавающие определители» и PRO в именных оборотах	304
3. Нулевое анафорическое местоимение (про)	305
4. Неопределенно-личное и безличное нулевые подлежащие	307
Рекомендуемая литература	310
	315

Глава VI

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

	317
1. Грамматический приоритет	317
2. Анализ признаков	321
2.1. Морфологические признаки	321
2.2. Контролирующие признаки	322
2.2.1. Контроль сочинительного сокращения канонических подлежащих	324
2.2.2. Контроль референции рефлексивов	325
2.2.3. Контроль референции PRO инфинитивных оборотов с союзом <i>чтобы</i>	326
2.2.4. Неспособность контролировать референцию про в целевых финитных придаточных с союзом <i>чтобы</i>	329

Оглавление

2.2.5. Контроль референции PRO в деепричастном обороте	331
2.2.6. Контроль согласования адъективных присказуемостных имен в творительном падеже по числу и роду (женский vs. неженский)	333
2.2.7. Селекция множественных актантов при глаголах множественного действия	334
2.3. Трансформационные признаки	336
2.3.1. Способность к трансформации в родительный падеж при отрицании	336
2.3.2. Способность к трансформации в группу по + ИГ в дат. п. с дистрибутивным (=распределительным) значением	338
2.3.3. Способность к трансформации в PRO при инфинитиве, деепричастии или причастии	339
2.3.4. Способность к трансформации в родительный падеж при номинализации	339
2.3.5. Способность к трансформации в относительное или притяжательное прилагательное при номинализации	340
2.3.6. Способность к словосложению с глаголом	341
2.4. Группировка приоритетных признаков	342
2.5. Приоритетные признаки в конструкциях без канонических подлежащих	348
3. Подлежащее в английском языке	349
3.1. Приоритетные признаки	349
3.2. Подлежащее в конструкциях со вторичным дополнением и в малых клаузах	354
4. Проблема универсальности подлежащего	357
Рекомендуемая литература	358

Глава VII СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Как выражаются синтаксические отношения?	360
2. Селективные признаки	364
3. Морфологическая зависимость	367
4. Согласование и конгруэнтность	372
4.1. Простые случаи	372
4.2. Согласование в зеркале зависимостей	373
4.3. Согласование в зеркале составляющих	375
4.4. Семантический контролер и семантическая мишень	383
4.5. Ни контролера, ни мишени?	384
4.6. В каких конструкциях возможно согласование?	385

4.7. Принцип Кинэна: согласование	389
4.8. Конгруэнтность и смысловое согласование	390
4.9. Проблемы с контролером	392
4.10. Нелокальное согласование	396
4.10.1. Пересечение границы ИГ: элективные конструкции	396
4.10.2. Пересечение фаницы ИГ: посессивные конструкции	397
4.10.3. Пересечение границы клаузы	401
5. Управление	402
5.1. Управление и фразовые категории	405
5.2. Принцип Кинэна: управление	406
5.3. Модифицированное управление	406
5.4. Сильное и слабое управление	407
5.5. Согласование и управление	408
6. Порядок слов и примыкание	408
Рекомендуемая литература	410

Глава VIII

ДИАТЕЗА, ЗАЛОГ, АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ

411

1. Определение диатезы и залога	411
2. Типы пассивных конструкций	415
3. Функции пассива	417
4. Рефлексив и реципрок	422
5. Маргинальные диатезы	424
6. Параметрическая диатеза	426
7. Актантная деривация	428
7.1. «Расщепление» валентностей	429
7.2. Морфологические категории, привносящие вторичные актанты	431
Рекомендуемая литература	435

Глава IX

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

437

1. Тема и рема	441
2. Тетические предложения и экспансия ремы	447
3. Данное и новое	454
4. Контрастиность и сопоставительное выщеление	458
5. Верификация	461
6. Эмфаза	462
7. Топик	462
8. Фокус эмпатии	463
Рекомендуемая литература	465

Оглавление

ЧАСТЬ 2 СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Глава X ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

469

1. Цели грамматической теории	470
2. Эвристическая ценность интуиции	474
3. Эмпирические универсалии	479
4. Объяснительная база	483
5. От гипотез к фактам и обратно	488
6. Формальные грамматики	491
Рекомендуемая литература	501

Глава XI ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА: ОТ ПРАВИЛ К ОГРАНИЧЕНИЯМ

502

<i>Отступление.</i> Отношение к порождающей грамматике в лингвистическом мире	503
1. Исходные предположения	505
1.1. Задачи грамматической теории. Компетенция и употребление	505
1.2. Психологическая интерпретация грамматики и «аргумент от бедности стимула»	513
2. «Стандартная теория»	518
2.1. Правила грамматики составляющих	518
2.2. Необходимость трансформаций	523
2.3. Трансформационный компонент	527
2.3.1. Инверсия	527
2.3.2. Прыжок аффикса	528
2.3.3. Поддержка <i>do</i>	528
2.3.4. Дативное передвижение	529
2.3.5. Экстрапозиция	529
2.3.6. Отрицательная трансформация	529
2.3.7. Препозиция наречия	530
2.3.8. Отущение эквивалентной ИГ	530
2.3.9. Прономинализация	530
2.3.10. Рефлексивизация	531
2.3.11. Номинализация	531
3. Необходимость ограничений на правила	531
4. Недостатки правил грамматики составляющих	541
5. Офаничения Росса и синтаксические острова	543
Рекомендуемая литература	552

*Введение в общий синтаксис**Глава XII*
ТЕОРИЯ ПРИНЦИПОВ И ПАРАМЕТРОВ

554

1. Общая характеристика	554
2. X'-теория	559
3. Теория ограничения и принцип прилегания	574
4. Теория передвижений и «передвинь а»	583
5. Теория Падежа	586
6. Тета-теория	590
7. Теория связывания	594
8. Принцип пустой категории	603
9. Логическая форма	604
10. Три синтаксических уровня	611
Рекомендуемая литература	613

Глава XIII
**ПОСЛЕДНИЕ ВАРИАНТЫ ПОРОЖДАЮЩЕЙ
ГРАММАТИКИ**

614

1. Функциональные проекции	615
2. Бинарное ветвление и конструкции с несколькими дополнениями	620
3. Минималистская теория	626
3.1. Мотивы создания	627
3.2. Основные принципы	630
3.3. Проверка признаков	635
3.4. Копирование вместо передвижения	637
3.5. «Пустая структура составляющих»	639
4. Проблема свободного порядка слов	640
5. Теория оптимальности	651
6. Общая оценка порождающей грамматики	654
Рекомендуемая литература	663

Глава XIV
КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА {К.И. Казенин}

664

1. Первые шаги	665
2. Исчисление Ламбека	672
3. Современная категориальная фамматика	675
Рекомендуемая литература	692

Глава XV
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

693

1. Объяснительная типология А.Е. Кибрика	694
2. Теория порядка составляющих Дж. Хокинса	700

Оглавление

2.1. Исходные предположения	701
2.2. «Лучшие» и «худшие» порядки	703
2.3. Решение загадки лево- и правоветвящихся языков	707
2.4. Факты грамматикализации «хороших» порядков	711
2.5. Последствия для теории	714
3. Некоторые другие работы	715
4. Перспективы функционализма	717
Рекомендуемая литература	721
 <i>Глава XVI</i>	
СИНТАКСИС В МОДЕЛИ «СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ»	722
1. Моделирование языка	725
2. Общая структура модели	731
3. Глубинно-синтаксический уровень	736
4. Глубинно-синтаксический компонент	739
5. Поверхностно-синтаксический компонент	742
6. Общая оценка синтаксического компонента МСТ	745
Рекомендуемая литература	747
Заключение	748
Литература	751
Предметный указатель	790
Список сокращений	796

ОТ АВТОРА

Эта книга возникла благодаря замечательной инициативе программы «Высшее образование» (Институт «Открытое общество» — Фонд содействия) по изданию серии новых учебников по лингвистике. Я глубоко признателен руководителям, сотрудникам и экспертам программы за предоставленную возможность участвовать в этом предприятии. В основу учебника положены общие и специальные курсы, которые автор читал на факультете теоретической и прикладной лингвистики (ныне Институт лингвистики) РГГУ и на филологическом факультете МГУ начиная с 1992 г.

То, что мне удалось написать «Введение в общий синтаксис», — в первую очередь заслуга моих учителей — преподавателей знаменитого Отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) МГУ. Учась на отделении, я прослушал в 1977—1978 гг. курсы А.Е. Кибрика «Основы структурной лингвистики: Синтаксис» и «Современный русский язык: Синтаксис», хорошо известные в разных вариантах многим поколениям студентов, но, к сожалению, доныне так и не опубликованные (программу курсов в их нынешнем виде можно найти в [Кибрик (ред.) 1996]). На меня уже тогда произвели впечатление глубина и богатство синтаксической проблематики и то стройное равновесие между регулярностью и разнообразием, которое демонстрируют синтаксические структуры. Я попытался придать учебнику некоторые достоинства кибристовского курса: акцентировать содержательную (интерпретационную) ценность формальных средств описания; углубляясь в подробности, удерживать внимание на главных идеях; не упускать из виду отечественной лингвистической традиции. Насколько все это удалось, судить читателю.

1970-е годы были временем наибольшей популярности модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И.А. Мельчука и А.К. Жолковского; соответственно и работа в области грамматики рассматривалась как моделирование — создание формальных аналогов традиционных грамматических понятий и разработка систем правил. И преподаватели, и мы, студенты ОСиПЛа, были убеждены, что у нас есть теория, дающая ясную исследовательскую программу, как минимум, на несколько десятилетий вперед и что в перспективе она приведет к решению

главной задачи лингвистики — полному описанию языка строгими научными методами. Вопросы «как это определить?» и «как это описать?» были не просто главными, но единственными вопросами, над которыми имело смысл думать. Формальные модели традиционных грамматических понятий, сколь бы громоздкими они ни получались, не только не вызывали ропота и сомнения, — они вызывали горячий энтузиазм, сегодня уже непредставимый. Огромные и решающие успехи господствующего направления в семантике и лексикографии, наряду с некоторыми замечательными идеями И.А. Мельчука в области морфологии, заставляли нас взирать с восхищением и на синтаксические компоненты интегральной модели, глубиной и блеском инженерной мысли напоминающие машинное отделение «Гитаника».

Несмотря на популярность модели «Смысл<->Текст», ее сторонникам не был присущ дух самодостаточности и самодовольства. Преподаватели и студенты ОСиПЛа проявляли живой интерес к самой разной лингвистике, и учебная программа предусматривала подробное изучение почти всех сколько-нибудь влиятельных школ. Поэтому очень скоро на ясном горизонте появилось первое облачко — знакомство с «расширенной стандартной теорией» Н. Хомского сначала в рамках базового курса А.Е. Кибрика, а впоследствии — на спецкурсе Е.Н. Саввина «Теория трансформационной порождающей грамматики». Явно устаревшая «модель», автор которой, ничего не зная ни о метаязыке толкований, ни о системе перифразирования, наивно продолжал разрабатывать автономный синтаксис и со смешным упрямством отвергал разумные, с нашей точки зрения, идеи представителей порождающей семантики, — эта «модель» неожиданно обнаруживала богатство инструментов анализа и способность к фундаментальным обобщениям. Как говорила нам Е.Н. Саввина, «самое главное — понять логику синтаксической аргументации». Синтаксическую аргументацию генеративистов мы в основном понимали; непонятным оставалось другое — почему в наших самых знаменитых работах по грамматике такая глубокая и нетривиальная аргументация оказывается ненужной?.. Лекции и семинары В.А. Звегинцева со временем помогли мне понять, какое значение имеет теория и почему основные проблемы лингвистики никогда не будут разрешены путем простого накопления фактов или усовершенствования методов описания. Однако никаких не-

посредственных результатов эти впечатления тогда не возымели: западные лингвистические направления все равно не выдерживали в наших глазах конкуренции с моделью «Смысл \leftrightarrow Текст»; к тому же структуры составляющих, которые использует порождающая грамматика, казались плохо применимыми к материалу тех языков, с которыми больше всего работали на Отделении, начиная с русского.

В 1980-е годы многие российские лингвисты, и автор этих строк в том числе, потеряли интерес к формализации, — и в грамматике, и в семантике стали несравненно меньше использоваться математические модели. Метаязык нашей лингвистики стал более однороден (что хорошо можно видеть на примере «Лингвистического энциклопедического словаря» [Ярцева (ред.) 1990]); было достигнуто прочное и плодотворное взаимопонимание между «структуралистами» и языковедами, работающими в более традиционном стиле. Причиной было, вероятно, смутное разочарование в монотонном процессе моделирования и отсутствие свежих идей, которые могли бы привлечь в формальную лингвистику новые силы. Подробности лежащей на почетном пьедестале модели «Смысл \leftrightarrow Текст» начали потихоньку забываться.

В то же время в России сильно охладел интерес и к формальным направлениям лингвистики США, — то, что до нас доходило, казалось неинтересным и бесплодным. Правда, работы по фонетике, семантике, типологии, прикладной лингвистике и т. д. и читались, и обсуждались. Что же касается mainstream'a американской лингвистики — теории фамматики, то мы в основном знали типологически ориентированные направления, использовавшие сравнительно простой понятийный аппарат (см. вып. XI «Нового в зарубежной лингвистике» [Кибрик (ред.) 1982a]). Вникать в сложные формальные конструкции больше не хотелось — все равно, пока коллеги за океаном не обратились к истинному учению, им оставалось блуждать в потьмах и разрабатывать бесперспективные «модели». В это сейчас трудно поверить, но мы в самом деле не заметили ни одного из ключевых событий 1970-х годов в американской лингвистике — ни сверхпопулярного для нас краха порождающей семантики, ни итогов дискуссии об анафоре, ни разработки теории ограничений на правила, ни открытия «принципа сохранения структуры». Вдвинутая Н. Хомским «теория управления и СВР-

зываания», с которой мы бегло ознакомились в начале 1980-х (разумеется, только с выводами, а не с аргументацией), вызывала пренебрежительные усмешки.

Поэтому, как только рухнул «железный занавес» и начались нормальные контакты с западными коллегами, российские лингвисты были поражены тем, сколь огромно влияние формального теоретизирования в США и Европе. Стало очевидно, что, вопреки нашим прогнозам, а равно и прогнозам активных адептов «марксистско-ленинского языкоznания», генеративная грамматика Хомского не только не потерпела неудачу, но вступила в период нового бурного успеха и экспансии. Это было раздражающе непонятной и не приятной неожиданностью, тем более что ни «Новое в зарубежной лингвистике», ни реферативные журналы ИИОНа не предупреждали нас ни о чем подобном.

Спустя несколько лет работа с синтаксическим материалом нескольких языков разных семей, знакомство с современными грамматическими теориями и личное общение с представителями генеративного направления убедили меня в том, что формальное моделирование — перспективный путь решения объяснительных задач лингвистики и что никакая будущая теория грамматики не сможет пройти мимо тех результатов, которые были достигнуты на этом пути генеративной школой. Порождающей грамматике отведены три главы второй, теоретической части учебника; кроме того, многие идеи и методы этого направления отражены в первой части, посвященной проблемам описания.

Вместе с тем впечатляют и многие важные результаты, достигнутые за последние десятилетия оппонентами Хомского, прежде всего представителями различных направлений отечественного и зарубежного функционализма. Интерес к проблемам современной теории возник у автора в значительной степени благодаря А.Е. Кибрику, в особенности под воздействием выдвинутой им в 1980-е годы программы объяснительной лингвистики, опирающейся на постулаты функционализма, лингвистики, в которой не только разрешено, но и необходимо задавать вопросы, начинающиеся со слова «почему». Не без влияния функционализма многие темы — такие, например, как актуальное членение, — рассматриваются здесь неформально, без строгих определений и математических моделей. Автор согласен с функционалистами в том, что немалая и очень важная часть синтаксических

явлений пока плохо поддается формальным методам изучения, а, может быть, и не нуждается в них.

Что же касается конструирования гигантских определений и изобретения описательных машин, на что ушли десятилетия упорной работы нескольких наших выдающихся лингвистов, то, при всем уважении к их авторам и к достигнутым ими результатам, такая работа сегодня не кажется мне ни самой интересной, ни самой перспективной. Вместе с тем читатель заметит, что в первой части учебника, посвященной проблемам описания, отражены многие достижения эмпирически ориентированной лингвистики и прежде всего работы ее лидера — И.А. Мельчука, а одна из глав теоретической части посвящена модели «Смысл->Текст».

Я признателен многим коллегам, занимающимся, как и я, лингвистической типологией, чьи работы дали мне возможность увидеть границы, в которых варьируются различия между языками, и осознать необходимость не только описания и классификации фактов, но и грамматической теории, которая бы объясняла само существование и форму этих границ.

Хотелось бы выразить благодарность за советы, разъяснения, обсуждение сложных вопросов и моральную поддержку, оказанную мне в процессе работы, А.Н. Барулину, Л. Бэбби, К.И. Казенину, Л.И. Куликову, В.И. Подлесской, М. Полинской, А. фон Штехову и У. Юнгхансу. Профессорам Герхильд Цыбатов (Ин-т славистики Лейпцигского университета), Хансу-Бернхарду Друбигу (Тюбингенский университет), Эве Эйерхед (университет Умео) и Барбаре Х. Парти (Массачусеттский университет в Амхерсте) я благодарен еще и за неоценимую практическую помощь в работе, прежде всего за то, что они обеспечили мне доступ к лингвистической литературе, отсутствующей в наших библиотеках.

Особая моя признательность замечательному лингвисту Андерсу Хольмбергу — человеку, который по-настоящему открыл для меня вселенную генеративного синтаксиса.

Отдельные главы или всю книгу целиком прочитали В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, А.А. Бонч-Осмоловская, В.Б. Борщев, М.-К. Гимбатов, А.В. Гладкий, Е.В. Иванченко, И.Б. Иткин, В.Б. Касевич, А.А. Кибрик, А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, Г. Корбетт, Г.Е. Крейдлин, С.А. Крылов, К.Л. Кузнецова, А.Н. Латышева, Е.Ю. Лысова, С.О. Май-

От автора

екая, Б.Х. Парти, Н.В. Перцов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, Е.Л. Рудницкая, Н.А. Стоянова, О.В. Федорова, М. Хаспельмат, Т.Е. Янко. Ими были высказаны многочисленные замечания, которые автор постарался учесть. Однако все недостатки, ошибки и неточности окончательного текста остаются полностью на совести автора, и он один несет ответственность за все содержащиеся в книге утверждения и оценки. Я глубоко признателен всем перечисленным коллегам, так же, как и рецензентам Института «Открытое общество», прочитавшим первоначальный вариант учебника и высказавшим много ценных замечаний.

На заключительном этапе работы над книгой, когда на счету был буквально каждый день, неоценимую самоотверженную помощь мне оказал С.А. Голиков.

Особой благодарности заслуживают студенты — слушатели моих курсов, чьи вопросы, замечания и обсуждения примеров неизменно помогают улучшить учебный материал.

Написание книги подобного рода, тем более первый опыт учебника по общему синтаксису на русском языке, предполагает отчасти неизбежные, отчасти происходящие по вине автора недостатки замысла и его реализации, присутствие в тексте неудачных формулировок, фактических ошибок, недоучет важных публикаций и т. п. Поэтому автор заранее благодарен читателям за любые критические замечания, исправления и дополнения.

Наконец, я благодарен моей жене Марине Журинской, которая с неизменным терпением поддерживала меня в четырехлетней работе над книгой, подсказала несколько удачных иллюстраций и внесла много поправок, улучшающих текст.

ВВЕДЕНИЕ

Предмет синтаксиса

Человеческий язык, как и всякий сложный механизм, состоит из относительно независимых друг от друга (= автономных) компонентов. С древнейших времен языковеды выделяют в языке по меньшей мере три таких компонента — фонетику, грамматику и лексику. Грамматикой, или грамматическим строем, называется тот компонент языка, который обеспечивает выражение наиболее часто повторяющихся значений и использует для этого иерархически организованные конструкции, построенные в соответствии с ограниченным числом правил.

Иерархически организованным является любое множество, в котором одни элементы в каком-то смысле главное или важнее других. В речи всегда наблюдается простейшая иерархия — линейный порядок (цепочка), так как языковые единицы должны следовать друг за другом (если принять, допустим, что слово, стоящее в начале, всегда «главнее» последующего). Например, будучи засыпаны в мешок, картофелины иерархически не организованы, но достаточно положить их в ряд, чтобы возникла иерархия линейного следования в соответствии с тем порядком, в котором будут расположены картофелины. Помимо линейного порядка, грамматика естественного языка всегда использует и другие, более сложные иерархии.

Таким образом, грамматика имеет дело не только с отдельными словами или частями слов (морфемами), но, главным образом, со способами их соединения в более сложные единицы, причем с такими, которые связаны с выражением самых частых семантических признаков («действие», «состояние», «вопросительность», «время», «число», «лицо» и т. п.). Из всех факторов речевой деятельности грамматика своей предсказуемостью и регулярностью в наибольшей степени напоминает природные явления — предмет изучения естественных наук.

Синтаксисом называется часть грамматики, которая имеет дело с единицами, более протяженными, чем слово, — словосочетаниями и предложениями.

Словом «грамматика» называют также раздел лингвистики, в котором изучается грамматический строй языка. «Синтаксисом» может называться и соответствующий раздел «грамматики» во втором значении.

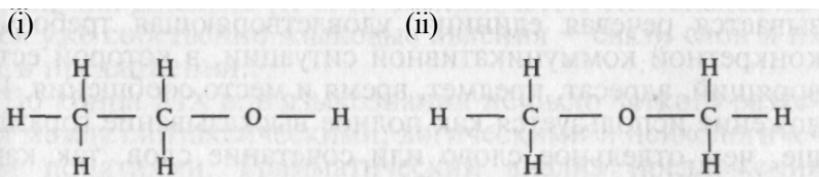
Фонемы, аффиксы и наиболее употребительные слова образуют в языке конечные множества. Синтаксис, однако, имеет дело с потенциально неограниченным множеством предложений. Люди, как правило, не употребляют в своей речи новых фонем, морфем и слов, пользуясь уже имеющимися в языке. Однако носитель языка производит и воспринимает за свою жизнь огромное множество предложений, которые ни разу до того не были произнесены или написаны. Таким образом, в синтаксисе проявляется творческий аспект языка. Предложения устроены менее единообразно, чем слова (но, конечно, несравненно более единообразно, чем, например, тексты).

Синтаксис и морфология (наука о строении слова) — разделы грамматики, имеющие каждый свой отдельный предмет. Различия предложения и слова очень важны, хотя в некоторых языках не всегда легко отделить одно от другого. Слово не может быть предложением, хотя в частном случае полное предложение может включать в себя одно-единственное слово.

Во-первых, предложение имеет более сложную иерархическую структуру, чем слово. Иерархическая структура морфологического слова (= словоформы) в большинстве языков проста. Например, в русском языке словоформа обычно состоит из двух частей — основы и окончания, и значения ее морфологических категорий, по-видимому, не упорядочены: можно сказать, что *рек-ой* слово женского рода, единственного числа, в творительном падеже, а можно перечислить эти три значения в любом другом порядке. Однако в предложении и в словосочетании иерархия играет важную роль: словосочетания *врача вашего сына, сына вашего врача и вашего сына-врача* состоят из одних и тех же слов с одинаковыми лексическими значениями, и значения этих слов по-разному упорядочены в соответствии с местами, которые занимают слова в синтаксической структуре. Отыскать пример столь же явных иерархических отношений внутри слова несравненно труднее, ср. *русско-французский и французско-русский словарь* (пример Н. В. Перцова).

В этом отношении различие морфологии и синтаксиса напоминает различие неорганических и органических веществ в химии. В неорганической химии обычно бывает достаточно указать, сколько атомов какого элемента входит в состав молекулы, чтобы однозначно определить вещество. Неорганическая молекула — иерархически организованный объект, но эта иерархия проста и обычно легко устанавливается по самому составу элементов.

Органическая химия изучает соединения углерода, атомы которого способны образовывать молекулы сложной иерархической структуры, и одной лишь информации о количестве и качестве атомов, как правило, недостаточно для того, чтобы представить структуру органического вещества и определить его свойства. Наблюдается явление изомерии, когда одинаковый состав элементов образует разные по иерархическому строению и по свойствам молекулы, ср. молекулу этилового спирта (i) и диметилового эфира (ii), которые без учета структуры могут быть оба обозначены как C_2H_6OH

Другим важнейшим отличием предложения от слова является его способность к неограниченному усложнению. Какое бы предложение мы ни взяли, в него всегда можно добавить еще какое-то количество слов, какой-то дополнительный «материал», и новое предложение, как и прежнее, будет грамматически правильным. Сказанное, конечно, не означает, что в действительности могут быть произнесены или восприняты предложения сколь угодно большой длины: речь идет лишь о потенциальной способности к дальнейшему усложнению, которая свойственна любому предложению в любом естественном языке, какой бы структуры и какой бы длины оно ни было.

Слова обычно не обладают таким свойством. Они тоже способны усложняться, но, «поглотив» некоторое число морфем, на каком-то шаге становятся неспособными к дальнейшему «расширению»: зл- > зл-ость > зл-ост-н-ый > зл-ост-н-ость ~> ??зл-ост-н-ост-н-ый —> *зл-ост-н-ост-н-ост- и т. д. (пример А.А. Реформатского [1965: 83], знак * означает неправильность примера, см. ниже).

Введение

Можно заметить, что, например, в немецком словообразовании допустимо в принципе не ограниченное сложение основ: *Latte* 'перекладина, рейка' + *Zaun* 'изгородь' → *Lattenzaun* 'изгородь из штакетника'; + *Gitter* 'решетка' → *Lattenzaungitter* 'решетка изгороди из штакетника'; + *Zwischenraum* 'промежуток' → *Lattenzaungitterzwischenraum* 'промежуток в решетке изгороди из штакетника'; + *Breite* 'ширина' → *Lattenzaungitterzyvischenraumbreite* 'ширина промежутка в решетке изгороди из штакетника'... и т. д. В русском языке (как, по-видимому, и в большинстве других), такие явления очень редки {англо-русско-голландско-... и т. д. -китайский словарь; *прапра-*... и т. д. -*прадедушка*). Иногда бывает допустимо более одного раза присоединить к основе один и тот же аффикс. Например, суффикс -(e)к- (и его позиционный вариант -(e)ч-) можно последовательно присоединить дважды: *рука* — *руч-к-а* — *руч-еч-к-а*, но третий раз он уже не «идет»: **руч-еч-еч-к-а*.

Еще одно отличие предложения от слова состоит в том, что оно связано с **высказыванием**. Высказыванием называется речевая единица, удовлетворяющая требованиям конкретной коммуникативной ситуации, в которой есть говорящий, адресат, предмет, время и место сообщения. Предложение используется как полное высказывание гораздо чаще, чем отдельное слово или сочетание слов, так как его структура определенным образом согласована с параметрами высказывания. В частности, предложение обладает внутренней связностью и полнотой, и это его свойство имеют в виду, когда говорят, что «предложение выражает законченную мысль». Связность и полноту обеспечивают не только слова, но и грамматические признаки. Например, сочетание слов *рыжий кот* только в редких случаях может быть использовано как целое высказывание, а сочетание из тех же двух слов, но с другими грамматическими признаками *Кот рыжий*, наоборот, естественно выступает в роли высказывания.

Синтаксис как наука о строении словосочетания и предложения имеет две основные задачи: описательную и объяснительную (теоретическую). Синтаксическое описание — это множество правил, которые характеризуют синтаксический компонент знания языка. При составлении этих правил используется грамматический метаязык — термины и символы с определенным значением и правила их употребления.

Задача объяснения при исследовании синтаксиса, как и вообще в науке, заключается в том, чтобы понять, почему наблюдаемые факты именно таковы, какие они есть. Это означает, в частности, ответ на вопрос, почему синтак-

сические структуры в различных языках, в том числе не связанных ни родством, ни географической близостью, обнаруживают многочисленные (и нередко поразительные) сходства. Описание имеет дело с каким-то одним языком, объяснение (теория) — с Языком вообще.

Из истории синтаксических исследований

традиция научного изучения синтаксиса восходит к первым опытам классификации и анализа суждений, предпринятым древнегреческими философами. Слово «синтаксис» (др.-Греч. σύνταξις 'построение вместе', 'военный строй') начали употреблять, по-видимому, стоики (III в. до н. э.) для обозначения логической структуры высказываний. У Аполлония Дискола (II в. н. э.) предметом синтаксиса являются уже собственно языковые явления — связи слов и их форм в предложении.

До конца XIX в. в языкоznании не было четкого разделения между синтаксическими, логическими и психологическими понятиями. Грамматический анализ предложения проводился в терминах априорных логических категорий — например, не разграничивались логическое «подлежащее» (субъект) и грамматическое подлежащее. Фонетика и морфология рассматривались как изучение языковых форм, а синтаксис — как изучение способов выражения в языке логических единиц и отношений (в современной лингвистике эта проблема относят к ведению семантики). В рамках логического подхода к языку в XVII в. французские ученые А. Арно и К. Лансло, авторы «Грамматики Пор-Рояля» [1990 (1660)], предприняли первую попытку создать объяснительную синтаксическую теорию: языковые факты таковы, какими мы их наблюдаем, потому что они отражают определенные принципы мышления. Во второй половине XIX в. под влиянием философии языка В. фон Гумбольдта возник и получил распространение психологический подход к грамматике, в первую очередь к синтаксису (Х. Штейнталь, Г. Пауль, А.А. Потебня), в котором место логических категорий заняли психологические (такие, например, как «представление»).

Многовековая практика грамматических описаний и развитие национальных лингвистических традиций способ-

ствовали постепенному освобождению грамматики от логического схематизма. Уже средневековые арабские лингвисты (Сибавейхи в VIII в., Саррадж в X в. и другие) смогли сформировать некоторые фундаментальные синтаксические понятия, такие, как зависимость, управление, синтаксическая позиция, не обращаясь к логическим категориям. В конце XIX в. сходные тенденции в европейском языкоznании привели к возникновению формального направления: лингвисты начинают анализировать предложение в терминах собственно лингвистических, а не заимствованных из других наук. Однако, поскольку аппарат собственно синтаксических понятий был еще мало разработан, анализ приходилось основывать на морфологических категориях. Поэтому формальный подход к синтаксису точнее было бы назвать формально-морфологическим. В российской науке к этому направлению, восходящему к Ф.Ф. Фортунатову, можно с некоторыми оговорками отнести знаменитые труды А.А. Шахматова [2001 (1925-1927)] и А.М. Пешковского [1956 (в окончательной редакции в 1928, первый вариант в 1914)]. Многие идеи, впервые четко сформулированные в рамках формального подхода, занимают важное место в некоторых современных теориях (предложение как разновидность словосочетания; неизменность типа конструкции при ее распространении; связь части речи с типом конструкции и др.).

В XX в. некоторые лингвисты попытались преодолеть односторонность формального подхода, используя введенное Ф. де Соссюром разделение языка — абстрактной системы, лежащей в основе речевого поведения, и речи — актуализации, практического осуществления этой системы в процессе ее использования людьми. В духе Ш. Балли [1955 (1950)], который разграничивал в синтаксисе проявления языка и проявления речи, В.В. Виноградов [1975аб (1954)] противопоставил «строительный материал» для предложений (слова и словосочетания) и сами предложения, т. е. единицы коммуникативного уровня, обладающие признаками предикативности и модальности. Эта проблематика сохраняет актуальность до нашего времени: проблеме разграничения номинативного («языкового») и коммуникативного («речевого») аспектов предложения посвящены, в частности, работы А. Гардинера [1960; Gardiner 1951], Н.Д. Арутюновой [1972], В.А. Звегинцева [1976 (2001)] и других авторов. В синтаксической концепции Н.Ю. Шведовой противопостав-

ление предложения и словосочетания выразилось в виде различия абстрактных структурных схем, которые характеризуют предложения, и присловных связей, определяющих структуру словосочетания [Шведова (ред.) 1980].

В качестве альтернативы формальному подходу были предложены синтаксические концепции, ориентированные на семантику. У О. Есперсена мы находим первый проект грамматического описания «от значения к форме»; именно такой подход к грамматике «изнутри, или с точки зрения значения» [1958 (1924): 46], он предложил называть «синтаксисом». Намного опередила свое время гипотеза Есперсена о «понятийных категориях» — универсальных значениях, которые по-разному выражаются грамматическими средствами различных языков и представляют, таким образом, основу для их сравнения; позднее эта идея получила развитие в работах И.И. Мещанинова [1978 (1945)] и некоторых других советских лингвистов. Есперсен ввел также полезное разграничение двух типов грамматической связи — юнкции и нексуса. В современных терминах юнкцию можно определить как тот случай, когда семантически главенствующее слово является синтаксически подчиненным (*{выдвинутая гипотеза}*), а нексус — когда направления синтаксического и семантического подчинения между словами совпадают (*{выдвинул гипотезу}*).

Успехи в развитии логики и семантики в течение последних десятилетий отразились и в грамматических исследованиях, благодаря чему мы располагаем множеством первоклассных исследований семантики предложения; введение в эту проблематику можно найти в учебнике И.М. Кобозевой [2000].

Представители структурализма пытались перенести в грамматику понятия и исследовательские процедуры, которые до этого зарекомендовали себя в фонологии, и этот путь в определенной мере оказался плодотворным. Важный прогресс в изучении синтаксиса был достигнут в рамках пражского функционализма и американской дескриптивной лингвистики. Лидер пражской школы В. Матезиус, развивая идеи А. Вейля, Г. Пауля и некоторых других лингвистов XIX в., показал, что в синтаксисе отражаются два разных вида деятельности говорящего, соответствующие двум видам членения предложения — грамматическому (например, раз-Деление на подлежащее и сказуемое) и актуальному — на те-

му, т. е. исходный пункт сообщения, и рему, т. е. сообщаемое [Матезиус 1967 (1947)аб]. Американские дескриптивисты значительно усовершенствовали и уточнили методы синтаксического анализа, отточили некоторые важные исследовательские инструменты, лежащие в основе традиционных грамматических классификаций, такие, как дистрибутивный анализ. Автор концепции «структурного синтаксиса» Л. Теньер [1988 (1959)] разработал универсальную модель предложения, опирающуюся на некоторые принципиально важные постулаты: всеобщность и односторонность синтаксической связи; наличие в предложении одного грамматического центра (глагола), сочетаемость которого определяет структуру предложения; неединственность способа отображения структурной иерархии в линейную последовательность синтаксических единиц; различие участников ситуации (актантов) и ее «обстоятельств» (сирконстантов).

Революционные события в изучении синтаксиса произошли после выхода работы Н. Хомского «Синтаксические структуры» [1962 (Chomsky 1957)]. С именем Хомского связана не только определенная лингвистическая теория — порождающая {— генеративная) грамматика, но и целый переворот во взглядах на изучение языка — переход от преимущественно описательной методологии к методологии объяснительной, т. е. ориентированной на теорию. Этот переворот (нередко называемый «хомскианской революцией») в решающей степени определил не только развитие самой порождающей грамматики, но и характер всех противостоящих ей теоретических направлений.

Хомский показал, что использование формально строгих понятий и математических моделей при исследовании грамматики не только повышает качество, полноту и эмпирическую проверяемость описаний, чем готовы были удовольствоваться многие структуралисты. Формальное моделирование дает неизмеримо более важный результат — оно выявляет те фундаментальные принципы строения языка, которые часто остаются незамеченными в интуитивном описании.

Кроме того, возникновение порождающей грамматики имело следствием беспрецедентные успехи в расширении исследуемого материала. Прогресс в изучении структуры предложения после 1957 г., даже если оставить в стороне теоретическую проблематику и брать в расчет только открытие новых фактов и их описание, может быть сравнен с раз-

витием географии в XV—XVI вв. Если под «морфологией» мы сегодня имеем в виду в общем ту же самую область явлений, которую называли «морфологией» в XIX в., то само содержание понятия «синтаксис» за последние 40 лет расширилось во много раз, так как было обнаружено множество важнейших фактов, о которых не знали традиционная и структуралистская грамматики.

Факты, с которыми имел дело до-генеративный синтаксис, в основном касались синтагматического аспекта предложения, т. е. способности либо неспособности разных грамматических единиц сочетаться друг с другом. Новые факты, которые открылись взору исследователей начиная с 1960-х годов, прежде всего относятся к парадигматическому аспекту, т. е. к регулярным связям между частично сходными предложениями, которые мало исследовались в предшествующий период. Если даже полностью отвергать генеративную теорию, невозможно игнорировать впервые обнаруженные в рамках этого направления многочисленные языковые факты — правила и ограничения. Приведем несколько характерных примеров:

1) До возникновения порождающей грамматики лингвисты не обращали внимания на связь Референциальных свойств местоимений с синтаксической структурой; так, в предложении *Иван видел его* подлежащее не может обозначать то же лицо, что и дополнение, а в предложении *Иван знает, что я видел его* слова *Иван* и *его*, оказавшиеся соответственно в главном и придаточном предложениях, могут обозначать одного и того же человека. Если же поменять их местами — *Он знает, что я видел Ивана*, совпадение вновь становится невозможным.

2) Тот факт, что русский язык допускает предложения *Некому сегодня принимать посетителей*; *Некогда мне принимать посетителей*; *Некого мне сегодня принимать* и даже *Некому и некогда принимать посетителей*, но не **Некому некогда принимать посетителей* и не **Некому некого принимать* (ср. допустимость *никому никого не принимать*), легко обнаруживается именно в рамках генеративного подхода.

3) Тот факт, что в предложении *Им не удалось открыть дверь, и они ушли* слово *они* невозможно опустить, а в предложении *Они не смогли открыть дверь и (они) ушли* — наоборот, его следует опустить, также был открыт благодаря целенаправленному поиску правил сокращения совпадающих частей сочиняемых предложений, который был начат в порождающей грамматике.

4) Правила построения относительных придаточных, т. е. предложений, определяющих существительные, типа *мальчик, которого я видел*, были сформулированы очень давно, но генеративисты первыми обратили внимание на границы применения этих правил, ср. *Я видел этого мальчика с Леной* → *этот мальчик, которого я видел с Леной*, но *Я видел этого мальчика и Лену* → **этот мальчик, которого я видел и Лену*.

5) Проблема правильности таких предложений, как *Министр пригласил журналистку взять у него интервью* или *Министр пригласил журналистку, чтобы дать ей интервью* и неправильности других, очень похожих предложений типа **Министр пригласил журналистку, чтобы взять у него интервью* или **Министр пригласил журналистку дать ей интервью* также была впервые обнаружена в порождающей грамматике.

Число примеров типа 1)–5) можно легко увеличить во много раз.

Начиная с 1970-х годов в научный обиход попадают сотни выполненных на высоком уровне описаний синтаксиса языков разной структуры, генетической принадлежности и места распространения, причем количество и качество синтаксических описаний «экзотических» языков продолжает быстро расти. Важная особенность нового поколения описаний заключается в том, что они адресованы не только специалистам по данному языку или данной языковой семье, но и более широкому кругу языковедов. В этой питательной среде стремительно развивается и приобретает широкую популярность *с и н т а к с и ч е с к а я т и п о л о г и я* — научное направление, изучающее сходства и различия структуры предложения в языках мира. Не случайно за последние 20 лет большинство новых идей и концепций в области синтаксиса вдвинуто именно в рамках типологии, а наиболее популярная грамматическая теория — порождающая грамматика, начиная приблизительно с 1980-х годов, также реализует своеобразную теоретическую программу — исследование так называемого параметрического варьирования между языками.

Мир современных синтаксических теорий совершенно необозрим, и во второй части книги читатель сможет познакомиться только с немногими из них. Более подробную информацию и библиографию можно почерпнуть из синтаксических энциклопедий [Jacobs et al. (eds.) 1993; Brown, Miller (eds.) 1996; Baltin, Collins (eds.) 2001].

Предназначение и структура учебника

Отсутствие учебной литературы по общему синтаксису на русском языке, которая бы соответствовала современному уровню развития грамматической науки, давно стало бедствием, очевидным для специалистов. Имеющиеся публикации могут дать общее представление о технике синтаксиче-

ского анализа и в небольшой степени — о синтаксических теориях. Однако в распоряжении вузовских преподавателей и студентов нет ничего похожего на сколько-нибудь систематическое изложение предмета.

На русском языке опубликовано четыре введения в проблематику общего синтаксиса, отражающих уровень 1960-х годов — книги И.А. Сизовой [1966], Э.Р. Атаяна [1968], В.А. Кочергиной [1974] и раздел «Синтаксис» коллектической монографии «Общее языкознание», написанный Н.Д. Арутюновой [1972]. За последние 30 лет учебная литература по курсам введения в языкознание, грамматике русского и других славянских, а также германских, романских, «восточных» языков или языков народов России рассматривает синтаксические проблемы, как правило, без учета тех огромных по своему значению результатов, которые за этот период достигнуты в области грамматики мировой лингвистикой. На таком фоне, однако, выделяются небольшие книги В.Б. Касевича [Касевич 1977; 1988] и учебник В.Г. Гака по французскому синтаксису [1986] (и соответствующий раздел его фундаментальной «Теоретической грамматики французского языка» [2000]). Из учебной литературы по русскому синтаксису отметим книги В.А. Белошапковой [1977], Т.Викт. Шмелевой [1988] и М.В. Всеволодовой [2000]. Классический учебник Л. Блумфилда [1968 (1933)] при всех своих высоких достоинствах отражает грамматическую концепцию американского дескриптивизма — научного направления, сошедшего со сцены задолго до того, как книга была опубликована в русском переводе. Учебник Дж. Лайонза [Лайонз 1978 (1972)], впервые вышедший в оригинале в 1968 г., также успел, хотя и в меньшей степени, устареть к моменту русского издания.

Для сравнения сделаем краткий обзор учебной литературы по теоретическому синтаксису, изданной на Западе. Это прежде всего многочисленные введения в порождающую грамматику Н. Хомского. Из книг, изданных в 1980—1990-е годы, отметим учебники Л. Хегеман [Haegeman 1991; и второе, расширенное, издание 1994], И. Робертса [Roberts 1997], Р. Фрейдина [Freidin 1992], Э. Рэдфорда [Radford 1997a — введение в «минималистскую теорию» и его более краткий вариант Radford 1997b]; (этому же автору принадлежит объемистый курс «теории принципов и параметров» [1988] и его ранняя версия [1981]), Х. ван Римсдейка и

Э. Уильямса [Riemsdijk van, Williams 1986], Г. Ласника и Х. Уриагереки [Lasnik, Uriagereka 1988], Х. Уриагереки [Uriagereka 1998], Э. Каупер [Cowper 1992], Д. Джо Наполи [Napoli 1993], Дж. Оухаллы [Ouhalla 1994 и второе, дополненное и переработанное издание Ouhalla 1999]; П. Куликовера [Culicover 1997], В. Кука [Cook 1988] и второе издание в соавторстве с М. Ньюсоном [Cook, Newson 1996], М.А. Джоунза (на материале французского языка) [Jones 1996], Г. Фанзелова и С. Феликса, а также А. фон Штхехова и В. Штернфельда (на немецком и на материале английского и немецкого) [Fanselow, Felix 1987; Stechow von, Stemefeld 1988]; курсы порождающей грамматики немецкого языка Г. Гревендорфа [Grewendorf 1991] и Х. Хайдера [Haider 1993]. Из учебников, отражающих более ранние версии порождающей грамматики, свое значение во многом сохраняет знаменитый курс А. Акмаджяна и Ф. Хени [Akmaijan, Непу 1975]. Введение в современную порождающую грамматику более общего характера принадлежит С. Крейну и Д. Лилло-Мартин [Crain, Lillo-Martin 1999]. Лекции по порождающей грамматике, лексико-функциональной грамматике и обобщенной грамматике составляющих изданы П. Селлзом [Sells 1985]. Р. Борсли принадлежит введение в порождающую грамматику и вершинную грамматику составляющих с параллельным изложением обеих теорий [Borsley 1999]; введение в вершинную грамматику составляющих опубликовали И. Саг и Т. Басов [Sag, Wasow 1999]. Учебник лексико-функциональной грамматики опубликован ее автором — Дж. Бреснан [Bresnan 2001]. Имеется также курс немецкой грамматики в рамках синтаксиса зависимостей [Heringer 1996] и введение в категориальную грамматику М. Вуд [Wood 1993].

Лингвисты функционального направления также издали несколько учебных курсов: синтаксис Т. Гивона [Givon 1984-1990], М. Хэллидэя [Halliday 1985; второе издание 1994] и четыре введения в лингвистическую типологию с преимущественным вниманием к синтаксису, в большей или меньшей степени ориентированные на функционализм, — Б. Комри [Comrie 1981 и второе издание 1989], Г. Мэллинсона и Б. Блейка [Mallinson, Blake 1981], У. Крофта [Croft 1990a] и Л. Уэйли [Whaley 1997]. В учебнике М. Таллерман [Tallerman 1998] соединены теоретический и типологический подходы. Учебник К. Брауна и Дж. Милле-

ра [Brown, Miller 1991] написан в подчеркнуто эмпирическом ключе, авторы стараются не связывать себя принадлежностью к определенной теории; ими же издана, впрочем, уже упомянутая энциклопедия синтаксических теорий, в которой читателю предлагается широкий выбор [Brown, Miller (eds.) 1996]. Объемистый курс синтаксиса Р. Ван Валина и Р.Лаполлы [Van Valin, LaPolla 1997] содержит изложение теории референциально-ролевой грамматики.

Все перечисленные книги в России либо отсутствуют, либо находятся в одном или, в лучшем случае, в нескольких экземплярах, попавших в некоторые (государственные или личные) библиотеки Москвы и реже — Санкт-Петербурга. Преподавателям и студентам провинциальных вузов эта литература, по-видимому, полностью недоступна (так же, как, впрочем, и почти вся зарубежная лингвистическая литература).

Техника синтаксического анализа, т. е. умение устанавливать иерархическую структуру предложения, виды грамматических отношений в синтаксисе и выделять значения, передаваемые синтаксическими конструкциями, на русском языке кратко представлена в книге Ю.Д. Апресяна [1966 — почти не устаревшее до сих пор введение в описательную формальную лингвистику], и более подробно — у И.Б. Долининой [1977].

Гораздо хуже обстоит дело с введениями в синтаксическую теорию. На русском языке нет ни одного систематического учебного введения в современный теоретический синтаксис (хотя некоторые научные монографии могут быть использованы в процессе преподавания, см. ниже). Наконец, на русском языке не опубликовано ни одного курса синтаксической типологии.

Российская научная литература по синтаксису за последние 30 лет более представительна, но, как правило, трудна для студентов. Кроме того, студентам нелегко даже с помощью преподавателя отделить в исследовательских публикациях слишком специальный или устаревший материал от необходимого и актуального. Можно упомянуть (в алфавитном порядке) некоторые книги общего характера и ценные монографические описания синтаксиса отдельных языков: Б.А. Абрамова [1972, немецкий], В.Г. Адмони [1973, немецкий], Т.Б. Алисовой [1971, итальянский], Н.Д. Арутюновой [1976], В.В. Богданова [1977], И.Ф. Вардуля [1977], Н.Б. Вах-

тина [1995, эскимосский], Б.М. Гаспарова [19716, русский], И.Б. Долининой [1989, английский], А.К. Жолковского [1971, сомали], В.А. Звегинцева [1976 (2001)], Г.А. Золотовой [1973; 1982 (2001); 1988 (2001); также: Золотова и др. 1998, русский], С.Д. Кацнельсона [1972], А.Е. Кибрика [19776, арчинский; 1992], А.Е. Кибрика и его соавторов [Кибрик (ред.) 19826, табасаранский; Кибрик (ред.) 1999, цахурский], С.Н. Кузнецова [1984, датский], Т.П. Ломтева [1972], О.И. Москальской [1974, немецкий], А.М. Мухина [1968; 1980; 1995; 1999, английский], Т.М. Николаевой [1982; 2000], Д.Б. Никуличевой [2000, континентальные скандинавские], Е.В. Падучевой [1974], В.И. Подлесской [1990; 1993, японский], И.П. Распопова [1973], Ю.С. Степанова [1981], И.П. Сусова [1980], переводные издания книг Ш. Балли [1955 (1950)], О.Есперсена [1958 (1924)], Л. Теньера [1988 (1959)], Н. Хомского [1972 (1965)], У. Чейфа [1975 (1971)]; коллективные труды по русскому языку под редакцией В.А. Белошапковой [1989] и Н.Ю. Шведовой [1980], а также коллективные монографии петербургской [Холодович (ред.) 1969; 1974; Храковский (ред.) 1985; 1998] и новосибирской [Черемисина (ред.) 1985; 1986; 1989; 1990 и др.] типологических школ, посвященные синтаксической проблематике. Во многом сохраняет актуальность классический труд А.М. Пешковского [1956 (1928)]. Однако ни одна из перечисленных выше книг (а список их, конечно, не полон), по различным причинам не может быть безоговорочно рекомендована в качестве учебного пособия по общему синтаксису.

Заслуживают упоминания также статьи «Лингвистического энциклопедического словаря» [Ярцева (ред.) 1990], второго издания энциклопедии «Русский язык» [Караулов (ред.) 1997] и некоторые тома серии «Новое в (зарубежной) лингвистике», в особенности вып. XI, посвященный американским исследованиям синтаксиса [Клбрик (ред.) 1982а]. Полезную информацию можно почерпнуть также из англо-русского словаря лингвистических терминов [Баранов и др. 1996]. Лингвистические реферативные журналы и сборники Института научной информации по общественным наукам (НИИОН) дают возможность понять тематику текущей литературы в области грамматики и до некоторой степени — содержащиеся в ней идеи.

Особо следует отметить почти полное (до недавнего времени) отсутствие на русском языке сведений о развитии

порождающей грамматики Н. Хомского после 1970 г. (при том, что все основные работы ее автора 1950—1960-х годов были изданы в русском переводе). Единственным исключением остается словарь В.З. Демьянкова [1979], в котором отражены исследования 1970-х годов.

Однако и оппонирующие Хомскому синтаксические теории — грамматика вершинной структуры составляющих К. Полларда и И. Сага [Pollard, Sag 1994], лексико-функциональная грамматика Дж. Бреснан и Р. Каплана [Bresnan, Kaplan 1995], системная функциональная грамматика М. Хэллидэя [Halliday 1985, 1994], функциональная грамматика С. Дика [Dik 1978; 1989; 1991; 1997], грамматика конструкций Ч. Филлмора [Fillmore 1988; Goldberg 1995], естественный синтаксис Дж. Хэймана [1985], функционально-типологический синтаксис Т. Гивона [Givon 1979; 1984-1990; 1995], референциально-ролевая грамматика Р. Ван Валина [Van Valin 1993] и другие также совершенно недостаточно или вообще никак не отражены в российской лингвистической литературе. Даже основные публикации по синтаксису в рамках созданной в России модели «СмыслФ^ГТекст» вышли за рубежом на английском языке [МеГСик 1988; МеГСик, Pertsov 1987]. Информационную лакуну лишь в небольшой степени заполняет сборник обзоров «Фундаментальные направления современной американской лингвистики», выпущенный в МГУ [Кибрик и др. (ред.) 1997].

Автор постарался по мере сил восполнить существующий пробел, создав такой учебный текст, который отражал бы отечественные традиции в изучении грамматики и одновременно открывал для читателя мир зарубежных синтаксических теорий. Цель автора будет достигнута, если читатель научится видеть ценные результаты в работах ученых разных направлений, избегая при этом и «партийной» предвзятости, и самодовольного провинциализма.

Учебник предназначается в первую очередь для студентов и аспирантов, специализирующихся по лингвистике. Круг охватываемых проблем достаточно широк, чтобы заинтересовать и профессиональных лингвистов различных специальностей, так или иначе соприкасающихся в своей деятельности с проблемами грамматики.

Предметом изложения является общий синтаксис, т. е. тот круг понятий, идей, методов и теорий, который более или менее применим к материалу любого известного

языка. Учебник не является типологической энциклопедией типа [Shopen (ed.) 1985], в которой отражены основные синтаксические явления, встречающиеся в языках мира. Используется в основном материал русского и английского языков; в меньшей степени — других германских, романских, славянских, кавказских и иных, подчас «экзотических», языков.

Цель учебника — дать представление об основных методах и теоретических проблемах современного общего синтаксиса и о главных результатах, полученных за последние десятилетия в области методов лингвистического анализа, в теории и типологии применительно к предложению и его структуре.

Учебник состоит из двух частей — «Синтаксическое описание» и «Синтаксические теории». В первой части содержатся сведения о том, как анализировать синтаксический материал, какие явления в нем наиболее типичны и какие механизмы грамматического описания находятся в распоряжении современного лингвиста. Отдельные главы посвящены двум наиболее популярным способам представления синтаксической структуры — зависимостям и составляющим. В других главах рассматриваются проблемы валентностей, структуры элементарного и сложного предложения, синтаксических нулей, подлежащего, способов выражения синтаксических отношений (в том числе согласования, управления, примыкания), диатез и залогов и коммуникативных категорий. Перечисленные темы, хотя и не охватывают всей проблематики синтаксического описания, относятся к числу важнейших.

Главы первой части включают упражнения и задачи для практической работы, которые могут быть использованы для самостоятельной работы и на семинарских занятиях. Упражнения (названные в тексте *заданиями*) иллюстрируют приведенный материал; кроме того, приводятся некоторые задачи московских традиционных лингвистических олимпиад (часть их принадлежат другим авторам и публикуются с их согласия). Особенностью олимпиадных задач является то, что для их решения, как правило, не требуется никаких специальных знаний, в том числе — знания того языка, на котором составлена задача.

Часть 2 вводит читателя в мир современных синтаксических теорий. Поскольку собственно теоретическая (объяс-

нительная) методология сравнительно мало популярна в российском языкоznании, эта часть начинается с главы X, в которой разъясняются современные представления о задачах грамматической теории и показана типичная стратегия теоретической исследовательской программы. Три главы посвящены порождающей грамматике Н. Хомского, отдельные главы — функциональной синтаксической типологии и синтаксису в модели «Смысл=>Текст». Глава о категориальной грамматике написана К.И. Казениным.

Каждая глава заканчивается перечнем рекомендуемой литературы с минимальными комментариями. Эти перечни ни в коем случае не претендуют на полноту — литература по теоретическому синтаксису, не говоря уже об описаниях отдельных языков, продолжает расти как снежный ком, и 1990-е годы характеризовались взрывным ростом числа публикаций, с беспрецедентным расширением круга вовлекаемых языков и сотнями новых имен исследователей «из всякого народа под небом». Автор сознает, что мог упустить из виду многие важные книги и статьи, посвященные рассматриваемым темам и будет благодарен за любые замечания и дополнения.

Просматривая уже написанные библиографические рекомендации, автор с горечью сознает, что значительная часть упомянутых книг и статей для российского читателя недоступна. В нашей стране нет ни одной библиотеки (в том числе в Москве и Санкт-Петербурге), укомплектованной лингвистической литературой на современном уровне (хотя бы так, как библиотека любого западноевропейского или американского университета, имеющего серьезную программу обучения по лингвистике). Даже в фонде лучшей лингвистической библиотеки страны — Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы отсутствуют многие публикации первостепенной важности. Вряд ли случайно, что в отечественные библиотеки почти не попадает продукции издательств, выпускающих литературу по порождающей грамматике, — Foris, Kluwer, Reidel и MIT Press. Начиная по крайней мере с 1940-х годов на закупку зарубежной лингвистической литературы российским библиотекам отпускаются в лучшем случае мизерные средства, которые к тому же расходуются не всегда оптимально. Автор отдает себе отчет в том, что для многих российских читателей, в особенности живущих в провинции и не имеющих возможно-

сти выезжать за рубеж, значительная часть библиографических рекомендаций будет выглядеть едва ли не насмешкой. Остается надеяться на расширение международных контактов, развитие Интернета и на постепенное улучшение ситуации.

Ввиду того, что многие проблемы, затрагиваемые в учебнике, не рассматривались в доступной российскому читателю литературе, автору в некоторых случаях не удалось избежать изложения подробностей, полемики, исторических экскурсов и т. п. Вследствие этого учебник приобрел некоторые элементы справочника и научной монографии. Детальное и пространное изложение некоторых фактов русской грамматики — свойств актантов в главе III, синтаксиса нулей в главе V и признаков грамматического приоритета в главе VI — было бы излишним для книги такого жанра, если бы читатель имел легкий доступ к соответствующей литературе или к любым другим публикациям, демонстрирующим преимущества современной аналитической техники на материале русского языка. Можно заметить, впрочем, что опубликованные к настоящему времени введение в семантику [Кобозева 2000] и морфологию [Плунгян 2000] показывают, что их авторы столкнулись с аналогичными проблемами и вынуждены были решать их сходным образом.

Необходимые предварительные знания

Для работы над учебником необходимо знать основы науки о языке — вводный курс «Введение в языкознание» в объеме, который содержится, например, в заслуженно авторитетных учебниках А.А. Реформатского [Реформатский 1967 и др. издания] и Ю.С. Маслова [Маслов 1975 и др. издания]; могут быть рекомендованы также книги [Касевич 1977; 1988; Степанов 1975а (2000); Степанов 1975б] и новые учебники [Шайкевич 1995] и [Мечковская 2001]. В качестве предварительного чтения на английском языке подходит учебник Дж. Херфорда [Hurford 1994].

Для чтения некоторых глав необходимо знание элементарных математических понятий из области теории множеств и формальной логики. Минимально необходимую информацию можно почерпнуть в книгах [Апресян 1966: 113—117] и [Касевич 1977: 172—178]; незаменимым введением в

математику для лингвистов уже несколько десятилетий служит книга ЮЛ. Шихановича [1965].

Знания иностранных языков, используемых в качестве иллюстративного материала, от читателя не требуется, но желательно владеть хотя бы основами английской грамматики (английские примеры даются с переводами, но, как правило, без грамматического разбора).

Особенности оформления

В книге в основном принят способ оформления языковых примеров, который является достаточно общепринятым в современной научной литературе. Примеры набраны курсивом и по большей части снабжены номерами в круглых скобках; к иноязычным примерам даются переводы. Некоторые примеры, кроме того, приводятся с пословным лексико-грамматическим разбором — г л о с с и р о в а н и е м . Стока глоссирования содержит русские переводы знаменательных (и иногда служебных) лексем и наименования грамматических значений. Для обозначения последних используются сокращения, набираемые заглавными буквами (см. список в конце книги) и разделяемые дефисами в том случае, когда они соответствуют отдельным морфемам, и точками, если их значения выражаются слитно. Значения приводятся в лапках («марровских» кавычках). Те части примеров, на которые надо обратить внимание, и соответствующие части переводов отмечаются подчеркиванием.

Пример глоссированного предложения с переводом — первая строка вступления к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (грузинский текст дан в латинской транскрипции):

(I)	<i>romel-man</i>	<i>sekmn-a</i>	<i>samqaro-0</i>
	который-ЭРГ	создать-ЗЕД.АОР	мир-НОМ
	<i>jal-itā</i>	<i>m-it</i>	<i>jlier-ita</i>
	сила-ИНСТР	тот-ИНСТР	могучий-ИНСТР
	'Тот,	создал	мир могущественной силой'.

Иногда для краткости вместо целой строки глоссирования в перевод вносятся грамматические пометы в скобках; части перевода, которые не соответствуют никаким словам

примера, заключаются в квадратные скобки, а элементы глоссирования, не отражаемые в переводе — в круглые: (II) *romel-man sekmn-a samgaro-0 jal-itj m-itj lier-itj* [Тот,] Кто (-ЭРГ) создал(-ЗЕД.АОР) мир(-НОМ) силой(-ИНСТР) (тот-ИНСТР) могучей(-ИНСТР)'.

Некоторые явления иллюстрируются разными вариантами одного и того же предложения или словосочетания, и такие варианты приводятся под одним и тем же номером, но помечаются разными буквами русского алфавита. Такая группа предложений называется синтаксической парадигмой!. Отсылка к предложению дается с указанием его номера в скобках, а также буквы, где это необходимо.

Негативный материал: грамматичность и приемлемость

В современных работах по грамматике, помимо предложений, извлеченных из текстов, обычно привлекаются экспериментальные данные — предложения, построенные исследователем и предъявленные для оценки носителю языка. Необходимость привлечения экспериментальных данных, в том числе негативных, т. е. оцениваемых носителями как неправильные, была осознана в лингвистике очень давно, однако по-настоящему широко они стали использоватьсь только в последние десятилетия.

«Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле ... следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата... Но особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его оганичений» [Щерба 1974 (1931): 32].

Если языковой пример не сопровождается никакой пометой, это значит, что он грамматически правилен, или, как еще говорят, г р а м м а т и ч е н ; помета * перед примером означает, что он грамматически неправилен; знак ? на той же позиции обозначает полуграмматичность (пример на грани

«Синтаксическая парадигма» — технический термин, относящийся к способу представления материала, и его следует отличать от разработанного Н.Ю. Шведовой [1967] понятия «парадигмы предложения», о котором см. в гл. IV.

Правильности и неправильности), знак ?? — пример скорее неправильный, чем правильный.

Пример может быть грамматически правилен или неправилен только относительно некоторой конкретной описательной грамматики. Сами по себе, в отрыве от грамматики, знаки грамматичности отражают лишь то, как носители языка оценивают приемлемость предложения. Цель грамматического исследования — добиться максимального совпадения множеств грамматически правильных и приемлемых предложений. Однако полное совпадение этих множеств — цель, недостижимая в принципе, так как приемлемость обусловлена не только грамматикой, но и другими факторами речевой деятельности (лексическими, семантическими, стилистическими причинами, ограниченными возможностями восприятия и порождения речи и т. п.). Отрицательная реакция неискушенного в лингвистике носителя языка на предъявленное предложение («так нельзя сказать») может быть обусловлена как грамматической неправильностью предложения, так и неграмматическими факторами. Одна из задач грамматического исследования заключается в том, чтобы выявить те факторы приемлемости, которые обусловлены именно грамматикой. Разграничение грамматических и неграмматических факторов приемлемости может быть проведено только в результате исследования. Представление о том, что суждения о грамматической неправильности (**Она пришел*) можно априорно отличить, например, от суждений о семантической аномальности (*Груша растет на сосне*), является иллюзорным, что убедительно показал Ю.Д. Апресян [1966: 158-160].

Два сочетания знака грамматичности со скобками помогут упростить некоторые иллюстративные парадигмы: (*X) обозначает, что данный пример грамматичен (соответственно приемлем) при отсутствии выражения X, но неграмматичен при его наличии; *(X) обозначает, наоборот, что пример неграмматичен при отсутствии X, но грамматичен при его наличии. Например, выражение *учредил {*в} награду в виде ордена* одновременно означает: 1) *учредил награду в виде ордена* — грамматически правильно и 2) *учредил в награду в виде ордена* — грамматически неправильно, а выражение *получил {*{в} награду орден* также сообщает сразу два факта: 1) *получил награду орден* — грамматически неправильно и 2) *получил в награду орден* — грамматически правильно.

Введение

Выражение Y ($/*X$) означает, что при подстановке X на место Y выражение, содержащее Y, становится неграмматичным, например выражение Я хочу, чтобы ты ушел ($/*\text{уйдешь}$) одновременно значит: 1) Я хочу, чтобы ты ушел — грамматически правильно и 2) Я хочу, чтобы ты уйдешь — грамматически неправильно.

НЕСКОЛЬКО МЕТАФОР

Структура предложений и словосочетаний отчасти похожа на некоторые предметы и явления окружающего нас мира, которые поэтому можно рассматривать в качестве их наглядной модели или подобия. Прежде чем приступить к основной части книги, читателю будет полезно поразмыслить над следующими сравнениями.

Связка ключей

Большинству из нас приходится постоянно пользоваться несколькими ключами. Чтобы ни один из них не потерялся, мы надеваем их на кольцо. При этом порядок нанизывания ключей обычно не имеет значения. Любой ключ в связке одинаково доступен для обладателя, и если бросить ее, например, на поверхность стола, их концы могут расположиться в любой последовательности.

Возьмем предложение (1) *Вчера Коля подарил мне часы*. Оно состоит из пяти слов, которые, подобно пяти ключам на одном кольце, соединены друг с другом. Во-первых, между ними есть смысловая связь. Она проявляется в том, что некто, обозначенный словом *Коля*, осуществил действие, обозначенное словом *подарил*, над предметом, обозначенным словом *часы*, в интересах говорящего, который называет себя словом *мне*; это действие произошло *вчера*, т. е. в день, непосредственно предшествующий тому дню, в который говорящий произносит (1). Во-вторых, между ними наблюдается и грамматическая связь — например, в согласовании сказуемого *подарил* с подлежащим *Коля* по роду и числу: в (1) невозможно изменить форму глагола на *подарил-и* или *подарил-а*. Однако, несмотря на то что пять слов здесь образуют единое целое — предложение (1), правила русской грамматики разрешают в принципе любой порядок их следования:

- (1') а. *Вчера мне Коля подарил часы.*
- б. *Вчера подарил мне Коля часы.*
- в. *Часы мне подарил Коля вчера.*
- г. *Коля вчера подарил мне часы.*
- д. *Подарил вчера мне часы Коля.*

... и т. д.

Несколько метафор

Мы видим, что порядок слов в (1) в некотором смысле «неважен», так как не влияет на грамматическую правильность предложения, так же, как изменение последовательности нанизывания ключей на брелок не мешает легко пользоваться любым из них.

Чтобы ключ можно было присоединить к другому предмету и через него — к другим ключам, в нем проделывается специальное отверстие. Как не бывает ключей, лишенных отверстия для шнурка или кольца, так не бывает и слов (кроме, может быть, некоторых междометий), неспособных соединяться синтаксически с другими словами. Например, слово *подарил* допускает или даже требует, чтобы его соединили с другими словами, дополняющими его значение. Два таких слова в (1) — *мне* и *часы* так и называются дополнениями. Дополнение в винительном падеже без предлога при переходном глаголе будем называть *прямым*, а в дательном падеже без предлога — *косвенным* (надо помнить, что такое употребление последнего термина нетрадиционно: обычно «косвенным» называют всякое дополнение, не являющееся прямым [Габучан 1997; Лекант и др. 1999: 348]).

Однако стоит лишь немного усложнить предложение (1), как наше сравнение «захромает». Легко убедиться в том, что, например, предложения (1") *На день рождения Коля подарил мне часы* или (1'') *Вчера Коля подарил мне часы фирмы «Сэйко»* не допускают произвольного порядка слов и, следовательно, простая связка ключей их структуру отобразить не может. Эта метафора не отражает иерархии синтаксических единиц — отношения частей внутри целого.

Армия

Одно из значений слова *σύνταξις* 'синтаксис' в греческом языке — 'военный строй'. И в самом деле, уже в древности, несмотря на все несовершенство тогдашних инструментов грамматического анализа, это сравнение должно было напрашиваться само собой.

Армия, если рассматривать ее как множество людей, находящихся в разнообразных отношениях друг к другу, — типичный пример сложной иерархической структуры. Во-первых, армия представляет собой иерархию включений.

Мелкие структурные единицы (подразделения) входят в состав более крупных (частей), а те, в свою очередь, объединены в самые крупные (соединения). Взводы входят в состав рот, роты — в состав батальонов, те — в состав полков, далее дивизий, корпусов и т. д. Номенклатура и количество уровней деления различаются в разных армиях и в разные исторические эпохи, однако общий принцип неизменен.

То, что одни синтаксические единицы могут входить в состав других, — совершенно очевидный факт, для иллюстрации которого годится почти каждое предложение. Рассмотрим, например, предложение (2) *И тогда он наградил меня, дабы этим благочестивым делом заранее облегчить себе переход в рай по загробному мосту, что легче волоса и тоньше острия меча, как говорит священный Коран* (Л. Соловьев, «Возмутитель спокойствия»).

В предложение (2) входит единица меньшей длины, чем оно само, — инфинитивный оборот с союзом *дабы*, выражающий значение цели: (2') а. *дабы этим благочестивым делом заранее облегчить себе переход в рай по...* и т. д. до конца предложения. Инфинитивный оборот включает в себя существительное *переход* с зависимыми словами (пока нам приходится употреблять термин «зависимое слово» интуитивно), — (2') б. *переход в рай по загробному мосту, что легче волоса и тоньше острия меча, как говорит священный Коран*. Как мы увидим в главе II, существительное с зависимыми словами образует синтаксическую единицу — словосочетание, называемое именной группой (ИГ), которое характеризуется, например, тем, что может целиком заменяться на местоимение {...*заранее облегчить себе это*}.

В состав (2'б) входит другая, более мелкая, ИГ в. *загробному мосту, что легче волоса и тоньше острия меча, как говорит священный Коран*.

(2'в) включает в себя придаточное предложение — г. *что легче волоса и тоньше острия меча, как говорит священный Коран*, а (2'г) — еще одно, меньшее придаточное — Д. *как говорит священный Коран*.

Итак, перед нами возникает иерархия последовательного включения, которую можно изобразить в виде следующей схемы:

(2)	<i>И тогда</i>	<i>дабы этим</i>	<i>переход</i>	<i>по загробному мосту,</i>	<i>что</i>	<i>как говорит</i>
(2'a)				<i>по загробному мосту,</i>	<i>что</i>	<i>как говорит</i>
(2'б)					<i>что</i>	<i>как говорит</i>
(2'в)					<i>что</i>	<i>как говорит</i>
(2'г)					<i>что</i>	<i>как говорит .</i>
(2'д)						<i>как говорит .</i>

Несколько метафор

С иерархией включения тесно связана иерархия подчинения. В армии подчинение определяется должностью, причем действует принцип единоначалия — у каждой структурной единицы ровно один командир, и военнослужащий подчиняется командирам всех единиц, в составе которых он служит.

Принцип единоначалия можно сформулировать и не используя иерархии включения: у каждого военнослужащего есть только один непосредственный начальник (непосредственным начальником военнослужащего X называется такой его начальник Y, что нет ни одного военнослужащего, который был бы начальником X-а, но подчиненным Y-а). Отношение подчинения антисимметрично (никакие два военнослужащих не могут подчиняться друг другу) и не может образовать «контура», т. е. не бывает трех военнослужащих X, Y и Z таких, что X — командир Y-а, Y — командир Z-а, а Z — командир X-а. При последовательном включении, если у каждой единицы только один командир, а командовать можно только какой-то единицей, «контура» и не может быть.

В примере (2) каждый из выделенных отрезков содержит одно и только одно главное слово, или вершину. Вершиной называется такое слово, которое определяет свойства всей синтаксической единицы, в состав которой оно входит. О вершинах подробно пойдет речь в главе I, а пока достаточно указать, что вершина всего предложения (2) — сказуемое *наградил*, вершина инфинитивного оборота (2'a) — инфинитив *облегчить*; ИГ (2'б) и (2'в) возглавляются определяемыми существительными *переход* и *мосту* соответственно; вершинами придаточных предложений (2'г) и (2'д) являются вводящие их союзы *что* и *как*.

Еще одна армейская иерархия — воинские звания. Она частично соотносится с иерархией подчинения, так как занимаемая должность должна соответствовать званию. Например, ни сержант, ни генерал не могут командовать батальоном: для первого это слишком крупная единица, для второго — слишком мелкая. Однако различие в звании не предполагает автоматически служебного подчинения; например, военнослужащие, имеющие разные звания, могут непосредственно подчиняться одному и тому же командиру.

Наблюдается ли в структуре предложения нечто подобное иерархии званий? Рассмотрим отношения между входящими в предложение ИГ.

Легко увидеть, что в русском языке подлежащее в некотором смысле «главнее», чем любое дополнение и любая другая ИГ: только оно может стоять в именительном падеже (не считая именной части сказуемого и некоторых других особых случаев), только с ним может согласоваться глагол-сказуемое по лицу, числу или роду:

- (3) а. Мы покажем (// *покажу, *покажешь) тебе наше-
му врачу.
б. Маша показала (// *показал, *показали) фотографии своим друзьям.

Только подлежащее, но не дополнение, может определять значение рефлексивного (= возвратного) местоимения *себя*:

- (4) а. Маша показала Лене себя на фотографии (т. е. показала Машу, а не Лену),
б. Маша выбрала Лену себе в помощницы (Лена будет помогать Маше, а не самой себе).

В составе русских деепричастных оборотов подлежащее не выражается: можно сказать (5) а. *Войдя в комнату, Иван сел*, но нельзя б. **Иван войдя в комнату, он сел*. Несмотря на это, в деепричастном обороте подлежащее в некотором смысле (который будет уточнен в главе V) все-таки подразумевается: мы понимаем, что в предложении (5а) человек, который вошел в комнату — Иван, а не кто-то другой. Обычно такое определенно подразумеваемое, но не выраженное, подлежащее называют *субъектом*. Субъект (но не дополнение!) деепричастного оборота должен совпадать по значению (точнее, по референту) с подлежащим (но не с дополнением!) того предложения, частью которого является деепричастный оборот:

- (6) а. *Написав Татьяне несколько писем, Онегин напрасно ждал ответа.*
б. *Онегин написав Татьяне несколько писем, она не ответила на них.
в. *Заработав немного еды, Иван Денисович отдал одноко печенье Алешке.*
г. *Алешка ничего не заработав, Иван Денисович отдал ему одно печенье.

Итак, В русском языке ни прямое, ни косвенное дополнения не могут: 1) быть выражены именительным падежом, 2) вступать в отношение согласования с глаголом-сказуемым, 3) определять значение рефлексивного местоимения или 4) значение субъекта деепричастного оборота. Другие ИГ, которые не являются ни подлежащими, ни дополнениями, также не обнаруживают этих свойств (примеры читатель может легко найти сам). Основываясь на этих наблюдениях, можно установить следующую иерархию:

(7) Подлежащее > Прочие ИГ.

Знак > показывает, что подлежащее обладает большим «весом», чем дополнение или любые другие ИГ, т. е. в большей степени, чем они, определяет форму или значение других членов предложения.

Рассмотрим теперь поведение русского взаимного местоимения *друг друга*. Это местоимение требует наличия в том же предложении ИГ во множественном числе (8аб) или сочиненной из двух ИГ (8в), которая определяет его значение: (8) а. Мы заметили *друг друга*; б. Противники смотрели *друг на друга*; в. Миша и Саша жили недалеко *друг от друга*. ИГ, определяющая значение взаимного местоимения, называется его антецедентом.

Можно заметить, что антецедент *друг друга* — чаще всего подлежащее, как в (8). Однако антецедентом бывает и прямое дополнение: (9) а. *Он настроил соседей друг против друга*; б. *Кто защитит их друг от друга?*; в. Следователь *расспрашивал подозреваемых друг о друге*, и в некоторых случаях — косвенное дополнение: (10) а. *Я открыл им глаза друг на друга*; б. ? *Он рассказывал своим знакомым всякие гадости друг про друга*.

Если ИГ не является ни подлежащим, ни прямым, ни косвенным дополнением, она обычно не может выступать в качестве антецедента взаимного местоимения. Несмотря на то что этот вопрос пока недостаточно исследован, можно обратить внимание на такие примеры, как (11) а. **Я услышал от них друг о друге*; б. **Я заступаюсь за них друг перед другом*; в. **Я заступаюсь перед ними друг за друга*; г. **Я оставил деньги для соседей друг у друга* (т. е.: 'у соседа А для соседа В, а у соседа В для соседа А'); д. ? *Сотрудниками были написаны характеристики друг на друга*.

Таким образом, иерархия (7) при дальнейшем уточнении примет следующий вид:

(7') Подлежащее > Прямое и косвенное дополнения > Прочие ИГ.

Обратим теперь внимание на следующие примеры:

- (12) a. *Я представил (рекомендовал, показал, описал) их друг другу.*
 b. ?? *Я представил (рекомендовал, показал, описал) им друг друга.*
- (13) a. *Судьба предназначила нас друг другу.*
 b. **Судьба предназначила нам друг друга.*

Выясняется, что косвенное дополнение может быть антецедентом *друг друга* только тогда, когда взаимное местоимение не является прямым дополнением, ср. (14) *Я показал (предоставил, описал) им фотографии друг друга.*

Основываясь на примерах (8а, 126, 136), можно предположить, что *друг друга* занимает позицию прямого дополнения только тогда, когда его антецедент — подлежащее. Отсюда ясно, что два свойства взаимного местоимения — способность выполнять роль некоторого члена предложения и способность иметь некоторый член предложения в качестве антецедента — взаимозависимы. Можно установить следующую иерархию:

(7'') Подлежащее > Прямое дополнение > Косвенное дополнение > Прочие ИГ.

Правило употребления местоимения *друг друга* гласит, таким образом, что его антецедент должен занимать в иерархии (7'') более высокую позицию, чем само местоимение. Сказанное подтверждается тем, что *друг друга* никогда не занимает позицию подлежащего, и у него даже нет нужной для этого морфологической формы именительного падежа (ожидалось бы что-то вроде **друг друг*). Дело здесь в том, что антецедент *друг друга*-подлежащего должен был бы занимать более высокую позицию в иерархии (7''), чем само подлежащее, а такой позиции там не предусмотрено. Взаимное местоимение в роли прямого дополнения допускает в качестве антецедента только подлежащее, а в роли косвенного дополнения — подлежащее или прямое дополнение. Наконец, не будучи ни подлежащим, ни прямым или косвенным дополнением, *друг друга* может иметь в качестве антецедента и подлежащее, и оба вида дополнений.

Обратим теперь внимание на свойства некоторых прилагательных в творительном падеже, которые как будто вхо-

дят в состав сказуемого, но по смыслу относятся к подлежащему (15) или к прямому дополнению (16) и согласуются с ними в числе и роде: (15) а. *Он приехал больным*; б. *Девочки первыми узнали отца*; в. *Следующим был допрошен охранник*; (16) а. *Я помню Ивана молодым*; б. *Котлеты нам подали недожаренными*; в. *Восемнадцатилетним его призвали в армию*. По-видимому, не только косвенное дополнение (17), но и никакая другая ИГ, не являющаяся ни подлежащим, ни прямым дополнением (18), не могут соответствовать присказуемостному прилагательному в творительном падеже: (17) а. *Они послали вызов ему больному (//^{*}больныи)*; б. *Нам первым (//^{*}первыми) пришел в голову этот вариант*; в. *Зрителям, разъяренным (//^{*}разъяренными) отменой концерта, вернули деньги за билеты*; (18) *Я услышал это от них от первых (//^{*}первыми)*. Таким образом, поведение присказуемостных прилагательных ограничивает подлежащее и прямое дополнение от всех других ИГ в предложении. Наконец, подлежащее (19а) и прямое дополнение (19б) могут заменяться на аппроксимативно-количественную группу с наречиями *свыше* или *около*, но другие ИГ — косвенное дополнение (19в), именная часть сказуемого (19г) или дополнение со значением деятеля при пассиве (19д) — не могут: (19) а. *Свыше (около) десяти детей решили задачу*; б. *Учитель предложил детям свыше (около) десяти задач*; в. * *Учитель предложил задачи свыше (около) десяти детей*; г. * *Гости на дне рождения были свыше (около) десяти детей*; д. * *Задача была решена свыше (около) десяти (десятую) детями* и т. п. [Богуславский 1996: 26].

Итак, рассмотренные факты подводят нас к тому обобщению, что ИГ в русском предложении определенным образом упорядочены: подлежащее «выше» прямого дополнения, которое «выше» косвенного дополнения, а это последнее, в свою очередь, «выше» остальных ИГ в составе предложения. Сказанное, впрочем, не означает, что любое различие в свойствах ИГ в русском предложении будет «укладываться» в иерархию (7").

Матрешка и пирамида из черепах

В отличие от армии, где каждый уровень включения должен быть представлен единицей особого типа (например, полк не может входить в состав полка, а эскадрилья — в со-

став эскадрильи), в синтаксисе мы сталкиваемся с удивительным явлением — синтаксическая единица может быть включена или, как чаще говорят, «вложена» в другую единицу того же типа. Рассмотрим фрагмент английского шуточного стихотворения «Дом, который построил Джек», хорошо известного по переводу С. Маршака:

(20) *Вот [а два петуха, /Которые будят [б того пастуха, /Который бранится с [в коровницею строгою, /Которая доит [г корову безрогую, /Лягнувшую [д старого пса без хвоста, /Который за шиворот треплет [e кота, /Который пугает и ловит [ж синицу, /Которая часто ворует [з пшеницу, /Которая в [,, темном чулане хранится /В [к доме, который построил Джек]* к [1] и [2] з [3] ж [4] е [5] д [6] г [7] в [8] б [9] а [10].

В (20) выделяется 10 последовательно вложенных друг в друга ИГ, т. е. существительных с зависимыми словами (границы каждой из них обозначены квадратными скобками), причем каждая из них проявляет все типичные свойства ИГ (подробнее о них см. в главе II), например, способность заменяться на местоимение 3 л.:

- (20') а. *два петуха, которые...* → они
б. *того пастуха, который...* → его
в. *коровницеей строгою, которая..* → ней
г. *корову безрогую, лягнувшую...* → ее
д. *старого пса без хвоста, который...* → его
е. *кота, который...* → его
ж. *синицу, которая...* → ее
з. *пшеницу, которая...* → ее
и. *темном чулане...* → нем

Нетрудно построить или найти в текстах предложения, в которых один инфинитивный или деепричастный оборот вложен в другой оборот того же типа, или такие, в которых придаточные предложения несколько раз вкладываются друг в друга — взять хотя бы тот же пример (20), в котором последовательно вложены друг в друга семь относительных придаточных.

Итак, синтаксические единицы не только могут быть вложены друг в друга, но к такому вложению способны единицы одного и того же типа. В этом отношении предложение можно сравнить с матрешкой. Каждая из отдельных частей матрешки сама представляет собой матреш-

Несколько метафор

ку (в этом ее отличие от других игрушек с вложением вроде «киндерсюрприза»).

Сколько «уровней вложения» может иметь матрешка? Ответ на этот вопрос ясен: пока мы искусственным образом не ограничим их число, например, установив, что «настоящая» матрешка должна состоять ровно из семи (или из двадцати семи) частей, оно может быть теоретически бесконечным. Сколько бы велика ни была матрешка, всегда теоретически возможно изготовить еще большую, объемлющую матрешку. Сколько бы ИГ ни было включено в некоторую другую ИГ или сколько бы придаточных предложений ни входило в состав некоторого другого придаточного, всегда теоретически возможно включить их в состав более крупных единиц того же типа.

Вот как начинается одно из наиболее влиятельных произведений лингвистики XX в. - книга Джона Роберта Росса (р. 1938) «Бесконечный синтаксис» [Ross 1986], более известная как его диссертация «Ограничения на переменные в синтаксисе», которую он защитил в 1967 г. и которую почти 20 лет отказывался публиковать; однако фактически она была опубликована уже тогда, разойдясь по лингвистическому миру в необозримом множестве копий. Прежде чем перейти к собственно лингвистическим темам. Росс пишет:

«Про Уильяма Джемса [очевидно, имеется в виду знаменитый американский психолог и философ William James (1842—1910), имя которого у нас традиционно принято передавать как Джемс — Я. Т.] рассказывают следующую историю. Я не смог найти никаких опубликованных ссылок на нее, так что, может быть, она приписана другому лицу или является апокрифической. Как бы то ни было, ввиду исключительной важности этой истории для изучения синтаксиса я перескажу ее здесь.

После одной его публичной лекции о космологии и устройстве солнечной системы к Джемсу подошла маленькая старая дама.

— Ваша теория о том, что солнце - центр солнечной системы, а земля — шар, который вращается вокруг него, звучит довольно убедительно, мистер Джемс, но она неверна! У меня есть гораздо лучшая теория, — сказала маленькая старая дама.

— И в чем она заключается, сударыня? — вежливо осведомился Джемс.

— В том, что земля, на которой мы живем, — это блин, который покоятся на панцире гигантской черепахи.

Вместо того, чтобы сокрушать эту нелепую смешную теорию той массой научных данных, которые имелись в его распоряжении, Джемс решил со всей возможной вежливостью поколебать уверенность своего оппонента, указав ему на некоторые несообразности в его позиции.

Введение в общий синтаксис

— Если ваша теория верна, сударыня, то на чем стоит эта черепаха? — спросил он.

— Вы очень умный человек, мистер Джемс, и вы задали очень хороший вопрос, — ответила старая дама, — но у меня есть на него ответ, и он таков: первая черепаха стоит на панцире второй, гораздо большей черепахи, которая находится непосредственно под ней.

Продолжая проявлять терпение, Джемс задал следующий вопрос:

— Но на чем же стоит эта вторая черепаха?

В ответ маленькая старая дама торжествующе вскричала:

— Ничего не выйдет, мистер Джемс! Там дальше вниз идут одни черепахи!» [Ross 1986: xi].

Шахматная доска

Попытаемся ответить на вопрос, почему неграмматичны русские словосочетания (21абв) и почему сомнительны по приемлемости (21гд):

- (21) а. *Сашу увидел Колю
б. *прибивать молотком гвоздями
в. *исполнение Шопена этого пианиста
г. ?? жить по совету друзей по средствам
д. ? инфinitивный оборот со значением цели с союзом «чтобы»

Причина неправильности — две одинаковые формы в одном словосочетании: винительного падежа в (21а), творительного в (21б), родительного падежа в (21 в) и одинаковых предложно-падежных конструкций в (21гд). Во всех этих примерах правильность достигается, если из двух одинаковых форм оставить только одну (*{увидел Сашу; прибивать гвоздями; исполнение Шопена; исполнение этого пианиста; инфинитивный оборот со значением цели}*), изменить одну из двух форм (*{исполнение Шопена этим пианистом; жить, как советуют друзья, по средствам}*) или соединить совпадающие формы сочинительным союзом (*{увидел Сашу и Колю}*).

Язык как будто избегает одновременного употребления двух одинаковых падежных (или предложно-падежных) форм. Получается, что в предложении (или словосочетании) имеется только одна позиция для некоторой формы, которая не допускает двойного заполнения, — подобно тому, как на одной клетке шахматной доски ни в какой момент игры не могут одновременно стоять две фигуры. Будем

Несколько метафор

называть это обобщение «гипотезой единственности заполнения».

Очевидный пример невозможности одновременного заполнения представляют главные члены предложения. В предложении не может быть двух подлежащих, двух сказуемых, двух прямых (21a) или двух косвенных дополнений. Примеры вроде (22) [*Ваня и Саша*] пришли или (23) *Он* [глупый, но хитрый] не противоречат этому, так как здесь не два одинаковых члена предложения, а один сложный, состоящий из элементов, соединенных сочинительной связью: границы сочиненного подлежащего в (22) и сочиненного сказуемого в (23) отмечены квадратными скобками.

Другой красноречивый пример единственности заполнения предоставляют некоторые предложения польского языка, соответствующие русским парам конструкций типа (24) а. *Я работаю* {верю, пою}; б. *Мне работается* {верится, поется}.

Начнем с русского языка. В конструкции типа (24б) к глаголу присоединяется возвратный суффикс *-ся*, отсутствующий в (24а), и подлежащее оформляется дательным падежом. (24а) обозначает действие, контролируемое тем лицом, которое обозначено подлежащим, но (24б) обозначает действие, лишь частично, как бы наполовину контролируемое — демиактивное; (24б) подразумевает, что успешность работы зависит, например, от хорошего настроения, внешних условий и тому подобных обстоятельств, лишь частично зависящих от деятеля. Очень немногие глаголы допускают в русском языке демиактивную конструкцию,ср. *мне спится*, но **мне бодрствуется*; *мне не сидится*, но ?? *мне не стоится*. В разговорной речи демиактивная конструкция часто допустима с глаголами, с которыми она не выступает в письменном тексте; такие конструкции часто употребляются в шутку {*Нам здесь что-то не гуляется* и т.п.}.

Польский язык отличается от русского тем, что демиактивные конструкции в нем значительно продуктивней, т. е. образуются от несравненно большего числа глаголов (правда, и в польском они характерны скорее для разговорной речи). Наряду с (25) а. *Dobrze dzisiaj spalam* 'Хорошо сегодня спала (-я)'; б. *Dobrze tu sie dzisiaj spalo* 'Хорошо мне (дат. п.) сегодня спалось' (в польском языке частица *sie*, соответствующая русскому *-ся*, может отделяться от глагола).

встречаются также конструкции типа (26) а. *Te ksigtke Janek czytał Z przyjemnością* 'Эту книгу Янек (им. п.) читал с удовольствием'; б. *Te ksiazke czytalo się Jankowi z przyjemnością*, что можно перевести на русский буквальным образом так: 'Эту книгу читалось Янеку (дат. п.) с удовольствием'. В отличие от (25а), демиактивная конструкция (25б) означает, что чтение книги с удовольствием лишь частично достигалось усилиями Янека, а частично было результатом обстоятельств, независящих от его воли [Dziwirerek 1994: 57—62].

Однако имеется четко очерченный круг глаголов, с которыми демиактивная конструкция в польском языке невозможна: это глаголы, присоединяющие дополнение в дательном падеже: (27) а. *Szybko wysiałam Ewie paczke* '(Я) быстро отправил Эве (дат. п.) пакет', но б. **Szybko wyslalo mi się Ewie paczke*, букв. 'Быстро выедалось мне (дат. п.) Эве (дат. п.) пакет'; (28) а. *Janek z trudem wytłumaczył ten problem Ewie* 'Янек (им. п.) с трудом объяснил эту задачу Эве (дат. п.)', но б. **Jankowi z trudem wytłumaczyło się Ewie ten problem*, букв. 'Янеку (дат. п.) с трудом объяснилось Эве (дат. п.) эту задачу' [Dziwirerek 1994: 64]. Получается, что в предложении не может быть подлежащего в дательном падеже, если при глаголе-сказуемом уже предусмотрено дополнение в дательном. Иными словами, в польском предложении есть как будто всего одно-единственное место для ИГ в дательном падеже, которое не допускает двойного заполнения.

Не следует, однако, делать вывод, что в любом языке любые сочетания ИГ в одинаковом падеже недопустимы, ср. в русском (29) а. *Мне* (дат. п.) *позвонить Ивану* (дат. п.)?; б. *Ему* (дат. п.) *холодно ногам* (дат. п.) и т. п. В грузинском предложении (30) *orsabat-s mivscer ceril-s da-s* '(в) понедельник(-дат. п.) напишу письмо(-дат. п.) сестре(-дат. п.)' сразу три ИГ стоят в дательном падеже (окончание *-s*) | 'понедельник' (дат. п. времени), 'письмо' (дат. п. прямого дополнения) и 'сестра' (дат. п. косвенного дополнения); в предложение (30) можно при желании добавить и четвертую ИГ в дат. п. — со значением места, например *tbilis-s* 'в Тбилиси', хотя употребление дат. п. в локативном значении в грузинском языке устарело.

Принцип единственности заполнения шахматных клеток можно уподобить другому важному свойству шахматной доски — ее *дисcretности*. Это означает, что она, в отличие, например, от футбольного поля, представляет собой множество отдельных мест — клеток; любая фигура или пешка в любой игровой позиции может либо занимать, ли-

Несколько метафор

бо не занимать данную клетку, и никаких «промежуточных» состояний не допускается.

В заключение отметим еще одно важное свойство шахматной доски — ее стабильность. По ходу игры невозможно ни отменять существующие клетки, ни вводить новые. Игрок не может сделать так, чтобы какая-то клетка начиная с некоторого момента игры стала недействительной, т. е. чтобы на ней больше нельзя было играть. Игрок не может также ввести новую клетку, не предусмотренную правилами (скажем, «g9» или «15»). О том, в какой мере эти свойства шахматной доски сходны со свойствами синтаксической структуры, пойдет речь в главе XI п.3.

Самое знаменитое сравнение языка с шахматами принадлежит гениальному швейцарскому лингвисту Фердинанду де Соссюру (1857-1913). Он использовал его в своих лекциях, посмертно изданных под названием «Курс общей лингвистики» [Соссюр 1977 (1916)] к во многом определивших развитие науки о языке в XX в. Однако Соссюра интересовали другие аспекты шахмат: он сравнивал языковые изменения в диахронии и синхронные срезы с шахматной партией, и, кроме того, указывал на неизменность сути игры при разном облике фигур, их цвете, размере доски и т. п., что выразительно иллюстрировало его мысль о различии языка и речи, т. е. системы, лежащей в основе речевой деятельности, и конкретных способов ее реализации.

Передвижение в пространстве

в конце 1970-х — начале 1980-х годов в СССР был популярен следующий анекдот. Во время поездки Брежнева по Средней Азии помощники объясняют ему, что приветствие, обычное на мусульманском Востоке — *Солям алайкум!* и что отвечать на него надо *Алейкум солям!* Впавший в детство Брежnev до того увлекается этой «игрой», что уже во время своего западного турне на выкрики антисоветских демонстрантов *Архипелаг Гулаг!* отвечает, широко улыбаясь, *Гулаг архипелаг!*

Point анекдота, вероятно, в том, что примененное «Брежневым» грамматическое правило — (31) «Поставь второе слово приветствия перед первым» — кажется простым до идиотизма. Однако при внимательном рассмотрении оно не столь уж просто. Правило (31) оперирует абстрактными единицами — категориями слов: «первое» и «второе».

Введение в общий синтаксис

Прежде чем понять, что *архипелаг* — «то же самое», что *сайдам*, а *Гулаг* — «то же самое», что *алейкум*, надо представить высказывание как цепочку элементов (букв или звуков), а затем разрезать эту цепочку на два отрезка, правильно определив в ней внутреннюю границу. Затем отрезкам в порядке их следования необходимо присвоить две категории — «первое слово» и «второе слово». Только после всего этого становится возможным применить правило (31).

Дело еще более усложнится, если границ между словами окажется больше одной. В рассмотренном случае «быть первым словом с начала» — то же самое, что и «быть вторым словом с конца», а «быть вторым словом» — то же самое, что «быть остатком цепочки после отделения первого слова» и т. д. Если слов в цепочке три или больше, такие эквивалентности оказываются уже неверными, и нельзя заранее знать, какой из перечисленных признаков будет использован при переходе к более сложным цепочкам. Не исключено, что правило (31) придется как-то пересматривать, и оно утратит свою первоначальную простоту.

Если вдуматься, правило (31) имеет довольно странный вид; может быть, именно эта странность и делает анекдот смешным? Во-первых, зачем правило сформулировано в повелительном наклонении, как будто оно — часть кулинарного рецепта? Во-вторых, как понимать предписанное в нем перемещение слов с места на место?

Повелительное наклонение предполагает, что знание языка человеком может быть отчасти представлено в виде операций над одними языковыми объектами (например, цепочками символов), в результате которых можно получить другие языковые объекты. Одной из таких операций может быть *передвижение* какого-то фрагмента цепочки с занимаемого им места на другое, т. е. соединение двух более простых операций — стирания и копирования. В свете предыдущей метафоры такое передвижение напоминает шахматный ход.

Может быть, правило (31) является чисто искусственной игрой, не имеющей отношения к реальному языку? Рассмотрим, однако, следующее правило:

(32) чтобы превратить утвердительное предложение в вопросительное, поставь вспомогательный или модальный глагол левее подлежащего.

(32) — одно из правил английской грамматики, которое называется «вопросительной инверсией». Например: (33) a. *He is "w*

Несколько метафор

(34) а. *who he could talk to* "с которым он мог поговорить' -»
б. *Who could he talk to?* 'С кем он мог поговорить?' (ср. также похожие правила образования вопросительных предложений в других германских и в романских языках).

Обратим внимание на мало отличающиеся друг от друга предложения (33аб) и (34аб). Вспомогательный глагол *is* 'есть' и модальный глагол *could* 'мог', которые находятся в предложениях (33а-34а) правее подлежащего, в предложениях (33б—34б) располагаются левее его. При этом «передвигаемый» элемент не может сохранять копию в своем исходном месте {*Is he is working^}, и это место не может быть занято другим элементом с похожей функцией (например, *Is he will be working!). Вспомогательный глагол в английском не может просто исчезать (*//e working): он «исчезает» в одном месте предложения, чтобы «появиться» в другом. Все это — узнаваемые и понятные признаки самого привычного для нас феномена — механического движения физических тел в пространстве, и поэтому метафора перемещения кажется настолько естественной, что мы обычно даже не задумываемся, встретив ее в практическом руководстве по английскому (или какому-то другому) языку.

Правило (32), как и (31), сформулировано в повелительном наклонении и тоже сводится к операции перемещения, однако, читая или слыша подобные правила при изучении иностранного языка, почему-то никто не смеется. Очевидно, комический эффект правила (31) связан не с тем, что оно вовлекает операцию пространственного передвижения, а с чем-то другим.

Чтобы приблизиться к пониманию того, в чем здесь дело, применим правило (32) к следующему утвердительному предложению английского языка:

(35) а. *When I was speaking, John came in.*
'Когда я говорил, вошел Джон.'

и получаем:

б. **When was I speaking, John came in?*

Пример (35) показывает, что правило (32) неточно. Ясно, что речь должна идти не о всяком вспомогательном или модальном глаголе, а только о вспомогательном или модальном глаголе главного предложения. Мы сталкиваемся, таким образом, с удивительным фактом: вместо того,

чтобы использовать относительно простое и наглядное (однако, как мы видели, не столь уж простое!) понятие «первое слово» или «второе слово», как в (31), английский язык использует значительно более сложное понятие «вспомогательный или модальный глагол главного предложения». Более того: правило (31), основанное на сравнительно простом понятии, вызывает улыбку, а правило (32), гораздо более сложное, — и, как показывает пример (35), еще и недостаточно сложное! — как будто не противоречит нашим интуитивным представлениям о том, что может быть и чего не может быть в языке.

Если читатель сомневается в том, что понятие «вспомогательный или модальный глагол главного предложения в английском языке» — в самом деле сложное, он может попробовать самостоятельно дать ему строгое определение.

Открыв любой учебник английского языка в разделе, посвященном вопросительным предложениям, мы скорее всего обнаружим, что оговорка относительно того, что правило вопросительной инверсии применяется только к главному предложению, там отсутствует. Можно ли мы считать такое упущение следствием простой неряшливости со стороны преподавателей английского языка? По-видимому, нет. Вряд ли когда-либо человек, изучающий английский язык, сделает ошибку типа (356), вне зависимости от того, какой у него родной язык — русский, китайский, арабский, любой из языков Азии, Америки или Африки и т. д. Языковая интуиция каким-то образом предохраняет носителя любого языка от попытки построить вопросительное предложение путем операции над придаточным. Поэтому авторы практических пособий по английскому и другим языкам, в которых есть вопросительная инверсия, и не уточняют правила (32) — они просто не сталкиваются с ошибками учащихся типа (356).

Можно заключить отсюда, что в синтаксисе перемещаются не «первое слово» или «второе слово», а элементы гораздо более сложной иерархической структуры, чем простая цепочка слов. Эта структура включает в себя главное и зависимое предложение, подлежащее, сказуемое, определения и т. п. Наличие такой структуры — настолько фундаментальная черта человеческого языка, что языковые правила, опирающиеся на более простую структуру, например, цепочку, воспринимаются носителями языка как игра или юмор. Да-

Несколько метафор

же совершенно неискушенные в лингвистике люди интуитивно сознают, что подобные правила не могут быть частью грамматики какого-либо естественного языка.

Приведенные здесь примеры, как автор надеется, помогут читателю воспринять некоторые идеи, о которых пойдет речь в основной части учебника.

Часть 1

Синтаксическое описание

59

СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ. СТРУКТУРА ЗАВИСИМОСТЕЙ

Формальное представление структуры предложения — метод его научного анализа, использующий строго определенные понятия. Сравнительно с более традиционными способами описания такой метод имеет некоторые важные преимущества (п. 1). Структура синтаксических зависимостей между словами в предложении может быть установлена на основе интуитивных соображений (п. 2), после чего ей дается формальное определение (п. 3). Факт наличия синтаксической зависимости между двумя словами и ее направление, т. е. разграничение главного слова (вершины) и зависимого слова, устанавливаются с помощью нескольких критериев (п. 4). Грамматический центр предложения — финитный глагол, который не является зависимым никакого другого слова (п. 5). В структуре зависимостей могут быть отмечены типы синтаксических отношений (п. 6). Порядок слов отражает структуру зависимостей; проективность — свойство большинства предложений естественного языка (п. 7). Применение структур зависимостей наталкивается на ряд трудностей (п. 8).

Изучение предложения начинается с его грамматического анализа («разбора»). Синтаксический анализ — это исследовательская процедура, в результате которой устанавливается грамматическая структура предложения. Для того чтобы осуществить это, надо решить две связанные друг с другом задачи.

Во-первых, предложение надо разделить на составляющие части меньшей длины. Например, рассматривая предложение (1) *Сырые дрова плохо горят*, следует убедиться в том, что это предложение состоит из четырех слов (*[Сырые], [дрова], [плохо] и [горят]*), и, кроме того, делится на (1а) *[Сырые дрова]* и (1б) *[плохо горят]*. (1а) можно назвать, например, «группой подлежащего», а (1б) — «группой сказуемого». Но (1), по-видимому, не делится на (1в) *[Сырые]* и (1г) *[дрова плохо горят]*. Тем более (1) не делится с разрывами на (1д) *[Сырые... плохо]* и (1е) *[дрова... горят]* (с помощью квадратных скобок обозначены границы частей предложения).

Во-вторых, необходимо установить отношения между частями предложения. Например, надо понять, что *сырые* — определение при слове *дрова*, а *горят* — сказуемое.

Синтаксический анализ требует, следовательно, чтобы в распоряжении лингвиста был конечный список типов син-

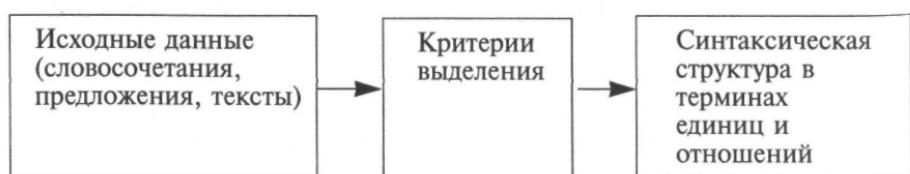
Часть 1. Синтаксическое описание

таксических единиц и связывающих их отношений. Если такой список имеется, то это означает, что у лингвиста есть некоторая (хотя бы самая несовершенная) теория структуры предложения, и, анализируя предложение, он применяет ее к своему материалу.

Синтаксический анализ нуждается, кроме того, в критериях выделения синтаксических единиц и их отношений.

Эти критерии могут быть интуитивными, т. е. основанными непосредственно на знании своего или чужого языка. Как можно анализировать материал с помощью интуиции? Допустим, учитель сообщает школьнику, что в словосочетаниях мой дом, красивая тетрадь, ткань в горошек, девочка, которая ушла и т. д. подчеркнутые части называются определениями. Узнав об этом, школьник может предположить, что определения есть также, например, в словосочетаниях горящая лампа, Колина книга, хвост кота, но не в словосочетаниях лампа горит, на книге, только кота. Даже если учитель никак не объяснил ему, что такое определение, школьник здесь может воспользоваться каким-то внутренним критерием, который он, скорее всего, и сам не сможет сформулировать.

Критерии выделения синтаксических единиц и отношений могут также быть (и в современной науке должны быть) не интуитивными, а, наоборот, формально строгими, т. е. основывающимися только на наблюдаемых фактах и сформулированными так четко, чтобы в них можно было усмотреть только один смысл. Несмотря на то что синтаксическим анализом лингвистика занималась с древнейших времен, достаточно строгие, и притом применимые к разным языкам, аналитические критерии были разработаны сравнительно недавно. Итак, синтаксический анализ укладывается в следующую схему:

Изучение процедур синтаксического анализа, формального «препарирования» предложений может кому-то пока-

заться сухим и скучным занятием, — и в самом деле, в ходе такого анализа мы, казалось бы, узнаем не так уж много нового о языке по сравнению с тем, что знаем интуитивно. Такое впечатление отчасти верно — анализ является лишь первой ступенью исследования. Однако в результате анализа даже нескольких простых примеров можно прийти к содержательным обобщениям, которые затрагивают не только анализируемый материал, но и фундаментальные свойства языка вообще.

В этой главе мы рассмотрим один из методов анализа синтаксических отношений — с помощью структур зависимости. В основе метода лежит та идея, что синтаксическими единицами являются грамматические слова (= словоформы), а синтаксические отношения — это отношения между словоформами. Структуры зависимостей помогают решить вторую из указанных выше задач (выявление отношений между частями предложения), и в меньшей степени — первую (разделение предложения на составные части).

1. Необходимость формального представления структуры предложения

в современном синтаксисе для изображения структуры предложения используются особые символы и правила их соединения, т. е. некоторые специальные языки (метаязыки), отличные от естественного языка. Эти метаязыки абстрактны, т. е. их выражения обозначают не конкретные синтаксические единицы и не конкретные виды отношений между ними, а обобщенные единицы и отношения.

Простым примером достаточно абстрактного синтаксического метаязыка может служить принятое в школьных курсах русского языка подчеркивание членов предложения — например, одной прямой чертой — подлежащего, двумя прямыми чертами — сказуемого, волнистой чертой — определения, пунктирной — дополнения и т. п.

Многие из этих метаязыков **формальны**, т. е. входящие в них символы и правила их соединения стремятся определять математически строго.

В истории языкознания термин «формальный» имеет еще одно значение. Так называют те школы и направления, в которых преимущественное внимание уделялось формальной стороне языка (т. е. плану выражения) в ущерб его содержательной стороне (т. е. плану содержания, значе-

Часть I. Синтаксическое описание

нию, или — шире — функции). В таком понимании противопоставление «формалистов» и «антиформалистов» утратило смысл с расцветом лингвистической семантики в 1970-е годы и с тех пор используется или по неведению, или как ярлык - в целях облегчения полемики.

В современной лингвистике «формалистами» называют исследователей, которые широко используют формальные (в первом смысле) метаязыки и модели описания. В основном это представители порождающей грамматики Н. Хомского и близких ей направлений, для которых характерно убеждение в автономности грамматики. Поэтому под «формализмом» в Западной Европе и США иногда имеют в виду этот специфический взгляд на устройство языка. Все современные формальные направления уделяют семантике значительное внимание.

В разных направлениях исследования грамматики на протяжении всей второй половины XX в. используются разные формальные метаязыки, и уже трудно представить себе современную синтаксическую теорию, которая не использовала бы никакого формального аппарата представления синтаксической структуры предложения. Однако до сих пор у тех, кто привык к традиционным неформальным описаниям, формальные средства представления нередко вызывают замешательство или даже протест.

Формальные метаязыки имеют несколько преимуществ. Одно из них — наглядность, сжатость и обозримость их выражений.

Формальные и абстрактные средства представления синтаксической структуры играют в грамматике ту же роль, что, например, формулы в химии. Вместо того чтобы говорить, что, например, молекула метилового спирта (2) *состоит из одного атома углерода, четырех атомов водорода и одного атома кислорода, причем три валентности атома углерода заполняются тремя атомами водорода, последняя, четвертая валентность — одним атомом кислорода, а вторая валентность атома кислорода заполняется четвертым атомом водорода*, используют формулу (3) CH_3-OH , в которой содержится вся информация, содержащаяся в выражении (2). Значение выражений (2) и (3) абсолютно одинаково; разница заключается в том, что это значение выражено на разных языках: в (2) — на русском языке, а в (3) — на языке формул, причем последний сильно выигрывает в краткости.

Еще более значительное достоинство формальных метаязыков заключается в том, что в их терминах становится возможным выдвигать и рассматривать обобщения, поддающиеся эффективной проверке. Формально строгие утверждения несравненно легче, чем неформальные, соотносить со множеством наблюдаемых фактов. Только когда форму-

лировка оказывается достаточно строгой, можно выяснить, является ли она правильной (соответствующей наблюдаемым фактам), частично правильной (подтверждаемой частью фактов) или полностью неправильной. Формальная строгость используемого метаязыка позволяет продуктивно обсуждать те следствия из грамматических правил или принципов, которые ускользнули бы от нашего внимания, если бы эти правила и принципы были сформулированы нечетко.

Вместе с тем, как мы сразу же увидим, интуиция бывает весьма полезна в процессе исследования: она помогает предварительно очертить контуры многих важных обобщений, которые в дальнейшем получают более строгую формулировку, см. об этом [Гладкий, Мельчук 1969: 10].

2. Синтаксическая зависимость: свидетельства интуиции

прежде чем обратиться к строгим формулировкам, попытаемся достичь интуитивного понимания того, что собой представляют структуры зависимостей. Будем рассматривать словосочетание, предложение или текст как цепочку (= линейно упорядоченную последовательность) словоформ. Словоформа является максимальной морфологической единицей и, возможно, имеет смысл рассматривать ее как минимальную синтаксическую.

Зададимся вопросом, о каких словах можно говорить, что они связаны **синтаксическим отношением** или, что **то же, синтаксической связью**. Рассмотрим предложение (4) *Даже маленькие дети быстро приучаются играть на компьютере*. Это предложение состоит из восьми отдельных слов, в письменной речи разделенных пробелами. Опираясь в основном на интуицию, попытаемся определить, какие из этих слов связаны друг с другом. Будем считать, что связаны друг с другом такие пары слов, из которых одно в каком-то смысле «определяет» или «дополняет» другое. Грамматическая интуиция в какой-то мере свойственна всем носителям языка. Однако данные интуиции о синтаксической структуре предложения следует принимать во внимание с осторожностью — они часто оказываются нечеткими или различными у разных носителей. В дальнейшем от интуитивных суждений мы перейдем к более надежным аналитическим критериям.

Достаточно очевидно, что слово *маленькие* связано со словом *дети* — оно «относится» к слову *дети*, «определяет» или «уточняет» его значение. Слово *даже* является частицей; оно связано с прилагательным *маленький* и, возможно, также с существительным *дети*. Частицы — это такие служебные слова, которые встречаются в самых разнообразных контекстах; по смыслу они могут быть связаны со словами разных частей речи: с существительными (*даже Иван*), с прилагательными (*рад даже скромному вознаграждению*), с глаголами (*даже расстроился*), с наречиями (*даже рано*) и т. д. В (4) *даже* теснее всего связано с прилагательным *маленькие*.

Явно связаны слова *приучаются* и *играть*, *на* и *компьютере*. Инфинитив дополняет значение глагола *приучаться* (этот глагол всегда требует при себе какого-то дополнения: или выраженного существительным (*приучаться к игре*), или выраженного инфинитивом (*приучаться играть*)).

Наречие *быстро* тесно связано с глаголом *приучаются*, так как оно «определяет» его приблизительно в том же смысле, в каком *маленькие* определяет *дети*. Глагол *играть* связан с предлогом *на* (ср. похожие конструкции: *работать на тракторе*, *считать на калькуляторе* и т. п.). Наконец, синтаксически связаны слова *дети* и *приучаются*, так как первое дополняет значение второго (приучается всегда *кто-то*).

Возьмем теперь сложноподчиненное предложение: (5) *Славен буду я, /Доколь в подлунном мире/ Жив будет хоть один пиит* (Пушкин). Интуитивно более или менее очевидна связь между парами слов *славен* и *буду*, *я* и *буду*.

Союз *доколь* наиболее тесно связан, с одной стороны, со сказуемым главного предложения (*славен буду*), с другой стороны — со сказуемым придаточного (*жив будет*); между *жив* и *будет* — частями составного именного сказуемого — также можно усмотреть синтаксическую связь. *Пиит* связан с *будет, хоть* — с *один, один* — с *пиит*. Словосочетание *в подлунном мире* обнаруживает связь между предлогом *в* и существительным *мире*, а также между определением *подлунном* и его определяемым *мире*; кроме того, предлог *в* связан с глаголом *будет*, так как дополняет его значение. Такие интуитивные аналитические решения можно еще дополнить школьным приемом задавания вопросов к членам предложения: *Будет где? в чем? - в подлунном мире* (могло бы быть: *в доме, в мире, во всем необъятном подлунном мире...* и т. п.).

Мы прошли таким образом все слова в предложениях (4) и (5), и можно сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, слова в предложениях оказались соединенными синтаксическими отношениями без разрывов: в предложениях (4—5) нет такой группы слов (или даже одного слова), которая не была бы прямо или опосредованно (т. е. через другие слова) связана со всеми остальными словами в предложении. До сих пор мы имели в виду только непосредственную синтаксическую связь, но благодаря отсутствию разрывов между любыми двумя словами в предложении может быть установлена опосредованная связь — через другие слова.

Можно разобрать таким же образом некоторые другие предложения, и все они скорее всего окажутся **связанными**, т. е. лишенными разрывов в цепочке синтаксических отношений. Легко убедиться в том, что связность — свойство не только предложений (4—5), но и очень многих и даже, рискнем сказать, почти всех предложений любого языка поэтоому всякую связную цепочку словоформ, которая не является частью другой связной цепочки, можно было бы считать **предложением**. Слово (словоформа) является минимальной единицей синтаксиса, предложение — его максимальной единицей.

Во-вторых, нам удалось пока что ограничиться только такими отношениями, которые соединяют по два слова (т. е. являются бинарными). Некоторые сомнения в том, что это всегда так, все же возникают: например, (4а) *даже маленькие дети* или (4б) *играть на компьютере*, где можно предполагать, что одно синтаксическое отношение «захватывает» сразу по три очень тесно связанных слова. Однако ничто не мешает предположить, что (4а) и (4б) включают по два отдельных отношения, ср. *даже дети*, где не требуется прилагательного. Слова *на* и *компьютере* связаны друг с другом, вероятно, все-таки тесней, чем каждое из них по отдельности с *играть* — к такому выводу подталкивают примеры вроде предложения (6) *Не знаю, на каком компьютере ты собираешься играть*. Вопросительное слово *какой* «увлекло»

Исключение составляют, например, предложения с вводными словами и оборотами, скобками {Эта же самая страсть... бросила его, как он не без самодовольства выражался, в оппозицию (прежде он говорил просто «в позицию», но потом его научили) — свела его с ноги листами (Тургенев, «Новь»), обращениями {Приду я вновь, мой милый домосед. / С тобою вспоминать беседы прежних лет (Пушкин, «Чаадаеву») и т. п.

Такие определения языковых единиц одного уровня в терминах другого (например, морфемы — как цепочки фонем, связанных некоторыми отношениями) возможны, но неудобны, так как не включают в себя наиболее важных свойств «своего» уровня. О принципиальном отличии предложения от образующих его единиц см. в главе IV.

за собой в начало придаточного предложения не только определяемое им слово *компьютер*, но и предлог *на*; при этом слово *играть* вместе с ними в начало предложения не перешло в (6) и в (46) не такочно «склеено» с *на* и *компьютере*, как эти два последних слова между собой.

В-третьих, синтаксические отношения часто возникают между словами, которые тесно связаны семантически — они «определяют» или «дополняют» значение друг друга.

В-четвертых, синтаксическое отношение неравноправно: из двух слов одно в каком-то смысле, который надо еще уточнить, «главнее» другого. Если слово X определяет слово Y, то Y не определяет X: в этом смысле определяемое слово «главнее» своего определения.

Теперь можно предположить, какими свойствами должны обладать выражения на том метаязыке, который будет в состоянии выразить синтаксические отношения между словами в предложении. Такие выражения должны быть:

- а) связными, т. е. неразрывными;
- б) иерархическими, т. е. показывать, что одни слова в предложении «главнее» других;
- в) основываться на множестве бинарных отношений (т. е. таких отношений, которые определяются на множестве пар).

Обозначим дугами отношения между словами, обнаруженные в предложениях (4) и (5):

(4')

Даже маленькие дети быстро приучаются играть на компьютере.

(Y)

The diagram shows the sentence 'Славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пинг' with dependency arcs. The word 'Славен' has an arc pointing to 'я'. The word 'буду' has arcs pointing to both 'я' and 'жив'. The word 'доколь' has an arc pointing to 'жив'. The word 'в' has an arc pointing to 'подлунном'. The word 'подлунном' has an arc pointing to 'мире'. The word 'мире' has an arc pointing to 'жив'. The word 'жив' has an arc pointing to 'будет'. The word 'будет' has an arc pointing to 'хоть'. The word 'хоть' has an arc pointing to 'один'. The word 'один' has an arc pointing to 'пинг'.

На диаграммах (4') и (5') наглядно видны такие свойства синтаксических отношений, как **бинарность** (дуги, связывающие слова попарно, хватило, чтобы обозначить связи между всеми словоформами) и **связность** (бинарные дуги образовали неразрывную последовательность).

Для того чтобы выразить иерархические отношения между словоформами (главный и второстепенный элементы в синтаксическом отношении), необходимо каким-то образом всегда помечать либо тот конец дуги, который соприкасается с главным словом, либо тот, который соприкасается

Глава I. Слово и предложение. Структура зависимостей

со второстепенным. Обычно это делают с помощью стрелки, указывающей на второстепенное слово:

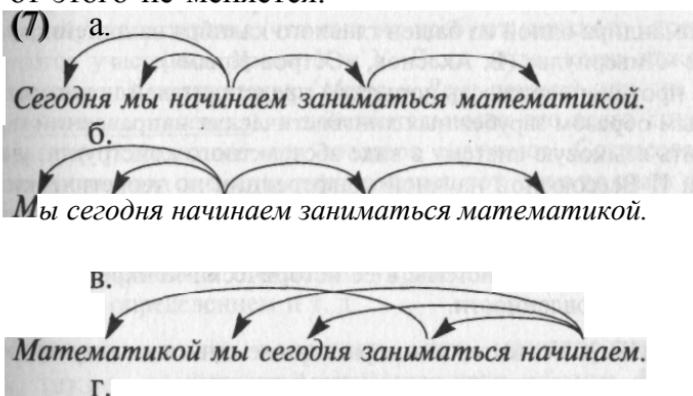
(4'')

Даже маленькие дети быстро приучаются играть на компьютере.

(5'')

Славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пинг.

Важная особенность синтаксических зависимостей заключается в том, что они далеко не всегда связывают слова, находящиеся рядом в цепочке. Одновременно с простым отношением линейного порядка слова вступают в другие, не столь очевидные, отношения, которые также учитываются при установлении зависимостей. В русском языке слова часто можно переставить местами так, что структура зависимостей от этого не меняется:

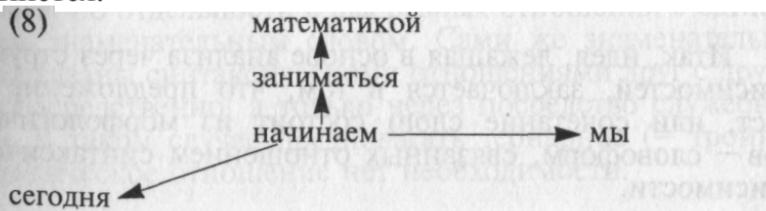

Математикой мы начинаем заниматься сегодня.

... и т. д.

Расположим слова на поверхности страницы так, чтобы выпрямить все стрелки зависимостей. Цепочка при этом рассыпется:

(8)

Часть I. Синтаксическое описание

Линейный порядок слов в рисунке (8) не отражается. Представленную в нем структуру можно спроектировать на линейную последовательность не только способами (7а-г), но и любым из 116 остальных комбинаторно возможных способов, как бы сплющив ее или раскатав, как скалкой. Следует ли отсюда, что линейный порядок слов не имеет ничего общего с отношениями зависимости? К этому вопросу мы еще вернемся в п. 7, а сейчас попытаемся определить точнее, что собой представляет синтаксическая зависимость.

ЗАДАНИЕ 1. Опираясь на интуитивные критерии синтаксической зависимости, расставьте стрелки зависимостей в следующих предложениях. Отметьте трудности, с которыми при этом приходится столкнуться:

1. Начинается публикация обзоров разработок систем управления.
2. Ее голубой котенок играл с бумажкой, вертящейся на веревочке.
3. Незнание законов не освобождает от ответственности за их нарушение.
4. Не соответствовало логике классовой борьбы лишь настроение двадцатидвухлетнего лейтенанта Ричарда Бейли-Лэнда, сменившего командира одной из башен главного калибра на линейном корабле «Ливерпуль» (В. Аксенов, «Остров Крым»).
5. В противоположность попыткам представителей некоторых главным образом зарубежных лингвистических направлений представить языковую систему в виде абстрактного конструкта, участники II Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания стремились последовательно обосновать диалектико-материалистическое понимание языка как развивающейся реальной системы в ее исторически конкретной социальной обусловленности.

ЗАДАНИЕ 2. Укажите, какие различные смыслы следующих предложений отвечают различным схемам зависимостей:

1. Раскапывайте погребенных в земле слепых исполинов (задача А.Е. Кибрика [Городецкий, Раскин (сост.) 1972: 47]).
2. Назначение заместителем начальника участка Иванова вместо Петрова подписано Сидоровым.

3. Структура зависимостей

Итак, идея, лежащая в основе анализа через структуры зависимостей, заключается в том, что предложение (или текст, или сочетание слов) состоит из морфологических слов — словоформ, связанных отношением синтаксической зависимости.

Синтаксическая структура цепочки состоит, таким образом, из двух частей:

- 1) множества словоформ, содержащихся в цепочке;
- 2) множества n -арных синтаксических отношений, определенных на множестве словоформ.

Замечательная особенность синтаксиса естественного языка заключается в том, что синтаксические связи между словоформами оказывается возможным охарактеризовать с помощью одних только бинарных (= связывающих ровно два элемента) отношений.

Бинарность синтаксических отношений покажется далеко не случайной, если задуматься над некоторыми простыми фактами грамматики русского или любого другого языка. Бинарным является отношение основы и аффикса - правило, в соответствии с которым, например, окончание родительного падежа *-a* присоединяется к основе *дом-*: это отношение не вовлекает никаких других языковых единиц, кроме этих двух. Бинарно отношение подлежащего и сказуемого: *X* может быть подлежащим в предложении, сказуемым которого является *Y*. Сами понятия подлежащего и сказуемого таковы, что они не требуют никакого «третьего» или «четвертого» участника, кроме *X* и *Y*. Даже тогда, когда кажется, что в предложении два подлежащих (*Маша и Лена пришли*) или два сказуемых (*Маша высокая и красивая*), в действительности это всего лишь сложное (сочиненное) подлежащее или сложное сказуемое. Согласование также вовлекает ровно два элемента предложения: тот, с которым происходит согласование (например, подлежащее или определяемое существительное) и тот, который согласуется (например, сказуемое или определение). Бинарными являются и отношение управления, и отношение между определяемым и определением и т. д.

На это можно возразить, что некоторые служебные слова, такие, как английский предлог *of* или французский *de*, значение которых соответствует значению род. п. в русском языке, или глагол-связка *быть* (*Он был студентом*) выражают синтаксическое отношение, которое вовлекает не два, а три слова: обладатель, обладаемое и предлог; подлежащее, связка и именная часть сказуемого. Однако не следует забывать, что предлоги и связки — тоже словоформы, и они вступают по отдельности в два разных отношения с одним и Другим знаменательным словом. Сами же знаменательные слова связаны синтаксическими отношениями друг с другом не непосредственно, а только через посредство служебного слова. В таком случае предполагать тернарное (= тройное) синтаксическое отношение нет необходимости.

Часть 1. Синтаксическое описание

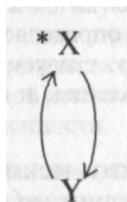
Если между словоформами налицо отношение зависимости $X \rightarrow Y$, то будем говорить, что X **подчиняет** Y , или, что то же, Y **зависит** от X . Есть и термины-существительные, обозначающие словоформы, которые вступают в синтаксическое отношение: X называется **вершиной** (или **хозяином**, или **ядром**, или **главным словом**) по отношению к Y , а Y — **зависимым** (или **слугой**, или **зависимым словом**) по отношению к X . Если есть последовательность из n словоформ X_1, X_2, \dots, X_n , где $n > 3$ и для каждого $i=2, \dots, n$ X_i подчиняет X_1 , будем говорить, что X_1 **опосредованно подчиняет** X_n или, что то же самое, X_n **опосредованно зависит** (является **опосредованным зависимым**) от X_1 .

Синтаксическая зависимость всегда является антисимметричной, т. е. если словоформа X — вершина словоформы Y , то отсюда следует, что словоформа Y не является вершиной словоформы X . Антисимметричность можно выразить следующей формулой:

$$(9) X \rightarrowtail Y \Rightarrow \neg(Y \rightarrow X),$$

где \Rightarrowtail обозначает отношение импликации (логического следования), а \neg — отрицание. Структура (9') не является допустимой:

(9')

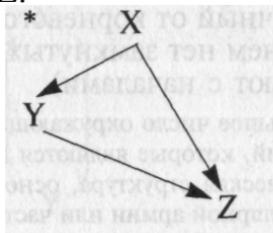
Так, если слово *хороший* является определением к слову *человек* (*хороший человек*), то неверно, что слово *человек* является определением (или еще каким-то зависимым) слова *хороший*, если глагол *читает* имеет дополнение в виде существительного *книгу* (*читает книгу*), то неверно, что глагол — дополнение (или еще какое-либо зависимое) существительного и т. д. Антисимметричность синтаксической зависимости означает, что это отношение — направленное: словоформы, входящие в такое отношение, обладают различными ролями. Смысл конструкции меняется при изменении направления зависимости,ср. *друга отца* и *отца друга*, или англ. *value restriction* 'ог-

раничение на значение' и *restriction value* 'значение ограничения'.

Синтаксическая зависимость, кроме того, является антитранзитивным отношением, т. е.:

(10) $(X \rightarrow Y) \& (Y \rightarrow Z) \Rightarrow \neg(X \rightarrow Z)$, где & - знак конъюнкции (логическое отношение, приблизительно соответствующее значению союза *и*).

Это означает, что никакая словоформа *X* не может быть вершиной одновременно двух словоформ *Y* и *Z*, таких, что *Y* — вершина *Z*:

Что получится, если соединить все словоформы, входящие в некоторое предложение, знаками отношений синтаксической зависимости? Множество точек, соответствующих словоформам, окажутся соединены отрезками (стрелками или дугами).

Зададим несколько определений. Множество *M* с заданным на нем бинарным отношением *R* называется **графом** и обозначается $\langle M; R \rangle$. Элементы множества *M* называются **узлами** графа $\langle M; K \rangle$. Пара узлов $\langle a, b \rangle$, для которой имеет место $R(ab)$ — что можно более наглядно записать как aRb , — называется **дугой** графа. Узел *a* называется **началом** этой дуги, а узел *b* — ее **концом**. Вместо «пара $\langle a, b \rangle$ является дугой» говорят «из *a* в *b* идет дуга» или «*a* подчиняет *b*». Узлы графа, не являющиеся началами никаких дуг, называются **висячими** или **листами**, узлы, не являющиеся ни началами, ни концами никаких дуг — **изолированными**. Последовательность узлов графа $a = a_0, a_1, \dots, a_n = b (n > 0)$ называется **путем (идущим) из a в b** в этом графе, если для каждого $i = 1, \dots, n-1$ *a* из a_{i-1} в *D* идет дуга; a_0 — **начало** пути, а a_n — его **конец**.

Примером графа можно считать, например, схему троллейбусных маршрутов — множество узлов (точек, обозначающих остановки), соединенных отрезками-дугами. Каждая дуга связывает две соседние остановки, т. е. такие, что от одной можно доехать до другой, не минуя промежуточной третьей остановки. Возможные маршруты между остановками *a* и *b* будут соответствовать путям, ведущим из *a* в *b* в графе. Другие

Часть I. Синтаксическое описание

примеры — множество предприятий, поставляющих друг другу продукцию (пример А.В. Гладкого) или отношения людей в коллективе. Отношение « x симпатизирует y », где x и y — переменные на множестве людей, задаст граф, причем x будет началом дуги, а y — ее концом; человек, не испытывающий ни к кому симпатию, будет соответствовать висячему узлу в графе, а человек, который, кроме того, сам никому не симпатичен, — изолированному узлу.

Конечный граф называется **деревом**, если: а) в нем существует единственный узел (называемый **корневым узлом**, или **корнем**), который не является концом никакой дуги; б) всякий его узел, отличный от корневого, является концом ровно одной дуги; в) в нем нет замкнутых путей (т. е. путей, концы которых совпадают с началами).

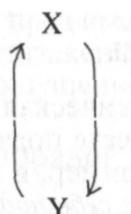
Можно указать на большое число окружающих нас множеств и определенных на них отношений, которые являются деревьями. Во-первых, это любая развитая иерархическая структура, основанная на единоначалии, например, единица регулярной армии или часть государственной машины (такая, как министерство). У каждого военнослужащего (или чиновника) ровно один непосредственный командир (начальник), но может быть несколько непосредственных подчиненных. Если вместо непосредственного руководства взять просто руководство, нарушится условие б), и схема подчинения не будет деревом. Иерархическая система, в которой не проведено различие между непосредственным подчинением и просто подчинением (например, рейтинг-лист или стая обезьян), деревом не является. Деревом является также: кубковая («олимпийская») система спортивных соревнований с выбыванием проигравшего; жульническая пирамида, при которой участникам обещают льготное приобретение товара или услуги в обмен на вовлечение в процесс продажи еще нескольких человек; цепная реакция деления атомов и многое другое. Наконец, деревом является и обычное (биологическое) дерево, если принять, что узлы — точки роста новых ветвей, а отношение, связывающее ближайшие точки, соответствует направлению роста.

Если S — конечная цепочка словоформ, то всякое дерево D для которого S служит множеством узлов, называется **деревом синтаксического подчинения** (или **деревом зависимостей**) для S .

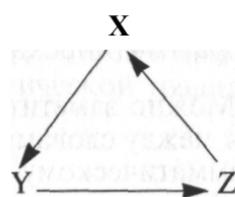
Для всякого ли речевого отрезка S , состоящего из словоформ, можно указать дерево синтаксического подчинения таким образом, чтобы дуги этого дерева соответствовали интуитивно выделяемым отношениям зависимости и только им? Важнейший факт заключается в том, что, по-видимому, для большинства предложений естественного языка отношения зависимости образу-

ют дерево. Для большей части предложений соблюдаются все три условия, входящие в определение дерева: условие а), которое можно назвать **принципом единственности корневого узла** (в предложении есть ровно одно слово, которое не имеет вершины), условие б) — **принцип единственности вершины** (слово может иметь только одну вершину; схематически этот запрет можно изобразить как $*X \rightarrow Y <- Z$) и условие в) — **принцип запрета на контур**, т. е. замкнутую структуру вроде (Па) или (116):

(11)

6.

4. Вершины и зависимые

Перейдем от смутных и интуитивных критериев синтаксической зависимости, которые использовались до сих пор, к критериям более строгим. К сожалению, в лингвистике на сегодняшний день нет формально строгой процедуры обнаружения синтаксической зависимости (или, что то же, ее отсутствия) между двумя произвольными словоформами.

Строгому определению поддается лишь математическая модель предложения — дерево зависимостей. Для того чтобы поставить в соответствие некоторой цепочке словоформ S лингвистически адекватное, или естественное [Гладкий 1985: 14—15], дерево зависимостей, необходимо для каждой пары словоформ выдвинуть гипотезу о наличии либо отсутствии (и в случае наличия — о направлении) зависимости между ними и оценить вероятность этой гипотезы с помощью нескольких критериев. Обычно множество наиболее вероятных гипотез зависимости для предложения S соответствует очень небольшому числу деревьев зависимости D для S (и чаще всего одному-единственному D). Однако есть и «неприятные» случаи, когда для S не обнаруживается ни одного D , которое можно было бы согласовать со всеми наиболее вероятными гипотезами зависимости для словоформ, входящих в D . Эти случаи будут рассмотрены в п. 8.

Нам потребуются критерии для решения двух задач: установления самого факта зависимости и разграничения вершин и зависимых. Критерии второго рода могут помочь и при решении первой задачи. Наиболее полно проблема разграничения вершин и зависимых решена И.А. Мельчуком, и ниже мы будем опираться в основном на его работы [Мельчук 1974а, Mel'cuk 1988] с некоторыми дополнениями и упрощениями; важное значение имеют также исследования [Zwicky 1985; Hudson 1987; Corbett et al. (eds.) 1993].

4.1. Грамматическая связанность

Можно заметить, что синтаксическая связь устанавливается между словами, которые вместе подчиняются какому-то грамматическому правилу. Например, в предложении (12) *Лицо Долохова, как всегда, имело на себе подобие улыбки* (Толстой, «Война и мир») пары слов, расположенных ниже в столбец, грамматически связаны; справа от каждой пары указаны правила, воздействующие на нее:

(12')

a. <i>лицо Долохова, подобие улыбки</i>	родительный падеж оформляет определение к существительному, выраженное существительным, и следует за определяемым существительным
b. <i>лицо имело</i>	сказуемое согласуется с подлежащим
c. <i>на себе</i>	предлог <i>на</i> управляет предложным падежом существительного и становится непосредственно перед ним
d. <i>имело подобие</i>	переходный глагол управляет винительным падежом дополнения
e. <i>как всегда</i>	подчинительный союз ставится в начале сравнительной конструкции

В то же время такие пары слов, как *Долохова и имело, лицо и подобие, себе и улыбки*, не объединяются никаким

грамматическим правилом и соответственно не обнаруживают синтаксической связи.

Грамматическая связанность, однако, не является достаточным условием синтаксической зависимости. В том же предложении (12) очевидным образом грамматически связаны, т. е. подчиняются одному правилу, слова *лицо* и *себе*: правило употребления возвратного местоимения гласит, что оно должно обозначать тот же референт, который выражен подлежащим. Однако синтаксической зависимости между ними все-таки не выделяют: в противном случае пришлось бы считать, что в предложениях *Иван видит меня* и *Иван видит себя* разная синтаксическая структура, что противоречит интуитивному ощущению, и лингвистической традиции.

4.2. Линейный порядок

Достаточным, однако, можно считать один частный случай грамматической связанности: если линейная позиция одного слова определяется по позиции другого слова, между ними имеет место синтаксическая зависимость. Так, определение, выраженное род. п., должно следовать за определяемым словом (12'a), а предлог — предшествовать существительному, к которому он относится по смыслу (12'b), значит, между этими парами слов наблюдается зависимость. Этот критерий особенно удобен для языков со строгим порядком слов. Например, в английском предложении (13) *She has brown eyes* 'У нее карие глаза' позиция слов *she* 'она' и *has* 'имеет' взаимозависима: в утвердительном предложении подлежащее предшествует сказуемому; *eyes* 'глаза' — прямое дополнение и поэтому должно непосредственно следовать за сказуемым *has*; позиция прилагательного *brown* 'карие' выбирается по отношению к слову *eyes*, а позиции слов *has* и *brown* никак не связаны друг с другом, несмотря на то что эти слова расположены рядом. Поэтому первые три пары слов связаны, а последняя пара слов — нет.

4.3. Фонетическая слитность

Две словоформы синтаксически связаны, если они образуют единый **фонетический комплекс**. Фонетическим комплексом называется такой отрезок предложения, который может выступать в речи изолированно и обычно произно-

Часть 1. Синтаксическое описание

сится без внутренних пауз или с минимальными паузами. Во многих языках такой комплекс характеризуется единым ударением или различием правил чередования на его внешних и внутренних границах. Например, в предложении (14) [Засну^уль] — приникни [к изголовью] // [И услиди] [печальный сон] (Баратынский) пары слов, выделенные квадратными скобками, образуют фонетические комплексы, что указывает на наличие синтаксической связи.

Иногда связанные словоформы (назовем их w_1 и w_2) не образуют фонетического комплекса, но при этом одна из них (например, W_1) образует фонетический комплекс F_1 , с фонетическим комплексом F_2 , т. е. один комплекс (\mathbb{X}) включает в себя другой, меньший (F_2). Обозначим границы комплекса с помощью квадратных скобок, причем пометим левую скобку именем комплекса: $F_1[F_2 + w_1]$

Если w_2 является вершиной внутри F_2 (предполагается, что синтаксическая структура F_2 уже выяснена): $F_1[F_2[\dots W_2 \dots] +$

- (15) a. $F_1[w_1 + \underline{\text{приникни}}] F_2[\underline{\text{к}} \underline{\text{изголовью}} \dots]$
 b. $F_1[w_1 + \underline{\text{я}}] F_2[\underline{\text{вижу}} \dots]$
 в. $F_1[w_1 + \underline{\text{что}}] F_2[\dots \underline{\text{он}} \underline{\text{ушел}}]$
 г. $F_1[F_2[\dots \underline{\text{его}} \dots] + \underline{\text{друга}}] F_2[\dots \underline{\text{встретил}}]$

В (14) сочетание *приникни* + *к* не образует фонетического комплекса, однако его образует *приникни к изголовью*, причем внутри вложенного комплекса *к изголовью* предлог *к* — вершина. Этого достаточно, чтобы установить, что *приникни* и *к* синтаксически связаны. Аналогичным путем можно установить связь между словами *что* и *ушел* в сочетании $f_1[что F_2[ОН ушел]]$, *я* и *вижу* в предложении $?_x[\text{я } y_7|\underline{\text{вижу}} \text{ цель}]$ и т. д.

Впрочем, нетрудно найти и такие синтаксически связанные словоформы, которые не связаны фонетически, ср. (15) *на этом долгом и бурном, продолжавшемся далеко за полночь совещании* или (16) *Чтоб, возмутив бескрылое желанье / В нас, чадах праха, после улететь* (Пушкин, «Моцарт и Салье-

ри»), где связаны первые и последние слова. Поэтому фонетический критерий нельзя рассматривать как необходимый признак синтаксической связи.

К сожалению, признак фонетической слитности не является и достаточным, ср. (17) *Вчера он. не собирался туда идти*, (18) *На банкет его зря позвали*, где слабоударные местоимения 3 л. отчетливо примыкают к предшествующим полуударным словам, с которыми синтаксически не связаны.

Есть и особый класс слов, фонетические свойства которых бывают совершенно не связаны с их синтаксическими свойствами (точнее, связаны по-другому, чем у обычных слов). Это фонетически несамостоятельные (примыкающие к «полноценному» слову, имеющему собственное ударение), но синтаксически свободные элементы, называемые *клитиками* [Плунгян 2000: 28—32; Riemsdijk, van (ed.) 1999]. Позиция клитики-частицы (например, *ли*, *же* или *не*) обычно соответствует ее синтаксической зависимости: она располагается рядом с тем словом, к которому относится по смыслу и с которым связана синтаксически: (19) а. ему ли так говорили, б. так ли ему говорили, в. говорили ли ему так; (20) а. не ему так говорили, б. ему не так говорили, в. ему так не говорили; в (19—20) выделены синтаксически связанные пары слов. Однако если клитикой является, например, местоимение, ее положение может быть никак не связано с ее синтаксической функцией, ср. франц. (21) а. *J'ai commence le premier chapitre de ce traite* 'Я начал первую главу этого трактата', б. *J'en ai commence le premier chapitre* 'Я начал его первую главу', где местоимение *en* 'его' не может входить в один фонетический комплекс со своей вершиной *chapitre* 'глава', но образует комплекс с подлежащим *je* 'я' и вспомогательным глаголом *ai*. Ср. также клитики — вспомогательные глаголы в английском языке, примыкающие к подлежащему (вместо полнозначного глагола, к которому они ближе грамматически): (22) *We'll consider it* 'Мы рассмотрим это', (23) *Your Daddy's coming* 'Твой папа идет' и т. п.

Перейдем теперь к критериям, с помощью которых можно отграничить вершину от зависимого.

4.4. Критерий эндоцентричности

Наиболее важным из таких критериев является тот, который был выдвинут Ч. Базеллом в развитие некоторых идей Л. Блумфилда. «Про один член синтагмы [словосочетания - Я.Т.] можно сказать, что он подчиняет второй, если первый характеризуется теми же признаками, которые характерны для всей синтагмы» [Bazell 1950: 11]. Действительно, если сопоставить (24) а. *вижу тебя*, б. *вижу и в. тебя*, то очевидно, что (24а) больше похоже на (24б), чем на (24в); про

Часть I. Синтаксическое описание

(25) а. *красивая девушка*, б. *красивая и в. девушка* можно сказать, что (25а) ближе по свойствам к (25в), чем к (256), т. е. вершиной в (24а) является *вижу*, а в (25а) - *девушка*. Надо лишь уточнить, какие именно свойства совпадают у вершины и всего словосочетания.

Чтобы установить различия между двумя классами языковых единиц — М и N, надо прежде всего обратить внимание на их сочетаемостные свойства, т. е. сравнить множества контекстов, способных включать М и N. Эти два множества контекстов и отношение между ними (совпадение, пересечение, непересечение, включение) называются **позиционным распределением (дистрибуцией)** М и N.

Позиционные распределения лежат в основе многих важнейших лингвистических понятий. Так, гласные отличаются от согласных не только артикуляторными и акустическими признаками, но и сочетаемостью (например, в слоге согласные выступают только вместе с гласным, а гласные распределены дополнительно, т. е. в слоге не может быть более одного гласного). По сочетаемости отличаются друг от друга корни и аффиксы, существительные и прилагательные, подлежащие и сказуемые. Сочетаемостными являются и признаки, интересующие нас сейчас, а именно те, значения которых совпадают для вершины и для сочетания «вершина+ зависимое», но отличаются для зависимого.

Селективными (= сочетаемостными) свойствами языковой единицы (или, что то же, ее синтаксикой) называется ее способность или неспособность сочетаться с другими единицами в одной речевой цепочке. Способность (или неспособность) X встречаться вместе с единицей Y называется **селективным признаком X**.

Рассмотрим предложение (26) *На высоких горах даже летом лежит снег. И высокая гора, и гора обладают очень сходной дистрибуцией*: они выступают, как правило, в одних и тех же позициях, типичных для существительного (одиночного или вместе с зависимыми словами). Эти позиции: (27) подлежащее: *{высокая} гора видна'*, (28) именная часть сказуемого: *Казбек — {высокая} гора'*, (29) употребление в заголовках, объявлениях, вывесках и т. п.: «*{Высокая} гора*» (название книги); (30) употребление в восклицаниях: *{Высокая} гора!* Далее, если пренебречь падежными различиями, сюда можно прибавить (31) дополнение: *увидели {высокую} гору*, (32) зависимое при предлоге: *на {высокой} горе*; (33) притяжательное определение: *вершина {высокой} горы*.

Прилагательное (одиночное или вместе с зависимыми словами, такими, как *очень*) обычно не употребляется в позициях (27, 29, 31—33), но допустимо в позициях (28, 30): *Девочка (очень) высокая* и (*Очень*) *высокая*/Кроме того, у прилагательного есть собственные позиции, недоступные для существительного: (34) препозитивное определение при существительном, например, (*очень*) *высокая гора*, (35) для качественных прилагательных — вершина в конструкциях со сравнительной степенью, например, *Казбек (гораздо) выше Таркитау*.

В (26) есть также синтаксически связанная пара слов *лежит снег*, причем в одних и тех же позициях могут употребляться *лежит снег* и *лежит*, но не *снег*, например, в позиции, когда они сочинены с группой сказуемого: *Лежит снег и сверкает на солнце; Лежит и сверкает на солнце*, но: **Снег и сверкает на солнце*. Близки селективные признаки у *летом* и *даже летом*: оба допустимы во всех позициях существительного (27—33), но слово *даже* допустимо в гораздо большем числе позиций, см. выше разбор примера (4).

Обратим внимание на одно важное обстоятельство: все перечисленные позиции характеризовали внешние селективные признаки слов и пар слов (т. е. то, в какие конструкции они могут быть включены в качестве зависимых), но не их внутренние селективные признаки (т. е. способность присоединять к себе определенные зависимости). По способности присоединять зависимости можно обнаружить некоторые сходства между (36) *гора* и (36') *высокая гора*, например, и к (36), и к (36') можно присоединить прилагательное, но есть и различия (способность присоединить наречие). В целом показательной является не способность присоединять зависимости, называемая **активной синтаксической валентностью** (см. подробнее гл. III 1.2), а способность присоединяться к вершинам определенного вида или не иметь никакой вершины, называемая **пассивной синтаксической валентностью**. Итак:

Пассивная валентность словоформы представляет собой множество контекстов, в которых она может выступать либо как зависимое, либо как вершина, не являющаяся зависимым никакой другой единицы (т. е. соответствующая корневому узлу). **Пассивная валентность пары синтаксически связанных словоформ** представляет собой множество контекстов, в которых одна из них в составе этой пары может выступать либо как зависимое третьей словоформы, либо как вершина, не являющаяся зависимым никакой другой словоформы.

Пользуясь этими понятиями, можно теперь более строго сформулировать **критерий Базелла**:

(37) В предложении словоформа W_1 зависит от словоформы w_2 , если пассивная валентность пары $W_1 + w_2$ в основном совпадает с пассивной валентностью w_2 .

Напомним, что (37) представляет собой не определение зависимости (как сказано выше, такого определения пока не выработано), а всего лишь критерий ее выделения. Конечно, в качестве определения (37) было бы непригодно, так как создает круг: пассивная валентность определялась бы через зависимость, а зависимость — через пассивную валентность. В (37) для того чтобы определить направление зависимости в паре синтаксически связанных словоформ, требуется знать направление зависимости между одной из этих двух словоформ и некоторой третьей словоформой.

Есть, однако, и такие пары синтаксически связанных словоформ, в которых селективные признаки целого не совпадают с селективными признаками ни одной из двух составляющих словоформ. Таковы, например, сочетания с предлогами, как *на горах* в (26) или с подчинительными союзами (*что придет*), или со вспомогательными глаголами (*был обнажен*, англ. *He is gone* 'Он ушел'). Трудность заключается в том, что изолированно, без зависимых слов, предлоги и подчинительные союзы в полных предложениях не употребляются (**На лежит снег*; **Знаю, что*'), а вспомогательные глаголы отдельно употребляются в другом лексическом значении (*Он был*; *He is* 'Он есть'), поэтому и невозможно установить признаки, свойственные только им, а не всему сочетанию.

Такие сочетания слов, распределение которых не совпадает с распределением ни одного из составляющих их слов, называются **экзоцентрическими**, а сочетания, распределение которых совпадает (или почти совпадает) с распределением одного из составляющих их слов (а именно вершины), называются **эндоцентрическими** [Блумфилд 1968 (1933):

В примерах типа *Надо что-то делать, и я знаю, что* (*надо делать*) в придаточном представлен не союз *что*, а совпадающее с ним по форме местоимение. Изолированное употребление предлога возможно при сокращении (эллипсисе) совпадающих частей однородных членов в диалогической речи: *Вам чай с сахаром или без (сахара?)*. Изоляция предлога встречается и как художественный прием, напоминающий Preposition Stranding в английском или скандинавских языках: *Что это такое — нужен ? Это когда нельзя обойтись без. Это когда все время думаешь о. Это когда всю жизнь стремишься к* (А. и Б. Стругацкие, «Улитка на склоне»).

207—210]. Используя последний термин, критерий Базелла можно также называть **критерием эндоцентричности**.

В случае экзоцентрических сочетаний важно, что именно предлог или союз определяют селективные свойства целого: позиции, в которых может встретиться *на горах* (например, позиция обстоятельства), определяются предлогом *на*, а не существительным *горах*; допустимые позиции придаточного предложения определяются союзом, а не другими словами придаточного: например, способность группы (38) *что он болен* выступать в функции придаточного определяется союзом *что*, а не подлежащим (*он*) и не сказуемым (*болен*): (39) а. *Что он болен, никто не знал*; б. **Он болен, никто не знал*. Существенное различие в дистрибутивных признаках между сочетанием существительного с предлогом и существительным без предлога может быть объяснено только свойствами предлога, хотя позиций его изолированного употребления не существует. «Несмотря на то что результирующее словосочетание в экзоцентрической конструкции выполняет функцию, отличную от той, какую выполняет любое из его составляющих, тем не менее одно из составляющих обычно является специфичным для данной конструкции и благодаря этому используется для характеристики получающегося в результате словосочетания» [Блумфилд 1968 (1933): 207].

Итак, в общем случае неверно, что пассивные валентности сочетания *с о в падаю т с* пассивными валентностями его вершины, но верно другое: пассивные валентности всего сочетания определяются свойствами вершины, но не зависимого.

До сих пор мы рассматривали лишь такие пассивные валентности словоформ, которые характеризуют стоящие за ними лексемы, пренебрегая, например, различием форм падежей существительного (27—33) или различием форм степени сравнения прилагательного (34—35). Конечно, это огрубление, потому что различия морфологических форм влияют на сочетаемость. Понятно, что, например, вершины, к которым может присоединяться существительное в род. п. (*у брата, дом брата*) и вершины, к которым присоединяется существительное в дат. п. (*сообщил брату; к брату*) — разные. Однако для того, чтобы установить направление зависимости в сочетаниях *брата мальчика* или *брату мальчика*, эти различия не имеют значения. Можно сделать поэтому следующий вывод: пассивные валентности сочетаний, важ-

ные для установления направления зависимости внутри сочетания, определяются главным образом лексическими свойствами вершины, а именно той частью речи, к которой она относится (существительное, глагол, прилагательное, предлог и т. д.), и сами эти валентности можно отнести не к словоформе-вершине, а к той лексеме, которую она представляет.

ЗАДАНИЕ 3. Пользуясь критерием эндоцентричности, установите, какой элемент является вершиной, а какой - зависимым, в выделенных словосочетаниях:

1. **справа от окна**
3. **надо еще подождать**
4. **встреча, устроенная хозяевами**
5. **родился пятого апреля.**

4.5. Морфосинтаксический локус

Критерий эндоцентричности, однако, не дает результата в тех случаях, когда и зависимое, и вершина относятся к одной и той же части речи, вследствие чего их наиболее важные пассивные валентности совпадают: (40) *встав, уйдет*, (41) *учитель сестры* или (42) *город-герой*. Здесь может помочь второй важный критерий вершины — критерий морфосинтаксического локуса [Zwicky 1985].

Морфосинтаксическим локусом называется такой элемент сочетания, в котором морфологически выражается связь сочетания с внешним контекстом (под **внешним контекстом** имеются в виду те словоформы, про которые установлено, что словоформы, входящие в анализируемое сочетание, являются их зависимыми или опосредованными зависимыми).

В сочетании из двух словоформ ту словоформу, морфологические связи которой с внешним контекстом словосочетания более важны, чем связи другой словоформы, естественно считать вершиной. Морфосинтаксическим локусом сочетания является тот его элемент, который либо морфологически изменяется под влиянием внешнего контекста, либо сам определяет морфологическое изменение некоторых элементов внешнего контекста.

В примере (40) носителем морфологической связи с внешним контекстом является *уйдет*, но не *встав*, а в (41) - *учитель*, но не *сестры*. Во-первых, именно эти слова изменяют морфологическую форму под воздействием внешнего контекста: (40') мы, встав, уйд-ем; хочу, встав, уй-ти; что-

бы, встав, уш-ел; (41) вижу учитель-я сестры; с учител-ем сестры; сообщить учител-ю сестры и т. д. — изменяется вершина, но не зависимое. Во-вторых, только эти слова воздействуют на морфологическую форму во внешнем контексте: (41") а. Учитель сестры прише-л-0, но б. *Учитель сестры приши-л-а (согласование по роду).

В соответствии с критерием морфосинтаксического локуса можно установить вершину в аппозитивных конструкциях (= конструкциях с приложением). В русском языке вершиной обычно является их первый элемент: (42') Мы увидели славный город-герой (//^{*}города-героя); (43) Печка-нагреватель стоила (//^{*}стоил) сорок рублей, однако есть и случаи, когда более естественно считать вершиной второй элемент: (44) В путь-дорогу дальную (//[^]дальний) я тебя отпра-влю. Иногда морфосинтаксическим локусом для разных грамматических явлений оказываются оба существительных: (45) а. Черн-ая птица-шофер на лету отвинтил-Q правое пе-реднее колесо (Булгаков, «Мастер и Маргарита» [Месик 1988: 147]), когда определение согласуется с одним существительным, а сказуемое — с другим.

ЗАДАНИЕ 4. Применив критерий морфосинтаксического локуса, определите вершины и зависимые в следующих (выделенных) словосочетаниях:

- 1) Многом из студентов этот преподаватель нравится.
- 2) Увидел шесть человек.

Обычно оба критерия (пассивных валентностей и морфосинтаксического локуса) согласуются друг с другом, однако есть, по крайней мере, два известных случая, когда они вступают в противоречие. Первый — конструкции с существительными, обозначающими часть или меру: половина ком-наты, группа студентов, стакан молока, множество объек-тов, большинство депутатов и т. п. Пассивные валентности таких сочетаний определяются существительными в род. п., а существительное со значением части или меры ничего не привносят в селективные признаки всего сочетания (кроме грамматических признаков числа и рода, проявляющихся при согласовании). Однако морфосинтаксическим локусом сочетания является именно последнее: пришла групп-а студен-тов, пригласил групп-у студентов и т. д.

Второй случай, семантически и грамматически очень близкий к первому, представляют русские числовые конструкции в тех синтаксических контекстах, в которых требует-

ся им. п. или вин. п., например (46) *От него пришло (пришли) два письма*; (47) *Мальчик съел шесть конфет*. С одной стороны, в (46) числительное стоит в им. п., а в (47) — в вин. п., т. е. именно в тех падежах, которые обусловлены внешним контекстом, а существительное в обоих случаях стоит в род. п. Таким образом, в соответствии с критерием морфосинтаксического локуса вершина числовой конструкции — числительное. С другой стороны, пассивные валентности сочетания числительное+существительное почти полностью совпадают с пассивными валентностями существительного⁴. Благодаря этому парадоксу русские числовые конструкции — излюбленная тема исследователей, изучающих соотношение свойств вершин и зависимых [Мельчук 1985, Babby 1987, 1988; Corbett 1993, Franks 1994; Исакадзе 1998].

4.6. Другие критерии

Могут быть полезны и другие критерии разграничения вершин и зависимых, в особенности для языков с бедной морфологией, для которых два предыдущих критерия окажутся плохо применимыми. Таков, например, семантический критерий: при удалении зависимого наблюдается редукция, или «умаление» значения целого, а при удалении вершины — изменение значения. Например, требуется установить направление зависимости в английском сочетании *stone wall* 'каменная стена'. Оба слова относятся к тому же дистрибутивному классу, что и сочетание в целом, так что критерий эндоцентричности неприменим; с трудом применим и критерий морфосинтаксического локуса ввиду бедности морфологии в английском языке. Единственная заметная морфологическая форма, связывающая сочетание с грамматическим контекстом — генитивная конструкция на *'s* (*stone wall's*) оформляет скорее все сочетание, чем отдельное слово. Однако сравним предложения (48) а. *He climbed the stone wall* 'Он залез на каменную стену'; б. *He climbed the wall* 'Он залез на стену' и в. *He climbed the stone* 'Он залез на камень'. (48б) «уменьшает» значение (48а), но не противоречит ему и даже является его импликацией (логическим след-

Ср., однако, конструкции с несовершенным видом глагола-сказуемого: *Мальчик ел конфеты*, но ?? *Мальчик ел шесть конфет*; *От него идут письма*, но ?? *От него идут два письма* (пример С.А. Крылова, устн. сообщ.)-

ствием), а (48в) вступает в противоречие с (48а). Следовательно, *stone* — зависимое, а *wall* — вершина.

Для разграничения вершин и зависимых могут быть использованы и системные соображения: можно исходить из того, что некоторый вид зависимых скорее всего ведет себя так же (например, в отношении линейного порядка), как и другие виды зависимых того же языка. Так, в арабском языке все без исключения зависимые следуют за своими вершинами, а в японском — предшествуют им. Однако такое единобразие порядка слов в разных видах словосочетаний большинству языков несвойственно, и зависимые разных типов чаще все же различаются по этому и по многим другим свойствам, так что системный критерий надо применять с осторожностью.

Довольно часто используется критерий **опущения**: вершину, в отличие от зависимого, невозможно опустить без нарушения правильности или смысла предложения (даже при изменении морфологической формы остающегося зависимого). И.А. Мельчук, однако, указал на некоторые случаи, когда критерий опущения дает ложный результат. Рассмотрим, например, словосочетание *около десяти километров*. Словосочетание с *около* возможно только в синтаксической позиции, требующей им. или вин. п. (но не после предлога) (?не хватает около десяти километров; "^нпостроение около десяти километров шоссе; *деньги ушли в около десяти километров дороги, *к около десяти километрам, *он заинтересовался этими около десятью километрами), а сочетание без *около* возможно в любой позиции, которая допускает простые существительные. Поэтому, несмотря на то что *около* может быть опущено без ущерба для грамматичности, его естественно считать вершиной, а не зависимым, так как именно оно определяет пассивные валентности всего сочетания. Так же обстоит дело и с другими аппроксимативными и дистрибутивными⁵ предлогами и сходными с ними по функции наречиями в русском языке: *не более тысячи рублей, свыше пятисот рабочих, по три письма* и т. д. Эти единицы определяют внешнюю дистрибуцию всего сочетания (*расстался с не более тысячью рублями/рублей, *сообщили свыше пятисот рабочих/рабочим,

Аппроксимативный — выражающий приблизительное значение (например, слова *приблизительно, около, примерно* и т. п.); **дистрибутивный** — выражающий распределительное значение (например, предлог *по* в выражении *по яблоку*).

*включил в по три письма) и, следовательно, являются вершинами, но могут быть опущены. Аналогично и во французском языке (49) а. *J'ai achete beaucoup de livres* 'Я купил много книг', б. *J'ai achete des livres* 'Я купил книги', в. "*J'ai achete beaucoup* 'Я купил много', притом что *beaucoup* 'много' является вершиной.

С этими недостатками критерия опущения можно было бы смириться, если бы не другой, еще более важный, его недостаток: «способностью» (или «неспособностью») некоторого слова к опущению лингвисты склонны называть очень разнородные явления, обусловленные не только направлением зависимости, но и многими другими факторами, причем отделить эти посторонние факторы от фактора направления зависимости бывает очень трудно. Например, в выражениях (50) а. *А я пью пиво, карман внутри рюкзака, слишком ярко накрашенный* в подчеркнутых сочетаниях опущению поддаются как вершины (б. *А я — пиво, карман рюкзака, слишком накрашенный*), так и зависимые (в. *А я пью, карман внутри, ярко накрашенный*), причем условия и последствия этих опущений настолько разнообразны, что использовать их как критерий направления зависимости не представляется возможным.

5. Центральное положение глагола

На одном частном случае разграничения вершины и зависимого стоит остановиться особо — это синтаксическая связь глагола-сказуемого и подлежащего. Как следует из определения дерева, в дереве зависимостей должен быть ровно один корневой узел, который не является зависимым никакого другого узла. В предложении корневой узел соответствует финитному глаголу-сказуемому главного предложения. Финитным называют глагол в финитной грамматической форме, т. е. в такой, которая допустима в позиции главного сказуемого. Финитными формами являются, например, настоящее время индикатива или императив; в русской грамматике финитные глаголы принято называть личными, так как только они имеют форму грамматического лица, а в английской грамматической традиции их называют *tensed* «временные», потому что в английском только они имеют форму времени.

В европейской грамматической традиции долгое время было принято считать, что в предложении не один, а два

главных члена — существительное-подлежащее и глагол-сказуемое. Во-первых, имелось в виду, что они соответствуют необходимой логической структуре высказывания (= суждения) - логический субъект и логический предикат. Во-вторых, считалось, что вместе они образуют «структурный минимум» предложения, и для некоторых языков это верно. Например, в английском, немецком и французском языках очень мало предложений, в которых отсутствует выраженное подлежащее или выраженное сказуемое; однако, например, для итальянского, арабского и русского языков это не так. В-третьих, подлежащее и сказуемое — единственная пара грамматических единиц, про которые было известно, что они определяют форму друг друга: сказуемое управляет падежом подлежащего, но сказуемое согласуется с подлежащим.

Идея центрального положения глагола встречается уже у А.А. Потебни («Предложение невозможно... без *verbum finitum*, а само по себе *verbum finitum* составляет предложение» [Потебня 1958 (1888): 84]). В развернутой и эксплицитной форме идею зависимости подлежащего от глагола-сказуемого впервые высказал Л. Теньер. Несмотря на то, что аргументацию, которой Теньер обосновывал эту идею в своей знаменитой книге «Основы структурного синтаксиса» [1988 (1959): 118—121], трудно признать убедительной⁶, постулат о центральном положении глагола хорошо соответствует фактам самых различных языков и поэтому получил широкое признание.

Доказать, что в сочетании 'подлежащее+сказуемое' вершиной является сказуемое, а не подлежащее, с помощью предложенных выше критериев не составляет труда. Совокупность пассивных валентностей предложения (51) *Иван работает* в основном совпадает с пассивными валентностями глагола *работает*. Так, подчинительные союзы могут присое-

6 «В состав предиката иногда входят элементы, природа и внутренняя структура которых полностью сопоставимы с характером и структурой элементов субъекта... Возьмем, например, предложение *Votre jeune ami connaît ton jeune cousin* 'Ваш юный друг знает моего юного кузена'... Здесь элемент *ton jeune cousin* 'моего юного кузена' образует субстантивный узел, совершенно аналогичный узлу *votre jeune ami* 'ваш молодой друг'... Следовательно, нет никаких оснований помещать их на разных уровнях, что неизбежно, если допустить противопоставление субъекта и предиката» [Теньер 1988 (1959): 119]. Рассуждая таким же образом, придется сделать вывод, что, например, «субстантивные узлы», образуемые притяжательными определениями (*Юный друг моего старшего сына знает младшего брата твоего хорошего знакомого*), следует помещать на том же иерархическом уровне, что подлежащие и дополнения.

Часть 1. Синтаксическое описание

динять и глагол (52) а. что *работает*, и предложение б. что *Иван работает*. Однако в. *что *Иван* не является связной синтаксической конструкцией. Из этого можно заключить, что вершиной в (51) является *работает*, а не *Иван*. Применение критерия морфосинтаксического локуса дает тот же результат: обязательное изменение формы при вложении (51) в другое предложение (53) Я хочу, чтобы *Иван работал* (//**работа-ет*) затрагивает глагол-сказуемое, но не подлежащее. При «согласовании времен», например, в германских или романских языках, взаимодействуют формы сказуемых, но не подлежащих: англ. (54) *I knew that he was (J/*is) your friend* 'Я знал, что он твой друг'. Буквально (54) значит 'Я знал, что он был твоим другом', но такой перевод был бы неточен: время в сказуемом придаточного определяется в (54) временем в сказуемом главного предложения, а не реальным временем.

Что же касается взаимной грамматической зависимости подлежащего и сказуемого, то известно множество языков, в которых сказуемое согласуется не только с подлежащими, но и с дополнениями. Например, в абхазском языке глагол может согласоваться одновременно с подлежащим и двумя дополнениями — прямым и косвенным. Как происходит такое согласование, читатель может увидеть, решив следующую задачу:

ЗАДАЧА 1-1. Даны предложения на абхазском языке и их переводы на русский язык. Некоторые абхазские предложения и их переводы пропущены:

Амра ацгу лкит
Ахра амшэ икит
Ацгу ацыс аkit
Адгур ачкун дикит
Амшэ Амра дакит
Л[^]кун Амра азгаб длитхит
Адгур ацгу ацыс аигеит
Азгаб Ахра ацгу шггеит
Амра амшэ Ахра далтхит
Амра а[^]кун ацыс шггеит
Заполните пропуски.

Примечания. 1. Адгур, Амра, Ахра — имена людей.
2. шэ, ц, ч, з, Г, Т ~ особые звуки абхазского языка.

Амра поймала кошку.
Кошка поймала птицу.
Адгур поймал мальчика.
Адгур отдал Амру мальчику.
Мальчик отдал девочку Амре.
Адгур отдал птицу кошке.
Девочка отдала кошку Ахре.
Амра отдала Ахру медведю.
Кошка отдала птицу Амре.
Амра отдала птицу мальчику.

6. Виды синтаксических отношений

До сих пор деревья зависимостей включали в себя только два типа элементов: узлы и стрелки (знаки бинарного отношения на множестве узлов). Узлы интерпретировались как словоформы, а стрелки как отношение вершины и ее зависимого. Однако информации, содержащейся при этом в дереве зависимостей, явно недостаточно, чтобы достичь приемлемой степени детализации в описании структуры предложения. Например, различия между (55) а. *десять рублей* и б. *рублей десять*, (56) а. *брат-учитель* и б. *брат учителя*, (57) а. *он переводит*, б. *ему переводят* и в. *его переводят* следует считать синтаксическим, так как это различие в конструкциях, объединяющих слова, а не в самих словах. Однако и (55аб), и (56аб), и (57аб) в терминах структур зависимостей выражаются одинаково.

Необходимо, следовательно, усложнить деревья зависимостей, снабдив их дуги некоторыми метками — знаками типов синтаксических отношений.

Если S — линейно упорядоченная цепочка словоформ, а D — дерево подчинения на S , то упорядоченная тройка $\langle D, Z, \psi \rangle$, где Z — конечное множество, элементы которого называются **метками**, а ψ — отображение множества дуг дерева D в Z («разметка»), называется **размеченным деревом подчинения**.

Например, если *Я вижу высокий дом* — цепочка £, (58a) — дерево D , а {субъект.; прямоб.; опред.} — множество меток Z , то (58б) является размеченным деревом подчинения ψ :

Грамматический смысл пометок таков: субъектн. — субъектное отношение (между подлежащим и сказуемым),

прямооб. — прямообъектное отношение (между глаголом-сказуемым и прямым дополнением), опред. — определительное отношение (между определением и определяемым словом).

Приведем примеры некоторых меток зависимостей (содержательно — имен синтаксических отношений) для русского языка, в основном из списка, предложенного И.А. Мельчуком [1974а: 221-235]:

(59)

а. субъектное (между сказуемым и подлежащим):

Мальчик ← бежит; Денег ← нет; Жизнь прожить — не поле перейти;

б. прямообъектное (между сказуемым и прямым дополнением):

вижу → мальчика;

в. непрямо-объектное (между сказуемым и косвенным дополнением):

сказал → мне, сопротивление → врагу;

г. аппозитивное (между существительным и приложением):

диван ← кровать; треугольник → ABC;

д. ограничительное (между ограничительной или отрицательной частицей и словом, к которому она относится по смыслу):

только ← посмотреть; не ← для всех;

е. определительное (между существительным и его согласованным определением):

первая ← страница; пример, → рассмотренный выше;

ж. посессивное (между существительным и его несогласованным определением):

книга → мальчика; человек высокого роста;

з. количественное (между числительным и определяемым им существительным):

пять → яблок; оба → приятеля;

и. обстоятельственное (между глаголом и его обстоятельством):

лежать → на диване; шел → лесом; когда позвонили в дверь, я вышел;

й. отпредложное (между предлогом и управляемым им существительным):

без → головы; несмотря на → усталость;

Глава I. Слово и предложение. Структура зависимостей

- к. присвязочное (между глаголом-связкой и именной частью сказуемого):
был -> болен; станет -> руководителем;
- л. сочинительно-союзное (между сочинительным союзом и словом, стоящим справа от него):
книги, журналы или -> газеты; война и -> мир;
- м. инфинитивно-дополнительное (между глаголом или существительным и его дополнением, выраженным инфинитивом):
необходимость -> объясняться, хочу -> есть.

С помощью этого списка дерево для примера (4) можно разметить следующим образом:

(60)

огран. опред. предик. инф.-доп. обет. отпредл.

Укажем часть разметки для примера (5):

(61)

присв. обст.

обст.

присв.

огран. опред.

Одно и то же дерево при разной разметке может обладать различным значением. Например, словосочетание (62) *отзыв оппонента Иванова* имеет, по крайней мере, два значения: при одном идет речь об оппоненте человека по фамилии Иванов, а при другом — об оппоненте с такой фамилией. Эти два значения соответствуют одному и тому же дереву, но с разной разметкой:

(62') отзыв оппонента Иванова

посс. посс.

(62'') отзыв оппонента Иванова

Часть I. Синтаксическое описание

ЗАДАНИЕ 5. Для каждого из следующих предложений укажите две разметки одного и того же дерева подчинения, отвечающего его разным значениям:

1. Иванов был прислан к нам инспектором.
2. Критика Петрова была очень резкой.

7. Проективность

Вернемся к вопросу, который остался нерешенным в п. 2 — о соотношении дерева зависимостей и линейного порядка. Линейный порядок слов в дереве не отражается, и одно и то же дерево может соответствовать нескольким порядкам. Однако соотношение синтаксических зависимостей и порядка слов не произвольно.

Благодаря использованию структур зависимостей несколько лингвистов и математиков одновременно и по большей части независимо друг от друга (Цейтин 1959; Харпер и Хейс 1966 (1960); Lecerf 1960; Белецкий 1961; Фитиалов 1962) открыли важное свойство большинства предложений естественного языка — их проективность.

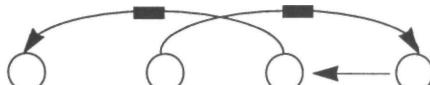
Предложение называется **проективным**, если, при том, что все стрелки зависимостей проведены по одну сторону от прямой, на которой записано предложение, а) ни одна из стрелок не пересекает никакую другую стрелку (**принцип не-пересечения стрелок**):

(63)

- а. ? передали текст вчера заявления
б. *сестра красивая Андрея очень

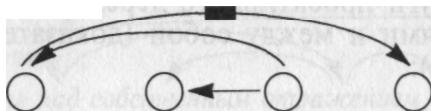
(64)

- а. сколько можно меду съесть
б. *своей гордый поездки результатами

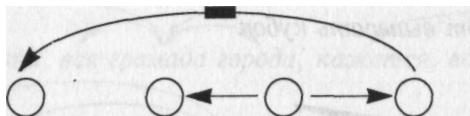
и б) никакая стрелка не накрывает корневой узел (**принцип необрамления стрелок**):

(65)

- а. увидеть очень нужно учителя
б. пиво он любит темное

(66)

- а. учителя очень нужно увидеть
б. *моего тот знакомый отца

Черным прямоугольником в (63—66) помечены стрелки, нарушающие а) или б); то, что половина примеров снабжена знаками * и ? — в порядке вещей, так как непроективные предложения весьма часто бывают грамматически неправильными.

Проективным является, например, предложение (67а), но не (67б), где наблюдается пересечение стрелок, и не (67в), где имеет место их обрамление:

(67) a.

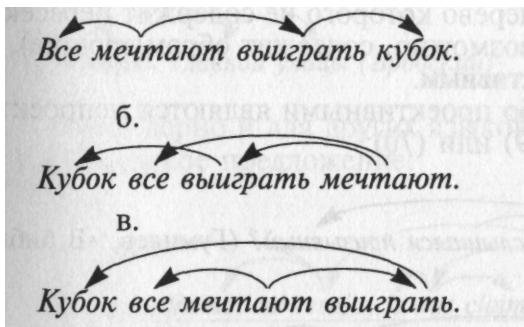

Диаграмма дерева зависимостей может быть построена над анализируемым предложением и таким образом, чтобы точки на горизонтальной оси были расположены в линейной последовательности узлов, а вертикальная ось отражала бы высоту узлов в дереве подчинения (высотой называется длина пути из корня в данный узел). Если при этом соединить каждую словоформу с соответствующим узлом дерева верти-

Часть 1. Синтаксическое описание

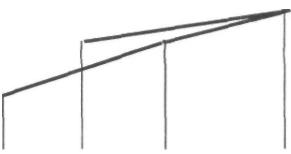
кальной чертой, дуги проективного дерева не будут пересекаться с вертикалями и между собой (доказательство см. в [Гладкий 1985: 20]):

(68) а.

Все мечтают выиграть кубок

б.

Кубок все выиграть мечтают

в.

Кубок все мечтают выиграть

Предложение, дерево которого не содержит пересекающихся стрелок (но, возможно, содержит обрамляющие), называется **слабо проективным**.

Например, слабо проективными являются непроективные предложения (69) или (70):

(69)
Чей крик послышался призывающий? (Гумилев, «В библиотеке»)

(70)
Судачки можно встретить и в «Колизее» (Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

Неформально смысл проективности можно разъяснить так: слова, близкие друг к другу синтаксически, должны быть близки и по расположению в тексте. Можно привести примеры синтаксически весьма сложных предложений, которые тем не менее безупречно проективны:

(71)

Зависнув над собственным отражением в бесчисленных водах
своих рек и каналов, словно по волшебству ставшая вдруг
невесомой, вся громада города, кажется, вот-вот качнется
от легкого ночного ветерка (М. Кураев, «Ночной дозор»)

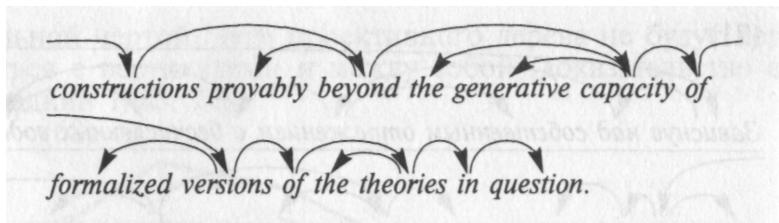
(72)

Уставшее от собственных причуд
Пространство как бы скидывает бремя
величья, ограничиваясь тут
чертами Главной улицы (Бродский)

То же верно и для других языков. Проективно, например, английское предложение:

(73)

These mathematical results, it was claimed, could be used to
demonstrate conclusively the inadequacy of certain theories
of syntax, on the grounds that natural languages exhibited

могли быть использованы, чтобы убедительно показать недекватность определенных синтаксических теорий, по той причине, что естественные языки обнаруживают конструкции, которые, как может быть доказано, очевидно выходят за пределы порождающей способности формализованных версий таких теорий' (Th. Wasow, предисловие к [Sells 1985])

Непроективность обычно маркирована, т. е. несет некую особую информацию, которая в соответствующем проективном предложении не содержится. Такой информацией может быть определенное значение (например, значение вопроса) или указание на признак ситуации речи, стиль и т. п. Непроективными конструкциями изобилует, например, русская разговорная речь:

В письменной речи непроективность часто возникает у малообразованных людей⁷ или в стихах, где правила порядка слов существенно отличаются от прозы:

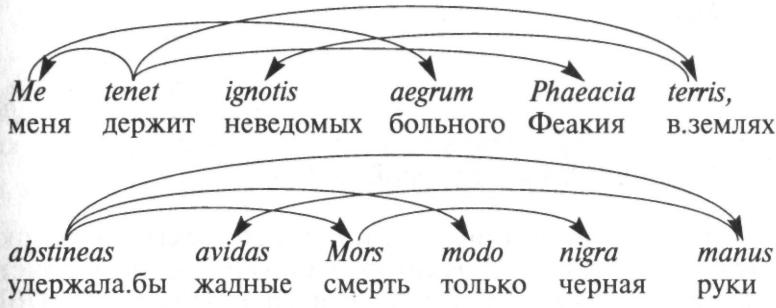

Непроективность — один из признаков бюрократически-делового стиля, который в советское время распространился на многие изначально чуждые ему сферы и в значительной мере сохраняет свои позиции в современной публичной политике, культуре, науке и образовании: *Обсуждение поправок было проведено к закону о банкротстве; Со стороны милиции указанные факты вымогательства не имели места* и т. п. А.В. Гладкий [1985: 23] приводит характерный пример из романа В. Дудинцева «Не хлебом единным» (1956), где одному из персонажей — «деятельно науки» — автор дает следующую речевую характеристику: ...*рассмотрев выдвинутые здесь предложения товарищем Лопаткиным...*

Глава I. Слово и предложение. Структура зависимостей

Непроективность очень характерна, например, для языка латинской поэзии. Приведем достаточно характерный пример из элегии (I, 3) Тибулла:

(16)

'Больного, меня удерживает Феакия в неведомых землях; черная смерть, только бы ты убрала [от меня свой] жадные руки!'

ЗАДАНИЕ 6. Определите причину неоднозначности следующих предложений и объясните, почему одно из двух или более значений кажется более естественным, чем другое (другие):

- 1) Он из Германии туманной привез учености плоды (Пушкин, «Евгений Онегин»).
- 2) Дарить и передавать недвижимое имущество по наследству разрешается любому гражданину.

ЗАДАНИЕ 7. Приведите 4-5 примеров непроективных предложений, свойственных русской разговорной речи, но неприемлемых для литературного языка.

Проективность часто нарушается в вопросительных предложениях (77), в предложениях с выделением какого-то элемента (78—79), в относительных предложениях (80):

(77)

англ. What does he need it for?
'Зачем ему это нужно?'

(78)

Соловьев после войны в Ленинграде пропасть была (М. Кураев, «Ночной дозор»).

Часть I. Синтаксическое описание

(79)

Прозванья нам его не нужно (Пушкин, «Медный всадник»).

(80)

франц. *L' histoire dont je connais la fin*
 АРТ история которой я знаю АРТ конец
 'История, конец которой я знаю'

франц. *U histoire dont je connais la fin*
 АРТ история которой я знаю АРТ конец
 'История, конец которой я знаю'

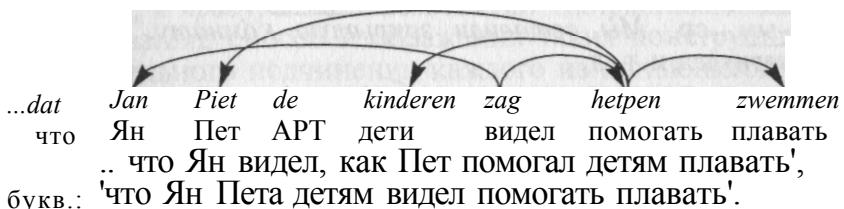
Обратим внимание на то, что непроективность оказывается обязательной в некоторых синтаксических конструкциях, таких, как (77) или (80). В работе [Huubregts 1976] было обращено внимание на одну конструкцию с вложенными друг в друга инфинитивными оборотами в голландском языке, где обязательна многократная непроективность. Хотя к такому вложению способны лишь несколько глаголов, обороты с инфинитивами от этих глаголов могут вкладываться один в другой теоретически неограниченное число раз (под-

(81) а.

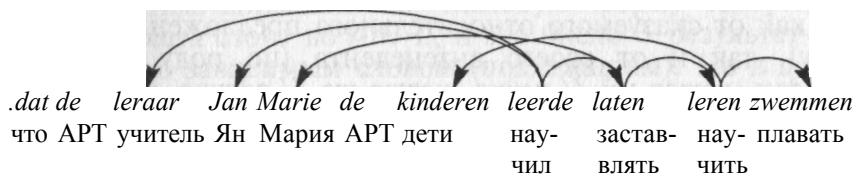
... *dat Jan de kinderen zag zwemmen*
 что Ян АРТ детей видел плавать
 '... что Ян видел, как дети плавали'.

ИГ *de kinderen* 'детей', которая по смыслу является подлежащим (или, как обычно говорят, субъектом) инфинитивного оборота, занимает позицию дополнения в придаточном предложении. Дополнение в придаточном по общему правилу предшествует глаголу-сказуемому, а остальная часть инфинитивного оборота следует за ним. Получается буквально «что Ян детей видел плавать».

Может быть, *de kinderen* и есть дополнение придаточного при переходном глаголе *zien* (прош. вр. *zag*) 'видеть', а не подлежащее инфинитивного оборота? Тогда трудно объяснить, каким образом в (816), где эта же ИГ выступает несомненно как дополнение инфинитивного оборота, она все равно обнаруживается в позиции, в которой должно находиться дополнение придаточного:

В (81 в) сразу три дополнения из трех последовательно вложенных друг в друга инфинитивных оборотов оказываются перед глаголом-сказуемым придаточного:

*!.. что учитель научил Яна (, как) заставить Марию научить детей плавать'.

Остается допустить, что как подлежащее, так и дополнения при некоторых инфинитивных оборотах (теоретически сколь угодно раз вложенных один в другой) способны «выдвигаться» из них в позицию дополнения придаточного предложения, что и создает регулярную непроективность.

8. Трудности с применением структур зависимостей

Несмотря на то что структуры зависимостей достаточно убедительно приложимы к описанию разнообразных синтаксических конструкций, часто возникают и серьезные трудности с их применением.

Во-первых, в некоторых конструкциях как будто бы нарушается принцип единственности вершины. Например, в русском языке прилагательное в тв. п. может употребляться не только в качестве именной частицы сказуемого при глаголе-связке (*Комната была закрыт-ой*), но и в близкой функции при некоторых полнозначных глаголах: (82) *Мы остали комната закрыт-ой // комнаты закрыт-ыми // бутылку пустой*; (83) а. *Мама вернулась устал-ой*; б. *Брат вернулся*

пустой; (83) а. *Мама вернулась усталой*; б. *Брат вернулся усталым*, ср. *Мы оставили закрытую комнату, Усталый брат вернулся* и т. д.

Тв. п. прилагательного выбирается в соответствии со свойствами глагола, так как не все глаголы допускают такую конструкцию (**Мы разбили бутылку пустой*; **Брат смеялся довольным*) и, следовательно, прилагательное можно считать его зависимым. Однако прилагательное согласуется по роду и числу с дополнением (82) или с подлежащим (83) так, как если бы оно было их зависимым.

Еще один пример нарушения принципа единственности вершины — соузное слово, которое грамматически зависит как от сказуемого относительного предложения (по падежу), так и от своего антецедента (по роду и числу): (84) *дом, который // улица, который // здание, которое // дома, улицы, здания, которые мы видим*. Здесь любое решение будет не вполне удовлетворительным, так как соузное слово выполняет одновременно две роли: 1) полнозначного члена предложения (обычно — зависимого глагола-сказуемого в придаточном) и 2) подчинительного союза, т. е. вершины придаточного предложения. С одной стороны, относительное местоимение *который* — зависимое глагола (ср. *мы видим дом*). С другой стороны, его позиция в предложении — это позиция подчинительного союза (строго в начале), ср. **дом, мы видим который* и сознательные нарушения этого правила в поэзии с соузным словом *кто*: *на площади Дзержинского, / Того, я сделал жизнь с кого* (Ю. Ким, аллюзия на Маяковского); *Ни высот тому, ни спусков / На орлах летал заправских русских / Кто* (Цветаева, «Новогоднее»). Та же проблема возникает и с придаточными косвенного вопроса: *Он спросил, куда едет автобус; ср. Знаете ли вы, бездарные, многие, / Думающие, нажраться лучше как* (Маяковский, «Вам»).

Принцип единственности вершины нарушается в конструкции с «подъемом подлежащего» типа англ. *John seems to like Mary* 'Кажется, что Джону нравится Мэри', где подлежащее *John* одновременно зависит и от главного сказуемого *seems* 'кажется', и от инфинитива *like* 'нравится', ср. в русском *Кажется, что Иван болен — Иван кажется больным*.

Во-вторых, настоящим кошмаром для анализа в терминах зависимостей оказываются разнообразные сочинительные конструкции, состоящие из двух или более сочиненных элементов (конъюнктов): *день и ночь; и хороший, и*

красивый; я приду, а он — нет и т. п. Напрашающийся на первый взгляд способ изображения таких конструкций путем раздельного подчинения каждого из конъюнктов и связывающего их союза главному слову на самом деле совершенно неадекватен, см. такое дерево для (85) *Прошли день и ночь*:

(85')

Обратим внимание на числовую форму сказуемого. Глагол *прошли* стоит во мн. ч., и это число — результат согласования с зависимым словом (подлежащим). Но в дереве (85') у глагола нет зависимого во мн. ч.; значит, сформулировать правило согласования подлежащего со сказуемым, используя лишь тип зависимости между ними, уже не удается. Кроме того, в (85') оказываются одновременно два подлежащих, подчиненных одному сказуемому, т. е. предикативное отношение (и любое другое при сочинении!) оказывается повторяемым, что упраздняет важное разграничение **повторяемых** (таких, как определительное или обстоятельственное) и **неповторяемых**, которые могут быть выражены при данной вершине только один раз (таких, как предикативное, отредложное или присвязочное), синтаксических отношений. Наконец, положение союза в (85') не может не вызвать протеста: если союз вместе с конъюнктами подчиняется их вершине, как быть, если сочиняется словоформа, соответствующая корневому узлу (финитное сказуемое), например, *День начался и прошел?* Поэтому анализ, отраженный в (85'), надо признать совершенно неудовлетворительным.

Возможный путь — попытаться отыскать синтаксическое отношение между конъюнктами или между конъюнктами и союзом. В сочиненных конструкциях трудно отграничить вершину от зависимого; их иногда называют «симметричными», вовсе лишенными синтаксической иерархии. На самом деле в настоящем смысле симметрично только логически строгое употребление союзов *и* и *или*, ср. *Он красивый* ^и *сильный = Он сильный и красивый*. В тех случаях, когда союз *и* обозначает временную последовательность, сочинение несимметрично: *Он надел кепку и поднялся из-за стола ≠ Он*

поднялся из-за стола и надел кепку, ср. также не только начальник, но и друг ≠ не только друг, но и начальник. Это семантическое различие между конъюнктами обеспечивается грамматически, а именно порядком слов, поэтому нежелательно, чтобы конъюнкты занимали идентичную позицию в синтаксической структуре.

Можно попытаться применить к сочиненным структурам критерии разграничения вершин и зависимых. Они как будто показывают, что вершиной является первый конъюнкт: (86) а. Я поеду на дачу или к знакомым; б. Я поеду на дачу; в. *Я поеду или к знакомым; (87) а. цветы для красивой и обаятельной девушки; б. цветы для красивой девушки; в. *цветы для и обаятельной девушки. Поскольку дистрибуция сочиненной конструкции совпадает с дистрибуцией левого конъюнкта (86аб—87аб), но не с дистрибуцией союзной части (= союза и правого конъюнкта; 86в—87в), можно заключить, что союзная часть является зависимым левого конъюнкта. Внутри самой союзной части конъюнкт, вводимый союзом, зависит от него, так как именно союз определяет пассивную синтаксическую валентность союзной части.

Однако, например, при сочинении подлежащих дистрибуция сочиненной конструкции не совпадает с дистрибуцией одного из конъюнктов: (88) а. Саша и Лена пришли; б. *Саша пришли и т. д.

Есть и такие сочиненные конструкции, в которых определение может относиться к одной вершине, а может — к целому словосочетанию (= группе): (89) а. [необходимые условия] и результаты; б. необходимые [условия и результаты]. Используя одни лишь отношения зависимости, трудно отобразить различие между (89а) и (89б), если не прибегать к крайне спорным и натянутым допущениям (считать прилагательное зависимым союза и т. п.). Ср. также англ. (90) *old men and women*, что может значить либо 'старики и женщины' либо 'старики и старухи'. Сюда же относятся случаи типа (91) *Как сообщает Рейтер, беспорядки в столице Нигерии усиливаются, и трудно ожидать скорого разрешения конфликта*. Здесь налицо двузначность: либо вводное предложение относится по смыслу к обоим сочиненным, либо только к первому из них, а союз *как* может в силу принципа единственности вершины зависеть только от *усиливаются*.

Противоположная трудность возникает тогда, когда определением является не отдельное слово, а целая сочинен-

ная группа: англ. (92) а. *Bob and John's claims* 'утверждения Боба и Джона (исходящие от группы из двух человек)'; б. *Bob's and John's claims* 'утверждения Боба и утверждения Джона'; (93) *славянский и германский языки; славянские и германские языки*. В терминах деревьев зависимостей нет естественного способа отображения этих конструкций.

Трудностью для деревьев зависимостей оказываются конструкции, в которых сочетание из нескольких словоформ синтаксически неразложимо, выполняет синтаксически одну роль. Таковы аналитические формы глагола (*был получен*, англ. *will see* 'увидит', франц. *va gagner* 'достигнет', нем. *hat geschrieben* 'написал'), сложные предлоги и союзы (*в связи с*, *потому что*, *из-за того что*), идиоматические выражения, семантически неразложимые глаголы с частицами в английском языке (*give up* 'бросить', *turn over* 'перевернуть'), сложные собственные имена (*Шри Ланка, Джон Смит, Иван Иванович*). Л. Теньер предлагал считать, что этим выражениям (он называл их «ядрами») соответствует один узел структуры зависимостей, однако был вынужден отметить, что они состоят из синтаксически самостоятельных частей (ср. конструкции типа рус. был скоро получен, англ. Will he see 'увидит ли он?', в которых «ядра» разрываются другими словами) и т. п.

Иногда синтаксическая связь устанавливается явно между группами, а не между отдельными словами, и попытки представить ее в виде отношений между словами ведут к произвольным решениям. Например, трудно естественным образом охарактеризовать в терминах зависимостей отношения, в которые вступают вводные обороты *В дыму дождя поднимались, казалось — до самого неба*, знаменитые Александрийские сады графини Браницкой (Паустовский) или обращения: *Ребята, за мной!* — крикнул он детски-пронзительно (Горький).

Наиболее серьезный недостаток деревьев зависимостей заключается, однако, не в этих затруднениях, возникающих с применением их к конкретному материалу, а в их неспособности выразить иерархию собственно синтаксических единиц (напомним, что отношение зависимости устанавливается только между словоформами — единицами морфологии). В следующей главе будет рассмотрена другая формальная система, которая лишена этого недостатка.

Часть 1. Синтаксическое описание

Рекомендуемая литература

Структуры зависимостей — наиболее популярный в российской лингвистике способ формального представления структуры предложения, и поэтому литература на русском языке по этой теме достаточно обширна. Подробное изложение математической стороны дела и разбор многочисленных языковых примеров можно найти в книге [Гладкий 1985], гл. 1. Структуры зависимостей излагаются также в [Падучева 1964] и [Долинина 1969; 1977]. Можно упомянуть также работы С.Я. Фитиалова [1962], А.В. Гладкого и И.А. Мельчука [1971], Л.С. Модиной [1976], И.П. Севбо [1981].

Из зарубежной литературы прежде всего назовем классический труд, в котором был разработан прообраз синтаксиса зависимостей — книгу Л. Теньера, переведенную на русский язык [1988 (1959)]. На использовании структур зависимостей основывается Word Grammar Р. Хадсона [Hudson 1984, 1990]. Зависимостям посвящены также работы [Hays 1964; Kunze 1975; Vater 1975; Heringer 1973, 1993, 1996; Hudson 1993], см. еще обзор [Абрамов 1985] и сборник [Kahane (ed.) 2000].

О критериях разграничения вершин и зависимых см. [Mel'cuk 1988; Zwicky 1985; Hudson 1987]; проблематике вершин посвящен сборник [Corbett et al. (ed.) 1993]. Существование двух типов языков — с выражением синтаксического отношения преимущественно в вершинах (head-marking) и с выражением его в зависимых (dependent-marking) было обосновано в работе [Nichols 1986].

СТРУКТУРА СОСТАВЛЯЮЩИХ И ФРАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ

На основании интуитивных критериев предложение может быть разделено на отрезки, образующие иерархическую структуру; если у двух отрезков есть общая часть, один из них целиком входит в другой (п. 1). формальной моделью такого анализа предложения служит система составляющих; в грамматике важное значение имеют два вида отношений между составляющими — доминация и командование (п. 2). Составляющие образуют грамматические классы: терминальные категории, или синтаксические части речи, соответствующие словам (п. 3), и фразовые категории, соответствующие синтаксическим группам, которые в частном случае могут быть представлены одним словом. Фразовые категории выделяются на основании фонетических, морфологических и синтаксических критериев; синтаксические критерии опираются на признаки грамматической слитности (п. 4). Структуры составляющих имеют ряд преимуществ перед структурами зависимостей (п. 5).

В предыдущей главе были рассмотрены синтаксические отношения между словами, которые могут быть отображены в иерархически упорядоченной структуре — дереве зависимостей. Однако кроме отношения между словами в предложении наблюдается еще один, и более важный вид упорядоченных отношений — отношения между группами слов, или словосочетаниями, и для их отображения требуется формальная структура другого типа - структура составляющих.

1. Некоторые интуитивные соображения

Зададим себе два вопроса: «какие слова или группы (=цепочки) слов в предложении более тесно связаны друг с другом, чем с другими словами?» и «какие слова или группы слов в предложении относятся к одному и тому же грамматическому классу?» Как и в случае с зависимостями, начнем с интуитивных оценок, а затем постараемся проверить и подкрепить интуитивные предположения более надежными Данными.

Прежде всего заметим, что некоторые простые языковые единицы (слова и морфемы), входящие в состав предложения, связаны друг с другом теснее, чем с другими словами и морфемами, которые являются частями того же самого предложения. Основываясь на этом, можно дать следую-

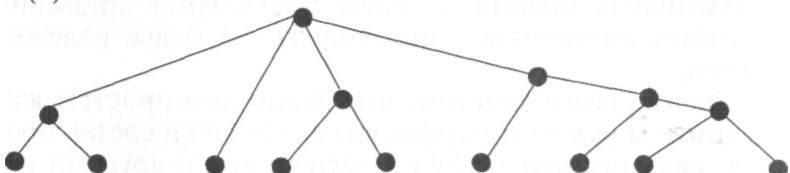
Часть I. Синтаксическое описание

щее предварительное определение: структурные единицы или отрезки предложения, которые целиком состоят из более тесно связанных друг с другом единиц меньшего разме-ра, называются **составляющими**.

Используя понятие синтаксической зависимости между словами, можно установить, что некоторое слово вместе со всеми своими зависимыми (и опосредованными зависимыми) обычно образует одну составляющую. Например предложение (1) *Эти школьники скоро будут писать диктант по русскому языку* состоит из 9 слов; как они последовательно объединяются в более крупные единицы — составляющие? Достаточно очевидно, что зависимое *писать* вместе со своей вершиной *будут* образует некоторую более крупную единицу. Границы составляющих принято отмечать квадратными скобками: *[будут писать]*. Вершина *школьники* образует, по-видимому, целую составляющую вместе со своим зависимым *эти*: *[эти школьники]*. Точно так же образует составляющую и существительное *языку* вместе со своим зависимым прилагательным: *[русскому языку]*. Составляющая *[русскому языку]* состоит из двух слов, из которых одно непосредственно, а другое опосредованно зависит от предлога *по*. Следовательно, оба зависимых слова можно объединить в одну более крупную составляющую с вершиной-предлогом: *[по [русскому языку]]*. Но вся эта составляющая в каком-то смысле «определяет» существительное *диктант*. Следовательно, *[диктант [по [русскому языку]]]* — это тоже составляющая, включающая в себя не только отдельные слова, но и две вложенные одна в другую «сложные» составляющие (т. е. такие, которые включают в себя более одного слова). Наконец, и предложение (1), «вбирающее» в себя все перечисленные единицы, может быть признано целой составляющей.

Эту информацию о структуре составляющих в (1) для наглядности удобно представить в форме диаграммы, которая так же, как и структура зависимостей, является деревом:

(2)

Эти школьники скоро будут писать диктант по русскому языку.

Глава 11. Структура составляющих и фразовые категории

Каждая точка, выделенная в дереве кружком, называется **узлом**, и каждый узел представляет некоторую составляющую. В (1) мы выделили 15 составляющих — именно столько и кружков в дереве. Таким образом, (2) сообщает о том, что синтаксическими единицами в предложении (1) являются не только отдельные слова, но и целые сочетания слов, или **группы**: [эти школьники], [будут писать], [русскому языку], [по [русскому языку]], [диктант [по [русскому языку]]]. Наконец, в диаграмме (2) отражен и тот факт, что само предложение (1) является составляющей — ей соответствует корневой узел дерева. В диаграмме (2) узлы обозначены кружками; однако, поскольку расположение узлов ясно из самой структуры дерева, — узлы возникают в вершине и в основании дерева, а также в точках, где пересекаются два или более ребра, — в дальнейшем кружки применяться не будут.

Сразу же обратим внимание на то, что составляющие не могут пересекаться, но могут «вкладываться». Это означает, что если один и тот же материал (например, одно слово или некоторое множество слов) входит одновременно в две составляющие, то одна из них целиком входит в другую.

Итак, основываясь на интуитивных соображениях, удается установить иерархию составляющих, которая может быть изображена в виде дерева.

ЗАДАНИЕ 1. Опираясь на интуитивные соображения, постройте структуры составляющих для предложений 1-3 Задания 1 главы I и для следующих предложений. Отметьте трудности, с которыми при этом приходится столкнуться:

1. Жил старик со своею старухой у самого синего моря (Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»).
2. Потрясенный Никанор Иванович, неожиданно для себя ставший участником какой-то театральной программы, опять оказался на своем месте на полу (Булгаков, «Мастер и Маргарита»).
3. И как та кочерга из присказки, в тёмной избе неосторожно наступленная ногою, с семикратной силой ударила олуха по лбу, так революция расправилась с пробудившей её русской интеллигенцией (Солженицын, «Образованщина»).
4. К числу таких положений относится признание в качестве обязательного условия успешности анализа процессов понимания необходимости выхода за рамки лингвистики прежде всего в область экстраграмматических знаний индивида.

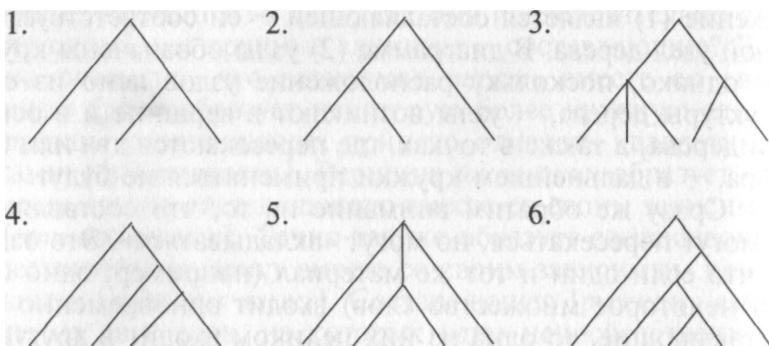
ЗАДАНИЕ 2. Объясните двузначность (синтаксическую омонимию) следующих предложений, используя для этого структуры составляющих:

1. Вели ему помочь.

Часть 1. Синтаксическое описание

2. После совещания в кают-компании состоялся обед.
3. Машина поехала прямо в аэропорт.
4. Работа по новому расписанию начинается завтра.
5. Юдина... была найдена убитой на окраине Элиста 8 июня сотрудниками республиканского управления ФСБ («Известия» 11.06.1998).

ЗАДАНИЕ 3. Составьте предложения или словосочетания, которые бы соответствовали следующим структурам составляющих:

Попытаемся теперь ответить на вопрос, какие составляющие относятся к одному и тому же, а какие — к разным грамматическим классам. Например, интуитивно ясно, что *эти* и *школьники* — составляющие не одного и того же типа. *Эти* скорее относится к тому же классу, что *мои (мой)*, *другие (другой)*, *такие (такой)* и т. д., а *школьники* — к тому же классу, что и *люди*, *мальчики*, *кошки* и т. д. Традиционный способ описания сходств и различий между синтаксическими свойствами слов состоит в том, что различные слова причисляются к различным **грамматическим классам**, или **частям речи**. Так, *мой*, *другой*, *этот...* относятся к классу местоименных прилагательных, а *школьник*, *диктант*, *человек*, *стол...* — к классу существительных. Далее, видно, что слово *по* относится к тому же грамматическому классу, что и *в*, *с*, *на*, *к...*, т. е. к классу предлогов. Слово *писать* принадлежит к той же части речи, что *говорить*, *идти*, *спать...*, т. е. является глаголом. Слово *будут* является, скорее всего, вспомогательным глаголом, так как в данном случае оно не имеет собственного лексического значения, а лишь указывает время, вид, лицо, число и наклонение в сочетании с полнозначным глаголом *писать* (так же, как, например, слово *был* в

Глава 11. Структура составляющих и фразовые категории

словосочетании *был написан*). Наконец, слово *скоро* объединяется в один класс с *быстро, легко, хорошо...*, т. е. входит в класс наречий.

Составляющие, которые включают более одного слова, называются **группами** (англ. phrase).

Собственно, phrase означает 'словосочетание', однако в русской грамматической традиции за термином «словосочетание» закреплен другой смысл. Это понятие восходит к В.В. Виноградову, который, развивая идею А.А. Шахматова о разграничении учения о словосочетании и учения о предложении, предложил называть **словосочетанием** непредикативную (т. е. не образующую предложение) синтаксическую единицу, которая возникает в результате распространения одного слова другим. Например, словосочетанием по Виноградову является *белая лошадь*, но не *Лошадь — белая* (предложение) и не *лошадь и осел*, поскольку однородные члены не распространяют друг друга (см., например, [Виноградов 1975аб (1954)]). Понятие «группа» охватывает все три случая.

Впрочем, в русистике достаточно авторитетно и другое понимание термина «словосочетание», восходящее к А.М. Пешковскому и близкое к тому, что здесь называется «группа», например, в [Сухотин 1950; Гвоздев 1973; Скобликова 1979; 1990]; высказывался и компромиссный взгляд, согласно которому словосочетаниями признаются любые непредикативные группы [Белошапкова 1977] или, что по сути то же, соединения слов, не входящие в «грамматическую основу предложения» [Крылова и др. 1997].

Подобно тому, как отдельные слова-составляющие подразделяются на части речи, составляющие-группы также образуют небольшое множество грамматических классов. Например, когда говорится, что в предложении можно выделить **группу подлежащего** и **группу сказуемого**, ясно, что эти два грамматических класса включают в себя целые группы, а не отдельные слова. Такими же грамматическими классами можно считать и **придаточное предложение**, и **инфinitивный оборот**, и **(де)причастный оборот**, и некоторые другие употребительные понятия.

Желательно, чтобы номенклатура синтаксических групп, так же как и номенклатура частей речи, представляла собой классификацию, т. е. разбиение объектов на непересекающиеся множества, так, чтобы одна и та же группа не относилась более чем к одному множеству. Основанием для такой классификации может служить часть речи, к которой принадлежит **вершина группы**, т. е. слово, соответствующее корневому узлу в том фрагменте структуры зависимостей, который характеризует группу; если слово X — вершина

группы Y, будем также говорить, что X **возглавляет** Y. Классификация групп, основанная на частичной принадлежности их вершин, согласуется с важнейшим наблюдением традиционной синтаксической науки — выбор распространяющих средств определяется главным образом частью речи, к которой принадлежит распространяемое слово.

Интуитивно ясно, например, что к одному синтаксическому классу относятся группы [*эти школьники*] и [*диктант по русскому языку*] (отвлекаясь от того факта, что они стоят в разных падежах и числах); сюда же можно отнести [*большой дом*], и [*учебник английского языка*], и [*убийство Цезаря Брутом*] и др. Во всех таких группах вершиной является существительное, поэтому синтаксические группы этого класса называют **группами существительного**, или **именными группами**, сокращенно — ИГ. Можно заключить также, что группы [*очень красивый*], [*на удивление легкий*], [*гораздо более неприятный*]..., вершинами которых являются прилагательные, относятся к одному классу — **группе прилагательного** (ГПрил), а другие единицы вроде [*очень красиво*], [*на удивление легко*], [*так же неприятно*], [*еще вчера*] ..., возглавляемые наречиями, относятся к классу **наречной группы** (НарГ). Далее, группы [*из этого города*], [*со своей матерью*], [*в окно, которое выходит в сад*]... и им подобные, вершиной в которых является предлог, относятся к классу, называемому **предложной группой** (ПрГ). Сочетание главного глагола со вспомогательным назовем **глагольной группой** (ГГ; в дальнейшем мы увидим, что этот термин обычно употребляется в другом значении). Наконец, есть еще класс предложений (П).

Классы групп, определенных на основании грамматических свойств своих вершин, называются **категориями групп**, или **фразовыми категориями**¹. Таким образом, фразовыми категориями являются, в частности, и именная группа, и предложная группа, и группа прилагательного, понимаемые как обозначения соответствующих классов синтаксических единиц. «Фразовыми категориями» часто называют также конкретные группы, принадлежащие к той или иной фразовой категории, и такая двузначность термина, не-

Этот термин представляет собой неудачный, но, к сожалению, уже установленный перевод английского термина *phrasal category*, от *phrase* «группа, грамматическое словосочетание». Беда в том, что по-русски «фраза» — совсем не то, что *phrase*, а «категория» редко употребляется в том же основном (лингвистическом) значении, что и *category* («часть речи»).

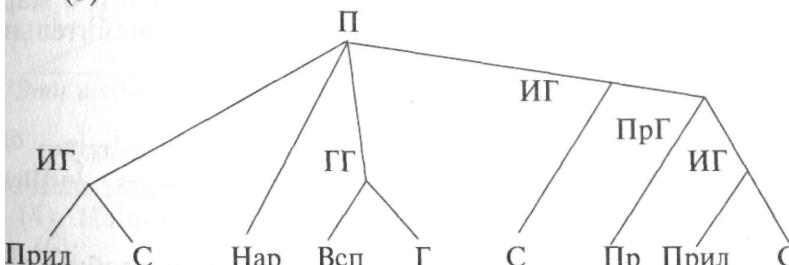
Глава II. Структура составляющих и фразовые категории

смотря на ее неудобство, укоренилась в синтаксической литературе. Группа — представитель фразовой категории состоит из вершины, т. е., например, существительного в ИГ, прилагательного в ГПрил и т. д., и зависимых слов.

Свойства группы часто совпадают со свойствами отдельно стоящей вершины, лишенной зависимых слов. Например, группа *большой дом* по грамматическим свойствам очень похожа на отдельно стоящую вершину *дом*; группа *очень большой* — на отдельно стоящую вершину *большой*; группа *построил очень большой дом* — на *построил* и т. д. (подробнее см. в п. 4). Поэтому вершины, лишенные зависимых слов, ниже будут называться *нераспространенными группами*.

Заметим, что в дереве составляющих (2) нет информации о том, к какой категории принадлежит каждая из них. Однако включить такую информацию в дерево легко — для этого каждому узлу присваивается обозначение грамматического класса составляющей — **категориальный символ**. В результате такой маркировки возникает **размеченное дерево** — формальная модель **категориальной структуры составляющих**:

(3)

Эти школьники скоро будут писать диктанты по русскому языку.

Категориальные символы могут быть помещены рядом с узлами, как это и сделано в (3), но чаще для наглядности ставятся на месте самих узлов. Части речи, к которым относятся отдельные слова, отраженные с помощью узлов в основании дерева, обозначены как Прил — прилагательное, С - существительное, Нар — наречие, Всп — вспомогательный глагол, Г — главный глагол, Пр - предлог.

ЗАДАНИЕ 4. Постройте размеченные деревья составляющих для следующих предложений:

1. Жил старик со своею старухой у самого синего моря (Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»).

Из

Часть I. Синтаксическое описание

2. Во всем величье видел ты / Закат звезды ее кровавый (Тютчев, «Цицерон»).
3. На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил (Лермонтов, «Демон»).

Способ представления структуры составляющих в виде дерева - лишь один из возможных. Другой (и эквивалентный) способ — представление в виде системы **помеченных скобок**. Каждая скобка обозначает правую или левую границу некоторой составляющей и помечена сокращенным обозначением той категории, к которой принадлежит эта составляющая. Для простоты категориальным символом обычно помечают только одну из каждой пары скобок - левую. При этом для краткости не обозначают частей речи, к которым относятся минимальные составляющие — отдельные слова:

(4)

[_п [_{иг} Эти школьники] скоро [_{гг} будут писать] [_{иг} диктант [_{прГ} по [_{иг} русскому языку]]]]].

Таким образом, в (4) представлена **сокращенная** размеченная скобочная запись структуры составляющих. **Полная** запись (с обозначением категорий отдельных слов и с маркированием каждой скобки) будет выглядеть значительно более громоздко:

(5)

[_п [_{иг} [_{прил} Эти] _{прил} [_с школьники]_с] _{иг} [_{нар} скоро]_{нар} [_{гг}[_{всп} будут]_{всп} [_г _{иг} [_с писать]_г]_{гг} [_{иг} [_с диктант]_с] [_{прГ} [_{пред} по]_{пред} [_{иг} [_{прил} русскому]_{прил} [_с языку]_с]_{иг}]_{прГ}]_{иг}]_п.

Вообще говоря, деревья более наглядны и удобны для чтения и понимания, так как в них информация не столь сжата, как в линейной записи со скобками. Однако скобочная запись также имеет свои преимущества: она занимает меньше места, и в ней легче увидеть границы составляющих в цепочке.

ЗАДАНИЕ 5. Переведите размеченные структуры составляющих из Задания 4 в сокращенную скобочную запись.

ЗАДАНИЕ 6. В нижеследующих скобочных записях категориальными символами помечены только левые скобки. Пометьте категориальными символами правые скобки, а затем перепишите их в виде размеченных деревьев (инфinitивный оборот здесь помечается категориальным символом предложения):

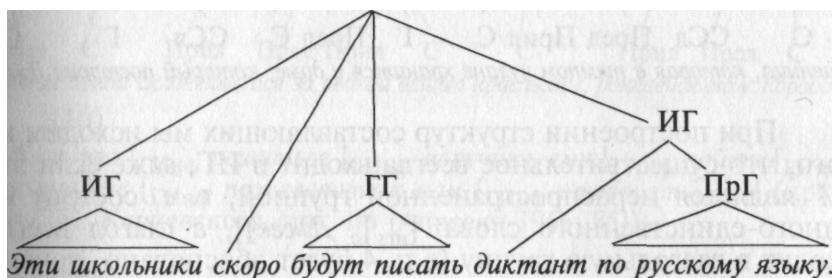
Глава II Структура составляющих и фразовые категории

[_п [_{иГ} Его отец] [_{гг} был 1иГ1гПрил очень суровым] человеком]]].

[_п [_{иГ} Наш директор] [_{гг} должен [_п ответить [_{ПрГ} на [_{иГ} их предложение]]]]].

[_п [_{иГ} Стоимость [_{иГ} подарков 1ПрГ для [_{иГ} почетных гостей]]]]] [_{гг} оказалась [_{щрил} больше [_{иГ} трех миллионов]]]].

Из сравнения (4) и (5) понятно, что структуру составляющих удобнее записывать в сокращенной форме, опуская второстепенные детали. Часто бывает важно указать главные группы в составе предложения, не раскрывая внутренней структуры этих групп. В таких случаях используется **частичная структура составляющих**. В ней ту часть структуры, которая остается нераскрытой, изображают в виде треугольника:

Точно так же возможна и частичная помеченная скобочная запись — еще в большей степени сокращенная, чем в (4). Например, скобочная запись в (7) эквивалентна дереву (6):

(7)

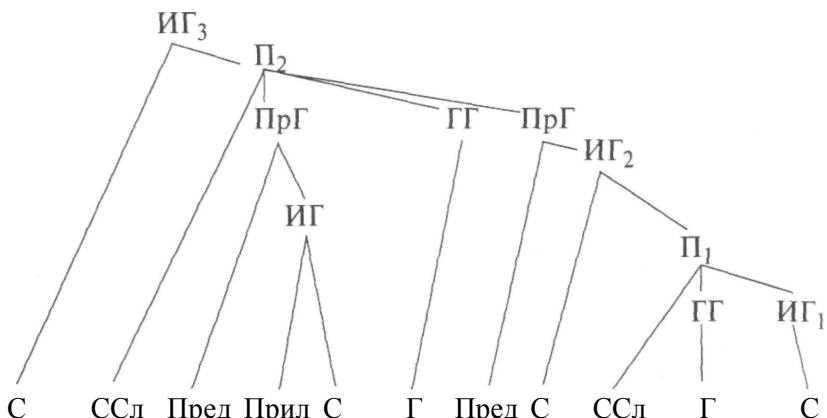
[_п [_{иГ} Эти школьники] скоро [_{гг} будут писать] [_{иГ} диктант [_{ПрГ} по Русскому языку]]].

Для изображения полной структуры предложения чаще используется дерево, а для сокращенной — скобочная запись. Важно помнить, что оба способа эквивалентны, а различие между ними чисто техническое (типографское) и не имеет никакого теоретического значения: тот или другой способ выбирается по соображениям удобства.

Приведем еще два примера системы составляющих (границы слов скобками не обозначены; ССл — соузное слово) - (8) и (9):

(8)

[_иг *пшеница*, [_п которая [_{ПрГ} в [_иг *темном чулане*]] хранится [_{ПрГ} в [_иг *доме*, [_п который построил *Джек*]]]]]]

пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек

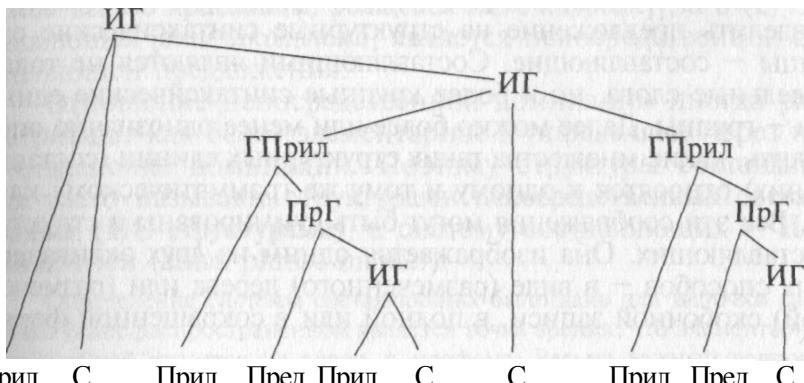
При построении структур составляющих мы исходим из того, что существительное всегда входит в ИГ, даже если эта ИГ является нераспространенной группой, т. е. состоит из одного-единственного слова: [_иг [_с *Джек*]], а глагол всегда входит в глагольную группу (в п. 4 будет обосновано, почему целесообразно принять именно такое решение). В дереве (8) хорошо видно, что одноименные составляющие (т. е. относящиеся к одной и той же категории) могут быть вложены одна в другую: именная группа ИГ₁ вложена в предложение П; П₁ вложено в именную группу ИГ₂, а та, в свою очередь, в предложение П₂. П₂ вложено в еще одну именную группу ИГ₃ (8). Способность некоторой фразовой категории включать в себя составляющие той же фразовой категории называется рекурсивностью. Из (8) видно, что рекурсивностью обладают, в частности, предложение и именная группа.

Пример (9) показывает три уровня последовательного вложения именных групп. Они могут быть вложены одна над другой непосредственно, например, в конструкции с родительным падежом ([и г золотые пряди [_иг ... красавицы ...]]), либо через посредствующие фразовые категории — причастный оборот, который в (9), для простоты приравнивая причастия к прилагательным, обозначим как группу прилагательного (ГПрил), и ПрГ.

Глава П. Структура составляющих и фразовые категории

(9)

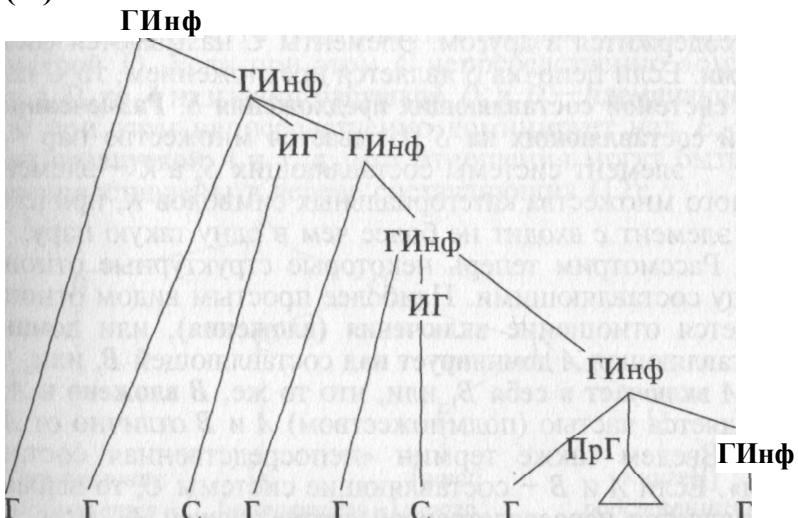
[и_г золотые пряди [и_г [ГПрил склоняющейся [ПрГ за [и_г редкой // ве- щью]] красавицы, [ГПрил роющейся [ПрГ меж [и_г коробок]]]] (Брод- ский, «Декабрь во Флоренции»)

Прил С Прил Пред Прил С С С Прил Пред С золотые пряди склоняющейся за редкой вециью красавицы, роющейся меж коробо-
(Ю)

[_п Я не мог [ринф решиться [щнф поручить ему [ринф пойти [ринф просить вас [ринф пожаловать к нам [ринф отобедать]]]]]]] (при- мер СО. Карцевского, цит. по [Апресян 1966: 85]):

(И)

Решиться поручить ему пойти просить вас пожаловать к нам отобедать

В диаграмме (11) отражено пятикратное и непосредственное вложение инфинитивных оборотов в (10); они обозначаются здесь как ГИнф («группа инфинитива»), хотя можно рассматривать их как разновидности предложения (П).

Итак, можно, опираясь на интуитивные соображения, разделить предложение на структурные синтаксические единицы — составляющие. Составляющими являются не только отдельные слова, но и более крупные синтаксические единицы — группы. Далее можно более или менее однозначно определить, какие множества таких структурных единиц (составляющих) относятся к одному и тому же грамматическому классу. Все эти соображения могут быть суммированы в структуре составляющих. Она изображается одним из двух эквивалентных способов — в виде (размеченного) дерева или (размеченной) скобочной записи, в полной или в сокращенной форме.

2. Система составляющих

Перейдем к более строгому определению понятия составляющей. Рассмотрим цепочку (линейно упорядоченное множество) слов S . **Системой составляющих** на S является такое множество C отрезков S , которое содержит в качестве элементов само S и каждое слово, входящее в S , причем любые два отрезка, входящие в C , либо не пересекаются, либо один из них содержится в другом. Элементы C называются **составляющими**. Если цепочка S является предложением, то Сказывается **системой составляющих предложения** S . **Размеченной системой составляющих** на S называется множество пар $\langle c, \kappa \rangle$, где c — элемент системы составляющих S , а κ — элемент конечного множества категориальных символов K , причем каждый элемент c входит не более чем в одну такую пару.

Рассмотрим теперь некоторые структурные отношения между составляющими. Наиболее простым видом отношения является отношение **включения (вложения)**, или **доминации**. Составляющая A **доминирует над** составляющей B , или, что то же, A **включает в себя** B , или, что то же, B **вложено** в A , если B является частью (подмножеством) A и B отлично от A .

Введем также термин «непосредственная составляющая». Если A и B — составляющие системы C , то выражение « B является **непосредственной составляющей** A », или, что то же самое, « B **непосредственно вложена** в A », или, что то же

самое, «*A непосредственно доминирует над B*» означает, что *A* доминирует над *B* и что в *C* нет составляющей, которая доминирует над *B* и над которой доминирует *A*.

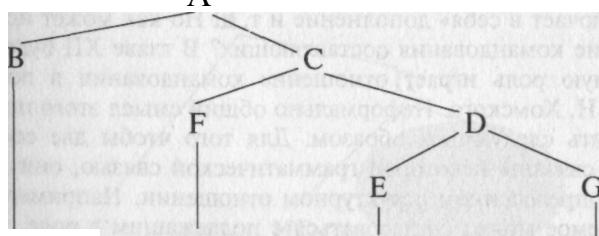
Например, в (9) составляющая [*роющейся меж коробок*] является непосредственной составляющей [*склоняющейся за редкой вещью красавицы, роящейся меж коробок*]], а в (2) составляющая [*эти школьники*] является непосредственной составляющей предложения.

Отношение непосредственной доминации иногда рассматривают как более элементарное и определяют через него отношение доминации. Поэтому структуры составляющих часто называют структурами **непосредственных составляющих (НС-структурами)**, а систему составляющих — **НС-показателем** (англ. phrase marker).

Определение системы составляющих было дано для цепочки слов. Однако более распространенной является точка зрения, что элементарной составляющей является не слово, а морфема. Весьма важный вопрос о том, могут ли синтаксические отношения быть распространены на морфологию, и если да, то с какими оговорками, мы оставляем в стороне.

Отношения между составляющими часто для удобства описывают в терминах родственных отношений между людьми, используя применительно к дереву составляющих метафору родословного дерева. Если составляющая *A* непосредственно доминирует над составляющей *B*, то *A* называют **матерью *B***, а *B* — **дочерью *A***; если *A* непосредственно доминирует над *B* и *C*, то *B* называется **сестрой *C*** (и, конечно, *C* — **сестрой *B***). Если при этом *C* непосредственно доминирует над *D*, то *A* называют **бабушкой *D***, а *D* — **племянницей *B***; если *D* при этом непосредственно доминирует над *E*, то *E* назовут **правнучкой *A*** и т. д. Эти отношения могут быть наглядно представлены в дереве составляющих (12):

(12)

- а. [предисловие
- б. [собирается
- в. [съел
- [к
- [встретить
- [этой
- [своего
- [бутерброд
- [с
- [книге]]]
- [родственника]]]
- [сыром]]}

В составе группы можно выделять не только вершины, но и зависимые. **Зависимым** вершины X составляющей Умы будем называть всякую сестру X ; например, в (12) C — зависимое B, D — зависимое F и т. д. Вершинами в силу определения всегда являются слова, т. е. терминальные категории (точнее, их представители), а зависимыми обычно выступают фразовые категории, например, C — ПрГ в (12a), ГИнф в (12б) и ИГ в (12в).

Кроме отношения доминации, в синтаксисе важную роль играет отношение **командования составляющих** (англ. **constituent command**, сокращенно **c-command**), в дальнейшем просто **командования**. Составляющая A командует составляющей B , по определению, тогда, когда составляющая, которая непосредственно доминирует над A , также доминирует над B , и ни A , ни B не доминируют одна над другой.

Другими словами, A командует B только в одном из двух случаев: 1) если B является сестрой A или 2) если B является составляющей сестры A любой глубины вложения. Например, в (12) B командует C и C командует B ; Fu D тоже командуют друг другом; Скомандует E и G т. д. Например, в (12a) [предисловие] командует составляющими [к этой книге], [к], [этой книге], [этой] и [книге]) и т. д. Можно указать и такие пары составляющих, в которых первая не командует второй. Например, A не находится в этом отношении ни к одной другой составляющей в (12), так как доминирует над всеми. D не командует B , потому что та составляющая C , которая непосредственно доминирует над D , не доминирует над B ; G не командует ни одной другой составляющей в (12), кроме E и т. д.

Роль отношения доминации в синтаксисе очевидна: именно это отношение имеют в виду, когда говорят, например, что сложноподчиненное предложение «включает в себя» придаточное, или что инфинитивный оборот «включает в себя» дополнение и т. д. Но как может использоваться отношение командования составляющих? В главе XII будет показано, какую важную роль играет отношение командования в порождающей грамматике Н. Хомского. Неформально общий смысл этого понятия можно разъяснить следующим образом. Для того чтобы две составляющие могли быть связаны некоторой грамматической связью, они должны находиться в определенном структурном отношении. Например, в русском языке сказуемое может согласоваться с подлежащим в роде, числе и лице: *Он пришел*; *Мальчик умен* и т. д. Но при этом подлежащее и сказуемое должны принадлежать к одному и тому же элементарному предложению; невозможно согласование с подлежащим другого элементарного предло-

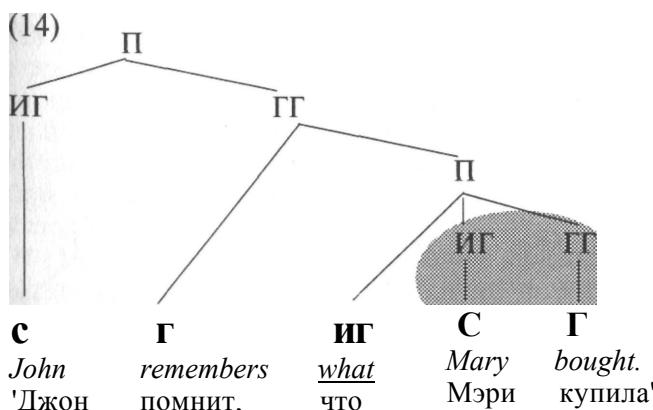
Глава II. Структура составляющих и фразовые категории

жения, хотя бы и синтаксически связанного с данным: *Известен, что экзамен назначен на 10 часов. Как согласование, так и многие другие грамматические связи между составляющими, которые предполагают различие **контролера** (грамматически активной составляющей) и **мишени** (той составляющей, форма или позиция которой зависит от контролера), имеют место либо между составляющими-сестрами, либо тогда, когда мишень (сколь угодно глубоко) вложена в сестру контролера. Однако при другом структурном соотношении (например, когда контролер вложен в сестру мишени), грамматическая связь между составляющими часто бывает недопустима:

- (13) а. Командование есть б. Командования нет

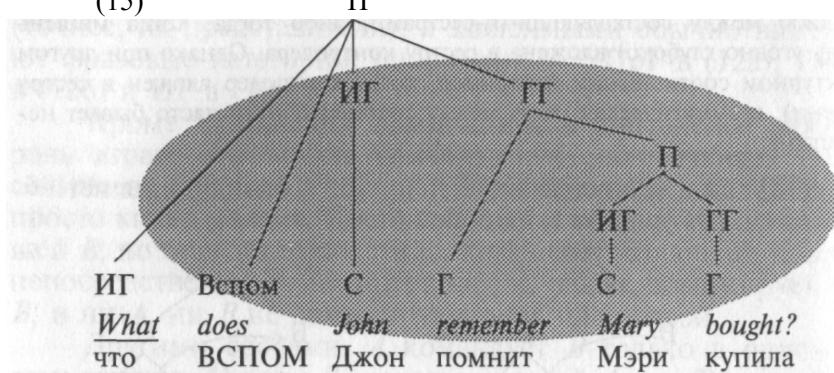
Роль командования можно пока кратко проиллюстрировать на одном факте грамматики английского языка. В английском языке вопросительная группа (представленная, например, вопросительным местоимением) может придать вопросительное значение только тому отрезку предложения, которым она командует. Например, в конструкции с придаточным косвенного вопроса вопросительная ИГ занимает такое место в структуре составляющих, при котором она командует придаточным, но не главным предложением (14). Соответственно этому только придаточное, но не главное предложение оказывается вопросительным. Если же вопросительная ИГ командует составляющими главного предложения, все предложение (15) становится вопросительным:

Часть 1. Синтаксическое описание

Вопросительное местоимение *what*, как это и свойственно местоимениям, занимает место не терминальной, а фразовой категории — ИГ,ср. в той же позиции другую вопросительную ИГ: ... [ИГ *which book*] *Mary bought*.

(15)

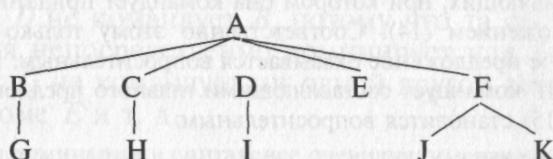

'Про что Джон помнит, что Мэри это купила?', букв.: Что Джон помнит, (что) Мэри купила?

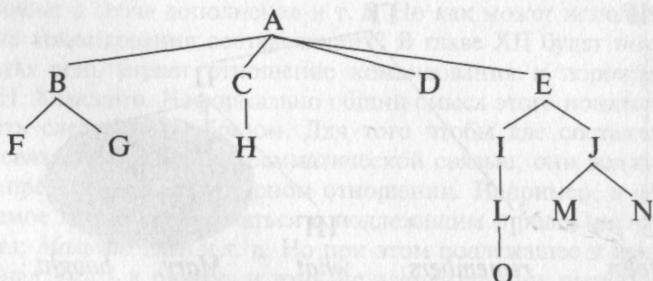
В структурах (14—15) затенены фрагменты, которыми командует вопросительная ИГ, и именно та часть предложения, которая соответствует этим фрагментам, находится в сфере вопроса.

ЗАДАНИЕ 7. Определите, какие пары узлов в следующих деревьях находятся, а какие не находятся в отношении командования:

1.

2.

ЗАДАНИЕ 8. Будем говорить, что составляющая А **асимметрически командует** составляющей В, если А командует В, но В не командует А.

Переформулируйте определение асимметрического командования в терминах (непосредственной) доминации.

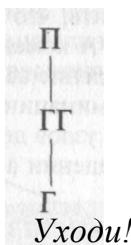
Укажите по нескольку пар узлов деревьев в Задании 7, которые находятся или не находятся в отношении асимметрического командования.

Размеченная система составляющих по данному выше определению есть множество пар, состоящих из отрезка и приписанного ему категориального символа — метки некоторой синтаксической категории, к которой он относится. Одному и тому же отрезку по определению размеченной системы не может быть присвоено больше одной метки, т. е. отрезок не может принадлежать одновременно двум грамматическим классам. Однако рассмотрим, например, отрезок (16) Уходи!. Он является не только предложением [_п Уходи!], но и глаголом [_г Уходи!], причем глагол, вероятно, вложен в предложение [_п [_г Уходи!]], как это имеет место и в более очевидных случаях, например, (17) [_п [_г Уходи] *домой!*]], где отрезки, соответствующие предложению и глаголу, не совпадают. Важен порядок, в котором отрезок получает категориальные символы, так как структура (17) сообщает о том, что глагол входит в состав предложения, но предложение не входит в состав глагола. Чтобы допустить возможность присвоения нескольких категориальных символов одному и тому же отрезку и одновременно отразить порядок их присвоения, усложним определение размеченной системы составляющих.

Размеченной системой составляющих на S (в пересмотренном варианте определения) будет называться множество цепочек вида $\langle c, k_h \dots, k_{\alpha} \rangle$, где c — элемент системы составляющих на S , а $k_h \dots k_{\alpha}$ — элементы конечного множества категориальных символов K , причем каждый элемент c входит не более чем в одну такую цепочку. Например, размеченная система составляющих предложения (16) представляет собой тройку $\langle \text{Уходи}!, \Gamma, \Pi \rangle$, что в скобочной записи соответствует (17).

В (16) можно выделить еще одну фразовую категорию, содержащую глагол, причем меньшую, чем предложение — глагольную группу. В таком случае окажется, что одно-единственное слово получает одновременно три категориальные пометы: [_п [_{гг} [_г Уходи.]]], или то же в виде дерева:

(17)

Отметим, что в терминах структур зависимостей невозможно отобразить тот факт, что одно и то же слово или множество слов могут одновременно представлять собой несколько синтаксических категорий. В терминах синтаксиса зависимостей структура (17) будет выражена в виде точки, соответствующей глагольной словоформе:

(18) '

Уходи/

О том же свидетельствует известный пример А.Л. Реформатского [1967: 28—29], «идеально четко демонстрирующий иерархию языковых единиц: латинское *П 'Поезжай!'*, являющееся звуком, фонемой, слогом, морфемой, словоформой, синтагмой, предложением и целой фразой» [Мельчук 1995: 587]. Выразим часть перечисленных характеристик с помощью скобочной записи:

(19)

[предложение [сингама [слово [морфема [слог [фонема 7]]]]]]/

Теперь, когда у нас есть строгое определение системы составляющих, мы должны быть готовы к тому, что при анализе некоторых предложений наши интуитивные представления о синтаксической структуре будут противоречить требованиям, содержащимся в определении, т. е. нас ожидают трудности примерно того же рода, как и при использовании структур зависимостей.

Так, во многих случаях разделение предложений и их отрезков на составляющие не является интуитивно очевидным. Например, следует ли делить предложение (20) *Мы увидели древние стены города* как: а. *Мы увидели [[древние стены] города]* или б. *Мы увидели [древние [стены города]]*

или в. *Мы увидели [древние стены города]*, см. [Гладкий 1985: 33]?

Кроме того, определение составляющих как отрезков линейной цепочки слов вступает в противоречие с интуицией, когда нам кажется, что в предложении содержится «разрывная» составляющая. В терминах зависимостей такие структуры являются непроективными. Так, в предложении (21) *О чем ты хочешь со мной поговорить?* ПрГ *о чем* по смыслу должна быть частью инфинитивного оборота,ср. (22) *Ты хочешь со мной [поговорить о деле].* Однако это невозможно по определению, так как в линейной цепочке нет отрезка *[поговорить о чем]*. То же верно и применительно к примерам (23) *Точно я не могу сейчас вспомнить*, или (24) *Слишком уж он серьезен* — в них наречие оторвано от синтаксической группы, к которой принадлежит по смыслу. В предложении (25) *Уже в Чечню на братний зов Толпы стекались удальцов* (Лермонтов, «Я к вам пишу случайно...») непроективность приводит к тому, что группа *толпы удальцов*, которую хотелось бы считать единой составляющей, оказывается разорванной глаголом-сказуемым *стекались*.

Ниже мы вернемся к вопросу о том, каким образом удается применять системы составляющих к подобному материалу.

3. Терминальные категории

Анализ по составляющим предполагает, что предложение представляет собой иерархическую структуру, состоящую из слов и групп, причем каждый из таких компонентов (слово или группа) принадлежит к некоторому классу — части речи или фразовой категории. До сих пор мы предполагали, что это утверждение базируется на интуиции носителей языка о синтаксической структуре предложений. Но это лишь небольшая часть доступных данных о синтаксической структуре, и притом не самая доброкачественная и надежная часть. Гораздо более надежными и последовательными являются суждения носителей языка не о синтаксической структуре предложения, а о его правильности или неправильности.

Поэтому точнее будет рассматривать категориальную структуру составляющих не как непосредственно наблюдаемый факт, а как теоретический конструкт — часть того ап-

Часть 1. Синтаксическое описание

парата, с помощью которого лингвист описывает наблюдаемые факты. Аргументы в пользу наличия или отсутствия некоторой структуры должны исходить, с одной стороны, из объективных фактов, таких, относительно которых носители языка более едины и уверены, и, с другой стороны, из нескольких достаточно простых теоретических предположений, выдвигаемых лингвистом.

Начнем с классификации наиболее простых, синтаксически неразложимых единиц. Последовательность элементов, которые не могут быть далее разделены на составляющие, называется **терминальной цепочкой**. Предположим, что элементами терминальной цепочки являются отдельные слова. Слова (словоформы) представляют собой отдельные синтаксические единицы, которые могут быть разбиты на классы, или части речи. В основе частеречной классификации лежат грамматические признаки слов.

Грамматические классы редко обнаруживают надежную корреляцию с фонетическими и семантическими признаками. В русском языке трудно указать, например, на чисто фонологические различия между глаголами и существительными, хотя в некоторых языках такие различия наблюдаются. Существуют способы образования одних частей речи от других, которые используют чисто фонологические различия, например, позиция ударения в английском языке: *increase* 'увеличивать', но *increase* 'увеличение, прирост'; *torment* 'мучить', но *torment* 'мучение' и т. п. Что касается семантических критериев, то, хотя можно сказать, что многие глаголы обозначают действия, многие существительные — отдельные предметы и объекты, прилагательные — признаки, а предлоги — местонахождение в пространстве, нетрудно найти примеры, противоречащие любым семантическим признакам, выбранным в качестве классифицирующих: *убийство* обозначает действие, а *здоровье* — признак, хотя оба являются существительными; *верхний* обозначает положение в пространстве, но является при этом не предлогом, а прилагательным; *белеть* или *существовать* как будто обозначают признаки, но являются глаголами и т. д.

Обратимся к морфологическим признакам. Глаголы в русском языке характеризуются одними морфологическими формами, а существительные или прилагательные — другими; различны сами наборы морфологических категорий, присущие этим частям речи. Например, глагол изменяется по категориям лица, времени и вида, прилагательное — по категории рода, а существительное не изменяется ни по одной из этих категорий.

Однако если провести классификацию лексем русского языка чисто морфологически, например, по признаку на-

личия или отсутствия каких-то морфологических категорий, результат такой классификации не будет удовлетворительно отражать их синтаксические свойства. Например, в разные классы попадут прилагательные, изменяющиеся и не изменяющиеся по степеням сравнения, хотя их синтаксические свойства одинаковы. В один морфологический класс попадут все неизменяемые слова, хотя важнейшие различия в синтаксических свойствах между частицами, предлогами, союзами, наречиями и существительными типа *такси* совершенно очевидны.

Наиболее важными для синтаксической классификации являются собственно **синтаксические** признаки. Главный синтаксический признак некоторого слова (или класса слов) — это его **дистрибуция**, т. е. указание того множества контекстов, в которых это слово (словоформа или лексема в какой-либо из своих словоформ) может выступать. Например, можно назвать **существительным** такое слово, которое может выступать в контексте (26) *Этот* был очень тяжелым (позиция недостающего слова отмечена прочерком). Хотя не всякое существительное допустимо в этом контексте (например, недопустимы существительные женского рода, или стоящие во мн. ч., или в каком-то другом падеже, кроме именительного), в нем обычно выступают именно существительные (27а) и в определенных случаях — прилагательные (27б):

- (27) а. *Этот день/грипп/стол/взгляд/бой* был очень тяжелым.
б. *Этот мой/последний* был очень тяжелым.
в. **Этот идти/будь/пришел/узнаю* был очень тяжелым.
г. **Этот в/на/по /около* был очень тяжелым.
д. **Этот сильно/плохо/смешно* был очень тяжелым

Из (27а) можно заключить, что в соответствии с дистрибутивным критерием слова *день*, *грипп*, *стол*, *взгляд* и *бой* являются существительными, так как выступают в контексте (26), который разрешен только для существительных (или для прилагательных, когда они, как в (27б), в каком-то смысле «выступают в роли» существительных). Что же касается грамматически неправильных примеров (27в—д), то можно предположить, что здесь мы имеем дело с другими

Часть 1. Синтаксическое описание

синтаксическими классами слов, которые обладают другой дистрибуцией.

Имеются также такие контексты, как (28), в которых обычно выступают только глаголы (хотя и не обязательно все глаголы), контексты, в которых обычно выступают наречия, как (29), или предлоги, как (30) и т. д.:

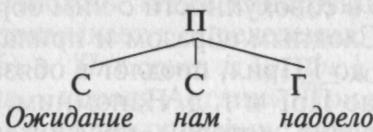
- (28) *Мы* ____ *на учителя*
- (29) *Это было очень* ____
- (30) *Он находился* ____ *столом.*

Если некоторое множество слов может употребляться в одном и том же контексте, мы будем говорить, что все слова этого множества обладают общим **дистрибутивным признаком**. Множества слов, обладающих общими дистрибутивными признаками, объединяются в более крупные классы – части речи. При выделении частей речи учитываются не все дистрибутивные признаки, а, как правило, те, которые дают удобную для целей грамматического описания и одновременно не слишком дробную классификацию лексем. **Синтаксической частью речи**, или **терминальной категорией**, называется множество слов, которые обладают одинаковыми наборами некоторых морфологических и синтаксических (дистрибутивных) признаков.

В грамматических описаниях различных языков утверждается или чаще подразумевается, что одна и та же синтаксическая функция (например, подлежащее) может быть выражена в одном случае отдельным словом, а в другом — сочетанием слов. Например, считается, что в предложении (31) а. *Ожидание нам надоело* роль подлежащего выполняет отдельное слово *ожидание*, а в предложении б. *Ждать нам надоело* ту же роль выполняет тоже отдельное слово — глагол в инфинитиве. Но о предложении (32) а. *Ожидание самолета нам надоело* можно сказать, что в нем подлежащее выражено сочетанием слов *ожидание самолета*, а о предложении б. *Ждать самолета нам надоело* — что его подлежащее также выражено определенным сочетанием — инфинитивным оборотом.

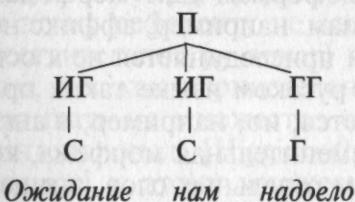
В терминах структуры составляющими можно было бы предположить, что терминальные категории, наряду с фразовыми, могут быть непосредственными составляющими предложения, например:

(33=31a)

В действительности, как мы увидим, подобное сходство между терминальными и фразовыми категориями иллюзорно. Ни существительное, ни глагол в форме инфинитива в русском языке не могут быть непосредственными составляющими предложения. Такой непосредственной составляющей может быть только ИГ, содержащая существительное, или инфинитивный оборот, включающий в себя глагольную форму инфинитива. В примерах типа (31) представлен частный случай именной или инфинитивной группы, а именно тот, когда она является нераспространенной, т. е. включает в себя одну лишь вершину, без зависимых. Что касается финитного глагола, то так же можно считать, что он представляет нераспространенную фразовую категорию — глагольную группу.

(34)

Чтобы обосновать эту точку зрения, следует сначала установить критерии выделения фразовых категорий, а затем выяснить, могут ли удовлетворять этим критериям отрезки, содержащие в себе по одному слову.

4. Фразовые категории: критерии выделения

4.1. Несинтаксические критерии

В п. 3 было установлено, что не только отдельные слова, но и целые группы могут быть классифицированы в соответствии с той частью речи, к которой принадлежит вершина группы. Так, существительное может быть «расширено» до целой группы путем присоединения к нему зависи-

мых слов, которые в совокупности с ним образуют фразовую категорию — ИГ. Сходным образом и прилагательное может быть «расшириено» до ГПрил, предлог в обязательном порядке «расширяется» до ПрГ и т. д. Напомним, что мы исходим из гипотезы, согласно которой предложение состоит не только из отдельных слов (каждое из которых представляет свою терминальную категорию), но и из групп, вложенных одна в другую, каждая из которых представляет свой грамматический класс — фразовую категорию.

Обратимся теперь к фактам, которые могут подтвердить эту гипотезу. Нас будут вновь интересовать критерии выделения синтаксических единиц, только теперь уже не терминальных, а фразовых категорий. Рассмотрим вначале несинтаксические признаки: морфологические, семантические и фонетические, а в затем в п. 4.2 перейдем к собственно синтаксическим признакам.

Морфологические критерии выделения фразовых категорий могут обнаружиться, если в языке есть такие морфологические правила, которые применяются не к морфологическим единицам (словоформам или морфемам), а к целым синтаксическим группам: например, аффикс некоторой грамматической категории присоединяется не к основе существительного, а к ИГ². В русском языке таких правил, по-видимому, не обнаруживается, но, например, в английском языке имеется одна словоизменительная морфема, которая присоединяется не к основам отдельных слов, а к целым фразовым категориям. Это окончание родительного (посессивного) падежа *-s*. Поэтому, наряду с конструкциями (35) *This crown is the king's* 'Эта корона принадлежит королю', букв. «Эта коро-

У читателя может возникнуть законный вопрос, нет ли в самом понятии «морфологическая единица, присоединяющаяся к синтаксической группе», внутреннего противоречия? В традиционных представлениях о морфологии, сложившихся в основном при изучении индоевропейских языков, имплицитно предполагается, что морфологический служебный элемент (=аффикс) в принципе должен быть связан с одной единственной основой и формально, и по значению, и по синтаксике (последнее означает, что аффикс присоединяется только к основам определенного типа). Однако в языках других семей (а иногда и в индоевропейских) такого соответствия не наблюдается: например, во многих алтайских или кавказских языках показатель падежа присоединяется скорее ко всей ИГ, чем кциальному имени (существительному или прилагательному). В языках Юго-Восточной Азии показатели некоторых глагольных категорий, семантически и по синтаксике связанные с глаголом, присоединяются не к самому глаголу, а к более крупной составляющей — глагольной группе (об этом см. [Солнцева 1985]) и т. п.

на «короля», возможны также конструкции, в которых показатель род. п. примыкает к определению с притяжательным предлогом *of*. (36) а. *This crown is [и_г the [_с king] of England]'s* букв. «Эта корона — короля Англии». При этом неграмматичны конструкции, в которых аффикс присоединяется к морфологической основе типа б. **This crown is [и_г the [C king]'s of England]*. Из этого ясно, что окончание родительного падежа присоединяется не к вершинному существительному [_с king], а ко всей ИГ. Отметим также, что, например, группа прилагательного присоединить падежное окончание не может: (37) **This crown is [прил very handsome]'s* букв. 'Эта корона — очень красивого' [Radford 1988: 65]. Таким образом, в английском языке возможность присоединения падежного окончания можно считать критерием выделения ИГ.

Существуют и некоторые семантические критерии выделения фразовых категорий. Например, для именных групп характерно, что они целиком указывают на некоторый референт — обозначаемый ими внеязыковой объект или множество объектов. Так, ИГ (38) [_{и_г} автор «Войны и мира»] как целое соответствует своему референту, но ни одна ее часть по отдельности этому референту не соответствует. Вершина ИГ (38) — существительное [_с автор] не обладает конкретным референтом, так как нарицательные существительные могут лишь указывать на множество своих потенциальных референтов ^{интенсионал} [Higginbotham 1985]. Для существительного [_{автор}] к этому множеству относится любой человек, являющийся автором чего-либо. Зависимым в (38) выступает ИГ в родительном падеже [_{и_г} «Войны и мира»], и хотя эта ИГ обладает определенным референтом, он, разумеется, не тот же самый, что и у всей группы (38).

Это семантическое свойство ИГ определяет и некоторые ее грамматические признаки. Например, только целая ИГ (39а), но не существительное (39б) и не основа существительного (39в), может быть антецедентом анафорического местоимения: (39) а. Владельцы [_{и_г} машин], оставляют их₁ здесь; б. * [_{и_г} Машины, их владельцев] остаются здесь; в. *Машин_владельцы оставляют ш_с, здесь. Единица, меньшая, чем ИГ, не способна быть антецедентом анафорического местоимения и поэтому называется **анафорическим островом** [Postal 1969; Lakoff, Ross 1972; Sproat 1988J3].

В конструкциях типа [_{и_г} человек своего поколения], [_{и_г} раб своих причуд] антецедентом местоимения выступает не вершина ИГ (человек, раб), а подлежащее предложения, ср. *Он — человек своего поколения и Человек своего поколения, он не воспринял новых идей, но ?? Человек своего поколения не воспринял новых идей.*

Для предложений характерно, что они могут обозначать конкретные события и ситуации. Так, предложение (40) *Президент прибыл в аэропорт* может обозначать некоторую конкретную ситуацию, а, например, ПрГ *в аэропорт* таким свойством не обладает. Тем же свойством обладают и элементарные предложения (=клаузы), вложенные в другие предложения, например, придаточные предложения, инфинитивные, деепричастные и другие обороты.

Предварительный вопрос

В чем причина двузначности следующих предложений?

1. Он только 3000 рублей получил на законном основании.
2. Народ Беларуси будет жить плохо, но недолго (А.Г. Лукашенко).

Другой вид семантического критерия границ фразовых категорий — семантические **сфера действия** некоторых слов. Точное определение понятия сферы действия заняло бы слишком много места, и здесь достаточно сказать, что, например, сфера действия частицы или союза включает тот отрезок предложения, который необходимо учесть для того, чтобы понять употребление частицы. Например, в предложении (41) *Мой брат или Петя и Миша останутся* сфера действия союзов при разной интонационной и ритмической структуре может быть различной, и соответственно изменится смысл. При одном понимании останется Миша и кто-то один из двоих: мой брат или Петя, а при другом — останется или мой брат, или Петя с Мишой вместе. Первое понимание соответствует структуре [_{иг} [_{иг} *Мой брат*] или [_{иг} *Петя*]] и [_{иг} *Миша*] *останутся*, второе — [_{иг} *Мой брат*] или [_{иг} [_{иг} *Петя*] и [_{иг} *Миша*]] *останутся*, причем в обоих случаях сферы действия союзов совпадают с границами ИГ. Сфера действия союзов могут совпадать и с другими фразовыми категориями, ср. *в шкафу* или *на верхней полке* и *под зеркалом*; *очень удивится* или *испугается* и *убежит домой* и т. п.

В предложении (42) а. *Он не смог решить все упражнения* и б. *Он смог решить не все упражнения* сфера действия частицы *не*, которая выражает отрицание, скорее всего «распространяется» на ИГ *[все упражнения]*, а в предложении (43) *Он не смог решить ни одного упражнения* сфера действия частицы «распространяется» на предложение (43) в целом. Предложение *Батальон не начал выдвигаться на позицию по приказу командования* имеет два различных понимания. При первом понимании батальон не исполняет приказ командования, который состоит в том, чтобы выдви-

гаться на позицию. При втором понимании действия батальона соответствуют приказу. Различия между двумя пониманиями обусловлены тем, что в первом случае сферой действия отрицания является все предложение, включая ПрГ [ггрг^{но} *приказу командования*]. При втором понимании ПрГ в сфере действия отрицания не попадает. Вероятно, сферой действия при этом является лишь глагольная группа [гг не начинал *выдвигаться на позицию*]. Таким образом, и сама сфера действия отрицания, и «остаток» предложения, не входящий в нее, могут определяться в терминах фразовых категорий. Вариативной сферой действия могут обладать не только частицы, но и знаменательные слова, подробнее см. [Богуславский 1985].

Итак, семантические сферы действия частиц и некоторых знаменательных слов часто представляют собой целые фразовые категории. Таким образом, способность некоторого отрезка выполнять роль семантической сферы действия может быть критерием того, что этот отрезок представляет собой фразовую категорию.

Границы фразовых категорий здесь имеют то же значение, что скобки в языке математики. Скобки показывают, например, что некоторая единица a находится в определенном отношении к некоторому множеству других единиц $\{b_1, b_2, \dots, b_n\}$, а не кциальному элементу (или элементам) этого множества. Например, отношение 'быть сомножителем' в произведении $a (b_1 + b_2 + \dots + b_n)$ т. ч. число a не с элементами множества $\{b_1 + b_2 + \dots + b_n\}$ по отдельности, а с суммой $(b_1 + b_2 + \dots + b_n)$.

«Скобки» естественного языка, т. е. границы составляющих, в отличие от скобок в языке математики, не выражаются ясно вычленимыми и последовательными символами. Далеко не все границы между фразовыми категориями обозначены какими-либо фонетическими сигналами в звучащей речи или специальными знаками (такими, как точка, запятая, пробел, скобки и т. д.) — в письменной речи.

Тем не менее некоторые **фонетические** признаки фразовых категорий, помогающие установить их границы, несомненно, существуют. Именно фразовые категории являются в Русском языке носителями основных фразовых тональных Ударений (акцентов), см. [Кодзасов 1985; 1988; 1989]. Если Фразовая категория в целом получает некоторый вид ударения, то слова внутри нее произносятся быстро и слитно (без ^{на}Уз), причем в наибольшей степени ударением маркируется одно из слов, входящих во фразовую категорию (место акцента обозначим апострофом перед выделяемым словом):

Часть 1. Синтаксическое описание

(44) [_иг Выставка достижений народного хозяйства] [_{ГГ} 'открыта сегодня?']; (45) —Вы [_{ГГ} 'знаете, что он вернулся']? — Да, я [_{ГГ} 'знаю, что он вернулся'] (примеры из [Кодзасов 1988: 25, 27]). Правила приписывания акцента применяются «от объемлющих составляющих к объемлемым», ср. буду 'стирать, стирать' белье и грязное 'белье (о расстановке акцента в таких группах см. [Ковтунова 1976]), но /Буду [стирать грязное белье]], см. подробнее [Кодзасов 1996].

4.2. Синтаксические критерии

Перейдем к рассмотрению собственно синтаксических признаков фразовых категорий. По-другому их можно назвать признаками **грамматической слитности**. Это означает, что каждый такой признак опирается на некоторое синтаксическое правило или несколько правил, которые оперируют с этой фразовой категорией как с целой неразложимой единицей. Таким образом, критерием грамматической слитности некоторой цепочки, или, что то же, критерием ее принадлежности к некоторой фразовой категории может быть любое грамматическое правило, применяемое ко всей цепочке.

4.2.1. Отделимость

Как и при выделении терминальных категорий, при работе с фразовыми категориями очень важны дистрибутивные признаки. Главный дистрибутивный признак фразовой категории — ее отделимость. Под отделимостью понимается:

допустимость **топикализации**, т. е. вынесения отрезка предложения в его начало, если информация, заключенная в отрезке, является темой, т. е. исходной точкой высказывания (подробнее о категории темы см. в главе IX). Примеры топикализации: (46) Так быстро он не справится; (47) Л для Коли почему не взяли?, (48) Совершить такую подлость он не способен.

допустимость **парцелляции**, т. е. вынесения отрезка предложения в его конец, причем отрезок отделяется от остального материала предложения паузой (в письменной речи эта граница либо вовсе не обозначается, либо обозначается запятой или точкой). Примеры парцелляции: (49) а. Мы увидели дом с вы-

соким крыльцом. Новый, б. Мы увидели новый дом. С высоким крыльцом.

- ◆ допустимость **фрагментирования**, т. е. употребления отрезка предложения в качестве отдельного высказывания. Примеры фрагментирования: (50) — Куда он пошел? — На гору; (51) Очень плохой?

Убедимся в том, что топикализации, парцелляции и фрагментированию подвергаются, как правило, целые фразовые категории.

Именная группа: (52) Ивана я очень давно не видел; (53) Мы заказали Рыбу с белым вином; (54) Красную ручку.

Предложная группа: (55) На этом стол нельзя ничего класть; (56) Мы купили цветов. На сто тысяч рублей; (57) По машинам!

Группа прилагательного: (58) Такая большая пропала сумка; (59) Аллергия у него была. Очень тяжелая; (60) Совсем большой.

Наречная группа: (61) Так саркастически может писать только этот журналист; (62) Он вмешался в наш разговор. По-хамски, как всегда; (63) Более или менее удовлетворительно.

Примеры с придаточным предложением: (64) Когда убьют, тогда и приходите; (65) Он все-таки позвонил. Когда уже было поздно; (66) Чтобы не забыть.

Если же мы попытаемся применить указанные три операции к отрезкам предложения, не являющимся фразовыми категориями, полученные последовательности будут грамматически неправильными.

Во-первых, эти операции, вообще говоря, недопустимы с произвольными последовательностями слов. Так, топикализация недопустима в (67) *Посмотрел на я Ивана или (68) *Дядя самых мой честных правил; парцелляция недопустима в (69) *Ошибки бывают классических работах. Даже в, или (70) *И тихонько в пустыне. Плачет он (ср., однако: И вот распоряжение отдано. Ректором декану); фрагментирование недопустимо, например, в (71) *Посмотри на! Несмотря на то, что в «предложении» (71), казалось бы, есть все необходимое для полноценного высказывания — понятно, в какой речевой ситуации оно содержит в себе весь необходимый и достаточный смысл, запрет на фрагментирование отрезков, не являющихся фразовыми категориями, делает его неприемлемым.

Часть 1. Синтаксическое описание

Во-вторых, топикализация и парцелляция неприменимы (или применимы с ограничениями) к терминальным категориям. Отдельное слово может подвергнуться этим операциям только в том случае, если является нераспространенной фразовой категорией, т. е., кроме терминальной категории, полностью представляет эту фразовую категорию. Если же в той фразовой категории, в которую оно входит, содержатся еще какие-то слова, слово обычно не может быть отделено: (72) *Крыльцом мы увидели дом с высоким; (73) *Мы увидели дом с высоким. Крыльцом. В (71-73) существительное *крыльцом*, которое является вершиной [_{иг} *высоким крыльцом*], не обнаруживает свойств отделимости.

В английском языке с его жестким порядком слов применение критерия отделимости дает еще более убедительные и наглядные результаты. Каждая составляющая, как правило, имеет фиксированную позицию в линейном порядке, поэтому всякое изменение его сразу бросается в глаза. В русском языке из-за более свободного порядка составляющих бывает не всегда легко отличить, например, парцелляцию подлежащего от его допустимой позиции в конце предложения. В английском заметен любой сдвиг составляющей вправо, даже если он не является парцелляцией. Топикализации могут подвергаться, например, предложные (74), именные (75), наречные (76) или глагольные (77) группы:

(74)

[прг *Down the hill*], *John ran, as fast as he could* 'Вниз по холму Джон бежал так быстро, как он (только) мог';

(75)

[_{иг} *Your elder sister*], / *can't stand* Твою старшую сестру я не выношу';

(76)

[_{НарГ} *Very shortly*], *he's going to be leaving for Paris* 'Очень скоро он собирается уехать в Париж';

(77)

[_{Гг} *Give in to blackmail*], *I never will* 'Поддаваться на шантаж я никогда не стану'.

Для понимания примера (77) надо иметь в виду, что вспомогательный глагол *will* не входит в глагольную группу. То, что в английском языке модальные (*can, may, must* и др.) и вспомогательные (*will, have* и др.) находятся вне границ глагольной группы, видно из следующего. Возьмем предложение (78) а. *John will finish the assignment* 'Джон выполнит задание'

глава II. Структура составляющих и фразовые категории

убедимся в том, что цепочка *finish the assignment* способна только без вспомогательного глагола *will* выдвигаться в начало предложения (78б), заменяться на местоимение *so* (78в) и подвергаться сочинительному сокращению (78г): б. *John promised that he will finish the assignment, and [finishes the assignment] he will (... *and will finish the assignment he)* 'Джон обещал выполнить задание, и он в самом деле выполнит задание'; в. *John will [finishes the assignment], and so will Mary (... * and so Mary)* 'Джон выполнит задание, и Мэри тоже'; г. *Paul won Ч [finishes the assignment], but John will finish the assignment went (... *but John will finish the assignment)* 'Пол не выполнит задания, но Джон выполнит' (зачеркнутая часть - цепочка, подвергшаяся сокращению) [Radford 1988: 101]. Неграмматичные примеры в скобках показывают, что цепочка, включающая вспомогательный глагол, перечисленными свойствами не обладает. Таким образом, глагольной группой целесообразно считать [*ГГ finish the assignment*], но не * [_{ГГ} *will finish the assignment*].

Сдвигу вправо (правее косвенного дополнения) могут подвергаться громоздкие ИГ прямого дополнения (79) а. *He explained [all the terrible problems that he had encountered] to her*, 6. *He explained to her [all the terrible problems that he had encountered]* 'Он объяснил ей все страшные трудности, с которыми он столкнулся'. Фрагментированию могут подвергаться, например, ПрГ или ИГ: (80) — *Where are you going to? — To the cinema (The cinema)* 'Куда ты идешь?' — 'В кино'. Фрагментированный ответ может включать, а может не включать в себя предлог *to* 'в', соответственно чему он и представляет собой ПрГ или ИГ.

Однако произвольные последовательности, не образующие целых фразовых категорий (81аб) и терминальные категории, например, вершина, оторванная от своих зависимых (81в), не имеют в английском языке, как и в русском, свойства отделимости, ср. (75) и (81) а. **Your elder, I can't stand sister*, 6. * *Your, I can't stand elder sister*, в. * *Sister, I can't stand your elder*.

Предварительный вопрос

Обратите внимание на последнюю строку следующей строфы стихотворения А. Ахматовой «Привольем пахнет дикий мед...»:

Водою пахнет резeda
И яблоком — любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

Какое значение подразумевается в последней строке: 'кровь пахнет кровью, и ничем другим' или 'кровью пахнет только кровь, и ничто дру-

Часть 1. Синтаксическое описание

гое'? В силу какой грамматической закономерности одно из этих двух значений здесь более вероятно, чем другое?

4.2.2. Поведение обстоятельств

Еще одним важным дистрибутивным признаком является **распределение обстоятельств**. Особенностью обстоятельств является то, что их может в себя включать (или не включать) любая фразовая категория. При этом значительно чаще соблюдается, чем нарушается, следующий принцип:

(82) если обстоятельство по смыслу относится к конкретной фразовой категории, оно должно быть составляющей этой категории.

Например, если обстоятельство *завтра* по смыслу относится к инфинитивному обороту (в гл. IV будет показано, что такой оборот — разновидность вложенного элементарного предложения), оно не может без изменения смысла быть перенесено в главное предложение, ср. (83) а. [*Чтобы завтра встать пораньше,*] надо завести будильник и б. [*Чтобы встать пораньше,*] надо завтра завести будильник; (84) а. *Они заявили о невозможности [работать вместе];* б. *Они вместе заявили о невозможности работать.* Но вообще в русском языке принцип (82) часто нарушается, например, можно сравнить предложения (85) а. *Он не должен [делать полностью всю работу];* и б. *Полностью он не должен [делать всю работу].* В обоих случаях обстоятельство *полностью* относится по смыслу к инфинитивному обороту, однако в (85а) оно входит, а в (85б) не входит в число его составляющих.

В английском языке принцип (82) выполняется значительно более последовательно, чем в русском. Например, достаточно четко разграничиваются два класса обстоятельств: обстоятельства, относящиеся к предложению (sentence adverbials), например *certainly* 'конечно', и обстоятельства, относящиеся к глагольной группе (verb phrase adverbials), например *completely* 'полностью'. Их дистрибуция определяется тем, что обстоятельства, относящиеся к предложению, входят в число непосредственных составляющих предложения, а обстоятельства, относящиеся к глагольной группе, входят в число непосредственных составляющих глагольной группы, чем и объясняются ограничения на их линейное расположение: (86) а. *Certainly Peter [гг has finished his work]* 'Конечно, Питер закончил работу', но б. **Completely.*

peter [it has finished his work] 'Полностью' Питер закончил работу'. В (866) наречие должно быть составляющим глагольной группы и не может «отрываться» от нее. Сравним также (87) а. [п *You can [тг rely on my help entirely,] naturally*] 'Вы можете рассчитывать на мою помощь полностью, естественно' и б. ??[п *You can [тг rely on my help] naturally, entirely*] 'Вы можете рассчитывать на мою помощь, естественно, полностью'. *Entirely* 'полностью', как и другие обстоятельства образа" действия, относится к глагольной группе, поэтому не может занимать позицию правее обстоятельства *naturally* 'естественно', которое относится к предложению — ведь последнее может располагаться только после границы глагольной группы (подробнее см. [Radford 1988: 73—74]):

(87'a) ...[п— *entirety, YY naturally*]^

(87'b) *...[п— *naturally, entirely*]'}]'.

Аналогичным образом и во французском языке различие между предложениями (88) а. *Ce gargon mangeait une pizza lentement hier* 'Этот мальчик ел пиццу медленно вчера' и б. ?? *Ce gargon mangeait une pizza hier lentement* 'Этот мальчик ел пиццу вчера медленно' объясняется, вероятно, тем же — наречие времени *hier* 'вчера' относится к предложению, а наречие образа действия *lentement* 'медленно' — к глагольной группе [Jones 1996:7].

ЗАДАЧА II-1 (автор С.А. Бурлак). Один иностранец, недавно начавший изучать русский язык, составил такие предложения со словом *который*:

1. Я видел кошку, которая ловила мышь.
2. Иван читал книгу, которую ему подарили.
3. У девушки голубые глаза, которую я люблю.
4. Машина сломалась, которая была куплена в прошлом году.
5. Студент конспектировал статью, которой он знал автора.
6. Саша был на вечере молодого поэта, которого он недавно прочитал книгу стихов.
7. Иван много помогал родным, которого фирма процветала.
8. Вот документ, который вы сразу всё поймете, увидев.
9. Девушка подошла к окну, которого левее на стене висела ее любимая картина.

Исправьте ошибки, допущенные иностранцем. Сформулируйте, опираясь на материал задачи, некоторые правила построения предложений с союзным словом *который* в русском языке.

4.2.3. «Эффект крысолова»

Еще одним синтаксическим критерием фразовых категорий может служить так называемый «Эффект крысолова» (англ. Pied Piping) — способность некоторых синтаксических правил, которые в соответствии со своей формулировкой должны быть применены к составляющей X, применяться вместо этого к фразовой категории Y, доминирующей над X: [Y ... X ...], где многоточие обозначает произвольную цепочку, в частном случае пустую. Другими словами, «эффект крысолова» возникает тогда, когда правило, которое должно было быть применено к некоторой составляющей X, применяется вместо этого к более крупной, «объемлющей» составляющей Y.

Термин Pied Piping был предложен в середине 1960-х годов американской исследовательницей Р. Лакофф и получил широкую известность после работы Дж.Р. Росса [Ross 1967 (1986)]. Этот термин обыгрывает средневековую легенду о флейтисте, который взялся избавить немецкий город Гаммельн от нашествия крыс. После того, как одна крыса, завороженная звуками флейты, последовала за музыкантом, за ней потянулись остальные крысы — и все утонули в озере. Когда городские власти отказались заплатить уговоренную сумму, флейтист таким же способом увел из города всех детей. При «эффекте крысолова» составляющая, затронутая правилом, подобно первой крысе, «увлекает» за собой другую составляющую.

В русском языке «эффект крысолова» наглядно проявляется в построении придаточных относительных. В соответствии с общим правилом тот член придаточного предложения, который выражен союзным словом (относительным местоимением), перемещается на левую периферию придаточного, ср. (89) а. Я знаю мальчика', б. Мальчик, которого я знаю, но в. [^]Мальчик, я знаю которого. Однако это правило часто применяется к тем фразовым категориям, которые доминируют над союзным словом, например, к ИГ: (90) Мальчик, [брата которого] я знаю, или к ПрГ: (91) стол, [на который] ты положил книги.

В придаточных косвенного вопроса тот же эффект может наблюдаться и с группами прилагательного: (92) Я не знаю, [насколько приемлемые] он выдвинул условия. Часто «эффекту крысолова» подвергается не ближайшая к терминалльной, а еще более объемлющая фразовая категория. Например, предложение (92) станет «лучше», если вместе с относительным местоимением на левую периферию придаточно-

го переместится не только вся ГПрил, но и содержащая ее ОГ: (93) Я не знаю, [и_г ГПрил насколько приемлемые] условия] он выдвинул.

Возьмем предложение без «эффекта крысолова»:

(94) а. ? Рассмотрим два высказывания, [которых] эквивалентность доказать не составит труда.

Предложение (94а) было бы совершенно нормальным для русского литературного языка в XIX в. Однако в современном русском языке требуется «захватить» вместе с относительным местоимением и ту ИГ, в которую оно входит (94б), или даже весь инфинитивный оборот, в который входит ИГ (94в):

б. Рассмотрим два высказывания, [эквивалентность которых] доказать не составит труда.

в. Рассмотрим два высказывания, [доказать [эквивалентность которых]] не составит труда.

«Эффект крысолова» можно проиллюстрировать и на примерах с отрицательной частицей *не*. Вообще *не* присоединяется слева к той составляющей, которая соответствует ее сфере действия: (95) а. Не [докладчик] просил задавать вопросы, б. Докладчик не [просил] задавать вопросы, в. Докладчик просил не [задавать вопросов], (96) Не [ветер бушует над бором], / Не [с гор побежали ручьи] (Некрасов, «Мороз, Красный нос»). Однако, если, например, сферой действия отрицания является ИГ в составе ПрГ, обязателен «эффект крысолова»: (97) посмотрел не [_{ПрГ} на [_{и_г} свои часы]], а на мои,ср. "посмотрел [_{ПрГ} на не [_{и_г} свои часы]]. Для ИГ, вложенной в другую ИГ, «эффект крысолова» допустим, но не обязателен: (98) а. Это [_{и_г} стиль не [_{и_г} голландской школы]]', б. Это *не* [_{и_г} стиль [_{и_г} голландской школы]]].

«Эфекту крысолова» могут подвергаться только фразовые категории, и этот эффект, таким образом, оказывается еще одним синтаксическим критерием их выделения.

Предварительные вопросы

1. Почему не существует сравнительной степени у прилагательных-местоимений и наречий-местоимений: *так-ее, *котор-ее, *там-ее и т. п.?

ПОДСКАЗКА: рассмотрите сравнительную конструкцию типа

Это гораздо удобнее, чем ехать на автобусе.

2. Почему с местоимением-существительным так трудно употребить определение: *Большой он пришел; ??Ужасное это произошло; ??Что Сашинко

придет по почте; *Он высокого роста сказал и т. п. [Всеволодова

4.2.4. Проформы

Еще один признак фразовых категорий - их способность замещаться особыми местоименными лексемами — **заместителями**, или **проформами**. Например, сколь угодно громдкая ИГ может целиком замещаться местоимением 3 л.:

(99) — Что вы скажете об [_{иг} этом человеке, который предлагал нашей фирме очень выгодную операцию с ценными магами?]

— Я скажу, что он жулик.

Нетрудно увидеть, что на проформу (в данном случае - личное местоимение) могут быть заменены только фразовые категории. Чтобы убедиться в этом, попробуем заменить на местоимение 3 л. в (99) вершины-существительные:

(99') * Что вы скажете об [_{иг} этом нем, который предлагал нашей ей очень выгодную ее с ценными ими]?

Итак, терминальные составляющие (в данном случае - существительные) не заменяются на проформы; это возможно только для фразовых категорий.

Имеются и другие проформы, например, *там* может заменять ПрГ:

(100) - Вы бывали [_{ПрГ} в Петербурге]?

— Да, я там бывал.

Местоимение *такой* может заменять группу прилагательного: (101) *Многие люди считают Ивана* [_{шщл} очень грубым], но я никогда не считал его таким; а местоимение *это* — целое предложение: (102) *Говорят, что* [_п он собирается подать в отставку], но это, может быть, и неправда; (103) *Разумеется, [п я не Солженицын]. Разве это лишает меня права на существование?* (С. Довлатов, «Письмо изданителю»).

В английском языке проформы более разнообразны: они могут, например, замещать не только ИГ, ПрГ или предложения, но и глагольные группы: (104) *John might* [_{гг} go home], and so might Bill 'Джон мог бы уйти домой', и Билл мог бы сделать то же'; (105) *John might* [_{гг} resign his post], as might Bill 'Джон мог бы уйти в отставку со своего поста, что мог бы сделать и Билл'.

В русском языке выделимость глагольной группы весьма проблематична; можно допустить, что подчинительный союз способен заменять некий фрагмент предложения, близкий по составу к английской глагольной группе, в особой конструкции «подчинительного присоединения» [Латышева

2000]: (106) *У него [был длинный язык], из-за чего он и пострадал; (107) Это девушка [твердая, благородная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем], что я хорошо в ней изучила* (Достоевский, «Преступление и наказание»).

4.3. Обязательность фразовых категорий

Вернемся к проблеме, которая осталась нерешенной в п. 3: может ли отдельное слово (представляющее терминальную категорию) быть непосредственной составляющей предложения или оно всегда доминируется некоторой фразовой категорией, над которой доминирует предложение? Теперь в нашем распоряжении есть разнообразные критерии фразовых категорий, показывающие, что по крайней мере некоторые терминальные категории (существительное, прилагательное, наречие, глагол) всегда вложены в соответствующие фразовые категории (ИГ и т. д.).

Во-первых, достаточно очевидно, что дистрибуция отдельных существительных совпадает с дистрибуцией именных групп, дистрибуция отдельных прилагательных — с дистрибуцией групп прилагательного. Это означает, что в тех же синтаксических контекстах, где допустимо *эта красивая девушка*, допустимо и *девушка*, где возможно *на редкость красиво*, там же возможно и *красиво'*, ср. также дистрибуцию *отправился и отправился домой* и т. д.

Во-вторых, отдельные слова в роли фразовых категорий, как это и полагается фразовым категориям, являются отдельными: (108) а. *Открой эту крышку. Ножом*; ср. невозможность отрыва одной лишь терминальной категории: б. **Открой консервным эту крышку. Ножом*.

В-третьих, отдельные слова в роли фразовых категорий проявляют и другие отличительные признаки этих категорий, например, могут заменяться на проформы. Убедительный пример того, что терминальные категории (в тех случаях, когда их можно отличить от фразовых) не заменяются на проформы, см. выше в примере (99').

Итак, достаточно многочисленные, убедительные и разнообразные факты указывают на то, что, кроме синтаксически неразложимых элементов предложения (слов) и грамматических классов (терминальных категорий), к которым они относятся, в предложении выделяются составляю-

Часть 1. Синтаксическое описание

щие другого типа — группы. Группы, так же как и слова, распределяются по небольшому количеству классов - фразовых категорий. Группа (представляющая некоторую фразовую категорию) может включать в себя произвольное число слов, в частном случае — одно-единственное слово. Отдельные слова не могут быть непосредственными составляющими предложения и входят в него только в составе фразовых категорий; «предложение не составляется непосредственно из слов как из конститутивных элементов и не разложимо непосредственно на слова» [Золотова 1981: 496].

ЗАДАНИЕ 9. В следующих предложениях употреблены лексемы, отсутствующие в русском языке. Опираясь на различные критерии, определите, к каким терминальным категориям могут относиться эти лексемы и в какие фразовые категории они входят:

1. *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* (знаменитый пример Л.В. Щербы).
2. *Марко* было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облиго ружают.
На том и покалим сростень (Стругацкие, «Трудно быть богом»).
3. *Огды-егды*, а Бутявка спиндюрила у Калуши зилинъ.
И с зилинем усяпала с напушки быро-быро и в бурдысья пок!
А зилинъ у Бутявки в клямсах так и затырытырился: тыры-пыры, тыры-пыры.
А Калуша (*пии натыром, блуки бятые*) увазила, что в бурдысьях-то тырытыр! (Л. Петрушевская, «На шваньтёу»)

ЗАДАНИЕ 10. Рассмотрите придаточные предложения косвенного вопроса, использующие частицу ли, такие, как: Спрашивается, много ли у тебя средств?; Я не знаю, Ивана ли они пригласили; А там посмотрим, станет ли несчастный / То расточать, что кровью приобрел (Пушкин, «Скупой рыцарь»).

Попытайтесь ответить на следующие вопросы:

- 1) возникает ли «эффект крысолова» при применении правила «слово, находящееся в сфере вопроса, ставится в начале придаточного»;
- 2) тот же вопрос — относительно правила «слово, находящееся в сфере вопроса, ставится перед частицей ли»;
- 3) приведите примеры предложений, в которых «эффект крысолова» обязателен;
- 4) приведите случаи, в которых он факультативен.

5. Сравнение структур зависимостей и структур составляющих

Рассмотрим преимущества и недостатки каждой из двух систем — зависимостей и составляющих.

Сразу отметим, что преимущества и недостатки структур зависимостей и структур составляющих можно обсуждать только по отношению к тем задачам, для решения которых они привлекаются. Кроме того, одно и то же формальное средство используется в разных вариантах в разных лингвистических теориях, и свойства этих вариантов не одинаковы. Например, структуры зависимостей в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И.А. Мельчука (о ней см. главу XVI) и в «грамматике слов» Р. Хадсона [Hudson 1984; 1990] обладают разными формальными свойствами и соответственно этому разными возможностями; структуры составляющих, используемые в ранних и в современных вариантах порождающей грамматики Н. Хомского, различаются рядом важных свойств и т. д.

Сравним описательные возможности обеих систем представления синтаксической структуры. Считается, что преимущество структур зависимостей состоит в их способности различать вершину и зависимые, в то время как структуры составляющих получают такую возможность только при введении дополнительных помет. Эквивалентность деревьев зависимостей и систем составляющих возникает тогда, когда системы составляющих иерархизованы, т. е. когда в каждой составляющей отмечена ее вершина (прояснение смысла понятия «эквивалентности» способов представления и строгое доказательство см. в: [Гладкий 1985: 35—36]).

На первый взгляд в терминах структур зависимостей легче рассматривать синтаксическую сочетаемость языковых единиц. Определенными селективными признаками, т. е. способностью сочетаться или не сочетаться с другими языковыми единицами, обладают лексемы — единицы словаря. У предложений лексемы соответствуют отдельным словам (словоформам), а не словосочетаниям. Кроме того, селективные признаки часто формулируются с использованием понятий вершины и зависимого.

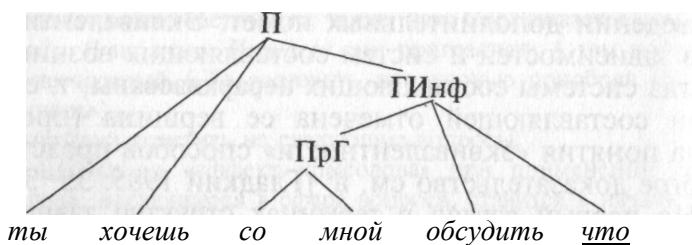
Однако селективные признаки бывает удобно представлять и как отношение между словом-вершиной и некоторой фразовой категорией. Например, в словарных

Часть 1. Синтаксическое описание

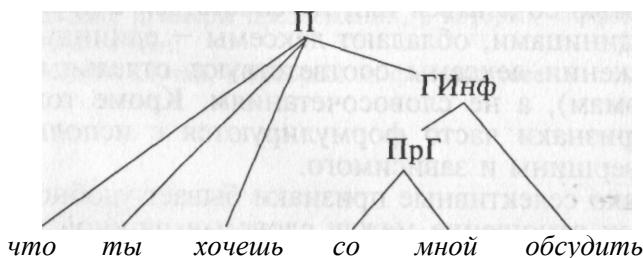
статьях глаголов *рассказывать*, *нести* или *убивать* должна содержаться грамматическая информация о том, что эти глаголы переходные, т. е. требуют или допускают наличие при себе прямого дополнения. Прямое дополнение, в отличие от самого глагола, можно рассматривать не как отдельное слово, а как фразовую категорию — ИГ. Таким образом, селективный признак может быть представлен как отношение между словом как единицей словаря и той фразовой категорией, которая выступает в роли зависимого при вершине, выраженной данным словом.

Преимуществом структур зависимостей является их большая (по сравнению со структурами составляющих) дескриптивность, или описательная сила. Под «дескриптивностью» здесь имеется в виду то, что структуры зависимостей могут быть легко применены без дополнительных теоретических допущений к более разнообразному материалу, чем структуры составляющих. Так, с помощью зависимостей легко анализируются непроективные структуры, а для того, чтобы отразить их в структурах составляющих, требуется усложнить формальный аппарат, например, введя два разных уровня представления предложения и особый грамматический компонент, устанавливающий соответствие между уровнями:

(109) а. Первый уровень

б. Второй уровень

Обе структуры — (109а) и (109б) интуитивно удовлетворительны, но с разных точек зрения: (109а) отражает тот факт, что вопросительное местоимение по смыслу относится к инфинитивному обороту и селективно связано с глаголом *обсудить*, являясь его прямым дополнением. Вместе с тем вопросительное местоимение *что* стоит в начале предложения, и такая его позиция в русском языке естественна (хотя не обязательна), и это свойство отражено в (109б). Можно преобразовать (109а) в (109б) с помощью двух операций: стереть один узел и одно ребро в (109а) и добавить узел и ребро в (107б), причем новый узел будет непосредственной составляющей узла другой категории — не инфинитивной группы, как в (109а), а предложения⁴. Совокупность двух элементарных операций — стирания и добавления есть частный случай **трансформации**, т. е. некоторого «хирургического» преобразования структур составляющих. Соответственно получаем два уровня представления предложения — до (109а) и после (109б) применения трансформации.

(109б) является реально наблюдаемым предложением, а (109а) — искусственно предложение, которое сконструировано для того, чтобы выразить тот факт, что вопросительное местоимение входит в инфинитивный оборот. Несмотря на то что в разговорной речи (109а) допустимо, нам пришлось бы из тех же соображений постулировать его и в том случае, если бы это предложение было неправильно.

Задача трансформаций в грамматическом описании — установить регулярные соответствия между двумя или более системами составляющих, каждая из которых отражает только часть грамматических свойств предложения, но которые в сумме характеризуют все (или большинство) его свойств.

Есть и другие способы придать большую «дескриптивность» структурам составляющих, например, определив ее таким образом, чтобы были разрешены разрывные составляющие (подробнее см. [Долинина 1977, гл. IV]).

Преимущества структур составляющих над структурами зависимостей в некоторых отношениях являются решающими. Размеченная структура составляющих содержит ин-

⁴ Надо, впрочем, иметь в виду, что инфинитивная группа и предложение — если не совпадающие, то очень близкие по свойствам фразовые категории, так как в обеих вершинах является глагол.

формацию о том, каким образом предложение иерархически организовано. В ней обозначены все собственно синтаксические единицы — от предложения до отдельного слова, а в структуре зависимостей собственно синтаксических единиц нет, и используется лишь синтаксическое отношение зависимости. Самое важное заключается в том, что синтаксические правила применяются не к отдельным словам и не к множествам попарно синтаксически связанных слов (поддеревьям деревьев зависимостей), а к собственно синтаксическим единицам — терминальным и фразовым категориям. В этой главе уже содержится достаточно материала, подтверждающего это наблюдение, и в последующих главах читатель встретит еще больше фактов, говорящих о первостепенной роли фразовых категорий.

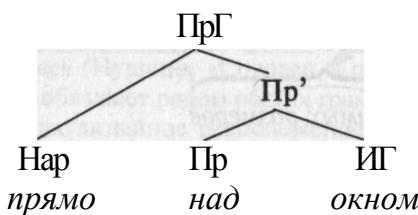
Использование фразовых категорий («предложение», «ИГ» и др.) позволяет, кроме того, охарактеризовать еще одно важнейшее свойство синтаксических структур — их рекурсивность, т. е. способность к бесконечному усложнению. Синтаксические правила применяются к фразовым категориям безотносительно к тому, сколько в них находится «материала». Например, ИГ (ПО) [*иг кота*, */Который пугает и ловит синицу*, */Которая часто ворует пшеницу*, */Которая в темном чулане хранится* /В доме, который построил Джек] обладает в основном теми же синтаксическими свойствами, что и нераспространенная ИГ (ПО') [*иг кота*], состоящая лишь из вершины. Обе этих цепочки представляют одну и ту же синтаксическую единицу — ИГ. Этот важнейший факт не может быть отражен в обычных структурах зависимостей, что является их недостатком. Напомним, что корневой узел структур зависимостей, соответствующих (ПО) и (ПО'), представляет не фразовую категорию (ИГ), а единицу другой природы — словоформу (*кота*).

Наконец, важным недостатком структур зависимостей является то, что они не в состоянии выразить различную степень грамматической «склеенности» зависимых с одной и той же вершиной, т. е. тот случай, когда из двух зависимых А и В вершины С А более тесно связано с С, чем В. «Более тесная связь» обычно видна из порядка слов — между А и С не могут располагаться никакие другие составляющие, в том числе никакие другие зависимые С, включая В. Структура составляющих позволяет естественным образом выразить это различие, если принять, что составляющая, включающая

С и В, доминирует над другой составляющей, включающей С и А, но не В.

Например, в английском языке особо тесная связь наблюдается между переходным глаголом и его прямым дополнением, ср. (111) а. *studies physics in Cambridge* 'изучает физику в Кембридже', но б. **studies in Cambridge physics*. Составляющая, образованная сочетанием глагола (Γ) и дополнения, входит в глагольную группу ($\Gamma\Gamma$); следуя нотации, принятой в порождающей грамматике, такую составляющую можно назвать Γ , т. е. « Γ -штрих» (по-английски V(erb)', читается «V-bar»): [$_{\Gamma\Gamma} [_{\Gamma} \underline{\text{studies physics}}] \text{ in Cambridge}$]. Аналогичные свойства обнаруживаются и в конструкции, возглавленной существительным *student* 'студент': (112) а. *student of physics in Cambridge* 'студент-физик из Кембриджа', но б. **student in Cambridge of physics*, что дает основание ввести входящую в ИГ фразовую категорию С, от С — существительное: [$_{\text{ИГ}} [_{\text{С.}} \underline{\text{student of physics}}] \text{ in Cambridge}$]. В предложной группе из двух зависимых предлога — ИГ и наречия более тесно связана с предлогом ИГ: (113) а. *прямо над моим окном*', б. **над прямо моим окном*; (114) а. *только из-за упрямства, из-за только упрямства*. Чтобы учесть это различие, можно, наряду с Пр Γ , постулировать фразовую категорию Пр': [$_{\text{Пр}\Gamma} \underline{\text{прямо}} [_{\text{Пр.}} \underline{\text{над}} [_{\text{ИГ}} \underline{\text{моим окном}}]]$]; [$_{\text{Пр}\Gamma} \underline{\text{только}} [_{\text{Пр' }} \underline{\text{из-за}} [_{\text{ИГ}} \underline{\text{упрямства}}]]$]. Составляющие, которые состоят из вершины и одного из ее зависимых, наиболее тесно связанного с вершиной, называются **штриховыми группами**, а грамматические классы штриховых групп (Γ' , С, Пр' и т. д.) — **штриховыми категориями**. При таком решении, конечно, потребуется дополнить определение **зависимого**, допустив, чтобы оно могло быть не только сестрой своей вершины, но и сестрой ее штриховой группы:

(115)

Система составляющих легко выражает иерархию зависимых в (115), но структура зависимостей без дополнительных усложнений с этой задачей не справляется.

Часть 1. Синтаксическое описание

Известно несколько попыток предложить «третий путь»: такую формальную модель предложения, которая соединяла бы в себе преимущества структуры зависимостей и структуры составляющих, но была бы свободна от их основных недостатков. Такова, например, «грамматика слов» Р. Хадсона, где «работу» составляющих выполняют «модели» — особое множество символов, обозначающих грамматические классы слов [Hudson 1984]. Из компромиссных систем, предложенных российскими авторами, известны «клубные системы» В.Б. Борщева и М.В. Хомякова [1976], а также глубоко и тонко разработанные на материале русского языка «системы синтаксических групп» А.В. Гладкого [1985; 1997].

У А.В. Гладкого в отношении зависимости вступают **синтаксические группы** — понятие, близкое к понятию составляющей. Множество синтаксических групп, так же как и множество составляющих, включает в себя по определению каждое отдельное слово, предложение в целом и ряд «промежуточных» единиц, меньших, чем предложение, но более крупных, чем слово. Чтобы избежать явной избыточности, которая возникает при простом объединении двух структур, применяется весьма сложная и многоступенчатая процедура «отсеивания кандидатов» в синтаксические группы, в результате которой итоговое множество синтаксических групп включает в себя не все и не только составляющие (например, они, в отличие от составляющих, могут быть разрывными). Неформально синтаксическую группу по Гладкому можно определить как такое множество слов, которое вступает в отношение зависимости «целиком», а не посредством одного из входящих в него слов. Например, омонимичное словосочетание (116) *таблица допустимых размеров* в двух своих значениях а. 'таблица, в которую сведены допустимые размеры (чего-то)'; б. 'таблица, размеры которой допустимы' получает соответственно два представления:

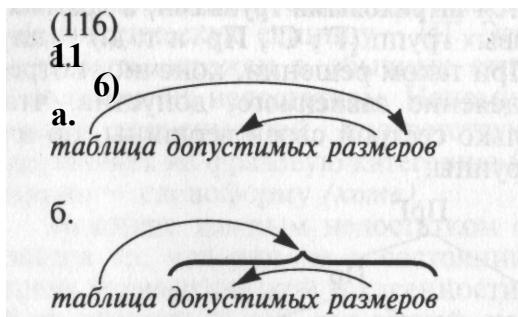

таблица допустимых размеров

где только в (1166) *допустимых размеров* представляет синтаксическую группу [Гладкий 1985: 118].

Отступление. Проблема детерминантов. В 1960—1970-е годы в работах Н.Ю. Шведовой [19646; 1968; 1973a; Шведова (ред.) 1970] на материале русского языка была выдвинута концепция **детерминирующих** членов предложения, или **детерминантов** — таких второстепенных членов предло-

жения которые распространяют его в целом и не связаны ни с каким отдельным его членом. В основе понятия детерминанта лежит неоспоримое наблюдение, согласно которому не всякая грамматическая связь между отрезками предложения А и В может быть естественным образом представлена как связь между отдельными словами, входящими в А и В. «Детерминанты помещаются, как правило, в начале высказывания, отделяются от основного состава высказывания паузой и могут быть омонимичны прилагольным обстоятельствам или дополнениям... Ср. *Часто / приходить в гости неприлично* [детерминант: в жизни часто бывают такие ситуации, когда приходить в гости неприлично] - *Часто приходить в гости неприлично* [прилагольное обстоятельство: если приходить в гости часто, то это становится неприличным]» [Апресян 2000а: xxii].

В «Русской грамматике» [Шведова (ред.) 1980] Н.Ю. Шведова подразделяет детерминанты по семантическим признакам на **обстоятельственные**, которые целиком характеризуют ту ситуацию, которая обозначена предложением, **субъектные, объектные** и смешанных типов (например, «субъектно-обстоятельственные»). Субъектными и объектными детерминантами «обозначается предмет, имеющий то или иное отношение к тому, о чем сообщается в предложении: воспринимающий субъект, носитель состояния, предмет общей характеристики, адресат и т. п.» [Шведова (ред.) 1970: 629]. К числу обстоятельственных детерминантов относятся локальные (117) У нас сейчас белые ночи; Повсюду флаги; темпоральные (118) Много веков человек был привязан к земле; За последние годы произошли большие перемены; причинные (119) От стыда не мог глаз поднять; С такими дружскими недолго и в тюрьму попасть; целевые (120) Для верности еще раз повернул ключ в замке и некоторые другие. Под субъектными детерминантами имеются в виду ИГ в дат. п. типа (121) Каждому случается ошибаться; Им не везет с директорами; (122) Отцу сейчас деньги очень кстати; Ему недосуг разговаривать; (123) Ему бы только спать; Как нам поступить?; сочетание предлога у с род. п.: (124) У соседей весь день шумят; У следователя недостаточно улик; предлога для с ИГ в род. п.: (125) Для любителя он хорошо поет; (126) Для ребенка здесь сырь; предлога с с ИГ в твр. п.: (127) С учительями он ведет себя вызывающе; (128) С деньми напряженно; С транспортом задержек нет. Детерминантов может быть несколько: [В безмолвии садов,] {весной,} | во мgle ночей| / Пoет над розою восточный соловей (Пушкин, «Соловей и роза»).

Детерминанты обладают рядом общих грамматических свойств. Например, ограничено их линейное расположение: они выступают в абсолютном начале предложения или непосредственно при одном из его главных членов — подлежащем или сказуемом. Далее, они могут сочетаться с дложенийами разных типов («структурных схем») — с двусоставными, где имеющими подлежащее и сказуемое (129) В городе ожидается приезд масс " У тебя все нехороши; с односоставными именными (130) В городе масса народу; У тебя грипп; с инфинитивными (131) В городе никого не найти; У тебя самоуверенности не занимать; с наречными (132) В городе шум-

Часть 1. Синтаксическое описание

но; У тебя холодно и т. д. Идея Н.Ю. Шведовой о специфичности такого набора свойств именно у детерминантов вызвала возражения: отмечалось например, что позиция детерминантов отражает обычные правила порядка слов в русском языке, которые точно так же применяются и к не-детерминантам [Крылова и др. 1997: 78].

Отношение «детерминант — предложение» Н.Ю. Шведова противопоставляет, с одной стороны, **присловной подчинительной связи** между отдельными словами, причем под последней имеется в виду «связь, предопределенная свойствами знаменательного слова и осуществляющаяся независимо от синтаксического места (позиции) этого слова в предложении» [Шведова (ред.) 1980: 14], и, с другой стороны, отношениям между компонентами **предикативной основы** (структурной схемы) **предложения**, например, между подлежащим и сказуемым. Детерминация — распространение предложения в целом, а не какого-то одного его слова; последнее осуществляется через присловные связи.

Большинство исследователей, как кажется, согласны с тем, что детерминанты образуют «естественный класс», единство которого достаточно очевидно хотя бы по интуитивным соображениям. Мы не будем здесь обсуждать альтернативные способы определения этого класса, например, на основе самостоятельной роли детерминантов в актуальном членении предложения (о котором см. главу IX) [Крылова и др. 1997: 80]. Мы не станем также затрагивать конкретных проблем, связанных с трактовками тех или иных русских примеров, хотя, на наш взгляд, многие субъектные детерминанты представляют собой обычные случаи управления (125; 127—128) или предикативной связи, например, ИГ в дат. п. в конструкциях с независимыми инфинитивами (123), как будет показано в главе VI, проявляют достаточно признаков подлежащего. Ограничимся некоторыми замечаниями о проблеме трактовки детерминантов в рамках обоих способов представления синтаксической структуры.

Несмотря на то что детерминанты не связаны с каким-то одним словом в предложении больше, чем с другими словами, ни грамматически, ни семантически, ни фонетически, очевидно, что таким энтузиастам структур зависимостей, как Р. Хадсон [Hudson 1984, 1990] или И.А. Мельчук, не составит большого труда технически разрешить эту проблему, т. е. избежать разрыва в структуре зависимостей. На практике при этом применяется следующий прием: если слово *w* не обнаруживает никакой очевидной грамматической связи ни с одним отдельным словом, входящим в цепочку *D*, однако не может быть линейно отделено от *D* никакими другими словами, устанавливается синтаксическая зависимость *w* от корневого узла структуры зависимостей для *D*. Например, детерминант *Сегодня* никак не связан специфически ни с одним словом цепочки *мы ходили в театр*, к которой он относится «целиком»; однако детерминант не может быть оторван от цепочки — следовательно, он является зависимым вершиной-сказуемого *ходили*. «В подавляющем большинстве известных автору синтаксических конструкций русского языка ... зависимость от группы и

зависимость от вершины (хозяина) группы семантически не противопоставляются, что позволяет безболезненно подчинять слугу целой группы хозяину этой группы ... автору неясно, какая полезная информация может быть утрачена при формальном подчинении детерминантов сказемому, возможно - посредством специального поверхностно-синтаксического отношения» [Мельчук 1974а: 214-215].

Кажется, тем не менее, что такой технический прием лишен содер жательной ценности. Достаточно очевидно, что отношение включения (доминации) является более всеобщим, чем отношение синтаксической зависимости. В тех случаях, когда зависимости между отдельными словами не наблюдается, отношение доминации все равно налицо, и детерминанты, наряду, например, с вводными оборотами, представляют важный частный случай доминации без сколь-нибудь очевидной зависимости.

Как показали В.А. Белошапкова [1977] и А.В. Гладкий, связь типа детерминантной может иметь место и с единицами меньшими, чем предложение. «Например, предложение ... С *наибольшим успехом* он *выступал в Москве* в прошлом году может означать либо 'Среди всех его выступлений наибольший успех имело прошлогоднее, происходившее в Москве', либо 'Среди всех его выступлений в Москве наибольший успех имело прошлогоднее'. При первом значении относительно-характеризующее словосочетание с *наибольшим успехом* подчинено слову *выступал*, во втором — словосочетанию *выступал в Москве*» [Гладкий 1985: 119].

Понятие детерминантов, при всей его популярности в российской лингвистике, не стало общепринятым. Некоторые авторы полагают, что классификация, разграничитывающая предикативную основу (отношение между подлежащим и сказуемым), присловную связь и детерминацию, недостаточна. Так, с точки зрения В.А. Белошапковой, синтаксические связи могут быть установлены: 1) между словом и формой слова, например, *выписывать газету* — в какой бы грамматической форме ни стоял глагол *выписывать*, он всегда требует вин. п. дополнения; 2) между формой слова и формой слова, например, *Сад цветет*, где скоррелированы им. п. подлежащего и финитная форма глагола; 3) между простыми предложениями в составе сложного; 4) между словом и простым предложением, например, между союзным словом *который* и предложением *пришел сюда*; 5) между формой слова и простым предложением, например, между сравнительной степенью прилагательного и зависящим от нее придаточным сравнительным: *немного уже, чем казалась прежде*; 6) между словосочетанием и формой слова, например, *старый [фруктовый сад]* или *новая [соломенная шляпа]*, где, по В.А. Белошапковой, наблюдается согласование прилагательного с целым словосочетанием; 7) между простым предложением и сложным, например, *Когда мы вышли из леса, [было сырь, но дождь Уже не было]*; и 8) между двумя сложными предложениями [Белошапкова (ред.) 1989: 539-543].

Как описательное решение подход В.А. Белошапковой вполне приемлем, однако с теоретической точки зрения его трудно признать привле-

Часть 1. Синтаксическое описание

кательным. Если синтаксические отношения могут возникать между единицами пяти (!) грамматических классов: 1) формой слова; 2) словом; 3) словосочетанием; 4) простым предложением и 5) сложным предложением, то отсюда неизбежно следует, что теоретически возможно 25 типов бинарных направленных отношений между этими единицами (или 15 ненаправленных, что тоже немало), и тогда необходимо как-то объяснить почему из них всех реально наблюдаются лишь восемь.

Что касается не описательных, а теоретических преимуществ обеих формальных систем, то структуры составляющих в той или иной форме необходимы для любой теории, ставящей своей целью обобщение и объяснение синтаксических правил, поскольку правила применяются именно к составляющим. Любая теория, используя даже хорошо известную описательную технику, обязательно видоизменяет или дополняет ее. Поэтому оценить преимущества и недостатки способа описания возможно только оценивая и саму теорию.

Рекомендуемая литература

На русском языке структуры составляющих подробно рассматриваются в книгах [Долинина 1977, Гладкий 1985]. И.Б. Долинина дает систематическое сравнение традиционного метода синтаксического анализа, структур зависимостей и структур составляющих и подробно разбирает проблемы, связанные с «разрывами» составляющих; краткий обзор можно найти в [Долинина 1969]. В книге А.В. Гладкого приводится весь необходимый формальный аппарат структур зависимостей и составляющих и предлагаются системы синтаксических групп, соединяющих некоторые преимущества структур зависимостей и составляющих. Введение для впервые знакомящихся с принципами синтаксического анализа можно найти в учебниках В.Б. Касевича [1977] и Дж. Лайонза [1978 (1972)]. Полезно также ознакомиться с введением в математическую лингвистику А.В. Гладкого и И.А. Мельчука [1969]. Способ установления соответствия между деревьями зависимостей и системами составляющих дан у Е.В. Падучевой [1964]; более строго в [Гладкий 1985], см. также [Фитиалов 1968].

Составляющие были впервые предложены для представления структуры предложения представителями американской дескриптивной лингвистики. Л. Блумфилд [1968 [1933]] разработал критерии выделения составляющих, опирающиеся на их фонологические, морфологические и синтаксические свойства; разнообразные критерии учитывались также в работе [Wells 1947]. З. Хэррис [Harris 1946] опирался исключительно на критерий дистрибуции. В «Логических основах лингвистической теории» Н.Хомский [Chomsky 1975 [1955]] внес дальнейший вклад в разработку критериев выделения составляющих. О различии обстоятельств, относящихся к предложению, и обстоятельств, относящихся к глагольной группе, см. у Р. Джэкендоффа [Jackendoff 1972: 47-107]. Блестящий разбор

Глава 11. Структура составляющих и фразовые категории

структуры составляющих в английском языке и написанное на доступном *юовне* введение в теорию фразовой структуры можно найти в учебнике Э. Рэдфорда [Radford 1988], материала которого многократно использовался в этой главе. Информация о структуре составляющих в синтаксических конструкциях английского языка содержится также в [Brown, Miller 1991] г Burton-Roberts 1986]. Типологический обзор различных видов составляющих можно найти в коллективной монографии под редакцией Т. Шопена [Shopen (ed.) 1985].

СТРУКТУРА СОСТАВЛЯЮЩИХ И ФРАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ

На основании интуитивных критериев предложение может быть разделено на отрезки, образующие иерархическую структуру; если у двух отрезков есть общая часть, один из них целиком входит в другой (п. 1). формальной моделью такого анализа предложения служит система составляющих; в грамматике важное значение имеют два вида отношений между составляющими — доминация и командование (п. 2). Составляющие образуют грамматические классы: терминальные категории, или синтаксические части речи, соответствующие словам (п. 3), и фразовые категории, соответствующие синтаксическим группам, которые в частном случае могут быть представлены одним словом. Фразовые категории выделяются на основании фонетических, морфологических и синтаксических критериев; синтаксические критерии опираются на признаки грамматической слитности (п. 4). Структуры составляющих имеют ряд преимуществ перед структурами зависимостей (п. 5).

В предыдущей главе были рассмотрены синтаксические отношения между словами, которые могут быть отображены в иерархически упорядоченной структуре — дереве зависимостей. Однако кроме отношения между словами в предложении наблюдается еще один, и более важный вид упорядоченных отношений — отношения между группами слов, или словосочетаниями, и для их отображения требуется формальная структура другого типа - структура составляющих.

1. Некоторые интуитивные соображения

Зададим себе два вопроса: «какие слова или группы (=цепочки) слов в предложении более тесно связаны друг с другом, чем с другими словами?» и «какие слова или группы слов в предложении относятся к одному и тому же грамматическому классу?» Как и в случае с зависимостями, начнем с интуитивных оценок, а затем постараемся проверить и подкрепить интуитивные предположения более надежными Данными.

Прежде всего заметим, что некоторые простые языковые единицы (слова и морфемы), входящие в состав предложения, связаны друг с другом теснее, чем с другими словами и морфемами, которые являются частями того же самого предложения. Основываясь на этом, можно дать следую-

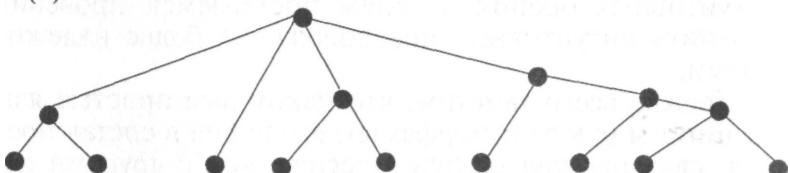
Часть I. Синтаксическое описание

щее предварительное определение: структурные единицы или отрезки предложения, которые целиком состоят из более тесно связанных друг с другом единиц меньшего разме-ра, называются **составляющими**.

Используя понятие синтаксической зависимости между словами, можно установить, что некоторое слово вместе со всеми своими зависимыми (и опосредованными зависимыми) обычно образует одну составляющую. Например предложение (1) *Эти школьники скоро будут писать диктант по русскому языку* состоит из 9 слов; как они последовательно объединяются в более крупные единицы — составляющие? Достаточно очевидно, что зависимое *писать* вместе со своей вершиной *будут* образует некоторую более крупную единицу. Границы составляющих принято отмечать квадратными скобками: *[будут писать]*. Вершина *школьники* образует, по-видимому, целую составляющую вместе со своим зависимым *эти*: *[эти школьники]*. Точно так же образует составляющую и существительное *языку* вместе со своим зависимым прилагательным: *[русскому языку]*. Составляющая *[русскому языку]* состоит из двух слов, из которых одно непосредственно, а другое опосредованно зависит от предлога *по*. Следовательно, оба зависимых слова можно объединить в одну более крупную составляющую с вершиной-предлогом: *[по [русскому языку]]*. Но вся эта составляющая в каком-то смысле «определяет» существительное *диктант*. Следовательно, *[диктант [по [русскому языку]]]* — это тоже составляющая, включающая в себя не только отдельные слова, но и две вложенные одна в другую «сложные» составляющие (т. е. такие, которые включают в себя более одного слова). Наконец, и предложение (1), «вбирающее» в себя все перечисленные единицы, может быть признано целой составляющей.

Эту информацию о структуре составляющих в (1) для наглядности удобно представить в форме диаграммы, которая так же, как и структура зависимостей, является деревом:

(2)

Эти школьники скоро будут писать диктант по русскому языку.

Глава 11. Структура составляющих и фразовые категории

Каждая точка, выделенная в дереве кружком, называется **узлом**, и каждый узел представляет некоторую составляющую. В (1) мы выделили 15 составляющих — именно столько и кружков в дереве. Таким образом, (2) сообщает о том, что синтаксическими единицами в предложении (1) являются не только отдельные слова, но и целые сочетания слов, или **группы**: [эти школьники], [будут писать], [русскому языку], [по [русскому языку]], [диктант [по [русскому языку]]]. Наконец, в диаграмме (2) отражен и тот факт, что само предложение (1) является составляющей — ей соответствует корневой узел дерева. В диаграмме (2) узлы обозначены кружками; однако, поскольку расположение узлов ясно из самой структуры дерева, — узлы возникают в вершине и в основании дерева, а также в точках, где пересекаются два или более ребра, — в дальнейшем кружки применяться не будут.

Сразу же обратим внимание на то, что составляющие не могут пересекаться, но могут «вкладываться». Это означает, что если один и тот же материал (например, одно слово или некоторое множество слов) входит одновременно в две составляющие, то одна из них целиком входит в другую.

Итак, основываясь на интуитивных соображениях, удается установить иерархию составляющих, которая может быть изображена в виде дерева.

ЗАДАНИЕ 1. Опираясь на интуитивные соображения, постройте структуры составляющих для предложений 1-3 Задания 1 главы I и для следующих предложений. Отметьте трудности, с которыми при этом приходится столкнуться:

1. Жил старик со своею старухой у самого синего моря (Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»).
2. Потрясенный Никанор Иванович, неожиданно для себя ставший участником какой-то театральной программы, опять оказался на своем месте на полу (Булгаков, «Мастер и Маргарита»).
3. И как та кочерга из присказки, в тёмной избе неосторожно наступленная ногою, с семикратной силой ударила олуха по лбу, так революция расправилась с пробудившей её русской интеллигенцией (Солженицын, «Образованщина»).
4. К числу таких положений относится признание в качестве обязательного условия успешности анализа процессов понимания необходимости выхода за рамки лингвистики прежде всего в область экстраграмматических знаний индивида.

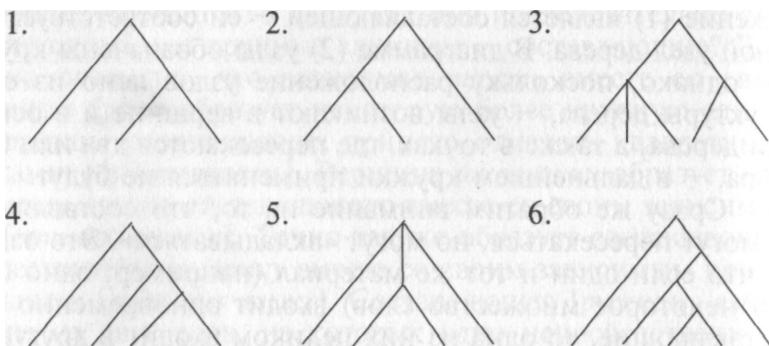
ЗАДАНИЕ 2. Объясните двузначность (синтаксическую омонимию) следующих предложений, используя для этого структуры составляющих:

1. Вели ему помочь.

Часть 1. Синтаксическое описание

2. После совещания в кают-компании состоялся обед.
3. Машина поехала прямо в аэропорт.
4. Работа по новому расписанию начинается завтра.
5. Юдина... была найдена убитой на окраине Элиста 8 июня сотрудниками республиканского управления ФСБ («Известия» 11.06.1998).

ЗАДАНИЕ 3. Составьте предложения или словосочетания, которые бы соответствовали следующим структурам составляющих:

Попытаемся теперь ответить на вопрос, какие составляющие относятся к одному и тому же, а какие — к разным грамматическим классам. Например, интуитивно ясно, что *эти* и *школьники* — составляющие не одного и того же типа. *Эти* скорее относится к тому же классу, что *мои (мой)*, *другие (другой)*, *такие (такой)* и т. д., а *школьники* — к тому же классу, что и *люди*, *мальчики*, *кошки* и т. д. Традиционный способ описания сходств и различий между синтаксическими свойствами слов состоит в том, что различные слова причисляются к различным **грамматическим классам**, или **частям речи**. Так, *мой*, *другой*, *этот...* относятся к классу местоименных прилагательных, а *школьник*, *диктант*, *человек*, *стол...* — к классу существительных. Далее, видно, что слово *по* относится к тому же грамматическому классу, что и *в*, *с*, *на*, *к...*, т. е. к классу предлогов. Слово *писать* принадлежит к той же части речи, что *говорить*, *идти*, *спать...*, т. е. является глаголом. Слово *будут* является, скорее всего, вспомогательным глаголом, так как в данном случае оно не имеет собственного лексического значения, а лишь указывает время, вид, лицо, число и наклонение в сочетании с полнозначным глаголом *писать* (так же, как, например, слово *был* в

Глава 11. Структура составляющих и фразовые категории

словосочетании *был написан*). Наконец, слово *скоро* объединяется в один класс с *быстро, легко, хорошо...*, т. е. входит в класс наречий.

Составляющие, которые включают более одного слова, называются **группами** (англ. phrase).

Собственно, phrase означает 'словосочетание', однако в русской грамматической традиции за термином «словосочетание» закреплен другой смысл. Это понятие восходит к В.В. Виноградову, который, развивая идею А.А. Шахматова о разграничении учения о словосочетании и учения о предложении, предложил называть **словосочетанием** непредикативную (т. е. не образующую предложение) синтаксическую единицу, которая возникает в результате распространения одного слова другим. Например, словосочетанием по Виноградову является *белая лошадь*, но не *Лошадь — белая* (предложение) и не *лошадь и осел*, поскольку однородные члены не распространяют друг друга (см., например, [Виноградов 1975аб (1954)]). Понятие «группа» охватывает все три случая.

Впрочем, в русистике достаточно авторитетно и другое понимание термина «словосочетание», восходящее к А.М. Пешковскому и близкое к тому, что здесь называется «группа», например, в [Сухотин 1950; Гвоздев 1973; Скобликова 1979; 1990]; высказывался и компромиссный взгляд, согласно которому словосочетаниями признаются любые непредикативные группы [Белошапкова 1977] или, что по сути то же, соединения слов, не входящие в «грамматическую основу предложения» [Крылова и др. 1997].

Подобно тому, как отдельные слова-составляющие подразделяются на части речи, составляющие-группы также образуют небольшое множество грамматических классов. Например, когда говорится, что в предложении можно выделить **группу подлежащего** и **группу сказуемого**, ясно, что эти два грамматических класса включают в себя целые группы, а не отдельные слова. Такими же грамматическими классами можно считать и **придаточное предложение**, и **инфinitивный оборот**, и **(де)причастный оборот**, и некоторые другие употребительные понятия.

Желательно, чтобы номенклатура синтаксических групп, так же как и номенклатура частей речи, представляла собой классификацию, т. е. разбиение объектов на непересекающиеся множества, так, чтобы одна и та же группа не относилась более чем к одному множеству. Основанием для такой классификации может служить часть речи, к которой принадлежит **вершина группы**, т. е. слово, соответствующее корневому узлу в том фрагменте структуры зависимостей, который характеризует группу; если слово X — вершина

группы Y, будем также говорить, что X **возглавляет** Y. Классификация групп, основанная на частичной принадлежности их вершин, согласуется с важнейшим наблюдением традиционной синтаксической науки — выбор распространяющих средств определяется главным образом частью речи, к которой принадлежит распространяемое слово.

Интуитивно ясно, например, что к одному синтаксическому классу относятся группы [*эти школьники*] и [*диктант по русскому языку*] (отвлекаясь от того факта, что они стоят в разных падежах и числах); сюда же можно отнести [*большой дом*], и [*учебник английского языка*], и [*убийство Цезаря Брутом*] и др. Во всех таких группах вершиной является существительное, поэтому синтаксические группы этого класса называют **группами существительного**, или **именными группами**, сокращенно — ИГ. Можно заключить также, что группы [*очень красивый*], [*на удивление легкий*], [*гораздо более неприятный*]..., вершинами которых являются прилагательные, относятся к одному классу — **группе прилагательного** (ГПрил), а другие единицы вроде [*очень красиво*], [*на удивление легко*], [*так же неприятно*], [*еще вчера*] ..., возглавляемые наречиями, относятся к классу **наречной группы** (НарГ). Далее, группы [*из этого города*], [*со своей матерью*], [*в окно, которое выходит в сад*]... и им подобные, вершиной в которых является предлог, относятся к классу, называемому **предложной группой** (ПрГ). Сочетание главного глагола со вспомогательным назовем **глагольной группой** (ГГ; в дальнейшем мы увидим, что этот термин обычно употребляется в другом значении). Наконец, есть еще класс предложений (П).

Классы групп, определенных на основании грамматических свойств своих вершин, называются **категориями групп**, или **фразовыми категориями**¹. Таким образом, фразовыми категориями являются, в частности, и именная группа, и предложная группа, и группа прилагательного, понимаемые как обозначения соответствующих классов синтаксических единиц. «Фразовыми категориями» часто называют также конкретные группы, принадлежащие к той или иной фразовой категории, и такая двузначность термина, не-

Этот термин представляет собой неудачный, но, к сожалению, уже установленный перевод английского термина *phrasal category*, от *phrase* «группа, грамматическое словосочетание». Беда в том, что по-русски «фраза» — совсем не то, что *phrase*, а «категория» редко употребляется в том же основном (лингвистическом) значении, что и *category* («часть речи»).

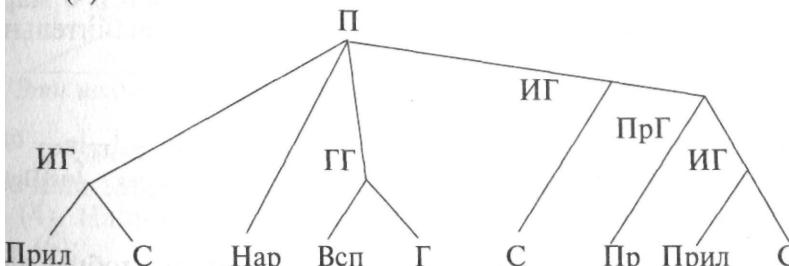
Глава II. Структура составляющих и фразовые категории

смотря на ее неудобство, укоренилась в синтаксической литературе. Группа — представитель фразовой категории состоит из вершины, т. е., например, существительного в ИГ, прилагательного в ГПрил и т. д., и зависимых слов.

Свойства группы часто совпадают со свойствами отдельно стоящей вершины, лишенной зависимых слов. Например, группа *большой дом* по грамматическим свойствам очень похожа на отдельно стоящую вершину *дом*; группа *очень большой* — на отдельно стоящую вершину *большой*; группа *построил очень большой дом* — на *построил* и т. д. (подробнее см. в п. 4). Поэтому вершины, лишенные зависимых слов, ниже будут называться *нераспространенными группами*.

Заметим, что в дереве составляющих (2) нет информации о том, к какой категории принадлежит каждая из них. Однако включить такую информацию в дерево легко — для этого каждому узлу присваивается обозначение грамматического класса составляющей — **категориальный символ**. В результате такой маркировки возникает **размеченное дерево** — формальная модель **категориальной структуры составляющих**:

(3)

Эти школьники скоро будут писать диктанты по русскому языку.

Категориальные символы могут быть помещены рядом с узлами, как это и сделано в (3), но чаще для наглядности ставятся на месте самих узлов. Части речи, к которым относятся отдельные слова, отраженные с помощью узлов в основании дерева, обозначены как Прил — прилагательное, С - существительное, Нар — наречие, Всп — вспомогательный глагол, Г — главный глагол, Пр - предлог.

ЗАДАНИЕ 4. Постройте размеченные деревья составляющих для следующих предложений:

1. Жил старик со своею старухой у самого синего моря (Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»).

Из

Часть I. Синтаксическое описание

2. Во всем величье видел ты / Закат звезды ее кровавый (Тютчев, «Цицерон»).
3. На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил (Лермонтов, «Демон»).

Способ представления структуры составляющих в виде дерева - лишь один из возможных. Другой (и эквивалентный) способ — представление в виде системы **помеченных скобок**. Каждая скобка обозначает правую или левую границу некоторой составляющей и помечена сокращенным обозначением той категории, к которой принадлежит эта составляющая. Для простоты категориальным символом обычно помечают только одну из каждой пары скобок - левую. При этом для краткости не обозначают частей речи, к которым относятся минимальные составляющие — отдельные слова:

(4)

[_п [_{иг} Эти школьники] скоро [_{гг} будут писать] [_{иг} диктант [_{прГ} по [_{иг} русскому языку]]]]].

Таким образом, в (4) представлена **сокращенная** размеченная скобочная запись структуры составляющих. **Полная** запись (с обозначением категорий отдельных слов и с маркированием каждой скобки) будет выглядеть значительно более громоздко:

(5)

[_п [_{иг} [_{прил} Эти] _{прил} [_с школьники]_с] _{иг} [_{нар} скоро]_{нар} [_{гг} [_{всп} будут]_{всп} [_г _{иг} [_с писать]_г]_{гг} [_{иг} [_с диктант]_с] [_{прГ} [_{пред} по]_{пред} [_{иг} [_{прил} русскому]_{прил} [_с языку]_с]_{иг}]_{прГ}]_{иг}]_п.

Вообще говоря, деревья более наглядны и удобны для чтения и понимания, так как в них информация не столь сжата, как в линейной записи со скобками. Однако скобочная запись также имеет свои преимущества: она занимает меньше места, и в ней легче увидеть границы составляющих в цепочке.

ЗАДАНИЕ 5. Переведите размеченные структуры составляющих из Задания 4 в сокращенную скобочную запись.

ЗАДАНИЕ 6. В нижеследующих скобочных записях категориальными символами помечены только левые скобки. Пометьте категориальными символами правые скобки, а затем перепишите их в виде размеченных деревьев (инфinitивный оборот здесь помечается категориальным символом предложения):

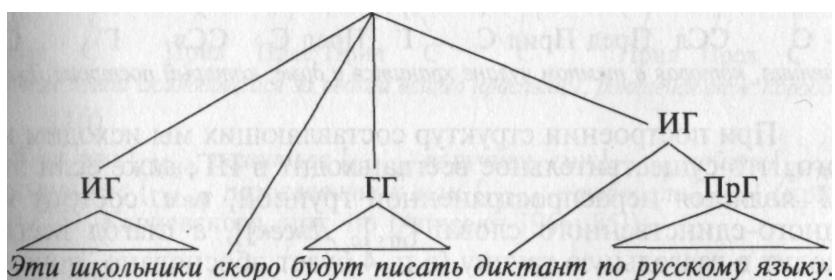
Глава II Структура составляющих и фразовые категории

[_п [_{иГ} Его отец] [_{гг} был 1_{иГ1г}Прил очень суровым] человеком]]].

[_п [_{иГ} Наш директор] [_{гг} должен [_п ответить [_{ПрГ} на [_{иГ} их предложение]]]]].

[_п [_{иГ} Стоимость [_{иГ} подарков 1_{ПрГ} для [_{иГ} почетных гостей]]]]] [_{гг} оказалась [_{щир} больше [_{иГ} трех миллионов]]]].

Из сравнения (4) и (5) понятно, что структуру составляющих удобнее записывать в сокращенной форме, опуская второстепенные детали. Часто бывает важно указать главные группы в составе предложения, не раскрывая внутренней структуры этих групп. В таких случаях используется **частичная структура составляющих**. В ней ту часть структуры, которая остается нераскрытой, изображают в виде треугольника:

Точно так же возможна и частичная помеченная скобочная запись — еще в большей степени сокращенная, чем в (4). Например, скобочная запись в (7) эквивалентна дереву (6):

(7)

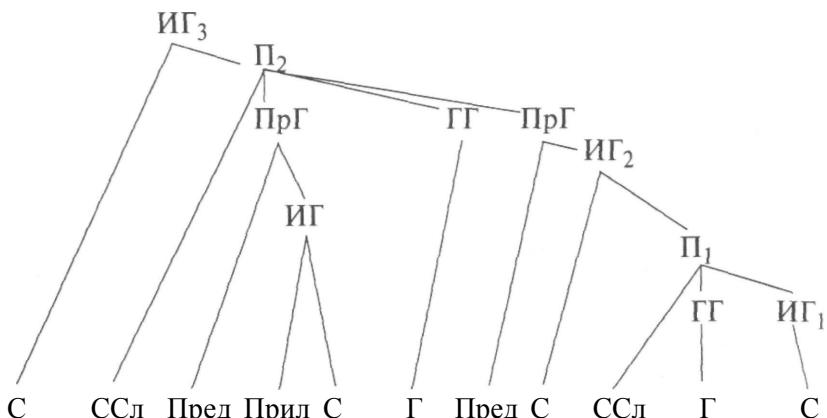
[_п [_{иГ} Эта школьники] скоро [_{гг} будут писать] [_{иГ} диктант [_{ПрГ} по Русскому языку]]].

Для изображения полной структуры предложения чаще используется дерево, а для сокращенной — скобочная запись. Важно помнить, что оба способа эквивалентны, а различие между ними чисто техническое (типографское) и не имеет никакого теоретического значения: тот или другой способ выбирается по соображениям удобства.

Приведем еще два примера системы составляющих (границы слов скобками не обозначены; ССл — союзное слово) - (8) и (9):

(8)

[_иг *пшеница*, [_п которая [_{ПрГ} в [_иг *темном чулане*]] хранится [_{ПрГ} в [_иг *доме*, [_п который построил *Джек*]]]]]]

пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек

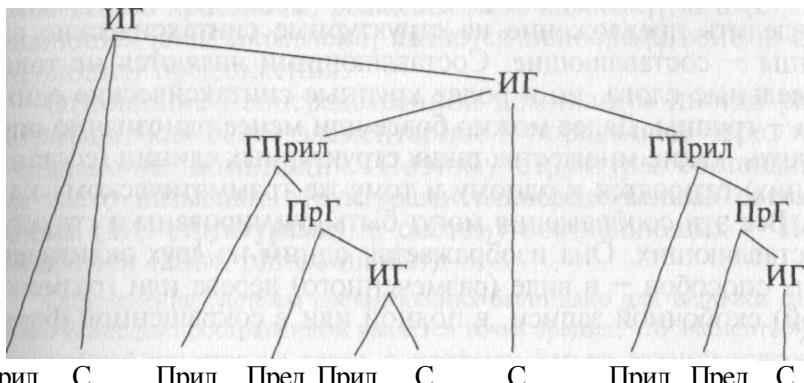
При построении структур составляющих мы исходим из того, что существительное всегда входит в ИГ, даже если эта ИГ является нераспространенной группой, т. е. состоит из одного-единственного слова: [_иг [_с *Джек*]], а глагол всегда входит в глагольную группу (в п. 4 будет обосновано, почему целесообразно принять именно такое решение). В дереве (8) хорошо видно, что одноименные составляющие (т. е. относящиеся к одной и той же категории) могут быть вложены одна в другую: именная группа ИГ₁ вложена в предложение П; П₁ вложено в именную группу ИГ₂, а та, в свою очередь, в предложение П₂. П₂ вложено в еще одну именную группу ИГ₃ (8). Способность некоторой фразовой категории включать в себя составляющие той же фразовой категории называется рекурсивностью. Из (8) видно, что рекурсивностью обладают, в частности, предложение и именная группа.

Пример (9) показывает три уровня последовательного вложения именных групп. Они могут быть вложены одна над другой непосредственно, например, в конструкции с родительным падежом ([и г золотые пряди [_иг ... красавицы ...]]), либо через посредствующие фразовые категории — причастный оборот, который в (9), для простоты приравнивая причастия к прилагательным, обозначим как группу прилагательного (ГПрил), и ПрГ.

Глава П. Структура составляющих и фразовые категории

(9)

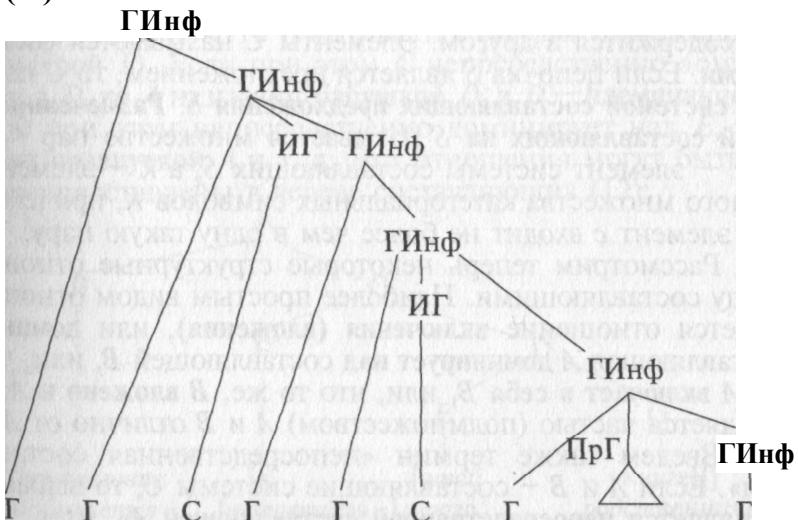
[и_г золотые пряди [и_г [ГПрил склоняющейся [ПрГ за [и_г редкой // ве- щью]] красавицы, [ГПрил роющейся [ПрГ меж [и_г коробок]]]] (Брод- ский, «Декабрь во Флоренции»)

Прил С Прил Пред Прил С С С Прил Пред С золотые пряди склоняющейся за редкой вециью красавицы, роющейся меж коробо (Ю)

[п Я не мог [ринф решиться [шнф поручить ему [ринф пойти [ринф просить вас [ринф пожаловать к нам [ринф отобедать]]]]]]] (при- мер СО. Карцевского, цит. по [Апресян 1966: 85]):

(И)

Решиться поручить ему пойти просить вас пожаловать к нам отобедать

В диаграмме (11) отражено пятикратное и непосредственное вложение инфинитивных оборотов в (10); они обозначаются здесь как ГИнф («группа инфинитива»), хотя можно рассматривать их как разновидности предложения (П).

Итак, можно, опираясь на интуитивные соображения, разделить предложение на структурные синтаксические единицы — составляющие. Составляющими являются не только отдельные слова, но и более крупные синтаксические единицы — группы. Далее можно более или менее однозначно определить, какие множества таких структурных единиц (составляющих) относятся к одному и тому же грамматическому классу. Все эти соображения могут быть суммированы в структуре составляющих. Она изображается одним из двух эквивалентных способов — в виде (размеченного) дерева или (размеченной) скобочной записи, в полной или в сокращенной форме.

2. Система составляющих

Перейдем к более строгому определению понятия составляющей. Рассмотрим цепочку (линейно упорядоченное множество) слов S . **Системой составляющих** на S является такое множество C отрезков S , которое содержит в качестве элементов само S и каждое слово, входящее в S , причем любые два отрезка, входящие в C , либо не пересекаются, либо один из них содержится в другом. Элементы C называются **составляющими**. Если цепочка S является предложением, то Сказывается **системой составляющих предложения** S . **Размеченной системой составляющих** на S называется множество пар $\langle c, \kappa \rangle$, где c — элемент системы составляющих S , а κ — элемент конечного множества категориальных символов K , причем каждый элемент c входит не более чем в одну такую пару.

Рассмотрим теперь некоторые структурные отношения между составляющими. Наиболее простым видом отношения является отношение **включения (вложения)**, или **доминации**. Составляющая A **доминирует над** составляющей B , или, что то же, A **включает в себя** B , или, что то же, B **вложено** в A , если B является частью (подмножеством) A и B отлично от A .

Введем также термин «непосредственная составляющая». Если A и B — составляющие системы C , то выражение « B является **непосредственной составляющей** A », или, что то же самое, « B **непосредственно вложена** в A », или, что то же

самое, «*A непосредственно доминирует над B*» означает, что *A* доминирует над *B* и что в *C* нет составляющей, которая доминирует над *B* и над которой доминирует *A*.

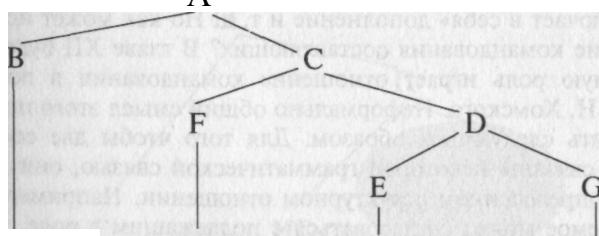
Например, в (9) составляющая [*роющейся меж коробок*] является непосредственной составляющей [*склоняющейся за редкой вещью красавицы, роящейся меж коробок*]], а в (2) составляющая [*эти школьники*] является непосредственной составляющей предложения.

Отношение непосредственной доминации иногда рассматривают как более элементарное и определяют через него отношение доминации. Поэтому структуры составляющих часто называют структурами **непосредственных составляющих (НС-структурами)**, а систему составляющих — **НС-показателем** (англ. phrase marker).

Определение системы составляющих было дано для цепочки слов. Однако более распространенной является точка зрения, что элементарной составляющей является не слово, а морфема. Весьма важный вопрос о том, могут ли синтаксические отношения быть распространены на морфологию, и если да, то с какими оговорками, мы оставляем в стороне.

Отношения между составляющими часто для удобства описывают в терминах родственных отношений между людьми, используя применительно к дереву составляющих метафору родословного дерева. Если составляющая *A* непосредственно доминирует над составляющей *B*, то *A* называют **матерью *B***, а *B* — **дочерью *A***; если *A* непосредственно доминирует над *B* и *C*, то *B* называется **сестрой *C*** (и, конечно, *C* — **сестрой *B***). Если при этом *C* непосредственно доминирует над *D*, то *A* называют **бабушкой *D***, а *D* — **племянницей *B***; если *D* при этом непосредственно доминирует над *E*, то *E* назовут **правнучкой *A*** и т. д. Эти отношения могут быть наглядно представлены в дереве составляющих (12):

(12)

- а. [предисловие
- б. [собирается
- в. [съел
- [к
- [встретить
- [этой
- [своего
- [бутерброд
- [с
- [книге]]]
- [родственника]]]
- [сыром]]}

В составе группы можно выделять не только вершины, но и зависимые. **Зависимым** вершины X составляющей Умы будем называть всякую сестру X ; например, в (12) C — зависимое B, D — зависимое F и т. д. Вершинами в силу определения всегда являются слова, т. е. терминальные категории (точнее, их представители), а зависимыми обычно выступают фразовые категории, например, C — ПрГ в (12a), ГИнф в (12б) и ИГ в (12в).

Кроме отношения доминации, в синтаксисе важную роль играет отношение **командования составляющих** (англ. **constituent command**, сокращенно **c-command**), в дальнейшем просто **командования**. Составляющая A командует составляющей B , по определению, тогда, когда составляющая, которая непосредственно доминирует над A , также доминирует над B , и ни A , ни B не доминируют одна над другой.

Другими словами, A командует B только в одном из двух случаев: 1) если B является сестрой A или 2) если B является составляющей сестры A любой глубины вложения. Например, в (12) B командует C и C командует B ; Fu D тоже командуют друг другом; Скомандует E и G т. д. Например, в (12a) [предисловие] командует составляющими [к этой книге], [к], [этой книге], [этой] и [книге]) и т. д. Можно указать и такие пары составляющих, в которых первая не командует второй. Например, A не находится в этом отношении ни к одной другой составляющей в (12), так как доминирует над всеми. D не командует B , потому что та составляющая C , которая непосредственно доминирует над D , не доминирует над B ; G не командует ни одной другой составляющей в (12), кроме E и т. д.

Роль отношения доминации в синтаксисе очевидна: именно это отношение имеют в виду, когда говорят, например, что сложноподчиненное предложение «включает в себя» придаточное, или что инфинитивный оборот «включает в себя» дополнение и т. д. Но как может использоваться отношение командования составляющих? В главе XII будет показано, какую важную роль играет отношение командования в порождающей грамматике Н. Хомского. Неформально общий смысл этого понятия можно разъяснить следующим образом. Для того чтобы две составляющие могли быть связаны некоторой грамматической связью, они должны находиться в определенном структурном отношении. Например, в русском языке сказуемое может согласоваться с подлежащим в роде, числе и лице: *Он пришел*; *Мальчик умен* и т. д. Но при этом подлежащее и сказуемое должны принадлежать к одному и тому же элементарному предложению; невозможно согласование с подлежащим другого элементарного предло-

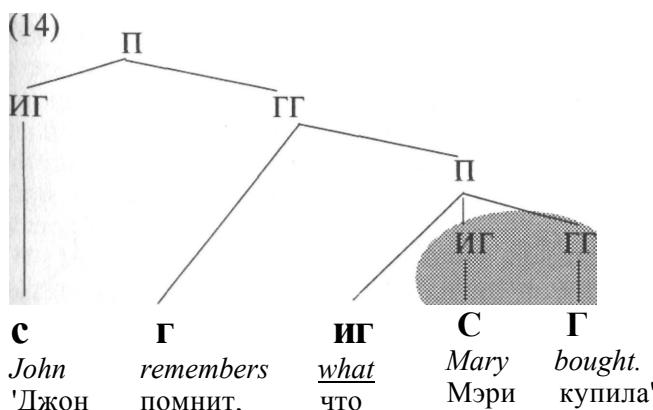
Глава II. Структура составляющих и фразовые категории

жения, хотя бы и синтаксически связанного с данным: *Известен, что экзамен назначен на 10 часов. Как согласование, так и многие другие грамматические связи между составляющими, которые предполагают различие **контролера** (грамматически активной составляющей) и **мишени** (той составляющей, форма или позиция которой зависит от контролера), имеют место либо между составляющими-сестрами, либо тогда, когда мишень (сколь угодно глубоко) вложена в сестру контролера. Однако при другом структурном соотношении (например, когда контролер вложен в сестру мишени), грамматическая связь между составляющими часто бывает недопустима:

- (13) а. Командование есть б. Командования нет

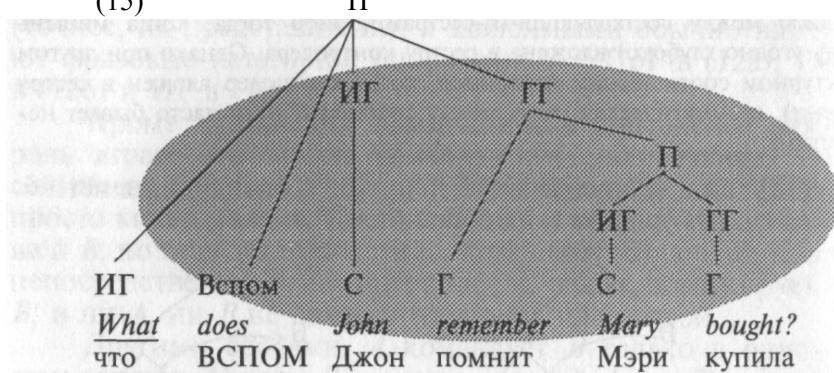
Роль командования можно пока кратко проиллюстрировать на одном факте грамматики английского языка. В английском языке вопросительная группа (представленная, например, вопросительным местоимением) может придать вопросительное значение только тому отрезку предложения, которым она командует. Например, в конструкции с придаточным косвенного вопроса вопросительная ИГ занимает такое место в структуре составляющих, при котором она командует придаточным, но не главным предложением (14). Соответственно этому только придаточное, но не главное предложение оказывается вопросительным. Если же вопросительная ИГ командует составляющими главного предложения, все предложение (15) становится вопросительным:

Часть 1. Синтаксическое описание

Вопросительное местоимение *what*, как это и свойственно местоимениям, занимает место не терминальной, а фразовой категории — ИГ,ср. в той же позиции другую вопросительную ИГ: ... [ИГ *which book*] *Mary bought*.

(15)

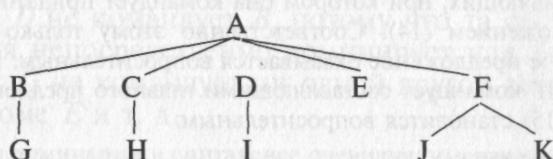

'Про что Джон помнит, что Мэри это купила?', букв.: Что Джон помнит, (что) Мэри купила?

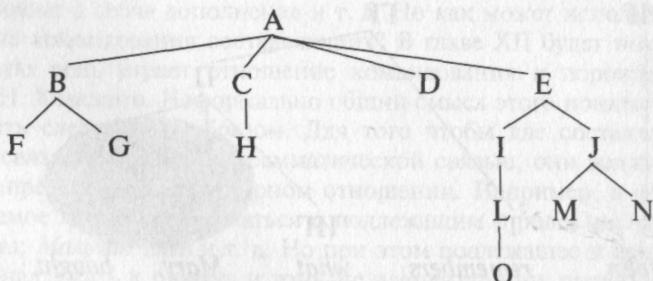
В структурах (14—15) затенены фрагменты, которыми командует вопросительная ИГ, и именно та часть предложения, которая соответствует этим фрагментам, находится в сфере вопроса.

ЗАДАНИЕ 7. Определите, какие пары узлов в следующих деревьях находятся, а какие не находятся в отношении командования:

1.

2.

ЗАДАНИЕ 8. Будем говорить, что составляющая А **асимметрически командует** составляющей В, если А командует В, но В не командует А.

Переформулируйте определение асимметрического командования в терминах (непосредственной) доминации.

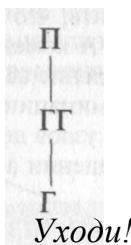
Укажите по нескольку пар узлов деревьев в Задании 7, которые находятся или не находятся в отношении асимметрического командования.

Размеченная система составляющих по данному выше определению есть множество пар, состоящих из отрезка и приписанного ему категориального символа — метки некоторой синтаксической категории, к которой он относится. Одному и тому же отрезку по определению размеченной системы не может быть присвоено больше одной метки, т. е. отрезок не может принадлежать одновременно двум грамматическим классам. Однако рассмотрим, например, отрезок (16) Уходи!. Он является не только предложением [_п Уходи!], но и глаголом [_г Уходи!], причем глагол, вероятно, вложен в предложение [_п [_г Уходи!]], как это имеет место и в более очевидных случаях, например, (17) [_п [_г Уходи] *домой!*]], где отрезки, соответствующие предложению и глаголу, не совпадают. Важен порядок, в котором отрезок получает категориальные символы, так как структура (17) сообщает о том, что глагол входит в состав предложения, но предложение не входит в состав глагола. Чтобы допустить возможность присвоения нескольких категориальных символов одному и тому же отрезку и одновременно отразить порядок их присвоения, усложним определение размеченной системы составляющих.

Размеченной системой составляющих на S (в пересмотренном варианте определения) будет называться множество цепочек вида $\langle c, k_h \dots, k_{\alpha} \rangle$, где c — элемент системы составляющих на S , а $k_h \dots k_{\alpha}$ — элементы конечного множества категориальных символов K , причем каждый элемент c входит не более чем в одну такую цепочку. Например, размеченная система составляющих предложения (16) представляет собой тройку $\langle \text{Уходи}!, \Gamma, \Pi \rangle$, что в скобочной записи соответствует (17).

В (16) можно выделить еще одну фразовую категорию, содержащую глагол, причем меньшую, чем предложение — глагольную группу. В таком случае окажется, что одно-единственное слово получает одновременно три категориальные пометы: [_п [_{гг} [_г Уходи.]]], или то же в виде дерева:

(17)

Отметим, что в терминах структур зависимостей невозможно отобразить тот факт, что одно и то же слово или множество слов могут одновременно представлять собой несколько синтаксических категорий. В терминах синтаксиса зависимостей структура (17) будет выражена в виде точки, соответствующей глагольной словоформе:

(18) '

Уходи/

О том же свидетельствует известный пример А.Л. Реформатского [1967: 28—29], «идеально четко демонстрирующий иерархию языковых единиц: латинское *П 'Поезжай!'*, являющееся звуком, фонемой, слогом, морфемой, словоформой, синтагмой, предложением и целой фразой» [Мельчук 1995: 587]. Выразим часть перечисленных характеристик с помощью скобочной записи:

(19)

[предложение [сингама [слово [морфема [слог [фонема 7]]]]]]/

Теперь, когда у нас есть строгое определение системы составляющих, мы должны быть готовы к тому, что при анализе некоторых предложений наши интуитивные представления о синтаксической структуре будут противоречить требованиям, содержащимся в определении, т. е. нас ожидают трудности примерно того же рода, как и при использовании структур зависимостей.

Так, во многих случаях разделение предложений и их отрезков на составляющие не является интуитивно очевидным. Например, следует ли делить предложение (20) *Мы увидели древние стены города* как: а. *Мы увидели [[древние стены] города]* или б. *Мы увидели [древние [стены города]]*

или в. *Мы увидели [древние стены города]*, см. [Гладкий 1985: 33]?

Кроме того, определение составляющих как отрезков линейной цепочки слов вступает в противоречие с интуицией, когда нам кажется, что в предложении содержится «разрывная» составляющая. В терминах зависимостей такие структуры являются непроективными. Так, в предложении (21) *О чём ты хочешь со мной поговорить?* ПрГ *о чём* по смыслу должна быть частью инфинитивного оборота, ср. (22) *Ты хочешь со мной [поговорить о деле].* Однако это невозможно по определению, так как в линейной цепочке нет отрезка *[поговорить о чём]*. То же верно и применительно к примерам (23) *Точно я не могу сейчас вспомнить*, или (24) *Слишком уж он серьезен* — в них наречие оторвано от синтаксической группы, к которой принадлежит по смыслу. В предложении (25) *Уже в Чечню на братний зов Толпы стекались удальцов* (Лермонтов, «Я к вам пишу случайно...») непроективность приводит к тому, что группа *толпы удальцов*, которую хотелось бы считать единой составляющей, оказывается разорванной глаголом-сказуемым *стекались*.

Ниже мы вернемся к вопросу о том, каким образом удается применять системы составляющих к подобному материалу.

3. Терминальные категории

Анализ по составляющим предполагает, что предложение представляет собой иерархическую структуру, состоящую из слов и групп, причем каждый из таких компонентов (слово или группа) принадлежит к некоторому классу — части речи или фразовой категории. До сих пор мы предполагали, что это утверждение базируется на интуиции носителей языка о синтаксической структуре предложений. Но это лишь небольшая часть доступных данных о синтаксической структуре, и притом не самая доброкачественная и надежная часть. Гораздо более надежными и последовательными являются суждения носителей языка не о синтаксической структуре предложения, а о его правильности или неправильности.

Поэтому точнее будет рассматривать категориальную структуру составляющих не как непосредственно наблюдаемый факт, а как теоретический конструкт — часть того ап-

Часть 1. Синтаксическое описание

парата, с помощью которого лингвист описывает наблюдаемые факты. Аргументы в пользу наличия или отсутствия некоторой структуры должны исходить, с одной стороны, из объективных фактов, таких, относительно которых носители языка более едины и уверены, и, с другой стороны, из нескольких достаточно простых теоретических предположений, выдвигаемых лингвистом.

Начнем с классификации наиболее простых, синтаксически неразложимых единиц. Последовательность элементов, которые не могут быть далее разделены на составляющие, называется **терминальной цепочкой**. Предположим, что элементами терминальной цепочки являются отдельные слова. Слова (словоформы) представляют собой отдельные синтаксические единицы, которые могут быть разбиты на классы, или части речи. В основе частеречной классификации лежат грамматические признаки слов.

Грамматические классы редко обнаруживают надежную корреляцию с фонетическими и семантическими признаками. В русском языке трудно указать, например, на чисто фонологические различия между глаголами и существительными, хотя в некоторых языках такие различия наблюдаются. Существуют способы образования одних частей речи от других, которые используют чисто фонологические различия, например, позиция ударения в английском языке: *increase* 'увеличивать', но *increase* 'увеличение, прирост'; *torment* 'мучить', но *torment* 'мучение' и т. п. Что касается семантических критериев, то, хотя можно сказать, что многие глаголы обозначают действия, многие существительные — отдельные предметы и объекты, прилагательные — признаки, а предлоги — местонахождение в пространстве, нетрудно найти примеры, противоречащие любым семантическим признакам, выбранным в качестве классифицирующих: *убийство* обозначает действие, а *здоровье* — признак, хотя оба являются существительными; *верхний* обозначает положение в пространстве, но является при этом не предлогом, а прилагательным; *белеть* или *существовать* как будто обозначают признаки, но являются глаголами и т. д.

Обратимся к морфологическим признакам. Глаголы в русском языке характеризуются одними морфологическими формами, а существительные или прилагательные — другими; различны сами наборы морфологических категорий, присущие этим частям речи. Например, глагол изменяется по категориям лица, времени и вида, прилагательное — по категории рода, а существительное не изменяется ни по одной из этих категорий.

Однако если провести классификацию лексем русского языка чисто морфологически, например, по признаку на-

личия или отсутствия каких-то морфологических категорий, результат такой классификации не будет удовлетворительно отражать их синтаксические свойства. Например, в разные классы попадут прилагательные, изменяющиеся и не изменяющиеся по степеням сравнения, хотя их синтаксические свойства одинаковы. В один морфологический класс попадут все неизменяемые слова, хотя важнейшие различия в синтаксических свойствах между частицами, предлогами, союзами, наречиями и существительными типа *такси* совершенно очевидны.

Наиболее важными для синтаксической классификации являются собственно **синтаксические** признаки. Главный синтаксический признак некоторого слова (или класса слов) — это его **дистрибуция**, т. е. указание того множества контекстов, в которых это слово (словоформа или лексема в какой-либо из своих словоформ) может выступать. Например, можно назвать **существительным** такое слово, которое может выступать в контексте (26) *Этот* был очень тяжелым (позиция недостающего слова отмечена прочерком). Хотя не всякое существительное допустимо в этом контексте (например, недопустимы существительные женского рода, или стоящие во мн. ч., или в каком-то другом падеже, кроме именительного), в нем обычно выступают именно существительные (27а) и в определенных случаях — прилагательные (27б):

- (27) а. *Этот день/грипп/стол/взгляд/бой* был очень тяжелым.
б. *Этот мой/последний* был очень тяжелым.
в. **Этот идти/будь/пришел/узнаю* был очень тяжелым.
г. **Этот в/на/по /около* был очень тяжелым.
д. **Этот сильно/плохо/смешно* был очень тяжелым

Из (27а) можно заключить, что в соответствии с дистрибутивным критерием слова *день*, *грипп*, *стол*, *взгляд* и *бой* являются существительными, так как выступают в контексте (26), который разрешен только для существительных (или для прилагательных, когда они, как в (27б), в каком-то смысле «выступают в роли» существительных). Что же касается грамматически неправильных примеров (27в—д), то можно предположить, что здесь мы имеем дело с другими

Часть 1. Синтаксическое описание

синтаксическими классами слов, которые обладают другой дистрибуцией.

Имеются также такие контексты, как (28), в которых обычно выступают только глаголы (хотя и не обязательно все глаголы), контексты, в которых обычно выступают наречия, как (29), или предлоги, как (30) и т. д.:

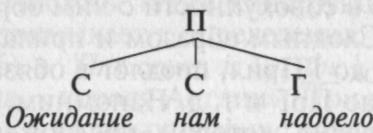
- (28) *Мы* ____ *на учителя*
- (29) *Это было очень* ____
- (30) *Он находился* ____ *столом.*

Если некоторое множество слов может употребляться в одном и том же контексте, мы будем говорить, что все слова этого множества обладают общим **дистрибутивным признаком**. Множества слов, обладающих общими дистрибутивными признаками, объединяются в более крупные классы – части речи. При выделении частей речи учитываются не все дистрибутивные признаки, а, как правило, те, которые дают удобную для целей грамматического описания и одновременно не слишком дробную классификацию лексем. **Синтаксической частью речи**, или **терминальной категорией**, называется множество слов, которые обладают одинаковыми наборами некоторых морфологических и синтаксических (дистрибутивных) признаков.

В грамматических описаниях различных языков утверждается или чаще подразумевается, что одна и та же синтаксическая функция (например, подлежащее) может быть выражена в одном случае отдельным словом, а в другом — сочетанием слов. Например, считается, что в предложении (31) а. *Ожидание нам надоело* роль подлежащего выполняет отдельное слово *ожидание*, а в предложении б. *Ждать нам надоело* ту же роль выполняет тоже отдельное слово — глагол в инфинитиве. Но о предложении (32) а. *Ожидание самолета нам надоело* можно сказать, что в нем подлежащее выражено сочетанием слов *ожидание самолета*, а о предложении б. *Ждать самолета нам надоело* — что его подлежащее также выражено определенным сочетанием — инфинитивным оборотом.

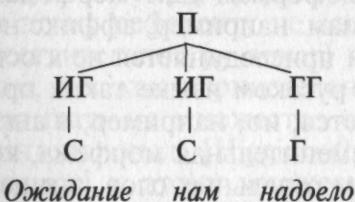
В терминах структуры составляющими можно было бы предположить, что терминальные категории, наряду с фразовыми, могут быть непосредственными составляющими предложения, например:

(33=31a)

В действительности, как мы увидим, подобное сходство между терминальными и фразовыми категориями иллюзорно. Ни существительное, ни глагол в форме инфинитива в русском языке не могут быть непосредственными составляющими предложения. Такой непосредственной составляющей может быть только ИГ, содержащая существительное, или инфинитивный оборот, включающий в себя глагольную форму инфинитива. В примерах типа (31) представлен частный случай именной или инфинитивной группы, а именно тот, когда она является нераспространенной, т. е. включает в себя одну лишь вершину, без зависимых. Что касается финитного глагола, то так же можно считать, что он представляет нераспространенную фразовую категорию — глагольную группу.

(34)

Чтобы обосновать эту точку зрения, следует сначала установить критерии выделения фразовых категорий, а затем выяснить, могут ли удовлетворять этим критериям отрезки, содержащие в себе по одному слову.

4. Фразовые категории: критерии выделения

4.1. Несинтаксические критерии

В п. 3 было установлено, что не только отдельные слова, но и целые группы могут быть классифицированы в соответствии с той частью речи, к которой принадлежит вершина группы. Так, существительное может быть «расширено» до целой группы путем присоединения к нему зависи-

мых слов, которые в совокупности с ним образуют фразовую категорию — ИГ. Сходным образом и прилагательное может быть «расшириено» до ГПрил, предлог в обязательном порядке «расширяется» до ПрГ и т. д. Напомним, что мы исходим из гипотезы, согласно которой предложение состоит не только из отдельных слов (каждое из которых представляет свою терминальную категорию), но и из групп, вложенных одна в другую, каждая из которых представляет свой грамматический класс — фразовую категорию.

Обратимся теперь к фактам, которые могут подтвердить эту гипотезу. Нас будут вновь интересовать критерии выделения синтаксических единиц, только теперь уже не терминальных, а фразовых категорий. Рассмотрим вначале несинтаксические признаки: морфологические, семантические и фонетические, а в затем в п. 4.2 перейдем к собственно синтаксическим признакам.

Морфологические критерии выделения фразовых категорий могут обнаружиться, если в языке есть такие морфологические правила, которые применяются не к морфологическим единицам (словоформам или морфемам), а к целым синтаксическим группам: например, аффикс некоторой грамматической категории присоединяется не к основе существительного, а к ИГ². В русском языке таких правил, по-видимому, не обнаруживается, но, например, в английском языке имеется одна словоизменительная морфема, которая присоединяется не к основам отдельных слов, а к целым фразовым категориям. Это окончание родительного (посессивного) падежа *-s*. Поэтому, наряду с конструкциями (35) *This crown is the king's* 'Эта корона принадлежит королю', букв. «Эта коро-

У читателя может возникнуть законный вопрос, нет ли в самом понятии «морфологическая единица, присоединяющаяся к синтаксической группе», внутреннего противоречия? В традиционных представлениях о морфологии, сложившихся в основном при изучении индоевропейских языков, имплицитно предполагается, что морфологический служебный элемент (=аффикс) в принципе должен быть связан с одной единственной основой и формально, и по значению, и по синтаксике (последнее означает, что аффикс присоединяется только к основам определенного типа). Однако в языках других семей (а иногда и в индоевропейских) такого соответствия не наблюдается: например, во многих алтайских или кавказских языках показатель падежа присоединяется скорее ко всей ИГ, чем кциальному имени (существительному или прилагательному). В языках Юго-Восточной Азии показатели некоторых глагольных категорий, семантически и по синтаксике связанные с глаголом, присоединяются не к самому глаголу, а к более крупной составляющей — глагольной группе (об этом см. [Солнцева 1985]) и т. п.

на «короля», возможны также конструкции, в которых показатель род. п. примыкает к определению с притяжательным предлогом *of*. (36) а. *This crown is [и_г the [_с king] of England]'s* букв. «Эта корона — короля Англии». При этом неграмматичны конструкции, в которых аффикс присоединяется к морфологической основе типа б. **This crown is [и_г the [C king]'s of England]*. Из этого ясно, что окончание родительного падежа присоединяется не к вершинному существительному [_с king], а ко всей ИГ. Отметим также, что, например, группа прилагательного присоединить падежное окончание не может: (37) **This crown is [прил very handsome]'s* букв. 'Эта корона — очень красивого' [Radford 1988: 65]. Таким образом, в английском языке возможность присоединения падежного окончания можно считать критерием выделения ИГ.

Существуют и некоторые семантические критерии выделения фразовых категорий. Например, для именных групп характерно, что они целиком указывают на некоторый референт — обозначаемый ими внеязыковой объект или множество объектов. Так, ИГ (38) [_{и_г} автор «Войны и мира»] как целое соответствует своему референту, но ни одна ее часть по отдельности этому референту не соответствует. Вершина ИГ (38) — существительное [_с автор] не обладает конкретным референтом, так как нарицательные существительные могут лишь указывать на множество своих потенциальных референтов ^{интенсионал} [Higginbotham 1985]. Для существительного [_{автор}] к этому множеству относится любой человек, являющийся автором чего-либо. Зависимым в (38) выступает ИГ в родительном падеже [_{и_г} «Войны и мира»], и хотя эта ИГ обладает определенным референтом, он, разумеется, не тот же самый, что и у всей группы (38).

Это семантическое свойство ИГ определяет и некоторые ее грамматические признаки. Например, только целая ИГ (39а), но не существительное (39б) и не основа существительного (39в), может быть антецедентом анафорического местоимения: (39) а. Владельцы [_{и_г} машин], оставляют их₁ здесь; б. * [_{и_г} Машины, их владельцев] остаются здесь; в. *Машин_владельцы оставляют ш_с, здесь. Единица, меньшая, чем ИГ, не способна быть антецедентом анафорического местоимения и поэтому называется **анафорическим островом** [Postal 1969; Lakoff, Ross 1972; Sproat 1988J3].

В конструкциях типа [_{и_г} человек своего поколения], [_{и_г} раб своих причуд] антецедентом местоимения выступает не вершина ИГ (человек, раб), а подлежащее предложения, ср. *Он — человек своего поколения и Человек своего поколения, он не воспринял новых идей, но ?? Человек своего поколения не воспринял новых идей.*

Для предложений характерно, что они могут обозначать конкретные события и ситуации. Так, предложение (40) *Президент прибыл в аэропорт* может обозначать некоторую конкретную ситуацию, а, например, ПрГ *в аэропорт* таким свойством не обладает. Тем же свойством обладают и элементарные предложения (=клаузы), вложенные в другие предложения, например, придаточные предложения, инфинитивные, деепричастные и другие обороты.

Предварительный вопрос

В чем причина двузначности следующих предложений?

1. Он только 3000 рублей получил на законном основании.
2. Народ Беларуси будет жить плохо, но недолго (А.Г. Лукашенко).

Другой вид семантического критерия границ фразовых категорий — семантические **сфера действия** некоторых слов. Точное определение понятия сферы действия заняло бы слишком много места, и здесь достаточно сказать, что, например, сфера действия частицы или союза включает тот отрезок предложения, который необходимо учесть для того, чтобы понять употребление частицы. Например, в предложении (41) *Мой брат или Петя и Миша останутся* сфера действия союзов при разной интонационной и ритмической структуре может быть различной, и соответственно изменится смысл. При одном понимании останется Миша и кто-то один из двоих: мой брат или Петя, а при другом — останется или мой брат, или Петя с Мишой вместе. Первое понимание соответствует структуре [_{иг} [_{иг} *Мой брат*] или [_{иг} *Петя*]] и [_{иг} *Миша*] *останутся*, второе — [_{иг} *Мой брат*] или [_{иг} [_{иг} *Петя*] и [_{иг} *Миша*]] *останутся*, причем в обоих случаях сферы действия союзов совпадают с границами ИГ. Сфера действия союзов могут совпадать и с другими фразовыми категориями, ср. *в шкафу* или *на верхней полке* и *под зеркалом*; *очень удивится* или *испугается* и *убежит домой* и т. п.

В предложении (42) а. *Он не смог решить все упражнения* и б. *Он смог решить не все упражнения* сфера действия частицы *не*, которая выражает отрицание, скорее всего «распространяется» на ИГ *[все упражнения]*, а в предложении (43) *Он не смог решить ни одного упражнения* сфера действия частицы «распространяется» на предложение (43) в целом. Предложение *Батальон не начал выдвигаться на позицию по приказу командования* имеет два различных понимания. При первом понимании батальон не исполняет приказ командования, который состоит в том, чтобы выдви-

гаться на позицию. При втором понимании действия батальона соответствуют приказу. Различия между двумя пониманиями обусловлены тем, что в первом случае сферой действия отрицания является все предложение, включая ПрГ [ггрг^{но} *приказу командования*]. При втором понимании ПрГ в сфере действия отрицания не попадает. Вероятно, сферой действия при этом является лишь глагольная группа [гг не начинал *выдвигаться на позицию*]. Таким образом, и сама сфера действия отрицания, и «остаток» предложения, не входящий в нее, могут определяться в терминах фразовых категорий. Вариативной сферой действия могут обладать не только частицы, но и знаменательные слова, подробнее см. [Богуславский 1985].

Итак, семантические сферы действия частиц и некоторых знаменательных слов часто представляют собой целые фразовые категории. Таким образом, способность некоторого отрезка выполнять роль семантической сферы действия может быть критерием того, что этот отрезок представляет собой фразовую категорию.

Границы фразовых категорий здесь имеют то же значение, что скобки в языке математики. Скобки показывают, например, что некоторая единица a находится в определенном отношении к некоторому множеству других единиц $\{b_1, b_2, \dots, b_n\}$, а не кциальному элементу (или элементам) этого множества. Например, отношение 'быть сомножителем' в произведении $a (b_1 + b_2 + \dots + b_n)$ т. ч. число a не с элементами множества $\{b_1 + b_2 + \dots + b_n\}$ по отдельности, а с суммой $(b_1 + b_2 + \dots + b_n)$.

«Скобки» естественного языка, т. е. границы составляющих, в отличие от скобок в языке математики, не выражаются ясно вычленимыми и последовательными символами. Далеко не все границы между фразовыми категориями обозначены какими-либо фонетическими сигналами в звучащей речи или специальными знаками (такими, как точка, запятая, пробел, скобки и т. д.) — в письменной речи.

Тем не менее некоторые **фонетические** признаки фразовых категорий, помогающие установить их границы, несомненно, существуют. Именно фразовые категории являются в Русском языке носителями основных фразовых тональных Ударений (акцентов), см. [Кодзасов 1985; 1988; 1989]. Если Фразовая категория в целом получает некоторый вид ударения, то слова внутри нее произносятся быстро и слитно (без ^{на}Уз), причем в наибольшей степени ударением маркируется одно из слов, входящих во фразовую категорию (место акцента обозначим апострофом перед выделяемым словом):

Часть 1. Синтаксическое описание

(44) [_иг Выставка достижений народного хозяйства] [_{ГГ} 'открыта сегодня?']; (45) —Вы [_{ГГ} 'знаете, что он вернулся']? — Да, я [_{ГГ} 'знаю, что он вернулся'] (примеры из [Кодзасов 1988: 25, 27]). Правила приписывания акцента применяются «от объемлющих составляющих к объемлемым», ср. буду 'стирать, стирать' белье и грязное 'белье (о расстановке акцента в таких группах см. [Ковтунова 1976]), но /Буду [стирать грязное белье]], см. подробнее [Кодзасов 1996].

4.2. Синтаксические критерии

Перейдем к рассмотрению собственно синтаксических признаков фразовых категорий. По-другому их можно назвать признаками **грамматической слитности**. Это означает, что каждый такой признак опирается на некоторое синтаксическое правило или несколько правил, которые оперируют с этой фразовой категорией как с целой неразложимой единицей. Таким образом, критерием грамматической слитности некоторой цепочки, или, что то же, критерием ее принадлежности к некоторой фразовой категории может быть любое грамматическое правило, применяемое ко всей цепочке.

4.2.1. Отделимость

Как и при выделении терминальных категорий, при работе с фразовыми категориями очень важны дистрибутивные признаки. Главный дистрибутивный признак фразовой категории — ее отделимость. Под отделимостью понимается:

допустимость **топикализации**, т. е. вынесения отрезка предложения в его начало, если информация, заключенная в отрезке, является темой, т. е. исходной точкой высказывания (подробнее о категории темы см. в главе IX). Примеры топикализации: (46) Так быстро он не справится; (47) Л для Коли почему не взяли?, (48) Совершить такую подлость он не способен.

допустимость **парцелляции**, т. е. вынесения отрезка предложения в его конец, причем отрезок отделяется от остального материала предложения паузой (в письменной речи эта граница либо вовсе не обозначается, либо обозначается запятой или точкой). Примеры парцелляции: (49) а. Мы увидели дом с вы-

соким крыльцом. Новый, б. Мы увидели новый дом. С высоким крыльцом.

- ◆ допустимость **фрагментирования**, т. е. употребления отрезка предложения в качестве отдельного высказывания. Примеры фрагментирования: (50) — *Куда он пошел? — На гору; (51) Очень плохой?*

Убедимся в том, что топикализации, парцелляции и фрагментированию подвергаются, как правило, целые фразовые категории.

Именная группа: (52) *Ивана я очень давно не видел; (53) Мы заказали. Рыбу с белым вином; (54) Красную ручку.*

Предложная группа: (55) *На этом стол нельзя ничего класть; (56) Мы купили цветов. На сто тысяч рублей; (57) По машинам!*

Группа прилагательного: (58) *Такая большая пропала сумка; (59) Аллергия у него была. Очень тяжелая; (60) Совсем большой.*

Наречная группа: (61) *Так саркастически может писать только этот журналист; (62) Он вмешался в наш разговор. По-хамски, как всегда; (63) Более или менее удовлетворительно.*

Примеры с придаточным предложением: (64) *Когда убьют, тогда и приходите; (65) Он все-таки позвонил. Когда уже было поздно; (66) Чтобы не забыть.*

Если же мы попытаемся применить указанные три операции к отрезкам предложения, не являющимся фразовыми категориями, полученные последовательности будут грамматически неправильными.

Во-первых, эти операции, вообще говоря, недопустимы с произвольными последовательностями слов. Так, топикализация недопустима в (67) **Посмотрел на я Ивана* или (68) **Дядя самых мой честных правил;* парцелляция недопустима в (69) **Ошибки бывают классических работах. Даже в,* или (70) **И тихонько в пустыне. Плачет он* (ср., однако: *И вот распоряжение отдано. Ректором декану*); фрагментирование недопустимо, например, в (71) **Посмотри на!* Несмотря на то, что в «предложении» (71), казалось бы, есть все необходимое для полноценного высказывания — понятно, в какой речевой ситуации оно содержит в себе весь необходимый и достаточный смысл, запрет на фрагментирование отрезков, не являющихся фразовыми категориями, делает его неприемлемым.

Часть 1. Синтаксическое описание

Во-вторых, топикализация и парцелляция неприменимы (или применимы с ограничениями) к терминальным категориям. Отдельное слово может подвергнуться этим операциям только в том случае, если является нераспространенной фразовой категорией, т. е., кроме терминальной категории, полностью представляет эту фразовую категорию. Если же в той фразовой категории, в которую оно входит, содержатся еще какие-то слова, слово обычно не может быть отделено: (72) *Крыльцом мы увидели дом с высоким; (73) *Мы увидели дом с высоким. Крыльцом. В (71-73) существительное *крыльцом*, которое является вершиной [_{иг} *высоким крыльцом*], не обнаруживает свойств отделимости.

В английском языке с его жестким порядком слов применение критерия отделимости дает еще более убедительные и наглядные результаты. Каждая составляющая, как правило, имеет фиксированную позицию в линейном порядке, поэтому всякое изменение его сразу бросается в глаза. В русском языке из-за более свободного порядка составляющих бывает не всегда легко отличить, например, парцелляцию подлежащего от его допустимой позиции в конце предложения. В английском заметен любой сдвиг составляющей вправо, даже если он не является парцелляцией. Топикализации могут подвергаться, например, предложные (74), именные (75), наречные (76) или глагольные (77) группы:

(74)

[прг *Down the hill*], *John ran, as fast as he could* 'Вниз по холму Джон бежал так быстро, как он (только) мог';

(75)

[_{иг} *Your elder sister*], / *can't stand* Твою старшую сестру я не выношу';

(76)

[_{НарГ} *Very shortly*], *he's going to be leaving for Paris* 'Очень скоро он собирается уехать в Париж';

(77)

[_{Гг} *Give in to blackmail*], *I never will* 'Поддаваться на шантаж я никогда не стану'.

Для понимания примера (77) надо иметь в виду, что вспомогательный глагол *will* не входит в глагольную группу. То, что в английском языке модальные (*can, may, must* и др.) и вспомогательные (*will, have* и др.) находятся вне границ глагольной группы, видно из следующего. Возьмем предложение (78) а. *John will finish the assignment* 'Джон выполнит задание'

глава II. Структура составляющих и фразовые категории

убедимся в том, что цепочка *finish the assignment* способна только без вспомогательного глагола *will* выдвигаться в начало предложения (78б), заменяться на местоимение *so* (78в) и подвергаться сочинительному сокращению (78г): б. *John promised that he will finish the assignment, and [finishes the assignment] he will (... *and will finish the assignment he)* 'Джон обещал выполнить задание, и он в самом деле выполнит задание'; в. *John will [finishes the assignment], and so will Mary (... * and so Mary)* 'Джон выполнит задание, и Мэри тоже'; г. *Paul won Ч [finishes the assignment], but John will finish the assignment went (... *but John will finish the assignment)* 'Пол не выполнит задания, но Джон выполнит' (зачеркнутая часть - цепочка, подвергшаяся сокращению) [Radford 1988: 101]. Неграмматичные примеры в скобках показывают, что цепочка, включающая вспомогательный глагол, перечисленными свойствами не обладает. Таким образом, глагольной группой целесообразно считать [*ГГ finish the assignment*], но не * [_{ГГ} *will finish the assignment*].

Сдвигу вправо (правее косвенного дополнения) могут подвергаться громоздкие ИГ прямого дополнения (79) а. *He explained [all the terrible problems that he had encountered] to her*, 6. *He explained to her [all the terrible problems that he had encountered]* 'Он объяснил ей все страшные трудности, с которыми он столкнулся'. Фрагментированию могут подвергаться, например, ПрГ или ИГ: (80) — *Where are you going to? — To the cinema (The cinema)* 'Куда ты идешь?' — 'В кино'. Фрагментированный ответ может включать, а может не включать в себя предлог *to* 'в', соответственно чему он и представляет собой ПрГ или ИГ.

Однако произвольные последовательности, не образующие целых фразовых категорий (81аб) и терминальные категории, например, вершина, оторванная от своих зависимых (81в), не имеют в английском языке, как и в русском, свойства отделимости, ср. (75) и (81) а. **Your elder, I can't stand sister*, 6. * *Your, I can't stand elder sister*, в. * *Sister, I can't stand your elder*.

Предварительный вопрос

Обратите внимание на последнюю строку следующей строфы стихотворения А. Ахматовой «Привольем пахнет дикий мед...»:

Водою пахнет резeda
И яблоком — любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

Какое значение подразумевается в последней строке: 'кровь пахнет кровью, и ничем другим' или 'кровью пахнет только кровь, и ничто дру-

Часть 1. Синтаксическое описание

гое'? В силу какой грамматической закономерности одно из этих двух значений здесь более вероятно, чем другое?

4.2.2. Поведение обстоятельств

Еще одним важным дистрибутивным признаком является **распределение обстоятельств**. Особенностью обстоятельств является то, что их может в себя включать (или не включать) любая фразовая категория. При этом значительно чаще соблюдается, чем нарушается, следующий принцип:

(82) если обстоятельство по смыслу относится к конкретной фразовой категории, оно должно быть составляющей этой категории.

Например, если обстоятельство *завтра* по смыслу относится к инфинитивному обороту (в гл. IV будет показано, что такой оборот — разновидность вложенного элементарного предложения), оно не может без изменения смысла быть перенесено в главное предложение, ср. (83) а. [*Чтобы завтра встать пораньше,*] надо завести будильник и б. [*Чтобы встать пораньше,*] надо завтра завести будильник; (84) а. *Они заявили о невозможности [работать вместе];* б. *Они вместе заявили о невозможности работать.* Но вообще в русском языке принцип (82) часто нарушается, например, можно сравнить предложения (85) а. *Он не должен [делать полностью всю работу];* и б. *Полностью он не должен [делать всю работу].* В обоих случаях обстоятельство *полностью* относится по смыслу к инфинитивному обороту, однако в (85а) оно входит, а в (85б) не входит в число его составляющих.

В английском языке принцип (82) выполняется значительно более последовательно, чем в русском. Например, достаточно четко разграничиваются два класса обстоятельств: обстоятельства, относящиеся к предложению (sentence adverbials), например *certainly* 'конечно', и обстоятельства, относящиеся к глагольной группе (verb phrase adverbials), например *completely* 'полностью'. Их дистрибуция определяется тем, что обстоятельства, относящиеся к предложению, входят в число непосредственных составляющих предложения, а обстоятельства, относящиеся к глагольной группе, входят в число непосредственных составляющих глагольной группы, чем и объясняются ограничения на их линейное расположение: (86) а. *Certainly Peter [гг has finished his work]* 'Конечно, Питер закончил работу', но б. **Completely.*

peter [it has finished his work] 'Полностью' Питер закончил работу'. В (866) наречие должно быть составляющим глагольной группы и не может «отрываться» от нее. Сравним также (87) а. [п *You can [тг rely on my help entirely,] naturally*] 'Вы можете рассчитывать на мою помощь полностью, естественно' и б. ??[п *You can [тг rely on my help] naturally, entirely*] 'Вы можете рассчитывать на мою помощь, естественно, полностью'. *Entirely* 'полностью', как и другие обстоятельства образа" действия, относится к глагольной группе, поэтому не может занимать позицию правее обстоятельства *naturally* 'естественно', которое относится к предложению — ведь последнее может располагаться только после границы глагольной группы (подробнее см. [Radford 1988: 73—74]):

(87'a) ...[п— *entirety, YY naturally*]^

(87'b) *...[п— *naturally, entirely*]'}]'.

Аналогичным образом и во французском языке различие между предложениями (88) а. *Ce gargon mangeait une pizza lentement hier* 'Этот мальчик ел пиццу медленно вчера' и б. ?? *Ce gargon mangeait une pizza hier lentement* 'Этот мальчик ел пиццу вчера медленно' объясняется, вероятно, тем же — наречие времени *hier* 'вчера' относится к предложению, а наречие образа действия *lentement* 'медленно' — к глагольной группе [Jones 1996:7].

ЗАДАЧА II-1 (автор С.А. Бурлак). Один иностранец, недавно начавший изучать русский язык, составил такие предложения со словом *который*:

1. Я видел кошку, которая ловила мышь.
2. Иван читал книгу, которую ему подарили.
3. У девушки голубые глаза, которую я люблю.
4. Машина сломалась, которая была куплена в прошлом году.
5. Студент конспектировал статью, которой он знал автора.
6. Саша был на вечере молодого поэта, которого он недавно прочитал книгу стихов.
7. Иван много помогал родным, которого фирма процветала.
8. Вот документ, который вы сразу всё поймете, увидев.
9. Девушка подошла к окну, которого левее на стене висела ее любимая картина.

Исправьте ошибки, допущенные иностранцем. Сформулируйте, опираясь на материал задачи, некоторые правила построения предложений с союзным словом *который* в русском языке.

4.2.3. «Эффект крысолова»

Еще одним синтаксическим критерием фразовых категорий может служить так называемый «Эффект крысолова» (англ. Pied Piping) — способность некоторых синтаксических правил, которые в соответствии со своей формулировкой должны быть применены к составляющей X , применяться вместо этого к фразовой категории Y , доминирующей над X : $[_Y \dots X \dots]$, где многоточие обозначает произвольную цепочку, в частном случае пустую. Другими словами, «эффект крысолова» возникает тогда, когда правило, которое должно было быть применено к некоторой составляющей X , применяется вместо этого к более крупной, «объемлющей» составляющей Y .

Термин Pied Piping был предложен в середине 1960-х годов американской исследовательницей Р. Лакофф и получил широкую известность после работы Дж.Р. Росса [Ross 1967 (1986)]. Этот термин обыгрывает средневековую легенду о флейтисте, который взялся избавить немецкий город Гаммельн от нашествия крыс. После того, как одна крыса, завороженная звуками флейты, последовала за музыкантом, за ней потянулись остальные крысы — и все утонули в озере. Когда городские власти отказались заплатить уговоренную сумму, флейтист таким же способом увел из города всех детей. При «эффекте крысолова» составляющая, затронутая правилом, подобно первой крысе, «увлекает» за собой другую составляющую.

В русском языке «эффект крысолова» наглядно проявляется в построении придаточных относительных. В соответствии с общим правилом тот член придаточного предложения, который выражен союзным словом (относительным местоимением), перемещается на левую периферию придаточного, ср. (89) а. *Я знаю мальчика*', б. *Мальчик, которого я знаю*, но в. *^Мальчик, я знаю которого*. Однако это правило часто применяется к тем фразовым категориям, которые доминируют над союзным словом, например, к ИГ: (90) *Мальчик, [брата которого] я знаю*, или к ПрГ: (91) *стол, [на который] ты положил книги*.

В придаточных косвенного вопроса тот же эффект может наблюдаться и с группами прилагательного: (92) *Я не знаю, [насколько приемлемые] он выдвинул условия*. Часто «эффекту крысолова» подвергается не ближайшая к терминалльной, а еще более объемлющая фразовая категория. Например, предложение (92) станет «лучше», если вместе с относительным местоимением на левую периферию придаточно-

го переместится не только вся ГПрил, но и содержащая ее ОГ: (93) *Я не знаю, [и_г ГПрил насколько приемлемые] условия]* *он выдвинул.*

Возьмем предложение без «эффекта крысолова»:

(94) а. ? *Рассмотрим два высказывания, [которых] эквивалентность доказать не составит труда.*

Предложение (94а) было бы совершенно нормальным для русского литературного языка в XIX в. Однако в современном русском языке требуется «захватить» вместе с относительным местоимением и ту ИГ, в которую оно входит (94б), или даже весь инфинитивный оборот, в который входит ИГ (94в):

б. *Рассмотрим два высказывания, [эквивалентность которых] доказать не составит труда.*

в. *Рассмотрим два высказывания, [доказать [эквивалентность которых]] не составит труда.*

«Эффект крысолова» можно проиллюстрировать и на примерах с отрицательной частицей *не*. Вообще *не* присоединяется слева к той составляющей, которая соответствует ее сфере действия: (95) а. *Не [докладчик] просил задавать вопросы*, б. *Докладчик не [просил] задавать вопросы*, в. *Докладчик просил не [задавать вопросов]*', (96) *Не [ветер бушует над бором]*, / *Не [с гор побежали ручьи]* (Некрасов, «Мороз, Красный нос»). Однако, если, например, сферой действия отрицания является ИГ в составе ПрГ, обязателен «эффект крысолова»: (97) *посмотрел не [ПрГ на [и_г свои часы]]*, а на мои,ср. "посмотрел [ПрГ на не [и_г свои часы]]. Для ИГ, вложенной в другую ИГ, «эффект крысолова» допустим, но не обязателен: (98) а. *Это [и_г стиль не [и_г голландской школы]]'*, б. *Это не [и_г стиль [и_г голландской школы]]*.

«Эфекту крысолова» могут подвергаться только фразовые категории, и этот эффект, таким образом, оказывается еще одним синтаксическим критерием их выделения.

Предварительные вопросы

1. Почему не существует сравнительной степени у прилагательных-местоимений и наречий-местоимений: *так-ее, *котор-ее, *там-ее и т. п.?

ПОДСКАЗКА: рассмотрите сравнительную конструкцию типа

Это гораздо удобнее, чем ехать на автобусе.

2. Почему с местоимением-существительным так трудно употребить определение: *Большой он пришел; ??Ужасное это произошло; ??Что Сашинко

придет по почте; *Он высокого роста сказал и т. п. [Всеволодова

4.2.4. Проформы

Еще один признак фразовых категорий - их способность замещаться особыми местоименными лексемами — **заместителями**, или **проформами**. Например, сколь угодно громоздкая ИГ может целиком замещаться местоимением 3 л.:

(99) — Что вы скажете об [_{иг} этом человеке, который предлагал нашей фирме очень выгодную операцию с ценными магазами?]

— Я скажу, что он жулик.

Нетрудно увидеть, что на проформу (в данном случае - личное местоимение) могут быть заменены только фразовые категории. Чтобы убедиться в этом, попробуем заменить на местоимение 3 л. в (99) вершины-существительные:

(99') * Что вы скажете об [_{иг} этом нем, который предлагал нашей ей очень выгодную ее с ценными ими]?

Итак, терминальные составляющие (в данном случае - существительные) не заменяются на проформы; это возможно только для фразовых категорий.

Имеются и другие проформы, например, *там* может заменять ПрГ:

(100) - Вы бывали [_{ПрГ} в Петербурге]?

— Да, я там бывал.

Местоимение *такой* может заменять группу прилагательного: (101) *Многие люди считают Ивана* [_{шщл} очень грубым], но я никогда не считал его таким; а местоимение *это* — целое предложение: (102) *Говорят, что* [_п он собирается подать в отставку], но это, может быть, и неправда; (103) *Разумеется, [п я не Солженицын]. Разве это лишает меня права на существование?* (С. Довлатов, «Письмо изданителю»).

В английском языке проформы более разнообразны: они могут, например, замещать не только ИГ, ПрГ или предложения, но и глагольные группы: (104) *John might* [_{гг} go home], and so might Bill 'Джон мог бы уйти домой', и Билл мог бы сделать то же'; (105) *John might* [_{гг} resign his post], as might Bill 'Джон мог бы уйти в отставку со своего поста, что мог бы сделать и Билл'.

В русском языке выделимость глагольной группы весьма проблематична; можно допустить, что подчинительный союз способен заменять некий фрагмент предложения, близкий по составу к английской глагольной группе, в особой конструкции «подчинительного присоединения» [Латышева

2000]: (106) *У него [был длинный язык], из-за чего он и пострадал; (107) Это девушка [твердая, благородная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем], что я хорошо в ней изучила* (Достоевский, «Преступление и наказание»).

4.3. Обязательность фразовых категорий

Вернемся к проблеме, которая осталась нерешенной в п. 3: может ли отдельное слово (представляющее терминальную категорию) быть непосредственной составляющей предложения или оно всегда доминируется некоторой фразовой категорией, над которой доминирует предложение? Теперь в нашем распоряжении есть разнообразные критерии фразовых категорий, показывающие, что по крайней мере некоторые терминальные категории (существительное, прилагательное, наречие, глагол) всегда вложены в соответствующие фразовые категории (ИГ и т. д.).

Во-первых, достаточно очевидно, что дистрибуция отдельных существительных совпадает с дистрибуцией именных групп, дистрибуция отдельных прилагательных — с дистрибуцией групп прилагательного. Это означает, что в тех же синтаксических контекстах, где допустимо *эта красивая девушка*, допустимо и *девушка*, где возможно *на редкость красиво*, там же возможно и *красиво'*, ср. также дистрибуцию *отправился и отправился домой* и т. д.

Во-вторых, отдельные слова в роли фразовых категорий, как это и полагается фразовым категориям, являются отдельными: (108) а. *Открой эту крышку. Ножом*; ср. невозможность отрыва одной лишь терминальной категории: б. **Открой консервным эту крышку. Ножом*.

В-третьих, отдельные слова в роли фразовых категорий проявляют и другие отличительные признаки этих категорий, например, могут заменяться на проформы. Убедительный пример того, что терминальные категории (в тех случаях, когда их можно отличить от фразовых) не заменяются на проформы, см. выше в примере (99').

Итак, достаточно многочисленные, убедительные и разнообразные факты указывают на то, что, кроме синтаксически неразложимых элементов предложения (слов) и грамматических классов (терминальных категорий), к которым они относятся, в предложении выделяются составляю-

Часть 1. Синтаксическое описание

щие другого типа — группы. Группы, так же как и слова, распределяются по небольшому количеству классов - фразовых категорий. Группа (представляющая некоторую фразовую категорию) может включать в себя произвольное число слов, в частном случае — одно-единственное слово. Отдельные слова не могут быть непосредственными составляющими предложения и входят в него только в составе фразовых категорий; «предложение не составляется непосредственно из слов как из конститутивных элементов и не разложимо непосредственно на слова» [Золотова 1981: 496].

ЗАДАНИЕ 9. В следующих предложениях употреблены лексемы, отсутствующие в русском языке. Опираясь на различные критерии, определите, к каким терминальным категориям могут относиться эти лексемы и в какие фразовые категории они входят:

1. *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* (знаменитый пример Л.В. Щербы).
2. *Марко* было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облиго ружают.
На том и покалим сростень (Стругацкие, «Трудно быть богом»).
3. *Огды-егды*, а Бутявка спиндюрила у Калуши зилинъ.
И с зилинем усяпала с напушки быро-быро и в бурдысья пок!
А зилинъ у Бутявки в клямсах так и затырытырился: тыры-пыры, тыры-пыры.
А Калуша (*пии натыром, блуки бятые*) увазила, что в бурдысьях-то тырытыр! (Л. Петрушевская, «На шваньтёу»)

ЗАДАНИЕ 10. Рассмотрите придаточные предложения косвенного вопроса, использующие частицу ли, такие, как: Спрашивается, много ли у тебя средств?; Я не знаю, Ивана ли они пригласили; А там посмотрим, станет ли несчастный / То расточать, что кровью приобрел (Пушкин, «Скупой рыцарь»).

Попытайтесь ответить на следующие вопросы:

- 1) возникает ли «эффект крысолова» при применении правила «слово, находящееся в сфере вопроса, ставится в начале придаточного»;
- 2) тот же вопрос — относительно правила «слово, находящееся в сфере вопроса, ставится перед частицей ли»;
- 3) приведите примеры предложений, в которых «эффект крысолова» обязателен;
- 4) приведите случаи, в которых он факультативен.

5. Сравнение структур зависимостей и структур составляющих

Рассмотрим преимущества и недостатки каждой из двух систем — зависимостей и составляющих.

Сразу отметим, что преимущества и недостатки структур зависимостей и структур составляющих можно обсуждать только по отношению к тем задачам, для решения которых они привлекаются. Кроме того, одно и то же формальное средство используется в разных вариантах в разных лингвистических теориях, и свойства этих вариантов не одинаковы. Например, структуры зависимостей в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И.А. Мельчука (о ней см. главу XVI) и в «грамматике слов» Р. Хадсона [Hudson 1984; 1990] обладают разными формальными свойствами и соответственно этому разными возможностями; структуры составляющих, используемые в ранних и в современных вариантах порождающей грамматики Н. Хомского, различаются рядом важных свойств и т. д.

Сравним описательные возможности обеих систем представления синтаксической структуры. Считается, что преимущество структур зависимостей состоит в их способности различать вершину и зависимые, в то время как структуры составляющих получают такую возможность только при введении дополнительных помет. Эквивалентность деревьев зависимостей и систем составляющих возникает тогда, когда системы составляющих иерархизованы, т. е. когда в каждой составляющей отмечена ее вершина (прояснение смысла понятия «эквивалентности» способов представления и строгое доказательство см. в: [Гладкий 1985: 35—36]).

На первый взгляд в терминах структур зависимостей легче рассматривать синтаксическую сочетаемость языковых единиц. Определенными селективными признаками, т. е. способностью сочетаться или не сочетаться с другими языковыми единицами, обладают лексемы — единицы словаря. У предложений лексемы соответствуют отдельным словам (словоформам), а не словосочетаниям. Кроме того, селективные признаки часто формулируются с использованием понятий вершины и зависимого.

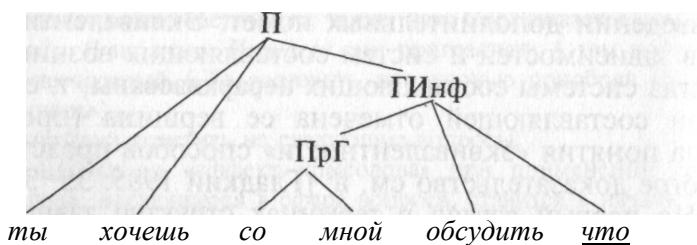
Однако селективные признаки бывает удобно представлять и как отношение между словом-вершиной и некоторой фразовой категорией. Например, в словарных

Часть 1. Синтаксическое описание

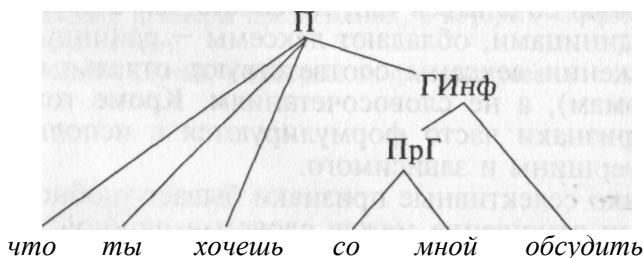
статьях глаголов *рассказывать*, *нести* или *убивать* должна содержаться грамматическая информация о том, что эти глаголы переходные, т. е. требуют или допускают наличие при себе прямого дополнения. Прямое дополнение, в отличие от самого глагола, можно рассматривать не как отдельное слово, а как фразовую категорию — ИГ. Таким образом, селективный признак может быть представлен как отношение между словом как единицей словаря и той фразовой категорией, которая выступает в роли зависимого при вершине, выраженной данным словом.

Преимуществом структур зависимостей является их большая (по сравнению со структурами составляющих) дескриптивность, или описательная сила. Под «дескриптивностью» здесь имеется в виду то, что структуры зависимостей могут быть легко применены без дополнительных теоретических допущений к более разнообразному материалу, чем структуры составляющих. Так, с помощью зависимостей легко анализируются непроективные структуры, а для того, чтобы отразить их в структурах составляющих, требуется усложнить формальный аппарат, например, введя два разных уровня представления предложения и особый грамматический компонент, устанавливающий соответствие между уровнями:

(109) а. Первый уровень

б. Второй уровень

Обе структуры — (109а) и (109б) интуитивно удовлетворительны, но с разных точек зрения: (109а) отражает тот факт, что вопросительное местоимение по смыслу относится к инфинитивному обороту и селективно связано с глаголом *обсудить*, являясь его прямым дополнением. Вместе с тем вопросительное местоимение *что* стоит в начале предложения, и такая его позиция в русском языке естественна (хотя не обязательна), и это свойство отражено в (109б). Можно преобразовать (109а) в (109б) с помощью двух операций: стереть один узел и одно ребро в (109а) и добавить узел и ребро в (107б), причем новый узел будет непосредственной составляющей узла другой категории — не инфинитивной группы, как в (109а), а предложения⁴. Совокупность двух элементарных операций — стирания и добавления есть частный случай **трансформации**, т. е. некоторого «хирургического» преобразования структур составляющих. Соответственно получаем два уровня представления предложения — до (109а) и после (109б) применения трансформации.

(109б) является реально наблюдаемым предложением, а (109а) — искусственно предложение, которое сконструировано для того, чтобы выразить тот факт, что вопросительное местоимение входит в инфинитивный оборот. Несмотря на то что в разговорной речи (109а) допустимо, нам пришлось бы из тех же соображений постулировать его и в том случае, если бы это предложение было неправильно.

Задача трансформаций в грамматическом описании — установить регулярные соответствия между двумя или более системами составляющих, каждая из которых отражает только часть грамматических свойств предложения, но которые в сумме характеризуют все (или большинство) его свойств.

Есть и другие способы придать большую «дескриптивность» структурам составляющих, например, определив ее таким образом, чтобы были разрешены разрывные составляющие (подробнее см. [Долинина 1977, гл. IV]).

Преимущества структур составляющих над структурами зависимостей в некоторых отношениях являются решающими. Размеченная структура составляющих содержит ин-

⁴ Надо, впрочем, иметь в виду, что инфинитивная группа и предложение — если не совпадающие, то очень близкие по свойствам фразовые категории, так как в обеих вершинах является глагол.

формацию о том, каким образом предложение иерархически организовано. В ней обозначены все собственно синтаксические единицы — от предложения до отдельного слова, а в структуре зависимостей собственно синтаксических единиц нет, и используется лишь синтаксическое отношение зависимости. Самое важное заключается в том, что синтаксические правила применяются не к отдельным словам и не к множествам попарно синтаксически связанных слов (поддеревьям деревьев зависимостей), а к собственно синтаксическим единицам — терминальным и фразовым категориям. В этой главе уже содержится достаточно материала, подтверждающего это наблюдение, и в последующих главах читатель встретит еще больше фактов, говорящих о первостепенной роли фразовых категорий.

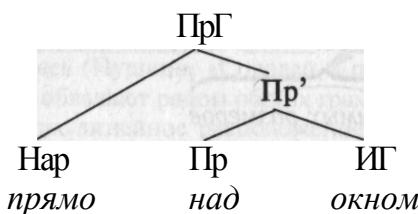
Использование фразовых категорий («предложение», «ИГ» и др.) позволяет, кроме того, охарактеризовать еще одно важнейшее свойство синтаксических структур — их рекурсивность, т. е. способность к бесконечному усложнению. Синтаксические правила применяются к фразовым категориям безотносительно к тому, сколько в них находится «материала». Например, ИГ (ПО) [*иг кота*, */Который пугает и ловит синицу*, */Которая часто ворует пшеницу*, */Которая в темном чулане хранится* /В доме, который построил Джек] обладает в основном теми же синтаксическими свойствами, что и нераспространенная ИГ (ПО') [*иг кота*], состоящая лишь из вершины. Обе этих цепочки представляют одну и ту же синтаксическую единицу — ИГ. Этот важнейший факт не может быть отражен в обычных структурах зависимостей, что является их недостатком. Напомним, что корневой узел структур зависимостей, соответствующих (ПО) и (ПО'), представляет не фразовую категорию (ИГ), а единицу другой природы — словоформу (*кота*).

Наконец, важным недостатком структур зависимостей является то, что они не в состоянии выразить различную степень грамматической «склеенности» зависимых с одной и той же вершиной, т. е. тот случай, когда из двух зависимых А и В вершины С А более тесно связано с С, чем В. «Более тесная связь» обычно видна из порядка слов — между А и С не могут располагаться никакие другие составляющие, в том числе никакие другие зависимые С, включая В. Структура составляющих позволяет естественным образом выразить это различие, если принять, что составляющая, включающая

С и В, доминирует над другой составляющей, включающей С и А, но не В.

Например, в английском языке особо тесная связь наблюдается между переходным глаголом и его прямым дополнением, ср. (111) а. *studies physics in Cambridge* 'изучает физику в Кембридже', но б. **studies in Cambridge physics*. Составляющая, образованная сочетанием глагола (Γ) и дополнения, входит в глагольную группу ($\Gamma\Gamma$); следуя нотации, принятой в порождающей грамматике, такую составляющую можно назвать Γ , т. е. « Γ -штрих» (по-английски V(erb)', читается «V-bar»): [$_{\Gamma\Gamma} [_{\Gamma} \underline{\text{studies physics}}] \text{ in Cambridge}$]. Аналогичные свойства обнаруживаются и в конструкции, возглавленной существительным *student* 'студент': (112) а. *student of physics in Cambridge* 'студент-физик из Кембриджа', но б. **student in Cambridge of physics*, что дает основание ввести входящую в ИГ фразовую категорию С, от С — существительное: [$_{\text{ИГ}} [_{\text{С.}} \underline{\text{student of physics}}] \text{ in Cambridge}$]. В предложной группе из двух зависимых предлога — ИГ и наречия более тесно связана с предлогом ИГ: (113) а. *прямо над моим окном*', б. **над прямо моим окном*; (114) а. *только из-за упрямства, из-за только упрямства*. Чтобы учесть это различие, можно, наряду с Пр Γ , постулировать фразовую категорию Пр': [$_{\text{Пр}\Gamma} \underline{\text{прямо}} [_{\text{Пр.}} \underline{\text{над}} [_{\text{ИГ}} \underline{\text{моим окном}}]]$]; [$_{\text{Пр}\Gamma} \underline{\text{только}} [_{\text{Пр'}} \underline{\text{из-за}} [_{\text{ИГ}} \underline{\text{упрямства}}]]$]. Составляющие, которые состоят из вершины и одного из ее зависимых, наиболее тесно связанного с вершиной, называются **штриховыми группами**, а грамматические классы штриховых групп (Γ' , С, Пр' и т. д.) — **штриховыми категориями**. При таком решении, конечно, потребуется дополнить определение **зависимого**, допустив, чтобы оно могло быть не только сестрой своей вершины, но и сестрой ее штриховой группы:

(115)

Система составляющих легко выражает иерархию зависимых в (115), но структура зависимостей без дополнительных усложнений с этой задачей не справляется.

Часть 1. Синтаксическое описание

Известно несколько попыток предложить «третий путь»: такую формальную модель предложения, которая соединяла бы в себе преимущества структуры зависимостей и структуры составляющих, но была бы свободна от их основных недостатков. Такова, например, «грамматика слов» Р. Хадсона, где «работу» составляющих выполняют «модели» — особое множество символов, обозначающих грамматические классы слов [Hudson 1984]. Из компромиссных систем, предложенных российскими авторами, известны «клубные системы» В.Б. Борщева и М.В. Хомякова [1976], а также глубоко и тонко разработанные на материале русского языка «системы синтаксических групп» А.В. Гладкого [1985; 1997].

У А.В. Гладкого в отношении зависимости вступают **синтаксические группы** — понятие, близкое к понятию составляющей. Множество синтаксических групп, так же как и множество составляющих, включает в себя по определению каждое отдельное слово, предложение в целом и ряд «промежуточных» единиц, меньших, чем предложение, но более крупных, чем слово. Чтобы избежать явной избыточности, которая возникает при простом объединении двух структур, применяется весьма сложная и многоступенчатая процедура «отсеивания кандидатов» в синтаксические группы, в результате которой итоговое множество синтаксических групп включает в себя не все и не только составляющие (например, они, в отличие от составляющих, могут быть разрывными). Неформально синтаксическую группу по Гладкому можно определить как такое множество слов, которое вступает в отношение зависимости «целиком», а не посредством одного из входящих в него слов. Например, омонимичное словосочетание (116) *таблица допустимых размеров* в двух своих значениях а. 'таблица, в которую сведены допустимые размеры (чего-то)'; б. 'таблица, размеры которой допустимы' получает соответственно два представления:

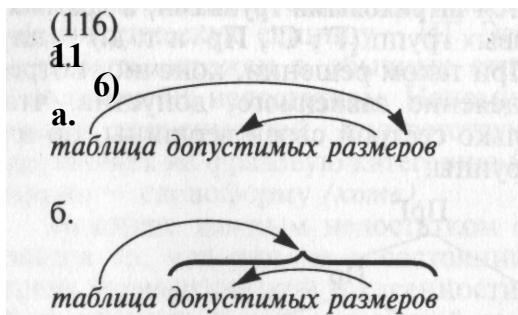

таблица допустимых размеров

где только в (1166) *допустимых размеров* представляет синтаксическую группу [Гладкий 1985: 118].

Отступление. Проблема детерминантов. В 1960—1970-е годы в работах Н.Ю. Шведовой [19646; 1968; 1973a; Шведова (ред.) 1970] на материале русского языка была выдвинута концепция **детерминирующих** членов предложения, или **детерминантов** — таких второстепенных членов предло-

жения которые распространяют его в целом и не связаны ни с каким отдельным его членом. В основе понятия детерминанта лежит неоспоримое наблюдение, согласно которому не всякая грамматическая связь между отрезками предложения А и В может быть естественным образом представлена как связь между отдельными словами, входящими в А и В. «Детерминанты помещаются, как правило, в начале высказывания, отделяются от основного состава высказывания паузой и могут быть омонимичны прилагольным обстоятельствам или дополнениям... Ср. *Часто / приходить в гости неприлично* [детерминант: в жизни часто бывают такие ситуации, когда приходить в гости неприлично] - *Часто приходить в гости неприлично* [прилагольное обстоятельство: если приходить в гости часто, то это становится неприличным]» [Апресян 2000а: xxii].

В «Русской грамматике» [Шведова (ред.) 1980] Н.Ю. Шведова подразделяет детерминанты по семантическим признакам на **обстоятельственные**, которые целиком характеризуют ту ситуацию, которая обозначена предложением, **субъектные, объектные** и смешанных типов (например, «субъектно-обстоятельственные»). Субъектными и объектными детерминантами «обозначается предмет, имеющий то или иное отношение к тому, о чем сообщается в предложении: воспринимающий субъект, носитель состояния, предмет общей характеристики, адресат и т. п.» [Шведова (ред.) 1970: 629]. К числу обстоятельственных детерминантов относятся локальные (117) У нас сейчас белые ночи; Повсюду флаги; темпоральные (118) Много веков человек был привязан к земле; За последние годы произошли большие перемены; причинные (119) От стыда не мог глаз поднять; С такими дружскими недолго и в тюрьму попасть; целевые (120) Для верности еще раз повернул ключ в замке и некоторые другие. Под субъектными детерминантами имеются в виду ИГ в дат. п. типа (121) Каждому случается ошибаться; Им не везет с директорами; (122) Отцу сейчас деньги очень кстати; Ему недосуг разговаривать; (123) Ему бы только спать; Как нам поступить?; сочетание предлога у с род. п.: (124) У соседей весь день шумят; У следователя недостаточно улик; предлога для с ИГ в род. п.: (125) Для любителя он хорошо поет; (126) Для ребенка здесь сырь; предлога с с ИГ в твр. п.: (127) С учительями он ведет себя вызывающе; (128) С деньми напряженно; С транспортом задержек нет. Детерминантов может быть несколько: [В безмолвии садов,] {весной,} | во мgle ночей| / Пoет над розою восточный соловей (Пушкин, «Соловей и роза»).

Детерминанты обладают рядом общих грамматических свойств. Например, ограничено их линейное расположение: они выступают в абсолютном начале предложения или непосредственно при одном из его главных членов — подлежащем или сказуемом. Далее, они могут сочетаться с дополнениями разных типов («структурных схем») — с двусоставными, где имеющими подлежащее и сказуемое (129) В городе ожидается приезд масс " У тебя все нехороши; с односоставными именными (130) В городе масса народу; У тебя грипп; с инфинитивными (131) В городе никого не найти; У тебя самоуверенности не занимать; с наречными (132) В городе шум-

Часть 1. Синтаксическое описание

но; У тебя холодно и т. д. Идея Н.Ю. Шведовой о специфичности такого набора свойств именно у детерминантов вызвала возражения: отмечалось например, что позиция детерминантов отражает обычные правила порядка слов в русском языке, которые точно так же применяются и к не-детерминантам [Крылова и др. 1997: 78].

Отношение «детерминант — предложение» Н.Ю. Шведова противопоставляет, с одной стороны, **присловной подчинительной связи** между отдельными словами, причем под последней имеется в виду «связь, предопределенная свойствами знаменательного слова и осуществляющаяся независимо от синтаксического места (позиции) этого слова в предложении» [Шведова (ред.) 1980: 14], и, с другой стороны, отношениям между компонентами **предикативной основы** (структурной схемы) **предложения**, например, между подлежащим и сказуемым. Детерминация — распространение предложения в целом, а не какого-то одного его слова; последнее осуществляется через присловные связи.

Большинство исследователей, как кажется, согласны с тем, что детерминанты образуют «естественный класс», единство которого достаточно очевидно хотя бы по интуитивным соображениям. Мы не будем здесь обсуждать альтернативные способы определения этого класса, например, на основе самостоятельной роли детерминантов в актуальном членении предложения (о котором см. главу IX) [Крылова и др. 1997: 80]. Мы не станем также затрагивать конкретных проблем, связанных с трактовками тех или иных русских примеров, хотя, на наш взгляд, многие субъектные детерминанты представляют собой обычные случаи управления (125; 127—128) или предикативной связи, например, ИГ в дат. п. в конструкциях с независимыми инфинитивами (123), как будет показано в главе VI, проявляют достаточно признаков подлежащего. Ограничимся некоторыми замечаниями о проблеме трактовки детерминантов в рамках обоих способов представления синтаксической структуры.

Несмотря на то что детерминанты не связаны с каким-то одним словом в предложении больше, чем с другими словами, ни грамматически, ни семантически, ни фонетически, очевидно, что таким энтузиастам структур зависимостей, как Р. Хадсон [Hudson 1984, 1990] или И.А. Мельчук, не составит большого труда технически разрешить эту проблему, т. е. избежать разрыва в структуре зависимостей. На практике при этом применяется следующий прием: если слово *w* не обнаруживает никакой очевидной грамматической связи ни с одним отдельным словом, входящим в цепочку *D*, однако не может быть линейно отделено от *D* никакими другими словами, устанавливается синтаксическая зависимость *w* от корневого узла структуры зависимостей для *D*. Например, детерминант *Сегодня* никак не связан специфически ни с одним словом цепочки *мы ходили в театр*, к которой он относится «целиком»; однако детерминант не может быть оторван от цепочки — следовательно, он является зависимым вершиной-сказуемого *ходили*. «В подавляющем большинстве известных автору синтаксических конструкций русского языка ... зависимость от группы и

зависимость от вершины (хозяина) группы семантически не противопоставляются, что позволяет безболезненно подчинять слугу целой группы хозяину этой группы ... автору неясно, какая полезная информация может быть утрачена при формальном подчинении детерминантов сказемому, возможно - посредством специального поверхностно-синтаксического отношения» [Мельчук 1974а: 214-215].

Кажется, тем не менее, что такой технический прием лишен содер жательной ценности. Достаточно очевидно, что отношение включения (доминации) является более всеобщим, чем отношение синтаксической зависимости. В тех случаях, когда зависимости между отдельными словами не наблюдается, отношение доминации все равно налицо, и детерминанты, наряду, например, с вводными оборотами, представляют важный частный случай доминации без сколь-нибудь очевидной зависимости.

Как показали В.А. Белошапкова [1977] и А.В. Гладкий, связь типа детерминантной может иметь место и с единицами меньшими, чем предложение. «Например, предложение ... С *наибольшим успехом* он *выступал в Москве* в прошлом году может означать либо 'Среди всех его выступлений наибольший успех имело прошлогоднее, происходившее в Москве', либо 'Среди всех его выступлений в Москве наибольший успех имело прошлогоднее'. При первом значении относительно-характеризующее словосочетание с *наибольшим успехом* подчинено слову *выступал*, во втором — словосочетанию *выступал в Москве*» [Гладкий 1985: 119].

Понятие детерминантов, при всей его популярности в российской лингвистике, не стало общепринятым. Некоторые авторы полагают, что классификация, разграничитывающая предикативную основу (отношение между подлежащим и сказуемым), присловную связь и детерминацию, недостаточна. Так, с точки зрения В.А. Белошапковой, синтаксические связи могут быть установлены: 1) между словом и формой слова, например, *выписывать газету* — в какой бы грамматической форме ни стоял глагол *выписывать*, он всегда требует вин. п. дополнения; 2) между формой слова и формой слова, например, *Сад цветет*, где скоррелированы им. п. подлежащего и финитная форма глагола; 3) между простыми предложениями в составе сложного; 4) между словом и простым предложением, например, между союзным словом *который* и предложением *пришел сюда*; 5) между формой слова и простым предложением, например, между сравнительной степенью прилагательного и зависящим от нее придаточным сравнительным: *немного уже, чем казалась прежде*; 6) между словосочетанием и формой слова, например, *старый [фруктовый сад]* или *новая [соломенная шляпа]*, где, по В.А. Белошапковой, наблюдается согласование прилагательного с целым словосочетанием; 7) между простым предложением и сложным, например, *Когда мы вышли из леса, [было сырь, но дождь Уже не было]*; и 8) между двумя сложными предложениями [Белошапкова (ред.) 1989: 539-543].

Как описательное решение подход В.А. Белошапковой вполне приемлем, однако с теоретической точки зрения его трудно признать привле-

Часть 1. Синтаксическое описание

кательным. Если синтаксические отношения могут возникать между единицами пяти (!) грамматических классов: 1) формой слова; 2) словом; 3) словосочетанием; 4) простым предложением и 5) сложным предложением, то отсюда неизбежно следует, что теоретически возможно 25 типов бинарных направленных отношений между этими единицами (или 15 ненаправленных, что тоже немало), и тогда необходимо как-то объяснить почему из них всех реально наблюдаются лишь восемь.

Что касается не описательных, а теоретических преимуществ обеих формальных систем, то структуры составляющих в той или иной форме необходимы для любой теории, ставящей своей целью обобщение и объяснение синтаксических правил, поскольку правила применяются именно к составляющим. Любая теория, используя даже хорошо известную описательную технику, обязательно видоизменяет или дополняет ее. Поэтому оценить преимущества и недостатки способа описания возможно только оценивая и саму теорию.

Рекомендуемая литература

На русском языке структуры составляющих подробно рассматриваются в книгах [Долинина 1977, Гладкий 1985]. И.Б. Долинина дает систематическое сравнение традиционного метода синтаксического анализа, структур зависимостей и структур составляющих и подробно разбирает проблемы, связанные с «разрывами» составляющих; краткий обзор можно найти в [Долинина 1969]. В книге А.В. Гладкого приводится весь необходимый формальный аппарат структур зависимостей и составляющих и предлагаются системы синтаксических групп, соединяющих некоторые преимущества структур зависимостей и составляющих. Введение для впервые знакомящихся с принципами синтаксического анализа можно найти в учебниках В.Б. Касевича [1977] и Дж. Лайонза [1978 (1972)]. Полезно также ознакомиться с введением в математическую лингвистику А.В. Гладкого и И.А. Мельчука [1969]. Способ установления соответствия между деревьями зависимостей и системами составляющих дан у Е.В. Падучевой [1964]; более строго в [Гладкий 1985], см. также [Фитиалов 1968].

Составляющие были впервые предложены для представления структуры предложения представителями американской дескриптивной лингвистики. Л. Блумфилд [1968 [1933]] разработал критерии выделения составляющих, опирающиеся на их фонологические, морфологические и синтаксические свойства; разнообразные критерии учитывались также в работе [Wells 1947]. З. Хэррис [Harris 1946] опирался исключительно на критерий дистрибуции. В «Логических основах лингвистической теории» Н.Хомский [Chomsky 1975 [1955]] внес дальнейший вклад в разработку критериев выделения составляющих. О различии обстоятельств, относящихся к предложению, и обстоятельств, относящихся к глагольной группе, см. у Р. Джэкендоффа [Jackendoff 1972: 47-107]. Блестящий разбор

Глава 11. Структура составляющих и фразовые категории

структуры составляющих в английском языке и написанное на доступном *юовне* введение в теорию фразовой структуры можно найти в учебнике Э. Рэдфорда [Radford 1988], материал которого многократно использовался в этой главе. Информация о структуре составляющих в синтаксических конструкциях английского языка содержится также в [Brown, Miller 1991] г Burton-Roberts 1986]. Типологический обзор различных видов составляющих можно найти в коллективной монографии под редакцией Т. Шопена [Shopen (ed.) 1985].

Глава III

ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА

Синтаксическая сочетаемость слов - область взаимодействия словаря и грамматики. В основе этого взаимодействия лежит несколько общих принципов, главный из которых — связь синтаксической и семантической сочетаемости языковых единиц. В п. 1 вводятся понятия синтаксической и семантической валентности, модели управления, актанта (синтаксического зависимого, которое соответствует семантической валентности вершины) и сирконстанта (зависимого, которое такой валентности не соответствует). Не всякий параметр ситуации, обозначаемой предикатным словом, следует рассматривать как его семантическую валентность (п. 2). В п. 3 обсуждается проблема обязательности выражения семантических и синтаксических валентностей. В п. 4 речь идет о классификации актантов и сирконстантов и об их основных отличиях. Особый вид зависимых — адеякты (к ним относятся в основном обстоятельства места и времени) занимают промежуточное положение между актантами и сирконстантами (п. 5). В п. 6—7 выделяются грамматические признаки, характеризующие актанты и сирконстанты в русском языке. Является ли элементарное предложение (клауза) актантом или сирконстантом, обычно можно определить по его форме (п. 6). Среди сирконстантов, выраженных именными и предложными группами, можно различать сильные (допускающие местоименную замену) и слабые (не допускающие ее). В этом отношении актанты и сильные сирконстанты ведут себя одинаково (п. 7). В п. 8 речь идет о единицах, которые проявляют грамматические, но не семантические признаки актантов (вторичные актанты), либо, наоборот, их семантические, но не грамматические признаки (ложные актанты). В п. 9 вводится понятие семантических ролей и обсуждается соответствие между семантическими ролями и актантами и принцип единственности выражения роли. В п. 10 дан перечень основных семантических ролей. В п. 11 вводится понятие перспективы — грамматического различия между семантически равноправными участниками ситуации. В п. 12 перечисляются основные типы глаголов с точки зрения семантических ролей их актантов.

1. Валентности и актанты

Синтаксическая структура предложения определяется грамматическими свойствами входящих в него лексем, в первую очередь их селективными признаками. Грамматически правильным бывает только такое предложение, в котором селективные признаки входящих в него слов согласованы друг с другом. По аналогии с химией селективные при-

Глава III Валентности слова

знаки лексем в лингвистике называют **валентностями**. Лексемы могут обладать как семантическими, так и синтаксическими валентностями.

1.1. Семантические валентности

Значение любого слова может быть более или менее точно и полно исследовано и описано, — например, в словаре оно представлено в виде **толкования**.

В толковом словаре значения слов часто включают в себя неопределенные или до конца не проясненные части. Например, если про слово *друг* сообщается, что это - 'человек, близкий кому-либо', или в толковании слова *складывать* содержится выражение 'соединять части чего-либо', или слово *колония* толкуется как 'поселение граждан какого-либо государства в завоеванной стране', то при этом используются неопределенные местоимения *{кому-либо, что-либо и т. п.}*, которые лишь указывают на некое лицо или предмет, участвующие в обозначаемой данным словом ситуации, но не называют само это лицо или предмет. При употреблении слов в речи значения, выраженные неопределенными местоимениями, часто соответствуют зависимым этого слова: *друг Саши, складывать платок, колония Рима*.

Когда нам нужно объяснить кому-то значение непонятного слова, мы или используем такие же неопределенные местоимения («*Дезавуировать*» — это когда, например, *кто-то сделал заявление, а потом его начальство это заявление опровергает*), или используем вместо них слова с более определенным значением, употребляя их в качестве примера («*Автоматена*» — ну, это если *ты*, допустим, набрал «*для*» вместо «*для*», то программа сама исправляет...).

Неполные, или переменные, части значений слов так же необходимы, как и постоянные. Невозможно объяснить значение слова *отец*, не Указав на то, что можно быть лишь чьим-то отцом; слова *удар* — без Указания на то, что кто-то наносит удар чем-то по кому-то или че-

то; слова *мстить* — без указания на то, что месть осуществляется ем-то кому-то за что-то и выражается в каких-то действиях, наносящих ущерб этому кому-то; значение слова *возле* — без указания на то, что кто-то или что-то находится на небольшом расстоянии от от-то или от чего-то. Все перечисленные слова обозначают ситуации, кот-

уч

астников, но сведений о том, кем или чем конкретно являются участники в значении этих слов не содержится.

В семантике значения слов и морфем описываются с помощью неполных выражений (**сентенциальных форм**), в которых на месте необходимых, но неопределенных частей толкования используются переменные — X, Y, Z... Например, значения слов (1) *догонять*, (2) *завидовать* и (3) *улыбка* могут быть истолкованы как (1-3') [Апресян 1974: 108; Апресян и др. 2000: 365]:

(Г) X *догоняет* Y-a = 'X и Y перемещаются в одном направлении, причем Y находится впереди X-а, и расстояние между X-ом и Y-ом уменьшается';

(2') X *завидует* Z-y Y-a = 'X не имеет Z-а, а Y имеет Z, и X испытывает отрицательную эмоцию, вызываемую желанием, чтобы Y не имел Z-а, а X имел Z';

(3') *улыбка* X-a = 'растянутые в стороны губы X-а, что обычно является выражением того, что X-у приятно или смешно'.

Выражение, содержащее переменную, неполно, но эта неполнота в точности соответствует неполноте значения самого слова — в значении глагола *рубить* никак не указано, кто, чем и что рубит, а лишь подразумевается, что эти три участника ситуации должны быть в наличии, когда происходит событие, обозначаемое словом *рубить*. Превратить неполное выражение, содержащее переменную, например, *X пришел*, в полное можно двумя способами — связать переменную с помощью логического оператора, например, квантора общности - *Все пришли*, или подставить на место переменной постоянное выражение (константу), например, *Иван пришел*.

Семантической валентностью, или **particипантом**, лексемы L называется любая (несвязанная) переменная X, входящая в толкование (описание значения) L. Всякая лексема, имеющая один или несколько **particипантов**, называется **предикатным словом**, или **предикатом**.

Например, **particипанты** глагола *догонять* в (Г) — переменные X (кто догоняет) и Y (кого догоняет); **particипантами** прилагательного *полный* являются X (кто/что полный) и Y (чем полный); **particипантами** слова *обидно* (в роли сказуемого) являются X (кому обидно) и Y (что обидно); **particипантами** существительного *ответ* являются X (чей ответ), Y (кому ответ), Z (содержание ответа) и W (стимул, т. е. содержание вопроса). «Слово имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо упомянуть,

Глава III. Валентности слова

чтобы истолковать его исчерпывающим и неизбыточным образом» [Богуславский 1996: 23].

Необходимость партиципантов при описании значения может быть показана более детально на следующем примере. Возьмем глагол *продавать*; его значение можно грубо очертить следующим образом: (4) *X продает Z Y-у за W* = 'X, имея Z, каузирует (т. е. целенаправленными действиями побуждает) Y-а иметь Z; X взамен получает от Y-а W (деньги или, реже, другой обменный эквивалент)'. Попытаемся устраниТЬ из толкования (4) упоминание об X-е. В таком случае получившийся смысловой «обрывок» если и будет соответствовать какому-то глаголу, то *приобретать* (*Y приобретает*), но никак не *продавать*. Если устраниТЬ Y, то от толкования останутся два фрагмента: 'X лишается Z' и 'X приобретает W'. При устранинии Z сохранится лишь то, что 'X получает от Y-а W. Во всех трех случаях исходное значение слова будет разрушено. Наконец, что случится, если устраниТЬ из толкования переменную W и соответствующий ей фрагмент значения? Возникнет нечто близкое к значению глагола *давать*, но не *продавать*.

В толкование ситуации, обозначаемой предикатом, может входить разное число партиципантов: один (*спать*: кто; *шевелиться*: кто или что; *красивый*: кто или что), два (*звать*: кто, кого; *зависеть*: кто или что, от кого или от чего; *гордый*: кто, кем или чем), три (*давать*: кто, что, кому; *намекать*: кто, кому, на что; *длиннее*: что, чего, насколько), четыре (*переселять*: кто, кого, куда, откуда; *проигрывать*: кто, кому, сколько, в какую игру) и пять (*арендовать*: кто, что, у кого, за сколько, на какой срок; *переводить*: кто, что, кому, с какого языка, на какой язык).

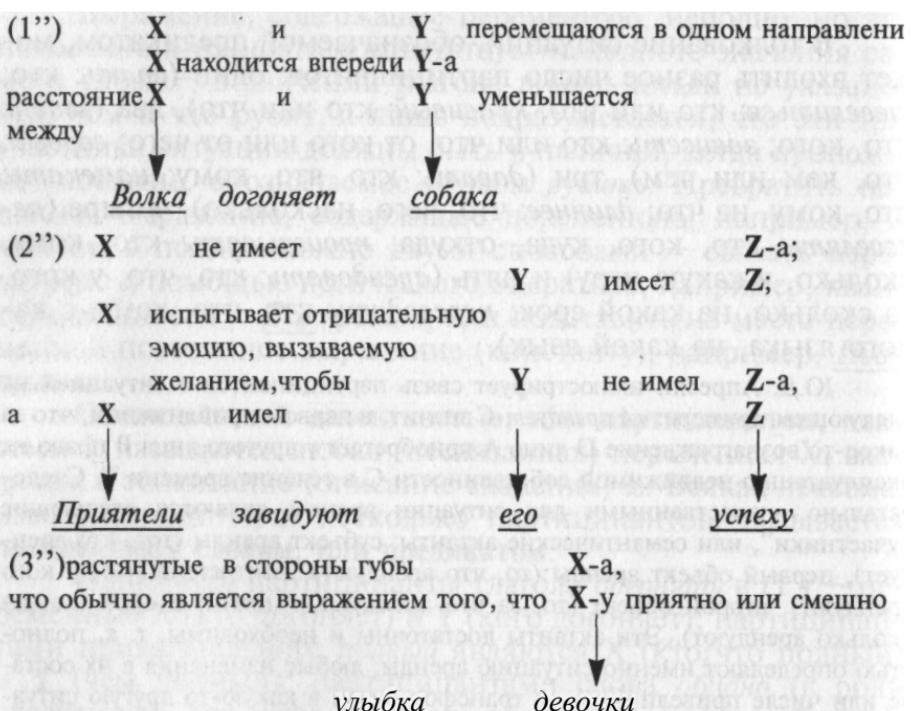
Ю.Д. Апресян иллюстрирует связь партиципантов с ситуацией на следующем примере: «*A арендует С* значит, в первом приближении, что за какое-то вознаграждение D лицо A приобретает у другого лица B право на эксплуатацию недвижимой собственности C в течение времени T. Следовательно, существенными для ситуации аренды являются следующие "участники", или семантические актанты: субъект аренды (тот, кто арендует), первый объект аренды (то, что арендуют), контрагент (тот, у кого арендуют), второй объект (то, за что арендуют — плата) и срок (то, на сколько арендуют). Эти актанты достаточны и необходимы, т. е. полностью определяют именно ситуацию аренды; любые изменения в их составе или числе привели бы к ее трансформации в какую-то другую ситуацию. Например, устранение представления о сроке, при сохранении всех Других элементов, трансформирует аренду в родственные, но не тождественные ей ситуации купли-продажи; устранение представления о первом объекте дает, с необходимыми изменениями, ситуацию займа; если исключены срок и второй объект, то получается ситуация передачи и т. п.

Часть 1. Синтаксическое описание

... Валентности, которые присоединяют к глаголу *арендовать* названия пяти перечисленных актантов, и будут семантическими для этого слова: они вытекают непосредственно из его лексического значения.

Ничто в ситуации аренды не требует указания того, по какой причине, где, когда, с какой целью она осуществилась, хотя в принципе словоформы с причинным, местным, времененным и целевым значениями... вполне присоединимы: *арендовать из-за безземелья охотничьи угодья, арендовать прошлым летом под Москвой садовый участок, арендовать клуб для проведения собрания*» [Апресян 1974: 120]. См. также аналогичный разбор четырехвалентной структуры значения слов *наказывать, наказание* в [Мельчук 1974а: 134].

Те языковые выражения, которыми заполняются валентности L в предложении, в которое L входит, называются **семантическими актантами** L. Изобразим отношения между партиципантами и семантическими актантами в (1—4) на схемах (1"-4"):

Будем говорить в таких случаях, что партиципанты, например, X, Y, Z, **соответствуют** семантическим актантам, например, *приятели, его и успеху* в (2'').

Глава III. Валентности слова

В ролях семантических актантов могут выступать предикатные слова. Например, партиципантами глагола *хотеть* являются переменные X и P¹, причем P соответствует некоторому предикату (например, *видеть*), который сам обладает партиципантами Y и Z: *X хочет, чтобы Y увидел Z*. Рассмотрим несколько примеров лексем с предикатными валентностями:

предикат	переменные	примеры
удивлять	P удивляет X	<u>то, что он недоволен</u> , удивляет меня
мочь	X может P	он может <u>зайти завтра</u>
разрешать	X разрешает Y-у P	власти разрешили оппозиции <u>проводить митинг</u>
бояться	X боится, что P	я боюсь, <u>что мы не успеем</u>

Другие примеры лексем с предикатными партиципантами: *нужно* (*нужно P* или *X-у нужно P*), *незачем* (*X-у незачем P*); *уверенность* (*уверенность, что P*), *повор* (*(есть) повор P*)\ *поскольку* (*поскольку P, Q*, — где P и Q — два разных предиката), *слишком* (*слишком P, чтобы Q*), а также некоторые идиоматические сочетания вроде: *нет сил* (у *X-а нет сил P*); *руки чешутся* (у *меня руки чешутся P*); *брать в голову* (*X взял себе в голову, что P*); *нож острый* (*X-у (как) нож острый, что P*) и др.

Несравненно реже предикатными валентностями обладают свободные сочетания слов, ни одно из которых по отдельности предикатной валентностью не обладает: (5) *Меня включили в комиссию* заниматься разбором этого дела; (6) *У него хватило ума (деликатности)* не касаться этого вопроса. В (5) ни глагол *включить*, ни существительное *комиссия* по отдельности не обладают предикатной валентностью, которой мог бы соответствовать инфинитивный оборот без союза *чтобы*: **Меня включили заниматься этой проблемой*; * *Комиссия разбираться в причинах аварии* приступила к работе и т. п. Однако сочетание *включать в комиссию* в целом нужной валентностью обладает. Аналогично и в (6) ни существительное *ум*, ни глагол *хватать* по отдельности не обладают валентностью, которая могла бы быть заполнена инфинитивом без союза.

Переменные, соответствующие предикатным словам, обычно обозначаются в толкованиях буквами P и Q.

1. Синтаксическое описание

1.2. Синтаксические валентности и модель управления

Понятие синтаксической валентности уже было введено в главе I 4.4, и здесь достаточно напомнить его определение. Селективный признак, который указывает, что лексема L может иметь в качестве вершины или в качестве зависимого слово W (или составляющую фразовой категории C), называется **синтаксической валентностью L**. Синтаксическая валентность на зависимое называется **активной**, или **внутренней**, а синтаксическая валентность на вершину называется **пассивной**, или **внешней**.

Например, слово *лучше* (наречие в сравнительной степени) обладает пассивной валентностью на глагол *{работает лучше}* и активной валентностью на эталон сравнения, который может быть выражен ИГ в род. п. *{лучше меня}*, либо сравнительным оборотом *{лучше, чем я}*. Глагол *ходит* в личной форме обладает пассивной валентностью на подчинительный союз *{что уходит, хотя уходит}* и активной — на подлежащее в им. п. *{Иван уходит}*. Прилагательное *красивый* обладает пассивной валентностью на существительное *{красивый конверт}* и активной валентностью на наречие *{очень красивый}*.

Симметрия активных и пассивных валентностей, которую можно усмотреть в их определении, является мнимой в том смысле, что затушевывает принципиальное различие между ними. Пассивные синтаксические валентности, как можно было видеть на материале главы I, задаются главным образом частью речи, к которой принадлежит слово, ср. *убил, убийство и убитый*. Активные синтаксические валентности или по крайней мере те из них, которые представляют наибольший интерес, обусловлены лексическим значением слова, ср. различные дополнения, которые могут или не могут присоединять глаголы *умер* и *убил*, *повредил* и *навредил*.

Единицы, заполняющие активные и пассивные синтаксические валентности лексемы, могут либо соответствовать, либо не соответствовать ее партиципантам. Несложно найти примеры на все 4 логически возможных случая такого соответствия или несоответствия (7); слова, заполняющие валентности, подчеркнуты:

Глава III. Валентности слова

(7)

	Соответствует партиципанту	Не соответствует партиципанту
Активная валентность	<u>лучше</u> <u>меня</u> <u>Иван</u> <u>уходит</u> <u>вид</u> <u>на</u>	<u>пишет</u> <u>хорошо</u> <u>очень</u> <u>красивый</u> <u>разговаривают</u> <u>в</u>
Пассивная валентность	<u>пишет</u> <u>хорошо</u> <u>красивый</u> <u>конверт</u> <u>источник</u> <u>шума</u>	<u>Иван</u> <u>уходит</u> <u>разговаривают</u> <u>в</u> <u>что</u> <u>уходит</u>

Про некоторые лексемы известно, что они всегда выступают в роли вершин, или всегда выступают в роли зависимых, или — в терминах составляющих — всегда доминируют определенными фразовыми категориями. Например, глаголы и предлоги нормально являются вершинами; все предлоги, кроме того, еще и обязательно являются зависимыми (по крайней мере в полных предложениях). Всякий артикль является составляющей некоторой ИГ (и всякое существительное тоже) и т. д. Синтаксические валентности, присущие частям речи, называются **категориальными**.

Есть и такие синтаксические валентности, которыми обладают не все слова некоторой части речи, а только некоторые из них (например, только переходные глаголы требуют прямого дополнения; не все предлоги требуют ИГ в предл. п. и т. п.). Такие валентности называются **внутричастичными**, или **субкатегориальными**.

Наиболее важные субкатегориальные валентности, присущие некоторой лексеме, должны быть отражены в словаре в виде ее «синтаксического паспорта» — **модели управления**. Под «наиболее важными» субкатегориальными валентностями лексемы имеются в виду те, которые указывают на наличие и способ выражения ее семантических актантов.

Здесь естественно задать вопрос, какое отношение имеют семантические актанты к синтаксическим валентностям. Важнейшая особенность человеческого языка заключается в том, что семантическая и синтаксическая сочетаемость слов в большой степени согласованы. Это значит, что если у лексемы есть партиципант X, то с очень высокой вероятностью у нее будет и синтаксическая валентность X', заполняемая семантическим актантом, соответствующим X.

Часть 1. Синтаксическое описание

Способ представления синтаксической информации о слове с помощью модели управления, разработанный И.Л. Мельчуком [1974а: 134-140] и Ю.Д. Апресяном [1974: 133—156], будет здесь изложен в упрощенном варианте. Рассмотрим в первом приближении модель управления лексемы *показывать*. Толкование одного из ее значений включает три particипанта — X (кто показывает), Y (на что показывает) и Z (кому показывает): *X показывает YZ-у*. В словаре должна содержаться информация о том, какими грамматическими средствами (например, падежами и предлогами) выражаются различия между этими переменными. Должно быть указано, что в активном залоге при глаголе *показывать* X выражается им. п., Y — вин. п., а Z — дат. п. (8). Такая информация — часть грамматического описания лексемы *показывать*:

X	Y	Z
им. п.	вин. п.	дат. п.

Таким образом, модель управления можно представить в виде таблицы типа (8), которая имеет столько столбцов, сколько у слова particипантов. В ее верхней строке сообщается, кому particипанту, т. е. какой переменной, толкования данного слова, соответствует данный столбец. Во второй строке модели управления указывается, какими формальными средствами (предлог, падеж и т. п.) выражается этот particипант. Приведем еще два примера — модели управления глагола *обижаться* (9) и существительного *сообщение* (10):

(9) *X обижается на Y-а за Z; X обижается, что R*

X	Y	Z
им. п.	на + вин. п.	1) за + вин. п. 2) что + придат. предложение

(10) *сообщение X-а про Y-а, что P*

X	Y	P
род. п.	про + вин. п.	что + придат. предложение

В модели управления должно учитываться совпадение либо несовпадение партиципантов у разных предикатов. Например, глагол *намереваться* требует, чтобы совпадали первые партиципанты его самого и того предиката, который заполняет его предикатную валентность, так как в выражении *X намеревается P P* — обязательно действие самого X-а.

Одно слово может иметь несколько моделей управления. Они либо соответствуют его разным значениям, например, (11) а. *сложить три и пять*; б. *сложить костер из дров*; в. *сложить белье в шкаф* [Падучева 1998: 87], либо свободно варьируют при одном и том же значении, например, (12) *Он колотил себя кулаком по груди \| в грудь* [Мельчук 1974а: 137].

Если у лексемы обнаруживается более одной модели управления, причем в разных моделях партиципанты соответствуют разным членам предложения, например, *Он намазал масло на хлеб* и *Он намазал хлеб маслом*, говорят, что модели различаются друг от друга диатезой (о диатезах подробнее см. в главе VIII).

ЗАДАНИЕ 1. Постройте модели управления для следующих предикатов:

гордиться
гордый
ехать
заместитель
превращать
раньше
спасение
угрожать
чудиться

Модель управления не обязана включать, кроме субкатегориальных, еще и категориальные признаки лексем. Например, лексема *показывать*, будучи глаголом, способна быть зависимым подчинительного союза (*чтобы показывать*). Однако, поскольку это общее свойство всех глаголов, в модели управления оно не отражается. Таким образом, в модели управления имеет смысл отражать не все синтаксические валентности слова, а только их часть; при этом обязательно должны быть отражены те валентности, которые являются активными, субкатегориальными и соответствуют семантическим актантам.

Отражать категориальные признаки в моделях управления неинтересно: если слово является глаголом, то отсюда

следует, что у него есть активная валентность на обстоятельство; если слово является прилагательным, то это значит, что у него есть активная валентность на наречие и т. д. Субкатегориальные признаки, наоборот, важны для характеристики именно данной лексемы, а не части речи в целом: они указывают, например, присоединяет ли данный глагол прямое дополнение (т. е. является ли он переходным), присоединяет ли косвенное дополнение и если да, то какое и т. п.

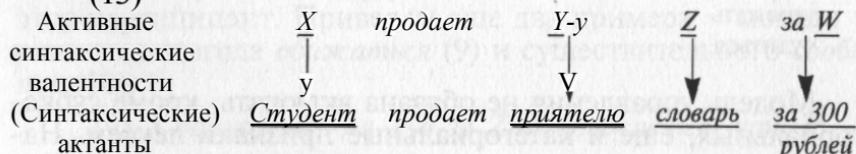
Модели управления отражают важную особенность семантической структуры предикатных слов: если две лексемы L_1

и L_2 близки или совпадают по значению, то отсюда еще не следует, что любому particипанту L_1 будет соответствовать какой-то particипант L_2 . Например, предложения *Я работаю в поле* и *Я обрабатываю поле* близки по смыслу, но *поле* является семантическим актантом только при глаголе *обрабатывать*, а не при глаголе *работать*.

Единица, которая заполняет в предложении, содержащем лексему L , активную синтаксическую валентность L и при этом соответствует некоторой семантической валентности (particипанту) L , называется **синтаксическим актантом** (в дальнейшем — просто **актантом**) L ; единица, которая заполняет активную синтаксическую валентность L , не соответствующую никакой семантической валентности L , называется **сирконстантом** L .

Представим соотношение активных синтаксических валентностей и актантов на примере глагола *продавать*:

(13)

В предложении (14) *Удовлетворенный Остап, хлопая шнурками по ковру, медленно пошел назад* (Ильф и Петров, «Двенадцать стульев») ИГ *Удовлетворенный Остап* и обстоятельство, выраженное наречием *назад* — актанты глагола *пошел*, а обстоятельства *хлопая шнурками по ковру* и *медленно* — его сирконстанты, так как *пошел*, как и всякий глагол, обладает синтаксической валентностью на обстоятельства (которые могут быть выражены наречиями, деепричастными оборотами, придаточными предложениями...), однако

Глава III. Валентности слова

эта синтаксическая валентность не соответствует никакой семантической валентности глагола *пошел*.

Далеко не всегда актанты находятся во взаимно-однозначном соответствии с партиципантами. Например, глагол *промахнуться* [Мельчук 1974а: 134] обычно употребляется без дополнений: **Он промахнулся в окно бутылкой*, **Он промахнулся по зайцу пулей*, **Он промахнулся кулаком мне в лицо*. Однако глагол *промахнуться* обладает тремя или даже четырьмя партиципантами: *промахнуться* означает приблизительно 'А каузирует В (возможно, посредством D) двигаться к С, имея целью каузировать контакт В и С, однако траектория В проходит мимо С' Партиципанты В, С и D обычно не выражаются. В дальнейшем такие партиципанты мы будем называть **нереализуемыми валентностями**.

Некоторые семантические актанты не соответствуют никакой синтаксической валентности из-за того, что не являются ни вершинами, ни зависимыми своих предикатных лексем. Например, в предложении (15) а. *Я изловчился и схватил пса за ошейник* сочиненное предложение *схватил пса за ошейник* является семантическим предикатным актантом, но не синтаксическим актантом глагола *изловчился*; ср. мало приемлемую конструкцию с инфинитивным оборотом б. ?? *Я изловчился схватить пса за ошейник* [Богуславский 1996: 28—29]. В предложении (16) *Сначала думай, а потом говори!* второе из сочиненных предложений является семантическим, но не синтаксическим актантом глагола *думать*, потому что значение (16) совсем не буквальное. Оно приблизительно таково: 'Думай о том, что говоришь!' или 'Думай, стоит тебе говорить или нет!'. В предложении (17) *Дома я не удержался бы и заточил бы вас в свинцовую башню* (Е. Шварц, «Обыкновенное чудо») *заточил бы вас в свинцовую башню* — семантический, но не синтаксический актант глагола *удержался* ('не удержался бы от того, чтобы заточить').

Еще один характерный пример несовпадения семантических и синтаксических зависимостей — предложения с так называемым «смешенным» отрицанием:

- (18) а.. *Я их всех не видел* (в значении: 'Я их не всех видел');
- б. франц. *Tout ce qui brille n'est pas or* 'Не все то золото, что блестит', букв. «Все, что блестит, не есть золото»;
- в. англ. */don't often see him* 'Я не часто его вижу'.

Отрицательные частицы во всех трех примерах выступают как зависимые глаголы, однако их семантическими актантами являются не глаголы, а другие слова — со значением 'все' в (18аб), со значением 'часто' в (18в) [Богуславский 1996: 35].

Встречаются и такие синтаксические валентности, которые не соответствуют никакому participle-анту. Они могут заполняться особыми языковыми единицами, имеющими форму (означающее), но не имеющими значения. Таковы, например, «пустышки»(dummy)-подлежащие *it* и безударное *there* в английском языке, *И* во французском, *es* в немецком языке в конструкциях типа англ. *It is raining*, франц. *Il pleut*, нем. *Es regnet* 'Идет дождь' или (19) англ. *There is some paper in the box* 'В коробке есть немногого бумаги'. Глаголы типа англ. *rain* 'идти (о дожде)', 'дождить' вообще не имеют никакого participle-анта, так как глагол исчерпывающим образом обозначает ситуацию, а в предложении (19) participle-антов два, но ни один из них не выражается словом *there*.

2. Ограничение числа participle-антов

Чтобы уточнить понятие participle-анта, рассмотрим следующие примеры:

- (20) Достоевский умер в Петербурге в 1881 г.
- (21) День и ночь сменяются из-за вращения Земли.
- (22) Поезд шел медленно.
- (23) Автомобиль водят, крутят руль и нажимая на педали.
- (24) Он был тогда студентом и изучал физику.
- (25) Несколько экземпляров в тираже оказались браковаными.
- (26) Граф Монте-Кристо отомстил своему врагу. Несчастья, которые он навлек на Вильфора, довели того до сумасшествия.

В соответствии с признаком неустранимости из ситуации, на котором основывалось определение participle-антов, все подчеркнутые фрагменты предложений (20—26) оказываются семантическими актантами лексем *умирать*, *сменяться*, *идти*, *водить*, *студент*, *тираж*, *мстить*. В самом деле, умереть можно только где-то и когда-то (20); это событие локализовано в пространстве и времени и без этих при-

знаков непредставимо. Всякая смена одного явления другим предполагает действующую причину (21). Идти можно только с какой-то скоростью (22). Водить автомобиль или самолет, не приводя в движение руль, штурвал, педали и т. п., невозможно (23), так же как и быть студентом, не имея определенной специальности обучения (24). В английском языке, в отличие от русского, у слова *student* есть даже соответствующий актант (*student of physics* 'студент-физик'). *Тираж* книги состоит из отдельных экземпляров, что непременно должно быть отражено в его толковании (25). Наконец, мстить невозможно, не совершая определенных действий, которые в (26) выражены отдельным предложением.

Ясно, что понятие партнера должно быть каким-то образом сужено. Если этого не будет сделано, то придется, например, одинаково считать семантическими актантами выражения места при глаголах (27) *умирать, разговаривать, цветсти*, с одной стороны, и при глаголах (28) *приходить, лежать, отправлять*, с другой стороны, хотя интуиция нам подсказывает, что в толковании (28) признак места играет некую важную роль, которую он не играет в толковании (27).

Партнёром, очевидно, следует считать не всякого необходимого участника, компонент или признак той ситуации, которая обозначается предикатной лексемой, но лишь те из них, которые имеют в каком-то смысле более важное значение. Можно указать по меньшей мере на два способа ограничения «важных», т. е. партнёрских, параметров обозначаемой ситуации от «неважных».

Первый способ основан на коммуникативном весе партнёра: важным является тот параметр ситуации, значение которого должно быть в норме известно говорящему, если он употребляет предикатную лексему. Чешский лингвист Я. Паневова, развивая некоторые идеи П. Сгалла, предложила выделять **облигаторные** семантические валентности — те, информацию о заполнении которых говорящий не может не иметь. Только такие валентности, значения которых обязательно известны говорящему, могут считаться полноценными партнёрами.

Для определения облигаторных валентностей Паневова предложила т. наз. «тест диалога» [Panovova 1974-1975; 1994].

Возьмем глагол *приходить*, у которого предположительно можно выделить четыре необходимых валентности: *X приходит из A в B в момент времени T*. Допустим, разговаривают два собеседника — А и Б.

Часть 1. Синтаксическое описание

- (29) А: *Мои друзья только что пришли из гостиницы.*
Б: *Куда?*
А: #*Не знаю.*

Ответ А представляется неуместным: в нормальной ситуации нельзя сообщать, что X пришел, не зная значения переменной В, т. е. куда он пришел. Такие грамматически правильные, но неуместные в данной ситуации предложения принято обозначать знаком # («решеткой»).

Проверим таким же образом остальные три переменные:

- (30) А: *Только что пришли ко мне из гостиницы.* Б: *Кто?* А: #*Не знаю.*
(31) А: *Мои друзья только что пришли ко мне.* Б: *Откуда?* А: *Не знаю.*
(32) А: *Мои друзья пришли ко мне.* Б: *Когда?* А: *Не знаю.*

Ответ *Не знаю*, естественный в контекстах (31-32), звучит в (30) хотя и не так странно, как в (29), но все же не совсем обычно. В результате критерий Паневовой выявляет X и В в качестве облигаторных валентностей глагола *приходить*, а А и Т определяет как необлигаторные валентности, поскольку говорящий, употребляя глагол, может не знать их значений. Паневова считает, что «обнаружение хотя бы одной ситуации, в которой ответ *Я не знаю* на вопрос о гипотетическом семантически облигаторном партиципанте правомерен, достаточно для того, чтобы опровергнуть гипотезу его облигаторности» [Паневова 1978: 62].

См. также следующие примеры:

- (33) а. А: *Они мне помогли.* Б: *В чём?* А: #*Не знаю;*
б. А: *Они мне помогли.* Б: *С какой целью?* А: *Не знаю.* *
- (34) а. А: *Ответьте им.* Б.: *На что?* А: #*Не знаю;*
б. А: *Ответьте им.* Б.: *Что?* А: *Не знаю.*

Из (34) видно, что содержание ответа не является облигаторной валентностью глагола *ответить*, несмотря на то, что соответствующее выражение присоединяется типично актантным союзом *что* (*ответил, что не придет*).

Недостаток «теста диалога» заключается в том, что знание или не знание говорящим каких-то фрагментов ситуации, о которой он говорит, определяется множеством трудно учитываемых и притом не только лингвистических факторов. Я. Паневова сама указывает, что в некоторых ситуациях тест дает неудовлетворительный результат. Например, если говорящий знает о ситуации с чужих слов (Говорят, что его друзья пришли или Он сказал, что его друзья пришли), то любой партиципант ее может быть ему неизвестен и ответ *Не знаю*, например, в (30) оказывается уместным. Тест неприменим к «абсолютивным» конструкциям²: *Моя дочка хорошо*

² «Абсолютивная конструкция — синтаксическая конструкция с опущенным главным дополнением глагола, обычно (но не обязательно) переходного, в которой глагол регулярно приобретает дополнительное значение деятельности, занятия и способности и которая поэтому не воспринимается как эл-

Глава III Валентности слова

танцует, Не беспокой его, он читает. Наконец, если один из партиципантов – 1-го лица, критерий по очевидной причине может дать другой результат (А: Я пришел. Б: Откуда! А: # Яе знаю; А: Мой помощник пришел. Б: В чем он тебе помогает⁷. А: #Не знаю и т.п.).

Несмотря на то, что процедура анализа, предложенная Я. Паневовой, далеко не всегда приводит к убедительным результатам, мы сохраним понятие облигаторной валентности, так как оно «позволяет отразить компоненты ситуации, знание которых коммуникантами необходимо для корректного употребления и понимания данной языковой единицы» [Шмелев 1998: 168]. Например, в семантической структуре глагола *быть* локативный участник ситуации ('в месте X') более важен, чем такой же участник в семантической структуре глагола *играть*. «Иными словами, в значение *быть* как бы "встроена" информация о том, что данный глагол "призван" описывать место ситуации (подобно глаголам *происходить*, *находиться* и т. п.), тогда как глагол *играть* "призван" сообщать в первую очередь о том, кто и во что играет, локативный же участник имеет малый коммуникативный "вес" в структуре этого глагола... Таким образом, скорее следует говорить не о семантической обязательности/необязательности, а о коммуникативной существенности/несущественности актантов и сирконстантов соответственно, закрепленной в семантике предиката» [Филипенко 1998: 135—136].

Второй способ выделения «истинных» партиципантов основывается на предположении, что партиципанты, в отличие от не-партиципантов, имеют значение для грамматики. Ясно, что, например, «партиципант» в (26) не вступает ни в какое грамматическое отношение со своим «предикатом», а в примерах (24—25) такое отношение хотя и имеет место, но является опосредованным.

В чем именно можно усмотреть грамматическое значение партиципантов? Допустим, что партиципантом является только та валентность, которая выражается синтаксическим актантом. Чтобы при этом не возник круг в определении (так как синтаксический актант определяется через понятие партиципанта), было бы желательно найти какие-то грамматические признаки, которые в идеале отличали бы все ак-

литическая (неполная). Ср. Раньше он занимался литературным переводом, а в последнее время стал писать сам (не сказано, что именно он пишет, указан только род новой для него литературной деятельности)» [Апресян 2000а: xix].

танты от всех не-актантов. Если такие признаки будут найдены, можно будет считать, что particипантами являются только те валентности, которые обнаруживают грамматические признаки актантов:

(35)

<i>Мои друзья</i>	<i>пришли</i>	<i>ко мне</i>	<i>из гостиницы</i>	<i>в пять часов,</i>	<i>чтобы узнать новости</i>
партиципант	партиципант	не-партиципанты			
Грамматические признаки актантов есть			Грамматических признаков актантов нет		

Недостатком такого способа определения particипантов будет то, что в их число не войдут нереализуемые валентности. К поиску грамматических свойств актантов, т. е. выяснению того, как семантические валентности «проецируются» в грамматику, мы обратимся в п. 4.

3. Обязательность, факультативность, нереализуемость

Синтаксические валентности существенно отличаются друг от друга по степени обязательности реализации в предложении. Есть много разнообразных факторов, которые влияют на обязательность выражения валентностей. Например, почти любая валентность может остаться невыраженной в результате эллиптического сокращения. **Эллиптическим сокращением**, или **эллипсисом**, называется сокращение повторяющейся части в одном или нескольких предложениях в связном тексте или в диалоге, например: (36) *Иван вошел и Иван поздоровался* -> *Иван вошел и поздоровался*; (37) *Этот тюльпан расцветает раньше других тюльпанов* -> *Этот тюльпан расцветает раньше других*; (38) *Саша купил гвозди!* — Да, *Саша купил гвозди* -> *Да, купил*. В принципе эллипсису может подвергаться любой элемент предложения. Например, в английском языке подлежащее выражается обязательно, ср. (39) а. *He came in* 'Он вошел' при невозможности б. **Came in*; ср. русск. *Вошел*. Однако при эллипсисе (39б) становится допустимым: (40) *He opened*

the door and ____ came in 'Он открыл дверь и вошел'. Поэтому, прежде чем приступать к обсуждению обязательности выражения синтаксических валентностей, необходимо исключить из рассмотрения все случаи эллипсиса.

Чтобы более точно охарактеризовать класс случаев, которые дальше не рассматриваются, можно ввести вспомогательное понятие эллиптического контекста. Эллиптическим контекстом для лексемы L относительно ее актанта X можно называть контекст, который содержит выражение, не являющееся актантом L, но совпадающее с X или близкое к нему по форме и значению. Всякий контекст для L, который не является эллиптическим относительно какого-либо актанта L, будем называть **неэллиптическим**.

Примерами эллиптических контекстов для слова *заболел* относительно его актанта *Иван* являются:

- (41) *Иван* простудился и ____;
- (42) Что с *Иваном!* ____;
- (43) Я слышал про *Ивана*, что ____.

(41) является эллиптическим контекстом для *заболел*, потому что содержит выражение *Иван*, совпадающее по форме и значению с подлежащим при сказуемом *заболел* в (44) *Иван* заболел. (42) — также эллиптический контекст для *заболел*, потому что содержит словоформу *Иваном*, близкую по форме и значению подлежащему *Иван* в (44), хотя и не полностью совпадающую с ним. Эллиптическим контекстом для *заболел* является и (43), так как (43) содержит словоформу *Ивана*, также близкую по форме и значению к подлежащему в (44). В эллиптических контекстах часто (хотя и не всегда) происходит эллипсис.

В зависимости от правил, действующих в том или ином языке, в эллиптическом контексте может оказаться необходимой замена X при L на местоимение или его эллиптическое сокращение. Так, в русском языке контекст (41) в норме требует эллиптического сокращения: (41') *Иван* простудился и (? *Иван*) заболел, контекст (42) не требует, но допускает его: (42') - Что с *Иваном!* — {*Иван*} заболел; а контекст (43) допускает лишь замену на местоимение: (43') Я слышал про *Ивана*, что *{он} заболел.

В английском языке в контексте типа (41) сокращение обязательно (41") *John* caught cold and (**John*) got sick, но невозможно в контекстах типа (42-43): (42") What happened to *John*? - He got sick; (43") I heard about *John* that he got sick.

В грузинском языке сокращение почти обязательно в первом случае и допустимо (наряду с местоимением) во втором и в третьем: (4Г") *vano gacivda da avad gaxda* 'Вано простудился и заболел (букв, больным стал)'; (42'') *vanos ra mouvidal* — (is) *avad gaxda* 'С-Вано что случилось? — (Он) заболел'; (43'') *vanos sesaxeb gavige, rom* (is) *avad gaxda* 'О Вано я узнал (букв. Вано о узнал-я), что (он) заболел'.

В неэллиптических контекстах синтаксические валентности могут быть **обязательными** (тогда незаполнение их ак-

Часть 1. Синтаксическое описание

тантами влечет грамматическую неправильность), либо **необязательными** (= **факультативными**), если их заполнение или незаполнение не влияют на правильность предложения. О нереализуемых валентностях говорилось выше: их заполнение делает предложение неправильным.

В русском языке актанты часто факультативны. Например, у глагола *рисовать* четыре синтаксических валентности, из которых только валентность на подлежащее у глагола в личной форме в неэллиптическом контексте обязана быть заполненной актантом: (45) а. *Саша рисует мелом картинки на доске* и б. *Саша рисует*. Хотя и редко, но в неэллиптическом употреблении возможно в. *Рисует* (например, когда говорящий показывает на человека, занятого рисованием); однако, как будет показано в главе V п. 3, в (45в) и подобных ему предложениях все-таки, по-видимому, есть основания выделять подлежащее, хотя и нулевое (лишенное внешнего выражения). В английском языке актанты, выраженные подлежащими (46б) и прямыми дополнениями (46в), обычно обязательны: (46) а. *John sent the letter* 'Джон послал письмо', б. **Sent the letter*, в. **John sent*.

ЗАДАНИЕ 2. Определите облигаторные и нереализуемые семантические валентности у следующих предикатов:

вдова
вдовец
власть
иностранец
ненавидеть
овдоветь
раздражаться
родственник
соотечественник
уезжать

•

Как средства выражения синтаксических валентностей, подлежащее и прямое дополнение обычно более обязательны, чем дополнение с инструментальным значением или обстоятельство места, а обстоятельства времени и причины еще менее обязательны. Валентность с одним и тем же содержанием может быть обязательной при одном слове и факультативной при другом [Апресян 1974: 149]. Например, валентность на прямое дополнение при глаголе *читать* фа-

культуртивна, а при глаголе *изучать* — обязательна. Ср. также (47) *Под впечатлением от симфонии я захотел больше узнать а. о ее авторе; б. об авторе; в. о ее создателе; г. *о создателе.* Синонимы *автор* и *создатель* различаются факультативностью (47аб) и обязательностью (47вг) одной и той же валентности [там же].

У некоторых слов наблюдается явление квазиобязательности валентностей, когда из двух или более валентностей обязательно должна быть реализована, по крайней мере, одна (неважно какая). Например, «глагол *проводить* в значении 'определенным образом использовать свое время, находясь в определенном месте' имеет четыре семантических валентности: субъекта, срока (*проводить год, лето, целый день*), места (*в Ницце, в деревне*) и способа (*весело, вместе, за шитьем...*). Валентности места и способа факультативны, но одна из них должна быть непременно реализована: *Они провели вечер очень весело, Мои дети провели лето в деревне, но не *Они провели вечер, *Мои дети провели лето*» [Апресян 1974: 150].

Как правило, не могут одновременно выражаться валентности, совпадающие по морфологической реализации, например, род. п. субъекта и род. п. объекта (**исполнение арии Шаляпина*), твор. п. субъекта, объекта, инструмента и средства (**натирать щеткой воском, *прибивать молотком гвоздями, *править лодкой рулем*) и т. п. Есть и менее регулярные запреты на совместное выражение, например, *? вина за катастрофу перед коллективом* при допустимости *вина за катастрофу и вина перед коллективом* [Апресян 1974: 151].

Обязательная валентность может быть **не выражена**, если ее значение выводится «из ситуации», т. е. из знаний, общих для говорящего и адресата, либо **устранина**, если лексема выступает в таком значении, при котором данная валентность несущественна, ср. *Уже прочитал* (в ответ на протянутую газету; валентность не выражена); но *Он рано научился читать* (валентность на прямое дополнение устранена); *Он поехал к бабушке*, т. е. 'к своей бабушке' или, может быть, 'к моей бабушке', — значение валентности выводится из контекста; ср. *Я уже бабушка*, т. е. 'женщина, имеющая внуков', — синтаксическая валентность устранена. Ср. также (48) *вдова X-а* 'женщина, которая была женой X-а, когда X умер' и просто (49) *вдова* 'женщина, у которой умер муж' [Шмелев 1998: 167, 173].

Нереализуемые семантические валентности характерны, например, для предикатных партиципантов некоторых глаголов, обозначающих ситуации человеческих взаимоотношений. В значение глагола *заступаться* (*X заступается за*

Часть 1. Синтаксическое описание

Y-a перед Z-ом) входит понятие некоего ущерба, который Z наносит, собирается нанести или не препятствует нанести Y-у и который X пытается прекратить или предотвратить. Соответственно, действие, наносящее ущерб Y-у, является предикатным партиципантом *заступаться*, однако не соответствует никакому его актанту. У глагола *миловать* {X милует Y-a) точно так же не выражается с помощью актанта то наказание, которое наложено на Y-а (**помиловал от смертной казни*).

В значение глагола *обанкротиться* и существительных *банкротство, банкрот* также входит упоминание «скрытого» партиципанта — кредиторов или вкладчиков, интересы которых затронуты банкротством; если этого партиципанта нет, то вместо значения глагола *обанкротиться* перед нами значение глагола *разориться*. Однако никакой синтаксической валентности этот партиципант не соответствует.

ЗАДАНИЕ 3. Определите, какие слова из нижеследующего списка имеют нереализуемые семантические валентности:

воровать
вымогать
грабить
завязывать
застегнуть
изымать
конфисковать
наследник
обворовывать
развязывать
расстегнуть
сиюта
учащийся
шантажировать
школьник

Синтаксически нереализуемая валентность может быть как облигаторной, так и не облигаторной. Например, при слове *школьник* имеется партиципант со значением места ('учится в X'), который не может быть выражен актантом (**школьник 138-й школы, ср.: учащийся 138-й школы*). Эта валентность не облигаторна (*Витя — школьник, но я не знаю, где он учится*). Однако нереализуемая валентность при слове *иностранец* (**мой иностранец* в значении 'житель не моей страны', ср. (50) *мой соотечественник; *иностранец для Рос-*

ции || Китая...) тем не менее облигаторна (*#Он иностранец, но я не знаю, для жителей какой страны*). Проще говоря, если мы употребляем слово *иностранец*, мы знаем, для жителей какой страны человек, обозначаемый этим словом, является иностранцем. Это обычно страна, в которой происходят соподчаемые события. Однако соответствующая облигаторная валентность не может быть выражена как актант [Шмелев 1998: 169].

Не только слова *иностранец* и *соотечественник*, но и многие другие пары существительных, близких по семантике, различаются реализуемостью или нереализуемостью своих партиципантов: учитель немецкого языка, но *ученик немецкого языка; его единоверец, но *его иноверец; он выделялся своим умом среди сверстников, но он отличался большими способностями? среди [(*из своих сверстников; вдова писателя, но *вдовец писательницы (пример Т.В. Булыгиной), откуда видно, что слово *вдовец* не имеет значения, аналогичного значению (48) слова *вдова* [Плунгян, Рахилина 1998: ПО, 114—115; Шмелев 1998: 174—176]. Нереализуемость партиципантов характерна для глаголов с отрицательным значением,ср.: попасть в мишень, но ?промахнуться по мишеню; сдать экзамен преподавателю, но ?провалить экзамен преподавателю; высказался на эту тему, но ?промолчал на эту тему; за^ бинтовывать руку хирургическим бинтом, но разбинтовывать руку (*от хирургического бинта) [Апресян 1974: 147; Падучева 1998: 92].

Разновидностью нереализуемой валентности можно считать **инкорпорированный** [Бирюлин 1984; Кацнельсон 1987; Jackendoff 19906], или **фиксированный** [Рахилина 1990: 100-101], **актант**. В этом случае значение переменной, соответствующей некоторому партиципанту, заполнено в лексическом значении слова. Как пишет С.Д. Кацнельсон, «глаголы типа *переплести*, *покрасить*, *подковать* и т. п. с первого взгляда кажутся нам двухместными глаголами... В действительности, однако, действия, выраженные такими глаголами, трехместные, и если мы этого сразу не замечаем, то только потому что одно из глагольных мест запрятано в значение глагола и непосредственного выражения, как правило, не находит. Ср., с одной стороны, *переплести книгу*, *покрасить крышу*, *подковать лошадь* и т. п., и с другой стороны, *вклеить в книгу рисунки*, *покрыть дом шифером*, *набить на туфли подковки* и т. п. ... Глаголы оснащения или оборудо-

вания являются в принципе трехместными глаголами с местом для действующего лица, оснащенного предметом и средства оснащения. В двухместных глаголах типа *переплести книгу* или *подковать лошадь* и т. д. на поверхности мы сталкиваемся с нехваткой одного места, обусловленной тем, что данное место поглощено глагольным значением и неявно содержится в нем. *Подковать* значит 'подбить подкову', *переплести* — 'сшить и снабдить переплетом', *покрасить* — 'нанести слой краски на поверхность' и т. д.» [Кацнельсон 1987: 24—25]. «Гореть можно только огнем, плакать — только слезами, поцеловать — только губами, подмигнуть только глазом» [Падучева 1998: 90]. Такие «инкорпорированные участники» при необходимости выходят на поверхность: *плачут горючими слезами* или *Простым глазом мы можем увидеть около б тысяч звезд* (Зощенко, «Возвращенная молодость») [там же].

Все глаголы, обозначающие перемещение в пространстве, имеют семантическую валентность на начальную и конечную точку перемещения. Глагол *класть* обозначает такое перемещение объекта, при котором он в начальной точке перемещения находится в руках деятеля, поэтому валентность на начальную точку представляется при нем фиксированный актант: естественен вопрос *Куда положил!*, но не **Откуда положил?* [Плунгян, Рахилина 1998: 115].

Иногда переменная в толковании, соответствующая фиксированному актанту, связывается квантором. Так, при глаголе *чинить* не выражается particипант, обозначающий устранимое повреждение: ?*чинить машину от поломки* (при возможности лечить больного от ангины или избавить общество от своего присутствия), так как «действие 'чинить' предполагает устранение всех имеющихся у данного артефакта повреждений». По той же причине неграмматично **грузчик пианино*, так как в лексическом значении слова *грузчик* содержится указание на то, что он грузит любые предназначенные для погрузки предметы [там же].

4. Актанты и сирконстанты

4.1. Краткий обзор

Рассмотрим некоторые наиболее типичные разновидности актантов и сирконстантов. В терминах членов предложения можно сказать, что актанты выступают обычно как подлежащие, дополнения и редко — как обстоятельства или определения; сирконстанты почти всегда — обстоятельства либо определения.

В роли подлежащих и дополнений могут выступать различные фразовые категории. Наиболее часто они выражаются именными группами ([_{иг} *Этот участник соревнований*] *получил* [_{иг} *хорошие результаты*]), но в функции, близкой к подлежащему и дополнениям, могут выступать и предложные группы ([_{пг} *В лесу*] *тихо*), и придаточные предложения (*Что он глуп*, известно; *Скажи, что хочешь*), и инфинитивные обороты (*[Много говорить о себе] считается неприличным, Приказано [немедленно отходить]*).

Некоторые лексемы включают в число своих партипантов признак оценки, и их актантом может выступать обстоятельство: *поступать хорошо; отзываться уважительно, с похвалой*.

Инфинитивные обороты в основном употребляются для выражения актантов, соответствующих элементарному предложению (= клаузе; об этом понятии см. в главе IV). Такие актанты называются **сентенциальными**. Однако целевой инфинитив обычно является сирконстантом, так как переменная со значением цели не входит в лексическое значение предикатов: *пришел поговорить, отправились погулять*. В русском языке, впрочем, бессоюзный инфинитив в целевом значении употребляется главным образом с глаголами движения, «а также при глаголах, выраждающих отказ от перемещения или прекращение движения (*задержался, остался, остановился и под.*)» [Скобликова 1979: 87]; с другими глаголами в этой роли чаще выступает другая, более обычная конструкция целевого инфинитива с союзом чтобы: *работает, чтобы заработать* (*П*работает заработать*), задает вопросы, чтобы подловить на ошибке (*//*задает вопросы подловить*). Эта конструкция не употребляется в функции актанта: *желание, чтобы быть полезным, *обещаю, чтобы вести себя хорошо*.

Часть 1. Синтаксическое описание

Глаголы (и другие предикатные слова), в модель управления которых входят сентенциальные актанты, называются **матричными** предикатами. В различных языках они выражают приблизительно один и тот же круг значений. Это, во-первых, модальные предикаты (*нужно, можно, быть обязанным, хотеть*), глаголы ментальной деятельности (*думать, знать, верить, быть согласным*), глаголы речевой деятельности (*говорить, сказать, сообщать*), глаголы восприятия (*слышать, видеть, понимать*), эмотивные глаголы (*любить, ненавидеть, бояться*), фазовые глаголы (*начинать, кончать, продолжать, переставать*), каузативные глаголы (*заставлять, понуждать, просить*), эпистемические предикаты (*казаться, оказываться, вероятно, очевидно*) и некоторые другие.

Сентенциальные актанты выражаются придаточными предложениями (51) *Знаю, [что он пришел]*; придложными группами (52) *Знаю [о его приходе]*, именными группами (53) *[Твое присутствие] необходимо*, инфинитивными оборотами (примеры см. выше). Предложения, выражющие сентенциальные актанты типа *что он пришел* в (51), называются в русской грамматической традиции «придаточными изъяснительными». ИГ в роли сентенциального актанта обычно имеет в качестве вершины существительное, производное от глагола. Такая конструкция, например (52 \leftarrow 3), называется **номинализованной конструкцией**, или **номинал и зацией**.

Актанты существительных выражаются либо теми же средствами, что и актанты глаголов (*напомнил [о звонке] — напоминание [о звонке]*), либо с помощью посессивных определений (*[Саша] напомнил — [Сашино] напоминание, сын [Ивана Ивановича], [мой] друг*).

Сирконстанты выражают «обстоятельства, в которых развертывается действие» [Теньер 1988 (1959): 138]. Сирконстанты — зависимые глагола или прилагательного — выражаются обычно наречными группами (*немного приболел — немного недовольный*) или придложными группами (*работает в кабинете*). Именные группы также могут выступать в роли сирконстантов глагола, например, в русском языке в этой функции часто используются ИГ в твор. п. (*победил нечестным приемом, хлынул неудержимым потоком*).

Сирконстанты — зависимые существительного выражаются прилагательными (*фиолетовые цветы*) либо несогласо-

Глава III. Валентности слова

ванными (посессивными) определениями *{цветы Мариньи}*, либо теми же способами, что и зависимые глагола *{ткань в цветочек, зверь о двух головах, хвост трубой}**.

4.2. Предполагаемые различия

На основе того, что мы уже знаем об актантах и сирконстантах, можно сделать некоторые предположения о различиях их свойств, а затем проверить, насколько эти предположения подтверждаются фактами.

Во-первых, можно ожидать, что

(54) сирконстанты, в отличие от актантов, необязательны; актанты могут быть обязательными или факультативными.

Обязательность появления языковой единицы X при единице Y связана обычно с тем, что Y — неполное выражение, которое становится полным, присоединяя к себе X. Именно таково, в частности, отношение актанта X к предикату Y, семантическую валентность которого он заполняет. Всякий обязательный элемент в языке является в каком-то смысле «восполняющим», хотя Обратное, как мы видели, неверно. Сирконстант не является «восполняющим» элементом, следовательно, можно предположить, что он факультативен. Предположение (54) подтверждается фактами: факультативность — свойство большинства сирконстантов, хотя есть и исключения: У него *{серые} глаза; гранаты *{не той} системы; см. также [Храковский 1998].

Во-вторых, очевидно, что ограниченная сочетаемость актантов с предикатами обусловлена главным образом семантическими валентностями предикатов. Поскольку сирконстанты таких валентностей не заполняют, естественно предположить, что

(55) сирконстанты свободно присоединяются к любому или почти к любому предикатному слову.

Это предположение, однако, оказывается неверным. Ограничения на сочетаемость языковых единиц отнюдь не сводятся к моделям управления. Комбинируя разные сирконстанты с разными предикатами, легко можно обнаружить

Л. Теньер выделял актанты и сирконстанты только у глаголов. Зависимые существительных он называл «атрибутивными определениями» (epithetes) [Теньер 1988 (1959): 157-170].

жить неграмматичные примеры, возникающие в результате нарушения правил семантической сочетаемости:

- (56) а. *Он работает в саду.*
б. *Он работает настойчиво.*
в. **Он работает мимо сада.*
г. *Он работает повсюду.*
- (57) а. *Он спит в саду.*
б. **Он спит настойчиво.*
в. **Он спит мимо сада.*
г. *Он спит повсюду.*
- (58) а. *Он бежит в саду.*
б. ?? *Он бежит настойчиво.*
в. *Он бежит мимо сада.*
г. **Он бежит повсюду.*

Селективные ограничения, накладываемые глаголами *работать* (56), *спать* (57) и *бежать* (58), не исчерпываются их моделями управления. Так, сирконстант *настойчиво* плохо сочетается с глаголами, не обозначающими неоднократного волевого усилия с целью достичь успеха (57б-58б); сирконстант *мимо сада*, обозначающий направление движения, не сочетается с глаголами ненаправленного действия (56в) или состояния (57в); глагол направленного действия не сочетается с обобщенным сирконстантом места (58г), ср. то же с глаголом ненаправленного действия: (58д) *Он бегает повсюду*.

(55) неверно даже применительно к глаголам, которые относятся к одному семантическому классу. Так, переходные глаголы действия *писать* и *читать* разрешают при себе эзные наборы сирконстантов: (59) *писать слово в латинице с заглавной буквы || через мягкий знак || курсивом || *про себя *картавя || *нараспев и читать слово про себя || картавя || нараспев || *в латинице || *с заглавной буквы || *через мягкий знак || *курсивом* и т. д. [Плунгян, Рахилина 1998: 118].

Все же среди сирконстантов в самом деле заметны единицы с очень широкой дистрибуцией (т. е. способные сочетаться с большим числом предикатных лексем), для которых (55) отчасти верно. Например, сирконстанты-обстоятельства цели (*чтобы + инфинитивный оборот*) или предназначения (группы с предлогом *для*) способны присоединяться почти ко всем глаголам действия; сирконстанты-обстоятельства времени, места нахождения и причины присоединяются к большинству глаголов.

Глава III. Валентности слова

Есть, правда, классы сирконстантов с особо ограниченной дистрибуцией — настолько ограниченной, что они даже могут рассматриваться вместе с актантами, т. е. быть внесены в модели управления того небольшого числа предикатных слов, с которыми они сочетаются. Ограничены обстоятельства направления (*смотреть в зеркало*) или временного отрезка (*ждать три минуты*). Обстоятельства цели с предлогами *за* и *по* (так же, как и бессоюзные инфинитивные сирконстанты) сочетаются только с глаголами «направленного, ориентированного движения» [Апресян 1974: 125]: *побежать за врачом, отправиться за спичками, прийти за билетами; пойти по грибы, собраться по ягоды*. С этими глаголами сочетаются также группы с предлогом *на* и предикатной ИГ в вин. п. в особом значении, которое подразумевает не только цель, но и участие (в широком смысле): *идти на войну, пр езжать на обед, собираяться на репетицию*. Однако и с глаголами неориентированного действия эта конструкция бывает возможна: *ходить на процедуры, ездить на встречи*. Предлог с подразумевает прекращение участия в тех же ситуациях: *вернуться с войны, уйти с обеда, с репетиции*.

Наблюдаются и индивидуальные случаи, когда сочетаемость сирконстанта настолько избирательна, что он образует устойчивое сочетание со своей вершиной: *нос к носу* обычно выступает с глаголом *столкнуться* или *оказаться* (*столкнулись нос к носу*) и плохо сочетается с другими глаголами (? *стояли нос к носу*, ? *поставил нос к носу*, ? *сидели нос к носу*), *вдребезги* можно только разбить(ся) или быть *пьяным*; *мертвецы* можно быть только *пьяным* или (реже) *бледным*; *стоеросовой* бывает только *дубина*, причем в метафорическом значении ('дурак, турица') и т. д.

Сильно ограничены так называемые «свободные», или «этические», ИГ в дат. п. (*dativus ethicus*): они выражаются только личными местоимениями и возникают только в восклицательных предложениях, чаще всего с выражением угрозы *Ты мне пошуми еще!* или *Я тебе схвачу пирожок!*;ср. нем. *Du ziehst mir nicht das Grine an!* 'Только попробуй надень зеленое!', букв. «Ты не наденешь мне зеленое!»; «Ты у меня не наденешь зеленое!», франц. *he renard sort du puits, laisse son compagnon /Et vous lufait un beau sermon* (La Fontaine) 'Лис вылезает из колодца, оставляет своего товарища и (букв.) читает вам ему нравоучение...'. Сирконстант в дат. п. здесь «обычно интерпретируют, как если бы третий актант был призван в свидетели того, о чем говорят» [Теньер 1988 (1959): 157]. В испанском языке сходную роль выполняет подлежащее в конструкции с глаголом обладания: *Aqui te tienes toda confusa* букв. «Ты меня имеешь здесь совсем растерянной» = 'Вот я здесь в полной растерянности' [Арутюнова 1969: 43].

Наконец, сочетаемостные признаки сирконстанта часто зависят не только от лексических, но и от грамматических признаков управляющего слова. Так, обстоятельства со значением многократности плохо сочетаются с формой совершенного вида (*?много раз написал*); обстоятельства типа *все еще* сочетаются только с формами, обозначающими состояние (*все еще открыт*) или длящееся действие (*все еще открывал*), но не с формами завершенного действия (**все еще открыл*). Есть и такие случаи, когда морфологическая форма требует наличия сирконстанта определенного вида. Например, превентивная (= предупреждающая) форма императива в русском языке, которая выражается совершенным видом (*Не засни! Не заболей!*), невозможна от глаголов контролируемого целенаправленного действия (*?? Не позвони!*), если только при них не возникает сирконстанта, который «гасит» значение контроля: *Ты случайно брату не позвони; Ты по ошибке не подари Ивану эту книгу* [Храковский 1998: 147].

Заметим еще, что подлежащее, будучи бесспорным актантом, проявляет весьма малую избирательность и сочетается почти со всеми глаголами-сказуемыми. Итак, гипотеза (55) не подтверждается фактами: явного различия между актантами и сирконстантами в их сочетаемости с предикатными лексемами обнаружить не удается.

Обратим внимание на то, что в модели управления¹ могут быть указаны (и действительно указываются) формы выражения актантов. Это приводит к двум важным обобщениям, которые мы здесь рассмотрим пока в не очень четких формулировках (60) и (61):

(60) актант X при предикате P оформляется ограниченным числом способов (чаще всего — одним-единственным способом);

(61) выбор способа оформления актанта X при предикате P зависит не только от значения X, но и от P.

Под «способом оформления» имеется в виду, например, падеж, предложная конструкция, вид придаточного предложения и т. д. Нечеткость (60) вызвана тем, что мы не всегда уверены, имеем ли дело с одним или с разными «способами оформления». Например, в примере (62) *Брат надеется а. на [и то, что поступит в университет]; б. ... на [и поступление в университет]; в. поступить в университет; г.... что поступит в университет* [Муравенко 1998: 76—77] способы (62в) — инфинитивный оборот и (62г) — придаточ-

Глава III. Валентности слова

ное — как будто отличаются от (62аб), где налицо ИГ в вин. п., — если только местоимение *то* в (62а) в самом деле возглавляет ИГ. Однако понятие «способ оформления», несомненно, может быть уточнено.

Нечеткость (61) состоит в том, что мы пока не знаем, что можно считать «значением» актанта и в какой мере это значение можно отличить от соответствующей части значения предиката. Эта проблема будет рассмотрена в п. 9.

Если бы (60) было неверно и актант X при Р выражался большим числом средств, модели управления выглядели бы гораздо более громоздкими, чем они есть на самом деле; их компактность обеспечивается именно принципом (60). Если бы был неверен принцип (61), не наблюдалось бы столь многочисленных фактов различного выражения актантов с общим значением, например, инструмента (*рисовать кисточкой, шить на машинке, поливать из лейки,ходить с ферзя*), или аспекта, т. е. области проявления признака (*больше в ширину, хуже по качеству, превосходить в знаниях*), или содержания интеллектуальной деятельности (*думать об отъезде || про отъезд, обдумывать проблему, размышлять над вопросом*) и т. п. [Апресян 1974: 125 и ел.].

Можно ли, опираясь на (60) и (61), обнаружить систематические различия между актантами и сирконстантами? Предположим, что

(63) сирконстант с одним и тем же значением может выражаться многими способами при одном и том же предикате.

Например, русский язык обладает большим выбором средств выражения сирконстанта с причинным значением [Йорданская, Мельчук 1996]. Если нужно выразить ту мысль, что событие 'Андрей пропустил несколько лекций' является следствием события 'Андрей болел', для этого в русском языке есть много способов: *Андрей пропустил несколько лекций, потому что болел || из-за болезни || вследствие болезни || поскольку болел || по причине болезни, || так как болел || из-за того, что болел* и т. д. Сравним разнообразие форм выражения причинного сирконстанта со строго ограниченной формой актантов: в предложении *X пропустил Y* при Данном значении глагола *пропустить* возможна только одна форма X (ИГ в им. п.) и только одна форма Y (ИГ в вин. п.), и оба способа оформления должны быть отражены в модели управления глагола *пропустить*.

Приведем еще примеры синонимии или большой близости значений форм сирконстантов: *работать месяц || в течение месяца'*, *читать ночами || по ночам*; *повторять пятый раз || в пятый раз'*, *приехать обедать || к обеду || на обед'*, *говорить по-русски || на русском языке || русским языком*; *бригада по спасению || спасательная; домик в два окошка || с двумя окошками || о двух окошках* [Шведова (ред.) 1980: 51, 70—71], хотя при детальном семантическом анализе здесь можно найти и довольно существенные различия.

Однако для многих сирконстантов синонимические возможности ограничены или их даже вовсе нет. В самом деле, какие синонимы можно найти, например, для *разговаривали на веранде, родился 6 мая, приду в понедельник, бежит галопом* и др.?

Будет ли верно относительно сирконстантов утверждение, сходное с (61)? По-видимому, нет: если сирконстант с некоторым значением (допустим, времени, места или причины) вообще возможен при некотором предикате, т. е. если их соединение не нарушает селективных ограничений, то форма сирконстанта зависит только от его собственного значения, но не от того, с каким предикатным словом он сочетается. Например, форма сирконстантов в (64) не зависит от того, какому предикату они подчинены:

(64)

Мы гуляли	два дня
выполняли работу	по приказу начальника
отдыхали	у входа
находились там	исполняя песни под гитару
были дежурными	когда услышали эту новость

Сказанное, однако, неверно в том случае, если признать разными «формами» сирконстанта, например, наречие или прилагательное (*хорош-о готовит — хорош-ий повар*), или причастие и деепричастие (*осуждающий взгляд — осуждая, смотрит*). Наречия, как известно, употребляются при глаголах и прилагательных, деепричастия — при глаголах, а прилагательные и причастия определяют существительные. Вообще выбор формы сирконстанта нередко зависит от того, к какой части речи принадлежит вершина. Например, сирконстанты со значением места обычно не меняются при номинализации, а сирконстанты со значением оценки меняются: *ходить по магазинам — хождение по магазинам*, но к

счастью, выздоровел — счастливое выздоровление (*к счастью выздоровление)', по-видимому, прибудет — возможное прибытие (*по-видимому прибытие). Итак:

(65) форма актанта обычно определяется селективными признаками его вершины — предикатного слова, а форма сирконстанта обычно определяется только его собственным значением и той частью речи, к которой принадлежит вершина.

Подчеркнем, что здесь речь идет о выборе формы сирконстанта, а не о возможности/невозможности появления данного сирконстанта при данном предикате, ср. (59).

Другими словами, вершина определяет и наличие, и саму форму актанта, но не форму сирконстанта. Забегая вперед, можно сказать, что между вершиной и сирконстантом отсутствует отношение управления, о котором пойдет речь в главе VII.

Известны, однако, случаи, когда как будто одинаковые по значению сирконстанты при разных предикатах оформляются по-разному. Так, предлог *для* в одном из своих значений вводит в ситуацию участника, который обозначает аудиторию: *петь, играть на рояле для слушателей*. Однако многие глаголы публичной деятельности не сочетаются с *для*, ср. ?*Он читал стихи для целого стадиона, ^жонглировал для полного зала; *прыгнул с вышки для трибун, заполненных зрителями*. В этом примере сирконстант (как кажется, с тем же значением) вводится предлогом *перед* [Плунгян, Рахилина 1998: 117]. На первый взгляд форма выражения сирконстанта GO значением аудитории выбирается в зависимости от глагола. Однако *для* и *перед* не исключают друг друга: *Он пел для жюри перед публикой*, из чего ясно, что значения этих двух сирконстантов все-таки не совпадают (ср. *Он пел для публики перед жюри*), и, следовательно, они могут получить разное оформление, не нарушая принципа (65).

Важно, что обобщения (60), (61), (63) и (65) следуют из наблюдаемых фактов, но не из самих определений актантов и сирконстантов.

5. Адъекты

Рассмотрим предложения (66) а. Конференция начнется завтра утром в 10 часов и б. Конференция состоится в Москве на факультете лингвистики РГГУ и попытаемся понять,

какие имеются актанты у глаголов *начнется* и *состоится*, кроме подлежащего *конференция*. По-видимому, актантом *начнется* является обозначение времени, а актантом *состоится* — обозначение места; каждый из этих двух семантических параметров неотделим от значения соответствующего глагола. Как тогда объяснить наличие трех актантов с одинаковым значением времени в (66a) — *завтра, утром* и в *10 часов* и двух актантов со значением места в (66b) — *в Москве* и *на факультете лингвистики РГГУ*? До сих пор мы не сталкивались с таким двойным или тройным заполнением семантических валентностей. Можно предположить, что в каждом из предложений (ббаб) перед нами не несколько актантов, а по одному актанту сложной структуры. Однако это не объясняет, почему, например, можно задать вопрос к одному из них: (67) а. *Когда завтра начинается конференция?*; б. *В котором часу завтра утром начинается конференция?*; (68) *Где в Москве состоится конференция?* при полной невозможности таких вопросов в случае с обычными актантами: (69) **Что состоится на факультете лингвистики конференция?* Очевидно, какие-то единицы занимают промежуточное положение между актантами и сирконстантами.

Данный класс единиц был впервые охарактеризован В.А. Белошапковой [1974: 84—87], которая отмечала, что в случаях типа (66) имеет место «непредсказуемое [т. е. не определяющее форму зависимого — Я. Г.], но обязательное управление», и впоследствии Е.Н. Ширяевым [Крылова и др. 1997: 19]. Наиболее полную характеристику этому явлению дает французский исследователь Ж. Лазар [Lazard 1994; 1998ab]. Лазар подразделяет зависимые предикатов («термы», как он их называет) на «управляемые» (regis) и обязательные (requis), причем управляемым называется зависимое, форма которого (падеж, предлог, позиция...) определяется предикатом и которое может быть выражено при своем предикате ровно один раз (т. е. не может быть еще одного несочиненного зависимого, выражающего то же значение при том же предикате). Актанты, по наблюдению Лазара (он определяет их в общем так же, как и мы здесь), всегда управляемы. Актант может быть обязательным, например, французский глагол *rencontrer* 'встречать' имеет при себе обязательный актант — прямое дополнение: *rencontrer un ami* 'встретить друга', или необязательным, например, прямое дополнение при глаголе *manger* 'есть, кушать'. Зависимые,

которые не являются ни обязательными, ни управляемыми, Лазар называет сирконстантами.

Наибольший интерес в классификации Лазара предстает тот небольшой класс случаев, когда зависимое соответствует партиципанту вершины, но последняя не определяет его форму. Это обязательные, но неуправляемые зависимые — те, которые могут выражаться при одном и том же предикате более одного раза несочиненными составляющими. Например, глагол *habiter* 'жить, проживать' требует, по крайней мере, одного актанта в виде обстоятельства места, но таких актантов может быть и более одного, причем в разной форме: *il habite en ville chez ses parents* 'он проживает в городе у своих родителей'. Такие единицы Лазар вслед за Ж. Фёйе [Feillet 1980: 26] называет асьектами (*adjects*), см. (70).

Единиц, которые были бы асьектами по Лазару, в русском языке очень мало, так как в нем всего несколько слов с синтаксически обязательной обстоятельственной валентностью типа *проживать, обитать, селиться*. Расширим понятие асьекта и будем так называть неуправляемые зависимые, выражающие семантически (а не синтаксически, как у Лазара) обязательную (= облигаторную) валентность.

При таком понимании, например, глагол *появляться* присоединяет асьекты со значением места, но не времени, так как при нем облигаторна только валентность места: *Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина* (Булгаков, «Мастер и Маргарита»). Асьектами могут быть также обстоятельства времени (*спектакль начинается в понедельник в пять часов*) и, может быть, обстоятельства со значением оценки (*тепло отзвался о моей работе в самых лестных выражениях; отнесся сочувственно с пониманием*).

(70) Классификация зависимых («термов») по Ж. Лазару:

	Управляемые (актанты)	Неуправляемые
Обязательные	<i>встречаю друга</i>	астьекты: <i>проживаю в городе</i>
Необязательные	<i>стираю (белье)</i>	сирконстанты: <i>встречаю (в городе)</i>

6. Зависимые предложения в роли актантов и сирконстантов

Предварительный вопрос

Объясните, на каком факте русской грамматики основан эффект советского анекдота 1930-х годов:

— Конечно, Зиновьев сам сознался, что он шпион и диверсант, но все-таки — старый большевик... Может быть, подумаем, прежде чем его расстреливать, товарищ Сталин!

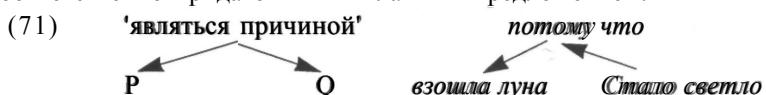
- Именно так мы и поступим, товарищ Ягода. Сначала — подумаем, а потом — расстреляем.

По своей внутренней структуре актанты принципиально не отличаются от сирконстантов: и те и другие могут быть именными группами, предложными группами, придаточными предложениями, группами прилагательного и т. д. Тем не менее, по-видимому, существуют некоторые явные или скрытые грамматические признаки, отличающие первые от вторых.

Эти различия достаточно очевидны среди русских придаточных предложений и зависимых неличных оборотов (инфinitивного, причастного и деепричастного); все эти единицы называются **зависимыми клузами**. Одна группа союзов оформляет изъяснительные (т. е. актантные) придаточные предложения: *что, будто, как, чтобы* употребляются в основном с сентенциальными актантами при матричных глаголах {*Думаю, что уже поздно; Хочу, чтобы ты остался*} и других предикатных словах {*Ну вот! великая [иг беда, Что выпьет лишнее мужчина]*} (Грибоедов); *Прошли [иг слухи, будто он продает квартиру]*.

Другими союзами (*как, когда, пока, если* и др.) обычно возглавляются сентенциальные сирконстанты.

Сентенциальные сирконстанты и вводящие их союзы, как и всякие сирконстанты, не заполняют никаких семантических валентностей предикатных слов. Сирконстантный союз сам привносит значение некоторого семантического предиката, валентностями которого являются значения главного и придаточного предложений. Например, союз *потому что*, вводящий придаточное причины, соответствует семантическому предикату 'Р является причиной Q', где Р и Q — семантические предикаты, выражаемые соответственно придаточным и главным предложением:

Глава III. Валентности слова

Таким образом, семантическая структура сложноподчиненных клауз с сентенциальным сирконстантом не соответствует их синтаксической структуре [Подлесская 1993: 36—37]. Семантически главным в таких предложениях является союз, а главное и придаточное предложения заполняют две его валентности. Синтаксическая же структура предложения не отличается от структуры предложения с сентенциальным актантом: и в том, и в другом случае придаточное предложение вложено в главное. Похожие двухвалентные предикаты лежат в основе других сирконстантных союзов. Например, одно из значений союза *как только* — 'Р имеет место сразу после завершения Q', где Р выражается главным, а Q — придаточным предложением: *Как только рассвело, я проснулся*.

Подобная асимметрия между семантической и синтаксической структурами наблюдается у всех сирконстантов. Например, сирконстанты со значением места предполагают семантический предикат 'быть местом', одну валентность которого заполняет сирконстант предикатного слова, а вторую — само это слово. Из определения актантов и сирконстантов следует, что если X — зависимое Y-а, то либо а) X — сирконстант Y-а, либо б) X — актант Y-а. При этом наиболее распространенной является ситуация, когда при а) Y соответствует participle семантического предиката, выраженного в X-е. Например, в словосочетании *работали до трех часов* сказуемое *работали* соответствует participle семантического предиката 'локализоваться во времени раньше T', который содержится в значении ПрГ *до трех часов*, причем значение *трех часов* заполняет переменную T.

Придаточное предложение может быть и сирконстантом, зависящим от существительного (определенением), т. е. относительной клаузой. В таком случае употребляются **союзные слова**, выполняющие одновременно функции союза и члена предложения: *Вот [и] дом, в котором я живу*; *Сей шкипер был [и] тот шкипер славный, /Кем наша движнушась земля/* (Пушкин); *[и] Деревня, где скучал Евгений*, */Была прелестный уголок/* (Пушкин).

Таким образом, союзы и союзные слова довольно ясно прочерчивают границу между придаточными — актантами и сирконстантами. Однако есть и такие случаи, когда один и тот же союз может присоединять и актантное, и сирконстантное придаточное. Союз *будто*, его варианты *будто бы*, *как будто* и синонимы *точно*, *словно* может возглавлять как актант при предикатах речи и мышления: *Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь* (Лермонтов), так и сирконстант «недостоверного сравнения» [Шведова (ред.) 1980: 607]: *У него зазвенело в ушах, будто рядом ударили в большой медный таз*. Союз *чтобы* также имеет как

актантное *Мама вас просит*: пока она не уехала, чтоб не ру-
били сада (Чехов), так и сирконстантное (целевое) употреб-
ление: *Покачай ребенка, чтобы он не плакал*.

Попробуем задать вопрос к двум придаточным предло-
жениям с союзом *чтобы* — одному актантному (72), другому
сирконстантному (73):

- (72) а. Ты хочешь, [чтобы тебе заплатили пятьсот ты-
сяч].
б. Сколько ты хочешь, [чтобы тебе заплатили]?
- (73) а. Ты приходишь, [чтобы тебе заплатили пятьсот
тысяч].
б. * Сколько ты приходишь, [чтобы тебе заплати-
ли]?

Вопросительное слово *сколько* в (726—736) пересекает
границу придаточного предложения с союзом *чтобы*. Одна-
ко только в (726) это оказывается грамматически правиль-
ным, потому что в (726) придаточное — актант. Оказывает-
ся, что только сентенциальные актанты (причем не все!)
«проницают» для передвижения вопросительных слов, а с
сентенциальными сирконстантами это невозможно, откуда и
неграмматичность (736).

Аналогично и в английском языке:

- (74) а. *Mary said [that Bill saw John]*,
'Мэри сказала, что Билл видел Джона';
б. Who did Mary say [that Bill saw]?
'(Про) кого Мэри сказала, что Билл (его) видел?';
- (75) а. *Mary left [after Bill saw John]*
'Мэри ушла, после того как Билл увидел Джона';
б. *Who did Mary leave [after Bill saw]?
букв. «Кого Мэри ушла, после того как Билл (его)
увидел?»

Вопросительное слово *who* 'кто' пересекает границу
придаточного — сентенциального актанта в (746), но не мо-
жет пересечь границу сентенциального сирконстанта в (756).

Эта особенность сентенциальных сирконстантов подробно изучалась в порождающей грамматике, и для фактов типа проиллюстрированных в (74—75) предлагались различные решения. Самым простым и на-
глядным было решение, предложенное Н. Хомским в [Chomsky 1986a]: он предположил, что сирконстант («адъонкт» в его терминологии) образует «барьер», т. е. границу, непроницаемую для передвижения составляющих.

7. Именные сирконстанты: сильные и слабые

Предварительный вопрос

Сравните следующие пары словосочетаний, содержащих предложные группы. В примерах (а) трудно или невозможно заменить ИГ в составе ПрГ на местоимение, а в примерах (б) это возможно:

(i) а. *не соглашался из упрямства* (//^{*}из него); б. *выстрелил из ружья* (из него); в. *не соглашался из-за упрямства* (из-за него);

(ii) а. *или по холмам* (?) по ним); б. *скучаю по друзьям* (по ним); в. *солнце светило поверх холмов* (поверх них);

(ш) а. *обо всем договорились в кафе* (??в нем); б. *зашли в кафе* (в него); в. *появлялись возле кафе* (возле него);

(iv) *пошел на улицу* (?? на нее); б. *вышел на улицу* (на нее); в. *пошел навстречу велосипедисту* (ему).

Что объединяет примеры (ав) и отличает их от примеров (б)?

Что объединяет примеры (аб) и отличает их от примеров (в)?

Обратимся теперь к сирконстантам, выраженным именными и предложными группами/. В русском языке ИГ без предлога выполняет роль сирконстанта обычно в следующих случаях:

1) определительные ИГ в род. п. при непредикатных существительных: *тетрадь* [_{иГ} ученика 5 класса]; *бутилка* [_{иГ} холодного пива] (а при предикатных вершинах они — чаще всего актанты, например, *приезд* [_{иГ} твоего отца], *место* [_{иГ} падения [_{иГ} самолета]]);

2) аппозитивные определения (приложения): *Наталья Геннадьевна*, [_{иГ} мой научный руководитель], *работает в университете*; *студент*-[_{иГ} первокурсник];

3) разнообразные по значению ИГ-сирконстанты в твор. п.: *ехать* [_{иГ} лесом]; *пропадать* [_{иГ} целыми неделями]; *встретиться* [_{иГ} поздней осенью]; *известный* [_{иГ} своими проделками]; *пойти на завод* [_{иГ} мальчиком]; *покупать сахар* [_{иГ} сорокакилограммовыми мешками]; *уехать* [_{иГ} всей семьей]; *похожий* [_{иГ} внешностью]; *камень* [_{иГ} величиной с дом] и т. п.;

4) некоторые беспредложные обозначения времени ИГ в винительном (*поговорить* [_{иГ} две минуты]), творительном, см. 3), родительном (*прийти* [_{иГ} седьмого апреля]) падежах (последняя конструкция в современном русском языке используется почти исключительно для обозначения дат [Ицкович 1982: 26]), а также обозначения пройденного расстояния ИГ в вин. п. (*или* [_{иГ} пять километров]);

5) ИГ в дат. п. со значением бенефактива (см. ниже п. 10), т. е. участника, чьи интересы затронуты обозначаемой ситуацией (*смастери [_m ребенку] кораблик; налил [и гостям] вина*).

Несравненно чаще выступают в роли сирконстантов предложные группы: *прогуливается у ворот; пишет статью вместе с соавтором; умер спустя несколько лет; опоздал из-за неумения вставать вовремя.*

Достаточно очевидно, что в русском языке ИГ не во всех конструкциях могут заменяться на местоимения. Возможность или невозможность такой замены определяется падежной формой и наличием определенного предлога, а также значением того и другого. Просматривая список конструкций, в которых замена не допускается [Шведова (ред.) 1980: 455], можно заметить, что подавляющее большинство таких конструкций — сирконстанты. Вместе с тем неверно, что замена на местоимение невозможна во всех сирконстантных ИГ и ПрГ. Выясняется, что ПрГ-сирконстанты в русском языке подразделяются на два типа: в одних (76) управляемая предлогом ИГ не может быть заменена на местоимение (личное 3 л., указательное, неопределенное, отрицательное, вопросительное), а в других (77) — может. Будем называть первую группу **слабыми**, а вторую — **сильными** сирконстантами.

(76) «Слабый» тип: *поезд следует из Москвы* (///?? из нее; *ни из чего; *из чего-то; *из чего?; нужный смысл можно выразить только наречным местоимением: *Откуда* следует поезд?); *мы пойдем до поворота* (///?до него; *до чего?; *ни до чего); *он вырос из ребенка* (///? из него; ? из кого?) в юношу (///*в него; *в кого?); беседовали в гостиной (///? в ней; *в этом; *в чем?; возможно лишь Где беседовали?); заехал на день (///*на него; *на что?; можно лишь с наречием *На сколько* (времени) заехал?); лекция из истории (///*из нее; *из чего-нибудь; *ни из чего); смешно до колотья в боку (///*до него; До чего смешно — по происхождению вопрос, но в современном языке выступает только как восклицание); согласился под бесцеремонным на жимом сверху (///*под ним; *под этим; *под чем?; *ни под чем не согласился; *ему не под чем соглашаться); приходить на помощь (///*на нее; *на что; *не на что приходить); пришел через несколько дней (///*через них; *через что-то); с прошлого года болеет (///*с него; *с чего?); розовый по краям (///*по ним).

Глава Ш. Валентности слова

(77) «Сильный» тип: сочинять приветствия для гостей (для них; для кого?; для кого-то; ни для кого не сочинять; не для кого сочинять); разбираем примеры с преподавателем (с ним; с кем?); отсутствовал из-за болезни (из-за нее; из-за этого; из-за чего?); прошел мимо здания (него); уехал после праздника (него; чего?); представился в качестве знакомого ее отца (в качестве кого?); оборудование заменили ввиду износа (него; чего?); живут без семей (них); пробирались между деревьев (них); получил образование вопреки обстоятельствам (им).

ЗАДАНИЕ 4. Разделите на «сильную» и «слабую» группы следующие сирконстантные предложно-падежные конструкции:

выйти на сцену **перед зрителями**
подождать **с минуту**
возражать **из вредности**
спастись **благодаря случайности**
знать **по Московскому университету**
выпить **по случаю праздника** I
отдыхать **под Звенигородом**
дом **с мезонином**
деревья росли **вокруг дома**
работать **у Ивана Ивановича**
чиновник **от науки**
сравнять счет **на последней минуте**
разговаривать **за рулем машины**

На принадлежность сирконстанта к числу сильных либо слабых влияет несколько факторов. Наиболее важный из них — сам предлог. Очевидно, что некоторые предложно-падежные формы (*на, под, за* с предл. п.; *по* с дат. п.; *из* с род. п.) в роли сирконстантов не допускают замену управляемых ими ИГ на местоимения, а другие предлоги, такие, как *для, из-за, перед*, — допускают.

Есть предлоги, которые в одном значении относятся к первой группе, а в другом — ко второй. Например, предлоги *в* и *у* в значении простого местонахождения принадлежат скорее к первой группе (*разговаривать в гостиной у камина* — **в ней*; **в чем?*; **у него*; **у чего?*), а в более сложных значениях соответственно 'быть одетым в X' и 'находиться в месте, где живет или работает X'- ко второй (*обедать во фраке У князя* — *в нем*; *в чем?*; *у него, у кого?*). Предлог *на* в значении 'на поверхности' приближается ко второй группе: *раздался шум на крыше* — *на ней*; **на чем?*; **ни на чем*; *прихлопнул на себе комара*; *на нем*; ? *на ком?*; *на ком-то*; однако в бо-

Часть I. Синтаксическое описание

лее общем значении, несомненно, относится к первой: *писал свой роман на даче — *на ней.*

ЗАДАНИЕ 5. Определите, как разные значения предлогов *с*, *по*, *к* и *без* влияют на принадлежность конструкций с этими предлогами к «слабой» или «сильной» группе (рассмотрите возможность замены на личное и на вопросительное местоимение). Воспользуйтесь следующими примерами и добавьте по одному собственному примеру на каждое значение:

- a. спрашиваться **без помощников**
пришел **без двадцати минут час**
- b. похолодало **к вечеру**
река расширяется **к низовымьям**
сварить суп **к обеду**
печь куличи **к Пасхе**
- c. заниматься **по учебнику**
работать **по специальности**
жениться **по любви**
ориентироваться **по карте**
жить **по шариату**
- d. говорить **с ласковой улыбкой**
конструкции **с этими предлогами**
поступить так **с самыми лучшими намерениями**
прийти **с сумкой**
вести себя **с бесцеремонностью**

Есть и другие факторы, влияющие на возможность местоименной замены, в первую очередь признаки контекста. Так, замена ИГ на местоимение З л. в некоторых сирконстантах первой группы бывает возможна, если антецедент этой ИГ располагается достаточно близко от местоимения, например, упомянут в предыдущем предложении и притом находится в центре внимания: *Комната плохо освещена, поэтому работать в ней неудобно; ? Враг поднялся на городскую стену и встретил на ней ожесточенное сопротивление; ? Оказывался бесцеремонный нахсим, но даже под ним мы не изменили решения; Огонь из камина освещал маленькую гостиную. В ней разговаривали два человека* (ср. с актантом... *сидели и разговаривали...*); *В доме хохот и стекла звенят, / В нем шинкуют, и квасят, и перчат, И гвоздики кладут в маринад* (Пастернак, «Бабье лето»).

Можно также заметить, что ИГ в некоторых предложных сочетаниях первой группы может заменяться на относительное местоимение при релятивизации (= образовании придаточного относительного): (78) *гостиная, в которой мы беседовали; минута, на которой сравняли счет; специальность, по которой он работал; (79) поражала лихость импровизации, с которой*

Глава III. Валентности слова

рою Писатель красочно, складно плёл требуемую пропаганду, но на свой ярко индивидуальный лад (Солженицын, «Абрикосовое варенье»). При этом использование более редких, чем *который*, относительных местоимений *что* и *что* (*тот писатель, кого мы все знаем; письмо, что мы отправили вчера*) здесь исключено: **то, в чём мы разговаривали...* и т. д. Можно предположить, что причина в том, что *который* — местоимение-прилагательное, а рассматриваемое ограничение касается местоимений-существительных. Похоже, что *который*, в отличие от *что* и *кто*, не замещает релятивизируемое существительное, а определяет его, причем само существительное ввиду совпадения с определяемым словом в главном предложении опускается:

(80)

тот	человек,	которого	человека	я	знаю
тот	человек,		кого	я	знаю

Во многих языках (например, в алтайских) релятивизация происходит без относительного местоимения, простым «зачеркиванием» в придаточном предложении существительного, соответствующего определяемому слову в главном.

Выяснение всех факторов, влияющих на возможность местоименной замены, не входит сейчас в нашу задачу. Наиболее важный факт, который здесь имеет значение, заключается в том, что при любом предлоге в ПрГ, выражающей актант, а не сирконстант, ИГ способна заменяться на местоимение:

- (81) а. **По кому* (напр. гостям) вы ходите?
б. По кому вы скучаете?
- (82) а. ?? На чём они разговаривают?
б. На чём они сидят?
- (83) а. **Из этого* (напр. любопытства) он поинтересовался
Из этого он выстрелил
- (84) а. **В чём* (напр. зале) они заседали?
б. В чём они сознались?

Сходный контраст обнаруживается и в английском языке,ср. (85) а. *We stopped at the railway station* 'Мы остановились у железнодорожной станции'; б. *Where did we stop?* 'Где мы остановились?', но в. ?? *What did we stop at?* букв. «У чего мы остановились?» при том, что совершенно нормальна такая же, как и (85в), конструкция, но с актантом (86) *What did we look at?* 'На что мы посмотрели?'.

В ПрГ, являющихся адъектами со значением места, возможна замена ИГ на местоимение, но только на личное:

Часть I. Синтаксическое описание

проживает в Москве {в ней; *в чем-нибудь) на Пресне (?на ней; *на чем?) на улице Заморенова (на ней; *на чем-то); вышел на улицу (на нее; *на это) к толпе (к ней; *к чему?). Некоторые предлоги, например у, не допускают в составе адъектов замены на местоимение: живут у озера (//*у него). Адъекты со значением времени и оценки обычно не допускают местоименной замены (по крайней мере с безударными предлогами): закончил аспирантуру на 25-м году (//*на нем) в трудное время (//*\$ него) после войны (нее); поступить справедливо по совести (//*по ней).

Таким образом, признак заменяемости на местоимение делит предложные группы на два класса: 1) сирконстанты первой группы и 2) актанты и сирконстанты второй группы.

Отметим, что отрицательные местоимения не всегда могут выступать в сильных сирконстантах, и это объясняется, по-видимому, тем, что не все предлоги способны разрывать отрицательное местоимение на отрицательную частицу *ни* и основную часть, ср. *ни у кого, ни для чего, но *ни вокруг чего, *ни после чего, *ни между чем*. Разрывать отрицательное местоимение способны «первообразные» предлоги (в основном - не обладающие самостоятельным, хотя бы и слабым, ударением), но не «непервообразные» (прежде всего ударные) предлоги, однако есть и исключения, причем в обе стороны (*ни против чего, *ни без чего*) [Еськова 1989; 1995; Yadroff, Franks 1999].

ЗАДАНИЕ 6. Рассмотрим один частный случай местоименной замены - контроль дистрибутивной конструкции. Будем считать, что некоторая ИГ во множественном числе **контролирует дистрибутивную конструкцию**, если эта ИГ способна присоединять после себя местоимение *каждый* в единственном числе, но в той же падежно-предложной форме, что и ИГ. *Каждый* при этом может распространяться предложной группой с дистрибутивным (= распределительным) значением, состоящей из *по* и ИГ в дат. п.:

- (i) Мальчики принесли **каждый** по сумке.
- (ii) Мы осмотрели их **каждого** по отдельности.
- (ш) Нам прислали **каждому** по два письма.

Актанты-ПрГ (iv—vii) в общем так же хорошо контролируют дистрибутивную конструкцию, как и подлежащие (i) или беспредложные дополнения (ii-iii):

- (iv) поглядел **на нас** на **каждого** по несколько секунд
- (v) обратился **к учителям** к **каждому** с несколькими вопросами⁴
- (vi) забрал **у них** у **каждого** по несколько рублей

⁴ Здесь предлог с «заглошающим» предлогом *по*, ср.: *ответили каждый на (т) три вопроса*

Глава III. Валентности слова

Далеко не все ИГ могут контролировать дистрибутивную конструкцию. Например, к этому неспособны определения в род. п.:

- (viii) *пришли родственники **выпускников каждого** по несколько человек

Ответьте на вопрос, способны ли сирконстанты (первой или второй группы) контролировать дистрибутивную конструкцию?

С целью выяснить это, попробуйте образовать дистрибутивные конструкции из следующих словосочетаний:

занял **для нас** 500 рублей
перенес **из-за своих детей** инфаркт
написал **по своим двум темам** статьи
обсуждали **на заседаниях** несколько человек
приветствовал **у подъездов** знакомых
проработал **у них** год
писал **в эти годы** книги

Теперь вернемся к сирконстантным употреблениям беспредложных ИГ в русском языке и применим к ним критерий местоименной замены.

Выясняется, что сирконстанты в твор. п. не могут заменяться на местоимения (лишь в некоторых значениях допустимо местоимение *это*): *ехать лесом* {/**им; Нем?; *этим}; *пропадать целыми неделями* {/**ими; *чем?; *нечем}; *известный своими проделками* {/**ими; Нем-то; этим}; *пойти на завод мальчиком* {/**им; *кем?}; *купить сахар мешками* {/**ими; *чем?; Ничем; Нечем покупать сахар}, *уехать всей семьей* {/**ей; *этим}; *похожий внешностью* {/**ю; этим}; *камень величиной с дом* {/**ю}, *встретиться поздней осенью* {Ню; Нем?}. Так же ведут себя ИГ в вин. и род. п. со значением времени: *говорили одну минуту* {/**е}; *встретились седьмого апреля* {/**его; Итого}; *Сегодняшнего дня* {/**Чего?} случилось необыкновенное приключение (Гоголь, «Записки сумасшедшего») и вин. п. расстояния: *ехать туда одну версту* {Гее}.

ИГ-определение в род. п. может заменяться на местоимение: *тетрадь школьника — его тетрадь, их тетрадь*. Заменяется на местоимение и ИГ в дат. п. в бенефактивном значении (*приготовили ему обед*). Аппозитивных определений местоимения заменять не могут: *Приехал директор института член-корреспондент Петров* {/**он} [Шведова (ред) 1980: 455].

ИГ-актанты, как правило, могут заменяться на любые местоимения. Исключение представляют, например, обозначения отрезков времени: *проговорили минуту* (//*что? *ee) | *отсидел пять лет* (//*что?). Многие актанты в род. п. не допускают замены, ср. *приход мальчика* (//его), но *состояние невесомости* (//*ee), *кафедра общего языкознания* (//*его), *радость победы* (//*ee).

ЗАДАНИЕ 7. Установите, могут ли сирконстантные ИГ без предлогов контролировать дистрибутивную конструкцию. Чтобы ответить на этот вопрос, попытайтесь преобразовать следующие словосочетания в дистрибутивные конструкции:

покупать **мешками** сахар
шли **несколько километров** в одном направлении
уходил с конспиративной квартиры **разными путями**

Итак, предложные группы типа (76), аппозитивные ИГ и сирконстантные ИГ без предлогов в твор., род. и вин. п. относятся к числу слабых, а предложные группы типа (77) и сирконстантные ИГ в дат. п. и в род. п. (в притяжательном значении) — к сильным именным сирконстантам. В наибольшей степени различаются грамматические признаки у актантов и сильных сирконстантов, с одной стороны, и слабых сирконстантов с другой.

Некоторые местоимения и слова, близкие к ним по значению', в роли слабых сирконстантов приобретают идиоматичность, т. е. проявляют дополнительные значения, не сводимые к значению их частей, и лексикализуются (становятся отдельными лексемами): *почему, отчего, на что, до чего, по-другому, по-своему, по одному, от себя, сам по себе, сам собой, само собой*. В русском языке первой половины XIX в. наблюдалось еще неидиоматическое употребление некоторых местоимений в роли слабых сирконстантов, например, в синодальном переводе Библии: *Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди* (Лк 18:11).

В английском языке, по-видимому, наблюдается сходное различие: некоторые предлоги, такие, как *because of* 'из-за' (87) или *at 'y'* (88), возглавляют слабые сирконстанты, а другие, такие, как *with 'c'* (89) или *in 'v'* (90) — сильные: (87) а. *He stayed at home because of illness* 'Он остался дома из-за болезни', но б. ?? *What did he stay at home because of?* 'Из-за чего он остался дома?'; (88) а. *You listen to CDs at John's* 'Ты слушаешь диски у Джона', но б. **Who do you listen to CDs at?* 'У кого ты слушаешь диски?'; (89) а. / *walked with John* 'Я гу-

дял с Джоном', б. *Who did I walk with?* 'С кем я гулял?'; (90) а. *it is better to work in the room* 'Лучше работать в комнате', б. *What is it better to work in?*, букв. «В чем лучше работать?».

Как и в русском языке, личное местоимение 3 л. (но не вопросительное местоимение) в английском может быть употреблено в слабом сирконстанте, если соответствующий объект находится в центре внимания: (87) в. *His illness was serious, and because of it he stayed at home* 'Его болезнь была серьезной, и из-за нее он остался дома'.

Можно, однако, указать и на ряд важных сходств у сильных и слабых сирконстантов, которые отличают их от актантов.

Сильные сирконстанты (как и слабые) отличаются от актантов тем, что их сочетаемость чаще всего определяется семантикой самого сирконстанта, но не предикатным словом. Последнее, как мы видели в п. 4, характерно для актантов.

Вспомнив, что сентенциальные сирконстанты отгорожены «барьером», который не «пропускает» вопросительных местоимений (72–75), можно предположить, что особое поведение слабых сирконстантов объясняется сходным образом: местоимение не может употребляться внутри слабого сирконстанта. В действительности это не так, и ограничение в обоих случаях устроено по-разному. Местоимение, в том числе вопросительное, может содержаться внутри ИГ слабого сирконстанта: *поезд идет из* [и^{нг} какого города]?; *по* [и^{нг} чьему доносу] *его арестовали?*; *спешили* [и^{нг} им на помощь] и т. п. Однако для сентенциальных сирконстантов эти различия не имеют значения: глубокое вложение вопросительного местоимения в сентенциальный сирконстант (926) столь же неграмматично, как и менее глубокое (916):

- (91) а. *Mary left [after Sheila saw Lisa]*

'Мэри ушла после того, как Шейла увидела Лайзу'

- б. **Who did Mary leave [after Sheila saw]*?

букв. «Кого Мэри ушла после того, как Шейла увидела?»

- (92) а. *Mary left [after Sheila saw [a friend of Lisa]]*

'Мэри ушла после того, как Шейла увидел друга Лайзы'

- б. **Who did Mary leave [after Sheila saw [a friend off]]?*

букв. «Кого Мэри ушла после того, как Шейла увидела друга?».

В английском языке вопросительное местоимение также может находиться внутри слабого сирконстанта, ср. (94) а. */ have been working since Tuesday* 'Я работаю со вторника', б. *Since when have I been working?* 'С какого времени я работаю?'; в. **Since what have I been working?* букв. «С чего я работаю?», но г. *Since which day have I been working?* 'С какого дня я работаю?'; (95) а. **On what did you meet?* букв. «В чем вы встретились?»; б. *What day did you meet on?* 'В какой день вы встретились?' [Quirk et al. 1985: 822].

Можно указать на еще один грамматический признак, который полезен для различения актантов и сирконстантов — поведение вопросительных групп в составе некоторых придаточных предложений. Например, в сентенциальном актанте с союзом *чтобы* разнообразные дополнения по этому признаку отличаются от подлежащих и обстоятельств. В таких придаточных допустим (как правило, в разговорной речи и при ее имитации в литературном языке) вопрос к беспредложному дополнению (96абв), менее допустим — к актанту, выраженному ПрГ (96г) или наречием (96д) и почти совсем недопустим — к подлежащему (96е) и к сирконстанту (96жз):

- (96) а. *Кого ты хочешь, чтобы он пригласил?*
б. *Кому ты хочешь, чтобы мы сообщили?*
в. *Чем хочешь ты, чтобы я поклялся?* (Булгаков, «Мастер и Маргарита»)
г. ?*К кому ты хочешь, чтобы мы обратились?*
д. ?*Как ты хочешь, чтобы я поступил?*
е. ??*Кто ты хочешь, чтобы пришел?*
ж. ??*С кем ты хочешь, чтобы я пошел?*
з. ??*Как ты хочешь, чтобы я написал?*

Аналогичные факты в английском и многих других языках впервые были отмечены в работах по порождающей грамматике: англ. (97) а. *What do you think that Mary left on the table?* букв. «Что ты думаешь, что Мэри оставила на столе?»; б. **Who do you think that left the present on the table?* букв. «Кто ты думаешь, что оставил подарок на столе?». Различие между подлежащим и сирконстантами, с одной стороны, и прочими актантами, с другой стороны, Н. Хомский предложил объяснять с помощью «принципа пустой категории» (Empty Category Principle, ECP), о котором см. в главе XII п. 8 [Perlmutter 1971; Chomsky 1981; Huang 1982].

Тот же контраст наблюдается и в некоторых видах придаточного косвенного вопроса (с той же поправкой на преимущественно «разговорный» характер конструкции):

- (98) а. *Что ты не знаешь, как починить?*
б. *К кому ты не знаешь, как обратиться?*
в. *Куда ты не знаешь, как добраться?*
г. ?*С кем ты не знаешь, как разговаривать?*
д. ?*Во что ты не знаешь, как играть?*
е. **Когда ты не знаешь, как играть?*
ж. **Кто ты не знаешь, как работает?*
д. ??*Перед кем ты не знаешь, как выступать?*
е. **Для кого ты не знаешь, как добыть сведения?*

При релятивизации, однако, ограничение на сирконстанты действует слабее, так как примеры (99) скорее приемлемы:

- (99) а. *к которому ты хочешь, чтобы мы обратились и одновременно:*
- б. *с которым ты хочешь, чтобы я пошел*
 - в. *перед которыми ты не знаешь, как выступать*
 - г. *для которого мы не знаем, как были добыты сведения*
 - д. *Не только ковров, но многого не было у них, без чего по Юриным понятиям просто удивительно, как они и жили* (Солженицын, «Раковый корпус»).

Релятивизация меньше применима к слабым сирконстантам придаточного (100), хотя, как мы помним, она возможна от слабых сирконстантов главного предложения (78):

- (100) а. ?? *гостиная, в которой не помню, о чем мы беседовали*
- б. ?? *минута, на которой мы знаем, как сравняли счет*
 - в. ?? *специальность, по которой я не знаю, как он работал.*

Из примеров (96—100) видно, что даже сильные сирконстанты грамматически достаточно четко отграничены от актантов по признаку «извлекаемоеTM» из некоторых видов придаточных предложений, несмотря на то что в русском языке граница между приемлемыми и неприемлемыми предложениями с «извлечением» размыта.

8. Вторичные и ложные актанты

В 1960-е годы Ю.Д. Апресян, исследуя управление русских глаголов, обратил внимание на такие лексемы, как *ударить, тронуть, схватить, вырвать, поджечь*, которые являются семантически двухместными, т. е. их толкования включают лишь два партинципанта: агенс (производитель действия) и пациент (претерпевающий действие). Однако в их моделях управления обнаруживаются такие дополнения, которые не соответствуют никакому партинципанту: (101) *ударить больному зуб, испортить врагу праздник, ухватить мальца*.

Часть 1. Синтаксическое описание

чика за руку [Апресян 1967: 159-161]. С одной стороны, дополнения в (101) *больному, врагу, мальчику* не являются актантами, так как не соответствуют никакому participantu, — выражаемые ими части значения не нужны для того, чтобы истолковать соответствующие глаголы. С другой стороны, они, как мы увидим, проявляют грамматические свойства актантов, а не сирконстантов.

Подробнее об этом явлении речь пойдет в главе VIII 7.1. Здесь нас будут интересовать синтаксические свойства «незаконных» синтаксических валентностей. ИГ в вин. и дат. п. ведут себя как обычные прямое и косвенное дополнение соответственно. Так, конструкция с ИГ в вин. п. допускает пассивизацию: *Он был схвачен за шиворот*, в которой «вторичное» дополнение активной конструкции *Его схватили за шиворот* соответствует подлежащему. Такие дополнения легко контролируют дистрибутивную конструкцию: *удалил им каждому по два зуба; стукнул их каждого по спине*. Так же ведут себя и сирконстантная бенефактивная ИГ в дат. п.: *достал им каждому по книге; сорвал им каждому по цветку*.

В придаточном предложении «вторичное» дополнение, выраженное вопросительным словом, доступно (по крайней мере для некоторых носителей русского языка) для «извлечения»: *Кого ты хочешь, чтобы я погладил по голове?*; *Кому ты хочешь, чтобы я дал по шее?*; ...*которого вы не знаете, как схватить за шиворот*. Бенефактивная ИГ в дат. п., по-видимому, несколько хуже поддается этой операции: ? *Кому ты хочешь, чтобы я достал книгу?*; ? *которому не знаешь, как приготовить суп*. Сильные сирконстанты, как было уже установлено (96—98), свойством «извлекаемоеTM» не обладают.

Приведенные данные показывают, что дополнения, о которых идет речь, проявляют существенные грамматические признаки актантов. Зависимое, не соответствующее никакому participantu вершины, но проявляющее грамматические признаки актанта, будем называть **вторичным актантом**.

Существует ли противоположное явление — зависимое, которое соответствует participantu, но не проявляет грамматических признаков актанта? Рассмотрим несколько русских ИГ в твор. п.: *предал молчанием || тем, что промолчал; отомстил убийством его родственника || тем, что убил его родственника; спас своим вмешательством || тем, что вмешался*. Эти ИГ не заменяются на местоимения, не считая

Глава III. Валентности слова

местоимения *это* (*предал этим...*) и опорного местоимения *тем* (, *что...*) вводящего придаточное:

Арестом завсегдатаев кафе (?? им)
Покончив позже с мировой культурой,
Он этим как бы отомстил (не им,
но *Времени*) *за бедность, униженья,*
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им (Бродский, «Одному
тирану»).

Предложения ? *Чем он покончил... ?* или ? *Чем можно отомстить* (*предать, спасти*)? вряд ли допустимы, ср. *Как он покончил... ?* или *Как можно отомстить* (*предать, спасти*)? Действие, с помощью которого осуществляется предательство, спасение и месть — необходимый предикатный парicipant в толковании соответствующих глаголов. Тем не менее выражающие их ИГ в твор. п. обнаруживают признаки слабых сирконстантов. Более обычных способов выражения предикатных актантов в данном случае не наблюдается: **предал, что донес*; **спас, что вытащил из воды*.

При некоторых других глаголах с валентностью на ИГ в твор. п. она проявляется больше признаков, присущих актанту: *Чем ему можно польстить* (*угодить*)?; *Чем его в конце концов удалось обмануть* (*убедить*)?; и, может быть, отчасти приемлемое ? *Чем ты хочешь, чтобы я ему угодил* ?

Такое зависимое, соответствующее парicipantу вершины, но не проявляющее грамматических признаков актанта, можно называть ложным актантом.

Другой пример ложного актанта представляют некоторые употребления деепричастной конструкции: *Он отомстил врагу, убив его родственника*; *Все жалованье этой несчастной уборщицы уходило на вино, а питалась она, отбирая лучшие куски из звериного корма и варя себе каждый день что-нибудь в котелке на костре* (Петрушевская, «Принц с золотыми волосами»). С одной стороны, деепричастный оборот подпадает под определение актанта: он соответствует семантической валентности предикатного слова (*отомстил* и *питалась*) и непосредственно зависит от него синтаксически. С другой стороны, деепричастный оборот — типично сирконстантная конструкция. Это дополнительно подтверждается тем, что он не допускает «извлечения»: **Кого он отомстил врагу, убив?*; **его родственник, которого он отомстил врагу, Убив;* **куски, которые она питалась, отбирая...*

Часть 1. Синтаксическое описание

Ложный актант может также оформляться союзом *как*, основное значение которого — сравнительное: *изобличен как взяточник; Н.Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как идеалистический*; ложными актантами могут быть и приложения (*студент-медик, специалист-филолог* и т. п.).

И вторичные, и ложные актанты — достаточно редкое явление. Если бы такие конструкции встречались часто, пришлось бы сделать вывод, что у актантов нет никаких присущих только им грамматических признаков.

9. Семантические роли

Предварительные вопросы

1. Семантика ситуации, обозначенной предложением *Иван сменил пиджак на куртку* может быть приблизительно очерчена следующим образом 'Иван снял с себя Y и сразу после этого надел на себя Z', где Y и Z относятся к одному и тому же роду одежды (поскольку в нормальной ситуации не говорят *Он сменил шляпу на сапоги*).

При этом в русском языке (а, может быть, и ни в одном другом) не обнаруживается глагола со значением 'X надевает Y и X надевает Z', где Y — одежда, а Z — обувь), хотя это самая обычная и часто повторяющаяся ситуация одевания и обувания. Если обозначить этот гипотетический глагол русским словом *надевать* с двумя звездочками, то предложение с таким «глаголом» выглядело бы следующим образом: *Он **надел пальто ботинки* и имело бы значение Юн надел пальто и (обулся в) ботинки'.

Случайно ли отсутствие глагола с таким значением? Если вы думаете, что нет, попытайтесь предположить, в чем причина этого.

Одна из фундаментальных особенностей человеческого языка проявляется в сходствах, которые наблюдаются в моделях управления разных предикатных слов. Сам способ представления связи между предикатными словами и их партиципантами в виде моделей управления не предполагает, что средства выражения партиципантов у разных слов должны или могут совпадать. Соответствие между партиципантами и грамматическим оформлением актантов в виде моделей управления в принципе разрешает *х* *х* *у* способов выражения, где *х* — число предикатных слов в языке, а *у* — число партиципантов этих слов.

Однако в действительности ни в одном языке такого обилия способов не наблюдается. Зная семантику некоторого глагола, можно с достаточно высокой вероятностью предсказать, как будет выглядеть нижняя строка его модели управления. Это объясняется тем, что одинаковые грамматиче-

ские формы актантов часто соответствуют одинаковым или сходным фрагментам значения предикатных слов.

Л. Теньер предложил знаменитую метафору, сравнив глагол-сказуемое с «маленькой драмой». «Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а также действующие лица и обстоятельства. Если перейти от плана драматической реальности к плану структурного синтаксиса, то действие, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и сирконстантами» [Теньер 1988 (1959): 117]. Обратимся к «актерам» и рассмотрим, каким может быть их участие в общей «драме».

Предикаты различаются по числу «актеров» — актантов и particипантов. Будем называть глаголы с одним актантом **одноместными**, с двумя актантами — **двухместными** и т. д.

Просматривая словарные толкования и модели управления различных предикатных слов, в первую очередь глаголов, можно сделать два простых и в то же время фундаментально важных наблюдения. Во-первых, очень мало таких глаголов, у которых один и тот же particипант выражался бы двумя разными актантами и очень мало таких, у которых один и тот же актант выражал бы одновременно два разных particипанта. Исключение представляют глаголы с взаимным и возвратным значением типа *целоваться* или *умываться* (о взаимном и возвратном залогах см. в главе VIII п. 4). Развивая метафору Л. Теньера, можно установить в первом приближении, что в каждом действии каждый «актер» играет ровно одну «роль» и каждая «роль» может быть сыграна только одним «актером».

Во-вторых, если мы попытаемся перейти от конкретных «ролей» к более абстрактным «амплуа», то почти не встретим таких глаголов, у которых два актанта выполняли бы одну и ту же «типичную роль» по отношению к действию. Под «типичной ролью» здесь имеется в виду типичное, часто повторяющееся семантическое отношение particипанта по отношению к глаголу. Например, нет или очень мало таких случаев, чтобы при одном и том же глаголе было два актанта со значением активного действующего лица, или оба со значением претерпевающего действие, или оба со значением «получателя», заинтересованного в результате

Если, конечно, не считать «адъекты» по Ж. Лазару актантами.

действия, или (в случае с сентенциальным актантом) оба со значением содержания (мысли, речи и т. п.).

Это последнее наблюдение далеко не тривиально и не самоочевидно: в языке вполне могли бы быть глаголы с несколькими активно действующими лицами, например, обозначающие последовательность действий над одним и тем же объектом: 'X принес пищу, а Y съел ее', или с несколькими разными объектами - опять-таки обозначающие какое-нибудь типичное сочетание сходных действий над разными объектами, например, 'X не думает, что P, а думает, что Q', где P и Q — пропозиции, которым соответствуют разные сентенциальные актанты. Однако в действительности глаголов с такими лексическими значениями (за исключением симметричных, о которых см. ниже) в языке нет.

Чтобы наглядно продемонстрировать эту лакуну в глагольных словарях естественных языков, Г. Карлсон предложил рассмотреть в качестве мысленного эксперимента не существующий в действительности английский глагол *skick*, «который значит примерно то же самое, что и *kick* 'ударять ногой', с тем отличием, что у него есть дополнительная актантная позиция, так что предложение *John skicked the ball Bill* означает, что Джон и Билл оба ударили по мячу» [Carlson 1998: 35; 1984].

Единственное заметное исключение представляют собой предикаты типа *ссориться, мириться, драться, целоваться, общаться; быть похожим; быть близко, далеко и т. д.*, которые как будто обозначают действия или отношения, роль в которых их участников совершенно одинакова. Предикатные слова, у которых имеются пары партиципантов X и Y с абсолютно тождественными ролевыми характеристиками, называются **симметричными**. Важная особенность этих предикатов — допустимость для них сочинения X и Y в одну ИГ почти без изменения значения: *A не совпадает с B — A и B не совпадают; Том разговаривает с Геком — Том и Гек разговаривают; Критик сравнивает первую редакцию романа со второй ~ Критик сравнивает первую и вторую редакции романа* (примеры Е.В. Падучевой [1974: 232]); *Новослободская улица перпендикулярна Селезневской — Новослободская и Селезневская улицы перпендикулярны; Специалисты связывают понижение курса с падением индексов — Специалисты связывают понижение курса и падение индексов*. Подробнее о русских симметричных предикатах см. в [Йомдин 1981].

При более внимательном рассмотрении выясняется, что, например, синонимичные предложения (102) *Маша помирась с Леной* и (103) *Маша и Лена помирились* проявляют различия в значении при добавлении в них некоторых обстоятельств. Сравним (102') *Маша после моих уговоров помирилась с Леной*, где наиболее вероятно, что уговоры обращены к Маше, крайне маловероятно – что к какому-то третьему лицу и совсем невероятно, что они обращены только к Лене, и (103') *Маша и Лена после моих уговоров помирились*, где семантическое отношение обоих актантов к обстоятельству совершенно одинаково. Подробнее о различии типа того, что наблюдается между (102) и (103), пойдет речь ниже в п. 11.

В каких терминах можно сформулировать обнаруженную закономерность? Очевидно, в терминах «типичных ролей», которые называются **семантическими ролями**, или просто **ролями**:

(104) У одного предикатного слова не может быть двух актантов с одной и той же семантической ролью.

Принцип (104) объясняет не только отсутствие в языке глаголов с «запрещенной» им семантикой, но и, например, то, почему предложение (105) **Я книгу взял тетрадь* grammatically неправильно. При предикатном слове *взял* не может быть двух отдельных актантов (*книгу* и *тетрадь*), которые выполняют одну и ту же роль. Предложение (105) можно превратить в правильное, если объединить оба актанта в один, образовав сочиненную ИГ: (105') *Я взял [и книгу и тетрадь]*, и в таком случае (104) нарушено не будет.

Как отмечает Г. Карлсон, трудно назвать другой принцип, подобный (104), который бы в такой же степени ограничивал допустимые значения глаголов в естественных языках. «Ограничение на единственность возникает из необходимости индивидуализировать события, т. е. иметь возможность говорить, сколько событий происходит одновременно в некотором пространстве» [Carlson 1998: 37]. По-видимому, (104) — наблюдение, которое в той или иной форме присутствует во всех синтаксических теориях.

ЗАДАНИЕ 8. Объясните, почему нижеследующие предложения грамматически неправильны:

*Ошибка Маше была указана на неправильную форму глагола преподавателем.

*Память ему начисто отшибло у меня.

Часть 1. Синтаксическое описание

*Рыба изобиловала в реке лососем.

Тот же вопрос — для читателей, знакомых с английским языком:

*Bill was told a story to Mary by John.

*John seems Mary to be winning.

*Bill was told Mary a story by John.

При определении состава ролей нас подстерегают две опасности. Если роли будут включать в себя слишком тонкие различия, принцип (104) будет «разрешать» реально не существующие глаголы, например, (106) A ***ест-пьет* В С в значении 'А ест В и пьет С. Хотя существуют глаголы, которые обозначают одновременно еду и питье (*тировать*), трехместных глаголов вроде (106) как будто не наблюдается'. Тем не менее еда и питье вовлечены в ситуацию «потребления» по-разному, и при более детальном разбиении могли бы рассматриваться в качестве разных ролей. Однако язык, по-видимому, пренебрегает этим отличием и рассматривает «съедаемое» и «выпиваемое» как реализацию одной и той же роли.

Противоположная опасность заключается в том, что инвентарь ролей будет сформулирован слишком грубо, и какие-то важные различия между ними будут проигнорированы. В таком случае обобщение (104) вновь окажется неудовлетворительным, но уже в другом отношении: оно не будет «разрешать» несуществующие глаголы, а, наоборот, «запретит» реально существующие. Например, если охарактеризовать как единую роль всякое «сознательно действующее лицо», то по два актанта с такой ролью окажется у слов (107) *кормить, посыпать, диктовать, подстерегать* (и *засада*), *купать, провоцировать* и многих других, в значении которых контроль над осуществлением ситуации разделен между двумя ее участниками. Соответственно из (104) будет следовать, что таких глаголов, как (107), в языке существовать не может. Если постулировать семантическую роль «перемещаемого» — такого участника ситуации, который в ходе ее меняет под чьим-то воздействием положение в пространстве, то (104) «забракует» такие реально существующие глаголы,

Различия между партиципантами глаголов *запивать* и *закусывать* (пример С.А. Крылова) более значительны и не сводятся к различию между съедаемым и выпиваемым, вследствие чего предложения *Кот закусывал водку грибом* и *Кот запивал гриб водкой* не синонимичны.

Глава III. Валентности слова

как заменять (*X на Y*); соединять (*X с Y*), выбивать *X Y-ОМ ИДР-*

Примечательно, что во второй половине 1960-х годов, когда впервые была более или менее четко поставлена задача определения инвентаря семантических ролей, несколько лингвистов, работая отчасти независимо друг от друга, выделили в значительной мере совпадающие наборы ролей, причем такие, применительно к которым обобщение (104) дает вполне удовлетворительный результат: в языке остается очень небольшое число предикатных слов (в основном - симметричные глаголы и конверсины типа *X покупает Y-а — Y продает X-а* или *X слева от Y-а — Y справа от X-а*), где совпадает ролевая семантика у двух актантов одного предиката.

Достаточно эффективным критерием совпадения ролей двух актантов является их способность к сочинению: сочиняться могут, как правило, лишь актанты с одной и той же ролью¹. Например, сочиняется инструмент с инструментом: есть *ножом и вилкой; вырезать в куске дерева ключевину с помощью сверла и острой стамески* [Муравенко 1998: 79], но не инструмент со средством (последнее, в отличие от инструмента, расходуется при совершении действия [Апресян 1974: 128]): ?? *писать пером и чернилами; *поливать водой и из лейки; ? зашивать рукав нитками и на швейной машинке*. Сочиняется обозначение двух начальных точек движения {противник выбит из деревни и с высоты 103}, но не обозначения начальной точки и маршрута (*гнать противника из деревни и по болоту), двух источников (заработал на производстве и на торговле), но не источника и бенефактива (? заработал на производстве и на покупателях).

Другой стороной того же критерия, как уже было показано на примере (105), является неспособность к несочиненному употреблению двух актантов с одинаковой ролью при одном предикате: *МВД арестовало его городским управлением внутренних дел; *есть ножом вилкой; [^]радоваться новостям тому, что сын поступил в институт; это платье большее по ширине в длину и т. п.

Этот критерий был впервые выдвинут, по-видимому, Р.И. Аванесовым: «Сочинительная связь между соподчиненными членами предложения, выраженным разными морфологическими категориями, является формально-грамматическим признаком тождественности их синтаксических функций» [Аванесов 1936: 58], цит. по [Ширяев 1986: 21].

Часть 1. Синтаксическое описание

Надо, впрочем, иметь в виду, что условие совпадения ролей не является для сочинения актантов ни необходимым, ни достаточным. В общем верно то, что актанты с одной ролью могут сочиняться, но не могут выступать вместе при одном предикате без сочинения, а актанты с разными ролями при одном предикате сочиняться не могут. Однако в определенных случаях наблюдаются и исключения в обе стороны. Например, актанты (и сирконстанты) с разными ролями могут сочиняться, если они выражены кванторными или вопросительными местоимениями (*Он никому и никогда не доверяет; Я даже так думаю, что под конец его все и везде позабыли* (Достоевский, «Бесы»); *Когда и где они встретились?*), включают указательные местоимения (*в такой стране и в такое время*) или совпадающие знаменательные лексемы (*говорю с лингвистом и о лингвисте*) [Санников 1989: 15—25], или оба снабжены отрицанием в особой ситуации «двойного опровержения» (*приехал не Иван и не в Москву*).

Актанты с совпадающими ролями могут и не сочиняться (или в некоторых случаях даже не могут сочиняться), если наряду с актантом, выражающим некоторую роль, употребляется актант, соединяющий семантику той же роли с семантикой какой-то другой. В результате образуется сложная роль (чтобы не был нарушен принцип (104), в его формулировке сложные роли следует, очевидно, приравнять к Простым). Например, роли со значением места часто соединяются с инструментом: *начертить отрезок пером* (инструмент) *по линейке* (инструмент-место-маршрут) *на ватмане* (инструмент-место), *гладить белье утюгом* (инструмент) *на доске* (инструмент-место) [Муравенко 1998: 80]; *Иван* (агенс, т. е. деятель) *обгоняет Петра* (агенс-пациенс, т. е. претерпевающий); *Иван* (агенс) *накормил Петра* (агенс-пациенс); *мы выбрали Ивана* (пациенс) *председателем* (пациенс-результат). Адъекты со значением места сочиняются только в том случае, если обозначаемые ими характеристики независимы: например, если и можно сказать *в Москве и на Большой Дмитровке*, то, по-видимому, в том (фантастическом) случае, когда имеется в виду Большая Дмитровка, находящаяся в каком-то другом городе.

10. Инвентарь ролей

В результате работы нескольких лингвистов, в первую очередь Дж. Грубера [Gruber 1965], Ю.Д. Апресяна [1968; 1974], Ч. Филлмора [Филлмор 1981 (1968); Fillmore 1969], В.Г. Гака [1969], Р. Джэкендоффа [Jackendoff 1972], а впоследствии - В.В. Богданова [1977], А.Е. Кибрика [1992], М.В. Всеволодовой [2000] и других, удалось предложить несколько удовлетворительных вариантов универсального набора семантических ролей. Обычно в этот перечень включают следующие единицы:

Агенс — одушевленный инициатор действия, контролирующий его (способный по своей воле начать его и прекратить).

Понятие контроля, лежащее в основе определения агента, требует некоторых комментариев. В ситуации может быть несколько партиципантов, в той или иной степени ее контролирующих {*продавать, покупать, подстерегать, провоцировать* и т. п.}. В таком случае агенс, т. е. наиболее «влиятельный» контролер, может быть опознан по: 1) способности контролировать референцию невыраженного подлежащего целевого оборота; 2) исполнению роли адресата в императиве 2 л.; 3) возможности употребления в «демиактивных» конструкциях {*Мне работается*}. Об этих и других признаках контроля см. в [Булыгина 1982]. Еще более наглядный способ - тест на присоединение агентивных обстоятельств: *X намеренно спровоцировал Y-а* означает, что намерение исходило от X-а, а не от Y-а, см. [Кацнельсон 1972: 87, 89].

Пациенс - партиципант, больше остальных вовлеченный в действие и претерпевающий в ходе него наиболее существенные изменения по сравнению с другими партиципантами (существование /несуществование, изменение в составе, форме, виде, положении в пространстве и т. п.).

Бенефактив (иногда называемый **реципиентом**) - (обычно одушевленный) участник ситуации, чьи интересы каким-то образом затронуты в процессе ее осуществления, получающий от нее пользу или вред.

Экспериенцер - получатель информации при глаголах восприятия или носитель непроизвольного чувства.

Стимул — источник информации при глаголах чувственного восприятия или источник непроизвольного переживания.

Инструмент — неодушевленный объект, с помощью которого осуществляется действие, но который сам не претерпевает изменений при его осуществлении.

Часть 1. Синтаксическое описание

Адресат - получатель сообщения при глаголах речи (иногда объединяется с бенефактивом).

Источник — место, из которого осуществляется движение.

Цель — место, в которое осуществляется движение.

Полный список семантических ролей составить, по-видимому, невозможно, так как трудности с их различением (и соответственно разногласия между авторами разных перечней) возрастают по мере перехода от центра (наиболее частотных ролей) к периферии (к менее частотным). Поэтому мы намеренно не включаем сюда такие упомянутые выше роли, как средство, маршрут, результат, причина и др.

Приведем, теперь примеры семантических ролей:

(108) Мальчик спит.

пациенс

(109) Мальчик прыгает.

агенс

(ПО) Мальчик бьет собаку.

агенс

111) Иван получил деньги.

пациенс

бенефактив Я отдаю книгу сестре.

агенс

(113) он уехал из Москвы в Петербург.

агенс

(114) Читателям понравился роман.

экспериенцер стимул

(115) Они приветствовали нас письмом.

агенс

адресат i

(116) Мальчик видит кошку.

экспериенцер стимул

Иногда бывает целесообразно выделить **стержневую** роль (pivot), или **гиперроль**, т. е. такую, которая встречается при любом или почти любом глаголе. Определяя стержневую роль, приходится жертвовать семантической четкостью понятия и говорить, например, об объединении в одну стержневую роль пациента (если он есть), стимула и агента (только при отсутствии пациента). Такую объединенную роль чаще всего называют **темой**⁸, иногда **абсолютивом** или

⁸ Этот термин крайне неудобен из-за того, что существует не менее распространенный омонимичный термин, обозначающий коммуникативный статус, см. главу IX.

Глава III. Валентности слова

претерпевающим, реже - фактитивом. Другая гиперроль может быть выстроена, если вести отсчет от агенса (если он есть), а если его нет — брать экспериенцер или пациент. Такая гиперроль называется **актором.** В примерах (108-116) при многоместных глаголах актор всегда предшествует теме (ср. аналогичные понятия «актора» и «претерпевающего» у Р. Ван Валина и У. Фоли [1982] или «протагониста» и «пациенса» у М.В. Всеходовой [2000/135]).

Интересно, что обобщения с использованием ролей были предложены в литературоведении значительно раньше, чем в лингвистике. Начиная с классической работы В.Я. Проппа [1969 (1928)] этот метод применяется при исследовании фольклора. Проппу удалось показать, что сюжеты волшебных сказок при всем их внешнем разнообразии сводимы к ограниченной последовательности событий и к фиксированному множеству типовых персонажей, или ролей (Пропп называл их «функциями») - протагониста (главного героя), антагониста (его противника, носителя зла), дарителя и т. п.⁹

Похожий метод иногда оказывается небесполезным и при изучении классических литературных произведений. Например, исследователи творчества Достоевского давно обратили внимание на то, что характер некоторых персонажей и в определенной степени их роль в развитии сюжета сходны в разных романах. Таковы, например, Версилов («Подросток»), Ставрогин («Бесы»), Раскольников («Преступление и наказание») и Иван («Братья Карамазовы»). Другую группу образуют, например, Дуня («Преступление и наказание»), Аглай («Идиот»), Лиза («Бесы»), Катерина Ивановна («Братья Карамазовы»). Похожи князь Мышкин («Идиот») и Але-ша («Братья Карамазовы») и т. д. Аналогичные наблюдения можно сделать и над романами Диккенса: очевидно, что одинаковы роли «протагонистов» Николаса («Николас Никльби»), Мартина («Мартин Чезлевит»), Кита («Лавка древностей») и Дэвида («Дэвид Копперфильд») и их сюжетных «антагонистов» — соответственно Ральфа, Джонаса, Квилпа, Мердстонов. Одну и ту же ключевую роль в сюжете выполняют такие сходные персонажи, как Смайл («Николас Никльби»), Чарфи («Мартин Чезлевит»), мистер Дик («Дэвид Копперфильд»), мисс Флэйт («Холодный дом»), Дженини Рен («Наш общий друг») и т. д.

Автор одного из первых набросков универсального списка ролей А.-Ж. Греймас [Greimas 1966] непосредственно опирался на работу В.Я. Проппа.

11. Перспектива

Типовые события и отношения окружающего нас мира, которые отображаются в словаре в виде глаголов и других предикатных слов, по большей части, но не всегда подчиняются принципу единственности выражения семантической роли (104). Исключение, например, представляет ситуация купли и продажи: это типичное и часто повторяющееся событие, которое подразумевает такие неотъемлемые составные части, как замысел, начало, конец, результат, разные действия двух контрагентов — покупателя и продавца, а также два объекта со свойствами пациента — товар и деньги (если вместо денег используется другой эквивалент, то обычно говорят не о купле-продаже, а об обмене). Эта единая ситуация в русском языке (как, по-видимому, и в большинстве других языков) соответствует не одному, а двум глаголам — *покупать* и *продавать*. В ситуации купли-продажи, обозначаемой этими глаголами, очевидным образом налицо два партнера, подпадающих под определение агента — покупатель и продавец. Они играют разную роль в ситуации, но оба контролируют и направляют действие, и без их совместного участия оно невозможно. Можно было бы усмотреть в этих двух глаголах нарушение принципа (104). Однако мы интуитивно чувствуем, что в глаголах *покупать* и *продавать* роли покупателя и продавца грамматически все-таки не тождественны. Соответствует ли эта интуиция каким-то наблюдаемым фактам?

Может показаться, что вся разница между глаголами сводится к тому, что при глаголе *продавать* подлежащим является продавец, а при глаголе *покупать* — покупатель: (117) *Студент купил книгу у букиниста* и (118) *Букинист продал книгу студенту*. Но если дело только в том, какой из двух партнеров соответствует подлежащему, тогда предложение с пассивной конструкцией, где ни один из них не является подлежащим (117') *Книга была куплена студентом у букиниста*, не должно отличаться от другого предложения с пассивом (118') *Книга была продана букинистом студенту*. Но и здесь интуиция нам подсказывает, что предложения (117'-118') сохраняют то же отличие, которое есть между (117) и (118).

Обратимся к объективному критерию - сфере действия агентивных, т. е. ориентированных на действующее лицо,

Глава III Валентности слова

обстоятельств (о понятии сферы действия см. главу II 4.1):
(119) *Студент по моей просьбе купил книгу у букиниста и*
(120) *Букинист по моей просьбе продал книгу студенту.* Ясно, что в (119) просьба была обращена к студенту, а не к букинисту, а в (120) — наоборот, к букинисту, но не к студенту. Аналогичный контраст совершенно очевиден и при других агентивных обстоятельствах:

(119')
Студент с особой целью купил книгу у букиниста
охотно
не задумываясь
назло мне
нарочно... и т. д.

(120')
Букинист с особой целью продал книгу студенту
охотно
не задумываясь
назло мне
нарочно... и т. д.

Все подчеркнутые обстоятельства характеризуют в (119') действия студента, а в (120') — действия букиниста. Смена активного залога на пассивный ничего в этом смысле не меняет: (119") *Книга была по моей просьбе || с особой целью || назло мне || нарочно куплена студентом у букиниста* и (120") *Книга была по моей просьбе || с особой целью || охотно || назло мне || нарочно продана студенту букинистом.* В примерах (119—120") агентивные обстоятельства независимо от залога однозначно указывают, что агенсом у *покупать* является покупатель, но не продавец, а у *продавать*, наоборот, продавец, но не покупатель. Ср. еще: *Страженко цел, и братья Шулаковы I Постыдно мной не ввержены в оковы* (А.К. Толстой, «Сон Попова»), где наречие *постыдно* характеризует действие агensa, выраженного в пассивной конструкции дополнением в твор. п.

Итак, несмотря на то что в ситуации купли-продажи участвуют два «равноправных» агensa, каждый из двух глаголов *покупать* и *продавать* сочетается с обстоятельствами таким образом, как если бы агенсом был только один из этих Двух участников.

Чем обусловливается выбор одного из двух глаголов? «Говорящий выбирает один из двух взаимно конверсных глаголов в зависимости от то-

Часть 1. Синтаксическое описание

го, кого из участников ситуации купли-продажи он решил сделать темой - главной фигурой - своего сообщения: чью точку зрения на ситуацию он принял за основную» [Падучева 1998: 86].

Некоторые обстоятельства, такие, например, как *полнотью, целиком, насильно или по большей части* ориентированы на пациенс. Посмотрим, как ведут себя эти обстоятельства при глаголах, описывающих ситуации с двумя участниками, претендующими на роль пациенса: (121) а. *Он полностью загрузил грузовик сеном* (результат: грузовик полон сеном); б. *Он полностью загрузил сено в грузовик* (результат: сено полностью загружено); (122) *Я насильно познакомил Ивана с Петром* (сопротивление оказывал скорее Иван, чем Петр).

Ясно, что обстоятельства, ориентированные на пациенс, изменяют свою сферу действия в зависимости от того, какой участник ситуации выбирается в качестве «настоящего» пациенса.

В английском языке имеется класс **наречий со сферой действия, чувствительной к пассиву** (passive-sensitive adverbs), которые в активном залоге ориентированы на агенс, а в пассивном двузначны — могут относиться и к агенсу, и к пациентсу, если они оба личные: *reluctantly* 'неохотно', *intentionally* 'намеренно', *willingly* 'охотно' и др.: (123) *John was willingly sent to friends for the summer by his mother* 'Джон был охотно послан матерью к друзьям на лето', 'Джон, к его удовольствию, был послан матерью к друзьям на лето'. Впрочем, авторы авторитетной грамматики [Quirk et al. 1985: 576] расценивают конструкции типа (123) как «неуклюжие».

Таким образом, одного лишь знания описываемой некоторым словом ситуации недостаточно для того, чтобы установить, какие участники ситуации будут соответствовать каким семантическим ролям. Вероятно, в силу принципа единственности роли язык не «воспринимает» ситуацию, в которой реально присутствуют два агента или два пациенса, в качестве таковой. При выборе одного из двух глаголов, которые обозначают ситуацию купли-продажи, говорящий принимает одну из двух возможных точек зрения: одну - агента-продавца или другую — агента-покупателя.

Ч. Филлмор предложил называть такую «точку зрения» говорящего, которая выдвигает на первый план некоторый фрагмент описываемой ситуации и определяет выбор одного из двух конверсивных глаголов, **перспективой**. «**Я** предлагаю говорить, что любой глагол, выделяющий какой-то конкретный аспект торгового события, диктует нам включение в перспективу одного или более элементов данного собы-

Глава III. Валентности слова

тия... Например, если я хочу остановиться на перспективе продавца и товаров, то я употребляю глагол *sell* 'продавать'. Если мне надо остановиться на перспективе покупателя и денег, то я употребляю глагол *spend* 'тратить'. Если я хочу включить в перспективу либо покупателя и деньги, либо покупателя и продавца, я употребляю глагол *pay* 'платить'. Если мне надо выбрать перспективу товаров и денег, я употребляю глагол *cost* 'стоить' и т. д. ... Всякий раз, когда говорящий употребляет какой-либо из глаголов, относящихся... к торговому событию, вводится в игру ("активизируется") вся сцена торгового события, но при этом конкретное выбранное слово налагает на данную сцену конкретную перспективу» [Филлмор 1981 (1977): 518-519].

По Филлмору к перспективе относятся только подлежащее и прямое дополнение. Английский глагол *hit* 'ударять, ударяться' допускает выбор одной из двух перспектив: одна из них — перспектива агента и инструмента, другая — агента и пациента (124) а. *I hit the stick against the fence* 'Я ударил палкой по забору', букв. «Я ударил палку о забор» и б. / *hit the fence with a stick* 'Я ударил по забору палкой', букв. «Я ударил забор палкой». Один из двух объектов включается в перспективу в зависимости от своей значимости. Человек обычно более значим, чем неодушевленный объект, поэтому (125) а. *I hit Harry with the stick* 'Я ударил Гарри палкой' более естественно, чем б. / *hit the stick against Harry* 'Я ударил палкой по Гарри'. Смена перспективы нередко влечет изменение степени вовлеченности объекта, например, (126) а. / *loaded the truck with hay* 'Я нагрузил грузовик сеном' и б. / *loaded hay onto the truck* 'Я погрузил сено в грузовик'; (127) а. *I smeared the wall with mud* 'Я вымазал стену грязью' и б. / *smeared mud on the wall* 'Я помазал стену грязью'. Некоторые глаголы имеют фиксированную перспективу, например, *put* 'класть' или *cover* 'накрывать': (128) а. *I covered the table with a quilt* 'Я покрыл стол скатертью', но б. **J covered a quilt over the table*, букв. «Я накрыл скатерть на стол»; (129) а. *I put a quilt on the table* 'Я положил скатерть на стол', но б. */ *put the table with a quilt*, букв. «Я положил стол скатертью».

При изучении поведения лексических обстоятельств, т. е. наречий, выясняется примечательный факт: несмотря на то, что есть наречия, ориентированные на агента, и наречия, ориентированные на пациента, почти не обнаруживает-

Часть I. Синтаксическое описание

ся наречий, ориентированных на актант с какой-либо другой ролью. Хотя, например, наречие *насильно* может быть ориентировано и на бенефактив, например, *насильно вручил подарок* (т. е. 'заставил взять'), такие случаи редки (ср. [^]*насильно отдал*). В следующем примере из С. Довлатова комический эффект достигается, когда это наречие получает неправильную ролевую ориентацию: *Соломон Волков хочет насилию выпустить книгу о Бродском, а тот грозит ему судом* (письмо к И. Ефимову 7.12.1983).

Здесь речь идет лишь о наречиях с фиксированной сферой действия, т. е. ориентированных на ИГ с определенной ролью или на определенный член предложения. Наречия с плавающей сферой действия не проявляют такой избирательности: *президент лично пригласил нас; мы пригласили лично президента; передали президенту лично* и т. п. (о различии этих двух типов наречий см. [Филипенко 1998]).

Собственно, и среди обстоятельств, выраженных целыми сочетаниями, очень редко встречаются ориентированные на другие роли, кроме агенса и пациентса, например, на адресат: *Вот господа спасибо и скажут старичку, помогут на старости лет* (Ильф и Петров, «Двенадцать стульев»). Такая ориентация обычно обеспечивается анафорическими местоимениями в составе сложных обстоятельств, антецедентами которых являются соответствующие актанты: *Я запретил сыну смотреть телевизор для его же пользы*. Обычно же сложные обстоятельства без анафорических местоимений ориентированы на агенс или на пациентс. Например, хотя глагол *жениться* и сочетание *взять в жены* синонимичны, последнее ввиду исходной семантики глагола *взять* включает прямое дополнение в перспективу в качестве пациенса, ср. *Николай женился на Ольге в двадцать три года* (двадцать три года Николаю) и *Николай взял в жены Ольгу в двадцать три года* (не ясно, кому двадцать три года - Николаю или Ольге); ср. еще грамматически двусмысленное *Христос продал Иуда в тридцать три* (В. Высоцкий).

Поведение обстоятельств — может быть, наиболее выразительный факт из тех, что подтверждают центральную роль агенса и пациентса среди всего множества семантических ролей.

Агенс и пациентс — две категории перспективы, каждая из которых может соответствовать только одному актанту. При наличии в обозначаемой ситуации двух равноправных агенсов или пациентсов предикат включает в перспективу только один из них.

Отступление. О «понятийных категориях»

Очевидно, что в самых разных языках часто выражаются грамматическими средствами некоторые, по-видимому, важные для человека при-

Глава III. Валентности слова

знаки предметов и явлений, такие, как пол, одушевленность, время, место, действие, состояние и т. п. Поскольку всякий язык должен какими-то (не обязательно грамматическими) средствами выражать эти значения, их можно гипотетически считать **универсальными**, т. е. общими для всех языков. Однако в лингвистике уже на протяжении многих десятилетий обсуждается другая, более захватывающая идея — о том, что существуют какие-то универсальные семантические признаки, лежащие в основе формальных языковых категорий, но не совпадающие полностью ни с ними, ни с признаками обозначаемой ситуации. Эти неуловимые признаки чаще всего называют «понятийными категориями» (см. об этом [Звегинцев 1973]). Как мы только что видели, подходящими кандидатами на роль «понятийных категорий» можно считать элементы перспективы — агенс и пациент. В конечном счете это собственно языковые единицы, потому что характеристика любого участника в терминах перспективы лишь частично определяется обозначаемой ситуацией. Вместе с тем они не соответствуют однозначно никакой формальной категории, например, неверно, что агенс всегда выражается подлежащим (или им. п.).

В российском языкоznании идея понятийных категорий ассоциируется прежде всего с работами наиболее одаренных последователей Н.Я. Марра (1864-1934), специалиста по грузинской и армянской филологии, автора безумного «нового учения о языке», которое с конца 1920-х по 1950 г. насилиственно внедрялось в СССР в качестве «марксистского языкоznания». Это прежде всего И.И. Мещанинов (1883-1967), а также В.И. Абаев, С.Л. Быховская, М.М. Гухман, А.П. Рифтин, С.Д. Кацельсон и некоторые другие авторы. Понимая, что метод работы с языковым материалом, который практиковал сам Марр, не выдерживает никакой критики, его ученики стремились, следуя духу, но не букве «учения», построить семантически ориентированную лингвистическую теорию, которая в перспективе должна была объяснить типологические различия между языками, закономерности их исторического развития и вскрыть определяющую (по их мнению) связь между грамматикой, семантикой, мышлением, сознанием и идеологией.

Заслугой Мещанинова и его единомышленников можно признать то, что они одними из первых в мировой лингвистике поставили задачу разработки объяснительной теории, см. [Абаев 1986]. Еще до «дискуссии» 1950 г. отказавшись от наиболее бредовых идей Марра и от прямого перенесения марксистской догматики в языкоznание, они внесли определенный, хотя и скромный вклад в синтаксическую типологию языков. Однако ни одну из поставленных задач им решить не удалось. Огромные амбиции оказались нереализуемы ввиду недостатка амуниции, поскольку лингвистика середины XX в. к решению этих задач была попросту не готова — и семантика, и теория грамматики находились в зачаточном состоянии¹⁰.

Преждевременная постановка научных задач и непонимание их реальной сложности в высшей степени были характерны для самого Н.Я. Марра, о чем см. [Алпатов 1991].

Часть I. Синтаксическое описание

Объективная оценка работ учеников Марпа, и прежде всего И. И. Мещанинова, затрудняется тем, что их значение было невероятно раздуть в советской официальной науке 1970—1980-х годов. Аппаратчики видели в наследии Мещанинова хоть какой-то противовес современным теоретическим направлениям, вызывавшим у них страх и агрессию. Читатель, способный прорваться сквозь поразительное многословие книг Мещанинова [1936; 1963; 1967; 1975; 1978 (1945); 1982 (1949); 1984] и неоднократно триивиальный и попросту нудный грамматический разбор материала разнообразных языков, будет в конце концов вознагражден, встретив несколько интуитивно привлекательных и глубоких, хотя и расплывчато сформулированных грамматических идей. Идея внутриязыковых понятийных категорий — одна из них.

«Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями. Субъект и предикат (логические) будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» [Мещанинов 1978 (1945): 238]. К числу понятийных категорий Мещанинов относил также предметность, атрибутивность, посессивность, пол (там же). «Не всякое передаваемое языком понятие является "понятийной категорией". Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение. Последнее находит свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе» [Мещанинов 1945: 15.].

Несмотря на всю расплывчатость выражений, можно понять, что речь идет о неких понятиях, которые лишь частично соответствуют признакам обозначаемой ситуации и лишь частично — грамматическим категориям, но тем не менее выражаются во всех языках. Идея понятийных категорий возникла у Мещанинова, по-видимому, не без влияния датского лингвиста О. Есперсена, который в своей знаменитой книге «Философия грамматики» писал: «Наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом... За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями. Задача грамматиста состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и синтаксической категорией» [Есперсен 1958 (1924): 57-58].

Сам Мещанинов отрицал заимствование, и позднее М.М. Гухман пыталась отстоять его приоритет: хотя «термин "понятийная категория" встречается у Л. Ельмслева и О. Есперсена раньше, чем в работах Мещанинова... но в их толковании данный термин практически отождествляется с логическими категориями» [Гухман 1985: 6]. «Кардинальное отличие», по мнению Гухман, заключается будто бы в том, что согласно Мещанинову понятийные категории находятся «в самом языке», а не вне его. Так как граница между языком и мышлением не ясна даже для современной лингвистики, не говоря уже о временах Есперсена или Мещанинова, невозможно обсуждать всерьез различие этих идей, тем более что оба автора высказали их в нечеткой форме.

Интуиция учеников Марра нередко работала в правильном направлении, однако, не будучи подкреплена сколько-нибудь эффективным анализом материала, осталась в виде висящих в воздухе идей, которые начинают получать реальную опору только в наше время. К сожалению, Мещанинов и его последователи, продолжавшие заниматься теорией после 1950 г., пренебрегли аналитической техникой, разработанной в 1950-1960-е годы в семантике и грамматике. По-видимому, они и не догадывались о необходимости процедур анализа, которые бы позволили обнаружить скрытые категории «в самом языке», а вместо этого наивно проектировали «понятийные категории» непосредственно из грамматических, в результате чего возникла очевидный логический круг, на что справедливо обратил внимание С.Е. Яхонтов: «Грамматические значения слов (предметность, качество, действие и т. п.) ... не могут быть обнаружены... непосредственно, минуя формальные признаки» [Яхонтов 1968: 71].

12. Ролевые типы глаголов: краткий обзор

Глаголы, как и вообще предикатные слова, можно классифицировать по тому, какие наборы семантических ролей они задают. Охарактеризовать валентности тысяч глаголов в каком-либо языке, например, русском, в терминах ролей - крайне трудоемкая задача. Мы дадим лишь очень беглый и поверхностный очерк ролевой классификации глаголов, причем ограничимся рассмотрением только шести основных ролей — агенса, пациенса, бенефактива, экспериента, стимула и места.

Глаголы с валентностью на агенс называются **агентивными**, или **активными**, или **глаголами действия**. Среди таких глаголов очень трудно найти одноместные, т. е. в основном своем значении не имеющие другой валентности, кроме агенса. Практически любое действие включает, кроме его производителя-агенса, еще какого-нибудь затронутого участ-

ника. Исключение представляют, например, глаголы замкнутых (не имеющих определенной траектории) движений (*танцевать, подпрыгивать, ползать, суетиться*) и обозначения действий, которые могут включать одного участника вроде *работать* и *отдыхать*, но ср. *работать над статьей*. Глаголы частично контролируемых состояний и процессов, происходящих с телом и лицом человека (*хмуриться, дышать, чихать, смеяться, улыбаться*), часто обладают в языках мира теми же грамматическими свойствами, что и агентивные.

Симметричные агентивные глаголы вовлекают по два агенса, один из которых включается в перспективу («агенс» и «коагенс» в терминологии М.В. Всеволодовой [2000: 373]): *знакомиться с X-ом, мириться с X-ом, беседовать с X-ом, играть с X-ом*. По два агенса имеют и **глаголы с разделенным контролем**: *подстерегать, расспрашивать, провоцировать*; при этом в перспективу, естественно, включается лишь один из двух агентов. Глаголов, обозначающих действия с двумя равноправными агентами, хотя и по-разному вовлечеными в действие, немного, и они обычно образуют **конверсивные пары** [Апресян 1974, гл. 5]: *покупать у X-а и продавать X-у, учить X-а и учиться у X-а, выиграть у X-а и проиграть X-у*. Чаще один из двух агентов осуществляет контроль над большим фрагментом ситуации или является ее инициатором и по этой причине включается в перспективу. Сюда относятся «провоцирующие» глаголы, предполагающие встречное действие (узнавать у X-а, помогать X-у, сопровождать X-а) либо необязательно предполагающие, что ответное действие совершается (ждать X-а, звать X-а, предлагать X-у, просить X-а, свататься к X-у); глаголы преследования (настигать X-а, догонять X-а, отставать от X-а, подстерегать X-а, следовать за X-ом); глаголы реакции (отвечать X-у, защищаться от X-а, уступать X-у, подражать X-у).

Трехместные агентивные глаголы часто бывают **каузативными**, т. е. включают еще одного агента, который контролирует «вложенную» каузируемую ситуацию (*натравливать X-а на Y-а, посылать X-а в Y, приучать X-а к Y-у*), или **бенефактивными**, т. е. включают, наряду с агентом и пациентом, бенефактив - адресат, получающий предмет или сообщение, соответствующие пациенту: *давать, дарить, посыпать (XY-у), сообщать, подсказывать* и др.

Агентивные глаголы, которые имеют валентность и на пациенс, можно назвать **семантически переходными**; боль-

Глава III. Валентности слова

щинство их обычно обладает и признаком синтаксической переходности (т. е. пациент выражается прямым дополнением). Для этого класса глаголов характерны значения разрушения или созидания (*изготавливать, рождать, строить, убивать, истреблять*), приема пищи (*глотать, есть, пить*), воздействия на внешнюю поверхность пациента (*чистить, гладить, лизать*), инструментальных действий (*копать, стирать, пилить, сверлить*), производства речи (*рассказывать, обещать, сообщать*), духовного и психологического воздействия (*благословлять, проклиналь, вдохновлять, утешать*), оценки (*хвалить, ценить*) и т. п.

Некоторые из семантически переходных глаголов допускают «удаление» агента из ситуации (декаузативизацию). В результате возникает значение, которое выражает парный глагол с валентностью на пациента: *будить - просыпаться, варить – вариться, жечь – гореть, кипятить – кипеть, охлаждать – стыннуть, ронять – падать* и др. Вообще все каузативы относятся к семантически переходным глаголам (*удлинять, согревать, сажать* и др.).

Еще одна группа семантически переходных глаголов выражает пары обратимых действий, связанных с переменой положения пациента (или его частей) в пространстве: *вешать – снимать, насыпать – высыпать, запирать – отпирать, закрывать – открывать, поднимать – опускать, складывать – раскладывать*. Некоторые семантически переходные глаголы выражают циклические (т. е. повторяющиеся) действия — *качать, крутить, махать, тереть, другие — нециклические (неповторяющиеся) — бросать, стрелять, стряхивать* и т. п. Есть семантически переходные глаголы, которые включают в свое значение интеллектуальные операции над пациентом: *обдумывать, читать, считать, измерять*.

Некоторые глаголы обозначают перемещение одного предмета (или предметов) относительно другого неподвижного предмета либо операции одновременно с двумя или более предметами: *класть, ставить, вешать, соединять, заменять*. В силу требования, согласно которому в перспективе глагола должен содержаться только один пациент, им обычно выступает только один из таких участников, обычно подвергающийся перемещению (*намазать масло на хлеб; расстелить скатерть на столе*) либо неподвижный участник в том случае, если он подвергается полномухвату действием (*намазать хлеб маслом; накрыть стол скатертью*).

Предикаты с единственной валентностью на пациенс называются **пациентными**, или **инактивными**, или **предикатами состояния**, или **процесса**, причем процессы обычно выражаются глаголами. Примеры предикатов со значением состояния: *быть белым, быть холодным, лежать, находиться, висеть, процесса — гореть, качаться, литься, сохнуть*.

Симметричные пациентные глаголы, прилагательные и наречия обладают двумя валентностями на пациенс (реже на место), лишь одна из которых включается в перспективу: *ранен X-у, возле X-а, смешиваться с X-ом* (*вода смешивается со спиртом*). Есть и конверсивные пары: *свод опирается на колонны — колонны поддерживают свод; никто не превосходит римлян в доблести — римляне никому не уступают в доблести*; *эта трава выше деревьев — деревья ниже этой травы*, и симметричные глаголы со склеенными ролями агента и пациенса (*драться, бороться, обниматься*).

Глаголы с валентностью на экспериенцер и стимул называют **перцептивными**, или **глаголами восприятия**, если они выражают процессы непроизвольного восприятия органами чувств, и **аффективными**, если они выражают непроизвольные эмоции. В русском языке некоторые из таких глаголов имеют модель управления, сходную с семантически переходными (*любить, жалеть, понимать*), а другие (*нравиться, казаться, сниться*) требуют оформления подлежащего дат. п. Особую группу составляют переходные глаголы с прямым дополнением-экспериенцером: *пугать, волновать, удивлять, огорчать, устрашать*. Если они не обозначают целенаправленных действий (*нарочно пугать*), то у них та же ролевая структура, что и у соответствующих непереходных *бояться, волноваться, удивляться, огорчаться*. При этом, как показала Дж. Гримшо [Grimshaw 1990: 23], они обозначают действия, а не состояния, что, например, видно из того, что в английском языке они допускают продолженный вид (Continuous): (130) а. *The storm was frightening us* 'Буря пугала нас' при невозможности б. **We were fearing the storm* 'Мы боялись бури'.

В большом числе языков перцептивные и аффективные глаголы требуют особой конструкции. Например, в японском языке экспериенцер имеет форму темы (исходного пункта сообщения), а стимул — форму им. п.:

- (131) *Ватакуси-ва хэби-га ковой*
я-ТЕМА змей-НОМ страшно
'Я боюсь змей'

Глава П1. Валентности слова

В грузинском языке аффективные (132) и перцептивные (133) глаголы оформляют подл ежащее-кспериенцер дат. п., а дополнение-стимул - им. п.:

(132)	<i>gogona-s</i>	<i>ugvars</i>	<i>da</i>
	девочка-ДАТ	любит	сестра.НОМ
	'Девочка любит сестру'		
(133)	<i>da-s</i>	<i>esmis</i>	<i>simyera</i>
	сестра-ДАТ	слышит	песня.НОМ
	'Сестра слышит песню'		

В аварском языке (восточнокавказская семья, Дагестан) подлежащее-экспериенцер при аффективных глаголах оформляется дат. п. (134), а при перцептивных - местным (135); стимул и в той и в другой конструкции стоит в им. п.:

(134)	<i>Яс-алъе</i>	<i>яц</i>	<i>йокъула</i>
	девочка-ДАТ	сестра.НОМ	любит
	'Девочка любит сестру'		
(135)	<i>Яц-алда</i>	<i>моцI</i>	<i>бихъула</i>
	сестра-ЛОК	луна.НОМ	видит
	'Сестра видит луну'		

Глаголы движения (*приходить, садиться, лететь, плыть, падать*) имеют валентность на пациент (движущийся предмет) и на неподвижные ориентиры — начальную или конечную точки движения или его маршрут (роль места в широком смысле). Иногда название ориентира является прямым дополнением (*Я перехожу улицу*; англ. *I enter the room* 'Я вхожу в комнату').

Глагол со значением нахождения имеет те же две ролевые валентности, однако во многих языках использует своеобразную конструкцию.

В русском языке глагол нахождения в настоящем времени - нулевой или неизменяемый по лицу и числу (136) а. *Книга на столе*; б. *На столе (есть) книга*. Во многих языках используются различные конструкции в зависимости от того, что выбирается в качестве исходного пункта сообщения — пациент или место: в английском (136а) соответствует *The book is on the table* и (1366) *There is a book on the table*. В китайском языке (136а) соответствует конструкция с глаголом *цзай* 'есть':

(137)	<i>шу</i>	<i>цзай</i>	<i>чжуюцзы</i>	<i>шан</i>
	книга	есть	стол	на

(1366) в китайском соответствует другая конструкция с другим порядком слов и с глаголом *ю* 'иметь':

(138)	<i>чжуюцзы</i>	<i>шан</i>	<i>ю</i>	<i>шу</i>
	стол	на	имеется	книга [Яхонтов 1978: 105].

Часть 1. Синтаксическое описание

Посессор (обладатель) обычно не включается в число семантических ролей, во-первых, потому что ему нелегко дать семантическое определение и, во-вторых, потому что посессор обычно выступает в составе ИГ (*дом отца*), а в предикативной конструкции выражается только при одном-двух глаголах, выражающих обладание: *У меня есть книга* или (более книжное и искусственное для русского языка) *Я имею книгу*; последняя конструкция используется в германских и романских языках.

Рекомендуемая литература

Тема валентностей слов и моделей управления в российской лингвистике разрабатывалась прежде всего в рамках лексической семантики, и подробнее ознакомиться с этой проблематикой можно по книгам Ю.Д. Апресяна [1974] и И.А. Мельчука [1974а]. О семантических и синтаксических валентностях см. также книги И.М. Богуславского [1985; 1996]. Важную роль в критическом обсуждении проблем, связанных с валентностями и актантами, сыграл сборник [Семиотика и информатика 1998], в особенности статьи Е.В. Муравенко, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, М.В. Филипенко, В.С. Храковского и А.Д. Шмелева.

Синтаксическим валентностям посвящена большая литература: [Абрамов 1969; Степанова 1973; Всеволодова 1984; Мухин 1987; Busse 1974; Helbig (Hrsg.) 1971; Helbig, Schenkel 1975; Stepanowa, Helbig 1978; Helbig 1982; Welke 1988; Goldberg 1995]. Взаимоотношениям валентностей, семантических ролей и членов предложения посвящен сборник [Abraham (ed.) 1978]. Обзор зарубежных работ по синтаксическим валентностям, прежде всего на немецком языке, можно найти в [Абрамов 1985]. Й. Якобе [Jacobs 1994] анализирует разнообразные критерии валентностей и доказывает, что они не согласуются друг с другом.

Понятие актантов и сирконстантов впервые введено Л. Теньером [1988 (1959)]. Сирконстантам специально посвящена монография [Guimier 1993], актантам - [Lazard 1994]; актантам и сирконстантам в языках Европы - коллективная монография [Feuillet (ed.) 1998]. О теории актантной структуры см. [Grimshaw 1990; Hale, Keyser 1993; Alsina 1996] и сборник [Butt, Geuder (eds.) 1998].

По проблеме семантических ролей и перспективы следует упомянуть прежде всего переведенные на русский язык работы Ч. Филлмора [1981а (1968); 1981б (1977); 1983 (1977)], главу 9 в книге У. Чейфа, также изданной в русском переводе [1975 (1971)], главы 14 и 15 в книге [Кибрик 1992], богатый материал по моделям управления русских глаголов в [Апресян 1967], а также статьи [Croft 1990; DeLancey 1984; Dowty 1989; 1991], 21-й выпуск Syntax and Semantics [Wilkins (ed.) 1988] и книгу [Jackendoff 1990]. Понятие модели управления, или «глагольной рамки», рассматривается в [Panayeva 1974-1975; 1977; 1994]. Небольшой, но очень содержательный обзор ролевых классов глаголов и падежного оформления актантов содержится в статье С.Е. Яхонтова [1978].

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И КЛАУЗА

Предикативность - свойство, отличающее предложение от других синтаксических единиц (п. 1). Предложение, как и слово, обладает парадигмой, которая включает значения модальности, времени и категорий предикативного согласования, таких, как лицо, число и род (п. 2). Вопросительность также является категорией предложения (п. 3). В п. 4 речь идет о предложениях с именным сказуемым, в п. 5 - о номинативных и неполных предложениях. Элементарные предложения (клаузы) входят в состав сложных предложений, будучи соединены сочинительной или подчинительной связью (п. 6). В п. 7 дана характеристика нефинитных зависимых оборотов.

В этой главе пойдет речь о предложении и о его отличиях от других синтаксических единиц. Мы не будем пытаться дать строгое определение понятию предложения - это, скорее всего, невозможно и не нужно (обзор разных подходов к определению предложения см., например, в [Сизова 1966: 8-17; Звегинцев 1976, гл. 2]). Поскольку предложение является, по-видимому, максимальной (т. е. наиболее крупной) грамматической единицей¹, можно сказать, что определением предложения в языке L является грамматика языка L, а универсальным определением предложения — общая теория грамматики.

1. Что делает предложение предложением?

В своем классическом труде «Русский синтаксис в научном освещении» выдающийся русский грамматист А.М. Пешковский (1878—1933) предлагает читателю рассмотреть

«... ряд случайно вырванных из связи полных слов:
белую, вчера, старииков, море, зелень, сплю, написанным,
ушедший, работать, убирайтесь, смехом, рыбу, нельзя,

Как в российской, так и в зарубежной лингвистике существует традиция изучения структуры единиц большей длины - «сверхфразовых единиц» [Поспелов 1948; Булаховский 1952], абзацев и целых текстов. В них обнаруживаются некоторые аналоги синтаксическим явлениям, и определенные виды текстов (например, официальные документы) имеют жесткую, предсказуемую структуру. Однако в целом конструкции слова и предложения значительно более единообразны, чем структура текста, см. [Гиндин 1981; Гиндин 1972].

Часть 1. Синтаксическое описание

голова, небольшую, приехали, август, бумаги, придя, берегись, добрыми, учиться, вечный, стыдно <...>.

Мы заметим, что не все слова покажутся нам одинаково безжизненными, одинаково отрывочными, бессмысленными. Найдутся слова, которые покажутся выражением не представлений только, изолированных из процесса мысли, а целых мыслей. Таковы следующие слова в этом ряду:

сплю, убирайтесь, нельзя, приехали, берегись, стыдно <...>

Читая эти слова подряд, мы замечаем в каждом из них какую-то особую полновесность, уподобляющую их не словам, а целым фразам. Конечно, "фразы" эти остаются однословными, отрывистыми, во многом неясными... Но все-таки это не то, что:

белую, вчера, стариков, море, зелень, написанным, ушедшим, работать, смехом, рыбу, голова, небольшую, август, бумаги, придя, добрыми, учиться, вечный <...>

В последних словах, если произносить их как слова только, не думая о тех фразах, из которых они могли быть вырваны, нет никакой мысли. Напротив, в каждом из первых мы ясно ощущаем отдельную мысль... Вот этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе *сказуемостью*. Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью» [Пешковский 1956 (1928): 165-166].

Пешковский замечает далее, что слова, проявляющие признак сказуемости, делятся на две группы: 1) глаголы в личной форме и 2) слова вроде *нельзя, стыдно* или *богат*, которые, в отличие от наречий, не употребляются с личными формами глагола, за исключением связки *быть* и некоторых других глаголов, близких по своему значению к связке: *нельзя было — нельзя будет; стыдно было (стало, сделалось); богат будет (станет, сделается)* и т. п. Такие сочетания образуют единое целое и по смыслу обычно соответствуют глаголам: *богат станет = разбогатеет* и т. п. Именно эта необходимая связь с глаголом обеспечивает, по Пешковскому, сказуемость слов второй группы.

Среди прочих слов, не проявляющих сказуемости, Пешковский особо выделяет две группы - имена существительные в им. п. и инфинитивы. Они, в отличие от других слов, лишенных сказуемости, способны при определенной интонации образовывать полные предложения особого вида, обозначающие указания (*Москва. Август*), призывы (*Работать!*), обращения (*Овидий, я живу близ тихих берегов...* (Пушкин)) или описания мысленных представлений (*Воспоминания!* *Как острый нож оне* (Грибоедов)). Отметим, что и именительный падеж, и инфинитив используются в русском языке как словарные, «называющие» формы существительных и глаголов соответственно. Наконец, любое произвольно взятое слово при наличии соответствующей интонации может образовывать «усеченную фразу» (*Белую? Белую! Вчера? Вчера* и т. п.), однако только слово, обладающее признаком сказуемости, привносит «выражение мысли, не зависящее от интонации» [там же: 172].

Пешковский говорит о словах, но в свете того, что мы знаем о фразовых категориях, теория которых еще не была разработана в то время, ясно, что свойством сказуемости обладают (или не обладают) не слова, но целые группы, которые в частном случае могут быть представлены отдельными словами. Ясно, что по признаку сказуемости, например, *убирайтесь ничем* не отличается от *убирайтесь отсюда, а написанным* — от *написанным начерно*.

Заметим, что некоторые группы, лишенные сказуемости, регулярно, т. е. единообразно, отличаются от синонимичных или близких по значению сказуемостных: ср. (1) а. *красивая лошадь* и б. *лошадь красивая*; (2) а. *полет стрелы* и б. *стрела летит*. Ясно также, что (16—26) - предложения, а (1а-2а) - нет. Можно предположить, что наличие слова, обладающего сказуемостью по Пешковскому, превращает группу в предложение. Именно при переходе от групп (1а—2а) к группам (16—26) как бы пересекается некая граница, отделяющая не-предложения от предложений. Таким образом, сказуемость, или как обычно говорят, **предикативность** — грамматическое свойство или множество свойств, которое отличает предложения от других синтаксических групп.

Пешковский, столь много сделавший для четкого отграничения грамматики от логики и психологии, в данном случае апеллировал к совершенно нелингвистическим понятиям «изолированного представления» и «целой мысли». Однако

Часть I. Синтаксическое описание

его замысел, очевидно, состоял в том, чтобы с помощью таких расплывчатых психологических понятий пробудить в читателе собственно грамматическую интуицию. Носители русского языка, интуитивно поняв термины Пешковского, скорее всего одинаковым образом разделят слова из его списка на два множества, и эти множества можно рассматривать как достаточно надежный результат лингвистического эксперимента. Перечислив все те и только те грамматические классы слов, которые могут быть сказуемыми [там же: 179—180], Пешковский тем самым дал достаточно строгое определение сказуемости. Однако такое определение, сводящееся к перечислению форм, оказывается малосодержательным — почему именно эти классы слов, а не другие? И будет ли нечто общее между таким списком форм сказуемого в русском и в любом другом языке, и если да, то почему?

Попытаемся все же сделать основания такого деления несколько менее интуитивными. Можно заметить, например, что предикативные единицы (т. е. предложения), в отличие от непредикативных, могут естественно функционировать в речи в качестве полноценного сообщения. Проверяя группы на их способность либо неспособность выступать в качестве «самодостаточной», а не сокращенной, или обрубленной, единицы речи, или найдя в предикативных группах какие-то общие для них грамматические признаки, можно попытаться сделать интуитивное понятие «сказуемости» более ясным.

Обратим внимание на то, что предикативные группы отличаются от непредикативных тем, что в первых могут выражаться некоторые грамматические категории, которые не могут выражаться во вторых. Например, в предикативной группе может присутствовать краткая либо полная форма прилагательного — *лошадь красив-ая* или *лошадь красив-а*, в то время как в непредикативной возможна лишь полная форма; в предикативной группе могут выражаться категории времени, наклонения и лица — *стрела лет-ит, лет-ела, лет-ела бы* и т. д., в соответствующей непредикативной группе *полет стрелы* выражение этих категорий невозможно, а в другой непредикативной группе — причастном обороте — выражается время, но не наклонение и не лицо — *лет-ящ-ая стрела, лет-ев-шая стрела*.

В большинстве индоевропейских языков категории лица и наклонения свойственны почти исключительно предикативным формам. Одна-

Глава IV. Предложение и клауза

ко в других языках непредикативные формы также могут выражать значения этих категорий. Например, в венгерском языке инфинитив, а в абхазском языке - деепричастия изменяются по лицу и числу; в алтайских и севернокавказских языках есть условные и уступительные деепричастия, которые можно считать формами косвенных наклонений.

Заметим также, что предикативные выражения почти всегда расчленены и включают в себя подлежащее (хотя бы подразумеваемое) и сказуемое. Подлежащее часто, хотя и не всегда, выражает предмет мысли, то, о чем говорится в предложении, а сказуемое — то, что говорится, т. е. свойство, отношение или действие, которое связывается с этим предметом. Отношение между подлежащим и сказуемым называется **предикативным отношением**. «Внешней грамматической формой выражения предикации является отношение между подлежащим, указывающим на предмет мысли, и сказуемым, выражающим признак, приписываемый данным актом мысли и речи субъекту. Это отношение называется предикативным... Предложение, как оболочка мысли, должно состоять как минимум из двух элементов: субъекта, который непосредственно соотносится с предметом мысли, и предиката, выражающего свойство, отношение, действие, которое мы связываем с субъектом, утверждая или отрицая его. Эта связь, устанавливаемая сознанием и выражаемая в предложении, и есть предикация» [Гак 1986: 51-52].

Тот факт, что отношение предикативности возникает при наличии в предложении подлежащего и сказуемого, особенно наглядно видно, например, в английском или французском языках, где и подлежащее, и сказуемое в подавляющем большинстве предложений должны быть выражены в ненулевой, т. е. фонетически полной, форме. Например, русские безличные (3), неопределенноподличные (4) предложения и предложения с сокращенным подлежащим (5) соответствуют английским предложениям с выраженным подлежащим: (3) *Смеркается* — *It is getting dark*; (4) *Говорят, что он уехал* — *They say that he has left*; (5) *Спит* — *He is asleep*.

Грамматическое свойство предикативности, которое отличает предложения от прочих видов групп, связано с типичным употреблением предложений в качестве **высказываний**, т. е. речевых отрезков, уместных в конкретной ситуации речи, в которой есть говорящий, адресат, предмет, время, место и цель сообщения. «Высказывание — это

Часть 1. Синтаксическое описание

любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-то» [Шведова (ред.) 1980: 84].

Обрисованное разграничение предложений и высказываний разделяется не всеми лингвистами. Например, В.А. Звегинцев полагал, что попытки определить предложение на основе грамматических признаков ведут к неоправданному сужению этого понятия, когда примеры типа *С добрым утром!* или *Пожалуйста* оказываются высказываниями, но не предложениями. Определяющими признаками предложения он считал «законченность смысла» и «привязанность к ситуации» [Звегинцев 1976: 176]. Предложение В.А. Звегинцев считал единицей речи, а соответствующую единицу языка - предложение, вырванное из контекста речевого употребления, называл «псевдопредложением» [там же: 186].

Вопреки распространенному мнению, предложение всегда является неполным выражением; однако эта неполнота другого рода, чем у непредикативных групп. Непредикативные группы неполны, потому что не содержат некоторых компонентов, необходимых для «привязки» их к речевой ситуации. Предложение, напротив, обладает нужными для этого признаками: выраженное в нем время охарактеризовано относительно акта речи, наклонение - относительно обстоятельств акта речи, вопрос предполагает наличие адресата, обладающего определенными сведениями, и т. д. Однако эти переменные признаки предложения могут получить определенное значение только тогда, когда предложение употребляется как высказывание в конкретной речевой ситуации. Установление значений переменных, связанных с ситуацией речи, при употреблении предложения в качестве высказывания называется актуализацией. Например, предложение *Грачи прилетели* содержит переменную момента речи, так как прошедшее время глагола *прилетели* сообщает, что событие 'Г произошло до момента речи', переменную говорящего, так как индикативное наклонение предполагает, что 'говорящий полагает, что Р истинно', и переменную положения наблюдателя, поскольку в предложении с помощью префикса *при-* сообщается, что грачи переместились из какого-то места пространства, которое находится дальше от наблюдателя, в ту область, которая достаточно близка к нему. Пока переменные момента речи, говорящего и положения наблюдателя не заменены определенными значениями, предложение остается неполным, т. е. не актуализированным и

поэтому обладает, по В.А. Звегинцеву, не полноценным смыслом, но «псевдосмыслом» [1976: 193].

Рассмотрим подробнее, каким образом признак предикативности связан с использованием предложения в ситуации речи.

2. Парадигма предложения: модальность, наклонение, время, категории предикативного согласования

Многие грамматические категории могут быть определены не только на множестве словоформ, но и на некоторой фразовой категории. Например, категория падежа, рода или определенности характеризует ИГ в целом, а не только входящие в ее состав существительные, прилагательные или артикли; категория времени может быть определена не только на глаголах, но и на предложениях и т. д.

В самом деле, все перечисленные категории могут принимать в одной ИГ или в одном предложении только одно значение (если не считать более «мелких» ИГ или предложения, которые входят в их состав и которые могут отличаться по значениям этих категорий от доминирующей группы). Это означает, например, что каждой ИГ может быть поставлено в соответствие ровно одно значение категории падежа или категории числа, а каждому предложению — ровно одно значение времени, наклонения или вопросительности.

Кроме факта единственности значений некоторых грамматических категорий, в ИГ и в предложениях наблюдается распространение грамматических признаков с одной их составляющей на другие, называемое **согласованием** (подробнее об этом см. главу VII). Например, в ИГ этим *большим деревом* происходит согласование по категориям рода, числа и падежа - все три ее составляющие должны иметь одно и то же значение соответствующих категорий (ср. р., ед. ч., тв. п.). В немецком языке происходит «распространение» признака определенности: форма прилагательного различна в зависимости от того, является ли artikel определенным (6а) или неопределенным (6б): (6) а. *der klein-e Junge* (АРТ.ОПР.НОМ) маленький(-НОМ.ОПР) мальчик'; б. *ein klein-er Junge* '(АРТ.НЕОПР.НОМ) маленький(-НОМ.НЕ-

ОПР) мальчик'. При предикативном согласовании признак лица, числа и рода подлежащего (а во многих языках и дополнения) «распространяется» на глагол-сказуемое. В некоторых языках в предложении наблюдается и обратное согласование — подлежащего или дополнения со сказуемым по категории времени или вида. Например, в грузинском языке при настоящем времени сказуемого — переходного глагола подлежащее принимает падежную форму на *-i*, а прямое дополнение — на *-s* (7a); при прошедшем времени (аористе) глагола-сказуемого подлежащее оформляется падежом на *-ta*, а прямое дополнение — падежом на *-i*(7б):

- (7) а. *student-i cers ceril-s.*
студент"-I писать.НАСТ.ЗЕД письмо-S
'Студент пишет письмо'
б. *student-ta dacera ceril-i*
студент-МЛ писатьАОР.ЗЕД письмо-I
'Студент написал письмо'

Таким образом, окончания существительных *-s*, *-i* и *-ta* в грузинском языке одновременно выражают по два грамматических значения — падежное и согласовательное (время глагола). Тот факт, что признак времени влияет на форму актантов, говорит о том, что время в грузинском языке есть грамматическая категория предложения в целом, а не одного лишь глагола.

Понятно, что не всякая грамматическая категория, определенная на некоторой составляющей X-а, является в то же время категорией X-а. Например, категория падежа не свойственна предложению, потому что входящие в него ИГ (или существительные) могут быть в разных падежах.

Грамматические категории, определенные на синтаксических группах, мы будем называть **синтаксическими категориями**.

Одна из синтаксических категорий предложения — модальность. Это универсальная языковая категория, теми или иными способами находящая выражение во всех известных языках. Модальность включает ряд взаимоисключающих значений, которые соответствуют различным отношениям между говорящим, адресатом и высказыванием, т. е. признакам не сообщаемой ситуации, а ситуации речи. Модальность определяется на предложении, поскольку предложение обычно выступает в роли единицы коммуникации - высказывания.

Можно сразу заметить, что область значений модальности совпадает с областью значений одной из морфологических словоизменительных категорий глагола — наклонения. В самом деле, модальность часто выражается показателями наклонения, а наклонение в русском языке (так же, как и во многих других) — морфологическая категория глагола: *стреляет, стрелял бы, стреляй!* и т. д.

Обратим внимание на то, что непредикативные формы глагола — причастие, деепричастие, инфинитив, герундий и другие обычно не различают форм наклонений (хотя некоторые из них различают формы времени) и что в придаточном предложении формы наклонения часто принимают значения, отличные от тех, которые наблюдаются в главном.

Такие значения категории наклонения, как императив (= повелительное): *Уйди!*, конъюнктив (= сослагательное) *Ушел бы* или оптатив (= желательное) *Хоть бы он ушел*, невозможны в придаточном предложении. Те формы косвенных, т. е. отличных от индикатива, наклонений, которые встречаются в придаточных предложениях, имеют в них другие значения. Например, форма конъюнктива в придаточном имеет значение условия: *Предупредил бы || если бы предупредил, мы бы не стали этого делать* (в главном предложении форма конъюнктива сохраняет основное значение). Форма императива в придаточном имеет значение условия (*Приди он вовремя, этого бы не произошло*).

В грузинском языке имеется форма оптатива, которая в главном предложении может иметь собственно оптативное значение (*mokvd-es* 'пусть умрет(-ОПТ.ЗЕД)!'; *gadyeagrjel-os* 'пусть тебе-продлит-дни(-ОПТ.ЗЕД) (Бог)!'). В придаточном

Форма со значением условия типа *Приди он вовремя...*, обычно не считается императивной даже формально, так как, в отличие от предикативного императива, она употребляется со всеми лицами и не изменяется по числу: *Приди(*te) вы вовремя...* [Храковский, Володин 1986: 226 и ел.; Бондарко 1990: 84; Сильницкий 1990: 98]. Однако Н.В. Перцов [2001: 228-240] показал, что в условных императивных конструкциях семантика императива не стирается полностью. Сохраняются и формальные основания для объединения двух форм: невозможность употребления *-te* в придаточном предложении может быть вызвана теми же причинами, что и неупотребление в придаточном другой императивной частицы *-ka*. То, что *-te* - частица или, скорее, агглютинативный формант (аффикс, передающий значение одной грамматической категории), но никак не флексия (аффикс, одновременно передающий значение более чем одной категории), было замечено исследователями очень давно, ср. *иде-шь* — *иде-te*, но *ид-i* — *ид-i-te*, *пойд-em-te*, просторечное *на-te* и т. п.

Часть 1. Синтаксическое описание

оптатив этого значения не имеет, а оформляет сказуемое сентенциального актанта (*minda, rom mokvd-es* 'хочу, чтобы (он) умер(-ОПТ.ЗЕД)'; *gtxovt gaacer-ot mankana* 'прошу-vas остановить(-ОПТ.2МН) машину').

Кроме глагольной категории наклонения, модальность может выражаться служебными словами (*бы, пускай, пусть, да, чтоб*), порядком слов и интонацией. Здесь также наблюдается различие значений в главном (оптатив) и придаточном (уступительное или условное значение): (*Пусть материал будет интересный!* и *Пусть материал будет интересный, что tolku?*; *Пришел бы он вовремя!* и *Пришел бы он вовремя, мы бы успели*). Такое последовательное различие значений модальности в главном и придаточном предложениях, конечно, не случайно. Отличие главного предложения от придаточного по допустимому набору модальных значений вполне ожидаемо, поскольку главное, но не придаточное предложение может, если оно не вложено в другое, объемлющее предложение, выступать в роли целого и самостоятельного высказывания. Назовем **независимым** такое предложение, которое не является составляющей никакого другого предложения. Заметим, что многие лингвисты термин «предложение» часто используют тогда, когда речь идет фактически о независимом предложении.

Н.Д. Арутюнова обращает внимание на то, что одно из средств выражения модальности в независимом предложении - законченная интонация - позволяет «употребить его в нулевом окружении (или иначе, абсолютной позиции). Этому формальному признаку соответствует значение коммуникативной автономности: без интонационной завершенности ни одна синтаксическая структура не может быть отдельным сообщением» [Арутюнова 1969: 39].

Еще одним признаком независимого предложения Н.Д. Арутюнова считает присутствие морфемы абсолютного времени, которая непосредственно соотносит содержание высказывания с моментом речи. В синтаксически подчиненной позиции, например, в деепричастном обороте (*Прогнувшись, он открыл || откроет глаза*) или в придаточном (*Я сказал || скажу, что тороплюсь*), время определяется не независимо (по морфологической форме глагола), но относительно времени независимого предложения [там же]. Однако, как отмечает Н.Д. Арутюнова, при «более свободном» присоединении придаточное может быть носителем абсолютного

го времени: *Мы отправили || отправляем || отправим на эту конференцию наши доклады, потому что она для нас (была || будет) очень важна.*

Является ли **время** еще одной синтаксической категорией предложения? Время и наклонение в большом числе языков не представляют собой полностью независимых категорий, т. е. значения их признаков не «перемножаются» свободно. Наоборот, нередко показатели косвенных наклонений дополнительно распределены с показателями времени и тем самым формально образуют с ними одну морфологическую категорию, «чему, кстати, вполне можно предложить логическое объяснение: ирреальное событие, обозначаемое формами косвенных наклонений, не может относиться к реальному времени» [Плунгян 2000: 114]; см. также [Лайонз 1978 (1972): 327 и ел.]. Например, в русском языке времена различаются только в немаркированном наклонении (индикативе): *уходит, ушел, уйдет;* в императиве (*уйди*) и конъюнктиве (*ушел бы*) различий по времени не наблюдается (о взаимодействии времени и императива см. [Храковский 1990: 22—24]). Время так же, как и модальность, часто выражается неморфологически, т. е. вне глагольной словоформы, причем такие неморфологические способы нередко образуют единый формальный класс, например, класс вспомогательных и модальных глаголов в английском языке. К этому синтаксически единому классу относятся слова, обозначающие время и/или модальность (например, *will, shall, would, can, could, may, must* и др.).

Как пишет Н.Ю. Шведова, в русском языке «значения времени и реальности/ирреальности слиты воедино; комплекс этих значений называется объективно-модальными значениями или объективной модальностью... Значения времени и наклонения, на синтаксическом уровне представленные противопоставлением "временная определенность — временная неопределенность", принадлежат к числу центральных значений синтаксиса: они организуют предложение как грамматическую (синтаксическую) единицу... Предложению принадлежат синтаксические значения настоящего, прошедшего и будущего времени (временная определенность), а также значения временной неопределенности: грамматически отнесенной в неопределенный временной план возможности, желательности, побудительности и долженствования» [Шведова (ред.) 1980: 86].

Часть 1. Синтаксическое описание

Несмотря на то что категория времени выражена также в причастных оборотах (в некоторых языках и в деепричастных или инфинитивных оборотах), причастные обороты не обладают предикативностью, — может быть, потому что при этом время выражается отдельно от наклонения.

На роль грамматической категории предложения могут претендовать также категории **лица**, **числа** и **рода** подлежащего, по которым происходит согласование с глаголом. Поскольку каждая такая согласовательная категория принимает в предложении по одному-единственному значению, она также входит в группу категорий предикативности. Поэтому предикативные формы глагола традиционно называются **личными** (хотя в русском языке эти формы точнее было бы называть «лично-числовыми» или «число-родовыми»). По той же причине в английской грамматической традиции предикативные формы называются **tensed** («охарактеризованными по времени»). Поскольку в разных языках носителями сказуемости могут быть разные категории, в общей лингвистике их предпочитают называть **финитными**.

В языках «среднеевропейского стандарта» согласование глагола с дополнением — редкое явление, однако оно все же наблюдается. Например во французском языке в том случае, когда дополнение предшествует глаголу в сложной форме, глагол согласуется с ним по роду и числу: *l-es mesure-s qu 'on a pris-e-s* '(АРТ-МН) меры(Ж-МН) которые (ВСП) были-приняты(-Ж-МН)'. Во многих языках, например кавказских, чукотско-камчатских, австралийских, amerindских и мн. др., согласование глагола с дополнением (нередко более чем с одним) весьма развито. Таким образом, те категории, по которым происходит согласование с дополнениями, являются в этих языках финитными, т. е. категориями предложения.

Кроме рассмотренных, предлагалось выделять и другие категории предложения, например, утвердительность/отрицательность, коммуникативная установка (повествование, вопрос, побуждение), конвертируемость (активный либо пассивный залог), активность/демиактивность, т. е. соотношение личных и безличных форм (*Он думал* — *Ему думалось*) [Ломтев 1972]; эмотивность (восклицание), информативность (актуальное членение, о котором см. в гл. IX), категории речевой ситуативностиTM, например особые формы вежливости [Гак 1986: 59]. Некоторые из них, такие как вопросительность, могут быть включены в категорию модальности

Глава IV. Предложение и клауза

яри достаточно широком ее понимании, другие можно рассматривать в качестве отдельных синтаксических категорий предложения.

«Формирующие предикативность значения синтаксических времен и наклонений имеют свое формальное выражение и выявляются в системе противопоставлений — форм предложения, образующих его грамматическую парадигму» [Шведова (ред.) 1980: 86]. **Парадигмой** называется таблица, строки которой отличаются только значениями некоторой грамматической категории. Синтаксическая парадигма принципиально не отличается от более привычной нам морфологической, т. е. таблицы форм словоизменения, только вместо морфологических единиц (слов) она включает синтаксические (предложения). Приведем некоторые примеры парадигм русских простых предложений:

(8)

Наст. вр. индикатив	<i>Он работает</i>
Прош. вр. индикатив	<i>Он работал</i>
Буд. вр. индикатив	<i>Он будет работать</i>
Конъюнктив (сослаг. накл.)	<i>Он бы работал</i>
Оптатив (желат. накл.)	<i>Работал бы он! Если бы он работал/</i>
Императив (побудит, накл.)	<i>Пусть он работает!</i>

(9)

Наст. вр. индикатив	<i>Писем не приходит</i>
Прош. вр. индикатив	<i>Писем не приходило</i>
Буд. вр. индикатив	<i>Писем не будет приходить</i>
Конъюнктив	<i>Писем бы не приходило</i>
Оптатив	<i>Не приходило бы писем!</i>
Императив	<i>Если бы не приходило писем!</i>
	<i>Пусть не приходит писем!</i>

(10)

Наст. вр. индикатив	<i>Иван — врач</i>
Прош. вр. индикатив	<i>Иван был врачом</i>
Буд. вр. индикатив	<i>Иван будет врачом</i>
Конъюнктив	<i>Иван был бы врачом</i>
Оптатив	<i>Был бы Иван врачом!</i>
Императив	<i>Если бы Иван был врачом!</i>
	<i>Пусть Иван будет врачом!</i>

Часть I. Синтаксическое описание

В придаточных предложениях наблюдается также кондиционал (условное наклонение): *Работал бы он, ..., Если бы он работал, ... ; Не приходило бы писем, ... ; Будь Иван врачом, ... ; Если бы Иван был врачом,*

Общая часть предложений, входящих в одну парадигму, называется **пропозициональным содержанием** предложения, или **диктумом**, а различия между элементами парадигмы образуют **модус**. Термины «диктум» и «модус» восходят к Ш. Балли [Балли 1955 (1950)]; диктум является описанием некоторой ситуации, а модус — способом ее представления говорящим, который включает оценку ситуации и отношения ее к действительности.

ЗАДАНИЕ 1. Постройте парадигмы для следующих русских предложений. Обратите внимание на те случаи, когда парадигма включает меньше элементов, чем в (8—10), и попытайтесь объяснить, почему.

Курить воспрещается.
Все разворовано.
Визитеров двое.
Нет вопросов.
Ничего интересного.
Нам туда не дойти.
Скулы сводят.
Не о чём разговаривать.

i

В морфологической словоизменительной парадигме можно выделить неизменяемую абстрактную часть - информацию о том типе основ, который характеризуется данной парадигмой. Например, в русском языке основы *завод-, артист-, навес-, обстрел-* попадают в один и тот же тип склонения «м 1а» по А.А. Зализняку, т. е. 1-ый субстантивный, муж. р., неодушевленные, с неизменяемым ударением на основе, а основы *гля-ну-, дви-ну, хлы-ну-* — в один и тот же тип спряжения «ев нп За», т. е. совершенный вид, непереходный, суффикс *-ну-* после гласной, постоянное ударение на основе [Зализняк 1977]. Внутри каждого из таких типов наблюдается полное совпадение грамматических признаков. Аналогично этому и в каждой синтаксической парадигме простого предложения содержится неизменяемая абстрактная часть: множество грамматических характеристик, не зависящих от лексического заполнения и от различия в значениях, которые принимают предикативные категории. Такая неизменяемая часть парадигмы называется **структурной схемой**.

Глава IV. Предложение и клауза

мой. «Так, например, в основе предложений *Ребенок веселится; Поезд идет; Мальчик читает; Завод работает* лежит отвлеченный образец (структурная схема) "им. п. существительного — спрягаемая форма глагола", во взаимной связи друг с другом выражающие отнесенные ко времени отношения процессуального признака (действия или состояния) и его носителя". Предикативную основу предложений *Работы прибавляется; Денег не остается; Воды убывает; Времени хватает* образует соединение "род. п. существительного — глагол в форме 3 л. ед. ч., во взаимной связи друг с другом выражающие отношения процессуального состояния и его носителя". Предикативной основой предложений *Зима; Стон; Скора* является форма им. п. существительного, в качестве синтаксической единицы обозначающее то, что налицоствует и само это наличие, существование» [Шведова (ред. 1980: 85].

Множество простых предложений в некотором языке можно описать, перечислив их структурные схемы. Большинство описательных грамматик языков мира следует по этому естественному пути. Представление языковых фактов через перечисление их типов называется **классифицирующим, или таксономическим, описанием**.

3. Парадигма предложения: выражение вопроса

Обратимся к еще одной универсальной категории, которая связывает предложение с обстоятельствами речевого акта, — категории вопросительности. Вопросительность более сложным образом связана с диктумом, чем наклонение, так как одному утвердительному предложению³ соответствует не один, а несколько вопросительных коррелятов, и не всегда можно определить даже их точное число. Так, утвердительному предложению (11а) соответствуют вопросительные предложения (11б—д) и, может быть, еще какие-то из предложений (11е—й) или им подобных: (11) а. *Иван пришел на спектакль в Metropolitan, несмотря на головную боль;* б. *Пришел ли Иван на спектакль в Metropolitan, несмотря на головную боль?*; в. *Иван пришел на спектакль в Metropolitan,*

Интонационные и акцентные различия, не отражаемые на письме, здесь для простоты игнорируются.

Часть 1. Синтаксическое описание

несмотря на головную боль?; г. Иван ли пришел на спектакль в *Metropolitan*, несмотря на головную боль?; д. Куда Иван пришел, несмотря на головную боль?; е. ? Несмотря на что Иван пришел на спектакль в *Metropolitan*?; ж. ? Несмотря на какую боль, Иван пришел на спектакль в *Metropolitan*?; з. ? На спектакль в каком театре пришел Иван, несмотря на головную боль?; и. ? На спектакль ли в *Metropolitan* Иван пришел, несмотря на головную боль?; ю. ? Кто куда пришел, несмотря на головную боль?... и т. п. Ввиду такой неопределенности границ парадигмы вопросительность не всегда включают в число предикативных категорий, хотя вполне очевидно, что она относится к модальным значениям.

Вопросительные предложения делятся на два основных класса - общевопросительные и частновопросительные. **Общие** вопросы содержат в себе призыв говорящего к слушающему оценить истинность некоторого высказывания в терминах истинностной оценки: *истинно* (*Да*) или *ложно* (*Нет*); по-английски они называются yes/no questions «да/нет вопросы».

Примерами общих вопросов могут служить предложения *Мама приехала?* *Правильно ли вы поняли?* *Неужели он там сказал?* В составе вопросительного предложения выделяется некоторая составляющая, к которой относится вопрос, называемая **фокусом вопроса**. Она выделяется либо интонацией и другими просодическими средствами (12), либо вопросительной частицей *ли*, которая в таком случае должна непосредственно следовать за этой составляющей (13): (12) а. *Все 'правильно поняли?* б. *'Все правильно поняли?* в. *'Поняли все правильно?* (знаком ' отмечается составляющая, несущая фразовый акцент); (13) а. *Правильно ли все поняли?* б. *Все ли правильно поняли?* в. *Поняли ли все правильно?*

Особое значение модальности в общих вопросах представляет условно-вопросительная конструкция, включающая форму конъюнктива (*Ты бы пошел на такой риск?* *Пошел ли бы ты на такой риск?*).

Отдельной разновидностью общих вопросов являются **альтернативные** вопросы, в которых адресату предлагается сделать выбор из двух или более высказываний, указав, какое из них является истинным: *Ножницы здесь или у тебя?* *Хорошая погода или пасмурно?* Фокусом вопроса в альтернативных предложениях можно считать несовпадающие части двух предложений, соединенных союзом *или*. Ответы *Да* и

Глава IV. Предложение и клауза

нет при альтернативном вопросе невозможны; в качестве ответа адресат повторяет фокусную часть того предложения, которое считает истинным: *Здесь* или *Пасмурно*.

В **частных** вопросах говорящий предлагает слушающему сентенциальную форму, связанную вопросительным оператором (ответ состоит в указании правильного значения переменной в сентенциальной форме). На месте переменной употребляется вопросительное слово, выраженное словом специального лексико-грамматического класса — вопросительным местоимением. Например, в вопросе *Что ты мне принес?* содержится сентенциальная форма *Ты мне принес x'*, где *x'* — переменная, значение которой говорящий стремится узнать у адресата. Фокус вопроса выражается вопросительным местоимением *что*.

Вопросительные местоимения включают в себя слова разных частей речи: существительные (*кто? что?*), прилагательные (*какой? что за?*), наречия (*где? когда?*). Так же, как и анафорические местоимения (*он, это*), о которых шла речь в главе II 4.2.4 в связи с критериями выделения фразовых категорий, они являются проформами, т. е. обладают дистрибутивными признаками фразовых, а не терминальных, категорий — ИГ, групп прилагательного, наречных групп и т. п. Наиболее отчетливо это видно по их неспособности (или очень слабой способности) присоединять зависимые, ср. (14) а. *Он оказался очень сообразительным мальчиком*; б. *Кем он оказался?* в. **Он оказался очень сообразительным кем?*; (15) а. *Каким мальчиком он оказался?* б. **Очень каким мальчиком он оказался?* В (14) вопросительное местоимение замещает всю ИГ *очень сообразительным мальчиком* (146), но не вершину *мальчиком*; в (15) вопросительное местоимение *каким* замещает всю группу прилагательного *очень сообразительным* (14a), но не одну лишь вершину *сообразительным*.

Ш. Балли в своей классификации вопросительных предложений, помимо деления их на обще- и частновопросительные (в терминологии Балли **модальные** и **диктальные** соответственно, т. е. относящиеся к элементу модуса — истинностной оценке — либо к диктуму — сообщаемому содержанию), ввел еще одно полезное противопоставление — **полных** и **частичных** вопросов в зависимости от того, охватывает ли сфера действия вопроса все предложение или же какую-то его часть. Так, полными диктальными вопросами являются, например, *Что случилось?* или *В чем дело?*; частич-

Часть 1. Синтаксическое описание

ным диктальным *Кто вышел?*; полным модальным *Павел здесь?*; частичным модальным *В школу ли пошел Павел?* [Балли 1955 (1950): 47-48].

Является ли вопросительность свойством, присущим только независимому предложению, или вопросительными могут быть и придаточные? Некоторые придаточные как будто выражают значение вопроса: (16) *Он спрашивает, скоро ли ты приедешь.* Такие сложноподчиненные предложения называются конструкциями **косвенного вопроса**, которые, в свою очередь, представляют собой разновидность конструкций **косвенной речи**. Придаточные косвенной речи выражают сентенциальные актанты при глаголах со значением мышления и речи: *Он утверждает || думает || отрицает || воображает, что все знает об этом; Саша попросил || сказал || приказал чтобы мы помогли ему решить задачу.* Особенность косвенных вопросов заключается в том, что придаточное оформляется так же, как и вопросительное независимое предложение, ср. *Он не знает, что Иван приехал* (косвенная речь, но не косвенный вопрос) и *Он не знает, приехал ли Иван* и *Он не знает, зачем приехал Иван* (косвенный вопрос). В конструкциях косвенного вопроса главными глаголами являются глаголы, обозначающие не только вопрос {спрашиваю}, но и утверждение {скажу, сообщаю}, сомнение и неуверенность {не уверен, не знаю, сомневаюсь}, приобретение знания {узнаю, выясняю, устанавливаю}, а также предикатные существительные типа *вопрос, проблема, сомнение* и т. п. Уже из самой семантики этих предикатных слов понятно, что в большинстве случаев косвенного вопроса ни предложение в целом, ни придаточное, в отличие от (16), не обозначают вопросов в том смысле, в котором их обозначают независимые предложения. Косвенный вопрос не обязательно подразумевает ситуацию реального вопроса и обычно не предполагает ответной реакции слушающего.

Структура косвенного вопроса повторяет либо устройство частного вопроса {вопрос, кого звать на ужин}, либо структуру одного из типов общевопросительного предложения, а именно предложения, содержащего частицу *ли*⁴. В

В предложениях с альтернативными косвенными вопросами, содержащими союзы *или*, *то ли*, частица *ли* обычно не употребляется (или, по другой трактовке, употребляется в составе этих союзов): *Я не знаю, хороши (*ли) он или плох; Мужские блаженные голоса то ли пели, то ли орали хором, непонятно* (Трифонов).

этих предложениях так же, как и в соответствующих общих вопросах, одна из составляющих является фокусом вопроса, но не прямого, а косвенного, т. е. предметом сомнения, уз-навания и т. д., ср. (17) а. *Я не знаю, Саша ли пишет статью;* б. *Я не знаю, пишет ли Саша статью;* в. *Я не знаю, статью и Саша пишет.*

Материал других языков показывает, что грамматические различия между косвенными и обычными вопросами могут быть существенными. Например, в английском языке признаком вопросительных предложений является и н в е р -сия: передвижение вспомогательного или модального глагола независимого предложения в позицию левее подлежащего: (18) а. *He is coming* 'Он идет', б. *Is he coming?* 'Идет ли он?'; (19) а. *You can see John* 'Вы можете увидеть Джона'; б. *Whom can you see?* 'Кого вы можете увидеть?', ср. в. **Whom you can see?* В предложениях косвенного вопроса инверсии нет: (20) а. */ wonder whether he is coming* 'Я не знаю, приходит ли он'; б. **/ wonder whether is he coming;* (21) а. */ wonder whom you can see* 'Я не знаю, кого вы можете увидеть'; б. **I wonder whom can you see.*

Категория модальности в широком понимании включает в себя также некоторые коммуникативные значения, такие, как тема и рема, о которых пойдет речь в главе IX п. 1. В работах по русскому синтаксису модальность обычно понимается более узко: к числу модальных значений относят лишь те, которые выражаются наклонением и словами со значением отрицания и модальности (*не, никогда, нужно, можно* и т. п.), причем вопрос вместе с восклицанием относят к категории «целевого назначения», а тему и рему - к актуальному членению. При этом, однако, отмечается «тесное взаимодействие» всех трех категорий [Скобликова 1979: 29].

4. Связочные и бытийные предложения

Как мы видели в главе I п. 5, грамматическим центром предложения (в терминах структуры зависимостей — его корневой вершиной) служит глагол-сказуемое. В случае, если глагольное сказуемое состоит из двух частей — **полнознач-ного и вспомогательного** глагола (например, *был написан*, или англ. *has written* 'написал' и т. п.), корневой вершиной является вспомогательный глагол. Вспомогательный, но не пол-

Часть 1. Синтаксическое описание

нозначный, глагол — носитель финитных (предикативных) категорий, т. е. таких, которые характеризуют не одну его словоформу, но и все предложение целиком.

В предложении может и вовсе не быть полнозначного глагола, т. е. такого, который обозначает определенное состояние, процесс или действие. Вместо него может употребляться **глагол-связка**, который часто по форме совпадает со вспомогательным глаголом: *Он был студентом; Выбраться будет тяжело*. Между полнозначными, вспомогательными глаголами и связками трудно провести четкую границу, так как имеется большое число **полусвязочных** (22) и **полувспомогательных** (23) глаголов, в некоторых контекстах утративших или почти утративших лексическое значение: (22) стал министром; оказался подлецом; Я сделался ремесленник (Пушкин, «Моцарт и Сальери»); (23) нанес оскорбление (=оскорбил); осуществили проверку (=проверили); подвергли осмотр (=осмотрели); дождь идет.

В отсутствие полнозначного глагола значения предикативных категорий выражаются в связке, которая в настоящем времени индикатива может быть нулевой (о нулевых единицах см. главу V). В роли сказуемого могут выступать, например, ИГ (*Он наш друг*), ПрГ (*Книга в икафе*), группы прилагательного (*Дом красивый*), инфинитив (*Моя обязанность — всех проверять*), некоторые наречные группы и слова со значением количества (*Всего вдоволь*; *Денег мало*).

Ю.Д. Апресян [Апресян 1992; Apresan 1992] выделяет у русского глагола *быть* шесть групп значений, однако для наших целей достаточно более грубого деления на три лексемы - вспомогательный глагол (*был убит*), связку (*был хороши*) и полнозначный глагол (*был на месте*). Вспомогательный глагол отделяется от других довольно легко по грамматиче-

Более точно было бы называть полувспомогательным не такой глагол, который употребляется с существительными, называющими действия типа *оскорбление* или *проверка*, а такой, который при определенных условиях может употребляться с нефинитной формой полнозначного глагола, например, *стать*, ср. (i) *станет* (*будет, начнет*) *рассказывать*; (ii) **стать* (//**быть, начать*) *рассказывать*; (Ш) *стал* (//**был, начал*) *рассказывать*; (iv) *стань* (//**будь, начни*) *рассказывать*; (v) **стал* (//*был, начал*) *рассказан* и т. п. Примеры (i-v) и в особенности (ii) показывают, что *стать* по дистрибуции занимает промежуточное положение между настоящим вспомогательным глаголом {*быть*} и настоящим полнозначным глаголом {*начать*}; примечательно также, что в (iv) *стань* допустимо только в условной конструкции, а *начни* — и в условной, и в императиве и т. д.

Глава IV. Предложение и клауза

ским и семантическим признакам [Junghanns 1997]; у него отсутствуют (по крайней мере ненулевые) формы настоящего времени, ср. (24) а. *Стаканы есть в шкафу, Стаканы были (будут) поставлены в шкаф, Стаканы будут ставить в шкаф* и б. **Стаканы есть поставлены в шкаф*.

Предложения со связкой или с каким-то грамматическим элементом, аналогичным по функции связке, в разных языках обычно выражают один и тот же круг значений. Охарактеризуем наиболее важные из них.

Бытийные, или экзистенциальные, предложения употребляются с полнозначным бытийным глаголом и представляют собой утверждения о существовании «в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками, т. е. принадлежащих тому или другому классу»: (25) *В этом городе есть университет, На улице была толпа народа, У нас нет дачи, На этой площади будет театр*» [Арутюнова, Ширяев 1983: 8]. Бытийные предложения подразделяются на два класса. В первом классе утверждается существование объекта относительно некоторого физического пространства (*в этом городе ...*) или реже — времени (*в давние времена ...*), области явлений, определенных относительно некоторого центрального референта (*у меня ...; в окружении президента ...*). Во втором классе утверждается существование подкласса объектов внутри некоторого класса: (26) *Среди моих друзей есть музыканты; В полку есть оркестр*. Обозначение пространства или класса нередко опускается — например, когда пространством является весь мир (*В мире*) *Русалок не бывает*, или когда его значение ясно из контекста (*У нас*) *Денег нет*.

Идентифицирующие предложения, или предложения тождества, представляют собой утверждения о том, что два языковых выражения обозначают один и тот же референт: (27) *Вася и есть мой муж; Убийца — Стэплтон; Воланд — он черт*. В состав идентифицирующих предложений обязательно входят две референтные (т. е. обозначающие конкретный объект) ИГ. Иногда в роли сказуемого используются другие Фразовые категории: (28) *Место встречи — возле расписания; Самый лучший способ утешить принцессу — это выдать замуж за человека, доказавшего свою практичность, знание жизни, распорядительность и состоявшего при короле № Шварц, «Обыкновенное чудо»). К идентифицирующим предложениям близки предложения **номинации**, в которых*

Часть I. Синтаксическое описание

содержится утверждение об имени (названии) некоторого объекта, например (29) *Эта река - Обь; Это Иван Иванович* (при знакомстве), и экспликативные предложения, в которых, наоборот, объясняется значение какого-то слова или выражения: (30) *Обь — большая река в западной Сибири; Вероятность события есть сумма вероятностей элементарных событий, из которых оно состоит.*

Предложения характеризации (в широком смысле) «выражают логическое суждение. В классическом случае их субъект относится к конкретному предмету, классу предметов или части класса, а предикат выражает признак, свойство, действие, состояние, процесс, принадлежность к классу, местопребывание предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, отношение к другим предметам, время (если субъект обозначает событие) и многое другое» [Арутюнова, Ширяев 1983: 10].

В предложениях характеризации используются **таксономические** предикаты, которые «указывают на принадлежность данного предмета или вида предметов некоторому более широкому по своему объему классу: *Кит — млекопитающее, Этот цветок — роза*» [там же]. Временные формы таксономической связки «относятся не к существованию признака в данном объекте, а к существованию самого объекта: *Сократ был грек. Прошедшее время в этом предложении употреблено не потому что Сократ в какой-то момент жизни перестал быть греком... а потому, что само его существование относится к прошлому*» [там же].

В отличие от таксономических **характеризующие** (в узком смысле) предикаты указывают не на принадлежность к классу, а на один отдельный признак: *Яблоко красное; Петя - лгун. Реляционные* предикаты выражают отношение одного объекта к другому: *Жуковский был воспитателем Александра II; Маша — моя сестра. Локальные* предикаты указывают на местоположение в пространстве: *Сумка на подоконнике; Брат сейчас в школе.*

Как уже говорилось, в бытийных предложениях глагол *быть* является полнозначным, а не связкой, т. е. относится к тому же классу, что глаголы *существовать, иметься и находиться*. Это видно из того, что отрицательный вариант бытийного предложения с *быть* включает слово *нет* и род. п. подлежащего: (31) а. *В поселке есть врач;* б. *В поселке нет врача;* в. **В поселке не есть врач,* ср. (32) а. *Имелась причина;* б. *Не имелось причины;* в. **Не имелась причина*, в то время как в предложениях характеризации отрижение выражается обычным образом - присоединением *не* к сказуемому: (33) а. *История (есть) наука;* б. *История не (есть) наука.* Экзи-

Глава IV. Предложение и клауза

стенциальное *быть* сохраняется в вопросительном предложении, а связочное — нет: (31) *Есть ли в поселке врач?*, но (33') а. *Наука ли история?*; б. **Наука ли есть история?*, ср. (31") *В поселке ли врач?* (предложение характеризации: 'находится ли врач в поселке?') [Chvany 1975]. Наконец, *есть* в современном русском языке — форма бытийного глагола (наряду с нулевой словоформой) и как связка употребляется в основном в идентифицирующих и экспликативных предложениях и очень редко — в предложениях характеризации (? *Миша есть студент*), обычно для нарочитой архаизации или подчеркивания значительности сообщаемого: *Такое поведение есть подлость; Крутицкий: ...поставляя новое, мы делаем как бы уступку духу времени, который есть не что иное, как измышиление праздных умов* (Островский, «На всякого мудреца...»). Сравнение парадигм бытийного глагола и связи см. в [Панов 1966: 107].

Ю.Д. Апресян предположил, что в русском аналитическом пассиве выступает не вспомогательный глагол, а глагол-связка, приводя в доказательство тот факт, что пассивные причастия и прилагательные могут сочиняться: *Он был оставлен самыми близкими друзьями и зол на весь мир* [Apresjan 1992: 369]. Если эта гипотеза верна, то аналитические пассивные конструкции, которые традиционно рассматриваются как конструкции со вспомогательным глаголом, в действительности относятся к предложениям характеризации. Однако проблема, как кажется, выглядит сложнее. Известно, что аналитические пассивы с выраженным вспомогательным глаголом (или связкой, если прав Ю.Д. Апресян), двузначны: они могут выражать как действие (*Во вторник крепость была окружена противником*), так и состояние (*Крепость все еще была окружена противником*), см. подробнее в [Князев 1989аб]. Сочиняться с прилагательными могут только конструкции со значением состояния: если добавить в пример Ю.Д. Апресяна акциональное обстоятельство, сочинение станет невозможным: ?? *Вскоре он был оставлен самыми близкими друзьями и зол на весь мир*; ср.: *Он [Фома Опискин] был когда-то литератором и был огорчен и не признан* (*огорчен* здесь в значении 'обижен, унижен'; Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели») при невозможности **Он был когда-то литератор, огорчен и не признан*.

При нулевой форме (настоящем времени) глагола аналитический пассив обычно не допускает значение действия: ?? *Во вторник крепость окружена противником*, ср. *Крепость все еще окружена противником*. Можно предположить, что в аналитическом пассиве может употребляться как связка (дающая значение состояния), так и вспомогательный глагол (привносящий значение действия), причем у вспомогательного глагола попросту отсутствует форма настоящего времени, однако эта гипотеза нуждается в более детальной проверке. Интересно, что так же ведет себя

Часть I. Синтаксическое описание

быть в акциональном значении 'появляться, приходить, приезжать': у него отсутствует форма настоящего времени: *Он сегодня здесь в три часа был. Его сегодня не будет* [Apresjan 1992: 368]

Все семантические разновидности предложений со связкой и с бытийным глаголом могут быть обнаружены также и в предложениях с полнозначными глаголами-сказуемыми. О бытийных предложениях типа *По бокам дороги возвышались телеграфные столбы* см. [Арутюнова, Ширяев 1983: 36-41]; полнозначный глагол в предложении идентификации выступает в примере: *Покажи мне, кто здесь Иванов. -» Иванов выступал третьим* в значении 'Иванов — это тот человек, который выступал третьим', или *Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету* (Достоевский, «Преступление и наказание»), ср.: *Это я убийца старухи-чиновницы и сестры ее Лизаветы*. Полнозначные глаголы могут выражать также номинацию: *Ее сестра звалась Татьяна* (Пушкин) или характеристацию, ср. *Он хромает* и *Он хромой*.

5. Номинативные и неполные предложения

При определенных условиях ИГ могут выступать в роли полных высказываний. Такие ИГ обычно рассматриваются как предложения особого рода, которые называют номинативными. Они могут обозначать, например, явления природы или состояние окружающей среды (*Тишина; Гром; То свет, то тьма*); обобщающие суждения (*Всюду жизнь*) и т. п. Последовательность таких предложений в тексте образует то, что Л. Теньер назвал «субстантивным стилем» [Теньер 1988 (1959): 192], чemu есть известные примеры в поэзии: *Шепот. Робкое дыханье. Трели соловья. (Фет); Ночь. Улица. Фонарь. Атека. (Блок); Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертаны столицы во мгле. (Ахматова); Сомкнутые веки. / Выси. Обла-ка. / Воды. Броды. Реки. / Годы и века. (Пастернак)*.

По-видимому, номинативные предложения в русском языке можно рассматривать как бытийные с опущенной локативной частью: (*Кругом*) *Тишина*, хотя такая точка зрения не является общепринятой [Арутюнова, Ширяев 1983: 49–51]. Номинативные предложения обладают парадигмой, характерной для бытийных: (34) а. *Тишина*; б. *Была тишина*; в. *Была бы тишина*; г. *Пусть будет тишина*/; ср. отрицатель-

Глава IV. Предложение и клауза

ные и вопросительные формы д. *Нет тишины*; е. *Есть (быда) ли тишина?* при неграмматичности ж. **Тишина ли?* и т. п.

В номинативных предложениях невозможна ненулевая связка *есть* без отрицания (з. ? *Есть тишина*), что характерно для бытийных предложений «с событийным, качественным или оценочным значением» [Арутюнова, Ширяев 1983: 86]: *Там (*есть) сущий ужас; У нас сейчас (*есть) дождь; У тебя в голове (*есть) каша; У брата (*есть) грипп; В школе (Четыре) выпускной бал.*

ИГ не может быть носителем грамматических признаков наклонения и времени, так как не обладает соответствующими синтаксическими категориями. Носителем предикативных признаков является предложение в целом и глагол-связка *быть*, который в конструкции, выражающей настоящее время индикатива (34а), присутствует только в виде нулевой единицы. Можно, впрочем, заметить, что номинативные предложения встречаются и в таких языках, где глагол-связка в настоящем времени выражается обязательно, например, в английском или французском. В этих языках есть и бытийные предложения, но они по своей структуре совершенно не похожи на номинативные.

Повторим, что вопрос о статусе номинативных предложений остается спорным: не все исследователи согласны с тем, что предложения (34а) и (34б—е) образуют одну парадигму. Так, С.Н. Кузнецов отрицает наличие предикативности в номинативных предложениях, указывая на то, что они не могут образовать придаточного, ср. *Он почувствовал, что морозит, Он почувствовал, что нет мороза, но *Он почувствовал, что мороз*⁶», однако все же признает конструкции типа (34а) предложениями, допуская, что при отсутствии грамматической предикативности признаком предложения выступает коммуникативная функция, т. е. обращенность к собеседнику [1984: 50].

Номинативные предложения следует отличать от **неполных** предложений: (35) а. *Отвертку*; б. *Он принес отвертку*? в. *Дай отвертку!*; г. *Принести молоток? — Отвертку!* (35а) является сокращенным, или неполным, вариантом какого-то другого предложения. Причины такого сокращения, называемого **эллипсисом**, могут быть разными. Например,

С другими союзами номинативные предложения могут, хотя и редко, образовывать **придаточные**: *Когда мороз, снег скрипит; Чуть ночь, мой демон тут как тут* (Пастернак, «Магдалина»).

Часть 1. Синтаксическое описание

опускается та часть сообщения, которая ясна говорящему и слушающему благодаря имеющимся у них знаниям о ситуации - именно это происходит с предложениями (35б), если результатом их сокращения оказывается (35а). Для реплик в диалоге свойственно избегать повторов — если вопрос содержит некоторую цепочку, как *принести* в (35г), то повторять ее в ответе нет необходимости. Номинативные предложения вовсе не таковы - они являются полными сообщениями, а не результатами эллипсиса.

Предложения, представляющие собой группы прилагательного, группы наречия или предложные группы, - неполные (= эллиптические)⁷: в них всегда можно усмотреть отсутствующие части, которые могут быть легко восстановлены по контексту или следуют из знаний говорящего и слушающего об обозначаемой ситуации: (*Он лежит*) *на полке*; *Мишина (книга)*; *Быстрей (езжай)*; *Очень остроумно (сказал)*; (*Как можно было*) *Упустить такую возможность!*; (*Подайт мне*) *Шесть штук самых жирных карасей*, — *приказал кот* (А.Н. Толстой, «Золотой ключик»); франц. *A d'autres!* 'Рассказывайте!' (восклицание недоверия; букв. 'Другим!') и т. п.

Таким образом, в роли высказывания могут выступать фразовые категории двух видов: ИГ и предложение. Однако не только полные, но и сокращенные предложения могут использоваться в качестве высказываний. При определенных условиях высказываниями могут быть и такие отрезки, которые не являются ни предложениями, ни даже частями предложений. Таковы, например, обращения, разговорные формулы, восклицания и заголовки (*Сережа!*; *Господин министр!*; *Внимание!*; *Слава труду!*; *До свидания в Москве!*; *Марш!*; *Вот тебе на!*; *Так его!*; *Еще бы!*; «*Война и мир*»), «фразеологизированные предложения» (*Неделя как неделя*; *Всем пирогам пирог*) и дейктические конструкции вроде *Вот твой дом*; *Взять хотя бы твоего Васю*; *Ну и доклад!* и т. п.

Неполные предложения часто отличают от эллиптических по тому признаку, что первые не могут быть полностью понятны вне контекста, «в отрыве от конкретной ситуации» (*Другую!*), а вторые - будто бы могут (*Кот - в окно*). Однако это различие не сопровождается никакими систематическими различиями в грамматике. Семантически оно также бессодержательно: ни какое предложение не может быть понято «вне контекста».

6. Клаузы: сочинение и подчинение

Рассмотрим следующий выразительный пример, предложенный ГЛ. Золотовой [1995: 100; Золотова и др. 1998: 217-221]:

(36) *Мчатся тучи* (Пушкин, «Бесы»).

(37) *И ускоряя ровный бег, / Как бы в предчувствии погони, / Сквозь мягко падающий снег / Под синей сеткой мчатся кони* (Ахматова, «Призрак»).

Как замечает Г.А. Золотова, «оба примера представляют по общепринятой классификации простые предложения одного типа». Согласно грамматической традиции второе предложение, в отличие от первого, содержит три «обособленных» оборота: деепричастный (*ускоряя ровный бег*), поясняющий (*как бы в предчувствии погони*) и причастный (*мягко падающий*). Всего в (37) Г.А. Золотова насчитывает «6 предикативных единиц, соотносящих признак со своим субъектом», которые можно выразить шестью отдельными предложениями [там же: 101]: (38) а. *кони мчатся*; б. *кони — под синей сеткой* (в сетчатой попоне); в. *кони ускоряют ровный бег*; г. *кони предчувствуют погоню*; д. *некто гонится (за конями)*; е. *снег мягко падает*. Если еще углубить семантический анализ (37), обнаружатся и другие, более «мелкие» предикативные отношения: ж. *кони бегут*; з. *бег — ровный*; и. *сетка — синяя*, ѹ. *падение снега — мягкое*, к. *поведение коней походке на поведение в предчувствии погони* и т. д. Можно пойти и дальше, например, вычленяя семантические предметные предикаты 'быть конем', 'быть сеткой' и т. д.

Итак, с семантической точки зрения (37), как и большинство предложений в языке, представляет собой настоящий клубок **пропозиций** (т. е. семантических предложений), но по синтаксической классификации оно причисляется к простым, так же, как и (36). Некоторые из пропозиций выражаются единицами, вовсе не похожими на предложения, например, (38з) - ИГ *ровный бег*, (38й) - наречной группой, представленной одним наречием *мягко*, а (38к) — наречной группой *как бы*. Группы, выражающие другие пропозиции, гораздо больше похожи на предложения. Таков, например, причастный оборот, который соответствует (38е), или деепричастный, соответствующий (38в).

Предложения и группы, наиболее близкие к ним по грамматическим свойствам, объединяются под общим на-

именованием клаузы. **Клаузой** называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки. Термин «клауза» точно соответствует англ. clause; то же понятие в лингвистической литературе на русском языке часто называют **элементарным предложением** или **предикацией**. **Предложение** (англ. sentence) представляет собой **финитную** клаузу. Нефинитные клаузы — инфинитивные, причастные, деепричастные, герундийные обороты — лишены предикативности, но в остальном очень похожи на предложения. У них та же ролевая структура, что и у соответствующих предложений с финитным глаголом, хотя модели управления могут отличаться, — например, в русских деепричастных конструкциях валентность на подлежащее не может быть реализована ненулевой составляющей.

Если синтаксическая единица не является клаузой, но при этом соответствует некоторой пропозиции, говорят, что она обладает **скрытой предикативностью**. В.Г. Гак различает два вида скрытой предикативности: «свернутую», выраженную «процессным существительным, которое заменяет предложение», например, *Мне не понравилась грубость его речи* или *ускоряя ровный бег* в (37), и «собственно скрытую предикативность», когда «предикация выражена непроцессным словом», например, *Маленькие дети играют в саду* (-> 'дети — маленькие', 'дети находятся в саду') или *под синей сеткой мчатся кони* (-> 'кони находятся под сеткой') в (37) [Гак 1986: 54].

Клауза, как и, например, ИГ, является рекурсивной фразовой категорией, т. е. может включать в себя теоретически произвольное число других клауз. Клауза, включающая в себя хотя бы одну другую клаузу, называется **сложной клаузой**, или **полипредикативной конструкцией**.

Клаузы включаются одна в другую двумя способами — сочинением или подчинением. Если две клаузы X и Y не вложены одна в другую и при этом обе являются непосредственными составляющими третьей клаузы Z, то отношение между X и Y называется **сочинением**, а Z называется **сложносочиненной** клаузой. Если X, Y и Z — предложения, то Z называется **сложносочиненным предложением**.

В соответствии с этим определением, например, предложение (39) [*Его пример другим наука, J / Но, [Боже мой, ка-*

Глава IV. Предложение и клауза

кая скуча / С больным сидеть и день и ночь, / Не отходя ни шагу прочь] (Пушкин) - сложносочиненное предложение. Но, например, второе из сочиненных в (39) предложений (40) [Боже мой, какая скуча / [С больным сидеть и день и ночь

I Ее отходя ни шагу прочь]] сложносочиненным не является. Хотя оно включает в себя две клаузы — (40) и (41) [С больным сидеть и день и ночь, / Не отходя ни шагу прочь], одна из этих клауз — инфинитивный оборот (41) — вложена во вторую (40), ср. [Скука смертная [с ним разговаривать]].

Сложная клауза X называется **сложноподчиненной**, если в нее вложена другая клауза Y. X в таком случае называется **главной** клаузой, а Y — **подчиненной**, или **зависимой** (например (40) - главная клауза, а (41) — подчиненная). Если X и Y - предложения, X называется **сложноподчиненным предложением**.

Из приведенных определений ясно, что неверно было бы считать (как это иногда делается) сложноподчиненное предложение «состоящим из двух частей» в том же смысле, в каком «из двух частей состоит» сложносочиненное. В сложносочиненном предложении две или более непересекающиеся части образуют сложную клаузу. В сложноподчиненном предложении одна клауза полностью вложена в другую, и ее внешние границы не могут выходить за границы главной клаузы.

Сложноподчиненные полипредикативные конструкции делятся на два класса: конструкции с сентенциальным актантом и конструкции с сентенциальным сирконстантом. Сентенциальный актант заполняет актантную валентность предикатного слова из главной клаузы. Сентенциальный сирконстант заполняет либо сирконстантную валентность глагола-сказуемого главной клаузы (в результате возникает **обстоятельственная** клауза, например, *Когда я вышел, он запер дверь*), либо сирконстантную валентность существительного (в результате возникает **относительная** клауза, например, *Он запер закрытую мною дверь* или *Он запер дверь, которую я закрыл*).

Различия между обрисованными здесь типами полипредикативных конструкций очень важны и в большинстве случаев могут быть легко обнаружены.

Проблема разграничения сочинения и подчинения клауз в русской грамматической традиции нередко подменяется другой, хотя и близкой, проблемой - разграничения подчинительных и сочинительных союзов.

Часть I. Синтаксическое описание

Поиск строгих формальных критериев такого разграничения был начат А.М. Пешковским. Он усматривал отличие сочинительных союзов от подчинительных в том, что они как «показатели отношения стоят или при каждом из соотносящихся... или между соотносящимися, не сливаясь внутренне ни с одним из них. Последнее доказывается... возможностью перестановки при сохранении на прежнем месте союза» (критерий обратимости), например: *Им можно, а вам нельзя = Вам нельзя, а им можно; Язык мой немеет, и взор мой угас* (А. К. Толстой) = *Взор мой угас, и язык мой не меет*.

Подчинительные союзы по Пешковскому более прочно присоединяются к своему (придаточному) предложению, как мы бы сказали — образуют с ним одну составляющую. «При подчинении... перестановка с сохранением союза на прежнем месте (т. е. в сущности отрыв предложения от его союза) с сохранением того же отношения между мыслями никогда и ни при каких условиях не возможна. Это и является решающим моментом», ср. *Он добился успеха, потому что уверен в себе = Он уверен в себе, потому что добился успеха* [Пешковский 1959 (1926): 140-141].

Критерий Пешковского не пригоден для разграничения сочинения и подчинения клауз, так как, например, союз и во временном значении не обратим: (42) а. *Мы выпили и налили еще Ф. б. Мы налили еще и выпили.* Пешковский, однако, считал, что и не имеет такого значения, а временная последовательность в парах типа (42аб) обозначена порядком предложений [Пешковский 1956 (1928): 466], но, поскольку нас сейчас интересует тип отношения между клаузами (которое может выражаться и «их порядком»), а не тип союза как таковой, это соображение не имеет силы. К тому же некоторые виды подчинительных союзов обратимы: *Солнце уже садилось, когда я выбрался из леса — Я выбрался из леса, когда солнце уже садилось* [Шведова (ред.) 1980: 462]. В немецком языке оба союза со значением причины *weil* и *denn* 'потому что' являются подчинительными по критерию Пешковского: (43) а. *Ich sagte es nicht, weil du zu erregt war;* б. *Ich sagte es nicht, denn du war zu erregt* 'Я не сказал этого, потому что ты был слишком взволнован'; в. **Du zu erregt war, weil ich sagte es nicht;* г. *Du war zu erregt, denn ich sagte es nicht* 'Ты был слишком взволнован, потому что я этого не сказал'. Однако такой результат неудовлетворителен: очевидно, что союз *denn* является сочинительным, потому что, в отличие от *weil*, не требует конструкции с конечным расположением финитного глагола, которая характеризует немецкие придаточные предложения, ср. (43аб) и д. **Ich sagte es nicht, weil du war zu erregt;* е. *.. *denn du zu erregt war.*

СО. Карцевский попытался связать различие сочинения и подчинения со структурой диалога: «Говорящий ... в пределах одной коммуникации-фразы заменяет в своем сознании то одного, то другого собеседника» [2000 (1961): 71—72]. Структуру сложносочиненного предложения он уподоблял «оппозитивному» обмену репликами: *Пойду прогуляюсь. - И я с тобой,* а структуру сложноподчиненного - «информационному» диалогу:

Куда он уехал ? — Я не знаю. Такая трактовка неприемлема по крайней мере с синхронной точки зрения, так как не позволяет объяснить многочисленные грамматические различия между сочинением и подчинением, о которых речь ниже.

В.А. Белошапкова предположила, что подчинительные союзы, в отличие от сочинительных, не могут употребляться в простом предложении для соединения однородных членов: «части сложносочиненных предложений соединяются теми же союзами, которые связывают однородные члены предложения; части сложноподчиненных предложений соединяются союзами, неспособными выражать отношения в ряду однородных членов» [Белошапкова 1967: 101]. Применение этого критерия затрудняется тем, что некоторые подчинительные союзы все же употребляются в простом предложении: *Как средиземный краб или звезда морская, / Был выброшен последний материк* (Мандельштам, «Европа»); *У него очень обаятельная, хотят и некрасивая внешность*, см. [Прияткина 1990].

Е.Н. Ширяев [1986: 18-21] предложил дистрибутивный критерий разграничения двух типов союзов: придаточное, возглавленное подчинительным союзом, может сочиняться с другим придаточным, возглавленным тем же союзом, образуя «усложненное сложное предложение» [Белошапкова 1967:58-59], например *Он сказал, [что идет дождь] и [что поэтому мы останемся дома]*. Клауза с союзом *но* к такому сочинению неспособна, например **Светит солнце, [но все-таки холодно]* и *[но не хочется идти гулять]*, причем *но* может сочинять два придаточных: *Он сказал, [что светит солнце], но [что все-таки холодно]*. Таким образом можно установить, что *но* — союз сочинительный.

Рассмотрим теперь некоторые критерии сочинения и подчинения.

Гнездование. Подчиненная клауза может быть линейно вложена внутрь главной, т. е. расположена так, чтобы часть главной клаузы⁸ располагалась слева, а часть - справа от подчиненной клаузы. Такое расположение двух составляющих называется **гнездованием**. Главная клауза не может быть линейно вложена внутрь сентенциального сирконстанта, и ни одна из сочиненных клауз не может быть линейно вложена внутрь другой.

«Союз потому что образует с тем предложением, которое он собой начинает, одну цельную смысловую массу, которая может перекатываться с места на место без каких-либо изменений смысла (кроме чисто стилистических). В союзе и ничего подобного нет. Он, как мы видели... не может переноситься вместе с ним ни в середину другого пред-

⁸ Под «главной клаузой» здесь имеется в виду материал, относящийся только к главной, но не к зависимой клаузе (конечно, в строгом смысле «главной» клаузой является вся полипредикативная конструкция).

Часть I. Синтаксическое описание

ложenia, ни к началу его (нельзя сказать *он не пошел, и у него болит голова, в школу*)» [Пешковский 1956 (1928): 464].

Имея в виду это отличие, можно легко установить иерархию клауз, ср. (44) а. *Иван очень обрадовался, когда я поступил в институт*; б. *Иван, когда я поступил в институт, очень обрадовался*; в. **Когда я, Иван очень обрадовался, поступил в институт*; (45) а. *Я поступил в институт, и Иван очень обрадовался, но б.* *#*поступил, и Иван очень обрадовался, в институт*; в. **И Иван, я поступил в институт, очень обрадовался*. Сентенциальный актант иногда может линейно включать в себя элементы, относящиеся к главной клаuze: *Так быстро я не могу записывать; Я, — сказал он, — ухожу*.

Ограничение на антецедент анафорического местоимения. Простое анафорическое местоимение в роли подлежащего главной клаузы не может быть кореферентно никакому актанту, выраженному полной ИГ зависимой клаузы, если зависимая клауза следует за главной (кореферентные актанты помечаются одним и тем же подстрочным индексом, в данном случае i), ср. (46) а. *Маша, очень расстроилась, когда мы решили не брать ее_i с собой на прогулку*; б. *Когда мы решили не брать ее_i с собой на прогулку, Маша, очень расстроилась*; в. *Когда мы решили не брать Машу, с собой на прогулку, она, очень расстроилась*; г. **Она, очень расстроилась, когда мы решили не брать Машу, с собой на прогулку*[^] ср. при сочинении: (47) а. *Мы решили не брать Машу, с собой на прогулку, и она, очень расстроилась*; б. *Мы решили не брать ее_i, с собой на прогулку, и Маша, очень расстроилась*; в. *Маша, очень расстроилась, и мы решили не брать ее_i с собой на прогулку*; г. *Она, очень расстроилась, и мы решили не брать Машу, с собой на прогулку*.

Эта закономерность была впервые обнаружена Р. Лангакером [Langacker 1969]. Ее можно сформулировать также следующим образом: связь между анафорическим местоимением и его антецедентом может иметь место, если при этом не нарушены одновременно два «условия анафоры»: а) нежелательно, чтобы антецедент в виде полной ИГ следовал за местоимением, т. е. чтобы имела место **катафора**, и б) нежелательно, чтобы местоимение находилось в отношении командования к своему антецеденту. В предложении (46а) не

Разумеется, здесь имеется в виду неграмматичность предложения (46г) относительно данной расстановки индексов.

нарушается ни одно из двух условий, в (46б) нарушается только условие а), в (46в) - только условие б), в (46г) нарушены одновременно а) и б), чем и объясняется его неграмматичность. Лангакер назвал такое одновременное нарушение *precede-and-command*, т. е. **предшествование с командованием** — пара отношений, в которых анафорическое местоимение не может одновременно находиться со своим антецедентом. Впоследствии Т. Рейнхарт [Reinhart 1983] показала, что признак предшествования можно устраниТЬ из этого ограничения, сохранив лишь признак командования (см. главу XII п. 7).

Эффективность этого критерия невелика, так как катафора мало допустима и при сочинении: не все носители русского языка охотно признают (47бг) как приемлемые предложения, ср. еще (48) а. *Старостин*, давно предполагал, что обе семьи языков родственны, и в конце концов он; доказал это и б. ?? Он; давно предполагал, что обе семьи языков родственны, и в конце концов *Старостин* доказал это. Обычно все же при этом подчинение дает более очевидную неприемлемость, ср. (48б) и в. **Он*, предполагал, что обе семьи языков родственны, задолго до того, как *Старостин*[^] доказал это. Кроме того, принцип *precede-and-command* нестрого соблюдается в русском языке при последовательном вложении нескольких клауз, ср.: (49) а. *Она*, сидела у портнихи, торопя ее окончить новое платье, очень шедшее *Симочки-*. (Солженицын, «В круге первом»). Видно, что при устранении одной (49б), а еще лучше двух (49в) вложенных клауз принцип вновь вступает в силу: б. ? *Она*, просила портниху поскорее окончить новое платье, очень шедшее *Симочки-*; в. **Она*, просила портниху поскорее окончить новое платье для *Симочки*.

Воздействие матричного глагола. Если необходимо установить, какая из двух клауз является подчиненной, а какая — главной, бывает достаточно поместить рассматриваемую полипредикативную конструкцию в более крупную клаузу (например, в конструкцию с глаголом, требующим сентенциального актанта). Если при этом отношение между главной и зависимой клаузой выражается с помощью некоторого формального средства (например, изменения формы подлежащего или сказуемого), то это средство будет применено к главной, но не к зависимой клаузе вложенного комплекса. Таким образом, внутри такого комплекса будет возможно различить главную и зависимую клаузу (об этом критерии см. [Зализняк, Падучева 1975: 58]). Формальным средством, предусмотренным в модели управления Матричного глагола, является, например, употребление целе-

вого конъюнктива в сентенциальном актанте глагола *хотеть* в русском языке, ср. (50) а. *Они зайдут, когда ты спрячешься*; б. *Я хочу, чтобы они зашли, когда ты спрячешься* (/[^]*спрятался*); в. **Я хочу, чтобы они зайдут, когда ты спрячешься*.

Если в конструкцию с матричным глаголом вложена сложносочиненная клауза, то формальное средство применяется ко всем сочиненным клаузам: (51) а. *Они зайдут, а ты спрячешься*; б. *Я хочу, чтобы они зашли (//^{*}*зайдут*), а ты спрятался (//^{*}*спрячешься*)*.

Эллипсис. Правила эллиптического сокращения совпадающих частей клауз обычно различаются для сочинения и подчинения, причем, как правило, при подчинении допускается меньшее разнообразие типов эллипсиса, чем при сочинении. Например, в сочинительных конструкциях достаточно свободно применяется **сокращение с образованием внутреннего пробела** (англ. gapping) на месте совпадающей части, в то время как в подчиненных клаузах это обычно невозможно: (52) *Иван играл на пианино, а (//?? когда) Максим — на саксофоне*, ср. то же в английском: (53) *John played piano, and (//^{*} whenever) Max_sax* [Van Oirschot 1987]. В некоторых языках и другие, более распространенные виды эллипсиса возможны лишь при сочинении, но не при подчинении клауз: ср. англ. (54) а. *John lived in London and _____ studied medicine* 'Джон жил в Лондоне и _____ изучал медицину', б. *John lived in London when he studied medicine* 'Джон жил в Лондоне, когда (он) изучал медицину' и в. *?John lived in London when _____ studied medicine*.

Позиция союза. Сочинительный союз должен ли-нейно располагаться между сочиняемыми элементами¹⁰, подчинительный союз не обязательно находится между главной и подчиненной клаузой: (55) а. *Он всегда говорил очень убедительно, и (а, но) у меня возникали некоторые сомнения*, но: б. **И (а, но) у меня возникали некоторые сомнения, он всегда говорил очень убедительно*; ср.: (56) а. *Поскольку (хотя, когда...) у меня возникали некоторые сомнения, он всегда говорил очень убедительно* и б. *Он всегда говорил очень убедительно*.

Мы оставляем в стороне те случаи, когда сочинительный союз является клитикой, примыкающей к первому ударному слову или к первой составляющей сочиняемой клаузы (русс. же, древнегреч. 8ё и др.). Такие клитики обычно занимают ту из фонетически доступных для них позиций, которая является максимально близкой к «стыку» между сочиняемыми клаузами.

поскольку (*хотя, когда...*) у меня возникали некоторые сомнения [Van G]

В русском языке союзы чаще всего предшествуют одному из соединяемых ими предложений, причем подчинительный союз обычно предшествует придаточному, вершиной которого он является (предложения типа *Не понимает, глупый потому что* характерны скорее для разговорной речи). Если союз, связывающий две клаузы, может стоять в начале первой из них, то он подчинительный, но если он не может занимать этой позиции, это ни о чем не говорит, — достаточно сравнить поведение причинных подчинительных союзов *потому что* и *так как*.

Применение перечисленных критериев приводит к результатам, которые не всегда соответствуют традиционной классификации союзов. Например, двойные союзы *если — то, если — так, так как — то, раз — то* и некоторые другие считаются подчинительными. Однако в отличие от одиночных союзов (*если, так как и раз*), соединенные двойными союзами предложения обнаруживают сочинительные свойства, ср. (57) а. *Такой человек, если его обидят, не стерпит и б. ? Такой человек, если его обидят, то не стерпит;* (58) а. *Они, если вы захотите, вам все покажут; б. *... то вам все покажут* (критерий гнездования); (59) а. *Если ты возьмешь сумку, то я — чемодан; б. ? Если ты возьмешь сумку, я — чемодан* (эллиптический критерий). Критерий воздействия матричного глагола не дает однозначного результата: с *если — то* недопустимо ни изменение формы одного лишь второго (60б), ни одновременно второго и первого (60в) предложения: (60) а. *Хочу, чтобы, если вы захотите, вам все показали; б. *Хочу, чтобы, если вы захотите, то вам все показали; в. *Хочу, чтобы, если вы захотели, то вам все показали.*

Относительно двойных союзов лишь только — как, едва — как, только что — как А.М. Пешковский полагал, что «решить, что чему подчинено, невозможно», так как выражаемое ими отношение необратимо (*Только что он вошел, ?\$£]£ началась музыка — Только что началась музыка, как он вошел*), но любой из двух компонентов союза может употребляться отдельно (*Он не успел войти, как началась музыка; Как только он вошел, началась музыка*) [Пешковский 1956 (1928): 467]. Критерий гнездования как будто указывает на сочинение: (61) *Музыка, лишь только вы вошли, (*как) сразу нача-*

лась, так же как и эллиптический критерий: (62) Лишь только мы принесли пиво, *(как) вы — рыбу.

Вид соединения клауз, который выражается только их соположением и интонационными средствами, без участия союзов, называется **бессоюзной связью**, или **парагаксисом**: [Банка лопнет] — [масло разольется]; [Надо зонт взять:] [дождь будет]; [Джон Донн уснул,] [уснуло все вокруг] (Бродский). В русистике, начиная с работы [Поспелов 1950], преобладает точка зрения, согласно которой бессоюзная связь есть особый способ соединения, отличный от сочинения и подчинения; «в сфере бессоюзия противопоставленность сочинения/подчинения оказывается снятой» [Белошапкова 1967: 101], см. еще [Кручинина 1973; Шведова (ред.) 1980; Ширяев 1986: 108]. Такой вывод оказался неизбежным ввиду того, что в качестве единственного показателя сочинения или подчинения клауз рассматривался тип союза, а «компенсационная» гипотеза А.М. Пешковского [1956 (1928): 48-50], согласно которой интонация в бессоюзном предложении берет на себя функцию союза или союзного слова, оказалась экспериментально опровергнутой [Николаева 1969].

Однако если две непосредственно соединяемые клаузы представляют собой составляющие, то отсюда следует, что либо одна полностью входит в другую (подчинение), либо они вовсе не пересекаются (соинение), и третий способ логически невозможен. Большинство бессоюзных предложений в русском языке являются, по-видимому, сочинительными — в той мере, в какой вообще имеет смысл отличать соинение предложений от их простого соположения: (63) а. [п [п *Откроешь свое дело*] — [п *придется всем взятки давать*]}; б. [п [п *Если откроешь свое дело,*] *придется всем взятки давать*]; в. *[п *Придется, [п откроешь свое дело,]* *всем взятки давать*]; г. [п *Придется, [п если откроешь свое дело,* *всем взятки давать*]. Критерий гнездования показывает, что (63а) и соответственно (63в) - сложносочиненные предложения, а (63бг) — сложноподчиненные.

Условные конструкции с императивом (бессоюзные предложения «несвободной структуры» по Е.Н. Ширяеву [1986: 57]) - сложноподчиненные: (64) Такую нагрузку, будь ты хоть двужильным, потянуть невозможно; Упреки этого рода, будь они иначе поставлены, были бы для меня самыми драгоценными упреками (пример А.М. Пешковского, см.

[Шведова (ред.) 1980: 637], ср. то же с формой условного наклонения: *? Такую нагрузку, был бы ты хоть двужильным, поупянутъ невозможно.* Критерий precede-and-command также указывает на подчинение: (65) а. *Обратись мы за помощью к Ивану*» он_i, наверное, помог бы; б. *Он_i, наверное, помог бы, обратись мы за помощью к Ивану_x.

Бессоюзное подчинение более характерно для разговорной речи и для ее имитации в литературном языке: *Эти грибы, дождь чуть-чуть пройдет, снова из земли полезут; Кто это в углу, взошли мы, поклонился?* (Грибоедов); *Все его фокусы, пообщавшись с ним, узнаешь.* Сочинительная связь нередко наблюдается даже в случаях семантической асимметрии, например, когда одно из предложений определяет слово в другом предложении: (66) а. *В комнате виден беспорядок, все стоит вверх дном;* б. *Беспорядок, все стоит вверх дном, виден в комнате* (критерий гнездования); в. *Я хочу, чтобы в комнате был виден беспорядок, чтобы все стояло вверх дном;* г. **Я хочу, чтобы в комнате был виден беспорядок, все стоит вверх дном* (критерий воздействия матричного глагола).

ЗАДАНИЕ 2. Определите, являются ли следующие бессоюзные соединения клауз сочинением или подчинением, применив там, где это возможно, соответствующие критерии:

Не выполни я эту работу, меня уволят.

Одеся бы потеплей — не простудил бы горло.

Способы выражения зависимой клаузы в языках мира довольно разнообразны, и здесь стоит перечислить лишь наиболее известные. Зависимые клаузы возглавляются либо финитными формами глагола (т. е. такими, которые способны также выступать в роли финитных сказуемых), либо нефинитными формами (т. е. редко или никогда не выступающими в роли финитных сказуемых). В первом случае зависимые клаузы называются **придаточными предложениями**. Во втором случае зависимые клаузы представляют собой нефинитные конструкции, или **зависимые обороты** — инфинитивный, причастный, деепричастный и др.

7. Нефинитные зависимые обороты

Свойства зависимых оборотов определяются морфологическими признаками тех нефинитных форм, которые их возглавляют. **Инфинитивный оборот**, или **инфиритивная** клауза обычно выражает сентенциальный актант. Для того, чтобы он мог использоваться как целевой сирконстант, в русском языке обычно требуется добавить союз *чтобы*, ср. (67)

а. *Министр пригласил журналистов [задавать ему вопросы]* и
б. *Министр пригласил журналистов, [чтобы ответить на их вопросы]*. В (67а) инфинитивный оборот заполняет актантную валентность при глаголе *пригласить*, а в (67б) он является целевым сирконстантом и в качестве такового вводится союзом *чтобы*. В английском языке для той же цели используется союз *in order*, во французском *pour*, в немецком *um*. Есть, однако, языки, в которых инфинитивный оборот может без специальных союзов употребляться и как актант, и как сирконстант (таковы, например, восточнокавказские языки).

Нефинитные формы глагола, возглавляющие сентенциальные сирконстанты, называются деепричастиями: *Кот лежит, [накрыв нос кончиком хвоста]; [Набирая скорость,] он ворвался в штрафную площадку*.

Иногда деепричастия, как, например, в русском языке, не имеют специализированных союзных значений, а иногда, как, например, в абхазском языке, разные деепричастия могут передавать значения сирконстантных союзов (т. е. быть временными, причинными, условными, уступительными и т. д.).

Нефинитные формы глагола, возглавляющие относительную клаузу (сентенциальное определение), называются причастиями: [*и* Воспитанный под барабаном, /Наши царь] лихим был капитаном (Пушкин).

Во многих языках обнаруживаются и другие нефинитные глагольные формы, отсутствующие в русском, например, морфологически регулярная отглагольная форма, возглавляющая номинализованную конструкцию. Если такая форма сохраняет некоторые морфологические и синтаксические свойства глагола, ее часто называют герундием, а если она мало отличается по своим свойствам от обычного существительного, — **именем действия**, или **масдаром**; на выбор термина влияет и традиция изучения того или иного языка.

Например, в английском языке так называемый герундий на *-ing* может занимать позицию именного актанта:

Глава IV.

Предложение и клауза

(68) / like {making people happy} 'Мне нравится делать людей счастливыми'; управляться предлогом *tired [of rowing]* 'устал

от

гребли' и иметь посессивное определение: *my [seeing her]* 'то, что я ее видел', букв, 'мое видение ее'. Вместе с тем герундий может присоединять прямое дополнение (68) или наречие (*her crying bitterly* 'ее горький плач', букв, 'ее горько плач'), что невозможно в обычной ИГ; в герундии, как в предложении, наблюдаются различия по таксису и залогу, ср. следующие герундийные конструкции с глаголом *write* 'писать': *having written* (акт. перф.) - *being written* (пасс.) - *having been written* (пасс, перф.) и т. д. — формы, которые в отрыве от контекста невозможно даже перевести на русский язык, ибо русские номинализации (*нисание*) не изменяются по этим категориям.

Масдарная конструкция представлена, например, в арабском предложении (69) *taqarrara [ta'gil-u ziyyarat-i lwazir-i]* 'было решено отложить визит министра', букв, 'было-решено откладывание(-НОМ) визита(-ГЕН) министра(-ГЕН)'. Существительное-масдар *ta'gil-u* 'откладывание, отсрочка' регулярным способом образовано от глагола "*aggala* 'откладывать' и в (69) возглавляет сентенциальный актант при глаголе *taqarrara* 'быть постановленным, решенным'. В русском языке номинализованные конструкции могут выражать сентенциальный актант при некоторых матричных глаголах: [*Спанье на полях*] *отменяется* (Булгаков, «Собачье сердце»).

Причастие называют отглагольным прилагательным, деепричастие - отглагольным наречием, масдар - отглагольным существительным. Возглавляемые ими обороты проявляют как свойства клауз, так и свойства тех фразовых категорий, которые обычно возглавляются словами этих трех частей речи — группы прилагательного, группы наречия и группы существительного (ИГ). Такие синтаксические единицы называются смешанными категориями и могут быть помечены в дереве составляющих маркерами обеих фразовых категорий, разделенных косой чертой: причастный оборот - как ГПрил/П, деепричастный - как ГНар/П, масдарный - как ИГ/П.

Наконец, встречаются и полифункциональные нефинитные глагольные формы, которые могут употребляться одновременно в нескольких из перечисленных выше функций. Например, в английском языке отглагольная форма на *-ing* вступает и как инфинитив: *The girl started [smok-ing] a cigarette*

Часть I. Синтаксическое описание

rette] 'Девушка начала курить сигарету', и как деепричастие: *[Smok-ing a cigarette], the girl entered the room* 'Куря сигарету, девушка вошла в комнату', и как причастие: *Л [smok-ing] girl entered the room* 'Курящая девушка вошла в комнату', и как герундий: *[The girl's smoking] irritates me* 'Курение девушки раздражает меня' [Недялков 1990: 41-42].

Рекомендуемая литература

Подробнее об основных признаках предложения см. [Виноградов 1975 (1955); Курилович 1962; Звегинцев 1976 (2001); Степанов 1981]. Проблеме предикативности посвящены многочисленные публикации на русском языке. Из наиболее важных упомянем [Виноградов 1954а] (предикативность рассматривается как членность предложения на подлежащее и сказуемое), [Стеблин-Каменский 1956; Арутюнова 1969; 1972; 1976; 1980; Кацнельсон] и соответствующие разделы трех академических грамматик русского языка [Виноградов, Истрина (ред.) 1954; Шведова (ред.) 1970 и Шведова (ред.) 1980]. Особо отметим ясное и исчерпывающее изложение у В.Г. Гака [1986; 2000].

Грамматическим категориям предложения специально посвящена книга [Ломтев 1972]; о парадигме предложения см. также [Шведова 1967]. О модусе и диктуме см. [Балли 1955 (1950)], о вопросительных предложениях см. [Гак 1986, 2000, Рестан 1968, Распопов 1970, Лобanova 1971, Белнап, Стил 1981, Баранов, Кобозева 1983, Крейдлин 1982, Рахилина 1990, Кобозева 2000] и сборники [Hiz (ed.) 1978; Kiefer (ed.) 1983; Chisholm (ed.) 1984]. О просодических средствах выражения вопроса см. соответствующие разделы [Шведова (ред.) 1980], написанные Е.А. Брызгуновой.

О предложениях с именным сказуемым и связке см. [Пешковский 1956 (1928), Бенвенист 1974 (1950); Chvany 1975; Арутюнова 1976, 1988 (гл. 3); Babby 1980; Арутюнова, Ширяев 1983; Крейдлин 1993; Падучева, Успенский 1979]; в рамках порождающей грамматики выполнены работы [Aktaian, Steele, Wasow 1979, Bowers 1993]; монографическое исследование по типологии предложений с именным сказуемым см. в [Hengeveld 1992].

О критериях сочинения и подчинения клауз см. [Van Oirschot 1975; Haspelmath 1995; Рудницкая 1997]. По теории и типологии сложного предложения см. [Черемисина 1979; Haitan, Thompson (eds.) 1988; Черемисина, Колосова 1987; Подлесская 1993], о сложном предложении в русском языке см. [Белошапкова 1967; Латышева, Цветкова (ред.) 2000], о бессоюзных предложениях [Ширяев 1986].

О нефинитных глагольных конструкциях в русском языке см. [Пешковский 1956 (1928), Фурашов 1975; Богданов П.Д. 1977, Дмитриева 1980]. Типологию причастных (и других относительных) конструкций см. [Бенвенист 1974 (1957-1958); Peranteau et al. (eds.) 1972; Зализняк, Падучева 1975; Lehmann 1984; Keenan 1985], типологию деепричастий - [Недялков 1990; Haspelmath, Konig 1995]; номинализаций - [Кортевская-Tamm 1993], об инфинитивах см. [Богданов 1980; Храковский (ред.) 1985; Wurmbrand 2001].

СИНТАКСИЧЕСКИЕ «НЕВИДИМКИ»

В некоторых синтаксических конструкциях, главным образом нефинитных, необходимо постулировать фонетически невыраженные единицы (п. 1). Особыми свойствами обладают нулевое подлежащее инфинитивных клауз (PRO; п. 2) и нулевое анафорическое местоимение (pro; п. 3). В русских неопределенno-личных и безличных конструкциях также могут усматриваться нулевые подлежащие (п. 4).

1. Необходимость нулевых единиц в синтаксисе

До сих пор мы рассматривали только те синтаксические единицы, которые обладают фонологической формой, или означающим. Переходим теперь к рассмотрению **фонологически пустых, или нулевых единиц** (их еще называют **скрытыми** или **невыраженными**). Эти единицы обладают значением (чаще всего) и селективными признаками (всегда), но не имеют означающего.

В морфологии при изучении словоизменительных категорий лингвист часто сталкивается с выражением некоторого значения категории при отсутствии означающего (т. е. звуковой стороны знака) на том месте, где ожидается соответствующая морфема. Так, в русском языке для обозначения род. п. мн. ч., наряду с ненулевыми морфами *-ей* и *-ов/-ев*, используется и нулевая морфа, ср. *лошад-ей*, *гриб-ов*, но *рыб-Ø*. Совершенно очевидно, что нулевая морфа здесь имеет то же значение род. п. мн. ч., что и соответствующие ненулевые морфы: она, правда, распределена с ними морфологически (по типам основ), но так же в русском языке друг с другом могут распределяться и ненулевые морфы.

Нулевые окончания имеют им. и вин. п. ед. ч. (*дом-Ø*, прошедшее время 3 л. ед. ч. некоторых глаголов (*тек-Ø*, *мог-Ø*), ед. ч. муж. р. в регулярных формах прошедшего времени (*ходил-Ø*), краткая форма ед. ч. муж. р. прилагательных и причастий (*хорош-Ø*, *отвергнут-Ø*)). В английском языке нулевое окончание существительных означает ед. ч. (*house-Ø* 'Дом'), а в глаголе ввиду бедности морфологии нулевые окончания наблюдаются чаще, чем ненулевые, — они обозначают все лица и числа в презенсе, кроме 3 ед.; нулевым

Часть I. Синтаксическое описание

является окончание инфинитива и субъюнктива: / *demand that John leave-*Ø 'Я требую, чтобы Джон уехал'. Подробнее о нулевых единицах в морфологии см., например, [Плунгян 2000: 84-86].

В синтаксисе также обнаруживаются нулевые единицы. Такая единица опознается по своему окружению, т. е. «короля играет свита»: синтаксический нуль сохраняет «вокруг себя все определенные его смыслом позиции других словоформ» [Всеволодова 2000: 22]. Точнее было бы, впрочем, сказать, что это не синтаксические единицы, а единицы словаря (лексемы). Но поскольку они не могут быть произнесены, а только обнаруживаются по косвенным признакам при анализе определенных конструкций, ими в большей степени занимаются исследователи грамматики, нежели лексикологи. Большинство нулевых лексем являются местоимениями - они занимают в синтаксической структуре место фразовых, а не терминальных категорий. Лексемы, не являющиеся местоимениями, соответствуют терминальным категориям (см. главу II п. 3).

Ниже о нулевых единицах будет говориться как об объектах реально существующих, хотя и недоступных непосредственному наблюдению. Однако читателю следует помнить, что в этом есть некоторая условность. В отличие от внешне выраженных единиц (фонем, морфем, слов и т. д.), без которых не может обойтись ни одно лингвистическое описание, нулевые единицы постулируются по решению исследователя, и многие лингвисты обходятся в своей работе без них. Описание, лишенное синтаксических нулей, всегда возможно, но оно оказывается либо неполным, либо излишне громоздким.

1.1. Обнаружение подлежащего при инфинитиве

Обратимся вначале к инфинитивным конструкциям. В русском языке в инфинитивных оборотах выраженное подлежащее отсутствует, за исключением а) предикативных употреблений инфинитива с подлежащим в дат. п. (1) *Оправдываться мне не в чем; (2) Машине следовать за бронетранспортером!* (ср. в прошедшем времени (Г) *Оправдываться мне было не в чем*) и б) более редких непредикатив-

ных инфинитивов с таким же подлежащим (2) *Подвинься, чтобы и мне видеть*; (3) *Так называемые демократы хотели свободы... рыться бабушкам в мусорных бочках* (интервью Г.И. Янаева, «Коммерсантъ», 18.08.2001). О том, почему в (1—3) есть основания выделять подлежащее в дат. п., см. в главе VI 2.4.

Обратимся к более обычному употреблению инфинитивных конструкций, когда они обозначают сентенциальные актанты, например (4) *Он пригласил нас [проследовать в зал переговоров]', Пора [уходить]*. Несмотря на то что подлежащее в таком инфинитивном обороте обычно не выражено, есть серьезные основания считать, что оно там имеется.

В отечественной грамматической традиции невыраженное, но подразумеваемое подлежащее непредикативных оборотов принято называть **субъектом**. Поскольку, как будет показано ниже, по ряду важнейших грамматических признаков «подлежащее» и «субъект» проявляют себя одинаково, для них требуется общее понятие, и в качестве такового удобнее использовать «подлежащее», чем «субъект». «Субъектом» называют также всякое существительное в косвенном падеже (и иногда даже слово другой части речи), которое чем-нибудь похоже на подлежащее; об этом употреблении термина см. в главе VI 2.5.

Аргумент 1. На наличие собственного подлежащего инфинитивного оборота указывает поведение возвратных и взаимных местоимений. Возвратные местоимения (**рефлексивы**) *{сам} себя, свой* и взаимное местоимение (**реципрок**) *друг друга* в русском языке (как и в большом числе других языков) отсылают к подлежащему той же минимальной (=наименьшей) клаузы, в которую входят сами, ср. (5) а. *Дети налили {сами} себе_x || друг другу_x чаю* и б. *Дети увидели, что гости налили {сами} себе^{*ij} || друг другу_{ij}/ чаю*. ИГ, к которой отсылает местоимение и которая определяет референцию этого местоимения, называется его **антecedентом**. Референциальные индексы i и j показывают, что в (5a) рефлексив и реципрок обозначает детей (референт i), а в (5b) — только гостей (референт j), но никак не детей (*i). Если соединить дугой местоимение такого типа и его антecedент, то окажется, что эта дуга не может пересечь границу клаузы (запрещенные зависимости обозначим с помощью перечеркнутых дуг):

Часть I. Синтаксическое описание

(5) а.

Дети_i налили (сами) себе_i || друг другу_i чаю

б.

Дети_i увидели, что гости_j налили (сами) себе_{*i/j} || друг другу_{*i/j} чаю
Дети увидели, что гости_j налили (сами) себе^{*i/j} || друг другу^{*j} чаю

Антецедентом рефлексивов (кроме некоторых особых случаев, о которых см. в главе VI 2.2.2) не может быть никакая другая ИГ, кроме подлежащего: (6) а. *Иван показал Лене себя_{/i}** на фотографии; б. *Иван показал Лене_j свою_{*j} фотографию*. В (6а) антецедентом *себя* может быть только подлежащее *Иван*, но не косвенное дополнение *Лене*, т. е. (6а) не может означать, что Иван показал на фотографии Лену. В (6б) то же верно относительно притяжательного рефлексива *свой* — имеется в виду фотография Ивана, но никак не Лены.

Теперь рассмотрим поведение рефлексивов и реципрока в инфинитивном обороте. В предложениях (7) а. *Я_i разрешил детям_j [налить самим себе, чаю]*; б. *Я_i разрешил детям_j [налить друг другу, чаю]* и (8) *Я_i попросил Ивана_j сходить за своим_{/j} фотоаппаратом* рефлексивы и реципрок отсылают к косвенному дополнению *детям* (7) и к прямому дополнению *Ивана* (8). При этом нарушаются сразу оба правила употребления этих местоимений: во-первых, они отсылают к антецеденту, находящемуся в другой (главной) клаусе и, во-вторых, этим антецедентом оказывается не подлежащее. Первое нарушение при определенных условиях допустимо для рефлексива (например, в одном из двух возможных пониманий (8), обозначенного индексом *i* при рефлексиве *своим*, т. е.: 'Я попросил сходить за моим фотоаппаратом'), но никогда — для реципрока (**попросили меня [сообщить друг другу]*). Нарушение второго типа, наоборот, допустимо для реципрока (*извещал их_i друг о друге*), но никогда — для рефлексива (**извещал их_i о себе*).

Эта трудность будет преодолена, если принять, что подлежащее в инфинитивном обороте есть, хотя оно не выражено, и именно это подлежащее является антецедентом рефлексива и реципрока, находящихся в том же инфинитивном обороте. Обозначим подлежащее инфинитива через 0:

Глава V. Синтаксические «невидимки»

(9)

а. Я_i разрешил детям_j [φ_j наливать самим себе_j чаю].

б. Я_i разрешил детям_j [φ_j наливать друг другу_j чаю].

(10)

Я_i попросил его_j [φ_j сходить за своим_i/_j фотоаппаратом].

Двузначный пример (11), взятый из кроссворда (загаданное решение — «лорнет»), который при втором понимании ('позволяют своему обладателю сохранять выдержку') также показывает наличие нулевого подлежащего при инфинитиве: рефлексив не может быть употреблен без антецедента, а антецедент в главной клаузе отсутствует (или также нулевой):

(И)

Очки_i, которые позволяют [φ_j держать себя_{i/j} в руках].

Очки_i, которые позволяют [0] держать себя в руках].

Аргумент 2. На наличие нулевого подлежащего указывает и поведение составных именных сказуемых в инфинитивных оборотах. Именная часть сказуемого, выраженная существительным или прилагательным в именительном или творительном падеже, согласуется с подлежащим по числу и (прилагательные) по роду: (12) *Сад будет красивый* || *красивым*; (13) а. *Я стану* || *буду врачом*; б. *Мы станем* || *будем врачами*. Такое согласование может иметь место только между подлежащим и его собственным сказуемым, но никак не между подлежащим и сказуемым, принадлежащим к разным клаузам, например, (14) а. *Хорошо, если ты станешь кандидатом наук*, но б. **Хорошо, если ты станешь...* В главе VII мы узнаем, что согласование крайне редко происходит через границу клаузы, т. е. согласующееся слово (мишень) и то, с которым оно согласуется, (контролер) в норме должны находиться в одной и той же клаузе (принцип локальности согласования).

Рассмотрим теперь предложение с инфинитивным оборотом: (15) *Петр I велел дворянам [стать европейцами]*. Если не признавать, что в инфинитивном обороте есть собственное подлежащее, именная часть сказуемого нарушит сразу

Часть I. Синтаксическое описание

два правила согласования: 1) контролер согласования будет находиться в другой (главной) клаузе и 2) именная часть сказуемого согласуется не с подлежащим (*дворянам* не подлежащее, а косвенное дополнение).

(1')

Пётр I велел дворянам [φ стать европейцами].

Пётр I велел дворянам [0 стать европейцами].

Аргумент 3. Еще одно свидетельство существования отдельного подлежащего при инфинитиве — поведение существительных и прилагательных в тв. п., согласующихся по числу и (прилагательные) по роду с подлежащим либо с прямым дополнением того же предложения, например, (16) *Я застал его мрачным*; (17) *Ребята вернулись больными*; (18) *Набоков считал психоаналитиков шарлатанами* и т. п. Выделенные слова в предложениях (16—18) не относятся к именной части сказуемого в точном смысле, а глаголы, при которых они выступают, — не связки. Назовем такие ИГ и ГПрил **присказуемостными именами**. Подробнее о присказуемостных именах (predicate nominative) в русском языке см. [Nichols 1981; Никольс 1985].

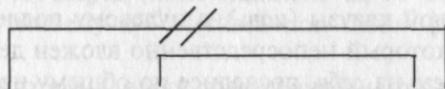
Согласование присказуемостных имен следует принципу локальности, ср. (19) а. *Я узнал, что ребята пришли к финишу первыми*; б. *Я узнал, что ребята пришли к финишу, первым*; в. **Я первыми узнал, что ребята пришли к финишу*. Присказуемостное имя в (19а) находится в придаточном предложении и согласуется с подлежащим придаточного, а в (19б) — находится в главном предложении и согласуется с подлежащим главного; предложение (19в), в котором присказуемостное имя, находящееся в главном предложении, согласуется с подлежащим придаточного, неграмматично. В отличие от именной части сказуемого присказуемостное имя может согласоваться не только с подлежащим, но и с прямым дополнением (16, 18), — конечно, с прямым дополнением своей собственной, а не другой, клаузы. С косвенными дополнениями присказуемостные имена не согласуются.

Рассмотрим теперь инфинитивные конструкции: (20) а. *Бонапарт первым приказал артиллеристам [0 открыть огонь* б. *Бонапарт приказал артиллеристам [0 открыть огонь первым]*; (21) *Они ему запретили [0 появляться пьяным (/*пьяными) на территории парка]*; (22) *Чиновник росчерком пера*

Глава V. Синтаксические «невидимки»

позволил им [0 стать миллионерами (//^{*}миллионером)] и т. д. Ясно, что присказуемостные имена согласуются с нулевым подлежащим инфинитива:

(20^б)

Бонапарт приказал артиллеристам [φ открыть огонь первыми].

Аргумент 4. Русские деепричастные обороты требуют совпадения своего подлежащего с подлежащим той клаузы, в которую они непосредственно вложены (мы пока только предполагаем, что в деепричастном обороте есть нулевое подлежащее, а ниже рассмотрим некоторые доказательства в пользу этой точки зрения). Это правило, которое вызывает неграмматичность примеров типа знаменитого *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа* (Чехов, «Жалобная книга»), почти не знает исключений¹. Рассмотрим предложение (23) *Я попросил их, уходя, выключать свет*. То, что деепричастный оборот здесь вообще возможен, недвусмысленно показывает, что у непосредственно доминирующей клаузы - инфинитивного оборота есть собственное подлежащее, поскольку подлежащее деепричастного оборота не может совпадать с дополнением главного предложения²:

(2²)

Я попросил их, [[φ уходя,] φ выключать свет].

Показателен пример *Царь, с царицею простяся, <...> ей наказывал [Ø_j себя, (// ee_j) поберечь, [Ø_j его, (//^{*}себя_j) любя]]* (Пушкин, «Сказка о царе

¹ «Исключениями» выглядят деепричастные обороты в составе инфинитивных конструкций, в которых, как мы это сейчас устанавливаем, подлежащие есть: *Мне надоело [сидеть здесь, [выслушивая глупости]]*;ср. **Мне надоели эти глупости, выслушивая вас!*; *[Отправиться бы нам на море, [захватив с собой детей]]*. Из разговорной речи в литературный язык постепенно проникают и другие случаи совпадения с неноминативными подлежащими: *Нам, [стоя у окна,] все видно; Вспоминая эти встречи, мне думается...* и т. п. [Ицкович 1982: 139-141]. Еще есть устойчивые, а иногда идиоматизированные, выражения вроде *честно (откровенно, собственно) говоря* (*Честно говоря, он не справился*), *глядя правде в глаза*, или новые предлоги, такие как *включая* (*взял все, включая книги*), *невзирая на*, *глядя по*, *судя по*, *благодаря* и другие, которые в современном языке невозможно считать деепричастиями.

² Второе значение (23), при котором деепричастный оборот входит непосредственно в главную клаузу, здесь, естественно, не рассматривается.

Часть I. Синтаксическое описание

Салтане»). Нулевое подлежащее при инфинитиве здесь кореферентно Иг в дат. п. *ей*, которая не может контролировать рефлексив. Контролером рефлексива выступает нулевое подлежащее инфинитивного оборота. Нулевое подлежащее деепричастного оборота кореферентно не подлежащему главного рода, в который непосредственно вложен деепричастный оборот. Если заменить *его* на *себя*, последнее по общему правилу будет кореферентно нулевому подлежащему деепричастного оборота и, через него - подлежащему инфинитивного оборота ('царица'), а не «главному» подлежащему *царь* «Нетрудно представить, насколько усложнилось бы описание таких случаев без введения понятия "нулевого актанта" полуопределенных оборотов» [Козинский 1983: 38].

В предложении может отсутствовать выраженная ИГ, которая бы определяла значение подлежащего деепричастного оборота, вложенного в инфинитивный: (24) *Вблизи вулкана И невозможно [0 жить, [0 не показывая кулака]]*; но *И нельзя [0 разжать его, [0 умирая]]* (Бродский, «Декабрь во Флоренции»). Однако и в (24) совпадение подлежащих очевидно, так как они имеют одинаковое - неопределенное или обобщенное — значение.

Отступление. Нулевой элемент или эллипсис? Предполагая наличие невыраженного подлежащего при инфинитиве, мы сразу сталкиваемся с проблемой различия эллипсиса (контекстного опущения) и нулевой грамматической единицы. Почему, в самом деле, не считать, что в инфинитивной конструкции происходит эллиптическое сокращение «лишнего» подлежащего (25) Иван не любит Ивану лечиться → *Иван не любит лечиться* вроде того, как это происходит при сочинении предложений: (26) Здесь он родился и здесь он вырос → *Здесь он родился и вырос*. Различие между (25) и (26) будет тогда лишь в обязательности сокращения: в (25) оно обязательно, а в (26) - нет.

В российской лингвистике преобладает точка зрения, которую сформулировали Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев: «С подлинным нулем мы имеем дело, если в системе языка нет полностью синонимичного ненулевого способа выражения... Значение и Референциальные свойства такого элемента не могут быть описаны через значение других единиц того же класса и требуют независимого изучения». Например, в неопределенноличных предложениях «усматривать эллипсис подлежащего... заведомо нельзя, так как в языковой системе нет элемента, который мог бы претендовать на роль эллиптируемого подлежащего (конструкции с личным местоимением имеют другое значение; ср. *В дверь звонят* и *Они звонят в дверь*)... В примерах типа *Вы не видели мою ручку?* — Да, видел, - по-видимому, больше оснований говорить об эллипсисе личного местоимения (*Я* видел (*ее*)) [Булыгина, Шмелев 1990: ПО]. Та же идея у И.А. Мельчука: «Предположим, что есть определенное значение 'о', которое в нали-

Глава 5.

Синтаксические «невидимки»

предложении не имеет никакого физического экспонента. Тогда есть только две возможности: или 'о' - значение ненулевой лексемы L, существующей в языке, или а не соответствует никакой существующей ненулевой лексеме. В первом случае перед нами эллипсис L, во втором - ало постулировать нулевую лексему Ø^o, tertium non datur» [Мельчук 1995: 211].

При всей внешней простоте и ясности этого критерия он, вопреки мнению И.А. Мельчука [там же: 192], не применим к инфинитивным подлежащим, да и к большинству нулевых единиц в языке. Дело в том, что нули в своем большинстве - местоимения, и поэтому вопросы о том, есть в них или нет «определенное значение» (значение или референция?.., и где? в словаре?.., в конкретном предложении?..) и значению какой другой ненулевой «лексемы» (лексемы-местоимения?.., или фразовой категории - ИГ, как *Иван* в (25)?..) оно «соответствует», без необходимых уточнений лишены смысла.

В 1970-е годы в порождающей грамматике имела место дискуссия о трансформациях, содержащих сокращение или замену эквивалентных единиц, которая принесла вполне определенные и ясные результаты. К сожалению, российские лингвисты «проспали» эту дискуссию и поэтому не реагируют на аргументы ее победителей - противников подобных трансформаций (некоторые из таких аргументов были впоследствии независимо обнаружены Е.В. Падучевой [1983; 1985]). Трактовка подлежащих инфинитивных конструкций через трансформацию опущения (*Иван хочет Ивану уйти => Иван хочет __ уйти*), принятая в 1960-е годы [Rosenbaum 1967], называлась «стирание эквивалентной ИГ» (Equi-NP deletion). Однако впоследствии она была отвергнута [Postal 1970] ввиду абсурдных следствий для семантики: (27) *Все хотят спастись* никак не означает 'Все хотят, чтобы все спаслись', а (28) *Кто желает выздороветь?* не означает 'Кто кому желает выздороветь?'; (29) а. *Я не тебя просил этим заниматься* невозможно возвести к б. *Я не тебя просил, чтобы ты этим занимался*. (29б) означает, по-видимому, нечто иное, а именно: 'Тот, кого я просил, чтобы ты этим занимался, не ты'. Равным образом (29а) не возводится к конструкции с повтором отрицания в. *Я не тебя просил, чтобы не ты этим занимался*. Семантика подлежащего в инфинитиве полностью зависит от семантики некоторой ИГ в главной клаузе, однако, как следует из (27-29), это не означает, что подлежащее в инфинитиве можно рассматривать как просто «второй экземпляр» такой ИГ. Остается допустить, что подлежащее при инфинитиве нулевое, а его семантика «вычисляется» из семантики некоторой другой ИГ по определенным правилам.

Более перспективным следует считать, по-видимому, подход, предложенный П. Адамцом [Adamec 1995], который разграничивает в русском ^е три вида «значимых нулей»: 1) результаты эллиптических сокращений ^е ко восстановимые в виде местоимений *Прости, что (я) потревожил тебя*; 2) нули, не обладающие определенной референцией, которые функционально близки, но не идентичны неопределенным местоимениям

Часть I. Синтаксическое описание

Его критиковали ~ Кто-то его критиковал; 3) нули с определенной референцией, значение которых определяются грамматическими правилами контроля, например, субъект при инфинитиве (о понятии контроля см. ниже).

1.2. Подлежащее в других нефинитных глагольных клаузах русского языка

Рассмотрим русские причастные обороты и убедимся, что нулевое подлежащее следует выделять и в них в соответствии с первыми тремя соображениями: (30) *Я вижу девушку, [0 рассматривающую себя в зеркале]*; (31) *Я смотрю на детей, [0 бросающих друг другу мяч]* (аргумент 1); (32) *Мы взяли интервью у Банди, [0 бывшего помощником Кеннеди]*; (33) *Он рассмотрел случаи, [0 являющиеся || считающиеся особенно трудными]* (аргумент 2); (34) *Удача ждала золотоискателей, [0 пришедших первыми]* (аргумент 3).

Проверка на способность присоединять деепричастную конструкцию (аргумент 4) дает несколько неожиданный результат: (35) а. *У нас есть свидетель, говорящий всю правду, ничего не скрывая и не прибавляя;* б. ? *У нас нет свидетеля, говорящего всю правду, ничего не скрывая и не прибавляя;* (36) а. *Игрок, нанесший травму сопернику, грубо нарушив правила, должен быть наказан;* б. ? *Игрока, нанесшего травму сопернику, грубо нарушив правила, ждет наказание;* (37) а. *Сотрудники, проработавшие много недель, забывая о сне и отдыхе, нуждаются в отпуске;* б. ? *Сотрудникам, проработавшим много недель, забывая о сне и отдыхе, необходим отпуск.* Причастные обороты в им. п. (35а—37а) значительно легче допускает вложение деепричастного оборота, чем такие же обороты в косвенных падежах (35б—37б), см. об этом [Шведова (ред.) 1980: 183; Ицкович 1982:146-147]; на малую приемлемость такой конструкции указывал еще Ф.И. Буслаев [1863: 332]. Но это скорее тенденция, чем строгое правило,ср. причастный оборот в вин. п.: *Молодая, худая /рука перебирает локоны, [струящаяся, [не впадая / никуда]]* (Бродский, «В Англии»). Ниже мы еще вернемся к рассмотрению этого факта.

Предварительный вопрос

Можно ли с помощью аргументов, аналогичных приведенным в п. 1.1., доказать наличие нулевого подлежащего в русских деепричастных оборотах?

1.3. Нулевое подлежащее в неглагольных обособленных оборотах

Традиционно «обособленными» называют такие второстепенные члены предложения, которым свойственна «полупредикативная» функция (т. е. какая-то неполная, «ущербная» предикативность). Часто говорят, что обособление выражает некую «дополнительную характеристику» и выделяется интонационно или с помощью запятых. К числу «обособленных определений» относят, например, подчеркнутые фрагменты предложений *Изумленные невиданным зрелищем, путешесвенники остановились* или *Был осенний вечер, тихий и ясный*. Для простоты мы будем ниже называть **обособленными** только такие распространенные определения, которые выражены ГПрил или аппозитивными ИГ и следуют за определяемым существительным. Рефлексивы и реципрок наблюдаются в некоторых необособленных (38—39), но чаще — обособленных (40—41) ГПрил и в обособленных ИГ (42—43): (38) Я увидел [ГПрил. уверенного в себе] человека; (39) Незачем собирать вместе [ГПрил. чуждых друг другу] людей; (40) а. человек, [ГПрил. гордый собой и своими успехами]; б. человека, [ГПрил. гордого собой и своими успехами]; (41) а. братья, [ГПрил. похожие друг на друга]; б. братьев, [ГПрил. похожих друг на друга]; (42) а. Народ, [иг. хозяин своей судьбы], берет власть в свои руки; б. воля народа, [иг. хозяина своей судьбы]; (43) а. Эти люди, [иг. недоброжелатели друг друга] не могут сговориться; б. Этих людей, [иг. недоброжелателей друг друга] нельзя помирить. Необособленные ИГ обычно не могут включать рефлексивы с внутренним, т.е. находящимся в самой ИГ, антецедентом, ср. (44ав, 45а) и (44бг, 45б): (44) а. Глостер, [иг. убийца своего брата], захватил трон; б. ? [иг. Убийца своего брата] захватил трон; в. Трон достался Глостеру, [иг. убийце своего брата]; г. *Трон достался [иг. убийце своего брата]; (45) а. ? Эти слова, [иг. напоминание себе об опасности, прозвучали вовремя; б. *[иг. Напоминание себе об опасности] прозвучало вовремя.

Рефлексивы и реципрок допустимы в отглагольных (=номинализованных) ИГ, сохраняющих ролевую структуру соответствующей финитной конструкции: (46) Талейран вызвал у участников конгресса [недоверие друг к другу]; (47) Им мешала [неуверенность в себе]. Допустимо в них и употребление присказуемых имен: (48) возвращение живыми из плена; появление пьяным в общественном месте.

Как показывают примеры (38-39, 406-436, 44в, 46) антецедентом рефлексивов и реципрока, находящихся внутри ИГ и ГПрил, не обязательно является подлежащее того предложения, в которое они входят. Несмотря на то что деепричастные обороты и присказуемостные имена, по-видимому, не могут входить в состав обособленных ИГ и групп прилагательного (**человек, выступая по телевидению, популярный среди избирателей*), допустимость в них рефлексивов и реципрока позволяет предположить особое нулевое подлежащее. По той же причине можно усматривать собственное нулевое подлежащее в номинализованной конструкции, хотя она обычно не может включать деепричастный оборот [**возвращение из плена, много перенеся, но ср. переход из твердого состояния в газообразное, минуя жидкую фазу* [Шведова (ред.) 1980: 183]].

Наличие собственного подлежащего в обособленных именных конструкциях возможно еще и по той причине, что в них на передний план явно выдвигается семантическая предикация (*Глостер, убийца своего брата... = Тлостер, который был убийцей своего брата*). А.М. Пешковский с нескрываемым раздражением пишет про необъяснимое употребление подчинительного союза в обособленной группе прилагательного: (49) *пробует свои силы на труднейшем, потому что новом, материале*. «Исключительный характер этих фактов ... настолько ясен, что было бы слепым педантизмом ... опровергивать на их основании нашу теорию» [Пешковский 1956 (1928): 468]. На самом деле здесь, может быть, наблюдается скрытая клауза не только с собственным нулевым подлежащим, но и с нулевой связкой: *потому что* [п Ø 'быть' новом]. Случай (49) не так уж «исключителен», ср. (50) ... *на интересном, хотя и старом, материале*.

1.4. Нулевые словоформы глагола-связки и бытийного глагола

Нулевое подлежащее в нефинитных оборотах является, очевидно, особой единицей словаря — лексемой, по свойствам близкой анафорическим местоимениям, поскольку оно указывает на референт путем отсылки к своему антецеденту. Однако имеются не только нулевые лексемы, но и нулевые словоформы — у таких лексем, часть словоизменительной парадигмы которых представлена нулевыми, а часть — ненулевыми единицами. Пример такой нулевой словоформы "" нулевая форма глагола-связки *быть* (51) и бытийного глаго-

Глава У. Синтаксические «невидимки»

быть (52) в русском языке в настоящем времени [Арутюнова, Ширяев 1983: 27]:

(51)	(52)
а. <i>Он</i> <u>красив</u> ;	а. <i>В саду</i> <u>яблони</u> ;
б. <i>Он</i> <u>будет красив</u> ;	б. <i>В саду</i> <u>будут яблони</u> ;
в. <i>Он</i> <u>был красив</u> ;	в. <i>В саду</i> <u>были яблони</u> ;
г. <i>Он</i> <u>был бы красив</u> ,	г. <i>В саду</i> <u>были бы яблони</u> .

Парадигмы (51-52) показывают, что, руководствуясь системными соображениями, мы вправе считать, что у глагола *быть* в настоящем времени индикатива вместо фонетически выраженной словоформы (*есть*) выступает нулевая: **Ø**. Иначе придется допустить в русском языке существование финитных клауз, не возглавляемых глаголом.

Необходимость постулировать нулевую связку в русском языке впервые была показана А.М. Пешковским. «Мы видим, что это пустое место, это отсутствие глагола функционирует в языке как настоящее время изъявительного наклонения глагола. И объяснить это можно только тем же, чем мы объяснили тот факт, что слово *стол* функционирует и сознается как имен. пад. ед. ч. мужского рода существительного, несмотря на отсутствие окончания» [Пешковский 1956 (1928): 258].

На наличие нулевой связки указывают некоторые обстоятельства и актанты, которые не способны сочетаться с существительным (53бг), но только с финитным глаголом (53ав): (53) а. *Он* давно *враг*; б. **Давно* *враг* *сделал это* (в значении 'человек, который давно является врагом...'); в. *Он* *мне* *враг*; г. *Мне *враг* *сделал это* (в значении 'человек, который является моим врагом...')³.

Есть, впрочем, и такие клаузы, близкие по свойствам к финитным, которые действительно не содержат в себе глагола. Это неполные, эллиптические клаузы, например, (54) *Татьяна* в лес, медведь за нею (Пушкин, «Евгений Онегин»); (55) *Саша* *читает книгу, а Миша* газету; (56) — *Три кило, пожалуйста!* и т. п.

Считается, что эллиптический пробел совпадает с соответствующим полным выражением по всем свойствам, кроме одного — наличия означающего (фонетической формы). Но даже в приведенных примерах все

Соответствующая конструкция у Грибоедова, очевидно, чужда для современного языка: *Вот Чайского, мне друга, / Андрея Ильича покойного сынок* («Горе от ума»; пример указан И.Б. Иткиным).

не так просто. Так, (56), по-видимому, ничем не отличается от (56') *Дате (взвесьте) три кило, пожалуйста!* Однако (54), может быть, отличаете от (54') *Татьяна бежит в лес, медведь бежит за ней* выражением стремительности, быстроты действия, а (55') *Саша читает книгу, а Миша читаёт газету* наводит на мысль о нарочитости повтора, чего не может быть в (55). Наконец, существуют примеры невосстановимого эллипсиса, вроде обнаруженного Д. Вайсом *Мне бы маму сейчас _____ сюда! {пригласить? вызвать?.., получить?..}*, или у И.А. Мельчука *Мы их и гранатами, и из автоматов, и штыками* [Есперсен 1958 (1924): 356-357; Weiss 1995: 206-Мельчук 1995: 211; Филипенко 2000: 44].

1.5. Нулевой вспомогательный глагол в английском языке

В английском языке, за исключением особых случаев эллипсиса с образованием внутреннего пробела, вроде (57) *John ate pasta, and Joan _____ pizza* 'Джон ел спагетти, а Джоан — пиццу', финитное сказуемое (выраженное финитной формой главного, вспомогательного либо модального глагола) обязательно выражено в предложении ненулевой формой. Эллипсис обычно не затрагивает финитного глагола: (58) а. **He saw John, or she*; б. *He saw John, or she did* Юн видел Джона, или она (видела'). (58а) неграмматично из-за отсутствия финитного глагола; последний не может быть опущен, но может быть заменен на вспомогательный глагол *do* в нужной форме (58б). Таким образом, во второй из двух сочиненных клауз можно удалить повторяющуюся часть, но при этом требуется сохранить финитную форму глагола.

Так же ведут себя модальные и вспомогательные глаголы, когда занимают позицию финитного сказуемого: (59) а. *He could have seen us, or she could (have)* Юн мог бы увидеть нас, и она могла бы'; б. **He could have seen us, or she*. В примерах типа (59а) полнозначный глагол удаляется в результате эллиптического сокращения, причем обязательно должен быть сохранен модальный или вспомогательный глагол с лексическим (*can* 'мочь', *must* 'должен'...) или грамматическим (*will*, *have*, *is*...) значением либо вовсе лишенный собственного значения, как *do* в (58б).

Есть основания считать, что всякая финитная клауза в английском языке возглавляется модальным или вспомогательным глаголом, который может выступать в виде либо

Глава 5. Синтаксические «невидимки»

полной либо нулевой лексемы, но не может подвергаться эллипсису [Radford 1997: 88-93].

Чтобы убедиться в этом, возьмем предложение (60) *He could have seen her, or she have seen him* Юн мог увидеть ее, или она - увидеть его'. Есть основания предполагать, что и здесь, как в (59), модальный глагол *could* во второй клаузе не подвергается эллипсису, а представлен нулевой реализацией. Известно, что вспомогательный глагол *have* может выступать как в полной форме, так и в виде клитики '*ve*, которая фонетически примыкает к предшествующему ударному слову, если оно оканчивается на гласный или дифтонг: *I have left* 'Я уехал' - *I've left* Однако клитизовать второе вхождение *have* в (60) не удается: (60') **He could have seen her or she've seen him*, несмотря на то что фонетическое условие клитизации здесь выполнено (предшествующее слово *she* 'она' оканчивается на гласный).

Чем объясняется запрет на клитизацию *have* в (60)? Если предположить, что клитика может примыкать только к непосредственно предшествующему слову, то невозможность для *have* примыкать к *she* следует из того, что между ними располагается еще одно слово, которого не видно, — нулевой финитный глагол. Оно-то и мешает клитизации. Клитизоваться к нулевому глаголу *have*, разумеется, не может - опорой для клитики может быть только полноценное ударное слово, а у нулевой единицы нет не только ударения, но и вообще какой-либо фонетической формы:

(60) *He could have seen her, or she 0 have seen him.*

Нулевой вспомогательный глагол обнаруживает себя с такими глаголами, которые могут употребляться и как вспомогательные, и как полнозначные. Например, именно таков тот же глагол *have*. В предложении (61) *She has gone to Paris* Юна уехала в Париж' он употребляется как вспомогательный (показатель перфекта), в (62) *The doctor had an eye-specialist examine the patient* 'Врач дал окулисту осмотреть пациента' этот же глагол имеет каузативное значение, а в конструкциях(63) *I've never had anyone send me flowers* никогда ни от кого не приходилось получать цветы' Экпериенциальное, т. е. значение имеющегося опыта, помогательное *have* может подвергнуться инверсии *Has she gone to Paris?* 'Уехала ли она в Париж?', а каузативное эксперииенциальное - нет: **Had the doctor an eye-spe-*

cialist examine the patient? 'Дал ли врач окулисту осмотреть пациента?'.

Глагол *have* в значении вспомогательного может быть клитизован, например (64) *They've seen a ghost* 'Они видели привидение', но в каузативном (65) или в экспериенциальном (66) значениях — нет: (65) а. *They have their car serviced regularly* 'Они регулярно отдают в обслуживание свою машину', но б. **They've their car serviced regularly*; (66) а. *She had them often send her flowers* 'Ей доводилось часто получать от них цветы', но б. **She'd them often send her flowers*.

Неграмматичность (656–666) объясняется так же, как и в случае (60). В (65–66), в отличие от (64), *have* — не вспомогательный, а полнозначный глагол. Если верно, что всякое предложение в английском языке должно включать (фонетически выраженный или нулевой) вспомогательный или модальный глагол, то отсюда следует, что клитики '*'ve* и "*'d*" в (65—66) не могут присоединиться к непосредственно предшествующему слову, так как это слово — нулевой вспомогательный глагол — не обладает необходимой для «приема» клитики фонетической формой (означающим):

(65') *They Ø have their car serviced regularly.*

На наличие нулевого вспомогательного глагола указывают и **расчлененные вопросы** (tag questions), которые включают в себя ненулевой вспомогательный глагол, если он есть, а если он является нулевым, используют семантически пустой (т. е. имеющий форму, но не значение) вспомогательный глагол *do*: (67) *She has gone to Paris, hasn't* (/**doesn't*) *she?* 'Она уехала в Париж, правда?'; (68) *She has her hair styled by Vidal Sassoon, doesn't* (/**hasn't*) *she?* 'Она дала обработать себе волосы «Видал Сассуном», правда?' Пустой вспомогательный глагол *do* в расчлененном вопросе предложения (68) соответствует нулевому вспомогательному глаголу, а повтор глагола *have* здесь невозможен, так как в (68) он не является вспомогательным.

Заметим, однако, что гипотеза присутствия во всех английских предложениях либо фонетически выраженного, либо нулевого вспомогательного глагола требует объяснить, почему нулевой вспомогательный глагол, в отличие от выраженного вспомогательного, требует личной формы полнозначного глагола: *He Ø has his car serviced* 'Он отдает в обслуживание машину', но не **He Ø have...* по общему правилу.

1 6. Нулевой показатель инфинитива в английском языке

Установив, что в английском языке какой-то вспомогательный глагол (нулевой или ненулевой) присутствует во всех финитных конструкциях, обратимся к английским инфинитивным оборотам и проверим, нельзя ли также усмотреть в них наличие вспомогательного глагола — нулевого или ненулевого.

Действительно, можно обратить внимание, что инфинитивный показатель *to* имеет некоторые свойства вспомогательного глагола. Показатель инфинитива дополнительно распределен со вспомогательными глаголами, т. е. входит с ними в один дистрибутивный класс: (69) а. *You are going to leave* Ты собираешься уйти', б. *You may leave* Ты можешь уйти', но в. **You may to leave*.

Вспомогательные глаголы и *to* занимают одну и ту же позицию и присоединяют одну и ту же форму глагола, ср. (70) *It's vital that John should show an interest* 'Важно, чтобы Джон проявил интерес', б. *It's vital for John to show an interest* (то же). Далее, *to* так же, как вспомогательный глагол, не подвергается эллипсису, но разрешает эллипсис глагольной группы, которая следует за ним, ср. (71) а. *I don't really want to go to the dentist's, but I know I should* 'На самом деле я не хочу идти к зубному врачу, но знаю, что должен' и б. / *know I should go to the dentist's, but I just don't want to* 'Я знаю, что должен пойти к зубному врачу, но я просто не хочу (этого делать)', ср. в. **I know I should go to the dentist's, but I just don't want*. Итак, имеются достаточные основания считать инфинитивный показатель разновидностью вспомогательного глагола.

Теперь рассмотрим инфинитивные конструкции без *to* [Radford 1997: 94—95]. Они возможны лишь при некоторых матричных глаголах, таких, как *see* 'видеть', *hear* 'слышать', *let* 'разрешать', *watch* 'наблюдать', но не при таких, как, например, *expect* 'ожидать', *judge* 'судить', *report* 'сообщать', *consider* 'считать', *want* 'хотеть': (72) *A reporter saw the senator leave the hotel* 'Репортер увидел, как сенатор уходил из гостиницы'; (73) *I heard a voice cry* 'Я слышал голос, который кричал'; (74) *You mustn't let him go* 'Ты не должен отпускать его' и т. п. Сравним (75) / *expected him to win* 'Я ожидал, что он эоедит'; (76) *I judged him to be lying* 'Я решил, что он лжет';

Часть I. Синтаксическое описание

(77) *They reported him to be missing* 'Они сообщили, что он отсутствовал'.

Во всех этих примерах инфинитивная конструкция, кроме матричного глагола и показателя *to* в (75-77), характеризуется еще одним важным элементом - ИГ в вин. п., которая как будто относится к главной клаузе, но на самом деле не является прямым дополнением соответствующих матричных глаголов. Об этой ИГ и ее свойствах пойдет речь в главе VI 3.2.

Инфинитивные конструкции типа (72—74), которые не включают инфинитивный показатель *to*, называются **малыми клаузами** (small clauses). Можно ли считать, что в малых клаузах налицо нулевой показатель инфинитива? По-видимому, да, и в пользу этого можно выдвинуть по меньшей мере два соображения.

Во-первых, в малых клаузах налицо та же форма глагола, что и в конструкциях со вспомогательным глаголом и показателем *to*. Было бы крайне нежелательно допускать, что в малых клаузах форма глагола не *п о с р е д с т в е н н о* определяется матричным глаголом — ведь обычно форма полнозначного глагола определяется вспомогательным. Во-вторых, хотя некоторые носители английского языка допускают предложение (78) а. / *wouldn't let you have done it* 'Я бы не позволил тебе сделать это', то это же предложение с клитизацией *have* б. **I wouldn't let you've done it* абсолютно неприемлемо. Остается предположить, что помеха клитизации все та же — нулевой вспомогательный глагол, стоящий между подлежащим и другим вспомогательным глаголом *have*, на сей раз в инфинитивной конструкции, а не в главном предложении:

(78) / *wouldn't let you 0 have done it.*

Итак, мы познакомились с доказательствами существования некоторых нулевых лексем и словоформ, играющих важную роль в синтаксических конструкциях. Рассмотрим теперь подробнее некоторые наиболее важные виды нулевых единиц.

2 Нулевое подлежащее нефинитных клауз (PRO)

Общим свойством нулевых подлежащих в инфинитивных, деепричастных и причастных конструкциях является то, что подстановка «нормального», фонетически выраженного подлежащего на их место в этих конструкциях обычно невозможна (кроме дат. п. в инфинитивном обороте: *Мне позвонить вам?*; *Нам делать нечего*). В порождающей грамматике нулевое подлежащее, которое возникает в позиции, обычно не допускающей появления фонетически выраженного подлежащего, принято называть **PRO**. Оно обозначается тремя заглавными буквами, с которых начинается английское слово *pronoun* «местоимение», чем подчеркивается принадлежность нулевой единицы к классу местоимений.

Нулевые местоимения представляют собой лексемы, заполняющие позиции целых фразовых категорий. Так, очевидно, что PRO замещает целую ИГ, а не, например, существительное. Это видно из того, что никаких зависимых-определений нулевой элемент присоединять не может. Обычные анафорические (*он*) или рефлексивные (*себя*), да и личные (*я, ты*) местоимения также почти никогда не присоединяют зависимых и по своим дистрибутивным свойствам ближе к ИГ, чем к существительным. Отсюда определяющее свойство местоимений — иметь в своем лексическом значении указание на тип отношения с референтом [Крылов, Падучева 1990], а референтом обладает ИГ в целом, но не словарная единица, возглавляющая ее, - существительное⁴. Местоимения, в том числе нулевые, представляют собой такие словарные единицы, которые по Референциальным свойствам и дистрибуции близки фразовой категории - ИГ.

То же свойство обнаруживают и семантически пустые (не имеющие значения, англ. *expletive*, или *dummy*) лексемы — они проявляют свойства фразовых, а не терминальных, категорий. Например, английское *do* замещает целую глагольную группу: *John [ур ate some ice-cream], and Bill [ур did] too* 'Джон поел мороженого, и Билл тоже'. Пустые элементы *it* и *there* в английском языке также представляют собой лексикализованные ИГ, а не существительные, и так же, как PRO, могут употребляться толь-

Здесь речь идет только о нарицательных существительных, а не о собственных именах.

Часть I. Синтаксическое описание

ко в роли подлежащего: (79) *It rains* 'Идет дождь', *There are boys in the room* 'В комнате мальчики'. В этом отношении от них не отличаются франц. // и нем. *es* в конструкциях, аналогичных (79) (франц. *Il pleut*, нем. *Es regnet* 'Идет дождь', франц. *Il ya un crayon*, нем. *Es gibt einen Bleistift* 'Есть карандаш'), а также неопределенно-личные пустые подлежащие во французском (*on*) и в немецком (*man*): франц. *on dit*, нем. *man sagt* 'говорят'.

2.1. Контроль PRO

Правила, устанавливающие, какая из ИГ в предложении должна совпадать по референту с PRO, называются **правилами контроля**, а ИГ, определяющая референцию PRO, называется его контролером. Эти правила просты для причастных оборотов — в них референтом PRO всегда является референт той ИГ, которая непосредственно доминирует над причастным оборотом ([_{иг} [PRO]_j *рассерженный на меня*] *человек*[^]), и для деепричастных оборотов — в них референт PRO — всегда подлежащее главного предложения ([PRO; *Рассердившись на меня*], *он_i ушел*). Однако правила контроля для инфинитивного PRO устроены сложно, хотя при этом они часто обнаруживают поразительное единство в неродственных языках.

PRO может вовсе не иметь контролера, например, (80) [PRO *Курить*] — здоровью вредить, или (81) [PRO *Стучащему*] *откроют*, или (82) [PRO *Разговаривая с потерпевшим, надо проявлять тактичность*]. В таком случае PRO обычно приобретает неопределенную или обобщенную референцию.

В отсутствие контролера PRO может не обозначать никакого конкретного референта, например, [PRO *Рассставаться*] всегда тяжело, или обозначать ситуативно обусловленный референт: Жаль [PRO *бросать работу*] (по контексту — говорящий или какое-то другое подразумеваемое лицо). В этих двух случаях говорят о **произвольном контроле** PRO. Впрочем, «произведен» он только в том смысле, что не регулируется правилами грамматики. Контроль PRO открыт при этом для воздействия других, неграмматических, факторов и в этом смысле далеко не «произведен». Сравним однозначность референции PRO в следующих примерах: *Ко т. Когда тебе, тепло и мягко, мудрее* [PRO *дремать и помалкивать*], *чем* [PRO_i *копаться в неприятном будущем*] (Е. Шварц, «Дракон»); *[Чтоб PRO_i убить] — это вы, сами ни за что не*

Глава У- Синтаксические «невидимки»

могли-с, да и не хотели, а [чтобы РИД хотеть, чтобы другой кто убил], это вы, хотели (Достоевский, «Братья Карамазовы»).

При произвольном контроле признак рода и числа PRO выбирается в зависимости от рода и числа подразумеваемого референта, если он вообще имеется: (83) *Хорошо [PRO чувствовать себя здоров-ым || здоров-ой || здоров-ыми]|| Ей хотелось возненавидеть этот город так просто и уверенno, как можно [PRO ненавидеть лишь одн-у себя]* (С. Довлатов, «Иностранка»). Однако в других языках дело обстоит не так. В английском языке PRO при произвольном контроле может быть в 3 л. (84) или в «обобщенно-личном» 2 л. (85): (84) *It is not always easy [PRO to control oneself {/T himself} in public]* 'При людях не всегда легко удерживать себя в руках'; (85) *It is not always easy [PRO to control yourself in public]* 'При людях не всегда легко удержишь себя в руках'. В итальянском языке неконтролируемое PRO имеет признаки мн. ч. муж. рода:

> (86)
Е *difficile parlare di se stess-i* (//**se stess-o, *se stess-a*).
СВЯЗ трудно говорить о себе-МН.М. (себе-ЕД.М, себе-ЕД.Ж)
Трудно говорить о себе самом (букв, самих)'

, (87)
Е *hello essere amat-i* (//**amat-a*) da te.
СВЯЗ прекрасно быть любимый-МН.М (любимый-ЕД.Ж) Пред ты
'Прекрасно быть любимым (букв, любимыми, *любимой) тобой' [Haegeman 1994: 266-267]

Рефлексив в (86) и полнозначный глагол в (87) согласуются в числе и роде с подлежащим, откуда и видны соответствующие грамматические признаки PRO.

Контролируемое PRO принимает признаки числа и рода от своего контролера (примеры см. выше). PRO как бы «пропускает» через себя эти признаки, которые в нем самом не выражаются, и «передает» их группе сказуемого.

В этом отношении поведение PRO можно сравнить с поведением относительных местоимений *что* и *кто*. В отличие от совпадающих с ними по форме вопросительных местоимений *что* и *кто*, которые имеют фиксированное значение муж. р. ед. ч. (*Кто пришел?*; **Кто пришл-а?*; *Кто пришл-и?*) и ср. р. ед. ч. (*Что упал?*; **Что упал-(а)?*; **Что упал-и?*), относительное местоимение «передает» признаки рода и числа определяемого существительного сказуемому относительного предложения, ср. *Парень, что стоял впереди, ... ; Девушка, что стоял-а впереди ... ; Ребята, что*

стоял-и впереди, ...; *та, кто* пришел-а; *те, кто* пришел-и. В последнем случае возможно и ед. ч., ср. *Как странно тем прийти домой, / Кто видел смерти свет!* (Нина Гаген-Торн).

Актант, контролирующий PRO, может быть и невыраженным, например, (88) *Решено* [PRO уходить]; (89) *Рекомендуется* [PRO не задавать лишних вопросов, (90) франц. // *est douloureux de* [PRO *punir les enfants*] '(Это) мучительно - наказывать детей'. Контролером PRO является подразумеваемый агент глагола *решено* (88), подразумеваемый бенефактив глагола *рекомендуется* (89) или подразумеваемый экспериенцер прилагательного *douloureux* (90). Контроль PRO со стороны невыраженных актантов матричного предиката называется имплицитным. Для многих предложений с произвольным контролем, например (83), допустимо понимание с имплицитным контролем.

Если модель управления матричного предиката содержит всего одну валентность на ИГ, помимо валентности на сентенциальный актант, то именно эта ИГ контролирует референцию PRO в сентенциальном актанте, выраженном инфинитивом: (91) *Я хочу* [PRO_i *уйти*], (92) *Ему, нужно* [PRO; *отдохнуть*], (93) *У меня, есть* причина [PRO_j *ненавидеть* этого человека].

Если же матричный глагол имеет, кроме валентности на сентенциальный актант, еще две валентности на ИГ, то референцию PRO как будто контролирует не подлежащее, а дополнение — прямое: (94) *Мы просим вас,* [PRO_j *нам спеть*]; (95) *Министр пригласил журналистку,* [PRO_i *взять у него интервью*] либо косвенное: (96) *Я приказываю вам,* [PRO_j *молчать*]; (97) *Напомни мне,* [PRO_j *позвонить Саше*].

Если же матричный глагол имеет три именные валентности, наряду с сентенциальной, то прямое дополнение получает приоритет и над подлежащим, и над косвенным дополнением — именно оно контролирует PRO: (98) *Иван прислал нам слесаря,* [PRO_i *починить трубу*]; (99) *Родители наняли мальчику гувернера,* [PRO_i *учить его французскому языку*]; (100) *Кортес направил Монтесуме гонцов,* [PRO_j *сообщить условия ультиматума*].

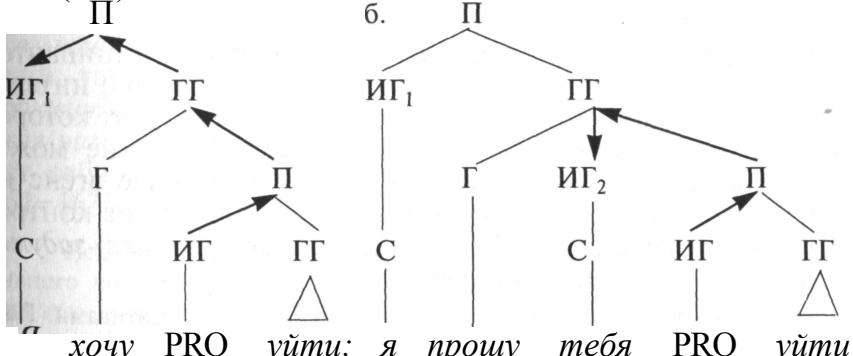
Итак, на основании примеров (91—100) иерархию выбора контролера PRO можно представить следующим образом:

(101) Прямое дополнение > Косвенное дополнение > Подлежащее.

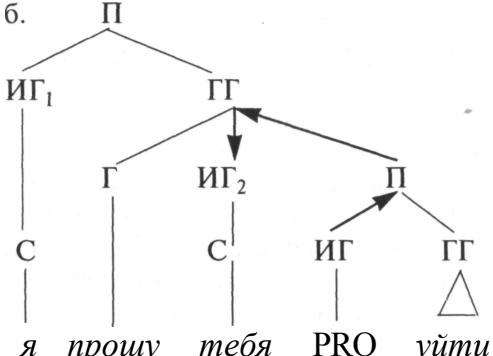
(101) означает, что референция PRO контролируется прямым дополнением (если оно есть у матричного глагола), при его отсутствии — косвенным дополнением, а при его отсутствии — подлежащим (или любым единственным актантом). Контроль со стороны подлежащего будем называть подлежащенным, или лучше, чтобы не употреблять уродливое образование «подлежащенный» — субъектным контролем, а контроль со стороны дополнения — объектным.

Иерархия (101) напоминает раннее решение проблемы контроля в рамках порождающей грамматики — «принцип наименьшего расстояния» (Minimal Distance Principle) П. Розенбаума [Rosenbaum 1967; 1970], согласно которому контроль инфинитивного подлежащего осуществляется та ИГ, которая находится к нему «ближе всего» в структуре составляющих, причем «близость» определялась по числу узлов, находящихся на пути между инфинитивным подлежащим и контролирующей ИГ. Поскольку и дополнение, и инфинитивный оборот рассматривались тогда как непосредственные составляющие глагольной группы главной клаузы, а подлежащее в эту группу не входит, ясно, что «расстояние» от инфинитивного подлежащего до дополнения главной клаузы (ИГ_2), если оно есть (102б), всегда ближе «расстояния» от него до подлежащего главной клаузы (ИГ_1 в (102аб)).

(102) а.

б.

Идея Розенбаума может показаться современному лингвисту наивной и прямолинейной, но надо иметь в виду, что это была первая попытка вскрыть некий единый принцип, стоящий за разнообразными фактами контроля.

Достаточно в (94-100) перевести конструкцию в пассив, чтобы убедиться, что обобщение (101) неверно: (96') *Журналистка*, было приглашена министром [PRO_i взять у него интервью]; (98') *Слесарь*, был нам прислан [PRO_i починить трубу]; (99') ?*Гувернер*, был нанят мальчику [PRO_i* учить его

французскому языку]; (100') Монтесуме были направлены гонцы [PROj изложить условия ультиматума]. Несмотря на то что в пассивном залоге (98'—100') сохраняется косвенное дополнение, оно, вопреки (101), не контролирует референцию PRO — контролером остается тот же participleант, который был им в соответствующих активных конструкциях (94–100).

Итак, при одном и том же глаголе один и тот же participleант всегда имеет при контроле референции PRO преимущество над другими participleантами, независимо от того, в какой залоговой конструкции он выступает и каким членом предложения выражается — подлежащим или дополнением. Иерархию (101) следует, таким образом, переформулировать в терминах семантических ролей — постоянных, не зависящих от залоговой конструкции отношений participleантов к обозначенному предикатом событию. В результате перед нами возникает «иерархия Джэндоффа» [Jackendoff 1972: 43р]:

(ЮГ) Пациенс > Адресат > Агенс.

Иерархия (ЮГ) означает, что если среди именных актантов матричного глагола есть пациент, то именно он контролирует референцию PRO инфинитивного оборота, если же пациента нет, то референцию контролирует адресат, а при его отсутствии — агент. Выражения «есть пациент», «есть адресат» и т. д. относятся к множеству participleантов матричного глагола, а не к множеству его актантов; интересен в этом отношении глагол *распорядиться*, адресат которого, контролирующий референцию PRO, вообще не может быть выражен. При матричном глаголе в пассиве агент не устремляется из числа participleантов, а продолжает контролировать референцию PRO: *Решено (предполагается, задумано и т. п.) провести конференцию*.

ЗАДАНИЕ. Даны две группы предложений с инфинитивами. Первая группа состоит из приемлемых или почти приемлемых предложений, а вторая — из неприемлемых или, по меньшей мере, странных по своему смыслу:

Приемлемые предложения:

Иван отдал сестре рубашки постирать.

«Странные» предложения:

Президент прислал нам представителя сообщить ему наши условия.

Впоследствии та же иерархия была независимо сформулирована И.Ш. Козинским [1985: 113], которому работа Р. Джэндоффа осталась недоступной.

г пава 5 .Синтаксические «невидимки»

Мать оставила ребенку хлеба по-
кормить голубей.

Ты попросил книгу почитать.

Они принесли мне некоторые бу-
маги подписать.

Одолжи отвертку разобрать меха-
низм!

Иван оставил нам телефон позво-
нить в случае необходимости.

Мне нужна ручка записать теле-
фон.

Им выдали сетки защищаться от
комаров.

Генерала не выдали испанскому
прокурору предать суду за совер-
шенные преступления.

Пригласите этого свидетеля
принять у него присягу.

Врач оставил с больными медсест-
ру позвать в случае необходимости.
«Филадельфия» одолжила этого
хоккеиста «Бостону» ставить его в
основной состав в течение года.

Я направил к преподавателю трех
студентов принять экзамен.

Определите, в каких предложениях нарушается правило контроля
инфinitивным PRO. Объясните причину «странных» предложений вто-
рой группы и сформулируйте поправку к правилу так, чтобы оно соотве-
тствовало всем приведенным фактам.

Есть также небольшая группа матричных глаголов (*угрожать, обещать, клясться* и др.), у которых при контро-
ле референции PRO агенс получает преимущество над паци-
енсом и адресатом: (103) *Отец*

*обещал сыну [PRA привезти
игрушки из города], (104) Я_x пригрозил ему [PROj рассказать
все, что знаю].* Наконец, глагол *предлагать* допускает как
один, так и другой тип контроля *Преподаватель предложил
студенту [PRO сократить курсовую работу]*, но *Он предло-
жил нам [PRO оказать помощь с ремонтом]*; аналогично ве-
дет себя и нем. *vorschlagen* 'предлагать' [Grewendorf 1991:
162-163].

Использовать аппарат семантических ролей для описания инфини-
тивного контроля впервые предложил Р. Джэндофф, который указал
при этом, что выдвинутый Розенбаумом «принцип минимального рассто-
яния» не подтверждается фактами и теоретически неубедителен, посколь-
ку «такое средство, как подсчет узлов, кажется совершенно необычным»
[Jackendoff 1972: 212]. Джэндофф также обратил внимание на такие па-
ры конструкций, как *Joe got to Philadelphia* 'Джо попал в Филадельфию' -
Frank got Joe to Philadelphia 'Фрэнк доставил Джо в Филадельфию'; *Joe kept
near his mother* 'Джо держался при матери' — *Mother kept Joe near her* 'Мать
держала Джо при себе', и сделал вывод, что «переключение подразумева-
емых подлежащих инфинитива параллельно переключению атрибуции ...
локативных выражений» [там же: 215]. С большинством матричных глаго-
лов «адресат» (Goal) главного предложения интерпретируется как подле-

Часть 1. Синтаксическое описание

жащее дополнительного предложения (complement subject). Глаголы типа *promise* 'обещать' ведут себя по-другому - их контроль всегда ориентирован на роль «источника» (Source), ср. *Mary gave Alex a promise to go* 'Мэри дала Алексу обещание уйти', но *Mary received from Alex a promise to go* 'Мэри получила от Алекса обещание уйти' [там же: 218].

Р. Ружичка разделил матричные глаголы на два класса: при одних (таких, как *обещать*) семантические роли подлежащих главной и инфинитивной клаузы должны быть одинаковы или сходны, а при других (*заставлять, разрешать*), наоборот, различны. В результате получают объяснение сразу двух факта: 1) почему неграмматично английское предложение **John was promised to leave* 'Джону было обещано уйти' букв. 'Джон был обещан уйти', где из-за того, что главная клауза выражена пассивным залогом, ее подлежащим становится адресат речи, а подлежащим при инфинитиве остается агентс., и 2) почему грамматично *John was promised to be allowed to leave* 'Джону было обещано позволить уйти', букв. 'Джон был обещан быть позволенным уйти', где при пассивном залоге инфинитива подлежащим становится адресат [Ruzicka 1983]. Еще о принципах контроля PRO см. [Bresnan 1982; Manzini 1983; Nishigauchi 1984]; о недостаточности аппарата ролей для характеристики принципов контроля см. [Ladusaw, Dowty 1988].

В целевой инфинитивной конструкции с союзом *чтобы* почти всегда, независимо от типа матричного глагола и залоговой конструкции, референцию PRO контролирует подлежащее [Козинский 1985]: (105) *Министр, пригласил журналистку, [чтобы PRO_t дать ей интервью]*, б. *Журналистка, была приглашена министром, {чтобы PRO_j взять у него интервью}*, в. **Министр пригласил журналистку, [чтобы взятое него интервью]*, г. **Журналистка была приглашена министр [чтобы дать ей интервью]*. Предложение (105г) правильно только в том (необычном) понимании, что интервью министру дает сама журналистка и что министр - женщина. Ср. те же предложения без *чтобы*: (105') а. *Министр пригласил журналистку, [PRO_i взять у него (//*дать ей) интервью]*; б. *Журналистка, была приглашена министром [PRO_j взять у него (П*дать ей) интервью]*, где референция PRO неизменно контролируется пациентом независимо от залоговой конструкции.

Однако если подлежащее в пассиве неодушевленное, сохраняется агентивный контроль: (106) *Операция была приостановлена, чтобы избежать больших потерь*; (107) *Слухи ими специально распространялись, чтобы вызвать общественное возбуждение*.

Эти довольно сложные правила «вычисления» контроля референции представляют яркую отличительную особенность инфинитивного PRO.

2.2. «Плавающие определители» и PRO в инфинитивном обороте

Несмотря на то что «нормальное» подлежащее в им. п. на месте PRO невозможно, в русском языке есть небольшая группа слов, в основном - кванторных местоимений, которые могут выступать в им. п., входя в состав причастных, деепричастных и инфинитивных оборотов. Это так называемые «местоименные распространители» [Шведова (ред.) 1980: 148]: слова *сам*, *один*, *весь* и *оба*. Они образуют особый синтаксический класс местоимений, которые легко отрываются от определяемого существительного и примыкают к группе сказуемого. Во многих языках так себя ведут кванторные местоимения, которые поэтому называются **плавающими кванторами** (floating quantifiers), ср. в английском (108) а. [_{иг} *All the boys*] *left* 'Все мальчики ушли'; б. [_{иг} *The boys*] *all left* 'Мальчики все ушли' и во французском (109) а. *Pierre a mange* [_{иг} *beaucoup de pommes*] 'Пьер съел много яблок'; б. *Pierre a beaucoup mange* [_{иг} *de pommes*] 'Пьер много съел яблок'; (ПО) а. [_{иг} *Tous les enfants*] *ont vu ce film* 'Все дети видели этот фильм'; б. [_{иг} *Les enfants*] *ont tous vu ce film* 'Дети все видели этот фильм'. Другие виды определений, например, обычные прилагательные, в английском и французском языках способности к подобному «сдвигу» не проявляют.

Хотя в русском языке почти все виды определений легче отрываются от определяемых существительных, чем в английском или французском, имеются основания выделять *сам*, *один*, *весь* и *оба* в особый грамматический класс. Поскольку слово *сам* трудно причислить к кванторам, назовем этот класс русских местоимений **плавающими определителями (ПО)**. ПО в им. п. наблюдаются в таких контекстах, где появление других слов в им. п. запрещено - в деепричастных (111—113) и в инфинитивных (114-115) оборотах, а также в так называемых обособленных оборотах, обычно следующих за определяемым словом — субстантивных, представляющих собой ИГ (116) и также причастных (117) или аффективных (возглавленных прилагательным), представляю-

Часть 1. Синтаксическое описание

щих фразовую категорию ГПрил (118): (111) *Но испуганный машинист без конца требовал пара, [сам помогая кормить топку]* (Платонов, «Чевенгур»); (112) *[Один умей поддерживать стабильность в стране,] он не смог найти себе преемника;* (113) *[Все 11 оба вымокнув под дождем,] они добежали до станции;* (114) *Они решили [сами || оба || одни распоряжаться];* (115) *Ты достаточно взрослая, [чтобы сама все понимать];* (116) *Капитан и помощник, [оба отъявленные негодяи,] были повешены на рее;* (117) *Участники переговоров, все || оба || сами говорящие по-английски, не нуждались в переводе;* (118) *Люди шли вслед без чувства на лице, [сами готовые неизбежно умереть в обиходе революции]* (Платонов, «Чевенгур»).

К ПО иногда причисляют местоимение *каждый*, однако ситуация с ним несколько сложней. *Каждый* в форме ед. ч. может отрываться от определяемого существительного во мн. ч., и такая конструкция более характерна для разговорной речи: *Я ребят каждого предупредил; Они каждый говорят, что помогут.* В литературном языке для того, чтобы *каждый* в ед. ч. могло находиться после определяемого существительного во мн. ч., за этим местоимением должно непосредственно следовать либо выражение, содержащее рефлексив: *Они пошли каждый к себе домой*, либо группа с предлогом *по* + дат. п. в распределительном (дистрибутивном) значении: *Мальчики принесли каждый по яблоку.* Такая конструкция действительно наблюдается в тех же контекстах, которые запрещены для им. п. подлежащего: *Мальчики вошли, [неся каждый по сумке]; Они решили [съездить туда каждый по нескольку раз]; сотрудники, [выполняющие каждый свою работу]; Собеседники, [недовольные каждый по своей причине ходом разговора,] были мрачны; Эти врачи, специалисты [каждый по некоторым областям медицины], готовы к экстренному приему.* Тем же свойством обладают и некоторые другие дистрибутивные конструкции (или конструкции, близкие по значению к дистрибутивным): *[Пройдя один за другим в дверь,] они вошли в комнату; [столкнувшись нос к носу,] не узнали друг друга; Вся Вера Корнильевна была два треугольника, [поставленных вершина на вершину]* (Солженицын, «Раковый корпус»); *По улицам, сливая голоса, / [неотличимы брат от брата,] / Текут и строятся в полки и корпуса, / которым не даровано возврата* (Б. Окуджава).

Несмотря на то, что ПО морфологически близки к прилагательным, прилагательные к такому синтаксическому поведению не способны, ср. (11Г) *^машинист без конца требовал пара, [испуганный помогая кормить топку];* (112') **[гибкий умей поддержать стабильность в стране] ...;* (115') **ты достаточно взрослая, [чтобы разумная все понимать]* и т. Д. Даже кванторное прилагательное *всякий*, семантически близкое к ПО, не проявляет грамматических свойств ПО:

*[всякий вымокнув под дождем,} ...; *студент готовится {всякий сдавать экзамены].

Еще одним важным свойством ПО, отличающим их от прилагательных, является их неспособность выступать в тв. п. в качестве присказуемых имен: видел их самих || обоих || всех || одних (//*самими ||*обоими || *всеми || *одними); я обнаружил его лежащим (лежащего) одного (//*одним) на кровати; его способность быть счастливым самому (//*самим) и делать счастливыми других (примеры Л. Бэбби, устн. сообщ.); дарования, рассыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмещёнными все (//*всеми) во мне едином! (Козьма Протков, «Письмо к фельетонисту»), ср. Мы помним его всяким.

Как было показано в работах Б. Комри [Comrie 1974], К. Найдле [Neidle 1988], Джер. Гринберга, С. Фрэнкса, Н. Хорнстейна [Greenberg 1983; Franks, Greenberg 1988; Franks 1990; 1995; Greenberg, Franks 1991; Franks, Hornstein 1992] и Л. Бэбби [Babby 1998], ПО в русском языке могут быть использованы как аналитический инструмент, значительно проясняющий структуру инфинитивной конструкции и свойства PRO. С одной стороны, ПО, по-видимому, не входят в ИГ подлежащего, так как выступают в таких контекстах, в которых подлежащее выражено быть не может. С другой стороны, ПО согласуются в падеже с подлежащим: (119) *Он ездит туда сам || один;* (120) *Ему это нравится самому* (если считать, что *ему* в (120) - подлежащее) или с любой другой ИГ, к которой они относятся по смыслу: (121) *Я Ивану об этом рассказывал одному;* (122) *Он нас обидел обоих.* «Отрываясь» от предложной группы, ПО может копировать ее предлог: (123) *На заведующего (на) самого поступают жалобы;* (124) *Хочу поговорить с ними (с) обоими;* (125) *Возьми у ребят % каждого по три рубля.* В том случае, когда инфинитивная конструкция содержит выраженное подлежащее в дат. п., ПО также согласуется с ним по падежу: (126) *Вам самой не справиться;* (127) *Почему бы твоим друзьям обоим не прийти.*

При субъектном контроле инфинитивных оборотов, если подлежащее главной клаузы стоит в им. п., ПО принимают форму им. п.: (128) *Лена пообещала больше не ездить туда одна* (//*одной); (129) *Мои знакомые хотели прийти все II сами* (//*всем || *самим).

При объектном контроле ПО стоит либо в падеже контролирующего дополнения, либо в дательном падеже (этую форму ПО часто вслед за Б. Комри называют «вторым да-

Часть I. Синтаксическое описание

тельным падежом» [Comrie 1974]⁶: (130) а. *Лена просила мужа неходить ночью одному*; б. ... *одного*; (131) а. *Отец уговарил Ивана не вмешиваться в конфликт самому*; б. ... ? *самого*; (132) а. *Преподаватель поощрял студентов формулировать задачи самим*; б.? *самих*; (133) *Мы отговорили их ходить туда каждому* (? *каждого*) *по несколько раз*; *Просила его самому передать письмо Феде* (Толстой, «Живой труп»). Л. Бэбби обратил внимание на то, что в современном языке в конструкциях с объектным контролем дат. п. вытесняется падежом контролирующего дополнения [Babby 1998]. Вероятно, не всякий читатель - носитель русского языка будет согласен с допустимостью (132а), а кто-то, быть может, усомнится даже в (130а—131а). Можно взять другие матричные глаголы, например, *заставить, убедить, пригласить, научить* или другие ПО - *оба или весь*, и сразу станет ясно, что дат. п. чаще бывает неприемлем, чем приемлем.

Кроме того, многие матричные глаголы с объектным контролем - такие, как *предлагать, приказывать* или *напоминать*, вообще не годятся для экспериментов с ПО, так как падеж контролирующего актанта (косвенного дополнения) при них - дательный, и поэтому невозможно решить, сам ли инфинитив управляет дательным падежом или происходит согласование с контролирующим актантом.

Зная, что инфинитивный оборот включает в себя PRO и сравнивая (119-120) и (128-133), можно предположить, что и невыраженное подлежащее, так же, как и выраженное, контролирует согласование ПО в дат. п. Естественно, для того чтобы контролировать согласование по падежу, PRO само должно получить значение категории падежа: (130а) *Лена просила мужа [PRO_{flat} неходить ночью одному]*.

Идея, что фонетически невыраженная единица (PRO) обладает признаком падежа, на первый взгляд может показаться дикой, так как мы привыкли воспринимать падеж как морфологическую, а не синтаксическую, категорию. Однако падежные граммемы, как мы знаем, могут не иметь внешней реализации, т. е. быть нулевыми; определенный класс существительных, таких, как *кофе* или *МГУ*, вообще не обладает внешними признаками словоизменения, хотя падежные значения у них, несомненно, есть - иначе невозможно объяснить их способность контролировать согласование по падежу. PRO отличается от них лишь тем, что не обладает не только фонетически выраженным окончанием, но и выраженной основой.

Можно заметить, что дат. п. именной части сказуемого при инфинитиве глагола-связки сохраняется в некоторых фразеологизмах и архаизмах: *Не до жису, быть бы жив-у; Петербургу быть пуст-у* и др.

Поведение ПО при субъектном контроле можно попытаться объяснить с помощью одной из следующих трех гипотез.

1) **Гипотеза «дальнего» согласования - ПО** согласуется по падежу непосредственно с подлежащим-контролером, минуя **PRO_{дат}**.

(128') Лена_{ном} пообещала [PRO_{дат} больше не ездить туда одна_{ном}].

(128') Лена_{ящ} пообещала [PRO_{дат} больше не ездить туда одна_{ном}].

2) **Гипотеза локального согласования** - при субъектном контроле PRO стоит в им. п., т. е. согласуется по падежу с подлежащим главной клаузы, и это согласование «пересиливает» управление дат. п. со стороны инфинитива. ПО согласуется с **PRO_{ном}** обычным образом:

(128'') Лена_{ном} пообещала [PRO_{ном} больше не ездить туда одна_{ном}].

(128'') Лена_{ном} пообещала [PRO_{ном} больше не ездить туда одна_{ном}].

3) **Гипотеза отсутствия PRO** - при субъектном контроле PRO вообще отсутствует; при субъектном контроле (и только при нем!) инфинитивный оборот не имеет собственного подлежащего и не является отдельной клаузой: (128'') Лена_{ном} пообещала больше не ездить туда одна_{ном}. Это изящное решение было предложено Л. Бэбби [Babby 1998].

Предположение о том, что инфинитивный оборот при субъектном контроле не образует отдельной клаузы, опирается на понимание клаузы, несколько отличное от принятого у нас в главе IV п.6. В дальнейшем (гл. XII) мы увидим, что в порождающей грамматике группа, возглавленная глаголом (в данном случае - инфинитивный оборот), рассматривается обычно не как клауза, а как составляющая клаузы - глагольная группа. Л. Бэбби предположил, что при субъектном контроле одна глагольная группа (инфinitивная) непосредственно вложена в другую (финитную), и они обе принадлежат одной и той же минимальной клаусе.

Гипотеза «дальнего согласования» хороша тем, что при ней инфинитив и при субъектном, и при объектном контроле, и в случаях без контроля единообразно управляет дат. п. своего подлежащего, будь то выраженная ИГ или PRO. Недостаток этой гипотезы состоит в том, что она предполагает согласование ПО через границу клаузы — такое согласование, как мы увидим в гл. VII, встречается редко. Гипотеза локального согласования также предполагает согласование по падежу через границу клаузы, но согласуется при этом не ПО, а PRO. Гипотеза отсутствия PRO

Часть I. Синтаксическое описание

выигрывает в том отношении, что такого необычного согласования не допускает; при этом она позволяет считать, что PRO всегда имеет постоянную форму дат. п. Однако ни одна из трех гипотез не может убедительно объяснить то согласование через границу клаузы, которое наблюдается как вариант при объектном контроле: (1306) *Лена просила мужа [PRO_{наТ} неходить ночью одного_{акк}]*. Для этого надо дополнительно предполагать либо факультативное согласование ПО по падежу с контролером-дополнением в духе гипотезы « дальнего » согласования, либо согласование PRO по падежу с контролером в духе гипотезы 2: (1306') *Лена просила мужа_{акк} [PRO_{акк} неходить ночью одного_{акк}]*.

Рассмотрим теперь несколько случаев, когда инфинитивные клаузы вложены одна в другую: (134) а. *Муж заставил Лену [пообещать [больше не ездить туда одной] (/*одна)]*; б. *Лена собиралась [пообещать мужу [больше не ездить туда одна] (/*одной)]*; в. *Лена просит мужа [позволить ей [ездить туда одной] (/*одна)]*; г. *Муж собирается [просить Лену [разрешить ему [поехать туда одному] (Годин)]]*.

Обозначим графически согласование по падежу или его отсутствие между ИГ и ПО:

(134) а. Л/уж заставил Лену [пообещать [больше не ездить туда одной]].

б. щна собиралась [пообещать [больше не ездить туда одна]].

в. *Лена просит мужа [позволить ей [ездить туда одна]].

г. *муж собирается [просить ее [разрешить [поехать туда о дин]]]

Ясно, что количество границ клауз между контролером и ПО не имеет значения, — это показывает (1346) и, если угодно, можно подобрать еще более громоздкие конструкции вроде (135) Она собиралась [пообещать [пойти [попробовать [понаблюдать сама]]]. Почему ПО согласуется по падежу с подлежащим главной клаузы при « сквозном » субъектном контроле (1346, 135), но не согласуется, если между ПО и контролером оказывается инфинитивный оборот с объектным контролем (134вг)?

Гипотеза «дальнего» согласования этого не объясняет, потому что игнорирует признаки «промежуточных» подлежащих. Чтобы «спасти» эту гипотезу, ее придется усложнить, например, приняв, что согласование с ПО не может происходить «через» клаузу с объектным контролем и, как мы увидим ниже, объектный контроль не единственное возможное «препятствие». Отбросим гипотезу «дальнего» согласования и зайдемся двумя оставшимися - гипотезой локального согласования и гипотезой отсутствия PRO при субъектном контроле.

Гипотеза локального согласования естественно объясняет факт (134), если принять ее в следующей редакции:

(136) **Гипотеза субъектного контроля.** Субъектный контроль PRO имеет место между ИГ-подлежащим клаузы X и PRO-подлежащим клаузы Y только если X непосредственно доминирует над Y.

(137) **Пересмотренная гипотеза локального согласования.** PRO принимает значение им. п. только при субъектном контроле.

Гипотезы (136—137) объясняют, почему ПО может получать им. п. при последовательном субъектном контроле любой глубины вложения, когда согласование PRO происходит в несколько шагов. Понятно, что PRO в им. п. может осуществлять и субъектный контроль, и согласование:

(138) Лена собирается [PRO_{ном} *пойти* [PRO_{ном} *посмотреть* сама]].

Однако если в одной из инфинитивных клауз налицо объектный контроль, согласование блокируется [Franks 1995: 2361]:

(134г) *Муж собирается [PRO_{ном} *просить* Лену [PRO_{дат} *разрешить* ему [PRO_{дат} *поехать туда* один]]].

Согласование PRO в падеже с «вышестоящим» подлежащим может сделать в (134г) только один шаг - от подлежащего к первому по порядку PRO, а дальше «натыкается» на объектный контроль, при котором согласование невозможно.

Гипотеза отсутствия PRO для (134, 138) также вполне приемлема: ПО согласуется с подлежащим своей клаузы, ко-

торое может быть в им. п. или в дат. п.; при субъектном контроле у инфинитивного оборота нет собственной клаузы, например, в (138) *Лена собиралась пойти посмотреть сама* ПО непосредственно согласуется с подлежащим, и нет ни PRO, ни границ между клаузами.

Если инфинитивная конструкция непосредственно вложена в ИГ, PRO принимает дат. п., даже если подлежащее главной клаузы выражено им. п., ср. (139) а. *Мы должны* [PRO выжить сами (/*самим)] и б. *Мы должны найти* [_иг способ [п PRO выжить самим (Усами)]]. Гипотеза локального согласования (136—137) объясняет этот факт, потому что инфинитивный оборот, содержащий PRO, отделен от клаузы, содержащей подлежащее в им. п., границей ИГ (для большей наглядности, кроме квадратной скобки, она дополнительно обозначена в (139') пунктиром):

(139')

Мы должны найти [_иг способ [п PRO_{акт} выжить самим (Iсами)]].

i

Конечно, здесь не имеется в виду конструкция структуры (140) *Мы должны найти* [_иг способ [п PRO_{флт} выжить]] сами с другим значением 'Мы сами (а не кто-то другой) должны найти способ выжить'.

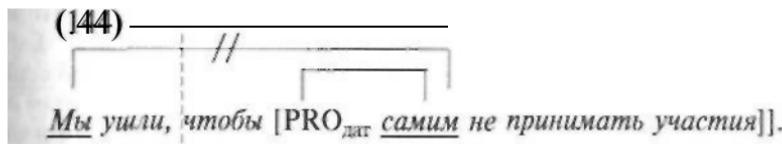
Вопреки (136—137) граница ИГ оказывается в некоторых случаях «проницаемой» для согласования. При этом носители русского языка значительно более уверены в суждениях по поводу примеров (140а—143а), чем по поводу (1406—1436): (140) а. *Иван принял решение* пойти на встречу один (/*'одному'); б. *Иван отменил решение* пойти на встречу одному или один; (141) а. *Иван дал обещание* сам (Ц*самому) встретиться с нами; б. *Иван нарушил обещание* встретиться с нами ? самому или ? сам; (142) а. *Иван питает надежду* встретиться с тобой сам (/* самому); б. *Иван оставил надежду* встретиться с тобой самому или сам; (143) а. *Мы имели возможность* работать каждый (//''каждому) со своим материалом; б. *Мы оговорили возможность* работать каждому (и каждый) со своим материалом. В чем причина такого различия в оценках? Обратим внимание на то, что в (!40а-143а), но не в (1406-1436), употреблены полуспомогательные глаголы, лишенные собственной семантики, но лишь представляющие значения лексической функции ОреГ] при соответствующих глаголах (о лексических функциях, и в частности о функции Орег, см., например [Мельчук 1974а: 78-94]): *принял решение* = *решил*, *имел желание* = *желал*, *питает надежду* = *надеется* и т. п. С. Фрэнке и Н. Хорнштейн предполагают, что в случаях типа (140а—143а) существительное как бы сливаются с глаголом, не образуя ИГ, а в примерах типа (1406-1436) ни-

Глава У- Синтаксические «невидимки»

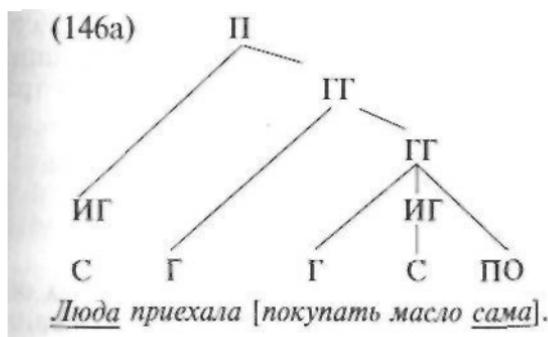
чего подобного не происходит [Franks, Hornstein 1992:11; Franks 1995: 248]; их анализ, однако, наталкивается на противоречие факты, и проблема требует дальнейшего изучения.

Гипотеза отсутствия PRO предсказывает факт (139), если оговорить, что согласование с ПО не может осуществляться через границу ИГ.

Гипотеза (137) утверждает, что им. п. PRO возможен только при субъектном контроле. Обратное неверно - есть случаи субъектного контроля, когда PRO обнаруживает значение дат. п. Им. п. ПО обычно не наблюдается в инфинитивных конструкциях с союзом *чтобы* (примеры типа (115) редки и принимаются не всеми говорящими): (144) *ушли, чтобы самим (//*сами) не принимать участия в беседе;* (145) *мы собирались вместе, чтобы всем (//*все) разобраться в этом деле* [Comrie 1974]. Наличие союза *чтобы* препятствует согласованию PRO в падеже:

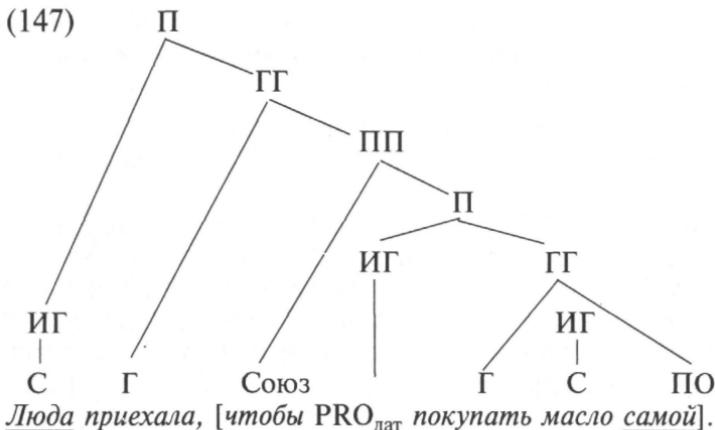

Л. Бэбби предполагает, что союз *чтобы* создает отдельную клаузу — придаточное предложение (ПП), содержащее PRO, которое (как и в других случаях при его анализе) принимает значение дат. п.: (146) а. *Люда приехала покупать масло сама*; б. *Люда приехала, [чтобы PRO_{дат} покупать масло самой]* ([Babby 1998]).

В инфинитивном обороте со *чтобы* возможна и полная ИГ в дат. п.: *Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть* (Толстой, «Кавказский пленник») [Тимофеев 1960: 216].

(147)

Наблюдаются и такие факты, которые противоречат всем предложенным трактовкам. Им. п. ПО иногда может выступать при наличии им. п. в главной клаузе даже если между ними пролегает граница ИГ или союз чтобы (отмечено Ю.Д. Апресяном, обсуждение доклада Л. Бэбби 3.11.2000): (148) а. *Он поставил перед собой [ИГ задачу сделать это один]*, но б. **Перед ним стояла задача сделать это один*; (149) а. *Командир ввел обычай сам принимать все доклады*; б. **Укомандира был обычай сам принимать все доклады*; (150=115) а. *Ты уже достаточно взрослая, чтобы сама все понимать*; б. **Тебе уже достаточно много лет, чтобы сама все понимать*. Примеры (148—150) достаточно тривиальны в том смысле, что без выраженного подлежащего в им. п. ПО в им. п. невозможно. Примеры (148а-150а) нуждаются в объяснении.

Итак, PRO в инфинитивных клаузах принимает значение дат. п., за исключением субъектного контроля без союза чтобы, когда PRO согласуется по падежу с подлежащим непосредственно доминирующей клаузы либо (в другой трактовке) отсутствует.

2.3. Плавающие определители и PRO в деепричастном обороте

Согласование ПО в падеже внутри деепричастных оборотов обнаруживает субъектный контроль. В соответствии с гипотезой локального согласования такое согласование можно изобразить как (151а), гипотеза отсутствия PRO в деепричастных оборотах [Babby 1998] предполагает структуру (151б): (151) г. *Я все видел, [PRO_{ном} сам оставаясь незамеченным]*; б. *Я все видел, сам оставаясь незамеченным*. Если

деепричастный оборот вложен в ИГ через инфинитивный оборот (151в), в инфинитивный оборот с объектным контролем (151г) или в главную клаузу, выраженную инфинитивным оборотом (151д), то ввиду невозможности во всех этих случаях локального согласования с подлежащим в им. п. PRO принимает значение дат. п. [Babby 1998]: в. *У меня была [иг возможность [PRO_{дат} все видеть, [PRO_{дат} самому (/*сам) оставаясь незамеченным]]]*; г. *Она попросила меня [РКО_{дат} выяснить причины конфликта, [PRO_{flat} самому (/*сам) не вмешиваясь в него]]*; д. *[PRO_{flat} Рите выяснить обстановку, [PRO_{flat} самой (/*сама) не вступая в бой]]*.

Здесь наблюдается уже знакомый (140—143) эффект лексической функции Орег₁ е. Я имел возможность (=мог) все видеть, сам оставаясь незамеченным, и роль ИГ в им. п. в главной клаузе (148-150): ж. Я получил возможность все видеть, сам оставаясь незамеченным, ср. з. Мне предоставилась возможность все видеть, самому (/*сам) оставаясь незамеченным.

Итак, в соответствии с гипотезой локального согласования PRO в деепричастных оборотах имеет признак им. п. не в результате управления, как в инфинитиве, а вследствие согласования в падеже с подлежащим непосредственно доминирующей над ним клаузы.

2.4. Плавающие определители и PRO в именных оборотах

Обратимся теперь к причастным оборотам, обособленным ИГ и группам прилагательного. Эти конструкции могут включать ПО в следующих случаях:

- i) если они непосредственно вложены в ИГ подлежащего в им. п.: (152) а. *Студенты, [сами (оба) хорошо знающие эскимосский язык], не смогли разобрать здесь ни слова*; б. *Студенты, [сами (оба) знатоки эскимосского языка,] ...*; в. *Студенты, [сами (оба) сведущие в эскимосском языке], ...*;
- ii) (в меньшей степени) если они непосредственно вложены в ИГ подлежащего в дат. п., например (153) а. ? *Студентам, [самим (обоим) хорошо знающим эскимосский язык,] не (удалось) разобрать здесь ни слова*; б. ? *Студентам, самим (обоим) знатокам эскимосского языка, ...*; в. ? *Студентам, самим (обоим) сведущим в эскимосском языке, ...*;
- iii) если они являются именной частью сказуемого в им. п., например (154) а. *Эти студенты — [сами (оба) хоро-*

Часть 1. Синтаксическое описание

то знающие эскимосский язык]; б. ... — [сами (оба) специалисты в эскимосском языке]; в. ... — [сами (оба) сведущие в эскимосском языке];

iv) если они непосредственно вложены в именную часть сказуемого, например (155) Это были [_ш студенты, [сами (оба) сведущие ...]], и т. д.

Как можно видеть, ПО во всех случаях, кроме и), имеет форму им. п. Поскольку нет основания отказываться от идеи согласования ПО по падежу с PRO, можно допустить, что во всех перечисленных случаях ПО согласуется со PRO своего оборота, а PRO, в свою очередь, согласуется с падежом подлежащего, если содержащая его ИГ непосредственно вложена в него (i—ii) или если она принадлежит к именной части сказуемого (iii—iv).

Если именной оборот стоит в дат. п., но, в отличие от (153), определяет не подлежащее в дат. п., а косвенное дополнение, ПО не могут быть употреблены: (156) а. *Я показал этот текст [_{иг} студентам, [самим (обоим) знающим эскимосский язык]]; б. ... *[самим (обоим) специалистам в эскимосском языке]; в. ... *[самим (обоим) сведущим в эскимосском языке]. Также недопустимы и другие косвенные падежи, ср. (157) пришли люди, [все получившие хорошее образование]; б. *привел людей, [всех получивших хорошее образование]; (158) Фабий, [один понимавший, как надо воевать с Ганнибалом]; б. *с Фабием, [одним понимавшим, как надо воевать с Ганнибалом]; (159) а. эти люди, [сами хозяева своей судьбы]; б. *об этих людях, [самих хозяевах своей судьбы]; (160) а. авторы статьи, [оба хорошие лингвисты]; б. *у авторов статьи, [об их хороших лингвистах].

В результате приходим к следующему обобщению:

(161) ПО могут быть непосредственно вложены только в такие причастные обороты, обособленные ИГ и ГПрил., которые обладают собственным подлежащим (PRO) в им. п. (реже в дат. п.) или выступают в роли именной части сказуемого.

Вспомним, что деепричастный оборот затруднен при непосредственном вложении в именные конструкции в косвенных падежах (35-37). Очевидно, обобщение (161) верно не только для ПО, но и для деепричастных оборотов; в последнем случае надо рассматривать его не как правило, а как выражение преобладающей тенденции.

Заметим также, что ПО проявляют тип склонения, который называется «местоименным», ту его разновидность, в которой им. п. совпадает с краткой (=предикативной) формой прилагательного, а косвенные па-

дежи следуют адъективному типу (т. е. их формы те же, что у прилагательных). Полной формы им. п. адъективного типа у ПО нет: слова *сам-ый*, *сам-ая*, *сам-ое*, *сам-ые* имеют другое лексическое значение, форм **одн-ый*, **одн-ая...*, **вс-ий*, **вс-яя...*, **об-ые...* вообще не существует (ср. местоимение *кажд-ый*, которое, наоборот, не имеет краткой формы **кажд(-а, -о)*). Можно, следовательно, допустить, что им. п. у ПО вообще отсутствует (как и у местоимений *себя* и *друг друга*), а вместо него используется предикативная форма, однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

То, что в именных конструкциях трудно обойтись без $\text{PRO}_{\text{H}} \text{M}^{\text{P}}$ говорит в пользу гипотезы локального согласования PRO (137). Если PRO в именных оборотах получает им. п. от подлежащего доминирующей клаузы, естественно предположить, что то же самое происходит и при субъектном контроле инфинитивных конструкций.

3. Нулевое анафорическое местоимение (pro)

Следующая разновидность нулевой единицы, о которой пойдет речь, — нулевое анафорическое местоимение. Такое местоимение, в отличие от PRO, обычно выступает в тех позициях, где всегда возможны и полное (фонетически выраженное) местоимение, и полная ИГ.

Рассмотрим два предложения, каждое из которых пас своему «неполню»: (162) *Я укладываю и Укладываю вещи*. В (162) не хватает прямого дополнения, на которое валентен переходный глагол *укладывать*, а в (163) - подлежащего. Большинство носителей русского языка, вероятно, скажут, что предложение (162) «в большей степени» неполно, чем (163). По традиционной классификации (163) - «определенно-личное» предложение, односоставное (лишенное подлежащего), но грамматически полное вне зависимости от контекста. Предложение (162), напротив, требует речевого (эллиптического) или внеречевого восполняющего контекста; например, оно может служить ответом на возглас (164) *Укладывай быстрей вещи!* Без внешнего стимула, подобного (164), предложение (162) звучит не совсем уместно. Чем объясняется это различие между двумя предложениями, интуитивно осознаваемое носителями русского языка?

Ответ, который напрашивается сразу, состоит в том, что в (163) полнота достигается благодаря согласованию: ук-

Часть 1. Синтаксическое описание

ладыва-ю представляет собой личную форму 1 л. ед. ч., и поэтому подлежащее по этой форме легко восстанавливается — этим подлежащим должно быть местоимение *я*. С прямым дополнением русский глагол не согласуется, поэтому никакие характеристики дополнения в (162) не восстановимы. Итак, предложение (163) семантически полное, а (162) — нет, поэтому первое кажется менее зависимым от контекста, чем второе.

Можно ожидать, следовательно, что в языках, где глагол-сказуемое согласуется одновременно и с подлежащим, и с дополнением, предложения типа (162) и (163) на взгляд носителей окажутся равно приемлемыми. Это и в самом деле верно для языков с таким одновременным согласованием — грузинского, абхазского, чукотского и многих других.

Как выражены (и выражены ли вообще) подлежащее в (163) и дополнение в (162)? На этот вопрос можно дать по крайней мере три разных ответа.

Первый ответ уже был дан выше. Он заключается в том, что оба актанта никак не выражены, а большая приемлемость (163) по сравнению с (162) объясняется его семантической полнотой, которая достигается благодаря согласованию.

Второй ответ может быть таким: подлежащее в (163) в действительности выражено, и в роли синтаксического актанта выступает лично-числовой аффикс глагольного согласования *-ю*; он-то и есть подлежащее в (163). Дополнение в (162) не выражено никак (ни аффиксом, ни ИГ), и поэтому оно неполно, а (163) — синтаксически полное предложение.

Это предположение (в другой форме) в самом деле высказывали некоторые исследователи, особенно применительно к языкам со сложными системами глагольного согласования [Jelinek 1984, Baker 1996], но обсуждать его здесь мы не будем.

Третий ответ заключается в том, что подлежащее в (163) выражено не аффиксом, а нулевым местоимением 1 л. ед. ч. (нулевым «двойником» фонетически выраженного местоимения *я*), которое контролирует согласование с глаголом-сказуемым. Различие между двумя предложениями объясняется тем, что только (163) является полным, в то время как один из актантов в (162) не выражен — нулевого местоимения, соответствующего дополнению, в русском языке нет.

Такое нулевое личное местоимение вводится с целью объяснить возможность полных предложений с невыражен-

ными ИГ — контролерами глагольного согласования. В порождающей грамматике этот нуль обозначают крайне неудобным способом, а именно так же, как **PRO**, только строчными буквами — **pro**, а в устной речи называют эти две единицы соответственно «большое **PRO**» (big **PRO**) и «малое **pro**» (small **pro**).

Лексема **pro** обнаруживается не во всех языках (и в том числе далеко не во всех языках с личным согласованием). Ее наличие или отсутствие в языке влечет, по-видимому, некоторые достаточно важные последствия.

Например, в английском, немецком и французском языках **pro** отсутствует, а в испанском, итальянском и русском его можно выделять. По-итальянски можно сказать и (164) а. *Lei parla italiano* Юна говорит по-итальянски', и б. *Parla italiano* 'Говорит по-итальянски', по-английски отпадение местоимения невозможно: (165) а. *She speaks Italian* Юна говорит по-итальянски', но б. **Speaks Italian*.

Обратим внимание на следующие два факта. Во-первых, в итальянском, испанском и русском языках нет необходимости в пустых подлежащих при «метеорологических» глаголах типа 'идти (о дожде)'; в английском, немецком и французском языках такие подлежащие обязательны: итал. (166) а. *Piove* 'Идет дождь'; б. **Cid piove*, букв. 'Это дождит'; в. англ. 7/ *is raining* г. **Is raining* 'Идет дождь'.

Во-вторых, в тех случаях, когда придаточные предложения в роли подлежащего смещаются в конечную позицию, их первоначальная позиция в начале предложения в итальянском или русском при этом остается незаполненной, а в английском должна быть обязательно заполнена пустым местоимением: (167) а. [*Che Luisa non partira*] ё *chiaro* 'Что Луиза не уедет ~ понятно'; б. (**Cio*) ё *chiaro* [*che Luisa non partira*] букв. '(*Это) ясно, что Луиза не уедет'; ср. англ. в. [*That Luisa will not leave*] *is clear* 'Что Луиза не уедет - понятно'; г. *It is clear [that Luisa will not leave]*; д. **Is clear [that Luisa will not leave]*.

Основываясь на гипотезе **pro**, можно предположить, что семантически пустое подлежащее при «метеорологических» глаголах и на месте вынесенного вправо придаточно-го обязательно выражается во всех языках, но языки, обладающие **pro**, используют его в этом качестве, а языки, в которых **pro** отсутствует, используют для этого пустые подле-[^]ящие лексемы. В таком случае структура итальянских

предложений (1646) и (166a) и английских (165a) и (166b) оказывается более сходной, чем это представляется вначале:

(1646)	pro	<i>parla Italiano</i>	(166a)	pro	<i>piove</i>
(165a)	she	<i>speaks Italian</i>	(166b)	it	<i>is raining</i>

4. Неопределенno-личное и безличное нулевые подлежащие

В русских неопределенno-личных и безличных предложениях обнаруживаются еще по крайней мере две нулевые лексемы, которые используются в качестве подлежащих [Панов 1966; Мельчук 1974б].

Рассмотрим предложения (168) а. *Улицу засыпало песком* и б. *Улицу засыпали песком*. Между ними обнаруживается очевидное семантическое различие. В (168a) действие произошло из-за действия каких-то стихийных сил: ветер, смерч или нечто подобное. В (168b) действие произвели несомненно люди, хотя не уточняется, какие именно. Это различие естественно объяснить тем, что в обоих предложениях употреблены нулевые подлежащие, обладающие собственной лексической семантикой. В (168a) эта нулевая лексема имеет значение 'стихии' (СТИХИ) и обладает согласовательными признаками сред. р. ед. ч. (т. е. ее грамматические селективные свойства такие же, как у словоформ *солнце*, *море*, *ненастье* и т. д.). В (168b) представлена другая нулевая лексема со значением 'люди' (ЛЮДИ) (неопределенное множество людей), которая обладает согласовательными признаками мн. ч. (т. е. такими же, как и слово формы *люди*, *дети*, *дома* и т. п.).

Если не постулировать указанные нулевые словоформы, останется неясным, каким языковым единицам надо присвоить соответствующие значения. Для этого надо будет либо допускать многозначность всех глагольных словоформ 3 л. ед. ч. среднего рода и 3 л. мн. ч. (причем многозначность, которая проявляется лишь в определенном контексте), либо присыпывать названные значения отсутствию подлежащего. Однако, как замечает И.А. Мельчук, «чтобы задать рассматриваемую конструкцию, приходится оперировать символом 'отсутствие подлежащего', а это, по существ-

ву, и есть нулевая словоформа — подлежащее» [Мельчук 1974б: 351].

В русском языке нет ненулевых лексем с теми же значениями. Если бы они были, то не было бы нужды постулировать нулевые лексемы $\emptyset_{\text{стихи}}$ и $\emptyset_{\text{люди}}$ ^a соответствующие «пустоты» можно было бы рассматривать как случаи эллиптического сокращения, как это и делается применительно к «обобщенно-личному» употреблению местоимения 2 л. ед. ч. ты: *Это такой человек, (ты) его ни за что не переспоришь в значении: 'этого человека невозможно переспорить'* [Мельчук 1995: 187].

Предложения с $\emptyset_{\text{люди}}$ традиционно называются **неопределенными-личными**. Они могут обозначать воспринимаемые на слух действия, когда агенс говорящему не виден (*О люди Бомбят; О люди Шумят; О люди Звонят*); общественные реакции, осуществляемые коллективом (*Ее О люди не осудят за это; Таким О люди не подают руки; Ваши рыжие волосы примелькаются и О люди вас начнут просто бить* (Ильф и Петров, «Золотой теленок»); *Одни уверяли, что ее О люди «перенесли», другие, что ее «перенесло»* (Достоевский, «Братья Карамазовы»)); действия государственной машины (*Его О люди посадили; О люди Перенесли выходной*); может иметься в виду и ситуационно обусловленная группа людей (*На задних рядах О люди зашевелились; Вагоны шли привычной линией, Подрагивали и скрипели; Молчали желтые и синие, /В зеленых О люди плакали и пели* (Блок); *Ему О люди оставили одну маленькую комнату*).

О $\emptyset_{\text{люди}}$ обладает «неопределенным» множественным числом, когда количество неизвестно или неважно [Плунгян 2000: 282], типа *У нас гости* (при том, что гость может быть и один): *У меня О люди украли кошелек* (говорящий не утверждает, что воров было больше одного); — *Скажите, как вас в школе О люди звали?... — Вега, — сказала она... Её так в школе О люди звали, но один только человек* (Солженицын, «Раковый корпус»); *Тут Паша Эмильевич, обладавший сверхъестественным чутьем, понял, что сейчас его О люди* [т. е. Остап Бендер] будут бить, может быть, даже ногами (Ильф и Петров, «Двенадцать стульев»). Подробнее о семантике $\emptyset_{\text{люди}}$ см. в Ільинина, Шмелев 1985; 1990; 1991; 1997а, Шелякин 1991].

Предложения с $\emptyset_{\text{стихи}}$ традиционно относятся к классу **безличных** (но не исчерпывают этот класс): $\emptyset_{\text{стихи}} \text{Холодало}$; $\emptyset_{\text{стихи}} \text{Его как взорвало}$; $\emptyset_{\text{стихи}} \text{Его убило молнией}$; $\emptyset_{\text{стихи}} \text{Из окна дуло}$; *На дворе Остихи брезжилось* (Лесков); *Одни уверяли,*

Часть 1. Синтаксическое описание

что ее *О люди «перенесли», другие, что ее Остихии «перенесло»* (Достоевский, «Братья Карамазовы»).

Существование обоих видов подлежащих подтверждается способностью содержащих их клауз включать деепричастные обороты: *Сюда каждый день О люди привозят кирпич, [PRO разгружая его у дороги]; [PRO Снявши голову,] О люди по волосам не плачут; Сильно (Остихии выюжит, [PRO заметая свежие следы]; Машину Остихии занесло на повороте, [PRO развернув поперек шоссе] [Козинский 1983: 39; Кибрик 1992: 180]; Из электроревольвера Остихи хлопнуло, [PRO осветив все вокруг зеленым светом]* (Булгаков). «Мы не знаем, что вызвало хлопок револьвера, но это было то же самое таинственное 'ono', которое осветило все вокруг зеленым светом» [Мельчук 1995: 185]. Контроль рефлексивов и реципрока возможен со стороны *О люди*: *У нас О люди так не разговаривают друг с другом || со своими друзьями.*

Нулевые подлежащие могут выступать при некоторых матричных глаголах, контролируя PRO в инфинитиве: *Остихии Начало PRO холодать;* *О люди Начали PRO шуметь.* Обратим внимание, что при «метеорологических» глаголах, лишенных particипантов, типа *холодать, светить, смеркаться* и т. п., селективный признак - синтаксическая валентность на подлежащее Остихии- как

бы «передается» от собственного подлежащего (PRO) подлежащему матричного глагола. Если же принять гипотезу отсутствия PRO при субъектном контроле, валентность на Остихии реализуется непосредственно в главной клаuze.

Обе нулевые лексемы, как и другие нулевые и пустые единицы, представляют собой лексикализованные фразовые категории, в данном случае лексические ИГ (это видно по тому, что ни ту, ни другую нельзя заменить на вершину-существительное, а можно только на целую ИГ).

Неопределенно-личный нуль не употребляется в роли подлежащего при пассиве, поэтому (169) а. Там *О люди расстреляли героев-партизан*, но б. **Там О люди*

были расстреляны палачами. Исключение представляют глаголы психологического состояния «при наличии локального определителя»: *В министерстве О люди уже были предупреждены о нашем приезде;* *Дома они очарованы ею* [Булыгина, Шмелев 1990: 112; 1985: 289]. Обе лексемы так же, как и франц. *on*, нем. *man*, англ. *it* и *there* употребляются только в роли подлежащего и поэтому не могут выступать в роли агентивного дополнения при пассиве,ср. (170) а. *Его всего О люди исцарапали* (люди, но не, например, кошки!); б. *Его всего Остихии исцарапало* (например,

Глава V. Синтаксические «невидимки»

При падении); в. *Он был весь исцарапан.* (179в) не синонимично ни (170а), ни (1706), так как агенс в этом предложении вообще не указан. И.А. Мельчук объясняет этот факт отсутствием у нулевых лексем тв. п., необходимого для роли агентивного дополнения; они имеют лишь форму им. п. [Мельчук 1995: 184].

И.А. Мельчук отметил трудность, происходящую от приписывания нулям лексических значений: при этом приходится считать, что пары предложений (171) а. *Поля Остихии побило градом* и б. *Град побил поля,* (172) а. *Глаза Остихии резало на свету* и б. *Свет резал глаза,* (173) а. *Сильным ударом его Ø_{остихии} сбило с ног* и б. *Сильный удар сбил его с ног* несинонимичны.

В статье [Мельчук 19746] было предложено еще несколько нулевых лексем для русского языка, например, Ø_{любой^в} в значении 'любой (всякий) человек' только в роли прямого или косвенного дополнения: (174) *Подобные поручения очень обременяют Ø_{любой}/* (175) *Такое отношение очень радует Ø_{любой}* (176) *Нельзя Ø_{любой}^{так} говорить;* (177) *Курить Ø_{любой} воспрещается;* Ø_{личность} (ср. р., ед. ч.): (178) *Мне Ø_{личность} холодно, больно, смешно и т. п.;* Ø_{среда} (ср. р., ед. ч.): (179) *Здесь Ø_{среда} холодно, грязно, наокурено;* (180) Ø_{среда} *Тянуло дымком;* Ø_{среда} *Пахло фиалками* и т. п.

Можно обратить внимание на то, что, например, в (178) Ø_{личность} не заполняет никакой актантной валентности, а повторяет уже имеющуюся валентность ИГ в дат. п. в роли экспериенцера. Таким образом, здесь нулевое подлежащее «Ø_{личность}» не актант и не вторичный актант (так как 'личность', очевидно, входит в значение я) — точно так же, как актантом не является, например, пустое подлежащее *there* в английском языке. Его роль, так же как и роль *there* — заполнять позицию подлежащего. Как и *there*, Ø не имеет здесь собственного означаемого (ему невозможно приписать никакого значения, которое бы уже не выражалось ИГ в дативе), но, в отличие от *there*, у Ø_{личность} отсутствует не только значение, но и форма. Единственный мотив его введения в грамматику — селективные свойства (контроль согласования). Такую единицу мы будем обозначать как Ø л. сп. род.

Многообразие значений безличных конструкций в русском языке трудно свести к конечному списку нулей с определенными лексическими значениями. К тому же во многих таких конструкциях нулевое подлежащее не вносит никакой собственной семантики, почему в литературе и преобладают

Часть 1. Синтаксическое описание

негативные определения: «признак незамкнутый, не ограниченный рамками определенного субъекта» [Скобликова 1979: 115]. Иногда безличными конструкциями обозначаются любые неидентифицируемые, непредсказуемые или не поддающиеся контролю силы или факторы (частным случаем чего и является \emptyset стихии), например *Ему везет; Надо всем стоял, как гора, роковой и неразрешимый вопрос: чем кончится у отца с братом Дмитрием пред этой страшною женщиною?* (Достоевский, «Братья Карамазовы»); *Нам отлично работает; Придется уйти; Не вышло;* либо обобщенные характеристики протяженных во времени или регулярно повторяющихся действий: *Много раз бывало, что.../, С богословами же было поступаемо совершенно другим образом: им, по выражению профессора богословии [так у автора — Я. Т.], отсыпалось по мерке крупного гороху, что состояло в коротеньких кожаных канчуках [вид плети]* (Гоголь, «Вий») и т. д.

Есть примеры и того, когда безличная конструкция используется при наличии конкретного одушевленного агента: *В пять часов утра, как всегда, пробило подъём — молотком о рельс у штабного барака. Прерывистый звон слабо прошёл сквозь стёкла, намёрзшие в два пальца, и скоро затих: холодно было, и надзирателю неохота была долго рукой махать* (Солженицын, «Один день Ивана Денисовича»). Возможен и контроль целевого инфинитива с союзом чтобы, что является характерным свойством агента: *Тут именно танцевалось в простоте сердец, чтоб веселиться и даже беситься* (Достоевский, «Скверный анекдот»).

Можно обратить внимание и на то, что согласовательная форма 3 л. ср. рода ед. ч. сказуемого в русском языке возникает почти всегда, когда отсутствует обычный контролер в виде подлежащего в им. п. При этом подлежащим (или группой, близкой по свойствам к подлежащему) может быть ИГ в другом падеже: *[Они] не остались — [Их] не осталось; [Я] завидую — [Мне] завидно; обстоятельство: [Отсюда] далеко до Москвы; инфинитивный оборот: [После обеда спать] вредно; Нам приказано [начисто забыть иностранные языки]* (Е. Шварц, «Голый король»); придаточное предложение: *[Что ты заболел] — плохо.*

При глаголах указывалось на, намекалось на, говорилось про никакая группа, по-видимому, не обладает существенным сходством с подлежащим. И.А. Мельчук предлагает использовать при этих глаголах пустую (т. е. не имеющую значения) нулевую лексему, которая обладает лишь се-

Глава V. Синтаксические «невидимки»

лективными признаками: *Маше указано на ошибку [преподавателем]; На это обстоятельство кое-кем намекалось и т. д., ср. с сентенциальным актантом: Уже намёкнуто было, что Чикобава — агент американского империализма* (Солженицын, «В круге первом»). В северных русских диалектах распространены похожие конструкции: *У нас было теленка зарезано 'Мы зарезали теленка', Воду у ей нанесено 'Она принесла воды'* [Кузьмина, Немченко 1971, Трубинский 1985], однако, как показал А. Тимберлейк, ПрГ с у обладает в этих диалектах рядом важных свойств подлежащего [Timberlake 1976].

Во всех перечисленных случаях можно принять одно из двух решений: либо постулировать во всех этих конструкциях неактантное подлежащее $\emptyset_{3\text{ л. ср. оод}}$ только чтобы объяснить глагольное согласование, либо ввести для русского языка правило «остаточного» (дефолтного) согласования — при отсутствии грамматически доступного контролера в номинативе глагол-сказуемое согласуется по 3 л. ед. ч. ср. рода. При таком решении нулевое подлежащее окажется лишним во всех тех безличных конструкциях, где ему невозможно приписать никакой собственной семантики — таких, например, как (178).

Несмотря на то что обилие фонетически невыраженных синтаксических единиц может вызвать удивление, ясно, что рассмотренные здесь нули возникают не хаотически, а вполне определенных условиях. Главным образом, это подлежащие и сказуемые (точнее, части сказуемых — вспомогательные глаголы и связки) в некоторых «односоставных» предложениях и нефинитных клаузах. Становится понятным, что степень обязательности подлежащего и сказуемого с приятием нулевых единиц возрастает. Важно отметить при этом, что нулевые подлежащие и сказуемые постулировались здесь не на основании общего принципа обязательного наличия того или другого, а в результате грамматического анализа. Наличие в большинстве видов клауз подлежащего и сказуемого (в том числе нулевых), таким образом, — наблюдаемый факт, а не предвзятая теоретическая идея.

Рекомендуемая литература

Разделы о нулевых синтаксических единицах (empty categories) можно найти почти в любом курсе порождающей грамматики: особенно хорошо изложена эта тема у И. Робертса [Roberts 1997, гл. 2], Р. Фрейдина [Freidin 1992, гл. 5 и 6], Э. Рэдфорда [Radford 1997аб; 1988, гл. 6] и

Часть I. Синтаксическое описание

Л. Хегеман [Haegeman 1994, гл. 5]. Обзор нулевых подлежащих в русском синтаксисе и аргументацию в пользу их существования см. в [Козинский 1983]. О нулевых словоформах глагола-связки и бытийного глагола см. [Пешковский 1956 (1928); Арутюнова 1980; Арутюнова, Ширяев 1983; Ширяев 1984]. О контроле инфинитивного подлежащего см. [Rosenbaum 1967, 1970; Jackendoff 1972; Bresnan 1982; Ruzicka 1982, 1983, 1999; Ружичка 1986; Manzini 1983; Nishigauchi 1984; Comrie 1984; Козинский 1985; Panevova 1986; Wyngaerd 1994; Lasnik, Saito 1999]. Библиографию по проблеме контроля можно найти в Интернете по адресу [http://www.uio.no/~janengh / kontroll / kontrollref.html](http://www.uio.no/~janengh/kontrollref.html).

О поведении плавающих определителей и использовании их при анализе инфинитивных конструкций см. [Comrie 1974; Franks, Hornstein 1992; Franks 1995; Babby 1998]. О нулевых подлежащих в неопределенлических и безличных конструкциях см. [Мельчук 19746, 1995; Булыгина, Шмелев 1985, 1990, 1997a]; об этих конструкциях см. еще [Ружичка 1963; Гаспаров 1971; Шмелев 1976; Сальников 1977; Guiraud-Weber 1984; Бирюлин 1994].

Глава VI

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Понятие подлежащего основывается на идее грамматического приоритета (п. 1). Приоритетные признаки в русском языке ориентированы на несколько различных категорий. К ним относятся: 1) каноническое подлежащее (именная группа в им. п., с которой согласуется глагол-сказуемое), 2) более широкое понятие (собственно) подлежащего, 3) агенс и 4) абсолютив (п. 2). Приоритетные признаки в английском языке в основном согласованно ориентированы в разных типах предложений на одну и ту же привилегированную именную группу, однако и здесь имеются трудности, связанные со вторичными дополнениями и подлежащими «малых клауз» (п. 3). Типологические данные заставляют усомниться в том, что подлежащее - универсальная категория (п. 4).

1. Грамматический приоритет

В главах I и II было показано, что грамматические отношения между синтаксическими единицами (словами и группами слов) не могут быть сведены к простым иерархическим отношениям зависимости или доминации. На метаязыке этих отношений невозможно выразить всю ту информацию, которая необходима для полноценного синтаксического описания. И структура зависимостей, и структура составляющих нуждаются в дополнительном усложнении. Способом такого усложнения может быть разметка — приписывание определенных наименований узлам или дугам синтаксического дерева. Эти пометы по своему смыслу могут быть близки традиционным понятиям **членов предложения** (подлежащее, дополнение, сказуемое и т. п.; также — группа подлежащего, группа сказуемого и т. п.). Понятие членов предложения предполагает особый уровень синтаксических единиц, промежуточный между семантической (или логико-семантической) структурой предложения и формальными признаками его компонентов — морфологическими Формами, служебными словами и линейным порядком.

Обратимся к рассмотрению одного из членов предложения — подлежащего. Будем исходить из того, что подлежащее, так же как и дополнение, является группой, представляющей некоторую фразовую категорию. Поэтому ниже термины «подлежащее» и «дополнение» будут употребляться в том значении, в котором традиционно употребляются тер-

Часть 1. Синтаксическое описание

мины «группа подлежащего» и «группа дополнения». Напомним, что в частном случае группа может состоять из одного-единственного слова.

Понятия членов предложения - подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства — содержательно отличаются от фразовых категорий, таких, как именная группа, предложная группа, предложение и т. п. Тип фразовой категории определяется по ее собственной внутренней структуре, безотносительно к той более крупной единице, в состав которой она входит. Например, ИГ сохраняет свою структуру - вершина-существительное и определения к нему - независимо от того, выступает ли она в роли подлежащего, дополнения, именной части сказуемого, предложения, употребляется изолированно и т. д. Используя терминологию Н.Ю. Шведовой [Шведова (ред.) 1980: 13], можно сказать, что фразовые категории определяются на основе наблюдающихся в них *при словных связях*, а не на основе позиции, которую они занимают в предложении

Член предложения, напротив, определяется и опознается по той функции, которую он выполняет в составе включающей синтаксической единицы. Например, подлежащее - это отношение, которое связывает некоторую группу а и предложение S, в состав которой входит а. Недостаточно знать внутреннюю структуру а, чтобы установить, является ли а подлежащим в S; необходимо также исследовать внутреннюю структуру S.

В самом деле, подлежащими (или такими единицами, которые по некоторым признакам похожи на подлежащее) могут быть группы, принадлежащие к самым разным фразовым категориям: именная группа (1) [*Мой сын*] болен, предложная группа (2) [*От Москвы до Тулы*] недалеко, инфинитивный оборот (3) [*Ходить по проезжей части*] опасно, придаточное предложение (4) [*Что он испугался,*] не удивительно; [*Придет он или нет,*] зависит от ряда обстоятельств и т. д. Дополнения также могут сильно отличаться по своей внутренней структуре: (5) *вижу* [*этого мальчика*], *смотрю* [*на часы*], *хочу* [*уйти домой*], *знаю*, [*что ты хочешь*]. Понятие подлежащего основывается на той особой синтаксической функции, которую оно (и только оно одно) имеет в составе предложения, но выполнять эту функцию может разный синтаксический «материал». Именно поэтому в западной лингвистической традиции подлежащее и дополнения не-

редко называют «реляционными» понятиями, или **грамматическими отношениями**.

В этой главе мы будем рассматривать только подлежащие, выраженные ИГ, и оставим в стороне весьма интересный вопрос о том, может ли подлежащее быть выражено какой-либо другой фразовой категорией, как, например, в (2—4). На каких основаниях из всех ИГ, входящих в состав предложения, выделяется одна, называемая подлежащим? В традиции описательных грамматик русского и других индоевропейских языков подлежащее выделяется на основе двух главных признаков:

1) подлежащее оформляется именительным падежом (номинативом);

2) подлежащее контролирует согласование с финитным глаголом по категориям лица, числа или рода.

Эти два признака призваны отличать подлежащее от других ИГ, которые оформляются косвенными падежами или не контролируют согласования с финитным глаголом.

Рассмотрим далее такие грамматические признаки, которые удовлетворяют следующим условиям:

- признак F определяется на множестве ИГ, являющихся зависимыми глаголов (актантов или сирконстантов этих глаголов);
- F принимает два взаимоисключающих значения — f_1 и f_2 ;
- при явном большинстве финитных глагольных предикатов признак F не менее чем для одного актанта принимает значение f_1 ;
- признак F принимает значение f_2 для всех других актантов глагольных предикатов и для большинства ИГ-сирконстантов (или ИГ — составляющих актантов и сирконстантов).

Признак F, удовлетворяющий всем перечисленным здесь условиям, называется **признаком грамматического приоритета**, или **приоритетным признаком ИГ**. Значение f_x приоритетного признака F будем называть **положительным**, а значение f_2 — **отрицательным**.

Например, 1) является для русского языка признаком грамматического приоритета, потому что

- про любую ИГ — зависимую глагола в русском языке можно установить, имеет ли она грамматическое значение им. п.;

Часть 1. Синтаксическое описание

- признак 1) имеет два взаимоисключающих значения: f_1 — 'ИГ оформленена им. п.' и f_2 — 'ИГ не оформлена им. п.';
- при явном большинстве финитных глагольных предикатов в русском языке один из актантов выражен ИГ в им. п.;
- остальные актанты, а также сирконстанты (и составляющие актантов и сирконстантов) редко выражаются ИГ в им. п.

Еще один пример признака грамматического приоритета, проанализированный в разделе «Несколько метафор» - способность контролировать взаимное местоимение *друг друга*. Значение f_1 - 'ИГ способна контролировать *друг друга*' характеризует подлежащее, прямое и некоторые виды косвенных дополнений, значение f_2 — 'ИГ не способна контролировать *друг друга*' характеризует остальные ИГ-актанты и все сирконстанты (а также ИГ — составляющие актантов и сирконстантов).

Однако, например, наличие формы падежа не является признаком грамматического приоритета в русском языке, так как количество падежных значений больше двух. Не является таким признаком и способность ИГ заменяться на анафорические местоимения, потому что это свойственно не только актантам, но и многим сирконстантам. Признак вин. п. также не является приоритетным: хотя актантная ИГ в вин. п. выступает при всех переходных глаголах, переходные глаголы, как кажется, не составляют явного большинства во множестве глагольных предикатов. Также не приоритетен признак 'ИГ способна включать определения', так как он свойствен всем, по крайней мере неместоименным, ИГ.

Признаки 1)-2) являются для русского языка признаками грамматического приоритета. Они принимают одно (положительное) значение для ИГ-подлежащих и другое (отрицательное) для всех или большинства других ИГ в той же минимальной клаузе, в которую входит некоторая ИГ-подлежащее. Поэтому можно предложить следующее предварительное определение: **подлежащим** называется та ИГ в составе клаузы, которая характеризуется положительными значениями всех или большинства признаков грамматического приоритета.

Однако в силу такого определения может оказаться, что в одной клаузе на основе приоритетных признаков придется выделять одновременно более одного подлежащего. Может быть и так, что эти признаки не скоррелированы друг с другом, т. е. разные ИГ в одном и том же предложении

НИИ (или типе предложений) принимают положительные значения для разных приоритетных признаков. В таком случае окажется, что подлежащее на основе множества приоритетных признаков в русском языке не выделяется или что на их основе выделяется нечто совершенно не похожее на традиционное подлежащее. Чтобы проверить, так ли это на самом деле, рассмотрим некоторые приоритетные грамматические признаки ИГ в русском языке.

Лингвисты не располагают полным списком признаков грамматического приоритета ни для русского, ни для какого-либо другого языка, и нет уверенности в том, что такой список будет когда-нибудь составлен. Читатель поэтому вправе поинтересоваться, на каком основании отобраны ниже следующие признаки и допустимо ли распространять выводы, сделанные в результате их анализа, на другие, в том числе еще не обнаруженные признаки. На это можно ответить лишь то, что ниже пойдет речь о таких признаках грамматического приоритета, которые уже обсуждались в работах по русскому языку. Если эти признаки и не составляют большей части полного списка, они все же образуют достаточно представительную выборку, на основании которой можно выдвигать правдоподобные предположения о свойствах всего множества.

2. Анализ признаков

2.1. Морфологические признаки

Способность выступать в им. п. обычно характеризует только один из актантов глагольного предиката. Признак контроля согласования с финитным глаголом также свойствен только одной ИГ в предложении. Эти признаки скоррелированы: почти всегда, когда в клаузе есть и ИГ в им. п., и финитное сказуемое, второе согласуется с первым.

Признак им. п. не является достаточным, потому что не всякая ИГ в им. п. является подлежащим — у этого падежа есть и другие, неактантные, функции: именные предложения (*Автобус!*), оформление именной части сказуемого, в том числе при глаголах называния, например *Он поэт; Ее сестра звалась || Ее сестру зовут Татьяна; Явился Родион с тем, что он называл фриштык* (Набоков, «Приглашение на

казнь»), а также несогласуемого приложения: *на матче Камерун — Эквадор* (//**Камеруна — Эквадора*), в размере *одна тысячная, плащом болонья, в городе Коломна, роман братьев Гонкур* (?*Гонкуров*), см. подробнее [Золотова 1988: 22—26].

Является ли признак контроля глагольного согласования необходимым и достаточным для выделения подлежащего? У некоторых глагольных сказуемых как будто не обнаруживается никакого (по крайней мере ненулевого) контролера (*Маши всё не было; Так не разговаривают*) или на роль контролера претендует не ИГ, а инфинитивный оборот (*Ему удалось [бежать из тюрьмы]*) или даже придаточное предложение (*[Что он меня не узнал,] было странно*). В некоторых предложениях сказуемое вообще не способно к согласованию: *А царица хотеть /И плечами пожимать* (Пушкин, «Сказка о мертвый царевне...») [Золотова и др. 1998: 140—141]; *будь(*те) вы внимательней, ошибка была бы исправлена.* Итак, если признать необходимыми морфологические признаки подлежащего, в русском языке обнаружится достаточно много клауз, в которых подлежащего нет.

2.2. Контролирующие признаки

Можно ли ограничиться признаками согласования и формой им. п. как критериями подлежащего? Есть языки, в которых нет падежей или они есть, но у подлежащих и дополнений не различаются, например, французский (если не считать местоимений-клизтик) и абхазский. Есть языки, в которых нет согласования с финитным глаголом, например, японский или лезгинский. В некоторых языках (например, в китайском и в языке африкаанс) нет ни того, ни другого — значит ли это, что в них нет и подлежащего? Большинство ИГ, претендующих на роль подлежащего, обладает, кроме падежной формы и согласования, еще многими другими признаками грамматического приоритета.

Перечислим некоторые из приоритетных признаков, которые обнаруживаются на материале русского языка, и выясним, в какой мере эти признаки коррелируют с морфологическими признаками. Для удобства рассмотрения будем называть **каноническими подлежащими** все ИГ в им. п., которые контролируют согласование с финитным глаголом. При этом для простоты все нулевые подлежащие будем относить

Глава VI. Подлежащее

к неканоническим (хотя в главе V было показано, что падежные признаки имеет смысл приписывать и фонетически невыраженным ИГ).

В какой мере канонические подлежащие являются носителями положительных значений приоритетных признаков и можно ли их на основе значений этих признаков отдельить от других актантов? Рассмотрим четыре канонических подлежащих:

1) подлежащее переходного глагола (Пп; Мальчик *бьет собаку*; Иван *рассказывает новость*');

2—3) подлежащее непереходного глагола (Пнп), в котором будем различать агентс (Пнп-аг) Мальчик *танцует*; Иван *работает* и пациентс (Пнп-пац) Мальчик *лежит*; Чашка *разбилась*]

4) подлежащее пассивного (= страдательного) залога (Псз; Мальчик *был наказан родителями*; Дом *строится рабочими*)

и сравним их со следующими актантами, которые не являются каноническими подлежащими:

5) ИГ-экспериенцером в дат. п. (Пэксп; Мальчику *видно окно*; Мальчику *страшно*);

6) ИГ в дат. п., которая в главе V рассматривалась как подлежащее при инфинитиве (Пинф; Мальчику *идти в школу*; Ивану *ходить первым*);

7) прямым дополнением (Дпр; Я *вижу мальчика*; Иван *рассказывает новость*);

8) агентивным дополнением в тв. п. при пассивном залоге (Даг-сз; Книга *была принесена мальчиком*; Памятник *охраняется государством*).

Начнем с **контролирующих признаков**. Контролирующими называются такие признаки, в которых выражается способность некоторой ИГ определять форму или позицию других элементов предложения. Один из контролирующих признаков уже рассмотрен — согласование с финитным сказуемым. ИГ, определяющая форму или позицию другого элемента предложения, называется **контролером**, а этот другой элемент — **мишенью**.

Неучет контролирующих признаков подлежащего и дополнений и игнорирование обширной литературы по этому вопросу - причина того, что одни авторы, стремясь к большей строгости понятий членов предложения, учитывают только признаки падежа и согласования и поэтому выделяют подлежащее в предложении Я вижу, но не в предложении Мне

Часть 1. Синтаксическое описание

видно; другие лингвисты, в большей степени доверяя интуиции, допускают подлежащие в косвенных падежах, ввиду чего понятие утрачивает строгость, а третьи дополняют традиционную номенклатуру членов предложения более дробными классификациями, ср. «структурно-синтаксические компоненты предложения» в понимании ГЛ. Золотовой [1979].

2.2.1. Контроль сочинительного сокращения канонических подлежащих

Сокращение совпадающего лексического и грамматического материала по крайней мере в одной из двух или более сочиненных составляющих называется **сочинительным сокращением**. Если в предложении есть каноническое подлежащее, то только оно, но не дополнение и никакая другая ИГ, может подвергаться сочинительному сокращению по совпадающему с ним каноническому подлежащему: (6) *Мальчик ударил брата и__убежал* (знаком «__» обозначен пробел на месте подлежащего второго из сочиненных предложений). Предложение (6) не может означать 'Мальчик ударил брата, и тот (брат) убежал' — пробел в (6) однозначно указывает на подлежащее первой из двух сочиненных клауз, а не на его дополнение. Предложение [^]*Мальчик пришел, и брат ударил__неграмматично по крайней мере относительно смысла 'Мальчик пришел, и брат ударил его.'*.

Сразу же отметим, что не только подлежащее, но и, например, Дпр может быть контролером сочинительного сокращения. В таком случае только Дпр может быть мишенью: (7) *Мальчик кошку принес, а отец прогнал__* (кошку, но не мальчика). Выясняется, что сочинительному сокращению подвергается только такая ИГ, которая совпадает со своим контролером по падежу, ср. (8) *Я таких людей презираю и гнушаюсь *(ими)*; (9) *Мне стало холодно, и*(я) побежал в дом* (10) *Ему приказано отступать, и*(он) отступает*. Исключение представляют некоторые случаи модифицированного управления (см. о нем главу VII 5.3), когда падеж выбирается, например, с учетом отрицания: (11) *У меня не было денег, а у тебя__ были* — в (11) мишень сочинительного сокращения *деньги* стоит не в том же падеже, что контролер *денег*.

Таким образом, признак контроля сочинительного сокращения почти эквивалентен признаку оформления им. п. — он имплицируется признаком падежного оформления в силу самого правила сочинительного сокращения в

Глава 6. Подлежащее

русском языке. В других языках, где сочинительное сокращение «нечувствительно» к падежным признакам сокращаемых ИГ, эти два приоритетных признака независимы друг от друга. Пэксп и Пинф не сочиняются ни друг с другом (12), ни с косвенным дополнением в дат. п. (13): (12) ? *Мне нездоровится и лучше прилечь; (13) Мне сообщили об этих планах, и они *(мне) понравились; *Мне выступать следующим и уже напомнили об этом.*

2.2.2. Контроль референции рефлексивов

Референция рефлексивных местоимений *свой* и *себя* во всех падежах обычно определяется только каноническим подлежащим, если оно в предложении имеется.

Особыми свойствами обладает притяжательный рефлексив *свой*, который может иметь неопределенную референцию либо особые лексические («несобственно притяжательные») значения, например дистрибутивное (14) *Каждый узел обрабатывает своя программа* или 'свой в противоположность чужому' (15) *Своя рубашка ближе к телу;* 'относящийся к узкому кругу родственников или друзей' (16) *Здесь собрался все свой народ* и т. п., см. [Падучева 1983: 4—7]. В несобственно-притяжательных значениях *свой* может не контролироваться подлежащим, что и наблюдается в (14–16).

Пэксп может контролировать рефлексив даже при наличии в клаузе канонического подлежащего: (17) *Эта черта характера мне в себе не нравилась; Ему это обстоятельство известно из своих источников.* Пинф также контролирует рефлексивы: (18) *Сломить ему свои рога* (Пушкин, «Полтава»); *Ему бы вернуться к себе домой.*

Дпр может контролировать референцию рефлексива только при очень немногих глаголах, в большинстве каузативных (*посыпать, заставать, отвлечать, спасать*): (19) *Я не застал Машу у себя; Путешествие отвлечет его от себя; Хочу любить вас вечно, хочу спасти вас от самого себя* (Достоевский, «Братья Карамазовы»), подробнее см. [Падучева 1983: 9—10]. Псз контролирует рефлексив: (20) *Иван был назначен командованием на свою нынешнюю должность; Он обследовался врачами у себя в поликлинике*, однако при определенных условиях — например, неодушевленном Псз — «уступает» контроль рефлексива Даг-сз: (21) *Своя (//*его) точка зрения на этот вопрос была высказана автором в других работах; Такое гнездо строится животными не только для себя, «о и для других членов группы.* Подробнее о контроле рефле-

Часть 1. Синтаксическое описание

ксивов в русском языке см. [Ruzicka 1973; Timberlake 1979 1996; Тимберлейк 1982 (1980); Козинский 1983: 14-16; Падучева 1983; Rappaport 1986; Schwartz 1986, 1988].

ЗАДАНИЕ 1. Определите значение признака рефлексивного контроля для следующих ИГ, которые не являются каноническими подлежащими (рассмотрите отдельно подлежащее при переходном глаголе-сказуемом, аганс и пациент при непереходном и подлежащее в пассивном залоге):

1. ИГ в им. п. в независимой инфинитивной конструкции типа *А парица хотать, А он драться*;
2. ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции типа *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Okажись ты здесь...*;
3. ИГ в род. п. с числительным или другим словом, обозначающим количество, в безличной конструкции типа *Пришло много старых друзей, Найдено сто рублей*;
4. ИГ в дат. п. с предлогом *по* в дистрибутивном значении типа *По груше упало, По экземпляру выдали*;
5. нулевое подлежащее О люди в неопределенно-личной конструкции типа *Так О люди не делают; О люди Стреляли*, см. главу V п. 4;
6. PRO в инфинитивном обороте с союзом *чтобы* типа *Пришел, чтобы [PRO петь]*, см. главу V п. 2;
7. PRO в деепричастном обороте типа *[PRO Придя,] он сел*, см. главу V;
8. PRO в причастном обороте типа *Требуется сотрудник, [PRO владеющий древнеирландским языком]*, см. главу V 1.2.

2.2.3. Контроль референции PRO инфinitивных оборотов с союзом *чтобы*

PRO в инфинитивных оборотах с союзом *чтобы* контролируется каноническим подлежащим главной клаузы: (22)

а. *Писатель пригласил журналистку, чтобы дать ей интервью*
б. *... *чтобы взять у него интервью; в. Журналистка была приглашена писателем, чтобы взять у него интервью; г. ??... чтобы дать ей интервью* [Козинский 1985б: 115]; (23) *Адвокат был нанят подследственным, чтобы отстаивать его интересы*
Подлежащее главной клаузы при наличии целевой клаузы - "обычно аганс. Можно, однако, указать по меньшей мере на три случая, когда подлежащее не является агенсом. Во-первых, это метафорическое использование целевой конструкции: (24) *Зерно падает в землю, чтобы взойти в виде растения*

ния; После этого приступа он слег, чтобы уже не встать (о таких случаях см. [Pananova 1994: 227]).

Во-вторых, это уже приведенные случаи контроля со стороны Псз (22в; 23), которые наблюдаются, когда матричный глагол по своей семантике естественным образом соединяется с целевым сирконстантом: *приглашен, послан, избран, назначен, поставлен...* и т. д., чтобы Р, где Р — некое действие. При других глаголах Псз целевую конструкцию не контролирует: **Ребенок был уложен в постель, чтобы выспаться.*

Можно обратить внимание на то, что в таких конструкциях референты агентивной ИГ и подлежащего пассивной конструкции нередко вместе осуществляют действие, обозначенное целевым оборотом: (25) *Я_i избран [судьбою], [чтобы PRO_{i+j} его остановить]* (Пушкин, «Моцарт и Сальери»); *Я_i на то послан самим Богом_j, [чтобы PRO_{i+j} изобличить весь мир в его пакостях!]* (Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели»). В таком случае налицо «расщепленный» контроль инфинитивного подлежащего того же типа, что и (26) *Я_i предложил Ивану_j [PRO_{i+j} сходить туда вместе]. Расщепленный антецедент встречается и с ненулевыми местоимениями, когда две или более ИГ определяют референцию одного местоимения: (27) *Иван_i сообщил Петру_j о полном успехе их_{j+j} замысла.**

В-третьих, это подлежащее при связке: (28) *Я буду осторожен, чтобы не вызвать подозрения; Волшебник — не благотворительная организация и не Красный Крест, чтобы не медленно приходить на помощь* (Петрушевская, «Новые приключения Елены Прекрасной»).

Однако при наличии еще одного, кроме подлежащего, общего партнера в главной и зависимой клаузах подлежащее может и не контролировать референцию PRO: (29) *Язык дан людям, чтобы скрывать свои мысли* [при помощи языка]; (30) *Они вызвали слесаря, чтобы починить кран* [чтобы слесарь починил]; (31) *Ему прислали телескоп, чтобы наблюдать затмения* [с помощью телескопа]; (32) *Обвиняемый содержался ими под стражей, чтобы предотвратить самосуд* [над ним].

Если конструкция «чтобы + инфинитив» вложена в конструкцию с матричным глаголом, содержащую указание _{на} (не)достаточность некоторого признака или на степень его проявления, то возможна неподлежащая (например, неопределенная) референция PRO: (33) *Чтобы заметить это явление, нужна полная тишина; (34) Здесь слишком жарко* (недостаточно места), чтобы заседать; (35) *Это хороший*

повород, чтобы познакомиться [Козинский 1983: 19; 19856: 116]. Слово со значением степени может отсутствовать, но подразумеваться: (36) [Ставрогин:] Я очень помню ваше длинное письмо. — [Шатров:] Длинное, чтобы быть прочитанным? (Достоевский, «Бесы»).

В некоторых случаях целевая конструкция выступает как определение к существительному: (37) закон, чтобы охранять детей; машина, чтобы убирать снег; в английском языке такие конструкции (относительные инфинитивные обороты, infinitival relatives) более распространены, чем в русском: (38) *the money to pay the rent with* 'деньги для того, чтобы платить арендную плату'.

Пинф контролирует целевую конструкцию: (39) *Может быть, нам открыть окно, чтобы как следует проветрить комнату, Что мне ему сказать, чтобы утешить?* [Козинский 1983: 42], а Пэксп — нет, очевидно, по семантическим причинам: (40) **Ему так послышалось, чтобы потом жаловаться на нашу грубость.* Лишь при наличии слова со значением степени такой контроль становится возможным, как и в (33—36): (41) *Ей*(слишком) нездоровилось, чтобы принимать гостей* [Козинский 1983: 46]. Контроль со стороны Даг-сз бывает затруднен, если Псз одушевленное: (42) *У Журналисты были приглашены министром, чтобы PROj сделать заявление об отставке, но ср. Этот игрок был куплен «Реалом», чтобы PROj избавиться от нынешнего вратаря.* Если Псз неодушевленное, такой контроль в целом более приемлем: (43) *Нами было сделано все возможное, чтобы избежать огласки.* Дпр в роли контролера выступать не может, кроме примеров типа (30).

Сказанное в целом верно и для тех случаев, когда инфинитивный оборот со *чтобы* употребляется с предлогами: (44) *Вместо того, [чтобы PROj заниматься], Мила слушает диски; Как ты_i относишься к тому, [чтобы PROj пойти к врачу]?*; *Журналистка_i была приглашена писателем для того, [чтобы PROj взять у него интервью]*. Местоимение *то* в косвенных падежах здесь пустое — оно используется лишь для превращения инфинитивного оборота в ИГ, чтобы он мог управляться предлогом. В просторечии это местоимение нередко опускается: (45) *Вместо [чтоб PROj поесть, помыться, уколоться и забыться,] / Вся безумная больница_i у экрана сопралась* (В. Высоцкий).

Глава VI. Подлежащее

ЗАДАНИЕ 2. Определите значение признака контроля PRO в целевых инфинитивных конструкциях с союзом *чтобы* для следующих ИГ, которые не являются каноническими подлежащими (рассмотрите отдельно те же виды подлежащих, что и в предыдущем задании):

1. ИГ в им. п. в независимой инфинитивной конструкции типа *А царица хохотать, А он драяться;*
2. ИГ в им. п. в условной псевдоимперативной конструкции типа *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Okажись ты здесь...;*
3. ИГ в род. п. с числительным или другим словом, обозначающим количество, в безличной конструкции типа *Пришло много старых друзей, Найдено сто рублей;*
4. ИГ в дат. п. с предлогом *по* в дистрибутивном значении типа *По груше упало, По экземпляру выдали;*
5. ИГ в род. п. при отрицании типа *Ответа не пришло, Забот хватает;*
6. Нулевое подлежащее \emptyset в неопределенной-личной конструкции типа *Так люди не делают; Они стреляли;*
7. PRO в деепричастном обороте типа [PRO Придя,] он сел;
8. PRO в причастном обороте типа Требуется сотрудник, [PRO владеющий древнеирландским языком].

2.2.4. Неспособность контролировать референцию pro в целевых финитных придаточных с союзом *чтобы*

Если подлежащее целевой клаузы не совпадает по референту с подлежащим главной клаузы, в русском языке употребляется не инфинитивный оборот, а финитная конструкция с тем же союзом *чтобы*, и сказуемое принимает форму сослагательного наклонения [Avrutin, Babuonyshev 1997]: (46)

Я открыл окно, чтобы проветрить комнату vs. я открыл окно чтобы комната проветрилась. Эта конструкция употребляется только при некореферентности двух подлежащих, поэтому, если в придаточном подлежащее выражено нулевым (pro) или ненулевым местоимением, оно должно обозначать не тот же референт, что подлежащее главной клаузы. Примеры на канонические подлежащие: (47) *Иван закрыл глаза, чтобы pro_i || он не увидел происходящего; *Иван прилег, чтобы pro_i || он

Внешне эта форма совпадает с формой прошедшего времени, однако семантически они не имеют ничего общего. Здесь представлены обычные формы сослагательного наклонения {проводить бы, проводилась бы} и подчинительный союз *что*, который «притягивает» к себе клитику *бы*: *что + бы* [Brecht 1977].

Часть 1. Синтаксическое описание

отдохнул; Этот игрок был куплен «Реалом», чтобы $*pro_i?$ он играл на правом фланге защиты. То же относится и к Даг-сз: (48) *Заседание было перенесено директором» чтобы он_i || оц избежал обсуждения этого вопроса. Дпр может контролировать референцию подлежащего целевого придаточного: (49) «Реал» купил этого игрока» чтобы он_i играл на правом фланге защиты. Контроль со стороны Пинф невозможен: (50) *Может быть, им_i уйти пораньше, чтобы рт не опоздали на поезд? Пэксп, как и в предыдущем случае, не сочетается с целевой конструкцией по семантическим причинам.

Можно заметить, что совпадение либо несовпадение подлежащего в конструкции с союзом *чтобы* и подлежащего главной клаузы в русском языке маркируется обязательно. При совпадении используется инфинитивная конструкция, а при несовпадении - финитная конструкция с глаголом в сослагательном наклонении. Таким образом, в рассматриваемом фрагменте русской грамматики наблюдается грамматическая категория «совпадения/несовпадения подлежащих» двух синтаксически связанных клауз (о критерии обязательности при выделении грамматических категорий см., например, в [Плунгян 2000: 106-113].)

ЗАДАЧА VI-1 (автор А.А. Кибрик). Даны русские предложения и их переводы на тувинский язык (туркская семья, Республика Тыва):

1. Когда сын разбудит мать, он	Оглу авазын тургузупкаш дезебэр.
2 Когда мать разбудит сына, он за-
плачает.	Авазы оглун тургузуптарга ол
ыглай-бээр.
3. Когда сын подоил корову, она	Оглу инээн сааптарга ол унеберген.
4. Когда собака укусила сына, она	Ыйды оглун ызырыпкаш дезеберген.
5. Когда сын разбудил дочь, отец	Оглу уруун тургузуптарга ачазы
ажына-берген.
рассердился.	

Переведите на тувинский язык следующие предложения:

1. Когда сын разбудил собаку, он ушел.
2. Когда отец подоит корову, он уйдет.
3. Когда корова укусила отца, дочь заплакала.
4. Когда дочь укусит отца, он рассердится.

Такая грамматическая категория, называемая **синкатегорематичностью**, или **переключением референции** (switch reference, букв.: 'переключи референцию'), встречается в большом числе языков, причем нередко в

Глава II Подлежащее

наиболее частотных и употребительных конструкциях. Например, в языке анкаш (семья кечуа, Южная Америка) кореферентность подлежащего зависимой клаузы подлежащему главной клаузы обозначается глагольным суффиксом *-shpa*, а их некореферентность - суффиксом *-pti* [Cole 1983: 3; цит. по Кибrik А.А. 1988: 289-290]:

(51) а.

chakra-chaw urya-shpa, pallamu-rqu-i wayta-kuna-ta
поле-в работать КРФ собирать-ПРОШ-1 цветок-МН-АКК
'Работая в поле, я собирал цветы'.

б.

chakra-chaw urya-pti-i, Maria pallamu-rqu-i wayta-kuna-ta
поле-в работать-НКРФ-1 Мария собирать-ПРОШ-3 цветок-МН-АКК
'Пока я работал в поле, Мария собирала цветы'.

Подробнее о грамматической категории переключения референции в языках мира см. [Haiman, Munro (eds.) 1983; Кибrik А. А. 1988; Stirling 1993; Мельчук 1998: 302-307].

Другим, хотя и неграмматическим, способом обозначения «переключения референции» в русском языке является местоимение-ИГ *тот* в им. п., обозначающее — если сильно упростить правило его употребления — такой референт, который выражен подлежащим, но в предшествующей клаузе не был выражен подлежащим (подробнее см.: [Крейдлин, Чехов 1988; Кибrik 1985]): (52) *За что ощ ненавидит Лаевского, а тот, его_x?* (Чехов, «Дуэль»); (53) *К кастрату_i раз пришел скрытаг_j / Он был бедняк, а тот, - богач* (Пушкин).

2.2.5. Контроль референции PRO в деепричастном обороте

Каноническое подлежащее контролирует как саму возможность деепричастного оборота (54) **Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа* (Чехов, «Жалобная книга»), так и референцию PRO в них: при наличии в предложении канонического подлежащего никакая другая ИГ контролировать референцию PRO в деепричастном обороте не может. В предложении (55) *И всяк зевает, да живет, / И всех вас гроб, зевая, ждет* (Пушкин, «Сцена из Фауста»), «"субъектом" ситуации 'зевать' являются не подсказываемые здравым смыслом *все вы*, а не выраженный^в Деепричастном обороте и не связанный с деепричастием синтаксически *гроб*» [Козинский 1983: 16]. Исключение Представляют пассивные конструкции, где выраженные или

Часть 1. Синтаксическое описание

подразумеваемые Даг-сз иногда контролируют PRO в деепричастном обороте, хотя нормативные грамматики предостерегают против такого употребления: (56) *Получив данные, будет выбран самый благоприятный момент для нанесения удара* [Ицкович 1982: 135—136]; *Молчит неверный часовой, / Отпущен молча мост подъемный* (Пушкин, «Вольность»); *Теряется золотое время, слушая глупые разговоры, — отрезала хо-зяйка* (Достоевский, «Бесы»); *Перейдя мостик, усмотрен мною без всяких признаков жизни повесившийся труп мертвого человека* (Чехов, «Донесение»). Ненормативным считается и контроль со стороны Псз: (57) ? *Оказав сопротивление, преступник был убит*, хотя иногда такие конструкции звучат приемлемо: *Танк, получив большое количество пробоин, был подожжен* [Ицкович 1982: 137]; *Однажды, странствуя среди долины дикой, I Незапно был объят я скорбию великой / И тяжким бременем подавлен и согben* (Пушкин, «Странник»); *на сей стене / Нам приговор один — тебе и мне: / Что, взве-шен быв, был найден слишком легким* (Цветаева, «Фортуна»); *Это пальто было подбито простеганной ватой, напоминая м-трац* (Б. Окуджава, «Искусство кройки и шитья»). Пэксп не может контролировать деепричастие [Козинский 1983: 45], хотя и такие конструкции встречаются в текстах и в разго-ворной речи: (58) *Глядя на вас, нам тоже хочется есть; ? Стоя у двери, Ане был слышен весь разговор; ? Вспоминая эт-встречи, мне приходит в голову одна мысль; ? Не зная китай-ской жизни, китайских традиций, [читателью] эта мысль мо-показаться странной* [Ицкович 1982: 130-141]. Пинф контролирует деепричастие: (59) *Как бы нам уйти, ни с кем не прощаюсь?* Дпр неспособно к такому контролю: (60)* *При-вел мальчика, PRO_i держа в руках книгу.*

ЗАДАНИЕ 3. Определите значение признака контроля PRO в деепричастных оборотах для следующих ИГ, которые не являются канониче-скими подлежащими (рассмотрите отдельно те же виды подлежащих, что и в предыдущих заданиях):

1. ИГ в им. п. в независимой инфинитивной конструкции типа *А царица хотать, А он драться;*
2. ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции ти-па *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Окажись ты здесь...;*
3. ИГ в род. п. с числительным или другим словом, обозначающим количество, в безличной конструкции типа *Пришло много старых друзей, Найдено сто рублей;*

4. ИГ в дат. п. с предлогом *по* в дистрибутивном значении типа *По груше упало, По экземпляру выдали;*
5. ИГ в род. п. при отрицании типа *Ответа не пришло, Забот хватает;*
6. Нулевое подлежащее $\emptyset_{\text{люди}}$ в неопределенно-личной конструкции типа *Так $\emptyset_{\text{люди}}$ не делают; $\emptyset_{\text{люди}}$ Стреляли.*
7. Нулевое подлежащее $\emptyset_{\text{стихии}}$ в безличной конструкции типа *Его $\emptyset_{\text{стихии}}$ ударил камнем по спине, В окно $\emptyset_{\text{стихии}}$ дует* (см. главу V п. 4);
8. PRO в инфинитивном обороте с союзом *чтобы* типа *Пришел, чтобы [PRO петь].*

2.2.6. Контроль согласования адъективных присказуемостных имен в творительном падеже по числу и роду (женский vs. неженский)

О присказуемостных именах уже шла речь в главе V 1.1 (см. также [Nichols 1981; Никольс 1985; Pesetsky 1982]). Пнп способно к контролю согласования в присказуемостном имени: (61) *Он пришел взволнованным, явился пьяным, упал мертвым, родился умным.* Дпр имеет по этому признаку приоритет перед Пп: (62) *Они считали, называли, помнили (и т.д.) его талантливым ///*талантливыми.* Однако некоторые прилагательные (*первый, последний, в меньшей степени следующий, молодой*) и глаголы (*оставлять, покидать, встречать, отчасти видеть*) допускают и контроль со стороны Пп: (63) *Я поздоровался с ней первым // первой;* (64) *Я встретил ее здравым // здравой и т. д.*

В пассивных конструкциях согласование контролируется Псз: *эта карта вышла // была вынута последней* [Козинский 1983: 11-12]. Возможен ли контроль со стороны Даг-сз, решить трудно: рассматриваемый тип согласования нельзя в этом случае отличить от более обычного согласования с существительным в роде, числе и падеже, так как Даг-сз выражается тв. п. И.Ш. Козинский считал, что контроль со стороны Даг-сз невозможен: (65) *Однажды она встретила его принярженным // принярженной, но Однажды он был встречен ею принярженным // принярженной* (///*принярженной) [там же: 12], однако есть и допустимые примеры: (66) *Эта закономерность была подмечена им первым // первой.*

Пэксп не может (67), а Пинф может (68) контролировать согласование присказуемостных имен: (67) **Mне первым*

Часть 1. Синтаксическое описание

почудилось; (68) *Тебеходить первым; Емубы только оставаться никому не известным* [Козинский 1983: 41, 45]. Косвенное дополнение контролировать согласование присказуемостных имен не может, ср. (69) *Он съел мясо сырым*, но **Он поел мяса сырым*. Дпр, принимающее форму род. п. при отрицании, по этому признаку не отличается от обычного Дпр в вин. п.: *Он не ел мяса сырым*.

ЗАДАНИЕ 4. Определите значение признака контроля формы присказуемостных имен для следующих ИГ, которые не являются каноническими подлежащими (рассмотрите отдельно те же виды подлежащих, что и в предыдущих заданиях):

1. ИГ в им. п. в независимой инфинитивной конструкции типа *А царица хохотать, А он драяться*;
2. ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции типа *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Okажись ты здесь...*;
3. ИГ в род. п. с числительным или другим словом, обозначающим количество, в безличной конструкции типа *Пришло много старых друзей, Найдено сто рублей*.
4. ИГ в род. п. при отрицании типа *Ответа не пришло, Забот хватает*;
5. Нулевое подлежащее 0люди в неопределенно-личной конструкции типа *Так 0люди не делают; 0люди Стреляли*;
6. PRO в деепричастном обороте типа [PRO Прияд,] он сел.

2.2.1. Селекция множественных актантов при глаголах множественного действия

При некоторых глаголах, обозначающих множественное действие, в основном с приставками *пере-*, *на-*, *раз-* и *по-*, один из актантов должен быть ИГ во мн. ч. или со значением множества [Козинский 1983; Борик 1995]: *передохнуть, поумирать, перебить(ся), расплодить(ся)*: (70) *Он пересмотрел все фильмы* (/*фильм); (71) *Она накупила куну тряпок* (/*этую тряпку); (72) *Мы разводим баранов* (/*барана); (73) *Ветер пообрывал провода* (/*провод) и т. д. Обычно множественным актантом выступает при переходном глаголе Дпр, как в (70-73), а при непереходном глаголе - Ппп: (74) а. *Все дети перезаразились гриппом*; б. *Весь класс* (/*Ребенок) перезаразился гриппом; (75) а. *Тарелки перебились*; б. *Посуда перебилась*; в. **Тарелка перебилась*; (76) а. *Рабочие поувольнялись*; б. **Рабочий поувольнялся*. Пп не является мишенью се-

Глава VI. Подлежащее

лекции по числу: (77) а. *Он растащил трубы по участку*; б. **Они растащили трубу по участку*; (78) а. *Ребята накупили (много) хороших книг*; б. *(Много) *ребят накупили хорошую книгу*; (79) а. *Ходят слухи, будто всё позапрещают* (В. Высоцкий); б. ?? *Все начальники позапрещали этот спектакль*. Псз (80а), но не Даг-сз (80б) подпадает под селекцию: (80) а. *Сотрудники были набраны редактором*; б. * *Сотрудник был набран редакторами*.

Исключение представляют переходные глаголы с приставкой *пере-*: *перецеловать, пересмотреть, перепробовать* и др., которые допускают селекцию не только Дпр (82б—83б), но и Пп (82а—83а): (82) а. *Все девушки перецеловали его*; б. *Он перецеловал всех девушек*; (83) а. *Все гости перепробовали этот торт*; б. *Гость перепробовал все торты* [Козинский 1983: 12-14].

Выясняется, однако, что не все непереходные глаголы допускают форму с приставкой множественности. Ср. с одной стороны, (84) *Все мои друзья перебывали на выставке; Все дети перемазались краской; Все яблони перемерзли; За ночь наросло много сосулек*; и, с другой стороны, (85) **Много детей наиграло в парке; Много детей наплавало в бассейне; Все дети перегуляли в парке; Все дети переработали в парке*. Можно сделать вывод, что селекция по числу у Пнп-пац возможна, а у Пнп-аг - нет. Исключение представляют агентивные возвратные глаголы с приставкой *раз-*, образованные от незвратных глаголов движения: *Они раз-бежали-сь, раз-брели-сь, разо-или-сь*.

Таким образом, данный приоритетный признак скорее ограничивает агенс от пациенса, а не подлежащее от остальных ИГ [Борик 1995]. Ожидается, следовательно, что Пинф — пациент допускает селекцию, а Пинф — агенс и Пэксп — нет, и это предположение подтверждается фактами [Козинский 1983: 42], ср. (86) *перезаразиться им* (//*ему) *гриппом*, но (87) **детям наплавать в бассейне* и (88) **всем* *понездоровиться*.

ЗАДАНИЕ 5. Определите значение признака селекции множественных актантов для следующих ИГ, которые не являются каноническими подлежащими (рассмотрите отдельно те же виды подлежащих, что и в предыдущих заданиях):

1. ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции типа *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Okажись ты здесь...*;

Часть 1. Синтаксическое описание

2. ИГ в род. п. с числительным или другим словом, обозначающим количество, в безличной конструкции типа *Пришло много старых друзей*, *Найдено сто рублей*;
3. PRO в инфинитивном обороте с союзом *чтобы* типа *Пришел, чтобы [PRO петь]*;
4. PRO в деепричастном обороте типа *[PRO Придя,] он сел.*

2.3. Трансформационные признаки

Клауза, содержащая финитный глагол, связана регулярными отношениями с другими (в том числе необязательно предикативными) конструкциями. Способность либо неспособность некоторой ИГ соответствовать некоторой другой ИГ в регулярно соотнесенной конструкции будем называть **трансформационным признаком** этой ИГ.

«Отношение "трансформироваться в" ("быть трансформационно соотносимым с") связывает конструкции (и содержащиеся в них актанты), которые: а) имеют **регулярные** формальные отличия друг от друга, которые сопровождаются б) регулярными различиями в значении, употреблении, стилистической окрашенности, способности выступать в том или ином контексте и т. п., причем обе конструкции в) денотативно синонимичны, т. е., грубо говоря, описывают одну и ту же внеязыковую ситуацию. По пункту (б) допускается случай, когда различия сколь угодно малы, вплоть до полного отсутствия, т. е. достаточным условием является различие по форме, но если есть различие и в значении, оно должно быть регулярным» [Козинский 1983: 20].

2.3.1. Способность к трансформации в родительный падеж при отрицании

При отрицании возможна трансформация финитной формы сказуемого в безличную форму; при этом один из актантов переходит в форму род. п. Это может происходить с каноническим подлежащим — Пнп при некоторых глаголах «бытия, появления, наличия» [Золотова 1988]: (89) *Ответ не пришел -> Ответа не пришло*, но не с Пп (90) *Он не прислал ответ -> *Его не присыпал ответ(a)*. В форму род. п. при отрицании может переходить Дпр (по-видимому, при любых переходных глаголах, и при этом глагол остается в финитной форме): (91) а. *Он еще не прочитал эту статью -> Он еще не прочитал этой статьи*, б. —» **Его (он) еще не прочитал(о) этой статьи*. Псз, но не Даг-сз допускает род. п. при отри-

Глава VI-Подлежащее

цании, однако не только не при всех переходных глаголах, но, как кажется, при меньшинстве их: (92) *Денег не было прислано, но (93)* Статей не было прочитано.*

Родительному при отрицании в русском языке посвящена огромная литература. Укажем лишь некоторые важные работы: [Ружичка 1963; Chvany 1975; Попов 1977; Белоусова 1978; Кибрик 1979а (1992); Трубинский 1973; Бэбби 1985 (1980); Babby 1980; Pesetsky 1982; Ицкович 1982: 53-57; Козинский 1983: 21; Апресян 1985; Corbett 1986; Timberlake 1986; Падучева 1992; 1997а; Борик 1995; Bailyn 1997; Borschev, Partee 1998; 2001; Борщев, Парти 1998; Brown 1999].

Обратим внимание на то, какие непереходные глаголы допускают, а какие не допускают рассматриваемую трансформацию. Ср. (94) Писем не пришло; Детей не оказалось; Грибов здесь не растет; Здесь денег не лежало и (95) Кто-то бежал по аллее -» *Кого-то не бежало по аллее; *Соседей не злилось; *Детей не разговаривало на уроке; *Учеников не выступало на концерте.

Возможность либо невозможность для Пнп или Псз трансформироваться в род. п. при отрицании обусловливается несколькими факторами. Например, если они выражены ИГ с количественным значением, конструкция с родительным почти всегда возможна, ср. (96) а. *У нас гостей не обедало] б. У нас и трех гостей не обедало] (97) а. *Травы не было примято] б. Ни одной травинки не было примято [Козинский 1983: 21]. Сравнивая непереходные глаголы типа (94) и типа (95), обнаруживаем в первом приближении то же противопоставление между Пнп-аг и Пнп-пац, которое наблюдалось в 2.2.7.

Рассмотрим (с некоторым видоизменением) следующий выразительный пример этого противопоставления, ставший известным после работы Д. Песецкого [Pesetsky 1982: 45]; пример, как пишет автор, подсказала ему О.И. Виноградова: (98) а. В озере никакая утка не плавала] б. В озере никакой утки не плавало. В (98а) плавала означает активное действие - 'передвигаться в воде, совершая для этого определенные телодвижения', которое переводится на английский как *swim*] в (98б) плавает означает скорее состояние — находиться на поверхности воды', что по-английски требует другого глагола —*float*. В (98б), таким образом, сообщается, что в озере не находится тело утки (скорее всего, безжизненное). Ср. также предложения (99) а. Никто там не был и б. Никого там не было. В (99а) глагол *быть* может означать

активное действие, что-то вроде 'никто туда не ходил'; (99б) такого значения не имеет, однако, в отличие от (99а), может означать 'никого там не оказалось'.

Пэксп и Пинф не преобразуются в генитив при отрицании, ср. (100) а. Этому не бывать и б. *Этого не бывать; (101) а. Никому не было холодно и б. *Никого не было холодно [Козинский 1983: 42, 45].

ЗАДАНИЕ 6. Определите значение признака трансформируемости в род. п. при отрицании для ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции типа *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Окажись ты здесь...* Рассмотрите отдельно те же виды подлежащих, что и в предыдущих заданиях.

2.3.2. Способность к трансформации в группу *по + ИГ* в дат. п. с дистрибутивным (= распределительным) значением

(102) а. *Каждую рукопись читает редактор -> ?Каждую рукопись читает по редактору;* б. *Каждый редактор читает по рукописи;* (103) *С каждого дерева упала груша -> С каждого дерева упало по груше.* Возможность этой трансформации ограничена множеством плохо изученных условий, см. подробнее [Crockett 1976a; Ревзин 1978; Babby 1980; Pesetsky 1982; Борик 1995]. В отличие от Пнп (103) и Дпр (1026), Пп чаще всего не допускает такой трансформации. Поэтому пример (102а) отвергается некоторыми носителями (ср. меньшую допустимость того же предложения в прошедшем времени *?Каждую рукопись (про)читало по редактору*) и еще (104) *По ребенку сделало себе бутерброды; *Каждый матч с дит по судье и т. п. В пассиве способность к трансформации проявляет Псз, а не Даг-сз: (105) *У каждого входа им было поставлено по часовому* [Козинский 1983: 22—23].

При непереходных глаголах наблюдается деление, очень напоминающее 2.2.7 и 2.3.1, т. е. на Пнп-аг и Пнп-пац: (106) *В каждой песочнице играло по ребенку;* *На каждой дорожке бежало по спортсмену; *По участнику конкурса прыгало через ров; (107) *Каждому ребенку досталось по конфете;* На каждой стене висело по картине. Воспользуемся и примером О.И. Виноградовой (98): (108) *В каждом озере плавало по утке,* что скорее означает состояние (*float*), но не действие (*swim*). Это различие впервые обнаружил Д. Песец-

кий [1982]; ни В.Н. Сидоров и И.С. Ильинская [1949], ни И.Ш. Козинский не обратили на него внимания.

Трансформация Пинф допустима редко: (109) а. *Дежурному оставаться на каждом этаже*; б. *По дежурному оставаться на каждом этаже*; (110) а. *Двоим здесь не справиться*; б. *По двое здесь не справиться*, а Пэксп — по-видимому, недопустима: **В каждой группе по ребенку стало нездоровиться* [Козинский 1983: 43, 45].

ЗАДАНИЕ 7. Определите значение признака трансформируемоеTM в ПрГ *по* + ИГ с дистрибутивным значением для следующих ИГ, которые не являются каноническими подлежащими (рассмотрите отдельно те же виды подлежащих, что и в предыдущих заданиях):

1. ИГ в им. п. в независимой инфинитивной конструкции типа *А царица хотятъ, А он драться*;
2. ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции типа *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Окажись ты здесь...*

2.3.3. Способность к трансформации в PRO при инфинитиве, деепричастии или причастии

Такой способностью обладают только канонические подлежащие (111) и Пинф (112): (111) *Мальчик приведет собаку* (или (112) *Мальчику привести собаку*) -> (*Мальчик_i хочет*) PRO_i *привести собаку*; PRO_i *приведя собаку*, (*мальчик_i привяжет ее*); PRO_i *приведший собаку* {*мальчик_i*; (113) *Собака привязана мальчиком* -> (*Собака_i хочет*) PRO_i *быть привязанной...* и т. д. Дпр и Даг-сз в PRO не трансформируются: (114)* *Собака_i хочет* PRO_i *мальчик привести*, что означало бы 'Собака хочет, чтобы мальчик ее привел'. Пэксп не преобразуется в PRO - к этому способно только каноническое подлежащее, если оно имеется в одной конструкции с Пэксп: (115) *мне приснился отец_i* -> PRO_i *присниться мне*; PRO, *приснившись мне*; PRO_i *приснившийся мне* [Козинский

2.3.4. Способность к трансформации в родительный падеж при номинализации

Клауза с финитным сказуемым может трансформироваться в номинализованную конструкцию, т. е. в такую, синтаксической вершиной которой является отглагольное имя.

Часть 1. Синтаксическое описание

При этом один из актантов финитной конструкции может быть выражен ИГ в род. п.: (116) *поэт умер -> смерть поэта*. Если в номинализованной конструкции присутствует один актант, то он всегда выражается род. п., неважно, соответствует ли он подлежащему или дополнению в предикативной конструкции. Если же сохраняются оба актанта переходного глагола, то ИГ в род. п. выражается актант, соответствующий Дпр, а Пп соответствует в номинализированной конструкции агентивному дополнению в тв. п.: (117) *Шалягин исполнил арию _> а. исполнение арии; б. исполнение Шаляпина; в. исполнение арии Шаляпиным*. Первым это свойство номинализованных конструкций подметил, по-видимому, А. Чикобава [1961], см. также [Connie 1976a; Козинский 1983: 25].

Пэксп соответствует при номинализации ИГ в род. п.: (118) *Ивану снится -> сон Ивана*. Что касается ИГ при пассивной или инфинитивной конструкции, то у них в русском языке нет собственных номинализаций, поэтому Пинф триадальным образом совпадает по данному свойству с каноническими подлежащими, Псз — с Дпр, а Даг-сз — с Пп.

2.3.5. Способность к трансформации в относительное или притяжательное прилагательное при номинализации

Канонические подлежащие и Пэксп могут подвергаться такому преобразованию: (119) *народ недоволен -> народное недовольство; Петр отрекся -> Петрово отречение; Маше снится -> Машин сон. Сашино сообщение, кавалерийская атака соотносимо только с Саша сообщил, кавалерия атакует но не с Саше сообщили, кавалерию атакуют* [Козинский 1983: 25]. Несравненно реже прилагательное соответствует дополнению, причем не всегда прямому: (120) *рыбная ловля* (пример М.А. Барулиной), *утиная охота, еврейский погром, языковые наблюдения*. У инфинитивов и пассивов нет отдельной номинализации с особыми формами прилагательных, поэтому их актанты по этому признаку не отличаются от подлежащих и Дпр соответствующих финитных и активных конструкций.

2.3.6. Способность к словосложению с глаголом

Разумеется, ИГ, будучи синтаксической единицей, не может (по крайней мере в русском языке) образовывать сложное слово с глаголом. Речь здесь идет о трансформационном соответствии между предикативной конструкцией и сложным словом, один из корней которого соответствует корню глагола в предикативной конструкции, а другой — корню существительного, возглавляющего ИГ его актанта: (121) Вода падает -> водопад; горы образуются -> горообразование и т. д. Основа непереходного глагола образует сложное слово с коррелятом Пнп-пац, как в (121), но не с Пнп-аг (*ср. прямохождение и *человекохождение\ воздухоплавание и *птицеплавание*). Основа переходного глагола образует сложное слово с именной основой, соответствующей Дпр, а не подлежащему в предикативной конструкции: людоед означает ' тот, кто ест людей', а не 'человек, любящий поесть'; тракторостроение, лесоповал, вертихвостка, душегуб и т. д. [Козинский 1983: 25—26]. Пэксп, очевидно, не соответствует именному компоненту словосложения: человеконенавистник означает ' тот, кто ненавидит людей', а не 'человек, которому что-то ненавистно'.

«Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

- Господи, что такое?... - То есть когда летом, - заторопился капитан, ужасно махая руками, ... - когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет» (Достоевский, «Бесы»).

Стихи капитана Лебядкина никак не менее интересны для лингвиста, чем стихи Льюиса Кэрролла в «Алисе». Слово *мухоедство* в значении 'поедание мухами (сахара или остатков сладкого чая)' - одно из многих примечательных нарушений правил русской грамматики в фарсе Достоевского.

В английском языке способностью к словосложению также обладает в основном только пациент: *gift-giving to children* 'раздача подарков детям', но * *child-giving of gifts*, букв, «детораздача подарков»; * *man-shouting*, букв, «человекокричание» и т. д. [Rooper, Siegel 1978; Grimshaw 1990: 14—15].

Случаев, когда сложное слово образуется с коррелятом агенса, очень мало, но они есть. И.Ш. Козинский приводит в качестве примера

Часть 1. Синтаксическое описание

на Ппп-аг *богоявление* (← Бог является) и *рыбоход* ('устройство для пропуска рыбы на гидроэлектростанциях') [Козинский 1983: 26], а на Пп - *самосвал* и *бурелом* (пример А.Н. Барулина). Можно добавить еще *богооставленность* и *боговдохновенность*; эти слова, так же, как и *богоявление* и другие богословские термины, представляют собой кальки соответствующих греческих композитов.

2.4. Группировка приоритетных признаков

Перечисленные признаки не исчерпывают всего множества приоритетных признаков ИГ в русском языке, однако приведенный здесь перечень, вероятно, охватывает наиболее заметные из них. Полученные результаты сведены в табл. 1.

Таблица 1

Продолжение табл. 1

№	Признак	Пп	Пн п-аг	Пн п- пац	Псз	Пэк- сп	Пи- нф	Дпр	Даг- сз
8	Контроль PRO в дее- причастном обороте	+	+	+	+/-	-	+	-	+/-
9	Трансформируемость в относит. или притя- жат. прилагательное при номинализации	+	+	+		+		-	
10	Контроль числа и рода адъективных присказу- емостных имен в тв. п.	-	+	+	+	-	+	+	+/-
11	Трансформируемость в род. п. при номина- лизации	-	+	+		+		+	
12	Селекция множест- венных актантов при глаголах множествен- ного действия	-	-	+	+	-	+/-	+	-
13	Трансформируемость в <i>no + ИГ</i> в распре- делительном значении	-	-	+	+	-	+/-	+	-
14	Трансформируемость в род. п. при отрица- нии	-	-	+	+/-	-	-	+	-
15	Способность к сло- восложению с гла- голом	-	-	+		-		+	

Знак «+» означает, что данный приоритетный признак принимает положительное значение для данного типа актанта; знак «-» — отрицательное значение; «+/-» означает, что выбор одного из двух значений сопровождается различными условиями и оговорками; незаполненными остаются клетки, соответствующие актантам, для которых данный признак не определяется. Последний случай имеет место для некоторых трансформационных признаков, меняющих тип конструкции, применительно к Псз, Даг-сз и Пинф: поскольку конструкция страдательного залога или инфинитивный оборот

Часть 1. Синтаксическое описание

трансформационно соотносимы с конструкциями активного залога (122) а. *Рабочие строят дом* — б. *Дом строится рабочими* или с финитным глаголом (123) а. *Рабочие строят дом* — б. *Рабочим строить дом* соответственно, результат трансформации может оказаться одинаков для (122а б) или для (123а б). Возьмем, например, два трансформационных признака: признак 14 — трансформируемость в род. п. при отрицании и признак 11 — трансформируемость в род. п. при номинализации:

Признак 14	
(122а)	(122'а)
<i>Рабочие строят <u>дом</u></i>	→ <i>Рабочие не строят <u>дома</u></i>
Признак 11	
(122б)	(122'б)
<i><u>Дом</u> строится рабочими</i>	→ * <i><u>Дома</u> не строится рабочими</i>
Признак 11	
(122а) <i>Рабочие строят <u>дом</u></i>	→ (122'") <i>строительство <u>дома</u> рабочими</i>
(122б) <i><u>Дом</u> строится рабочими</i>	→

Конструкции активного и пассивного залога различаются не только в исходных предложениях (122а б), но и в трансформированных (122'а б), что и дает возможность выявить значение признака 14 для Псз, которое, как мы видим, отличается от соответствующего признака для Дпр. Иначе обстоит дело с признаком 11: номинализация дает один и тот же результат (122'') для пары предложений (122а б), и значение признака 11 для Псз будет тривиальным образом совпадать со значением того же признака для Дпр в соответствующей активной конструкции. Поэтому нет смысла включать значение признака 11 для Псз в таблицу.

Можно увидеть, что рассмотренные выше признаки грамматического приоритета, если пренебречь некоторыми второстепенными подробностями, образуют четыре основные группы: 1-4, 5-9, 10-11 и 12-15.

Начнем с группы 12—15. Эти признаки чувствительны ко многим разнородным факторам, однако существенно, что они достаточно последовательно проводят различие между семантическими ролями агенса (отрицательное значение) и

пациенса (положительное значение). Такие семантически ориентированные признаки назовем **ролевыми**.

Различия в группе 10–11 в конечном счете также сводятся к ролевой семантике. Эти признаки принимают положительное значение для актанта с ролью пациента и для актанта с ролью агента, если пациента при данном предикате нет, то есть ориентированы на гиперроль темы, или абсолютива (о ней см. гл. III п. 10). Такие признаки будем называть **абсолютивными**. **Абсолютив** – «наиболее непосредственный, наиболее вовлеченный в ситуацию и/или наиболее подверженный воздействию участник ситуации» [Кибрик 1999: 349]. Абсолютиву соответствует затененный фрагмент схемы (124):

АБСОЛЮТИВ:	АГЕНС:	<u>Мальчик</u>	прогнал собаку
		<u>Мальчиком</u>	была прогнана собака
ПАЦИЕНС:		<u>Мальчик</u>	убежал (125бг)
		<u>Мальчик</u>	упал (125ав)
		<u>Мальчика</u>	был прогнан собакой
			прогнала собака (125де)

Категория абсолютива играет весьма важную роль в грамматике многих языков, например восточнокавказских, где она определяет выбор им. п. актанта (такой падеж часто называют «абсолютивом») и согласование с глаголом-сказуемым. Пассивный залог в этих языках отсутствует, и грамматические признаки ориентируются на абсолютив, ср. в аварском языке:

Часть 1. Синтаксическое описание

- д. *Вас-ас яс й-еци-ана.*
 мальчик-ЭРГ девочка.АБС 2КЛ-хвалить-ПРОШ
 'Мальчик девочку похвалил'
- е. *Яс-аль вас в-еци-ана.*
 девочка-ЭРГ мальчик.АБС 1КЛ-хвалить-ПРОШ
 'Девочка мальчика похвалила'

В (125) наблюдается согласование по категории грамматического класса. Существительные, обозначающие людей, распределяются по двум классам: мужскому (1-му) и женскому (2-му). Согласование глагола происходит с ИГ-абсолютивом. Абсолютив выражается нулевой падежной формой. Агенс при переходном глаголе оформлен особым падежом — эргативом (ЭРГ), который имеет окончание *-ас* у существительных 1-го класса и окончание *-аль* у существительных 2-го класса. Такая система конструкций предложения называется **эргативно-абсолютивной** или чаще просто **эргативной**. Эргативная система обнаруживается в большинстве севернокавказских языков, в чукотско-камчатских, эскимосо-алеутских языках, в баскском, в большинстве австралийских, в части современных индоиранских, в языках майя и во многих других.

Можно задаться вопросом, нет ли признаков грамматического приоритета, которые симметричным образом ориентированы на роль агента, т. е. принимают положительное значение для агента, если актант с такой ролью есть при данном глагольном предикате, а если агента нет, то принимают положительное значение для пациента. Единицу, соответствующую затененной части схемы (126), можно назвать **актором**, или **принципалом** [Кибрик 1999: 348].

(126)

ПРИНЦИПАЛ	АГЕНС:	<u>Мальчик</u> <u>Мальчиком</u> <u>Мальчик</u> <u>Мальчик</u>	<u>Мальчиком</u> <u>Мальчиком</u> <u>Мальчиком</u> <u>Мальчиком</u>	<i>прогнал собаку</i> <i>была прогнана собака</i> <i>убежал</i> <i>упал</i>	<i>прогнал собаку</i> <i>была прогнана собака</i> <i>убежал</i> <i>упал</i>
	ПАЦИЕНС:	<u>Мальчик</u> <u>Мальчика</u>		<i>был прогнан собакой</i> <i>прогнала собака</i>	

В русском языке можно предположительно указать, по крайней мере, на один такой признак — контроль падежа, числа и рода первой части сложного рефлексива *сам себя*, ср. (127) а. *Пианист сыграл сонату сам для себя*; б. *Соната была сыграна пианистом самим для себя*; (128) **Он был перенесен служами сам к себе в кабинет*; (129) *Он здесь непохож сам на себя*. В (127аб) *сам* согласуется с агентом в обеих залоговых конструкциях, в (128) не может согласоваться с пациентом-подлежащим при наличии Даг-сз, а в (129) в отсутствие агента согласуется с единственным актантом - пациентом.

Глава VI. Подлежащее

Оставшиеся две группы признаков (1—4 и 5—9) выделяют то, что можно назвать «подлежащим» в традиционном смысле слова. Признаки 1—4 ориентированы преимущественно на падежную форму (им. п.); то, что они выделяют, можно назвать **каноническим**, или **формальным** подлежащим. Та единица, которая выделяется на основе признаков 5—9 (канонические подлежащие (кроме Псз) + Пэксп + Пинф), можно, очевидно, называть просто подлежащим. Актанты, для которых положительные значения принимают признаки 5—9, но отрицательные — признаки 1—4, можно назвать **неканоническими**, или **функциональными**, подлежащими.

Обратим внимание на одно свойство признаков 5—9: большинство из них обладает значениями (+/—) для обоих главных актантов пассивного залога. Создается впечатление, что ни Псз, ни Даг-сз не «хотят» однозначным образом принимать значения этих признаков. Как это можно объяснить? Особенность пассивного залога заключается в том, что в нем нарушается обычное совпадение агента и им. п. (подробнее см. главу VIII). Признаки 5—9 как бы «предполагают» в качестве нормальной, «прототипической» ситуации совпадение агента и им. п. Там, где это соответствие нарушается, т. е. в пассивном залоге, на основании признаков 5—9 невозможно однозначным образом выделить подлежащее.

Итак, «подлежащим» можно назвать ту ИГ в предложении, которая проявляет максимум положительных значений приоритетных признаков типа 5—9, т. е. не ориентированных ни на семантические роли, как 10—15, ни на падежную форму ИГ, как 1—4. Можно видеть, что в русском языке в большинстве типов клауз такая ИГ может быть выщелена, и притом только одна. Трудность, однако, возникает с пассивными конструкциями, в которых признаки 5—9 не указывают однозначно ни на одну ИГ. В последнем случае наиболее естественное решение состоит, очевидно, в том, чтобы принять традиционную точку зрения и выделять в пассивных конструкциях подлежащее-пациент на основе признаков группы 1—4. Более экстравагантным решением было бы заключить, что подлежащее в русских пассивных конструкциях отсутствует.

Часть 1. Синтаксическое описание

2.5. Приоритетные признаки в конструкциях без канонических подлежащих

В русском языке довольно много типов предложений с отсутствующим каноническим подлежащим: нет ни одной ИГ в им. п., которая бы контролировала согласование с финитным глаголом. Однако, как пишет о неканонических подлежащих В.А. Белошапкова, «предсказующий характер связи [согласования — Я. Т.] и направление ее от подлежащего имеются и здесь: подлежащее, не имеющее форм числа и рода, прогнозирует сказуемое в совершенно определенной форме - в форме единственного числа, а при изменяемости сказуемого по родам — среднего рода» [1977: 34—35]. Г.А. Золотова отмечает, что «в структурно-смысловом отношении все они служат выражением носителя предицируемого [у других авторов «предикативного» - Я. Т.] признака» [Золотова 1982: 103]. Если «носитель предикативного признака» выражен им. п., он именуется в литературе по русскому синтаксису «подлежащим», а если он выражен косвенным падежом или вовсе не выражен - «(семантическим) субъектом», причем это понятие распространяют на весьма разнообразные случаи, такие, как (130) У нее головная боль; Отцу не спится; Большого знобит; С тетушкой обморок; Старику под семьдесят; Народу съехало Пароход покачивало; О нем писали и т. п., см. [Золотова 1982: 133; Кокорина 1979]. Иногда говорят еще, что «субъект - это тот (то), от кого (чего) исходит действие, состояние, восприятие, отношение (в широком смысле, включая обладание) или признак» [Шведова 1973: 464]. Сомнительно, однако, чтобы термин, обладающий столь «широким» и неопределенным смыслом, был пригоден для научного употребления. При этом он вряд ли может быть уточнен, так как возник в результате смешения нескольких разнородных понятий: логического субъекта, подлежащего, агента и темы.

Авторы, использующие этот термин, обычно оговаривают, что «субъект» не может быть выражен подлежащим в пассивном залоге, а выражается в нем агентивным дополнением. Это неуклюжее объединение семантических и формальных признаков вызвано тем, что, при всей расплывчатости и растяжимости понятий «носитель предикативного признака» или «то, от чего исходит действие или признак», мало кто решается утверждать, что *дом* в предложении *Дом строится рабочими* передает значение «субъекта» (хотя иногда говорят о «поглощении» объекта действия «субъектом» признака или состояния в пассиве [Скобликова 1990: 63]).

Глава VI. Подлежащее

А.В. Бондарко [1991: 33] предлагает особое понятие, названное им «семантический носитель предикативного признака», которое, в отличие от «субъекта», не включает агентивное дополнение при пассиве.

ЗАДАНИЕ 8. Опираясь на результаты, полученные в ходе выполнения предыдущих заданий, и на аргументы в пользу существования нулей, изложенные в главе V, установите, являются ли функциональными подлежащими следующие единицы:

1. ИГ в им. п. в независимой инфинитивной конструкции типа *А парица хохотать, А он драться;*
2. ИГ в им. п. в условной (псевдо-)императивной конструкции *Приди Иван вовремя..., Будь он хорошим мальчиком..., Окажись ты здесь...;*
3. ИГ в род. п. с числительным или другим словом, обозначающим количество, в безличной конструкции типа *Пришло много студентов, Найдено сто рублей;*
4. ИГ в род. п. при отрицании типа *Ответа не пришло, Забота хватает;*
5. ИГ в дат. п. с предлогом *по* в дистрибутивном значении типа *По группе упало, По экземпляру выдали;*
6. Нулевое подлежащее *Олюди* в неопределенно-личной конструкции типа *Так Олюди не делают; Олюди Стреляли;*
7. Нулевое подлежащее *Олюди* в безличной конструкции типа *Его Остинки ударило камнем по спине, В окно Остинки дует; .*
8. PRO в инфинитивном обороте со *чтобы* типа *Пришел, чтобы [PRO петь]*
9. PRO в инфинитивном обороте без *чтобы* типа *Хочу [PRO петь];*
10. PRO в деепричастном обороте типа *[PRO Придя,] он сел;*
11. PRO в причастном обороте типа *Требуется сотрудник, [PRO владеющий древнеирландским языком].*

3. Подлежащее в английском языке

3.1. Приоритетные признаки

Рассмотрим теперь грамматические приоритетные признаки ИГ в английском языке. Есть ли в английском языке подлежащее? Да, оно в нем традиционно выделяется на основе нескольких признаков, которые частично совпадают с соответствующими признаками русских подлежащих. Это "м. п. (в английском языке падежные формы различаются у нескольких местоимений) и контроль согласования по лицу и числу: (131) *He (//*him) see-s (//*see) his friends Юн (HOM)*

Часть 1. Синтаксическое описание

(///*его (АКК)) видит(-ЗЕД) (///*видят(-ЗМН)) своих друзей', а из функциональных признаков — контроль референции PRO целевого инфинитивного оборота с союзом *in order to* (132) / *invited John in order to solve the problem* 'Я пригласил Джона с тем, чтобы решить проблему (///*с тем, чтобы он решил проблему)'. Контролировать рефлексивные местоимения способны и подлежащие, и дополнения: (133) *John_x told Bill_j about himself_{ij}* 'Джон рассказал Биллу_j о себе || о нем_{1/5\}'

Вместе с тем в английском языке обнаруживается несколько ярких признаков подлежащего, которые в русском языке отсутствуют.

Во-первых, в английском языке с его жестким порядком слов л и н е й н а я п о з и ц и я подлежащего определяется достаточно строго. Подлежащее предшествует сказуемому и дополнениям (кроме особого случая инверсии, когда подлежащее и финитная часть сказуемого меняются местами). Левее подлежащего может располагаться только сентенциальное обстоятельство (т. е. такое, которое по смыслу относится ко всему предложению и является его непосредственной составляющей): (134) *On Monday John left* 'В понедельник Джон уехал'. Обстоятельство можно без нарушения правильности предложения переместить в его конец: (135) а. *John left on Monday*, а подлежащее нельзя: б. **On Monday left John*.

Во-вторых, в английском языке существует инверсия подлежащего и вспомогательного глагола, которая употребляется в основном для образования вопросительных предложений (и гораздо реже в некоторых предложениях с отрицанием или с особыми видами выделения). В вопросительном предложении первую позицию занимает вопросительное слово (если оно есть). Вторую позицию занимает вспомогательный или модальный глагол (первый в цепочке вспомогательных или модальных глаголов, если их несколько). На третьем месте стоит подлежащее. Например, в утвердительном предложении обстоятельство может занимать начальную позицию: (136) а. *John has often given me good advice* или б. *Often John has given me good advice* 'Джон часто давал мне хорошие советы'. В вопросительном предложении две первые позиции для обстоятельства недоступны: в. (* *Often*) *Has (*often) John often given me good advice?* 'Часто ли Джон давал мне хорошие советы?'.

Инверсии подвергаются не только подлежащие-ИГ, но и некоторые другие фразовые категории, занимающие пози-

Глава VI. Подлежащее

цию подлежащего, например (137) а. *[Into the house] is where she ran* букв. 'В дом есть [то место, куда] она вбежала' и б. *Is [into the house] where she ran?* 'В дом ли она вбежала?'; (138) а. *[From New York to Boston] is too far for you* Ют Нью-Йорка до Бостона слишком далеко для тебя' и б. *Is [from New-York to Boston] too far for you?* 'Слишком ли далеко для тебя от Нью-Йорка до Бостона?'; (139) *Is [get in trouble] what you really want to do?* 'Ты действительно хочешь нарваться на| неприя-

Следующий признак подлежащего в английском языке - структура так называемых «расчлененных вопросов» (tag questions), которые состоят из утвердительного предложения и «бирки» (tag), которая, в свою очередь, состоит из вспомогательного или модального глагола и местоимения, соответствующего подлежащему: (140) *John's coming, isn't he?* 'Джон придет, правда?', (141) *He can't read, can he?* 'Он не может читать, правда?' Какой глагол должен быть употреблен в «бирке», определяется по тем же правилам, что и выбор «подвижного» глагола при инверсии: (142) *They haven't left, have they?* 'Они не уехали, правда?', (143) *They left, didn't they?* 'Они уехали, правда?'. Отрицание употребляется следующим образом: если в полном предложении оно есть, то в «бирке» его нет, и наоборот. Местоименное подлежащее «бирки» соответствует подлежащему полного предложения, и только ему: (144) а. */ said the truth to the man, didn't I?* 'Я сказал этому человеку правду, не так ли?', ср. б. ** / said the truth to the man, didn't it?*, в. ** / said the truth to the man, didn't he?*; (145) а. *Bill should give the candies to Janet, shouldn't he?* 'Билл должен отдать леденцы Джанет, не так ли?', ср. б. ** Bill should give the candies to Janet, shouldn't they (them)?*, в. ** Bill should give the candies to Janet, shouldn't she (her) ?*

Если в предложении несколько подлежащих, то выбирается подлежащее главной клаузы, например (146) *Bill hopes that Mary will come, doesn't he?/... *won't she?* 'Билл надеется, что Мэри придет, не так ли?', но при некоторых главных глаголах это не так: (147) *I suppose she isn't coming, is she?/ ... *don't I?* 'Я думаю, она не придет, правда?', ср. сферу действия рус. ... правда? в (148) *Ты не знал, что он лингвист, правда?* (Ты действительно этого не знал? || *Он действительно лингвист?) и (149) *Ты считаешь, что он лингвист, правда?* ('Ты действительно так считаешь? || Он действительно лингвист?), см. [Крейдлин 1983: 84-85; Золотова 1995: 104].

Часть 1. Синтаксическое описание

Аналогично «расчлененным вопросам» употребляются повторы со словом *indeed* 'в самом деле': (150) *Joe said that the tall guy would show up, and indeed he did* 'Джо сказал что высокий парень еще покажется, и в самом деле, он показался'.

В английском языке имеются некоторые пустые лексемы, которые могут, по-видимому, выступать только в функции подлежащего. Это безударное местоимение *there* и местоимение *it* в значении времени и явлений природы, так называемые «подлежащие-пустышки» (dummy subjects). *There* употребляется с глаголом-связкой (и реже с глаголами появления или возникновения), например (151) а. *There will be peaches for dessert* 'На десерт будут персики', то же с вопросительной инверсией б. *Will there be peaches for dessert?* и в «расчлененном вопросе»: (152) *There's a tornado coming, isn't there?* (//* *isn't if*) 'Приближается торнадо, правда?' Ср. также конструкцию с *indeed*: (153) *Frank predicted that there would be a riot and indeed there was* (//* *it was*) 'Фрэнк предсказывал, что произойдут волнения, и действительно, они произошли'.

По крайней мере один приоритетный признак подлежащего, однако, не свойствен *there*: глагол-связка согласуется со своим актантом: (154) а. *There are two boys in the room* 'В комнате два мальчика'; б. *There is a boy in the room* 'В комнате один мальчик', в. * *There is two boys in the room*².

Некоторые ИГ всегда выступают только в роли подлежащего в определенных идиоматических выражениях. Например, можно сказать (155) *The cat is out of the bag* 'Тайна вышла наружу', букв.: 'Кот вылез из сумки' или (156) *The fur will fly* 'Начнется смятение', букв.: 'Шерсть полетит'. В составе этих фразеологизмов ИГ *the cat* и *the fur* могут быть только подлежащими, и никакое их преобразование, при котором они становились бы другими членами предложения, невозможно. Нельзя, например, употребить выражение (157) *to drive the cat out of the bag* 'выгнать кошку из сумки' в значении 'добиться разглашения тайны' или (158) *to see the flying fur* 'увидеть, как летит шерсть' в значении 'видеть смятение'.

Еще одним приоритетным признаком подлежащих в английском языке является способность к «отпуску» плавающих кванторов (об этом явлении см. в главе V 2.2):

² Б.Х. Парти обратила наше внимание на то, что в разговорной речи согласование при *there's* может отсутствовать: *There's two boys in the room* наряду с *There's a boy...*

Глава VI. Подлежащее

(159) а. All *the boys left* 'Все мальчики ушли'; б. *The boys all left* 'Мальчики все ушли'; прямое дополнение не обладает этим свойством: (160) а. *I saw all the boys* 'Я видел всех мальчиков'; б. */ *saw the boys all*.

Только подлежащее может «отпускать» от себя **эмфатические рефлексивы** *himself herself* и другие, которые, в отличие от совпадающих с ними по форме обычных рефлексивов, употребляются не анафорически, а в роли выделительных определенний, ср. русск. *сам*, которое вместе с кванторами входит в число плавающих определителей (глава V 2.2): (161) а. *The president himself is coming* 'Сам президент прибывает'; б. *The president is coming himself* 'Президент прибывает сам'. С прямым дополнением (162) это недопустимо: (162) а. *We put the president himself in our car* 'Мы посадили самого президента в нашу машину'; б. */ *We put the president in our car himself* Не могут отпускать эмфатических рефлексивов и обстоятельства: (163) а. *I looked behind the president himself for guards* 'Я искал охранников позади самого президента'; б. */ *I looked behind the president for guards himself*

Приоритетным признаком подлежащих является возможность употребления наречия *alone* в конце ИГ в значении 'только', например (164) *Father alone can help you* 'Один отец может помочь тебе', но (165) "Call Bob alone" 'Позвоните одного Боба', */ *believe that alone* 'Я верю только в это', */ *talked to Smith alone* 'Я говорил только со Смитом', */ *refuse to work with her alone* 'Я отказался работать только с ней'.

Впрочем, наблюдаются и архаичные конструкции типа (166) *He put his faith in God alone* 'Он уповал только на Бога', а также употребления *alone* с дополнениями, достаточно близкие по семантике к 'только': (167) *I spent more on books alone than you spent on books, xeroxing, and journals* 'На одни книги я потратил больше, чем ты на книги, ксерокопирование и журналы' (Б.Х. Парти, устн. сообщ.).

Только подлежащее может присоединять выражения *not many* и *not much* 'не многие, не много', например (168) *Not many people have learned Old Chinese* 'Не многие люди выучили древнекитайский язык', но (169) "Joe kissed not many models" 'Джо поцеловал не многих моделей', (170) "Jane earns Not much money" 'Джейн заработала не много денег', (171) * *Sally talked to Bob about not many problems* 'Салли говорила с Бобом не о многих проблемах', (172) */ *bought kangaroos from not many Australians* 'Я купил кенгуру не у многих австралийцев'.

3.2. Подлежащее **в** конструкциях **со** вторичным дополнением и **в** малых клаузах

В английском языке наблюдается явление актанной деривации, сходное с латинским *accusativus cum infinitivo* (*censeo Carthagin-em delendam esse* 'считаю, что Карфаген должен быть разрушен', букв.: 'считаю Карфаген(-АКК) быть подлежащим-разрушению'), когда при таких глаголах, как (173) *know* 'знать', *believe* 'полагать, верить', *report* 'сообщать', *want* 'хотеть', *expect* 'ожидать', *consider* 'полагать', *find* 'находить', *like* 'нравиться', *hate* 'ненавидеть' возникает вторичный актант — ИГ-дополнение в вин. п., которое выражает партиципант не главной, а зависимой клаузы: / *expected him to go* 'Я ожидал, что он уйдет'. Здесь *him* — вторичное прямое дополнение главной клаузы, но соответствует партиципанту не главной, а зависимой клаузы (инфinitивного оборота).

Группу глаголов (173) важно отличать от другой группы, в которую входят глаголы с двумя «настоящими» актантами, из которых один выражен ИГ, а второй клаузой. Таковы, например, глаголы (174) *persuade* 'убеждать', *force* 'заставлять', *encourage* 'поощрять', *order* 'приказывать', *tell* 'просить', *convince* 'убеждать', например, / *persuaded him to go* 'Я убедил его уйти'. Здесь *him* 'его' является актантом и соответствует партиципанту глагола 'убеждать'. Назовем глаголы типа (174), у которых по два актанта, один сентенциальный и другой именной, **сентенциально-именными**, а глаголы типа (173) — **глаголами со вторичным дополнением**.

Вторичное дополнение оформляется вин. п., что является признаком прямого дополнения. Однако оказывается, что по ряду признаков оно ведет себя как подлежащее инфинитивного оборота. Например, в качестве инфинитивного оборота при вторичном дополнении могут быть использованы фразеологизмы с фиксированным подлежащим: (175) *I've never known the fur to fly so quickly* 'Я никогда не думал, что была такая суматоха', букв. 'что шерсть летела так быстро'; (176) *They reported the cat to be out of the bag* 'Они сообщили, что тайна раскрыта', букв. 'что кот выпущен из сумки'.

В роли вторичного дополнения могут выступать пустые подлежащие лексемы *it* и *there*: (177) *I believe it to be unlikely that he* И сомн. 'Думаю, что вряд ли он придет'; (178) *I've never known it to snow in summer* 'Я никогда не слышал, чтобы

снег шел летом'; (179) */ believe there to be no alternative* 'Думаю, что нет никакой альтернативы'; (180) *Jeff wanted there to be a party* 'Джефф хотел, чтобы была вечеринка'. Ср. невозможность таких конструкций с сентенциально-именными матричными глаголами: (181) **/ ordered it to rain* 'Я приказал идти дождю'; (182) **Jeff persuaded there to be a party* 'Джефф убедил, чтобы была вечеринка'.

Смена активной конструкции на пассивную не меняет значения предложения в конструкциях со вторичными дополнениями (183), но меняет его в случае сентенциально-именных конструкций (184): (183) а. *Sam wanted the doctor to examine Mary* 'Сэм хотел, чтобы врач осмотрел Мэри'; б. *Sam wanted Mary to be examined by the doctor* 'Сэм хотел, чтобы Мэри была осмотрена врачом'; (184) а. *Sam persuaded the doctor to examine Mary* 'Сэм убедил врача осмотреть Мэри'; б. *Sam persuaded Mary to be examined by the doctor* 'Сэм убедил Мэри показаться врачу'.

Показателен также «отпуск» кванторов, например (185) а. *Jeff wanted all the boys to leave -> 6. Jeff wanted the boys all to leave* 'Джефф хотел, чтобы мальчики все ушли', ср. (186) а. *Jeff persuaded all the boys to leave* 'Джефф убедил всех мальчиков уйти' -> б. **Jeff persuaded the boys all to leave*.

Важно также, что сочетаемость вторичного дополнения определяется не матричным глаголом, а инфинитивом: (187) # *He considered the rock to have insulted Mary* 'Он полагал, что скала оскорбила Мэри', ср. с нормальной сочетаемостью (188) *He considered the rock to be heavier than the candle* 'Он полагал, что скала тяжелей, чем свечка'.

Таким образом, вторичное дополнение обнаруживает ряд свойств подлежащего инфинитивного оборота, и можно считать, что оно и является таким подлежащим. Трудность состоит в том, что данная ИГ получает винительный падеж, ср. (189) *I believe him (//*he) to be hungry* 'Я думаю, что он (АКК//*НОМ) хочет есть'. Поскольку этот падеж, очевидно, не может возникнуть в результате инфинитивного управления, остается предположить, что матричный глагол управляет своим вторичным актантом. Очень необычно, однако, будет выглядеть управление ИГ через границу клаузы - падежное управление обычно представляет собой локальное явление, когда управляющее и управляемое слово не разделены границей ИГ или клаузы.

В конце 1970-х годов Н. Хомский предложил считать, что здесь мы имеем дело не со вторичным актантом главной клаузы, а с подлежащим инфинитивной конструкции, которое получает винительный падеж (но не семантическую роль!) от глагола главного предложения. Это явление, названное «исключительным падежным маркированием» (Exceptional Case

Часть 1. Синтаксическое описание

Marking) и составило, в интерпретации Хомского, своеобразие предложений типа (189). Выдвигались и другие аналитические соображения в пользу такого анализа. В частности, в работе [Baltin 1980] было отмечено, что предложение (1906) значительно менее приемлемо, чем (190a): (190)
a. *I told Bill myself to leave the room* 'Я сам сказал Биллу, чтобы он вышел из комнаты'; б. ??*I believed Bill myself to be a liar* 'Я сам думал, что Билл лжец'. В (1906) эмфатический рефлексив *myself*, относящийся к подлежащему главной клаузы, не может находиться между ИГ *Bill* и инфинитивом, из чего следует, что в (1906), в отличие от (190a), эта ИГ относится к зависимой клаузе:

(190a) ...*told Bill myself*[_n to leave..., но

?? (1906) ...*believed* [_n *Bill myself* to be...

Эмфатический рефлексив в (1906), таким образом, «оторвался» от подлежащего на слишком большое расстояние и пересек границу клаузы. В (190a) пересечения границы не произошло, вследствие чего это предложение грамматически правильно.

Наряду с перечисленными признаками подлежащего вторичные актанты обладают, кроме своей падежной формы, еще некоторыми свойствами, присущими дополнению:

1) Они могут выражаться рефлексивом, что свойственно дополнению, но никак не подлежащему: (191) *John believes himself to be experienced* 'Джон считает себя опытным'.

Однако подлежащее матричного глагола не может контролировать рефлексив «через» вторичное дополнение: (192) **Mary believes John to have scratched herself* 'Мэри думает, что Джон оцарапал ее'. Это так же неосуществимо и через подлежащее обычного придаточного: (193) **Mary believes that John has scratched herself*, что свидетельствует, наоборот, в пользу того, что *John* - подлежащее в инфинитивном обороте, а не дополнение при матричном глаголе.

2) Анафорическое местоимение 3-го л. в позиции вторичного дополнения ведет себя так же, как обычное дополнение, т. е. не может быть кореферентно подлежащему главной клаузы: (194) **John; believes him, to have won the race* 'Джон; думает, что он; выиграл скачки' (ср. то же с обычным дополнением (195) **Johni believes him*, 'Джон_i верит ему_i'). Разумеется, предложения (194-195) неправильны не сами по себе, но лишь относительно данной расстановки Референциальных индексов.

3) Вторичные актанты могут в пассивном залоге переходить в позицию подлежащего главной клаузы, что свойственно прямому дополнению: (196) *John is believed to be experienced* 'Джона считают опытным'.

Глава VI. Подлежащее

Вторичное дополнение с таким же набором свойств возникает и в малых клаузах: (197) *I believe the President incapable of deception* 'Я верю, что президент неспособен на обман'; (198) / *consider John extremely intelligent* 'Я считаю Джона чрезвычайно умным'; (199) *Could you let the cat into the house?* Ты можешь впустить кошку в дом?'. Вторичное дополнение, как подлежащее малой клаузы, может выражаться «устойчивыми» подлежащими во фразеологизмах, например (200) *Why did you let the cat out of the bag?* 'Почему ты разболтал секрет?', букв, 'выпустил кота из сумки', пустыми подлежащими лексемами, например (201) / *believe it inevitable that war will break out* 'Я считаю неизбежным, что разразится война'; *I consider it time to leave* 'Я думаю, что время уезжать'. От них может отрываться эмфатический рефлексив (202) / *consider the president entirely responsible himself* 'Я считаю президента самого полностью ответственным'. Вторичные дополнения способны употребляться с *alone* в значении 'только': (203) *I consider John alone responsible for the collapse of the team* 'Я считаю, что только Джон ответствен за распад команды'. Критерий употребления *not many* также указывает на подлежащность вторичного актанта: (204) / *consider not many people suitable for the post* 'Я думаю, что не многие люди годятся для этой должности'.

Однако так же, как и в инфинитивных конструкциях, в малых клаузах вторичные актанты оформляются вин. п. и могут подвергаться пассивизации в составе главного предложения и выражаться рефлексивом: (205) / *consider him intelligent* 'Я думаю, что он умен'; *He is considered intelligent* 'Он считается умным'; / *consider myself intelligent* 'Я считаю себя умным'.

Итак, в некоторых классах конструкций английского языка обнаруживаются единицы, которые проявляют противоречивые свойства - одновременно подлежащего зависимой клаузы и дополнения главной клаузы.

4. Проблема универсальности подлежащего

Далеко не для всех языков можно указать на ту сумму грамматических приоритетных признаков, которая в большинстве конструкций отделяет одну ИГ от других. В таком случае можно считать, что подлежащее вообще не выделяет-

Часть 1. Синтаксическое описание

ся. Подобное явление может наблюдаться в двух случаях: либо когда приоритетные признаки принимают одно и то же значение одновременно для нескольких (или даже для всех) ИГ-актантов в клаузе, либо когда не ориентированные на роли приоритетные признаки не согласованы между собой.

Первое имеет место, например, в некоторых восточно-кавказских языках, где приоритетные признаки не выделяют одну ИГ из нескольких актантов (чирагский диалект даргинского языка, Дагестан): (206) а. *it-e sej iXib* 'Он(-ЭРГ) себя(Ном) сберег'; б. *it ci-ne HXib* — то же, букв.: 'Его(Ном) сам(-ЭРГХ) сберег'. Признак контроля рефлексивного местоимения не закреплен за каким-то одним актантом и может характеризовать как агенс, так и пациент [Кибрик 1979а (1992); Лютикова 1999]. Пример второй ситуации представляет, например, папуасский язык йимас [Foley 1993].

В сванском языке (картвельская семья, Грузия) многие приоритетные признаки принимают одинаковое значение не только для актантов, но и для некоторых сирконстантных ИГ. Например, так выглядит признак контроля сочинительного сокращения:

(207)	<i>guram-d</i>	<i>cwadgolme</i>	<i>giw-i</i>	<i>dacwir</i>	<i>i</i>	<i>acad</i>
	Гурам-ЭРГ	обругал	Гиви-ГЕН	сестра.Ном	и	ушел
	Турам обругал	сестру	Гиви	и (он)	ушел	(она ушла)!

Предложение (207) имеет три значения: референция сокращенной ИГ может определяться не только по агенсу ('Турам ушел'), и по пациенту ('сестра ушла'), но и по посессивному определению ('Гиви ушел').

Рекомендуемая литература

О теории и типологии подлежащего см. в первую очередь работы [Кинэн 1982 (1976; первый опыт «многофакторного» определения подлежащего исходя из набора признаков грамматического приоритета); Конзинский 1983; Кибрик 1979а (1992); Бондарко (ред.) 1992 (соответствующий раздел написан В.Б. Касевичем); Faarlund 1988; Foley 1993; Kibrik 1997]. Проблемам синтаксических отношений, прежде всего понятиям подлежащего и дополнений различного ранга, почти полностью посвящен 11-й выпуск «Нового в зарубежной лингвистике» [Кибрик (ред.) 1982а]; по этой же теме см. монографии [Croft 1991; Bhat 1991].

Проблема теории и типологии подлежащего — одна из центральных в «реляционной грамматике» (Relational Grammar) П. Перлмуттера и

Глава VI. Подлежащее

XI. Постала. Получить достаточно полное представление об этой теории можно по [Кибрик (ред.) 1982a]. Из последующих работ в первую очередь заслуживают внимание три тома «Исследований по реляционной грамматике» [Perlmutter (ed.) 1983; Perlmutter, Rosen (eds.) 1984; Postal, Joseph (eds.) 1990]; дискуссия в связи с проблемами, поднятыми в реляционной грамматике, отражена в [Cole, Sadock (eds.) 1977]. Блестящий анализ языка, в котором подлежащее не может быть определено на основании падежных или согласовательных признаков, в теоретических рамках реляционной грамматики можно найти в «Грузинском синтаксисе» Э. Хэррис [Harris 1981]. Лучшее монографическое исследование подлежащего в славянском (польском) языке с позиций реляционной грамматики — [Dziwirek 1994]. Подход к проблемам грамматических отношений в лексико-функциональной грамматике отражен в сборнике [Bresnan (ed.) 1982]; различные теоретические направления представлены в [Dziwirek et al. (eds.) 1990; Burgess et al. (eds.) 1995]. Специально подлежащему посвящен сборник [Yaguello (ed.) 1994].

Анализ признаков подлежащего в русском языке был впервые принят в опередившей свое время работе В.Н. Сидорова и И.С. Ильинской [1949]. О подлежащем в русском языке, кроме уже упомянутой работы И.Ш. Козинского, см. [Шмелев 1976; Кокорина 1979; Nichols et al. 1980; Neidle 1988]; особенно много работ посвящено неканоническому подлежащему в дат. п. - [Franks, Greenberg 1988; Kondrashova 1994; Komar 1999; Moore, Perlmutter 2000, Schoorlemmer 1994]. Наиболее значительные работы о подлежащем в английском языке - [Partee 1979; Postal 1974]; свойства подлежащего в английском весьма подробно рассмотрены в учебниках [Radford 1988; Napoli 1993]. Малым клаузам посвящен сборник [Cardinaletti, Guasti (eds.) 1995].

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Синтаксические отношения между словами и группами выражаются с помощью селективных признаков, морфологической зависимости и порядка слов (п. 1). Селективные признаки лексем, прежде всего признаки частей речи, а также более дробные (субкатегориальные) признаки, содержат информацию об иерархической структуре предложения (п. 2). Разновидностями морфологической зависимости являются согласование, управление и конгруэнтность. Согласование и управление, которые традиционно рассматриваются как отношения между словами, более адекватно могут быть представлены как отношения между словами и группами (фразовыми категориями). Подавляющее большинство явлений согласования в языках мира относятся к типу локального согласования («на небольшом расстоянии»), хотя отмечаются и некоторые исключения (п. 3). Выражение синтаксических отношений между словами и группами с помощью порядка слов предлагается называть примыканием. Это более широкое понимание примыкания, чем то, которое принято традиционно (п. 4).

1. Как выражаются синтаксические отношения?

В главах I и II рассматривались два альтернативных способа представления иерархических отношений в синтаксисе — с помощью понятий зависимости и доминации. В терминах этих отношений можно успешно описать многие грамматические факты и сформулировать некоторые важные общие закономерности строения предложения. Интересно, что при этом не обнаружилось никаких специальных показателей — служебных слов или грамматических категорий, которые бы обозначали только отношения зависимости или доминации¹. В языках трудно найти такие формальные средства (падежи, служебные слова, порядок слов, интона-

В письменной речи есть специальные знаки препинания, такие, как точка, запятая, скобки и т. п., которые обычно маркируют границы между составляющими, например, между предложениями. Однако знаки препинания маркируют не все границы между составляющими и не только эти границы. Не будем также забывать, что они появились в письменной речи сравнительно поздно, и правила их употребления - результат аналитической работы лингвистов, работы, частично сходной с той, которая была показана в главах I и II.

ционные схемы и т. д.), которые обозначали бы синтаксические отношения и ничего больше. Это может показаться странным — ведь более традиционные синтаксические понятия нередко определяются в терминах грамматических форм (например, говорится, что прямое дополнение — это то, что стоит в вин. п.).

Почему нет, например, таких показателей, которые обозначали бы всегда и только отношение зависимости между словами или употреблялись бы так же, как скобки в структурах составляющих? Предположим, что такие показатели существуют в некотором языке. При этом они неизбежно оказываются служебными морфемами с очень широкой дистрибуцией, т. е. попадают в класс частиц. В таком случае словосочетание (1) *дом моих родителей* выглядит так (при единообразном обозначении зависимостей): (Г) *дом* + частица + *моих* + частица + *родителей* или так (при единообразном обозначении границ между составляющими): (1") *частица* + *дом* + частица + *моих родителей* + частица + частица. Можно было бы применять разные частицы для обозначения направления зависимостей, для правой и левой скобок и т. д.

Совершенно очевидно, что такие частицы сами оказались бы в отношениях зависимости и доминации с другими элементами предложения (достаточно вспомнить способы выявления этих отношений, описанные в главах I и II). Чтобы единообразно выразить эти отношения, потребовалась бы новые частицы и т. д. до бесконечности.

Вместе с отношениями зависимости или доминации почти всегда выражаются еще какие-то отношения. Например, им. п. существительного может одновременно обозначать: 1) отношение зависимости между этим существительным и его вершиной — глаголом-сказуемым, например (2) *Снег* + *идет*, и 2) определенный тип такой зависимости — подлежащее. Если синтаксические отношения не могут обозначаться отдельно от слов, вступающих в эти отношения, то остается предположить, что они выражаются в самих словах, в их линейном порядке и в просодических средствах (например, акценте и интонации) «очень сложным и громоздким способом, поскольку не существует взаимно-однозначного соответствия между используемыми синтаксическими средствами и обозначаемыми синтаксическими отношениями» [Mel'cuk, Pertsov 1987: 53].

Рассмотрим для начала пример (3) у *высокого дерева*. Используя методы, обрисованные в предыдущих главах, не трудно установить структуру зависимостей (3') и структуру составляющих (3''):

Часть 1. Синтаксическое описание

(3') у высок-ого дерев-а
(3'') [у [высок-ого [дерев-а]]]

(3'') [у /высок-ого /дерев-а/]]

Про какие из этих языковых единиц можно сказать, что они обозначают синтаксические отношения?

Сначала обратим внимание на селективные признаки лексем. Предлог *у* всегда, в каком бы контексте он ни выступал, является вершиной, и его зависимое - всегда существительное или, в терминах составляющих, ИГ. *Высокий* - прилагательное, и это значит, что *у* него может быть вершина-существительное. Из того, что слово *дерево* является существительным, следует, что оно возглавляет ИГ и соответственно может присоединять зависимые-определения.

Можно ли считать, что селективные признаки слов выражают синтаксические отношения? Да, потому что селективный признак слова (например, записанный в виде столбца модели управления), не только содержит сведения о синтаксически связанном слове или группе, но и указывает на тот фрагмент синтаксической структуры, в котором данный признак должен быть реализован. Например, предлог *у* обладает селективным признаком на ИГ в род. п., в котором также содержится указание на то, что (в терминах зависимостей) вершина ИГ должна быть зависимой предлога или (в терминах составляющих) что ИГ должна быть непосредственно вложена в ПГ, возглавляемую предлогом.

Информацию о синтаксической структуре можно извлечь также из морфологических признаков, т. е. тех **граммем** (= значений грамматических категорий), в которых выступают словоформы. Однако морфологические категории не обозначают синтаксических отношений непосредственно. Падеж существительного *дерев-а* в (3) однозначно не указывает на его вершину. Этой вершиной мог бы быть, например, не предлог *у*, а существительное (*листья дерева*). Чтобы убедиться в том, что вершиной является предлог *у*, мы выясняем, что *у* требует именно род. п. зависимого существительного, иначе говоря, **управляет** существительным (или ИГ) в родительном (а не, скажем, в предложном) падеже.

Прилагательное *высок-ого* и его вершина - существительное *дерев-а* — оба стоят в одном и том же (родительном) падеже и в одном и том же (единственном) числе. Тот факт, что словоформа некоторого прилагательного и словоформа

некоторого существительного имеют одну и ту же граммему категорий падежа и числа, еще ничего не говорит о том, есть ли между ними синтаксическое отношение, и если есть, то какое именно. Важно, что прилагательное и существительное в (3) не могут различаться этими граммемами. Если в (3) заменить числовую форму существительного с ед. ч. на мн. ч., то придется, чтобы выражение не стало неправильным, заменить также числовую форму прилагательного. Если изменить в (3) падеж одного из слов, то следует изменить и падеж второго слова, иначе получится: **высок-ое дерев-а, *высок-ого дерев-у* и т. д. Кроме того, существительное *дерево* — среднего рода, и прилагательное, являющееся его зависимым, должно также принимать граммему среднего рода (**высок-ой дерев-а*). Обязательное совпадение или соответствие граммем у некоторых слов называется **согласованием**. Согласование и управление — два разных вида **морфологической зависимости** между словами, а морфологическая зависимость обычно сопровождается синтаксической зависимостью. Однако, например, род и число личного местоимения 3-го л. регулярно совпадает с родом и числом его антецедента, даже если антецедент отделен от него несколькими предложениями:

(4) *Варвара Петровна* сначала молчала минуты три, что-то как бы отыскивая на столе; но вдруг обернулась к Степану Трофимовичу и, бледная, со сверкающими глазами, прощедила шепотом:

— Я вам этого никогда не забуду!

На другой день она встретилась со своим другом как ни в чем не бывало; о случившемся никогда не поминала (Достоевский, «Бесы»).

Женский род и единственное число местоимения *она* в (4) регулярным образом определяются свойствами антецедента *Варвара Петровна*, хотя о синтаксической зависимости между ними, даже опосредованной, не может быть и речи. Такая отдаленная и явно не имеющая отношения к грамматике, хотя и достаточно регулярная, зависимость традиционно считалась разновидностью согласования. Однако И.А. Мельчук [1993; 2000: 308-309] вполне оправданно отделяет ее от согласования и называет **конгруэнтностью**.

Наконец, мы знаем, что представленный в (3) предлог *У*, как и почти всякий предлог в русском языке, обязательно предшествует своему зависимому слову и непосредственно

Часть 1. Синтаксическое описание

предшествует зависимой ИГ, что и наблюдается в (3). Это один из немногих случаев в русской грамматике, когда синтаксическое отношение задает единственно возможный порядок слов. В английском или французском языках таких случаев гораздо больше, например, вершина-глагол обязательно предшествует своему зависимому-дополнению и т. п.

Рассмотрим теперь подробнее эти три главных средства выражения синтаксических отношений — селективные признаки, морфологическую зависимость и порядок слов.

2. Селективные признаки

Грамматические классы лексем устанавливаются, во-первых, на основе их значений (например, глаголы делятся на глаголы действия и глаголы состояния, существительные — на одушевленные и неодушевленные и т. п.), а во-вторых, на основе формальных признаков, которые лишь частично коррелируют с семантическими (например, переходность или род) либо вообще не имеют никакой семантической мотивации (например, типы склонения и спряжения во многих индоевропейских языках). Наиболее важна для синтаксиса классификация лексем по частям речи: чтобы из лексем могли быть построены правильные предложения, они должны быть в словаре охарактеризованы частеречными или, как их еще называют, **категориальными** признаками — существительное, глагол, предлог, частица и т. д.

Грамматические признаки устанавливающие более дробную классификацию внутри частей речи, называются **субкатегориальными**. Например, субкатегориальным является признак одушевленности для существительных, так как в русском языке он в некоторых случаях определяет форму самого существительного или его зависимых, ср. *вижу большие деревья* (/**больших деревьев*) — *вижу больших лошадей* (/**большие лошади*), а также обуславливает сочетаемость, например, глаголы *убивать*, *льстить*, *воспитывать* в своих основных значениях требуют одушевленных дополнений, а глаголы *копать*, *чинить*, *складывать* — неодушевленных.

Всякая часть речи может выступать в ограниченном множестве конструкций; более того, часть речи однозначно устанавливает тип конструкции (т. е. фразовую категорию),

вершиной которой она является. Так, предлог всегда возглавляет предложную группу, глагол - клаузу (или глагольную группу), прилагательное — группу прилагательного и т. д.

Кроме того, лексема определяет тип конструкции и более детальным образом вследствие того, что обладает субкатегориальными селективными признаками. Например, все глаголы возглавляют клаузы, но переходные глаголы требуют конструкции с прямым дополнением (*кто строит что*),而不^{не} переходные глаголы - конструкции без прямого дополнения (*кто спит*), а косвенно-переходные глаголы присоединяют косвенное дополнение (*кто подчиняется кому*), в двойне переходные (= битранзитивные) глаголы употребляются одновременно с прямым и косвенным дополнениями (*кто показывает что кому*) и т. д.

Существительные по селективным субкатегориальным признакам можно разделить на такие, которые обычно выступают с зависимой ИГ в родительном падеже или в другой форме притяжательного определения — (5) *чья вершина, чей помощник, чья сестра, чей бок, чей выпад* и т. д., и на такие, которые почти никогда не имеют такой зависимой ИГ — (6) *школьник, американец, кислород, снег, ящерица* и т. п.

Очевидно, что различие субкатегориальных признаков прямо связано с семантикой слов. Например, переходные глаголы обычно выражают действия с пациентом, а существительные, требующие притяжательного определения, обычно обладают соответствующим партиципантом. Существительные типа (5) называются **относительными** (= **релятивными**) именами. Однако было бы ошибкой считать, что все субкатегориальные признаки семантически мотивированы, ср. близкие по значению пары глаголов *презирать* и *гнушаться, восхвалять* и *льстить*, у которых модели управления не совпадают, или синонимичные немецкие глаголы *treffen* и *begegnen* 'встречать', из которых первый переходный, а второй — нет (управляет косвенным дополнением в дат. п.).

ИГ в род. п. обычно употребляется вместе с некоторым существительным, зависимым которого она является: *дом* [иг мо-его отц-а], *восход* [иг полн-ой лун-ы], *решение* [иг судьи-и Петров-а] и т. д. В этом смысле можно сказать, что у самой граммемы род. п. есть, как и у лексем, своя «модель управления», предусматривающая, как минимум, два синтаксически связанных элемента — зависимое (основа, к которой присоединяется аффикс род. п.) и вершину-существительное.

Часть 1. Синтаксическое описание

Граммемы некоторых других морфологических категорий также задают определенные синтаксические конструкции. Например, граммема сравнительной степени прилагательного предусматривает, что у такого прилагательного есть зависимый сравнительный оборот или ИГ в генитиве: *красив-ев Наташи; красив-ее, нем Наташа*. В таком случае можно говорить о **граммемной валентности**. (Некоторые важные случаи граммемной валентности будут рассмотрены в главе VIII 7.2).

Слово чаще всего имеет валентность не на одно слово, а на целую группу - фразовую категорию, например, ИГ или клаузу. Если такая категория возглавлена экзоцентрической вершиной (союзом или предлогом), может быть так, что один определенный предлог или союз может выступать при данном слове, например, «управление предлогами» *настаивать на, зависеть от, любовь к* [Мельчук 1993: 21].

Имеется два логически возможных вида соотношения между направлением семантических и синтаксических валентностей. Семантическая валентность соответствует либо активной синтаксической валентности (7) *Дом стоит, Роза красная, Гулять — весело*, либо пассивной валентности (8) *стоящий дом, красная роза, весело гулять*. В (7) предикат является вершиной семантического актанта, в (8) семантический актант - вершина предикатного слова. Первый случай называется нексусом, второй — юнкцией.

Не ко всякой нексусной конструкции можно подобрать соответствующую юнктивную, которая бы обозначала ту же ситуацию. Например, юнктивно не выражаются значения предлогов или союзов, а также близких к ним по значению наречий: (9) *под окном; справа от дороги; вследствие травмы потому что испугался* и т. п., сентенциальных актантов матричных глаголов (*хотеть, начинать* и т. п.). Не всякая юнктивная конструкция имеет синонимичное соответствие в виде нексусной: в нексусной конструкции, например, не употребляются прилагательные *самый, (так) называемый, пресловутый*, англ. *former 'бывший'* и др.

Синтаксическая связь иногда одинаково внешне выражается и при нексусе, и при юнкции. Так, *книга отца* - пример юнкции (значение предиката принадлежности выражается в генитиве), а *приход отца* — пример нексуса (вершиной является предикатное слово *приход*).

Таким образом, синтаксическая структура предложения в значительной степени может быть установлена по селективным признакам входящих в него лексем.

3. Морфологическая зависимость

Рассмотрим подробнее, что представляет собой морфологическая зависимость и в каких случаях она является средством выражения синтаксической зависимости. В п. 1 уже говорилось о том, что грамматическая форма, выражающая синтаксическую зависимость, кроме самого факта наличия зависимости, обязательно передает еще какое-то значение. Например, род. п. может обозначать принадлежность:

(10) [_{иг} *дом* [_{иг} *моих родителей*]]]

и одновременно — синтаксическое отношение зависимости между словом *дом* и словом *родителей*, ИЛИ, В терминах составляющих, тот факт, что одна ИГ (10') [_{иг} *моих родителей*] вложена в другую ИГ (10).

Синтаксическое отношение выражается здесь морфологической зависимостью между словами *дом* и *родителей*, а именно тем, что слово *дом* управляет словом *родителей* (или, в терминах составляющих, именной группой [*моих родителей*]).

Местоимение-прилагательное *моих* в (10) имеет форму мн. ч. и род. п., и эти граммемы должны совпадать с граммемами числа и падежа вершинного существительного *родителей*, т. е. между этими двумя словами наблюдается согласование в числе и падеже. Будем говорить, что и в таких случаях, когда форма одного слова «требует» определенной формы другого, тоже имеет место морфологическая зависимость между ними. Допустим для начала, что морфологической зависимостью является некоторое отношение между Двумя словоформами, а не между словоформой и группой и не между двумя группами.

Будем говорить, что в некотором предложении словоформа W_j **морфологически зависит** от словоформы w_2 по морфологической категории С, если граммема g категории С, характеризующей w_r , выбирается в зависимости от некоторого свойства f словоформы w_2 . Словоформа w_2 называется **контролером морфологической зависимости, а w , - ее мишенью** [Мельчук 1964; 1993].

Часть 1. Синтаксическое описание

Ключевую роль в этом определении играет выражение «выбирается в зависимости от...», однако определить точнее, что оно означает, не просто.

Можно попытаться использовать дистрибутивный критерий морфологической зависимости. Будем говорить, что g **выбирается в зависимости от** f при выполнении следующих условий: 1) при замене словоформы w_2 на другую словоформу той же лексемы w_2' , которая отличается от w_2 тем, что не имеет свойства f , предложение становится неграмматичным (*большим домом* — **большим дому*, свойство f — творительный падеж); 2) если такой словоформы w_2' не существует, но существует словоформа другой лексемы w_3 , синонимичная или близкая по значению w_2 и при этом не имеющая свойства f , то при замене w_2 на w_3 предложение становится неграмматичным (*большой дом* — **большой здание*, свойство f — мужской род); 3) в обоих указанных случаях предложение можно снова сделать грамматичным, если либо убрать словоформу W_j (*дому*; *здание*), либо заменить в ней граммему g категории С на некоторую другую граммему той же категории (*большому дому*; *большое здание*).

Такой критерий помогает установить факт морфологической зависимости, но не ее направление. Иначе говоря, с его помощью невозможно отграничить контролер от мишени: предложение становится неграмматичным не только при замене контролера, но и при замене мишени — **большого домом* (*дом*). Направление морфологической зависимости в конечном счете устанавливается синтаксическими правилами: «Выражение "Х выбирается в зависимости от Y" (например, одна граммема выбирается в зависимости от другой) должно приниматься в следующем смысле: В ЛЕВОЙ ЧАСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПРАВИЛА, ВВОДЯЩЕГО X, ИМЕЕТСЯ Y» [Мельчук 1993: 20]. Определение морфологической зависимости, таким образом, содержит ссылку к грамматическому описанию языка. Нам остается надеяться на то, что, какой бы вид ни приняло описание, в левой части правила, вводящего им. п. словоформы *дом*, никогда не будет упоминаться им. п. словоформы *большой*. Апелляция к компонентам описания, которые в полном объеме не предъявлены и никогда не будут предъявлены, — принципиальный и трудно устранимый недостаток многих аналитических определений в лингвистике.

Морфологическая зависимость в силу определения имеет место по какой-то грамматической категории, хотя можно найти и регулярные зависимости между словами без участия грамматических категорий, например, обязательность отрицания в глаголе при отрицательном наречии (11) *Он никогда не поет* {/^*никогда поет*} [Мельчук 1993: 21]; впрочем, если признать, что отрицание — грамматическая категория русского глагола, то в (11) налицо морфологическая зависимость.

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

Другой пример неграмматической зависимости — «согласование» существительных и **нумеративов** (счетных слов) в конструкциях с числительными: *пятьдесят голов овец, шесть пар брюк, шестнадцать человек студентов.*

В некоторых языках это соотношение более регулярно: большая часть существительных делится на нумеративные классы (традиционно нумеративы в этих языках называются **классификаторами**), и использование нумератива в конструкции с числительными обязательно. Так, например, обстоит дело во многих языках разных семей Юго-Восточной Азии — нумератив-классификатор обычно обязателен между числительным и существительным, обозначающим исчисляемые объекты. Например, во вьетнамском языке классификатор *cdi* употребляется с вещами; *con* — при счете живых существ (обычно не людей); *cay* — при счете растений; *qua* — при счете фруктов: (12) а. ба *cdi bat* 'три чашки', букв, «три штуки чашик»; б. ба *con tёo* 'три кошки'; в. ба *cay lё* 'три груши'; г. ба *qua chudi* 'три банана', причем конструкция без классификатора становится грамматически неправильной — **ba bat*, **ba tёo...* и т. д. [Мельчук 2000: 239].

Как следует из самого определения, морфологическая зависимость между словоформами W_1 и W_2 устанавливается независимо от факта наличия между ними синтаксической зависимости. Чаще всего, однако, морфологическая зависимость между словоформами w_t и w_2 сопровождается синтаксической зависимостью. Именно таковы обе морфологические зависимости в (10).

К случаям, когда морфологическая зависимость не сопровождается синтаксической, мы обратимся ниже, а пока рассмотрим те случаи, когда морфологическая зависимость наблюдается между вершиной и зависимым. Если категория С, по которой наблюдается морфологическая зависимость, выражается в вершине, налицо **вершинное маркирование**, если же эта категория выражается в зависимой словоформе — **зависимостное маркирование**.

Так, в притяжательной конструкции с родительным падежом в русском языке (*дом отца*) налицо зависимостное маркирование, а в абхазском языке (западнокавказская семья) притяжательная конструкция выражается с помощью морфологической категории принадлежности, которая определена на существительном — вершине ИГ, а род. п. нет: *аби-аьны* 'дом отца', букв, «отец его-дом». Дж. Николе [Nichols 1986] предложила деление языков мира на два типа: языки с преобладанием вершинного маркирования и языки с преобладанием зависимостного маркирования. В абхазском языке

Часть I. Синтаксическое описание

не только ИГ, но и клаузы характеризуются вершинным маркированием: морфологическая зависимость между глаголом и существительными - вершинами актантных ИГ - наблюдается в словоизменительных категориях глагола, а не существительного:

(13)

- a. *ацкун азгаб д-лы-цхраа-ит*
мальчик девочка ЗЕД.ЛИЧ.СУБ-ЗЕД.Ж.ОБ-помогать-ПРОШ
'Мальчик помог девочке'.
- б. *азгаб ацкун д-и-цхраа-ит*
девочка мальчик ЗЕД.ЛИЧ.СУБ-ЗЕД.М.ОБ-помогать-ПРОШ
'Девочка помогла мальчику'.
- в. *амшэ азгаб и-лы-цхраа-ит*
медведь девочка ЗЕД.НЕЛИЧ.СУБ-ЗЕД.Ж.ОБ-помогать-ПРОШ
'Медведь помог девочке'.

В абхазском языке существительные не изменяются по синтаксическим падежам, и морфологическая зависимость их с глаголом осуществляется только посредством сложной системы глагольного согласования. В (13) глагол согласуется с подлежащим посредством показателей *д-* (личность) и *и-* (неличность), а с косвенным дополнением — посредством показателей *-лы-* (женщины) и *-и-* (мужчины).

Лезгинский язык (восточнокавказская семья, Дагестан), наоборот, характеризуется, последовательно зависимостным маркированием: так, значения типа 'дом отца' в нем выражаются, как и в русском языке, с помощью род. п.: *буба-ди-н кIвал* 'отца(-КОСВ-ГЕН) дом'. Рассмотрим теперь три предложения, аналогичные (13):

- (14)
- а. *Гадади руша-з куьмек-на*
мальчик. ЭРГ девочка-ДАТ помочь-ПРОШ
'Мальчик помог девочке'.
 - б. *Руша гадади-з куьмек-на*
девочка. ЭРГ мальчик-ДАТ помочь-ПРОШ
'Девочка помогла мальчику'.
 - в. *Севре руша-з куьмек-на*
медведь. ЭРГ девочка-ДАТ помочь-ПРОШ
'Медведь помог девочке'.

Морфологическая зависимость между глаголом и его актантами в лезгинском языке выражается только в актантах, которые принимают различные граммемы падежей.

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

Никакого согласования глагола-сказуемого с актантами нет.

Русский язык — в основном язык зависимостного маркирования, но в этом отношении он не так последователен, как лезгинский. В русском языке наблюдается не только морфологическая зависимость между актантами и глаголом, выраженная в актантах (падеж), но и морфологическая зависимость между одним из актантов и глаголом, которая выражена в глаголе (согласование в лице, числе и роде с подлежащим). То же верно для большинства индоевропейских языков.

Есть и такие языки, в которых приблизительно в равной степени наблюдается как вершинное, так и зависимостное маркирование. Например, в литературном арабском языке посессивные определения вступают одновременно в два отношения морфологической зависимости с вершинным существительным: во-первых, это обычный падеж (маркирование зависимого в род. п.), и, во-вторых, различные формы определяемого существительного в зависимости от того, есть ли при нем посессивное определение (вершинное маркирование). В семитологии последняя категория называется **состоянием**, или **статусом**. При отсутствии посессивного определения существительное выступает в **независимом** состоянии (*status absolutus*), а при его наличии - в **сопряженном** состоянии (*status constructus*): (15) а. *kitab-in* 'книга(-НЕ-ЗАВ.НОМУ'; б. *kitab-i Jr-ragul-i* 'книга(-СОПР.НОМ) (ОПР-) человека(-ГЕН)'. Столь же «двусторонней» оказывается и морфологическая зависимость глагола и его актантов: подлежащее, как и в русском языке, одновременно управляет сказуемым (получая форму им. п.) и определяет согласование в нем по лицу, числу и роду: (16) а. *daxal-a t-talib-i* 'вошел(-ЗЕД.М.СУБ.) (ОПР-)студент(-НОМ)'; б. *daxal-at t-talibat-i* 'вошла(-ЗЕД.Ж.СУБ) (ОПР-)студентка(-НОМ)'; в. *daxal-ta 'anta* 'вошел(-2ЕД.М.СУБ) ты'.

Рассмотрим последовательно три вида морфологической зависимости — согласование, конгруэнтность и управление. Самым многообразным и сложным из них является согласование.

4. Согласование и конгруэнтность

4.1. Простые случаи

Рассмотрим следующие четыре случая согласования в русском языке:

I. согласование полных прилагательных (включая причастия и прилагательные-местоимения) с существительным в числе и падеже: *широк-ая рек-а — широк-ую рек-у — широк-ие рек-и*;

II. согласование сказуемого с подлежащим в числе: *я приид-у — мы приид-ем; он пришел — они приишл-и; девушка красиив-а — девушки красиив-ы*;

III. согласование полного прилагательного с существительным в роде: *широк-ая река — широк-ий мост*;

IV. согласование сказуемого с подлежащим в лице (у глаголов в настоящем и будущем времени) и в роде (у глаголов в прошедшем времени и кратких прилагательных): *я приид-у — ты приид-ешь; она приишл-а — он пришел; он зол — она зл-а*.

Различия между этими четырьмя типами согласования очень важны. Перечислим их.

Различны по своим свойствам грамматические категории, по которым происходит согласование. Категории лица и рода являются словарно фиксированными для существительных — существительное не меняет значений категорий лица и рода. Такие категории называются **(слово)классифицирующими**, или **стабильными**. Категории числа и падежа не фиксируются для существительных словарно — одна и та же лексема-существительное может выступать в разных числах и падежах. Такие категории называются **словоизменительными**, или **текущими**. В I и II типах представлены текущие категории — число и падеж, во III и IV типах стабильные — лицо и род.

Согласование юнктического типа (I и III) происходит в пределах и м е н н о й группы (между ее вершиной и зависимыми), согласование некуссного типа (II и IV) - в пределах финитной клаузы (между подлежащим и сказуемым); первую разновидность можно назвать **именным**, а вторую - **сентенциальным** согласованием.

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

В юнктичном типе (I и III) контролер согласования является вершиной, а мишень — зависимым; в некусном типе (П и ГУ), наоборот, контролер согласования — зависимое, а мишень — вершина.

Между типами I — IV, кроме различий, наблюдаются и некоторые сходства:

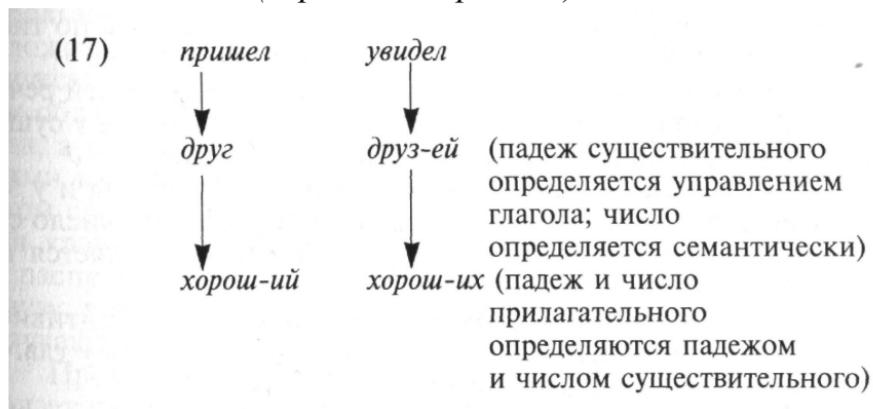
1) во всех них согласование происходит между словами, связанными синтаксической связью;

2) во всех них требуется, чтобы значения одноименных грамматических категорий у согласуемых слов совпадали.

4.2. Согласование в зеркале зависимостей

Продолжим рассматривать согласование как определенную связь между граммемами морфологических категорий словоформ, связанных отношениями синтаксической зависимости.

Начнем с типа I. Слова, между которыми происходит согласование по текущим категориям числа и падежа *хороший друг — хорои-их друг-ей*, не «равноправны»: в каждой паре имеются контролер — вершина (*друг, друг-ей*), а мишень — зависимое (*хорои-ий, хорои-их*).

То, что мы называем в (17) падежом и числом применительно к существительному и то, что мы называем теми же словами применительно к прилагательному, различаются по следующим признакам:

1) по частям речи, на которых эти категории определяются;

2) по морфологической форме — у прилагательных в русском языке тип склонения, отличный от типов склонения существительного;

3) по правилу выбора - падеж существительного определяется синтаксическим отношением с его вершиной (хозяином), чаще всего - управлением, как в (17), а число существительного обычно определяется семантически; падеж и число прилагательного определяются по падежу и числу существительного.

Таким образом, категории падежа и числа, по которым происходит согласование, хотя и называются одинаково - падеж (число) прилагательного, падеж (число) существительного, на самом деле неодинаковы. Получается, что не только стабильные, но и текущие категории у существительных и прилагательных различны. Поэтому исследователь, использующий структуру зависимостей, вынужден разграничивать «субстантивные» (= свойственные существительному) и «адъективные» (= свойственные прилагательному) падеж и число [Мельчук 1993: 25; 1998: 351-352].

Обратимся теперь к типу II - согласованию по текущей категории числа между подлежащим и сказуемым: (18) *цветок увял* — *цвет-ы увял-и*. Здесь, в отличие от (17), вершина выбирает значение числа своего зависимого, а не зависимое - вершины. В (18) наблюдаются сходные по типу с (17) различия в морфологической категории числа:

1) обе категории определяются для разных частей речи;

2) морфологические формы числа различаются у существительных, глаголов и кратких прилагательных;

3) правила выбора числовой формы у вершины и у зависимого различны по типу — зависимое выбирает число семантически, а граммема числа у вершины определяется по граммеме числа у зависимого.

Следовательно, требуется различать «субстантивное число» у существительных и «предикативное число» у глаголов и кратких прилагательных.

Ясно, кроме того, что в типах III и IV стабильные категории лица и рода у существительных отличаются от текущих категорий лица и рода у прилагательных и глаголов еще значительно, чем только что рассмотренные одноименные текущие категории в типах I и II. Стабильная категория вообще никак внешне не реализуется, и при этом ее значение лексически закреплено; текущая категория выражается

внешне с помощью аффиксов, и ее значение лексически не закреплено.

Итак, рассматривая согласование как взаимодействие между словоформами, связанными отношениями зависимости, мы приходим к следующему мало вдохновляющему результату: должны быть выделены три отдельные категории числа и три — рода (субстантивные, адъективные и предикативные), две — лица (субстантивное и предикативное) и две — падежа (субстантивный и адъективный).

Такой результат интуитивно неудовлетворителен: нам все-таки кажется, что согласование — это уподобление грамматических характеристик синтаксически связанных слов, что-то вроде ассимиляции или сингармонизма в фонетике², а не этот странный маскарад, наблюдаемый в структуре зависимостей — выбор граммемы x категории С для слова w_1 , по необъяснимой причине обусловлен тем, что синтаксически связанное слово w_2 обладает граммемой y , принадлежащей другой категории D !

4.3. Согласование в зеркале составляющих

Исследуем теперь другую возможность, связанную с использованием структуры составляющих. Нельзя ли предположить, что согласовательные категории являются синтаксическими, т. е. в случае именного согласования ИГ в целом обладает синтаксическими категориями падежа, числа и рода, а в случае сентенциального согласования синтаксическими категориями лица, числа и рода обладает клауз? В таком случае контролер будет пониматься как та составляющая клаузы (подлежащее) или ИГ (вершина), которая как бы распространяет граммему своей категории на всю ИГ или клаузу, в результате чего некоторые другие их составляющие получают ту же граммему через механизм согласования.

Прежде всего обратим внимание на то, что падеж обозначает синтаксическую роль не существительного, а фразовой категории — ИГ, которую возглавляет существитель-

Эту интуицию хорошо выражает определение согласования, предложенное В.А. Белошапковой: «соотнесенность форм главного и зависимого компонентов словосочетания, которая проявляется в том, что зависимый компонент уподобляется главному в одноименных формах» [Белошапкова (ред.) 1989: 559].

ное: например, им. п. может указывать, что эта ИГ является подлежащим, род. п. — что она непосредственно доминируется другой ИГ, и т. д. В отличие от такой морфологической категории, как состояние или изафет (см. ниже), которые характеризуют именно вершину-существительное, синтаксические падежи обозначают синтаксическую функцию всей ИГ, а не отдельных существительных в ее составе: подлежащее, именная часть сказуемого, дополнения, посессивное определение — все это роли ИГ, выполнять которые отдельные существительные неспособны (иллюзия такой способности возникает только тогда, когда ИГ представлена одним существительным). Во многих языках падеж оформляет ИГ (в том числе сочиненную) в целом, а не отдельные ее элементы. Например, в турецком языке сочетание существительного с определением склоняется так (для наглядности правая граница ИГ проставлена левее ее падежного аффикса): (19) а. иг *[buuyiik ev]-0* 'большой дом', им. п.; б. иг *[biyyiik ev]-in* 'большого дома', род. п.; в. иг *[biyyiik ev]-e* 'в большой дом' и т. д.

Если существительное, а не ИГ является, например, подлежащим, то придется признать, что в случае с ИГ, включающей приложение, типа [иг Юный град, /Полнощных стран краса и диво/ Из тьмы лесов, из топи болот / Вознесся (Пушкин, «Медный всадник») либо налицо три подлежащих (град, краса и диво) в одной клаузе, либо надо считать, что подлежащее одно, но какое-то из трех существительных (какое именно?) может в определенных условиях согласоваться с другим в падеже. Это означает, что наряду с субстантивным падежом надо будет выделять у существительных также согласуемый падеж типа адъективного падежа [Mel'cuk 1986; Мельчук 1998: 344]. Точно так же для прилагательных, используемых как существительные (Желтые не годятся), потребуется вводить, наряду с адъективными, субстантивные падеж и число. При сочиненном подлежащем достаточно очевидно, что согласование в числе происходит не с существительными, а с сочиненной ИГ в целом: (20) [ИГ_{мн. ч.} [иг_{ед. ч.} Sаша] и [иг_{ед. ч.} Лена] оба] лингвисты. Ясно, что ни одна из сочиненных ИГ в (20) по отдельности не обладает признаком множественного числа. Множественным числом обладает лишь объединяющая их ИГ, причем она получает этот признак по особому правилу, которое «вычисляет» грамматическое значение сочиненной ИГ по значениям входящих в нее конъюнктов.

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

Сходная проблема возникает и с согласованием прилагательных: *субстантивные падежи и число, опоздавшие Лена с Сашей*. Здесь также понятно, что вся ИГ обладает значением множественного числа (*субстантивные падежи и число характеризуются...*). Как и в (20), нет такого существительного-вершины, которое бы имело морфологическую форму множественного числа. Множественное число ИГ определяется по особому правилу, которое учитывает сочинение двух вершин.

Существуют также условия, при которых прилагательное не может совпадать по числу с существительным и с ИГ в целом: (21) *красный и зелёный фонари*. Для (21) естественно предполагать, что прилагательные согласуются не по отдельности (в таком случае форма ед. ч. необъяснима), а только в составе сочиненной группы прилагательного, которая в (21) имеет значение мн. числа: (21') [Прил мнч [приледч. *красный*] и [приледч. *зелёный*]] *фонари*.

Такие согласовательные категории, как число или определенность, характеризуют некоторый референт. Носителем референта, как мы уже видели в главе II 4.1, является ИГ, а существительное чаще всего обладает лишь множеством потенциальных референтов - интенсионалом. Согласование по определенности в немецкой ИГ показывает, что приписывать значение определенности ИГ в целом, а не только каким-то ее элементам предпочтительней как по со-держательным, так и по формальным соображениям. В немецком языке значительная часть существительных не изменяется по падежам, но их падеж может быть виден по форме зависимых элементов - детерминаторов (артикль, указательных и притяжательных местоимений) и прилагательных. Более того, имеется зависимость «сильной» или «слабой» формы прилагательного от типа детерминатора:

(22)

a.	<i>ein</i> АРТ.НЕОПР.М	<i>schön-er</i> красивый- М.ЕД.НОМ.СИЛЬН	<i>Baum</i> дерево (М)ЕД.НОМ
‘красивое дерево’ (неопред.)			
b.	<i>der</i> АРТ.ОПР.М	<i>schön-e</i> красивый-.М.ЕД.НОМ.СЛАБ	<i>Baum</i> дерево (М)ЕД.НОМ
‘красивое дерево’ (определ.)			

Часть 1. Синтаксическое описание

v.	<i>ein</i>	<i>schon-es</i>	<i>Bild</i>
	АРТ.НЕОПР.СР	красивый-	картина
		СР.ЕД.НОМ.СИЛЬН	(СР)ЕД.НОМ
	'красивая картина'	(неопредел.)	
г.	<i>das</i>	<i>schon-e</i>	<i>Bild</i>
	АРТ.ОПР.СР	красивый-	картина
		СР.ЕД.НОМ.СЛАБ	(СР)ЕД.НОМ
	'красивая картина'	(определ.)	

Понятно, что «определенность» и «неопределенность» является стабильным признаком артикля и в результате согласования распространяется на всю ИГ, обозначая статус ее референта. Строго говоря, сам артикль не может быть ни определенным, ни неопределенным, он может лишь указывать на (не)определенность другой грамматической единицы, в состав которой он входит — ИГ.

И.А. Мельчук [1993: 52] бегло обсуждает две возможности трактовки этих фактов в терминах морфологической зависимости. Одна трактовка отражает традиционный взгляд: прилагательное в немецком языке с огласовкой с детерминатором в роде, числе и падеже и при этом управляемое детерминатором по категории «тип склонения» (сильное — смышанное - слабое). Трактовка, предложенная В.А. Плунгяном, заключается в том, что прилагательные согласуются с детерминаторами по определенности. При этом детерминаторы образуют два согласовательных класса - определенный и неопределенный, и приходится, естественно, постулировать еще особую текущую грамматическую категорию определенности для прилагательных. Выбор между описанием через согласование или через управление зависит от того, как будет определен состав морфологических категорий у немецких слов разных частей речи.

Если принять, что (не)определенной является ИГ в целом, а контролер согласования по этому признаку — детерминатор, схоластическая проблема состава категорий морфологической зависимости утрачивает интерес: в принципе любая составляющая ИГ может быть маркирована по признаку, присущему ИГ в целом.

В немецком языке само существительное может не проявлять падежных различий, при том что они проявляются в зависимых словах (еще один аргумент в пользу того, что падеж - признак не существительного, а ИГ). На это можно возразить, что часть немецких существительных все же различает формы падежей (*Student* 'студент', им. п. " *Student-en* род., дат., вин. п.), и в соответствии с традиционной практикой выделения падежей эти различия переносят-

Глава VII Способы выражения синтаксических отношений

ся и на неизменяемые слова. Однако, например, в памирских языках существительные вообще не имеют словоизменительных категорий падежа (и рода), и значения этих категорий определяются только по форме детерминаторов. Пример из шугнанского языка:

(23)

- a. [иг yat *ti* *oχnō*] *yat*
этот.ПРЯМ мой друг приходить.ПРОШ
'Этот мой друг пришел'
- b. [иг mi *ti* *oχnō*] *yand* *kitō b* *yast*
этот.КОСВ мой друг у книга быть.НАСТ
'У этого моего друга есть книга'.

Только указательное местоимение в составе ИГ способно различать формы прямого (23а) и косвенного (23б) падежей. Означает ли это, что детерминаторы согласуются с существительными в падеже? Здесь еще более наглядно, чем в немецком, проявляется тот факт, что если вся ИГ обладает признаком падежа, ни для одного ее элемента по отдельности, вообще говоря, не обязательно обладать этим признаком.

В венгерском языке глагол различает определенную («объектную») форму, если его прямое дополнение является определенным, и неопределенную («безобъектную») форму, если прямое дополнение неопределенное. Таким образом, глагол согласуется со своим дополнением по категории определенности. Однако существительное - вершина ИГ дополнения морфологическим признаком определенности не обладает (если только оно не имя собственное). ИГ дополнения являются определенными при наличии в них определенного артикля:

(24)

- a. *Egy* *könyv-et* *lát*
АРТ.НЕОПР книга-АКК видит.3ЕД.НЕОПР
'Он видит (какую-то) книгу (a book)';
- b. *Az* *a* *könyv-et* *lát-ja*
эта АРТ.ОПР книга-АКК видит-3ЕД.ОПР
'Он видит эту книгу (this book)'.

Если рассматривать согласование как отношение только между словоформами, то приходится принять, что здесь «существенное свойство контролера заключается в наличии У него некоторого синтаксического зависимого» [Мельчук

1993: 24]. Но как по формальным, так и по содержательным соображениям естественней предположить, что контролером согласования по определенности с глаголом является ИГ прямого дополнения в целом, а внутри ИГ - artikel как носитель стабильной категории определенности.

В цахурском языке (восточнокавказская семья, Дагестан и Азербайджан) частица с присоединительным значением, приблизительно соответствующая русскому союзу *и* в предложениях типа *И Иван пришел*, представляет собой показатель согласования по классу и числу с одним из актантов глагола (об этой частице см. подробно в [Кибрик (ред.) 1999: 608—620]). Частица согласуется одинаково, невзирая на то, к какой составляющей предложения она присоединяется. Например, в (25) частица согласуется с прямым дополнением (точнее, с абсолютивом, см. главу VI 2.4) 2-го согласовательного класса (названия женщин, показатель -г), а в (26) с дополнением 3-го согласовательного класса (названия животных, показатель -б)!

(25)

- a. *za-k'le-r sanixa ici Gaggi*
я-АФФ~и.2КЛ. вчера девушка.2КЛ. видеть.2КЛ.ПРОШ
'Я я вчера увидел девушку'.
- b. *za-k'le sanixa-r ici Gaffi*
я-АФФ вчера-и.2КЛ. девушка.2КЛ. видеть.2КЛ.ПРОШ
'Я и вчера увидел девушку'.
- v. *za-k'le sanixa ici-r Gaggi*
я-АФФ вчера девушка.2КЛ. -и.2КЛ. видеть.2КЛ.ПРОШ
'Я вчера увидел и девушку'.

(26)

- a. *za-k'le-b sanixa bisj Gawji*
я-АФФ-и.3КЛ. вчера кошка.3КЛ. видеть.3КЛ.ПРОШ
'Я я вчера увидел кошку'.
- b. *za-k'le sanixa-b nisi Gawzi*
я-АФФ вчера-и.3КЛ. кошка.3КЛ. видеть.3КЛ.ПРОШ
'Я и вчера увидел кошку'.
- v. *za-k'le sanixa bisi-b Gavzi*
я-АФФ вчера кошка.3КЛ. -и.3КЛ. видеть.3КЛ.ПРОШ
'Я вчера увидел и кошку'.

Поведение присоединительной частицы показывает, что сентенциальное согласование, контролируемое прямым до-

полнением, охватывает все непосредственные составляющие клаузы³. Таким образом, значения «2 согласовательный класс» в (25) и «3 согласовательный класс» в (26) принимает вся клауза в целом. Изложение правила согласования в (25-26) в терминах структуры зависимостей примет крайне громоздкий и неестественный вид: частица согласуется со своей вершиной по классу, если эта вершина — прямое дополнение; если же ее вершина не прямое дополнение, то частица согласуется с глаголом-сказуемым (а он, в свою очередь, согласуется с дополнением) через свою вершину - знаменательное слово, которое само в согласовании не участвует.

Разграничение субстантивных и адъективных падежа и числа наталкивается на трудности в таких конструкциях, как *самый красивый цветок* или *какой красивый цветок* (*самого красивого, какого красивого...* и т. д.). И.А. Мельчук отмечает, что здесь местоимения-прилагательные *самый* и *какой* синтаксически зависят не от существительного, а от другого прилагательного - *красивый* [Мельчук 1993: 43]. При этом, чтобы избежать согласования «через голову» вершины, приходится допустить, что согласование имеет место между двумя прилагательными и уже не по субстантивному, а по адъективному падежу. Та же проблема возникает с местоимением *tout 'весь'* во французском, которое согласуется с прилагательным, от которого зависит синтаксически, в роде: *tout mouille 'весь мокрый'*, *tout-e mouillé-e 'вся мокрая'*, *tout mouilles-s 'все мокрые (муж. р.)'*, *tout-e mouilles-es 'все мокрые (жен. р.)'* [там же]. Сюда же относятся случаи, отмеченные И.М. Богуславским, когда притяжательное местоимение заполняет валентность прилагательного: *мой знакомый художник, твой любимый писатель, наши излюбленный маршрут* [Богуславский 1996: 27]⁴. Если же приписывать граммемы падежа, числа и рода группе прилагательного в целом, указанная

³ В примерах (25в-26в) создается впечатление, будто слово согласуется само с собой. На самом деле, конечно, частица-клитика и прямое дополнение не образуют единой словоформы, так как клитика обладает синтаксической свободой.

⁴ Сюда, однако, не относятся примеры, в которых, как полагает И.М. Богуславский, «прилагательные... линейно разбивают именную группу... служащую их актантом» [там же: 28]: (27) а. *мой единственный помощник* 'единственный, кто является моим помощником', б. *его лучшая работа* 'лучшая из его работ', так как в них структуры семантических и синтаксических зависимостей не совпадают - несложно показать, что *мой помощник* в (27а) и *его работа* в (27б) не соответствуют критериям выделения ИГ, например, не могут заменяться на местоимения, ср. **единственный он*; **лучшая она* и т. п.

Часть I. Синтаксическое описание

трудность устраняется: различие между [прил *жен* р. *очень красивая*] и [прил *жен* р. *самая красивая*] сводится лишь к тому, что одно из двух зависимых прилагательного — наречие *очень* — не изменяется и соответственно не может «вовратить» в себя согласовательные граммемы группы прилагательного, а второе зависимое — местоимение *самая* — изменяется и поэтому выражает грамматический признак, свойственный всей группе.

Наконец, сентенциальным является согласование именной части сказуемого или присказуемостного имени по падежу, числу и роду с подлежащим или дополнением: (28) *Он пришел-& весь мокрый*; *Она пришла вся мокрая* и т. п. В (28) по признаку числа и рода контролера-подлежащего согласуются и финитный глагол, и присказуемостное прилагательное. Минимальной фразовой категорией, содержащей все эти составляющие, является *клауса*⁵.

Еще одним примером сентенциального согласования, когда контролер и мишень не находятся в отношении синтаксической зависимости, может служить «несобственное», или «отраженное» (термины И.А. Мельчука) согласование наречий и местоимений в некоторых дагестанских языках.

ЗАДАЧА VII-1. Даны предложения на цахурском языке (восточно-кавказская семья, Дагестан) и их русские переводы. Некоторые переводы пропущены:

1. fāt'imatisqa Galir awajke wor ustād	Фатимат находит наверху мастера.
2. balkanisqa awajke wor istaR	Лошадь находит невесту.
3. čobanisqa nenkežab Galib awajke dešob balkan	Пастух никогда не находит на- верху лошадь.
4. balkanisqa nŷažgar awajke dešor čoban	?
5. albinişqa awajke wob Garg	Кот находит барана.
6. hammažisqa awajke dešob albiniň fāt'imatiř	Приятель не находит кота и Фатимат.
7. maIhamadisqa awajke wob ustadir čobanır	?
8. beberčinisqa daRajb awajke wob balkaniň eminatır	Ласточка находит внизу лошадь и Аминат.

⁵ Случай типа (28) показывают, что, вопреки традиционному пониманию согласования, оно не обязательно сопровождается непосредственной синтаксической связью между согласующим и согласуемым словом; подробней см. [Иомдин 1990: 44-48].

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

9. јanawarisqa awajke dešob Gargib
maIhamadir	Волк не находит барана и Магомеда.
10. Garg nžab dešob	Барана нигде нет.
11. čoban daRajr wor	?

Добавьте недостающие переводы цахурских предложений.

Переведите на цахурский язык:

Аминат находит ласточку.

Приятель нигде не находит барана и Фатимат.

Невеста не находит мастера и Магомеда.

Волк никогда не находит Магомеда.

Фатимат нигде нет.

Волка нет наверху.

ПРИМЕЧАНИЕ. Аминат, Магомед, Фатимат - имена людей.

Рассмотрим следующие конструкции арчинского языка (восточнокавказская семья, Дагестан): (29) а. *d-ez buwa L'an - Ч2КЛ-*) Я мать люблю'; б. *w-ez dija L'an '(1КЛ-*) Я отца люблю'. В (29) ИГ-экспериенцер - личное местоимение в дат. п., — согласуется с ИГ-стимулом по категории согласовательного класса: в (29а) по 2-му классу (названия женщин) с помощью префикса *d-*, а в (29б) - по 1-му (названия мужчин) с помощью префикса *w-*. Можно предполагать опосредованное согласование одного актанта с другим через финитный глагол (такая идея оправданна, потому что другие глаголы арчинского языка согласуются по классу). Однако здесь важно другое — и контролер, и мишень находятся в одной клаусе; контролер «передает» граммему согласования клаусе, а клауса «передает» признак той своей составляющей, которая обладает морфологической позицией для классного показателя, в данном случае подлежащему.

4.4. Семантический контролер и семантическая мишень

Обратимся к проблеме направления согласования, т. е. разграничения контролера и мишени. При чтении существующей обширной литературы по согласованию возникает впечатление, что такой проблемы не существует: «что с чем» согласуется, представляется всегда очевидным. Однако полностью очевидным направление согласования предстает

Часть I. Синтаксическое описание

лишь при согласовании по стабильным категориям. Слово, которое выступает носителем такой категории - бесспорный контролер, потому что оно никак не может «приспособить» свою граммему к граммемам других слов; наоборот, другие слова и группы, у которых та же категория является текущей, «приспосабливаются» к контролеру.

При предикативном согласовании в числе (тип II), хотя «приспосабливать» граммемы текущей категории числа можно в обе стороны, направление выбора определяется семантически: число референтов - характеристика актанта (в отличие от близких, но несовпадающих значений вроде многократности, которые характеризуют предикат). Поэтому будем говорить, что в типе II зависимое — **семантический контролер** согласования, но не его обычный, грамматический контролер (последний термин целесообразно сохранить за носителями стабильных согласовательных категорий). Мишень (вершину) при словом предикативном согласовании точнее называть **семантической мишенью**.

4.5. Ни контролера, ни мишени?

Контролером согласования по падежу в ИГ традиционно считается вершина-существительное, хотя для такого решения нет не только грамматических, но даже семантических оснований. При падежном согласовании контролера нет и не может быть, поскольку падеж — признак ИГ в целом, и он распространяется на ее составные части, включая вершину, чисто формальным образом. Содержательно часть ИГ не может иметь значения падежа (разумеется, если она сама при этом не является другой, меньшей, ИГ).

Как пишет Г. Корбетт, «в словосочетании типа *русск. в новом автомобиле* прилагательное и существительное стоят в одном падеже, но это совпадение признаков отличается от того, которое обнаруживается у рода, числа или лица. Падеж - не признак существительного: он присваивается именной группе посредством управления со стороны некоторого другого синтаксического элемента [в данном случае предлога - *Я. Т. J.*. Таким образом, существительное и прилагательное стоят в одинаковом падеже, потому что он одинаковым образом присваивается им обоим. Если рассматривать всерьез вопрос об асимметрии, то это вообще не согласование» [Corbett 1998: 22].

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

В этом заключается принципиальное отличие падежа от категорий вершинного маркирования - изафета и статуса (15), которые характеризуют не всю ИГ, а только ее вершину-существительное. Изафетом (термин заимствован из персидского языка) называется грамматическая категория, которая показывает наличие либо отсутствие при существительном определения; изафет обнаруживается в иранских, тюркских, семитских и финно-угорских языках, ср. в персидском (30) *xane* 'дом'; *xane-ye pedar* 'дом(-ИЗАФ.) отца'; *xane-ye man* 'дом(-изАФ.) мой'; [и_г *xane-ye* [и_г *pedar-e man*]] '[[их дом(-изАФ.) [[и_г отца(-изАФ.) моего]]]]' [Плунгян 2000: 185].

Нет смысла разграничивать контролер и мишень также при именном согласовании по текущей категории определенности, поскольку определенность — признак всей ИГ, а не ее частей. В венгерском языке определенность — стабильная категория артиклей и собственных имен, которые и выступают при согласовании в качестве контролеров (24). Однако, например, в ивритской ИГ (31) определенность — текущая категория (морфологически выражается в существительных и прилагательных [Barlow, Ferguson 1988: 6]):

- (31) а. *isa toy a axat*
женщина хорошая одна
'некая хорошая женщина (a good woman)⁵
- б. *ha-isa ha-tova*
ОПР-женщина ОПР-хорошая
'хорошая женщина (the good woman)'

4.6. В каких конструкциях возможно согласование?

Дать строгое определение согласования, которое охватывало бы все «нужные» факты различных языков, но при этом бы отделяло те факты, которые согласованием считать не хотелось бы, — очень трудная, если вообще выполнимая, задача. Легче, однако, дать определение для наиболее очевидных, «прототипических» случаев согласования, а потом обратиться к периферийным явлениям. Чтобы дать определение согласования, нам потребуется вспомогательное понятие «область согласования». Смысл этого понятия заключается в Указании на ту составляющую, в рамках которой наблюдается большая часть фактов согласования в языках мира.

Областью согласования для пары составляющих *a* и (*3* является такая минимальная составляющая *у* — ИГ или кл-Уза, которая доминирует над ними (= содержит их обе), при-

Часть 1. Синтаксическое описание

чем нет ни такой ИГ, ни такой клаузы, которая бы доминировала только над одной из них.

Смысль понятия области заключается в том, что две единицы, вступающие в отношение согласования, должны содержаться в наименьшей общей для них составляющей, относящейся к одной из двух фразовых категорий - ИГ или клаузе, причем эти две единицы не должна разделять ни одна граница ИГ и ни одна граница клаузы. Например, в предложении

(32) [_п Преподаватель объясняет правило]

для пар преподаватель и объясняет, объясняет и правило областью согласования является вся клауза (32).

Рассмотрим теперь предложение

(33) [_п [_{и_г} Преподаватель [_{и_г} французского языка]] объясняет [_{и_г} правило [_{и_г} согласования по роду]]].

Вся клауза (33) - область согласования для пар составляющих (34) [_{и_г} преподаватель [_{и_г} французского языка]] и объясняет, (35) объясняет и [_{и_г} правило [_{и_г} согласования по роду]]]. Однако для пары (34) преподаватель и [_{и_г} французского языка] клауза (33) не является областью согласования, так как имеется более «мелкая» ИГ, которая включает обе эти составляющие — [_{и_г} преподаватель [_{и_г} французского языка]]. Эта ИГ и является областью согласования для пары (34).

Клауза (33) не является областью согласования и для пар (35) [_{и_г} французского языка] и объясняет; (36) преподаватель и [_{и_г} согласования по роду], (37) правило и [_{и_г} французского языка] — хотя (33) и является минимальной составляющей, которая включает пары (35—36), между элементами каждой из этих пар пролегает граница ИГ, а в (37) таких границ даже две. Таким образом, для пар (35—37) области согласования не существует.

Возьмем пару составляющих α и β , на которых определена грамматическая категория С и которые имеют область согласования у, на которой также определена С. Если грамматемы С для α , (З и у обязательно совпадают, будем говорить, что α и β локально согласуются по С в у.

Например, локальным является согласование в падеже и числе (С) между группой прилагательного (α) и существительным (β) в предложении (38), где областью согласования (у) является ИГ:

(38) Мой дядя $y[\alpha[\underline{\text{самых честных}}]^{\text{правил}}$

Глава VII Способы выражения синтаксических отношений

или согласование в числе и роде (С) между ИГ-подлежащими (α_1 и α_2) и глаголами-сказуемыми β_1^C и β_2^C , где областями согласования (y_1 И y_2) выступают клаузы:

(39) $[y_1 B \text{ этой голове} \beta_1 \text{ судел } \alpha_1 \text{ [тяжелый колокол]}, y_2 \text{ между глазными яблоками и закрытыми веками } \beta_2 \text{ проплывали коричневые пятна с огненно-зеленым ободком}]$? (Булгаков, «Мастер и Маргарита»).

По-видимому, подавляющее большинство фактов согласования в языках мира укладываются в определение локального согласования. (О нелокальном согласовании и тех особых условиях, при которых оно возникает, пойдет речь в п. 3.2.)

Обычно при локальном согласовании одна из составляющих, например, Р в (38—39), представляет терминальную категорию, а вторая, например, а в (38-39) - фразовую. В таком случае С является морфологической словоизменительной категорией для (J и синтаксической категорией для α ; синтаксической категорией С является также для y .

Согласование одной фразовой категории (группы) с другой — редкий случай. Пример такого согласования предоставляет язык коауильтеко (мертвый язык юто-ацтекской семьи, Мексика) [Troike 1981]:

- (40) а. *Cin Dios tupo-n na-kawa xo*
Я Бог АРТ-АКК.1 1.ЕД-любить ВСП
'Я люблю Бога',
б. *Dios tupo-m xa-kawa xo*
Бог АРТ-АКК.2 2-любить ВСП
Ты/вы любишь(-те) Бога'.

В коауильтеко суффикс вин. п. при дополнении одновременно выражает и лицо подлежащего. Сходное явление обнаруживается и в андийском языке (восточнокавказская семья, Дагестан).

ЗАДАЧА VII-2. Даны предложения на русском языке и их переведены на андийский язык. В некоторых случаях андийский или русский текст частично отсутствует:

1- Хозяйка бьет эту девушку	mijarek'aldi hoj moc'i c'innir.
2. Женщина любит родственника	josk'alliwo mijarLi hilur.
3. Этот парень понимает гостя	how moc'isuwo c'e bic'unnir.
4- Друг ранит женщину	homoloRisdi josk'a qirahir.
5- Девушка тащит троюродного брата	moc'ildi cina'al qudrir.
6. Гость держит этого пастуха	c'esdi how xorosa wucir.

Часть 1. Синтаксическое описание

7. Эта подруга забывает девушку.....Бёог.
8..... слышит mijarek'asujo hoj mijarLi anlir.
9..... знает c'ellijo cina'al c'innir.
10..... отпускает mijarLildi homoloRi eltar.
11. Родственник приводит друга wuGwor.

Заполните пропуски. Если в каких-то случаях вариантов перевода более одного, укажите их все.

Если считать морфологическим, а не лексическим различие форм рефлексивных местоимений в английском языке, то и здесь налицо согласование одной ИГ с другой по категориям личности и пола: (41) а. [_{и^г} *My brother*] *washes* [_{и^г} *himself*] 'Мой брат умывается'; б. [_{и^г} *My sister*] *washes* [_{и^г} *herself*] 'Моя сестра умывается'; в. [_{и^г} *My cat*] *washes* [_{и^г} *Itself*] 'Мой кот умывается'.

Носителями стабильных категорий согласования выступают прежде всего лексемы (представленные в синтаксической структуре терминальными категориями). Однако стабильная категория может быть и синтаксической - если лексема «распространяет» ее граммему на фразовую категорию. Например, в (39) ИГ [*тяжелый колокол*] — муж. р. в силу того, что словарная граммема существительного-вершины *колокол* распространилась на всю ИГ. Клауза [*В этой голове гудел тяжелый колокол*], в свою очередь, получает согласовательный признак муж. р. от ИГ-подлежащего, в результате чего становится возможным согласование в роде со сказуемым *гудел*.

Область согласования есть та составляющая, внутри которой в принципе возможно согласование локального типа. Это, разумеется, не означает, что любые потенциальные носители категорий согласования, которые находятся внутри области, должны вступать в отношение согласования. Например, в русском языке нет согласования глагола с дополнением, поэтому грамматические признаки ИГ-дополнений (род, число, лицо) никак не отражаются в сказуемом. Однако теоретически такое согласование возможно, так как дополнение входит в ту же клаузу, что и подлежащее, и во многих языках оно наблюдается, см. выше примеры из абхазского (13), венгерского (24) и цахурского (25-26).

Теперь легко уточняются определения контролера и мишени. В случае, когда С является стабильной категорией, определенной для а, будем говорить, что:

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

- β согласуется с α по С в γ ;
- α контролирует согласование (= является контролером согласования) по С в γ и
- γ является мишенью согласования по С в γ .

4.7. Принцип Кинэна: согласование

В 1974 г. Э. Кинэн выдвинул важное обобщение: он установил, что контролер согласования обычно является партиципантом (argument) мишени, т. е. семантические предикаты (functions) согласуются со своими партиципантами, но не наоборот [Кеепап 1974]. (Вторая часть обобщения Кинэна, касающаяся управления, будет рассмотрена в 5.2).

Например, прилагательные и другие виды определений, согласующиеся с вершинами-существительными, являются семантическими предикатами своих определяемых-партиципантов (носителей обозначенных ими признаков); финитный глагол согласуется со своими актантами, которые обычно соответствуют его партиципантам. Гипотеза Кинэна предсказывает, что контролер и мишень согласования не меняются при преобразовании нексуса в юнкцию, и это действительно обычно так: *Птица бел-ая* —» *бел-ая птица*.

Иключение к принципу Кинэна составляют, например, притяжательные или агентивные прилагательные (42) и притяжательные местоимения (43) в русских номинализованных конструкциях, в которых по сравнению с соответствующей финитной клаузой контролер и мишень согласования меняются местами: (42) *Маша пришл-а* — *Маш-ин-Ø приход*; *Маша беспокоил-а-сь* — *Маш-ин-о беспокойство; кавалерия атаку-ет* — *кавалерийск-ая атака*; (43) *ты приход-ишь* — *тв-ой приход*; согласование ИГ подлежащего с ИГ дополнения в некоторых дагестанских языках и в коауильтеко (40). Зависимость выбора формы падежа подлежащего и дополнения в грузинском языке от времени глагола-сказуемого (гл. IV, пример (7)) может трактоваться как согласование актанта с предикатом по категории времени.

Тем не менее принцип Кинэна, по-видимому, верен для подавляющего большинства известных фактов согласования.

Заслуживает упоминания еще одно обобщение: традиционно под согласованием всегда понимается согласование

Часть 1. Синтаксическое описание

с существительным [Белошапкова 1977: 35]. Л.Л. Иомдин, однако, замечает, что это верно не всегда [1990: 48—49], приводя в качестве примера согласование местоименного прилагательного с полнозначным прилагательным: Какой {такой} странной показалась мне его просьба и согласование прилагательного с числительным в падеже: с первыми четырьмя из приведенных тезисов мы уже разобрались.

4.8. Конгруэнтность и смысловое согласование

Как уже было отмечено в п. 1, крайне неудобно считать морфологическую зависимость местоимений от их антецедентов (конгруэнтность) разновидностью согласования, так как невозможно указать никакого синтаксического структурного отношения между анафорическим местоимением и его антецедентом. При конгруэнтности местоимение и его антецедент могут находиться в разных предложениях, а связи между отдельными предложениями обычно не считаются предметом грамматики.

Согласование — отношение двух грамматических единиц, а конгруэнтность — отражение не грамматического, а семиотического (= знакового) отношения между тремя языковыми объектами: 1) ИГ-антецедентом, 2) местоимением-заместителем и 3) общим для них референтом. Связь между ИГ-антецедентом и местоимением не непосредственная, как в случае грамматических связей, а через общий для них референт. Поэтому при расщепленном антецеденте более одной ИГ может быть антецедентом анафорического местоимения: (44) Маша, сказала Лене, что ix_{i+} пригласили на день рождения.

Напомним, что конгруэнтностью здесь называется морфологическая зависимость между антецедентом и анафорическим местоимением. В русском языке такая зависимость имеет место, поскольку *он-Ø, он-а, он-о, он-и* являются регулярно образованными морфологическими формами одной и той же лексемы. Однако, например, в английском языке, где выбор анафорического местоимения *he* 'он', *she* 'она' и *it* 'он, она, оно (неличн.)' является выбором между лексемами, а не между словоформами, конгруэнтность отсутствует [Мельчук 1993: 50].

Как семантически, так и синтаксически конгруэнтность разительно отличается от согласования: согласование в основном происходит в предикатных словах с их партиципантами и наблюдается между синтаксически связанными

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

словоформами; применительно к конгруэнтности и то и другое неверно.

Иногда, впрочем, и при обычном согласовании выбор антецедента происходит «семиотически» — по референту. Например, в некоторых контекстах локального согласования возможен более или менее свободный выбор из двух граммем: (45) а. *Большинство (множество, много) людей приходит* || б. ... *приход-ят*; (46) а. *В машине сидел-о шесть человек*; б. ... *сидел-и...* («дизьюнктивная вариативность» по И.А. Мельчуку [1993: 36]). При одном и том же контролере две разные мишени одновременно могут получать разные граммемы: (47) *Вы один* (//**одн-и*) *показал-и-сь* (//**показался*) *мне весел-ым* (//**весел-ыми*); (48) *Мо-й зубной врач пришел-а* («конъюнктивная вариативность» [там же]).

В этих случаях один из вариантов (456-466) представляет **смыслоное согласование** — согласовательный аффикс отражает семантику или референцию согласующихся единиц (например, реальное число референтов — то, что их несколько в (456) и то, что референт один в (47)). Вариант (45а—46а) отражает грамматические признаки (например, число). Обратим внимание на то, что при конгруэнтности антецеденты типа *большинство людей* и *пять мальчиков* требуют местоимения во мн. ч. *они*, а антецедент *мой врач*, если он обозначает женщину — местоимения *она*, но не *он*. Может быть, смысловое согласование и не согласование вовсе, а просто регулярное совпадение двух граммем по семантическим причинам типа конгруэнтности?

Г. Корбетт установил следующую иерархию мишеней согласования в славянских языках [Corbett 1983; 1988: 48]:

(49) определение > сказуемое > относительные местоимения > личные местоимения.

Значение (49) состоит в том, что вероятность смыслового согласования равномерно возрастает к концу иерархии. «Согласование», вернее конгруэнтность, личных местоимений — это, по-видимому, чисто смысловое совпадение граммем; относительные местоимения допускают смысловое согласование в гораздо меньшей степени. Еще в меньшей степени оно наблюдается в сказуемых и реже всего — в прилагательных: (50) а. *множество людей* ... — ... *он-и* (?? *он-о*); б. *множество людей, которые* (? -ое — только если *множество* означает математический термин) ... ; в. *множество людей пришел-и* II *пришел-о*; г. *так-ое* (//**-ие*) *множество людей*.

Часть 1. Синтаксическое описание

ЗАДАНИЕ. Проверьте свойства следующих количественных выражений, пользуясь иерархией (49). Во всех ли случаях верно, что если некоторое количественное выражение допускает смысловое согласование на некотором пункте (49), оно допускает его на всех пунктах ниже по иерархии?

половина участников
миллион жителей
тысяча воинов
три пассажира
трое пассажиров
тройка лошадей
десяток монет

Может быть, следует шире понимать конгруэнтность – как всякое смысловое согласование, т. е. более или менее регулярное совпадение граммем у двух языковых единиц, вызванное семантическими причинами. Случаи такого рода очень разнообразны, и они показывают, что понятие «морфологическая зависимость» само по себе не слишком полезно: (51) а. *Обвинив во всем сотрудников, он одн-ого {сотрудника} уволил, а друг-ому (сотруднику) объявил выговор;* б. *Обвинив во всем сотрудниц, он одн-у уволил, а друг-ой объявил выговор;* (52) а. *От личности требуется только одно: будь-Честн-ой в своем отношении к героической работе создания бесклассового общества* (Горький, «По Союзу Советов»), б. *От гражданина требуется только одно: будь-Честн-ым...*, в. *От граждан требуется только одно: будь-те честн-ыми...;* (53) *Мы говорим врагу: сдавай-С-я, или мы тебя уничтожим; б. Мы говорим врагам: сдавай-те-сь, или мы вас уничтожим.* Случаи (51–53) представляют собой смысловое согласование, так как множественные по значению ИГ в ед. ч. допускают или даже требуют, чтобы мишень стояла во мн. ч.: (54) *Мы говорим правительству: дай-те кредит, или мы вас разоблачим.*

4.9. Проблемы с контролером

Как замечает Г. Корбетт, «прямолинейный взгляд на согласование мог бы состоять в том, что синтаксис определяет контролер и мишень, а "затем" морфология реализует их признаки. Однако есть случаи, в которых сами признаки частично определяют, что будет контролером» [Corbett 1999: 211–212].

Глава VII Способы выражения синтаксических отношений

ЗАДАЧА VII-3 (автор М.Е. Алексеев). Даны предложения на даргинском языке (восточнокавказская семья) и их русские переводы:

1. Арцанли буқун ургули сай	Птица находит пастуха.
2. Гурдали ну урцула	Лиса ловит меня.
3. Арсланли арцан бурцули саби	Лев ловит птицу.
4. Нуни арцанти дурцула	Я ловлю птиц.
5. ХIуни къабан бургулри	Ты находишь кабана.
6. Устани хIуниа дитулри	Мастер бьет вас.
7. Букунни бецI бургули саби	Пастух находит волка.
8. Нушани азгъин итулра	Мы бьем лентяя.

Переведите на даргинский язык:

Кабан бьет лису.
Волк ловит мастера.
Вы бьете кабанов.
Мы ловим льва.
Лентяй находит нас.

Как установил А.Е. Кибрик [1979в; 1997], в чирагском диалекте даргинского языка (восточнокавказская семья, Дагестан), если оба главных актанта в клаузе 1-го или 2-го лица, то глагол согласуется в лице с агенсом:

(55)	a.	<i>dice</i>	<i>'u</i>	<i>riqan-da</i>
		Я	тебя	веду(-1).
		'Ice	<i>du</i>	<i>riqan-de</i>
		Ты	меня	ведешь(-2ЕД).

Если же только один из двух актантов 1-го или 2-го лица, то глагол согласуется с ним независимо от его семантической роли:

(56)		<i>dice</i>	<i>it</i>	<i>riqan-da</i>
		Я	ее	веду(-1).
	б.	'ice	<i>u</i>	<i>riqan-de</i>
		Ты	ее	ведешь(-2ЕД).
	в.	<i>ite</i>	<i>du</i>	<i>riqan-da</i>
		Он	меня	ведет(-1).
		<i>it</i>	<i>Hi</i>	<i>riqan-de</i>
		Она	тебя	ведет(-2ЕД).

Таким образом, правило согласования по лицу в чирагском не нацелено ни на подлежащее, ни на дополнение; в пределах клаузы образуется как бы некий «пуль» из актантов, из которого выбирается один наиболее приоритетный в со-

Часть I. Синтаксическое описание

ответствии с иерархией: агенс 1-го или 2-го лица > пациент 1-го или 2-го лица > прочие.

Еще раз мы убеждаемся, что согласование крайне неудобно представлять в виде морфологической зависимости, т. е. отношения между двумя словоформами. Согласование «проявляет» грамматический признак всей клаузы в той ее составляющей, которая способна принимать граммему соответствующей текущей категории. «Контролером» согласования в более точном смысле слова является клауза (или ИГ), «навязывающая» своей составляющей некоторую согласовательную граммему. (Каким образом клауза или ИГ сама приобретает эту граммему — отдельный вопрос.) Приводя русские примеры типа (57) *три больших чемодана*, Х. Леман отмечает, что «определение согласуется [по числу - Я. Т.] со своей ИГ, скорее чем... со своей вершиной» [Lehmann 1988: 57]. Сравним еще: (58) а. *пять человек пришел-о (-и)*; б. **последнее пять человек пришел-о (-и)* в. *последние пять человек пришел-и* (//*-о). Может или нет количественная группа *пять человек* контролировать согласование со сказуемым в граммеме ср. р. ед. ч., зависит от наличия или отсутствия при ней еще одной мишени согласования — прилагательного. Таким образом, если настаивать на том, что согласование — отношение между отдельными словоформами, то в (58в) правило согласования вовлекает не меньше трех словоформ. При этом остается совершенно необъяснимым, почему в подавляющем большинстве других случаев в правилах согласования упоминаются ровно две единицы.

Если контролер представляет собой сочиненную конструкцию, его согласовательная граммема определяется из граммем конъюнктов по особым правилам, которые называются **правилами разрешения** (resolution rules). В русском языке сочиненный контролер обычно требует согласования во мн. ч., однако возможно и согласование в ед. ч. с конъюнктом, ближайшим к мишени, см. (59) а. *преподавал-и-сь (-а-сь) математика и естественные науки*; б. *математика и естественные науки преподавал-и-сь* (//*-а-сь); (60) *был-а (-и, -о) в ней и скромность, и изящество, и достоинство*; *был-о (-и, -а) в ней и изящество, и скромность, и достоинство* [Граудина и др. 1976: 31; Corbett 1988: 24]. В словенском языке согласование может происходить с первым конъюнктом, который при этом необязательно располагается ближе других к мишени [Corbett 1988: 26]:

(61)

lkŋjig-e in per-esa so se podrazil-e
книга-Ж.МН и ручка.СР-МН ВСП ВОЗВР подорожать-Ж.МН
'Книги и ручки подорожали'.

Нестандартные контролеры обнаруживаются и в таких специфических случаях согласования, как (62) *Нам читал-и Иванов алгебру, а Петров — теорию вероятностей*. С чем согласуется финитный глагол в (62)? Очевидно, одновременно с двумя ИГ — *Иванов* и *Петров*, каждая из которых стоит в ед. ч. Однако обычного правила разрешения здесь применить невозможно, так как две ИГ не образуют третьей, сочиненной ИГ.

Наконец, разновидностью нестандартного контролера можно считать его отсутствие. Ситуация, когда в некоторой области согласования содержится мишень (слово с позицией для аффикса согласовательной категории), но не содержится подходящего контролера, встречается достаточно часто. Языки «выходят из положения» двумя разными способами. Либо действует отдельное правило **согласования без контролера**, или **дефолтного** согласования, либо контролер берется извне области согласования, т. е. согласование становится нелокальным. Рассмотрим пока первый случай (о втором см. в 4.10).

В русском языке сказуемое согласуется с подлежащим в им. п.; если вместо такого подлежащего употребляется, например, ИГ в косвенном падеже (*Мне нездоровится; Письма не пришло*), или инфинитивный оборот (*Распивать спиртные напитки воспрещается*), или предложная группа (*В лесу темно*), или вообще нет никакой внешне выраженной единицы, хотя бы отчасти похожей на подлежащее (*Светало; Ясно, что он не придет*), включается механизм дефолтного согласования в 3 л. ед. ч. ср. р. Однако, как показал Г. Корбетт, это не означает, что «неправильные» контролеры (ИГ в косвенных падежах, инфинитивы и т. п.) принимают граммему 3 л. ед. ч. ср. рода. Во-первых, если бы это было так, то, например, при сочинении инфинитивных оборотов действовало бы обычное правило разрешения, приписывающее сочиненной группе значение мн. ч., чего не наблюдается: (63) *Приносить спиртные напитки и распивать их запреща-ет-ся* (//*-ют-ся). Во-вторых, остается необъяснимым, почему в качестве сказуемых при дефолтном согласовании не допус-

Часть 1. Синтаксическое описание

каются по крайней мере полные формы прилагательных, ср. (64) *Пирожное вкусн-о* (//*-oe*), но (65) *Есть блины с вареньем* *вкусн-о* (//**-oe*), — если *вкусн-о* в (65) действительно представляет собой краткое прилагательное, а не омонимичное ему наречие. То, что граммема дефолтного согласования не совпадает с граммемой 3 л. ед. ч. ср. р., очевидным образом обнаруживается в украинском языке, где соответствующее окончание у прилагательных *-e* (*прекрасн-e*), а при дефолтном согласовании — *-o*: (66) *В одни СІМ'ї нам жити легк-o, і прекрасн-o* (//**-e*) 'В одной семье нам жить и легко, и прекрасно' [Corbett 1988: 33-34].

4.10. Нелокальное согласование

Рассмотрим некоторые случаи нелокального согласования. В соответствии с определением локального согласования оно не может «пересечь» границу ИГ или границу клаузы. Однако в некоторых случаях такая граница игнорируется.

4.10.1. Пересечение границы ИГ: элективные конструкции.

Граница ИГ пересекается при согласовании между двумя элементами **элективной** (= «избирательной») конструкции - 1) местоимением, числительным или прилагательным в сравнительной степени и 2) ИГ во мн. ч. с предлогом *из*: (67) а. [_{иг} *кажд-ый* || *люб-ой* || *лучш-ий* || *перв-ый* || *один из* [_{иг} учеников]]; б. [_{иг} *кажд-ая* || *люб-ая~* || *лучш-ая~* || *перв-ая* || *одн-а из* [_{иг} учениц]]].

Согласование в элективной конструкции — знаменитый аргумент А.А. Зализняка [1967: 71-72] в пользу существования в русском языке семи согласовательных классов. А.А. Зализняк показал, что элективная конструкция диагностична, во-первых, для выявления родовых противопоставлений во мн. ч. (*лучш-ий из домов*, *лучш-ая из комнат*, *лучш-ее из зданий*), и, во-вторых, для выделения особого «парного» рода (*лучш-ие из саней*).

Обратим внимание на то, что элективные конструкции допускают смысловое согласование, а именно приравнивают при определенных условиях ИГ во мн. ч. именным группам в ед. числе, но обладающим множественной семантикой: (68) *один* (*единственн-ый*) из выпускников; *одн-а* (*единственн-*

ая) из выпускниц и (69) один (единственн-ый) из выпуска; 'одн-а {единственн-ая} из выпуска; лучш-ий (кажд-ый) из этой компании; последн-ий из цепочки и т. п.

Примеры (68-59) показывают, что в иерархии Корбетта (49) элективная конструкция должна занять достаточно низкое положение. Выбор согласовательной морфемы, может быть, происходит здесь путем непосредственного обращения к референту, без участия антецедента, как это имеет место в случае с конгруэнтностью.

Элективные конструкции — далеко не единственный случай, когда мн. ч. подвергается регулярному «раздроблению». Сравним (70) а. Фонари погасли один за друг-им; б. Звезды погасли одн-а за друг-ой; в. Светила погасли одн-о за друг-им; г. Сани разъехались одн-и за друг-ими. Смыслового согласования здесь нет: д. *Толпа рассеялась один за другим. Подобным образом ведет себя и дистрибутивная конструкция с *каждый* (см. главу III п. 7): (71) а. Мальчики оказались *кажд-ый на своем месте*; б. Девочки оказались *кажд-ая на своем месте*; в. Чудовища оказались *кажд-ое на своем месте*; г. Сани оказались *кажд-ые на своем месте*, но л *Выпуск оказался *кажд-ый на своем месте работы*.

Итак, конструкции (70—71) подобны элективной конструкции во всем, кроме одного - в них запрещено смысловое согласование (70д—71д). Ясно, что согласование в (70—71) является локальным, так как не пересекает ни границ ИГ, ни границ клаузы. Можно предположить, следовательно, что в элективной конструкции (67) представлено смысловое согласование типа конгруэнтности, а не согласование в собственном смысле, как в (70—71). Если это предположение верно, то в элективных конструкциях не нарушается локальность согласования, так как нет согласования в собственном смысле.

4.10.2. Пересечение границы ИГ: посессивные конструкции.

Вспомним, что посессивные определения, выраженные род. п., традиционно называются несогласованными. Однако в некоторых языках они согласуются с определяемым существительным по падежу, т. е., кроме аффикса род. п., присоединяют еще аффикс падежа существительного-вершины. В тех случаях, когда согласовательный аффикс располагает-

Часть 1. Синтаксическое описание

ся на границе посессивной ИГ, эта граница не пересекается, и согласование остается локальным. Например, в грузинском языке, если ИГ в род. п. следует за определяемым существительным, она согласуется с ним в падеже:

- (72) [и_г *tama-s*] [и_г *karg-i*] *megobr-isaj-s]*
отец-ДАТ хороший-ГЕН друг-ГЕН]-ДАТ
'отцу хорошего друга'

Если же аффикс падежа попадает «внутрь» посессивной ИГ, согласование «пересекает» границу ИГ, т. е. становится нелокальным, например, в языке дирбал (семья паманьюнга, Австралия):

- (73) [и_г *bagul wangal-gu*] [и_г *bangul-djin-gu yarra-ngunjdin-gu*]
АРТ.ДАТ бumerанг-ДАТ АРТ-ГЕН-ДАТ человек-ГЕН-ДАТ
'бумерангу человека'

Обе части «внутренней» ИГ - артикль и существительное — согласуются в падеже с «внешней» ИГ [Lehmann 1988: 55].

Согласованные посессивные определения обнаруживаются, например, в языке киконго (семья банту, Африка) [Мельчук 1993: 38-39; 2000: 301]. Прилагательное согласуется с определяемым существительным, а глагол-сказуемое — с подлежащим по категории именного класса. Именной класс существительного выражается в нем самом посредством классного префикса. Посессивное определение нелокально согласуется со своей вершиной по именному классу (номера именных классов киконго обозначаются римскими цифрами):

- (74) а. [и_г *Mu-ntu*] *mu-ndombi*] *a-bwidi*
I-человек I-черный I-упал
'Черный человек упал'.
б. [и_г *Ki-nkutu*] *III-ndombi*] *III-bwidi*
VII-одежда VII-черный УН-упал
'Черная одежда упала',
в. [и_г *Ki-nkutu*] *ki-ndombi* [и_г *ki-tu-ntu*] *Ja-mu-ndombi*] *ki-bwidi*
VII-одежда VII-черный VII-I-человек VII-I-черный VII-упал
'Черная одежда черного человека упала'.

Глава VII. Способы выражения синтаксических отношений

ЗАДАЧА VII-4. Даны словосочетания на древнегрузинском языке и русские переводы:

1. mcbierebaj igi mterta mat masenebelta mat qovelta mat didebulta monastertaj - коварство врагов строителей всех знаменитых монастырей
2. okroj igi qovelta mat metaurta kalakta mat senisa mis pitiaxsisaj - золото всех правителей городов твоего князя
3. upalajta mit didebulisa mis spaspetsajta - повелительницей знаменитого полководца
4. cruj igi sitguaj berisa mis mterisa cuenta mat kalaktaj - лживая речь старого врага наших городов
5. rüja mit cremlta mat şenisa mis glaxakisa colisajta - потоком слез твоей бедной жены
6. saukunojta mit cqarojta sibrsnisa mis masenebelisajta mis - вечным источником мудрости строителя

Переведите на русский язык:

saukunoj igi rüj

cqaroj igi senta mat cremltaj

sitquaj igi glaxakisa mis metaurisa cuenisajta mis monasterisaj

Переведите на древнегрузинский язык:

повелительница всех старых врагов

речь мудрости

золотом жены строителя городов

лживое коварство всех полководцев наших знаменитых князей

Способность древнегрузинских посессивных ИГ в род. п. согласоваться по падежу с определяемым существительным как будто создает еще одно исключение к принципу Кинэна: если вершина - существительное со значением предиката, то с ней может согласоваться ИГ в род. п., которая обозначает его актант: (75) *sakme-гы mocikul-isa-n-i* 'действия(-МН-НОМ) апостола(-ГЕН-МН-НОМ).

ЗАДАЧА VII-5. Даны предложения на северном диалекте табасаранского языка (восточнокавказская семья, Дагестан) и их русские переводы:

1. susu Glajdik hit'ik'nuw	Невеста спряталась под мостом.
2. Xutul Ga'aXnuw	Внук заснул.
3. risi hit'ik'niC _v	Ваша дочь спряталась.
4. calilc diGunuxa	Мы с тобой остановились под стеной.
5 baj hit'ik'nuciq	Сын спрятался за нами.
6. susu diGunuxix	Невеста остановилась около нас с тобой
7. harix Gu3,nuca	Мы встали около дерева.
8. Xutul huCyunix	Наш с тобой внук ушел.

Часть I. Синтаксическое описание

Переведите на русский:

Xutul calix diGunuw

Банк Ga'aXnuc_va

baj hit'ik'nucux

susu Glajdix diGunuc_vuk

Переведите на табасаранский:

Дочь ушла.

Ваш сын встал за деревом.

Внук остановился под нами за мостом.

Другой случай согласования через границу ИГ представляет согласование глагола не с его актантом, а с посессором (= обладателем) актанта. Это явление засвидетельствовано, например, в табасаранском языке, в индоарабском языке майтхили, в чикасо (семья мускоги, Северная Америка), в тангутском (мертвый язык сино-тибетской семьи) и в вичита (семья ирокуа-каддо, Северная Америка) [Мельчук 1993: 54]. В чикасо глагол-сказуемое может согласоваться с посессором подлежащего:

- (76) *sa-pash-at* *a_-litihā*
 ШД- волосы-НOM 1ЕД- быть. грязным
 'Мои волосы грязные'.

Эта конструкция наблюдается, как правило, когда посессор выступает при релятивном имени, актантом которого он является. Таким образом, перед нами «передача» актанта от существительного к глаголу, или **подъем посессора** (Possessor Raising), один из распространенных способов актанной деривации (см. в главе VIII п.7). Если эта гипотеза верна (т. е. согласование происходит со вторичным актантом), видимое нарушение границы ИГ при таком способе согласования получает свое объяснение.

Пересечение границы ИГ наблюдается также при согласовании по числу сказуемого с ИГ, вложенной в количественную ИГ, в русском языке: (77) а. [*иг Половина детей*] *были больн-ые*; б. ... *-ыми*; в. **-ая*⁶. В польском языке существительное «изнутри» количественной группы согласуется со сказуемым даже в падеже: (78) *Piec pior jest now-ych* 'Пять ручек (ГЕН. МН) (связка) - новые (ГЕН. МН)' [Corbett 1988: 28].

Некоторые носители русского языка отвергают все три возможности (77абв).

4.10.3. Пересечение границы клаузы

Случаев, когда согласование является **дистантым** (long-distance agreement), т. е. пересекающим границу клаузы, относительно мало. Такое согласование наблюдается, например, в англ. (79) *There seem to be unicorns in the garden* 'Кажется, что в саду единороги'. Словоформа *seem* 'кажутся' согласуется в числе с *unicorns* 'единороги', хотя оба слова разделены границей инфинитивного оборота [Barlow, Ferguson 1988: 9]. В главном предложении не обнаруживается контролера (пустое подлежащее *there* не обладает необходимыми для контроля морфологическими признаками), поэтому *seem* «отыскивает» контролер в виде ИГ в инфинитивном обороте.

Согласование матричного глагола с абсолютивом зависимой клаузы сентенциального актанта имеет место во многих восточнокавказских языках. Например, в арчинском языке (Дагестан) конструкция с матричным глаголом *kwasas* 'быть должно' выглядит как

- (80) *[tow-tu je-b a-b-cas] k_wa-b-suqi*
[он-ЭРГ они-1&Н.МН ШШН-убить] ШТ.МН-должно?
Юн их убить будет должен', букв. «Должно, чтобы он их убил».

В отличие от своего эквивалента в русском языке арчинский глагол со значением 'быть **должным**' - одноместный и имеет только сентенциальную валентность на инфинитивный оборот. Согласуется он с абсолютивом инфинитивного оборота *je-b* 'они' с помощью классно-числового согласовательного аффикса *-b>*, который содержит граммему мн. ч. I и II согласовательных классов [Кибрик 1979б: 37]. В дальнейшем это явление было хорошо изучено в нескольких дагестанских языках - в табасаранском [Кибрик (ред.) 1982б: 44-65], годоберинском [Haspelmath 1999a], цахурском [Кибрик (ред.) 1999] и цезском [Polinsky, Comrie 1999; Potsdam, Polinsky 1999; Polinsky, Potsdam 2001], а из языков Других семей — в хинди [Davison 1988]. Приведем еще пример из цезского языка:

Классно-числовой показатель выступает в глаголах *a-b-cas* и *kwa-b-suqi* в качестве инфиксса, а не в качестве префикса, как это выглядит в строке глоссирования.

(81)

- a. *eni-r* *IV*[*uz-ā*] *magalu b-āc'-ru-λi*r-ij-Xo*
 мать-ДАТ [мальчик-ЭРГ хлеб.ИІІ III-есть-ПРОШ-МАСД] IV-знать-НАСТ
 'Мать знает, что мальчик ел хлеб'.
 b. *eni-r* [*uz-ā*] *magalu b-āc'-ru-λi*b-ij-Xo*
 мать-ДАТ [мальчик-ЭРГ хлеб.ІІІ III-есть-ПРОШ-МАСД] III-знать-НАСТ
 'Мать знает, что мальчик ел хлеб'.**

Матричный глагол *-if-* 'знать' обладает префиксальной позицией для классно-числового показателя согласования. Однако в главной клаузе нет ИГ в абсолютивном падеже, с которой бы этот глагол мог согласоваться; ИГ *eni-r* 'мать' стоит в дат. п. (ср. *матер-и известно*). Тем не менее позиция для согласовательного префикса должна быть заполнена. Имеется две возможности: локальное согласование с масдарной номинализованной конструкцией *uz-d magalu b-dc'-ru-Xi*, которая согласуется по TV классу (префикс *r-*), что и происходит в (81a), или нелокальное — через границу вложенной клаузы согласование с абсолютивом этой клаузы *magalu* 'хлеб', ИГ III класса с показателем *b-* (81б) [Polinsky, Comrie 1999: 116].

Пример согласования, как будто пересекающего границу клаузы, — согласование предложно-падежного оформления в сравнительных конструкциях: (82) а. *Ваня любит Машу больше, чем Петя*; б. *Ваня любит Машу больше, чем Петю*. (83) *Я надеюсь на Машу больше, чем Петя {на Петю}*. Однако причислять эту зависимость к согласованию можно только по недоразумению. Перед нами регулярный эллипсис в сравнительной конструкции. Совпадение падежей является тривиальным следствием совпадения материала в главной и зависимой клаузах с сохранением в зависимой клаузе несовпадающей ИГ, ср. при обычном сочинении: (84) *Ваня любит Машу, и Петя (и Петю)*. При этом несинтаксические (т. е. не определяемые управлением) употребления падежей могут быть, конечно, разными и в сравнительной конструкции: (85) *Лучше разговаривать в саду, а не на пыльной дороге*.

5. Управление

Управление — самый наглядный и однозначный способ выражения сочетаемостных признаков слов в грамматике.

Глава VII Способы выражения синтаксических отношений

Это явление уже знакомо читателю из главы III, в которой речь шла о моделях управления. Вспомним, что модели управления задают соответствие между активными синтаксическими валентностями слова и средствами их выражения в зависимой группе - например, предложно-падежной формой. Тип связи, при котором наличие у слова активной валентности требует определенного грамматического оформления соответствующей зависимой группы, и называется управлением. Управление нередко определяют как связь, направленную от слова к форме слова [Золотова 1973: 32; Белошапкова (ред.) 1989: 563]. В русском языке исключение составляют три случая, когда управление определяется не словом, а морфологической формой: 1) граммема сравнительной степени прилагательного управляет формой ИГ эталона сравнения в род. п., например (86) *сильн-ее смерти, выш-е гор*; 2) инфинитивное управление дат. п. подлежащего, например (87) *будет дождь — бы-ть дожд-ю, он не уедет — ему не уеха-ть*; 3) модели управления, определяемые залогом.

И.А. Мельчук [2000: 306-307] перечисляет следующие случаи управления в русском языке. Управляются: 1) синтаксические актанты глагола, существительного и прилагательного, например *Иван* (им. п.) *отправляет письмо* (вин. п.) *знакомым* (дат. п.); *Нам* (дат. п.) *не досталось билетов* (род. п.); *исполнение Шопена* (род. п.) *Гилельсом* (тв. п.); *подобный льву* (дат. п.); 2) ИГ-дополнение предлога, например *на столе* (предл. п.); *к дому* (дат. п.); 3) глагол, вводимый союзом *чтобы*, всегда стоящий в сослагательном наклонении (*чтобы ушел*); 4) существительное с числительным в им. или вин. п. - *два стола* (род. п.), *шесть столов* (род. п.); 5) прилагательное в роли присказуемостного имени при некоторых глаголах, например *знал его молодым* (твор. п.), *нашел ее здоровой* (твор. п.); 6) ИГ-актант при морфологически выраженной сравнительной степени прилагательного: *сильнее медведя* (род. п.). В скобках указаны граммемы морфологических категорий, навязываемые управлением.

В этом списке не случайно отсутствуют предложно-падежные (88) *отнимать у ребенка* (у + род. п.); *забота о родителях* (о + предл. п.) и союзные (89) *знать, что происходит* (что + придаточное); *сомневаться, стоит ли это делать* (ли + придаточное) средства выражения. По И.А. Мельчуку управление — случай морфологической зависимости между

словоформами, а «управление» предлогом или союзом не является морфологическим. Такой подход противоречит не только традиции, но и практике описания моделей управления в словарных статьях, поэтому было бы желательно, чтобы понятие управления охватывало и случаи (88—89).

Управлением мы будем называть выбор синтаксической формы составляющей X , который обусловлен грамматическим признаком f словаформы w , причем:

- X заполняет синтаксическую валентность w ;
- X не доминирует над w ($= w$ не входит в состав X);
- если f - граммема w , то f - не граммема X -а.

Под **синтаксической формой** составляющей X мы имеем в виду: 1) граммему ее текущей морфологической категории или 2) ее вершину - предлог или подчинительный союз (в случае, когда X - предложная группа или зависимая клауза).

Например, выбор формы вин. п. в сочетании *слушает музык-у* является управлением, так как X (*музык-у*) заполняет синтаксическую валентность w (переходного глагола *слушать*) и не включает в себя w , а грамматический признак f («способность присоединять ИГ в вин. п.») не является граммемой X . Выбор предложно-падежной формы *на* + вин. п. в сочетании *жалобы на шум* также является управлением, поскольку X (предложная группа *на шум*) заполняет синтаксическую валентность w (существительного *жалобы*), не включает в себя w , а грамматический признак f («способность присоединять предложную группу») не является граммемой предложной группы. Выбор формы род. п. ИГ в конструкции со сравнительной степенью прилагательного *ярче [майск-ого дн-я]*, выбор формы им. п. подлежащего в конструкции со сказуемым в финитной форме (*Он уходит*) и дат. п. в конструкции с инфинитивом (*Ему уходить*) - также управление: хотя признак управления f в данном случае - граммема w (сравнительная степень, финитная форма или инфинитив), но ИГ, заполняющая валентность w , не обладает той же граммемой.

В нашем определении указаны два основных отличия управления от согласования: 1) согласование представляет собой грамматическое уподобление двух синтаксически связанных единиц, а управление - нет; 2) контролер управления находится не внутри составляющей, которая получает от него граммему (как при согласовании), а вне ее. Присваива-

ние грамматического признака некоторой составляющей происходит не изнутри, как при согласовании, а извне - от внешнего контролера.

К сожалению, установление того, имеют ли место признаки 1) и 2), отчасти зависит от описательного решения, принятого лингвистом. Почему нельзя объединить в одно понятие управление и согласование, сказав, например, что категорией переходности обладает глагольная группа и в ней глагол согласуется с дополнением по категории переходности: вин. п. выражает согласовательную граммему 'переходный', а другие предложно-падежные конструкции - граммему 'непереходный'? Ответ на этот вопрос можно найти, например, у Л.Л. Иомдина: «Признаки существительных "мужской род", "средний род" и "женский род" в совокупности задают грамматическую категорию... В то же время способность глаголов допускать дополнение в родительном падеже, обусловливающая правильность выражений типа *бояться перемен*, не может быть представлена как значение какой-либо грамматической категории, поскольку подобрать для этого свойства какие-либо другие свойства глаголов, с тем чтобы они в совокупности образовали разбиение всех глаголов на непересекающиеся классы (во всяком случае, сколько-нибудь разумным образом), невозможно» [1990: 64].

Управление, в отличие от согласования, не может приписывать одновременно одно и то же значение некоторой категории сразу нескольким составляющим: разные актанты предикатного слова получают разные морфологические характеристики, зафиксированные в его модели управления. Управление, таким образом, выражает различия между актантами, которые обусловлены обычно семантикой предикатного слова. Как пишет А.Е. Кибрик, «согласование — явление поверхностного синтаксиса, связанное с оформлением словоформ при переходе на морфологический уровень [с синтаксического — Я.Т.]. Управление — явление, по своей природе семантическое, связанное со значением главного слова» [Кибрик 1992: 121].

5.1. Управление и фразовые категории

Те же аргументы, в силу которых контролером согласования целесообразно считать не словоформу, а содержащую ее фразовую категорию — ИГ или клаузу, говорят и в пользу того, что мишенью управления является не словоформа, а фразовая категория. Если настаивать на том, что мишени Управления — словоформы, тогда, например в предложении (90) *Я позвал Машу и Петю* придется либо признать, что уп-

Часть 1. Синтаксическое описание

правление, как и согласование, может одновременно присваивать двум мишеньям одну и ту же граммему (в чем одно из принципиальных отличий управления от согласования), либо считать, что сочинительный союз *и* управляет второй из двух сочиненных ИГ *Петю*, определяя ее вин. п. так же, как и переходный глагол *звать*. Тот же союз будет управлять ИГ в дат. п. в предложении (91) *Я понравился Маше и Пете*, предложно-падежной формой в (92) *Я посмотрел на Машу и на Петю* и т. п. При этом управление - свойство, тесно связанное с семантикой лексем и с их индивидуальными селективными признаками, оказывается присущим сочинительному союзу *и* — лексеме, которая из всех слов русского языка обладает едва ли не самой широкой и ничем не ограниченной дистрибуцией. Этой проблемы не будет, если признать, что мишень управления всегда представляет собой фразовую категорию - зависимую клаузу, ИГ или предложенную группу.

5.2. Принцип Кинэна: управление

Вторая часть обобщения, предложенного в [Кеепап 1974], замечательным образом симметрична его первой части, касающейся согласования (см. выше 4.7): мишень управления является партиципантом контролера.

Исключением можно считать отношение управления между существительным-вершиной и посессивной ИГ в род. п. (93) *деньги [мо-его отц-а]*, но только если принять, что род. п. в (93) соответствует семантическому предикату 'принадлежать отцу' [Lehmann 1982; Мельчук 1993: 34].

5.3. Модифицированное управление

Модель управления может регулярным образом меняться в зависимости от некоторого дополнительного фактора, не являющегося грамматическим признаком *f* контролера *w*, например, от наличия или отсутствия отрицания: (94) *Я вижу смысл — Я не вижу смысла*. Такие грамматические факторы можно назвать **модификаторами управления**, а само управление — **модифицированным**.

5.4. Сильное и слабое управление

А.М. Пешковский ввел в русскую грамматику различие **сильного и слабого** управления. «Под "сильным" управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь» [Пешковский 1956 (1928): 285]. К сильному управлению обычно относят управление актантами: вспомнить о подарке, прикоснуться к руке, готовый откликнуться, наедине со своими мыслями и т. п. «Если употребление зависимого компонента не обязательно, а лишь возможно, то подчинительная связь является слабой» [Лекант и др. 1999: 286], например, трудный для учащихся, написать на досуге, рисовать карандашом.

Часто авторы, противопоставляющие в русском языке сильное и слабое управление, смешивают три разных явления: а) различие актантов и сирконстантов (см. главу III); б) обязательность vs. факультативность выражения управляемого слова и в) «предсказуемость», т. е. единобразие формы его выражения. При этом и каждый из трех признаков может пониматься по-разному.

На необходимость различать случаи б) и в) указала В.А. Белошапкова [1974: 84-87], а затем и Е.Н. Ширяев, у которого фактически различается также и а) [Крылова и др. 1997: 19]. Они приводят примеры «непредсказуемого, но обязательного» управления (того, что в главе III п. 5 было названо адъектами): находиться в институте, на стадионе, У реки, а также «необязательного, но предсказуемого», как в случае с актантами (выехать из города, читать газету), так и в случае с сирконстантами {дом брата, весело смеяться}.

В «Русской грамматике» 1980 г. была предпринята попытка указать на некоторые семантические различия сильного и слабого управления. Наряду с обязательностью сильная связь выражает «восполняющие или объектные отношения»: стать ученым, мастак на выдумки, покупка дома, сердитый на тебя, а слабая связь, наряду с «объектными», выражает «определительные отношения»: пилить пилой, гимн труду, тереться боком, ударить по врагу [Шведова (ред.) 1980: 20-21]. Однако расплывчатое понятие «определительного» отношения без детальной семантической разработки мало что проясняет.

5.5. Согласование и управление

«Согласование и управление классифицируют способ оформления синтаксической связи по разным основаниям, поэтому возможно в одном словосочетании согласование и управление» [Кибрик 1992: 120]. Традиционный взгляд, согласно которому подлежащее не управляет глаголом-сказуемым, не согласуется с материалом таких языков, как абхазский, грузинский или чукотский, где глагол согласуется с одним или несколькими дополнениями и управление очевидным образом наблюдается между согласующимися единицами. Иногда говорят, что между подлежащим и сказуемым наблюдается «взаимозависимость», так же как и внутри числовой конструкции: в сочетании *дв-а человек-а, дв-е женщины* числительное управляет ИГ существительного и при этом согласуется с ней [Белошапкова (ред.) 1989: 561].

6. Порядок слов и примыкание

Наконец синтаксические отношения могут выражаться не только лексически или морфологически, но и расположением слов и групп в линейной цепочке — **порядком слов**. Это особенно хорошо видно на примере языков, в которых морфологических форм мало (например, английский или китайский), но и некоторые языки с богатой морфологией (например, русский или венгерский) также используют порядок слов для выражения некоторых синтаксических отношений.

Примыканием традиционно называется такой тип выражения синтаксической связи, который не является ни согласованием, ни управлением и «который выражается не изменением формы зависимого компонента словосочетания, а лишь местоположением и зависимой грамматической функцией» [Белошапкова (ред.) 1989: 568]. Зависимым при примыкании считается неизменяемое слово или группа Х, не обладающие никаким морфологическим признаком, наличие которого предопределялось бы синтаксической вершиной Х-а: крепко спать, любить рисовать, ехать палево, говорить шепелявя, прыжок пригнувшись, платье беж, цвета хаки яйцо всмятку, озеро Байкал и т. п.

Иногда различают **сильное** примыкание «преимущественно при употреблении неизменяемых слов при глаголах,

требующих информативно-восполняющего слова: *поступать необдуманно, относиться сочувственно, находиться вблизи* [Лекант и др. 1999: 288] и **слабое** примыкание в остальных случаях.

Поскольку согласование и управление оказались не взаимоисключающими способами выражения синтаксической зависимости, естественно предположить, что и примыкание может иметь место параллельно с согласованием и управлением. Будем говорить, что составляющая X **примыкает** к словоформе w, если линейная позиция X обусловлена грамматическим признаком f словоформы w.

Даже в русском языке, где порядок слов считается «свободным», т. е. слабо выражающим синтаксические отношения, нетрудно найти примеры, когда при его изменении меняется синтаксическая структура, например, (95) а. *Они вместе заявили о невозможности работать* и б. *Они заявили о невозможности работать вместе*; (96) а. *Он быстро научился решать эти задачи*; б. *Он научился быстро решать эти задачи* [Крылова и др. 1997: 16]. Свойством слова w, которое определяет или, точнее, ограничивает позицию примыкающих наречий *вместе* и *быстро* в (96), является принадлежность w к классу глаголов. Правило гласит, что наречие, определяющее глагол, не должно располагаться «слишком далеко» от него, в частности между ними не должен располагаться другой глагол.

«Порядок слов», если понимать это выражение буквально, как последовательность слов в линейной цепочке, в общем случае не несет никакой информации о структуре предложения. Из того, что два слова (или две группы) X и Y стоят рядом, причем в порядке XY, еще не следует, что между ними есть какая-то синтаксическая связь — они даже могут относиться к разным предложениям. Тот факт, что наречие *вместе* в (95a) стоит рядом с глаголом *заявили*, а в (95б) — рядом с глаголом *работать*, еще не говорит о том, что оно синтаксически непосредственно связано с тем или с Другим. Только при сравнении этих двух предложений друг с другом (и с другими предложениями) выясняется, что глагол требует, чтобы наречие находилось рядом с ним, тогда и только тогда, когда между ними налицо непосредственная синтаксическая связь.

Часть 1. Синтаксическое описание

Рекомендуемая литература

Основные признаки согласования и управления обсуждаются в [Кибрик 1977в (и переработанный вариант в Кибрик 1992); Кеепап 1979* Апресян 1982; Nichols 1985; Мельчук 1993; Wunderlich 1994]. Обзор систем согласования в языках мира можно найти в [Moravcsik 1978; Lehmann 1982]; согласованию посвящены также монографии [Bosch 1983; Lapointe 1985; Barlow 1992], сборники статей [Barlow, Ferguson (eds.) 1988; Brentari et al. (eds.) 1988; Danon-Boileau (eds.) 1996] и специальный выпуск журнала *Folia linguistica*, vol. 33, no. 2 за 1999 г. под редакцией Г. Корбетта. Трактовки согласования в теоретических рамках порождающей грамматики предложены в [Bentatmoun 1992; Gelderen van 1997].

Наиболее полное исследование согласования в славянских языках в типологической перспективе - [Corbett 1983]; много сведений о согласовании содержится в книгах [Corbett 1991; 2000]. Библиографию по согласованию, составленную Г. Корбеттом, можно найти в Интернете по адресу www.surrey.ac.uk/LIS/SMG/agr.html. Согласованию в русском языке посвящены монографии [Crockett 1976; Иомдин 1990; Schmidt, Lehfeldt 1995], согласованию и управлению - [Скобликова 1971]. Проблеме типологии согласования генитивных ИГ посвящен сборник [Plank (ed.) 1995]. Понятия юнкции и нексуса введены О. Есперсеном [1958 (1924)]; их развитие см. в [Мартемьянов 1970-1971; Барулин 1990] (термины *nexus* и *juncture* в «референциально-ролевой грамматике» Р. Ван Валина [Van Valin 1993; Van Valin, LaPolla 1997], вероятно, «этимологически» восходят к понятиям Есперсена, но содержательно имеют с ними мало общего).

Глава VIII

ДИАТЕЗА, ЗАЛОГ, АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Понятие залога определяется через понятие диатезы - соответствия партиципантов лексемы членам предложения, которыми они выражаются. Залогом называется диатеза, грамматически выраженная в глаголе. Из всех диатез выбирается исходная, которая соответствует активному залогу. Диатеза, в которой партиципант, выраженный подлежащим в исходной диатезе, не выражен подлежащим, называется пассивной диатезой и соответствующий залог — пассивом (п. 1). Пассивные конструкции обнаруживают несколько типов, в основном различающиеся тем, что происходит с «освободившимся» местом подлежащего (п. 2). Функция пассива чаще всего заключается в выдвижении пациента на первый план сообщения, в центр внимания коммуникантов и, наоборот, затушевывание агента, выведение его в область «фона». Кроме того, частое употребление пассивных конструкций в русском языке представляет одну из особенностей официального делового стиля (п. 3). Диатезы, в которых референты двух партиципантов предиката совпадают, — рефлексив и реципрок соответствуют возвратному и взаимному залогам (п. 4). Маргинальные диатезы сравнительно с исходной меняют соотношение партиципантов с дополнениями и обстоятельствами, но не затрагивают подлежащего; в языках мира они фамматикализуются сравнительно редко и обычно представляют собой фамматические особенности небольших групп глаголов (п. 5). Параметрическая диатеза ставит на место некоего партиципанта исходной диатезы выражение параметра, или признака, значением которого является этот партиципант (п. 6). Актантная деривация представляет собой явление, отличное от залога, хотя традиционно обе категории рассматриваются вместе. В отличие от диатезы и залога, которые меняют соотношение партиципантов с членами предложения, актантная деривация увеличивает или уменьшает число партиципантов, меняя, таким образом, значение предикатного слова. Один из случаев актантной деривации — «расщепление валентностей», когда предикатное слово «присваивает» актант своего актанта. Другие, нередко регулярные, способы актантной деривации в языках мира либо также повышают число валентностей предикатного слова — каузатив, аппликатив, версия, либо понижают их число — Декаузатив (п. 7).

1. Определение диатезы и залога

В главе III модель управления рассматривалась как характеристика единицы словаря (лексемы). Однако очень часто у разных словоформ одной и той же лексемы разные мо-

Часть 1. Синтаксическое описание

дели управления. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить модели управления финитной глагольной словоформы *идет* и причастия *идущий*: во второй одна из валентностей (подлежащее) может быть заполнена только нулем, или модели управления форм активного (*строит*) и пассивного (*строится*) залога. Напомним, что модель управления состоит из двухстрочной таблицы: в первой строке обозначаются переменные (particpants), входящие в толкование лексического значения лексемы, во второй — средства выражения этих переменных. Поскольку лексическое значение при словоизменении не меняется, первая строка для всех словоформ одной лексемы остается одинаковой. Меняется вторая строка — средства выражения particpants, например, названия членов предложения и грамматические средства их оформления.

Рассмотрим различие в моделях управления активной формы глагола, возглавляющей активную конструкцию (1) а. *Рабочие строят дом*, и ее пассивного коррелята б. *Дом строится рабочими*:

(1')

X (агенс)	Y (пациенс)
подлежащее им. п.	дополнение вин. п.

(1'')

X (агенс)	Y (пациенс)
агентивное доп-е твор. п.	подлежащее им. п.

Соотношение между моделями управлениями (Г—1") регулярно: такие же грамматические различия наблюдаются в парах (2) а. *Студенты выполняют задание*, б. *Задание выполняется студентами*; (3) а. *Маша приглашает гостей*, б. *Гости приглашаются Машей* и т. д. Различные соответствия particpants лексемы членам предложения в моделях управления ее различных словоформ называются **диатезами**. Диатеза, выраженная в глаголе регулярными грамматическими средствами, называется **залогом**.

Таким образом, категория залога — это формально-морфологическое средство оформление смены моделей управ-

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

равления. Примеры (2—3) представляют две разные диатезы переходных глаголов *выполнять* и *приглашать*, а поскольку это различие в русском языке оформляется морфологически регулярным образом (в несовершенном виде глагола — суффиксом *-ся*, в совершенном — аналитической конструкцией с пассивным причастием: *Гости были приглашены Машей*), то *выполняют* и *выполняется*, *приглашает* и *были приглашены* и так далее представляют собой разные залоговые формы соответствующих глагольных лексем.

Среди множества диатез одной предикатной лексемы (или двух и более лексем, связанных регулярным словообразовательным отношением) бывает возможно выделить одну, в которой: 1) с помощью актантов выражаются все партиципанты, входящие в толкование ситуации, обозначаемой глаголом-вершиной; 2) каждый партиципант соответствуетциальному референту; 3) иерархия семантических ролей (агенс > пациент > бенефактив (или адресат) > прочие) соответствует иерархии синтаксических единиц — членов предложения (подлежащее > прямое дополнение > косвенное дополнение > прочие). Такая диатеза называется **исходной**, все прочие диатезы данной лексемы (или группы лексем, связанных регулярными отношениями словообразования) — **производными** [Храковский 1974]. Залог, соответствующий исходной диатезе, принято называть **активным** (= **действительным**).

Например, из двух предложений (4) а. *Собака кусает человека* и б. *Собака кусается* (46) не относится к исходной диатезе в силу признака 1): несмотря на то что у глагола *кусаться* два партиципанта (кто кусается и кого при этом кусают), актант у него только один — соответствующий первому партиципанту. Без упоминания пациента невозможно истолковать значение слова *кусаться*, но в (46) этот партиципант остается синтаксически не выраженным: ему не соответствует никакой актант. Далее, из двух предложений (5) а. *Мать одевает девочку* и б. *Девочка одевается* (56) не относится к исходной диатезе в силу признака 2): у двух партиципантов глагола *одеваться* — агента и пациента — один и тот же референт, обозначенный словоформой *девочка*: она одевает *сама себя*. Наконец, в паре предложений (6) а. *Наполеон разбил войска коалиции* и б. *Войска коалиции были разбиты Наполеоном* диатеза, представленная (66), не является исходной по признаку 3):

(6')

- a. Наполеон разбил войска коалиции
агенс пациентс
подлежащее прямое дополнение

6. Войска коалиции были разбиты Наполеоном
пациенс агенс
подлежащее прочие

Производная диатеза, в которой particипант, выраженный подлежащим в исходной диатезе, не выражен подлежащим, называется **пассивной** диатезой, а соответствующий залог — **пассивным** (= **страдательным**) залогом, или **пассивом**.

Пассивными в соответствии с данным определением будем называть не только конструкции типа (66), но и конструкции без агентивного дополнения (*Книга печатается*), и конструкции, в которых позиция подлежащего вовсе не заполнена, например, (7) а. *С ними договорено*, ср. исходную диатезу б. *Мы с ними договорились*. В определение пассива также не входит указание на то, что происходит с прямым дополнением (точнее: с тем партнципантом, который в исходной конструкции выражается прямым дополнением) — продвигается ли соответствующая ИГ в позицию подлежащего, как в (66), остается ли в прежней синтаксической форме или вовсе не выражается. Материал разнообразных языков показывает, что именно такое определение позволяет объединить в одно понятие пассива группу конструкций, обладающих рядом важных общих свойств.

(8) Модели управления активного и пассивного залогов

Активная конструкция

X (Агенс)	Y (Пациенс)
подлежащее	прямое дополнение

11

Пассивная конструкция

X (Агенс)	Y (Пациенс)
не подлежащее	любой член предложения

Прямого дополнения в активной конструкции может и не быть. Это происходит в том случае, если, как в (7), пассивизируется непереходный глагол.

Различие диатез может оформляться не только залоговыми формами, но и, например, служебными словами или порядком слов, как в древнекитайском языке (9) а. *Жэнь та ху* 'Человек убивает тигра'; б. *Ху та юй жэнь* Тигр убит человеком'; в пассивной конструкции (96) позицию подлежащего перед глаголом-сказуемым *та* 'убивать' занимает пациент *ху* 'тигр', а агентивное дополнение *жэнь* 'человек' выражается с помощью служебного слова *юй*.

Есть пары диатез, различие между которыми вообще не выражается формально. Например, французские инфинитивные конструкции могут употребляться как в активной, так и в пассивной диатезах: (10) *J'ai vu manger des Mens* может означать 'Я видел, как едят собаки' или 'Я видел, как едят собак'. Пассивная инфинитивная конструкция может включать в себя даже агентивное дополнение, причем форма глагола не меняется: (II) *L'on voyait encore tirer les filets par les pecheurs* 'Еще можно было видеть, как рыбаки тянут сети' [букв.: 'видеть тянуть сети рыбаками' [Теньер 1988 (1959): 258, 442]. Есть и другие случаи немаркированных в глаголе диатез, как англ. (12) *The river abounds in fish* 'Река изобилует рыбой' и б. *Fish abound in the river* букв. 'Рыба изобилует в реке'; русск. (13) а. *Лягушки кишиат в болоте* и б. *Болото кишиит лягушками*.

2. Типы пассивных конструкций

Чтобы рассмотреть основные разновидности пассивных конструкций, удобно взять за основу признак числа партиципантов исходной диатезы, как это сделано в классификации В. С. Храковского [1974]. Поскольку в исходной диатезе число партиципантов по определению равно числу актантов, будем называть глаголы одно-, двух- и т. д.— актантными, имея в виду число их партиципантов. В русском языке одноактантный глагол может образовывать пассивную форму без выраженного актанта (14б) или с одним актантом (14в): (14) а. *Я ходил*; б. *Хожено*; в. *Мною хожено*. В польском языке одноактантный глагол допускает только пассив без агентивного дополнения: (15) а. *Ludzie chodzili* 'Люди ходили'; б. *Chodzono* 'Хожено'.

Двухактантный глагол допускают пассивную конструкцию с агентивным дополнением (16б) или без него (16в):

Часть 1. Синтаксическое описание

(16) а. *Молния разбила стену*] б. *Стена разбита молнией*-
в. *Стена разбита*. Конструкции г. *Стену разбило* и д. *Стену*
разбило молнией можно либо относить к активному залогу,
допуская нулевую лексему-подлежащее Ø_{стии} (о ней см!
главу V п.4), либо считать вариантами пассивных конструкций
с невыраженным подлежащим и прямым дополнением.

Есть языки, в которых агентивное дополнение при пассиве невозможно или употребляется с ограничениями. В польском языке глагол в пассиве может сохранять дополнение в вин. п., но в таком случае при нем невозможно агентивное дополнение, и соответствующий participle остается невыраженным и неопределенным, например (17) *Stefan-a posla-no na front* 'Стефана(-АКК) послали (-ПАСС.ПРИЧ.БЕЗЛИЧН.) на фронт', букв. «Стефана послано на фронт»; (18) *Poczte sie przynosi codziennie* 'Почту (-АКК) (ВОЗВР) приносят (букв. «приносится») ежедневно'. В украинском языке агентивное дополнение при пациенте в вин. п. возможно: (19) *Мною было оплачено ю сумму*, букв. «Мною было заплачено эту сумму». В литературном арабском языке в пассиве агентивное дополнение не выражается: (20) а. *qatala ssurtiyy-u Vamil-a* 'Убил(АКТ) полицейский (-НОМ) рабочего(-АКК)'; б. *qutila l'amil-u* 'Был убит(ПАСС) рабочий(-НОМ)' [Храковский 1974: 16]. В валлийском языке засвидетельствована пассивная конструкция, в которой не могут быть выражены ни подлежащее, ни дополнение: (21) *Nid addol-ir yn u capel* 'В этой часовне не служат', букв. «Не поклоняются в этой часовне» [Мельчук 1998: 170].

На основе трехактантного глагола в русском языке могут быть построены либо пассивы с ненулевым подлежащим (22) а. *Отец подарил брату книгу*, б. *Книга подарена брату отцом*, либо безличные пассивы (23) а. Преподаватель указал *Маше на ошибку*, в. *Маше указано на ошибку*. Неопределенно-личная конструкция (24) *Брату подарили книгу* может считаться активной, а не пассивной, если признать в ней наличие нулевого подлежащего Ø_{юи} (см. о нем главу Vп.4).

В английском языке на «освободившуюся» позицию подлежащего при пассиве может продвигаться не только прямое дополнение, но и ИГ, выступающая в качестве косвенного дополнения в исходной (активной) диатезе: (25) а. *He gave me a book* 'Он дал мне книгу'; б. *A book was given to me* 'Книга была дана мне'; в. *A book was given by him to me* 'Книга была дана им мне'; г. *I was given a book* 'Мне

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

дали книгу', букв.: «Я был дан книгу»: д. *I was given a book by him* 'Мне он дал книгу', букв.: «Я был дан книгу им».

В языках, имеющих пустые лексемы-подлежащие, позицию подлежащего при пассиве может занять такая лексема, например, в немецком используется пустая лексема *es*: (26) а. *Alle Kinder tanzen* 'Все дети танцуют'; б. *Es wird von alien Kindern getanzt* (то же), букв. «Всеми детьми танцуется».

3. Функции пассива

Итак, диатезы одного и того же предикатного слова по определению различаются только моделями управления и не выражают никаких различий в обозначаемой ситуации. Достаточно очевидно, однако, что между диатезами есть семантические, или, если выражаться более осторожно¹, функциональные различия — настолько очевидные, что в последнее время предпринимаются попытки определять диатезы и залоги не синтаксически, как это показано выше, а исходя из их семантики (например, в [Fox, Hopper (ed.) 1994; Givon (ed.) 1994]).

В чем заключается значение пассива? Рассмотрим примеры из текстов — начало документа «Правила выдачи грузов на железнодорожном транспорте (утверждены приказом МПС РФ от 3.07.2000, № 19Ц)» (27), отрывки из романа Булгакова «Мастер и Маргарита» (28а) и из пьесы Шварца «Дракон» (28б):

(27) *Порядок и способы уведомления о прибывших грузах устанавливаются начальником станции назначения. По предложению грузополучателя может быть установлен иной порядок уведомления. Для уведомления могут использоваться имеющиеся средства связи.*

Для обеспечения приема уведомлений грузополучателем определяются ответственные по приему уведомлений лица, фамилии и номера телефонов, факсов и телексов которых в письменной форме сообщаются начальнику станции. Передача

¹ Не все лингвисты согласятся называть «семантическими» такие различия между предложениями, которые не связаны ни с какими различиями в обозначаемой ими ситуации. Российские лингвисты скорее склонны расширительно понимать «семантику», а их западные коллеги обычно относят разные способы языкового представления одной и той же обозначаемой ситуации к области « pragmatica ».

Часть I. Синтаксическое описание

уведомления одновременно регистрируется на станции в «Книге уведомлений о прибытии грузов» по установленной МПС России форме.

(28) а. Если бы его [Иуду] люди убили вдалеке от города, этот пакет с деньгами не мог бы быть подброшен так скоро. Он убит вблизи города. Его люди сумели выманить за город (Булгаков, «Мастер и Маргарита»).

б. Бургомистр. ... Сильно выдвинулся после того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит (Е. Шварц, «Дракон»).

В пяти предложениях текста (27) обнаруживается семь пассивных конструкций — четыре финитные, две инфинитивные и одна причастная. Преобладание пассивных конструкций, наряду с некоторыми другими синтаксическими особенностями (например, обилием номинализаций — *уведомление, предложение, обеспечение, передача*), — яркая особенность официально-делового стиля, характерного для служебных документов. В ряде других языков (например, в немецком) пассивные конструкции также составляют отличительную черту этого стиля.

Люди, хорошо владеющие литературным языком, обычно презирают русский официально-деловой стиль («канцелярит», по выражению К. Чуковского), считая его громоздким, невразумительным и «малокультурным». Главная причина этой неприязни — агрессивное проникновение «канцелярита» в публистику, культуру, науку и образование в десятилетия тотального контроля бюрократического государства над обществом. Однако лингвист должен понимать, что перед ним не какой-то «испорченный» или «малограмотный» язык, а определенный функциональный стиль русского языка с присущими ему особенностями, уместный в пределах своей социальной сферы. Требовать, чтобы чиновники писали документы, подражая языку писателей и лучших журналистов, так же наивно, как требовать от молодежи, чтобы ее речь не отличалась от речи старшего поколения, или от жителей юга России — отказаться от фрикативного г.

Пример (28а) показывает, что значение пассивной конструкции без выраженного агента совпадает с одним из значений неопределенно-личных конструкций с нулевым подлежащим люди, в которых оно нередко обозначает референт, либо неизвестный говорящему (*Документы украли* — *Документы украдены*) либо референт, который ему известен, но в данной ситуации речи неважен или неинтересен (*Вам все покажут* ~ *Вам все будет показано*). Может быть и наоборот —

референт слишком важен, он таков, что у говорящего есть причины избегать эксплицитного называния: *Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф 7:2); *Ваш роман прочитали* (Булгаков, «Мастер и Маргарита»). В (28a) персонаж романа (Африаний) чередует нулевое подлежащее *Они* с безагенсным пассивом. Обе конструкции здесь, очевидно, полностью совпадают по значению: он избегает называть людей, совершивших убийство, потому что оно не раскрыто и он их не знает, и одновременно — именно потому, что он их знает. В (286) бургомистр, приписавший себе победу над драконом, обращаясь к настоящему победителю — Ланцелоту, пытается как-то обозначить ситуацию убийства дракона. Активный залог требует выразить агенс с помощью подлежащего, но бургомистр не может сделать эксплицитный выбор: он не в состоянии сказать правду (*вы*), но пугается и прямой лжи (*я*); попытавшись отыскать компромисс (*мы*), он в конце концов обходит трудность с помощью пассива: *дракон былбит* — неважно, кем. Итак, вторая функция пассива — неупоминание референта агensa в той ситуации речи, когда его упоминание по той иной причине нежелательно или просто связано с сокращением «кадра» (агенс выпадает из сферы внимания говорящего).

Как показано в работах Е.Л. Григорьян [1986] и Е.В. Падучевой [1997; 1998], эта функция характеризует не только пассив, но и любую диатезу, в которой агенс не выражен: (29) *Через минуту возле его правого уха ступил в лужу большой тяжеловесный сапог* (Чехов). Ситуация в (29) дана в восприятии человека, лежащего на земле, в поле зрения которого находится только сапог, ср. б. *кто-то ступил в лужу сапогом*; (30) *Далеко за лесом играла свирель возвращавшегося пастуха* (Чехов). «Данный пример может описывать только такую ситуацию, когда пастух не попадает в поле зрения; вариант *Пастух играл на свирели* может описывать оба случая» [Григорьян 1986: 6].

Какой же может быть функция двухактантного пассива (с выраженным агентивным дополнением) за пределами делового стиля? Эту функцию хорошо демонстрирует пример В.А. Плунгяна [2000: 191, 195], который здесь приводится в несколько измененном виде:

- (31) а. *Большинство теоретиков отвергли этот аргумент;*
б. *Этот аргумент был отвергнут большинством теоретиков.*

Часть 1. Синтаксическое описание

Различие между (31аб) не затрагивает обозначаемой ситуации — она одна и та же для обоих предложений. Однако достаточно поставить их в контексты (32аб), чтобы разница проявилась:

(32) а. *Несмотря на весь авторитет Росса,..*

б. *Несмотря на блестящее доказательство существования «размытых категорий»,..*

По-видимому, (32а) — несколько более естественный контекст для (31а), чем для (31б), а (32б) больше подходит для (31б), чем для (31а). Контексты (32) выявляют отличие между (31аб), которое «состоит в том, что в варианте [31а] говорящему, скорее всего, нужно сделать некоторое утверждение про *теоретиков*, тогда как в варианте [31б] — утверждение про *аргумент*... Граммемы залога маркируют переключение внимания говорящего, тот "кадр", в фокус которого поочередно попадают разные участники ситуации» [Плунгян 2000: 195].

В (31а) сравнительно с (31б) изменился **коммуникативный ранг** участников ситуации, т. е. их большая или меньшая способность находиться в центре внимания говорящего и адресата или в исходном пункте (теме) сообщения (о понятии темы см. главу IX п. 1). Подлежащее в большей степени, чем другие ИГ в предложении, способно находиться в центре внимания участников речевого акта, соответственно* оно имеет и высший коммуникативный ранг. Дополнение способно к этому в меньшей степени. Если оно все-таки находится в центре внимания, то это приходится выражать особыми средствами, например, не совсем обычным порядком слов, при котором дополнение стоит в начале предложения (3Г) а. *Этот аргумент отвергло большинство теоретиков;* б. *Большинством теоретиков этот аргумент был отвергнут.*

«В самом общем виде мы можем определить залог как такую глагольную категорию, граммемы которой указывают на определенное изменение коммуникативного ранга участников ситуации... В русском языке... наивысший коммуникативный ранг приписывается подлежащему предложения... именная группа может изменить свой коммуникативный статус, но все же остаться подлежащим; однако если существительное² теряет статус подлежащего, оно заведомо

В этой цитате термины «именная группа» и «существительное» употребляются синонимично — Я. Т.

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

теряет и статус участника с наиболее высоким рангом» [там же: 196].

Кроме смены коммуникативного ранга, пассивный залог с некоторыми глаголами способен выражать и ряд дополнительных значений. Например, пассив во многих языках часто одновременно имеет результативное значение (результативом называется форма со значением состояния, образованная регулярным образом от глагольной лексемы со значением действия), например, (33) *Крепость все еще осаждена противником* (обстоятельство *все еще*, не сочетающееся с формами со значением действия, указывает на значение состояния).

Пассив часто выражает некоторые модальные значения, чаще всего — потенциалис (= значение возможности): (34) *Бумага легко режется, Мне не спится, Здесь легко дышится*. Сравним также пассив в японском языке: (35) *Каренико:хи-га ном-энай* 'Ему(-ДАТ) кофе(-НОМ) пить-нельзя' [Яхонтов 1974: 50].

ЗАДАЧА VIII-1. Ниже в виде пяти столбцов приводятся списки русских глаголов на -ся, образованных от соответствующих переходных глаголов без -ся. Общие свойства глаголов каждого столбца условно изображены в виде кружков и стрелок.

I	II	III	IV	V
асфальтироваться	причесываться	проливаться		
оцениваться	мыться	пугаться		
разыскиваться	сдерживаться	валиться		
изгоняться	вооружаться	изменяться		
запечатываться	закутываться	взрываться		
целоваться				брьзгаться
встречаться				бодаться
обниматься				кусаться
грызаться				толкаться
сражаться				щипаться

Используя запись с помощью кружков и стрелок в качестве подсказки, определите, по каким признакам сгруппированы глаголы по пяти столбцам.

Часть 1. Синтаксическое описание

Распределите по столбцам глаголы из следующего списка:

прятаться, двигаться, стреляться, обжариваться, швыряться, растворяться, связываться, сообщаться, царапаться, готовиться, ругаться

Учтите при этом, что одно и то же слово может в одном своем значении относиться к одному столбцу, а в другом - к другому. Если вы помещаете какое-либо слово в два различных столбца, поясните свое решение.

Объясните, какое значение имеют в приведенных схемах кружки и стрелки.

4. Рефлексив и реципрок

Диатеза многоактантного глагола, в которой два разных партиципанта выражаются одним и тем же членом предложения (подлежащим), употребляется в двух разных значениях. В первом случае, когда референты обоих партиципантов совпадают, имеет место **рефлексивная** (= **возвратная**) диатеза. Во втором множество референтов выполняет две роли X и Y (например, агента и пациента) таким образом, что каждый референт является одновременно и X, и Y по отношению к некоторому другому референту множества. Такая диатеза называется **взаимной** (= **реципрокальной**).

(36) Модель управления возвратного и взаимного залогов

Активная конструкция:

X (Агенс)	Y (Пациенс)
подлежащее	прямое дополнение

X (Агенс)	Y (Пациенс)
подлежащее	им. п.

Взаимная и возвратная диатезы могут выражаться также с помощью местоимений, ср. (37) а. *Они ругали друг друга*; б. *Они ругались*; (38) а. *Иван сдержал себя*; б. *Иван сдержался*.

Можно заметить, что взаимная диатеза почти всегда видоизменяет значение глагола: (37б) предполагает, что оба действующих лица на-

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

ходятся в одном месте и обращаются друг к другу, в то время как в (37a) это не обязательно так и даже скорее не так; сходным образом (39) а. *Они встречали друг друга* отличается от б. *Они встречались*, так как действия, описанные в (39a), предполагают, что роли участников в каждой отдельной встрече были разными, а в (39б) они одинаковы. Как пишет по этому поводу И.А. Мельчук, «реципрок не является залогом, хотя и близок к залогам: в отличие от залогов, которые изменяют только базовую диатезу глагола, не затрагивая его лексическое значение, реципрок не сводится к простому изменению диатезы - он добавляет к лексическому значению глагола новый, достаточно сложный элемент: ~ '... один другого одновременно, совместно участвуя в действии'. Заметим, что, например, в русском языке предложения *Илья и Света поцеловались* и *Илья и Света поцеловали друг друга* не синонимичны: в первом случае речь идет об одном поцелуе, в котором оба лица, так сказать, участвовали совместно; во втором случае речь идет о последовательном обмене двумя различными поцелуями» [Мельчук 1998: 174].

Замечания И. А. Мельчука о семантике реципрока не могут быть оспорены, однако похожие «претензии» можно предъявить и рефлексивному залогу: *Он побрился* означает удаление волос на лице, а *побрить себя* можно и включая голову; *продал себя* не подразумевает непременно морального падения в отличие от *продался*; *похвалить себя* можно и мысленно, но для того, чтобы *похвалиться*, необходим адресат и т. п. Более того, если потребовать, чтобы ситуации, обозначаемые глаголом активного залога и соответствующим ему глаголом пассивного залога, были абсолютно одинаковы, то пассивные конструкции (40) *Город все еще захвачен врагом*; (41) *Мне не спится* могут оказаться вовсе лишенными активных коррелятов. Следует, вероятно, ослабить требование на совпадение ситуаций, обозначаемых разными диатезами, например, признать достаточным их частичное совпадение.

Рефлексивный залог представлен формой на *-ся* от глаголов *брить*, *мыть*, *устраивать*, *показывать* и т. п.: (42) а. *Мальчик поранил палец*; б. *Мальчик поранил-ся*. Взаимный залог образуется от той группы глаголов, в которых возможно нарушение принципа единственности семантической роли (см. главу III п.9). Эти глаголы (*обнимать*, *целовать*, *мириться*, *сговариваться* и др.) включают партиципанты, которые могут выполнять в обозначаемой ситуации одну и ту же роль: (43) а. *Он обнял брата*; б. *Они обняли-сь*; (44) а. *Я tolкаю тебя*; б. *Мы tolкаем-ся*; (45) а. *Прямая пересекает отрезок*; б. *Прямая и отрезок пересекают-ся*.

5. Маргинальные диатезы

До сих пор мы рассматривали только диатезы и залоги, затрагивающие подлежащее. Есть, однако, и такие диатезы, которые не вовлекают (или не обязательно вовлекают) подлежащее. Их можно назвать **маргинальными**. Имеется, например, маргинальная диатеза, которая «противоположна» пассиву. Производная диатеза, в которой particипант, выраженный прямым дополнением в исходной диатезе, не выражен прямым дополнением, называется **антипассивной** диатезой и соответствующий залог - **антипассивным** залогом.

(46) Модель управления антипассивного залога

Активная конструкция

X (Агенс)	Y (Пациенс)
подлежащее	прямое дополнение

X (Агенс)	Y (Пациенс)
подлежащее	не прямое доп-е

Пример антипассива - (476-486): (47) а. *Мальчик бросает камни*; б. *Мальчик бросается камнями*; (48) а. *Корова бодает девочку*; б. *Корова бодается*.

В литературе по лингвистической типологии распространено и другое понимание антипассива [Dixon 1994], основанное на нередко преувеличиваемой роли этого залога в синтаксисе нескольких языков с эргативной конструкцией предложения. Это языки дирбал [Dixon 1972], йидинь [Dixon 1977] и калкатунгу [Blake 1979; 1982] (все три - семья пама-ньюнга, Австралия), алторпский [Кибрик 1979г; Кибрик и др. 2000] (чукотско-камчатская семья), аляскинский эскимосский (юпик) [Payne 1982], язык капампанган (австронезийская семья, Филиппины) [Mithun 1994] и, возможно, также мертвый хурритский язык [Goetze 1940]. В этих языках антипассив не только «понижает» пациент сравнительно с исходной диатезой, но и «продвигает» агенс при переходном глаголе, в исходной диатезе обозначенный эргативом, в приоритетную синтаксическую роль, обозначаемую абсолютивом. «Продвижение в приоритетную роль» означает приобретение ряда важных признаков грамматического приоритета, обычно свойственных подлежащему.

Выясняется, однако, что явное «повышение статуса» агента в антипассиве надежно засвидетельствовано лишь в очень немногих языках с эргативной конструкцией. В большинстве их агенс приобретает дополнитель-

тельные признаки грамматического приоритета незначительно или с существенными оговорками — в йидине, калкатунгу и языках майя [Kazenin 1994], в чукотском [Polinskaja, Nedjalkov 1987; Kozinsky et al. 1988], в языке азиатских эскимосов [Бахтин 1995] — либо вообще их не приобретает — в восточнокавказских (аварском, бежтинском, даргинском) и в западнокавказских (адыгских) языках, в баскском [Jacobsen 1985], в полинезийских, в австралийском языке вальбири (семья пама-ньюнга). При этом статус пациента в антипассиве сравнительно с исходной диатезой меняется всегда, причем одинаково — он понижается, т. е. становится меньшим, чем статус прямого дополнения [Полинская 1986]. Таким образом, принципиального отличия между антипассивом в большинстве «эргативных» языков и антипассивом, например, в русском языке нет.

В русском языке антипассив при некоторых глаголах обозначает одновременно **косвенно-рефлексивную** диатезу (совпадение референтов агенса и бенефактива): (49) а. *Саша раздобыл себе сигареты*; б. *Саша раздобылся сигаретами*; (50) а. *Они запасли себе провиант*; б. *Они запаслись провиантом*.

Другой пример маргинальной диатезы — сдвиг косвенного дополнения (dative shift) в английском языке: (51) а. / *gave the book to Jane* 'Я дал книгу Джейн'; б. *I gave Jane the book* то же. Не отражаясь морфологически в глаголе, эта диатеза не соответствует никакому залогу. Косвенное дополнение, оформленное предлогом *to* в конструкции (51a), соответствует прямому дополнению в (51b). Что *Jane* в (51b) прямое дополнение, видно из того, что только оно может непосредственно следовать за переходным глаголом.

Маргинальные диатезы обычно мало регулярны: они свойственны отдельным группам глаголов, причем множество допустимых маргинальных диатез у разных глаголов обычно разное. Маргинальные диатезы часто не отражаются морфологически в глаголе, т. е. не являются залогами. Вот, например, несколько диатез, которые допускает французский глагол *payer* 'платить': (52) а. *Pierre a payé Marie* 'Пьер заплатил Марии'; б. *Pierre a payé cent francs à Marie* 'Пьер заплатил сто франков (к) Марии'; в. *Pierre a payé ce livre cent francs* 'Пьер заплатил [за] этую книгу сто франков'. Русский глагол *платить* в активном залоге, в отличие от своего французского эквивалента *payer*, обходится одной диатезой: *платить что* (сумма) *кому* (получатель) *за что* (товар или услуга); французский язык допускает три диатезы в зависимости от того, какое из трех дополнений выступает в качестве прямого. Ср. также (53) а. *мазать масло на хлеб*; б. *мазать*

Часть 1. Синтаксическое описание

хлеб маслом; (54) а. залить бак бензином; б. залить бензин в бак.

Диатеза, которая продвигает косвенное дополнение исходной диатезы в позицию прямого, называется **пермутативной** [Мельчук 1998: 181], и соответствующий залог — **пермутативом**. Пермутатив встречается, например, в чукотском языке [Polinskaja, Nedjalkov 1987: 240]

(55)

а. *ətləy-e tətqətmət kawkaw-ək kili-nin*

отец-ЕД.ЭРГ масло.АБС хлеб-ЛОК намазать.АОР-ЗЕД. СУБ.ЗЕД.ОБ
‘Отец намазал масло на хлеб’.

б. *ətləy-e kawkaw tətq-e ena-rkele-nen*

отец-ЕД.ЭРГ хлеб.АБС масло-ЭРГ ПЕРМ-мазать.АОР-ЗЕД.СУБ.ЗЕД.ОБ
‘Отец намазал хлеб маслом’.

Пермутатив (556) выражается в глаголе с помощью префикса *ena-*. Косвенное дополнение в локативном падеже при этом повышается до прямого и оформляется абсолютивным падежом (у него нулевое окончание), а прямое дополнение, наоборот, понижается до косвенного и оформляется творительным падежом (совпадающим в чукотском с эргативом), как и в соответствующей русской диатезе.

6. Параметрическая диатеза

В серии статей, посвященных регулярной многозначности русских глаголов, и в частности их незалоговым диатезам, Е.В. Падучева [19976; 1998; 1999] обратила внимание на пары предложений следующего типа: (56) а. *выбрал себе жену*; б. *выбрал Марию в жены*; (57) а. *выбрал место для свидания*; б. *выбрал местом свидания Кистеневскую рощу*; (58) а. *назначил дату отъезда на 5 февраля*; б. *назначил 5 февраля датой отъезда*; (59) а. *получил наследство в виде дома*; б. *получил дом в наследство*; (60) а. *назначил директора*; б. *назначил Иванова директором*; (61) а. *выбрали губернатора*; б. *выбрали Стародубцева губернатором* и т. п. Можно заметить, что пары (56а-61а - 566-616) отличаются от обычных маргинальных диатез: на место прямого дополнения претен-

О различии «внешнего» и «внутреннего» объекта при глаголах типа *избрать*
см. [Апресян 20006].

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

дуют не разные партиципанты глагола, а как бы две разновидности одного и того же партиципанта. Первая разновидность (56a—61a) характеризует партиципант как некий тип или признак, вторая (56б—61б) — как конкретного представителя некоторого типа или признака. «Диатезы глагола *назначить* можно разделить на два класса — прямые, когда результат назначения задан непосредственно (*назначить свидание*), и косвенные, или параметрические, когда задан лишь параметр, а его значение, т. е. сам результат выбора назначающего лица, не указан или вообще остается нефиксированным (*назначить директора*)» [Падучева 1999: 490]. Значение параметра при некоторых глаголах не может быть выражено: (62) а. *измерил температуру*, б. **измерил 37 градусов в качестве температуры*, (63) б. *определил объем*; б.**определил три куба в объем*. Параметрическая диатеза может выражаться косвенным вопросом (64б), и тогда прямая выражается обычным придаточным (64а): (64) а. *догадался, что приходил Петя*, б. *догадался, кто приходил*.

Одновременное выражение параметра и его значения в одной клаузе нарушает принцип единственности выражения семантической роли (см. главу III п.9), и поэтому в языках то и другое редко выражается одинаковой формой: обычно в перспективе в качестве пациента попадает либо только параметр, либо только его значение.

В русской разговорной речи параметр и его значение допустимы в виде двух ИГ в вин. п.: (65) *Он получил зарплату в пятьсот рублей*', (66) *Назначили нового директора Иванова*; (67) *Ему вручили подарок серебряные часы*, но литературный язык, в котором более строго соблюдается принцип единственности роли, такого не допускает и обычно требует, чтобы параметр (69—70) или его значение (68) выступали либо в твор. п., либо в вин. п. с предлогом *в*: (68) *он получил зарплату в пятьсот рублей*; (69) *ему вручили часы в подарок*; (70) *назначили Иванова директором* (об этом явлении см. [Шведова 1964а; Апресян 1966: 82]). В английском языке параметрическая диатеза (71) а. *We elected John* 'Мы выбрали Джона'; б. *We elected a president* 'Мы выбрали президента'; в. *We elected [sc John president]* 'Мы выбрали Джона президентом' создает в (71в) парадоксальную синтаксическую конструкцию — малую клаузу (small clause, SC), о свойствах которой достаточно подробно говорилось в главах V 1.6 и VI 3.2.

Нерегулярные диатезы — явление, находящееся на стыке лексической семантики и грамматики. С ними связан ряд малоисследованных проблем, прежде всего в том, что касается принципов соотношения глагольных particипантов и членов предложения, организации перспективы и т. п. Одна из таких проблем — изменение состава particипантов в ходе действия или процесса, обозначаемого глаголом. «Большинство глаголов обозначает динамическую ситуацию, и тогда не удивительно, что число и характер участников на разных временных этапах ситуации может быть разный. В ходе временного развертывания ситуации участники превращаются один в другой (*резать свинину — резать толстые куски*); отождествляются — два участника сливаются в один (например, с удивлением узнал в этой женщина свою жену); возникают из небытия; и т. д. Синтаксический актант в этом случае пребывает в растерянности — какого участника ему обозначить?» [Падучева 1999: 498].

7. Актантная деривация

Соотношение форм (72) *варить* и *вариться*, (73) *взрывать* и *взрываться* и соответствующих им конструкций не может рассматриваться как залоговое. Сравним, например (74) а. *Мы открываем форточку* и б. *Форточка открывается*. В соответствии с приведенным выше определением диатезы и залога в (74) не наблюдается залогового преобразования, потому что состав particипантов в (74а) и (74б) различен: в толковании глагола *открывать* имеется семантическая валентность на агенс ('Х открывает'), а в толковании глагола *открываться* такой валентности нет⁴: он обозначает самопроризвольное, спонтанное действие или действие под влиянием безличных или неназываемых факторов (таких, как, например, случайный поток воздуха). (74б) отличается от (74а) не только способом выражения particипантов, но и их числом, ср. с этим пассив (75) а. *Мы изготавливаем форточку*; б. *Форточка изготавливается (нами)*.

Самостоятельную лексему *открываться* следует отличать от пассивной словоформы глагола *открывать* (*Острова открывались мореплавателями*). Что это не пассив, установить легко, так как эта лексема имеет форму совершенного вида на -ся: *Форточка открылась*, что в пассиве невозможно: **Острова открылись мореплавателями*.

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

Итак, с одной стороны, соотношение между парами типа (72—73) не подпадает под определение диатезы и залога. С другой стороны, оно является достаточно регулярным: в русском языке можно найти очень много пар глаголов на -ел и без -ся, связанных семантически по типу (72—73). Что это за соотношение? Прежде чем вернуться к этому вопросу, рассмотрим еще несколько похожих явлений.

7.1. «Расщепление» валентностей

В главе III упоминались такие предикатные лексемы, партиципанты которых не соответствуют никаким актантам. Противоположный случай — актант, не соответствующий никакому партиципанту, — противоречил бы определению актанта. Однако обнаруживаются такие синтаксические единицы, которые проявляют свойства, типичные для актантов некоторой предикатной лексемы, но тем не менее не соответствуют никакому ее партиципанту (в главе III они получили название вторичных актантов).

Воспроизведем примеры вторичных актантов: (76) *вырвать мальчику зуб*, (77) *ударить приятеля кулаком по спине*, (78) *испортить врагу праздник*, (79) *схватить Сашу за воротник пальто* и т. п. [Апресян 1967: 159–161; Апресян 1969: 303].

«На семантическом языке синтаксические структуры таких словосочетаний, как *давать кому-л. книгу*, с одной стороны, и *гладить кому-л. голову*, *чесать кому-л. шею*, с другой — существенно различны. В первых глагол имеет три семантических валентности — субъекта, объекта и получателя, во вторых — только две, субъекта и объекта: существительное в винительном падеже обозначает непосредственно страдающую часть объекта, а существительное в дательном падеже — не получателя, а объект в целом, имя которого в исходной синтаксической структуре подчинено не глаголу *гладить*, а существительному *голова*. ... Представление одной валентности слова А ... с помощью двух соподчиненных А словоформ назовем расщеплением валентности» [Апресян 1974: 153—154]. Одна семантическая валентность соответствует одновременно двум актантам, как бы расщепляется надвое при переходе от семантики к синтаксису.

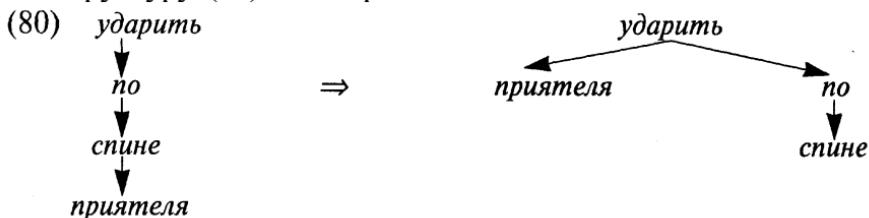
В результате расщепления валентностей может возникнуть вторичное подлежащее *{Изменилось направление ветра —}*

Часть I. Синтаксическое описание

Ветер изменил направление; Его лицо изменилось — Он изменился в лице); вторичное дополнение со значением бенефактива (подстричь свою бороду — подстричь себе бороду; лизать сапоги диктатора — лизать сапоги диктатору; выйти в тыл противника — выйти в тыл противнику); вторичный актант со значением содержания (качество их продукции уступает — их продукция уступает по качеству; считаю, что он умен — считаю его умным). Вторичные актантные могут обладать и локативным значением (зайти в кабинет директора — в кабинет к директору; прийти на семинар Апресяна — на семинар к Апресяну; жить на даче приятеля — на даче у приятеля) [Муравенко 1998: 75-76].

С одной стороны, дополнения (76-79) мальчику, приятеля, врагу... не являются актантами, так как не соответствуют никакому партиципанту — выражаемые ими части значения не нужны для того, чтобы истолковать соответствующие глаголы. С другой стороны, они проявляют все свойства актантов, а не сирконстантов: по своему синтаксическому поведению они не отличаются от обычных дополнений, выражающих пациент или бенефактив. Однако нельзя считать, будто вторичные актантные свободно присоединяются к предикатным лексемам. Необходимо точнее охарактеризовать те условия, при которых происходит появление вторичных актантов.

Вторичные актантные «переходят» к глаголу от одного из его обычных актантов. Так, в (77) спина — актант глагола ударить; у него есть собственный актант — приятель (спина — релятивное имя, имеющее валентность на своего обладателя). Если бы синтаксическая структура точно соответствовала актантной, словосочетание бы выглядело как (77') ударить кулаком по спине приятеля. Однако предикатное слово спина «передает» свой актант глаголу, и в результате получаем структуру (77) со вторичным актантом:

Несколько сложнее обстоит дело в примере (79). Здесь актант «передается» вверх по дереву зависимостей, минуя

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

два его узла: (79') *схватить за воротник пальто Саши* (конструкция без «расщепления», которая звучит неестественно). *Саша* — зависимое существительного *пальто* — становится актантом не того слова, актантом которого является *пальто*, т. е. *воротник*, а глагола, актантом которого является вся ИГ *воротник пальто Саши*:

(81)

У некоторых глаголов может быть дополнение, не имеющее собственного референта, но грамматически производное от этого глагола и повторно именующее действие: *спать крепким сном*, *думать невеселую думу* и т. п. Такие дополнения называются **внутренними объектами** и представляют собой еще одну разновидность вторичных актантов, ср. нем. (82) *Paul schlief einen tiefen Schlaf* 'Пауль спал крепким сном' (букв.: 'крепкий сон'); (83) а. *Paul kampfte einen schweren Kampf* 'Пауль бился в трудном поединке' (букв., «бился тяжелый бой»); от последней конструкции возможен даже пассив: б. *Ein schwerer Kampf wurde von Paul gekämpft* букв. «Тяжелый бой былбит Паулем».

7.2. Морфологические категории, привносящие вторичные актанты

Вторичный актант не всегда возникает как присвоение актанта зависимого слова. При глаголах вторичные актанты привносятся некоторыми словообразовательными и реже — словоизменительными морфологическими аффиксами. Например, приставка *o(б)-* в русском языке может создавать вторичное прямое дополнение: (84) *брызгает на меня водой* — *обрызгивает меня водой*; (85) *работает в поле* — *обрабатывает поле*. Эти морфологические преобразования нередко

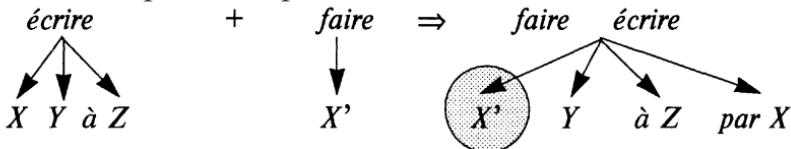
относят к категории залога, однако это трудно совместить с приведенными выше определениями залога и диатезы.

Грамматическое преобразование, в результате которого предикатная лексема получает вторичный актант (от зависимого слова или в результате присоединения грамматического элемента) либо утрачивает какой-то из своих particипантов (с соответствующим регулярным изменением лексического значения), называется **актантной деривацией**.

Актантная деривация, которая создает для глагола вторичное подлежащее со значением агента, называется **каузативом**, деривация, создающая прямое дополнение — **аппликативом**, а создающая косвенное дополнение — **версией**.

Каузатив — вероятно, самая распространенная в языках мира категория актантной деривации. Каузативная деривация может происходить посредством присоединения служебных слов: франц. (86) *alter 'идти' — /aire alter 'понуждать идти'*; (87) а. *Jean ecrira un lettre au directeur* 'Жан напишет письмо директору'; б. *Je ferai ecrire une lettre au directeur par Jean* 'Я заставлю Жана написать письмо директору':

Каузативный служебный глагол */aire* добавляет вторичную валентность на агента к глаголу *ecrire* 'писать'. У *ecrire* уже есть одна валентность на агента, однако новый агент обладает контролем над ситуацией в целом, а первоначальный агент — только над частью ее. Новая роль первоначального агента называется **каузируемый участник (causee)**, и в разных языках она оформляется по-разному. Во французском языке при каузативах от переходных глаголов каузируемый оформляется предлогом *par*.

Вторичный актант каузативной конструкции затенен.

Столь же, если не более, часто каузатив оформляется морфологически. Так обстоит дело, например, в тюркских языках. Пример из тувинского, где показателем каузатива выступает словообразовательный глагольный суффикс *-ур*: (88) а. *оол доц-ган* 'Мальчик(НОМ) замерз(-ПРОШ)'; б. *атак оол-ду доц-ур-ган* 'Старик(НОМ) мальчика (-АКК) заставил.мерзнуть(-КАУЗ.ПРОШ)'. При образовании каузатива от

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

непереходного глагола каузируемый участник выражается в тувинском формой прямого дополнения в аккузативе.

Апликативную деривацию представляет, например, индонезийская конструкция (89) а. *Saya duduk di kursi* 'Я сижу на стуле'; б. *Saya men-duduk-i kursi* 'Я сижу(-АППЛ) [на] стуле'. В (896) обстоятельство места, выраженное предложной группой *di kursi* 'на стуле', превращается в прямое дополнение *kursi* 'стул', и эта синтаксическая деривация типа «обстоятельство → дополнение» осуществляется посредством присоединения к глагольной основе аппликативного циркумфикса *men*_/_.

На актантную деривацию похоже диатезное преобразование, повышающее грамматический статус одного из актентов, например, превращающее косвенное дополнение в прямое. Сравним свойства приставок *Be-* в немецком и *o(b)-* в русском: (90) а. *Ich spreche über deine Arbeit* 'Я говорю о твоей работе'; б. *Ich be-spreche deine Arbeit* 'Я обсуждаю твою работу'; (84—85) и (91) а. Я смотрю на машину; б. Я усматриваю машину.

Версия (называемая часто **бенефактивом**) обычно создает вторичное косвенное дополнение со значением бенефактива (лица, заинтересованного в действии). Версионный вторичный бенефактив примерно соответствует значению русского предлога *для*. Немаркированная бенефактивная версия допустима при некоторых глаголах в английском языке, ср. (92) а. *John bought a book for Mary* 'Джон купил книгу для Мэри'; б. *John bought Mary a book* то же; эту конструкцию не следует путать с конструкцией сдвига косвенного дополнения (52), которая затрагивает обычный актант.

Версия наблюдается, например, в индонезийском языке: (93) а. *Dia membuat kursi itu untuk saya* 'Он сделал стул АРТ) для меня'; б. *Dia membuat-kan saya kursi itu* 'Он сделал(-ВЕРС) мне стул (АРТ)' и в грузинском: (94) а. *is emends "is pexsacmleb-s* 'Он чистит сестры(-ГЕН) обувь(-АКК)'; б. *is u-ctmends da-s pexsacmleb-s* 'Он (ВЕРС-)чистит сестре(-ДАТ) обувь(-АКК)'. Посессивное определение в род. п. (94а) соответствует вторичному косвенному дополнению в дат. п. в версионной конструкции (946). В абхазском языке различаются две версионные формы — бенефактивная (действие в пользу некоторого лица, выражаемого косвенным дополнением, показатель *-z-*) и малефактивная (действие во вред или вопреки интересам этого лица, показатель *-c_w*): *a-gara*

'нести' - *a-z-gara* 'нести ему' - *a-c_w-gara* 'уносить от него'; (95) а. *sara s-cejt* 'я (1ЕД.СУБ-)ушел'; б. *sara jam s-i-z-cejt* 'я [к] нему (1ЕД.ЗЕД.М.ОБ-ВЕРС.БЕН-)ушел'; в. *sara jam s-i-c[^]cejt* 'я [от] него (1ЕД.ЗЕД.М.ОБ-ВЕРС.МАЛ-)ушел [во-преки его интересам, назло ему]'.

Локативная деривация создает актант (подлежащее или дополнение) из обстоятельства места; примером локативной деривации может служить пример на индонезийский аппликатив (89). В английском языке эта деривация также возможна с некоторыми глаголами: (96) а. *John slept in this bed* 'Джон спал в этой кровати'; б. *This bed was slept in by John*; (97) *These cars are designed to be slept between* 'Эти автомобили предназначены для того, чтобы спать между ними'. В греческом языке локативная деривация представляет собой одно из значений версии: при глаголах со значением действия, направленного на поверхность чего-то, возникает вторичное косвенное дополнение со значением места: (98) а. *man surati daxata kedel-ze* 'Он картину нарисовал [на] стене(-ЛОК); б. *man surati da-a-xata kedel-s* 'Он картину (ЛОК.ВЕРС-)нарисовал [на] стене(-ДАТГ)

Единственной формой актантной деривации, состоящей не в наращении, а в устранении актанта, является деривация, противоположная каузативу - **декаузатив**, или **анти-каузатив** — преобразование, с помощью которого из значения глагола устраняется агентивный партиципант: (99) а. Я *жарю* рыбу; б. *Рыба жарит-ся*⁵. Далеко не всякий глагол допускает декаузативизацию. Декаузативы часто образуются от переходных глаголов со значением действия, каузирующего процесс, который при наличии необходимого ресурса и условий может происходить и самопроизвольно: *нагревать(ся)*, *сыпать(ся)*, *рвать(ся)*, *двигаться*) и т. п. Однако декаузатив невозможен, например, от таких переходных глаголов, как *штемпелевать*, *посылать*, *догонять*, *ловить*, *рубить*, *запечатывать*, *уговаривать*, — без агенса эти действия невозможны, и форма на *-ся* от них имеет пассивное (или другое заголовочное) значение.

Интересно, что русский язык (и другие славянские) относится к тому меньшинству языков мира, в которых актантная деривация переход-

Если глагол никак не маркируется морфологически, трудно определить, имеем ли мы дело с каузативной деривацией (1006) в (100a) или же с декаузативной - (100a) в (1006): англ. (100) а. *We broke the window* 'Мы разбили окно'; б. *The window broke* 'Окно разбилось'.

Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация

ных и непереходных глаголов осуществляется посредством декаузатива. Языков с каузативом, по-видимому, больше, чем языков без каузатива, но с декаузативом.

Очень важно, что, кроме декаузатива, не зафиксировано никаких других видов актантной деривации, уменьшающих число партиципантов глагола. Иными словами, из всех семантических ролей только агент может у ряда глаголов регулярным образом «отделяться» от значения, так что в результате возникает глагол с новым значением.

Рекомендуемая литература

Концепция диатез и залогов, изложенная в этой главе, разработана И.А. Мельчуком и АЛ. Холодовичем [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1979; Mel'cuk 1993; Мельчук 1998: 163-195] как развитие принципиальных идей Л. Теньера, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Така и Ч. Филлмора (см. ссылки на их работы в главе III). Эта концепция в дальнейшем была разработана в основанной А.А. Холодовичем ленинградской (петербургской) типологической школе, главным образом в работах В.С. Храковского [1974; 1981; 1991], которые собраны в книге [Храковский 1999]. Анализ понятий диатезы и залога с важными уточнениями см. также в [Падучева 1974; Успенский 1977].

Наиболее известная попытка создать теорию диатез и залогов с выдвижением ряда универсальных принципов - «реляционная грамматика» Д. Перлмуттера и П. Постала (литература по реляционной грамматике указана в главе VI); описательный механизм, на который опирается реляционная грамматика, во многом перекликается с принятым в петербургской школе. Самые значительные работы по типологии пассива — [Холодович (ред.) 1974; Siewierska 1984; Keenan 1985a], по имперсональному («бесподлежащному») пассиву — [Comrie 1977; Frajzyngier 1982; Томмоля 1998]; по общим проблемам залога - [Храковский (ред.) 1978; 1981; Долинина 1989], по рефлексиву [Недялков 1978; Geniusene 1987; Генюшена, Недялков 1991], по реципроку - [Холодович 1978; Недялков 1991].

Функциональный подход к залогу, основывающийся на предпосыпке, что структура залоговой конструкции предопределена ее коммуникативной и прагматической функциями, восходит к статье [Shibatani 1985]. Он представлен в монографии [Klaiman 1991], сборниках [Shibatani (ed.) 1988; Fox, Hopper (eds.) 1994; Givon (ed.) 1994] и в соответствующих разделах теоретических компендиумов [Givon 1990; Van Valin 1993; Van Valin, LaPolla 1997].

Фактически понятие актантной деривации было впервые обосновано и применено в классической книге А.Г. Шанидзе «Основы грамматики грузинского языка» [Sanidze 1953], по уровню грамматической мысли во многом опередившей свое время, но, к сожалению, не переведенной с грузинского ни на один язык. Эта концепция оказала влияние на А.А. Хо-

Часть L Синтаксическое описание

лодовича, который знал грузинский язык и посвятил Шанидзе первую в мировой лингвистике фундаментальную работу по типологии каузативов [Холодович (ред.) 1969]. Понятие «актантная деривация» получило окончательный статус после выхода книги В.А. Плунгяна [2000: 208-220]. Это понятие впервые было обосновано на типологическом материале в статье [Comrie 1985], где оно называлось *valence-decreasing* и *valence-increasing derivations*. Впоследствии А. И. Коваль и Б.А. Нялибули употребляла в близком значении термин «актантно-значимые преобразования» [Коваль, Нялибули 1997], И.А. Мельчук - «контактные дериватемы» [1998: 377-378], А.А. Кибрик и М.Б. Бергельсон - «пропозициональная деривация» [1991], Р. Диксон и А.Ю. Айхенвальд - «argument-determined constructions» [Dixon, Aikhenvald 1997]. Работы по актантной деривации в русском языке в рамках формального синтаксиса - [Babby, Brecht 1975; Babby 1983]. Большую популярность среди генеративистов приобрела теория явлений актантной деривации - каузативов, аппликативов и версий в книге [Baker 1988]; книга специально написана так, чтобы ее могли читать не только приверженцы порождающей грамматики; есть и еще более «популярное» краткое изложение этой теории в [Baker 1993].

Кроме упомянутого выше сборника под редакцией А.А. Холодовича и статьи Б. Комри, каузативам посвящены (полностью или частично) сборники [Shibatani (ed.) 1976; Comrie, Polinsky (eds.) 1993; Kulikov, Vater (eds.) 1998; Abraham, Kulikov (eds.) 1999]; обзор различных подходов к каузативу - [Куликов 1994]. Отметим также статьи [Comrie 1976; Gibson, Raposo 1986; Kulikov (в печати)]. О версии см. [Ломтадзе 1976; Harris 1981; Aronson 1982; Бергельсон 1999]; об аппликативах и версии [Shibatani 1994; 1996].

Введение в морфологическую и отчасти синтаксическую проблематику диатез, залогов и актантной деривации см. в [Плунгян 2000].
436

Глава IX

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

Коммуникативными называются значения, связанные со способом изложения передаваемой информации. Коммуникативные значения - не описание внеязыковой ситуации, а инструкции говорящего адресату о том, как и в каком порядке обрабатывать содержание предложения в процессе его восприятия. Самыми известными в лингвистике коммуникативными статусами являются тема (исходный пункт сообщения) и рема, т. е. сообщаемое (п. 1). Предложения, состоящие из одной ремы, называются тетическихми, или коммуникативно нерасчлененными. Во многих языках основным показателем ремы является фразовый акцент, который при определенных условиях может означать, что не только слово - его носитель, но и включающая его группа является ремой (п. 2). Тема и рема чаще всего, но не всегда, совпадают с данным и новым соответственно; данным называется часть предложения, которая передает информацию, активизированную, по мнению говорящего, в сознании адресата в момент речи (п. 3). Коммуникативное значение выбора одного элемента из некоторого небольшого множества с противопоставлением его другим элементам называется контрастивностью. Выбор без противопоставления, часто применяемый в описательных текстах, называется сопоставительным выделением (п. 4). В предложениях верификации ремой выступает не какая-то часть предложения, а истинностная оценка некоторого утверждения или сообщение о том, имеет ли место некоторая ситуация (п. 5). Эмфазой называется особая неграмматическая коммуникативная категория, указывающая на нарушение нормы (п. 6). В некоторых языках тема образует отдельный член предложения, наряду с подлежащим, сказуемым и дополнением; такая синтаксическая единица называется топиком (п. 7). Коммуникативная категория эмпатии обозначает степень отождествления одного из участников обозначаемой ситуации с говорящим (п. 8).

В этой главе пойдет речь о значениях, строгое описание которых всегда вызывало у лингвистов большие трудности, хотя интуитивно они легко доступны пониманию. Эти значения содержат мало признаков обозначаемой ситуации, но они связаны со способом изложения, «упаковкой» сообщаемого материала. Выражая коммуникативные значения, говорящий стремится сделать свое сообщение максимально удобным для восприятия. Например, коммуникативными значениями различаются следующие два предложения (если они произнесены с фразовым акцентом, сопровождаемым поникающейся интонацией, на последнем слове):

- (1) а. *Сахар мы обнаружили на верхней полке.*
- б. *На верхней полке мы обнаружили сахар.*

Часть 1. Синтаксическое описание

Предложения (1аб) обозначают одно и то же событие с одинаковым составом участников; они не отличаются ни по времени, ни по модальности. Различие только в том, что, произнося (1а), говорящий, скорее всего, предполагает, что внимание адресата привлечено к поискам сахара и что он в какой-то мере заинтересован узнать, обнаружен ли сахар, и если да, то в каком месте. Произнося (1б), говорящий скорее исходит из другого предположения, а именно, что внимание адресата сосредоточено на обследовании полок: он готов услышать, что обнаружено на той или иной полке, но, по-видимому, не думает о сахаре.

Коммуникативные значения ставят исследователя структуры предложения перед сложной методологической проблемой. С одной стороны, лингвиста не может не радовать то, что язык эффективно выражает столь тонкие и одновременно существенные различия. С другой стороны, как их исследовать? Различия в обозначаемой ситуации выявить сравнительно легко: например, предложения (1) невозможно употребить в том случае, когда найден не сахар, а соль, и это их свойство без труда поддается проверке. Но как без сложнейших психологических экспериментов определить, на каком элементе ситуации, по мнению говорящего, сосредоточено внимание адресата, когда говорящий произносит (1а) или (1б)? Это можно сделать, только поместив (1) в более широкий контекст. Например, (1а) уместнее в тексте, где речь идет о поисках сахара, а (1б) — в тексте, в котором рассказывается об обследовании полок. У предложений (1аб) не будет того жесткого дополнительного распределения по контекстам, с которым так удобно бывает работать исследователю грамматики, но тяготение к разным типам контекстов здесь, бесспорно, имеется.

Коммуникативные значения образуют как бы второй слой семантики предложения, наряду с первым слоем, характеризующим внеязыковую ситуацию (притом, что этими двумя «слоями» семантика предложения не исчерпывается). В связи с этим часто говорят о двух аспектах предложения: 1) структурном, или «конструктивно-синтаксическом» [Распопов 1970: 31], или «номинативном» [Арутюнова 1972: 290—297], который в конечном счете отражает структуру обозначаемой ситуации, и 2) коммуникативном, или прагматическом, который отражает выбранный говорящим способ изложения этой ситуации, «привязки» этого изложения к ситуации акта речи.

Глава IX. Коммуникативные категории

Коммуникативные значения выражаются не только синтаксическими средствами. Однако речевые отрезки, на которых определяются эти значения, редко являются меньшими, чем синтаксические единицы - словосочетания (группы) и клаузы. Поэтому коммуникативные (или, как их еще называют, прагматические) значения — часть синтаксически выражаемой информации.

Много дебатировался вопрос о том, относятся ли коммуникативные значения к языку или к речи, характеризуют ли они предложение или высказывание (напомним, что высказыванием называется предложение, «привязанное» к конкретной речевой ситуации; иногда высказывание понимают более узко - как «предложение в аспекте его актуального членения» [Крылова и др. 1997: 68]). Эта проблема не имеет общепринятого решения. Относим ли мы коммуникативную информацию к предложению или к высказыванию, зависит от того, в рамках какой теории, на каком уровне представления предложения, принятого в данной теории, и с помощью какого метаязыка записывается его структура. Поскольку коммуникативные значения прямо выражаются в грамматике — например, порядком слов в (1), — их целесообразно считать относящимися к предложению, а не к высказыванию и соответственно признавать, что в двух высказываниях, отличающихся только коммуникативными значениями, представлены два разных предложения. Поэтому точней было бы говорить не о коммуникативных (т. е. относящихся непосредственно к высказыванию), а о коммуникативно ориентированных значениях. Однако мы сохраняем традиционный термин как более привычный и краткий.

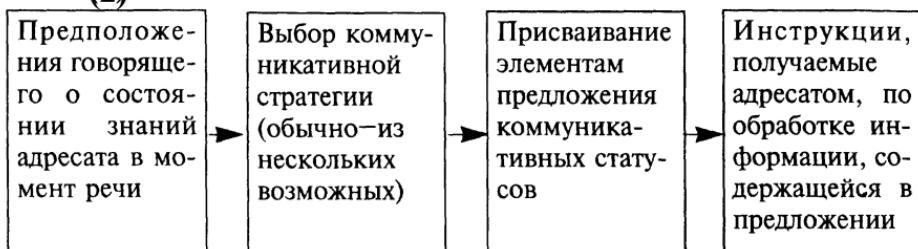
Коммуникативные значения образуют несколько однородных рядов, которые называются **коммуникативными категориями**; в каждом из таких рядов выделяют два или более коммуникативных значения, или **статуса**. Выделим в (1) два таких статуса и дадим им предварительное название — «известное» и «неизвестное»; в (1a) *сахар* будет «известным», а в (16) - «неизвестным».

Предположения говорящего о том, что происходит в момент речи в сознании адресата, не выражаются в предложении прямо, т. е. не образуют часть его значения. Например, предложение (1a) не означает, в частности, что 'говорящий полагает, что внимание адресата обращено на сахар'. Такие предположения относительно адресата лишь подталкивают говорящего к принятию той или иной **коммуникативной стратегии** [Бергельсон, Киблик 1987; Бергельсон 1998], т. е. к той или иной расстановке в предложении коммуникативных статусов на основании обстоятельств ситуа-

ции речи. Например, исходя из того, что адресат не думает в момент речи о сахаре, говорящий может приписать соответствующему слову статус «неизвестное». При восприятии предложения естественная стратегия заключается в том, чтобы «прикреплять» неизвестную информацию к известной. Адресат, получив в предложении (16) слово *сахар*, оформленное как «неизвестное», отложит анализ этого слова и начнет с анализа «известной» части (*На верхней полке мы обнаружили*), т. е. той информации, которая уже находится в сфере его внимания.

Коммуникативные статусы мы рассматриваем как элементы коммуникативного значения. Коммуникативное значение — не описание внеязыковой ситуации, а инструкции говорящего адресату о том, как и в каком порядке обрабатывать содержание предложения в процессе его восприятия (2).

(2)

В одной и той же ситуации, в одном и том же контексте, с одними и теми же предположениями относительно адресата говорящий нередко волен свободно выбирать из нескольких коммуникативных стратегий и соответственно из нескольких конструкций, их выражающих. Например, предложения (3) а. *Много горя пришлось пережить ее матери*; б. *Ее матери пришлось пережить много горя*; в. *Много горя ее матери пришлось пережить*; г. *Ее матери много горя пришлось пережить* допустимы в одних и тех же речевых ситуациях и на первый взгляд имеют одинаковое значение. Однако более тонкий анализ может показать, что коммуникативные статусы в предложениях (3) расставлены по-разному, в соответствии с несколькими коммуникативными стратегиями, равно доступными в одной и той же речевой ситуации. Эта особенность коммуникативных значений очень затрудняет их исследование.

Глава IX. Коммуникативные категории

Рассмотрим некоторые из коммуникативных категорий.

ЗАДАЧА IX-1 (автор В.М. Алпатов). Даны фразы на японском языке (в русской транскрипции) и их переводы на русский язык:

1. Ватаакуси-ва ёнда. Ватаакуси-но то-ва дарэка-га татайта. Ватаакуси-но тити-га кита. Тити-ва нани-о ёнда ка? Тити-ва коно хон-о ёнда.

Я читал. Кто-то постучал в мою дверь. Пришел мой отец. Что прочитал отец? Отец прочитал эту книгу.

2. Коно хон-ва дарэ-ни атта ка? Ватаакуси-но тити-ва дарэ-га мита ка?

У кого была эта книга? Кто видел моего отца?

3. Сэнсэй-ни-ва тиисай ину-га атта. Коно ину-ва тори-о мита. Тори-ва муги-о кутта. Сэнсэй-но ину-ва оокий ину-га мита. Оокий ину-ва тиисай ину-о отта.

У учителя была маленькая собака. Эта собака увидела птицу. Птица ела зерно. Собаку учителя увидела большая собака. Большая собака погналась за маленькой собакой.

Определите, какая из двух фраз

Тори-ва найта

Тори-га найта

значит 'Птица пела', а какая - 'Пела птица'.

Переведите на японский язык следующие вопросы и ответьте на них по-японски:

Что было у птицы?

Кто погнался за моей птицей?

Чью книгу читал учитель?

1. Тема и рема

Руководствуясь интуицией, попробуем разделить некоторые предложения на две части. Первая будет соответствовать исходному пункту сообщения, тому, что не составляет для говорящего главного смысла и не выражает цели, с которой предложение произнесено. Вторая часть будет выражать главный смысл и цель произнесения предложения. Первая часть предложения содержит то, о чем говорится в предложении и называется **темой**. Вторая часть представляет собой предмет сообщения, то, что говорится в предложении, она называется **ремой**. Рема в большинстве языков характеризуется фразовым акцентом (знак '); в письменном

Часть I. Синтаксическое описание

повествовательном тексте русского языка она обычно занимает позицию в конце предложения.

	Тема	Рема
(4)	a. <i>Иван выступает</i>	'первым.
	б. <i>Первым выступает</i>	<i>'Иван.</i>

Как и (1аб), предложения (4аб) обозначают одну и ту же внеязыковую ситуацию, однако уместны в разных ситуациях речи и предназначены для разных целей. Например, (4а) может отвечать на вопрос *Когда выступает Иван?*, а (4б) может отвечать на вопрос *Кто выступает первым?*

Наряду с **нейтральным** порядком слов (5) а. *Он приехал 'вчера*, при котором тема предшествует акцентированной реме, в русском языке наблюдается и так называемый **экспрессивный** (или **эмфатический**) порядок слов, или **инверсия ремы**, при котором акцентированная рема предшествует теме (или части темы): б. *'Вчера он приехал.*

	Рема	Тема
(56)	<i>'Вчера</i>	<i>он приехал.</i>
(6)	<i>'Иванов</i>	<i>фамилия заведующего</i>
(7)	<i>'Не получилось</i>	<i>у нас разговора.</i>

Экспрессивный порядок с ремой в начале в славянских языках часто передает «взволнованную окраску» [Матезиус 1967в (1947): 497], отличается «повышенной экспрессивностью или эмоциональностью» [Адамец 1966: 54]: (8) *Железная 'ограда ее окружает; две молодые 'елки посажены по обоим ее концам; Евгений 'Базаров похоронен в этой могиле* (Тургенев, «Отцы и дети»)¹. Экспрессивный порядок более характерен для разговорной диалогической речи; в письменный язык он проникает как «стилистический сигнал» [Ковтунова 1976: 134], который создает художественную иллюзию разговорной речи, но переключения на настоящую разговорную речь при этом не происходит: (9) *Я, мол, 'шубу вольному сшил, за неё в лагерную кассу тысячу 'рублей плочено, а ты, дурак, целый месяц 'баланы катаешь, за тебя и ста 'рублей в лагерь не попадёт* (Солженицын, «Архипелаг Гулаг»).

Из приведенных примеров ясно, что порядок слов в русском языке, хотя и действительно свободен по отношению к грамматическому членению (например, он не выра-

Напомним (см. гл. II 4.1), что фразовый акцент обычно падает на последнее слово в группе.

жает, в отличие от английского или французского языков, отношения между членами предложения), несвободен по отношению к актуальному членению: возможности расстановки статусов темы и ремы в одном и том же предложении ограничены. Более однозначно характеризуют тему и рему просодические характеристики предложения, — интонационные схемы и фразовые акценты.

Членение предложения на тему и рему называют **актуальным членением²**, или, реже, - **коммуникативной** (или **функциональной**) **перспективой** предложения. Между темой и ремой нет функциональной симметрии: рема — обязательный компонент предложения, который делает возможным его употребление в роли высказывания; лишенное ремы, предложение утрачивает смысл. Рема может функционировать без темы (см. п. 2), но тема невозможна в отсутствие ремы. Рема всегда является частью предложения, его зачином или вступлением, но не может совпадать с целым предложением. «Рема - это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно, тема - его не-конституирующий компонент, противопоставленный реме. Рема — это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы — относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью» [Янко 1999: 30; см. также Янко 2001].

Обычно считается, что только повествовательные предложения делятся на тему и рему, а к вопросительным и императивным предложениям обычные понятия актуального членения неприменимы. Тем не менее в вопросительном предложении также имеется конституирующий элемент, который соответствует цели вопроса — «неизвестное вопроса», и вспомогательный, невопросительный компонент — «известное вопроса». Неконституирующая часть императива, которая не выражает цели императивного предложения, встречается гораздо реже, но все же встречается. Сравним следующие предложения:

² Этот термин, введенный представителями пражского лингвистического кружка (см. ниже), связан с понятием «актуализации» у Ш. Балли, которое означало отражение единицы языка в речи, отождествление понятия «с реальным представлением говорящего субъекта» [1955 (1950): 87].

Часть I. Синтаксическое описание

(10)

- Неконституирующая часть Конституирующая часть
- a. *Студентов первого курса включили в "список";*
 - b. *Студентов первого курса *ВКЛЮЧИЛИ в список?*
(предполагаемые ответы: Да, включили; Нет, не включили)]
 - v. *Студентов первого курса 'включи в список'!*

Традиционно только (10a) принято делить на тему и рему, однако очевиден параллелизм внутренней структуры всех трех предложений. «Конститующая» и «неконституирующая» части предложения — более общие понятия, чем тема и рема [Янко 1999: 34]. «Элемент Е является темой предложения S, если, используя S, говорящий намеревается увеличить знание адресата о Е, запросить о нем информацию или каким-то другим образом побудить адресата действовать в отношении Е» [Gundel 1988: 210].

Сходство темы с другими неконституирующими компонентами подтверждается данными японского языка [Backhouse 1993: 132], где показатель темы *ва* присоединяется не только к теме повествовательного предложения (11a), но и к неконституирующими составляющим вопросительных и императивных предложений — он выделяет не-вопросительную (11б) и не-императивную (Ив) составляющие: (11) а. *Коно хито-ва каэтта* 'Этот человек(-ТЕМА) вернулся'; б. *Коно хито-ва. дарэ?* 'Этот человек(-ТЕМА) кто?'; в. *Асагохан-ва ку. ракара тоттэкурэ!* 'Завтрак(-ТЕМА) из холодильника возьми!'.

Изучение коммуникативных категорий началось в лингвистике приблизительно со второй половины XIX в. Идея о том, что в предложении «поверх» грамматической структуры наблюдается также членение на психологические единицы, например, на «психологическое подлежащее» и «психологическое сказуемое», встречалась уже у младограмматиков [Папуль 1960: 339] и представителей русской формальной школы (Ф.Ф. Фортунатова и А.М. Пешковского). Они полагали, что «психологическое членение» относится не к предложению, а к «психологическому суждению» и поэтому не является грамматическим. То, что актуальное членение предложения представляет собой лингвистический факт, было выяснено в XX в. Лидер пражского лингвистического кружка, чешский лингвист В. Матезиус, развивая некоторые идеи А. Вейля [Weil 1844], показал, что правила порядка слов в славянских языках невозможно сформулировать, не обращаясь к категориям актуального членения³.

В. Матезиус называл их «основа» (= «исходный пункт») и «ядро», однако впоследствии утвердились термины «тема» и «рема».

Глава IX. Коммуникативные категории

Точно так же, как нельзя считать, что вне грамматики находятся факторы порядка слов в германских и романских языках, нельзя считать, что эти факторы в славянских языках не относятся к грамматике и отражают структуру «психологического суждения». Как писал Матезиус, «отношение между актуальным и формальным членением предложения — одно из самых характернейших явлений в каждом языке» [19676 (1947): 240]. Пражские лингвисты убедились в иллюзорности «свободного порядка слов», например в латыни или в славянских языках. Этот принципиальный вывод сохраняет свое значение до сих пор, хотя сейчас мы знаем, что порядок слов в русском языке определяется не темой и ремой, а скорее типом текста (например, диалогическим или повествовательным) и другими коммуникативными категориями, о которых см. ниже.

Много позже Д. Пейн, один из авторитетных современных функционалистов и автор исследования о порядке слов в языке папаго, или о'одхам (юто-ацтекская семья, Сев. Америка), в котором наблюдается схема «неопределенное — глагол — определенное», остроумно заметила, что «если бы первыми лингвистами были носители о'одхам и если бы они были склонны считать, что все возможные языки действуют на основе тех же соответствий между функциями и структурами, что и их родной язык, то английский рассматривался бы как язык со "свободным" порядком слов» [Payne 1992: 162; цит. по Киблик А. А., Плунгян 1997: 329].

Значительный вклад в изучение актуального членения внесли чешские лингвисты Ф. Данеш [Danes 1959; 1970; 1974; 1986], Я. Фирбас [Firbas 1964; 1974; 1992], П. Адамец [1966], П. Сгалл и Е. Хайчова [1980; Hajicova, Sgall 1987; Hajicova 1994]; см. также [Vachek (ed.) 1983; Sgall et al. 1986; Luelsdorff (ed.) 1994].

Деление на тему и рему может включать несколько иерархических уровней. Как отметила В.А. Белошапкова, в предложении (12) *Тонкие стволы берез белели редко и отчетливо* выделяется первая рема *белели редко и отчетливо*, но и сама она делится на две коммуникативно контрастирующие части: *белели* — вторичная тема и *редко и отчетливо* — вторичная рема [Белошапкова 1977: 147; Ковтунова 1976: 531]:

(12) *Тонкие стволы берез белели редко и отчетливо*

(13) *Атаковать с ходу*

(14) *Бурные исторические события*

белели редко и отчетливо

противник не решился

их счастья не омрачили

ТЕМА

РЕМА

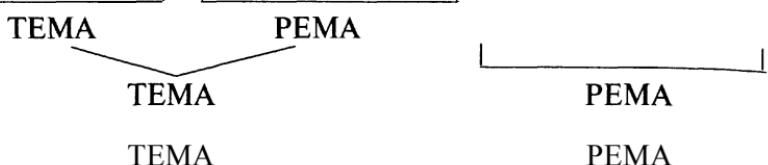
РЕМА

ТЕМА

Не только рема, но и тема может включать в себя пару вторичных статусов темы и ремы:

Часть 1. Синтаксическое описание

(15) Я могу дать вам гораздо лучший совет совершенно бесплатно

Другой случай, когда бинарное деление на тему и рему оказывается недостаточным, представляет **суперпозиция ремы** [Янко 1999: 48] — особая коммуникативная стратегия, при которой в предложении оказывается две ремы и соответственно два сообщения. «При такой изысканной стратегии достигается особая коммуникативная напряженность... Это сугубо литературная стратегия письменного текста, специально предназначенного для чтения вслух» [там же], например, в телевизионных новостях: *Новые волнения \ вспыхнули вчера на улицах филиппинской столицы \; Новые данные о раскрытых и предотвращенных преступлениях \ представил сегодня на пресс-конференции представитель областного управления МВД * (знаком \ отмечается понижающаяся интонация - основной маркер ремы в русском языке (ИК-1, т. е. «1-ая интонационная конструкция» по классификации Е. А. Брызгуновой [1980]).

Особым способом выражения темы и ремы является **расщепление предложения**, или **клефт** (англ. cleft(iig)). Клефт - специфическая разновидность сложноподчиненных предложений, в которых собственно главная часть целиком относится к реме, а зависимая клауза - к теме. При этом в klefте зависимая клауза может располагаться в конце (16), или наоборот, в начале (17); иногда эти случаи терминологически разграничивают и klefтом называют только первый случай, а второй случай - **псевдоклефтом** (англ. pseudocleft). В английском языке расщепленной конструкцией является, например, (16) *It is John who speaks* (克莱ft) 'Это Джон говорит', букв, «...который говорит» и (17) *The one who speaks is John* (псевдоклефт) Тот, кто говорит, - Джон'. В русском языке kleft применяется реже: *Что касается меня, то я ухожу.*

Некоторые лексемы ввиду своей семантики определенно тяготеют к теме или к реме: например, слово *редко* практически всегда входит в рему, а слово *теперь* — в тему [Павлова 1987; Янко 2001].

В английской грамматической терминологии русским терминам «тема» и «рема» соответствуют точные этимологические эквиваленты

Глава IX. Коммуникативные категории

theme и rheme, которые, однако, употребляются редко. Большинство авторов употребляют термины topic для темы и comment или focus для ремы. При этом слово comment более или менее точно соответствует нашей «реме», но употребляется реже, чем focus, у которого есть, к сожалению, еще множество других значений: 1) сфера действия некоторого дискурсивного или логического оператора, такого, например, как вопрос или отрицание; в этом значении по-русски также нередко употребляют термин «фокус»; 2) грамматикализованная рема, т. е. такая, которую выражает конструкция особой синтаксической структуры (например, клефт), специальный грамматический аффикс или специальная клитика [Казенин 1997]; 3) «новое» [Selkirk 1984], см. п. 4; 4) информативный центр сообщения [Bolinger 1985]; 5) информация, представляемая говорящим как новая и невыводимая из контекста, хотя фактически она может быть и не новой [Halliday 1967: 204-205]; 6) выбор из множества вариантов [Jacobs 1983; 1988].

2. Тетические предложения и экспансия ремы

До сих пор речь шла только о таких предложениях, в которых выделяются и тема, и рема. В российской лингвистической традиции такие предложения называются **коммуникативно расчлененными**, в западноевропейской традиции — **категорическими** (англ. categorical, нем. kategorisch). Однако существуют предложения которые целиком состоят из одной ремы; в них нет никакого «исходного пункта» сообщения, например: (18) *Послышались шаги и веселый говор;* (19) *Наступил холодный осенний вечер;* (20) *Случилась большая неприятность;* (21) *Врача надо вызывать;* (22) (*Тише!*) *Дети спят;* (23) *Денег нет* - здесь ситуация излагается без какого-либо определенного исходного пункта. В отечественной традиции такие предложения называются **коммуникативно нерасчлененными**, в западной - **тетическими** (англ. thetic, нем. thetisch). Нерасчлененные предложения отвечают на полный диктальный вопрос (см. главу IV п.3): *Что происходит?*; *Что случилось?*; *В чём дело?* и т. п.

Тетические предложения часто характеризуют как «предложения с нулевой темой»; «сообщения о наличии, бытии, существовании целостного факта, события как признака действительности без выделения каких-либо ее сторон в качестве исходного пункта» [Крылова и др. 1997: 72]. Однако полное отсутствие какой-либо темы (или «нулевая тема»)

Часть I. Синтаксическое описание

наблюдается скорее в предложениях типа (18-20), чем (21-23). В (21-23) некая «тема» все-таки есть, но она не является частью предложения, а находится либо в предтексте, либо ясна из ситуации речи: предложение (21) уместно как реакция на признаки серьезной болезни, (22) — как реакция на чей-то шум, (23) — на предложение приобрести что-то такое, что говорящий не может себе позволить. А.Н. Баранов и И.М. Кобозева [1983] назвали случаи типа (21-23) **предложениями с неингерентной** (т. е. не входящей в состав самого предложения) **темой**; впоследствии Т.Е. Янко [1991; 2001] продемонстрировала ценность этого понятия для анализа тетических предложений.

В тетических предложениях «нормой стилистически нейтральной речи является препозиция глагольного сказуемого по отношению к подлежащему» [Ковтунова 1976: 48]. Как показано в работах [Sasse 1987; Maslova 1995], тетические предложения могут употребляться в тех же ситуациях, в которых возможна стратегия с выдвижением темы, т. е. с превращением некоторого фрагмента предложения, максимально склонного к «тематичности», в тему. На материале одного класса русских тетических предложений — газетных заголовков — Е.С. Маслова показала, что таким тематизуемым фрагментом обязательно выступает ИГ в роли агенса (24-25; примеры наши) или факультативно — неагентивная ИГ, связанная с известными предшествующими событиями (26—27): (24) а. *Гринпис протестует*; б. *Протестует Гринпис*; (25) а. *Жириновский разбушевался*; б. *Разбушевался Жириновский*; в. *Разбушевался вулкан*; (26) а. *Журналист уволен*; б. *Уволен журналист*; (27) а. *В горах гибнут беженцы*; б. *Беженцы гибнут горах*. Предложения (246-256) не подходят для газетных заголовков, так как в них не произошло тематизации агенса, — в отличие от (24а—25а), где агенс тематизован, и (25в), где агенса нет. Тематизация ИГ *журналист* с ее выдвижением на первую позицию в (26а) может иметь место, если речь идет об известном журналисте, и автор заголовка предполагает, что читатель способен вспомнить какие-то прошлые события, которые с этим журналистом связаны. Если же раньше о журналисте в прессе не сообщалось, то выбирается порядок (266) без тематизации. В качестве заголовка безусловно подходит (27а), так как обладает обычным для тетических предложений порядком слов, а (276) пригодно для заголовка только если имеется основание для тематизации, т. е. если речь идет о каких-то известных беженцах, о которых сообщалось раньше [Maslova 1995].

Как полагают большинство исследователей, тетические предложения фонетически не отличаются от некоторых категорических. Например, предложение (28) *Иванов Петрову руку сломал* может служить и в качестве ответа на вопрос *Что случилось?*, и на вопрос *Что сделал Иванов?*, и на воп-

Глава IX. Коммуникативные категории

рос *Что Иванов сделал с Петровым?*, как ответ на первый вопрос (28) — тетическое предложение, если же (28) отвечает на второй или третий вопрос, то оно категорическое. Однако СВ. Кодзасов [1996: 185] подметил явление «множественной», или «скандирующей», акцентуации в тетических предложениях: как ответ на вопрос *Что случилось?* в предложении может наблюдаться два и даже три фразовых акцента: (29) *'Иванов 'Петрову 'руку сломал!'*; аналогичным образом расставлены акценты некоторых тетических предложений в [Lambrecht 1994: 223-226, см. ниже примеры (43вг)]. Тем не менее можно согласиться с Т.Е. Янко [2001], что однократный акцент (28) в тетических предложениях также допустим.

В повествовательном стиле акцентированная составляющая в тетическом предложении ведет себя так же, как и в категорическом, а именно занимает конечную позицию. Инверсия, т. е. сдвиг акцентированной составляющей влево, имеет те же стилистические функции, что и в категорических предложениях, ср. выше (8—9): выражает сильную эмоцию говорящего (30) Варя. *'Душечка моя приехала/ 'Красавица приехала!* (Чехов, «Вишневый сад»), либо создает стилизацию разговорной речи (31) *Вот, товарищ Кузенков, собрались о твоем Островке покаявать, сказал один из «портретов»... Сколько уж годков 'занозой/он у нас/ в 'глазу торчит. 'Письма приходят в Центральный комитет от рабочего 'класса, не 'пора ли, /дескать/, 'решать вопрос* (В. Аксенов, «Остров Крым»), причем в (31) определенно «слышится» подмеченный СВ. Кодзасовым эффект «множественной акцентуации»; пример (31) не состоит целиком из ремы, и небольшие тематические фрагменты взяты здесь в косые скобки.

Разграничение тетических и категорических предложений восходит к логику А. Марти [Marty 1918], который предложил разграничивать «двучленные» и «одночленные» суждения. Первые он назвал «категорическими», или «собственно предицирующими», а вторые - «тетическими», или «устанавливающими». Марти писал, что язык создает иллюзию двучленноеTM тетических предложений: синтаксическая членность противоречит их логической монолитности. В лингвистике это противопоставление стало широко известным после статьи С. Курода [Kuroda 1973], который подметил, что японские конструкции с показателем им. п. -га могут отвечать на вопрос «Что происходит?», а конструкции с показателем темы -wa отвечают на вопросы типа «Что делает X?» Распространению понятий «тетического» и «категорического» способствовали также авторитетные работы [Ulrich 1985; Sasse 1987].

Часть 1. Синтаксическое описание

ЗАДАЧА IX-2. Рассмотрим предложения, которые могут использоваться в русском языке в качестве ответов на вопросы *Что случилось?*, *В чем дело?* или *Что за шум?* В таких предложениях одно слово обычно несет более сильное ударение, чем другие слова, например:

- (1) - Что за шум?
- Лена ВАЗУ разбила.
- (2) — Что случилось? Почему ты не на уроке?
- УЧИТЕЛЬНИЦА заболела.

Обратите внимание на то, что в (1) было бы неправильно поставить более сильное ударение на слове *Лена* (*ЛЕНА* вазу разбила) или на слово *разбила* (*Лена* вазу *РАЗБИЛА*), а в примере (2) было бы так же неправильно выделить слово *заболела* (*Учительница* *ЗАБОЛЕЛА*). Предложения с такими неуместными ударениями мы будем отмечать знаком #, например:

- (2') - Что случилось? Почему ты не на уроке?
- #Учительница ЗАБОЛЕЛА.

Рассмотрим следующие группы предложений, из которых одни могут, а другие не могут выступать в качестве ответов на вопросы *Что случилось?*, *В чем дело?* или *Что за шум?*.

- (3) а. У СОСЕДЕЙ скандалят,
б. #У соседей СКАНДАЛЯТ.
- (4) а. С полки упал ЧАЙНИК.
б. #С ПОЛКИ упал чайник.
в. #С полки УПАЛ чайник.
- (5) а. ШКАФ переставляем.
б. #Шкаф ПЕРЕСТАВЛЯЕМ.
- (6) а. Приехал ВОЛОДЯ,
б. ПРИЕХАЛ Володя.
- (7) а. Немного ПОРУГАЛИСЬ,
б. #НЕМНОГО поругались.
- (8) а. Из баллона ГАЗ вытек.
б. #Из БАЛЛОНА газ вытек.
в. #Из баллона газ ВЫТЕК.
- (9) а. С КРЫШИ потекло.
б. #С крыши ПОТЕКЛО.
- (10) а. Привезли ПИСЬМА,
б. ПРИВЕЗЛИ письма.
- (11) а. ПРИЗЕМЛИЛИСЯ неаккуратно,
б. #Приземлился НЕАККУРАТНО.
- (12) а. Сильно под РЕБРОМ ноет.
б. #СИЛЬНО под ребром ноет.
в. #Сильно под ребром НОЕТ.

*

Объясните, по какому правилу выбирается ударное слово в таких предложениях.

Глава IX. Коммуникативные категории

Определите, какие слова будут (и какие не будут) ударными в следующих предложениях, если они отвечают на вопросы *Что случилось?*, *В чем дело?* или *Что за шум?* и объясните, почему:

- (i) Коты по чердаку бегают.
- (п) По чердаку бегают.
- (Ш) Ты в торт рукавом попал.
- (iv) В торт попал.
- (v) Это о голову соседа супруга тарелки бьет.
- (vi) Немного по случаю Нового года шампанского выпили.
- (vii) Немного выпили.
- (viii) Наши на последней минуте гол забили.

Рассмотрим предложение (32) *Сегодня Саша получил 'письмо'*. С выделенной ИГ '*письмо*' предложение (32) может отвечать на несколько вопросов: (33) а. *Что случилось?*', б. *Что сегодня случилось?* ъ. *Что сегодня случилось с Сашей?*', г. *Что сегодня получил Саша?* При вопросе (33г) сфера фразового акцента в (32) полностью совпадает с ремой; рассмотрев все примеры в обратном порядке, мы увидим, что рема как бы распространяется с акцентированной составляющей шаг за шагом на все предложение, пока, наконец, в (33а) оно не становится тетическим, т. е. полностью относящимся к реме, так что в нем не остается ни одного тематического фрагмента. Обозначим границы ремы (R) с помощью квадратных скобок:

- (32') а. [_R Сегодня Саша получил 'письмо'].
б. Сегодня [_R Саша получил 'письмо']].
в. Сегодня Саша [_R получил 'письмо']].
г. Сегодня Саша получил _k 'письмо'].

Способность фразового акцента обозначать не только то, что маркированная им составляющая X является ремой, но также и тот факт, что более крупная составляющая Y, доминирующая над X, является ремой, будем называть **экспансией ремы**; Y при этом называют «областью, ассоциированной с ядерным ударением» [Vallduví, Villoma 1998: 81]. Как видно на примере (32), экспансия ремы способна дойти до своего логического конца, т. е. тетического предложения (32'a), когда фразовый акцент на одной из составляющих сообщает, что рема совпадает со всем предложением.

«Экспансия ремы» — удобная модель для понимания (интерпретации) предложения. Если рассматривать то же явление с точки зрения порождения (синтеза) предложения, то рема, наоборот, «идет вниз» с верхнего уровня к своему ак-

центоносителю, а не «поднимается» от него на более высокий уровень, причем действует общий принцип: «правила приписывания акцента применяются от объемлющих составляющих к объемлемым» [Кодзасов 1996: 183]: если предложение в целом (32'a) или какой-то его фрагмент (32'bvg) являются ремой, то акцент, приписанный всей группе, «спускается» до уровня отдельного слова — его фонетического носителя.

Экспансия ремы может происходить не от всякой составляющей [Selkirk 1984; Drubig 1992]. Например, если в (32) акцентированной ремой является подлежащее (33) а. *Сегодня письмо получил 'Саша'* или обстоятельство б. *Саша получил письмо 'сегодня'*, то (33a) может отвечать лишь на вопрос *Кто сегодня получил письмо!*, а (33b) — на вопрос *Когда Саша получил письмо!* Сравните то же различие в английском языке:

- (34) В каком состоянии трубы?
The pipes are [R 'rusty]
Трубы **'ржавые.**
- (35) Что с трубами?
The pipes [R are 'rusty']
Трубы **'ржавые.**
- (36) У меня есть средство от ржавчины. Есть что-нибудь ржавое, что надо почистить?
[R **The 'pipes**] are *rusty*
Трубы ржавые.
- (37) Почему из крана идет вода коричневого цвета?
[R *The 'pipes are rusty*]
Трубы **ржавые.**

Экспансия ремы может происходить от именной части сказуемого (34) на все сказуемое, включая связку (35), но не на все предложение, а от подлежащего непереходного глагола (36) рема может распространяться до конца, в результате чего возникает тетическое предложение (37).

Как определить, какая из составляющих тетического предложения дает «старт» экспансии ремы и соответственно оказывается носителем акцента? Носитель акцента в тетическом предложении выбирается в соответствии с иерархией, которая была первоначально установлена на материале чешского языка («шкала коммуникативного динамизма») и полностью приводится в [Sgall et al. 1986: 198-199]. Мы воспроп-

изведем более краткий вариант [Янко 1999: 41], слегка видоизменив его для целей нашего изложения:

(38) обстоятельство образа действия < сказуемое < сирконстант < подлежащее < дополнение.

В (38) утверждается, что, независимо от порядка слов, носителем акцента в тетическом предложении является дополнение, если оно есть в предложении (39); если его нет, то подлежащее (40); если нет и подлежащего, то сирконстант (41) и т. д.:

(39) *Что случилось?* — Иванов 'руку сломал.

(40) *Почему ты говоришь шепотом?* — 'Бабушка спит.

(41) *Почему ты мокрый?* — Под 'дождь попал.

Вместо двойного деления на тетические и категорические предложения К. Ламбрехт [Lambrecht 1994: 223-226] разграничивает три случая, показывая на материале разных языков, что они требуют разных конструкций: «предикативную рему (predicate focus)» (42), «рему на предложении (sentence focus)» (43) и «узкую рему (narrow focus)» (44). Под последней имеются в виду случаи типа (32'г) или (36), когда рема совпадает с составляющей — носителем фразового акцента:⁴

(42) КОНТЕКСТ: Что случилось с твоей машиной?

- а. англ. *My car (It) broke 'down.*
Моя машина (она) разбилась.
- б. итал. *(La mia macchina) si è 'rotta.*
(APT) Моя машина разбилась.
- в. франц. *(Ma voiture) elle est en 'panne.*
Моя машина она СВ в аварии.
- г. япон. *(Курума-ва) 'косё:сита.*
Машина(-ТЕМА) разбилась.

(43) КОНТЕКСТ: Что случилось?

- а. англ. *My 'car broke down.*
Моя машина разбилась.
- б. итал. *Mi si è rotta la 'macchina.*
Мне разбилась (APT) машина.

По СВ. Кодзасову [1996: 186] при «узкой реме» ослабляется неакцентированная составляющая, чего не наблюдается при «предикативной реме»: (i) Чем он занимается! - Преподает 'английский; (ii) Он учитель. Преподает 'английский. В (i) преподает входит в рему, а в (ii) — не входит, поэтому акцентируется слабее.

Часть 1. Синтаксическое описание

- в. франц. *J' ai ma 'voiture qui est en 'panne.*
Я имею мою машину которая (СВ) в аварии.
г. япон. ('Курума-га) 'косё:сита.
Машина(-НОМ) разбилась.

(44) КОНТЕКСТ: Я слышал, что твой мотоцикл разбился.

- а. англ. *My 'car broke down.*
Моя машина разбилась.
б. итал. *Si è rotta la mia 'macchina.*
Разбилась (АРТ) моя машина.
в. франц. *J' ai ma 'voiture qui est en 'panne.*
Я имею (мою) машину которая (СВ) в аварии.
г. япон. ('Курума-га) 'косё:сита.
Машина(-НОМ) разбилась.

3. Данное и новое

Одно время термины **данное** и **новое** (и синонимичные им — **старое и новое**, или **старая и новая информация**) использовались как синонимы соответственно «темы» и «ремы», но приблизительно с 1970-х годов их принято строго разграничивать. По определению И.И. Ковтуновой, «"данным" является нечто, известное из конситуации, названное в предыдущем контексте или же предопределенное конситуацией» [1976: 42]; под «конситуацией» имеется в виду та ситуация речи, в которую помещено предложение. «Новым» называется остальная часть предложения - то, что не является данным. Например, в (45) статусом данного обладает ИГ *портрет*, а в новое входит *поразил всех*: Контекст: Михайлов продал Вронскому свою картину и согласился делать портрет Анны. В назначенный день он пришел и начал работать. (45) Портрет с пятого сеанса поразил всех (Толстой, «Анна Каренина»).

Определение данного как «известного из конситуации» нуждается в уточнении. Во-первых, данное — это не то, что известно говорящему, — в таком смысле все сообщаемое окажется «данным». Данное есть то, что, как полагает говорящий, известно адресату. Представления говорящего о том, что известно или неизвестно адресату, могут быть и ошибочными, откуда происходят коммуникативные неудачи:

(45) — Мы только что приехали.
— Кто это «мы»?

Во-вторых, данным часто называют то, что, хотя и предполагается «известным» адресату, известно ему не из конситуации. В предложениях *Я ухожу; Мой брат — физик; Прилагательные часто определяют существительные; Красноярск находится в Сибири; Мне не нравятся люди, лишенные чувства юмора ИГ-ы я; мой брат; прилагательные; Красноярск; люди, лишенные чувства юмора* обозначают референты или понятия, известные говорящему и адресату не из контекста или речевой ситуации, а на основании предыдущего и нередко очень давнего опыта. Сравним предложения (46) а. *Вы — будущий директор* и б. *Будущий директор — вы*. Адресат, обозначенный в (46) с помощью ИГ *вы*, естественно, знает самого себя, но эта известность не связана с речевыми ситуациями, в которых могут быть употреблены предложения (46аб). Различие в коммуникативном статусе слова *вы* в (46а) и (46б) состоит в том, что в (46а) внимание адресата скорее обращено на него самого, а в (46б) — скорее нет. Референт *вы* активирован, выведен в область текущей памяти в (46а), но не активизирован и находится где-то в долговременной памяти адресата при произнесении предложения (46б), которое уместно, например, в той ситуации, когда адресат вообще о себе не думает.

Признак **активации** знания [Чейф 1982 (1976); Баранов 1984; Lambrecht 1994; Dryer 1996] лежит в основе современных определений данного. По У. Чейфу, «данная (или старая) информация — это то знание, которое, по предположению говорящего, находится в сознании слушающего в момент произнесения высказывания» [Чейф 1982: 281]. Иными словами, данным/новым называется коммуникативная категория, которая включает два статуса: **данное** соответствует некоторому знанию, предположительно активизированному в сознании адресата в момент речи, а **новое** — не активированному знанию.

Определение данного через активацию, таким образом, более удовлетворительно, чем определение через «конситуацию». Однако оно обладает и существенным недостатком: если «конситуация» может быть доступна непосредственно наблюдению, то представления говорящего о том, что активизировано или не активизировано в сознании адресата, непосредственному наблюдению недоступны. Если они и могут быть выявлены, то только в результате тонких психолингвистических экспериментов.

Часть I. Синтаксическое описание

Многие исследователи полагают, что категория данного и нового обладает более чем двумя признаками. Так, Э. Принс [Prince 1981] различает два вида нового: «свежеизготовленное» (brand-new), например, *За забором я увидел мальчика* с неопределенной ИГ мальчика, и «прикрепленное новое» (anchored new) *Я увидел мальчика, которого мы вчера видели во дворе* — новое, которое адресат в состоянии связать с какой-то имеющейся у него информацией. А.Н. Баранов [1984] разграничивает в категории данности три значения: актуальное данное («активизированное»), виртуальное - то, что не активизировано, но имеется в «тезаурусе», т. е. в моделях мира участников речевого акта, и абсолютное новое, или новое в тезаурусе. Аналогичным образом У. Чейф предлагает в качестве особого статуса «полуактивное» (semi-active), т. е. нечто, о чем у говорящего и адресата есть «фоновое знание» (backward awareness), но на котором не сфокусировано внимание адресата [Chafe 1987].

Обычно данное совпадает с темой, а новое - с ремой, что мы и видим в (45). Но, например, в начале текста или абзаца тема может быть и «новым»: (47) *Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту* (начало рассказа Чехова «Белолобый»); (48) *Майор был скончан. Вздохнув, он заперся у себя в комнате и тайком пересчитал деньги* (начало романа Ю. Тынянова «Пушкин»).

О. Йокояма в своей книге, посвященной порядку слов в русском языке [Yokoyama 1986], предложила рассматривать предложения типа (47-48) как особую речевую стратегию сознательной коммуникативной ошибки. Говорящий нарушает правила обращения с новой информацией, подает ее в языковой форме, которая соответствует данному, а не новому. Цель такого сознательного нарушения — навязать адресату заинтересованность в некотором объекте, который в момент речи далек от сферы его внимания, искусственно активизировать в его сознании фрагмент информации, который фактически не является данным. Этот коммуникативный прием, который О. Йокояма назвала **импозицией**, приводит к тому, что тема всегда оказывается данным — либо в силу естественного хода общения, либо в результате некоторого «коммуникативного насилия», когда говорящий навязывает адресату новую информацию в качестве данного.

Данное может быть и частью ремы: *Этот человек — его сослуживец*, где ИГ *его сослуживец*, соответствующая реме, включает в себя местоимение *его*, относящееся к данному. Данное может целиком соответствовать реме, например, в полных ответах на общий вопрос, например *Путаница, оказалось, и была* (Булгаков, «Театральный роман») — предполагается вопрос или сомнение — *Была ли путаница?*, или в предложениях идентификации, когда новое заключается лишь в отождествлении двух объектов, но не в информации

Глава IX. Коммуникативные категории

о них самих Ближний этот был Ноздрев (Гоголь, «Мертвые души»). Рема целиком оказывается данным и тогда, когда она полностью задана в контексте, обычно в ситуации выбора: *Мне предложили пальто и шубу. Я выбрала шубу; Девочки чаще всего дружат с девочками; Кто у них президент, а кто вице-президент? — Буш президент, а Чейни — вице-президент* [Янко 1999: 31].

И.И. Ковтунова [1976: 45—46] замечает, что в предложениях с темой-подлежащим (*Мальчик рисует*) тема может обозначать и данное, и новое, а в высказываниях с темой-сказуемым (*Рисует мальчик*) тема обязательно обозначает данное.

Выбор акцентоносителя в русском языке связан с данным и новым. Правило, основанное на иерархии (38), действует со следующей поправкой: «акцентоноситель, выбранный по синтаксическому признаку, уступает свое право "предыдущему" [т. е. непосредственно предшествующему в иерархии (38) - Я. Т.] акцентоносителю, если он сам уже активирован в предтексте» [Янко 1999: 41; Кодзасов 1996: 186]. Например, (49) а. *Что случилось?* — *Дети 'часы' уронили*, но б. *Что случилось с часами?* — *Их 'дети' уронили*; (50) а. *А как на счет моей идеи?* а. — *На 'заседании' решим*; б. — *Устроим заседание, и на заседании 'решим'*; (51) а. *Что у вас, холодно?* — *'Ветер со всех сторон продувает*; б. *Одну дырку заделать ма-ло. Ветер со всех 'сторон' продувает*.

Итак, правило выбора носителя акцента для тетических предложений можно распространить и на предложения, содержащие тему, — поскольку тема в большом числе случаев, и в том числе в (49–51), совпадает с данным. Пересмотренная иерархия выбора акцентоносителя (38) примет, таким образом, следующий вид:

(38') данное < обстоятельство образа действия < сказуемое < сирконстант < подлежащее < дополнение.

Порядок слов для выбора носителя акцента роли не играет,ср. (52) а. *Будет искать новых 'сторонников'*; б. *Новых 'сторонников' будет искать*; в. *'Сторонников' новых будет искать* и т. д. [Кодзасов 1996: 183–184]. Как мы уже видели, расположение акцентированной составляющей определяется стилистически: предложения (52б) более характерны для диалогической, а (52а) — для повествовательной речи.

4. Контрастивность и сопоставительное выделение

Термин «контрастивность», введенный Д. Болингером [Bolinger 1961], получил широкое распространение, хотя некоторые авторы до сих пор предпочитают употреблять более расплывчатый термин «логическое ударение». **Контрастивностью, или контрастивным выделением**, называется коммуникативная категория, обозначающая выбор с противопоставлением из нескольких элементов небольшого множества, состав которого известен говорящему и адресату. Например, в предложении *Это Иван пришел* подразумевается, что мог прийти еще кто-то (или могло случиться еще что-то), однако из нескольких возможных референтов, образующих небольшое множество, ровно один является требуемым заполнителем позиции, которая, например, соответствует *x* в сентенциальной форме '*x* пришел'. В паре реплик (53) *Что вы предпочитаете — водку или коньяк?* — *Я предпочитаю водку* множество из двух альтернатив {водка, коньяк} задано эксплицитно в контексте. Наконец, в примерах (54) *Я заказывал не кофе и не чай, а томатный сок*; (55) *Портрет еще простить убийца может, / Аренду же — нет* (А.К. Толстой, «Великодущие смягчает сердца») множество, из которого происходит выбор {кофе, чай, томатный сок}; {портрет, аренда}, задано в самом предложении.

Множество, из которого производится выбор, называется **релевантным** (= **ситуационным**). Объем релевантного множества не должен превышать объема оперативной памяти (чаще всего 2 элемента, но допустимо до 5—7). Составляющая, которая обозначает элемент, выделенный таким образом, называется **фокусом контраста**. «При сопоставлении выделенного элемента с другими, которые могли бы оказаться на его месте, возникает идея об отрицании всех других возможностей, кроме выделенной» [Янко 1999: 35]. Фокус контраста может совпадать как с темой [Богуславский 1996: 386], так и с ремой. Например, в (53-54) фокус контраста — рема, а в (55) — тема. Обычно, когда в предложении есть контрастивная тема, в нем есть и контрастивная рема, и соответственно используются два релевантных множества: (56) *Какой он Гусsein Гуслия!.. Это я Гусsein Гуслия, а он просто обманщик!* (Л. Соловьев, «Возмутитель спокойствия») с

Глава IX. Коммуникативные категории

множествами {Гуссейн Гуслия, обманщик} и {я, он}, однако известны примеры и с контрастивной темой без контрастивной ремы [Янко 1999: 36]: (57) *Они ходили гулять каждое утро, но воскресную прогулку пришлось отложить.*

А.Н. Баранов [1984] показал, что контрастивная составляющая всегда обладает определенной фонетической характеристикой — несет на себе один из типов контрастивного ударения. Все типы контрастивного ударения отличаются повышенной силой и более широким диапазоном движения интонации. Контрастивная рема в русском языке сопровождается таким ударением (обозначается знаком "), причем «тон падает с более высокого уровня, что при равенстве финальной точки дает больший интервал изменения» [Кодзасов 1996: 189]: *Пиши "стихи, а не прозу.* Акцент контрастивной темы, наоборот, характеризуется подъемом тона, например в (57).

В предложении может быть и более одного фокуса контраста, например, *"Саша* (а не кто-нибудь другой) *приготовил "салат* (а не что-нибудь другое). В сочиненных предложениях нередко присутствуют одновременно контрастивная тема и контрастивная рема; при этом контрастивная тема всегда располагается в начале предложения: (58) *Наши пути разоились: "он пошел "налево, а 'я — "направо.* В (58) он и я являются контрастивными темами, а *налево* и *направо* — контрастивными ремами сочиненных клауз. Контрастивными могут быть и неконституирующие компоненты вопросительных (59) и императивных (60) предложений: (59) *А "зеленую ты куда дел тетрадь?*; (60) *"Сливового еще возьмите варенья!*

Нередко для выражения контраста используются служебные слова или особые конструкции: *именно Иван пришел; это Иван пришел:*

П.Б. Паршин [1988] предложил важное разграничение понятий контрастивности и **сопоставительного выделения**. Под последним имеется в виду противопоставление двух или нескольких элементов релевантного множества, но без выбора с противопоставлением и без особого контрастивного ударения. При сопоставительном выделении элементы релевантного множества не противостоят друг другу: если нечто утверждается об одном элементе, при этом не утверждается, что то же самое неверно относительно других элементов.

Сопоставительное выделение особенно употребительно в описаниях с перечислением. Как и контрастивность, сопо-

Часть I. Синтаксическое описание

ставительное выделение может характеризовать тему (61-62), рему (63) или то и другое одновременно (64). Выделенные составляющие занимают позицию либо в начале, либо в конце предложения в зависимости от того, относятся они к теме или к реме:

(61) Линолеум можно оставить у нас, а насчет краски что-нибудь придумаем.

(62) И все же, — спрашивала Лора, — почему ты уехала? Политика тебя не волновала. Материально ты была устроена. От антисемитизма страдать не могла (С. Довлатов, «Иностраница»),

(63) Подтыкин приятно улыбнулся ... и облил их горячим маслом. Засим ... он медленно, с расстановкой обмазал их икрой. Места, на которые не попала икра, он облил сметаной ... Подумав немного, он положил на блины самый жирный кусок семги (Чехов, «О бренности»).

(64) Лебедь рвется в облака, / Рак пятится назад, а Щука тянется в воду (И.А. Крылов, «Лебедь, Щука и Рак»).

Сопоставительное выделение наблюдается и в тегических предложениях (небольшой тематический фрагмент обозначим косыми скобками):

(65) Правительство появилось, и сразу /вокруг него/ возникла кипучая, угодливая карусель... Пыхтел, топтался, выдергивал толчки тучный Софронов, блестела под солнцем золотая голова Грибачева, сутулился от почтительности и семеняще выплясывал... Леонид Соболев... То с одной стороны, то с другой вырастал Сергей Михалков (В. Тендряков, «На бла-женном острове коммунизма»).

В русском языке и в других языках со свободным порядком слов сопоставительное выделение играет очень большую роль в выборе порядка составляющих. Составляющие, соответствующие элементам релевантного множества, должны занимать одно и то же положение либо в начале, либо в конце предложения независимо от своего места в синтаксической структуре. Сопоставительное выделение (как, впрочем, и контрастивность) способно «извлекать» фрагменты из глубоко вложенных составляющих: (66) Сашу он похвалил, а про Петю я не знаю, [что он подумал ____] (сопоставительное выделение с разрывом придаточного предложения); (67) Товарищи, народные композиторы пишут реалистическую музыку, а антинародные композиторы пишут формалистическую музыку. ... Задача, следовательно, заключается в том,

чтобы [п народные композиторы развивали [и_г музыку реалистическую]], а [п антинародные композиторы прекратили бы [и_г свое более чем сомнительное экспериментирование [и_г в [области [и_г музыки [п_ри_л формалистической]]]]] (Д. Шостакович, «Анти-формалистический раёк», слова Л. Лебединского). Сопоставительное выделение в (67) включает два релевантных множества: {народный; антинародный} и {реалистический; формалистический}. По общему правилу составляющие, которые обозначают элементы множеств, занимают позиции в начале и в конце предложения, причем то, что рема во втором из сочиненных предложений вложена гораздо глубже, чем соответствующая ей рема в первом предложении, не имеет никакого значения.

5. Верификация

В определенных ситуациях ремой выступает не какая-то часть сообщаемого, как в категорических предложениях, и не все сообщаемое целиком, как в тетических предложениях, а только истинностная оценка некоторого утверждения или сообщение о том, имеет ли место некоторая ситуация. Например, в ситуации, когда адресат ожидает, что починят телефон, говорящий сообщает ему: (68) *Телефон работает*. Сообщаемым, т. е. ремой, здесь выступает тот факт, что ситуация, обозначенная предложением (68), наступила. Поскольку выбор истинностных значений ограничивается двумя — 'истинно' и 'ложно', эти значения образуют релевантное множество, и, таким образом, возникает частный случай контрастивности. «Здесь релевантное множество, из которого производится выбор, — две возможности — "да" и "нет", или "истина" и "ложь", или "имеет место" и "не имеет места"» [Янко 1999: 38]. Не удивительно поэтому, что в предложениях типа (68) употребляется контрастивный акцент, причем носителем акцента выступает глагол в личной форме: (68') *Телефон "работает"*; (69) Ожидается, что Вася придет, и наконец, сообщают: *Вася "пришел"* [Кодзасов 1996: 193; Янко 1999: 38].

Коммуникативная категория, которая выражает суждение говорящего о том, имеет ли место некоторая ситуация, истинно или нет некоторое высказывание, называется **верификацией**. Темой в верификативных предложениях является

Часть 1. Синтаксическое описание

ситуация в целом, а ремой — утверждение о ее истинности или ложности. В классификации П. Адамца [1966] различаются общеверификативные предложения, в которых подтверждается или не подтверждается сообщение в целом *Игорь не "погиб*, и частно-верификативные, которые подтверждают или не подтверждают часть сообщения *Не "одни злые люди ночью гуляют*.

6. Эмфаза

Эмфазой называется особая коммуникативная категория, которая, по-видимому, не состоит из дискретного множества признаков (хотя бы только двух). Семантика эмфазы не заключается в указании на нарушение нормы [Янко 1999: 39]: *Три раза я тебя предупреждал!*; *Такую котлету мне не съесть*. Иногда сходная просодия используется для повторного ответа (на переспрос): *С вас тридцать два рубля. — Сколько, вы сказали? — Тридцать два рубля*. Эмфаза — не языковая категория в обычном смысле слова, а фонетический жест, который, как правило, не имеет отношения к грамматике.

7. Топик

Термин «топик» восходит к одному из английских эквивалентов русского термина «тема» (*topic*), однако характеризует его особое значение, в котором слово «тема» (и англ. *theme*) не употребляется.

В некоторых языках тема выступает как особый член предложения, наряду с подлежащим, дополнением и сказуемым. Тема как элемент грамматической структуры клаузы, как член предложения называется **топиком**. Например, в китайских предложениях (70) *Нэйсе шуму шушэнъ да* букв. «*Те деревья* стволы большие», т. е. 'У тех деревьев стволы большие', (71) *Нэйгэ жэнъ ян мин Джордж Чжан* букв. «*Тот человек* иностранное имя Джордж Чжан» в смысле: 'Иностранное имя того человека — Джордж Чжан', (72) *Нэйчан хуо синкуй сюфандуй лайдэ куай,* букв. «*Тот пожар*, [к] счастью, пожарная-команда приехала быстро». В японском языке тема, маркированная показателем *ва*, обычно совпадает с ка-

Глава IX. Коммуникативные категории

ким-то из членов предложения, но может и не совпадать ни с одним из них, образуя, таким образом, топик: (73) *Гакко:-ва боку-га исогасикатта*, букв. «Школа(-ТЕМА) я(-НОМ)

был занят», «'Что касается школы, то я в ней был занят'. Выделенные составляющие в предложениях (70—73) образуют особый «тематический» член предложения — топик, который синтагматически сочетается с подлежащими и дополнениями.

В русском, английском и в других языках «среднеевропейского стандарта» топик — редкое явление. В русском языке его роль выполняет так называемый «имениительный темы», нечасто встречающийся в письменной речи: Закон — я немею перед законом (Гоголь, «Мертвые души»), зато очень распространенный в разговорной: Маша, она пришла.

У. Чейф попытался дать семантическую характеристику топику: «Обычно топик устанавливает, по-видимому, пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация» [1982 (1976): 309]. Наивность этого утверждения, казалось бы, бросается в глаза: совершенно очевидно, что любой член предложения «ограничивает пространственные, временные ...» и т. д. «Определение» Чейфа, на первый взгляд беспомощное и бесполезное, обладает, однако, некоторой ценностью. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся со своеобразием коммуникативных категорий. Пытаясь их охарактеризовать, лингвист вынужден вести речь не о внеязыковой ситуации, а о скрытой от непосредственного наблюдения коммуникативной деятельности говорящего по отбору и иерархизации смысловых компонентов предложения. Определение Чейфа, как и другие похожие определения, интуитивно: оно апеллирует не к материалу, а непосредственно к внутреннему опыту лингвиста как носителя языка.

8. Фокус эмпатии

Эмпатией называется приобретение партиципантом, обозначаемым в ситуации, некоторых свойств говорящего. Фокус эмпатии — тот партиципант, который в максимальной степени, по сравнению с другими партиципантами, сосредоточивает в себе эти свойства. Если говорящий непосредственно обозначен в предложении (например, личным местоимением 1-го лица), то это обозначение совпадает с фокусом эмпатии. Если говорящий не обозначен, но обозначен адресат (употреблено местоимение 2-го лица), то он является фокусом эмпатии. Если же в предложении говоря-

Часть 1. Синтаксическое описание

щий и адресат не обозначены, то в нем выбирается одна ИГ, референт которой в максимальной степени отождествляется с говорящим, и сообщение строится с его «точки зрения».

Понятие фокуса эмпатии нужно, например, для того, чтобы объяснить нерефлексивные употребления английских местоимений на *-self* (74) а. [*The young man, whose name was Robert Jordan*], *was extremely hungry and he_i was worried. He_i was often hungry but he_i was not often worried because he_i did not give any importance to what_j happened to himself* (E. Hemingway, «For Whom the Bell Tolls») 'Молодой человек, которого звали Роберт Джордан, был крайне голоден, и он был обеспокоен. Он часто бывал голоден, но нечасто — обеспокоен, потому что он_i не придавал значения тому, что_j с ним_j происходило'; б. *She, remembered also, that till the Netherfield family had quitted the country, he_i had told his story to no one but herself* (J. Austen, «Pride and Prejudice») 'Она_i еще вспомнила, что до отъезда незерфилдской компании в город он не рассказывал своей истории никому, кроме нее_i'. Рефлексивные местоимения *himself* (1 Ад) и *herself* (74б), вопреки синтаксическому правилу их употребления, соотносятся не с референтом подлежащего той же клаузы, а с тем персонажем, который в данном отрезке текста находится в центре внимания говорящего и до некоторой степени отождествляется с ним [Zribi-Hertz 1989]. Такими персонажами выступают в (74аб) главные герои обоих романов - соответственно Роберт Джордан и Элизабет Беннет.

В одной клаузе не может быть двух фокусов эмпатии. Именно этим объясняется неприемлемость предложений вроде (75) #*Муж Маши подарил своей жене браслет*. Если некоторый референт обозначается как *муж Маши*, то отсюда следует, что референт *Маша* обладает большей эмпатией, чем он, так как говорящий определяет его через этот референт. Однако в (75) есть еще ИГ *своей жене*, из которой очевидно обратное: более эмпатический референт определяется через менее эмпатический. Вследствие этого противоречия предложение (75) неприемлемо, несмотря на то что оно, по-видимому, грамматически правильно. В двух разных клаузах, даже сочиненных, фокусы эмпатии могут различаться: *Он рад, что непохож на мужа барыни Аннышки, скоторым скандалы происходят раз в две недели: он ломится к жене, а та боится* (Б. Зайцев; пример из [Шмелев 1998: 172]).

Глава IX. Коммуникативные категории

Как показал С. Куно [Kuno 1987], эмпатия может играть довольно важную роль в грамматике. Так, в японском языке употребление вспомогательных глаголов *яру* и *курэру* зависит от фокуса эмпатии: если получатель действия с ним совпадает, то употребляется *курэру*, если не совпадает — *яру*.

(76)

- a. *Томодати-ва ню:су-о дарэка-ни ханаситэ ятта*
Товарищ-ТЕМА новость-АКК кто-то-ДАТ рассказав ЯРУ.ПРОШ
'Товарищ рассказал кому-то новость'
6. *Томодати-ва ню:су-о ватаси-ни ханаситэ курэта*
Товарищ-ТЕМА новость-АКК я-ДАТ рассказав КУРЭРУ.ПРОШ
'Товарищ рассказал мне новость'.
- b. *Дарэка-ва аната-ни тэгами-о мисэтэ курэта*
кто-то-ТЕМА вы-ДАТ письмо-АКК показав КУРЭРУ.ПРОШ
'Кто-то показал вам письмо'.

(примеры из [Алпатов 1971])

В (76а) фокус эмпатии совпадает с референтом ИГ *томодати* 'товарищ', которая не обозначает адресата, поэтому употребляется форма глагола *яру*. В (76б) фокус эмпатии совпадает с говорящим, который является адресатом, вследствие чего употреблена форма глагола *курэру*. В (76в) фокус эмпатии в отсутствие говорящего совпадает с адресатом, поэтому употребляется, как и в (76б), глагол *курэру*.

Рекомендуемая литература

Об актуальном членении и других коммуникативных категориях на материале русского языка см. [Адамец 1966; Сиротинина 1965; Ковтунова 1976; Крылова, Хавронина 1976; Шаляпина 1976; Мартемьянов 1981; Падучева 1984; Yokoyama 1986; Йокояма 1992; Maslova 1995; Янко 1999; 2001] и цитируемую в этих работах литературу. О просодических средствах русского языка, используемых для выражения коммуникативных значений, см. [Брызгунова 1980; 1997; Светозарова 1982; Николаева 1982; Кодзасов 1996] и главу 8 учебника [Кодзасов, Кривнова 2001] и рекомендуемую в ней литературу. Общий обзор коммуникативных категорий см. в [Halliday 1967; Чейф 1982 (1976); Апресян 1988; 1990; Gundel et al. 1993; Lambrecht 1994]. О тетических и категорических предложениях см. [Kuroda 1973; Николаева 1982; Ulrich 1985; Sasse 1987; Matras, Sasse (eds.) 1995], о фокусе эмпатии [Kuno, Kaburaki 1977; Kuno 1987]; о данном и новом [Баранов 1984; Prince 1979; 1981], о контрастивности [Баранов 1984; Паршин 1984].

Часть I. Синтаксическое описание

Основные монографии и сборники статей чешских исследователей коммуникативных категорий [Daneš 1974; Firbas 1992; Vachek (ed.) 1983; Sgall et al. 1986; Luebsdorff (ed.) 1994]; в монографии [Hajicová, Partee, Sgall (eds.) 1998] к исследованию коммуникативных категорий привлечен аппарат формальной семантики. О чешских работах более раннего периода см. обзор О.А. Лаптевой [1963]. В порождающей грамматике авторитетны монографии [Rochemont 1986; Rochemont, Culicover 1990].

Часть 2

Синтаксические теории

Факты, взятые сами по себе, не имеют никакой ценности. Факт приобретает научное значение, только поступив в распоряжение теории.

В.А. Звегинцев. Из лекций 1970-х годов

Глава X

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Две основные задачи, стоящие перед лингвистической наукой - описание языковых фактов и их объяснение; описание нуждается в методе, а объяснение - в теории. Теория призвана ответить на вопрос, почему в языке (или языках) наблюдаются именно данные факты, а не другие. Описательная лингвистика занимается отдельными языками, теоретическая лингвистика — свойствами, присущими всем языкам или их большинству — языковыми универсалиями (п. 1). Можно пытаться теоретизировать на основе интуитивных обобщений, но этот путь ненадежен (п. 2). Гораздо большей ценностью обладают обобщения над выборками языков — эмпирические универсалии (п. 3). Современные теоретические направления разделяются на два лагеря — формализм и функционализм; они различаются своей объясняющей базой, т. е. тем множеством факторов, которое признается в них определяющим языковую структуру (п. 4). Теоретическая работа предполагает определенную последовательность шагов: выдвижение гипотезы, ее проверка на фактическом материале и корректировка гипотезы. Теория грамматики естественного языка должна быть описательно адекватной, т. е. способной правильно предсказывать наблюдаемые факты, и одновременно объяснительно адекватной, т. е. не предсказывающей факты, которые в естественном языке не наблюдаются (п. 5). Теоретическая гипотеза может быть сформулирована на метаязыке формальной грамматики, причем разные виды формальных грамматик, будучи применены к материалу естественного языка, обнаруживают разные достоинства и недостатки (п. 6).

В основе всякой научной работы лежит определенная методология, т. е. исследовательская установка, опирающаяся на некоторые философские предпосылки. Современная лингвистика, как и почти вся современная наука, в основном следует научной методологии нового времени, возникшей в Западной Европе в XVI-XVII вв. Возможности этой методологии раскрылись главным образом за последние два века в беспрецедентном и все убыстряющемся прогрессе науки и техники. Кратко и упрощенно ее суть можно выразить следующим образом: «во-первых, накопление фактов наблюдения или экспериментов; во-вторых, построение из них гипотетической модели реальности; и, в-третьих, проверка этой модели на практике или путем постановки эксперимента... В основе научного мышления лежит интерактивный познавательный метод: объясняющие модели не "повисают в воздухе", как в донаучном мышлении; обязательно прОВО-

дится проверка, насколько они подтверждаются практикой, насколько их предсказания соответствуют действительности! При этом и построение модели, и оценка ее правдоподобности должны быть максимально формализованы - идеально, если и то, и другое выражается языком математики» [Дронов 1999: 300].

1. Цели грамматической теории

Главная цель любой научной теории или гипотезы - объяснение наблюдаемых фактов. Например, в физике с помощью волновой теории объясняются явления интерференции и дифракции света; в биологии с помощью теории дискретных наследственных факторов — генов объясняются наблюдаемые распределения наследственных признаков в гибридах и т. п.

Регистрация, систематизация и обобщение фактов представляют собой другую, хотя и связанную с первой, задачу научного исследования - задачу наблюдения и эксперимента. Наблюдение позволяет учесть естественные, спонтанные факты, появление которых не зависит от деятельности исследователя. Эксперимент дает возможность работать с искусственными фактами, которые вызваны к жизни самим исследователем.

Наблюдение в лингвистике состоит в изучении устных или письменных текстов. Эксперимент чаще всего применяется в работе с информантом - носителем языка. Автором спонтанных текстов или носителем изучаемого языка может быть и сам лингвист-исследователь. Изучение лингвистом собственного языкового поведения называется интроспекцией.

Теорией любого конкретного языка можно считать его научное описание, и если бы все люди говорили на одном языке, такое описание, конечно, считалось бы теорией языка вообще: ведь в этом случае способность человека владеть различными языками осталась бы никому не известной. Но, даже зная о том, что между языками есть огромные различия, мы можем с полным на то правом назвать описание, скажем, русского языка, теорией русского языка.

В самом деле, предсказательная и объяснительная сила такой «теории» очень велика — она ни в чем не уступает

многим естественно-научным теориям, хотя, конечно, одни описания русского языка учитывают больше фактов и содержат более глубокие обобщения, чем другие описания. Если, например, из описания следует, что слово *вода* имеет форму вин. п. *воду*, то сколько бы раз говорящие на русском языке ни употребили форму вин. п. от лексемы *вода*, они (быть может, много миллионов раз!) используют - в устной или письменной речи - лишь форму *воду*, и никакую другую (если оставить в стороне случайные оговорки, ошибки от усталости, невнимания, плохого знания языка и т. п.).

С целью объяснить удивительную последовательность речевого поведения говорящих на русском языке мы могли бы, например, попытаться возвести грамматическое правило, согласно которому все слова данного морфологического типа в русском языке образуют форму вин. п. на *-у*, в некое «правило» или «закон» Языка вообще (имея в виду «язык вообще», лингвисты нередко пишут слово **Язык** с заглавной буквы). Говорящие на русском языке употребляют именно эту форму, потому что - предположим мы на одну минуту, — в силу каких-то эволюционных причин именно так сформировался вид *homo sapiens*: устройство грамматики входит в геном человека так же, как в него входит, например, строение тела.

Однако подобное «объяснение» сразу опровергается общезвестными фактами: грамматические правила различны в разных языках, и даже в близкородственных русскому славянских языках формы падежей отличаются от русских. Известно, кроме того, что ребенок, родившийся у носителей одного языка, но воспитанный в среде носителей другого, столь же легко овладевает этим языком, как и «природные» носители другого языка. Поэтому невозможно приписывать носителям русского (или любого другого) языка какое-то особое генетически наследуемое знание своего языка, отличное от знания, которое получают от рождения носители других языков. Если факты русской грамматики или грамматики другого языка оказываются именно такими, какими мы их наблюдаем, причину этого надо искать в чем-то другом.

Лингвистика XIX в. выдвинула историческое объяснение языковых фактов. Было установлено, что всякая группа родственных языков представляет собой различные исторические формы одного языка-предка. Выяснилось, что фонологическая система, словарь и грамматический строй

Часть 2. Синтаксические теории

любого языка по большей части унаследованы от ранних исторических форм этого языка, причем фонологические изменения имеют регулярный и систематический характер. Успехи сравнительно-исторического языкознания оказались настолько впечатляющими, что и для некоторых языковедов XX века утверждение, что «историзм — обязательный признак объяснительной науки» [Абаев 1986: 30], оставалось самоочевидной истиной.

Между тем историческое объяснение не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему наблюдаемые языковые факты именно таковы, каковы они есть, а скорее подменяет этот вопрос другими вопросами: почему был так устроен язык-предок или почему он был устроен иначе, но претерпел те или иные видоизменения? Основным объектом изучения в лингвистике является знание языка говорящими, которое, конечно, не включает в себя знания его исторически предшествовавших форм, — иначе мы бы без подготовки могли читать новгородские берестяные грамоты или «Слово о полку Игореве». Исторические объяснения были отвергнуты магистральными направлениями лингвистики XX в. с ее преимущественным интересом к синхронии. Кроме того, потерпели неудачу все попытки применить в лингвистике историческую методологию, предполагающую поступательное развитие языка от простого к сложному, — по крайней мере, в том, что касается фонетики и грамматики, ни древние языки, ни языки народов, продолжающих жить в каменном веке, ни в каком смысле не «примитивны».

Вместе с тем надо признать, что возможности исторического объяснения в принципе не исчерпаны. По мере развития сравнительно-исторического языкознания может быть в конце концов доказано, что все известные языки происходят из одного языка-предка, и в таком случае наблюдаемые сходства между ними (или какая-то их часть) получат свое объяснение.

Современный функционализм (см. гл. XV п. 3) исследует возможности объяснения грамматических фактов через грамматикализацию, т. е. определенные способы превращения неграмматических элементов в грамматические, — например, знаменательного слова в служебное или в аффикс. Поскольку пути грамматикализации во всех языках похожи, похожим в них оказывается и устройство грамматики.

Очевидно, что теорией Языка вообще не могут быть ни описание одного какого-то языка, ни даже система принципов, которые указывают, как следует описывать язык. Такие

Глава X. Объяснение в лингвистике, или что такое грамматическая теория

принципы представляют собой метод, а не теорию. Несмотря на то, что метод и теория взаимосвязаны, их необходимо четко различать. **Метод** включает в себя понятийный аппарат и определенные способы исследования и описания материала. **Теория** должна содержать сведения о свойствах, являющихся для человеческого языка необходимыми или высоковероятными, т. е. верными для каждого отдельного языка или для большинства языков.

Как может выглядеть теория Языка и какие факты она должна учитывать? Чтобы упростить вопрос, оставим в стороне такие важнейшие компоненты естественного языка, как фонетика и словарь и будем дальше говорить лишь о теории грамматики.

Один из возможных ответов на вопрос, что может собой представлять теория грамматики, заключается в том, что существует крайне мало (или вообще не существует) свойств, характерных для всех или большинства языков и что языки могут различаться по своему грамматическому строю неограниченным образом по неограниченному числу признаков. Например, можно предположить, что облик, который приняла в результате исторического развития русская грамматика (или грамматика любого другого языка), есть в конечном счете результат действия случайных факторов.

В таком случае общая теория грамматики невозможна в принципе, и право на существование имеют лишь описания отдельных языков и руководства по их составлению. Подобный нигилистический взгляд на возможность разработки общей теории грамматики был характерен для представителей американского структурализма - дескриптивной лингвистики (время наибольшего влияния этого научного направления - 1930-1950-е годы). Столкнувшись с проблемой описания весьма «экзотических» языков индейцев североамериканского континента, лингвисты США убедились в том, что претендующие на универсальность традиционные грамматические понятия, выработанные на материале индоевропейских языков, неприменимы к языкам Америки. Из этого они сделали вывод, что любая теория грамматики точно так же рухнет, столкнувшись с непредусмотренным ею материалом новых языков, а право на существование имеет лишь метод описания, который ограничивается некоторыми простыми понятиями, заведомо применимыми ко всем известным языкам (такими, например, как дистрибутивный класс, фонема или морфема). «Единственными плодотворными обобщениями в языкоznании являются обобщения индуктивные. Явления, которые мы считаем универсальными, могут отсутствовать в первом же новом языке, с которым мы столкнемся» [Блумфилд 1968 (1933): 34].

Часть 2. Синтаксические теории

Сегодня эту точку зрения не разделяет ни одно серьезное теоретическое направление. То общее, что обнаруживается в грамматиках языков — разнообразных по происхождению, месту распространения и времени существования — неизбежно приводит к выводу, что в них наблюдается не только результат действия исторических случайностей, но и некий **универсальный компонент**, а именно такие важнейшие принципы строения грамматики, которые верны для каждого языка или по крайней мере для большинства их. Приступая к изучению нового и абсолютно неизвестного науке языка (может быть, в Юго-Восточной Азии, в дебрях Новой Гвинеи или в амазонской сельве, где сохранилось много неописанных или почти не описанных языков), сегодняшний лингвист, еще не приступив к работе, знает про него довольно многое. Во-первых, известны некоторые, и немаловажные, факты, которые обнаруживаются в грамматике любого человеческого языка или в значительном большинстве языков; такие факты называются **языковыми универсалиями**. Во-вторых, можно заранее представить себе то ограниченное пространство возможностей, в пределах которого будут принимать значения основные параметры его грамматической структуры.

Исследовательские программы в области теории грамматики ставят перед собой три цели: 1) выявить этот универсальный компонент; 2) объяснить причину его существования и 3) объяснить, почему он именно таков, каков он есть; при этом ясно, что каждая последующая цель достижима гораздо трудней, чем предыдущая.

От конкретного описания конкретного языка довольно трудно перейти к изучению свойств Языка вообще, т. е. выяснению того, что есть общего в языковом поведении всех людей. Занимаясь чисто описательной работой, лингвист обычно не ставит вопроса о том, какие грамматические явления в языке возможны, а какие невозможны или маловероятны, и почему. На эти вопросы должна отвечать **общая теория грамматики**, иначе называемая **универсальной грамматикой**.

2. Эвристическая ценность интуиции

Одна из задач грамматической теории — разграничить факты, представляющие собой свойства данного конкретно-

Глава X. Объяснение в лингвистике, или что такое грамматическая теория

го языка, и факты, являющиеся свойствами всех языков, или человеческого Языка вообще. Может ли носитель языка, опираясь на свою интуицию, разграничивать эти две группы фактов, и если да, то до какой степени?

Вообще говоря, такой способностью носитель языка не обладает. Интуиция, т. е. способность оценивать правильность или неправильность речевых отрезков без размышления и анализа, не включает в себя способность понимать, какие предложения устроены неправильно относительно родного языка, а какие относительно Языка вообще. Однако похоже, что до определенной степени интуиция все-таки может решать последнюю задачу.

Рассмотрим предложение (1) **Коля и Саша пришел*, в котором нарушены правила согласования, или предложение (2) *Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа*, в котором неправильно построена деепричастная конструкция, или предложение (3) **Девочка хочет мать купить ей куклу*, в котором инфинитивный оборот, в нарушение правил русского синтаксиса, обладает формально выраженным подлежащим в им. п. Ясно, что неправильность этих предложений вызвана тем, что их структура противоречит правилам грамматики русского языка. Мы не будем особенно удивлены, если узнаем, что в других языках аналогичные предложения грамматичны. И в самом деле, существуют языки, которые разрешают согласование сочиненной именной группы по единственному числу (в них некоторые предложения, похожие на (1), будут правильными, например, словенский [Corbett 1988: 24], да и в русском языке обнаруживаются такие случаи: *был-а в ней и скромность, и изящество, и достоинство* [Граудина и др. 1976: 31]). В других языках (например, восточнокавказских) не требуется кореферентности подлежащих в деепричастном обороте и в главной клаузе (в этих языках грамматичны предложения типа (2)), или допускается наличие собственного выраженного подлежащего в инфинитивном обороте при матричных глаголах (в этих языках грамматичны предложения типа (3)) и т. п.

Рассмотрим теперь пример (4) **Я отдал книгу Ивану газету*, имея в виду значение 'Я отдал книгу и газету Ивану'. Носитель русского языка оценит (4) как неправильно построенное предложение. В предложении не может быть одновременно двух прямых дополнений в вин. п., если только

Часть 2. Синтаксические теории

они не образуют сочиненной ИГ; но сочинения в (4) быть не может, так как дополнения не соположены. Однако неправильность (4) - как кажется, не совсем того же рода, что неправильность предложений (1—3).

Можно предположить, что неграмматичность предложения (4) — не факт русского языка, а скорее всего, факт Языка вообще. При одном предикате не может быть двух или более актантов, выполняющих одну и ту же роль, и некий внутренний голос может говорить лингвисту (или даже неискушенному носителю), что так обстоит дело во всех языках, — хотя никто не проверял этого утверждения на материале всех языков, да это и невозможно было бы сделать.

Обратимся теперь к некоторым фактам эллиптического сокращения. Формы применения этой операции могут быть весьма различны. Например, в предложении (5) *Маша читает книгу, и Саша читает книгу* может быть сокращена цепочка *читает книгу* в первом предложении (с изменением числового согласования в глаголе): (6) а. *Маша и Саша чита-ют книгу*, ИЛИ ВО втором предложении б. *Маша читает книгу, и Саша*. Мы можем, далее, частично сократить совпадающий материал во втором предложении: в. *Маша читает книгу, и Саша читает*, или г. *Маша читает книгу, и Саша книгу*. Хуже будет оцениваться носителями языка предложения с удалением части совпадающего материала в первом предложении: д. ? *Маша читает, и Саша читает книгу* и е. ?? *Маша книгу, и Саша читает книгу*. Однако мы, по-видимому, готовы признать, что в каких-то языках сокращения типа (бд—е), в отличие от русского языка, безоговорочно допустимы. Суммируем эти примеры в виде следующей парадигмы:

(6)

ю

- а. *Маша читает книгу, и Саша читает книгу.*
- б. *Маша читает книгу, и Саша читает книгу.*
- в. *Маша читает книгу, и Саша читает книгу.*
- г. *Маша читает книгу, и Саша читает книгу.*
- д. ? *Маша читает книгу, и Саша читает книгу.*
- е. ?? *Маша читает книгу, и Саша читает книгу.*

Теперь попробуем осуществить перекрестное опущение, т. е. часть совпадающего материала удалить в первом, а часть — во втором предложении: ж. **Маша читает, и Саша книгу*, з. **Маша книгу, и Саша читает*:

ж. **Маша читает книгу, и Саша читает книгу*

з. **Маша читает книгу, и Саша читает книгу*

Предложения (бжз) не просто «хуже» или менее приемлемы, чем (ба—е). Интуиция подсказывает, что неграмматичность этих двух предложений, вероятно, не обычный факт русской грамматики. Можно предполагать, что невозможность такого перекрестного опущения есть свойство (или следствие каких-то более общих свойств) Языка вообще, факт универсальной грамматики, и мы были бы, наверное, крайне удивлены, если бы нашелся какой-то язык, в котором предложения типа (бжз) оказались допустимы.

Вспомним теперь о различиях между способностью вопросительных групп к выдвижению из сентенциальных актантов и из сентенциальных сирконстантов. Воспроизведем следующую простую парадигму (гл. III, (51—52)):

- (7) а. *Ты хочешь, чтобы тебе заплатили пятьсот тысяч.*
б. *Сколько ты хочешь, чтобы тебе заплатили?*
в. *Ты приходишь, чтобы тебе заплатили пятьсот тысяч.*
г. **Сколько ты приходишь, чтобы тебе заплатили?*

Тот факт, что предложение (7г) неграмматично, следует из известного «островного» ограничения — «непроницаемости» сентенциальных сирконстантов для выдвижения. Интуиция может подсказать нам гипотезу, что предложения типа (7г) запрещены в грамматике любого языка, какими бы «экзотическими» формальными средствами ни был выражен в этом языке сентенциальный сирконстант.

Еще один пример - вопросительная инверсия в романских и германских языках: англ. (8) а. *He has finished his work* 'Он закончил свою работу'; б. *Has he finished his work?* 'Закончил ли он свою работу?'. В английском языке действует следующее правило:

(9) для выражения вопроса вспомогательный глагол главного предложения перемещается левее подлежащего.

Часть 2. Синтаксические теории

В немецком и французском языках сходное правило применяется и к другим глаголам в финитной форме (не только к вспомогательным). Зададим теперь вопрос, не могли ли правило (9) иметь не немного отличный, как в немецком или французском, а принципиально другой вид, например:

(10) для выражения вопроса третье с начала слово перемещается в начало предложения.

Интуиция подсказывает, что ни в одном языке правило образования вопросительной конструкции не может иметь вид, сходный с (10). По какой-то причине выражение «вспомогательный глагол» или «финитный глагол» кажется нам осмысленным, а выражение «третье с начала слово» - бессмыслицей. Дело в том, что выражение «слово, третье с начала» имеет смысл относительно цепочки слов. Между тем интуитивно ясно, что последовательность слов в предложении любого естественного языка не есть только цепочка. Понятие «третье слово с начала» значительно проще понятия «вспомогательный глагол» или «финитный глагол». Вопрос о том, что такое финитный глагол, весьма сложен, и, казалось бы, для языка «невыгодно» использовать в правилах такие сложные для усвоения понятия. Однако язык использует именно их. Следовательно, существует какой-то универсальный принцип, в силу которого грамматическое правило ориентируется на гораздо более сложную иерархическую структуру, чем простая цепочка. Сложная иерархическая структура дает, вероятно, некий выигрыш перед простейшей цепочечной иерархией - выигрыш настолько важный, что для него стоит пренебречь сложностью используемых понятий. Именно поэтому нас не удивляют сложные правила вида (9), зато простые правила типа (10) по интуитивным соображениям кажутся абсолютно невероятными — каким-то образом мы точно знаем, что грамматики естественных языков не считают слов.

Интуитивные суждения об универсальности или неуниверсальности того или иного факта могут быть эвристически полезными при разработке лингвистической теории. Однако невозможно принять их в качестве полноценных фактов: наши интуитивные представления о том, что может быть и чего не может быть в языке, слишком зависят от свойств знакомых нам языков. Например, интуиция может говорить, что в любом языке местоимение в роли дополнне-

Глава X. Объяснение в лингвистике, или что такое грамматическая теория

ния должно либо обязательно быть (11), либо обязательно не быть (12) кореферентно подлежащему; в первом случае это рефлексивное местоимение (11) *Иван видит себя*, а во втором — личное (12) *Иван видит его*. Рефлексивное местоимение *себя* в (11) не может обозначать никого другого, кроме референта, обозначенного подлежащим (*Иван*), а личное местоимение *его* (*ее, их*) в (12), наоборот, может, в принципе, обозначать что угодно, кроме референта подлежащего.

Знакомство с другими языками на первый взгляд подтверждает это обобщение. Приблизительно так же ведет себя подавляющее большинство местоимений не только в славянских и индоевропейских, но и в алтайских и уральских языках, в большинстве кавказских и во многих других языковых семьях: различаются личные местоимения 3-го л. и отличные от них рефлексивные местоимения, которые в конструкциях типа (11-12) ведут себя так же, как и в русском.

Однако в некоторых языках, например в турецком [Нилсон 1987 (1978); Iatridou 1986], цахурском (восточнокавказская семья, Дагестан [Тестелец, Толдова 1998]), бамана (семья манде, западная Африка [Выдрин 1999]), малайском (австронезийская семья [Cole, Hertmon 1998]), обнаружены такие местоимения, которые в позиции дополнения могут быть, а могут и не быть кореферентны подлежащему; ср. в цахурском языке предложение (13) *gade \$uqa ЩабI*, которое может означать 'мальчик на него посмотрел' или 'мальчик на себя посмотрел', где *iuqa* 'на него; на себя' объединяет свойства личного местоимения и рефлексива. Интуиция, таким образом, отражает ограниченный опыт, который при расширении круга исследуемых языков может оказаться недостаточным.

3. Эмпирические универсалии

Проверить универсальную гипотезу (например, «во всех языках есть явление X») на материале всех человеческих языков - принципиально неосуществимая задача: подавляющее большинство языков человечества или их исторических форм бесследно исчезло - от них не осталось ни живых носителей, ни письменных памятников. Проверить универсальную гипотезу на материале всех ныне существующих

Часть 2. Синтаксические теории

языков Земли теоретически возможно, но практически не выполнимо. Из всего множества в 5000—7000 языков, на которых говорит население земного шара, современный лингвист может получить в свое распоряжение лишь данные о некоторой их выборке - в 100, 200, даже 800 и более языков, в зависимости от характера запрашиваемой информации и доступности источников.

Именно на таких данных устанавливаются **эмпирические, или индуктивные, универсалии** — утверждения о свойствах Языка, проверенные на материале некоторой представительной случайной выборки, состоящей из отдельных языков. Выборка считается представительной, если в ней более или менее равномерно представлены различные языковые семьи и географические ареалы. Перекос в выборке, когда в нее попадает слишком много представителей одной и той же семьи или одного и того же ареала, затрудняет проверку универсалий, так как за универсальное явление в ней можно принять явление ареального или генетического сходства. Эмпирические универсалии - несравненно более надежный источник материала для грамматической теории, чем данные интуиции.

Эмпирические универсалии устанавливаются на сравнительно небольших случайных выборках языков, и поэтому они все являются неполными, статистическими утверждениями, и математическая статистика позволяет вычислить вероятность ошибки для всякой эмпирической универсалии, исходя из данных выборки.

«Пусть у нас имеется считающаяся вполне репрезентативной выборка из 100 языков. Во всех из них обнаружен некоторый лингвистический признак X. Формулируем универсалию вида: "Во всех языках есть X". Какова вероятность того, что это утверждение истинно?

Оно будет истинным только в том случае, если не существует ни одного языка без признака X. Оценим объем всего множества, или, как выражаются в статистике, генеральной совокупности языков в 5000 (будь эта цифра втрое больше или меньше — на выводы это существенно не повлияет). Допустим, что хотя бы один язык-исключение (без признака X) все-таки существует. Какова вероятность, что он попадет в нашу выборку из 100 языков? Эта вероятность равна $100 : 5000 = 0,02!$ Это и есть вероятность того, что существуй хоть один язык-исключение, мы бы его обнаружили, то есть надежность нашей универсалии (в такой формулировке) равна всего 2%! Легко видеть, что получить мало-мальски приемлемую надежность в 90% для подобной универсалии можно только включением в выборку 90% всех языков — задача явно утопическая.

Глава X. Объяснение в лингвистике, или что такое грамматическая теория

Таким образом, утверждать на основании выборки разумного объема о том, что некоторый лингвистический признак существует во всех языках, невозможно. Что же означает тот факт, что в выборке из 100 языков нам не попалось ни одного без признака X? Не утомляя читателя громоздкими расчетами, приведу только конечный результат: это означает, что с вероятностью 0,95 в генеральной совокупности имеется не более 3% языков-исключений, или с вероятностью 0,99, что таких исключений не более 4,5%.

Отсюда видно, что единственным правильным обобщением на основании нашей выборки было бы такое: "в подавляющем большинстве языков есть X". Правда, здесь возникает вопрос, что же считать "подавляющим большинством"? Это можно определить только соглашением. Представляется, что 90% **всех** языков - это достаточный уровень для понятия "подавляющее большинство". Даже если бы в выборке попалось до четырех языков без признака X, вывод о том, что X существует в подавляющем большинстве языков, остался бы правильным с достаточно малой вероятностью ошибки (**вероятностью ошибки** в статистике называют вероятность того, что эмпирическое обобщение ложно, **надежностью** - вероятность того, что оно истинно; сумма этих двух величин, понятно, равна единице). С другой стороны для достоверного утверждения о том, что число исключений в генеральной совокупности не превышает 10%, достаточно, чтобы таких исключений не встретилось в 30 произвольно взятых языках (надежность 0,95)» [Козинский 1979: 5-9].

Наибольший интерес представляют, однако, не универсалии существования (называемые **экзистенциальными**) вида «во всех языках есть X», например, (14) «во всех языках есть фонемы», или (15) «во всех языках есть сочинительные конструкции» и подобные им, а универсалии более сложной логической природы — **эквиваленции**, например:

(16) предлоги существуют в тех и только в тех языках, в которых генитивное определение (или его аналог) следует за определяемым существительным («универсалия 2» Дж. Гринберга [1970 (1966): 120])

или **импликации**, например:

(17) если местоименное дополнение следует за глаголом, то за глаголом следует также и именное дополнение («универсалия 25» Дж. Гринберга [там же: 136];

(18) если инкорпорированное (=морфологически включенное в состав глагола-сказуемого) прямое дополнение предшествует глагольному корню, то в данном языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу-сказуемому [Козинский 1979: 189];

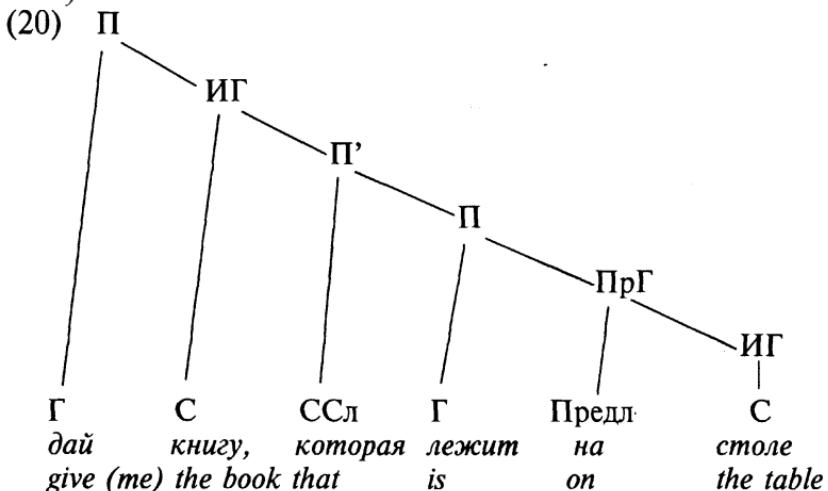
(19) если относительная клауза предшествует определяемому существительному, то прямое дополнение предшествует глаголу [Dryer 1988].

Часть 2. Синтаксические теории

Эмпирические универсалии сами по себе не могут заменить лингвистическую теорию. Они лишь представляют для нее ценный «питательный материал». В качестве примера приведем эмпирически установленную универсальную классификацию языков по типу линейного порядка составляющих на **языки левого ветвления** и **языки правого ветвления**. В классификации утверждается, что в любом языке ветвящиеся зависимые всегда располагаются либо слева, либо справа от вершины, независимо от той фразовой категории, в которую они входят. Под **ветвящимися** зависимыми имеются в виду такие, которые легко могут быть распространены; к их числу относятся, например, зависимые выраженные ИГ, ПГ или клаузами, например, дополнения или посессивные определения. **Неветвящимися** зависимыми называются, наоборот, такие, которые не распространяются или распространяются редко; к ним относятся группы прилагательного (в положительной степени), числительные, артикли, указательные местоимения и нек. др. [Dryer 1988, 1992].

Для наглядности приведем по два примера лево- и правоветвящихся языков.

Русский и английский языки — правое ветвление (ветвящееся зависимое следует за вершиной; символом ГГ отмечена относительная клауза, ССл — союзное слово или его аналог):

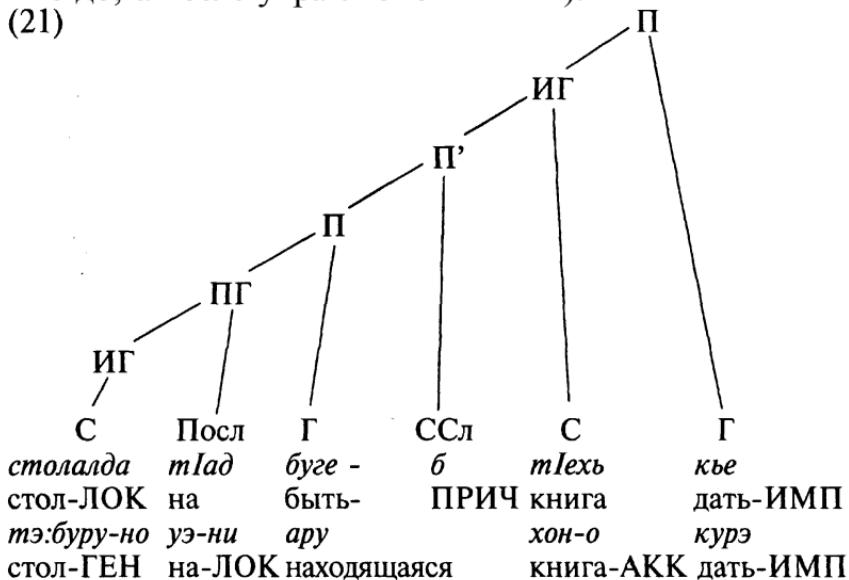

Аварский язык (восточнокавказская семья) и японский язык (алтайская семья) — левое ветвление (ветвящееся зави-

Глава X. Объяснение в лингвистике, или что такое грамматическая

симое предшествует вершине; Поел — послелог, служебное слово, по функции одинаковое с предлогом, но располагающееся не до, а после управляемой им ИГ):

(21)

Как объяснить это поразительное сходство между языками, принадлежащими к одному типу, и не менее поразительную симметрию, которая наблюдается между обоими типами? Ответ на подобные вопросы призвана дать грамматическая теория.

4. Объяснительная база

Большинство существующих ныне подходов к грамматике (и к языку в целом) можно разделить на два больших теоретических лагеря - **функционализм** и **формализм**. Взгляды функционалистов и формалистов различаются главным образом тем, в чем они усматривают объяснительную базу лингвистической теории. Объяснительной базой называется группа факторов, которая, как предполагают сторонники той или иной теории, определяет наиболее важные черты естественного языка.

Исходное предположение функционализма заключается в том, что строение языка определяется его использованием. Язык и грамматика языка таковы, ка-

ковы они есть, потому что они отвечают определенным и довольно жестким требованиям, накладываемым на них условиями использования языка. «Если... язык в речевой деятельности — это корабль, ходовые качества которого можно определить только в море, на плаву, логично согласиться с тем, что эти качества в большой степени заложены в проектном бюро, на верфи, обусловлены его конструкцией» [Золотова 1986: 503].

Язык - средство мышления; следовательно, языковые структуры должны быть «приспособлены» к решению мыслительных задач - восприятия, переработки, хранения и поиска информации. Язык — средство коммуникации; значит, устройство языка должно максимально облегчать общение коммуникантов и быть оптимальным с точки зрения параметров этого процесса (включая не только механизм передачи информации, но и социальные, культурные, психологические и другие сопутствующие факторы). Строение языка также определяется свойствами тех отделов мозга, в которых локализуется языковая способность человека. Наконец, языковая деятельность осуществляется посредством артикуляторных и перцептивных механизмов (зрения, слуха, производительных органов). Возможности этих механизмов ограничены, и структура языка должна свести к минимуму трудности и помехи в их работе.

Исходное предположение формализма прямо противоположное. Формалисты полагают, что наиболее важные и фундаментальные свойства языка не зависят от способов и условий его использования. «Человеческий язык есть система, предназначенная для свободного [т. е. не ограниченного никакими внешними обстоятельствами. - Я.Т.] выражения мысли, по своему существу не зависящая ни от контроля со стороны внешних стимулов, ни от удовлетворения человеческих нужд, ни от инструментальных целей» [Chomsky 1980: 239]. Язык - особенность человеческого мышления, в своей основе врожденная. Врожденными являются, разумеется, не конкретные морфемы, слова, конструкции или правила того или иного языка, но некие абстрактные схемы и принципы, определяющие структуру этих грамматических единиц. Универсальный врожденный компонент знания языка не есть непознаваемая «вещь в себе» — он может быть выявлен в результате исследовательской работы лингвиста и представлен в виде абстрактной модели на метаязыке формальной грам-

матики (о том, что такое формальная грамматика, см. ниже в п. 6).

Формалисты признают, что функциональные факторы могли сыграть свою роль в процессе филогенеза — возникновения человеческого языка. Тем не менее они отрицают перспективность подхода, принятого функционалистами, согласно которому наблюдаемые языковые факты поддаются объяснению путем непосредственного обращения к функциональным принципам.

Проиллюстрируем различие двух подходов на примере обрисованных выше двух типов языков — правого и левого ветвления. Одно объяснение этому факту предложено в рамках порождающей грамматики Н. Хомского - наиболее влиятельного формального направления. С точки зрения сторонников порождающей грамматики, тот факт, что в языках вершины в разных фразовых категориях либо последовательно следуют за ветвящимися зависимыми (как в аварском, японском или турецком), либо столь же последовательно предшествуют им (как в русском, английском или арабском), объясняется элементом врожденного компонента знания языка. Овладевая родным языком, ребенок активизирует генетически заложенную языковую информацию. Эта информация включает знание о том, что ветвящиеся зависимости в языке располагаются последовательно либо до, либо после своих вершин. Чтобы овладеть правилами порядка слов в родном языке, ребенку не нужно анализировать все виды фразовых категорий. Достаточно лишь небольшого исходного материала, чтобы элемент врожденного знания языка - **параметр вершины** — принял одно из двух возможных значений: «до» или «после» [Stowell 1981].

Другое, функционально ориентированное, объяснение деления языков на два класса предложил Дж. Хокинс [Hawkins 1990, 1994]. Теория Хокинса будет подробнее рассмотрена в гл. XV п. 2, а пока в сильно упрощенном виде его вывод можно представить так: в языках более распространены такие порядки слов, которые удобны для механизма распознавания речи слушающим. Чем меньше расстояние (в количестве слов) между вершинами последовательно вложенных друг в друга фразовых категорий, тем легче слушающий справляется с синтаксическим анализом. Вершины наиболее важны для распознавания синтаксической структуры, потому что они однозначно характеризуют синтаксиче-

ские единицы, в состав которых входят. Для слушающего оптимальен такой порядок слов, когда все вершины располагаются либо в начале (20), либо в конце (21) возглавляемых ими составляющих: и в том, и в другом случае механизм распознавания синтаксической структуры работает с наименьшей нагрузкой. Оба расположения — начальное и конечное — одинаково удобны, поэтому «левоветвящихся» языков столько же, сколько и «правоветвящихся». Таким образом, одно из условий речевого общения, а именно ограниченная способность механизма распознавания речи, определяет одно из основных свойств грамматики — преобладающий тип порядка слов.

Рассмотрим также следующую закономерность, впервые установленную Дж. Гринбергом:

(22) суффиксы распространены в языках мира гораздо больше, чем префиксы; если в языке есть префиксы, то в нем обычно есть и суффиксы, но обратное неверно (перифразировано из [Гринберг 1970 (1966): 137]; впервые отмечено в [Greenberg 1957]).

Действительно, преобладание в языках мира суффиксов над префиксами — очевидный факт. В очень многих языках есть и префиксы, и суффиксы (например, в индоевропейских, в кавказских, в японском, в языках банту), в достаточно многих языках есть только суффиксы («таковы, в частности, все самодийские и многие финно-угорские языки, все тюркские, дравидийские и эскимосско-алеутские языки, многие австралийские и африканские языки, многие языки Южной Америки и др.» [Плунгян 2000: 89]). Ни префиксов, ни суффиксов не обнаруживается в языках, лишенных морфологии (например, в древнекитайском). При этом засвидетельствовано крайне мало языков, в которых были бы только или почти только префиксы. Таковы атабаские языки (семья на-дене, Сев. Америка).

Функционалист, ища объяснение этому явлению, прежде всего обратит внимание на роль начала (позиция префиксов) и конца слова (позиция суффиксов) в процессе использования языка. Данные психолингвистических экспериментов показывают, что позиция начала слова наиболее важна для восприятия: слушающий узнает слово прежде всего по его началу, а не по концу. Это было установлено с помощью тестов, в которых носителю языка предлагалось узнать слова, начало или конец которых были ис-

Глава X. Объяснение в лингвистике, или что такое грамматическая теория

кажены, - во втором случае результат узнавания был значительно успешнее, чем в первом.

Итак, перед нами два факта: (22) - преобладание суффиксов в языках мира и (23):

(23) начало слова важнее для его распознавания, чем его конец.

Вспомним, что противопоставление аффиксов и основ, к которым они присоединяются, связано с другим противопоставлением - лексики (единиц словаря) и грамматики: аффиксами выражаются грамматические, но не лексические значения. Значит, тот факт, что аффиксы чаще бывают суффиксами, свидетельствует о том, что

(24) грамматические категории (выраженные аффиксами) менее важны в процессе распознавания речи, чем лексические единицы (передаваемые основами).

В каком смысле распознавание лексических единиц «важнее», чем распознавание грамматических аффиксов? Вероятно, распознавание звучащей речи - процесс, связанный с ограниченностью используемых ресурсов. Механизмы распознавания речи перегружены и часто дают сбой в виде ослышек, особенно если анализируемая речь - быстрая, принадлежит незнакомому человеку, на незнакомую тему и т. п. Оптимальный режим загрузки механизма распознавания заключается, по-видимому, в том, чтобы наиболее трудный материал был представлен в наиболее удобном для восприятия виде (если уж невозможно расположить весь материал — и трудный, и легкий - с достаточным удобством для адресата). Распознавать лексемы труднее, чем грамматические морфемы, так как области поиска существенно отличаются по объему: лексем — тысячи, а грамматических морфем — несколько десятков. Поскольку возможности механизма восприятия речи ограничены, язык помещает отрезки, наиболее трудные для распознавания — лексические основы — в начало слова, т. е. в то место, которое больше вовлечено в процесс распознавания. Более легкий материал — грамматические аффиксы — помещается в конец слова, т. е. в ту его часть, которая менее значима для механизмов распознавания. Кроме того, как полагают Дж. Хокинс и Э. Катлер, порядок морфем соответствует порядку как порождения, так и восприятия слова: сначала - основа, затем - аффикс [Hawkins, Cutler 1988; Hall 1992].

Теоретик-формалист, приступая к объяснению (22), наверное, захочет увидеть в этом факте проявление некоего

универсального врожденного принципа. Например, в порождающей грамматике [Williams 1981; Selkirk 1982] аффиксы, по крайней мере некоторые, рассматриваются как разновидности вершин — считаются вершинами в морфемной конструкции слова. Если допустить, что параметр вершины распространяется также на отношение между аффиксами и основами, то можно объяснить, почему все чисто суффиксальные языки являются языками левого ветвления. Затем формалисту придется искать какое-то объяснение для того, почему наличие в языке префиксов необязательно сопровождается правым ветвлением; подробнее см. [Hawkins, Gilligan 1988].

На приведенных примерах можно увидеть, каким образом современные грамматические теории устанавливают связь между принятой в них объяснительной базой и наблюдаемыми фактами.

5. От гипотез к фактам и обратно

Вопрос «Что представляет собой язык?» всегда находился в центре внимания лингвистической теории. Однако на протяжении второй половины XX в. внимание многих теоретиков сосредоточилось на более частной проблеме — «Что собой представляет грамматика языка?». Решение ее требует глубокого исследования природы грамматических понятий. Сходство между языками отнюдь не ограничивается легко выделямыми единицами, такими, как «морфема», «фонема», «словоформа» и т. п. Содержательные категории, такие, как «глагол», «существительное», «предложение», «переходность», «подлежащее», «определение» также обнаруживают большое сходство в описаниях различных языков. Теория грамматики должна располагать разработанным аппаратом подобных категорий, столь же убедительным, как и аппарат сравнительно более простых понятий, таких, как «морфема». Если теория при этом стремится к строгости, она должна включать в себя **формальные модели** наблюдаемых грамматических явлений, т. е. такие строго определенные объекты (единицы и правила их соединения), которые в некоторой существенной части своих свойств совпадают с естественным языком (подробнее о грамматических моделях см. в гл. XVI п. 1).

Сравнивая формальные грамматические модели с наблюдаемыми фактами, исследователь должен прежде всего выяснить **описательную адекватность** этих моделей, т. е. их способность правильно предсказывать наблюдаемые факты. Однако описательная адекватность грамматической модели еще не означает ее теоретической ценности. Теоретическую ценность имеет только такая модель, которая обладает, кроме описательной, еще и **объяснительной адекватностью**, а именно *не* предсказывает те факты, которые реально *не* наблюдаются.

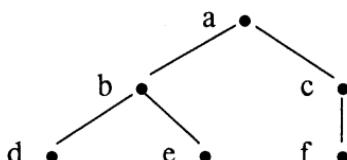
В качестве иллюстрации рассмотрим две теории согласования - (25) и (26):

(25) согласование может иметь место только между словоформами *x* и *y*, связанными отношением зависимости;

(26) согласование может иметь место только между словоформами *x* и *y*, входящими в одно и то же предложение.

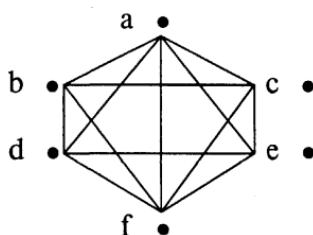
Теория (25) утверждает, что моделью потенциальных отношений согласования является обычное дерево зависимостей. Так, в дереве (27) отношение согласования теоретически может иметь место, например, между узлами *a* и *b*, *a* и *c*, *b* и *e*, но не между узлами *and* или *e* и *f*.

(27)

Теория (26) предлагает другую модель, а именно сеты множества потенциальных согласовательных связей между словоформами ограничено только пределами предложения — внутри предложения любая словоформа в принципе может согласоваться с любой другой (28):

(28)

Часть 2. Синтаксические теории

Теория (25) не обладает описательной адекватностью: наряду с отношениями согласования вроде (29) *больш-ой дом, больш-ая улица*, (30) *мальчик бежал-Ø, девочка бежал-a*, встречается такое согласование, как (31) *он умер молод-ым, она умерла молод-ой*, которое данной теории противоречит.

Зато описательной адекватностью обладает теория (26), которая не делает различия между фактами (29—30) и (31)! Однако обладает ли теория (26) объяснительной адекватностью? Возможно ли в естественном языке согласование между дополнением главного предложения и..., допустим, обстоятельством придаточного предложения пятой или шестой глубины вложения?.., или между артиклем, определяющим подлежащее, и предлогом, вводящим обстоятельство?.. Примеров такого согласования мы не знаем, и интуиция подсказывает нам, что они вряд ли когда-нибудь будут обнаружены.

По-видимому, теория согласования, которая обладала бы и описательной, и объяснительной адекватностью, должна быть менее ограниченной, чем (25), но и не столь вседозволенно-либеральной, как (26). Стратегия теоретизирования здесь может быть такой: (25) рассматриваем как рабочую гипотезу, которую сопоставляем с фактами и отвергаем на основании некоторых из них, а именно (31). Затем корректируем (25), выдвигая новую гипотезу (25'), см. ниже, также сопоставляем ее с имеющимися фактами и т. д. Если в результате нам удастся прийти к гипотезе, соответствующей имеющимся фактам в смысле как описательной, так и объяснительной адекватности, она и будет полноценной теорией согласования.

Попытаемся отредактировать (25) таким образом, чтобы она могла объяснить факты типа (31):

(25') согласование может иметь место только между словоформами *x* и *y*, связанными отношением зависимости, либо между словоформами *x* и *y*, зависящими от третьей словоформы *z* (перифразировано из [Плунгян 2000: 143]).

Вариант теории (25') разрешает согласование, например, между *b* и *c* или *d* и *e* в (27), и, таким образом, факт (31) ей больше не противоречит. Теория, однако, все равно остается описательно неадекватной: несложно найти противоречащие ей факты, вроде: (32) *он хочет выглядеть красив-ым, она хочет выглядеть красив-ой; он начинает хотеть выглядеть красив-ым* и т. д., не говоря уже о таких экзотиче-

ских случаях, как согласование по определенности между артиклем актанта и глаголом в венгерском языке, или «прозрачного» согласования в восточноаварских языках (см. главу VII), которые ей очевидно противоречат. Итак, описательно адекватная теория согласования должна быть еще более ограничена, чем (25').

6. Формальные грамматики

Как должна выглядеть теория грамматики, которая была бы и описательно, и объяснительной адекватной? Самая простая теория состоит в том, что грамматика языка представляет собой список всех правильных предложений этого языка, подобно тому, как словарь представляет собой, по крайней мере в идеале, список всех слов. Однако, как уже говорилось во Введении, предложения естественного языка обладают способностью к неограниченному усложнению. Теория, которая представляет грамматику в виде потенциально бесконечного списка, не в состоянии объяснить, каким образом язык может быть усвоен, так как возможности человеческой памяти ограничены. В лингвистике «теория списка» никогда не рассматривалась всерьез: с древнейших времен грамматика и словарь описываются разными способами.

Наиболее распространенный в лингвистике (и опять-таки очень древний) способ описания предложений заключается в перечислении их схем или образцов. Этот способ описания опирается на вполне определенную грамматическую теорию, которую применительно к предложениям можно сформулировать, например, так:

(33) Предложения делятся на части, и эти части образуют небольшое множество грамматических классов — членов предложения. Каждому предложению может быть поставлена в соответствие его схема — перечень названий членов предложения, которые в него входят. В схеме могут быть также указаны значения некоторых грамматических категорий, которые принимают члены предложения и порядок их линейного расположения. Число схем предложения в каждом языке невелико (не более нескольких десятков).

На протяжении веков теория (33) показала свою практическую полезность (руководствуясь ею, лингвисты соста-

Часть 2. Синтаксические теории

вили описания тысяч языков, и миллионы людей овладели иностранными языками), а также описательную и отчасти объяснительную адекватность. Не нашлось ни одного языка, в котором предложения не делились бы на части, обладающие повторяющимися пучками общих свойств, и число наиболее употребительных схем предложения (при любом их разумном понимании) действительно ни в одном языке не превышает нескольких десятков. Однако все же объяснительная адекватность теории (33) невелика. Сравним следующие простые схемы предложений:

- (34) а. подлежащее — сказуемое;
б. подлежащее — сказуемое — дополнение;
в. сказуемое — сказуемое — сказуемое;
г. дополнение — обстоятельство.

Огромное число реально наблюдаемых предложений реализуют схемы (34аб), но трудно представить себе полные и не сочиненные предложения вида (34вг). Однако теория (33) явно разрешает такие виды предложений. Чтобы исключить (34вг), она должна стать более сложной — например, включать требования, чтобы в схеме было только одно подлежащее, обязательно одно и только одно сказуемое и т. п. Такие ограничения и в самом деле выдвигались — считалось, например, что в предложении должен присутствовать хотя бы один из главных членов (в силу чего исключается (34г)).

Многие современные теории грамматики используют более строгие понятия, чем те, которые лежат в основе традиционных неформальных описаний. При этом в теории часто используются математические объекты, которые обладают рядом свойств, общих с естественным языком, и тем самым до известной степени моделируют его — формальные грамматики. **Формальными грамматиками** называются такие системы правил, которые математически строго задают (или характеризуют) множества цепочек, т. е. конечных последовательностей символов.

Каким образом можно представить в математически строгом виде правила построения синтаксических единиц? Рассмотрим несколько русских ИГ:

- (35) а. игрушка
б. тетрадь
в. красивая игрушка
г. большая игрушка
д. красивая большая игрушка

- е. большая красивая тетрадь
- ж. большая красивая зеленая игрушка
- з. эта игрушка
- и. эта большая дорогая красивая игрушка
- й. та большая зеленая красивая тетрадь

Как можно определить множество, состоящее из (35) и некоторых других похожих групп? Назовем это множество N и дадим ему следующее определение:

(36) а. всякая цепочка вида Π^* С входит в N, где С — любой элемент множества {игрушка, тетрадь}, Π — любой элемент множества {большая, красивая, зеленая, дорогая}, а знак * («звездочка Клини», по имени логика S. Kleene, который ввел его) означает, что отмеченный им элемент может быть повторен любое число раз от нуля до бесконечности;

б. всякая цепочка вида M С входит в N, где M - любой элемент множества {эта, та}, а С - любой элемент, принадлежащий множеству N в силу условия (36а).

Цепочки, определяемые в (36), состоят из отдельных **символов** — в данном случае слов — *игрушка*, *большая* и т. д. Разумеется, слова сами представляют собой цепочки символов, однако их внутренняя структура нас пока не интересует, и для простоты их можно считать неразложимыми обозначениями. Символы, из которых составлены цепочки, задаваемые определением, называется **терминальными**, а множество всех таких символов — **основным алфавитом**. Такие символы, как N, C, С, M и Π , которые используются при определении класса цепочек, но не входят в определяемые цепочки, называются **нетерминальными**, или **вспомогательными**, и образуют **вспомогательный алфавит**.

Определение ИГ можно сформулировать не только в виде условий (Збаб), но и в виде **правил**, т. е. выражений вида « $x \rightarrow y$ », что означает «заменить x на y» или «подставить y вместо x», где x и y - любые цепочки символов:

- (36') а. $N \rightarrow C'$
б. $N \rightarrow M C'$
в. $C' \rightarrow \Pi C'$
г. $C' \rightarrow C$
д. $C' \rightarrow \Pi C$
е. $C \rightarrow \text{игрушка}$
ж. $C \rightarrow \text{тетрадь}$
з. $\Pi \rightarrow \text{большая}$
и. $\Pi \rightarrow \text{зеленая}$

- й. $\Pi \rightarrow \text{красивая}$
- к. $\Pi \rightarrow \text{дорогая}$
- л. $M \rightarrow \text{эта}$
- м. $M \rightarrow \text{та}$

Правила (36'аб) и (36'гд) можно записать и проще, в одну строчку, если использовать скобки. Скобки означают факультативность некоторой части правила: если два правила отличаются друг от друга только тем, что в одном из них содержится, а в другом отсутствует цепочка x , они записываются как одно правило, и при этом x берется в скобки. Так вместо (36'аб) можно записать $N \rightarrow (M) C$, а вместо (36'гд) $C \rightarrow (\Pi) C$. Можно упростить и запись (36'е-м), приняв, что если два правила отличаются только правыми или только левыми частями, то они записываются как одно, причем несовпадающие правые (левые) части разделяются запятой. Так вместо (36'еж) можно записать $C \rightarrow \text{игрушка}, \text{тетрадь},$ вместо (36'з—к) — $\Pi \rightarrow \text{большая}, \text{зеленая}, \text{красивая}, \text{дорогая},$ а вместо (36'lm) — $M \rightarrow \text{эта}, \text{та}.$

Способ задания множества N с помощью правил (36') представляет собой разновидность формальных грамматик — порождающую грамматику. **Порождающей грамматикой** называется упорядоченная четверка, состоящая из: 1) основного алфавита, 2) непересекающегося с ним вспомогательного алфавита, 3) одного символа из вспомогательного алфавита, который называется **начальным** и обозначает множество тех языковых объектов, для описания которых предназначена порождающая грамматика (в данном случае это N — множество некоторых именных групп русского языка), и 4) конечного множества правил, например, (36'). «Порождающей грамматикой» называют также лингвистическую теорию, в которой используется это средство описания, см. главы XI-XIII.

Правило « $x \rightarrow y$ » применяется следующим образом: в цепочке отыскивается левая часть правила, т. е. x , после чего записывается новая цепочка, отличающаяся от предыдущей только тем, что на месте x в ней стоит y . Правило порождающей грамматики может быть применено к любой цепочке, отрезком которой является его левая часть, но оно не обязано применяться ко всякой «подходящей» цепочке, причем порядок применения правил произволен (в этом отли-

¹ В силу этого требования в (36'), в отличие от (36), не может быть использована звездочка Клини.

чие порождающей грамматики от алгоритма, подробнее см. [Гладкий, Мельчук 1969: 43—46]). Правило применяется либо к начальному символу, либо к такой цепочке, которая представляет собой результат применения одного или нескольких правил к начальному символу. Цепочки, задаваемые формальной грамматикой, должны целиком состоять из терминальных символов, т. е. все вспомогательные символы в ходе применения правил должны быть заменены на терминальные. Множество цепочек, задаваемых порождающей грамматикой, называется **языком**.

Языки, задаваемые некоторыми формальными грамматиками, проявляют определенные сходства с множествами единиц естественного языка — словов, словоформ, синтаксических групп, предложений. Сопоставление языка, задаваемого формальной грамматикой, с множеством единиц естественного языка на основе наблюдаемых между ними сходств называется **интерпретацией** формальной грамматики. Само устройство формальной грамматики явным образом отграничивает множество грамматичных единиц от множества неграмматичных, и поэтому соответствие формальной грамматики наблюдаемым фактам естественного языка может быть проверено.

Сравним язык, задаваемый правилами (36'), с реально наблюдаемыми в русском языке ИГ. Лингвистический смысл символов С, П и М очевиден: это слова, обладающие грамматическими признаками жен. р., им. п. и ед. ч.: С — существительные, М — указательные местоимения и П — прилагательные. Аналог С' в русском языке представляет собой фразовую категорию, в данном случае — множество составляющих, образованных сочетанием произвольного числа прилагательных с вершиной-существительным. Наконец, N — это множество некоторых ИГ русского языка.

При всей примитивности правила порождающей грамматики (36') верно характеризуют часть свойств русских ИГ, а именно следующее: ИГ включает в себя ровно одну вершину-существительное, а определений к нему может быть несколько, и они факультативны. Прилагательные и указательные местоимения в русском языке обычно предшествуют определяемому существительному, причем указательное местоимение может быть только одно (**эта та девочка*), и оно обычно предшествует прилагательным. Определений-прилагательных может быть несколько, причем, по-видимо-

му, какой бы длинной ни была ИГ, в нее всегда теоретически возможно добавить еще одно прилагательное.

Таким образом, порождающая грамматика, содержащая правила (36'), адекватна естественному языку в нескольких важных отношениях. Однако легко увидеть, что в ряде других отношений она ему не адекватна.

Во-первых, эта грамматика слишком «слаба»: она не описывает несогласованные определения, определения, выраженные придаточными, постпозицию определений и многое другое. В ней не отражены некоторые грамматические явления в русских ИГ, которые также хотелось бы строго определить, например, согласование. Порядок расположения прилагательных в русском языке далеко не произволен: разные классы прилагательных тяготеют к разным позициям, причем наряду с классом прилагательного имеет значение и коммуникативная структура [Гладкий, Мельчук 1969: 83—84].

Во-вторых, обсуждаемая формальная грамматика слишком «сильна» в том смысле, что она задает и такие цепочки слов, которые вроде бы и не противоречат правилам русской грамматики, но вряд ли будут использоваться в нормальной речи на русском языке в качестве ИГ, например, *большая большая большая большая тетрадь*, или *зеленая красивая зеленая игрушка*, или цепочки, включающие 1000 или более прилагательных. С такими проблематичными примерами приходится смириться как с «платой» за формализацию, помня, что любые формальные объекты в лучшем случае лишь частично сходны с естественным языком.

Формальные грамматики особенно интересны не тем, что они способны моделировать свойства естественного языка, а тем, что они могут выразить, какие структуры в языке невозможны. Наибольшее значение имеет не «сила», а «слабость» формальных грамматик, потому что «сила» обеспечивает описательную, а «слабость» — объяснительную адекватность той теории, которая использует данную грамматику. Иными словами, в некоторой формальной грамматике ценно прежде всего то, насколько множество выражений, которые она *не* может породить, совпадает с тем множеством выражений, которые *не* наблюдаются в естественном языке.

Если грамматика G_1 порождает все те же предложения, что и грамматика G_2 , а также такие предложения, которые G_2 не порождает, мы будем говорить, что G_1 **превосходит** G_2 .

по выразительной силе. Задача лингвиста часто заключается не в том, чтобы увеличить, а в том, чтобы уменьшить выразительную силу формальной грамматики, т. е. изменить ее таким образом, чтобы она по возможности не порождала предложений, которые не соответствуют никаким фактам естественного языка.

Ясно, что не всякая формальная грамматика поддается интерпретации, т. е. обнаруживает сходство с естественным языком. Например, если дополнить (36') правилом (36'н) $\Pi \Pi \Pi \Pi -> M$ («четыре стоящих подряд прилагательных заменяются на одно местоимение»), такое правило будет лингвистически совершенно бессмысленным и разрушит сходство, которое наблюдается между (36') и русским языком. С естественным языком целесообразно сравнивать не формальные грамматики вообще, а определенные их классы, в которых правила вроде (36'н), не имеющие аналогов в естественном языке, запрещены.

Формальная грамматика, включающая правила (36'), принадлежит к очень ценному с лингвистической точки зрения классу **бесконтекстных**, или **контекстно-свободных** (context-free) грамматик, т. е. таких, в которых разрешены лишь правила, в левых частях которых содержится один символ. Бесконтекстность грамматики позволяет простым и естественным образом выразить в ее правилах грамматические классификации, т. е. разбиение грамматических единиц на классы. Такими классами в (36') являются части речи - существительное (С), прилагательное (П) и указательное местоимение (М), а также и объемлющая их фразовая категория - ИГ. Фразовая категория не случайно оказалась в числе вспомогательных символов. Для того, чтобы формальная грамматика была синтаксически содержательной, наряду с **терминальными категориями**, т. е. такими вспомогательными символами, которые соответствуют частям речи, она должна включать **фразовые категории** — вспомогательные символы, соответствующие фразовым категориям естественного языка. Разграничение фразовых и терминальных категорий явно обогащает теорию, так как позволяет выразить тот факт, что в предложениях регулярно повторяются цепочки, обладающие одинаковой внутренней структурой, например ИГ [эта большая красивая книга, которую я только что купил] совпадает по своей структуре с ИГ [твоя новая интересная статья, которую мы недавно прочитали].

Часть 2. Синтаксические теории

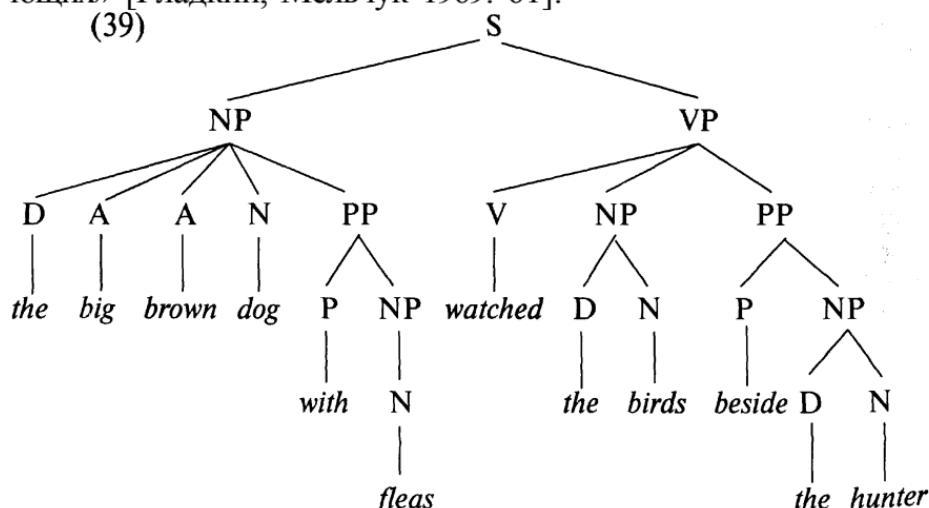
Рассмотрим бесконтекстную грамматику, задающую предложения (исходный символ — S) и включающую следующие правила [Sag, Wasow 1999: 30]:

- (37) а. $S \rightarrow NP\ VP$
б. $NP \rightarrow (D)\ (A)\ (A)\ N\ (PP)$
в. $VP \rightarrow V\ (NP)\ (PP)$
г. $PP \rightarrow P\ NP$
д. $D \rightarrow the,\ some$
е. $A \rightarrow big,\ brown,\ old$
ж. $N \rightarrow birds,\ fleas,\ dog,\ hunter$
з. $V \rightarrow attack,\ ate,\ watched,\ sings,\ sing$
и. $P \rightarrow for,\ beside,\ with$

Символ NP обозначает ИГ (noun phrase), VP - глагольную группу (verb phrase), PP - предложную группу (preposition phrase).

Правила (37) успешно моделирует фрагмент английской грамматики, выражая, например, структуру предложения (38) *The big brown dog with fleas watched the birds beside the hunter* 'Большая коричневая блохастая собака наблюдала за птицами рядом с охотником'. «Назовем развертываемые, заменяемые или переписываемые символы "предками", а символы, которые получаются в результате развертывания, замены или переписывания — их "потомками" (потомки потомков тоже суть потомки). Соединим предков линиями с их непосредственными потомками. Тогда у нас получится не что иное, как хорошо знакомое лингвистам дерево составляющих» [Гладкий, Мельчук 1969: 61]:

- (39)

Контекстно-свободная грамматика оказывается неприменимой тогда, когда правило должно переставлять символы, так как «перестановка по своему существу является многоместной операцией» [Гладкий, Мельчук 1969: 90].

«Рассмотрим, например, язык, содержащий всевозможные цепочки вида $a_1a_2a_3qa'_1a'_2a'_3$, $a_2a_1a_2a_3qa'_2a'_1a'_3$, $a_1a_3a_2a_1qa'_1a'_3a'_2a'_1$ и т. п. (в общем виде такие цепочки можно записывать как xqx') и не содержащий никаких других цепочек. Содержательно a_1 и a'_1 , a_2 и a'_2 могут пониматься как пары элементов, определенным образом “согласованных” между собой... Этот язык легко может быть порожден грамматикой, содержащей правила перестановки, например, следующей... :

1. $I \rightarrow IA_ja'_i$,
 2. $a'_jA_j \rightarrow A_ja'_i$,
 3. $IA_i \rightarrow a_iI$,
 4. $I \rightarrow q$,
- $\left. \begin{array}{c} \\ \\ \end{array} \right\} i, j = 1, 2, 3$

(a_i , a'_i , q – основные символы; I , A_i – вспомогательные символы; I – начальный символ).

Покажем для примера, как можно вывести в этой грамматике цепочку $a_2a_1a_1a_3qa'_2a'_1a'_3$:

I

- (1) $IA_3a'_3$
 - (1) $IA_1a'_1A_3a'_3$
 - (1) $IA_1a'_1A_1a'_1A_3a'_3$
 - (1) $IA_2a'_2A_1a'_1A_1a'_1A_3a'_3$
 - (2) $IA_2A_1a'_2a'_1A_1a'_1A_3a'_3$
-
- (2; 5 раз) $IA_2A_1A_1A_3a'_2a'_1a'_1a'_3$
 - (3) $a_2IA_1A_1A_3a'_2a'_1a'_1a'_3$
-
- (3; 3 раза) $a_2a_1a_1a_3IA'_2a'_1a'_1a'_3$
 - (4) $a_2a_1a_1a_3qa'_2a'_1a'_1a'_3$ [Гладкий, Мельчук 1969: 91]».

Пример конструкции в естественном языке, состоящей из цепочки вида xqx' , приведенный А.В. Гладким и И.А. Мельчуком: *Миша, Перепетуха, Гриша, Фекла...* – *двоичник, отличница, троичник, четверочница...* соответственно. «Здесь роль x ($abcd...$) играет цепочка собственных имен, а роль x' ($a'b'c'd'...$) – цепочка характеристик, которые должны быть согласованы с этими именами в роде... ; q – это тире (точнее, связка быть в нулевом выражении)» [там же: 92].

Однако гораздо чаще приходится сталкиваться с такими фактами, к которым контекстно-свободная грамматика хотя и применима, но оказывается крайне громоздким и неестественным средством их описания. Например, грамматические свойства ИГ подлежащего и ИГ прямого дополнения в русском языке явно различны, так как первое стоит обыч-

но в им. п., а второе — в вин. п. Выбор этих падежей определяется синтаксическим контекстом, но в контекстно-свободной грамматике информацию о контексте приходится «загонять» в новые категории, в данном случае — вводить два разных вспомогательных символа для ИГ (=NP): ИГ-ном и ИГ-акк, иначе это различие будет утеряно (и так же для других падежей). Легко увидеть, как усложняются и «размножаются» при этом правила.

Еще одна проблема возникает в связи с согласованием: (40) а. *The bird sings* 'Птица поет'; б. *The birds sing* 'Птицы поют'; в. **The bird sing*, букв. 'Птица поют' и г. **The birds sings*, букв. 'Птицы поет'. Чтобы правила грамматики (37) не выдавали предложений типа (40вг), придется разделить правило $S \rightarrow NP VP$ надвое: $S \rightarrow NP_{ед} VP_{ед}$ и $S \rightarrow NP_{ мн} VP_{ мн}$; соответственно «раздвоются» и другие правила.

Глаголы бывают переходные и непереходные, причем прямое дополнение допустимо лишь при первых. Поэтому придется разделить и правило $VP \rightarrow V NP$ на $VP_{перех} \rightarrow V NP^{^{'}} \wedge VP_{неперех} \rightarrow V$ с соответствующим удвоением всех других правил, содержащих VP . В результате бесконтекстная грамматика будет содержать неправдоподобно большое число вспомогательных символов — значительно большее, чем следовало бы выделять в языке фразовых и терминальных категорий, а регулярные грамматические отношения согласования и управления не будут соответствовать никаким правилам, что противоречит грамматической традиции. Плохо и то, что теория не запрещает одновременного наличия в бесконтекстной грамматике правил (41) а. $S \rightarrow NP_{ед} VP_{ мн}$ и б. $S \rightarrow NP_{ мн} VP_{ед}$. Очевидно при этом, что вряд ли мы обнаружим язык с правилами (41аб).

Самый серьезный недостаток бесконтекстных грамматик — произвольный вид правил. В них не запрещены, например, явно абсурдные правила вроде $NP \rightarrow S VP P P P$ («именная группа состоит из предложения, глагольной группы и трех предлогов»), и вследствие этого недостатка теория, использующая контекстно-свободные грамматики, оказывается объяснительно неадекватной. Чтобы грамматическая теория выиграла в объяснительной адекватности, необходимо уменьшить выразительную силу используемой в ней контекстно-свободной грамматики.

Теория должна предусматривать, кроме того, что фразовые категории всегда содержат вершины, т. е. чтобы в пра-

вой части правила, левой частью которого выступает NP, содержалось N (существительное-вершина), в правой части правила, левой частью которого выступает PP, всегда содержалось P (предлог) и т. п. Но как включить в теорию такие требования? Для этого нужно, по-видимому, иметь полный перечень всех фразовых категорий и всех типов их вершин в языках мира, а этим перечнем лингвистика пока не располагает.

В последующих главах пойдет речь о том, каким образом существующие теории грамматики пытаются решать эти и другие подобные им проблемы.

Рекомендуемая литература

Литература по методологическим основам теории грамматики совершенно необозрима, и здесь будет указано лишь несколько публикаций, наиболее тесно связанных с тематикой главы. Учебники порождающей грамматики Хомского обычно начинаются с раздела, в котором объясняется, чем теоретическая лингвистика отличается от описательной, каковы задачи теории, что такое уровни адекватности и т. п. Из учебников, перечисленных во Введении, особенно цены в этом отношении [Haegeman 1994; Freidin 1992; Radford 1988; 1997а].

Точка зрения Хомского, которую излагают авторы введений в его теорию, наиболее распространена, но не общепринята. Взгляды лингвистов функционального направления представлены в [Кибрик 1992; Givon 1984-1990, 1995; Кибрик А.А., Плунгян 1997 (с представительной библиографией)]; о некоторых трудностях функционального подхода см. [Кибрик А. А. 1999].

Несмотря на то, что в грамматической литературе на русском языке часто можно встретить слово «теория», фактически при этом нередко имеется в виду метод; одно из исключений - во многих отношениях не устаревшая книга [Звегинцев 1973 (2001)], в которых понятия теории и метода четко разграничены.

Об эмпирических универсалиях см. вып. 5 серии «Новое в лингвистике», прежде всего статью [Гринберг 1970 (1966)], [Comrie 1989] с критикой генеративного подхода к универсалиям, [Козинский 1985а]; о способах их объяснения - [Hawkins (ed.) 1988].

Введение в формальные грамматики см. в [Гладкий, Мельчук 1969; Partee et al. 1993, гл. 16-18].

ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА: ОТ ПРАВИЛ К ОГРАНИЧЕНИЯМ

Ключевыми для порождающей грамматики Н. Хомского являются понятия компетенции и употребления, уровней адекватности, гипотеза о врожденном компоненте языковой способности (п. 1). Ранний вариант порождающей грамматики («стандартная теория» 1960-х годов) включал два компонента - базовый и трансформационный (п. 2). Обилие и разнообразие трансформаций потребовало усилить ограничения на их форму (п. 3). Базовые правила не дают возможности выразить сходства, наблюдающиеся у фразовых категорий разных типов (п. 4). Открытие общих контекстных ограничений на трансформации привело к повороту в исследовательской стратегии порождающей грамматики (п. 5).

В 1957 г. была опубликована небольшая книга американского лингвиста Ноама Чомски (Noam Chomsky, р. 1928), или Хомского, как по сложившейся традиции принято передавать его фамилию по-русски, под названием «Синтаксические структуры» [Хомский 1962 (1957)], которая положила начало тому, что впоследствии называли «хомскианской революцией». Один из лидеров американской лингвистики предшествующей эпохи Ч. Хоккетт, резко критиковавший Хомского и его направление, в то же время признавал, что эта работа может быть поставлена в один ряд только с тремя другими поворотными событиями в истории языкознания: с докладом У. Джонса о родстве санскрита и древнейших языков Европы, положившим начало сравнительно-историческому языкознанию (1786 г.), статьей К. Вернера «Об одном исключении из первого звукового передвижения», заложившей фундамент компаративистики - теорию фонетических изменений (1876 г.), и опубликованием лекций Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» (1916 г.) [Hockett 1965: 185]. С тех пор вот уже свыше 40 лет порождающая (= генеративная) грамматика Н. Хомского (далее ПГ) остается наиболее популярной современной лингвистической теорией, а ее автор — самым известным и влиятельным лингвистом нашего времени¹.

¹ «Хомский в настоящее время входит в десятку наиболее цитируемых авторов во всех гуманитарных науках (humanities), побивая Гегеля и Цицерона и уступая только Марксу, Ленину, Шекспиру, Библии, Аристотелю, Платону и Фрейду, причем он является единственным ныне живущим из авторов, возглавляющих список» [Pinker 1994: 23]. При всей шокирующей нелепости этого «хит-парада» (причисление Библии к «авторам» или пропагандистской

Отступление. Отношение к порождающей грамматике в лингвистическом мире. Кроме книги [Хомский 1962 (1957)], революционное воздействие на лингвистику США оказали еще три работы — «Логические основы лингвистической теории» Хомского [Chomsky 1975 (1955); резюме этой работы — одноименный доклад на международном конгрессе лингвистов [Хомский 1965 (1962)], его рецензия на книгу Б. Скиннера «Речевое поведение» [Chomsky 1959] и рецензия Р. Лиза [Lees 1957] на [Хомский 1962 (1957)]. В этих публикациях были изложены исходные положения ПГ, намечена ее теоретическая программа и подвергнут разгромной критике американский структурализм и его идеяная база - бихейвиористская психология.

Вскоре ПГ приобрела огромное влияние не только в США, где она стала господствующим лингвистическим направлением, но и в Западной Европе, а за последнее десятилетие — также во многих странах Восточной Европы и Азии. На протяжении всей бурной и драматичной истории ПГ и до сегодняшнего дня Хомский остается активно работающим теоретиком и автором новых фундаментальных идей.

При всей своей неслыханной популярности ПГ всегда имела активных оппонентов и была предметом резкой критики, причем критический огонь велся и ведется поныне с самых разных позиций.

Во-первых, ПГ обычно вызывает резкое неприятие у представителей «традиционных», т. е. до-структурлистских, лингвистических направлений, для которых остаются чуждыми методы работы с материалом и способ мышления, характерные для формальной лингвистики, и которые поэтому не видят существенного различия между структурализмом и ПГ.

Во-вторых, это реакция со стороны представителей эмпирических направлений - неприятие теоретического языкознания как такового, основанное на убеждении, что лингвистика должна заниматься только описанием фактов. Это убеждение не всегда осознанно — лингвисты эмпирического направления нередко не догадываются о самом существовании теоретической проблематики и критикуют описательные приемы ПГ, доказывая, что их методы описания более эффективны. Судьба дескриптивной лингвистики в США и грамматического моделирования в России наглядно показала, что такая позиция является безнадежно проигрышной.

В-третьих, многих раздражает интеллектуальный климат и система научных авторитетов, сложившаяся внутри сообщества генеративистов. Противники ПГ обычно с негодованием говорят о царящем там духе закрытости и сектантства, о готовности многих сторонников ПГ «колебаться только вместе с генеральной линией», т. е. принимать все те и только те важные теоретические новации, которые исходят непосредственно от Хомского либо получили его одобрение. Такие обвинения не лишены ос-продукции «министерств истины» — к литературе по *humanities*), он довольно верно отражает огромный авторитет создателя ПГ, простирающийся далеко за пределы лингвистики.

Часть 2. Синтаксические теории

нования, хотя здесь обычно не обходится без грубых преувеличений. Среди сторонников ПГ, и в том числе среди ее лидеров, достаточно людей независимых и открытых для общения с последователями других лингвистических направлений. Еще больше таких лингвистов, которые находятся под влиянием ПГ, но не принимают ее целиком.

Наиболее перспективным направлением критики были и остаются попытки, не отбрасывая огромных достижений ПГ, преодолеть ее на другой теоретической основе. Отрицание или пересмотр исходных положений ПГ, например, на базе какого-то из вариантов функционализма, могут со временем стать достаточно серьезной альтернативой хомскианской лингвистике, хотя на сегодняшний день такие направления уступают ПГ в «конкурентной борьбе».

В России интерес к работам Хомского, очень большой в 1960-е, почти полностью угас в 1970—1980-е годы. Одной из причин, почему у нас в этот период ПГ на серьезном уровне обсуждалась мало (назовем работы В.А. Звегинцева [1973 (2001)], Ю.С. Мартемьянова [1976] и В.З. Демьянкова [1979], а также критический разбор генеративной фонологии в книге СВ. Код засова и О.Ф. Кривновой [1981]), была многолетняя яростная кампания против Хомского, проводимая вождями официального советского языкознания. Инициаторами и вдохновителями этой односторонней «дискуссии» были несколько агрессивных дилетантов, сделавших карьеру после устранения или оттеснения квалифицированных специалистов от руководства наукой в результате погромных идеологических кампаний 1920—1950-х годов. Любопытно, что никто из «внутренних врагов», не исключая И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна и В.А. Звегинцева, не вызывал такого накала ненависти, как заокеанский профессор, недосягаемый для запретов и проработок парткомовских «теоретиков» и вряд ли знавший о самом их существовании. «Усилиями лингвистических ортодоксов Н. Хомский превратился в почти мистически зловещую фигуру, в которой сосредоточивается вся буржуазная скверна» [Звегинцев 1990: 23]. Некоторая ирония заключалась в том, что Хомский был (и остается) активным критиком политики США, и его высказывания на эти темы нередко с одобрением цитировала советская печать. Однако именно в связи с каким-то неприемлемым для СССР политическим заявлением Хомского в начале 1980-х годов отдел науки ЦК КПСС, по-видимому, запретил печатно упоминать его имя иначе как в бранном контексте, т. е. он был приравнен к «нелицам» — эмигрантам и диссидентам.

Кроме политических обстоятельств, дискуссия была сильно скомпрометирована уровнем ее участников. Автор этих строк, например, был свидетелем в 1980 г., как некий доктор наук, выступая перед аудиторией человек в пятьдесят, с неописуемым самодовольствием изрек, что никакие негативные оценки ПГ не могут быть преувеличенными, ибо она не менее пагубна для лингвистики, чем... «новое учение о языке» Н.Я. Марра.

В подобной обстановке серьезные специалисты, дорожившие своей репутацией, не могли, разумеется, публично критиковать ПГ, поэтому от-

ношение к ее последним вариантам (причем неизменно отрицательное!) в 1970—1980-х годах высказывалось российскими лингвистами в основном в частных беседах. К сожалению, содержательного критического обсуждения ПГ в у нас не было и в 1990-е годы. И поныне для большинства российских лингвистов последние версии ПГ остаются неприемлемыми и еще чаще рождается в России только в последние годы.

В этой главе мы обрисуем некоторые важнейшие исходные положения ПГ, а также ее развитие, так как историческое рассмотрение позволяет лучше понять логику ее исследовательской программы.

1. Исходные предположения

1.1. Задачи грамматической теории. Компетенция и употребление

ПГ — научное направление, сменившее структурализм. Под названием «структурализм» объединяют несколько лингвистических направлений XX в., восходящих в конечном счете к идеям Ф. де Соссюра и И.А. Бодуэна де Куртенэ; наиболее известные из них — пражская школа, «глоссематика» Л. Ельмслева и американская дескриптивная лингвистика.

Структурализм представляет язык в виде единиц и связывающих их отношений, причем эти единицы и отношения, сводимые в конечном счете к небольшому множеству неразложимых элементов, образуют организованную структуру, похожую на кристалл, атом или систему планет.

После выдающегося успеха структурной методологии — появления фонологической теории Н.С. Трубецкого — среди лингвистов распространилось убеждение в том, что не только фонология, но и грамматика и лексика могут быть представлены в виде структур оппозиций и корреляций, построенных на основе минимального числа элементарных признаков. Несмотря на то что объяснительные возможности структурного подхода за пределами сегментной фонетики оказались очень скромными, использование различительных признаков и дистрибутивного анализа означало серьезный шаг вперед в совершенствовании грамматических описаний. К концу 1950-х годов структурная лингвистика как в Европе, так и в США достигла больших успехов в разработке строгих аналитических процедур. В СССР в это же время началась работа по формальному моделированию фразматических категорий; пройдет еще около 10 лет, и будут созданы первые точные и эффективные методы описания лексики и семантики.

Часть 2. Синтаксические теории

Структурализм способствовал тому, что лингвисты по образцу математики и естественных наук разработали точные и эксплицитные методы анализа материала. Однако, как и в деструктуралистский период, их усилия направлялись главным образом на создание лингвистических описаний. При этом упускалось из виду, что основная цель разработки формальных моделей в естественных науках, если уж эти науки принимаются в качестве образца для лингвистики, — объяснение наблюдаемых фактов. ПГ явилась «одной из первых серьезных попыток со стороны лингвистов создать в рамках традиции научного теоретизирования содержательную теорию языка в том же обычном смысле этого слова, в каком специалисты в соответствующих областях говорят о теориях в химии или в биологии» [Lees 1957: 377].

Хомский предложил перейти от практики строгих и точных описаний материала в виде списков единиц и связывающих их отношений к решению объяснительных задач - обнаружению законов, лежащих в основе устройства любого естественного языка. Он рассматривает тот факт, что в нормальной ситуации всякий человек в совершенстве овладевает своим родным языком, как естественно-научную проблему - подобно тому, как проблемой физики является, например, независимость скорости света от принятой системы отсчета или проблемой химии - возможность процесса горения. Так же, как бесконечное, на первый взгляд, многобразие природных явлений сводится к небольшому числу фундаментальных физических законов, столь же мнимо бесконечное разнообразие языков подчиняется неким общим закономерностям, лежащим в их основе, — лингвистическим универсалиям.

Как безоговорочные сторонники, так и безоговорочные противники ПГ нередко преувеличивают различия между учением Хомского и предшествующей лингвистикой. Разрыв с американской традицией был действительно глубоким, однако можно заметить, что многие основные положения ПГ или близкие к ним тезисы можно найти у классиков европейского языкознания XIX-XX вв. - В. фон Гумбольдта, младограмматиков, Н.В. Крушинского, Ф. де Соссюра, О. Есперсена, Л.В. Щербы и др. Успех ПГ объясняется тем, что ее автор предложил увлекательную исследовательскую программу, обещавшую дать ответ на вопросы, многие из которых в мировой лингвистике уже были поставлены.

Одним из очевидных умений, свойственных носителю любого языка, является умение отличать правильные предло-

жения, слова или сочетания слов от неправильных. Наши реакции на правильность или неправильность этих объектов не-посредственны и интуитивны: мы не нуждаемся в рассуждениях, чтобы установить правильность или неправильность — по крайней мере в очевидных случаях. Способность носителя языка отличать правильные предложения от неправильных, а также понимать значения предложений, Хомский называет **компетенцией** носителя языка. Способность людей порождать и понимать предложения, которые они никогда раньше не слышали и не читали, Хомский рассматривает как одно из проявлений творческого аспекта языковой способности.

ПГ характеризует компетенцию носителя языка на метаязыке формальной грамматики. Правилами формальной грамматики порождаются все те и только те грамматические структуры, которые лежат в основе грамматически правильных предложений естественного языка. В результате моделируется способность говорящего судить о правильности, многозначности и синонимии предложений. Поскольку эти способности можно применить к неизвестным ранее выражениям, то они могут быть представлены в виде некоего вычислительного механизма, а не просто конечного списка. Однако истинная цель ПГ — не создать машину для грамматического описания, а эксплицировать само понятие грамматики естественного языка.

На ранних этапах ПГ для характеристики грамматически правильных предложений использовался механизм порождения, когда с помощью некоторых правил, применяемых к начальному нетерминальному символу S (предложение), выводились все те и только те цепочки (и их структурные описания), которые являются правильными предложениями естественного языка. В теперешних вариантах ПГ порождение выглядит как процесс «сборки» правильных предложений из единиц словаря. Такие описания не следует рассматривать как модели реального порождения предложений говорящим, т. е. производства речи. Это всего лишь заимствованные из математики способы задания множества элементов, и их сходство с реальными механизмами «порождения» высказываний — чисто метафорическое («генеративная метафора»).

Простейшим примером порождающего описания может быть описание структуры слова в некотором языке. Есть языки, в которых слово немного, и их типы нетрудно перечислить в терминах фонологических ка-

Часть 2. Синтаксические теории

тегорий («гласный», «шумный», «сонорный»...), не прибегая к более сложным описательным механизмам. Например, во многих языках австронезийской семьи слоги бывают только двух типов: V (слог, состоящий из одного гласного) и CV (слог из согласного и следующего за ним гласного); в ахвахском языке (восточнокавказская семья, Дагестан) все без исключения слоги имеют вид CV и т. п.

В других языках структура слога сложнее, и ее можно попытаться смоделировать с помощью рекурсивных правил, включающих нетерминальный символ X. Можно, например, предложить три условия:

(1)

- а. V - слог языка L;
- б. если X — слог, то CX — слог языка L;
- в. если X - слог, то XC - слог языка L.

Условия (1) можно представить в виде правил (Γ):

(!')

- а. X -4 V
- б. X -> CX
- в. X -> XC

Единственное строгое ограничение на структуру слога в языке L, предусмотренное формальной грамматикой (Γ) заключается в том, что он состоит из одного гласного и произвольного числа согласных, которые могут либо предшествовать гласному, либо следовать за ним. Эта грамматика достаточно сильна для того, чтобы породить неограниченное множество слогов и в их числе — например, все слоги русского языка.

Важное отличие L от русского языка состоит в том, что множество слогов в русском языке ограниченно, и носитель русского языка не признает русскими слогами большую часть того, что порождается с помощью грамматики (Γ): такие слоги, как (2) *тттта, *мцкгнудпрсх и подобные им не только не встречаются, но и не могут встречаться ни в одном русском слове. Ответ на вопрос, почему слогов типа (2) в реальном языке не бывает, достаточно очевиден: они не могут быть произнесены и восприняты, так как выходят за пределы возможностей произносительных и перцептивных механизмов.

В отличие, например, от ахвахского или японского, в русском языке есть только одно очевидное количественное ограничение на возможную структуру слога: он должен включать одну и только одну гласную. Грамматика (Γ) адекватно выражает это ограничение. Таким образом, мы вправе выделить две группы факторов, которые накладывают ограничения на структуру русского слога: грамматика (Γ) и ограниченность возможностей артикуляции и слухового восприятия.

Всякая грамматика определяет или порождает некоторое множество единиц, например, предложений. Предложения, которые определяются грамматикой, называются **грам-**

матичными, те, которые лежат вне множества, определенного грамматикой, называются **неграмматичными**. Кроме того, в ПГ вводится различие **приемлемых** и **неприемлемых** предложений. Приемлемыми называются предложения, которые носитель признает в качестве предложений своего языка, неприемлемыми — те, которые он не считает таковыми. Цель лингвиста, вообще говоря, заключается в том, чтобы добиться значительного совпадения этих двух множеств.

Однако достаточно часто совпадение множеств приемлемых и грамматических предложений невозможно и даже не нужно. Например, «слоги» типа (2), хотя и разрешаются «грамматикой слога» (Г), невозможны в русском языке в силу других, не менее важных, факторов.

Носитель языка не может прямо судить о грамматичности или неграмматичности предложений. Он основывает свою оценку предложения, т. е. суждение о том, принадлежит или нет это предложение его языку, не только на знании его грамматики, но и на механизмах синтеза и анализа предложений, а также на свойствах других когнитивных (= мыслительных) систем, которые взаимодействуют с языком. Для носителя существуют только приемлемые и неприемлемые предложения, так как он не имеет непосредственного интроспективного доступа к грамматике. Нельзя заранее знать, объясняется ли факт неприемлемости предложения его несоответствием требованиям грамматики или же это предложение неприемлемо потому, что создает трудности для других когнитивных систем.

Может быть так, что предложение неприемлемо для носителей языка, но при этом является грамматичным. Предложение, содержащее в себе 30 или 40 последовательно вложенных друг в друга клауз, грамматически может быть построено безупречно, но вряд ли будет признано носителями языка в качестве приемлемого. Дело здесь, вероятно, в том, что такое предложение из-за своей чрезмерной структурной сложности «перегрузит» существующие механизмы восприятия и, следовательно, адресат будет вправе отвергнуть его как неприемлемое.

Яркий пример несовпадения грамматичноеTM и приемлемости в синтаксисе — поведение отделяемых глагольных частиц в английском языке: (3) а. *Mary threw out [NP the notebook]* 'Мэри выкинула записную книжку'; б. *Mary threw [NP the notebook] out* то же; в. *Mary threw [NP John's big notebook] out* 'Мэри выкинула большую записную книжку Джона';

г. *Mary threw [NP the notebook which John wanted back] out* 'Мэри выкинула записную книжку, которую Джон хотел получить обратно'; д. *Mary threw [NP the notebook which John had told her he wanted back] out* 'Мэри выкинула записную книжку, про которую Джон сказал, что он хочет получить ее обратно' [Freidin 1992: 19]. Приемлемость предложений (3) будет, с точки зрения носителя английского языка, постепенно уменьшаться по мере перехода от (За) к (Зд). Перенести отделяемую частицу *out* от глагола *threw*, безусловно, можно через два слова (3б); можно, хотя и несколько «хуже», — через три слова (3в), совсем «плохо» - через шесть (3г) и во все неприемлемо — через десять слов (3д). Английская грамматика не устанавливает, через какое в точности число слов может, а через какое не может «перепрыгнуть» отделяемая частица. Правило грамматики указывает лишь, что это передвижение осуществляется от глагола на правую периферию глагольной группы. Очевидно, что возрастание неприемлемости в (3) не связано непосредственно с грамматикой, а скорее отражает предпочтения системы восприятия речи: составную лексему типа *throw out* удобнее распознавать тогда, когда две части ее не «разорваны» слишком большим числом других слов, причем понятие «слишком большого числа» не поддается сколько-нибудь четкому определению. Таким образом, здесь мы также имеем дело с «вмешательством» отдельной группы факторов, которые не являются собственно грамматическими, хотя в ходе исторического развития языка они могут оказывать влияние на грамматику.

Важно заметить, однако, что степень влияния одной и той же группы факторов восприятия речи может быть разной в разных языках. Так, в немецком языке отделяемая глагольная приставка, образующая со своим глаголом одну лексему в том же смысле, в каком одну лексему образуют в (3) *throw* и *out*, почти не реагирует на требования системы восприятия речи и подчиняется только правилу грамматики, согласно которому она занимает место в конце предложения. Например, глагол (*sich*) *aus-drucken* 'выражаться' может выступать в (4), где его части разделены 18 словами: (4) *In der Verschreibung der nachgelassenen Kompositionsskizzen und Tagebuchblätter drückt sich ein freundlich-sachliches, fast mächtige ich sagen: gnädiges und sicherlich mich ehrendes Vertrauen in meine Gewissenhaftigkeit, Pietat und Korrektheit aus* (Th. Mann, «Doktor Faustus») 'Если он и завещал мне наброски своих композиций и дневники, то в этом выражается лишь его трезво-дружелюбная и, я почти готов сказать, милостивая и несомненно для меня почетная вера в мою добродорядочность, преданность и корректность'.

Грамматика, в которой грамматические объекты приемлемы для носителя языка, достигает наблюдательной адекватности (*observational adequacy*). Грамматика, обладающая **наблюдательной адекватностью**, может включать в себя просто списки слов или предложений; основываясь на такой грамматике, нельзя, вообще говоря, сделать вывод о том, какие другие (не упомянутые в грамматике) слова и предложения являются приемлемыми для носителя языка, а какие нет.

Следующий уровень достоинства грамматики - **описательная адекватность** (*descriptive adequacy*). Описательной адекватностью обладает такая грамматика, которая моделирует владение языком, т. е. ограничивает правильные предложения некоторого языка от неправильных так же, как это делает носитель языка. Описательно адекватная грамматика содержит наиболее общие для данного языка принципы - например, тот факт, что в английском языке нельзя выдвинуть вопросительное слово из придаточного предложения, если это предложение само начинается с вопросительного слова: (5) **I What is he asking [whether I see]?* букв. 'Про что он спрашивает, вижу ли я [это]?'

Понятие объяснительной адекватности применимо к общим теориям, но не к конкретным грамматикам. Теория достигает **объяснительной адекватности**, с точки зрения ПГ, когда она в состоянии объяснить, каким образом данная грамматика (или данный фрагмент грамматики) может быть усвоена ребенком в процессе овладения родным языком. Как мы увидим ниже, для Хомского и его последователей такое понимание объяснительной адекватности по сути совпадает с пониманием этого термина, принятым в главе XI. Проблема может быть схематически обрисована следующим образом:

Исходные данные
языка L

грамматика L

Затененный прямоугольник представляет собой то неизвестное или ту группу факторов, которая обеспечивает возможность, располагая исходными данными, т. е. той «внешней» информацией, которую получает ребенок при овладении родным языком, в результате прийти к знанию

Часть 2. Синтаксические теории

грамматики. Эти факторы представляют собой начальный, или врожденный компонент языковой компетенции. Основная цель исследования языка, как она понимается в ПГ, заключается в том, чтобы раскрыть и эксплицировать содержание того, что здесь обозначено заштрихованным прямоугольником, построить теоретическую модель начального, т. е. врожденного, знания языка.

Знание языка — это умение строить правильные репрезентации из звуков и значений и устанавливать правильные отношения между ними. ПГ исходит из особой гипотезы о том, что звук и значение связаны друг с другом не непосредственно, а через посредство синтаксической репрезентации. Синтаксис имеет дело со структурными представлениями (=репрезентациями) предложений. Синтаксический компонент грамматики состоит из механизмов и принципов, которые определяют способы построения синтаксических репрезентаций. Фонологический и семантический компоненты рассматриваются как интерпретирующие в том смысле, что они приписывают семантические и фонетические репрезентации тем синтаксическим репрезентациям, которые поступают к ним на вход. Синтаксический компонент является порождающим в том смысле, что он задает синтаксические репрезентации, которые затем интерпретируются семантическим и фонологическим компонентами.

Грамматика является моделью языковой компетенции — способности человека порождать правильные (в том числе новые, ранее не существовавшие) предложения на родном языке и отличать правильные предложения от неправильных. У человека есть и другая способность — применять свое знание языка в реальной ситуации общения, т. е. выбирать языковые средства, которые соответствуют этой ситуации, артикулировать и воспринимать на слух звучащую речь, воспринимать зрением письменную речь, соотносить процесс речи с процессом мышления и т. д. Эту способность, точнее, ряд способностей Хомский называет **употреблением** (performance). Построение моделей употребления представляет собой отдельную исследовательскую задачу. Например, модель лингвистической компетенции, т. е. грамматика, может объяснить, почему теоретически возможны грамматически правильные предложения в 500 и более слов. Тот факт, что ни один носитель никогда не использует предложений, даже отдаленно приближающихся по длине

к 500-словным, может объяснить модель употребления. Именно факторы употребления делают невозможными примеры типа (3д).

1.2. Психологическая интерпретация грамматики и «аргумент от бедности стимула»

Итак, центральная проблема лингвистики, по Хомскому, — поиск ответа на вопрос, какие особенности человеческого мышления делают возможным усвоение языка ребенком.

Верно ли, что ребенок обучается родному языку в том же смысле слова *учиться*, в котором люди *учатся* водить машину, танцевать или играть в футбол, или в том же смысле, в каком он *учится ходить, есть или мыслить*? В первом случае используются уже имеющиеся интеллектуальные и физические умения человека: его дело лишь усвоить некую программу, в соответствии с которой эти умения надо пустить в ход и развить до необходимого уровня. Во втором случае обучение происходит более сложным образом: у ребенка раскрываются врожденные, инстинктивные умения, на которые накладываются и с которыми взаимодействуют внешние, культурно обусловленные навыки. Например, нет необходимости учить ребенка прожевывать и глотать пищу, потому что это умение генетически обусловлено, но можно *научить*, например, пользоваться ложкой и вилкой.

На основе ограниченного множества исходных данных, т. е. высказываний, которые ребенок слышит, он должен выработать полное знание грамматики, которая лежит в основе его родного языка. Особая трудность этой задачи обусловлена тем, что корпус исходных данных у разных детей различен и исходные данные состоят отнюдь не только из полных и грамматически правильных предложений. Разговорная речь часто содержит неполные, фрагментарные высказывания, а также такие высказывания, которые носитель языка отверг бы как неправильные, если бы его попросили оценить их. Получается, что в процессе усвоения языка ребенок отфильтровывает грамматически неправильные предложения таким образом, что они никак не влияют на усвоение грамматики.

Теория грамматики представляет собой созданную лингвистами модель врожденного компонента знания языка. Понятие «теория грамматики» подразумевает существование «допустимых грамматик» для естественного языка, т. е. таких, которые разрешены теорией. Если теория грамматики достаточно *рестриктивна* (= ограничительна), то только одна грамматика будет совместима с исходными данными — реальная

Часть 2. Синтаксические теории

грамматика данного языка. Если же теория разрешает существование более чем одной грамматики, совместимой с исходными данными, то между ними должен быть осуществлен выбор в соответствии с особыми условиями (так называемым «мерилом оценки», evaluation metric), которые также представляет часть теории грамматики.

Итак, есть два способа существенно ограничить число возможных грамматик, которые могут быть построены на основе одного и того же множества исходных данных: пересмотреть теорию таким образом, чтобы она допускала существование меньшего числа грамматик (усилить ограничительность теории) либо установить универсальное ранжирование грамматик в соответствии с мерилом оценки. Наибольший ранг имеют более простые грамматики. В таком случае ребенок, усваивая язык, конструирует его грамматику, руководствуясь врожденным принципом выбора: «Выбирай наиболее простую грамматику из тех, которые совместимы с исходными данными» (понятие большей или меньшей «простоты» должно быть соответственно уточнено в теории).

Априорное знание, которым располагает ребенок при усвоении языка, должно удовлетворять двум пограничным условиям. С одной стороны, оно должно быть достаточно большим, чтобы ребенок мог эффективно усвоить грамматику любого естественного языка. С другой стороны, оно должно быть достаточно ограниченным, чтобы объяснить огромное разнообразие естественных языков: если априорного знания будет «слишком много», оно задаст чрезмерно узкие рамки допустимых различий между языками, и тогда какие-то естественные языки окажутся вне этих рамок, т. е. не смогут быть усвоены. Если начальный компонент знания языка является универсальным, т. е. биологически присущим человеку как виду, то именно он лежит в основе языковой компетенции и обеспечивает необходимую базу для усвоения грамматики любого естественного языка. Теорию грамматики, которая характеризует начальный компонент знания языка, Хомский называет **универсальной грамматикой** (сокращенно УГ).

«На одном уровне явления, с которыми имеет дело грамматика, объясняются правилами самой грамматики и взаимодействием этих правил. На более глубоком уровне те же самые явления объясняются с помощью принципов, которые определяют выбор грамматики на основе ограниченных и некачественных данных, доступных человеку, который усвоил знание языка и построил для себя эту конкретную грамматику. Принципы, которые задают форму грамматики и которые определяют выбор грамматики соответствующего вида на основе определенных данных, составляют предмет, который мог бы, следя традиционным терминам, быть назван «универсальной грамматикой». Исследование универсальной грамматики, понима-

емой таким образом, - это исследование природы человеческих интеллектуальных способностей. Оно пытается сформулировать необходимые и достаточные условия, которым должна удовлетворять некоторая система, чтобы считаться потенциальным человеческим языком, — условия... которые коренятся в человеческой «языковой способности» и образуют, таким образом, врожденную организацию, которая устанавливает, что считать языковым опытом и какое именно знание языка возникает на основе этого опыта. Универсальная грамматика, следовательно, представляет собой объяснительную теорию гораздо более глубокого характера, чем конкретная грамматика, хотя конкретная грамматика некоторого языка может также рассматриваться как объяснительная теория» [Хомский 1972 (1968): 38].

УГ состоит из множества универсальных категорий и операций, из которых складываются грамматические правила, а также ограничений на форму грамматических правил, на способ их применения и на их выход (т. е. на форму тех структур, которые получаются по применении грамматических правил).

Изложенный здесь взгляд на универсальную грамматику как на когнитивную способность, представляющую собой видовое биологическое свойство человека, называется в ПГ **гипотезой врожденной языковой способности** (*innateness hypothesis for the language faculty*).

Благодаря врожденной языковой способности ребенок узнает о своем языке значительно больше, чем можно извлечь путем анализа исходных данных. Например, носители языка с полной уверенностью судят о неграмматичности предложений, которые они слышат впервые. Соображения, что в исходных данных «таких предложений» не бывает, явно недостаточно, - ведь и подавляющего большинства грамматически правильных предложений в исходных данных нет и не может быть. Хомский полагает, что ребенок не использует никакого негативного языкового опыта и, даже когда взрослые исправляют его речевые ошибки, их действия никак не влияют на процесс овладения языком. Негативные суждения носителя языка, в которых отвергается правильность тех или иных выражений, в конечном счете основываются на врожденном компоненте языковой способности.

Гипотеза врожденной языковой способности объясняет, почему знание языка содержит много такого, что никак не может быть объяснено ссылкой на исходные данные (речевое поведение окружающих). Недостаточность исходных Данных для овладения языком рассматривается в ПГ как

Часть 2. Синтаксические теории

«**аргумент от бедности стимула**» (argument from poverty of the stimulus).

Для иллюстрации рассмотрим два английских предложения [Hoekstra, Kooij 1988: 38]:

(6) а. *Where did John say that we had to get off the bus!*

'Где Джон сказал, что мы должны были сойти с автобуса?'

'Джон сказал, что мы должны были где сойти с автобуса?'

б. *Where did John ask whether we had to get off the bus?*

'Где Джон спросил, должны ли мы сойти с автобуса?'

Оба предложения грамматически правильны и похожи друг на друга. Однако (6а) имеет два значения, (6б) - лишь одно. В (6а) при первом понимании говорящего интересует, где Джон сказал о необходимости покинуть автобус. При втором понимании вопрос относится к тому, где, по словам Джона, нужно сойти с автобуса. В первом случае сфера действия вопросительного слова распространяется на главное предложение. Во втором случае вопрос относится к придаточному.

В (6б) вопросительное слово не может иметь сферу действия в придаточном предложении. (6б) имеет только одно значение, при котором вопрос относится к главному предложению: говорящего интересует именно то место, где Джон задал свой вопрос 'Должны ли мы сойти с автобуса?', а не то место, где нужно сойти с автобуса.

Различие в понимании (6а) и (6б) объясняется тем, что вопросительное местоимение *where* 'где' может находиться как в главном, так и в придаточном предложениях и обладает сферой действия в той клаузе, в которую входит. Если оно линейно находится в начале предложения, это еще не значит, что оно не попало туда из придаточного: в английском языке вопросительное слово из придаточного может передвигаться левее главного, ср. (7) а. *What do you believe it is?* 'Ты думаешь, что это?', где слово *what* из придаточного предложения б. *You believe it is what*), дополнением которого оно является, передвинулось в главное.

Относительно предложения (6а) нельзя сказать, находится ли местоимение *where* «изначально» в главном предложении (тогда налицо первое понимание этого предложения) или передвинулось туда из придаточного (тогда верно второе понимание). В предложении (6б) возможно только первое понимание (сфера действия вопросительного слова в главном предложении). Значит, вопросительное слово не может

быть выдвинуто из придаточного, что-то ему «мешает». Выше на примере (5) было показано, что именно: если придаточное предложение в английском языке начинается с вопросительного местоимения или вопросительного союза *whether* 'ли', то извлечь вопросительное слово из этого предложения невозможно. Союз *whether* относится к тому классу языковых единиц, который «блокирует» передвижение других единиц, «загораживает» им путь.

Теперь зададим себе вопрос, каким образом ребенок при усвоении английского языка в качестве родного овладевает правилом, в соответствии с которым предложение (6а) двузначно, а предложение (6б) однозначно? Есть ли для этого какие-то данные в том материале звучащей речи и речевых ситуаций, которые он слышит и наблюдает?

Можно было бы предположить, что ребенок никогда не слышит на вопросы типа (6б) ответов со сферой действия на придаточное предложение, а на вопросы типа (6а) такие ответы ему доводится слышать. Иными словами, ребенок обращает внимание на то, что высказывания типа (8аб) бывают ответами на (6а), высказывания типа (8в) бывают ответом на (6б), но высказывания типа (8г) никогда не звучат как ответ на (6б); для наглядности возможные ответы даны по-русски:

- (8) а. *Когда мы подъезжали к городу.*
б. *Нам сходить на конечной остановке.*
в. *Сразу, как только он сел в автобус.*
г. *Его интересовало, не умоста ли мы сходим.*

Однако такое предположение не кажется правдоподобным, и понятно, почему. Предложения типа (6) и соответственно ответы на них типа (8) не настолько часты, чтобы ребенок при усвоении языка располагал достаточно представительной выборкой, на основе которой можно было бы с надежностью судить о сферах действия местоимений. Исходные данные о предложениях типа (6) и об ответах на них (8), «как бы тщательно они ни сохранялись в памяти, сами по себе совершенно недостаточны,... если у ребенка нет доступа к сложным принципам УГ, которые определяют (невозможность извлечения составляющих из таких пар конструкций, которые в других отношениях похожи друг на друга» [Hoekstra, Kooy 1988: 38]. Гораздо легче, с точки зрения Хомского, предположить, что свойства вопросительных местоимений следуют из фундаментальных и универсальных

свойств грамматики, которые генетически заложены в человеческом мышлении. Значит, доступный при усвоении языка материал типа предложений (6) или (8) лишь «включает» или активизирует эти врожденные знания, но не определяет их полностью.

Несмотря на значительный прогресс в психолингвистике за последние десятилетия, однозначного подтверждения или опровержения гипотезы Хомского о врожденном компоненте знания языка до сих пор не получено ни экспериментально, ни путем наблюдений за детской речью. Однако, хотя Хомскому не удалось убедить всех лингвистов в существовании этого компонента, он смог вдохнуть в них веру в некую универсальную группу факторов, которая в конечном счете определяет или ограничивает основные грамматические характеристики любого человеческого языка. Хотя представители других теоретических направлений представляют себе эти универсальные факторы совершенно иначе, сегодня большинство лингвистов не сомневается в их существовании.

2. «Стандартная теория»

2.1. Правила грамматики составляющих

*

В качестве формального аппарата представления синтаксической структуры предложения ПГ использует структуру составляющих. В главе II уже было отмечено, что внутренняя структура составляющих далеко не произвольна. Например, **составляющие** [лучше] и [чем Саша], [в] и [моем доме], [смотрю] и [хорошее кино] могут образовать одну составляющую [лучше, [чем Саша]], [в [моем доме]], [смотрю [хорошее кино]], а **составляющие** [лучше] и [Саша], [в] и [говорю], [хороший] и [смотрю] не складываются в более крупные составляющие *[лучше Саша], *[? говорю]... и т. д. Сочетаемость составляющих определяется присущими им селективными признаками, которые в конечном счете выводятся из признаков входящих в них лексем, главным образом из категориальных (= частеречных) признаков. Мы видели, что структура фразовой категории определяется той частью речи, к которой принадлежит ее вершина: существительное возглавляет ИГ, прилагательное — группу прилагательного,

предлог — предложную группу и т. д. Естественно ожидать, что некие правила «развертывания» составляющих определяют допустимые сочетания в одной составляющей фразовых и терминальных категорий. Эти правила можно представить в виде контекстно-свободной формальной грамматики.

Например, ИГ может состоять из одного существительного-вершины:

(9) а. ИГ -> Сущ

ИГ может, кроме того, включать прилагательное и существительное: **теплый день, маленький мальчик** и т. п.:

б'. ИГ -> Прил Сущ

Прилагательное само образует группу прилагательного, так как может, например, определяться наречием или другим обстоятельством: *очень теплый день; удачная, как никогда, покупка*. Поэтому правило (9б') неточно. Правильнее изобразить его в другом виде:

б. ИГ -> ГПрил Сущ

Кроме того, ИГ может включать несогласованное определение в виде другой ИГ в генитиве: [иг друг [иг моего отца]] и т. п.:

в. ИГ -> Сущ ИГ

Правила (9а-в) можно, используя скобки как обозначение факультативности, обобщить в следующем виде:

г. ИГ -> (ГПрил) Сущ (ИГ)

В английском языке благодаря гораздо более строгому, чем в русском, порядку слов удается для характеристики «развертывания» фразовых категорий обойтись гораздо меньшим числом правил. Так, предложение (10) *The boy likes the book 'Мальчику нравится книга'*, а также все предложения, совпадающие с ним по синтаксической структуре, можно получить в результате применения следующего множества правил:

(11) а. S->NP VP

б. VP->V NP

в. NP->D N

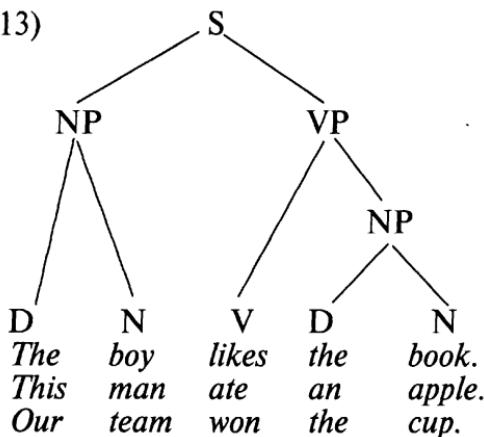
Говоря о фактах английского языка, мы будем использовать англоязычную символику: S - предложение (sentence; на самом деле имеется в виду клауз - clause); NP - именная группа (точнее, «группа существительного» - noun phrase); VP - глагольная группа (verb phrase); D - детерминатор (артикль, притяжательное, указательное местоимение); N — существительное, V — глагол. О том, что в английском языке есть особая Фразовая категория VP («глагольная группа»), см. в главе II 4.2.

Начиная с исходного символа S , правила грамматики составляющих применяются одно за другим до тех пор, пока не получится цепочка из одних лишь символов терминальных категорий: (12) а. S , б. $NP\ VP$, в. $NP\ V\ NP$, г. $D\ N\ V\ NP$, д. $D\ N\ V\ D\ N$ (при другом порядке применения правил промежуточные цепочки будут другие, но конечная цепочка (12д) будет той же). Цепочка из неразложимых далее символов терминальных категорий (в данном случае (12д)) называется **терминальной**. Можно видеть, что (12д) пословно соответствует предложению (10), так же, как она соответствует другим предложениям той же структуры, например *This man ate an apple* 'Этот человек съел яблоко' или *Our team won the cup* 'Наша команда выиграла кубок'.

Правила в (11) называются **правилами грамматики составляющих** (phrase structure rules). Стрелка в них выражает отношение между единственной категорией слева и цепочкой категорий справа. Отношение категории и цепочки является отношением непосредственной доминации. Таким образом, NP и VP являются непосредственными составляющими S , а D и N — непосредственными составляющими NP .

Полученную в результате применения правил структуру составляющих (12) можно изобразить в виде дерева (13) или скобочной записи (13').

(13)

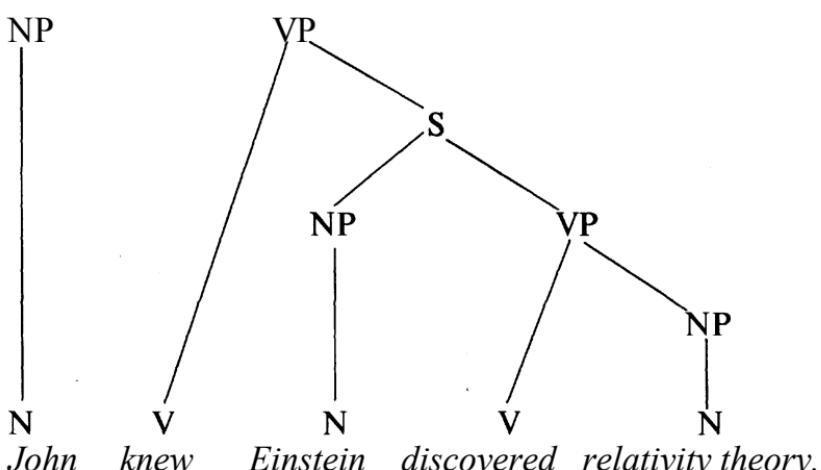
(13') [S [NP [D The][N boy]][VP[V likes][NP [D the][N book]]]].

Правила грамматики составляющих, в том случае, когда они характеризуют рекурсивные категории, содержат и в левой, и в правой части один и тот же символ. Простейший пример такого правила — (9в), правило, которое при после-

довательном применении способно породить теоретически бесконечные вложения друг в друга генитивных конструкций типа (14) [_{иг} книга [_{иг} мужа [_{иг} сестры [_{иг} знакомого [_{иг} брата [_{иг} студента]]]]]]. Такие громоздкие ИГ, разумеется, не встречаются в реальной речи, так как чрезвычайно трудны для порождения и восприятия.

Другие рекурсивные фразовые категории могут допускать одноименную категорию не в виде непосредственной составляющей, а, например, на втором шаге развертывания: (15) а. [_s *John knew* [_s *Einstein discovered relativity theory*]] 'Джон знал, что Эйнштейн открыл теорию относительности'. (15) состоит из S, которое непосредственно включает NP *John* 'Джон' и VP *knew Einstein discovered relativity theory* 'знал, что Эйнштейн открыл теорию относительности'. Глагольная группа VP, в свою очередь, включает две непосредственные составляющие — V *knew* 'знал' и зависимую клаузу S *Einstein discovered relativity theory* '[что] Эйнштейн открыл теорию относительности'. Зависимая клауза делится на NP-подлежащее *Einstein* и VP *discovered relativity theory* 'открыл теорию относительности', которая дальше раскладывается на V *discovered* 'открыл' и NP *relativity theory* 'теорию относительности'. Для простоты приняв, что *relativity theory* — сложное существительное, изобразим этот анализ в виде следующего дерева составляющих [Freidin 1992: 11]:

(15') S

Часть 2. Синтаксические теории

Таким образом, одна клауза вложена в другую не непосредственно, а через другую рекурсивную категорию - глагольную группу (VP). Приведенные здесь утверждения о структуре фразовых категорий, входящих в (15), могут быть суммированы в виде следующего множества правил грамматики составляющих:

- (16) а. $S \rightarrow NP\ VP$
б. $VP \rightarrow V\ S$
в. $VP \rightarrow V\ NP$
г. $NP \rightarrow N$

Правило (16а) применяется в (15) дважды, отражая тот факт, что одна клауза S (*Einstein discovered relativity theory* 'Эйнштейн открыл теорию относительности') вложена в глагольную группу другой клаузы S (*John knew Einstein discovered relativity theory* 'Джон знал, что Эйнштейн открыл теорию относительности'). Это правило может быть применено и в третий раз, если (15) вложить в более длинное предложение (17) *Martha said John knew Einstein discovered relativity theory* 'Марта сказала, что Джон знал, что Эйнштейн открыл теорию относительности'. Правила (16а) и (16б) образуют контур, т. е. результат применения одного из них содержит левый символ другого. Такое попеременное применение двух правил или, что то же, последовательное вложение клауз друг в друга могут быть теоретически бесконечными. Не важно, насколько длинным становится предложение — оно все равно поддается анализу в терминах того же самого конечного множества правил грамматики составляющих (16).

Итак, правила грамматики составляющих в ПГ являются контекстно-свободными. Важно понять, какой интуитивный смысл содержится в таком ограничении, наложенном на грамматику составляющих. Это ограничение отнюдь не произвольно, но отражает фундаментальное свойство синтаксических структур в языках мира: структура синтаксических единиц, относящихся к некоторой фразовой категории X , не зависит от их окружения, т. е. оттого, в какую составляющую они вложены.

Е.С. Скобликова характеризует этот факт, который она называет «относительной автономностью словосочетания», следующим образом: «Правила построения большинства непредикативных словосочетаний безразличны и безотносительны к общей структуре предложения. Словосочетание строится по специфическим правилам "распространения слова" 1) чаще всего независимо от того, каким членом предложения является

это слово; 2) независимо от того, какую структуру имеет предложение, в которое оно включается — является ли это предложение двусоставным или односоставным, полным или неполным, простым или сложным» [1990: 20].

Например, ИГ может быть подлежащим, дополнением, именной частью сказуемого и т. д., но различие в позиции не влияет на внутреннюю структуру ИГ. Точно так же предложная группа может быть подлежащим, обстоятельством, определением к ИГ, дополнением в глагольной группе и т. д., но ее внутренняя структура не изменяется в зависимости от синтаксической роли. То же верно и относительно клаузы — структура этой фразовой категории остается в основном неизменной независимо от того, является ли она главной, зависимой, сочиненной, сентенциальным актантом, сирконстантом и т. д.

Под **позицией** (position) в ПГ понимается место, занимаемое некоторой синтаксической единицей в структуре предложения, т. е. отображающий эту единицу узел в системе составляющих. Содержательно это соответствует употреблению того же термина в неформальном синтаксисе [Ломтев 1958: 17-21; Всеволодова 2000: 163] — отношение некоторого слова или словосочетания к другим словам или словосочетаниям, с которыми оно синтаксически связано.

2.2. Необходимость трансформаций

Итак, правила грамматики составляющих определяют внутреннюю структуру фразовых категорий, причем контекстная свобода правил обеспечивает независимость структуры фразовых категорий от положения, занимаемого ими в структуре непосредственных составляющих. Однако далеко не все предложения могут быть получены посредством правил грамматики составляющих.

Рассмотрим, например, английское предложение (18) *Who did Mary see__?* 'Кого увидела Мэри?'. В соответствии с хорошо известным правилом английской грамматики вопросительное слово занимает не ту позицию, которую оно должно бы занимать в соответствии со своей синтаксической функцией (в (18) это позиция прямого дополнения, которое должно находиться после переходного глагола; она обозначена прочерком), а позицию в начале предложения,

перед финитной частью сказуемого (*did*) и подлежащим (*Mary*). Сходным образом ведут себя вопросительные слова во французском (*Qui est-ce que Marie a vu__?*) и немецком (*Wen hat Maria gesehen__?*) языках. В русском языке начальное положение вопросительного слова хотя и не является обязательным, более естественно и частотно, чем всякое другое, ср. *Кого Маша увидела!* и *Маша увидела кого!*

Не только дополнения (18), но и обстоятельства (19) в английском языке подчиняются тому же правилу: (19) а. *When did Mary see him!* 'Когда Мэри увидела его?'; б. **Did Mary see him when?*; предложение в. *Mary saw him when!* 'Мэри увидела его когда?' допустимо только в качестве переспроса (echo-question), когда говорящий недосыпал, например, слово *yesterday* 'вчера' в предложении *Mary saw him yesterday* 'Мэри увидела его вчера'.

Можно ли получить предложения типа (18-19) с помощью правил грамматики составляющих? Допустим, мы вводим особое правило факультативного ввода вопросительно-го местоимения в начале предложения:

(20) S -> (*who*) NP VP

В силу контекстной свободы правил грамматики составляющих остальная часть предложения (NP + VP) будет порождаться таким же образом, как и в отсутствие вопросительного местоимения. Однако легко убедиться, что это приводит к неприемлемому результату. Дело в том, что присутствие вопросительного местоимения в начале предложения скоррелировано с отсутствием какой бы то ни было единицы в той позиции, которую занимала бы в предложении обычна, т. е. неместоименная ИГ: (21) а. **Who does John think that Bill saw Mary?* букв.: «[Про] кого Джон думает, что Билл увидел Мэри?»; б. *Who does John think that Bill saw?* «[Про] кого Джон думает, что Билл (его, ее) увидел?»; в. *John thinks that Bill saw Mary* 'Джон думает, что Билл увидел Мэри'; г. ? *John thinks that Bill saw* 'Джон думает, что Билл увидел'.

Предложение (21а) неграмматично, потому что в позиции прямого дополнения появилась другая (невопросительная) ИГ (*Mary*). В таком случае предложение может снова стать правильным, если устраниТЬ либо невопросительное дополнение (21б), либо вопросительное слово (21 в). Совсем устраниТЬ прямое дополнение при переходном глаголе в английском языке обычно невозможно или почти невозможно

/21 г); требуется лишь, чтобы такое дополнение было одно: либо такое, как в (21б), либо такое, как (21 в), но не оба сразу, как в (21а).

Правила грамматики составляющих не могут одновременно применяться к элементам, непосредственно входящим в разные составляющие, и поэтому не «справляются» с фактами типа (21)². Здесь перед нами не «развертывание», как это имеет место при применении правил грамматики составляющих, а «исчезновение» составляющей в одном месте и ее «появление» в другом. Метафора «передвижения» выражает важный смысл: имеется «нормальная» позиция для всех дополнений и обстоятельств, обусловленная правилами грамматики составляющих. Но если дополнение или обстоятельство представляет собой вопросительную группу, оно должно находиться в начале предложения, а в его «нормальной» позиции не может при этом находиться никакой другой элемент.

В таких случаях требуется правило другого рода, принципиально отличное от «развертывающих» правил грамматики составляющих, назначение которых - указать, какие составляющие могут, а какие не могут стоять рядом. Эти другие правила затрагивают именно **дистантные** зависимости между составляющими, т. е. такие, которые могут соединить составляющие, далеко отстоящие друг от друга.

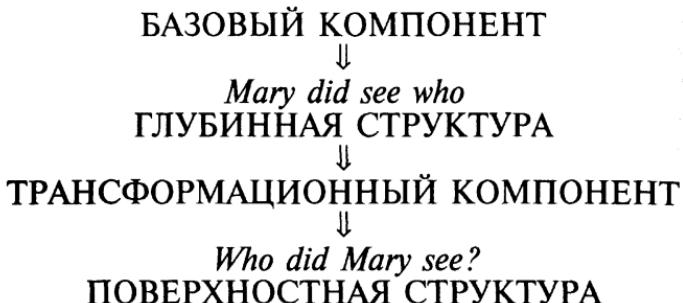
Обобщая дистантные зависимости между составляющими, Хомский использовал описательный **трансформационный метод**, разработанный в начале 1950-х годов его учителем З. Хэррисом [Harris Z. 1981]. Он предположил, что грамматика включает еще один компонент, который применяется к презентации, возникающей на выходе правил грамматики составляющих. Речь идет о **трансформационных правилах**, или **трансформациях**. Компонент, содержащий правила грамматики составляющих, он назвал **базовым**.

Структура, которая подвергается трансформации, называется **глубинной структурой** (deep structure, underlying structure), а структура, которая является результатом приме-

² С 1960-х гг. было найдено много способов усовершенствования грамматики составляющих, благодаря которым она получила возможность преодолевать подобные трудности. Наиболее известный способ был предложен в начале 1980-х гг. Дж. Газдаром и Дж. Пуллумом [Gazdar 1982; Gazdar, Pullum 1982]; эта идея, не воспринятая в ПГ, была впоследствии разработана в рамках одного из популярных теоретических направлений - «вершинной грамматики составляющих» [Pollard, Sag 1994].

Часть 2. Синтаксические теории

нения трансформации (или некоторого множества трансформаций) — **поверхностной структурой** (surface structure).

Описание трансформации состоит из двух частей: описания структуры, к которой трансформация может быть применена (структурное описание, structural description, SD), и описания результирующей структуры, возникающей после применения трансформации (структурное изменение, structural change, SC). Так, трансформация передвижения вопросительной группы (ИГ или обстоятельства с вопросительным местоимением, wh-phrase, по сочетанию букв wh-, с которого начинается большинство вопросительных местоимений в английском) имеет следующий вид:

- (22) передвижение вопросительной группы
SD: X wh-phrase Y
SC: wh-phrase X Y

Простейший пример действия трансформации (22):
(23) а. *Mary saw who yesterday* (глубинная структура, в которой прямое дополнение *who* 'кого' занимает то место, которое и должно занимать в VP) -> б. *who Mary saw yesterday* 'кого Мэри видела вчера'. Цепочка (23б) может выполнять роль относительной клаузы (*the man [who Mary saw yesterday]* 'человек, которого Мэри видела вчера'), или роль самостоятельного предложения, при условии, что будет применена еще одна трансформация — трансформация инверсии, в результате чего получаем (23в) *Who did Mary see yesterday?* 'Кого Мэри видела вчера?'

Обратим внимание на переменные X и Y в формулировке трансформации (22). Каждая из этих переменных обозначает произвольную цепочку, в частном случае — пустую, т. е. вопросительная группа может быть извлечена из любой позиции в середине предложения и перенесена через любой материал, располагающийся слева от нее. Например, в анг-

лийском языке вопросительная группа может достаточно легко пересечь границу клаузы: (24) а. *did Bill tell [_s Mary saw who]* -» 6. *who did Bill tell [_s Mary saw]* '[Про] кого Билл сказал, [что] Мэри [его, ее] увидела?'. Х в (24) - цепочка *did Bill tell [s Mary saw]*, включающая в себя границу клаузы.

Однако, как сразу же выяснилось, формулировки типа (22), допускающие любой вид левого (X) или правого (Y) контекста применения правила, в большинстве случаев недостаточно точны. В действительности трансформационные правила чувствительны к тому, какие элементы входят в левый, правый или «внутренний» контекст применения трансформации, причем сами эти элементы никак не затрагиваются трансформационным изменением. К теме ограничений на трансформации мы еще вернемся.

2.3. Трансформационный компонент

Изучение дистантных зависимостей между составляющими, предпринятое в порождающей грамматике, привело уже в 1960-е годы к появлению длинных списков довольно сложных трансформационных правил в основном для английского, но также и для других языков. Приведем примеры некоторых наиболее важных трансформаций в упрощенном виде. Структурное изменение изобразим не полным повтором цепочки символов структурного описания, а с помощью цифровой записи (каждая цифра соответствует по порядку одному элементу структурного описания).

2.3.1. Инверсия (Inversion). Эта трансформация меняет местами ИГ подлежащего и первый из цепочки вспомогательных или модальных глаголов (Aux). Основная функция инверсии — выражение вопроса; она иногда также применяется при вынесении некоторых элементов в позицию начала предложения:

(25) Инверсия

SD:	NP	Aux	Y
	1	2	3
SC:	2+1	Ø	3

(Ø обозначает пустую цепочку, остающуюся на месте выдвинутого Aux.)

Примеры: (26) а. *John can open the door* 'Джон может открыть дверь'; б. *Can John open the door?* 'Может ли Джон от-

крыть дверь?'; (27) а. *You have seen the opera* 'Вы видели опе-
ру'; б. *Have you seen the operal* 'Видели ли вы оперу?'

В предложениях, не содержащих модального или вспомогательного глагола, Хомский предложил тем не менее выделять составляющую категории Aux - показатель времени числа и лица у финитного глагола (тот самый, который отсутствует в случае лексического Aux). Тогда правило инверсии осуществляется следующим образом (аффикс занимает ту же позицию, что и вспомогательный глагол): (28) а. *John -s like fish* -> б. -s *John like fish* 'Джон любит рыбу'; (29) а. *Mary -ed go home* > б. -ed *Mary go home* 'Мэри пошла домой!'. Таким образом, предложения (28-29) структурно полностью параллельны предложениям (26-27). Однако, в отличие от конструкций с фонетически самостоятельными Aux, грамматические аффиксы не могут «висеть» в предложении отдельно от основы. Поэтому в действие вступают еще две трансформации:

2.3.2. Прыжок аффикса (Affix Hopping). Глагольный аффикс присоединяется к непосредственно следующему за ним глаголу:

(30) Прыжок аффикса

SD:	X	Aux[+Aff]	V	Y
	1	2	3	4
SC:	1	Ø	3+2	4

[+Aff] означает положительное значение признака «быть аффиксом»; если Aux принимает отрицательное значение этого признака (например, если это вспомогательный глагол *will*), то прыжок аффикса не применяется.

Примеры: вместо (28а) получаем *John likes fish*, а вместо (29а) — *Mary went home* (супплетивная форма *went* получается из *go-ed* по особому правилу).

Прыжок аффикса и инверсия упорядочены: вторая трансформация должна предшествовать первой. Упорядоченность применения — важное отличие трансформаций от правил грамматики составляющих, которые применяются неупорядоченно.

2.3.3. Поддержка do (Do-Support). Предложения (286) и (296) не подлежат трансформации «прыжок аффикса»: в них слово, следующее за аффиксом — не глагол. В таких случаях применяется другая трансформация.

(31) Поддержка *do*

SD:	X	Aux[+Aff]	X[-V]	Y
-----	---	-----------	-------	---

	1	2	3	4
SC:	1	<i>do+2</i>	3	4

Вспомогательная основа *do* присоединяет к себе «одинокий» аффикс тогда, когда следующий за аффиксом элемент - не глагол (помечен отрицательным значением признака [V] «быть глаголом»). Применяя эту трансформацию к (286), получаем *Does John like fish?*, а применяя к (296) - *Did Mary go home?*

2.3.4. Дативное передвижение (Dative movement). Эта трансформация продвигает косвенное дополнение, вводимое предлогом[^] в позицию прямого:

(32) Дативное передвижение

SD:	V	NP	to	NP
	1	2	3	4

SC:	1+4	2	∅	∅
-----	-----	---	---	---

Будучи применено к предложению (33) а. *John gave a letter to Mary* 'Джон дал Мэри письмо', дативное передвижение превращает его в б. *John gave Mary a letter*.

2.3.5. Экстрапозиция (Extraposition). Предикативное определение к существительному (относительное придаточное) перемещается в конец предложения.

(34) Экстрапозиция

SD:	X	[NP NP	S]	Y
	1	2	3	4

SC:	1	2	∅	4	3
-----	---	---	---	---	---

Пример: (35) а. *I gave [NP the gun [s which I had cleaned]] to my brother* 'Я отдал ружье, которое я почистил, своему брату'; б. *I gave [NP the gun] to my brother [s which I had cleaned]*. Интересно отметить, что в русском языке, в отличие от английского, отрыв придаточного относительного от вершинного существительного невозможен (по крайней мере в письменной речи).

2.3.6. Отрицательная трансформация (Negative Placement). В сильно упрощенном виде эта трансформация может быть представлена так:

(36) Отрицательная трансформация

SD:	not	X	Aux	Y
SC:	X	Aux	not	Y

Пример: (37) а. *not Bill has received it -> 6. Bill has not received it* 'Билл не получил этого'. В том случае, когда отрицательная частица *not* «влезает» в результате отрицательной трансформации между аффиксом и глаголом, утрачивается

Часть 2. Синтаксические теории

возможность применения «прыжка аффикса», но становится возможным применить «поддержку *do*»: *not Bill -s see it* → *Bill -s not see it* → *Bill does not see it* ‘Билл не видит это’.

2.3.7. Препозиция наречия (Adverb Preposing). Наречие (вернее, наречная группа – AdvP) в соответствии с правилами грамматики составляющих находится в конце той составляющей (например, клаузы), к которой оно относится. Однако наречие может быть перенесено в начало предложения.

(38) Препозиция наречия

SD:	X	AdvP	Y
	1	2	3
SC:	3	1	2

Пример: (39) а. *I saw her at school yesterday* → б. *Yesterday I saw her at school* ‘Вчера я видел ее в школе’.

2.3.8. Опущение эквивалентной ИГ (Equi-NP deletion).

Некоторые трансформации учитывают регулярное совпадение референтов (= кореферентность) ИГ в предложении. (Отметим, забегая вперед, что в дальнейшем ПГ отказалась от этой группы трансформаций.) Так, повторное вхождение ИГ с тем же референтом в то же предложение при определенных условиях опускается.

(40) Опущение эквивалентной ИГ

SD:	X	NP	Y	[_S to]	NP	Aux	VP]	Z
	1	2	3	4	5	6	7	8
SC:	1	2	3	4	Ø	6	7	8

Условие применения трансформации – совпадение (по референту) 2 и 5. Примеры: (41) а. *John wants Mary to Mary go home* → б. *John wants Mary to go home* ‘Джон хочет, чтобы Мэри пошла домой’.

2.3.9. Прономинализация (Pronominalization). Разрешается замена ИГ, кореферентной некоторой другой ИГ, на анафорическое местоимение (Pro). При этом полностью выражаемая ИГ называется антецедентом, а ИГ, заменяемая на местоимение, – мишенью прономинализации. Обычно антецедент предшествует миши.

(42) Прономинализация (сильно упрощенный вариант)

SD:	X	NP	Y	NP	Z
	1	2	3	4	5
SC:	1	2	3	Pro	5

Условие применения то же, что и в предыдущей трансформации: 2 кореферентно 4. Пример: (43) *Mary knows that I love Mary* → *Mary knows that I love her* ‘Мэри знает, что я люблю ее’.

Глава XI. Порождающая грамматика: от правил к ограничениям

2.3.10. Рефлексивизация (Reflexivization). Особый случай трансформации над кореферентными ИГ — замена одной из них на рефлексив. В главе VI 2.2.2 уже шла речь об особых условиях употребления этого класса местоимений.

(44) Рефлексивизация

SD:	X	NP	Y	NP	Z
	1	2	3	4	5
SC:	1	2	3	4[+Refl]	5

Условия применения рефлексивизации — кореферентность 2 и 4, а также отсутствие между ними границы категории S (клаузы). Примеры: (45) *John saw John* -> *John saw himself* 'Джон увидел себя'; (46) *You mustn't blame you* -» *You mustn't blame yourself* 'Тебе не нужно обвинять себя'.

2.3.11. Номинализация (Nominalization). Эта трансформация превращает финитную клаузу в ИГ.

(47) Номинализация (фрагмент правила):

SD:	X	NP	Aux	V	NP	Y
	1	2	3	4	5	6
SC:	1	5+'s	4[+N]	by+2	Ø	6

[+N] обозначает здесь словообразовательный переход глагола в существительное типа *destroy* 'разрушать' -> *destruction* 'разрушение', *fly* 'лететь' — *flight* 'полет'. Примеры номинализации: (48) *The enemy destroyed the city* 'Враг разрушил город' -> *the city's destruction by the enemy* 'разрушение города врагом'.

Приведенного списка достаточно, чтобы получить общее представление о характере трансформационного компонента, каким он выглядел в ПГ в 1960-е годы.

3. Необходимость ограничений на правила

Два компонента ПГ - правила грамматики составляющих и трансформационные правила — в своей совокупности могли в первом приближении решить задачу описания английского синтаксиса. Однако основной задачей ПГ было не описание, а объяснение наблюдаемых фактов. Объяснительной силой обладает только такая теория, которая накладывает достаточно серьезные ограничения на тип и форму правил, возможных в языке. Обилие трансформаций и правил грамматики составляющих, допустимых в этом варианте ПГ, оказалось чрезмерным — теория разрешала слишком много

Часть 2. Синтаксические теории

таких языковых фактов, которые в реальности не наблюдаются. В центр внимания вышла проблема поиска ограничений на допустимый вид правил. Теоретически ограниченное правило обладает меньшей выразительной силой, т. е. допускает меньшее число фактов; соответственно меньшей выразительной силой обладает и диктующая эти ограничения теория грамматики. Важно, чтобы правила были ограничены таким образом, чтобы, с одной стороны, описывали все наблюдаемые факты и, с другой стороны, не допускали реально не существующих фактов — иначе говоря, чтобы они не обладали чрезмерной выразительной силой.

Можно привести яркий пример того, насколько важные последствия могут иметь ограничения на правила, — пример сравнительно-исторического языкознания. В основе сравнительно-исторического метода лежит достаточно простая теория родства и исторического изменения языков, сформулированная в своих основах еще младограмматиками в XIX в. и доныне остающаяся незыблемой. Эта теория объясняет не все факты исторических изменений в языках, но то, что она в состоянии объяснить, — наиболее важная и значительная часть этих фактов.

Правила, с которыми имеет дело сравнительно-исторический метод, — это правила спонтанных и позиционных звуковых изменений, связывающие фонетический облик слов на двух различных хронологических уровнях. Например, фонеме *й праиндоевропейского языка в славянском соответствует у (ы): праиндоевр. *dhum- > русск. *дым*, праиндоевр. *iun- > русск. *сын* и др.; с- в латинском соответствует французскому *ch-*: лат. *carbo* 'уголь' > франц. *charbon*, лат. *caldus* 'горячий' > франц. *chaud* и др.; славянскому ё - украинское г. *x1ёЬъ* - *xaib*, *mesto* - *мкто* и т. п. Один из важнейших тезисов теории сравнительно-исторического языкознания представляет собой ограничение на вид правил фонетического изменения (или фонетического закона), которое часто приводят в формулировке «фонетические законы не знают исключений». В действительности здесь подразумевается следующее: «Спонтанное изменение фонемы или последовательности фонем X не может быть альтернативным (т. е. иметь форму X → Y или X → Z)». Это ограничение, запрещающее спонтанное альтернативное развитие без позиционного распределения вариантов (например, фонема *t* не может «когда хочет» переходить в *d*, а «когда хочет» — оставаться *t*), выглядит на первый взгляд очень «скромным» и мало значительным. Однако в действительности оно имеет громадное значение — именно благодаря этому ограничению становится возможным заниматься фонетической реконструкцией и приходить к убедительным выводам о строении фонологических систем языков.

Уже в 1960-е годы Хомский и его последователи пришли к выводу, что трансформационный компонент ПГ в том

виде, в каком он тогда существовал, неспособен к эффективному решению объяснительных задач теории. Теория накладывала слишком слабые ограничения на вид трансформационных правил. В результате теоретически допустимыми оказывались, например, такие трансформации, как, скажем, 1) перестановка местами подлежащего главного предложения и дополнения придаточного, или 2) согласование по любой грамматической категории любых слов в предложении, или 3) добавление в предложение любого числа любых слов или, наоборот, 4) удаление любого фрагмента синтаксической структуры, и т. п.

Можно, фантазируя, придумать еще сколько угодно «правил», подобных 1—4), которые, во-первых, не засвидетельствованы ни в одном языке, а, во-вторых, как подсказывает нам интуиция, скорее всего и вовсе невозможны. Однако теория трансформаций не могла правдоподобным образом отделить допустимые трансформации от «трансформаций» вроде 1-4): теоретически допустимыми оказывались и те, и другие. Тем самым она не достигала главной цели ПГ — объяснить, каким образом при овладении языком удается быстро и эффективно усвоить реально существующие в языке правила и отбросить необозримое множество ложных гипотез, подобных 1—4).

В синтаксической концепции Л. Теньера накладывались достаточно строгие ограничения на синтаксическую структуру, однако грамматические правила, превращающие одну структуру в другую, - Теньер называл такое соответствие между структурами «транслятивной функцией» — могли обнаруживать ничем не ограниченное разнообразие. Транслятивная функция «позволяет бесконечно дифференцировать элементы предложения, переводя любое ядро [синтаксическая единица, заполняющая узел синтаксической структуры. — Я. Т.] в теоретически бесконечное число ядер другой природы (т. е. относящихся к другим категориям)» [Теньер 1988 (1959): 93]. Ясно, что если грамматические правила проявляют ничем не ограниченное разнообразие, то задача создания теории таких правил оказывается совершенно нереальной.

«Основной недостаток теории трансформационной грамматики заключается в ее необыкновенной широте и описательной силе. По сути дела все что угодно можно выразить с помощью системы составляющих (phrase marker), т. е. выражения с правильно расставленными скобками и отрезками в скобках, помеченными названиями категорий. Получается, что любое вообразимое правило может быть описано в терминах трансформаций. Таким образом, проблемой, критически важной для того, чтобы превратить трансформационную грамматику в содержательную тео-

рию, обладающую объяснительной силой, являются ограничения, которые следует наложить на категории допустимой системы составляющих допустимой трансформации и допустимой деривации» [Chomsky 1972: 124-125].

Рассмотрим эту проблему более конкретно на примере одной из трансформаций, которая не упоминалась в п. 2.3 - трансформации пассива.

(49) Пассив

SD:	X	NP	Aux	V	NP	Y	<i>by</i> ³	Z
	1	2	3	4	5	6	7	8
SC:	1	5	3+ <i>be</i>	4+ <i>en</i>	Ø	6	7+2	8

Выражение *+en* в данном случае обозначает форму пассивного причастия (Past Participle), *+be* означает сочетание элемента Aux с формой вспомогательного глагола (с некоторыми ограничениями, которые нас здесь не интересуют). Пример: (50) а. *The enemy -ed destroy the city by 'Враг разрушил город'* (глубинная структура) -» б. *The city was destroyed by the enemy* Тород был разрушен врагом' (поверхностная структура).

Эта формулировка достаточно хорошо соответствует фактам английского языка, однако с теоретической точки зрения вызывает ряд вопросов, обсуждение которых мы в основном заимствуем из [Riemsdijk van, Williams 1986: 35-57]):

Вопрос 1. Может ли трансформация без всяких ограничений формулироваться в терминах конкретных слов и морфем конкретного (английского или любого другого) языка, таких, как *be*, *-en* и *by*, и не было бы желательным придать ей более абстрактный вид? Ведь если трансформации вовлекают конкретные служебные слова и морфемы, их вид оказывается бесконечно разнообразным и едва ли поддающимся ограничению - число конкретных слов и морфем в языках мира необозримо велико, поэтому необозримым окажется и множество правил, в которые они могут быть в принципе вовлечены.

Вопрос 2. Правило (49) включает два передвижения - элемент 2 перемещается к предлогу *by*, а элемент 5 передвигается в позицию 2. Возникает вопрос, сколько передвиже-

³ Предлог *by*, который в самых ранних вариантах ПГ вводился трансформацией пассива, начиная с работы [Lees 1964] рассматривался как элемент базовой структуры; это было связано с неудобством создавать в результате трансформации новую предложную группу, которая не вводилась правилами грамматики составляющих.

ний может включать в себя одна трансформация? Или шире - сколько одна трансформация может включать в себя вставок, стираний, подстановок, присоединений и подобных им элементарных операций?

Вопрос 3. В структурном описании трансформации содержится упоминание, наряду с несколькими контекстными переменными (X , Y и Z), пяти постоянных величин (= констант) — двух NP, Aux, V и by. Ограничено ли каким-то образом число констант, которые может содержать в себе описание трансформации?

Вопрос 4. В (49) упоминается V - глагол-сказуемое, которому правило присваивает причастную форму. Но наряду с пассивными глагольными предложениями в английском языке имеются и пассивные номинализации, ср. (51) а. *The enemy destroyed the city* 'Враг разрушил город', б. *The city was destroyed by the enemy* 'Город был разрушен врагом', в. *the enemy's destruction of the city* и г. *the city's destruction by the enemy* 'разрушение города врагом'. Правило (49) преобразует (51а) в (51б). Следует ли его переформулировать таким образом, чтобы оно заодно преобразовывало активную номинализацию (51в) в пассивную (51г)?

Наконец, **вопрос 5.** Обратим внимание на то, что в правиле (49) оба передвижения ИГ происходят в такие позиции, в которых ИГ порождаются также правилами грамматики составляющих — прямое дополнение 5 передвигается в позицию подлежащего 2, а подлежащее - в позицию правее предлога *by*, в которой ИГ может оказаться также в результате применения правила грамматики составляющих, «раскрывающего» предложную группу: PP -> P NP («предложная группа состоит из предлога и ИГ»). Заметим при этом, что группа с *by* ведет себя как самая настоящая предложная группа, например, в вопросительных предложениях управляемая ей ИГ может передвигаться в начало, отрываясь от предлога: (52) *Who has this book been read by?* 'Кем была прочитана эта книга?'. Является ли «попадание» передвигаемого материала в такие позиции, которые создаются в результате действия правил грамматики составляющих, случайностью?

Итак, желая теоретически ограничить допустимые правила грамматики, мы должны подвергнуть сомнению любое требование, содержащееся в формулировке грамматического правила. Такие требования прямо связаны с выразительной

силой соответствующих типов правил и, следовательно, с выразительной силой теории грамматики в целом. Поскольку цель теории заключается в том, чтобы ограничить выразительную силу разрешаемых ею грамматик, следует стремиться к тому, чтобы устраниТЬ как можно больше подобных требований, — или показав, что они следуют из более общих принципов, или установив, что они являются излишними.

Начнем с вопроса 4. В первых вариантах порождающей грамматики предполагалось, что предложения (51вг) образуются от предложений (51аб) посредством отдельной трансформации номинализации, которая применялась после трансформации пассива (49). Правило номинализации (53) должно произвести несколько операций, в том числе:

- (53) а. заменить одну фразовую категорию (предложение) на другую (NP);
б. заменить одну часть речи (глагол) на другую (существительное);
в. ввести предлог *of* и окончание генитива -'s;
г. изменить морфологическое оформление вершины: *destroy-ed* 'разрушил' превращается в *destruction* 'разрушение';
д. стереть все вспомогательные глаголы.

Очевидно, что правило, допускающее такое множество разнородных операций, очень часто мотивированных свойствами именно данного языка или данного слова или группы слов, может существовать только в рамках очень слабой системы запретов и ограничений на вид правил.

В 1970 г. вышла статья Хомского «Заметки о номинализации» [Chomsky 1970], в которой он решительно отказался от правил с подобной высокой степенью выразительной силы и предложил считать, что соотношения типа (51аб-51вг) являются не грамматическими, а словарными. В самом деле, если каждая из операций (53а—д), образующих правило, является допустимой трансформационной операцией и если другие трансформации могут быть составлены из произвольного числа таких же или подобных им операций, то мы сталкиваемся с необозримым и не поддающимся никакому учету множеством теоретически возможных трансформаций, и основная цель — дать конкретную характеристику понятию «возможная грамматика» — становится попросту недостижимой.

Кроме того, Хомский обратил внимание на такие ИГ, которые никоим образом не являются номинализациями (т. е. не образованы от каких-либо предложений), однако по своей структуре ничем не отличаются от номинализаций: (54) *a symphony by Beethoven* 'симфония Бетховена', (55) *the author of the book* 'автор книги' и др. Хомский предположил, что и конструкции вида (54–55), и номинализаций естественно порождать, как и обычные ИГ, посредством правил грамматики составляющих.

Взаимоотношение номинализованных имен и соотносимых с ними глаголов никоим образом не является в английском языке (как и во многих других языках, в том числе в русском) грамматически регулярным, ср. следующие четыре способа морфологической номинализации:

(56)

<i>prove</i> 'доказывать':	<i>proof</i>	<i>*proval</i>	<i>*provement</i>	<i>*provation</i>	'доказательство'
<i>refuse</i> 'отказывать':	<i>*refuse</i>	<i>refusal</i>	<i>*refusement</i>	<i>^refusion</i>	'отказ'
<i>amuse</i> 'развлекать':	<i>*amuse</i>	<i>*amusal</i>	<i>amusement</i>	<i>*amusation</i>	'развлечение'
<i>destroy</i> 'ничтожать':	<i>*destroy</i>	<i>*destroyal</i>	<i>*destruction</i>	<i>destruction</i>	'ничтожение'

Номинализованные существительные далеко не единобразно соотносятся с производящими глаголами семантически, ср. (57) *try* 'пробовать' и *trial* 'суд', (58) *revolve* 'вращаться' и *revolution* 'революция' и мн. др.

Наконец, нерегулярность проявляется и в том, что далеко не все номинализаций могут так, как *destruction* 'разрушение' в (51г), употребляться в пассивной конструкции: (59) а. *John criticized the book* 'Джон критиковал книгу'; б. *The book was criticized by John* 'Книга критиковалась Джоном'; (60) а. *Bill refused the offer* 'Билл отверг предложение'; б. *The offer was refused by Bill* 'Предложение было отвергнуто Биллом'; (61) в. *John's criticism of the book*; г. **the book's criticism by John* 'kritika книги Джоном'; (62) в. *Bill's refusal of the offer*; г. **the offer's refusal by Bill* 'отказ Билла от предложения'.

Основываясь на этих фактах, Хомский предположил, что соотношения рассматриваемого типа могут описываться особыми неграмматическими правилами, которые ограничиваются сферой словаря, а трансформации (элемент грамматики) не могут превращать глаголы в имена и вообще не могут заменять одну лексему на другую. Это предложение было названо **лексикалистской гипотезой**.

Часть 2. Синтаксические теории

Приняв лексикалистскую гипотезу, удается существенно упростить и трансформацию пассива. Активная и пассивная формы глагола рассматриваются теперь как разные единицы словаря, и, следовательно, трансформация не может заменить одну на другую. Правило больше не вовлекает такие единицы, как Aux или V, и не производит замены одних морфологических единиц на другие. Пассивная трансформация сводится к передвижению ИГ из позиции дополнения в позицию подлежащего: (63) глубинная структура *was destroyed the city by the enemy* -> поверхностная структура *the city was destroyed by the enemy*.

(64) Передвижение ИГ

SD:	X	Ø	Y	NP	Z	
	1	2	3	4	5	→
SC:	1	4	3		5	

Суть предлагаемого трансформационного правила очень проста и сводится к перемещению ИГ из одной занимаемой ею позиции 4 в другую, незаполненную, позицию 2, подобно тому, как шахматная фигура передвигается с занимаемой ею клетки на другую, свободную клетку.

Отвечая на вопрос 1, теперь можно установить ограничение, согласно которому трансформации не могут стирать и вставлять ни морфологические показатели, ни целые лексемы и не могут даже включать упоминания их. Количество передвижений, допустимых для трансформационного правила, сводится к одному (вопрос 2). Наконец, можно наложить и такое ограничение на теорию трансформаций, чтобы в трансформационном правиле не могло быть упомянуто более двух констант (вопрос 3).

Правило передвижения ИГ, однако, сформулировано в таком общем виде, что оно может иметь крайне нежелательные последствия. Например, это правило может сдвинуть ИГ — дополнение при предлоге в позицию прямого дополнения: (65) а. *Mary sent Ø for her husband* 'Мэри послала за своим мужем'; б. **Mary sent her husband for Ø*. Явление, когда упрощенный вид трансформации производит не предусмотренные в процессе ее формулирования грамматически неправильные предложения, называется **избыточным порождением** (overgeneration). Значит, требуются некоторые дополнительные ограничения или правила, чтобы исключить избыточно порожденные предложения типа (65б).

Обратимся теперь к вопросу 5 — почему позиции, в которые происходит передвижение — это те же самые позиции, которые создаются в результате действия правил грамматики составляющих? Если в структуре (64) не будет предусмотрена «готовая» позиция для передвигаемой ИГ, то правило придется сформулировать в следующем виде:

(66) Передвижение ИГ (новый вариант правила)

SD:	X	Y	Z	NP	W
SC:	1	2	3	4	5
	1	4	3	Ø	5

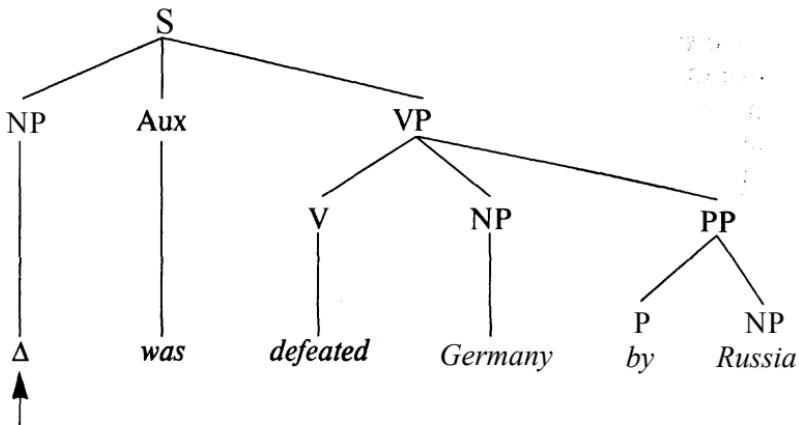
Правило (66) неприемлемо: поскольку Y обозначает произвольную, в том числе пустую, цепочку, здесь говорится о том, что ИГ (NP) либо передвигается в произвольную, ничем не заполненную, позицию, либо замещает любой находящийся в этой позиции элемент (2 на 4). Такое правило создает избыточное порождение в громадных масштабах.

Остается признать, что ИГ не случайно передвигаются в позиции, порождаемые правилами грамматики составляющих. В начале 1970-х годов в ПГ возобладала точка зрения, согласно которой всякое передвижение происходит только в позицию, созданную в результате применения правил грамматики составляющих. Этот принцип был назван **принципом сохранения структуры** (Structure Preserving Principle [Emonds 1976]).

Создавая некоторую позицию, правила грамматики составляющих не обязаны заполнять ее внешне выраженной составляющей: она может быть заполнена фонологически пустой составляющей, т. е. синтаксическим нулем. Ненулевая составляющая может оказаться в этой позиции на более поздней стадии деривации в результате применения трансформационного правила.

Автор «принципа сохранения структуры» Дж. Эмондс [1976: 68—71] предположил, в частности, что в английской пассивной конструкции происходит передвижение порождаемой в базе ИГ-дополнения в позицию ИГ-подлежащего, которая также порождается базовым компонентом и заполняется пустым символом A. Трансформация помещает передвигаемую ИГ на место A и при этом не создает никаких новых позиций, сохраняя те, которые были созданы в результате применения грамматики составляющих:

(67) Передвижение ИГ-дополнения:

Эмондс полагал, что он нашел ответ на вопрос, почему пассивная конструкция вида (68) а. *Germany was defeated by Russia* 'Германия была побеждена Россией' грамматична, а предложения б. **Was defeated by Russia Germany* или в. **Germany was Russia defeated by* неграмматичны. До того, как принцип сохранения структуры был принят на вооружение, предложения типа (68бв) исключались в силу самой формулировки трансформации пассива для английского языка; в принципе трансформация пассива в каком-то другом языке могла бы иметь и другой вид, при котором предложения, подобные (68бв), оказались бы правильными. Теперь выяснилось, что такие структуры, как (68бв), недопустимы в принципе, потому что в них ИГ оказывается в некой «новой» позиции, не предусмотренной правилами грамматики составляющих.

Принцип сохранения структуры стал наглядной и интуитивно убедительной формализацией идеи «позиционного синтаксиса», выдвигавшейся исследователями германских языков [Кузнецов 1984], согласно которому в клаузе имеется конечное число «позиций», которые могут по-разному заполняться членами предложения. Развивая «шахматную» метафору, можно сказать, что принцип сохранения структуры аналогичен постоянству устройства шахматной доски в процессе игры. В шахматах игроки не могут ни вводить по ходу игры новые клетки сверх имеющихся 64-х, ни «отменять» существующие клетки, ни менять их цвет, ни «переставлять» клетки (даже если бы устройство доски позволяло легко

производить все эти операции). Игра состоит только в перевнжении фигур по фиксированному множеству клеток, и никакие другие операции игроки не могут осуществлять по самому смыслу игры.

4. Недостатки правил грамматики составляющих

Обратимся еще раз к примерам (51a) *The enemy destroyed the city* 'Враг разрушил город' и (51b) *the enemy's destruction of the city* 'разрушение города врагом'. Как в (51a), так и в (51b) *the enemy* 'враг' является агенсом, а *the city* 'город' - дополнением и пациентом. Взаимоотношения между составляющими в (51a) во многом тождественны их взаимоотношениям в (51b). Каким образом можно охарактеризовать эти сходства в рамках лексикалистского подхода? Ответ, предложенный Хомским в «Заметках о номинализации», заключался в том, что внутренняя структура ИГ существенным образом сходна с внутренней структурой клаузы и поэтому возможно сформулировать в общих терминах свойства и той и другой фразовой категории.

Решение этой задачи требовало пересмотреть существовавшую на тот момент теорию правил грамматики составляющих.

Долгое время генеративисты, увлеченные работой с трансформациями, обращали мало внимания на теоретические проблемы, связанные с устройством базового компонента. Было лишь установлено, что правила базовой структуры являются бесконтекстными (имеют вид $A \rightarrow B C \dots$), что они неупорядочены и применяются до трансформаций (т. е. что базовый компонент предшествует трансформационному).

Теория никак не учитывала, например, следующие поразительные сходства между правилами для фразовых категорий VP, AP, AdvP, NP и PP в английском языке:

69)	I	II	III	IV	V
a.	$VP \rightarrow V$	$AP \rightarrow A$	$AdvP \rightarrow A$	$NP \rightarrow N$	
б.	$VP \rightarrow V NP$				$PP \rightarrow P NP$
в.	$VP \rightarrow V PP$	$AP \rightarrow A PP$	$AdvP \rightarrow PP$	$NP \rightarrow N PP$	$PP \rightarrow P PP$
г.	$VP \rightarrow V S$	$AP \rightarrow A S$		$NP \rightarrow N S$	
д.	$VP \rightarrow V NP PP$				
е.	$VP \rightarrow V NP S$				
ж.	$VP \rightarrow V PP S$	$AP \rightarrow A PP S$		$NP \rightarrow N PP S$	

Часть 2. Синтаксические теории

Проиллюстрируем строку (69в): Iв *spoke to Mary* 'говорил с Мэри'; Ив *fond of her son* 'любящий своего сына'; Шв *differently from mine* 'иначе чем мой'; *independently of me* 'независимо от меня'; IVB *reply to John* 'ответ Джону'; VB *until after the wedding* 'до окончания свадьбы'; *out of the window* 'из окна' [Radford 1988: 254, 265]

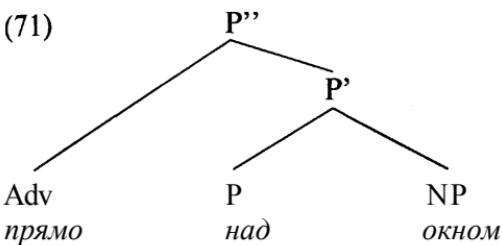
Ясно, что между пятью колонками обнаруживаются огромные нетривиальные сходства, затрагивающие и состав категорий, и их линейный порядок, которые, однако, никак не могли быть охвачены в первоначальных версиях ПГ.

Между тем ни у кого не вызывала сомнения, например особая роль вершины в различных фразовых категориях, — особая в том смысле, что свойства вершины определяют важнейшие свойства фразовой категории, которая содержит вершину. Например, существительное является вершиной ИГ, глагол — глагольной группы, прилагательное — группы прилагательного и т. д. ИГ *интересная книга* является неодушевленной ИГ женского рода в силу того, что таковы грамматические характеристики ее вершины *книга*. Однако теория правил грамматики составляющих допускала и такие правила, в которых никак не учитывалось внутреннее подобие различных фразовых категорий (например, предложения и ИГ, или предложной группы и придаточного предложения), не учитывались необходимость и особая роль вершины. Вообще теория допускала такие правила грамматики составляющих, которые не соответствуют фактам никакого языка и, по-видимому, совершенно абсурдны.

Теория грамматики составляющих не запрещала таких, например, «правил»: (70) а. NP \rightarrow A VP («ИГ состоит из прилагательного и глагольной группы»); б. V \rightarrow PP AP («глагол состоит из предложной группы и группы прилагательного»); в. VP \rightarrow NP V V AP V PP («глагольная группа состоит из ИГ, глагола, еще одного глагола, группы прилагательного, еще одного глагола и предложной группы»); г. PP \rightarrow NP AP VP и т. п. Конечно, теория, допускающая «правила», подобные (70), не может быть признана удовлетворительной.

Хомский предположил, что сходство между разными фразовыми категориями типа (51; 69) не является случайным — оно возникает вследствие того, что принципы построения фразовых категорий едины, а различия между ними полностью сводятся к различиям между классами вершин. Если обозначить вершину через X, то фразовая категория, содержащая X в качестве своей вершины и непосредст-

енной составляющей, может быть обозначена как X (X с черточкой наверху, называемое X -штрихом (X -bar)), а та фразовая категория, которая содержит X в качестве непосредственной составляющей и X в качестве вершины, обозначается X' (X с двумя черточками наверху, называемое X -два штриха (X -double-bar)). X и X' называются проекциями вершины X : X - первой проекцией, а X' - второй. Для упрощения машинописного и компьютерного набора был принят способ обозначения штрихов простыми апострофами: X' и X'' . Воспроизведем в этой нотации пример на штриховую категорию (115) из главы II:

В результате развития теории структуры фразовых категорий, которая была названа X' - («икс-штрих-»)-теорией, допустимые правила грамматики составляющих оказались строго ограниченны и больше не допускали разнообразия, подобного (70). В терминах X' -теории удалось обобщить и наблюдаемые сходства между ИГ, клаузами и другими фразовыми категориями. Например, было сформулировано «условие эндоцентричности» [Stowell 1981], которое заключается в том, что всякая фразовая категория включает в свой состав вершину⁴. «условие сложности», согласно которому вершина всякой фразовой категории располагается на два Уровня ниже этой категории, а также ограничение, согласно которому всякая составляющая, не являющаяся вершиной, является либо первой, либо второй проекцией какой-либо вершины. Подробнее об X' -теории см. в главе XII п. 2.

5- Ограничения Росса и синтаксические острова

До сих пор, говоря об ограничениях на вид трансформационных правил, мы имели в виду в основном ограниче-

⁴ в главе I использовалось другое понимание термина «эндоцентричный».

ния на вид применяемых в них операций. Однако сложность устройства трансформаций, которую желательно было бы избежать, заключается не только в этом, но и в тех контекстных условиях применения, которыми они сопровождаются. Вспомним, например, трансформацию экстрапозиции (31) и пример (32), которые здесь повторяются как (72) и (73):

(72) Экстрапозиция

SD:	X	[_{NP} NP	S]	Y
	1	2	3	4
SC:	1	2	Ø	2

SC: 1 2 Ø 2 3

(73) а. / *gave [NP the gun [_s which I had cleaned]] to my brother* 'Я отдал ружье, которое я почистил, своему брату'; б. *I gave [P the gun] to my brother [_s which I had cleaned]*.

В формулировке (72) трансформация не обладает никакими ограничениями, которые были бы наложены на правый контекст Y или левый контекст X. Однако, применяя (72) к разнообразным предложениям, легко обнаруживаем, что такие ограничения есть: (74) а. [_s *That I gave [NP the gun [_s which I had cleaned]] to my brother*], was bad То, что я отдал ружье, которое я почистил, своему брату, было плохо' (знаком S' здесь обозначается придаточное предложение) -» б. * [_s, *That I gave [NP the gun to my brother]*], was bad [_s which I had cleaned]. Предложение (74б) неграмматично ввиду того, что экстрапозиция вовсе не безразлична к правому контексту Y, вопреки несовершенной формулировке правила в (72). Этот контекст не должен включать в себя границу придаточного предложения, иначе экстрапозиция не может быть применена.

По мере того как в ПГ изучались трансформации, становилось понятно, что контекстные условия их применения - важнейшая часть трансформаций, и эти условия также нуждаются в теоретическом обобщении и ограничении. Если это не будет сделано, теория не достигнет своей цели даже в том случае, если форма трансформационных операций будет достаточно единообразна, - необозримое множество теоретически допустимых контекстных условий применения лишит теорию объяснительной адекватности.

В 1967 г. в Массачусетском технологическом институте в Кембридже (МИТ) Дж.Р. Росс защитил диссертацию «Ограничения на переменные в синтаксисе», специально посвященную выяснению того, насколько контекстные ограничения

ния на трансформации поддаются теоретическому обобщению. Автор в течение почти 20 лет противился ее публикации [Ross 1986], и в результате его работы, распространившаяся по всему миру в mimeографических копиях, стала самой часто цитируемой диссертацией в лингвистике.

Результат, полученный Россом, оказался сенсационным. Ему удалось показать, что контекстные ограничения совпадают у разных трансформаций и поэтому поддаются обобщению в значительно большей мере, чем сами трансформации.

Прежде чем обратиться непосредственно к выводам Росса, вспомним, что грамматика допускает существование рекурсивных фразовых категорий, т. е. таких, которые могут содержать другую единицу той же категории: (75) а. *L Mary said [_s John likes persimmons]* 'Мэри сказала, что Джон любит хурму'; б. [_s Sam knows [_s Mary said [_s John likes persimmons]]] 'Сэм знает, что Мэри сказала, что Джон любит хурму'; в. [_s Joan told me [_s Sam knows [_s Mary said [_s John likes persimmons]]]] 'Джоан сказала мне, что Сэм знает, что Мэри сказала, что Джон любит хурму'... и т. д. Несмотря на то что носители английского языка, естественно, не приходят в восторг от предложений типа (75в), эти предложения безупречны грамматически (грамматика «не виновата» в том, что они звучат странно и мало приемлемы; причина этого не в нарушении каких-то грамматических правил, а в том, что такие предложения слушающему трудно анализировать). В одну клаузу может быть вложена другая, в нее — третья и т. д.

Рассмотрим теперь предложения (76) с передвижением вопросительной группы, соответствующей *persimmons* в (75): (76) а. [_s What did Mary say [_s John likes ____]] '[Про] что Мэри сказала, что Джон любит [это]?'; б. [_s What does Sam know [_s Mary said [_s John likes ____]]]; в. [_s What did Joan tell me [_s Sam knows [_s Mary said [_s John likes ____]]]]] букв. [Про] что Джоан сказала мне, что Сэм знает, что Мэри сказала, что Джон любит [это]?'. Выясняется, что вопросительная группа, выдвигаясь из придаточного предложения, может пересечь сколь угодно большое число границ клауз. Примечательно, что в каждом случае (76а—в) вопросительное местоимение *what* 'что' интерпретируется как прямое Дополнение глагола *likes* 'любит'. Следовательно, имеется прямая синтаксическая связь между вопросительным мес-

Часть 2. Синтаксические теории

тоимением, которое присоединено к главной клаузе, и позицией ИГ-дополнения в наиболее глубоко вложенной клаузе. Эта прямая синтаксическая связь может распространяться на любое число вложенных клауз. Эта грамматическая связь является по своей сфере действия **неограниченной** (*unbounded*).

Другие примеры, однако, показывают, что эта связь в действительности ограничена. Ограничения (*bounding*) существуют, но они связаны не с громоздкостью как таковой (мы видим, что число вложенных клауз не имеет значения), а с особыми видами синтаксических границ. Росс показал, что эти ограничения одни и те же для большого числа трансформаций, хотя сами трансформации при этом могут значительно отличаться друг от друга.

Так, Росс обнаружил, что из некоторых составляющих передвижение вопросительных слов недопустимо. Такой составляющей в английском языке является подлежащее, выраженное номинализованной ИГ (77а) или придаточным предложением (77б): (77) а. [NP *John's enthusiasm for his sister*] *pleases Mary* 'Энтузиазм Джона по поводу его сестры приятен Мэри' -> *Whom did [NP *John's enthusiasm for*] please Mary? 'Энтузиазм Джона по поводу кого приятен Мэри?'; б. [_s *That Mary was going out with Sam*] bothered you] То, что Мэри встречалась с Сэмом, беспокоило тебя' -> *Who did that Mary was going out with bother you? То, что Мэри встречалась с кем, беспокоило тебя?'.

Выяснилось, что это контекстное ограничение действительно не только по отношению к трансформации передвижения вопросительных групп. Например, препозиция наречия также подчиняется ему: (78) [_s *For him to leave tomorrow*] would be a pity 'Уехать ему завтра было бы жаль' -> *Tomorrow [_s *for him to leave*] would be a pity.

Трансформация препозиций глагольной группы подчиняется тому же ограничению. Это происходит, например, в некоторых контекстах с сочинением: (79) *They said John [w payed the bill], and [vp pay the bill]* was what he did 'Они сказали, что Джон оплатил счет, и он оплатил его', букв. «оплата счета было [то,] что он сделал» - препозиция глагольной группы произошла во второй из сочиненных клауз. Сравним с этим: (80) **They said that John would [vp win the race], and [vp win the race]* that he did was evident for everyone 'Они сказали, что Джон выиграет скачки, и то, что выигрыш ска-

чек был им сделан, было очевидно для всех'. Пример (80) показывает, что препозиция глагольной группы невозможна из придаточного подлежащего *that he did win the race* 'то, что он выиграл скачки'.

Еще одной такой трансформацией оказывается топикализация — вынесение некоторой коммуникативно выделенной ИГ в начало предложения: (81) *Linguistics you gave up* '[Что до] лингвистики, ты ее бросил'; ср. с этим (82) **Linguistics, [s for you to give up]* would be a wise move 'Для тебя бросить лингвистику было бы мудрым решением'.

Наконец, рассмотрим редкую трансформацию — инверсию группы прилагательного, вызванную союзом *though* 'хотя' (though-inversion): (83) *Though she is [AP extremely attractive], I don't like her* 'Хотя она очень привлекательна, мне она не нравится' -> [AP *Extremely attractive*] *though she is, I don't like her*. Сравним с этим (84) *[AP *Extremely attractive* *though* [s that Mary is ____] *may seem obvious, not everyone thinks so*'Хотя то, что Мэри очень привлекательна, может показаться очевидным, не все так думают'.

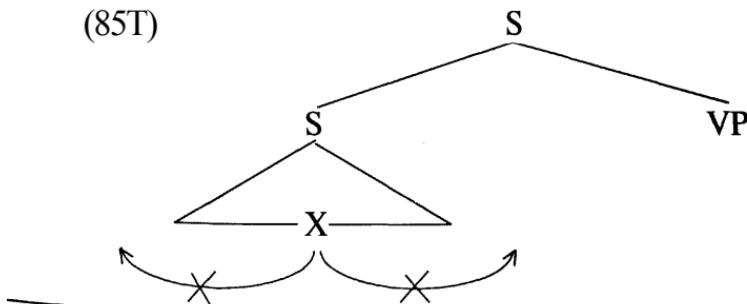
Росс назвал эту закономерность «ограничением на сен-тенциальное подлежащее» (Sentential Subject Constraint).

(85) Ограничение на сен-тенциальное подлежащее:

никакая составляющая не может быть выдвинута из подлежащего, выраженного клаузой (финитной или номинализованной).

Изобразим ограничение на сен-тенциальное подлежащее схематически:

(85T)

В формулировке Росса эта закономерность выглядит иначе, хотя и содержательно эквивалентно: «Никакой элемент, над которым доминирует S, не может быть выдвинут из S, если над этим S доминирует NP, над которой непосредственно доминирует (другое) S». Здесь важно иметь ввиду, что для ПГ понятие «подлежащее» не имеет теоретического значения: подлежащим считается та (единственная) ИГ, которая является непосредственной составляющей клаузы.

Часть 2. Синтаксические теории

Перечеркнутые стрелки означают запрет для любого элемента (X) «покидать» пределы S.

Следующее, и притом более важное и универсально значимое ограничение, выдвинутое Россом, было

(86) **ограничение сложной ИГ** (Complex NP Constraint):

ни один элемент, содержащийся в клаузе, над которой доминирует ИГ с лексически выраженной вершиной, не может быть выдвинут из этого предложения.

Под «клаузой, над которой доминирует ИГ с лексически выраженной вершиной», следует понимать относительное придаточное предложение. Действительно, ни одна трансформация не может выдвинуть составляющую из-за границы придаточного относительного. Выдвижение вопросительной группы: (87) / *read a statement [_s which was about that man]* 'Я прочитал отчет, который был про того человека' -> **The man who I read a statement [_s which was about ___ is sick]*, букв. 'Человек, о котором я прочитал отчет, который был, болен' (из неграмматичности русского перевода очевидно, что в русском языке ограничение сложной ИГ также действует).

Оговорка относительно «лексически выраженной вершины» потребовалась Россу по той причине, что он рассматривал придаточные с союзом *that* как ИГ,ср. (88) а. / *believed [the claim that Otto was wearing this hat]* 'Я считал [правильным] утверждение, что Отто носит эту шляпу'; б. *I believed [that Otto was wearing this hat]* 'Я считал, что Отто носит эту шляпу'; (89) а. * *The hat which I believed the claim that Otto was wearing ___ was red* букв. «*Шляпа, которую я верил утверждению, что Отто носит, была красной» (обратим внимание на неграмматичность русского перевода!); б. *The hat which I believed that Otto was wearing ___ was red* 'Шляпа, которую я думал, что Отто носит, была красной'. Аргументы в пользу того, что придаточное представляет собой ИГ, Росс усматривал в его дистрибуции: (90) *What I said was [that she was lying]* 'Я сказал то, что она лжет'; *Bill told me something awful, [that ice won't sink]* 'Билл сказал мне нечто ужасное: что лед не тонет'; *[That the defendant had been rude] was stoutly denied by his lawyer* 'То, что обвиняемый проявил грубость, настойчиво отрицалось его адвокатом'. Однако сегодня эта точка зрения исследователями оставлена: фразовые категории отличаются друг от друга главным образом внутренней структурой, а не дистрибуцией.

Ограничению сложной ИГ подчиняется и топикализация: (91) а *I don't think* [_s *I'd ever do that kind of thing*] 'Не думаю, что я бы когда-нибудь сделал что-то в этом роде' -> *that tkind of thing*, *I don't think* [_s *I'll ever do _____*]; б. *I know a man*[_s *who does that kind of thing*] 'Я знаю человека, который делает такое' -> * *That kind of thing*, *I know a man [who does _____]*, букв.: 'Такое я знаю человека, который делает'. Топикализация в (91а) возможна из придаточного дополнительного, но не из относительного придаточного (91б).

Аналогичные примеры на инверсию с *though*. (92)

а. *Though I think* [_s *she is very pretty*], *I don't like her* 'Хотя я думаю, что она очень хорошенькая, мне она не нравится'; -> *Very pretty though I think* [_s *she is _____*], *I don't like her*, б. *Though I met someone* [_s *who is very kind*], *I don't want to marry him* 'Хотя я встретила одного человека, который очень добр, я не хочу выходить за него замуж' -> * *Very kind though I met someone* [_s *who is _____*], *I don't want to marry him*.

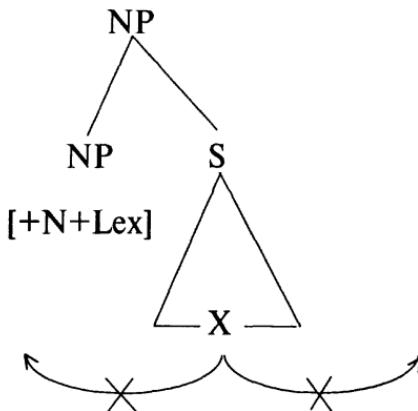
Примеры на препозицию глагольной группы: (93) а. [УР *Playing cricket*] *I suspected* [_s *that he was _____*] 'Я подозревал, что он играл в крикет'; б. **They said they were looking for a man who was wearing pink tights, and* [УР *wearing pink tights*] *they found a man* [_s *who was _____*] 'Они сказали, что ищут человека, на котором были розовые подвязки, и они нашли такого человека'.

Примеры на препозицию наречия: (94) а. */ think* [_s ГЦ *go to a disco tomorrow*] 'Я думаю, что пойду завтра на дискотеку' -> *Tomorrow, I think* [_s ГЦ *I'll go to a disco _____*]; б. */ know someone* [_s *who's going to a disco tomorrow*] -> * *Tomorrow, I know someone* [_s *who's going to a disco _____*]. Опять-таки, эта трансформация может быть применена к элементу сентенциального актанта (94а), но не к элементу относительного придаточного (94б).

В русском языке ограничение сложной ИГ также соблюдается, например, элемент такой ИГ не может релятивизоваться: (95) а. *Он сообщил вам об этом событии*; б. *Событие*, [_s о котором он вам сообщил], случилось вчера'; в. *Человек*, [_s который сообщил вам об этом событии], ушел; г. * *Событие*, [_s о котором человек, который сообщил вам _____, Ушел], случилось вчера.

Ограничение сложной ИГ Росс изобразил схематически следующим образом [Ross 1986 (1967): 77]:

(86')

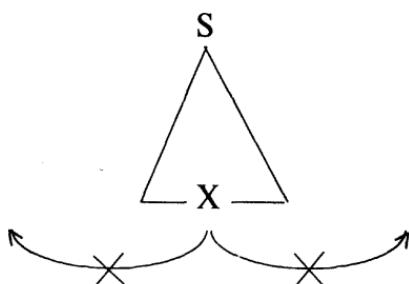

Запись $[+N+Lex]$ означает, что ИГ, включающая придаточное относительное, содержит лексически выраженную вершину. То, что, в отличие от других определений в составе ИГ, придаточное относительное присоединяется к ИГ, видно, например, из того, что та часть включающей ИГ, к которой присоединяется придаточное, может быть заменена на личное местоимение: *Он, который совершенно не разбирается в лингвистике; Ты, кого я так любила, /Чья любовь отрада мне* (Пушкин, «Пир во время чумы»).

Поскольку придаточные в (886) и (90), вопреки мнению Росса, не являются ИГ и поэтому в примерах типа (896) релятивизация не происходит из относительных придаточных, ограничение сложной ИГ можно представить в виде более простой схемы:

(86'")

NP

Следующим важнейшим ограничением, которое выдвинул Росс, было **ограничение на сочиненную структуру** (Coordinate Structure Constraint):

(96) никакая трансформация не может выдвинуть сочиненный элемент из сочиненной структуры, и ни один элемент, содержащийся в сочиненном элементе, не может быть выдвинут из этого элемента.

Примеры на передвижение вопросительной группы:
(97) * What sofa will he put the chair between [some table] and [r____]?, букв. 'Каким диваном он поставил стул между каким-то столом и____?'; (98) * The lute which [Henry plays_] and [sings madrigals] is warped, букв. 'Лютня, на которой Генри играет и поет мадригалы, погнулась' (пример (98) показывает, в частности, что выдвижение относительного местоимения происходит одинаково с выдвижением вопросительного). Инверсия с *though*: (99) * Handsome though he's tall, dark and____, she doesn't fancy him 'Хотя он высокий, черноволосый и красивый, она не увлечена им'; препозиция наречия: (100) * Tomorrow, I will go to a disco today or 'Я пойду на дискотеку сегодня или завтра'.

Ограничение на сочиненную структуру действует и в русском языке: (101) а. Я увидел Машу и ее сестру; б. *Кого я увидел Машу и____?; в. *Кого я увидел____ и ее сестру; г. *Чью я увидел Машу и____ сестру

Еще один тип ограничения, который был открыт не самим Россом, а несколько позже, — **ограничение «вопросительного острова»**:

(102) ни одна составляющая не может быть выдвинута из придаточного предложения, которое вводится вопросительным местоимением или вопросительным союзом.

Передвижение вопросительной группы — (103) * What might he ask where // whether I hid____?, букв. «Что он мог спросить, где я спрятал // спрятал ли я»; топикализация - (104) "Linguistics, he asked me whether we teach_ букв. «Лингвистику, он спросил меня, преподаю ли я»; препозиция глагольной группы - (105) "Playing cricket, I don't know whether he is____ 'Я не знаю, играет ли он в крикет'; препозиция наречия - (106) * Tomorrow, I don't know whether he is leaving букв. «Завтра, я не знаю, уезжает ли он».

Росс назвал выделенные им типы конструкций, «непроницаемые» для трансформаций выдвижения, «островами» (islands). С тех пор в лингвистике получили распространение такие термины, как **сочинительный остров, остров придаточного относительного, остров подлежащего, вопросительный остров** и т. п. Синтаксическим островом называется такая

составляющая, что никакое грамматическое правило не может быть одновременно применено к элементу, который находится внутри и к элементу, который находится вне ее.

Работа Росса на много лет вперед определила магистральное направление исследований в ПГ; ее влияние вышло, впрочем, и за пределы сообщества генеративистов. Огромное впечатление, которое произвели на лингвистический мир полученные в ней результаты, вовсе не удивительно. Синтаксические острова в полном соответствии со своим названием возникли на горизонте как некая манящая тетта *incognita*⁶ — впервые за всю историю языкознания были подвергнуты систематическому исследованию контекстные ограничения на действие грамматических правил, и сразу же выяснилось, что этот ранее неведомый материал обнаруживает высокую степень гармонического единства.

Эти результаты имели определяющее значение для последующей разработки теории трансформаций. Постепенно число допустимых трансформаций в ПГ сводилось к возможному минимуму, и на первое место выдвигались ограничения на их применение.

Важным достижением ПГ на пути разработки теории ограничений на грамматические правила явилась возникшая на рубеже 1970—1980-х годов ее наиболее глубоко разработанная версия — «теория принципов и параметров», которой посвящена следующая глава.

Рекомендуемая литература

С основными положениями ПГ можно ознакомиться по работам Хомского, опубликованным на русском языке [1962 (1957); 1972 (1965); 1965 (1962); 1972 (1968)], а также [Chomsky 1986], и по учебникам ПГ, список которых дан во Введении. О проблеме врожденного компонента знания языка см. [Kirby 1999] и указанную там литературу. Лучшее изло-

⁶ Публикуя свой труд спустя 19 лет, Росс приложил нему нечто вроде поэтической медитации, где, в частности, писал: «В конце концов я мог бы назвать их *областями, зонами, сферами интереса* и множеством других способов. Отчего же возникла метафора островов?.. Ответ... в том, что я - замкнутая (*insular*) личность. Мне нравится одному уходить в неизведенное, чтобы попытаться встать лицом к лицу с безбрежной тайной Языка, принимая те условия, которые диктует эта непостижимая реальность» [Ross 1986: 288].

Глава XI. Порождающая грамматика: от правил к ограничениям

жение проблемы перехода от изучения правил к исследованию ограничений - в учебнике [Riemsdijk van, Williams 1986]. Наиболее авторитетный курс ПГ в версии 1970-х годов - [Akmajian, Heny 1975].

По истории ПГ и близких ей научных направлений можно рекомендовать книгу [Newmeyer 1986], автору которой удалось ярко и увлекательно изложить существо проблем и драматическую борьбу идей в американской лингвистике на протяжении 1950-1980-х годов; там же содержится исчерпывающая библиография.

ТЕОРИЯ ПРИНЦИПОВ И ПАРАМЕТРОВ

Теория принципов и параметров - наиболее глубоко разработанный «классический» вариант порождающей грамматики, принятый в 1980-е годы. Теория имеет модулярную структуру: она состоит из нескольких автономных компонентов-модулей, включающих универсальные принципы и параметры (п. 1). X'-теория задает универсальную схему строения фразовой категории (п. 2). Теория ограничения устанавливает границы применимости передвижений (п. 3). Теория трансформаций предельно упрощена сравнительно с ранними вариантами ПГ: она включает одну-единственную трансформацию передвижения (п. 4). Теория падежа устанавливает условия, при которых ИГ получает значения абстрактного падежа (п. 5). Тета-теория выясняет условия, при которых ИГ характеризуются в терминах тематических ролей (п. 6). Теория связывания устанавливает принципы референциальной интерпретации ИГ (п. 7). Принцип пустой категории разграничивает допустимые и недопустимые мишени передвижения в связи с понятием управления (п. 8). На уровне логической формы предложение преобразуется таким образом, чтобы синтаксическая структура соответствовала логико-семантическим отношениям (п. 9). Теория постулирует три синтаксических уровня; принципы и параметры применяются к представлениям на этих уровнях (п. 10).

Эта глава представляет собой продолжение предыдущей, и для ее понимания необходимо знать изложенные там основные положения и логику развития ПГ в 1960—1970-е годы.

1. Общая характеристика

Теорией принципов и параметров называется наиболее продвинутая и глубоко разработанная версия ПГ, сложившаяся в начале 1980-х годов и базирующаяся в основном на том круге идей, которые выдвинул Хомский в лекциях, прочитанных в апреле 1979 г. в Scuola Normale Superiore г. Пизы (Италия), а затем опубликованных в книге «Лекции по управлению и связыванию» [Chomsky 1981] и получивших развитие в «Барьерах» [Chomsky 1986a]; отсюда другое наименование этой версии — «теория управления и связывания». В теории принципов и параметров Хомский попытался связать воедино и глубже разработать некоторые свои идеи 1970-х годов, ограничения Росса, результаты работы Р. Джекендоффа о структуре фразовых категорий в английском языке [Jackendoff

Глава XII. Теория принципов и параметров

1977] и возникшие к тому времени наброски теории следов [Fiengo 1977], контроля [Chomsky, Lasnik 1977] и связывания [Chomsky 1980a]. В разработку основных идей теории принципов и параметров внесли важный вклад также Г. Ласник, Л. Рицци, Дж. Хуанг, Ж.-Р. Верньо, Д. Спортиш, Т. Рейнхарт, С. Эбни и многие другие авторы.

Для рассматриваемой теории характерен взгляд на синтаксис как на результат взаимодействия нескольких относительно автономных грамматических подсистем, каждая из которых содержит свое множество общих универсальных грамматических закономерностей - принципов и параметров.

Принципом называется универсальное утверждение, из которого логически следуют некоторые важные особенности грамматики любого естественного языка. **Параметром** называется универсальный признак с ограниченным числом значений, принимающий одно из этих значений для каждого естественного языка.

Теория принципов и параметров стремится свести грамматические различия между языками к тому минимуму, который необходим для достижения описательной адекватности. Иными словами, теория не должна разрешать никаких различий между языками, кроме тех, которые необходимо учитывать при их описании. Эта цель достигается путем наложения очень строгих ограничений на системы правила и презентаций. Ограничения (в виде универсальных принципов) допускают только те различия между языками, которые предусмотрены небольшим числом параметров (каждый с небольшим числом значений, желательно — всего с двумя). Установка необходимого значения каждого из параметров должна быть достижима для ребенка в ходе усвоения родного языка.

Каждой грамматической подсистеме соответствует некий описывающий ее раздел, или, как его называют в ПГ, **модуль** грамматической теории. Теория принципов и параметров включает следующие модули:

- **X'-теория**, которая содержит принципы и параметры устройства структуры предложения и других фразовых категорий;
- **теория трансформаций**, значительно упрощенная на этом этапе развития ПГ, поскольку из всех трансформаций раннего генеративизма осталась лишь одна трансформация передвижения; поэтому и сама теория трансформаций называется также теорией передвижения;

- **теория ограничения** (Bounding theory), которая занимается контекстными ограничениями на трансформации, подобными ограничениям Росса;
- **теория управления** (Government theory), которая исследует, при каких условиях та или иная составляющая может быть подвергнута трансформации передвижения;
- **теория связывания** (Binding theory), которая включает принципы и параметры, регулирующие взаимоотношения между референтами именных групп;
- **теория (абстрактного) падежа** (Case theory), которая обобщает правила употребления синтаксических падежей - номинатива, аккузатива, датива и т. д.;
- **тета-теория** (Theta-theory), в которой определяются допустимые соотношения между семантическими (или тематическими, как их называют в ПГ) ролями предикатных слов и их синтаксическими свойствами;
- **теория контроля** (Control theory), которая устанавливает закономерности референциального истолкования нулевого подлежащего PRO.

«Архитектура» теории принципов и параметров в основном повторяет устройство предшествующих вариантов ПГ, но с некоторыми видоизменениями. Глубинная и поверхностная структуры именуются в теории принципов и параметров D-структура (D-structure) и S-структура (S-structure). D-структура возникает в результате взаимодействия базового компонента и словаря. Она поступает на сильно упрощенный по сравнению с предыдущими версиями ПГ трансформационный компонент, который переводит ее в S-структуру. Последняя поступает на интерпретирующие компоненты.

Особые разделы теории принципов и параметров занимаются устройством интерпретирующих компонентов ПГ — фонологического и семантического (или логического). Языковая способность человека (и ее модель — грамматика языка) считается в ПГ автономной в том смысле, что она основана на своих специфических принципах (отличающих ее от других функций мышления), а также в том, что она является не интерпретирующим, а порождающим механизмом, т. е. не имеет никакого «входа», на который поступали бы какие-то сообщения извне. Однако языковая способность не является изолированной от других человеческих способностей. Для того чтобы она могла быть использована в процессе коммуникации, должны быть задействованы, как минимум, еще две человеческие спо-

собности: способность к анализу (пониманию) и синтезу (рождению) речи. Эти способности включают как акустические, зрительные, артикуляторные и моторные механизмы (способность преобразовывать звуковой или зрительный сигнал в значимую последовательность символов или произвести такой сигнал), так и механизмы понимания (способность понимать, что значит некоторое предложение, а также выбирать предложение, соответствующее некоторому смыслу). Грамматика граничит с этими механизмами посредством двух внешних, или «интерфейсных», уровней. **Логическая форма, ЛФ** (Logical Form, LF) - уровень, выходящий на внеязыковые мыслительные механизмы понимания (= интерпретации). **Фонологическая форма, ФФ** (Phonological Form, PF) - уровень, выходящий на акустические и артикуляторные механизмы.

Предполагается, что правила семантической интерпретации применяются именно к ЛФ, а не непосредственно к S-структуре. Уровень ЛФ более «семантичен», чем глубинная или поверхностная структура, но состоит из тех же единиц, что и они (в отличие, например, от семантических уровней модели «Смысл<->Текст», в которых используется метаязык, отличный от метаязыка грамматических уровней, см. главу XVI). Более того, не существует никакого отдельного компонента, который включал бы в себя специфические правила, преобразующие S-структуру в ЛФ. ЛФ возникает в результате последовательного применения все того же трансформационного компонента к S-структуре.

Часть 2. Синтаксические теории

Словарь (Lexicon) рассматривается как свод информации, касающейся лексических единиц. Эта информация не может быть извлечена из универсальных принципов или параметрических выборов, характеризующих отдельные языки. Синтаксически значимая информация, содержащаяся в словарных статьях, включает в себя:

1) **категориальную** характеристику лексемы, т. е. ее (синтаксическую) часть речи в терминах признаков [N] и [V]; первый признак означает синтаксическое сходство с существительным, а второй — с глаголом. В этих терминах существительное (N) характеризуется как [+N, -V], прилагательное (A) — как [+N, +V], глагол (V) — как [—N, +V], а предлог (P) — как [—N, -V];

2) **тематическую** информацию в виде **тематической решетки** (theta-grid), т. е. перечень тематических (= семантических) ролей, приписываемых данной лексемой синтаксически связанным с ней ИГ. При этом учитывается различие между **внешним актантом**, т. е. подлежащим, и остальными актантами — тематическая роль, соответствующая подлежащему, в тематической решетке подчеркивается;

3) **субкатегориальную схему** (subcategorization frame), т. е. модель управления в терминах фразовых категорий, на которые валентна данная лексема.

Таким образом, синтаксически значимая словарная информация, например, для английского глагола *kill* 'убивать' выглядит следующим образом:

kill [-N, +V]
 (Ag, Pt)
 [NP, [_{up} _ NP]]

На протяжении последних двадцати лет в ПГ произошел поворот к сравнительному синтаксису. Как и раньше, в центре внимания генеративистов остаются два вопроса: 1) что собой представляет знание языка? и 2) как оно может быть усвоено ребенком? Напомним, что решить второй вопрос, по мнению сторонников ПГ, значит понять, в какой мере знание языка обусловлено опытом, а в какой — врожденными интеллектуальными предпосылками.

Для решения этого вопроса необходимо установить, в какой степени языки обнаруживают вариацию и в чем именно они инвариантны. Варьирование языков обусловлено различными значениями параметров, которые они принимают; инвариантные (универсальные) свойства обусловлены

принципами. Понятно, что значения параметров должны быть усвоены из опыта внешнего лингвистического окружения (например, тот факт, что в итальянском языке местоименное подлежащее может быть опущено, а в английском нет, может быть усвоен только из опыта). Задача поиска параметров обусловила переход от англоцентризма ранних версий ПГ к типологической программе изучения языков. Эта программа охватывает все большее число языков, в том числе и самых «экзотических» семей, и призвана найти ответ на вопрос, какие свойства языков универсальны, а какие свойственны только части языков.

2. X'-теория

Неизменным и фундаментальным исходным положением ПГ является идея о том, что основные особенности грамматики человеческого языка могут быть сформулированы в терминах синтаксической структуры. Предложения — иерархически организованные объекты, которые включают в себя составляющие-группы, причем на каждом уровне иерархии структура составляющей определяется на основе одних и тех же принципов, которые и составляют предмет X'-теории. Главным является **принцип эндоцентричности** (Endocentricity Constraint)¹: всякая группа обладает вершиной; группы иерархически сгруппированы вокруг своих вершин; грамматические свойства вершины определяют свойства всей группы.

X'-теория — это попытка построить обобщение над всем множеством фразовых категорий в естественных языках и показать, что в действительности есть лишь одна универсальная структура фразовой категории, различие в заполнении элементов которой полностью выводимо из свойств вершины.

Эта единая модель вводится для того, чтобы ограничить беспредельное разнообразие теоретически возможных правил грамматики составляющих и в конечном счете избавиться от них. Чем больше ограничений в построении фра-

¹ Л. Блумфилд, который ввел термин «эндоцентрическое словосочетание», понимал его по-другому, см. [Блумфилд 1968 (1933): 207]; принцип эндоцентричности в понимании ПГ выполняется и для тех групп, которые Блумфилд называл «экзоцентрическими».

Часть 2. Синтаксические теории

зовых категорий будет выявлено, тем более единообразными окажутся все возможные грамматики, тем ближе будет достижение главной цели - выявление абстрактного универсального компонента знания языка.

Главная трудность в решении этой задачи заключается в том, что фразовые категории слишком конкретны и специфичны: например, в одном языке глагольная группа или ИГ могут быть, в другом нет. Естественный способ обобщения заключается в том, чтобы вместо, скажем, ИГ или клузы использовать более абстрактное понятие «категории вообще» и использовать для этого категориальные переменные (A, B, C...). Но фразовые переменные использовались и на раннем этапе ПГ, когда утверждалось, что структура фразовой категории задается правилом A → B C ..., а это и есть очень слабо ограниченный формат фразовых правил, который означает «что угодно может включать в себя что угодно». С одной стороны, схема должна быть *абстрактной* и не связанной с конкретными свойствами конкретных словосочетаний в конкретных языках. С другой стороны, она должна быть *ограничительной*, с тем чтобы возможно более сузить класс допустимых правил грамматики составляющих. Выход был найден в ограничении состава возможных терминальных и фразовых категорий, которые могут входить в состав группы, и в ограничении типов их отношений друг к другу.

Прежде всего был введен принцип, согласно которому в любой фразовой категории имеется ровно и обязательно одна вершина, которая является терминальной категорией (N — существительное, P — предлог, V — глагол, A_{их} — вспомогательный элемент и т. п.) Фразовые категории строятся далее по особой схеме, которая определяет, какие составляющие могут, а какие не могут включать в себя вершину определенного вида.

Возникает вопрос: какие именно из сочетаемостных признаков вершин определяют тип возглавляемых ими фразовых категорий? Ответ вполне традиционен — категориальные, т.е. частеречные признаки вершин. Иными словами, то, в какие категории словосочетаний может, а в какие не может входить данное слово в качестве вершины, определяется его частью речи (т. е., например, словосочетание, возглавленное существительным, является ИГ независимо от его семантических признаков, одушевленности, числа и т. д.).

Глава XII. Теория принципов и параметров

Если вершины должны быть терминальными категориями, а единицами, которые могут быть подставлены на место терминальных категорий, являются словарно перечисляемые единицы — лексемы, то это означает, что в словаре могут быть отмечены синтаксические признаки тех составляющих, которые возглавлены данной лексемой (точнее, одной из ее словоформ). Во-первых, это **категориальный признак** части речи, который указывает тип фразовой категории, возглавляемой данным словом. Во-вторых, это **субкатегориальный признак**, который указывает на тип фразовой категории, на которую валентно данное слово и которая вместе с ним образует единую составляющую.

Ниже в квадратных скобках обозначены субкатегориальные признаки некоторых английских глаголов:

- (1) a. *sleep* 'спать' [+]
 б. *put* 'класть' [+ NP PP]
 в. *mention* 'упоминать' [+ NP]
 г. *promise* 'обещать' [+ PP S]

В (1a) сообщается, что глагол *sleep* — непереходный, так как в позиции правее его собственной позиции, обозначенной прочерком , не указано никакой фразовой категории; в (1б) и (1в) указано, что глаголы *put* и *mention* переходные, так как они могут образовать единую составляющую со своим прямым дополнением (NP); у глагола *put* имеется еще и актант с ролью места, который может выражаться предложной группой (PP). (1г) означает, что глагол *promise* валентен на два дополнения — одно (адресат) выражается предложной группой, второе — придаточным предложением (S). Все эти субкатегориальные признаки содержатся в словарных статьях глаголов наряду с общим для них категориальным признаком [—N+ V].

Составляющие, которые упоминаются в словарных субкатегориальных признаках, называются в ПГ комплементами (complements). Это всегда актанты (arguments) вершин и всегда фразовые категории.

Другие селективные признаки вершин неважны для синтаксической структуры. Например, признак, в соответствии с которым некоторые глаголы требуют, а некоторые не требуют дополнений, влияет на синтаксическую структуру, а то, что некоторые глаголы требуют одушевленных, а другие неодушевленных дополнений, прямо на синтаксическую структуру не влияет.

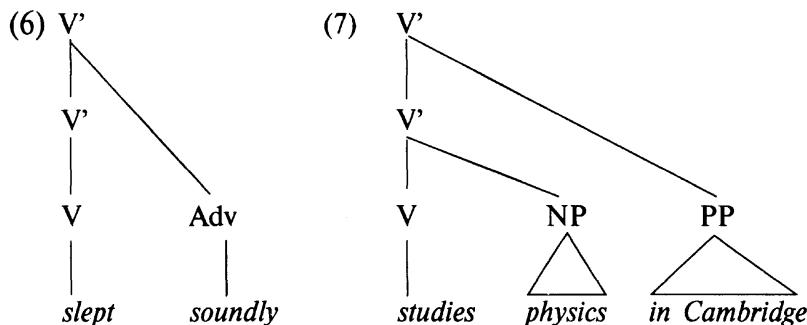
Основная идея X'-теории заключается в том, что лексическая вершина возглавляет две вложенные друг в друга фразовые категории и определяет синтаксические свойства как одной, так и другой, или, что то же, проецирует два обязательных **уровня составляющих** (или **уровня проекции**). Первый уровень (штриховую категорию, см. главу II п. 5) образует сама вершина вместе со своим комплементом. Комплементом глагола является прямое дополнение, комплементом предлога — ИГ, подчинительного союза — клауза, существительного — его актант (если он есть). В английском языке ни одна «посторонняя» составляющая не может быть линейно расположена между вершиной и комплементом: (2) а. *[studies physics] in Cambridge* 'изучает физику в Кембридже'; б. *^studies in Cambridge physics*; (3) а. *student of physics in Cambridge* 'студент (, изучающий) физику, в Кембридже' (в отличие от русского слова *студент*, английское *student* обладает актантом, обозначающим предмет специализации обучения); б. **student in Cambridge of physics*. То же во французском: (4) а. *le professeur de français aux cheveux longs*; б. **le professeur aux cheveux longs de français* 'преподаватель французского языка с длинными волосами'.

Первая проекция обозначается символом вершины, снабженной штрихом или апострофом: *[studies [np physics]]* в (2а) - V (первая проекция глагола), *[student [pp of physics]]* в (3а) — N' (первая проекция существительного); *[with [NP the handsome girl]]* 'с красивой девушкой' — P' (первая проекция предлога); *[that [s he went home]]* 'что он пошел домой' - С (первая проекция подчинительного союза, который обозначается как С); *[proud [pp of his son]]* — A' (первая проекция прилагательного). Когда речь идет о любой составляющей такого рода, используют фразовую переменную X'.

Существование первых уровней проекции в английском языке можно обосновать исходя из свойств некоторых проформ. Так, анафорическое местоимение *one* замещает N' (5а), но не вершину N (5в): (5) а. *Mary has a beautiful [^cup], and John has an ugly one* 'У Мэри есть красивая чашка, а у Джона — некрасивая'; б. *The [N> student] from Princeton was wiser than the one from Harvard* 'Студент из Принстона был умней, чем студент из Гарварда'; в. **The [N> student of philosophy] was wiser than [N> one of physics]* 'Студент (, изучающий) философию, был умней, чем студент (, изучающий) физику).

Английский глагол *sleep* 'спать' — непереходный, что обозначается его субкатегориальным признаком (1a). Его первая проекция, таким образом, не добавляет никаких зависимых. Вместе с тем видно, что глагол проецирует при этом еще некоторый материал: (6) а. **soundly, John slept 'крепко Джон спал'*; б. **on the couch, John slept 'на кушетке Джон спал'*; в. *for three hours, John slept 'три часа Джон спал'*; г. *because he was tired, John slept 'потому что он устал, Джон спал'*. Обстоятельства в (бвг) могут выступать в начале предложения (перед подлежащим), а в (баб) — не могут. Это означает, что первая группа обстоятельств более тесно связана с глаголом, чем вторая.

Зависимая фразовая категория, не являющаяся актантом вершины, называется в **ПГ адъюнктом** (adjunct). Так, *soundly* — адъюнкт в V, а *for three hours* — адъюнкт предложения. Адъюнкт, в отличие от комплемента, не изменяет синтаксических свойств той составляющей, к которой присоединяется. Иными словами, адъюнкт создает как бы второй экземпляр X':

Адъюнкт в отличие от комплемента не соответствует отдельному уровню проекции, он лишь удваивает уже имеющийся уровень. Адъюнкт может быть выражен альтернативно несколькими грамматическими способами, а допустимый способ выражения комплемента обычно только один,ср.: *a Cambridge physics student*, но **a physics Cambridge student* 'студент (, изучающий) физику в Кембридже'; *in Cambridge he studies physics, he studies physics in Cambridge*, но: **physics he studies in Cambridge*.

Рассмотрим еще примеры (8) а. *John will [read the letters in the garden this afternoon], and Bill will do so too* 'Джон будет

Часть 2. Синтаксические теории

читать письма в саду сегодня днем, и Билл тоже будет это делать'; б. *John will [read the letters in the garden] this afternoon, and Bill will do so tonight'* Джон будет читать письма в саду сегодня днем, и Билл тоже будет это делать сегодня вечером'; в. *John will [read the letters] in the garden this afternoon, and Bill will do so in the garage tonight'* Джон будет читать письма в саду сегодня днем, и Билл тоже будет это делать в гараже сегодня вечером'. Проформа *do so*, как и всякая проформа, может заменить только целую составляющую. Такой составляющей не может являться глагол-вершина: *r. *John will [read] the letters in the garden this afternoon and Bill will do so the diaries in the garage after dinner'* Джон будет читать письма в саду сегодня днем, а Билл - дневники в гараже после обеда'. В (8а) *do so* заменяет самую крупную составляющую вида V, в которую входят оба обстоятельства, в (8б) — меньшую составляющую того же вида, которая включает только одно обстоятельство, а в (8в) — вовсе не включает обстоятельств, а только минимальную («нижнюю») V, т. е. глагол + комплемент. Итак, V как уровень присоединения адъюнктов рекурсивен — он повторяется столько раз, сколько адъюнктов имеет глагольная группа [Haegeman 1994: 87-91]:

(8) *John will read the letters in the garden this afternoon*

a.

V' \Rightarrow *do so*

б.

V' \Rightarrow *do so*

в.

V' \Rightarrow *do so*

г.

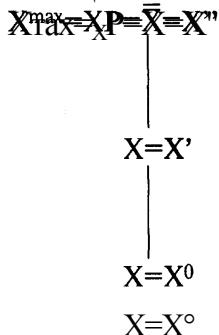
V не может заменяться на *do so*

Различаются 1) адъюнкты к вершине — таково, например, наречие *enough* 'достаточно',ср. *He isn't proud enough of his country* 'Он недостаточно гордится своей страной' и **He isn't proud of his country enough*, где *of his country* — комплемент прилагательного *proud* 'гордый'; поскольку адъюнкт к A' не может «втиснуться» между вершиной и комплементом, остается допустить, что адъюнкция происходит непосредственно к вершине (A); 2) адъюнкты к уровню X', например, большинство обстоятельств, и

Глава XII Теория принципов и параметров

3) адъюнкты к полной фразовой категории - таковы некоторые частицы, например, *even* 'даже', ср. [_{NP} *Even* [_{NP} *the older residents*]} *were surprised* и [_{NP}[_{NP} *The older residents*] even] *were surprised* 'Даже более старые жители были удивлены'; *He was very fond of his sister, and* [_{AP} even [[^] *very fond of his brother*]] *He was very fond of his sister, and* [_{APLPL} *very fond of his brother*] even] 'Он очень любил свою сестру и даже очень любил своего брата'.

Следующий, второй и последний, уровень проекции вершины представляет собой **максимальная проекция**, или X'' . Максимальной проекцией называется самая крупная из тех составляющих, свойства которых определяет вершина; вершина не может «передать» фразообразующие свойства выше максимальной проекции. Максимальной проекцией существительного является (полная) ИГ (NP), максимальной проекцией глагола - глагольная группа (VP) и т. д. X'' (ее обозначают еще X^{tag} или XP) включает в качестве непосредственной составляющей X' :

Было бы неправильным считать, что максимальная проекция, например V - это просто самый «верхний» из V, а именно тот из них, который не доминируется никакой другой проекцией V. В действительности максимальная проекция отличается от уровня V не по порядку, а по свойствам. Возьмем пример, в котором элементом глагольной группы оказывается «главающее» кванторное местоимение *all* 'все', «оторвавшееся» от подлежащего, к которому оно относится по смыслу: (9) a. *The boys have all read the letters in the garden after lunch* 'Мальчики все прочитали письма в саду после обеда', ср. 6. *All the boys have read the letters in the garden after lunch* 'Все мальчики прочитали письма в саду после обеда'. В (96) *all* — очевидное зависимое (определение) в ИГ подлежащего, в (9a) это же местоимение становится частью глагольной группы и вместе с ней подвергается эллиптическому сокращению при переспросе: в. *They have?* 'Прочита-

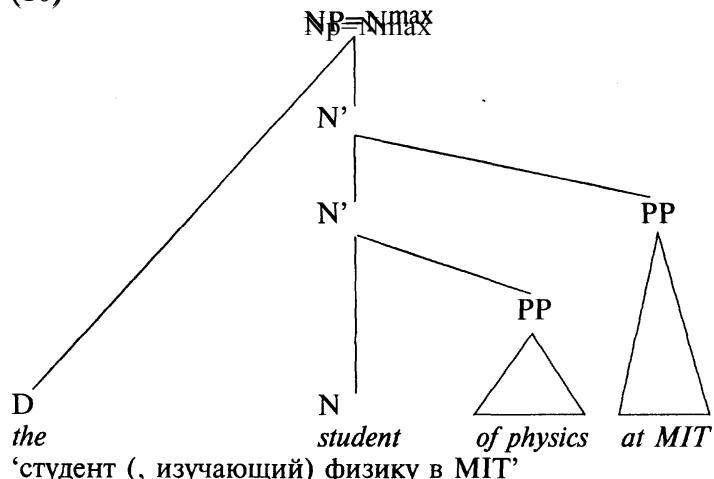
Часть 2. Синтаксические теории

ли?'', причем отделить *all* при эллипсисе невозможно: г. **They have all?* Вместе с тем фразовая категория, включающая в себя *all*, не может подвергнуться замене на проформу *do so*, которая заменяет только меньшую составляющую V: д. *The girls have all done so too* 'Девочки все сделали то же'. Местоимение *all* не является адъюнктом, и оно не рекурсивно, т. е. структурно подобные ему элементы не могут возникать рядом с ним.

Итак, присоединение местоимения *all* изменяет тип фразовой категории (X' на X''). X' -теория предполагает, что все три уровня проекции - нулевой (V), первый (V') и второй (V'' или VP) содержатся в каждой глагольной группе английского языка, даже если в какой-то глагольной группе нет выраженного материала, который можно было бы возвести ко второму или третьему уровням.

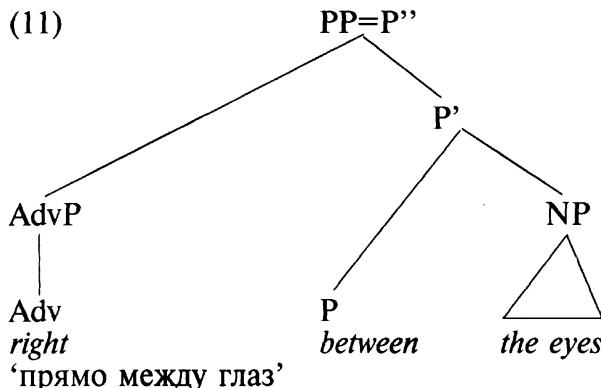
Зависимое, являющееся непосредственной составляющей максимальной проекции вершины, называется **спецификатором**. Спецификатором ИГ считается детерминатор, см. (10), хотя эта точка зрения не общепризнанна в ПГ, спецификатор предложной группы - особое наречие (11), спецификатор группы прилагательного — наречие со значением степени проявления признака (12) [Freidin 1992:41]:

(10)

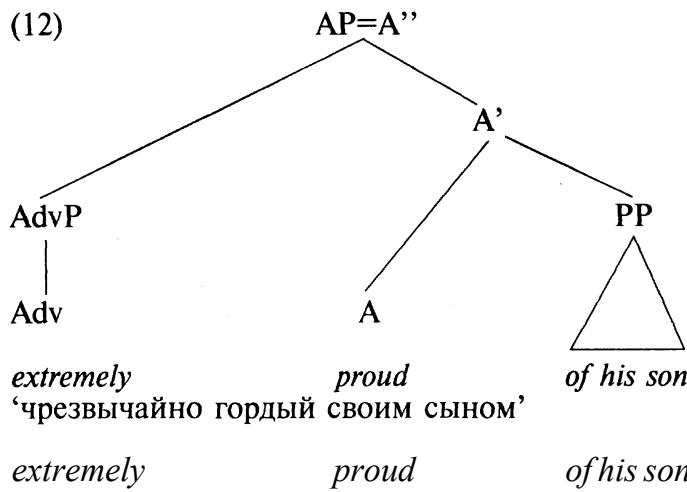

Глава XII. Теория принципов и параметров

(11)

(12)

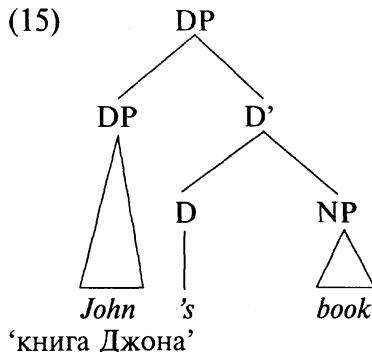
extremely *proud* *of his son*
 'чрезвычайно гордый своим сыном'

Структура группы прилагательного выявляется из способности A' , но не A'' , сочиняться с одним и тем же наречием-спецификатором: (13) *John is [A'] very [A] fond of Mary* and [$_A$ proud of her]] 'Джон очень любит Мэри и гордится ею'; A' , кроме того, способна заменяться на проформу: (14) *John used to be very [A] fond of Mary*, but now he is much A'' less [$_A$ so]] 'Джон очень любил Мэри, но сейчас он гораздо меньше (любит ее)'. Для понимания примеров (13—14) существенно, что предикативное прилагательное *fond* в английском языке имеет значение 'любить'.

В 1987 г. С. Эбни обратил внимание на то, что во многих языках посессивные ИГ и детерминаторы не находятся, в отличие от английского, в дополнительном распределении (**John's the book* 'Джона (опр. арт.) книга'). Он предположил, что детерминаторы возглавляют отдельную максимальную

проекцию — «группа детерминатора» (DP), в которую ИГ входит в качестве комплемента. При этом посессивная ИГ является спецификатором детерминатора [Abney 1987]:

(15)

С помощью этого предположения Эбни удалось объяснить, почему группа (16) [_{DP} *John's* [_{VP} *quietly having read the book*]] 'то, что Джон спокойно прочитал книгу' имеет ту же дистрибуцию, что и ИГ (ср. **It is believed John's quietly having read the book*, но *It is believed that John has quietly read the book* 'Думают, что Джон спокойно прочитал книгу', где (16) запрещено так же, как и обычная ИГ в такой позиции), и, с другой стороны, почему [_{VP} *quietly having read the book*] проявляет свойства глагольной группы, а не N', что ожидалось бы, если бы (16) было ИГ: не изменяется по числу (*... *havings...*), не присоединяет детерминаторов, изменяется по виду и т. п.

Гипотеза Эбни быстро завоевала популярность, и символ DP постепенно стал вытеснять привычное NP в работах по ПГ. Основным недостатком гипотезы Эбни остается, однако, то, что лексические селективные признаки, которые в традиционной версии X'-теории связывают вершины не-посредственно вложенных друг в друга максимальных проекций, в данном случае должны «перешагивать» через уровень DP. Так, глагол *убивать*, требующий одушевленной лексемы в качестве вершины своего комплемента, теперь получает в качестве вершины комплемента не N, а D, т. е. артикль, указательное или притяжательное местоимение, — категорию, на которой признак одушевленности не определен. В этом теория Эбни существенно проигрывает более традиционному анализу, так как в ней потеряно важное

обобщение — соответствие селективных признаков двух лексем и их позиции в синтаксической структуре.

Обратимся теперь к проекциям глагола. Максимальной проекцией для этой части речи в английском языке является не клауза, а особая составляющая, меньшая, чем клауза, — глагольная группа (verb phrase, VP). Аргументы в пользу существования уровня VP, отличного от клаузы S, в английском языке приводились в главе II. Для других языков, в частности, для русского, такой вывод обосновать значительно труднее.

Как помнит читатель, в ПГ было принято выделять три непосредственные составляющие клаузы: ИГ-подлежащее, глагольную группу и Aux (вспомогательный или модальный глагол). Какая из них может рассматриваться в качестве вершины в X'-формате? Ответ напрашивается сам собой: такой вершиной должен быть Aux, так как только эта составляющая представляет собой терминальную категорию (состоит из единственного слова, причем выбирается из конечного списка *can, may, must, shall, have, will...*). Что касается тех предложений, в которых нет лексического элемента Aux: (17) а. *Poirot abandoned the investigation* 'Пуаро бросил расследование', то здесь остается в силе то же решение, которое предусматривалось трансформацией «прыжок аффикса»: в роли Aux выступают показатели финитных категорий глагола.

Рассмотрим предложение (17) б. *Abandon the investigation, Poirot did indeed* 'Пуаро в самом деле бросил расследование', букв. 'Бросить расследование (было) то, что Пуаро сделал в самом деле' и в. *What Poirot did was abandon the investigation* 'Пуаро именно бросил расследование', букв. 'То, что Пуаро сделал, было бросить расследование'. В (17б) глагол *abandon* и его прямое дополнение *investigation* вынесены в начало предложения, но суффикс прошедшего времени *-ed* не затронут этим перемещением и остается при вспомогательном глаголе *do*: *di-d*. (17в) иллюстрирует то же самое явление: глагольная группа *abandon the investigation* 'бросить расследование' отделена от финитного глагола. Эти данные позволяют предположить, что на более абстрактном уровне представления предложения словоизменительный элемент не является частью глагольной группы, но должен порождаться отдельно от нее. Учитывая, что те же значения могут выражаться и лексическими вспомогательными глаголами

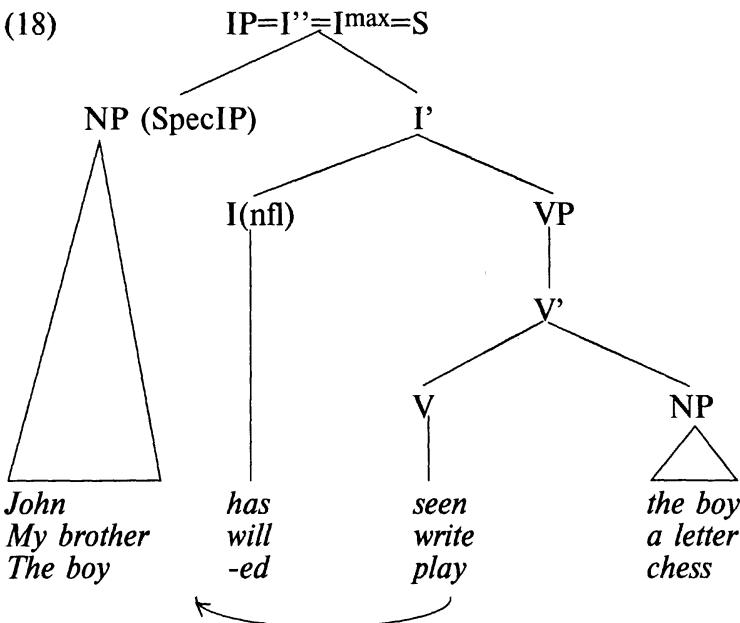
Часть 2. Синтаксические теории

(такими, как *will*), можно допустить, что и Aих, и видо-временные показатели доминируются отдельным терминальным узлом Infl (от *inflection* «словоизменение»), или сокращенно I.

Итак, вершиной клаузы в ПГ считается не глагол (и в этом ее существенное отличие от теньеровского вербоцентризма), а та составляющая, которая является носителем финитных глагольных категорий. Этот вывод несомненно представляет собой формализацию уже знакомой нам идеи о предикативности как конституирующем признаком предложения, см. главу IV: клаузы, обладающие позитивными значениями финитных глагольных категорий, являются финитными, а клаузы, которые принимают негативные значения этих категорий, - нефинитными.

Структура клаузы та же, что и у других максимальных проекций: у нее имеется спецификатор (подлежащее), комплемент (глагольная группа) и могут быть адъюнкты (например, сентенциальные обстоятельства). Таким образом, идея трансформации «прыжка аффикса» приобрела на новом этапе развития ПГ новый смысл: предполагается, что не только лексемы, но и грамматические категории, выражаемые аффиксами, могут возглавлять фразовые категории и получать в них те же два уровня проекции - X' и X". Такие проекции стали называть **нелексическими**. Клауза рассматривается как фразовая категория InflP (= Inflection Phrase), возглавляемая некоторыми словоизменительными категориями финитного глагола, такими, как время и наклонение, которые выражаются либо вспомогательным или модальным глаголом, либо глагольным аффиксом, либо (как мы видели в главе V 1.5), нулем. Соответствующая терминальная категория была названа Infl (сокращенно I). У Infl имеется и первый уровень проекции — Г, который не включает спецификатора (т. е. подлежащего). Спецификатор в ПГ обозначается как Spec, иногда с последующим уточнением категории той максимальной проекции, в которую он входит (SpecIP, SpecNP и т. п.). Трансформация «прыжок аффикса», присоединяющая фонетически несамостоятельный Infl-аффикс к глагольной основе, теперь стала рассматриваться как частный случай трансформации передвижения - глагол (V), вершина глагольной группы (VP), передвигается в узел Infl и присоединяется путем адъюнкции к находящемуся там аффиксу:

(18)

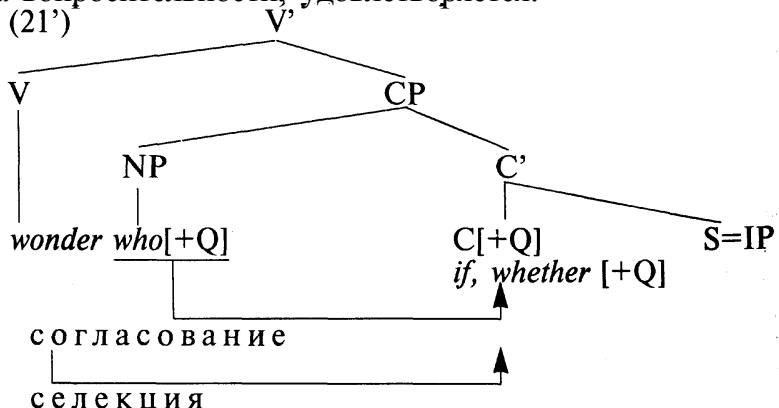

Еще одной терминальной категорией, объединяющей как лексические, так и нелексические элементы, является категория подчинительного союза, или **комplementайзера** (complementizer), сокращенно С. Достаточно очевидно, что подчинительный союз возглавляет придаточное предложение и что его комплементом следует считать IP (клаузу). Таким образом, ясно устройство первого уровня проекций (С), но как выглядит второй уровень (С'') и какая единица является спецификатором этого уровня?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, обратим еще раз внимание на то, что вершина некоторого словосочетания и вершина его комплемента связаны селективными признаками. Так, глагол (переходный или непереходный) требует (или соответственно не требует) дополнения с определенными свойствами (допустим, одушевленного). Но одушевленность ИГ-дополнения следует из одушевленности ее вершины — существительного. Таким же образом существительное или предлог требуют, чтобы вершина их ИГ-комплемента обладала определенными грамматическими свойствами и т. д. Видно также, что некоторые матричные глаголы накладывают селективные ограничения на подчинительный союз: (19) а. *I believe that John talked to Mary* 'Я думаю, что Джон говорил с Мэри'; б. */believe

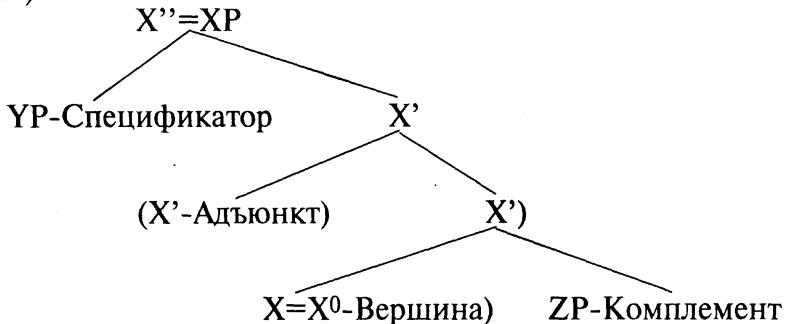
whether (if) *John talked to Mary*; (20) a. / wonder whether (if) *John talked to Mary* 'Я не знаю, говорил ли Джон с Мэри'; б. */ wonder that *John talked to Mary*. Глаголы типа *wonder* 'сомневаться' или *ask* 'спрашивать' требуют вопросительных союзов // или *whether* 'ли', а глаголы типа *believe* или *think* 'думать' — обычного подчинительного союза *that*. Этого факта достаточно для предположения, что подчинительный союз образует вершину комплемента матричного глагола. И *whether*, и // 'ли' являются комплементайзерами, и они принимают положительное значение селективного признака [+Q] «вопросительность», отличное от отрицательного значения того же признака [—Q], которое принимает невопросительный союз *that* 'что'.

Признак вопросительности принимает положительное значение при косвенных вопросах и тогда, когда комплементайзера нет. В таком случае вместо вершины-союза выступает ее зависимое — вопросительная группа, которая и согласуется с вершиной по требуемому признаку: (21) *I wonder who talked to Mary* 'Я не знаю, кто говорил с Мэри'. Зависимым, которое согласуется с вершиной по признаку вопросительности, должен быть спецификатор. Согласование грамматических признаков между спецификатором и вершиной (Spec-Head agreement) — широко распространенное явление, например, согласование между подлежащим и финитным глаголом. Поскольку в (21) выраженного комплементайзера нет, остается предположить, что он нулевой, однако обладающий признаком [+Q]. Таким образом, селективный признак глагола *wonder*, требующий, чтобы вершина его комплемента обладала положительным значением признака вопросительности, удовлетворяется:

Таким образом, матричный глагол (V) и комплémentайзер (C) связаны отношением лексической селекции, а фразовая категория (вопросительная группа) и комплémentайзер — отношением согласования. В ПГ принимается, что передвинутая влево вопросительная группа занимает позицию спецификатора в максимальной проекции комплémentайзера (CP), или, другими словами, CP - **точка приземления** (*landing site*) вопросительной группы. В итоге возникает тождество структуры всех фразовых категорий (вершина — комплément — спецификатор — адъюнкт) или, как это называется в ПГ, **межкатегориальная симметрия**. Фразовые категории принимают единый вид — **X'-формат** (в скобках показан факультативный элемент фразовой категории XP - адъюнкт к уровню X'):

(22)

Итак, базовый компонент раннего генеративизма — правила грамматики составляющих — больше не нужен. Д-структура строится из единиц словаря с применением X'-формата и селективных признаков лексем, которые указывают, какие виды составляющих построены правильно (т. е. удовлетворяют X'-формату и селективным признакам), а какие — нет.

Хотя признано, что общая схема (22) универсальна, линейный порядок составляющих по отношению к вершине универсально не фиксирован. Предполагается, что в языках правого ветвления (английский, русский, арабский,...) комплément последовательно занимает позицию правее вершины, а в языках левого ветвления (японский, грузинский, турецкий,...) комплément последовательно занимает позицию левее вершины. Этот параметр, принимающий два значения

Часть 2. Синтаксические теории

(комплемент левее vs. правее вершины), называется в ПГ **параметром вершины** (head parameter).

X'-теория представляет собой глубокое и содержательное обобщение над структурой фразовых категорий в английском языке. Однако то, насколько убедительно выглядят ее положения на материале многих других языков (например русского), остается спорным.

3. Теория ограничения и принцип прилегания

Проблематика теории ограничения - та же, которой занимался в своей диссертации Росс [Ross 1986 (1967)]: выяснение контекстных условий применимости трансформаций, связанных с передвижениями составляющих.

Обратимся вначале к передвижению вопросительных групп. Выше было установлено, что точка приземления вопросительной группы — это спецификатор СР. **Исходной точкой** (movement site) передвижения вопросительной группы является позиция, занимаемая соответствующей невопросительной составляющей.

Позиция передвинутой составляющей в ПГ не уничтожается: на ее месте остается фонологически пустая категория — след (trace), сокращенно t. Подробную аргументацию в пользу существования следов мы приводить не будем, а ограничимся указанием на важнейший принцип ПГ:

(23) **принцип проекции:**

все актантные позиции должны быть заполнены (полными составляющими или следами) на каждом шаге деривации на всех синтаксических уровнях представления предложения.

Под **актантной позицией** (argument position, A-position) имеется в виду узел, находясь в котором ИГ получает тематическую роль от предикатного слова, валентность которого она заполняет. К числу актантных позиций относят и подлежащее, хотя оно получает тематическую роль не от всех глаголов (например, глагол *seem* 'казаться' неспособен присвоить тематическую роль своему подлежащему).

Актантной может быть одна из двух позиций: 1) подлежащее, т. е. ИГ — спецификатор предложения или другой ИГ; 2) комплемент, т. е. максимальная проекция ХР, непосредственно доминируемая первым уровнем проекции Y'.

Все прочие позиции называются неактантными (*A'-positions*, читается «*A-bar positions*»). Из неактантных позиций наиболее важна позиция спецификатора в СР (*SpecCP*), для которой типична функция сентенциального оператора - предикатного выражения (например, вопросительного местоимения), сфера действия которого распространяется на всю клаузу. Таким образом, принцип проекции задает некоторое множество узлов, синтаксически связанных с данной лексемой. Эти узлы обязательно должны быть заполнены на всех синтаксических уровнях представления предложения, т. е. селективные признаки лексемы «проецируются» на все эти уровни.

Одно из следствий принципа проекции - необходимость постулировать фонологически пустое подлежащее *pro* или пустое дополнение для тех языков, в которых оно может оставаться невыраженным, например, итал. *pro ho telefonato 'я (ВСП.1.ЕД) позвонил'*. Из принципа проекции следует также, что, удаляя некоторую составляющую с актантной позиции, трансформация передвижения обязана оставить на ее месте след.

Теперь рассмотрим передвижение вопросительной группы с пересечением более одной границы клаузы, как, например, в предложениях (24) *Who [does John know [Maty admires]]!* '[Про] кого Джон знает, что Мэри восхищается [им]?' или (25) *Which books [did Jill forget [her neighbor had borrowed]]?* '[Про] какие книги Джилл забыла, что ее сосед дал [их] на время?' и т. п. Зная, что правило передвижения вопросительной группы использует в качестве точки приземления СР, можно предположить два возможных пути образования предложений типа (24—25): вопросительная группа сразу, за один шаг, попадает в СР главного предложения (26а), либо она сначала попадает в СР своего придаточного предложения и лишь затем из него продвигается в СР главного (26б). Первый тип передвижения называется долгим (*long movement*), а второй — **циклическим** (*successive cyclic*):

- (26) а. [CP XP [IP ... [CP XP [IP ... [вопросительная группа]]]]]

- б. [CP XP [IP ... [CP XP [IP [вопросительная группа]]]]]

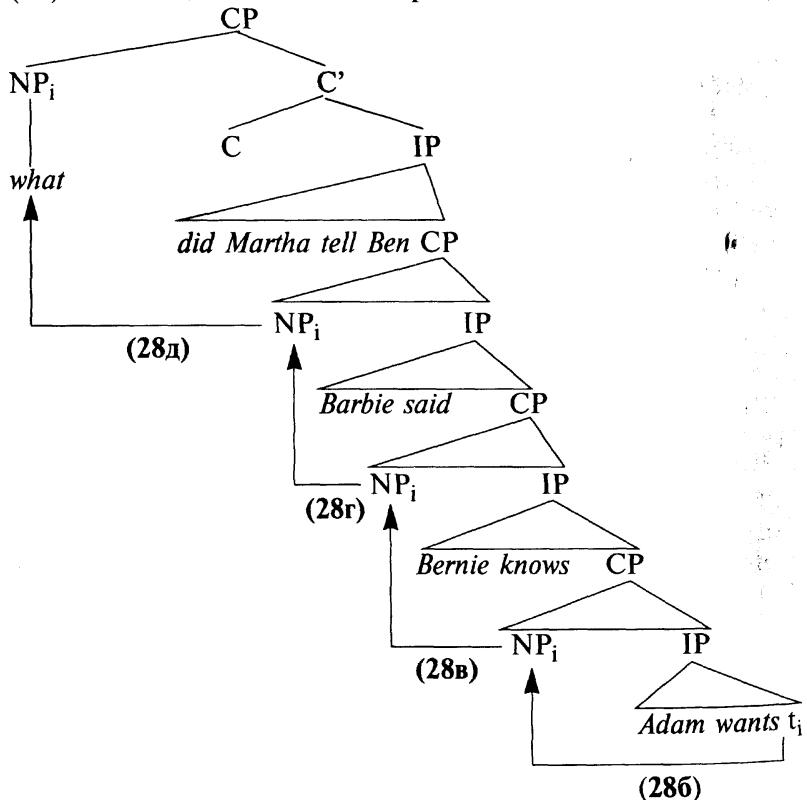

Часть 2. Синтаксические теории

Есть основания считать, что промежуточные точки приземления в каждом отдельном придаточном действитель но доступны для передвижения вопросительных групп и, следовательно, циклическое передвижение принципиально возможно. Об этом говорят, например, предложения (27)

a. *Martha told Ben Barbie said Bernie knows Adam wants what* [Марта сказала Бену, что Барби сказала, что Берни знает, что Адам хочет что?"] Предложение (27a) в принципе допустимо в ситуации переспроса и называется «эхо-вопросом» (echo question). В качестве косвенных вопросов можно использовать б. *Martha told Ben Barbie said Bernie knows what Adam wants*; в. *Martha told Ben Barbie said what Bernie knows Adam wants*; г. *Martha told Ben what Barbie said Bernie knows Adam wants*; обычный вопрос — д. *What did Martha tell Ben Barbie said Bernie knows Adam wants?* или то же в виде дерева [Freidin 1992: 92]:

(28) Схема циклического передвижения

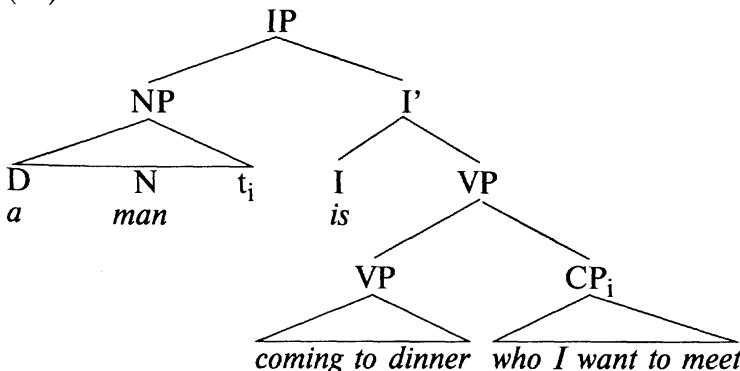
Символом NP_j обозначается ИГ, подвергшаяся передвижению (в данном случае *what*), а знаком t_j, помеченным тем же индексом, — оставленный этой вопросительной группой в исходной позиции след.

Передвижение вопросительной группы, представленное таким образом, т. е. в виде трансформации, образует несколько областей, соответствующих СР. Это продвижение может применяться вначале в области D_{i3} а затем в области D_j, которая включает D_x в качестве составляющей. Правило, которое может применяться несколько раз к результату своего применения способом, затрагивающим последовательно все большие области, называется **циклическим**.

Есть серьезные основания предполагать, что рассматриваемое правило применяется именно циклически. Прежде всего это следует из того, что единичный шаг передвижения в принципе ограничен, как это видно, например, из ограничений Росса. В ПГ принята точка зрения, согласно которой циклическое передвижение не нарушает этих локальных ограничений, так как каждый шаг по отдельности им не противоречит.

Рассмотрим еще одну разновидность передвижения — экстрапозицию относительного придаточного. Относительное придаточное покидает свою ИГ и перемещается на правую периферию предложения (в ПГ это объясняют тем, что придаточное при этом претерпевает адъюнкцию к глагольной группе (VP): (29) а. *A man [who I want to meet] is coming to dinner* "Человек, которого я хочу встретить, придет на обед"; б. *A man is coming to dinner [who I want to meet]* (то же) [Freidin 1992: 97].

(30)

Часть 2. Синтаксические теории

Здесь передвигаемая составляющая обозначена как СР.

Однако, в отличие от вопросительного передвижения влево, передвижение относительного придаточного вправо не циклично — оно ограничено одним шагом: (31) а. [_{Np} *A picture of* [_{NP} *a man* [_{CPi} *who I admire tremendously*]]] *is on the wall* 'Портрет человека, которым [человеком] я безмерно восхищаюсь, висит на стене'; б. *[_{NP} *A picture of* [_{NP} *a man t_i*] *is on the wall*] [_{CPi} *who I admire tremendously*]; в. [_{NP} *A picture of* [_{NP} *a man* [_{CPi} *which I admire tremendously*]]] *is on the wall* 'Портрет человека, которым [портретом] я безмерно восхищаюсь, висит на стене; г. [_{NP} *A picture of* [_{NP} *a man t_i*]] *is on the wall*] [_{CPi} *which I admire tremendously*].

В (31а) относительное придаточное определяет существительное *man* 'человек' (употреблено одушевленное относительное местоимение *who*) и поэтому является составляющей двух различных ИГ, вложенных одна в другую. Пример (31б) показывает, что в этом случае придаточное не может быть подвергнуто экстрапозиции. В (31в) оно определяет существительное *picture* 'портрет' и может подвергнуться экстрапозиции (31г). Таким образом, экстрапозиция придаточного относительного не может пересечь двух границ ИГ — своей собственной и той большей ИГ, в которую она вложена.

Придаточное относительное также не может пересечь одновременно границу собственной ИГ и клаузы, что видно из примеров (73—74) XI главы, которые повторяются здесь как (32) и (33): (32) а. *I gave* [_{NP} *the gun* [_s *which I had cleaned*]] *to my brother*] 'Я отдал ружье, которое я почистил, своему брату'; б. *I gave the gun to my brother* [_s *which I had cleaned*]; (33) а. [_s *That I gave* [_{NP} *the gun* [_{CP} *which I had cleaned*]] *to my brother*]], *was bad* 'То, что отдал ружье, которое я почистил, своему брату, было плохо; б. *[_{CP} *That I gave* [_{NP} *the gun to my brother*]], *was bad* [_s *which I had cleaned*]].

Конечно, островные ограничения следует обобщать не в терминах линейной последовательности, а в терминах иерархической структуры. В 1973 г. Хомский предложил такое обобщение, в котором оказались учтены некоторые из островных ограничений Росса, а также ограничения на экстрапозицию [Chomsky 1973].

Будем называть ИГ (NP) и клаузу (IP) **ограничивающими** категориями, а всякий узел, заполненный одной из этих категорий — **ограничивающим** (bounding node).

Глава XII Теория принципов и параметров

Категория **α** является **прилегающей** (subjacent) по отношению к категории **β**, если ни одна из них не доминирует над Другой и если множество **ограничивающих узлов**, содержащих одну из этих категорий в качестве составляющей, является тождественным тому множеству узлов, которое содержит вторую либо отличается от него не более чем на один ограничивающий узел.

Пользуясь этими определениями, можно сформулировать предложенный Хомским

(34) **Принцип прилегания:**

Ни одно правило не может передвинуть составляющую в неприлегающую позицию.

Сам по себе принцип прилегания считается универсальным, т.е. принадлежащим к универсальной грамматике. Однако множество ограничивающих узлов допускает параметрическое варьирование: оно, как мы увидим, может быть разным в разных языках. В английском языке множество ограничивающих узлов состоит из двух элементов - NP (ИГ) и IP (клауза).

Смысъл принципа прилегания состоит в том, что никакое передвижение не может пересечь более одной границы ИГ или клаузы. Иначе говоря, передвижение не может пересекать две границы ИГ, две границы клаузы, или — в любой последовательности - одну границу ИГ и одну границу клаузы. Принцип прилегания применим к передвижению вопросительных групп, разумеется, только при циклической его трактовке. Вопросительная группа передвигается в позицию СР «своей» клаузы, причем граница самой IP, т. е. клаузы, пересекается, поскольку СР находится вне ее. При каждом следующем шаге (из одного узла СР в другой, «верхний») также пересекается только одна граница IP. Ни при каком отдельном шаге циклического передвижения принцип прилегания не нарушается.

Принцип прилегания охватывает и некоторые из островных ограничений Росса. Например, ограничение сложной ИГ объясняется тем, что при таком передвижении вопросительная группа пересекает за один шаг границу IP относительного придаточного и границу ИГ, в которой это придаточное является определением. Циклическое применение здесь невозможно, так как позиция спецификатора СР в относительном придаточном заполнена относительным местоимением: на эту занятую ступеньку нельзя «наступить», и

поэтому циклическое передвижение блокируется (одна позиция в структуре составляющих не может быть одновременно заполнена двумя разными элементами).

Точно так же принципом прилегания объясняется «вопросительный остров», т. е. невозможность вопросительного передвижения из косвенных вопросов (35) *[_{CP} *Who_x* [_{IP} *does John remember* [_{CP} *what*, [_{IP} *I mentioned* *tj*]]]], букв.: '[Про] кого Джон вспомнил, что [тот] упомянул'. Здесь промежуточное СР заполнено местоимением *what*, а длинное передвижение вопросительного слова единственным шагом в SpecCP главной клаузы пересекает две границы IP, вследствие чего запрещается в силу принципа прилегания².

Есть примеры и того, как принцип прилегания выполняется в случае, когда следует пересечь за один шаг границу двух ИГ. Во французском языке некоторые виды клитик претерпевают обязательное передвижение к финитному глаголу. Такова, например, клитика *en*, которая замещает предложную группу [_{PP} *de ce*], где *de* — предлог со значением принадлежности, а *ce* — анафорическое местоимение со значением 'это'. Клитика может переместиться в позицию адъюнкта к финитному глаголу, если она при этом пересекает не более одной границы ИГ (366), пересечение двух границ ИГ (376) по крайней мере для части носителей неприемлемо: (36) а. *J'ai lu* [_{NP} *la preface* [_{PP} *d'un livre*]] 'Я прочитал предисловие к книге', букв.: 'предисловие книги'; б. *J'en ai lu* [_{NP} *la preface* __] 'Я прочитал предисловие к ней', но: (37) а. *J'ai lu* [_{NP} *la critique de* [_{NP} *la preface* [_{PP} *d'un livre*]]] 'Я прочитал критику на предисловие к книге'; б. **J'en ai lu* [_{NP} *la critique de* [_{NP} *la preface* __]]] 'Я прочитал критику на предисловие к ней'.

Клитика во французском языке не может пересечь даже одну границу клаузы (т. е. ее передвижение ограничено сильней, чем этого требует принцип прилегания): *Pierre croit* [/> que *Marie le connaît* __] 'Пьер думает, что Мари его знает', но **Pierre k croit* [/_ que *Marie connaît* __]. Такое ограничение, впрочем, характерно для клитик.

В итальянском языке множество ограничивающих узлов включает в себя не NP и IP, как в английском, а NP и CP. Это проявляется, например, в том, что в итальянском не

² Естественный путь обойти это ограничение, допустив, что сначала происходит передвижение *who* в СР при главной клаuze, а потом за ним передвигается *what*, должен быть отклонен по другим соображениям, которые мы здесь не будем разбирать, см., например [Казенин, Тестелец 1997: 70].

Глава XII. Теория принципов и параметров

соблюдается островное ограничение на выдвижение из косвенных вопросов: (38) *Tuo fratello, [CP [a cui_x] [IP mi domando [CP [che storie; I_{IP} abbiano raccontato t₃]]] era molto preoccupato* 'Твой брат, которому я не-знаю, какие истории [они] рассказали, был очень огорчен'. Здесь вопросительная предложная группа *a cui'* которому' пересекла хотя и две границы IP, но лишь одну границу CP — следовательно, принцип прилегания с тем значением параметра ограничивающих узлов, которое он принимает для итальянского, не нарушен, и предложение грамматично.

Тот факт, что принцип прилегания в итальянском действует, при этом никак не может быть оспорен,ср., например, «ограничение сложной ИГ»: (39) **tuo fratello, a cui temo la possibilità che abbiano raccontato tutto букв, 'твой брат, которому я боюсь возможности, что [они] всё рассказали'*.

Вернемся к вопросу о том, является ли передвижение вопросительных групп «дальним» или циклическим. До сих пор шла речь о теоретических преимуществах циклической гипотезы: она позволяет устраниТЬ одношаговые дальние передвижения, которые запрещены принципом прилегания. Однако исследование ограничений на передвижение в синтаксисе разных языков показало, что цикличность передвижения вопросительных групп может быть подтверждена и непосредственно наблюдаемыми фактами.

Так, в [Torrego 1984] исследована инверсия подлежащего и сказуемого в испанском языке, которая обязательна в вопросительных предложениях с вопросительной группой:

- (40) а. [CP *En que aula* [IP *esta el profesor*]]
в какой аудитории находится АРТ преподаватель
'В какой аудитории находится преподаватель?'
б. *[cp *En que aula* [IP *el profesor* *estd*]]]
в какой аудитории АРТ преподаватель находится

Пример (40б) показывает, что при передвижении вопросительной группы инверсия обязательна и прямой порядок слов неграмматичен. Рассмотрим далее следующие примеры:

- (41)
а- [cp *con quien* [s *creias tu* [cp *que* [*queria Juan* [cp *que* [§ *hablara Maria*]}]]]]]
с кем думаешь ты что хотел Хуан чтобы поговорила Мария
'Ты думаешь, что Хуан хотел, чтобы Мария с кем поговорила?'

Часть 2. Синтаксические теории

- б. $[\text{CP} \text{ con } \text{quién } [\text{S } \text{creías } \text{tú } [\text{CP} \text{ que } [\text{quería } \underline{\text{Juan}} [\text{CP} \text{ que } [\text{S } \underline{\text{María}} \text{ } \underline{\text{hablará }}]]]]]$
с кем думаешь ты что хотел Хуан чтобы Мария поговорила
- в. $???^*[\text{CP} \text{ con } \text{quién } [\text{S } \text{creías } \text{tú } [\text{CP} \text{ que } [\underline{\text{Juan}} \text{ quería } [\text{CP} \text{ que } [\text{S } \underline{\text{María}} \text{ } \underline{\text{hablará }}]]]]]$
с кем думаешь ты что Хуан хотел чтобы Мария поговорила
- г. $???[\text{CP} \text{ con } \text{quién } [\text{S } \text{creías } \text{tú } [\text{CP} \text{ que } [\underline{\text{Juan}} \text{ quería } [\text{CP} \text{ que } [\text{S } \underline{\text{hablará }} \underline{\text{María}}]]]]]$
с кем думаешь ты что Хуан хотел чтобы поговорила Мария

Примем в качестве рабочей гипотезы, что продвижение вопросительной группы сопровождается инверсией в том СР, в спецификатор которого происходит передвижение. Если же вопросительная группа минует некоторый SpecCP, то в СР инверсии не происходит. В предложении (41а) инверсия осуществлялась во всех СР, поэтому естественно предположить, что произошло последовательное (циклическое) передвижение через каждый SpecCP. В предложении (41б) в наиболее глубоко вложенном СР инверсии не произошло, поэтому можно предположить, что вопросительная группа миновала соответствующий СР и сразу попала в позицию спецификатора второго СР «снизу». Это не нарушает принципа прилегания, потому что в испанском так же, как в итальянском, ограничивающими узлами являются NP и СР, но не IP. Два последних примера (41вг) как раз показывают, что вопросительная группа не может пересечь две границы СР. Неграмматичность (41в) вызвана тем, что инверсия не произошла в обоих вставленных предложениях. Следовательно, вопросительное слово должно было миновать оба цикла и «одним прыжком» пересечь сразу две границы СР. В предложении (41 г) инверсия не произошла лишь в верхнем из двух придаточных; однако и в этом случае вопросительная группа должна была миновать две границы СР при втором цикле передвижения.

В русском или в немецком языках, как принято считать в ПГ, множество ограничивающих узлов включает IP и СР. Это значит, что вопросительное передвижение не допускает перехода из одного СР в другой и эффектов цикличности, подобных тем, которые мы наблюдаем в английском языке, нет.

В действительности в русском языке вопросительная, относительная или топикализованная группа может пересечь две границы клаузы в том случае, если эта группа входит в

сентенциальный актант. Конструкции такого рода исследованы в работе И.Н. Кручининой [1974]. Это явление особенно характерно для разговорной речи: (42) *Куда, ты говоришь, он девался?*; (43) *A на работу она почему-то не очень хочет, чтобы ей звонили*. Однако если даже ограничиться письменностью, по привычке, как заведенные часы, говоря вещи, [CP которым; [IP он и не хотел, [CP чтобы [IP верили t_i]]]]; *Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, как мы улыбаемся, слушая людей*, [CP которых; [IP нам кажется, [CP что [IP мы насквозь видим t_i]]]] («Война и мир»); *Междуд тем уже были усвоены роскошные привычки жизни*, [CP от которых [IP он считал, [CP что [IP не может отвыкнуть]]]] («Воскресение»); ср. еще (45) [CP У меня [IP отгадай, [CP кто [IP теперь остановился]]]] бушикин — Н.Н. Пушкиной, 3 июня 1834 г.). Таким образом, ограничения на передвижение вопросительных, относительных и топикализированных групп в русском языке никак не могут быть сведены к одному принципу прилегания.

4. Теория передвижений и «передвинь а»

В теории принципов и параметров от всего богатства трансформационных правил ранней ПГ осталась лишь трансформация передвижения. Все прочие трансформации устранины либо в силу действия лексикалистского принципа («никакая трансформация не может заменить одну лексему на другую»), либо путем разработки общих ограничений на трансформации. Специфика каждой трансформации, связанной с передвижением составляющих, свелась к выяснению различных условий, при которых составляющие могут быть передвинуты, и если могут, то в какую позицию. Сама трансформация передвижения приняла следующий вид:

(46) **передвинь а,**

где а - любая составляющая.

(46) напоминает такое изложение правил игры в шахматы, которое бы было сведено к единственному правилу «Передвинь фигуру или пешку», а все остальное сводилось бы к ограничениям (за один ход можно передвинуть только одну фигуру или пешку и только если она стоит на не-

Часть 2. Синтаксические теории

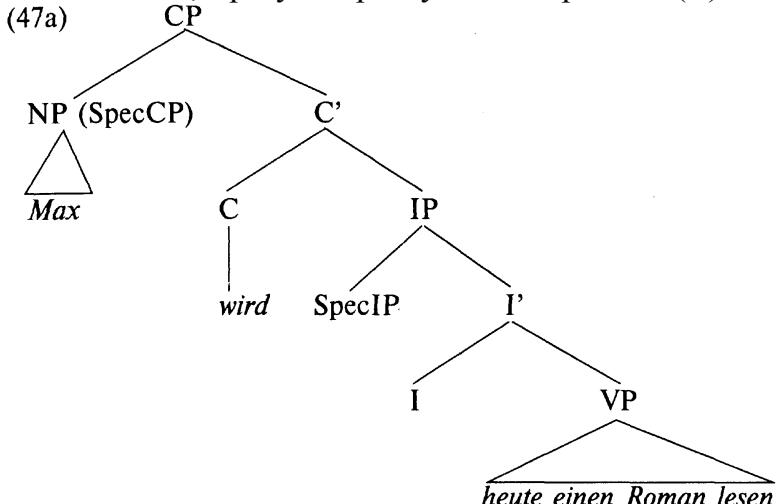
которой клетке, и только на некоторую клетку; слона нельзя передвинуть на такие-то клетки, а коня - на такие-то) и к условиям (если на доступной клетке стоит фигура или пешка противника, то она снимается с доски) и т. д. Несмотря на то, что обычные описания правил игры содержат некоторые ограничения, излагать все шахматные правила таким способом неудобно. Однако основные положения синтаксической теории, как полагают сторонники ПГ, наиболее адекватно могут быть выражены именно в форме ограничений.

Одним из ограничений на передвижение является то, что оно может происходить либо в незаполненную позицию (точнее, заполненную фонологически пустым элементом), либо присоединять передвигаемую составляющую к другой составляющей путем адъюнкции. При этом адъюнкцию к терминальной категории может претерпевать только терминальная категория, а адъюнкцию к фразовой категории - только фразовая.

Адъюнкция одной терминальной категории к другой происходит при **передвижении вершины** (head movement). Мишенью этой трансформации может быть только позиция другой вершины.

В большинстве германских языков, например, в немецком и голландском, порядок слов в главном и придаточном предложениях различен. В придаточном предложении финитная форма глагола (V) следует за подлежащим и дополнениями, а в главной клаузе она должна следовать за первой фразовой категорией, ср. нем. (47) а. Max wird heute einen Roman lesen 'Макс будет сегодня читать роман'; б. Heute wird Max einen Roman lesen 'Сегодня Макс будет читать роман'; в. Einen Roman wird Max heute lesen 'Роман Макс будет сегодня читать'; г. Was wird Max heute lesen? 'Что будет сегодня читать Макс?'. В первую позицию в предложении (SpecCP; «предфинитная позиция» по С.Н. Кузнецова [1984: 194]) могут передвигаться различные фразовые категории, а не почти только одни вопросительные группы (47г), как в английском языке. Вторая позиция (в терминах С.Н. Кузнецова, «финитная») неизменно занята финитным глаголом. В придаточном предложении он находится на последнем месте: д. *Ich weiß, dass Max einen Roman lesen wird* 'Я знаю, что сегодня Макс будет читать роман'. В ПГ принятая точка зрения, согласно которой как главное, так и придаточное предложение имеют одинаковый порядок составляющих в Д-структуре, а трансформация передвижения перемещает в СР

главного предложения одну из фразовых составляющих и финитный глагол. При этом фразовая составляющая может попасть только в позицию фразовой составляющей, т. е. в спецификатор, а финитный глагол (I), будучи вершиной, — только в позицию, предусмотренную для вершины (C):

Согласно теории принципов и параметров, С является узлом, который присутствует во всяком предложении, в том числе и в главном. В позицию С передвигаются вершины категории Infl при вопросительной инверсии: Will he go? 'Пойдет ли он?'. В этой же позиции находятся во многих языках и частицы общего вопроса или восклицания [Radford 1988: 296-297]:

- (48) латыш. Vai mate maja? 'Дома ли мать?';
 эстон. Kas suitsetate? 'Куришь ли ты?';
 перс. Aya AH ketab daradit 'Есть ли книги у Али?';
 польск. Czy zamykacie okna! 'Закрываете ли вы окна?';
 нем. Ob sie den Wagen verkauft hat? 'Продала ли она машину?';
 франц. Qu'elle est bavardel 'Как она болтлива!';
 араб. Чнна Iwalada qad taraka Ibayta 'Именно мальчик ушел из дома'.

В [Fiengo 1977] отмечена важная особенность всех известных передвижений: «точка приземления», в которую передвигается составляющая, всегда командует «исходной точкой», в которой остается след (о структурном отношении командования составляющих см. в главе II п. 2). При цикли-

ческом передвижении все промежуточные точки приземления также последовательно командуют друг другом. Выражаясь неформально, всякое передвижение может идти только «вверх» — в командующую позицию.

5. Теория Падежа

Теория (абстрактного) Падежа - раздел порождающей грамматики, в котором исследуются закономерности распределения ИГ в зависимости от их синтаксической позиции. Основная идея теории Падежа, восходящая к обобщениям традиционной грамматики, заключается в том, что структурная позиция ИГ должна быть синтаксически маркирована. В некоторых языках, например, в русском или латинском, это маркирование имеет форму морфологического падежа. Так, им. п. обычно обозначает подлежащее, вин. п. оформляет прямое дополнение, дат. п. — непрямое дополнение (косвенное со значением адресата), род. п. обозначает посессора, твор. п. — инструмент, а предл. п. употребляется с предлогами.

ПГ унаследовала от структурализма представление о том, что функция грамматических единиц сводится к их структуре. Так, например, традиционная идея, что вин. п. — падеж прямого дополнения, может быть переформулирована, например, так: вин. п. — падеж комплемента глагола (в смысле X'-теории). В более общей форме можно предположить, что структурная позиция ИГ должна соответствовать ее определенному морфологическому оформлению.

Многие языки ведут себя в этом отношении как русский и латинский - все древние индоевропейские языки, включая греческий и санскрит, немецкий, древнеанглийский, финский, венгерский, баскский, эскимосский, грузинский, литературный арабский, большинство австралийских языков и др. В английском языке только некоторые местоимения различают падежные формы. Нет падежей во французском (кроме форм местоименных клитик), китайском, вьетнамском, тайском и в креольских языках. В ПГ считается, что морфологический падеж — параметр, поскольку в некоторых языках он есть, а в других — нет, но маркирование грамматических функций синтаксическим падежом отражает универсальный принцип. «Синтаксическое

маркирование» попросту означает, что ИГ в определенных синтаксических позициях ассоциируются с определенными функциями, такими, как подлежащее, дополнение и т. д. И наоборот, для того, чтобы выполнить определенную грамматическую функцию, ИГ должна оказаться в определенной синтаксической позиции.

Абстрактный Падеж (обозначается с прописаной буквой: Case) следует отличать от морфологического падежа (с маленькой буквы: case). Абстрактный Падеж — теоретический конструкт, морфологический падеж - одна из словоизменительных категорий имени. Средством выражения абстрактного Падежа могут быть аффиксы морфологического падежа или служебные слова - предлоги (как во французском или гавайском) или послелоги (как в японском или хинди).

Рассмотрим два примера с английским глаголом *believe* 'верить', который может присоединять либо именное (49), либо сентенциальное (50) дополнение: (49) *Everybody believed the rumour* 'Все верили слуху'; (50) *Everybody believed that the rumour was true* 'Все верили, что слух верен'. В пассиве любое из двух дополнений может выступать в качестве подлежащего: (51) [*The rumour*]_i was widely believed t_i 'Слуху повсеместно верили' и (52) [*That the rumour was true*]_i was widely believed t_i 'В то, что слух правдив, повсеместно верили'. Возможен и безличный пассив, при котором сентенциальный актант остается в позиции дополнения, а в позиции подлежащего возникает «пустышка» *it*. (53) *It was widely believed that the rumour was true* 'Повсеместно верили, что слух правдив'. Однако такой же пассив с именным актантом невозможен: (54) * If was widely believed the rumour 'Повсеместно верили слуху'.

Конструкция (54) не нарушает принципа проекции, так как ИГ *the rumour* находится именно там, где и должна находиться - в позиции дополнения (комплемента) глагола *believe*, актантом которого она является. Однако должно существовать какое-то препятствие, мешающее ей там находиться. Очевидно, оно как-то связано с различием ИГ и Кла-Уз — в (53) сентенциальное дополнение в той же позиции допустимо. Теория Падежа предполагает, что всякая ИГ должна получить падеж от управляющего слова. Пассивная словоформа глагола не обладает способностью приписывать падеж своему дополнению. Поэтому ИГ, которая при пассив-

ной словоформе глагола занимает позицию комплемента перемещается в пустую позицию подлежащего и получает там им. п. от пассивной словоформы. «Задержаться» в позиции дополнения при пассиве, как это мы видим в (53), ИГ не может.

Другой тип актантных позиций, в которых не может выступать непустая ИГ, - позиция PRO при инфинитивах (**Маша убедила Иван уйти*) или в деепричастных оборотах (**Иван войдя, он поздоровался*). Если подлежащее при инфинитиве может быть выражено, оно стоит в косвенном падеже (*Ивану уйти?*) или, как в английском языке, употребляется с предлогом *for*. [*For Mary to have gotten this job*] was illegal То, что Мэри получила эту работу, было незаконно', ср. *[*Mary to have gotten this job*] was illegal. Таким образом, запреты, о которых сейчас идет речь, касаются не просто ИГ, но непустых ИГ. Значит, есть свойство, отличающее именно фонетически полные ИГ и препятствующее их появлению в рассматриваемых контекстах. В ПГ таким свойством считается именно Падеж — признак, который должен характеризовать всякую фонетически выраженную ИГ, но который ИГ может получить не во всякой позиции.

Теория Падежа в ПГ возникла в результате изучения таких позиций, в которых фонологически выраженные ИГ невозможны, хотя невыраженные (фонологически пустые, или нулевые, например PRO) в них допустимы. Было высказано предположение, что нулевые ИГ, в отличие от ненулевых, не нуждаются в Падеже и возникают именно в тех позициях, в которых признак Падежа не может быть присвоен. Ключевое значение имела позиция подлежащего при инфинитивном обороте. Подлежащее при инфинитиве не может быть выражено, если инфинитивный оборот выступает как комплемент существительного (55) **План Саши [Маша ј Маше продать квартиру]* (ср. союзную инфинитивную конструкцию, где ИГ в дативе может быть подлежащим: ... чтобы *Маше продать квартиру*] как подлежащее в им. п. (56) *[*Саша отдыхать на море*] хорошо и как актант матричных глаголов (57) **Отец попытался [Сережа поступить в институт]*.

Возникает вопрос, почему PRO обладает столь своеобразной дистрибуцией, т. е. при инфинитиве может выступать только как подлежащее, а подлежащие при инфинитиве в большинстве случаев типа (55-57) могут быть выражены только PRO? Если в неграмматичные английские пред-

ложении типа (58) **He \!\\ him to strike her would surprise me* 'Меля бы удивило, если бы он ударил ее' добавить предлог *for*, то они становятся грамматичными: (59) *For him to strike her would surprise me*. Причина усматривается здесь в том, что предлог, в отличие от инфинитива, образует с ИГ подлежащего такую синтаксическую структуру, которая позволяет подлежащему приобрести форму падежа. В таком случае говорится, что ИГ получает падеж от предлога, а предлог **присваивает** (assigns) падеж ИГ. Невозможность появления выраженного подлежащего объясняется тем, что инфинитив (так же, как и другие нефинитные формы) не в состоянии присваивать им. п. Далее действует принцип, который называется

(60) **фильтр Падежа** (Case Filter):

всякой фонологически выраженной ИГ должен быть присвоен Падеж.

Подлежащему инфинитивного оборота Падеж подлежащего (именительный) не может быть присвоен, и в этой позиции возникает нулевой элемент PRO, который не нуждается в Падеже.

Какие грамматические элементы способны присваивать Падеж? Это глаголы (присваивают Падеж своим дополнениям), предлоги и финитные вершины категории Infl (присваивают значение им. п. подлежащему). Нефинитные вершины Infl (такие, как *to* в инфинитивной конструкции) присвоить Падеж подлежащему не могут.

Наиболее интересный аспект теории Падежа в ПГ — попытка ограничить и обобщить те условия, при которых осуществляется или не осуществляется присваивание падежа, т. е. правила управления. Являются ли правила управления бесконечно разнообразными в разных языках, или языки производят выбор из некоторого строго ограниченного множества доступных возможностей? Всякая ли лексема в языке может в принципе присваивать любой падеж любой ИГ?

Условием присваивания падежа является **управление**. Этот термин, один из центральных в теории принципов и параметров, заимствован ПГ из традиционной грамматики, однако значительно переосмыслен. Управлением в ПГ называется некое структурное отношение между вершиной X и фразовой категорией YP, причем X может присвоить Падеж именной группе NP только в том случае, если это отноше-

Часть 2. Синтаксические теории

ние налицо. Так ПГ пытается обобщить те ситуации, в которых присваиваются **синтаксические падежи** (т. е. падежи, появление которых обусловлено синтаксическим контекстом ИГ, а не непосредственно семантикой).

В ПГ предлагалось много различных, хотя и близких пониманий управления. Приведем наиболее простой вариант этого понятия. Будем говорить, что вершина X **управляет** фразовой категорией YP, если X и YP входят в одну и ту же максимальную проекцию и между ними нет границы никакой максимальной проекции.

Так, например, глагол (V) входит в одну максимальную проекцию с ИГ своего дополнения (NP), и эта проекция - VP. Между ними нет границы никакой другой максимальной проекции. Однако хотя глагол входит в общую максимальную проекцию с ИГ подлежащего (этой проекцией является IP), между ними проходит граница другой максимальной проекции (VP). Поэтому глагол не управляет своим подлежащим и не может присваивать ему Падеж.

Если именной группе присваивается некий абстрактный Падеж, он может быть реализован или не реализован в зависимости от морфологии конкретного языка. Например, в индоевропейских языках признак Падежа **передается** (percolates) от ИГ ее вершине и одновременно - некоторым зависимым, в результате чего возникает согласование в падеже. Во многих кавказских языках признак Падежа передается только вершине, но не зависимым ИГ; в памирских языках он нередко передается только зависимым, минуя вершину, и т. д. Наконец, в беспадежных языках, таких, как китайский или африкаанс, Падеж никак не реализуется морфологически и либо выражается служебными словами (предлогами), либо вовсе не выражается.

6. Тета-теория

Тета-теорией называется раздел ПГ, в котором исследуются принципы и параметры, регулирующие отношения между предикатами и теми составляющими, которые выражают их participants. Про такие составляющие в ПГ говорится, что им присваиваются **тематические** (= семантические) **роли**: thematic roles, сокращенно th-roles или, в соответствии с чтением начальной греческой буквы *v*, theta-roles

или v -roles «тета-роли», и соответственно, теория таких ролей называется «тета-теория». В ПГ установлению точного инвентаря тематических ролей и их однозначной идентификации для каждой предикатной лексемы не придается большого значения. Достаточной признается уже та информация, что n -местный предикат задает n партиципантов, которым соответствуют тематические роли $v_1 \dots, v_n$. Не важно при этом, какие именно роли, и притом одинаковые или разные, приписываются, например, ИГ в предложении (61) *Он вылил воду из лейки на клумбу; Он вылил лейку воды на клумбу; Он пролил клумбу водой из лейки*, и т. п.

Тета-теория требует, чтобы все составляющие — носители тематических ролей — должны быть реализованы в синтаксической структуре. Основным утверждением тета-теории является «тета-критерий» (Theta-criterion):

(62) **тета-критерий:**

каждая тематическая роль приписывается ровно одному актанту, и каждый актант получает ровно одну тематическую роль.

Позиции, в которых актант получает тематическую роль, называют **тета-позициями** (v -positions), а позиции, в которых актант ее не получает, **не-тета-позициями** (поп- Φ -positions).

Последствия тета-критерия в языке настолько всеобщи и очевидны, что на них довольно трудно обратить внимание. Этот принцип объясняет «само собой разумеющиеся» факты, которые, однако, невозможно объяснить ни из каких других независимых принципов строения языка. Тета-критерий призван объяснить структуру субкатегориальных схем. В формулировке тета-критерия речь идет об актантах, а не об ИГ, поскольку тематические роли могут получать не только ИГ, но и зависимые клаузы (CP).

Парадигма (63) иллюстрирует действие тета-критерия: (63) а. *Я приехал*, б. **Я приехал собаку*; в. *Я ударил собаку*; г. ?*Я ударил* (в смысле: 'кого-то, неизвестно кого'); д. **Я ударил собаку кошку* (в смысле 'собаку и кошку'); е. **Я ударил* (в смысле 'Я ударил себя'); ж. ??**Небо смеркается*. Предложения (63б—ж) кажутся нелепыми именно потому, что в них нарушен тета-критерий. Тета-критерий настолько важен, что вряд ли человек, сколь угодно плохо знающий русский язык, способен произнести что-то подобное (63б—ж). (63б—ж) показывает, что актант (прямое дополнение), не соответст-

Часть 2. Синтаксические теории

вующий никакой тематической роли, невозможен; (63г) и (63е) возможны только в случае эллиптического сокращения дополнения (актант подразумевается, но не выражен); (63д) неграмматично; в (63ж) глагол, вовсе не имеющий партиципанта, сочетается с ИГ в им. п., которая должна обладать какой-то ролью, а взять эту роль неоткуда, ср. в англ. **The sky is raining.*

Под единственностью тематической роли актанта в ПГ имеется в виду то, что он может получить только одну тематическую роль независимо от того, какое число позиций в структуре этот актант последовательно занимает в случае своего передвижения. Поскольку тета-критерий должен быть выполнен уже на первом уровне деривации, получается, что в соответствии с этим критерием актант может продвигаться только из той позиции, где он получает тематическую роль, в ту, где он ее получить не может. Иными словами, точкой приземления актанта не может быть позиция, в которой присваивается тематическая роль (например, позиция комплемента при глаголе или предлоге). Благодаря этому тета-критерий представляет собой существенное ограничение на допустимые передвижения актантов.

Хомский выделяет особый случай, когда структура составляющих предопределяет тета-маркирование — отношение между вершиной и ее комплементом:

(64) Если β - непосредственная составляющая у, а $y = a'$, то **а** тета-маркирует r в у.

Как быть тогда с такими, казалось бы, явными случаями нарушения тета-критерия, как то, что в раннем генеративизме называлось «подъем подлежащего в позицию дополнения» (Subject-to-Object Raising) в конструкциях с глаголами, присоединяющими вторичное дополнение типа / *believe him to be intelligent* 'Я думаю, что он умен'? В теории принципов и параметров вторичное дополнение считается подлежащим инфинитивного оборота, занимающим ту же позицию, что и PRO: / *believe [IP him to be intelligent]* (в главе VI 3.2 было показано, что вторичное дополнение действительно проявляет много свойств подлежащего). Объясняя тот факт, что падеж (но не тематическая роль) присваивается подлежащему одной клаузы (инфinitивного оборота) глаголом другой клаузы (в данном случае *believe*), Хомский называет эту конструкцию «конструкцией с **исключительным падежным маркированием**» (exceptional case marking). При та-

Глава XII. Теория принципов и параметров

ком падежном маркировании вершина, присваивающая падеж, и ИГ, которой он присваивается, разделены границей клаузы. Это решение, однако, нарушает одно из важнейших свойств падежа - локальность управления.

Еще одну крайне неприятную проблему для тета-критерия представляют случаи актантной деривации - каузативы, аппликативы и т. д. Эти актантные, возникающие «ниоткуда», - предмет особого внимания лингвистов, polemизирующих с ПГ, а тета-критерий в той формулировке, которая принята в ПГ, — постоянная мишень их критики.

Вследствие тета-критерия актант — носитель тематической роли (= тета-маркированный актант) является обязательным, т. е. должен присутствовать в синтаксической структуре хотя бы в виде пустой категории.

Это достаточно очевидно в случае подлежащих: можно легко допустить, что в предложении *Ударил Ивана* есть фонетически не выраженное подлежащее, - хотя бы потому что в нем недвусмысленно обозначается референт агента и налицо согласование в финитном глаголе, которое контролируется подлежащим. В английском языке подлежащее при агентивном глаголе с тем же значением не может быть выражено ни нулем **Hit John*, ни пустым подлежащим **It hit John*. Сложнее обстоит дело с тета-маркированными неподлежащими актантами, так как обосновать наличие нулевого дополнения значительно трудней. При отсутствии выраженного дополнения подразумеваемый актант обычно лишен определенного референта: *Календула помогает от воспаления (больным)*, а при отсутствии выраженного подлежащего - обычно, хотя и не всегда, референтен.

Еще одно важное свойство приписывания тематических ролей заключается в том, что это приписывание совершается локально. Отношение между составляющей, которая приписывает тематическую роль, и ИГ, которая эту роль получает, — наиболее локальное из всех отношений в грамматике: в него обычно вступают составляющие-сестры. Глагол, например, может приписывать тематическую роль своему дополнению в конструкции $ur[V\ NP]$, но не подлежащему своего сентенциального актанта (в конструкции $V\ s[NP\ VP]$). Таким образом, ничего похожего на «исключительное падежное маркирование» в случае приписывания тематических ролей не допускается. Подлежащее отличается от дополнения тем, что получает свою тематическую роль от глагола-сказуемого, находясь вне его максимальной проекции (глагольной группы): $s[NP\ VP]$. Актант, получающий тематическую роль от некоторой вершины, находясь вне ее максимальной проекции, называется **внешним актантом**.

Часть 2. Синтаксические теории

(external argument). Внешним актантом в ПГ считается подлежащее.

Все случаи, когда приписывание тета-роли происходит на большее расстояние, рассматриваются в ПГ как передвижение в не-тета-маркированную позицию. Например, в *John seems to like pizza* 'Кажется, Джон любит пиццу' глагол *seem* 'казаться', имеющий лишь одну сентенциальную валентность, не может присвоить тета-роль своему подлежащему *John*, потому что это подлежащее не соответствует никакому его particипанту. *John* является particипантом сказуемого инфинитивного оборота *like* 'любить' и получает от него тета-роль до передвижения в позицию подлежащего при матричном глаголе *seem*.

7. Теория связывания

Теория связывания содержит принципы и параметры, касающиеся референциальной интерпретации ИГ в связи с их антецедентами. Зависимости некоторых ИГ от их антецедентов подчиняются строгим локальным ограничениям. Так, зависимость возвратного местоимения от его антецедента не может пересечь границу клаузы (65); соответственно некореферентность антецедента с обычным анафорическим местоимением обязательна внутри клаузы, но не при пересечении ее границы (66): (65) а. *Ваня любит себя_i*; б. **Ваня_i думает, что Маша любит себя_i*; (66) а. **Ваня_i любит его_i*; б. *Ваня_i думает, что Маша любит его_i*.

«Стандартная теория» 1960-х годов пыталась трактовать грамматическую анафору так же, как и другие случаи синтагматических зависимостей между дистантно расположеными элементами в составе предложения, т. е. через трансформационные правила — рефлексивизацию и прономинализацию. Правила грамматики составляющих порождали в базовом компоненте структуры с совпадающими ИГ; затем при выполнении определенных условий одна из совпадающих ИГ заменялась на рефлексивное или анафорическое местоимение. Так, прономинализация превращала структуру (67) а. *Mary_x knows that John likes Mary_x* 'Мэри[^] знает, что Джон любит Мэри_i' в б. *Mary[knows that John likes her_x* 'Мэри_i{ знает, что Джон любит ее_i'}, а рефлексивизация, будучи применена к (68) *Ваня_i любит Ваню_i*, превращала его в предложение (65а).

Отказ от трансформационного подхода к грамматической анафоре явился одним из принципиальных нововведений, отличавших лексикализм, возникший в начале 1970-х годов, от предшествовавших версий порождающей грамматики. В предыдущей главе уже говорилось, что «лексикалистская гипотеза» запрещает замену одной лексемы на другую путем трансформации.

Обнаружилась и описательная неадекватность трансформационного подхода к грамматической анафоре. Например, невозможна подстановка полных ИГ-антecedентов в некоторых очевидных случаях синтаксической анафоры типа (69) а. *Each of Mary's sons hated his brothers* 'Каждый из сыновей Мэри ненавидел своих братьев', что в глубинной структуре должно было выглядеть как б. *Each of Mary's sons hated each of Mary's sons' brothers* 'Каждый из сыновей Мэри ненавидел братьев каждого из сыновей Мэри'. Кроме того, был найден «парадокс Баха — Питерса», т. е. невозможность трактовки анафоры через прономинализацию в тех случаях, когда два местоимения вложены в антецеденты друг друга, что неизбежно ведет к их бесконечной рекурсии: (70) [_{NP} *The man who shows he deserves it_j*, _i *will get* [_{NP} *the prize he_x desires*]_j] [_{NP} Человек, который покажет, что он этого; заслуживает] _v получит ту [_{NP} награду, которую Он_i желает]_j [Bach 1970].

Итак, в лексикалистском синтаксисе трансформации, включающие в себя лексические замены (типа прономинализации или рефлексивизации), запрещены, а трактовка синтаксических парадигм, содержащих в себе анафорические элементы, осуществляется применением «фильтрующих» принципов. Эти принципы «забраковывают» как не-грамматические некоторые соотношения таких элементов с их антецедентами. Перед применением «фильтров» к предложениям применяется операция «назначь произвольный индекс» (Index Freely). Суть ее в том, что именные группы помечаются произвольными Референциальными индексами (их роль обычно выполняют латинские подписные индексы, но вместо них могут выступать любые различающие маркеры — например, ИГ можно раскрашивать карандашами разных цветов). В результате применения этой операции каждая ИГ должна быть помечена ровно одним индексом; индексы любых двух ИГ могут совпадать или не совпадать. В процессе логической интерпретации предложения используются универсальные принципы, определяющие допустимые

Часть 2. Синтаксические теории

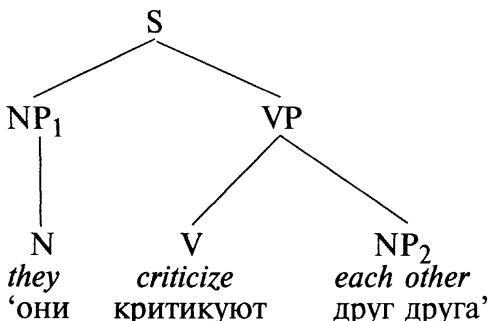
виды соотношений различных видов ИГ с их антецедентами. Предложение с помеченными ИГ, противоречащее какому-либо из этих принципов, «бракуется» как неграмматическое. Например, для предложения (71) *Она знает, что Маша пойдет в кино* логически возможны два способа расстановки индексов: совпадение (71') *Она_i знает, что Маша_i пойдет в кино* и несовпадение (71'') *Она_i знает, что Маша_j пойдет в кино*. Принципы грамматики, выполняющие роль фильтров, должны «отсечь» расстановку индексов (71') как неправильную и признать правильной расстановку (71'').

Ограничения на употребление анафорических местоимений чувствительны не только к границам категорий определенного вида (таких, как клауз). Требуется, кроме того, особое структурное отношение между антецедентом и местоимением, ср. возможность рефлексива в (72) а. *Ваня_i увидел себя_j* и невозможность его в б. **Сестра Вани_i увидела себя_j*, хотя и там, и тут антецедент и местоимение входят в одну и ту же клаузу. После работ Т. Рейнхарт [Reinhart 1981, 1983] для формулировки ограничений на поведение местоимений стало использоваться понятие командования составляющих (c-command), о котором говорилось в главе II п. 2. Для удобства изложения повторим определение командования:

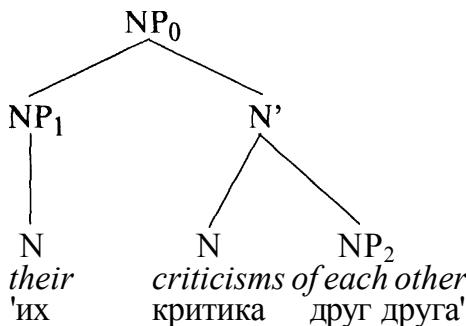
(73) составляющая α **командует** категорией β тогда и только тогда, когда составляющая, которая непосредственно доминирует над α , также доминирует над β , и ни α , ни β не доминируют друг над другом.

Так, для возвратных и взаимных местоимений требуется в пределах содержащего их предложения (или ИГ) не любой антецедент, а только такой, который обладает по отношению к ним структурным приоритетом:

(74) а.

6.

Как в клаузе (74а), так и в ИГ (74б), одна из ИГ, а именно NP_{15} находится в отношении командования к другой — NP_2 . Вследствие этого употребление взаимного местоимения возможно в позиции NP_2 . Однако NP_2 не командует NP_i , поэтому употребление взаимных и возвратных местоимений в позиции NP_i недопустимо: (74) в. **each other (themselves) criticize them* '*друг друга (сами) критикуют их'; (74) г. **each other's (themselves) criticisms of them* "'kritika их со стороны друг друга (себя)'.

Понятие связывания заимствовано ПГ из логики, где связыванием называется функция оператора, превращающая сентенциальную форму в полное высказывание.

ИГ **α** называется **связанной** антецедентом **β**, если **β** командаeт **α** и обе эти ИГ помечены одинаковым Референциальным индексом.

По отношению к связыванию все языковые выражения делятся на три класса: анафоры, прonomиналы и Референциальные выражения. **Анафоры** (anaphors) должны быть связаны в пределах некоторой составляющей, в которую они входят. **Прономиналы** (pronominals) требуют, чтобы в некоторой составляющей они, наоборот, не были связаны. **Референциальные выражения** (referential expressions) вообще не допускают наличия связывающей ИГ ни в какой структурно определяемой области, в которую они входят.

Анафорами являются, в частности, возвратные и взаимные местоимения. Прономиналы — обычные анафорические местоимения, в том числе фонологически пустые актанты (pro). Референциальными выражениями являются полные ИГ. Область, в которой анафор должен иметь антецедент, а прономинал соответственно не должен его иметь, называется **непрозрачной областью** (opacity domain, синонимичный термин — **область связывания**, binding domain). Он-

Часть 2. Синтаксические теории

ределение непрозрачной области выглядит следующим образом:

(75) ос является непрозрачной областью для β , если α — это минимальная ИГ либо минимальная клауза, которая содержит одновременно β и фактор непрозрачности.

Фактором непрозрачности обычно является подлежащее, однако в зависимости от вида конструкции и от конкретного языка им может быть какой-то другой грамматический элемент. Из (75) следует, что **фактор непрозрачности** — это такая языковая единица, наличие которой в некоторой ИГ или в некоторой клаузе превращает ее в непрозрачную область.

Выражаясь неформально, и анафор, и прономинал «ищут» свой антецедент, но при этом прономинал отвергает антецеденты внутри непрозрачной области, а анафор находит свой антецедент именно в ней. Если это «нахождение» в пределах непрозрачной области не удается, т. е. если для анафора подходящего антецедента нет (или, наоборот, он есть для прономинала), то предложение оказывается неграмматичным.

Если, например, устанавливается антецедент для возвратного местоимения (разновидность анафора), то следует последовательно просмотреть ИГ и клаузы, в которые входит это местоимение, «снизу вверх», пока не обнаружится такая минимальная, т. е. первая по порядку при таком просмотре, составляющая категория ИГ (NP) или категории клаузы (IP), в которую входит фактор непрозрачности. Тогда именно в этой ИГ или в этой клаузе и обнаружится командующий антецедент. Если он есть, то предложение грамматично. Если же его нет, то предложение неграмматично, поскольку анафор должен быть связан именно в этой непрозрачной области.

Иначе обстоит дело с прономиналами: в пределах непрозрачной области у прономинала, наоборот, не должно быть командующего антецедента, иначе предложение неграмматично.

Классическая теория связывания в том виде, в котором она сформулирована в [Chomsky 1981], включает в себя три принципа - А, В и С:

А. Анафор связан в своей непрозрачной области.

В. Прономинал свободен (т.е. не связан никаким антецедентом) в своей непрозрачной области.

С. Референциальное выражение свободно.

Рассмотрим применение принципов теории связывания на примере референциальной интерпретации русского предложения (76) *Иван хочет, чтобы Петр пригласил его к себе*. ИГ *Иван*, являясь подлежащим, в силу этого команду-

ет всеми ИГ в (76), а ИГ *Петр* командаeт обеими другими ИГ придаточного предложения. Фактором непрозрачности для русских анафоров и прономиналов является подлежащее; оно же в большинстве случаев является антецедентом для анафоров³.

Из всех теоретически возможных способов расстановки Референциальных индексов мы должны признать неграмматичными *Иван_i ... Петр_j ... его_k ... себе_l*, так как при этом нарушается принцип А теории связывания (возвратное местоимение не связано, т. е. не имеет никакого структурно приоритетного антецедента, помеченного тем же индексом). Интерпретация *Иван ... Петр_x ... его_j ... себе_i* также неграмматична, так как нарушает принцип С (референциальное выражение *Петр* оказывается связанным, так как имеет структурно приоритетный антецедент *Иван* в позиции подлежащего главной клаузы). Наконец, и интерпретация *Иван_i... Петр_j... его_k ... себе_l* запрещается принципом В, так как прономинал *его* оказывается связанным в своей непрозрачной области (зависимой клаузе). Перебирая таким образом все логически возможные наборы референциальной маркировки, мы приходим к двум единственно допустимым в силу принципов А, В и С наборам: (76') *Иван_i хочет, чтобы Петр_j пригласил его_k к себе_j* и (76'') *Иван_i хочет, чтобы Петр_j пригласил его_k к себе_j* что и соответствует фактам русского языка.

Уточним, что в ПГ подлежащим называется ИГ, занимающая позицию спецификатора, т. е. наиболее «высокого» фразового зависимого в максимальной проекции. Благодаря своей позиции спецификатор командует над всем остальным «материалом» своей максимальной проекции. В силу этого определения подлежащее может иметься не только у клаузы, но и у ИГ (ср. совершенно аналогичную позицию ИГ, связывающих взаимное местоимение, в (74аб)). Подлежащее в составе ИГ является для этой ИГ таким же фактором непрозрачности, как и подлежащее для включающей его клаузы: (77) а. *They_x have read [NP books about each other_x]* 'Они читали книги друг про друга'; б. **They_x have read [NP [NP John's] books about each other]_j* 'Они читали книги Джона друг про друга'; в. *John has read [NP [NP their_x] books about each other_x]*

³ Теоретически это не обязательно; более того, случаи неподлежащего антецедента у анафоров фактически возможны в русском языке, ср. (77) *Милиционеры, расспрашивали арестованных, друг о друге,*

Часть 2. Синтаксические теории

'Джон читал их книги друг про друга'. В (77а) фактором непрозрачности выступает подлежащее клаузы, так как подлежащего в ИГ нет, — следовательно, непрозрачной областью является клауза. В (77б) в ИГ есть подлежащее, а именно *John's*; поэтому, ИГ является непрозрачной областью, блокирующей связывание взаимного местоимения подлежащим клаузы, и (77б) неграмматично. В (77в) непрозрачной областью является опять ИГ, но предложение грамматично, так как в непрозрачной области обнаруживается требуемый антецедент.

Благодаря принципу С теории связывания удалось объяснить асимметрии употребления анафорических местоимений типа (78) а. *Маша_i знает, что она_i не сможет сдать экзамен* и б. **Она_i знает, что Маша_i не сможет сдать экзамен*. Тот факт, что полная ИГ в (78а) является антецедентом местоимения, не противоречит ни одному из принципов. Если же местоимение является командующим антецедентом полной ИГ, как в (78б), это противоречит принципу С, что и объясняет неграмматичность (78б).

Параметрическое варьирование принципов теории связывания в основном затрагивает факторы непрозрачности, которые могут быть различными в разных языках. В частности, как установил Г. Раппапорт [Rappaport 1986], различие между русским и английским языком заключается в том, что для английских анафоров фактором непрозрачности является «**доступное**» подлежащее (см. ниже), в то время как для русских рефлексивов — **финитное** подлежащее (т.е. подлежащее при финитном глаголе-сказуемом), а для русских реципроков — любое подлежащее (включая даже агентивные ИГ в косвенных падежах). Рассмотрим эти различия.

Обратим прежде всего внимание на грамматичность английских предложений (79) и (80) и неграмматичность их русских эквивалентов (79') и (80'): (79) *John thinks that a picture of himself will be on the show*, (79') **Иван думает, что своя фотография будет на выставке*; (80) *John knows that an article about himself appeared in the paper*, (80') **Иван знает, что статья о себе появилась в газете*. Причина неграмматичности русских предложений достаточно очевидна: анафор должен быть связан в пределах своей непрозрачной области, т.е. минимальной клаузы (или минимальной ИГ), содержащей подлежащее. Такой минимальной единицей в (79'—80') является придаточное предложение (зависимая клауза): (80') ...

Глава XII. Теория принципов и параметров

[*I_s/NP* статья о себе] появилась в газете] где [*NP* **статья о себе**] — подлежащее. Однако в этой непрозрачной области нет ни одного антецедента, который был бы связан с анафором: ИГ *статья о себе* и *газете* не находятся к ИГ *себе* в отношении командования.

Гораздо сложней определить причину грамматичностиTM английских предложений (79—80): для этого-то и вводится параметр «доступности» подлежащего. Видно, что подлежащее придаточного предложения не является в этих двух случаях фактором непрозрачности, каким оно является в русском языке, так как грамматическое отношение между антецедентом и анафором может пересекать границу придаточного. Остается предположить, что подлежащее в придаточном (79—80) не может быть «полноценным» фактором непрозрачности, оно каким-то образом «испорчено». В самом деле, в теории связывания требуется, чтобы подлежащее как фактор непрозрачности было доступным (*accessible*), т. е. не включало в себя сам анафор. Если же анафор входит в состав подлежащего, то оно построено неправильно («недоступно») и не может функционировать как фактор непрозрачности. Следовательно, придаточное предложение в (79—80) не является непрозрачной областью. В качестве таковой выступает все предложение в целом, так как именно оно является минимальной клаузой, в которой содержится и сам анафор *himself*, и фактор непрозрачности — доступное подлежащее *John*.

В русских предложениях фактор непрозрачности (подлежащее) оказывается налицо. Поэтому требуется, чтобы в непрозрачной области, т.е. в минимальной клаuze, содержащей это подлежащее, командующий антецедент нашелся. Раз его нет, то условие А не выполняется, что и объясняет неграмматичность предложений (79'—80'). В английском языке фактора непрозрачности в придаточном предложении не обнаруживается, поскольку подлежащее не является доступным. Доступное подлежащее обнаруживается в более крупной клаuze. Там же находится и «подходящий» антецедент — в данном случае таким антецедентом является сам фактор непрозрачности, а именно подлежащее главного предложения. Таким образом, условие, сформулированное в принципе А, выполняется, и грамматичность предложений (79—80) получает свое объяснение.

То, что фактором непрозрачности в русском языке является не всякое, а только финитное, подлежащее, было за-

мечено достаточно давно. Еще в работе [Klenin 1974] было обращено внимание на то, что, например, PRO, хотя и являются в русском языке подходящими антецедентами внутри непрозрачной области, не могут быть факторами непрозрачности: (81) *Он попросили журналистов_j [IP PRO, написать о себе_{i;j} статью]*; (82) *Тенерат не разрешиает секретаршу_j [IP PRO_j позволить дворнику_k [IP PRO_k называть себя_{i;j;k} Валей]]* (пример Э. Кленин).

Для реципроков в русском языке фактором непрозрачности является любое подлежащее (фактически даже просто любая агентивная ИГ). Сравним (83) а. *Они_i читали жалобы на себя_i*, б. *Они_i читали жалобы друг на друга_i*, в. *Они_i читали [ИГ мои жалобы на себя_i] и г.* **Они_i читали [ИГ мои жалобы друг на друга_i]*, а также (84) а. *Иван_i читал статью о себе_i*, б. *Они_i читали статью друг о друге_i*, в. *Иван_i читал [ИГ статью Петра о себе]* и г. **Они_i читали [ИГ статьи Петра друг о друге_i]*. Из приведенных примеров видно, что ИГ-подлежащее не является фактором непрозрачности для рефлексивов, но является им для реципроков: неграмматичность примеров (83г—84г) объясняется тем, что наличие подлежащего в ИГ превращает ее в непрозрачную область. Аналогично и подлежащее инфинитива является фактором непрозрачности для реципроков, но не рефлексивов: (85) *Мы_i попросили гостей_j [PRO_j налить себе_{i;j} чаю]*; (86) *Мы_i попросили гостей_j [PRO_j налить друг другу_{j;k} чаю]*.

Если бы подлежащее инфинитива в (86) не было бы фактором непрозрачности для реципрака, то была бы допустима кореферентность ИГ *мы* и *друг другу*. В таком случае предложение (86) могло бы быть понято как 'Одни из нас («первая группа») попросили гостей налить чаю другим из нас («второй группе»), а «вторая группа» попросила гостей налить чаю «первой группе」'. Поскольку подлежащее инфинитива (так же, как и любое подлежащее) является для взаимных местоимений фактором непрозрачности, такая интерпретация недопустима.

Параметрическое варьирование может также затрагивать некоторые элементы определения непрозрачной области. Так, для китайских рефлексивов из этого определения, по-видимому, устраняется требование минимальности области связывания: любое предложение, содержащее подлежа-

⁴ Более точно — агентивная ИГ, входящая в состав другой ИГ, так как на русском материале трудно найти еще какие-то синтаксические аргументы, помимо поведения анафоров, в пользу того, что ИГ *Петра* является спецификатором в ИГ *статья Петра*.

щее, может быть областью связывания для рефлексива. Рефлексив может связываться подлежащим либо главного, либо наиболее глубоко вложенного предложения, в состав которого он входит: (87) Чжансань_i жэнъвэй [Ли_j чжисдао [Вань_k сихуань չзыци_{i/*j/k}]] 'Чжан Сан_i думает, что Ли Сы_j знает, что Ван У_k нравится ему_{i/*j}/себе_k' [Cole, Hermon, Sung 1990].

8. Принцип пустой категории

Принцип пустой категории стоит особняком в теории принципов и параметров - он применяется для объяснения ряда фактов, с которыми не «справляются» другие компоненты теории.

Например, имеется класс своеобразных нарушений принципа прилегания, в которых вопросительная группа пересекает два ограничивающих узла, выдвигаясь из острова косвенного вопроса (из-за этих нарушений конструкция косвенного вопроса носит название **слабого острова** (weak island)): (88) а. *What do [you wonder f_{CP} whether [John [up fixed t]]]]?* букв. 'Что ты не знаешь, починил ли Джон?'; б. **Who do [you wonder [CP whether [t [up fixed the car]]]]!* букв. 'Кто ты не знаешь, починил ли машину?'; в. **How do you wonder [CP whether [John [up fixed the car] / t]]]*, букв. 'Как ты не знаешь, починил ли Джон машину?'; ср. то же в русском: (89) а. *Что ты не знаешь, как починить?* и б. **Как ты не знаешь, что починить?* Выдвигаться из «слабого острова» может дополнение (88а-89а), но не подлежащее (88б) и не обстоятельство-адьюнкт (88в, 89б).

Принцип пустой категории базируется на разграничении трех специфических понятий управления. Кроме общего понятия управления, введенного выше, в ПГ различается **лексическое управление**, когда лексическая вершина управляет своим комплементом, **антecedентное управление**, когда передвинутая составляющая управляет своим ближайшим следом (этот случай не подпадает под определение обычного управления) и **нелексическое управление**, когда нелексическая вершина (например, Infl) управляет своим подлежащим.

Принцип пустой категории — характерный для теории принципов и параметров способ наложить ограничение на трансформацию передвижения путем оговаривания допустимых «последствий» такого передвижения.

(90) Принцип пустой категории (Empty Category Principle, ECP):

всякий след должен быть управляем либо лексически, либо антецедентно.

Предложение (88a), по крайней мере по суждению большей части носителей английского языка, грамматично, потому что след *t* управляет лексически (глаголом *fix*); так же в (89a) след от передвижения дополнения *что* управляет глаголом *знаешь*. В (88б) след управляет только нелексической вершиной Infl, что нарушает принцип пустой категории; в (88в) обстоятельство не управляет никакой лексической вершиной. След от обстоятельства мог бы быть допустим в случае антецедентного управления, как в предложении *How_x did [s John [_{wp}fix the car] t_i]?* 'Как Джон починил машину?', однако в (88в) это невозможно, так как антецедент продвинулся слишком «далеко», и след уже не является ближайшим.

Принцип пустой категории имеет разнообразные применения в ПГ; с его помощью пытались, например, объяснить актантную деривацию [Baker 1988].

9. Логическая форма

Логической формой в ПГ называется уровень представления предложения, который содержит всю грамматическую информацию, необходимую для семантической интерпретации. ЛФ, как и S-структура и D-структура, является синтаксическим, а не семантическим уровнем представления предложения. Его отличие от других синтаксических уровней заключается только в том, что ЛФ наиболее близка к собственно семантическим механизмам интерпретации, которые, по Хомскому, лежат вне грамматики. На уровне ЛФ используются те же единицы и те же структурные отношения, что и в «обычном» синтаксисе. Трансформация передвижения на «пути» от S-структуры к ЛФ производит как бы логическое «редактирование» синтаксических структур. На уровне ЛФ синтаксические отношения между составляющими более точно соответствуют логико-семантическим отношениям между ними, чем это имеет место на других уровнях.

Необходимость особого грамматического уровня, предназначенно для семантической интерпретации, т. е. такого, который поступает «на

Глава XII Теория принципов и параметров

вход» интеллектуальной системы, обеспечивающей понимание предложения, — относительно новая идея в ПГ. В ее ранних вариантах предполагалось, что никакого особого уровня, «отвечающего» за семантику, не требуется. Авторы первых опытов семантической теории в рамках ПГ считали, что глубинная структура достаточно адекватно отражает семантику предложения. Поэтому Хомский [1972 (1965)] вначале поддержал «гипотезу Катца-Постала» [Katz, Postal 1964] о том, что трансформационные операции, производящие поверхностную структуру, не видоизменяют значение предложения (или, если выразиться точнее, ничего не прибавляют и не убавляют из той семантически значимой информации, которая содержится в глубинной синтаксической структуре).

Достаточно пролистать лингвистические журналы второй половины 1960-х годов, чтобы увидеть, до какой степени гипотеза Катца-Постала взбудоражила лингвистический мир в США и в Европе, включая СССР: неужели обнаружены некие «структуры», дающие ключ к тайнам языковой семантики?.. Само таинственно звучавшее выражение «глубинные структуры» (у Хомского оно было чисто техническим термином, обозначающим тот уровень представления предложения, который может быть получен применением одних лишь контекстно-свободных правил) воздействовало на воображение и специалистов, и профанов и порождало курьезные недоразумения. Естественно возникла идея о тождестве глубинной структуры с семантическим представлением. Эта идея положила начало порождающей семантике в США и модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» в СССР.

После нескольких лет бурной полемики в американской лингвистике возобладала точка зрения, что трансформации меняют значение предложений, прежде всего в том, что касается отношений кореферентности местоимений и сферы действия логических слов. В подтверждение этому приводили предложения типа *Несколько кандидатов были выдвинуты всеми институтами vs. Все институты выдвинули нескольких кандидатов*, которые, как впоследствии показали более детальные исследования, различаются не значением, а тем, в каком из двух значений они реально используются в речи. Р. Джэндофф [Jackendoff 1972] предположил, что глубинная структура лишь частично определяет семантику предложения, — например, в том, что касается тематических ролей актантов. Таким образом, семантическая интерпретация должна «считывать» информацию с двух уровней — глубинного и поверхностного.

В середине 1970-х годов возникла теория следов — идея о том, что информация, содержащаяся в глубинной структуре, остается в поверхностной структуре в виде фонетически пустых элементов. Но, если поверхностная структура как бы содержит в себе глубинную в виде следов, она может рассматриваться в качестве единственного источника семантической интерпретации. В конце 1970-х годов, однако, выяснилось, что поверхностную структуру можно значительно «приблизить» к семантике, если дополнительно применить к ней трансформацию передвижения, и были найдены аргументы в пользу существования отдельного уровня ЛФ.

Рассматривая предложение (91) *Кто-то видел каждого из них*, мы замечаем, что ему можно поставить в соответствие две логические интерпретации, которые можно с огрублением представить в следующем виде: (9Г) 'Для всякого у есть такой x, что: x видел у' и (91") Теть такой (единственный) x, что для всех у: x видел у'. ЛФ должна включать указания на **сферу действия** (СД) кванторных местоимений. Предложение с интерпретацией (9 Г) истинно для более широкого класса ситуаций, чем (91").

Можно ли выявить это различие, применив трансформацию передвижения? На уровне ЛФ должно быть достигнуто определенное соотношение между семантическими СД операторов и теми составляющими, которыми они командуют. Поэтому в случае интерпретации (9Г), при которой квантор общности включает в свою сферу действия квантор существования, происходит передвижение местоимения *каждого* в позицию адъюнкта к клаузе, из которой оно командует всеми единицами, входящими в ее СД. Поскольку никакие передвижения на пути к ЛФ от S-структуры не отражаются в фонологической форме, это передвижение не является наблюдаемым: (9 Г) *Каждого из них [кто-то видел t]*. След передвижения t соответствует переменной x, связываемой квантором. Должно быть интерпретировано и второе кванторное местоимение *кто-то*, и с этой целью оно также подвергается адъюнкции к клаузе (IP), но ниже местоимения *каждого* (в соответствии с соотношением их СД в (9Г)): (9Г) *Каждого из них; [кто-то [t_i видел t_j]]*.

В случае (91") такому передвижению подвергаются те же два кванторных местоимения, но располагаются они в обратном порядке, который соответствует другому соотношению СД: (91") *Кто-то [каждого из них; [t_i видел t_j]]*. Итак, применяя трансформацию передвижения дважды, сначала в одном, а потом в другом порядке, получаем две возможные интерпретации предложения (91).

Важной особенностью ПГ является то, что соотношение S-структуры и ЛФ может быть описано в терминах дериваций в принципе таких же, которые наблюдаются в «открытом» (overt) синтаксисе. Таким образом, постулирование особого уровня ЛФ не загромождает теорию дополнительным специфическим компонентом: то же самое единственное трансформационное правило («передвинь а») применяется как при переходе от D-структуры к S-структуре, так и при переходе от S-структуры к ЛФ.

Поскольку на фонологический компонент поступает S-структура, все дальнейшие действия трансформационного компонента, т. е. передвижения, которые происходят «на пути» к ЛФ, никак не отражаются на наблюдаемой фонологической форме предложения. В случае с ЛФ мы имеем дело со «скрытым» (*covert*) синтаксисом, который в отличие от «открытого» (*overt*) синтаксиса передвижений, ведущих к S-структуре, не может быть предметом непосредственного наблюдения.

Рассмотрим некоторые аргументы, которые вынуждают постулировать отдельный уровень **ЛФ**.

Поведение непередвинутых вопросительных групп. Очевидно, что позиция в предложении вопросительных элементов имеет отношение к сфере действия вопроса. Обычная трактовка передвижения вопросительных групп состоит в том, что точкой приземления вопросительной группы считается SpecCP, а в ее исходной позиции остается след, который играет роль переменной вопроса: [CP *What* [IP *did he see x?*]] 'Что он видел?'. Таким образом, синтаксическая конструкция приравнивается к вынесению вопросительного оператора за скобки того выражения, которое он превращает в вопрос.

В работе [Huang 1982] исследовано поведение вопросительных групп в китайском языке. Они не передвигаются, а занимают те позиции в предложениях, которые предусмотрены для соответствующих невопросительных членов предложения, остаются «на месте» или, как, используя латинское выражение, говорят генеративисты, *in situ*. Можно было бы ожидать, что в китайском не наблюдается никаких явлений, сопутствующих передвижению. Однако выяснилось, что это не так. Например, предложение

Часть 2. Синтаксические теории

(92a) [CP шэмэ [IP Чжансань чжисдао [CP [IP Лисы майлэ t_i]]]]
что знает купил

Но если такие скрытые процессы вообще имеют место, то ничто не мешает предположить, что и в (92б) вопросительное местоимение скрыто передвигается в SpecCP придаточного, образовав конструкцию косвенного вопроса с меньшей сферой действия вопросительного слова, чем в (92a):

(92б) Чжансань чжисдао [CP шэмэ [IP Лисы майлэ t_i]]]
знает что купил

С одной стороны, эти скрытые процессы не могли произойти до уровня S-структуры — в таком случае они отразились бы в фонетической форме предложения, что мы и наблюдаем в английских переводах, но не в китайском. С другой стороны, скрытые передвижения приблизили китайский пример (92) к его английским переводам и к тому представлению предложения, когда положение вопросительного слова в структуре составляющих точно соответствует сфере его действия. Отсюда естественно было заключить, что передвижения продолжаются при переходе от S-структуры на особый («правильный» с логико-семантической точки зрения) уровень, которым и была признана ЛФ.

Эффекты принципа пустой категории при отсутствии передвижения. Вспомним, что принцип пустой категории призван объяснить способность дополнений и неспособность подлежащих к выдвижению из «слабых островов»: Что ты не знаешь, как починить! vs. *Как ты не знаешь, что починить? Во французском языке вопросительное слово в придаточном предложении может оставаться *in situ*, если оно — дополнение (93a), но не может, если оно подлежащее (93б): (93) а. *Pierre a dit que Jean a vu qui?* 'Пьер сказал, что Жан видел кого?'; б. **Pierre a dit que qui a vu Jean?* букв. 'Пьер сказал, что кто видел Жана?'.

Китайское предложение

(94) ни сянячжисдао Лисы цзэмэ майлэ шэмэ
ты не знаешь как купил что
содержит два вопросительных слова в придаточном: обстоятельство цзэмэ 'как' и дополнение шэмэ 'что'. (94) может означать 'Про что ты не знаешь, как Лисы купил это?', но никак не *'Как ты не знаешь, что Лисы купил?'.

Таким образом, никаким образом не передвигаясь, вопросительные слова во французском и в китайском

языках демонстрируют очевидные эффекты передвижения. Остается предположить, что передвижения происходят также при переходе от S-структуры на уровень логико-семантического представления.

Явления «переезда». В ПГ много лет обсуждается вопрос о том, почему допустимы предложения типа (95) а. *His_x mother loves John_x* 'Его_i мать любит Джона_i', но не б. **Who_x does his_x mother love i_x*? 'Кто_i любит его_i мать?'. По-видимому, след от вопросительной группы не может располагаться справа от кореферентного ему местоимения. Этот эффект, называемый **«слабым переездом»** (weak crossover), не имеет места, когда кореферентное местоимение располагается справа от следа вопросительной группы: в. *Who_i t_i loves his_x mother?* 'Кто_i любит свою_i мать?'

Выясняется, что «слабый переезд» происходит и с кванторами без наблюдаемого передвижения: (96)

а. *Everyone_x loves his_x mother* 'Всякий любит свою мать', но
б. **His_i mother loves everyone_i*, букв. «Его (своя) мать любит всякого_i. Естественно предположить, что налицо обычный эффект «слабого» переезда, возникающий в результате скрытого передвижения на ЛФ: кванторное местоимение *everyone* занимает позицию в SpecCP, соответствующую сфере его действия:

- (96') а. [cp *Everyone* [IP t_i loves his_i mother]]
б. *[cp *Everyone* [IP his_i mother loves t_i]];

Представление предложения (96б) на уровне ЛФ (96'б) — образцовый случай «слабого переезда».

Рассмотрим еще пример: (97) а. *Письмо, которого ощущалось давно ждал, в конце концов пришло к Ивану*, ИГ он и Ивану могут быть кореферентны, так как не находятся в отношении командования. Рассмотрим теперь предложение б. **Письмо, которого он, давно ждал, в конце концов пришло к Ивану*, в котором ИГ Ивану выделяется сильным контрастивным ударением. Кореферентность двух ИГ в (97б) стала невозможна, и это может быть связано только с изменившимися признаками выделенной ИГ. Однако в собственно синтаксической структуре (97б) как будто ничего не изменилось по сравнению с (97а). Если предположить, что контрастивное выделение сопровождается скрытым передвижением выделенной составляющей, то налицо еще один случай «слабого переезда»: (97б)*Ивану_i [*Письмо, которого он, давно ждал, в конце концов пришло к t_i*]. Ср. (98) Иван_i счита-

Часть 2. Синтаксические теории

ет, что он_i — гений (а не Петр), что дает на уровне ЛФ (98') ИВАН_i [t_i считает, что он_i — гений], где местоимение располагается справа от следа, и «слабого переезда» нет.

«Эффект превосходства». При наличии в предложении двух вопросительных местоимений только одно из них, причем то, которое занимает в структуре более высокое положение, может передвигаться в SpecCP: (99) а. [CP Who_i[_{1P} t_i bought what]]? 'Кто купил что?', но б. *[CP What_j did [_{IP} who buy tj]]?

Контраст (99аб) иллюстрирует асимметрию подлежащего и дополнения, напоминающую проявление принципа пустой категории, но, парадоксальным образом, обратную случаям типа (93—94) - предложение грамматично со следом подлежащего и неграмматично со следом дополнения. Парадоксальность, однако, исчезает, если признать передвижение при переходе на уровень ЛФ. Для этого необходимо допустить, что референциальный индекс SpecCP определяется той вопросительной группой, которая попала туда первой. Первой, естественно, там оказывается вопросительная группа, которая передвигается туда открыто (до уровня S-структуры). В таком случае S-структуры (99а) и (99б) преобразуются соответственно следующим образом:

- (99') а. /what_j; who_i|_i [_{IP} t_i bought tj]
6. /who_i what_j|_j [_{IP} t_i bought tj]

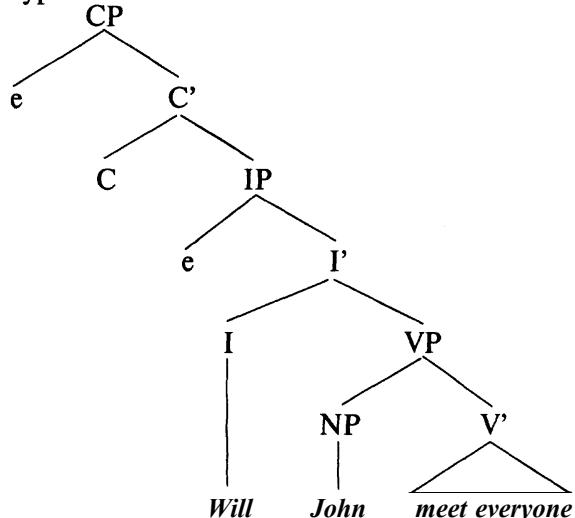
В обоих случаях след дополнения управляет лексически как комплемент переходного глагола, но след подлежащего может управляться только антецедентом. Антецедентное управление возможно в (99'а), так как комплексный антецедент, составленный из двух вопросительных групп, сохраняет индекс той, что была передвинута первой; в (99'а) это индекс подлежащего. В (99'б) антецедентного управления быть не может, так как комплексный антецедент помечен индексом дополнения, которое передвинулось раньше (на стадии «открытых» передвижений). Поэтому (99б) неграмматично в силу принципа пустой категории.

Румынский язык, по-видимому, проявляет эффект превосходства в открытой форме (100) а. *Cine ce cumpara* 'Кто что покупает?', но б. *[*Ce cine cumpara* 'Что кто покупает?' [Hornstein 1995: 16].

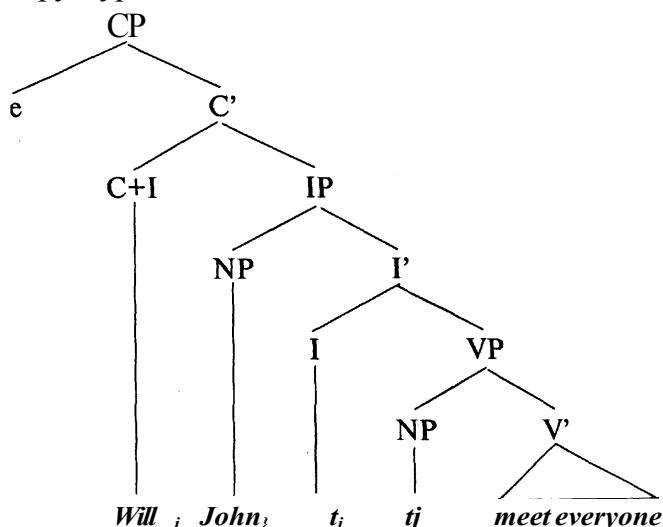
10. Три синтаксических уровня

Представим (в несколько упрощенном виде) предложение английского языка (101) *Will John meet everyone?* 'Встретит ли Джон каждого?' на всех трех уровнях синтаксических уровнях представления, которые допускает теория принципов и параметров:

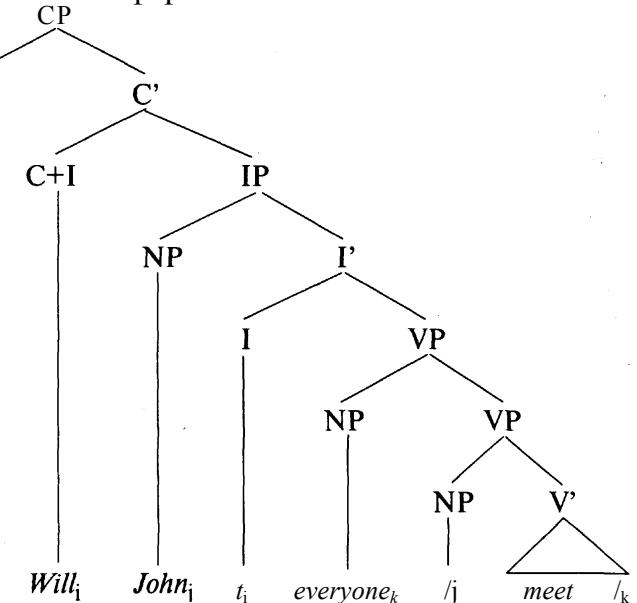
(102) D-структура:

(103) S-структура:

(104) Логическая форма:

На уровне D-структуре определяется предикатно-аргументная структура предложения внутри максимальной проекции глагола (VP). При переходе к S-структуре подлежащее передвигается в позицию SpecIP, а вспомогательный глагол — в C. Переход на уровень ЛФ достигается применением той же трансформации передвижения, причем представление предложение на уровне ЛФ (104) наиболее близко к его семантической структуре, так как кванторное местоимение *everyone* 'всякий' передвинулось в позицию адьюнкта к VP, в которой оно связывает след внутри VP, соответствующий его переменной.

Итак, в теории принципов и параметров имеются три отдельных уровня, каждый из которых фиксирует определенную ступень в деривации предложения. Принципы и параметры, относящиеся к различным модулям теории, применяются главным образом к «готовым» деривациям на каждом из уровней.

Теория принципов и параметров имела в лингвистическом мире огромный успех, больший, чем все предшествующие варианты ПГ. Ее сторонники надеялись и ожидали, что многие фундаментальные проблемы теории грамматики будут убедительно разрешены в ее рамках. Поэтому сообщест-

в генеративистов пришло в немалое замешательство в 1992 г., когда Хомский предложил покончить с трехуровневой композицией грамматики.

Рекомендуемая литература

Помимо учебников ПГ, перечисленных во Введении, и указанной в них литературы, может быть рекомендовано (для более продвинутого читателя) весьма полное изложение проблематики теории принципов и параметров в [Webelhuth (ed.) 1995].

Глава XIII

ПОСЛЕДНИЕ ВАРИАНТЫ ПОРОЖДАЮЩЕЙ ГРАММАТИКИ

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.

О, смертной мысли водомет,
О, водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Ф. Тютчев

Морфологические признаки, образующие группу категорий предикативности начиная с 1989 г. представляются в ПГ не в виде одного узла I(nfl), а в виде последовательности вложенных друг в друга проекций нелексических (= функциональных) признаков (п. 1). Общепринятым в ПГ стал принцип последовательного бинарного ветвления, который требует, чтобы у каждого ветвящегося узла было ровно две дочери. Одно из оснований для такого решения - асимметричное отношение между дополнениями одного глагола-сказуемого (п. 2). В 1992 г. выдвинут новый теоретический вариант ПГ - «минималистская программа», в котором отменены уровни S-структуры и D-структуры, а принципы грамматики представляют в виде ограничений на деривацию. Некоторые из этих ограничений требуют сравнения нескольких возможных дериваций и выбора наиболее «экономичной» из них (п. 3). Проблема языков, обладающих свободным порядком слов, решается в нынешних версиях ПГ путем постулирования большого числа разрешенных передвижений (п. 4). Принцип сравнения нескольких возможных дериваций получил дальнейшую разработку в «теории оптимальности», которая отказалась от идеи ненарушимости ограничений (п. 5). Успех порождающей грамматики проистекает прежде всего из убедительности принципа зависимости правил от структуры. Предопределенная исходными положениями ПГ схема, согласно которой универсалии не могут иметь исключений, лишает ПГ способности учитывать многие важные обобщения, обнаруженные в типологии. Принятая в современных версиях ПГ модель синтаксической структуры делает ее положения непроверяемыми. Автор ПГ Н. Хомский убежден в том, что языковая способность человека уникальна; она коренится в наиболее фунда-

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

ментальных свойствах интеллекта, и ее базовые принципы не отражают потребностей коммуникации (п. 6).

«Архитектура» и некоторые основные положения ПГ в 1990-е годы подверглись существенному пересмотру. Однако все видоизменения, которые претерпевает теория, вызваны настойчивым и последовательным осуществлением некоторых ее основополагающих принципов. По-прежнему в ПГ «все замки открываются одним ключом», т. е. любые сколько-нибудь существенные различия между синтаксическими конструкциями сводятся к различиям в структуре составляющих. Отличие новых вариантов теории состоит в том, что различия в синтаксической структуре рассматриваются как следствия различий в морфологических признаках слов. Н. Хомский и другие теоретики ПГ по-прежнему стремятся уменьшить разнообразие конструкций, предлагая максимально простые универсальные структуры. Однако за такую простоту приходится платить немалую цену: постулируемые абстрактные структуры все меньше похожи на наблюдаемые синтаксические конструкции и скорее принимаются на веру, чем подлежат эмпирической проверке. Граница между гипотезами и фактами, достаточно зыбкая уже в теории принципов и параметров, окончательно упраздняется.

1. Функциональные проекции

В 1989 г. французский генеративист Ж.-И. Поллок [Pollock 1989] обратил внимание на следующие факты английского и французского языков. В финитных предложениях английского языка вспомогательный глагол занимает позицию перед обстоятельством образа действия (последнее входит в глагольную группу, см. главу II 4.2.2): (1) а. *John has often kissed Mary* 'Джон часто целовал Мэри', но полнозначный глагол к выдвижению из глагольной группы неспособен: б. **John kisses often Mary* 'Джон часто целует Мэри'. Во французском языке полнозначный глагол обязательно выдвигается из глагольной группы, предшествуя обстоятельству образа действия: (2) а. *Jean embrasse souvent Marie* 'Жан часто целует Мари', б. **Jean souvent embrasse Marie*. В рамках теории принципов и параметров это можно объяснить тем, что во французском языке, в отличие от англий-

Часть 2. Синтаксические теории

ского, не только вспомогательные, но и полнозначные глаголы передвигаются из V в Infl, «обходя» таким образом обстоятельство образа действия. Передвижение обстоятельств (кроме топикализации) в теории принципов и параметров запрещено, и этот запрет Поллок в своих дальнейших рассуждениях принимает как аксиому.

Обратим внимание на то, что в инфинитивных оборотах передвижение полнозначного глагола во французском необязательно (3) а. **Pierre a peine park Vitalien* 'Пьер с трудом говорит по-итальянски'; б. *a peine parler Vitalien* 'с трудом говорить по-итальянски'; в. *parler a peine Vitalien*, а в английском вовсе невозможно (так же, как и в финитных конструкциях): (4) а. **to speak hardly Italian* 'с трудом говорить по-итальянски', б. *to hardly speak Italian*.

Рассмотрим теперь передвижение глаголов относительно отрицания *pas*, которое Поллок рассматривает как обстоятельство уровня предложения (IP)¹. Вспомогательный финитный глагол обязательно предшествует ему (*Jean n'est pas heureux* 'Жан (есть) не счастлив'), а в инфинитиве может как предшествовать (*n'etre pas heureux* 'не быть счастливым'), так и следовать за ним (*ne pas etre heureux*). Кажется, что поведение отрицания ничем не отличается от поведения обстоятельств образа действия. Однако Поллок обратил внимание на то, что полнозначный глагол в инфинитиве может только следовать за отрицанием (*ne pas sembler heureux* 'не казаться счастливым'), но не предшествовать ему (**ne sembler pas heureux*). Оказывается, что в инфинитиве полнозначный глагол менее подвижен, чем вспомогательный: он может «перешагнуть» через обстоятельство уровня VP типа *a peine* 'с трудом', но не через отрицательное наречие *pas*.

Поллок предположил, что вспомогательный, но не полнозначный, глагол в инфинитиве может «миновать» отрицание и достичь вершины I. При этом полнозначный глагол в инфинитиве передвигается на более короткое расстояние, чем финитный глагол в главном предложении: инфинитив может продвинуться на один шаг, а финитная форма — на два. Но между V и I нет промежуточной вершины, к которой вершина V (глагол в инфинитиве) могла бы передвигаться и присоединиться путем адъюнкции:

¹ Первую часть сложного показателя отрицания во французском *{ne}* Поллок не рассматривает как обстоятельство.

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

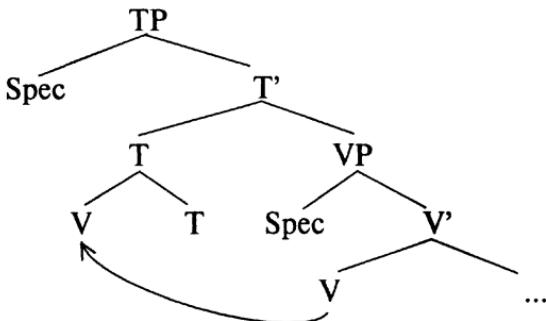
I	Сентенциальное наречие	?	Наречие глагольной группы	V
Вспом. глагол в инфинитиве	<i>pas</i>	Полнознач. или вспом. глагол в инфинитиве	<i>souvent</i>	Полнознач. или вспом. глагол в инфинитиве

Поэтому Поллок предложил не рассматривать I как нечто целое, а разделить ее на две вершины, соответствующие двум грамматическим признакам, - времени [\pm Tense] и согласовательным категориям числа и лица [\pm Agr], причем каждая из этих вершин возглавляет собственную максимальную проекцию. Передвижение глагола (V) может происходить путем адъюнкции к любой из этих вершин. Во французском языке полнозначный глагол в инфинитиве способен «добраться» только до нижнего из этих двух узлов, а глагол в финитной форме — до верхнего узла. В английском языке только вспомогательные глаголы могут пройти весь этот путь.

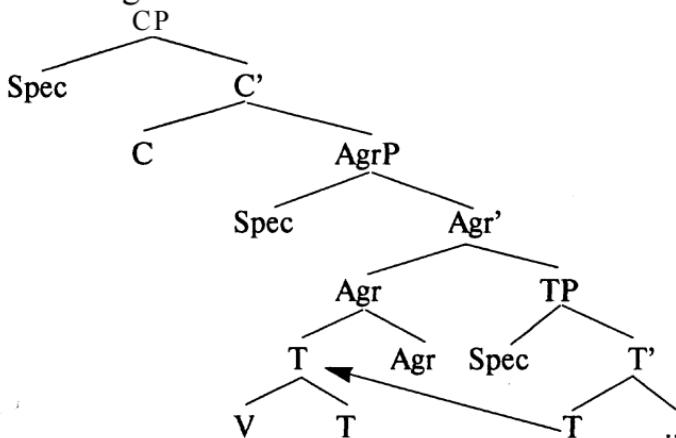
Терминальная категория Agr представляет морфологические признаки глагольного согласования — лицо и число. Эти признаки по своей природе именные, но посредством согласования выражаются и в глаголе. Кроме того, они определяют форму им. п. ИГ-подлежащего, так как оно может быть в им. п., если глагол принимает положительное значение признаков финитности. ИГ-подлежащее порождается в SpecVP и передвигается в позицию спецификатора AgrP, чтобы вступить в отношение согласования с именными признаками вершины Agr (Spec-head agreement). Согласовательные признаки Agr получили в ПГ наименование ф-признаков (phi-features, phi-features).

Глагол порождается как вершина VP. Во французском языке глагол передвигается в Agr через T. При каждом передвижении происходит адъюнкция вершин, так что в Agr попадает уже сложная вершина, состоящая из [_T V[T]]; в результате еще одной адъюнкции вершин («инкорпорации», как ее называют в ПГ) в узле Agr образуется комплекс Ugr[_TV[T]][Agr]]:

(5) Адъюнкция глагола к вершине T

(6) Последующая адъюнкция сложной вершины T
к вершине Agr

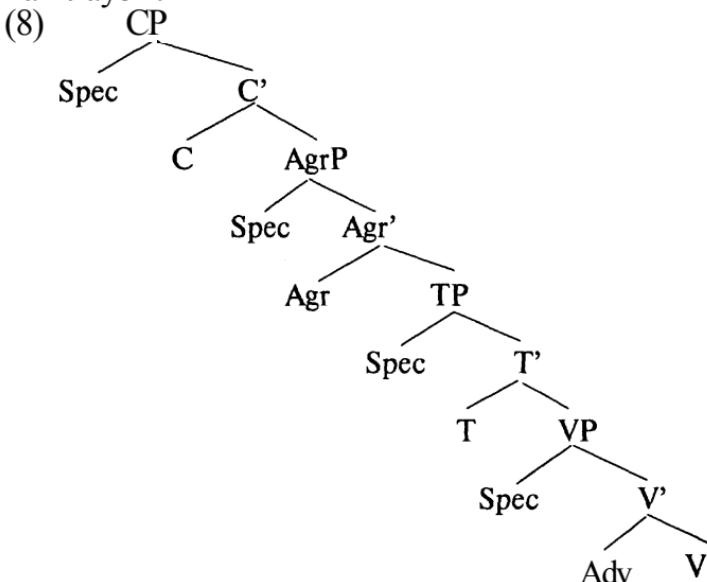
В английском языке знаменательные глаголы остаются в VP, а вспомогательные глаголы передвигаются в узел Agr:

(7) а. *John does not eat any chocolate* 'Джон не ест никакого шоколада'; б. **John eats not any chocolate*; в. *John has not eaten any chocolate* 'Джон не ел никакого шоколада'. Показатель отрицания *not*, как и *pas* во французском, ограничивает позицию Agr от позиций T и V.

Различие между языками Поллок предложил объяснить различиями в их глагольной морфологии. Парадигма настоящего времени правильного глагола включает во французском языке 5 морфологически различных форм, а в английском — только 2. Поэтому Поллок предположил, что английская морфология согласования по лицу и числу является «слабой», а французская — «сильной». Соответственно вер-

шина Agr может быть «сильной» или «слабой», причем только сильный Agr (как во французском) может «притягивать» к себе основу знаменательного глагола.

Несмотря на то что были найдены примечательные факты, несовместимые с теорией Поллоку², в результате обсуждения его работы в ПГ была принята следующая схема устройства клаузы:

Вершины типа Т или Agr, которые не соответствуют каким-либо словоформам или отдельным грамматическим морфемам, а представляют собой абстрактные грамматические признаки, называются **функциональными**. Функциональные вершины, несмотря на свой абстрактный характер, проецируют те же два уровня - X' и X'', что и обычные вершины.

Нефункциональные вершины называются **лексическими**. Они принадлежат к одной из частей речи - N (существительное), V (глагол), A (прилагательное) или P (предлог или послелог). Лексические вершины описывают ситуацию, обозна-

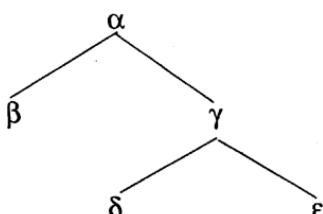
² Например, способность французского инфинитива стоять между двумя наречиями: (i) *Souvent faire mal ses devoirs - c'est stupide* букв. 'Часто исполнять плохо свои обязанности — (это) глупо'. Наречия образа действия *souvent* 'часто' и *mal* 'плохо' могут, согласно Поллоку, быть только адъюнктами к глагольной группе и неспособны передвигаться в пределах клаузы. Если принять эти предположения (а они играют ключевую роль в аргументации Поллока), то между двумя наречиями просто не окажется нужной позиции вершины, в которую мог бы передвинуться инфинитив, и примеры типа (i) объяснить невозможно [Latridou 1990: 567].

ченную предложением и определяют его предикатно-актантную структуру. Всякая лексическая вершина словарно ассоциирована с некоторым множеством актантов, которым она приписывает тематическую роль (агенс, пациент, цель, источник и т. п.); тета-критерий (см. главу XII п. 6) устанавливает взаимно-однозначное соответствие между актантами и тематическими ролями. На реализацию актантов лексической вершины наложено условие локальности, которое требует, чтобы тета-роли приписывались внутри максимальной проекции лексической вершины. Это означает, например, что все актанты глагола (V), которым он приписывает тематические роли, находятся внутри его максимальной проекции VP . Например, глагол *invite* 'приглашать' приписывает тематическую роль агента своему актанту, который находится в позиции $Spec VP$; роль пациента приписывается комплементу глагольной группы — прямому дополнению. Если выясняется, что актант не-которой вершины (например, глагола) оказывается вне ее максимальной проекции, например, ИГ-агент при глаголе *invite* занимает более высокую по сравнению с исходной позицию подлежащего клаузы, т. е. $Spec IP$, это всегда означает, что актант подвергся передвижению.

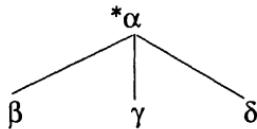
2. Бинарное ветвление и конструкции с несколькими дополнениями

Схема структуры фразовой категории, предлагаемая Х'-теорией, почти последовательно выщерживает принцип **бинарного ветвления**, т. е. наличие ровно двух дочерей у каждого ветвящегося узла в дереве составляющих. С конца 1980-х годов этот принцип стал общепризнанной догмой ПГ: структуры типа (9) признаются допустимыми, а **плоские структуры**, т. е. такие, в которых у одного узла три или более дочерей (10), — недопустимыми:

(9)

(10)

Если синтаксический материал плохо поддается анализу в рамках бинарного ветвления, в ПГ применяют изощренные аналитические методы с целью все-таки «уложить» его в бинарную структуру. Главные трудности, с которыми при этом приходится сталкиваться, представляют две разновидности составляющих, которые не проявляют очевидной структурной асимметрии — сочиненные элементы (дом и сад; Набежали тучи, и пошел дождь) и актанты многоместного глагола (отдал книгу Маше, нам сообщили новости). В отличие от первой проблемы, вторая получила решение, быстро ставшее общепринятым, в статье Р. Ларсона [Larson 1988].

Отправной точкой для рассуждений Ларсона послужил тот факт, что в конструкции с так называемыми «дативными» глаголами (*give* 'давать', *show* 'показывать', *send* 'посылать') и двумя беспредложными дополнениями в английском языке («дативное передвижение», dative shift) типа / *showed Mary a book* 'Я показал Мэри книгу' первое по порядку из двух дополнений обладает явным грамматическим приоритетом над вторым, причем такого рода приоритетом, который в ПГ принято объяснять структурным отношением командования между двумя составляющими. Например, первое дополнение может связывать второе, если последнее выражено анафором (или включает в себя анафор), но не наоборот: (11) а. *I showed Mary herself* 'Я показал Мэри ее саму', но не *б. *I showed herself Mary*, букв. «Я показал ей *само* Мэри»; кванторное местоимение в первом дополнении может связывать обычное местоимение во втором, но не наоборот: (12) а. *I gave every worker³ his_x paycheck* 'Я отдал каждому рабочему_i его_i чек', но не б. **I gave its_i owner every paycheck_i*, букв. «Я дал егоО_i владельцу каждый чек».

Вопросительная группа, которой в D-структуре командует ИГ, содержащая местоимение, не может передвинуться влево через это местоимение, если вопросительная группа и местоимение кореферентны: (13) *V. Who_i does [IP [NP his_i moth-*

³ Наиболее известны асимметрические трактовки сочинения в работах [Каупе 1994] и [Johannessen 1998].

er] [vp see t_i]]?, букв. «Кого_i его_i мать видит?». В (13) передвинутая составляющая командует одновременно собственным следом и местоимением, антецедентом которого является, причем местоимение и след не находятся в отношении командования друг с другом. Такое соотношение вопросительной группы, местоимения и следа, вызывающее неграмматичность предложений типа (13), образует эффект «слабого переезда», о котором см. в главе XII п. 9. «Слабый переезд» наблюдается и в конструкции с двумя дополнениями, только если вопросительная группа соответствует адресатному дополнению: (14) а. *Which man_i did you t_i send his_x paycheck?* 'Какому человеку вы отправили его чек?', но б. **Whose_i paycheck did you send his_i mother t_i?* букв. "Чей чек вы послали его матери"? Пример (14а) показывает, что след вопросительной группы *which man* 'какой человек' командует местоимением, а не местоимение следом; в таких случаях «слабого переезда» не бывает, ср. (13) и (15) *Who_i t_i sees his_i mother!* 'Кто видит свою мать?'.

Далее, «эффекты превосходства» (см. главу XII п. 9) наблюдаются у первого дополнения относительно второго, но не наоборот: (16) а. *Who did you give which paycheck?* 'Кому ты отдал чей чек?', но б. ** Which paycheck did you give who?* букв. «Какой чек ты отдал кому?». Наконец, местоимения «негативной полярности» на *any*-_i, которые требуют командующего отрицания, также свидетельствуют в пользу структурного превосходства первого дополнения: (17) а. */ showed no one anything* 'Я никому ничего не показывал', но б. ** I showed anyone nothing*.

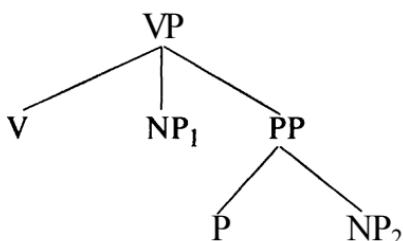
Точно такая же асимметрия проявляется и в конструкциях с обычным косвенным дополнением, оформленным предлогом *to*: (18) а. *I showed Mary to herself* 'Я показал Мэри ей самой'; б. ** / showed herself to Mary* (связывание анафора); (19) а. *I sent every check_x to its_x owner* 'Я отправил каждый чек_x его_x владельцу'; б. *?? I sent his_x paycheck to every worker_x* букв. «Я отправил его_x чек каждому рабочему»; (связывание квантором местоимения); (20) а. *Which check did you send to its owner?* 'Какой чек вы послали его владельцу?'; б. ** Which worker did you send his check to?* 'Какому рабочему вы послали его чек?' («слабый переезд»); (21) а. *Which check did you send to who?* 'Какой чек вы кому послали?'; б. *"Whom did you send which check to?* 'Кому вы послали какой чек?' («эффект превосходства»); (22) а. *I sent no presents to any of the children*

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

'Я не отправлял никаких подарков никому из детей'; б. **sent any of the packages to none of the children* Я не посыпал никаких посылок никому из детей' (показатель негативной полярности).

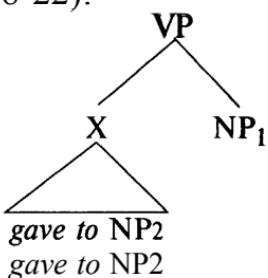
Конструкция с предлогом в отличие от беспредложной не представляет столь очевидной трудности для анализа: наличие предложной группы, доминирующей над ИГ косвенного дополнения, создает одностороннее отношение командования между прямым (NP_1) и косвенным (NP_2) дополнениями:

(23)

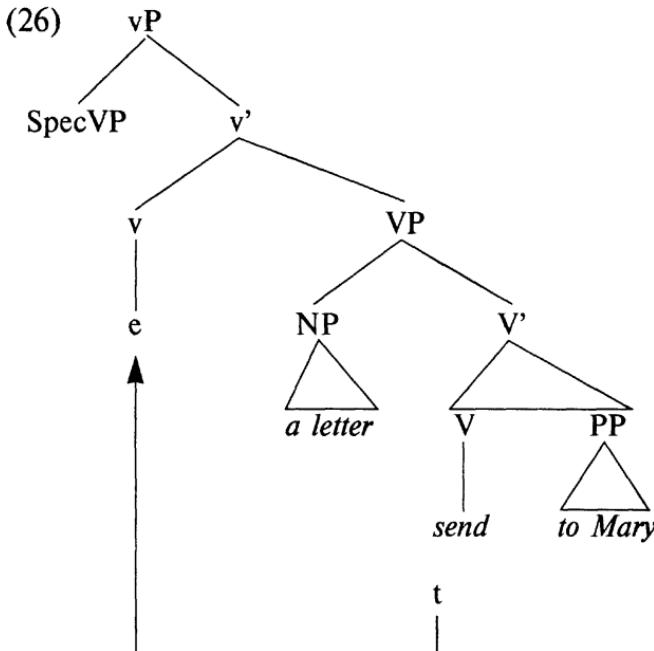

Ларсон попытался объяснить наблюдаемую асимметрию в обеих типах конструкции, не постулируя плоскую структуру типа (23). Он взял за основу старую идею Хомского [Chomsky 1975 (1955)], согласно которой предложение (24) а. *The teacher gave several books to him* 'Учитель дал ему несколько книг' получается в результате передвижения составляющей [*gave to him*] в предложении б. *The teacher [gave to him] several books*. В таком случае асимметрия между актантами объясняется тем, что косвенное дополнение образует с глаголом одну составляющую (назовем ее **X**), из которой исключается прямое дополнение. По мнению Ларсона, такая трактовка — перспективный путь решения задачи, ибо прямое дополнение здесь командаёт косвенным, что и следует из фактов (18-22):

(25)

Для конструкции с предложным дополнением типа *sent a letter to Mary* 'отправил письмо Мэри' Ларсон постулировал следующую структуру:

Ларсон предположил, что глагольная группа, которая соответствует исследуемому выражению, состоит из фонологически пустого, или «**легкого**» глагола *v* (light verb; обозначается строчной буквой) с VP в качестве комплемента. Вершиной VP выступает лексический глагол, его спецификатором - прямое дополнение *a letter* 'письмо', а комплементом - косвенное дополнение *to Mary* 'Мэри', образуя «малое сказуемое» *send-to-Mary*. У этого сказуемого есть и свое подлежащее *a letter*, которое вместе с «малым сказуемым» образует структуру, подобную клаузе. Эта структура, в свою очередь, выступает как сказуемое главной клаузы. Разумеется, цепочка *a letter send to Mary* невозможна в английском языке. Наблюдаемая конструкция возникает в результате передвижения глагола в пустую позицию *v*, с обычным оставлением следа (*t*), что и обозначено на диаграмме (26) стрелкой.

Это передвижение, как предполагает Ларсон, вызвано тем, что прямое дополнение *a letter* должно получить падеж от управляющего элемента, т. е. глагола: поскольку невозможно управление «снизу», глагол передвигается в более высокую позицию, из которой командует прямым дополнением.

Кроме фактов структурной асимметрии (18-22), анализ (26) объясняет способность к сочинению, которую проявляют пары дополнений при «дативных» глаголах типа (27) *John*

sent [[a letter to Mary] and [a book to Sue]] 'Джон отправил письмо Мэри и книгу Сью'. Общее правило состоит в том, что сочиняться должны составляющие, причем обычно такие, которые принадлежат к одному классу⁴.

Еще один факт, который получил удовлетворительное объяснение в анализе Ларсона, — «передвижение тяжелой ИГ» (Heavy NP Shift), способность ИГ прямого дополнения, если она включает в себя много слов, сдвигаться, вопреки общему правилу, правее косвенного дополнения с предлогом *to*: (28) а. *I gave to John everything that he demanded* 'Я отдал Джону все, что он потребовал'. Ларсон предположил, что здесь происходит не сдвиг вправо «тяжелого» прямого дополнения (28'б), а сдвиг влево «малого сказуемого» (28'в):

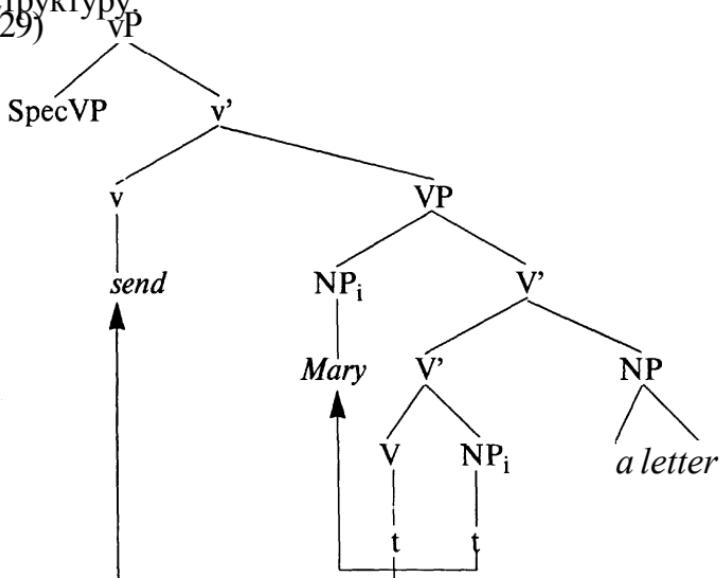
(28') б. *I gave t to John [NP everything that he demanded]*

i _____ *

v. / [y gave to John] everything that he demanded t

4 _____ I

Для конструкции «дативного передвижения» с двумя беспредложными дополнениями Ларсон предложил следующую структуру:

⁴ Глагол *sent* 'отправил', как это обычно и происходит при сочинении структур, в которые входит один общий элемент, выдвигается одновременно из обеих, ср. то же явление с вопросительным передвижением: *Что он [[схватил t_i и [унес t_j]]?* Этот принцип называется «поперечным» (across-the-board) применением трансформации передвижения.

Часть 2. Синтаксические теории

Для (29) постулируются два передвижения. Первое из них напоминает пассив: дополнение поднимается в позицию подлежащего, а актант, соответствующий подлежащему в активной конструкции, выражается ИГ, которая выступает в форме адъюнкта. Подлежащим VP в (26) была ИГ прямого дополнения — в (29) она, подобно агентивному дополнению при пассиве, выступает в роли адъюнкта к «малому сказуемому» — V. Второе — передвижение глагола — то же самое, что имеет место и в (26). Главное достоинство приведенного анализа состоит в том, что он объясняет факты (11—17), свидетельствующие о том, что первое дополнение должно командовать вторым.

Предложенное Ларсоном «раздвоение» единой глагольной группы на две, из которых объемлющая группа возглавлена нулевым глаголом, стало впоследствии называться **«гипотеза оболочки глагольной группы»** (VP-shell hypothesis). До работы Ларсона считалось, что вершина может иметь ровно один спецификатор, но произвольное множество комплементов. Эта идея представляла собой формализацию и обобщение представления, выработанного в традиционной грамматике, в соответствии с которым в предложении может быть только одно подлежащее, но несколько дополнений: (30) а. $X P \rightarrow Spec X X'$; б. $X^* \rightarrow X YP^*$. После работы Ларсона звездочка Клини исчезла из X' -схемы, и возобладала **гипотеза одного комплемента** (Single Complement Hypothesis), не противоречащая принципу последовательного бинарного ветвления.

3. Минималистская теория

Теория функциональных вершин и принцип последовательного бинарного ветвления вместе с некоторыми другими новыми идеями конца 1980-х - начала 1990-х годов отразились в новом варианте ПГ, который был выдвинут Хомским в 1992 г., - «минималистской программе» (Minimalist Program, [Chomsky 1995]). Как видно из самого названия, речь идет не о разработанной теории, а об исследовательском проекте, о попытке исследовать, насколько перспективными окажутся некоторые новые теоретические принципы ПГ.

Минималистская теория очень сложна для недогматического усвоения. Нелегко разобраться в мотивах того или

иного теоретического решения и понять аргументацию, которая в значительной мере унаследована от теории принципов и параметров и предполагает глубокое понимание тех проблем, которые в рамках последней не удалось разрешить удовлетворительным образом. Введения в минималистскую теорию, авторы которых пытаются добросовестно в дискурсивном стиле обосновать каждый ее тезис, представляют собой увесистые тома [Haegeman 1994; Radford 1997a; Uriagereka 1998; Ouhalla 1998; Culicover 1997]. Чтобы проработать любой из них сколько-нибудь основательно, требуется немногим меньше времени и усилий, чем для того, чтобы на приличном уровне овладеть арабским или санскритом. Попытка более краткого изложения, предпринятая Э. Рэдфордом [Radford 1997b], несмотря на педагогическое мастерство автора и прекрасно подобранный иллюстративный материал, включает слишком много положений, которые читателю приходится принимать на веру. Поскольку ни ПГ, ни тем более минималистская теория не являются единственным предметом изложения в нашей книге, нам придется ограничиться кратким очерком основных положений «минималистской программы» с небольшим числом иллюстраций. У читателя неизбежно возникнут вопросы и недоумения, с которыми ему придется обратиться к рекомендуемой литературе или к лингвистам, работающим в рамках этой теории.

3.1. Мотивы создания

В теории принципов и параметров постулируются два уровня представления предложения, которые связывают грамматику с «внешними» для нее системами, обеспечивающими функционирование языка: фонологическая форма осуществляет связь с механизмами артикуляции и восприятия, а логическая форма — с мышлением. Поскольку эти уровни располагаются на «выходе» грамматики, их называют «интерфейсными». Кроме того, теория предполагает наличие двух «внутренних» уровней — D-структуры, в которой устанавливаются тематические отношения между актантами и предикатами, и S-структуры, к которой применяются принципы теории связывания и абстрактного падежа. Переход от D-структуры к S-структуре и далее к ЛФ осуществляется

Часть 2. Синтаксические теории

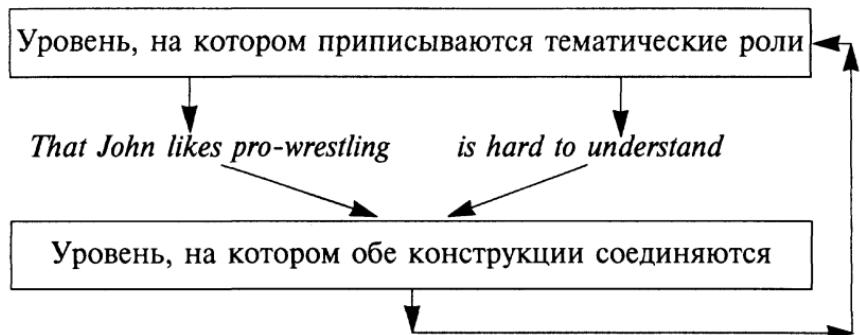
ет один и тот же компонент — предельно упрощенная система правил, которая включает в себя всего одну трансформацию — «передвинь а». Систему, в которой один компонент устанавливает соответствие между тремя уровнями, трудно признать естественной. Возникает сомнение, так ли уж необходим уровень S-структуры, если на нем трансформация передвижения не прекращает своего действия, а продолжает применяться дальше, приводя представление предложения к уровню ЛФ.

Проблемой, не разрешенной сколько-нибудь удовлетворительно, оставалось для теории принципов и параметров так называемое Tough-передвижение (Tough Movement; впервые в [Postal 1971: 27]) - вид трансформации, применяемой при некоторых прилагательных, таких, как *tough* 'трудный; упрямый, неподдающийся', *good* 'хороший', *easy* 'легкий' и др.: (31) *John is tough to follow* 'За Джоном трудно следовать'; *John is good to give things to* 'Джону хорошо давать вещи'; *John is easy to talk to* 'С Джоном легко говорить' букв. «Джон есть легкий говорить к». Эта конструкция не могла быть получена в результате передвижения *John* из позиции дополнения при инфинитиве в позицию подлежащего главной клаузы. В таком случае оказалось бы, что **цепь** (т. е. множество, состоящее из передвинутой составляющей и ее следа) обладает двумя разными падежными значениями — косвенным падежом в инфинитивном обороте и им. п. подлежащего главной клаузы. С другой стороны, эта ИГ не могла оказаться в позиции подлежащего при матричном глаголе уже в глубинной структуре, так как предикат *easy* не присваивает никакой тематической роли. Последнее ясно из того, что при нем возможно пустое подлежащее *it*: (32) *It is easy to please John* 'Легко сделать Джону приятное', которое не допускается в тематической позиции, ср. (33) а. *Mary is pretty to look at* 'На Мэри приятно смотреть' и б. **It is pretty to look at Mary*: прилагательное *pretty* 'хорошенькая', в отличие от *easy* 'легкий', обладает валентностью на именной актанту, которому приписывает тематическую роль; поэтому *it* и невозможно в (33).

Таким образом, позиция подлежащего при Tough Movement не может быть заполнена ИГ ни на каком синтаксическом уровне. Вследствие этого Хомскому [Chomsky 1981] пришлось принять не слишком убедительное решение — допустить, что подлежащее при матричном глаголе вставляет-

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

ся «в виде исключения» (exceptionally) на уровне поверхностной структуры и неким сложным образом получает тематическую роль от сказуемого вложенной конструкции. Такое решение, однако, сталкивается с серьезной трудностью в том случае, когда подлежащее представляет собой сложную конструкцию, которая сама содержит единицы, приписываемые тематическую роль: (34) [*That John likes pro-wrestling*] *is hard to understand* То, что Джону нравится профессиональная борьба, трудно понять' или (35) [*Pictures of Mary*] *are easy to sell* 'Картины Мэри легко продать'. Получается, что сначала тематические роли приписываются внутри соединяемых фрагментов, а затем, после их соединения, они приписываются еще раз - одному из двух фрагментов:

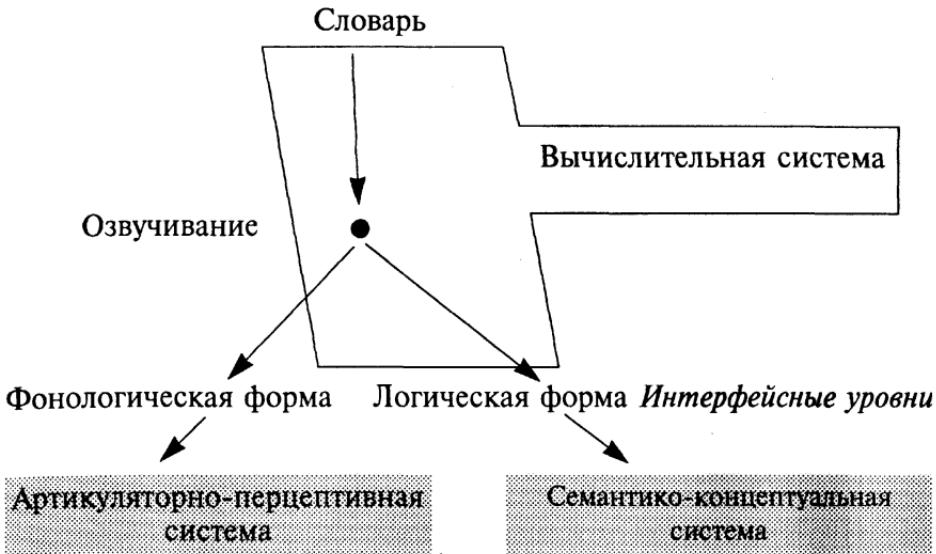
Грамматические процессы в сложном подлежащем (34-35), включая приписывание тематической роли, передвижение и приписывание падежа, должны осуществляться до уровня поверхностной структуры — т. е. до того, как обе конструкции соединяются друг с другом. Это означает, что эти процессы происходят с обеими конструкциями параллельно и независимо. Конструкции могут соединиться друг с другом, только будучи полностью построены. Однако если параллельная деривация с последующей трансформацией объединения готовых «кусков» допустима в принципе, почему не предположить, что так синтаксические структуры образуются всегда? Это допущение приводит к упразднению отдельного уровня, который «отвечает» за приписывание тематических ролей, — D-структуре. Если и падеж приписывается таким же образом (в ходе деривации фрагментов-поддеревьев, которые в конце концов соединяются с тем, чтобы образовать полные структуры предложений), то утрачивается и один из важных мотивов сохранять S-структуру, «отвечающую» за приписывание падежа, в качестве отдельного уровня.

3.2. Основные принципы

Уровни D-структуры и S-структуры в минималистской теории отменяются. Вместо репрезентационной теоретической модели, т. е. такой, в которой предложение полностью записывается на некотором уровне и затем оценивается с точки зрения его правильности, предлагается деривационная модель. В деривационной модели структура предложения характеризуется как последовательность шагов его построения из более простых фрагментов, причем каждый шаг по отдельности может оцениваться как допустимый либо недопустимый.

Минималистская теория представляет язык в виде двух основных компонентов — словаря (lexicon) и вычислительной системы (computational system). Вычислительная система выбирает единицы из словаря и конструирует синтаксические деривации. Словом «деривация» (derivation) в минималистской теории называют как сам процесс построения синтаксических структур, так и его результат — конечный или промежуточный; такая двузначность иногда затрудняет понимание. Каждой деривации соответствует структурное описание, состоящее из пары представлений на уровнях ЛФ и ФФ. На каждом из этих уровней представления деривация проходит проверку на соответствие принципам двух «интерфейсных» уровней. В процессе деривации система может извлекать новые единицы из словаря и присоединить их к уже построенному фрагменту предложения.

К деривации на любом этапе может быть применена операция «озвучивание» (Spell-out), которая переводит деривацию на интерфейсный уровень ФФ. Если деривация соответствует интерфейсным условиям, накладываемым ФФ, говорят, что она **сходится** (converges) на уровне ФФ. Если она не удовлетворяет этим условиям, говорят, что она **терпит неудачу** (crashes) на уровне ФФ. После озвучивания работы вычислительной системы продолжается с тем ограничением, что у нее больше нет доступа к словарю. Озвученная деривация продолжает «двигаться» дальше на уровень ЛФ. Если деривация, достигшая ЛФ, удовлетворяет интерфейсным условиям этого уровня, говорят, что она сходится на уровне ЛФ, если нет — что она терпит неудачу на этом уровне.

Называя новую теорию «минимализмом», Хомский имел в виду, что она постулирует в грамматике минимальное число уровней — два (ФФ и ЛФ). Число уровней не может быть меньшим, потому что наличие этих двух уровней обусловлено «концептуальной необходимостью». Язык нуждается, по меньшей мере, в двух «выходах» — одном, который бы связывал его с мышлением («семантико-концептуальная система») и другом, который выходил на механизмы артикуляции и восприятия («артикуляторно-перцептивная система»).

Выбранная из словаря лексическая единица помещает¹ся во фрагмент синтаксической структуры в соответствии со схемой X'-теории. Например, слова *girl* 'девочка' и *boy* 'мальчик' получают элементарные синтаксические структуры [NP [N, *girl*]] и [NP [N *boy*]], в которых они являются вершинами, артикль *the* становится вершиной DP: [DP *the* [NP _____]] и т. д. Затем полученные таким образом структуры соединяются (также в соответствии с X'-схемой) с помощью операции, называемой **обобщенная трансформация** (generalized transformation). В результате получаем [vp [DP [*the boy*] [v *likes* [DP *the girl*]]]] 'Мальчику нравится девочка', а с присоединением функциональной вершины I (для простоты не будем разделять ее на отдельные функциональные вершины) —

(36) [IP e [i I [vp [DP *the boy*] [vp *likes* [DP *the girl*]]]]].

Позицию подлежащего (SpecIP) занимает пока пустой элемент e. В минималистской теории предполагается, что

слова попадают в вычислительную систему в виде готовых словоформ; синтаксис не строит словоформ, а лишь проверяет, подходит ли данная словоформа для того места в синтаксической структуре, которое она занимает (гипотеза «сильного лексикализма»).

Трансформация «передвинь а» применяется следующим образом: она замещает пустой спецификатор некоторой деривации на другую единицу внутри той же деривации, оставляя след на месте передвинутой единицы. Включение новой единицы в позицию комплемента посредством передвижения запрещается, а обобщенная трансформация может произвести присоединение только к такой структуре, к которой еще не применялось передвижение. Этот запрет выполняет роль, которую в теории принципов и параметров играл тета-критерий. Различие заключается в том, что тета-критерий применялся к уже готовой структуре, а запрет на включение в позицию комплемента характеризует сам процесс деривации.

Вот как происходит передвижение подлежащего из позиции SpecVP в позицию SpecIP:

(37) [IP [DP *the boy*] [_iI [уп $t_{\text{the boy}}$ [V' *likes* [DP *the girl*]]]]].

Такое понимание передвижения позволяет устраниТЬ из теории принцип строгой цикличности. Возьмем предложение, которое неграмматично из-за нарушения этого принципа: (38) **How does John wonder what Mary fixed?* букв. «Как Джон не знал, что Мэри починила?». Вопросительное местоимение *how* 'как' незаконно пересекло границу «вопросительного острова», т. е. такого придаточного, в SpecCP которого находится вопросительное местоимение *what* 'что'. В исходной структуре оба вопросительных местоимения содержатся в придаточном: (39) а. [CP е [IP *John wonder* [CP е [IP *Mary fixed what how*]]]]. Передвижение может расширять деривацию только «сверху», заменяя пустой элемент е в главном спецификаторе на какую-то составляющую, находящуюся внутри деривации. Таким образом можно получить две структуры: б. [CP *how* [IP *John wonder* [CP е [IP *Mary fixed what how*]]]] - [CP *WHAT* [IP *John wonder* [CP е [IP *Mary fixed t_{what how}*]]]]. Однако повторное применение передвижения к (39б), которое дает г. [CP *how* [IP *John wonder* [CP *what* [IP *Mary fixed t_{what t_{how}}*]]]]] и приближает (39б) к (38), незаконно, так как применяется не к внешнему спецификатору, а внутри придаточного (вложенного CP), в уже завершенном цикле.

Другой путь получения (38) можно представить таким образом: к вложенной СР перед ее соединением с матричным глаголом *wonder* применяется передвижение, которое помещает *what* 'что' в ее спецификатор. Потом, когда построено главное СР, можно еще раз применить передвижение и подставить *how* 'как' на место пустого элемента в главном предложении:

- (40) [CP *how* [IP *John wonder* [CP *what* [IP *Mary fixed t_{what} t_{how}*]]]]].

Но в этом случае вопросительное слово *how* «переезжает» через другое вопросительное слово *what*, которое находится в командующей позиции, потенциально доступной для передвижения *how*. Передвижение через ближайшую доступную позицию запрещено в силу общего принципа, который проявляется, например, при передвижении вспомогательных глаголов, ср. (41) а. *John will have left by the time we get there* 'Джон уйдет к тому времени, когда мы попадем туда'; б. *"Have John will t_{have} left by the time we get there!"* 'Уйдет ли Джон к тому времени, когда мы попадем туда?' Вспомогательный глагол *have* не может попасть в позицию С, чтобы образовать вопросительное предложение, так как ближайшая доступная для него позиция - I заполнена вспомогательным глаголом *will* (**«ограничение на передвижение вершины»**, Head Movement Constraint [Travis 1984]). Аналогичный запрет наблюдается и при передвижении ИГ: (42) а. *It is likely for John to have left* 'Ожидается, что Джон уйдет'; б. *John is likely to have left*; в. **John is likely for it to seem t to have left* букв. «Ожидается, что кажется, что Джон ушел». Несколько упрощая, можно сказать, что теория принципов и параметров предполагала следующую D-структуру для (42аб): (43а') е *is likely John to have left*. Предикатное слово *likely* 'ожидается' обладает только сентенциальным актантом, поэтому в D-структуре позиция подлежащего при нем остается незаполненной (для нее у *likely* нет тематической роли). При этом подлежащее инфинитивного оборота ИГ *John* не могло получить падежа от инфинитива, который, как мы помним, не приписывает никакого падежа подлежащему. Чтобы получить падеж, *John* снабжается управляющим предлогом *for*, роль которого - обеспечить падежом подлежащее при инфинитиве (42а); при этом позиция подлежащего в главном предложении заполняется пустой лексемой *it*. Второй возможный способ получить падеж — передвижение в пустую позицию при *is likely*, что и происходит в (42б). По-

Часть 2. Синтаксические теории

скольку в этой позиции не присваивается тематической роли, такое передвижение не нарушает тета-критерия. Однако ИГ-подлежащее может передвинуться только в позицию подлежащего непосредственно доминирующего предложения. Если эта позиция заполнена, как, например, в (42в) пустым местоимением *it*, передвинуться дальше ИГ не может.

Указанные ограничения в минималистской теории объясняются действием принципа **«кратчайшего передвижения»** (Shortest Move): передвигаемая составляющая не может миновать командующую составляющую такого же типа.

Принцип кратчайшего передвижения подразумевает сравнение нескольких допустимых дериваций, которые могут быть применены к некоторой структуре, и выбор из них наиболее «экономичной», связанной с меньшими «усилиями». В том, что грамматичность одной деривации выясняется путем ее сравнения с другими деривациями, заключается существенное отличие минимализма от предыдущих вариантов ПГ. В теории принципов и параметров трансформация «передвинь а» применяется свободно, а затем результат этой трансформации оценивается независимо от результатов других передвижений; передвижение, не нарушающее никаких ограничений, признается допустимым.

Были предложены еще три принципа, основанных на сравнении «экономичности» потенциальных дериваций, — принципы **«отсрочки»** (Procrastinate), **«жадности»** (Greed) и **«крайнего случая»** (Last Resort). Принцип «кратчайшего передвижения» сильнее, чем требование сходимости деривации, — если деривация не может обойтись одними только «кратчайшими» передвижениями, она не сходится.

Принцип «отсрочки», наоборот, слабее, чем требование сходимости. В силу этого принципа передвижения должны откладываться до того момента, пока совершится озвучивание. Однако если в результате отсрочки деривация не сходится, передвижение происходит до озвучивания и тем самым его результаты становятся наблюдаемыми (попадают в фонологический компонент).

Действие принципа отсрочки можно проиллюстрировать следующим образом. Знаменательные глаголы французского языка обладают сильными признаками функциональной категории T(ense) (время); сильные признаки, если они не проверены в ходе деривации (см. п. 3.3), остаются на уровне ФФ («видны» на этом уровне). Поскольку абстрактные признаки не могут получить фонологическое выражение, деривация тер-

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

пит неудачу на уровне ФФ, если признаки времени французских глаголов не проверены в ходе ее раньше озвучивания. Для проверки этих признаков глаголы французского языка должны передвинуться в позицию Т перед озвучиванием.

В английском языке знаменательные глаголы обладают слабыми признаками категории Т. Такое отличие от французского объясняют тем, что соответствующая глагольная морфология во французском языке более развита. Слабые признаки не видны на уровне ФФ, поэтому деривация с непроверенными слабыми признаками сходится. Следовательно, необходимости в передвижении знаменательных глаголов в функциональную вершину Т нет - проверка этих признаков в силу принципа «отсрочки» откладывается и не происходит до «озвучивания».

Принцип «ожадности» требует, чтобы составляющая передвигалась только в том случае, когда это вызвано потребностями самой составляющей (например, наличием у нее непроверенных морфологических признаков), а не потребностями других составляющих. Этот принцип объясняет, например, неграмматичность предложений (44) а. **John seems [t is leaving]; 6. *John seems to t [that Bill is leaving]; в. *John was said to t [that Bill is leaving]*. Передвижение ИГ из позиции, в которой ей присваивается падеж, заблокировано принципом «ожадности». ИГ *John* в позиции присвоения падежа уже подтвердила правильность всех своих f-признаков; в таких случаях говорится, что произошла **проверка** этих признаков. Дальнейшее передвижение ИГ *John* в (44) помогло бы проверить признаки другого элемента, также нуждающегося в проверке, а именно Agr, т. е. было бы не «эгоистически», а «альtruистически» мотивированным, почему и запрещено в силу принципа «ожадности».

Принцип «крайнего случая» также основан на сравнении нескольких возможных дериваций. Он гласит, что некоторая деривация имеет место только тогда, когда некоторая задача не может быть решена посредством других дериваций. Например, вставление пустого вспомогательного глагола *do* в английском языке происходит только при отсутствии других способов морфологически реализовать признаки времени и согласования.

3.3. Проверка признаков

В теории принципов и параметров глаголы вставлялись из словаря в виде основ, не имея форм времени и согласо-

Часть 2. Синтаксические теории

вательных категорий. Они получали морфологические показатели времени и согласовательных категорий в результате синтаксических передвижений, которые соединяли их со словоизменительными (inflectional) категориями. В результате возникали комплексы вершин — основ и аффиксов, соединенных операцией адьюнкции, которые поступали затем на вход морфологических правил. С принятием сильной лексикалистской гипотезы глаголы поступают в вычислительную систему из словаря уже в виде готовых словоформ. Словоизменительные признаки глаголов далее проверяются на соответствие признакам, содержащимся в морфологических функциональных вершинах. Если при адьюнкции глагола V к функциональной вершине I в результате проверки выясняется, что их морфологические признаки совпадают, абстрактный элемент I стирается, а Vдвигается дальше на уровень ФФ, где озвучивается как фонетическое слово. Если же признаки I и V оказываются несовместимыми, абстрактный элемент доживает до ФФ и приводит к неудаче деривации на этом уровне, так как фонологический компонент не в состоянии «справиться» с нестертыми абстрактными символами. Проверенный признак стирается и больше не может быть учтен в процессе деривации.

На уровне ЛФ все признаки должны быть проверены. Глагол добирается до этого уровня открыто (до озвучивания) или скрыто (после него). Если глагол не проверяет своих признаков в открытом синтаксисе, он должен сделать это посредством скрытого передвижения.

В «минималистской программе» Хомский предложил следующую систему функциональных проекций:

$$(45) [\text{CP} \ C \ [_{\text{Agp}} \text{Spec} \ [_{\text{AGRSP}} \text{Agr}_s \ [_{\text{TP}} \ T \ [_{\text{AgroP}} \text{Spec} \ [_{\text{Agr}^0} \text{Agro}.$$

Функциональная проекция категории времени (T) «отвечает» за правильность управления подлежащим - когда в позицию спецификатора этой проекции передвигается подлежащее, оно должно быть в им. п. Это отражает грамматическую связь, которая существует между категорией времени, финитностью (вспомним, что «финитный» по-английски *tensed*) и формой подлежащего. Продвигаясь далее в позицию спецификатора при функциональной вершине Agr_s («согласование с подлежащим»), подлежащее проверяет свои морфологические признаки согласования. Ниже уровня ТР располагается функциональная проекция Agr_0 («согласование с дополнением»). В спецификатор этой проекции про-

двигается прямое дополнение, и происходит проверка признаков вин. п. и согласования с дополнением в тех языках, где оно есть. Согласование всегда происходит между спецификатором (фразовой категорией) и его вершиной (терминальной категорией). Для того чтобы оно могло осуществляться, фразовая категория, с которой происходит согласование, должна передвинуться в позицию спецификатора вершины, обладающей морфологическими признаками согласования. Деривация, в которой морфологические признаки согласования у спецификатора и вершины совпадают, сходится, деривация, в которой они не совпадают, терпит неудачу.

3.4. Копирование вместо передвижения

Один из недостатков теории принципов и параметров заключался в том, что некоторые передвижения приводили к такой S-структуре, которая неточно выражала логико-семантические отношения между составляющими, причем исправить эту неадекватность с помощью ненаблюдаемых передвижений обычного типа, которые постулировались для перехода от S-структуры к ЛФ, не было возможности. Возьмем предложение (46) *Guess [in which house] John lived t* 'Догадайся, в каком доме жил Джон'. Вопросительная группа *in which house* 'в каком доме' передвинулась в начало придаточного, оставив след *t*. Здесь наблюдается «эффект крысолюва»: вопросительное прилагательное *which* «потянуло за собой» и [_{NP} *which house*], и [_{PP} *in* [_{NP} *which house*]]]. Однако логико-семантическая структура (46), которая отражается на уровне ЛФ, не требует наличия всей предложной группы в позиции оператора. На уровне ЛФ придаточное косвенного вопроса в (46) может быть представлено либо как (46') [[**which** *x*][*x house*]] **John lived [in [x]]**, т. е. **приблизительно**: «каков тот *x*, что *x* является домом и Джон жил в *x*», либо как (46'') /**which** *x*/ **John lived [in [x house]]**, т. е. «каков тот *x*, что Джон жил в доме *x*». И при той, и при другой интерпретации часть материала, оказавшегося в (46) в позиции оператора, должна «вернуться» на прежнее место. Однако компонент, который устанавливал соответствие между S-структурой и ЛФ, состоял из единственной трансформации передвижения, допускающей лишь передвижение составляющей

«вверх», в командующую позицию; передвижения вниз в этом компоненте грамматики предусмотрено не было. Однако такую операцию, «возвращающую» лишний материал на прежнюю позицию, пришлось все-таки предусмотреть. Такой «противоестественный» процесс, который возвращает вопросительную группу или ее часть в первоначальную позицию при переходе на уровень ЛФ с целью получить точную интерпретацию, называется **реконструкцией**.

В книге [Chomsky 1995] Хомский исследует возможность заменить передвижение, т. е. стирание составляющей с ее последующим копированием в другой позиции, **копированием** без стирания (copy theory of movement). Передвижение не стирает передвигаемую составляющую в ее исходной позиции, и в результате возникают две копии одной составляющей. При озвучивании в английском языке стирается нижняя копия вопросительной группы, а, например, в китайском языке, где наблюдаемое передвижение отсутствует, стирается верхняя копия.

Чтобы объяснить нарушение принципа А теории связывания в **предложениях типа (47)** [*Which picture of himself did John buy t?*] 'Какой из своих портретов Джон купил?', приходилось также постулировать реконструкцию (в последних вариантах теории принципов и параметров предполагалось, что принципы теории связывания применяются к уровню ЛФ). В соответствии с копирующей теорией передвижения получаем (47') [*Which picture of himself did John buy [which picture of himself]*], что на уровне ЛФ соответствует [[*which x*] [*x picture of himself*]] *did John buy [[which x] [x picture of himself]]*. Затем на уровне ЛФ устраняется рестриктивная форма [*x picture of himself*] из позиции оператора, а вопросительная [*which x*] — из позиции актанта. В результате получаем (47'') [*which x*] *did John buy [x picture of himself]*, т. е. «**каков** тот *x*, что Джон купил *x*, являющийся его портретом?» Рефлексив устраняется из неправильной позиции, теперь его антецедент командует им и связывает его.

Рассмотрим предложение (48) *John wondered which picture of himself Bill took*. Рефлексив может в этой конструкции интерпретироваться двояко; кроме того, выражение *to take a picture of* может пониматься как неидиоматически 'брать портрет', так и идиоматически 'фотографировать'. Поэтому мы ожидаем, что (48) имеет 4 значения: а. 'Джон не знал, какой из его портретов Билл взял'; б. 'Джон не знал, какой

из своих портретов Билл взял'; в. 'Джон не знал, какую из его фотографий сделал Билл' и г. 'Джон не знал, какую из своих фотографий сделал Билл'. Хомский заметил, однако, что если *John* — антецедент рефлексива, то не может быть идиоматического прочтения. Оно возможно (хотя и не обязательно) только если *Bill* — антецедент *himself*. Таким образом, (48) имеет реально только три значения из четырех — (48абг), но не (48в). В чем здесь дело?

В соответствии с копирующей теорией передвижения получаем (49) *John wondered [which picture of himself] Bill took [which picture of himself]*. На уровне ЛФ возможно сокращение двух типов: (50) а. *John wondered [which x] /x picture of himself Bill took [x]* и б. *John wondered [which x] Bill took [x picture of himself]*. Только в (50б) ИГ *Bill* командуется рефлексивом, поэтому в (50б), но не в (50а) она может интерпретироваться как его антецедент.

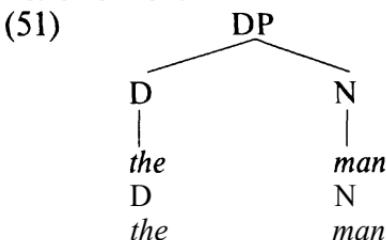
Хомский предположил, что идиоматически связанные языковые единицы должны находиться рядом на уровне ЛФ. Возникает или нет идиоматическое значение, зависит от того, соположены ли составляющие идиоматического выражения на уровне ЛФ. В (50а), где *John* — антецедент рефлексивного анафора, составляющие идиоматического выражения не соположены, поэтому идиоматическое значение недоступно, в результате чего возникает значение (48а). В (50б), где антецедентом рефлексива может быть *Bill*, компоненты идиомы соположены, поэтому идиоматическое прочтение возможно, и мы получаем (48б).

3.5. «Пустая структура составляющих»

В [Chomsky 1995] исследуется еще одна теоретическая возможность, связанная с деривацией фразовых категорий. Хомский обратил внимание на то, что на уровне ЛФ имеют значение только минимальные проекции (терминальные категории), соответствующие единицам словаря, и максимальные проекции. Минимальные и максимальные проекции можно рассматривать как разные виды отношений лексической единицы к синтаксическому контексту, а не как свойства составляющих (как это было принято в X'-теории). Хомский разделил обобщенную трансформацию на две от-

Часть 2. Синтаксические теории

дельные операции - **выбор** (Select) и **соединение** (Merge). Выбор извлекает единицы из словаря в виде комплексов признаков, затем эти единицы превращаются в системы составляющих посредством соединения. При соединении из двух объектов A и B образуется новый объект вида {_A {A, B}}, сохраняющий грамматические признаки A. В таком случае говорят, что A проецируется, а B - нет, поскольку новый объект не имеет признаков B. Таким образом, новый объект обладает словарными признаками одного из своих составляющих элементов:

Группа детерминатора DP получает грамматические признаки (хотя и не дистрибуцию) детерминатора — артикля *the*. Наличие той или иной проекции зависит от структуры или контекста, в котором оказывается лексическая единица. В изолированном виде каждая лексема и минимальна, и максимальна. Но если она проецируется, то утрачивает признак максимальности и сохраняет признак минимальности относительно новообразованного максимального объекта. Так, в (51) артикль выступает в качестве минимальной категории относительно всей группы DP. Существительное '*man*' 'человек', однако, остается и минимальной, и максимальной единицей, в (51), поскольку в этой структуре оно не проецируется. Этот своеобразный способ представления иерархической структуры фразовых категорий Хомский назвал «**пустой структурой составляющих**» (Bare Phrase Structure).

4. Проблема свободного порядка слов

Первые варианты ПГ были разработаны в основном на материале английского языка, который обладает жестким порядком слов и групп: линейный порядок слов и составляющих большей длины выражает синтаксические отношения. Поэтому идеи ПГ сравнительно легко применимы к материалу, например, французского или китайского языков, которые в этом отношении принципиально не отличаются от английского. Труднее обстоит дело с немецким, японским или

корейским языками, в которых порядок групп (хотя и не слов в составе групп) часто может быть изменен с сохранением значения, и тем более с русским языком, в котором порядок групп вообще не фиксирован. Наконец, в латинском языке, в русской разговорной речи или в австралийских языках вальбири [Hale 1983], калкатунгу [Blake 1983] и нунгтубуйу [Heath 1986] не фиксирован и «порядок слов» в буквальном смысле: в этих языках порядок словоформ отражает, по-видимому, только коммуникативные стратегии говорящего: знаменательная словоформа может в принципе занять любую линейную позицию в клаузе, независимо от ее грамматических отношений с другими словоформами.

В «Аспектах теории синтаксиса» Хомский, понимая, что свободный порядок слов в языках типа русского или латинского не может быть охарактеризован с помощью трансформаций типа тех, что меняют порядок слов в английском, заметил, что «правила стилистического переупорядочивания сильно отличаются от грамматических трансформаций, которые гораздо более глубоко коренятся в грамматической системе... первые являются не столько правилами грамматики, сколько правилами употребления» [Хомский 1972 (1965): 119].

Дж.Р. Росс в знакомой нам диссертации [Ross 1967 (1986)] предположил, что явление свободного порядка слов образуется в результате действия поздней трансформации «перемешивания» (Scrambling), которую он предложил считать частью особого «стилистического компонента» грамматики, действующего после «основных правил» (core rules). Эта гипотеза основывалась на следующих соображениях. Было очевидно, что основные трансформационные правила, которые обеспечивают падежное оформление, согласование, рефлексивизацию, прономинализацию и т. д. могут быть сформулированы для английского языка в терминах структуры составляющих. Те же явления (падеж, согласование и т. д.) встречаются и в языках со свободным порядком слов. Естественно было предположить, что в языках типа русского или латыни действуют сходные основные правила, за которыми включается «стилистический компонент», «перемешивающий» порядок слов, так что первоначальная иерархическая структура, на которую были ориентированы основные трансформации, неузнаваемым образом изменяется.

Из гипотезы «стилистического компонента» следует, что, например, в русском языке, как и в английском, есть структурная асимметрия подле-

Часть 2. Синтаксические теории

жащего и дополнения, так как подлежащее является непосредственной составляющей клаузы, а дополнение - нет (оно непосредственно доминирует глагольной группой). На этой асимметрии между подлежащим и дополнением основана ключевая роль подлежащего в таких явлениях, как согласование, рефлексивизация и т. д. Различие между английским и русским заключается только в том, что после того, как закончил свою работу компонент «основных трансформаций» (согласования, рефлексивизации и т. д.), в английском языке ничего больше не происходит, а в русском включается дополнительный «стилистический» компонент, который разрушает иерархию фразовых категорий в клаузе. Поэтому, например, становится возможным порядок «дополнение — подлежащее — глагол», который базовой структуре составляющих никак не соответствует.

Исследователь языка вальбири К. Хэйл [Hale 1983] предложил объяснить существование языков со свободным порядком слов с помощью **параметра конфигурационноеTM** (configurationality parameter). Этот параметр может принимать в некотором языке (например, английском) положительное значение — тогда в этом языке выполняется принцип проекции и действует схема X'-теории. Когда же параметр конфигурационноеTM принимает в некотором языке (например, вальбири) отрицательное значение, для этого языка принцип проекции и X'-теория не имеют силы. Идея Хэйла вызвала большой резонанс, но принять ее сообщество генеративистов было нелегко. Слишком фундаментальными являются те принципы, которые Хэйл предлагал перевести в разряд параметров, и слишком важны те сходства между языками, которые объясняются принципом проекции и X'-теорией. Поэтому постепенно в ПГ возобладала и до сегодняшнего дня является господствующей точкой зрения, согласно которой структура предложения в языках со свободным порядком слов принципиально не отличается от структуры предложения в языках с жестким порядком.

Гораздо более сочувственный отклик получила работа М. Сайто и Х. Ходзи [Saito, Hoji 1983], в которой исследовалась проблема свободного порядка ИГ в японском языке. Авторы предположили, что контраст между предложениями (52a) и (52б) объясняется тем, что порядок слов в них отражает различие в структуре:

- (52) а. [[Ханако-га дзибууц-о кираттэ иру кото]-га
 Ханако-НОМ себя-АКК не.любит факт-АКК
 Дзиро:-и-о ю:уцуни сите иру]]
 Дзиро-АКК удрученный делает

б.	?? <i>Дзиро:</i>	<i>i-o</i>	[[Ханако-га	<i>дзибуни-о</i>	<i>кираттэ иру</i>
	<i>Дзиро-АКК</i>		<i>Ханако-НОМ</i>	<i>себя-АКК</i>	<i>не любит</i>
	<i>кото] -га</i>	<i>t_i</i>	<i>ю:уцуни</i>	<i>ситэ иру]</i>	
	<i>факт-НОМ</i>		<i>удрученный</i>	<i>делает</i>	

То, что Ханако не любит его_i (букв, себя), удручет Дзиро'.

В (52а) кореферентность между местоимением *дзибуни* 'себя; его' и ИГ *Дзиро:* возможна. В (52б) она значительно затруднена, ввиду того, что ИГ *Дзиро:* переместилась в начало предложения. Сайто и Ходзи предложили считать, что разный порядок слов отражает различие в синтаксической структуре между предложениями (52аб). В (52а) ИГ *Дзиро:* и местоимение *дзибуни* 'себя; его' не находятся в отношении командования (ни в ту, ни в другую сторону). Однако если предположить, что в (52б) конструкция изменилась, а именно ИГ-антecedент передвинулась в неактантную позицию, то она должна оставить след (*t_i*) в своей исходной позиции. В таком случае из своей новой позиции она вступает в отношение командования (см. скобки) со всем предложением, в том числе с местоимением и со своим собственным следом. Но именно такие конструкции дают эффект «слабого переезда». Если неприемлемость (52б) вызвана той же причиной, что и неприемлемость (13) в п. 2, т. е. «слабым переездом», это показывает, что (52б) в отличие от (52а) обладает структурой, сходной с (13), — антecedент не просто изменил место в линейном порядке, но передвинулся в командующую позицию, подобно тому, как это произошло с вопросительной ИГ *who* в (13).

Казалось, что проблема языков со свободным порядком слов приблизилась к своему решению. Правило «передвинь а» допускает, в принципе, неограниченное число передвижений с адъюнкцией в неактантные позиции, если при этом не нарушаются никакие условия передвижения. Потенциальные позиции для передвижения существуют как в английском, так и в японском языках, а различие в значениях параметров, принимаемых этими языками, касается возможностей использования тех или иных позиций для передвижения — в английском эти возможности очень скучны по сравнению с японским, отсюда и различие в типе порядка слов.

Впоследствии, однако, было обнаружено, что изменение базового порядка далеко не всегда имеет следствием эффект «слабого переезда». Г. Вебельхут [Webelhuth 1992] пока-

Часть 2. Синтаксические теории

зал, что в немецком языке этот эффект при изменении порядка слов, аналогичном (526), не наблюдается:

- (53) а. **Er hat seinem Nachbarn jeden Gast vorgestellt*
он ВСП его_i соседу каждого гостя_A представил
букв.: «Он представил его_i соседу каждого гостя_A;»
- б. *Er hat jeden Gast seinem Nachbarn ti vorgestellt*
он ВСП каждого гостя_i его_i соседу представил

Юн представил каждого гостя_i его_i соседу' (обратите внимание на различие в приемлемости русских переводов (53аб)!).

Понятно, почему предложение (53а) неграмматично — рефлексивное местоимение не находится в области командования своего антецедента. Но совершенно непонятно, почему грамматично (53б), несмотря на то, что в этом предложении мы видим типичную структуру «слабого переезда» — антецедент *jeden Gast* 'каждого гостя' переместился левее местоимения и должен командовать и местоимением, и своим следом.

Трудность здесь заключается еще и в следующем: чтобы связывать рефлексивное местоимение, согласно теории «управления и связывания», антецедент должен находиться в актантной позиции. Актантными позициями считаются те, в которых возможно получение тематической роли, т. е. подлежащие и дополнения. Но такой позиции между подлежащим и глагольной группой для передвинутого антецедента в (53б) не существует — все позиции подлежащих и дополнений уже заполнены в базовой структуре, которую отражает (53а). Тем не менее порядок слов в (53б) изменился по сравнению с базовым, и объяснить это оказывается невозможным.

Вебельхут обнаружил, кроме того, что из одной и той же «передвинутой» позиции ИГ может одновременно связывать анафор (признак актантной позиции) и лицензировать паразитический пробел (признак неактантной позиции).

Паразитическим пробелом называется мнимый след e_i , возникающий одновременно с действительным следом \tilde{e}_9 , что является характерным признаком передвижения в неактантную позицию, например англ. (54) *Which articles_i did you file t_i [without reading e_i]?* *Какие статьи ты сложил, не читая [их]?; (55) **The article_i was filed t_i [without reading e_i]* букв. «Статья была сложена не читая [ее]». Предложение (54) грамматично, так как передвижение в неактантную позицию, в данном случае SpecCP, разрешает паразитический пробел. Передвижение в актантную позицию (в данном случае в позицию подлежащего), наоборот, не допускает паразитического пробела (55).

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

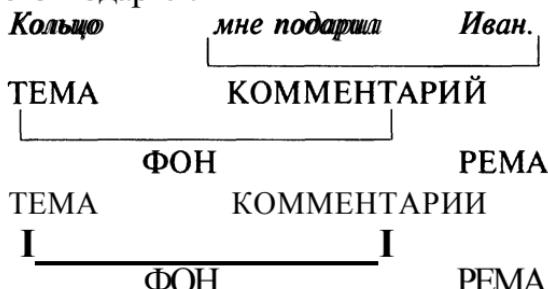
- (56) ?Peter hat die Gaste_i [ohne PRO e_i anzuschauen]
Пётр ВСП АРТ гостей без взглянуть
einander t_i vorgestellt
друг другу представил
'Пётр представил гостей друг другу не взглянув на них'.

ИГ *die Gaste* 'гостей' одновременно связывает анафору *einander* 'друг другу' и паразитический пробел в инфинитивном обороте *ohne PRO e anzuschauen*, букв. «без взглянуть» в значении 'без того, чтобы взглянуть на них' - дополнение, управляемое глаголом *anschauen* 'взглянуть', выражено пробелом. Это противоречие было названо «парадокс Вебельхута» — одна и та же позиция проявляет себя одновременно как актантная, и как неактантная. Впоследствии обнаружилось, что совмещение признаков «актантного» и «неактантного» передвижений — обычное явление в языках со свободным порядком слов [Corver, Riemsdijk (eds.) 1994; Beerman et al. (eds.) 1997].

В рамках ПГ было предложено несколько подходов к проблеме свободного порядка слов в русском языке [King 1995; Bailyn 1995; Кондрашова 1997; Фаулер 1997 (1987); Sekerina 1997]. Особого внимания заслуживает работа германских славистов У. Юнгханса и Г. Цыбатов [Junghanns, Zybatow 1997]. С одной стороны, предлагаемое ими решение традиционно для ПГ, поскольку исходит из постулата, что изменение порядка слов соответствует изменению в структуре составляющих. Вопреки обычному предположению минималистской теории, авторы не считают, что наблюдаемый порядок составляющих в русском языке вызван открытыми передвижениями, проверяющими сильные морфологические признаки. У. Юнгханс и Г. Цыбатов предлагают считать, что все морфологические признаки составляющих в русском языке слабые, т. е. в принципе любая составляющая может оставаться в своей исходной (= базовой) позиции. Если составляющая остается *in situ*, то ее слабые морфологические признаки проверяются поздно, т. е. на уровне ЛФ. Открытое передвижение предусматривает более раннюю проверку тех же признаков (еще до уровня ЛФ). В русском языке передвижения составляющих мотивированы не морфологическими признаками, а требованиями, которые предъявляет **информационная структура**, т. е. отражение в языке обстоятельств ситуации речи.

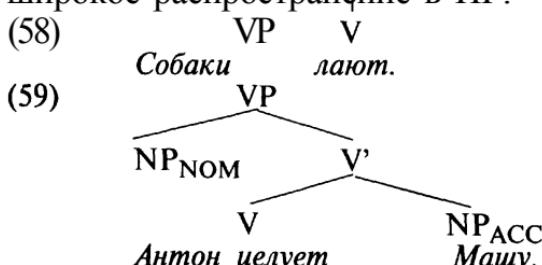
Информационная структура включает два компонента: «структуру ремы и фона» (Focus-Background Structure), которая отражает степень важности передаваемой информации, и «структуре темы и комментария» (Topic-Comment Structure), которая определяет исходный пункт сообщения, то, о чем в нем говорится. Границы, отделяющие рему от фона и тему от комментария, могут не совпадать, что можно видеть на примере (57):

(57) КОНТЕКСТ: Какое у тебя прекрасное кольцо. Кто тебе его подарил?

Определенные синтаксические позиции ассоциированы с определенными коммуникативными статусами, т. е. различные типы темы и фокуса выражаются не только фонологически, но и синтаксически. Например, в тетических предложениях (см. главу IX п. 2) отсутствует тема, и вся информация, содержащаяся в предложении, является одинаково важной, т. е. рема совпадает со всем предложением (случай «максимальной ремы»). Это означает, что признак ремы характеризует всю клаузу, или составляющую вида IP (или SpecAgrSP, если принять минималистский способ «расщепления» признака I).

Структура глагольной группы в русском языке обусловлена свойствами ее актантов. Подлежащее при непереходных глаголах действия (58) и при переходных глаголах (59) порождается не в SpecIP, а в SpecVP, откуда может передвигаться в SpecIP. Эта идея (VP-internal subject hypothesis) была высказана [Koopman, Sportiche 1991] и с тех пор получила широкое распространение в ПГ:

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

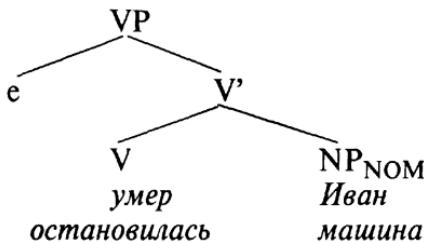
При некоторых непереходных глаголах их актант в им. п. чаще выступает в позиции после глагола [Ковтунова 1976; Крылова, Хавронина 1976; Шведова (ред.) 1980]: *Умер Иван Иванович* *Наступает весна*; *Строится дом*; *Остановилась машина* и т. п. Можно заметить, что так ведут себя глаголы, обозначающие процессы и состояния. Таким образом, порядок слов отражает противопоставление двух классов непереходных глаголов — агентивных и пациентных (о других различиях в свойствах их подлежащих см. главу VI п. 2). В ПГ непереходные глаголы, при которых подлежащие не отличаются или незначительно отличаются по своим свойствам от подлежащих при переходных глаголах, называются **неэргативными** (*unergative*). Считается, что деривация подлежащих при неэргативных глаголах такая же, как деривация подлежащих при переходных глаголах. Подлежащие при непереходных глаголах, которые по части свойств совпадают с прямыми дополнениями, называются **неаккузативными** (*unaccusative*); предполагается, что подлежащие при неаккузативных глаголах порождаются в позиции прямого дополнения, а затем могут передвигаться в позицию подлежащего (*SpecIP*).

Сходство подлежащих непереходных пациентных глаголов по ряду свойств с прямыми дополнениями, а подлежащих непереходных агентивных глаголов — с подлежащими при переходных глаголах в той или иной мере наблюдается в большинстве языков (анализ этого явления на материале русского языка см. в главе VI). В некоторых языках — например, во многих американских, в лазском (картвельская семья), в табасаранском (восточнокавказская семья) и других различие агента и пациента определяет конструкцию предложения, т. е. выбор падежа или согласование актантов с глаголом; в таком случае наблюдается «активная конструкция предложения» [Климов 1977]. В синтаксических теориях, которые постулируют несколько уровней деривации, естественно возникает предположение, что пациентное подлежащее при непереходном глаголе на начальном, более семантичном, уровне деривации занимает позицию прямого дополнения, отсюда и схожесть их свойств. Эта идея была впервые высказана в рамках реляционной грамматики Д. Перлмуттером [Perlmutter 1978], который и предложил при этом малоудачные термины *unergative* и *unaccusative*. В реляционной грамматике по этой теме наиболее важны работы [Harris A. 1981; Rosen 1984]. Впоследствии идея Перлмуттера была воспринята представителями ПГ [Burzio 1981; Belletti 1988; Levin, Rappaport Hovav 1995] и обоснована на русском материале в [Pesetsky 1982].

Неаккузативные глаголы, как и переходные, обладают комплементом (прямым дополнением), но не в вин. п., а в им. п.:

Часть 2. Синтаксические теории

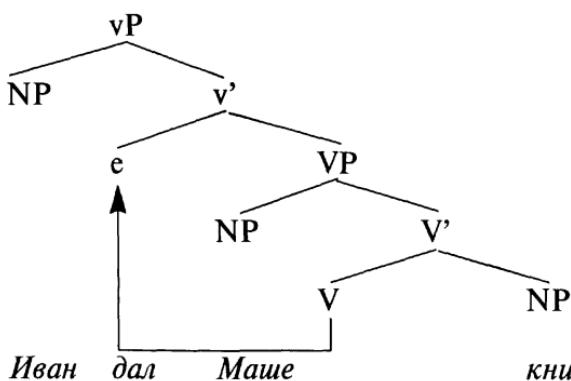
(60)

Таким образом, наиболее частый, немаркированный порядок слов с одно- и двухактантными глаголами непосредственно отражает иерархическую структуру возглавляемых ими глагольных групп, а отступления от этого порядка вызваны передвижениями, мотивированными информационной структурой, о которых речь пойдет ниже.

Руководствуясь постулатом последовательного бинарного ветвления, Юнгханс и Цыбатов предполагают для трехактантных глаголов анализ в духе ларсоновского VP-shell, однако, в отличие от Р. Ларсона, не рассматривают ИГ в дат. п. как сестру глагольного узла — в этом нет необходимости, так как в русском языке отсутствует «дативное передвижение». ИГ в дат. п. занимает позицию спецификатора вложенной VP, а комплементом переходного глагола остается ИГ в вин. п. Глагол передвигается в пустую позицию вершины vP, и в результате наблюдается нейтральный, немаркированный порядок слов при трехактантных глаголах. «Как правило, при нейтральном порядке слов конечную позицию занимает падежная словоформа, обнаруживающая большую степень семантической связи с глаголом» [Шведова (ред.) 1980: 207].

(61)

Нейтральный порядок наблюдается, как и в (58—60), в исходной (базовой) структуре, т. е. в такой, где не произош-

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

ло никаких передвижений, вызываемых информационным компонентом. Как можно убедиться в том, что в предложении (61) или (62) *Одна женщина подарила мальчику яблоко обе ИГ-дополнения — мальчику и яблоко остаются внутри глагольной группы?* Юнгханс и Цыбатов предполагают, что признак ремы характеризует составляющие, т. е. может приписываться глагольной группе в целом. В таком случае *мальчику и яблоко* оказываются ремой (случай предикативной ремы, см. главу IX п. 2). При том же порядке слов рема может характеризовать только ИГ прямого дополнения *яблоко* (случай узкой ремы, см. там же). В соответствии с принципом «экспансии ремы» (см. там же), акцентное выделение на прямом дополнении может означать как то, что оно является ремой, так и то, что ремой является вся составляющая, в которую оно входит - VP. Поэтому предложение (62) можно понять двояко: 1) как содержащее предикативную рему [_{VP} *подарила мальчику яблоко*], и тогда ИГ *мальчику* — неопределенная; 2) как содержащее узкую рему [_{NP} *яблоко*]; в таком случае ИГ *мальчику*, скорее всего, определенная. Поскольку ИГ *яблоко* входит в состав глагольной группы, в силу экспансии ремы ее акцентное выделение может означать также и то, что вся глагольная группа принадлежит реме.

Рассмотрим теперь предложение (63) *Одна женщина подарила яблоко мальчику*. В нем не наблюдается той же двузначности, что и в (62). В (63) при нормальном акцентном выделении ИГ *мальчику* эта ИГ является узкой ремой, а ИГ *яблоко* может быть только определенной ('gave the apple to a boy', но не 'gave an apple to a boy'). Таким образом, в (63) ИГ *мальчику* и ИГ *яблоко* не могут вместе образовать единую рему: «экспансии» с последней ИГ на предпоследнюю, в отличие от (62), не происходит. Следовательно, эти ИГ не входят обе в глагольную группу: одна из них покинула ее, и структурных оснований для экспансии ремы на всю VP нет, вследствие чего и двузначности, подобной (62), не наблюдается.

Русский язык, таким образом, допускает сохранение всех актантов в их базовых позициях. Актанты глагола и сам глагол выдвигаются из VP только если это мотивировано их информационным (в нашей терминологии коммуникативным) статусом. При этом допускается передвижение любого актанта (64—66; 68), и глагола-сказуемого (67) в позицию темы — SpecAgrsP или (для глагола) AgrsP. При этом ак-

Часть 2. Синтаксические теории

танты покидают свои исходные позиции в глагольной группе, что можно увидеть по тому, что они «обходят» обстоятельства образа действия (64), которые всегда выступают как адъюнкты VP (см. главу II 4.2.2); сами обстоятельства, если они не выражены вопросительными местоимениями или союзными словами, никуда передвигаться не могут): (64) *Иван_i [VP _{не}жно [VP _{t_i} целует *Машу*]]*; (65) *Маша_i [VP внимательно [VP _{t_i} читает книгу]]* (переходный глагол); (66) *Иван_i умер _{t_i}* (неаккузативный глагол); (67) *Пели_i птицы _{t_i}* (неэргативный глагол); (68) *Газету_i Иван купил _{t_i} после обеда* (тематизация дополнения).

Рема (focus) приписывается как синтаксический признак [F] к любой составляющей синтаксического дерева и фонетически реализуется как акцент на последнем слове составляющей. Поэтому рематическая неоднозначность возникает при соответствии порядка элементов в клаузе порядку составляющих в глагольной группе:

(69) [CP *Антон_i* [VP _{t_i} целует [NP *Машу*]]].

- [F] [F] [F]
- a. минимальная
(узкая) рема
- b. неминимальная
(предикативная) рема
- c. максимальная рема (тетическое предложение)

Предложение (69) может выступать в качестве ответа на три вопроса: *Кого Антон целует!* (a), *Что Антон делает!* (б) и *В чем дело!* (в).

Как быть со случаями, когда подлежащее является узкой ремой и при нейтральном расположении акцентированного слова находится в конечной позиции, например, *Машу целует Антон, Роман «Война и мир» написал Лев Толстой!* Чтобы объяснить такой порядок слов, Юнгханс и Цыбатов предполагают, что подлежащее, получившее признак [F], может быть передвинуто в позицию правого адъюнкта глагольной группы: (70) [ур [[F][NP *Инна*] [у *купила* платье]]] -> [ур [vp _{t_i} [_v Купила платье]]] [F]-[NP *Инна*]_i] (здесь признак ремы [F] соединен дефисом с ИГ подлежащего, к которой он приписывается).

5. Теория оптимальности

Принцип выбора из нескольких возможных дериваций, применяемый в «минималистской программе», получил своеобразную разработку у группы исследователей, которые попытались перенести в синтаксис методологию «теории оптимальности» (Optimality theory), выдвинутой первоначально в фонологии [Prince, Smolenky 1993]. В эту группу входят в основном очень авторитетные синтаксисты, создавшие себе имя задолго до возникновения «оптимального» проекта: [Grimshaw 1997; Pesetsky 1997; 1998; Anderson 2000; Bresnan 2000].

Основная идея теории оптимальности заключается в том, что принципы строения языка и в том числе синтаксические ограничения следует рассматривать не как абсолютные (= жесткие), а как относительные (= мягкие). Абсолютный принцип формулируется следующим образом: «Если предложение нарушает ограничение С, оно неграмматично». Относительный принцип построен по другой схеме: «То, что предложение нарушает ограничение С, может быть, и плохо, но все-таки лучше, чем нарушение ограничения В, а нарушение ограничения В лучше, чем нарушение ограничения А». Нарушение одного ограничения может не влиять на грамматичность, если другие варианты того же предложения нарушают более важные ограничения. Итак, ограничения, во-первых, могут нарушаться, а во-вторых, они образуют некоторую иерархию, от наиболее до наименее важных.

Выбор между вариантами на основе иерархии принципов осуществляется особый компонент грамматики, который действует позже трансформационного компонента и называется **оценивающим устройством** (Evaluator). Во всех языках представлено одно и то же множество ограничений, но их иерархический порядок по языкам различается. Из нескольких парадигматических вариантов предложения⁵ (они называются **кандидатами**) грамматичны только оптимальные варианты. **Оптимальным вариантом** называется такой, в котором не нарушается высшее по рангу ограничение.

Таким образом, теория оптимальности отвергает идею абсолютной ненарушимости принципов, которая лежит в

⁵ Особый вопрос заключается в том, каким образом отбирается множество кандидатов, поступающих на вход оценивающего устройства, т. е. каким образом устанавливаются границы рассматриваемой синтаксической парадигмы.

Часть 2. Синтаксические теории

основе «главного течения» ПГ. Статус языковой единицы О (например, предложения) по отношению к некоторому множеству принципов теории грамматики {P} определяется путем выяснения того, в каком отношении находятся с {P} другие языковые единицы, похожие на О и образующие с ним одну парадигму (множество кандидатов). Из всех кандидатов грамматичным признается тот, который не противоречит высшему по рангу принципу в {P}.

В качестве иллюстрации рассмотрим в упрощенном виде применение оценивающего устройства к структуре относительных придаточных с релятивизованными дополнениями, предложенное в [Pesetsky 1997; 1998]. Д. Песецкий предположил, что всякое придаточное относительное включает подчинительный союз (комплементайзер) и соузное слово, однако обычно по крайней мере одна из этих двух единиц опускается, например, исходная структура (71) а. *Книга, которая что была на полке* после опущения союза выглядит как б. *Книга, которая была на полке*, а после опущения соузного слова — как в. *Книга, что была на полке*. Опущение союза или соузного слова в разных языках происходит в зависимости от одного и того же множества универсальных принципов, однако иерархия этих принципов может быть различной.

(72) Принцип левого края (Left Edge, LE):

первым словом, которое произносится в СР (придаточном предложении), является комплементайзер (подчинительный союз).

Принцип левого края объясняет, например, почему во французском языке некоторые виды придаточных с релятивизованными дополнениями могут начинаться с союза *que* 'что' (73в), но не с относительного местоимения *qui* 'который': (73) а. **I'botte qui que je connais* букв, «человек, которого что я знаю»; б. **I'botte qui je connais* 'человек, которого я знаю'; в. *Thomme que je connais* букв, «человек, что я знаю». (Традиционно союз *que* 'что' в конструкциях типа (73в) считается особой разновидностью относительного местоимения, предназначенному для релятивизации дополнений.)

(74) Принцип восстановимости (Recoverability, R):

невосстановимая синтаксическая единица должна произноситься.

Восстановимой является такая единица, значение которой можно определить по имеющемуся антецеденту. Напри-

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

мер, в конструкции *девушка, что сидит справа* относительная группа, выраженная союзным словом *которая*, восстановима по своему антецеденту *девушка*, а в конструкции **девушка, что я говорю* предложная относительная группа невосстановима по антецеденту {*девушка, с которой я говорю; девушка, о которой я говорю; девушка, для которой я говорю ...*}⁶.

(75) **Принцип телеграфа** (Telegraph, T):

Служебные слова не должны произноситься.

Под «служебным словом» в относительном придаточном имеется в виду союз.

Применительно к релятивизации дополнений во французском языке указанные три принципа образуют следующую иерархию:

(76) R > LE > T.

Опущение относительного местоимения не нарушает принципа восстановимости в том случае, если оно не находится внутри предложной группы. Принцип левого края оказывает предпочтение тому варианту, при котором относительное местоимение опускается, так как при этом в начале придаточного предложения оказывается союз. В результате в (77) оптимальным оказывается вариант (77в), а более слабый принцип телеграфа для этой группы кандидатов нерелевантен:

(77)

	R	LE	T
a. * <i>l'homme qui que je connais</i>	*	*	
человек который что я знаю			
b. * <i>l'homme qui que je connais</i>		*	
<i>l'homme qui que je connais</i>			*
c. * <i>l'homme qui que je connais</i>		*	
<i>l'homme qui que je connais</i>			

В примерах (78), где налицо невосстановимая предложная группа *avec qui* 'с которым', неграмматичны примеры (78вг). Второй по значимости принцип левого края нарушается в обоих оставшихся примерах (78аб) и поэтому не может осуществить выбор между ними. В таком случае решающее значение приобретает самый слабый для французского языка принцип телеграфа, который указывает на (78б) как на грамматичный вариант, поскольку в (78б), но не в (78а) опускается служебное слово *que* 'что'.

Предложная относительная группа восстановима в том случае, когда сказуемое управляет одной определенной предложной конструкцией, чем и объясняется допустимость в некотором варианте русского языка предложений типа *Вот эта девушка, что я влюблена* {*влюблена* управляет предлогом *в* с вин. п.}.

Часть 2. Синтаксические теории

(78)		R	LE	T
a.	* <i>l'homme avec qui que j'ai dansé</i>	*	*	
	человек с которым что я.ВСП танцевала			
b.	<i>l'homme avec qui que j'ai dansé</i>		*	
v.	* <i>l'homme avec qui que j'ai dansé</i>	*		*
г.	* <i>l'homme avec qui que j'ai dansé</i>	*		

В английском языке иерархия принципов выглядит следующим образом:

$$(79) R > LE = T.$$

Принципы левого края и телеграфа ранжированы одинаково, т. е. образуют пару **связанных ограничений** (constraint tie). Это означает, что нарушение одного из них не превышает по рангу нарушение другого:

(80)	R	LE	T
a. * <i>the person whom that I met</i>	*	*	
‘человек, которого я встретил’			
b. <i>the person whom that I met</i>		*	
v. <i>the person whom that I met</i>		*	
g. <i>the person whom that I met</i>		*	

Подход, предложенный Песецким, позволяет дать ответ на вопрос, много лет дискутирующийся в ПГ, но так и не получивший общепризнанного решения — почему в относительных придаточных невозможно одновременное заполнение позиций SpecCP (соузное слово) и С (соуз), например, *мальчик, который что я видел.

Обратим внимание на то, что по крайней мере два принципа, предложенные Песецким, — восстановимость и «телеграф» — можно рассматривать как проявление более общего принципа экономии средств сообщения, — одного из ключевых положений функционализма. О перспективах, которые открывает теория оптимальности для функционализма, см. [Haspelmath 1999B].

6. Общая оценка порождающей грамматики

Невероятный успех и популярность ПГ, которые ее противники упорно продолжают объяснять внеучвенными причинами, основывается, как нам представляется, на интуитивной привлекательности методологии, предложенной Хомским, и на огромных и неоспоримых достижениях в изучении синтаксиса, которые были достигнуты возглавляемым

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

им направлением. Попытка Хомского и его последователей создать теорию грамматики в том же смысле слова, в котором теория понимается в естественных науках, привела к обнаружению (в основном в 1960-е годы) множества новых фактов первостепенного значения и, как следствие, — к революционным изменениям в синтаксической науке. Конструкции «стандартной» и «расширенной стандартной теории», «теории принципов и параметров» и «минимализма», равно как и «конкурирующие» синтаксические теории, следует рассматривать как первые попытки теоретического осмыслиения этих фактов. Одно из ключевых исходных положений ПГ — принцип структурной обусловленности — а именно то, что синтаксические правила применяются к структуре составляющих, не может быть подвергнуто серьезному сомнению. Например, синонимичные предложения (81) а. *Эта гипотеза, как Бор рассказывал, была предложена Дираком в 1930 г.* и б. *Бор рассказывал, что эта гипотеза была предложена Дираком в 1930 г.*, обладают разной структурой и поэтому, например, релятивизация ИГ *этая гипотеза* возможна в (8Га), но невозможна в (8 Гб): (8 Г) а. *этая гипотеза, которая, как Бор рассказывал, была предложена Дираком в 1930 г.*, но б. **этая гипотеза, которая Бор рассказывал, что была предложена...* Успех ПГ среди великого множества лингвистов в конечном счете объясняется очевидностью простого и фундаментального факта зависимости правил от структуры.

С другой стороны, стремление выводить все сколько-нибудь существенные различия в синтаксических свойствах предложений из различий в структуре составляющих наталкивается на явное сопротивление материала. В конце концов свести все различия к различиям в структуре удается только тогда, когда структура оказывается, во-первых, очень сложной и, во-вторых, чрезмерно абстрактной, т. е. достаточно далекой от наблюдаемых фактов.

Основной проблемой современного генеративизма является то, что анализ структуры предложения стал основываться не столько на наблюдаемых распределениях классов составляющих, как это имело место еще на стадии теории принципов и параметров, сколько на сумме абстрактных гипотез об устройстве синтаксической структуры. Обилие описательных возможностей, которые открывают постулированные проекции функциональных вершин с множеством до-

Часть 2. Синтаксические теории

полнительных позиций для передвижения, увеличивает выразительную силу грамматики едва ли не катастрофическим образом. Рамки минималистской теории оказываются настолько широкими, что в них может поместиться любой материал, ввиду чего принципиальное для Хомского противопоставление теории и метода практически сходит на нет.

Как с тревогой пишет Г. Вебельхут, «пока что лишь немногие авторы обращались к проблеме объяснительной адекватности, которую всегда создает радикальное обогащение описательных средств. Теория всегда слаба настолько, насколько слаб ее самый слабый компонент: синтаксический компонент теории, постулирующий одни и те же функциональные проекции во всех языках, может быть сконструирован элегантно и обладать объяснительной силой, но если это потребует от морфо-фонологического компонента, чтобы он содержал большое число принципиально не мотивированных правил озвучивания, то не следует ожидать никакого регулярного соотношения между цепочками грамматических элементов в языке и их синтаксическим анализом... Новые описательные средства привносят много дополнительных решений, которые приходится принимать [ребенку. - Я. Т.] в процессе овладения языком» [Webelhuth 1995: 84].

Умножение функциональных вершин, их проекций и доступных позиций для передвижений, в том числе скрытых, не только увеличивает выразительную силу описательной модели, принятой в ПГ. Не менее серьезная проблема заключается в том, что при таком развитии теории все убедительней звучит критика Б. Комри, высказанная еще в 1989 г.: «Проблема априористической аргументации... заключается в том, что она, при существующей технике анализа, не может быть подвергнута никакой эмпирической проверке, т. е. в принципе не может быть опровергнута»; исследовательская парадигма ПГ «характеризуется множеством сомнительных допущений, которые играют ключевую роль в аргументации, однако эти допущения по большей части не поддаются проверке, по крайней мере в настоящее время, так что принятие данной парадигмы становится попросту вопросом веры»; «единственным видом языковых универсалий, которые представляют интерес с эмпирической точки зрения, являются такие универсалии, к которым могут быть сконструированы потенциальные контрпримеры» [Comrie 1989: 5, 15].

Применение методологии естественных наук к языку — области не природных явлений, но человеческого поведения — не может быть принято как нечто само собой разумеющееся. Поэтому Хомским был разработан научный миф о биологической основе языка — врожденном компоненте языковой способности человека, который ограничивает разнообразие языков почти в том же смысле, в каком ограничена определенными пределами способность человека воспринимать световые или звуковые волны.

Утверждая, что основные принципы строения языка представляют собой специфическую особенность вида *homo sapiens*, Хомский предлагает для его изучения детерминистскую методологию, свойственную, скорее, не биологии, а классической физике. По Хомскому ребенок не в состоянии усвоить язык, устройство которого противоречит врожденному компоненту, в том же смысле, в каком камень, брошенный у поверхности земли, не может полететь вверх. Поэтому универсалии, с которыми имеет дело ПГ, в принципе не могут иметь исключений. Если в каком-то языке обнаруживается факт, противоречащий какому-либо принципу УТ, то генеративисты либо пересматривают этот принцип, либо интерпретируют обнаруженный факт таким образом, чтобы устраниТЬ противоречие.

Нет оснований отрицать теоретическую возможность таких искусственных (или «кинопланетных») языков, овладение которыми не под силу человеческому мышлению. Так же нельзя априорно отрицать, что несоответствие между врожденной программой овладения родным языком и исходными данными может в принципе привести к неудаче, как кончаются неудачей попытки обучить обезьян языку глухонемых выше определенного доступного для них уровня. Может быть, человеческое мышление вовсе не способно функционировать в мире, обладающем непривычными для него характеристиками, или понимать деятельность разума, устроенного иначе, чем разум человека. Подобная гносеологическая трагедия, ситуация «пикника на обочине», если воспользоваться знаменитой метафорой братьев Стругацких, неизбежно возникла бы, если бы было нарушено привычное нам соответствие между принципами мироздания и принципами человеческого мышления.

Однако если мы обратимся к «универсальной грамматике» Хомского и попытаемся представить себе язык, для которого неверны ее принципы, то такой язык вовсе не будет чем-то малообразимым вроде 10-мерного пространства или мира, в котором изменены значения основных физических констант. В действительности, как хорошо известно любому типологу, включая и тех типологов, кто работает в рамках ПГ, «ко всему есть исключения» в доступной исследователям выборке языков мира (в том числе и почти ко всем «универсальным» принципам ПГ). Собственно, текущая литература по ПГ в значительной степени представляет

собой попытки интегрировать в теорию новые факты, которые ей противоречат. Такая законная исследовательская стратегия не может вызывать возражений. Проблема лишь в том, что детерминистская установка ПГ не делает принципиально важного различия между утверждениями, верными для подавляющего большинства языков, и утверждениями, неверными для их подавляющего большинства, поскольку «универсальные принципы» ПГ отражают геном человека и как таковые не могут знать исключений. Поэтому в одной из своих работ Ф. Ньюмейер доказывает, что типология и ПГ имеют дело с совершенно разными видами универсалий и что *explananda* (то, что подлежит объяснению) в типологии и «абсолютные» универсалии генеративистики не пересекаются друг с другом [Newmeyer 1999].

Вывод Ньюмейера логически неизбежно следует из исходных положений ПГ, однако противоречит реальной исследовательской практике. Теоретическая ценность многочисленных индуктивных универсалий, обоснованных к настоящему времени, не может быть поставлена под сомнение, и, несмотря на то что в ПГ не используется метод работы с выборками языков, она усвоила некоторые результаты индуктивной типологии. Например, в учебниках ПГ обычно излагается «параметр вершины» - тот факт, что ветвящееся зависимое (в интерпретации ПГ — комплемент) либо следует за вершиной, либо предшествует ей, независимо от типа фразовой категории⁷. Однако классы языков с начальным положением вершины (правоветвящиеся) и с конечным положением вершины (левоветвящиеся) не охватывают всей доступной выборки: есть и хорошо изученные исключения, например китайский язык. Важно понять не только то, почему это исключение вообще существует, но и то, почему исключено к этой типологии так мало. Между тем проблема немногочисленности исключений вообще не может быть поставлена в концептуальных рамках ПГ.

В большинстве языков анафорические местоимения подразделяются на два четко различимых класса — рефlek-

⁷ Это изложение обычно сопровождается комментарием на тему о «легкости усвоения» порядка слов ребенком при наличии этого параметра: достаточно распознать порядок в одном типе фразовой категории (например, ИГ), чтобы был усвоен порядок и во всех остальных типах. Комизм подобных рассуждений явно не замечается их авторами, — ведь порядок слов в основных видах словосочетаний может быть усвоен индуктивно даже при самом ограниченном исходном материале.

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

сивы (*себя*) и прономиналы (*он*), см. о них главу XII п. 7. Это различие, предусмотренное классической теорией связывания [Chomsky 1981], не учитывает наличия в языках мира местоимений, которые не укладываются в теорию — нелокальных рефлексивов, а также «неограниченных местоимений» [Тестелец, Толдова 1998]. Первые проявляют одновременно некоторые ограничения, свойственные и рефлексивам, и прономиналам, а вторые вообще не подчиняются никаким синтаксическим ограничениям. В рамках ПГ предпринято множество, в основном мало убедительных, попыток видоизменить теорию связывания таким образом, чтобы учесть новые факты (см. обзор в [Harbert 1995], обзор и критику в [Huang 2000]). При этом упускается из виду то обстоятельство, что нелокальные рефлексивы и неограниченные местоимения очень редки и что, следовательно, теория связывания в первоначальной редакции Хомского в основном верно характеризует свойства подавляющего большинства анафорических местоимений большинства языков. Важный вопрос о том, почему хорошо изученные факты, которые противоречат этой теории, столь немногочисленны, в ПГ не может быть даже поставлен: никакие грамматики, построенные в результате раскрытия врожденного компонента знания языка, не могут содержать правила или ограничения, противоречащие этому компоненту.

По-видимому, в большинстве языков на основе простых дистрибутивных критериев можно выделить фразовую категорию, возглавленную существительным, - именную группу (ИГ). Есть и хорошо известные исключения, например, язык вальбири (о нем см. выше), где ИГ, по крайней мере на основании тех же критериев, невыделима. Вместе с тем в большом числе языков (может быть - в их большинстве) на основании дистрибутивных критериев не выделяется фразовая категория, возглавленная знаменательным глаголом и при этом меньшая, чем предложение, — глагольная группа (ГГ). Опять-таки, есть известные исключения, например, английский язык, в котором ГГ выделяется на основании простых дистрибутивных тестов (см. главу II 4.2.2). В современной ПГ эти межъязыковые различия объясняют разными свойствами функциональных морфологических вершин. В одних языках — с сильной морфологией — функциональные узлы «притягивают» к себе слова в «открытом» синтаксисе, в других языках — со слабой морфологией —

они не могут этого делать и оставляют фразовые категории до озвучивания в том виде, в каком они построены «обобщенной трансформацией». При этом вопрос о том, почему в большинстве языков ИГ остаются в целости, а ГГ легко «разрушаются» притяжением их частей к функциональным узлам, в рамках ПГ даже не может быть поставлен.

Применимость детерминистской методологии к человеческому поведению сомнительна и по общим соображениям. Как правило, поведение человека наиболее (хотя, разумеется, не полностью) детерминировано в условиях ограниченного ресурса (например, в экономике). Что касается, грамматики, то, как показали работы Дж. Хокинса (глава XV п. 2), в основе устройства таких важнейших для ПГ компонентов грамматической структуры, как порядок слов и структура составляющих, лежат принципы оптимальной организации системы распознавания речи, которая обладает ограниченным ресурсом загрузки анализирующих механизмов. Однако по Хомскому эти механизмы относятся к сфере «употребления», а не «компетенции», и не имеют отношения к мышлению и, следовательно, к знанию языка. Регулярность грамматики, напоминающая регулярность природных явлений, во многом оказывается следствием этих внешних факторов, относящихся согласно Хомскому к области «употребления», а не внутренних факторов строения интеллекта.

Таким образом, есть серьезные основания подозревать, что Хомский усмотрел действие врожденных абстрактных интеллектуальных схем в той области языка, где, может быть, их влияние минимально, — в грамматике. Достаточно очевидно, что регулярные и повторяющиеся структуры грамматики усваиваются легче и требуют менее сложного стимула, чем нерегулярные единицы, такие, как лексемы. Проблема усвоения колossalного объема лексических значений и лексической сочетаемости представляется гораздо более серьезной, — достаточно раскрыть любой словарь, выполненный на современном уровне лексикографии.⁸

Использование формальной грамматики в качестве объяснительного инструмента позволило ПГ сформулировать ряд важнейших обобщений, которые оставались неза-

⁸ Сторонники ПГ достаточно давно признали, что теоретическое объяснение устройства словаря и лексической семантики должно апеллировать к особому множеству принципов, хотя пока на этом направлении сделано мало, см. [Grimshaw 1990].

мечеными как традиционной лингвистикой, использующей интуитивные и неэксплицитные понятия, так и структурализмом, представители которого пытались применять к грамматике неадекватную для нее объяснительную модель, разработанную на материале сегментной фонетики. Эти обобщения расцениваются в ПГ как предположительно универсальные. В рамках ПГ принципом универсальной грамматики признается такое обобщение, которое позволяет объяснить усвоение некоторого фрагмента грамматики ребенком на основании неполных и некачественных данных. При этом вовсе не считается необходимым опираться на данные наблюдений над детской речью, хотя иногда такие факты привлекаются. Должно быть, впрочем, понятно, что утверждение типа «правило X не может быть обнаружено ребенком в процессе овладения языком на основании корпуса данных Y и имеющегося у него в распоряжении индуктивного механизма обобщения Z» крайне трудно доказать или опровергнуть с помощью каких бы то ни было наблюдений или экспериментов, тем более что механизмы индуктивного обобщения, которые используются ребенком при овладении языком, пока изучены совершенно недостаточно.

В реальной исследовательской практике ПГ «универсалами» признаются утверждения, удовлетворяющие двум условиям. Прежде всего, универсалия должна быть сформулирована в абстрактных терминах: она не только (по очевидным причинам) не может содержать упоминания слов иди морфем конкретного языка, но не может использовать грамматические термины, в универсальности которых есть сомнение (такие, как «существительное» или «именная группа»). Однако не всякое утверждение, выраженное в абстрактных терминах и верное для некоторого языка (например английского), получает в ПГ статус универсалии. По-видимому, «универсалей» считается любой тезис, который выражает интуицию исследователя-генеративиста, отчасти основанную на его языковом опыте, относительно того, «что возможно» и «что невозможно» в человеческом языке. О существовании подобной интуиции, о ее эвристической полезности и одновременно об опасности доверия к ней уже говорилось в главе X п. 2.

В конечном счете теоретическим достижением в ПГ считается такое абстрактное обобщение, которое принимается значительным числом ее приверженцев как соответст-

Часть 2. Синтаксические теории

вующее «универсальному» компоненту их индивидуальной лингвистической интуиции. Окончательным арбитром выступает, впрочем, интуиция основателя теории.

Можно сказать, несколько утрируя, что Хомский к настоящему времени превратился в «идеального абстрактного теоретика» — фигуру, в какой-то степени пародирующую абстрактного идеализированного «говорящего» генеративной теории [Хомский 1972 (1965): 9]. Подобно тому как задача лингвистов по Хомскому — объяснить поведение этого идеального персонажа, который способен построить «все и только правильные» предложения и безошибочно оценить приемлемость либо неприемлемость любых предложений, так и многие генеративисты видят сегодня свою задачу в интерпретации поведения Хомского — лингвиста, который производит «все и только правильные» теоретические предложения, а также выносит суждения о приемлемости либо неприемлемости предъявляемых ему теоретических идей. Такой интерпретацией зачастую оказывается просто анализ фактов разнообразных языков в рамках предложенной теории.

Предыдущий абзац не следует, впрочем, рассматривать как насмешку над полезным понятием идеального говорящего, несовершенным, как и всякая идеализация, ни тем более над его автором — выдающимся ученым нашего времени. При сколь угодно скептическом или отрицательном отношении к абстрактным конструкциям последних вариантов ПГ не следует забывать, что для Хомского все они не более чем способ приблизиться к решению философских вопросов — «что собой представляет человеческое мышление?» и «в чем принципиальное отличие человека от животного?». Способность к овладению языком так же, как, например, способность к овладению математикой, для Хомского признак принципиального, качественного отличия мышления человека от мышления высших животных. В отличие от Фрейда, который редуцировал сложные формы человеческого поведения к конфликту между элементарными биологическими инстинктами и условиями жизни в социуме, Хомский не устает подчеркивать, что никакие внешние обстоятельства и условия использования языка не являются определяющим фактором его структуры; он даже, к изумлению некоторых своих безоговорочных приверженцев [Pinker 1994: 24], выражает сомнение по поводу того, что происхо-

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

ждение языка можно объяснить дарвиновским естественным отбором.

Приходится признать, что коммунистические «теоретики», громившие Хомского за идеализм, при всем своем анекдотическом невежестве и непонимании сути лингвистических проблем, все же не были такими идиотами, какими казались. Точка зрения Хомского на язык и на человека — его носителя — это действительно «партийная философия», но только в том смысле, что она резко противостоит мнению другой «партии», которая учит, что человек — не более чем высокоорганизованное животное, лучше других видов приспособившееся к условиям окружающей среды, а строение языка отражает всего лишь формы такого приспособления. В то же время надо трезво сознавать, что философская глубина теории еще никак не гарантирует ее лингвистической адекватности.

Каким образом ПГ выберется (и выберется ли вообще) из указанных выше трудностей, какова ее дальнейшая судьба и какие новые направления лингвистики унаследуют достигнутые ею результаты, покажет будущее. Если даже взгляды Хомского на природу языка и задачи лингвистической теории будут отвергнуты лингвистикой XXI века, предпринятая им первая и грандиозная по масштабам и интеллектуальной глубине попытка создания такой теории ни в каком случае не будет просто отброшена. Как известно, Колумб до конца жизни был убежден, что он открыл западный морской путь в Индию. Это было ошибкой. Но худшей ошибкой было бы заключить на основании этого, что он вообще ничего не открыл.

Рекомендуемая литература

Кроме публикаций, указанных в тексте главы, см. о минималистской теории еще книгу [Lasnik 1999] и предварительную публикацию [Chomsky 1998]. Проблеме свободного порядка слов посвящены сборники [Grewendorf, Sternefeld (eds.) 1990; Corver, Riemsdijk (eds.) 1994; Beerman et al. (eds.) 1997]. В печати находятся или только что вышли в свет монография Lasnik I. Minimalist Investigations in Linguistic Theory. Routledge Ltd. и учебник Lasnik H. Uriagereka J. A Course in Minimalist Syntax. Oxford: Blackwell.

Глава XIII. Последние варианты порождающей грамматики

ждение языка можно объяснить дарвиновским естественным отбором.

Приходится признать, что коммунистические «теоретики», громившие Хомского за идеализм, при всем своем анекдотическом невежестве и непонимании сути лингвистических проблем, все же не были такими идиотами, какими казались. Точка зрения Хомского на язык и на человека — его носителя — это действительно «партийная философия», но только в том смысле, что она резко противостоит мнению другой «партии», которая учит, что человек — не более чем высокоорганизованное животное, лучше других видов приспособившееся к условиям окружающей среды, а строение языка отражает всего лишь формы такого приспособления. В то же время надо трезво сознавать, что философская глубина теории еще никак не гарантирует ее лингвистической адекватности.

Каким образом ПГ выберется (и выберется ли вообще) из указанных выше трудностей, какова ее дальнейшая судьба и какие новые направления лингвистики унаследуют достигнутые ею результаты, покажет будущее. Если даже взгляды Хомского на природу языка и задачи лингвистической теории будут отвергнуты лингвистикой XXI века, принятая им первая и грандиозная по масштабам и интеллектуальной глубине попытка создания такой теории ни в каком случае не будет просто отброшена. Как известно, Колумб до конца жизни был убежден, что он открыл западный морской путь в Индию. Это было ошибкой. Но худшей ошибкой было бы заключить на основании этого, что он вообще ничего не открыл.

Рекомендуемая литература

Кроме публикаций, указанных в тексте главы, см. о минималистской теории еще книгу [Lasnik 1999] и предварительную публикацию [Chomsky 1998]. Проблеме свободного порядка слов посвящены сборники [Grewendorf, Sternefeld (eds.) 1990; Corver, Riemsdijk (eds.) 1994; Beerman et al. (eds.) 1997]. В печати находятся или только что вышли в свет монография Lasnik I. Minimalist Investigations in Linguistic Theory. Routledge Ltd. и учебник Lasnik H. Uriagereka J. A Course in Minimalist Syntax. Oxford: Blackwell.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА!

В основе категориальной грамматики лежит математическое исчисление, моделирующее распознавание цепочек слов в качестве правильно построенных предложений естественного языка и восходящее к работам К. Айдукевича (п. 1) и И. Ламбека (п. 2). Современной категориальной грамматике удается успешно справляться с анализом некоторых конструкций («подъем правого узла», сочинение нестандартных составляющих, отдельные виды передвижений), которые представляют трудно разрешимую проблему для других теорий. Вместе с тем категориальная грамматика не приспособлена для описания грамматических связей между линейно разделенными составляющими - согласования, анафоры и т. п. (п. 3).

В отличие от большинства синтаксических теорий категориальная грамматика (КГ, Categorial Grammar) пока не сложилась в виде полноценной научной парадигмы. В рамках КГ работает не более двух десятков лингвистов (их число трудно оценить ввиду перехода некоторых исследователей из разряда лингвистов в разряд логиков, и наоборот), причем среди них нет какой-либо признанной иерархии авторитетов. По проблемам КГ не проводится регулярных научных конференций, отсутствуют периодические издания, в редакциях которых ее адепты обладали бы контрольным или хотя бы блокирующим «пакетом акций».

Однако как история, так и современное состояние КГ имеют ряд особенностей, делающих заведомо неполной картину синтаксических исследований, в которой не нашлось бы места данному направлению. С хронологической точки зрения КГ представляет собой попытку воплотить в жизнь едва ли не первую научную программу, предложенную для исследования естественного языка специалистами по точным наукам, а именно по математической логике. Вместе с тем современная КГ выработала весьма интересные и эффективные подходы к некоторым грамматическим явлениям, анализ которых в большинстве других теорий оказывается крайне проблематичным (в основном эти явления связаны с сочинением, см. п. 3).

Критики КГ утверждают, что этот локальный успех приобретен непомерно дорогой ценой, прежде всего - ценой отказа от такого, казалось бы, самоочевидного требования, как единственность синтаксической структуры, сопоставляемой всякому словосочетанию и предложению языка. Однако

¹ Глава XIV написана К.И. Казениным.

Глава XIV. Категориальная грамматика

в действительности именно эта «дорогая цена» и придает КГ особый интерес и особое значение, делая ее своего рода «лингвистикой Лобачевского», т. е. теорией, сознательно отказавшейся от аксиомы, которая никак не может быть проверена экспериментально, но при этом в огромной степени определяет облик других научных направлений. Попытка выяснить, какие преимущества и какие недостатки имеет отказ от такой аксиомы, во всяком случае, не лишена смысла.

Наконец, важно отметить, что именно на КГ базируются некоторые из прикладных моделей, служащих для автоматического распознавания синтаксических структур (например, [Ades, Steedman 1982, Morrill 1988, Zeevat 1988]).

Приступая к изложению важнейших вех развития КГ, следует подчеркнуть, что с момента ее зарождения в 1930-е годы и вплоть до начала 1980-х годов разработкой этой теории занимались в основном логики и математики, но не лингвисты. Как следствие, лишь в последние 20 лет существования КГ в ее поле зрения попали нетривиальные лингвистические явления, а до этого рассматривались почти исключительно простейшие, базовые типы предложений. Тем не менее для понимания материала, относящегося к современному этапу развития теории (п. 3), необходимо знакомство с п. 1—2, в которых излагаются основания КГ.

1. Первые шаги

Первый вариант КГ был предложен в 1935 г. польским логиком К. Айдукевичем [Ajdukiewicz 1935]. Целью Айдукевича было построение распознающего логического устройства, позволяющего для всякой цепочки слов определить, является ли она предложением некоторого языка. До сих пор (в гл. X и XI) мы рассматривали примеры таких формальных грамматик, которые строили множество всех правильных цепочек символов, указывая при этом структуру, и не строили ни одной неправильной цепочки. Такие грамматики называются **порождающими**. Однако кроме них существуют и **распознающие** формальные грамматики, т. е. такие, которые для любой предъявленной цепочки умеют решить, является эта цепочка правильной или нет, и в случае положительного ответа указывают структуру этой цепочки. КГ принадлежит к последнему типу.

Часть 2. Синтаксические теории

Подробнее о разграничении порождающих и распознающих грамматик см. [Гладкий, Мельчук 1969: 150-153]. Отметим, что предложенный Айдукевичем формализм может быть легко «перенастроен» с задачи распознавания на задачу порождения грамматически правильных предложений, см. [Karlsgren 1978, Marciszewski 1988: 10].

Каждой языковой единице Айдукевич приписывал определенное категориальное значение, или **тип**. Отметим, что как теория, так и сам инвентарь синтаксических типов в значительной степени базировались на хорошо разработанной в формальной логике 1920-30-х годов теории семантических типов, т.е. таких смысловых категорий², как «индивид», «отношение между индивидами» и т.д.

Представление о том, что синтаксические типы могут быть простыми и сложными, Айдукевич унаследовал от теории семантических типов. Простой тип не допускает разложения на более мелкие семантические элементы, а в синтаксисе, соответственно, не требует представления в виде структуры, включающей в себя другие типы. В теории семантических типов обычно выделяют два элементарных типа, а именно индивид и отношение. В соответствии с этим Айдукевич ограничил число простых синтаксических типов **именами (N)** и **предложениями (S)**. Что касается сложных типов, то их число было потенциально бесконечным в результате рекурсии (теоретически не ограниченного усложнения) простых типов (хотя далеко не всякий полученный таким образом сложный тип находил реальное применение при анализе языковых выражений). Семантически наряду с отношением между индивидами возможно отношение между отношениями, отношение между индивидом и отношением, отношение между индивидом и отношением двух отношений и т. д. Применение этой идеи к инвентарю синтаксических типов позволило Айдукевичу приписать всем частям речи, отличным от имен, сложные синтаксические типы. Например, непереходный глагол представлялся как отношение между предложением и именем, так как, будучи сказуемым, он, сочетаясь с именем-подлежащим, образует предложение. В нотации Айдукевича такое отношение записывалось как S-N, где горизонтальная черта обозначала отношение; однако в последующих исследованиях по КГ нотация была изменена для того, чтобы отражать также линейный порядок элементов, между которыми устанавливается отношение.

² Теория семантических типов основывалась на идеях Э. Гуссерля и получила разработку в работах польского логика С. Лесневского [Lesniewski 1929].

В настоящей главе мы будем следовать варианту нотации, используемому в большинстве современных работ по КГ. В такой нотации тот из двух вступающих в отношение элементов, который занимает более высокое положение в синтаксической структуре (смысл этого выражения будет ясен из нижеследующих примеров), всегда записывается слева. Если элемент, занимающий более низкое положение в синтаксической структуре, линейно предшествует элементу, вступающему с ним в отношение, между двумя элементами ставится косая черта с наклоном влево ($X\backslash Y$); в противном случае между ними пишут косую черту с наклоном вправо (X/Y)³.

На интуитивном уровне косая черта («слэш») выражает отсутствие некоторого элемента, что делает составляющую неполной. Например, в английском языке непереходный финитный глагол типа *came* «пришел» рассматривается как предложение (S), которому «не хватает» именной группы (NP); сложный тип такого вида записывается как (S\NP).

Использование инвентаря сложных синтаксических типов указывает на важное отличие КГ от грамматик составляющих. Имена, или коды, синтаксических классов в грамматике составляющих (N, NP, S, ... и т. д.) в принципе не содержат в себе сведений о том, какие именно правила определяют их сочетаемость в предложении, хотя в ПГ были сформулированы некоторые обобщения подобного рода, такие как $XP \rightarrow YP X^5$; $X^1 \rightarrow X ZP$, что и позволило в конце концов избавиться от правил грамматики составляющих. В КГ предлагается еще более простая система кодирования классов синтаксических единиц, которая для любой пары единиц А и В позволяет увидеть возможность либо невозможность сочетания АВ, а также класс этого сочетания непосредственно из кодов, которые приписываются по отдельности А и В в словаре. «Другими словами, все коды должны иметь определенную "внутреннюю форму", быть "говорящими", и притом, что особенно важно, коды разных классов должны быть согласованы между собой и образовывать алгебраическую систему».

³ В некоторых работах по категориальной грамматике, например, в [Steedman 1985], принимается так называемая «ненаправленная» модель, в которой используется только один тип черты ($X|Y$), не указывающий на то, находится ли элемент Y справа или слева от X.

му так, чтобы с помощью несложных операций можно было по кодам комбинирующихся классов механически получать код класса полученной комбинации. Таким образом, здесь вся информация о синтаксической сочетаемости сосредоточена не в списке правил... а в самих синтаксических кодах слов» [Гладкий, Мельчук 1969: 123].

Важнейшая предпосылка, на которой строятся все версии КГ со времен Айдукевича до наших дней, состоит в том, что всякая «нехватка» синтаксического материала, выражаемая с помощью косой черты, должна быть «восполнена». Грамматически правильное предложение должно иметь символ S без всяких косых черт — это значит, что ни одна «деталь» из предложения не «выпала». Если в результате применения допустимых операций получается символ предложения S, это означает, что анализируемое предложение грамматически правильно, а последовательность примененных операций и цепочек, получаемых в результате их применения, задает синтаксический анализ предложения.

Для этого необходимы определенного рода операции над типами слов, образующих предложение. В системе Айдукевича разрешена была только одна операция над типами, названная **аппликацией**. Аппликация представляет собой замену сочетания двух типов на один тип, если один из типов, входящих в сочетание, является отношением, а второй соответствует правому элементу в типовой записи этого отношения:

- (1) a. $Y \setminus Y \rightarrow X$
 b. $X/Y \quad Y \rightarrow X$

Действие аппликации подчиняется важному ограничению, постулированному Айдукевичем и сохранившемуся во всех последующих версиях КГ, где оно было распространено и на другие операции над типами. Требование это состояло в контактном линейном расположении языковых выражений, над типами которых производится операция.

Сам Айдукевич предназначал разработанный им формализм для анализа предложений математического языка. Однако позднее израильский логик И. Бар-Хиллел [Ваг-Хиллел 1953; 1964; Бар-Хиллел 1964 (1959)] показал применимость данного формализма к предложениям естественного языка. Рассмотрим простейшие примеры.

Английский глагол *came* 'пришел', как мы выяснили, получает тип $S \setminus NP$. Однократное применение аппликации позволяет представить всю цепочку как элемент типа S (здесь и далее применение аппликации обозначается подписьным индексом « A » с подчеркиванием той последовательности символов, к которой она применена; тип или цепочка типов, к которым невозможно дальнейшее применение аппликации, выделяется полужирным шрифтом):

(2)	<i>John came</i>
	$\begin{array}{c} NP \quad S \setminus NP \\ \hline S \end{array}$
	A

Рассмотрим теперь неграмматичное предложение "*John came Bill*" букв. «*Джон пришел Билла». К типам первых двух его элементов может быть применена аппликация точно так же, как в (2). Однако к полученной в результате последовательности типов — « $S \setminus NP$ » — аппликация по определению применена быть уже не может, и тем самым представить данное предложение как элемент типа S невозможно:

(3)	<i>*John came Bill</i>
	$\begin{array}{c} NP \quad S \setminus NP \quad NP \\ \hline S \end{array}$
	A NP

Предложение (3) становится грамматичным, если в нем непереходный глагол заменить на переходный, например на глагол *saw* 'увидел'. Переходному глаголу в словаре приписывается более сложный синтаксический тип, а именно $(S \setminus NP)/NP$. Скобки отражают порядок применения аппликации — сначала применяется аппликация, уничтожающая косую черту, которая находится за скобками. Применительно к данному случаю это означает, что «сокращается» сначала прямое дополнение, а потом подлежащее;

(4)	<i>John saw Bill</i>
	$\begin{array}{c} NP \quad (S \setminus NP)/NP \quad NP_A \\ \hline NP \quad \quad \quad S \setminus NP \quad A \end{array}$
	S

На первый взгляд скобки в составе сложных типов могут показаться избыточным усложнением. Однако их ис-

Часть 2. Синтаксические теории

пользование обусловлено одной важной предпосылкой КГ, состоящей в том, что семантическая структура предложения (в первую очередь - семантические роли аргументов) должна однозначно «считываться» с синтаксической структуры (требование однозначности не распространяется, разумеется, на предложения, допускающие более одного осмысления). Если бы сложный символ, содержащий два или более элемента справа от косой черты, не содержал никакого упорядочивания этих элементов, он бы не позволял определить, в частности, какая из ИГ при переходном глаголе заполняет агентивную, а какая — пациентную валентность.

Остановимся кратко на типах, приписываемых некоторым другим частям речи. Для типовой характеристизации прилагательного важно, чтобы к комбинации типов прилагательного и существительного могла быть применена аппликация, в результате которой всему сочетанию приписывался бы тип NP. В таком случае достигается интуитивно желательное положение дел, а именно сочетание прилагательного и имени может участвовать во всех тех операциях над типами, в которых может участвовать и имя, не распространенное прилагательным. Для того же, чтобы сочетанию имени и прилагательного можно было приписать тип NP, самому прилагательному в английском языке приписывался тип NP/NP (правый наклон косой черты обусловлен тем, что прилагательное в английском языке регулярно предшествует имени). В (5) демонстрируется действие соответствующей аппликации в словосочетании *poor John* 'бедный Джон':

(5)	<i>poor</i>	<i>John</i>
	NP/NP	NP A
		NP

Рассмотрим теперь типовую характеристику наречий. Предложение, распространенное наречием, в полипредикативной конструкции способно вступать во все те и только те отношения, которые доступны и соответствующему предложению без наречия. Поэтому желательно, чтобы цепочки, состоящей из наречия и всех прочих типов предложения, мог быть приписан тот же тип, что и этой цепочке в отсутствие наречия, т. е. тип S. Это возможно, если самому наречию приписывается тип S/S или S\S, в зависимости от того, занимает ли наречие начальную или конечную позицию в

Глава XIV. Категориальная грамматика

предложении. Ср. процедуру распознавания английского предложения *John works here* 'Джон работает здесь':

(6)	<i>John</i>	<i>works</i>	<i>here.</i>
	NP	S\NP A	S\S
	S		S\S A

Для наречий, занимающих внутреннюю линейную позицию в предложении, деривация, представленная в (6), очевидно, недоступна. В силу того что аппликация применима только к типам выражений, располагающихся контактно по отношению друг к другу, тип, приписываемый таким наречиям, должен допускать аппликацию в сочетании не с предложением, а с некоторым меньшим элементом, в частности с комбинацией глагола и прямого дополнения (глагольной группой), т. е. с выражением типа S\NP. Наречие, предшествующее глагольной группе, получает тип (S\NP)/(S\NP), в результате чего глагольная группа получает один и тот же тип в сочетании с наречием и без такового, что показано в (7) для английского предложения *John never saw Bill* 'Джон никогда не видел Билла':

(7)	<i>John</i>	<i>never</i>	<i>saw</i>	<i>Bill.</i>
	NP	(S\NP)/(S\NP)	(S\NP)/NP	NP A
	NP	(S\NP)/(S\NP)		S\NP A
	NP			S\NP A

S

Заметим, что приписывание разных типов английским наречиям *here* 'здесь' и *never* 'никогда' верно предсказывает различия между этими наречиями в отношении порядка слов. Предоставим читателю самому убедиться в том, что появление элемента типа S\S или S/S (*here*) в середине предложения, равно как появление элемента типа (S\NP)/(S\NP) (*never*) в начале предложения, не позволит при последовательном применении аппликации приписать целому предложению тип S.

В целом можно сказать, что формализм, предложенный Айдукевичем, отличался предельной простотой. Он включал всего два простых типа, одну операцию над ними и допускал неограниченную рекурсию при образовании слож-

ных типов. Формализм оказался применим к английскому языку в том смысле, что он распознавал как грамматичные базовые типы английских предложений. Однако применение системы Айдукевича, как и развившегося на ее основе несколько более сложного формализма, описываемого в п. 2, к некоторым другим синтаксическим структурам естественного языка сталкивалось со значительными проблемами. Эти проблемы предопределили развитие КГ в наши дни, о чём пойдет речь в п. 3.

2. Исчисление Ламбека

Исследования по КГ, оборвавшиеся в Польше с началом второй мировой войны, в 1950-е годы были продолжены в США и Израиле, прежде всего благодаря работам уже упоминавшегося И. Бар-Хиллела.

Следует отметить, что весьма интересные результаты, полученные Бар-Хиллем, способствовали, как ни странно, не развитию, а, напротив, более чем двадцатилетней стагнации исследований по категориальной грамматике. Дело в том, что в [Bar-Hillel et al. 1960] математическим путем было доказано, что множество предложений, распознаваемых категориальной грамматикой как грамматичные, совпадает с множеством предложений, порождаемых контекстно-свободной грамматикой составляющих. Однако в 1960-70-х годах в синтаксической теории господствовало убеждение, что контекстно-свободная грамматика не является инструментом, позволяющим адекватно строить все предложения естественного языка. Не только сторонники ПГ, но и ее оппоненты в течение многих лет не подвергали сомнению тезис о том, что, наряду с контекстно-свободными правилами грамматики составляющих, синтаксическая теория должна содержать и трансформационные правила, не являющиеся в общем случае контекстно-свободными. Возможно, именно ввиду этого консенсуса КГ маргинализировалась и сохраняла свой маргинальный статус вплоть до начала 1980-х годов, когда контекстно-свободная грамматика вновь стала рассматриваться как, по крайней мере, одна из возможностей полноценного описания синтаксиса естественного языка (см., например [Gazdar, Pullum 1982]).

Тем не менее определенные сдвиги, произошедшие в категориальной грамматике в 1950-60-е годы, оказали значи-

тельное влияние на ее развитие и в наши дни. Главным образом они были связаны с исследованиями канадского логика И. Ламбека, опубликовавшего в 1958 г. в ежемесячном бюллетене Американского математического общества статью под названием «Математическое исследование структуры предложения» (статья была перепечатана в [Buszkowski et al. 1988], что показывает ее актуальность для современной КГ; русский перевод см. [Ламбек 1964]). Ламбек предложил процедуру распознавания грамматических предложений английского языка, впоследствии названную «исчислением Ламбека» (Lambek calculus). В целом исчисление Ламбека повторяет основные особенности описанной в п. 1 «распознающей» процедуры Айдукевича (несмотря на некоторое изменение нотации). Неизменной осталась идея приписывания деривационным путем символа S тем и только тем цепочкам слов, которые представляют собой грамматичные предложения; в целом без изменений остался и инвентарь сложных типов, приписываемых словам различных частей речи.

Изменения коснулись операций, совершаемых над типами. К аппликации Ламбек добавил несколько других операций, из которых мы рассмотрим две, широко применяющиеся в современных исследованиях по КГ (заметим, что нотация Ламбека существенно отличалась от нотации современной КГ, которую мы здесь используем).

• **Композиция** — операция приписывает единый сложный тип цепочке из двух сложных типов. Возможны четыре типа композиции в зависимости от направлений косых черт:

- (8) а. $A/B \ B/C \rightarrow A/C;$
 б. $A/B \ B\backslash C \rightarrow A\backslash C;$
 в. $B/C \ A\backslash B \rightarrow A/C;$
 г. $B\backslash C \ A\backslash B \rightarrow A\backslash C.$

Композиция, так же как аппликация, приводит к сокращению элементов структуры предложения.

Заметим, что введение правила композиции во многих случаях давало новый вариант анализа грамматически правильного предложения или словосочетания в дополнение к тому анализу, в котором применялось исключительно правило аппликации. Рассмотрим для примера два альтернативных анализа английского словосочетания *poor little John* 'бед-

Часть 2. Синтаксические теории

ный маленький Джон' (применение правила композиции здесь и далее обозначается подписьным индексом «_c», цепочка типов, к которой применено это правило, подчеркивается):

(9) a.	<i>poor</i>	<i>little</i>	<i>John</i>	6.	<i>poor</i>	<i>little</i>	<i>John</i>
	NP/NP	NP/NP	NP _A		NP/NP	NP/NP _C	NP
	NP/NP	NP _A			NP/NP	NP _A	

• **Подъем типа** (type raising) - более сложное, но чрезвычайно часто применяемое в современной КГ преобразование. Неформально это преобразование можно определить как зеркальную «смену ролей» двух элементов: в результате его применения предикат заполняет валентность собственного актанта. Допустим, имеется ИГ-подлежащее, которой приписывается тип NP. В (2) такая ИГ «поглощается» находящимся справа от нее типом (S\NP). Однако если вместо типа NP именной группе приписать тип S/(S\NP), то тип выражения, находящегося справа от ИГ, т. е. S\NP, будет, наоборот, «поглощен» типом именной группы:

(10)	<i>John</i>	<i>saw</i>	<i>Bill.</i>
	NP	(S\NP)/NP	NP _A
	NP	S\NP	
	<u>S/(S\NP)</u>	<u>S\NP_A</u>	
		S	

Формально, например в [Dowty 1988], операция подъема типа задается преобразованиями (11a) и (11b):

(11)	a.	A/B	B → A/B	A\(A/B)
	b.	B	A\B → A/(A\B)	A\B

Очевидно, что в (10) подъем типа осуществляется в соответствии с (11b). Логическая правильность преобразований в (11) доказывается у Ламбека достаточно простым математическим путем (равносильность правой и левой цепочек в (Паб) очевидна, поскольку обе цепочки могут получить тип А в результате действия аппликации).

Определение подъема типа, реально применяемое в современной практике КГ, отличается от приведенного в (11).

Глава XIV. Категориальная грамматика

Операция подъема типа часто разрешается вне зависимости от правого и левого контекста типа, подвергающегося подъему. Достаточно, чтобы тип А в сложном типе, образующемся в результате подъема типа В, был таким, который мог бы образоваться в результате взаимодействия типа В с каким-либо другим типом. При этом фактически в контактном расположении с В типы A/B или A\B могут и не находиться, вопреки требованию в (11). Так, подлежащее переходного глагола может получить в результате подъема тип S/(S\NP) и в том случае, если непосредственно справа от него не находится типа S\NP. Это возможно потому, что тип S в принципе может быть образован при контактном соположении типа ИГ-подлежащего с каким-либо другим лексическим типом (последнее имеет место в (4)). Примеры такого «свободного» применения операции подъема типа читатель найдет в п. 3.

Далее применение операции подъема типа будет обозначаться подписьным индексом «_↑» с подчеркиванием типа, к которому применяется эта операция. Как мы увидим в ниже, операция подъема типа имеет огромное значение в современной КГ. Отметим также, что эта операция, будучи впервые предложена, по-видимому, Ламбеком, позднее оказалась востребована и за пределами КГ, в частности, в формальной семантике [Partee, Rooth 1983].

3. Современная категориальная грамматика -

Новый импульс исследования по КГ получили в начале 1980-х годов, в тот период, когда в лингвистическом мире появился интерес к грамматическим теориям, не пользующимся трансформационным аппаратом. Среди лингвистов, работающих в настоящее время в рамках КГ, наиболее видную роль играют М. Стидман [Steedman 1985; 1990; 2000], Д. Даути [Dowty 1988], М. Вуд [Wood 1989, 1993], М. Мортгат [Moortgat 1988], И. ван Бентхем [Benthem van 1988].

Теоретический аппарат современной КГ мало отличается от того, который был разработан Ламбеком. Правда, в дополнение к операциям аппликации, композиции и подъема типа добавилась, по крайней мере еще одна — операция сочинения, состоящая в том, что цепочке из двух или более идентичных типов, соединенных сочинительным союзом,

приписывается единый тип. При бессоюзном сочинению типу союза *conj* (от англ. *conjunction* 'союз') не сопоставляется никакого лексического элемента:

$$(12) X \text{ conj } X (X \text{ X} \dots) \rightarrow X$$

В ходе исследований 1980-90-х годов КГ так и не превратилась в теорию, сравнимую по степени разработанности и охвату материала, например, с ПГ или с «вершинной грамматикой составляющих» (Head-driven Phrase Structure Grammar, HPSG [Pollard, Sag 1994]). Такие базовые синтаксические явления, как согласование, приписывание падежей глагольным актантам и многое другое почти не рассматриваются в рамках КГ. Сторонники КГ, как правило, ставят себе целью не создание на ее основе всеохватывающей синтаксической теории, а доказательство преимуществ данного подхода при анализе достаточно узкого класса явлений.

Как и любая другая синтаксическая теория, КГ имеет наибольший шанс получить нетривиальные лингвистически значимые результаты при анализе того материала, который最难分析的 всего укладывается в ее рамки. Сталкиваясь с таким материалом, исследователь неминуемо встает перед дилеммой: либо определенным образом изменить (чаще всего — усложнить) свою теорию, чтобы она позволяла объяснить «проблемный» материал, либо обосновать нестандартный, не соответствующий сложившимся представлениям анализ этого материала, а именно такой анализ, который бы не противоречил теории. Практика лингвистических исследований последних десятилетий говорит о том, что выбор второго пути часто способен не только «спасти» определенную теорию, но и существенно обогатить представления об исследуемом явлении.

Для КГ «проблемным» материалом оказываются все конструкции, где какие-либо два элемента, между типами которых ожидалось бы взаимодействие по одному из установленных правил, не находятся в контактном расположении друг с другом — иначе говоря, там, где элемент типа X/Y или $X\backslash Y$ не «находит» элемента типа Y соответственно непосредственно справа или непосредственно слева от себя.

Одним из таких явлений, которым уделяется большое внимание в КГ, стала так называемая конструкция с «подъемом правого узла» (Right Node Raising) в английском языке:

(13) *John cooked and Mary ate the beans* 'Джон приготовил, а Мэри съела бобы'.

Данное явление привлекает пристальное внимание синтаксистов начиная с 1960-х годов. Казалось бы, с его интерпретацией не должно возникать серьезных проблем: в первом предложении следует усмотреть эллипсис прямого дополнения, а образующийся при этом пробел соотносится с прямым дополнением второго предложения. Трудность, однако, состоит в том, что ни в каких других случаях эллипсис прямого дополнения в английском языке не допустим. В частности, невозможно сократить дополнение во втором из сочиняемых предложений, сохранив его в первом: (14) "*John cooked the beans and Mary ate* 'Джон приготовил бобы, а Мэри съела'.

Кроме того, сокращение дополнения невозможно в сложноподчиненном предложении, — даже в том случае, если, как и в (13), дополнение, подвергающееся сокращению, линейно предшествует соотносящемуся с ним выраженному дополнению: (15) "*John ate after Mary cooked the beans*, букв. «Джон съел после того, как Мэри приготовила бобы».

Таким образом, отсутствие выраженного прямого дополнения в первой клаузе в (13) требует специального объяснения, ориентированного исключительно на сочинение и на сокращение в первой из двух клауз.

Заметим, что в русском языке указанная проблема не возникает: сокращение дополнения при сочинении возможно «в обе стороны»,ср. (16) *Маша приготовила, а Коля съел пиццу*, (17) *Маша приготовила пиццу, а Коля съел*.

В ранних вариантах порождающей грамматики предложения типа (13) рассматривались как результат особой трансформации, которая в случае совпадения правой периферии сочиненных предложений как бы выносila совпадающую периферию «за скобки», точнее, сокращала ее во всех сочиненных предложениях, делая сестрой всей сочиненной структуры в целом. Схематически эта трансформация может быть представлена следующим образом:

$$(18) [XZ] \& [YZ] \Rightarrow [X\&Y] Z$$

Название «подъем правого узла» связано именно с этим трансформационным анализом предложения (13). Позже, когда была осознана про-

Часть 2. Синтаксические теории

блематичность такого анализа — см. об этом ниже — вместо «подъема правого узла» иногда стали говорить о **«сочинении с общей составляющей»** (Shared Constituent Coordination); тем не менее и термин «подъем правого узла» по-прежнему встречается в литературе.

Ограниченностъ «подъема правого узла» сочиненной структурой, а также неграмматичность (14) при грамматичности (13) следовала из самого трансформационного правила (18). Однако трудно избавиться от ощущения, что это правило вводится в значительной степени *ad hoc*. Не ясно, почему такое же правило не может действовать, например, при подчинении клауз.

Неясна также сама природа предложенного правила. Трансформации, вообще говоря, включают несколько интуитивно хорошо различимых классов, таких, как передвижение, сокращения, в ранних версиях порождающей грамматики - местоименные замены. Правило же (18) не принадлежит явным образом ни к какому из этих классов. В рамках ПГ предпринимались (и предпринимаются до сих пор, см. [Postal 1994]) попытки рассмотреть подъем правого узла как трансформацию передвижения, но они наталкиваются на эмпирические трудности.

Одна из этих трудностей, обсуждаемая, в частности, в [McCawley 1987] - нарушение «подъемом правого узла» островных ограничений (см. о них в главе XI п. 6). Например, в (19) это правило воздействует на зависимое, которое во втором конъюнкте входит в состав относительного предложения: (19) *Mary buys and Bill knows a man [who sells pictures of Elvis Presley]* 'Мэри покупает, а Билл знает человека, который продает портреты Элвиса Пресли'.

Все эти соображения побуждали многих исследователей, в том числе и далеких от КГ, искать такую трактовку предложений типа (13), в которой они бы не рассматривались как результат действия трансформации. Но если считать, что такие предложения порождаются напрямую правилами грамматики составляющих, то последние требуют существенного пересмотра: окажется, что сочинению могут подвергаться не только полные составляющие (например, предложения), но и составляющие с некоторым недостающим компонентом, например, как в (13), неполные предложения, в каждом из которых не хватает дополнения.

Правила КГ вполне удовлетворяют этому требованию. С помощью известных преобразований цепочкам 'Джон

Глава XIV. Категориальная грамматика

приготовил' и 'Мэри съела' в (13) может быть приписан единый тип, с последующим приписыванием этого же типа и сочиненной цепочке 'Джон приготовил, и Мэри съела' по правилу сочинения. Добиться этого можно, если первоначально применить операцию подъема типа (не путать с подъемом правого узла!) к подлежащим этих цепочек:

(20)	<i>John</i>	<i>cooked</i>	<i>and</i>	<i>Mary</i>	<i>ate</i>	<i>the beans.</i>
	<u>NP_T</u>	(S\NP)/NP	conj	<u>NP_T</u>	(S\NP)/NP	NP
	<u>S/(S\NP)</u>	(S\NP)/NP _C	conj	<u>S/(S\NP)</u>	(S\NP)/NP _C	NP
			S/NP		S/NP	NP
				<u>S/NP</u>		NPA
						S

Заметим, что в данном случае подъем типа применен вопреки определению этой операции в (11). Действительно, справа от типа NP, подвергающегося подъему, не находится типа S\NP, как это требуется в (11). Однако ИГ-подлежащее может образовать тип S, непосредственно предшествуя другому лексическому типу, как это имеет место, например, в (4), поэтому такой подъем типа признается допустимым.

Дальнейшая процедура распознавания правильности данного предложения, показанная в (20), не вызывает проблем. На завершающем ее этапе цепочка 'Джон приготовил, и Мэри съела' получает тип S/NP, который и взаимодействует с типом дополнения, в результате чего всему предложению приписывается символ S, что означает успешное завершение процедуры распознавания.

Легко видеть, что при замене сочинительного союза на подчинительный в (13) символ S всему предложению при такой (единственno возможной в рамках КГ) деривации приписать бы не удалось. Действительно, в цепочке слов, предшествующей прямому дополнению, была бы невозможна операция сочинения, в результате чего вся эта цепочка не получила бы тип S/NP, а без этого, в свою очередь, и все предложение не получило бы тип S. Таким образом, в КГ не требуется никаких дополнительных допущений, чтобы объяснить, почему подъем правого узла возможен только в сочиненной структуре⁴.

⁴ Разумеется, данный анализ не может быть распространен и на предложения типа (14), где сокращается второе вхождение правой периферии. Следовательно, в тех языках, где предложения такого вида возможны (как в русском), они должны получать анализ совершенно другого вида, чем предложения (13). Это выглядит неоправданной сложностью лишь на первый взгляд: если бы (13) и (14) получали одинаковый анализ, потребовалось бы отдельное объяснение того, почему в некоторых языках возможно (13), но не (14).

Другая разновидность конструкций, которым в КГ уделяется значительное внимание, — это конструкции, иллюстрируемые в (21) (примеры из [Dowty 1988]):

(21) a. *John eats [rice quickly] and [beans slowly]*

'Джон ест рис быстро, а бобы медленно';

b. *Mary eats [beans on Tuesday] and [rice on Thursday]*

'Мэри ест бобы во вторник, а рис - в четверг';

v. *John gave [a book to Bill] and [a record to Max]*

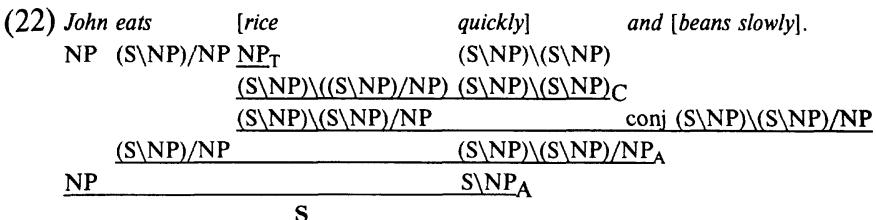
'Джон дал книгу Биллу, а пластинку - Максу'.

В таких предложениях сочинительный союз *and* 'и' соединяет, во всяком случае на поверхностный взгляд, две пары составляющих, заключенных в квадратные скобки, — в (21в), например, 'книгу Биллу*' и 'пластинку Максу'. Известно, что сочинение доступно не для произвольных цепочек слов, а только для целых составляющих, например, фразовых категорий — предложений, ИГ, предложных групп и т. д. Поэтому грамматические теории, приписывающие каждому предложению единственную и неизменную структуру составляющих, не могут усмотреть в (21) сочинения компонентов, заключенных в скобки. Например, в [Hudson 1982, Jackendoff 1990a] и многих других работах такие конструкции рассматриваются как результат соединения двух предложений с последующим сокращением совпадающего материала в одном из них. Однако в КГ такой анализ невозможен, поскольку процедура распознавания предложения базируется исключительно на типах внешне выраженных слов. Из этого следует, что в КГ необходимо усмотреть соединение элементов, заключенных в (21) в скобки. Как же оно становится возможным?

Рассмотрим (21а). В цепочке слов *rice quickly* букв, «рис быстро» первый элемент получает словарный тип NP, а второй — тип S/S или (S\NP)(S\NP) (см. п. 1). Однако, как показано в (22), в результате операции над типами этих слов их цепочка может получить единый тип, а именно (S\NP)\((S\NP)\NP). Соседняя цепочка *beans slowly* букв, «бобы быстро», очевидно, может получить тот же самый тип посредством тех же преобразований. В результате выполняется основное требование к соединению — соединяются составляющие одной и той же категории. Отличительная особенность рассматриваемого предложения (как и других предложений в (21)) при таком анализе состоит в том, что соединению подвергаются не «стандартные» составляющие, а цепочки слов, которые становится возможным рассмотреть в

Глава XIV. Категориальная грамматика

качестве составляющих (т. е. приписать им единый тип) в результате преобразования типов слов, входящих в цепочки:

Как видим, ключевая операция в процедуре распознавания (22) — подъем типа ИГ-дополнения. Вновь он происходит не в полном соответствии с (11): в результирующем сложном типе исходный тип (*NP*) комбинируется с типом глагольной группы (*S\NP*), хотя ни справа, ни слева от *NP* такого типа нет. Это возможно, поскольку ИГ-дополнение в принципе может образовывать тип глагольной группы (*S\NP*), взаимодействуя с некоторым другим типом, как это имеет место в (4).

Сам по себе анализ, представленный в (22), может показаться чрезмерно сложным и по этой причине проигрывающим анализу, который рассматривает (21a) как сочинение двух предложений с последующим сокращением в одном из них совпадающего материала. Однако в ряде случаев анализ, признающий сочинение нестандартных составляющих, демонстрирует несомненные преимущества.

Рассмотрим в качестве примера русское предложение (23) *Вчера купили Миша книгу, а Коля компакт-диск*. Если считать, что здесь имеет место сочинение предложений *Вчера Миша купил книгу* и *Вчера Коля купил компакт-диск* с последующим сокращением совпадающего материала, то невозможно объяснить, почему глагол в (23) стоит во мн. ч., когда в обоих сочиняемых предложениях он употреблен в ед. ч. Наоборот, если считать, что цепочки *Миша книгу* и *Коля компакт-диск* представляют собой нестандартные составляющие, образованные путем, сходным с тем, который показан в (22), и что далее с группой, представляющей собой сочинение этих составляющих, комбинируется глагол, то мн. ч. глагола будет столь же естественным, как и при сочетании глагола со стандартными сочиненными составляющими — подлежащими в (24) *Миша и Коля купили вчера книгу*. Необходимо будет лишь несколько уточнить правило глагольного согласования для русского

языка: глагол согласуется по мн. ч. как при непосредственном сочинении ИГ, образующих подлежащее, так и при сочинении сложных составляющих, содержащих ИГ-подлежащие. Возможный анализ предложения (23) в духе КГ предлагается в (25) (для экономии места, как и в (22), расписаны только преобразования типов, происходящие в первом конъюнкте; очевидно, что во втором конъюнкте они совершенно идентичны):

(25)	<u>Вчера купили</u>	<u>Миша</u>	<u>книгу,</u>	<u>а</u>	<u>Коля компакт-диск</u>
S/S	<u>(S\NP)/NP</u>	<u>NP_T</u>	<u>NP_T</u>	conj	NP NP
S/S	<u>(S\NP)/NP</u>	<u>S/(S\NP)</u>	<u>(S\NP)\((S\NP)/NP)_C</u>		
S/S	<u>(S\NP)/NP</u>		<u>S\((S\NP)/NP)</u>	conj	<u>S\((S\NP)/NP)</u>
S/S	<u>(S\NP)/NP</u>				<u>S\((S\NP)/NP)_A</u>
S/S					<u>S_A</u>
			<u>S</u>		

Интересно отметить, что в пользу «категориального» анализа предложений вида (23) говорит тот факт, что цепочки слов, которые при этом анализе рассматриваются в качестве нестандартных составляющих, не допускают линейного разрыва, так что невозможно, например, (23') *Вчера Миша купили книгу, а Коля компакт-диск.

Другая группа явлений, при анализе которых КГ задействовала аппарат нестандартных составляющих, - это вся совокупность синтаксических передвижений, точнее, процессов, рассматриваемых к качеству таковых в порождающей грамматике (топикализация, вынос влево вопросительного слова и т. д.). Суть подхода состоит в том, что все предложение за исключением «перемещенного» элемента получает единый тип, причем такой, который способен сочетаться именно с «перемещенным» элементом. Рассмотрим следующий пример (для простоты здесь примем, что русский инфинитив не имеет валентности на подлежащее, а только на прямое дополнение, тем самым получая тип S/NP):

(26)	<u>Кого</u>	<u>Петя</u>	<u>хочет</u>	<u>увидеть?</u>
NP	NP		<u>(S\NP)/S</u>	<u>S/NP_C</u>
NP	<u>NP_T</u>			<u>(S\NP)/NP</u>
NP	<u>S/(S\NP)</u>			<u>(S\NP)/NP_C</u>
NP			<u>S/NP</u>	

Проблема состоит в том, что по стандартным правилам КГ процедура распознавания данного предложения должна за-

кончиться на цепочке NP S/NP. Свести ее к единому типу S не представляется возможным: для этого тип S/NP требует, чтобы тип NP находился справа, а не слева от него. Чтобы обойти эту трудность, М. Стидмэн [Steedman 1985, 1989] предлагает допустить, чтобы соединение типа вопросительного слова или топикализированной составляющей с типом цепочки, содержащей все прочие элементы предложения, шло без учета ограничений на линейный порядок. Д. Даути [Dowty 1988], напротив, считает, что для анализа предложений с «перемещенными» элементами необходимо ввести какой-то принципиально иной формализм, не «чувствительный» к взаиморасположению элементов. Обсуждение этих и некоторых других вариантов решения данной проблемы см. в [Woods 1993: 104 и ел.]. Следя Стидмэну, можно для элемента, подвергающегося передвижению, ввести ненаправленный «слэш» | ; в таком случае анализ предложения (27) примет следующий вид:

(27)	<u>Кого</u>	<u>Петя</u>	<u>хочет</u>	<u>увидеть?</u>
	NP	NP	<u>(S\NP)/S</u>	<u>S NP_C</u>
	NP	NP _T	<u>(S\NP) NP</u>	
	NP	<u>S/(S\NP)</u>	<u>(S\NP) NP_C</u>	
	NP		<u>S NP_A</u>	
			S	

Преимущество подхода КГ к конструкциям с передвижением над генеративным подходом, предусматривающим трансформации передвижения, состоит по крайней мере в следующем. Одним из так называемых «островных ограничений» в ПГ было ограничение сочиненной структуры (см. главу XI п. 6), состоящее в том, что никакая трансформация передвижения не может воздействовать на один из сочиняемых элементов или на зависимое в составе одного из сочиняемых элементов, ср.: (28) *Кого Петя увидел и убежал! (29) *Какую Петя прочитал книгу и «Синтаксические структуры» Хомского! Простого и убедительного объяснения данного ограничения в ПГ предложено не было. Однако в рамках КГ оно объясняется без каких-либо дополнительных допущений. Рассмотрим, например, процедуру распознавания предложения (30):

(30)	* <u>Кого</u>	<u>Петя</u>	<u>увидел</u>	<u>и</u>	<u>убежал?</u>
	NP	NP _T	<u>(S\NP) NP</u>	conj	<u>S\NP</u>
	NP	<u>S/(S\NP)</u>	<u>(S\NP) NP_C</u>	conj	<u>S\NP</u>
	NP		<u>S NP</u>	conj	<u>S\NP</u>

Часть 2. Синтаксические теории

Очевидно, что полученную цепочку типов невозможно преобразовать в тип S. Операцию сочинения к цепочке S|NP conj S\NP применить нельзя, поскольку справа и слева от союза находятся элементы разных категорий. Применив апликацию к цепочке NP S|NP, мы получим тип S, однако цепочку, в которой он сочиняется с типом S\NP, к типу S свести уже невозможно. Таким образом, (30) неграмматично не вследствие какого-либо специального запрета ad hoc на образование вопросительных предложений с сочиненной структурой, а по той причине, что обычные правила преобразования типов не позволяют приписать (30) тип S.

Итак, для рассмотренных явлений - подъема правого узла, соединения нестандартных составляющих и конструкций с передвижениями — КГ предлагает анализ, способный объяснить ряд фактов, представляющих при других вариантах анализа значительные трудности. Именно этот результат представляет собой основной предмет гордости сторонников КГ, абсолютное большинство работ которых так или иначе связано именно с тремя перечисленными выше грамматическими феноменами.

Вместе с тем нельзя не отметить ряда трудностей, которые возникают в связи с описанным выше анализом. Начнем с наиболее частной, однако весьма активно дискутировавшейся во второй половине 1980-х - первой половине 1990-х годов. Она касается ограничений на образование рассмотренных выше конструкций. Согласно анализу, предложенному в КГ, синтаксический «остаток», т. е. предложение за вычетом топикализированной составляющей, вопросительного слова, элемента, подвергнувшегося подъему правого узла, или нестандартной составляющей, могло получать единый тип - иначе, как мы видели, процедура распознавания предложения не может завершиться успешно. Следует ли из этого, что образование всех трех конструкций должно подчиняться в точности одним и тем же ограничениям? Вообще говоря, не следует: нельзя исключить, что на какую-то из этих конструкций, кроме требования, чтобы «остатку» был приписан единый тип, накладываются еще какие-то ограничения, которым не подчиняются прочие конструкции. Однако если ограничения на все три конструкции действительно идентичны, их «категориальный» анализ получает существенное дополнительное преимущество.

Эмпирические данные показывают, что о точном совпадении ограничений на три вида конструкций говорить не

Глава XIV. Категориальная грамматика

приходится. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить примеры (31) и (32):

(31) *Петя покрасил дачу, а Коля отремонтировал машину Иванова;* ;

(32) **Кого Петя покрасил дачу?/*Кого Коля отремонтировал машину?*

Поскольку подъем правого узла в (31) возможен, цепочка слов *Петя покрасил дачу, а Коля отремонтировал машину* должна получать единый тип. Это, в свою очередь, означает, что единый тип должен быть приписан каждому сочиняемому элементу этой цепочки, т. е. *Петя покрасил дачу* и *Коля отремонтировал машину*. Заметим, что для успешного распознавания предложения этот тип должен быть сложным, т. е. допускать взаимодействие с типом ИГ, подвергнутой подъему правого узла. Если приписывание такого типа данным цепочкам возможно в (31), то оно возможно и в (32), что заставляет ожидать, что распознавание предложений в (32) должно завершиться успешно. А коль скоро предложения в (32) тем не менее неграмматичны, их успешное распознавание должно блокироваться каким-то другим правилом.

Проблеме замеченного несовпадения между ограничениями на подъем правого узла и на образование конструкций с передвижениями посвящена достаточно обширная литература [Steedman 1987, 1989; Moortgat 1988; Mortill 1988]. Безусловно, данное несовпадение - весьма нежелательный результат, лишающий КГ простоты в формулировке грамматических ограничений.

Другие проблемы, связанные с предложенными в КГ анализом сочинительных конструкций и конструкций с передвижениями, носят более общий характер. Легко видеть, что, отрицая возможность сочинительного сокращения и постулируя вместо него сочинение «нестандартных» составляющих, КГ предсказывает, что при сочинении общий для двух конъюнктов материал может располагаться непосредственно справа или непосредственно слева от цепочки всех конъюнктов, но не может находиться в составе какого-либо конъюнкта. Действительно, поскольку сочинению подвергаются цепочки, не содержащие общего материала, то общий материал не может разрывать их последовательности. Контрпримером, однако, служит **сокращение глагола с образованием внутреннего пробела** (Gapping), которое в языках с порядком слов «подлежащее — глагол-сказуемое — дополнение» воздействует на глагол второго конъюнкта: (33) *Вася читал книгу, а Петя — газету.*

Данный тип сокращения в рамках КГ анализируется многими авторами [Steedman 1990, 2000: 171 и ел., Wood 1989, Oehrle 1987], причем каждый из них предлагает свой вариант решения проблемы, но все варианты достаточно сложны и содержат допущения, принимаемые в значительной мере *ad hoc*⁵.

Заметим, что факты русского языка как будто указывают на то, что имеются две возможности избежать повтора совпадающего глагола в сочинительных конструкциях. Одна состоит в сокращении глагола (33), а другая - в формировании нестандартных сочиняемых составляющих при глаголе, причем, если элементом этих нестандартных составляющих является подлежащее, глагол оформляется мн. ч., как в рассмотренном выше примере (23) *Вчера купил-и Вася книгу, а Коля компакт-диск.*

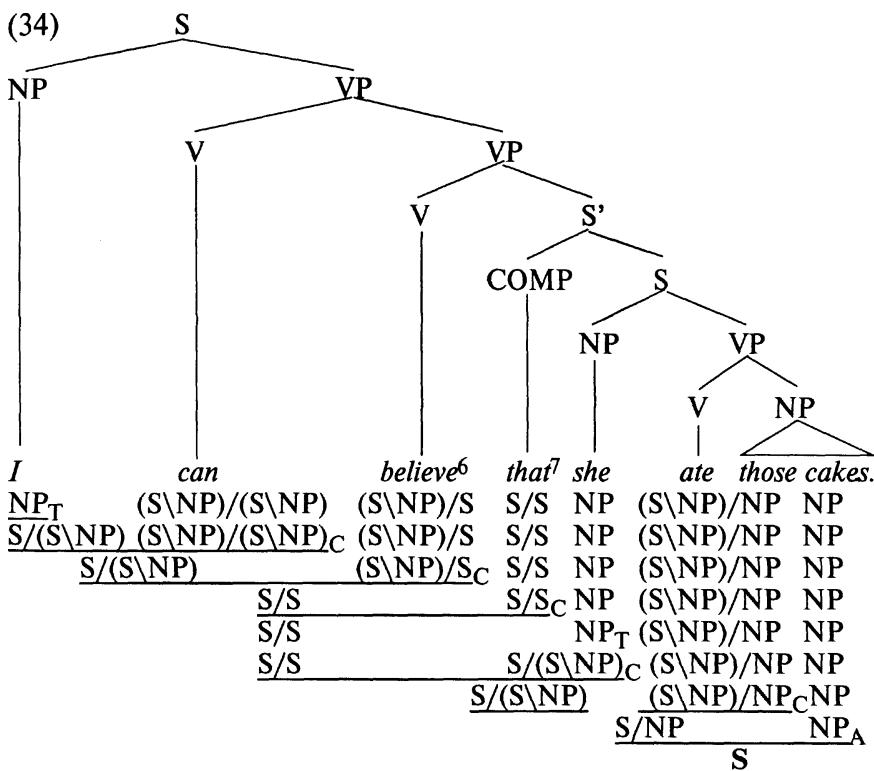
Выше мы видели, что глагол, оформленный мн. ч., должен быть либо справа, либо слева, но не внутри сочетающейся с ним цепочки нестандартных составляющих. Контраст в оформлении глагола по числу легко объяснить, если принять, что сочинение нестандартных составляющих имеет место только в (23), а в (33) сочиняются два полных предложения с последующим сокращением глагола во втором из них. Однако в КГ последняя возможность не предусмотрена.

Еще одна - возможно, наиболее серьезная - проблема современной КГ была упомянута в начале данной главы и, безусловно, не осталась незамеченной внимательным читателем. Она состоит в неизбежно возникающей в КГ вариативности синтаксической структуры. Например, в (20) мы видели, что в конструкциях с подъемом правого узла цепочке «подлежащее + переходный глагол» приписывается единый синтаксический тип, который по установленным правилам взаимодействует с типом прямого дополнения. В простых предложениях с переходным глаголом единый тип, наоборот, приписывается цепочке «глагол + прямое дополнение», и этот тип взаимодействует с типом подлежащего, как показано в (4). В (4) процедура распознавания предложения идет в соответствии с общепризнанной структурой составляющих для предложения с переходным глаголом: сначала, как единая составляющая, получает свой тип глагольная группа (глагол + прямое дополнение), а затем — все предложение целиком. Цепочка же «подлежащее + переходный глагол», которая получает единый тип в (20), традиционно не рассматривается как единая составляющая.

⁵ Здесь уместно вспомнить известные слова чеховского героя о том, что если от болезни предлагается слишком много рецептов, значит, она неизлечима.

Глава XIV. Категориальная грамматика

Еще более ярко допустимое в КГ несоответствие между цепочками, которым приписываются типы, и традиционно выделяемыми составляющими, видно на примере (34), заимствованном с небольшими изменениями из [Steedman 1985]. Вверху содержится система составляющих, которая обычно приписывается английскому предложению / *can believe that she ate those cakes* 'Я могу поверить, что она съела эти пирожные', а внизу - один из вариантов распознавания этого предложения, допустимых в КГ (для простоты внутренняя структура ИГ *those cakes* 'эти пирожные' не раскрывается):

⁶ Инфинитив в КГ получает лексический тип $(S\NP)/X$; «\NP» отражает невыраженность при инфинитиве подлежащего; «X» - объектная валентность инфинитива, которая может быть разных категорий (или отсутствовать вовсе), у инфинитива *believe* 'верить' она сентенциальная («/S»). Соответственно глагол, валентный на инфинитив {*can* в настоящем примере}, получает тип $(S\NP)/(S\NP)$, где выражение «\NP» указывает на нахождение глагола слева от инфинитива.

⁷ Комплементайзер получает лексический тип S/S , поскольку требует справа от себя зависимого предложения.

Часть 2. Синтаксические теории

Как видим, в первую очередь за счет операции подъема типа КГ способна предложить такую процедуру распознавания этого предложения, в которой типы всякий раз приписываются цепочкам, не соответствующим традиционно выделяемым составляющим. При этом возможен, разумеется, и анализ, при котором приписывание типов шло бы в соответствие со структурой составляющих; читатель легко может самостоятельно получить такой анализ, последовательно применяя к предложению в (34) процедуру аппликации к парам типов справа налево. Представленный в (34) анализ необходим сторонникам КГ, в частности, для объяснения различных случаев подъема правого узла, например (35) [*I can*], *but [you cannot] believe that she can eat those cakes* 'Я могу, а ты не можешь поверить, что она съела эти пирожные'; (36) [*/ can believe that you*], *but [I cannot believe that she] ate those cakes* букв. 'Я могу поверить, что ты, но не могу поверить, что она съела эти пирожные' и т. д. В каждом случае сочиняться будут взятые в скобки нестандартные составляющие, получающие единый тип.

Напомним, что в теориях, приписывающих каждому предложению единственную синтаксическую структуру (в частности, в ПГ), структура устанавливается таким образом, чтобы элементы, проявляющие более высокий статус в различных синтаксических процессах, занимали в ней более высокую позицию. Так, более высокая позиция подлежащего по сравнению с позицией прямого дополнения в английском языке позволяет объяснить, почему подлежащее, а не дополнение контролирует глагольное согласование, а также почему подлежащее имеет приоритет над прямым дополнением при оформлении различных типов кореферентности, например, при кореферентности подлежащего и прямого дополнения первое, но не второе может быть выражено полной ИГ, ср. (37) *Коц увидел себя_x в зеркале* vs. (38)**Сам/Коля увидел Колю_i в зеркале*. Легко видеть, что в конструкциях с подъемом правого узла за подлежащим сохраняются все эти свойства. Так, в (13) подлежащие контролируют согласование глагола, а из (39) видно, что прямое дополнение в конструкциях данного типа не может быть выражено полной ИГ, будучи кореферентным подлежащему: (39) **Вася боится, а Коля не боится Васи*. Если бы указанное ограничение не действовало в конструкциях с подъемом правого узла, следовало бы ожидать грамматич-

Глава XIV. Категориальная грамматика

ность (39) в значении 'Вася боится себя, а Коля не боится Васи'.

Из этого следует, что свойства подлежащего в рамках КГ не могут быть производными от его положения в синтаксической структуре. Можно сказать, что синтаксическая структура в КГ несет значительно меньшую нагрузку, чем, например, в ПГ, объясняя, по сути, лишь особенности линейного порядка элементов, а также различные виды синтаксической неполноты. Последнее обстоятельство, разумеется, не могло оставаться неосознанным сторонниками КГ. Хотя сколько-нибудь детально разработанных теорий согласования и анафоры в КГ на сегодняшний день не имеется, в ее рамках неоднократно высказывались предложения, чтобы, например, анафорические отношения описывались на базе некоторого семантического представления, единого для каждого предложения (см. [Chierchia 1988]). Заметим, что стремление «разгрузить» синтаксическую структуру, сформулировав ограничения на анафору в рамках некоторого альтернативного представления, наблюдается и в ряде других современных грамматических теорий, в частности, в вершинной грамматике составляющих ([Pollard, Sag 1994: 238 и ел.]; см. об этом также [Казенин 2001]).

Вместе с тем важно отметить, что нестандартные варианты анализа предложений получают в КГ не только узко-грамматическую мотивацию. В [Steedman 2000, гл. 9] подробно обсуждаются перспективы использования КГ в теоретических и прикладных исследованиях, посвященных распознаванию слушающим синтаксической структуры предложения (*parsing*).

С начала 1980-х годов в этой области известна так называемая «гипотеза сильной компетентности» (Strong Competence Hypothesis), впервые высказанная в [Kaplan, Bresnan 1982]. Суть ее состоит в том, что в процессе анализа структуры предложений в речи слушающий использует только тот набор языковых знаний, который составляет его языковую компетенцию. Иначе говоря, собственно языковая способность, т. е. способность верно оценивать каждое предложение как грамматичное или неграмматичное, и способность верно анализировать предложения в речи опираются на одни и те же знания.

Еще одна гипотеза, принимаемая многими теоретиками и разработчиками прикладных систем, получила назва-

Часть 2. Синтаксические теории

ние «гипотезы о соответствии правил» (rule-to-rule hypothesis). Она состоит в том, что семантическая интерпретация предложения, т. е. установление семантических предикатно-аргументных связей, основывается на правилах, определяющих синтаксическую структуру. Из этого, в частности, следует, что «на вход» правил семантической интерпретации должны поступать синтаксические составляющие.

Заметим, что обе гипотезы не являются логическим следствием каких-либо более общих теоретических положений и, по-видимому, не могут быть совершенно безоговорочно подкреплены экспериментальным материалом. Главный аргумент сторонников данных гипотез состоит в том, что их принятие делает модель анализа речи предельно экономной: она задействует минимум «собственных» правил и формальных средств, максимально используя аппарат синтаксической теории.

Однако некоторые факты, касающиеся анализа речи, трудно объяснимы в рамках двух указанных гипотез, если основываться на традиционной теории составляющих. В частности, в [Steedman 2000] указывается, со ссылкой на литературу по психолингвистике, что в английском предложении (40) слушающий, благодаря морфологической неоднозначности формы *sent* — она может быть как причастием 'посланный', так и финитным глаголом прошедшего времени 'послал' — первоначально принимает интерпретацию 'доктор послал за пациентом', и лишь услышав далее финитный глагол *arrived* 'прибыл', реинтерпретирует начальную цепочку как 'доктор, посланный за пациентом'. Однако в предложении (41), отличающемся от (40) лишь начальной ИГ, слушающий с самого начала выбирает верную интерпретацию, т. е. идентифицирует словоформу *sent* как причастие. По имеющимся экспериментальным данным, анализ предложения (41) занимает у слушающего меньше времени, чем анализ предложения (40), что как раз и указывает на то обстоятельство, что в (41) у слушающего нет необходимости изменять первоначально принятую интерпретацию:

- (40) *The doctor sent for the patient arrived.*
'Прибыл доктор, посланный за пациентом'.

- (41) *The flowers sent for the patient arrived.*
букв. 'Прибыли цветы, посланные для пациента'.

Глава XIV. Категориальная грамматика

Разницу в процессе анализа двух предложений легко объяснить, предположив, что слушающий осуществляет семантическую интерпретацию цепочек из первых трех слов: *the doctor sent* и *the flowers sent*, и выбирает для нее семантически естественное объяснение. Однако это противоречит «гипотезе соответствия правил», которая требует, чтобы интерпретации подвергались только целые составляющие, причем составляющие, используемые и в синтаксическом компоненте теории. Если же в качестве модели синтаксической компетенции выступает КГ, то указанных проблем не возникает: данные цепочки могут получить в КГ статус составляющих. На основании этих и других доводов в [Steedman 2000] доказываются преимущества КГ как основы для моделей синтаксического анализа речи.

В заключение необходимо хотя бы вскользь упомянуть еще одно направление «категориальных» исследований, а именно изучение семантики синтаксических конструкций. Рамки этой главы не позволяют дать сколько-нибудь подробной картины этой стороны КГ, однако важно отметить, что в отличие, например, от генеративной теории, признающей автономию синтаксиса и семантики, КГ уделяет значительное внимание деривации семантического представления предложения на базе его синтаксической структуры. Среди наиболее значимых работ, посвященных данной проблеме, стоит отметить [Steedman 1988] и [Szabolcsi 1987].

Подведем некоторые итоги. Хотя в целом по степени своего развития КГ заметно отстает от других современных теорий, ряд грамматических явлений получил в ней весьма интересную разработку. Отказавшись от постулата единственности синтаксической структуры, приписываемой всяко-му предложению и словосочетанию, КГ выдвинула простые объяснения некоторых явлений, служивших ранее камнем преткновения для синтаксистов. Вместе с тем даже в связи с анализом самих этих явлений подход КГ вызывает ряд вопросов, а в других разделах грамматики, таких, как согласование и анафора, приводит к весьма серьезным трудностям. Построение полной теории синтаксиса, свободной от постулата единственности синтаксической структуры, до сих представляется недостижимой задачей. Тем не менее резуль-

Часть 2. Синтаксические теории

таты, полученные на сегодняшний день в рамках КГ, позволяют достаточно высоко оценить возможности этого научного направления.

Рекомендуемая литература

В качестве введения в категориальную грамматику можно воспользоваться книгой [Wood 1993]; наиболее значительные публикации - монография [Moortgat 1988] и сборники [Oehrle et al. (eds.) 1988; Buszkowski et al. (eds.) 1988]. В русском переводе опубликованы работы И. Бар-Хиллела [1964] и И. Ламбека [1964]. Разнообразием исследуемых языковых фактов отличаются статьи М. Стидмэна [Steedman 1985; 1987; 1989; 1990] и его недавняя монография [Steedman 2000].

692

К

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Функционализм в современной лингвистике называется множеством разнородных теоретических направлений, которые объединяет общее убеждение в том, что структура языка может быть объяснена условиями его использования. Особый интерес представляют теоретические идеи функционалистов-типологов, в том числе объяснительная типология А.Е. Кибрика (п. 1), теория порядка составляющих Дж. Хокинса (п. 2), работы Т. Гивона, Р. Ван Валина, теория грамматикализации и др. (п. 3). Функционально-типологическая парадигма представляется во многом перспективной, но обладает и некоторыми существенными слабостями (п. 4).

Термином «функционализм» назывались в лингвистике XX в. различные научные направления, которые в той или иной форме предполагали, что структура языка обусловливается теми функциями, которые он выполняет. Основной объяснительный принцип функциональной лингвистики — понимание языка как системы, направленной на реализацию определенных целей, — был выдвинут Р.О. Якобсоном, Н.С. Трубецким и СО. Карцевским в 1929 г. в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», см. [Звегинцев 1965]. В дальнейшем традиции пражского функционализма получили продолжение в работах Р.О. Якобсона [1985], А. Мартине [1960; Martinet 1960; 1962], М. Хэллидэя [Halliday 1985], С. Дика [Dik 1978; 1989; 1991; 1997], А.В. Бондарко [1984; 1987], Г.А. Золотовой [1973; 1982], чехословацких исследователей функциональной перспективы (список литературы см. в главе IX) и многих других авторов.

Функционализм рассматривает синтаксические единицы и их роль в составе предложения или высказывания с точки зрения определенных целей, например, коммуникации или обработки знаний [Золотова 1973: 9]. При всем разнообразии взглядов сторонников функционального направления в нашей стране, Западной Европе и США, большинство их объединяют четыре общие черты:

- объяснение строения языка целями и условиями его использования (определяющий признак функционализма);
- фрагментарность, т. е. отсутствие глобальной теории, которая бы предусматривала определенный взгляд на все стороны языка;

Часть 2. Синтаксические теории

- интерес к типологической проблематике и к данным разнообразных, в том числе «экзотических», языков;
- резко отрицательное отношение к порождающей грамматике Н. Хомского.

В этой главе мы ограничиваемся рассмотрением одного из самых продуктивных и многообещающих, на наш взгляд, ответвлений современного функционализма - функциональной типологии. Ниже пойдет речь только об исследованиях в области синтаксиса, причем в основном о тех работах, которые были мало или вовсе не затронуты в обзоре А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна [1997].

1. Объяснительная типология А.Е. Кибрика

Одним из первых российских лингвистов, осознавших необходимость перехода от моделирования языка к созданию его объяснительной теории, стал А.Е. Кибрик. Его работы 1980-х годов по теории и типологии языка, обозначившие решительный поворот к функционализму, собраны в книге [Кибрик 1992].

А.Е. Кибрик исходит из того, что «все элементы языковой структуры адаптированы к их использованию в речи» [там же: 12], и структура языка в конечном счете обусловлена целями и условиями его употребления. В компетенцию лингвистики входит «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка» [там же: 20]. «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [там же: 21]. Область семантики понимается широко. К ней относятся:

- собственно семантика (**«ситуационный компонент»**); наибольшее значение для грамматики здесь имеют отношения между предикатом и его актантами, выражимые в терминах семантических ролей;
- **«упаковочный компонент»** (коммуникативные значения);
- **«действический компонент»** (различия, связанные с говорящим и слушающим, местом и временем акта речи и т. п.);
- **Референциальные модальный, логический, эмоциональный и илюкутивный компоненты** (они имеют сравнительно меньшее значение для грамматики, чем первые три).

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

Исторически исходное отношение между значением и формой мотивировано, хотя форма с течением времени может терять семантическую мотивацию. Поэтому нормальным следует считать взаимно-однозначное соответствие между грамматическими формами и выражаемыми ими значениями; все отклонения как в сторону омонимии, так и в сторону синонимии объясняются либо воздействием случайных факторов, либо взаимодействием нескольких мотивирующих факторов, которые вступают друг с другом в противоречие, либо недостаточной изученностью языка (например, когда синонимическими считаются формы, в действительности различающиеся по семантике).

«На смену безраздельного господства КАК-типологии приходит объяснительная ПОЧЕМУ-типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования/несуществования тех или иных явлений» [Кибрик 1992: 29].

При объяснении грамматических явлений наиболее перспективно искать факторы и причины, находящиеся вне грамматики. Например, давно замечено, что порядок расположения аффиксов в длинных словоформах агглютинативных языков, хотя и проявляет большое разнообразие по языкам, все же не является полностью произвольным — одни порядки несравненно более часты, чем другие. А.Е. Кибрик показал, что наиболее обычен следующий порядок следования показателей глагольных категорий: «корень» + «вид» + «время» + «наклонение»; данный порядок соответствует иерархии вложения типичных толкований этих категорий. Например, толкование индикатива 'верно, что X' требует, чтобы переменная X была заполнена значениями остальных трех типов показателей; толкование, например, настоящего времени валентно на видовое значение и т. д. Таким образом, формальная иерархия отображает иерархию семантическую [Кибрик 1980; 1992:31; Зайцева 1983]; впоследствии этот факт был независимо обнаружен и сходным образом объяснен Дж. Байби [Bybee 1985].

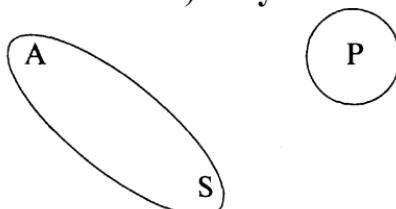
В синтаксисе аналог этому явлению образует «метапринцип иконичности», который приобрел известность после того, как Дж. Хэйман [Haiman 1985] подверг изучению соотношение линейного порядка и различного рода смысловых иерархий.

В линейной последовательности в первую очередь выражается то, что первым актуализируется в сознании говор-

рящего. «С этим связана сильная типологическая тенденция помещать топик в тех языках, где он есть, а также логический субъект в абсолютное начало предложения, равно как и кажущаяся несвязанной с этим явлением тенденция к асимметричности именных групп при сочинении, в соответствии с которой первым идет имя, обозначающее более выделенный по какому-либо параметру объект» [Кибрик 1992: 35]. Здесь имеются в виду известные факты, обобщенные в работах [Cooper, Ross 1975; Лауфер 1987], когда порядок при сочинении отражает ранговые превосходства по некоторым иерархиям: *муж и жена > жена и муж; рабочие, крестьяне и интеллигенция; Вы и я; рано или поздно; Against the Pope, the Devil, and the Pretender**, 'против Папы, дьявола и претендента!' (лозунг английских лоялистов во время якобитских мятежей XVIII в.) и т. п.

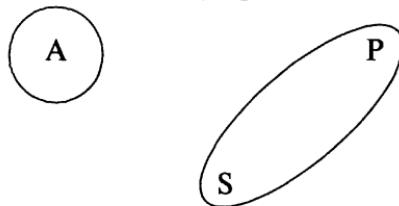
Одно из наиболее значительных достижений А.Е. Кибрика — построенное им исчисление базовых конструкций предложения и объяснение реально наблюдаемого в языках распределения теоретически возможных типов. Используя аппарат семантических ролей, А.Е. Кибрик рассмотрел возможные способы одинакового или различного выражения (падежным оформлением, согласованием с глаголом-сказуемым или порядком слов) агента и пациента при непереходном и переходном глаголе. Установив четыре возможные вида валентности: 1) агент при переходном глаголе, A (Мальчик бьет собаку), 2) пациент при переходном глаголе, P (Мальчик бьет собаку), 3) агент при непереходном глаголе, S^{ag} (Мальчик бежит) и 4) пациент при непереходном глаголе S^{pat} (Мальчик падает), А.Е. Кибрик обнаружил, что из 15 теоретически возможных комбинаций совпадения и несовпадения форм выражения этих валентностей в языках реально наблюдается ограниченное множество типов (в тех типах, где актанты непереходного глагола не различены, они обозначены символом S):

(1) (Номинативно-) **аккузативный** тип:

К этому типу относится, например, русский и большинство индоевропейских языков: А и S выражаются номинативом и согласуются с глаголом; Р выражается аккузативом и с глаголом не согласуется.

(2) (Абсолютивно-) эргативный тип:

Единственный актант непереходного глагола выражается так же, как и пациент при переходном, а агент переходного глагола — по-другому (например, особым эргативным падежом). Так устроена базовая конструкция предложения в кавказских языках, например в аварском. Воспроизведем пример (125) из главы VI:

(3)

a. <i>Vac</i>	<i>в-игъ-ана</i>	
мальчик.АБС	1КЛ-проснуться-ПРОШ	
'Мальчик проснулся'.		
b. <i>Vac</i>	<i>в-ег-ана</i>	
мальчик.АБС	1КЛ-лечь-ПРОШ	
'Мальчик лег'.		
v. <i>Яс</i>	<i>й-игъ-ана</i>	
девочка.АБС	2КЛ-проснуться-ПРОШ	
'Девочка проснулась'.		
г. <i>Яс</i>	<i>й-ег-ана</i>	
девочка.АБС	2КЛ-лечь-ПРОШ	
'Девочка легла'.		
d. <i>Vac-ac</i>	<i>яс</i> <i>й-еци-ана</i>	
мальчик-ЭРГ	девочка.АБС	2КЛ-хвалить-ПРОШ
'Мальчик девочку похвалил'.		
e. <i>Яс-алъ</i>	<i>vas</i> <i>в-еци-ана</i>	
девочка-ЭРГ	мальчик.АБС	1КЛ-хвалить-ПРОШ
'Девочка мальчика похвалила'.		

То же противопоставление может выражаться не падежами и не согласованием, как в аварском языке, а служебными словами, например эргативным предлогом *е* в языке

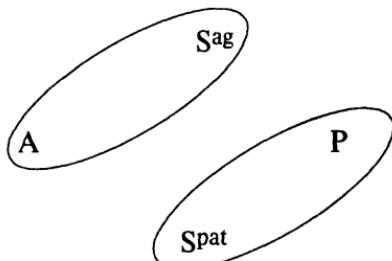
Часть 2. Синтаксические теории

самоа (полинезийская группа, австронезийская семья), который маркирует подлежащее при переходном глаголе; подлежащее при непереходном глаголе и прямое дополнение немаркованы:

- (3) а. *'ua fasi le teine e le tama*
ПЕРФ ударить АРТ девочка ЭРГ АРТ мальчик
* Мальчик ударил девочку',
б. *'ua alu le tama*
ПЕРФ иди АРТ мальчик
Мальчик шел'.

Следующий реально наблюдаемый в языках, хотя и значительно менее распространенный тип конструкции предложения, - **активный** [Климов 1977]:

(4)

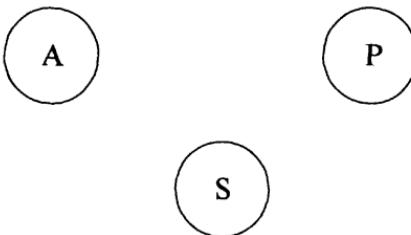
Агенс и пациент разливаются независимо от того, являются ли они актантами переходного или непереходного глаголов. Активная конструкция засвидетельствована в ряде индейских языков Америки, в бацбийском и табасаранском языках (восточнокавказская семья) и др. Приведем пример активной конструкции в лазском языке (картвельская семья, Турция и Грузия):

- (5) а. *baba-k ister-i*
отец-АК играть-ЗЕД.АОР
'Отец играл'.
б. *baba-Ø dišol-i*
отец-ИНАК мокнуть-ЗЕД.АОР
'Отец вымок'.
в. *baba-k dočar-i mektubi-Ø*
отец-АК писать-ЗЕД.АОР письмо-ИНАК
'Отец написал письмо'.

Схема (4) реализуется в лазском с помощью падежей: агенс получает активный (-к), а пациент — инактивный (-Ø) падеж.

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

(6) Трехчастный тип:

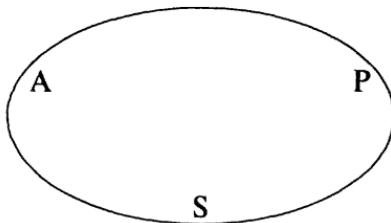

Конструкция трехчастного типа преобладает, по-видимому, в генетически изолированном айнском языке (Япония, [Аллатов 1997: 135]) и в языке неперсе, относящемся к североамериканской семье пенути (А.Л. Кибрик, уста, сообщ.). Как будто приближается к контрастивному типу конструкция предложения в языке моту (австронезийская семья, Новая Гвинея [Comrie 1978: 334]):

- (7)
a.	<i>mego</i>	<i>na</i>	<i>e</i>	<i>ginimu</i>
	мальчик	Ном	ЗЛ	стоит
- * Мальчик стоит'.
b.	<i>mew</i>	<i>ese</i>	<i>aniani</i>	<i>e</i>	<i>heni-gu</i>
	мальчик	ЭРГ	еда	ЗЛ	дал-мне
- Мальчик дал мне еду'.

Послелог *na* обычно оформляет подлежащее при непереходном глаголе, а факультативный послелог *ese* — подлежащее при переходном глаголе; прямое дополнение остается немаркированным.

(8) Нейтральный тип:

Надежных случаев последовательно нейтрального типа, когда все актанты выражаются одинаково, не засвидетельствовано; возможно, таковы язык лису (сино-тибетская семья) [Ли, Томпсон 1982 (1976)] или один из разговорных вариантов индонезийского (Riau Indonesian; [Gil 1999]).

Остальные 10 логически возможных случаев вовсе не засвидетельствованы. А.Е. Кибрик выдвигает следующие объяснительные принципы, которые могут лежать в основе

Часть 2. Синтаксические теории

такого явного «перекоса» в доступной для наблюдения выборке языков:

- принцип семантической мотивированности (семантически одинаковое кодировать одинаково, различное — различно);
- принцип экономичности (не выражать значений, которые могут быть легко восстановлены по контексту);
- принцип различительности (различать значения, которые трудно восстановить косвенным путем, например, если у глагола два актанта, то без специальных обозначений невозможно установить, какой из них какую роль выполняет).

Выясняется, что в языках наиболее распространены те типы конструкций, в которых оптимальным образом учитываются требования более чем одного принципа (аккузативный и эргативный тип различительны, потому что различают актанты двухместных глаголов, и экономичны, потому что ограничиваются минимальным противопоставлением двух форм, которые различают все 4 случая). Активная стратегия максимально семантична и различительна, но недостаточно экономична - она проводит различия между единственными актантами непереходных глаголов, которые могут быть различены по косвенным данным. Все же прочие стратегии не удовлетворяют, как минимум, двум принципам и поэтому либо вовсе не засвидетельствованы, либо крайне редки [Кибрик 1992: 186]

В последующих работах А.Е. Кибрика [1997; Kibrik 1997] уточняется представление о трех основных компонентах семантики (ситуационном, коммуникативном и дейктическом), взаимодействие которых определяет основное разнообразие наблюдаемых грамматических типов.

2. Теория порядка составляющих Дж. Хокинса

Теория порядка составляющих Дж. Хокинса, основанная на принципах употребления (Performance theory of order and constituency) [Hawkins 1990; 1994] - одно из наиболее серьезных достижений функционального подхода к грамматике. Хотя сам Хокинс скорее является умеренным формалистом (он разделяет ряд исходных положений ПГ и насто-

роженно относится к работам функционалистов в области порядка слов, полагая, что они придают чрезмерно большое значение прагматике), даже убежденный сторонник ПГ, один из инициаторов диалога между формалистами и функционалистами Ф. Ньюмейер был вынужден признать крупный успех Хокинса достоянием теоретического функционализма [Newmeyer 1998]¹.

2.1. Исходные предположения

В основе теории Хокинса лежит гипотеза об устройстве механизма синтаксического анализа речи. Вспомним, что по Хомскому этот механизм относится к «внешней» сфере языка («употреблению») и не взаимодействует со знанием языка; последнее — чисто интеллектуальная способность, в своей основе врожденная. В теории употребления было давно установлено, что для носителей языка более приемлемы те предложения, которые с большей вероятностью могут быть произнесены, более легко понимаются, менее громоздки и в меньшей степени нагружают оперативную память. В психолингвистике к настоящему времени накоплен большой материал по распознаванию синтаксических структур при восприятии звучащей или письменной речи и предложено несколько убедительных моделей распознавания. Хокинс принимает за основу одну из наиболее авторитетных моделей, предложенных психолингвистами Дж. Фодор и Л. Фрэйзер.

Цель синтаксического анализа — перейти от речевой цепочки к синтаксической структуре (дереву составляющих). Это означает, что для каждой словоформы модель анализа должна указать ту синтаксическую категорию, к которой эта словоформа принадлежит сама и все те более крупные синтаксические категории, в состав которых она входит. Хокинс обратил внимание на некоторые синтаксические категории, однозначно указывающие на то, каков непосредственно доминирующий над ними узел. Например, существительное или artikel указывают, что над ними непосредственно до-

¹ «Из-за того, что Хокинс принимает многие термины и нотацию генеративной лингвистики, его теория нашла мало последователей среди представителей основного течения функционализма, но Ньюмейер правильно определяет ее как полностью функционалистическую» [Haspelmath 2000: 241].

Часть 2. Синтаксические теории

минириует ИГ²; глагол указывает на глагольную группу, подчинительный союз — на придаточное предложение. Такую категорию, которая опознается не только сама, но и однозначно указывает на категорию непосредственно доминирующей составляющей, Хокинс называет **однозначно идентифицирующей категорией (ОИК)**. Не все синтаксические категории являются однозначно идентифицирующими. Например, таковой не является ИГ: она может непосредственно доминироваться другой ИГ, глагольной группой, предложной группой и т. п.

Таким образом, ОИК позволяют определить сразу большой «кусок» синтаксической структуры. ОИК могут рассматриваться как недвусмысленные оперативные сигналы (*unambiguous signals on-line*) о том, каковым должен быть доминирующий узел. С теми категориями, которые не являются ОИК, в процессе анализа происходит одно из двух: или а) адресат наугад устанавливает тип иерархической структуры, в состав которой входит данная составляющая (например, постулирует над ИГ предложную группу), а если данные последующего анализа опровергают это, вносит исправления, или б) откладывает непроанализированную составляющую в особый отсек текущей памяти (*look-ahead buffer*), которая находится там до тех пор, пока в синтаксической структуре не обнаруживается для нее подходящее место.

ОИК включают два частично пересекающихся множества. Это служебные слова, о которых ведется полемика по поводу того, вершины они или нет (например, artikel идентифицирует «над» собой ИГ, а вспомогательный глагол — кдаузу), либо это несомненные вершины (существительное идентифицирует ИГ, вершиной которой является; предлог идентифицирует возглавляемую им предложную группу и т. д.). Как мы видели в главах I и XII, вершина — тот элемент группы, который определяет ее свойства. Через посредство вершины происходит семантическая и грамматическая связь группы с более крупной составляющей, в которую она входит. Естественно, вершина содержит в себе больше информации об этой более крупной составляющей, чем остальная часть словосочетания.

Скорость анализа некоторой структуры очевидным образом зависит от линейного порядка слов и составляющих.

² Хокинс игнорирует двойные проекции вершин, которые предписывает X'-теория, и использует более простой способ изображения структуры фразовых категорий.

Цель анализа узла X - установить, сколько непосредственных составляющих входит в X и какова их категориальная природа (т. е. какие категории составляющих непосредственно доминируются X-ом). Для того, чтобы установить сам факт наличия и категорию составляющей X, адресат должен «натолкнуться» на ОИК в составе этой составляющей. Если такая категория обнаруживается в начале X, то можно считать, что X идентифицируется быстро. Если она обнаруживается в середине X, то анализ происходит медленнее; если ОИК располагается в конце (на правой периферии) составляющей X, то анализ затягивается максимально.

Анализ узла X не должен быть слишком растянут во времени. Если взять за единицу времени обработку каждого слова в линейной цепочке, анализ не должен начаться слишком рано. Например, информация об одной из непосредственных составляющих X не должна быть получена задолго до того, как поступит информация о других непосредственных составляющих X. Соответственно анализ не должен заканчиваться слишком поздно — например, если проанализированы все непосредственные составляющие X, кроме одной, информация об этой последней не должна поступить с большим опозданием, иначе X будет слишком долго оставаться в «подвешенном» состоянии. Итак, слова, несущие информацию о непосредственных составляющих узла X, должны быть собраны на минимальном линейном отрезке.

Хокинс вводит понятие **сферы идентификации составляющих** (СИС; Constituent recognition domain) для узла X. Так называется линейно упорядоченное множество слов, которое должно быть проанализировано для идентификации всех непосредственных составляющих X, начиная с того слова, которое позволяет идентифицировать первую непосредственную составляющую X слева и кончая тем словом, которое позволяет идентифицировать последнюю непосредственную составляющую X справа и включая все промежуточные слова.

2.2. «Лучшие» и «худшие» **порядки**

Рассмотрим английский пример со **«сдвигом тяжелой ИГ»** (Heavy NP shift). Допустим, глагольная группа состоит из глагола, ИГ прямого дополнения и предложной группы

Часть 2. Синтаксические теории

косвенного дополнения. Правило сдвига гласит, что ИГ прямого дополнения, включающая достаточно много слов, может занять позицию правее косвенного дополнения: (9) а. *He [vp donated [NP the beautiful desk dating from the early Victorian period] [pp to charity]]* 'Он преподнес прекрасный рабочий стол, относящийся к раннему викторианскому периоду, благотворительной организации'; ~> б. *He [vp donated [pp to charity][NP the beautiful desk dating from the early Victorian period]].*

(96) более компактно представляет структуру трех составляющих глагольной группы - СИС при таком порядке существенно меньше:

(9') а. *[vp donated [NP the beautiful desk dating from the early Victorian*

period] [pp to charity]]

6. *[vp donated [pp to charity][NP the beautiful desk dating from the early Victorian period]].*

Глагол является первой составляющей и опознается за один шаг; кроме того, поскольку глагол — вершина, на нем идентифицируется глагольная группа. Осталось идентифицировать две другие ее непосредственные составляющие. NP опознается по своему первому слову — артиклию *the*, так как над артиклем может доминировать только NP. Предложная группа опознается также по своему первому слову — предлогу *to*, который недвусмысленно указывает, что узел, доминирующий над ним, — PP. В (9а) вторая составляющая глагольной группы опознается по второму слову, но чтобы «добраться» до третьей ОИК, надо пройти еще 8 слов длинной ИГ. Таким образом, СИС для глагольной группы в (9а) включает 11 слов — 3 ОИК и 8 в промежуточном отрезке, который приходится включить в СИС, так как он располагается между второй и третьей ОИК. В (96) порядок слов позволяет быстрее проанализировать глагольную группу, так как СИС состоит всего из 4 слов.

Итак, некоторые порядки составляющих сравнительно с другими сокращают число узлов, которые должны быть просмотрены для распознавания структуры непосредственных составляющих, и делают этот процесс более быстрым и эффективным, поскольку то же количество информации из-

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

влекается из меньшего по длине отрезка. Хокинс предположил, что сокращение СИС является мотивом возникновения в английском языке «сдвига тяжелой ИГ». Не случайно, что это правило формулируется в терминах, характерных не для грамматики, а для области «употребления»: например, оно не устанавливает точное число слов в ИГ прямого дополнения, которое нужно для того, чтобы мог произойти его сдвиг правее предложной группы.

Хокинс подсчитал по текстам сравнительный порядок более длинной и более короткой предложной группы в английском языке, если они обе являются сестрами в глагольной группе. Результат оказался ожидаемым — в 90% случаев более короткая предложная группа предшествовала более длинной: (10) а. *The raven [y? flew [pp through the barn] [pp into the blue but slightly overcast sky]]* 'Ворон вылетел через амбар в синее, но несколько облачное небо'; б. *The raven [vp flew [pp into the blue but slightly overcast sky] [pp through the barn]]*: (10') а. *[vp flew [pp through the barn] [pp into the blue but slightly overcast sky]]*.

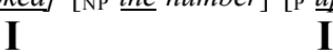
6. *[vp/few [Pp into the blue but slightly overcast sky] [pp through the barn]].*

СИС для глагольной группы в (10a) от глагола до второго предлога включает 5 слов, а СИС (106) - 9 слов, чем и объясняется тенденция коротких предложных групп занимать позицию перед длинными.

Уже знакомое нам по главе XI 1.1 «передвижение частицы» от английского глагола тем менее вероятно встретить в тексте, чем большее число слов оказывается между глаголом и частицей. Здесь частица выступает как составляющая глагольной группы, и чем дальше адресату приходится ждать ее появления тем хуже оценивает предложение носитель языка и тем реже оно встречается в реальной речи:

- (11) а. *Joe [vp[v looked] [p up] [np the number]]*

- б. *Joe [vp[v looked] [np the number] [p up]]*

Часть 2. Синтаксические теории

в. *Joe [VP[V looked] [NP the number of the ticket] [P up]]*

‘Джо посмотрел на номер билета’.

г. *Joe [VP[V looked] [NP the number that Mary had forgotten] [P up]]*

‘Джо посмотрел номер, который Мэри забыла’.

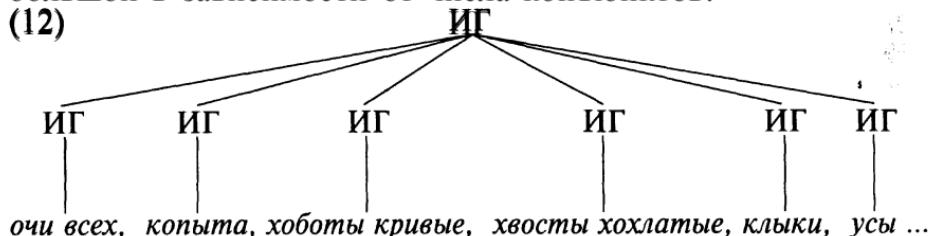
д. *Joe [VP[V looked] [NP the number of the ticket that Mary had forgotten] [P up]]*

‘Джо посмотрел на номер билета, который Мэри забыла’.

Анализ проходит тем успешнее, чем короче длина СИС. В (11) она должна включить в себя глагол (вершину глагольной группы), artikel (ОИК именной группы дополнения) и частицу. Однако в зависимости от числа слов в ИГ порядок с передвижением частицы будет более или менее приемлемым, так как с увеличением числа слов в ИГ растет и размер СИС для глагольной группы.

Можно ли «измерять» приемлемость некоторого порядка слов количеством слов в СИС? По-видимому нет. Например, СИС для сочиненной ИГ может быть сколь угодно большой в зависимости от числа конъюнктов:

(12)

Структуры типа (12) не представляют никакой трудности для анализа, невзирая на сколь угодно большой размер СИС для сочиненной составляющей - в зависимости от числа конъюнктов, которое может быть произвольным. Поэтому Хокинс предложил оценивать размер сферы идентификации некоторой составляющей X по отношению числа непосредственных составляющих X к числу слов, входящих в сферу идентификации. Это соотношение он назвал **коэффициентом раннего распознавания** (Early Immediate Constituent ratio, или EIC). По методу Хокинса нетрудно вычислить коэффициенты для предыдущих примеров. Понятно, что чем меньше коэффициент EIC, тем менее приемлемо предложение на

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

взгляд носителя языка и тем реже оно встречается в текстах. Для (9а) $E1C=3/11=0,27$, для (9б) $E1C=3/4=0,75$; для (10а) $E1C=3/5=0,6$; для (10б) $E1C=3/9=0,33$; для (11а) $E1C=3/3=1$; для (11б) $-3/4=0,75$; для (Ив) $3/7=0,43$; для (Иг) $3/8=0,38$; для (Ид) $3/11=0,27$ — плавное снижение коэффициента по мере увеличения длины цепочки слов между глаголом и частицей; для (12) $E1C=6/9=0,67$, чем и объясняется ее безупречная приемлемость, несмотря на очень длинную СИС.

Очевидно, оптимальным режимом распознавания составляющей X будет такой, при котором каждая непосредственная составляющая X распознается за однословный шаг — каждое слово в СИС является ОИК некоторой непосредственной составляющей X. В таком случае коэффициент раннего распознавания максимальен и равен 1.

2.3. Решение загадки лево- и правоветвящихся языков

Хокинс предположил, что тенденция к минимизации доли числа составляющих к числу слов в СИС имеет в языке три сферы проявления. Примеры из первой сферы мы уже видели - это область вариантов равно грамматически допустимых порядков (какие из них более, а какие менее приемлемы или насколько часто они встречаются в речи). Отметим, что до сих пор наблюдения Хокинса не вступали в конфликт с идеологией ПГ, так как Хомский всегда признавал, что факторы употребления (в том числе проблемы с синтаксическим анализом при восприятии той или иной конструкции) способны влиять на приемлемость предложений и на частоту их употребления.

Вторая сфера явлений, в которых проявляется открытая Хокинсом тенденция к раннему распознаванию, - универсальность порядка слов. В главе X п. 3 упоминалось, что большинство языков принадлежит к одному из двух классов — левоветвящихся, в которых ветвящееся зависимое предшествует вершине, и правоветвящихся, в которых ветвящееся зависимое следует за вершиной.

Это обобщение, восходящее к Л. Теньеру и Дж. Гринбергу, впервые точно сформулировал М. Драйер [Dryer 1988, 1992]. Он показал, что некоторые виды зависимых, для которых ветвление нетипично (прилагательные, указательные местоимения, отрицание, приложения), не подчиняются данной закономерности, так что, например, расположение прила-

Часть 2. Синтаксические теории

гательного относительно существительного еще ничего не говорит о том, принадлежит ли данный язык к классу лево- или правоветвящихся.

Выясняется, что языки правого и левого ветвления ведут себя в отношении расположения длинных составляющих, «создающих проблемы» для скорости распознавания, по-разному. Например, в английском языке чем длиннее придаточная клауза, тем больше вероятности, что она окажется в конце, а не в начале предложения, а в левоветвящемся японском языке наоборот — чем длиннее придаточное, тем скорей оно будет стоять в начале предложения, а не в его конце.

Рассмотрим пример из японского языка:

- (13) а. *Мэри-га кино: Дзён-га кэkkонсита то имта*
Мэри вчера Джон-ИМ женился что сказала

- б. *Кино: Дзён-га кэkkонсита то Мэри-га имта*

Вчера Джон женился что Мэри сказала
'Мэри сказала, что Джон вчера женился'.

В (13а) сфера идентификации предложения равна всему предложению: идентификация начинается с первой непосредственной составляющей — подлежащего *Мэри-га* и заканчивается сказуемым *имта*. В (13б) дело обстоит иначе: предложение начинается с придаточного, которое выглядит точно так же, как главное предложение (*Кино: Дзён-га кэkkонсита* 'Вчера Джон женился'). Адресат догадывается о том, что перед ним придаточное, только дойдя до союза *то*. Союз представляет собой ОИК придаточного предложения, и сфера идентификации главного предложения начинается с него и включает три слова. Понятно, что (13б) будет тем более приемлемо по сравнению с (13а), чем больше слов будет включать в себя придаточное. Число слов в придаточном не имеет никакого значения для режима распознавания (13б) — сколько бы их там ни было, СИС главного предложения начинается с союза. Однако число слов в придаточном имеет существенное значение для режима распознавания (13а), поскольку это предложение начинается с подлежащего, за которым следуют сентенциальное дополнение и глагол; расстояние между первым и последним и соответственно СИС будет тем больше, чем больше слов в придаточном.

Рассмотрим еще один пример из языка левого ветвления. В грузинском языке, как это и должно быть в языке такого типа, определение, выраженное посессивной ИГ в род. п., предшествует определяемому существительному:

- (14) *im problem-is amoxsna*
 этот.КОСВ проблема-ГЕН решение.НОМ
 'решение этой проблемы'³

Однако если посессивная ИГ включает в себя, например, относительное придаточное, включающее много слов³, препозиция посессивной ИГ затруднена:

- (15) а. ? [иг *i^m problem-is, romelic didixania*
 этот. КОСВ проблема-ГЕН которая давно
gv-acihxeb-s] *amoxsna*
 I.МН.ОВ-беспокоить-З.ЕД.СУБ решение
 б. *amoxsna* [иг *im problem-isa, romelic didixania*
 решение этот. КОСВ проблема-ГЕН которая давно
gv-acihxeb-s]
 I.МН.ОВ-беспокоить-З.ЕД.СУБ

'решение той проблемы, которая давно нас беспокоит'

Приемлемой перифразой (15а) оказывается (156) с перенесением посессивной ИГ в постпозицию, вопреки общему правилу. Пример (15) показывает, что расстояние между вершиной анализируемой ИГ (*amoxsna* 'решение') и вершиной-ОИК ее непосредственной составляющей (*problem-is* 'проблемы') не должно быть слишком большим. Чем больше расстояние, тем больше слов включает СИС и тем меньше коэффициент раннего распознавания.

Итак, максимально быстрое распознавание синтаксической структуры происходит при максимально близком расположении вершин последовательно вложенных составляющих. В этом выводе и заключается разгадка деления языков на классы лево- и правоветвящихся.

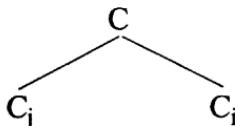
Рассмотрим последовательное вложение нескольких составляющих, каждая из которых состоит из вершины и ветвящегося зависимого. Возьмем составляющую С, которая непосредственно доминирует над Q и C_j. Допустим, что C_j — зависимое. Если C_j начинается с вершины и, таким образом, опознается по своей левой периферии, то оптимальным будет порядок с правым ветвлением C_jC_i (16а), так как ветвящееся зависимое внутри C_i не попадет в сферу идентификации составляющей С. Если же вершина стоит в конце C_v, то, наоборот, предпочтительнее порядок с левым ветвлением C_iC_j.

³ В грузинском языке, как и примерно в половине языков левого ветвления, относительное придаточное, вопреки общему принципу, не предшествует определяемому существительному, а следует за ним. Достаточно убедительное объяснение этого факта см. в [Hawkins 1990: 252—257].

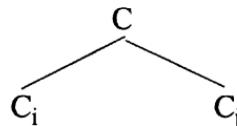
Часть 2. Синтаксические теории

(166) — тогда ветвящаяся часть C_i не попадет в сферу идентификации составляющей C , поскольку идентификация C начинается с вершины, находящейся на правой периферии G :

(16) а.

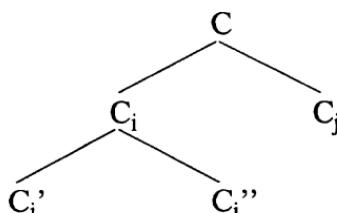

б.

Таким образом, при правом или левом ветвлении C_i оптимальным порядком для C оказывается также соответственно правое или левое ветвление.

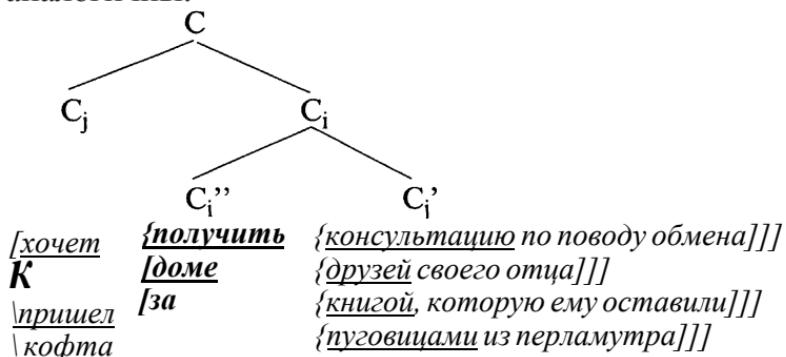
Перейдем на уровень ниже:

Порядок C_iC_j оптимальен в том случае, если вершиной C_i является C_i'' , а не C_j' . Но в таком случае и составляющая C_i' должна распознаваться по своей правой периферии, иначе оптимальным не будет порядок $C_i'C_i''$ - если C_i' начинается не с зависимого, а с вершины, то сферу идентификации составляющей C_i «загромоздит» ветвящееся зависимое в C_i' . Итак, левое ветвление C_i оптимально при условии левого ветвления его зависимого C' .

В случае правого ветвления (176) рассуждения совершенно аналогичны:

б.

Таким образом, при последовательном вложении со-ставляющих разных фразовых категорий, которые состоят из вершин и ветвящихся зависимых, оптимальным с точки зрения распознавания синтаксической структуры будет такой порядок, при котором вершины либо всегда предшествуют, либо всегда следуют за ветвящимися зависящими. Если принять, что языков с оптимальными порядками слов должно быть больше, чем языков с неопти-мальными порядками, получает объяснение факт распределения подавляющего большинства языков мира на два класса — левоветвящиеся и правоветвящиеся.

2.4. Факты грамматикализации «хороших» порядков

Хокинс особо отмечает, что грамматические правила могут «пересиливать» требования системы употребления. Например, отделяемые приставки в немецком языке, в отличие от английских отделяемых частиц, способны отрываться от своего глагола на произвольное расстояние; жесткие правила порядка слов нередко приводят к очень неудобному режиму распознавания и соответственно малому коэффициенту ЕІС. Так, во французском языке длинное относительное придаточное, определяющее подлежащее, делает распознавание предложения в целом очень неудобным, но правила порядка слов не разрешают никакого другого расположения подлежащего и определения к нему: (18) *La citerne, qu'il fit creuser par un architecte dont une reclame lui avait donne l'adresse, s'ecroula* 'Водоем, который он по-ручили вырыть архитектору, адрес которого он узнал из рекламы, обрушился' [Гак 1989: 168]. Однако, что немаловажно, предпочтения, создаваемые системой распознавания, могут грамматикализоваться. Это значит, что из нескольких порядков грамматика закрепляет именно тот, который является оптимальным с точки зрения скорости распознавания. Например, в немецком языке дополнение, выраженное местоимением, должно предшествовать дополнению, выраженному полной ИГ, причем не важно, какое из двух дополнений прямое, а какое косвенное (19) а. *gab ihr das Buch* 'дал ей (АРТ) книгу'; б. *gab es dem Madchen* 'дал ее (АРТ) девушке'; в. **gab das Buch ihr*, г. **gab dem Madchen es*.

Часть 2. Синтаксические теории

Грамматикализация порядка «местоимение + ИГ», конечно, связана с тем, что местоимение, в отличие от ИГ, не ветвится и не увеличивает СИС для глагольной группы (глагол — вершина первого дополнения — вершина второго дополнения).

Хокинс рассмотрел порядок двух определений к существительному (N) - прилагательного (Adj) и придаточного относительного на представительной выборке языков мира. При этом он учитывал и внутреннюю структуру придаточно-го относительного, т. е. какое положение в нем занимает союз, союзное слово или какой-то их аналог - в начале при-даточного (CompS) или в его конце (SComp). Из логически возможных 12 порядков оптимальными для распознавания являются 4, так как в них коэффициент раннего распозна-вания равен 1:

(20)

- a. [фильм] [хороший] [который я вчера видел]
- б. [хороший] [фильм] [который я вчера видел]
I _____ I •-г
- в. [я вчера видел **который**] [хороший] [фильм]
- г. [я вчера видел **который**] [фильм] [хороший]

Выясняется, что практически все языки, попавшие в выборку Хокинса, разделились по четырем оптимальным типам. К типу (20а) относятся, например, романские, арабский и эве; к типу (20б) - русский, германские, финский; к типу (20в) — японский, тамильский, турецкий и к типу (20г) — баскский, бирманский и абхазский. С большим сомнением к неоптимальному типу N adj [SComp] можно отнести мертвый шумерский язык и лушей (сино-тибетская семья), а к типу AdjN [SComp] - мертвый хурритский. Что же касается шести оставшихся типов, в которых коэффици-ент раннего распознавания самый низкий, то языков, в ко-торых бы имел место соответствующий порядок в качестве основного, не нашлось вовсе.

Еще один пример грамматикализации оптимального порядка — способность составляющих разного вида появ-ляться между предлогом и существительным-вершиной той ИГ, которой он управляет ([_{PP} P [_{NP} ____ N...])). Ясно, что чем длиннее составляющая, тем менее оптimalен порядок. Ре-

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

зультат оказался вполне предсказуемым. Примерно половина языков в выборке (например, арабский и тайский) разрешают поместить между предлогом и существительным указательное местоимение; остальные языки (масаи, испанский...) разрешают также и прилагательное. Ветвящееся зависимое - посессивную ИГ - разрешают в этой позиции только 12% языков в выборке (например, австралийский язык маунг). Наконец, всего 1% языков разрешает ставить между предлогом и существительным самое длинное зависимое - придаточное предложение (амхарский).

Хокинс обратил внимание также на то, что все языки с порядком слов VOS (глагол-сказуемое + прямое дополнение 4- подлежащее) обязательно располагают сентенциальное прямое дополнение после подлежащего. Например, в малагасийском языке:

- (21) a. *Mihevitra Rabe [sfa mitady ny zaza Rasoa]*
думает Рабе что ищет АРТ ребенка Рacoa
'Рабе думает, что Рacoa ищет ребенка'.
- б. * *Mihevitra [s fa mitady ny zaza Rasoa] Rabe*
думает что ищет АРТ ребенка Рacoa Рabe

Несмотря на то что порядок (21a) нарушает схему VOS, именно он, и только он, является грамматичным, а не соответствующий этой схеме порядок (21b). Причина здесь в том, что придаточное предложение, «вклинившись» между элементами главного, значительно увеличивает его СИС и соответственно понижает коэффициент раннего распознавания.

Другим примером обязательной грамматикализации под влиянием факторов распознавания речи может служить обязательная экстрапозиция придаточного - прямого дополнения — в немецком языке, чтобы не увеличивать СИС для клаузы:

- (22) a. *Er kann deine Worte nicht verstehen*
он может твои слова не понять
'Он не может понять твоих слов'.
- б. *Er kann nicht verstehen, [was du sagst]*
он может не понять что ты говоришь
'Он не может понять, что ты говоришь'.
- г. **Er kann \was du sagst nicht verstehen*
он может что ты говоришь не понять

2.5. Последствия для теории

Итак, Хокинс установил наличие особого компонента языка, обеспечивающего такую структуру синтаксических единиц, которая максимально облегчает синтаксический анализ. В терминах ПГ этот компонент относится не к области компетенции (владения языком), а к области употребления — механизмов распознавания речи. Однако, вопреки исходным положениям ПГ, Хокинс доказал, что этот компонент может воздействовать на основы грамматики — структуру составляющих и порядок слов. Вопреки общепринятым в ПГ мнению, Хокинс предположил, что нет никаких универсальных врожденных параметров порядка слов. Имеющиеся в языках правила порядка слов представляют собой следствия принципов эффективного употребления. Фундаментальные особенности синтаксической структуры оказались простым следствием тех условий, которые накладывает на грамматику механизм восприятия речи.

Роль врожденного компонента знания языка (универсальной грамматики) у Хокинса соответственно снижается, хотя он и не отвергает его в принципе. Хокинс предложил модулярную теорию универсалий, т. е. состоящую из нескольких автономных компонентов — модулей, каждый из которых по-своему воздействует на грамматику. Лишь один из этих модулей соответствует «универсальной грамматике» в понимании Хомского. Другой, не менее важный, модуль образуют принципы эффективного употребления.

Недостаток модулярной теории универсалий заключается в том, что разные модули накладывают противоречащие друг другу требования на структуру грамматических единиц. В силу этого любой факт может быть объяснен апелляцией если не к одному, то к другому модулю. Собственно, это и делает сам Хокинс, когда объясняет наличие в немецком языке конструкций, неблагоприятных для оптимального режима распознавания, воздействием автономного грамматического модуля, быть может, отражающего врожденный компонент знания языка. В таком случае, когда каждый из модулей «тянет одеяло на себя», любой факт, который противоречит требованиям одного из них, может быть успешно «объяснен» ссылкой на другой.

Впоследствии в статье [Hawkins 1999] Хокинс посягнул еще на один «священный» предмет генеративной лингвистики —

ки — ограничения на передвижения, выдвинув гипотезу, что островные ограничения, как и ограничения на порядок слов, вызваны требованиями, накладываемыми механизмом восприятия речи.

3. Некоторые другие работы

В рамках функционализма выполнено много исследований по типологии порядка слов в связи со способами выражения прагматических значений (в российской лингвистике они называются «коммуникативными»). Суть этих работ [Tomlin 1986; Payne (ed.) 1992; Downing, Noonan (eds.) 1995] изложена в обзоре [Кибрик, Плунгян 1997], и мы здесь кратко коснемся только работ Т. Гивона [Givon 1988; 1984—1990; 1995], одного из наиболее популярных и продуктивных теоретиков функционального направления.

Главная идея, лежащая в основе работ Гивона, заключается в том, что грамматика представляет собой набор инструкций адресату по наиболее эффективной обработке информации, передаваемой в речи. Вспомнив известный тезис о том, что язык преобразует смыслы в тексты, и обратно — тексты в смыслы, можно сказать, что для Гивона объект воздействия языка — не смыслы и не тексты, а сознание человека — участника акта речи. Роль грамматики заключается в том, чтобы стимулировать определенные действия адресата по активизации, обработке и сохранению информации и способствовать тому, чтобы эти действия происходили в оптимальном режиме.

Одна из наиболее известных идей Гивона заключается в том, что линейный порядок в языке отражает порядок обработки информации коммуникантами и соответствующий ему порядок инструкций адресату о способах обращения с получаемой информацией. «Более предсказуемая (или доступная) информация сдвигается влево», ибо с нее естественно начинать сообщение [1988: 252]. Вместе с тем в экстремальной ситуации этот принцип может нарушаться, так как «первой решается наиболее срочная задача».

Оба принципа обусловливают, с точки зрения Гивона, неградуированную (невыразимую в форме категорий, определимых на основе суммы необходимых и достаточных признаков) форму распределения информационных характе-

ристик составляющих текста. Он считает бесперспективным, например, пытаться выяснить, какими именно семантическими ярлыками — «эмфаза», «контраст», «фокус» или нечто подобное, надо наделить ИГ *John*, например, в предложениях (23) а. *It was to John that I gave the book* 'Это Джону я отдал книгу'; б. *to John I gave the book* 'Джону я отдал книгу'; в. *I gave the book to John*. Ясно, что налицо определенная градация в степени рематичности, наибольшая в случае kleфта (23а), меньшая при так называемом Yiddish Movement (23б) и еще меньшая — в нейтральной конструкции (23в).

Прагматические характеристики, таким образом, не могут быть обозначены классифицирующими ярлыками, но зато поддаются количественной оценке через признаки **«референциального расстояния»** (referential distance), т. е. числа единиц текста, например, клауз или предложений, до предыдущего упоминания данного референта, и **«живучести»** (persistence), т. е. числа его повторных упоминаний в некотором последующем отрезке текста.

Близка по своим идеяным основам к функционализму детально разработанная «референциально-ролевая грамматика» Р. Ван Валина [Van Valin 1993; Van Valin, LaPolla 1997]; поскольку эта теория достаточно подробно изложена в обзоре [Кибрик, Плунгян 1997], мы оставляем ее за рамками главы.

Другим важным направлением исследований в функциональной типологии является теория грамматикализации. **Грамматикализацией** называется превращение неграмматического языкового факта в грамматический, например, отдельной лексемы в аффикс. Исследователи, работающие над грамматикализацией, стремятся показать, что ее возможные пути и формы способны объяснить наблюдаемые синтаксические и морфологические факты. Теория грамматикализации дает свой ответ на вопрос о причинах сходств в неродственных языках: языки реализуют ограниченное число типологических возможностей, потому что пути грамматикализации, ведущие к тем или иным наблюдаемым грамматическим явлениям, ограничены.

Упомянем некоторые принципиальные идеи, высказанные приверженцами этого подхода [Haspelmath 1999: 587]:

1) **Знаменательное —> служебное слово.** Знаменательное слово может превратиться в служебное, например старофранц. *chies* 'дом' > совр.

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

франц. *chez 'у'* (предлог). Служебное слово не может стать знаменательным [Haspelmath 1998].

2) **Деграмматикализация невозможна.** Грамматикализация - необратимый процесс; случаев превращения грамматического элемента в знаменательную лексему не засвидетельствовано. Например, глагол *habere* 'иметь' в латинском языке превратился в показатель будущего времени в романских языках: позднелат. *cantare habeo* 'должен петь' > итал. *cantarо* 'я буду петь'. Однако неизвестны случаи превращения аффикса в полнозначный глагол [Givon 1975; Lehmann 1995].

3) **Функция приобретается раньше формы.** Актант, не являющийся подлежащим, становясь подлежащим, вначале приобретает функциональные признаки подлежащего и лишь затем его морфологические признаки. Например, в истории английского языка ИГ со значением экспериенциера вначале приобрели способность контролировать рефлексивные местоимения и только затем утратили форму дат. п. [Cole et al. 1980].

Тесная связь теории грамматикализации с функциональной парадигмой заключается в том, что предполагаемые факторы грамматикализации, например частотность, предопределяются обстоятельствами использования языка. Упомянем еще важные работы по синтаксическим проблемам грамматикализации: [Bybee, Thompson 1997; Lehmann 1995; Haspelmath 1998].

Лингвисты, работающие в рамках формальных и функциональных направлений, до последнего времени почти не вступали в диалог друг с другом. Однако сейчас ситуация как будто начинает изменяться, в чем большую роль сыграла деятельность Ф. Ньюмейера. Его книга [Newmeyer 1998] посвящена наведению мостов и выяснению природы разногласий между двумя лингвистическими мирами - формализмом и функционализмом. Большой интерес представляют также сборник [Darnell et al. 1998-1999], статьи [Croft 1995; Кибрик А.А. 1999] и рецензия на книгу Ньюмейера [Haspelmath 2000].

4. Перспективы функционализма

Современным работам по синтаксису в рамках функциональной типологии трудно дать общую оценку ввиду слишком большого разнообразия идей, методов и привлекаемого материала. Фрагментарность и «мозаичность» функционализма можно считать его недостатком и одновременно

Часть 2. Синтаксические теории

достоинством. С одной стороны, ограничиваясь решением отдельных задач, функционалисты не переносят механически методы, оправдавшие себя на одном материале, на другой, для них неподходящий. Однако, с другой стороны, некоторые важные общие принципы, продемонстрированные на одном материале, нередко опровергаются другим.

Так, принцип экономичности («не различать то, что восстановимо из контекста»), убедительно объясняющий наблюдаемое распределение типов конструкций предложения, приходит в противоречие с фактом существования обязательных категорий в грамматике: говорящий на русском или английском языке, в отличие от говорящего на китайском или японском, не свободен в том, выражать или нет число упоминаемых объектов, даже когда эта информация легко восстановима из контекста, что, конечно, противоречит принципу экономии. Если постулировать несколько принципов, действующих на грамматику противоречивым образом, теория перестает быть проверяемой — до тех пор, пока не будет убедительно показано, в каких случаях действует один принцип, а в каких - другой.

Недостатком многих функционалистских работ является то, что выводы, получаемые в результате анализа, нередко тривиальны (в широком смысле этого слова), т. е. ничего существенного не добавляют к тому, что можно заключить о предмете исследования на основании простых априорных рассуждений, элементарных наблюдений над любым языком или здравого смысла.

Грешат тривиальностью, например, многие обобщения, выдвигаемые Т. Гивоном. Некоторые принципиальные идеи Гивона очевидны не только для профессионального лингвиста, но и для каждого человека, способного на самом элементарном уровне наблюдать и анализировать языковые факты.

Например, Гивон отмечает, что ситуации, факты или объекты, более тесно связанные в действительности, при их отражении в языке обнаруживают более тесную (в grammatischem смысле) связь обозначающих единиц, чем ситуации, факты или объекты, менее тесно связанные друг с другом [Givon 1980]. «Чем более тесной является семантическая связь между двумя событиями, тем большим будет синтаксическое объединение двух пропозиций в единую клаузу» [Givon 1993: 2].

Конкретизируя эту мысль, Гивон постулирует «шкалу связанности»: он отмечает, что матричные глаголы со значением манипуляции или ус-

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

пешного завершения действия грамматически теснее связаны со своими сентенциальными актантами, чем глаголы со значением восприятия, интеллектуальной деятельности или речи. Самый тесный способ связи — слияние матричного и сентенциального глаголов, «ко-лексикализация» (*She let go of the knife* Юна выпустила нож'), менее тесный — употребление синтаксически самостоятельных неоформленных основ (*She made him shave* Юна заставила его побриться'), еще менее тесный — употребление инфинитивной конструкции (*She told him to leave* Юна велела ему уйти'); далее следуют придаточные в косвенных модальностях (*She suggested that he shoud leave* Юна предложила, чтобы он ушел'); далее — косвенная цитата (*She said that he might leave later* Юна сказала, что он может уйти позже') и, наконец, прямая цитата (*She said «He might leave later»* Юна сказала: «Он может уйти позже»). С увеличением связанности усиливаются импликативные связи между пропозициями (из того, что кого-то заставили побриться, следует, что он побрился и т. д.), с уменьшением — уменьшается контроль и ослабляется условие одновременности действий. Есть и коррелирующая «иерархия референциального слияния»: кореферентность подлежащих > любая кореферентность > никакой кореферентности. По мере увеличения связанности ослабляется и семантическая, и грамматическая независимость элементов сентенциального актанта.

Установленная Т. Гивоном «иерархия связанных», безусловно, отражает реальные соотношения между семантической и синтаксической слитностью конструкций с сентенциальными актантами. Однако, как всякое исследование, ограничивающееся очевидными и легко доступными наблюдению фактами, оно пренебрегает «мелочами», например, никак не отвечает на вопрос, почему каузативные глаголы *добраться, выхлопотать, провалить* (напр., роль, экзамен) не присоединяют инфинитива в отличие от речевых глаголов *звать* или *приглашать*; почему «успешное завершение действия», обозначаемое глаголами *поймать (на краже), обыграть (в карты), поднять (на восстание), разозлить (до бешенства), дождаться (приезда)*, не исключает независимого контроля агента предикатного актанта над некоторым фрагментом обозначаемой ситуации и т. д.

Еще более известная идея Гивона заключается в том, что явления, активизированные в сознании говорящих или более легко доступные для их восприятия, выражаются редуцированно, т. е. меньшим количеством языкового материала, чем явления неактивизированные или трудно доступные. Например, при первом упоминании некоторого лица или предмета он нуждается в интродукции с помощью полной ИГ. При последующих упоминаниях он может обозначаться более скрупулезно, например, местоимением.

Чем более ожидаем или предсказуем данный референт, тем меньше усилий требуется для совершения с ним мыслительных операций, и соответственно менее выраженным фо-

Часть 2. Синтаксические теории

нетически и менее расчлененным со структурной точки зрения является средство его выражения. Гивон предложил шкалу средств выражения референта:

(24) полная ИГ (*мальчик*) > анафорическое самостоятельное местоимение (*он*) > местоименная клитика (франц. *le 'его'*) > нулевое анафорическое местоимение

Шкала (24) соответствуют степени активации референта и соответственно той мере усилий, которая требуется для его «обработки». «Чем более предсказуемым или доступным является референт, тем меньше фонологического материала используется для того, чтобы его кодировать» [Givon 1988: 249].

Эти и другие подобные им идеи Гивона никак нельзя признать парадоксальными. Стало бы поистине сенсацией, если бы факты какого бы то ни было языка вступили в явное и наглядное противоречие с упомянутыми принципами. Тем не менее, разумеется, и такие выводы нуждаются в эмпирической проверке, и Гивон, будучи квалифицированным типологом, проводит ее на очень широком материале, причем контраст между плоскостью идей и «экзотичностью» языковых иллюстраций составляет яркую отличительную черту его стиля.

Наконец, недостатком функционализма является, как это ни странно, отсутствие должного внимания к проблеме функций языка. Среди функционалистов считается само собой разумеющимся, что: 1) функции языка более или менее известны, 2) главная из них — коммуникативная (передача информации) и 3) структура языка определяется в первую очередь его главной функцией. Между тем ни одно из трех допущений не является ни очевидным, ни доказанным. Здесь скрыто множество проблем, к решению которых наука о языке по-настоящему еще и не приступила.

Обсуждая проблему функциональной немотивированности согласования, М. Барлоу и Ч. Фергюсон замечают, что «все функционалистские объяснения оперируют понятием референциальной эффективности языка; как кажется, никто не рассматривал игровое, поэтическое и эстетическое использование языка, которое, возможно, имеет существенное значение для его эволюции и усвоения, так же как может вносить вклад в творческую, системообразующую сторону языка. Быть может, стоит исследовать возможность того, что согласование сохраняется и даже распространяется в силу действия факторов того же типа, что определяют конвенционализацию и сохранение рифмованных пар слов, прозаических рифм, регулярных повторов и т. п.» [Barlow, Ferguson 1988: 17-18].

Глава XV. Функциональная синтаксическая типология

В перспективе теория функционализма должна будет включить в рассмотрение несколько различных функций, причем их набор у разных компонентов языка, вероятно, не окажется одинаковым. Иначе теория, ориентированная на одну лишь функцию эффективной коммуникации, в конце концов окажется чем-то вроде «модели ограниченных потребностей», говоря конкретно - только одной потребности» профессора Выбегалло из повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Кроме того, функция, в которой язык используется чаще всего, не обязательно есть та, которая определяет его структуру. Вновь процитируем тех же авторов: «Я бы сказал так. Есть объекты, которым мы нашли применение. Мы используем их, хотя... в подавляющем большинстве случаев мы забиваем микроскопами гвозди... Как вы их называете, эти черные красивые шарики, которые идут на украшения? ... Вот-вот, "черные брызги"... Если пустить луч света в такой шарик, то свет выйдет из него с задержкой, причем эта задержка зависит от веса шарика, от размера, еще от некоторых параметров... Есть безумная идея, будто эти ваши "черные брызги" - суть гигантские области пространства, обладающего иными свойствами, нежели наше, и принявшего такую свернутую форму под воздействием нашего пространства...» (А. и Б. Стругацкие, «Пикник на обочине»).

Рекомендуемая литература

Российскому читателю целесообразно начать более детальное ознакомление с функционализмом с обзора А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна [1997]. Кроме работ, упомянутых в тексте настоящей главы, можно воспользоваться весьма полной библиографией современного функционализма, приложенной к этому обзору.

СИНТАКСИС В МОДЕЛИ «СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ»

Though our smoke may hide the Heavens from your eyes,
It will vanish and the stars will shine again,
Because, for all our power and weight and size,
We are nothing more than children of your brain!

R. Kipling,
The Secret of the Machines

Модель «Смысλ <=> Текст» (МСТ), способ интегрального описания языка, предложенный в конце 1960-х годов И.А.Мельчуком и А.К. Жолковским, - наиболее популярное в России направление в формальной лингвистике. МСТ не является теорией в том смысле этого слова, который более принят в мировом языкоznании, так как не ставит объяснительных задач. В основе МСТ лежит замысел создания полной функциональной модели языка (п. 1). МСТ включает несколько уровней представления, соединенных компонентами - системами правил, устанавливающими соответствия между уровнями (п. 2). Глубинно-синтаксический уровень включает обобщенные лексемы, в том числе фиктивные, и небольшое число универсальных глубинно-синтаксических отношений (п. 3). Глубинно-синтаксический компонент устанавливает соответствие между глубинно-синтаксическим и поверхностно-синтаксическим уровнями (п. 4). Поверхностно-синтаксический компонент, используя правила-сintагмы, устанавливает соответствие между поверхностно-синтаксическим и глубинно-морфологическим уровнями (п. 5). Синтаксические компоненты МСТ предназначены для целей описания, но вряд ли могут использоваться для решения теоретических проблем (п. 6).

В этой главе пойдет речь о наиболее популярном в России направлении в формальной лингвистике - модели «Смысλ <=> Текст» (МСТ), которая была выдвинута в конце 1960-х годов А.К. Жолковским и И.А. Мельчуком; весьма важная роль в разработке МСТ принадлежит Ю.Д. Апресяну и возглавляемой им Московской семантической школе. Бесспорным лидером и ведущим автором МСТ был и остается И.А. Мельчук. Несмотря на то что в России МСТ часто называют теорией, ее никак нельзя назвать теоретическим направлением, если исходить из того понимания слова «теория», которое утвердилось в последние десятилетия в мировой лингвистике и о котором шла речь в главе X. Как пишет сам И.А. Мельчук, «никакой особой теории в точном смысле слова у меня нет, а есть весьма простой и естественный общий взгляд на язык» [Мельчук 1999: ix].

«Простым и естественным» И.А. Мельчук считает взгляд на язык как на интегральную динамическую систему, подобную живому организму, — систему, в которой функции всех компонентов прямо или опосредованно взаимосвязаны. Такой взгляд мог приобрести популярность только в 1960-е годы, когда впервые были продемонстрированы возможности динамического (т. е. использующего правила-операции) многоуровневого описания, связывающего воедино фонетику, грамматику и словарь. Он не показался бы безоговорочно «простым и естественным» ни младограмматикам, ни приверженцам классического структурализма, ни авторам традиционных описаний, ни сторонникам современных модульярных теорий. Положенный в основу МСТ принцип, в соответствии с которым язык моделируется в виде механизма, перекодирующего значения, записанные на формальном метаязыке, в наблюдаемые предложения, казался «простым» и «естественным» в момент возникновения МСТ и американской порождающей семантики, т. е. в конце 1960-х гг. Однако к середине 1970-х гг., когда порождающая семантика, разгромленная лексикализмом, сошла со сцены, перспективность такого подхода была поставлена под сомнение.

МСТ занимается эмпирическими, описательными проблемами, и теоретические задачи для нее чужды. Точнее, авторы МСТ, по-видимому, не осознают различия между первыми и вторыми. У И.А. Мельчука нередко можно встретить блестящие идеи теоретического характера. Может быть, самая знаменитая из них — теория лексических функций, т. е. стандартных отношений между лексемами и фразеологически связанными с ними словами и словосочетаниями. С помощью компактного и, по-видимому, универсального аппарата лексических функций МСТ упорядочивает хаотические, на первый взгляд, отношения лексической сочетаемости (подробнее см. [Мельчук 1974а: 78-109; Апресян 1974: 43-50]). Регулярная связь семантики и актантной структуры предикатных слов характеризуется с помощью моделей управления, которые разработаны несравненно глубже, чем, например, соответствующие понятия («субкатематические схемы» и «тематические решетки») в ПГ. Еще один пример — гипотеза, призванная объяснить тот факт, что синтаксическая структура представляет собой дерево [Мегсик 1988: 48]. Однако сам И.А. Мельчук ни содержательно, ни композиционно не отделяет объяснительные проблемы от описательных.

«Наша теоретическая база — это "генеративно-трансформационное" учение Н. Хомского, естественным развитием которого и является, по нашему мнению, данная модель» [Мельчук 1974а: 17]. С одной стороны, это совершенно точная характеристика — схема лингвистического описания, ко-

Часть 2. Синтаксические теории

торая лежала в основе «стандарной теории» 1960-х годов: база -> глубинная структура -> трансформационные правила -> поверхностная структура, получила дальнейшее развитие в МСТ. ПГ, так же, как и любая теория, использует собственную описательную модель, и техническое устройство ранних вариантов этой модели действительно оказало значительное влияние на МСТ (использование нескольких ненаблюдаемых уровней и нескольких компонентов, формализация правил в виде исчислений и т. п.). Наблюдается и определенная содержательная близость обоих подходов: на протяжении 1960-х годов в ПГ господствовала идея, что грамматические правила (трансформации) не изменяют значения, причем последнее целиком задается глубинной структурой (гипотеза Катца—Постала [Katz, Postal 1964]). Логическое развитие этой гипотезы привело к возникновению ровесницы МСТ - порождающей семантики, которая выдвинула очень близкий взгляд на устройство языка и в течение короткого времени на рубеже 1960—1970-х годов занимала главенствующие позиции в американской лингвистике (подробнее см. [Lakoff 1971; McCawley (ed.) 1976; Newmeyer 1986]); не случайно высказывалось мнение, что МСТ — «наиболее полное теоретическое осмысление идей порождающей семантики» [Ширяев 1997: 475].

С другой стороны, в приведенной цитате из книги И.А. Мельчука содержится явное и огромное недоразумение. Основной пафос работы Н. Хомского и его последователей, а равно и их наиболее влиятельных противников, остался авторам МСТ совершенно чужд. Задача МСТ - это не более чем поставленная на более высокий уровень полноты и строгости традиционная задача описания языка, а теоретические (объяснительные) задачи, которые уже свыше 40 лет находятся в центре внимания мировой лингвистики и являются главными как для ПГ, так и для оппонирующих ей теорий, в МСТ и не принимаются, и не отвергаются, а попросту не упоминаются, как будто их никто никогда не выдвигал. МСТ, с некоторыми оговорками, есть то самое, что Хомский, имея в виду американский структурализм, называл «наукой о снятии показаний с измерительных приборов» [Хомский 1972 (1968): 84]. Однако сарказм Хомского оказался несколько преждевременным: как показала история МСТ, эмпирическая формальная лингвистика далеко-не исчерпала своих творческих ресурсов.

Разумеется, то понимание предмета грамматической теории, которое в последние десятилетия доминирует в

США и Западной Европе и в целом разделяется как сторонниками, так и противниками Хомского, нельзя считать единственным возможным, и авторы МСТ вправе понимать под «теорией» нечто совсем иное либо вообще отказываться от постановки теоретических задач, ограничиваясь описанием фактов. Сознательно отвергать сколь угодно популярную методологию — путь совершенно законный. Труднее понять полное игнорирование того, что уже несколько десятилетий представляет собой основную исследовательскую повестку дня мировой лингвистики.

1. Моделирование языка

Языковая деятельность человека включает в себя открытую и скрытую части. Открытая часть — звучащая или письменная речь и определенные реакции людей на языковые выражения. Скрытая часть — деятельность тех участков мозга, которые «отвечают» за языковую способность. Когда говорят, что лингвист описывает язык, то при этом совсем не имеют в виду непосредственное наблюдение за деятельностью тех нейрофизиологических механизмов, которые управляют языковой деятельностью (порождение и восприятие речи). И хотя за последние десятилетия нейролингвистика сделала большой шаг вперед, в целом можно сказать, что для лингвистов важнейшая, определяющая часть языковой деятельности сейчас, как и сто, и две тысячи лет назад, остается по большей части скрытой.

Есть, однако, известный способ обойти это препятствие. Лингвист наблюдает внешнее выражение скрытой от него языковой деятельности - соответствие определенных отрезков речи (тесто) определенным значениям (смыслам), и, сопоставляя первое и второе, пытается создать некоторую искусственную копию языка - того реального языка, который скрыт в нейронах головного мозга. Искусственная копия может включать в себя списки слов, морфем, словосочетаний, какие-то правила или таблицы и т. д., она может быть даже издана в виде книги («Грамматика языка X»; «Словарь языка Y»...) или реализована в виде компьютерной программы.

Недостаток этой копии заключается в том, что мы обычно не знаем, насколько точно она соответствует реаль-

Часть 2. Синтаксические теории

но происходящему в скрытой части языковой деятельности.

Например, если в искусственной и несовершенной копии русского языка — в напечатанной на бумаге русской грамматике — упоминается категория падежа, мы не можем до конца быть уверены в том, насколько точно эта категория соответствует «реальному» падежу, который содержится в умах носителей языка. Какое-то соответствие, безусловно, имеется — иначе невозможно было бы объяснить, почему, как только в наш язык попадает новое слово, например (1) *дефолт* или *провайдер*, мы немедленно способны произнести и понять словоформы (2) *дефолта*, *дефолту...* *проводером*, *проводерах...* и т. д. Умение носителя русского языка без малейших усилий перейти от (1) к (2) подразумевает, что падеж - реально существующий в языке феномен, а не только исследовательский конструкт.

Достоинство искусственной копии заключается в том, что она может являться в некотором отношении точной и практически полезной — пользуясь грамматикой и словарем, человек, не являющийся носителем русского языка, способен (хотя и в гораздо меньшей степени, чем его носитель), порождать и понимать правильные русские предложения, и чем выше качество грамматики и словаря, тем меньше ошибок будет совершено при их добросовестном практическом применении. Такая искусственная копия называется функциональной моделью языка. «Функциональная модель X предмета или явления Y — это искусственно созданная система, быть может, совершенно иной физической природы, нежели Y , но такая, что если ее поместить в обстановку, в которой действует Y , то она будет вести себя - во всяком случае, в интересующем нас аспекте! — достаточно похоже на Y , а в идеале — неотличимо от Y » [Мельчук 1974а: 13]. Лингвистическая модель языка должна обеспечивать переход от смыслов к текстам и от текстов к смыслам в идеале так же хорошо, как это делает носитель языка.

Традиционные лингвистические описания не соответствуют идеальной модели в нескольких важных отношениях. Во-первых, они не эксплицитны. Это означает, что в них обнаруживаются «утверждения типа: имеет место такое-то явление, такая-то форма; такое-то значение может выражаться такими-то формами; такая-то форма может иметь такое-то значение. Из этих утверждений нельзя сделать заключение, когда имеет место такая-то форма, а когда нет, в каких именно случаях некоторое значение связывается с некоторой формой, и наоборот. Эксплицитным мы считаем такое

Глава XVI. Синтаксис в модели «Смысл <=> Текст»

описание, в котором в явном виде указываются условия реализации данной формы, когда по некоторому значению мы можем построить соответствующую ему форму и некоторой форме приписать ее значение (именно это делает носитель языка, когда он говорит или слушает)» [Кибрик 1977а: 34].

Во-вторых, традиционные описания интуитивны, т. е. оперируют не строго определенными понятиями, из-за чего в таком описании часто невозможно отделить разрешенное от запрещенного.

Вот некоторые примеры неэксплицитных и интуитивных формулировок, взятых наугад из описаний разных языков: «превербы придают глаголу значение завершенности действия»; «возвратный залог образуется большей частью от переходных глаголов»; «функционально-грамматические аффиксы следуют за лексико-грамматическими»; «прямое дополнение иногда семантически сливается со сказуемым». Надо иметь в виду, впрочем, что обойтись одними строго определенными понятиями в лингвистике невозможно; читатель может легко пополнить приведенный перечень цитатами из этой книги.

В-третьих, традиционные описания состоят из плохо согласованных частей: выбирая те или иные грамматические структуры, носитель языка учитывает свойства входящих в них лексических единиц, однако традиционные описания содержат очень мало словарной и грамматической информации, необходимой для такого выбора.

Например, невозможность инфинитивного подлежащего совершенного вида при глаголах типа *нравиться*, *надо есть*, *наскучить*, например, *говорить* { // «сказать» } одно и то же мне надоело или невозможность инфинитивного дополнения совершенного вида при глаголах типа *начинать*, *уставать*, *привыкать*, например *начал выражать* { /* «выразить» } сомнения является грамматическим и одновременно словарным фактом [Иомдин 1990: 21]; информация об этом должна содержаться не только в грамматическом описании, но и в словарных статьях соответствующих глаголов, чего, однако, в словаре традиционного типа мы не находим.

Стативные глаголы, т. е. такие, которые обозначают состояния, свойства, положения в пространстве, восприятия, эмоции и т. п., обладают рядом общих грамматических свойств, таких, как: 1) недопустимость формы императива в его основном значении: **видь картину* (ср. *смотри на картину*), **знай математику* (ср. *изучай математику*); 2) недопустимость формы совершенного вида, ср. *Художник изобразил озеро*, но **Картина изобразила озеро*; 3) несочетаемость с наречиями образа действия: **Он быстро знает языки*, ср. *Он быстро учит языки*; 4) неспособность обозначать следующие друг за другом события при сочинении и др. Поскольку в значениях стативных глаголов нет общего смыслового компонента,

Часть 2. Синтаксические теории

из которого признак стативности можно было бы выводить автоматически, этот признак должен быть приписан всем соответствующим лексемам в словаре, в противном случае грамматические правила не смогут его учитывать [Апресян 1986: 58-60].

В-четвертых, они являются таксономическими (классифицирующими), т. е. содержат перечни правил, но не указывают ни уровень представления, к которому они применяются, ни последовательность их применения.

Фактически традиционные описания апеллируют к смутным интуитивным представлениям читателя об уровнях и последовательности правил, что в сложных случаях приводит к безнадежной путанице. Например, в описании древнееврейского языка мы читаем, что «под редукцией... понимается переход долгих и кратких гласных в а... при передвижении удара» [Ламбдин 1998: 41]. Читателю в неявном виде предложено самому догадаться, что такое «передвижение» ударения - откуда и куда оно «передвигается» (т. е. — с какого уровня на какой уровень). Далее мы читаем, что редукция происходит в предударном слоге, который «либо находится непосредственно перед ударным, либо отделен от него "полуслогом" со сверхкратким гласным» [там же]. Итак, для того, чтобы применить правило редукции, надо уметь отличать сверхкраткие гласные от долгих и просто кратких. Читатель тут же вспоминает, что несколькими страницами ранее сверхкраткие гласные определялись как такие, которые возникают в результате редукции. Итог неутешителен: для того, чтобы применить редукцию, надо знать, какие гласные являются сверхкраткими; чтобы получить сверхкраткие гласные, надо применить редукцию.

МСТ попыталась преодолеть все перечисленные выше недостатки традиционных описаний.

В основе МСТ лежит следующий тезис: «Естественный язык — это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук 1974а: 11]. Целью лингвистики является создание функциональных моделей языка.

Методологические основы МСТ были заложены еще в конце 1950-х гг., когда в работах первых советских структуралистов была поставлена задача формального моделирования грамматических понятий. Увлеченные перспективами, которые открывали формальные методы исследования, российские лингвисты стали задавать себе вопросы типа «Что такое род», «Что такое *падеж*?», «Что такое *слово*?»... и т. д. Ответами на эти вопросы были формально строгие процедуры выделения и определения традиционных грамматических

понятий. Формальный аналог грамматического понятия называется его моделью (он моделирует значение традиционного лингвистического термина и интуицию его сложившегося употребления). Наиболее важным достижением на этом пути было построение формальной модели русского словоизменения в работе А. А. Зализняка [1967]. Основные результаты, полученные в рамках этого направления, подытожены в [Зализняк (ред.) 1973; см. также Крылов 1982; 1997].

Грамматическое моделирование есть не что иное как формальная лексикография традиционных лингвистических терминов. Анализ привычных фамматических понятий, таких как «род», «падеж», «слово», «залог», «часть речи» и др., позволяет вычленить признаки, лежащие в их основе. В результате можно исчислить все комбинации значений этих признаков, а затем выяснить, какие из комбинаций реально представлены в языках мира (т. е. провести типологическое исследование), как это было сделано, например, в отношении залога И.А. Мельчуком, А.А. Холодовичем и В.С. Храковским (см. главу VIII).

Однако заметим, что лексикография терминов представляет в явном виде тот уровень понимания языка, который отражен в соответствующих традиционных понятиях, но содержательно не продвигает нас ни на шаг вперед. Ожидать от грамматического моделирования чего-то большего, чем прояснение традиционных классификаций, почти так же странно, как ожидать, что лексикографический анализ слов *скорость*, *теплота ИЛИ свет*, отражающих «наивную физику внешнего мира» (о которой см. [Апресян 1974: 56—60]), приведет к прогрессу в научной физике.

Большое влияние на МСТ оказали также работы по машинному переводу и автоматической обработке текста, от которых в те годы ждали очень многоного и для «чистой» лингвистики. Нацеленность на решение прикладных задач способствовала увеличению формальной строгости, эксплицитности и внутренней согласованности описаний (см. выше). Вместе с тем недостаточно ясно сознавалось различие между целью инженерной работы — изготовить изделие, обладающее определенными свойствами, и целью работы исследователя - объяснить, почему наблюдаются именно данные факты, а не другие¹.

¹ Ср. свидетельство Мельчука: «подход "Смысл <=> Текст" складывался под сильным влиянием работ по автоматическому переводу, анализу и синтезу текстов» [Мельчук 1974а: 17] и признание Хомского: «The models of language that were being discussed and investigated had little plausibility, so far as I could see, and I had no personal interest in... technological advances. The latter seemed to me in some respects harmful in their impact... I have been surprised since to read repeated and confident accounts of how work in generative grammar developed out of an interest in computers, machine translation, and related matters. At least as far as my own work is concerned, this is quite false» [Chomsky 1975: 40].

От моделирования отдельных грамматических понятий естественно было перейти к более глобальной задаче — формальному моделированию описания языка в целом — фонетики, грамматики и словаря. Цель МСТ, которая резко отличает ее от всех сколько-нибудь популярных современных теоретических направлений — полное и формально строгое описание фактов, но не их объяснение. МСТ — машина для описания языка, притом весьма мощная и эффективная.

Не восприняв объяснительные цели теоретической лингвистики, авторы МСТ не были ничем ограничены и в выборе средств описания. Так, упоминая о требовании Хомского, в соответствии с которым «модель (у Хомского — "грамматика") должна быть построена в соответствии с заранее фиксированными условиями (например, с использованием только одной операции — подстановки, причем специального вида, и т. п.)», И.А. Мельчук отмечает, что «это требование есть идеал, к которому мы также хотели бы прийти. Однако представляется разумным и такой путь к этому идеалу, когда во имя большего соответствия модели реальному языку требования к логической простоте и единобразию модели временно ослабляются» [Мельчук 1974а: 20]. Смысл «заранее фиксированных условий» у Хомского, разумеется, заключается не в достижении «логической простоты и единобразия», а в уменьшении выразительной силы грамматики, о чем подробнее см. в главах X-XI. Выразительная сила описательных средств МСТ настолько велика, что характеристика понятия «возможной грамматики естественного языка» в ее рамках оказывается неосуществимой.

Большая популярность МСТ отчасти объяснялась тем, что многим российским лингвистам в 1960-1980-е годы казались очевидными следующие предположения:

а) замена нечетких и расплывчатых традиционных лингвистических описаний на формально строгую описательную модель само по себе представляет огромный прогресс в понимании языка и приближает лингвистику к точным наукам;

б) разорванность традиционных описаний на несколько несогласованных частей (фонетика — морфология — синтаксис — словарь) можно и нужно преодолеть путем создания межуровневых компонентов — систем транслирующих правил, которые соотносят, например, семантическое представление высказывания с его синтаксическим представлением или наоборот;

Глава XVI. Синтаксис в модели «Смысл <=> Текст»

в) модель надо строить таким образом, чтобы в ее терминах мог быть описан любой язык; эти термины и их строгие определения есть теория языка²;

г) отличие других теорий, таких, как, например, ПГ, от МСТ заключается в устройстве модели, в применяемых способах описания и в определениях основных лингвистических терминов;

д) пристрастие автора ПГ - Н. Хомского к философским спекуляциям о языке - его личная блажь, хотя и простительная для выдающегося ученого; вообще же такие рассуждения следует предоставить любителям и идеологам-пропагандистам; к строго научному изучению языка, т. е. к его формальному моделированию, они не имеют отношения.

Вспомнив содержание предыдущих глав, читатель может самостоятельно решить, в какой мере очевидны предположения а)–д).

2. Общая структура модели

Как и ПГ, МСТ - собрание сведений о языке, представленных в виде исчисления, т. е. перечня разрешений и запрещений — что можно, а что нельзя делать в процессе синтеза или анализа языкового выражения. Таким образом, МСТ моделирует знание языка говорящим. «Алгоритмическая» часть, в которой содержится механизм, моделирующий способность говорящих использовать свое знание языка (то, что соответствует «употреблению» в ПГ), представляет собой отдельную исследовательскую задачу, которая отчасти решается в практических приложениях МСТ [Мельчук 1974а: 42-43].

В этом смысле, как отмечает И.А. Мельчук, МСТ является статическим, а не динамическим соответствием между смыслами и текстами [Mel'cuk 1988: 45]. Нам, однако, кажется более удобным называть «динамическим» всякое описание, которое представляет знание языка в виде нескольких уровней, связанных отношениями деривации, а «статическим» - представление знания языка в виде списков единиц или их классов. В истории лингвистики трудно найти пример чисто динамического или чисто статического описания.

МСТ - не порождающее, а преобразующее устройство, не генератор предложений, а преобразователь, перекодирующий смыслы в тексты и обратно. Соответствие между текстами и смыслами — много-многозначное: одному смыслу

² «Единственный законный вопрос, который можно задать в рамках этой теории, — "Как выразить значение 'X' в языке L?" или "Что означает выражение 'X' языка L?"» [Mel'cuk, Pertsov 1987: 43].

Часть 2. Синтаксические теории

может отвечать много текстов, выражающих этот смысл (синонимия), а одному тексту — много смыслов (омонимия). Синонимия и омонимия распространены в языке настолько широко, что описание перехода от смыслов непосредственно к текстам неосуществимо ввиду его сложности. Этот переход следует разделить на последовательные этапы, включающие ряд промежуточных представлений между текстом и смыслом. В МСТ постулируется **семантический уровень** (в более поздних версиях — два таких уровня — глубинно- и поверхностью-семантический), два синтаксических — **глубинно-синтаксический** и **поверхностно-синтаксический**, два **морфологических уровня** (также **глубинный** и **поверхностный**) и один **фонологический уровень**.

Семантический уровень использует особый семантический метаязык для записи значений, состоящий из элементарных символов (сем) и отношений между ними. На семантическом уровне высказыванию соответствует **семантическое представление**. Его важнейшая часть — **семантическая структура** в виде графа, который не обязан быть деревом. В семантическое представление входит, кроме того, информация о коммуникативной организации смысла (теме, реме, логических акцентах и т. п.).

Переход от (поверхностно-)семантического к глубинно-синтаксическому уровню МСТ происходит посредством применения **(поверхностно-)семантического компонента**. Он расчленяет семантическое представление на «куски», соответствующие предложениям и знаменательным словам, подбирает лексические и грамматические средства выражения несинтаксических значений (например, информация о соотнесенности с моментом речи переходит в грамматическую характеристику глагольного времени) и устанавливает глубинно-синтаксические отношения между абстрактными лексемами глубинно-синтаксического уровня, см. ниже.

Элементы условного метаязыка используются и на синтаксических уровнях. **Глубинно-синтаксическое представление** (ГСП) включает **глубинно-синтаксическую структуру** (ГСС) предложения. Это дерево зависимостей, узлы которого представляют только **обобщенные лексемы** — символы обычных лексем, идиом, лексических функций и особых фиктивных лексем. Обобщенные лексемы набираются заглавными буквами.

Фиктивная лексема вводится для того, чтобы представить в единобразном виде некоторую словообразовательную модель. Например,

ГСС может включать несуществующий глагол *КОМПРОМИССИРОВАТЬ 'заключать компромисс', от которого в дальнейшем может быть получено путем регулярной деривации реальное существительное *компромисс*. Некоторые маргинальные синтаксические конструкции также удобно вводить к фиктивной лексеме в ГСП. Например, конструкции приблизительного количества с постпозицией числительного в русском языке типа *метров сто* соответствуют в ГСП фиктивной лексеме ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, которая не соответствует реальному наречию *приблизительно* и заменяется в дальнейшем на некоторый тип синтаксической связи.

Линейный порядок узлов в ГСС не задается. Ветви ГСС представляют собой универсальные **глубинно-синтаксические отношения** (ГСО), число которых не больше 10. На этом же уровне содержатся сведения о коммуникативной организации высказывания, о его просодической характеристики и о тождестве или различии референтов его ИГ, а также некоторые сведения о составляющих³, которые оказываются все же необходимыми, несмотря на выбранный способ изображения синтаксической структуры в виде структур зависимостей (используется и понятие именной группы как носителя референтной характеристики, т. е. фразовой категории, которая получает определение в синтаксисе составляющих).

Кроме ГСС, глубинно-синтаксическое представление включает еще три вида структур: коммуникативную, анафорическую и просодическую.

Глубинно-синтаксический и глубинно-морфологический уровни, а также лежащий между ними **поверхностно-синтаксический уровень** связываются **синтаксическим компонентом**. Последний включает два субкомпоненты — **глубинно-синтаксический**, который связывает ГСП с поверхностью-синтаксическим уровнем, и **поверхностно-синтаксический**, который связывает поверхностино-синтаксический уровень с глубинно-морфологическим. Первый субкомпонент 1) преобразует обобщенные лексемы ГСС в конкретные лексемы, символы лексических функций заменяются значениями этих функций при данных аргументах, - также конкретными лексемами или их сочетаниями; 2) вводит служебные слова; 3) уточняет грамматические признаки лексем; 4) устанавливает поверхностино-синтаксические отношения между лексемами.

³ Фактически составляющие вводятся для некоторых случаев сочинения [Мельчук 1974а: 214-215] и при описании порядка слов в русском языке («приведенные группы») [там же: 44, 242-243].

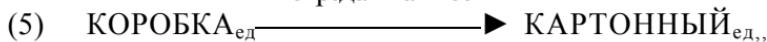
Часть 2. Синтаксические теории

Поверхностно-синтаксический уровень содержит **поверхностно-синтаксическую структуру** (ПСС) — дерево зависимостей, узлы которого представляют все словоформы предложения и только они. Узлы, как и в ГСС, линейно не упорядочены. Ветви ПСС представляют собой **поверхностно-синтаксические отношения** (ПСО) между словоформами. Набор ПСО не универсален и в каждом языке устанавливается отдельно.

Источники ПСО при переходе от смысла к тексту — ГСО, некоторые глубинные слова, а также индексы некоторых морфологических категорий. Например, глубинно-синтаксическая конструкция

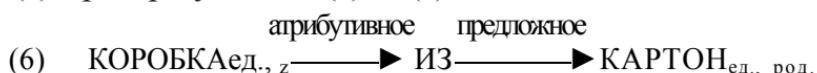

(3) КОРОБКА_{ед} —► МАТЕРИАЛ —► КАРТОН,
где КОРОБКА, МАТЕРИАЛ и КАРТОН - обозначения
обобщенных лексем, а 5 и 2 — номера ГСО (атрибутивного
и 2-го актанта соответственно), превращаются в одну из двух
ПСС - (4) или (5), которые, в частности, отличаются вы-
бранными ПСО, обозначенными при стрелках зависимо-
стей:

где КОРОБКА, ИЗ, КАРТОН, КАРТОННЫЙ - символы реальных лексем русского языка.

Поверхностно-синтаксический компонент вырабатывает синтаксически обусловленные морфологические характеристики, т. е. показатели согласования и управления. Так, (4) и (5) преобразуются в (6) и (7) соответственно:

где символом *z* обозначается падеж, определяемый у лексемы КОРОБКА ее связью с синтаксическим хозяином.

На этом же этапе поверхностно-синтаксический компонент определяет порядок слов (точнее глубинно-морфологических представлений словоформ) и добавляет просодические фразовые характеристики.

Глубинно-морфологический уровень содержит **глубинно-морфологическое представление** (ГМП), которое включает цепочку всех словоформ предложения и сведения о просодических характеристиках его компонентов. В ГМП словоформы входит имя лексемы и совокупность всех значений ее морфологических словоизменительных категорий.

Переход от глубинно-морфологического к поверхностно-морфологическому уровню осуществляется **морфологическим компонентом** МСТ. Основное его содержание — переход от абстрактного представления словоформы к ее фонологической записи. Наконец, фонологический компонент преобразует фонологическое представление в фонетическое. Фонологический и фонетический уровни включают соответственно фонематическую и фонетическую транскрипционные записи предложения (т. е. фонологический компонент также образует два подуровня).

Первоначально предполагалось, что МСТ работает в двух направлениях: осуществляет как синтез, так и анализ высказывания, отсюда и знак «о» в ее наименовании. Однако сложность задачи анализа привела к тому, что в публикациях по МСТ 1980-1990-х годов она рассматривается в основном в аспекте синтеза.

Организовать модель так, чтобы она работала строго последовательно, т. е. чтобы вся информация, необходимая для построения представления на n -м уровне, находилась на $n-1$ -м (или на $n+1$ -м), не удается, и неизбежны возвраты. Например, порядок слов определяется в синтаксическом компоненте, который действует раньше, чем морфологический. Однако «на выбор того или иного словорасположения может влиять выбор конкретной алломорфы той или иной морфемы (например, если она оказывается омонимичной, то может понадобиться перемещение каких-то словоформ для избежания двусмысленности). Поэтому система определения порядка слов может включаться повторно — после работы всех морфологических правил» [Мельчук 1974а: 43].

В МСТ ничего не говорится о том, какие возвраты разрешены, а какие запрещены и как именно уже «пройденный» уровень или компонент может или не может в дальнейшем воздействовать на процесс синтеза или анализа. Поэтому в принципе не исключается, что любое выражение на одном из уровней может соответствовать любому выражению на другом уровне, причем применение либо

неприменение этого правила соответствия между двумя уровнями может зависеть от любых свойств любых элементов любых других уровней. В результате МСТ (если рассматривать ее как научную теорию, а не как инженерное сооружение), приходит в состояние энтропийного равновесия, или «тепловой смерти»: то, что любой элемент языка может быть с равной вероятностью связан с любым другим элементом, — «нуль-гипотеза», которая возникает априорно и, для того, чтобы быть выдвинутой, не нуждается ни в каких фактах.

3. Глубинно-синтаксический уровень

В узлах ГСС выступают знаменательные лексические единицы - лексемы и фраземы данного языка. «Для таких отрезков текста, как фр. */aire boire* 'поить' и русск. *поить*, семантический граф будет одним и тем же: что-то вроде 'кауцировать живое существо поглощать жидкость...'; ГСС же у них разные: во французской ГСС — два элемента, а в русской - один» [Мельчук 1974а: 141]. При переходе от семантики к ГСС семантические атомы складываются в пучки, которые соответствуют знаменательным лексемам данного языка. Служебные лексемы, которые вводятся синтаксическими правилами, например сильноуправляемые предлоги (*откликаться на, зависеть от*) в ГСС не представлены. ГСС может включать и такие обобщенные лексемы, которые в поверхностном синтаксисе исчезают, например, переходят не в слова, а в синтаксические отношения:

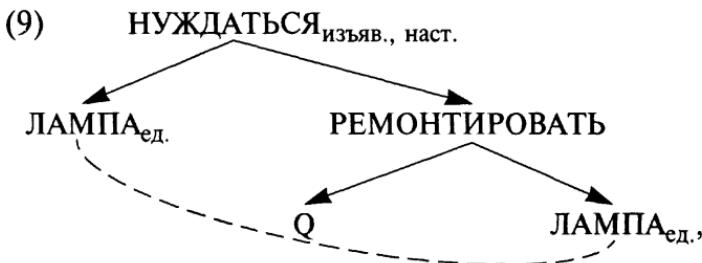
Глубинно-синтаксическая структура Поверхностно-синтаксическая структура Текст

5 2 2-е аппозитивное
(8) ГОРОД_{ед} → БЫТЬ → САД_{ед} => ГОРОД_{ед} САД_{ед} => город-сад

Обобщенная лексема БЫТЬ превращается в ПСС (8) в одно из ПСО - 2-е аппозитивное.

В ГСС нет ни анафорических элементов, ни эллиптических пробелов, ни нулевых знаков — все знаки, не имеющие означаемого, соответствует каким-то ненулевым символам в ГСС. Поэтому, например, предложение *Лампа нуждается в ремонте* получает следующую ГСС:

Глава XVI. Синтаксис в модели «Смысл <=> Текст»

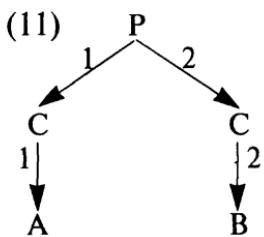
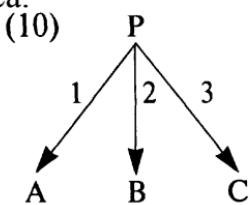
где пунктирной дугой обозначена анафорическая связь (кореферентность ИГ), а фиктивная лексема Q обозначает 'кого-либо, некие люди'.

ГСС представляет собой дерево зависимостей. Ветви ГСС помечаются символами глубинно-сintаксических отношений, предположительно универсальных. К числу этих отношений относятся несколько актантных, атрибутивное (т. е. определительное в самом широком смысле), сочинительное, которое направлено от предыдущего однородного члена к последующему, и адъюнктивное (присоединяющее всевозможные обособления, междометия, обращения и т. п.). Ветвление в ГСС ограничено: из любого узла не может выходить более одной стрелки, помеченной одним и тем же актантным или сочинительным отношением. Количество определений ограничено не так строго (их может быть до 10).

Как уже замечалось выше, несмотря на общую установку МСТ на описание, элементы теории в ней, несомненно, встречаются. В данном случае в требованиях, наложенных на структуру ГСС, воплощены некоторые принципиальные теоретические идеи: 1) число актантов при предикатном слове ограничено; 2) одна актантная валентность не может заполняться дважды; 3) различие сказуемых и определений представляет собой одну из фундаментальных черт естественного языка, отличающую его, например, от языка логики предикатов; 4) определений при одном синтаксическом хозяине может быть несколько, хотя и их число ограничено; 5) сочинение и подчинение представляют собой два принципиально разных способа синтаксической связи.

МСТ включает особый субкомпонент, который позволяет без учета семантики указать для некоторой ГСС ее синонимические эквиваленты. Особенность этого субкомпонента, который называется **системой перифразирования**, состоит в том, что он, в отличие от других компонентов МСТ,

устанавливает соответствие не между разными уровнями, а между элементами, принадлежащими к одному и тому же глубинно-синтаксическому уровню, т. е. действует не «вертикально», а «горизонтально». Лексические правила системы перифразирования основаны на аппарате лексических функций, о котором уже упоминалось; несомненно, это выдающееся достижение МСТ [Мельчук 1974а: 152-161]. Синтаксические правила перифразирования включают изменение синтаксической структуры, например ГСС (10) может быть заменена на (11), если только Р — глагол определенного класса:

Пример соответствия (10—11): *Множество [А] П превосходит [Р] множество [В] Н по мощности [С] ⇔ Мощность [С] множества [А] П превосходит [Р] мощность [С] множества [В] Н.*

Любые синтаксические преобразования, связанные с заменой или перестановкой фрагментов деревьев зависимостей, могут быть сведены к трем элементарным операциям [Гладкий, Мельчук 1971]:

1) **расщепление узла** (= вырастание ветви):

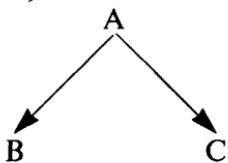
$A \Rightarrow A \rightarrow B \rightarrow C$,

причем на место узла А подставляется либо узел В, либо узел С;

2) **перевешивание узла на другую ветвь**, который включает две возможности — либо (12) преобразуется в (13), либо, наоборот, (13) в (12):

(12) $A \rightarrow B \rightarrow C$

(13)

3) склеивание узлов (= стяжение ветви):

$B \rightarrow C \Rightarrow A$, причем незамененные узлы, выходящие из B и C , в преобразованной структуре выходят из A .

Поскольку ГСС обладают строгими ограничениями на ветвление (см. выше), оказывается возможным построить исчисление синтаксических преобразований. Получается 80 логически возможных видов правил: 12 расщеплений, 62 перевешивания и 6 склеиваний. И.А. Мельчук отмечает, что это исчерпывающее множество элементарных операций, к которым могут быть сведены все глубинно-синтаксические преобразования, составляет некий «универсальный синтаксис» [1974а: 165].

4. Глубинно-синтаксический компонент

Синтаксические средства естественных языков передают информацию нескольких разных типов. Поэтому ПСС включают в себя, кроме собственно синтаксической структуры, представленной в виде деревьев зависимостей, также сведения об анафорических связях, о синтаксических группах (частичный компромисс со структурой составляющих), о коммуникативной организации фразы и о семантических интонациях. Узлы дерева ПСС заняты словоформами в их глубинно-морфологическом представлении, из которого, однако, изъяты характеристики, получаемые в поверхностном синтаксисе (такие, как согласовательные категории рода, числа и падежа у прилагательных). (О деревьях зависимостей, их свойствах и о том, каким образом определяется факт наличия и направление зависимости между словоформами, см. подробно в главе I.) Как было показано в главе I п. 6, необходимость различать такие синтаксические структуры, как *брат-учитель* и *брат учителя*, *пять часов* и *часов пять*, требует дополнительного формального механизма — разметки структур зависимостей, т. е. присвоения отношениям зависимостей определенных имен или меток, каждая

из которых соответствует одному ПСО (примеры некоторых ПСО для русского языка приводятся там же). Число ПСО для одного языка насчитывает несколько десятков. Перечень ПСО для русского языка см. в [Мельчук 1974а: 221-234; Апресян и др. 1978: 265-269], для английского см. в [Mel'cuk, Pertsov 1987: 85—156], критерии выделения ПСО см. в [Mel'cuk 1988: 140-144; Mel'cuk, Pertsov 1987: 70-72].

Правила перехода от ГСС к ПСС включают лексические правила (развертывание формул лексической сочетаемости — «вычисление» значений лексических функций и раскрытие фразем, а также удаление фиктивных лексем) и синтаксические правила - а) замена глубинных отношений поверхностными; б) замена узла ГСС с его связями поверхностью-синтаксическим отношением и в) замена глубинного отношения служебным словом. Правила б) как бы обратны по отношению к правилам в): если первые заменяют фиктивную лексему на ПСО, то вторые, наоборот, заменяют ГСО служебным словом.

Пример правила типа а) - замена 1-го актантного ГСО на предикативное ПСО (*Партизаны <- разрушили базу; Иван <- уходит*):

(14) X (глагол)

X (глагол в личной форме)

предикативное

Y (существительное)

Y (существительное)

Пример правила типа б) — замена глубинного предлога *Z* со значением обстоятельства на обстоятельственное ПСО (*шел -> берегом; родился -> второго мая*):

(15) X

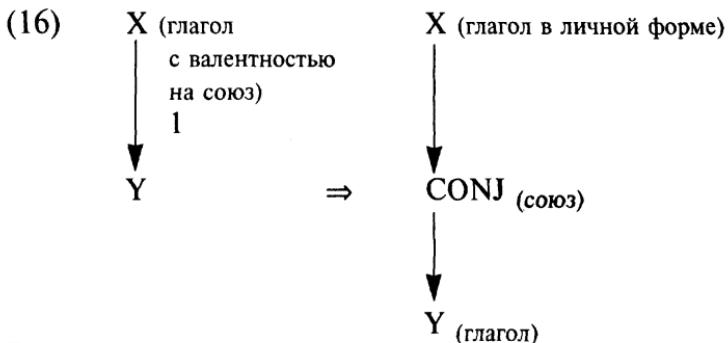
x

обстоятельственное

СУЩ.

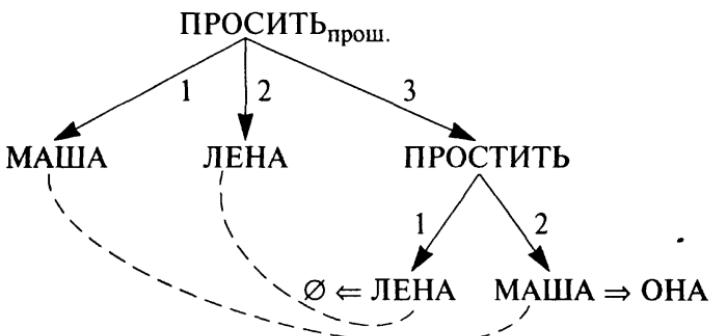
СУЩ.

Пример правила типа в) - замена 1-го актантного ГСО на подчинительный союз (*Всех удивило, -> что он ушел*):

В глубинно-синтаксическом компоненте, кроме того, стираются эквивалентные элементы в инфинитивных конструкциях (аналог Equi-NP deletion в ранних вариантах ПГ), вводятся местоимения-заменители (*он, она, оно, данный, вышеупомянутый*) и возвратные местоимения {*свой, себя*} вместо поддеревьев, соответствующих полным ИГ (17)⁴.

(17) *Маша_i просит Лену простить ее_i.*

Сохранение трансформационной трактовки нулевого подлежащего при инфинитиве и анафоры [Меглик 1988: 80—81] через много лет после завершения дискуссии вокруг порождающей семантики, при хорошо известных фактах, которые свидетельствуют об описательной неадекватности таких трансформаций (поведение ИГ, содержащих операторы, «парадокс Баха — Питерса» и др., см. главу XII п. 7) — несомненный анахронизм МСТ (свод аргументации против

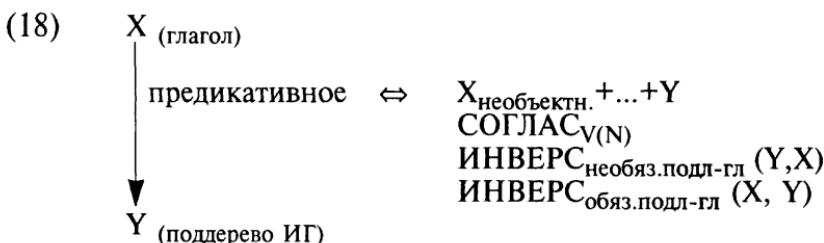
⁴ Так в [Mel'cuk 1988: 80-81]; в [Мельчук 1974а] эти преобразования отнесены к более позднему этапу, после линеаризации. Проблемы взаимодействия анафоры и порядка слов (*Когда я позвонил Маше_i, она_i пришла vs. *Она_i пришла, когда я позвонил Маше_i*) не обсуждаются ни в той, ни в другой книге.

трансформационной трактовки анафоры см. в [Wasow 1979; Падучева 1985: 143-147], против Equi — в предисловии к сборнику [Larson et al. 1992].

5. Поверхностно-синтаксический компонент

После выработки синтаксически обусловленных морфологических характеристик во всех узлах ПСС оказываются полные ГМП словоформ, т. е. лексемы, снабженные полной морфологической информацией.

Центральным для поверхностно-синтаксического компонента является понятие **сингагмы**⁵. Сингагма, или поверхностно-синтаксическое правило, устанавливает соответствие между минимальным поверхностно-синтаксическим деревом (парой узлов, связанных ПСО) и минимальной цепочкой, которая отражает его на глубинно-морфологическом уровне. Например, предикативная сингагма показывает, что в английском языке предикативное ПСО выражается согласованием финитного глагола с подлежащим в лице и числе, подлежащее не оформляется объектным падежом (у местоимений — *us*, *whom* и т. д.), глагол в нормальном случае следует за подлежащим (или наоборот, подлежащее за глаголом, если налицо особые условия для инверсии):

В сингагме сообщается, что глагол должен согласоваться с подлежащим в соответствии со **стандартной функцией**, или **оператором** согласования глагола с подлежащим

⁵ Поскольку термин «сингагма» уже утвердился в лингвистике в другом значении (связный речевой отрезок), такое его употребление трудно признать удобным. Очевидно, авторы МСТ попытались исправить форму не соответствующего нормам греческого языка термина «синтаксема», употребляемого многими авторами [Мухин 1964; Золотова 1967; 1981; 1988; Вардуль 1977; Всеволова 2000] в отчасти сходном смысле («далее неделимая семантико-синтаксическая единица, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент» [Караулов (ред.) 1997: 474]).

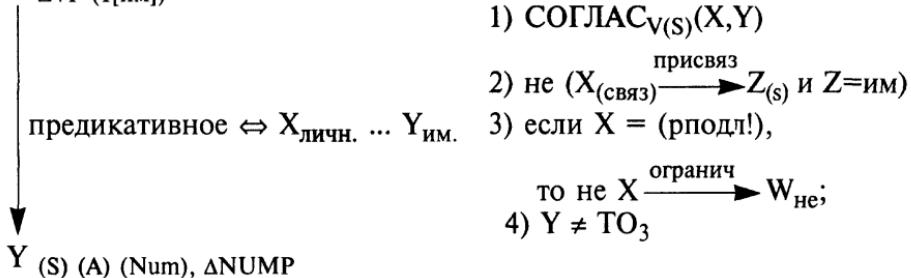
Глава XVI. Синтаксис в модели «Смысл <=> Текст»

(СОгЛАС_{V(N)})- Стандартная функция есть множество условий, которые должны быть выполнены для того, чтобы некоторая конструкция могла быть употреблена. Глагол должен следовать за подлежащим, если не применяется другая стандартная функция ИНВЕРС_{обяз.подл-гл'}, т. е. обязательная инверсия подлежащего с глаголом. При использовании похожей стандартной функции ИНВЕРС_{необяз.подл_гл} применяется необязательная инверсия, т. е. глагол может или следовать за подлежащим, или предшествовать ему.

Приведем теперь синтагму для склоняемого подлежащего и сказуемого - личного глагола в русском языке [Мельчук 1995: 241-243]:

(19)

$X \Delta V P (1[им])$

$Y (S) (A) (Num), \Delta NUMP$

В синтагме (19) выражены следующие сведения: вершиной предикативного ПСО является глагол, возглавляющий AVP, т. е. «глагольную группу» в необычном понимании этого термина, - ряд последовательно подчиненных глаголов, образующих сложное глагольное сказуемое. Помета (1[им]) означает, что первый глубинно-синтаксический актант глагола должен выражаться им. п. Таким образом указывается, какая модель управления должна быть у глагола-вершины. Зависимое может быть существительным (S), прилагательным (A), числительным (Num) или числительным, возглавляющим числовую группу ANUMP. Отсутствие скобок в последнем случае означает, что числовая группа в данной синтагме не может опускаться (Последа скорело). Условие 1 — обычный оператор согласования; условие 2 исключает из данной синтагмы конструкции типа *Это был несчастный случай I Это были несчастные случаи*, в которых сказуемое согласуется с именной частью; условие 3 исключает конструкции типа *Таких сведений у нас не имеется*, в кото-

Часть 2. Синтаксические теории

рых невозможно подлежащее в им. п.; условие 4 исключает случаи с коррелятивным местоимением *то* в качестве подлежащего; эти конструкции близки по свойствам к придаточным подлежащим и поэтому описываются отдельно.

Синтагма (20) описывает обстоятельства времени в английском языке типа *last week* 'на прошлой неделе', *next year* 'в следующем году', *the same day* 'в тот же день':

В (20) утверждается, что существительное (N), обладающее синтаксическим признаком **врем** (обозначение времени), в том случае, если его зависимое не артикль, выражает обстоятельственное значение при глаголе, причем не требуется никакого морфологического оформления, и обстоятельство может быть помещено до или после глагола: *Last week we traveled to Boston* или *We traveled to Boston last week* 'На прошлой неделе мы путешествовали в Бостон'.

Все синтагмы, выражающие одно и то же ПСО, объединяются в **сингагмему**.

Поверхностно-синтаксический компонент устанавливает линеаризацию, т. е. определяет порядок словоформ, получивших ГМП. В отличие от структур составляющих, в которых сведения о порядке элементов включаются непосредственно в представление синтаксической структуры, деревья зависимостей, которые использует МСТ, позволяют разграничить иерархические отношения в синтаксической структуре (правда, только между словами!) и их линейные отношения.

Правила порядка слов включают: 1) модели для простых словосочетаний, например порядок определений к существительному: англ. *these four interesting German books* 'эти

четыре интересные немецкие книги', но не * *German four these interesting books*', 2) глобальные правила порядка слов, которые устанавливают оптимальный порядок для некоторого поверхностно-синтаксического представления, учитывая указания, содержащиеся в синтагмах, расстановку коммуникативных статусов - темы/ремы, данного/нового и пр., особенностей конкретных лексем (например, англ. *enough* 'достаточно', которое, вопреки общему правилу, всегда следует за определяемым прилагательным или наречием) и стратегий, направленных на избежание синтаксической омонимии.

Установление порядка слов в рамках простого предложения русского языка разделяется на три этапа. Сначала формируются **исходные группы** — последовательности слов, связанные «локальными» ПСО, т. е. такими, которые требуют строго фиксированного расположения зависимого относительно вершины. Затем исходные группы объединяются в **приведенные группы** — последовательности, более или менее соответствующие тому, что называется «группами членов предложения» — группе подлежащего, группе сказуемого и т. д. Наконец, устанавливается взаимное расположение приведенных групп, которые связаны друг с другом «глобальными» ПСО. Каждый из этих этапов осуществляется отдельной группой правил (подробнее см. [Мельчук 1995, гл. 10]).

После линеаризации ПСС поверхностно-синтаксический компонент производит еще два типа преобразований — эллиптические сокращения и «просодизацию».

Соответствие между семантическими, глубинно-семантическими и поверхностно-синтаксическими актантами предикатной лексемы устанавливается с помощью модели управления — части словарного описания лексемы. Общее понятие о моделях управления было дано в главе III 1.2.

6. Общая оценка синтаксического компонента МСТ

Наиболее значительные достижения МСТ относятся к области семантики, формальной лексикографии (включая лексическую сочетаемость) и морфологии. Синтаксический компонент МСТ не содержит столь же интересных обобще-

Часть 2. Синтаксические теории

ний и остроумных описательных решений, как те, которые имеются в перечисленных областях. Попытка создать компонент, выводящий синтаксические структуры из семантических, привела к тому же роковому результату, к которому пришла порождающая семантика, - к нагромождению не поддающихся обобщению правил. Несмотря на строгие ограничения, которые наложены на форму ГСС и ПСС, правила, которые устанавливают соответствие между ними или ведут к ГМП, по форме настолько мало ограничены, что не остается надежд на выявление каких-то фундаментальных принципов, лежащих в их основе.

Примечательно, что один из наиболее ярких и впечатляющих результатов получен в МСТ при изучении парадигматических отношений на глубинно-синтаксическом уровне — в системе перифразирования, которая находится вне синтаксического компонента. Парадигматические отношения между элементами поверхностно-синтаксического уровня, которые после «хомскианской революции» находятся в центре внимания всех теорий, в рамках МСТ изучались мало (за исключением диатез и залогов и некоторых признаков синтагм). Достаточно очевидно, тем не менее, что парадигматические соотношения являются немаловажной частью знания грамматики носителем языка.

Наконец, в синтаксических компонентах МСТ начиная с 1970-х годов трудно заметить какое бы то ни было внешнее влияние. Отразив мир идей и понятий мировой лингвистики конца 1960-х годов, МСТ сразу же полностью «закупорилась» и с тех не восприняла ни одной принципиальной грамматической идеи, высказанной вне ее рамок. Никаких реакций на «внешний мир», полное отсутствие заимствований и полемики — особенность, которая отличает МСТ от большинства современных теорий⁶.

Длинные перечни ПСО и синтагм образовали внутри динамической модели обширный склад конструкций и правил, слишком напоми-

⁶ Справедливости ради отметим, что тот же упрек в закрытости может быть адресован и другим лингвистическим направлениям. Но все-таки, например, ПГ смогла воспринять некоторые идеи реляционной грамматики и формальной семантики Монтэпо; ее теоретики в последние годы «снисошли» до диалога с функционалистами, о чем см. в главе XV; разработка Head-driven Phrase Structure Grammar происходит в постоянном диалоге с ПГ; функционалисты следят за развитием ПГ и не упускают случая продемонстрировать, что их подходы к тем же фактам, которыми занимается ПГ, более продуктивны.

Глава XVI. Синтаксис в модели «Смысл <=> Текст»

нающий традиционное таксономическое описание. Это впечатление было, может быть, главной причиной того, почему сторонники МСТ, пришедшие в науку в 1970-1980-е годы, проявили так мало желания заниматься синтаксисом. Веря, что МСТ - лучшая из возможных теорий, они столь же твердо были убеждены в том, что составлением и детализацией списков ПСО должны заниматься другие люди.

Дальнейшая судьба синтаксических компонентов МСТ зависит прежде всего от того, будет ли привлекательным для лингвистов нового поколения решение в ее рамках описательных проблем, а также от того, насколько успешными окажутся осуществляемые на ее основе прикладные разработки. Что касается задач грамматической теории, то совершенно очевидно, что МСТ изначально не была предназначена и, скорее всего, никогда не сможет быть приспособлена для их решения. В принципе не исключено, что, например, при разработке стандартных функций когда-нибудь удастся сформулировать ценные обобщения, ограничивающие допустимое разнообразие синтагм. Пока эта работа никем не проделана, общее впечатление таково, что в своей синтаксической части МСТ как объяснительный инструмент беспersпективна.

Рекомендуемая литература

Библиография МСТ приводится в [Мельчук 1999: xvi-xxii]. Синтаксические проблемы наряду с другими рассматриваются в [Мельчук 1974а; 1995; 2000]; специально синтаксису посвящены монографии [Mel'cuk 1979; 1988; Мельчук 1985]; [Mel'cuk, Pertsov 1987] представляет собой монографическое описание английского синтаксиса в рамках МСТ, чему предшествовали публикации на русском языке [Мельчук, Перцов 1973а, 1975]. Из других работ отметим [Апресян и др. 1978; Апресян и др. 1989; Иомдин, Перцов 1975а, б; Иомдин 1990]. Примечательная дискуссия вокруг МСТ (правда, совсем не затрагивающая синтаксических проблем), отражена в [Перцов (ред.) 1996].

В рамках МСТ выполнено описание синтаксиса двух «малых» языков — алюторского (чукотско-камчатская семья), см. [Mel'cuk, Sawina 1978] и 7-ю главу книги [Mel'cuk 1988], и арчинского (восточнокавказская семья), см. [Кибрик 1977 (общая схема МСТ с некоторыми изменениями)].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача, которую ставил перед собой автор, — пройти с читателем путь от уровня владения предметом приобретаемого в рамках курса «Введение в языкознание», до уровня, позволяющего ориентироваться в современных научных публикациях, — могла быть выполнена только частично. Современный лингвистический мир представляет собой огромный и разноголосый форум теорий и методов, и сколько-нибудь представительный обзор всех заслуживающих внимания направлений в исследовании синтаксиса можно найти в справочнике или энциклопедии типа [Jacobs et al. 1993; Brown, Miller (eds.) 1996; Baltin, Collins (eds.) 2001], но никак не в учебнике. Все же, как надеется автор, учебник позволит читателю не только не потеряться на этом бурлящем многолюдном «базаре», но и отыскать для себя что-то полезное.

Специальной литературы по грамматике сейчас публикуется так много, что профессиональным исследователям, аспирантам и студентам стало трудно следить даже за работами, выполненными в той научной традиции, в которой они воспитаны. Несравненно труднее разобраться в «чужой», непривычной методологии и тем более признать за ней какие-то достоинства, — при том, что пренебрежение и огульное отрицание не требуют ни малейших усилий. В результате представители разных школ, даже работающие с одним и тем же материалом, перестают понимать друг друга, и грамматические теории проявляют тенденцию превратиться в замкнутые «клубы» или, хуже того, враждебные друг другу секты. К счастью, в последние годы необходимость взаимопонимания стала очевидной для многих, и наметившийся диалог между представителями двух наиболее влиятельных теоретических направлений — генеративной лингвистики и функционализма [Кибрик А.А. и др. (ред.) 1997; Newmeyer 1998; Darnell et al. 1998-1999; Haspelmath 2000] можно считать благоприятным признаком. Автор надеется, что содержащееся в книге сопоставление различных исследовательских парадигм послужит той же цели.

Большинство современных учебников по синтаксису представляют собой введения в какую-то одну, реже — две теории (см. обзор во Введении), но автор не хотел и не мог

Заключение

следовать по этому пути. Такой учебник нелегко было бы включить в контекст российской лингвистики, в основном до сих пор ориентированной на описание и с недоверием относящейся к теории. Возникли бы трудности и с иллюстрациями на материале русского языка. Даже порождающая грамматика, в идейных рамках которой работают много квалифицированных славистов, доныне не пришла к согласию в том, как следует анализировать структуру предложения в славянских языках. Поэтому разумнее было бы перевести на русский язык одно из западных введений в ту же порождающую грамматику, чем пытаться создать оригинальное произведение в подобном жанре.

Тем не менее автор не мог до конца пойти навстречу вкусам российской аудитории и ограничиться чисто эмпирическим введением в методы описания или типологическим обзором конструкций в различных языках. Укрепление иллюзий относительно того, что можно заниматься описанием фактов, не опираясь при этом ни на какую теорию (в действительности же используя имплицитные или неадекватные теоретические предпосылки), не пошло бы на пользу никому из читателей, так же, как и продолжение того малопродуктивного «диалога глухих» между российскими и западными лингвистами, который часто можно было с горечью наблюдать в 1990-е годы.

Таким образом, структура учебника отразила компромисс между несколькими разными целями, и это не могло не сказаться на полноте представленного материала. В части 1 («Синтаксическое описание») не затронуты или почти не затронуты многие важные темы, такие, как сочинение, анафора, структура именной группы, второстепенные члены предложения, синтаксис клитик; очень мало сказано о зависимых клаузах — придаточных предложениях и нефинитных оборотах. В части 2 («Синтаксические теории») не затрагиваются некоторые известные теоретические направления, например вершинная грамматика составляющих, лексико-функциональная грамматика, грамматика конструкций; функционализм проиллюстрирован всего лишь несколькими, хотя и очень важными, работами в области типологии. Вместе с тем типологический материал не приводится в учебнике систематически, так как синтаксическая типология требует введения в виде отдельной книги типа [Mallinson, Blake 1981; Comrie 1989; Croft 1990; Tallerman 1998].

Заключение

Несмотря на это, можно надеяться, что учебник содержит достаточно полезных сведений, которые читатель сможет применять к своему языковому материалу и в дальнейшем самостоятельно пополнять, обращаясь к научной литературе.

Предметный указатель

- Абсолютив III 10; VI 2.4
 Агенс III 10
 Адекватность XI 1.1
 — наблюдательная XI 1.1
 — объяснительная X 5; XI 1.1
 — описательная X 5; XI 1.1
 Адресат III 10
 Адъект III 5
 Адъонкт XII 2
 Аккузативный тип XV 1
 Актант III 4
 — внешний XII 6
 — вторичный III 8
 — инкорпорированный III 3
 — ложный III 8
 — семантический III 1.1
 — сентенциальный III 4.1
 — синтаксический III 1.2
 — фиксированный см. *Актант инкорпорированный*
 Актантная деривация VIII 7
 Активация знания IX 3
 Активный тип XV 1
 Актуальное членение IX 1
 Актор III 10; VI 2.4
 Актуализация IV 1
 Анафор XII 7
 Антецедент V 1.1
 — расщепленный VI 2.2.3
 Антикаузатив VIII 7.2
 Антипассив см. *Залог*
 Аппликатив VIII 7.2
 Аппликация XIV 1
 Аргумент от бедности стимула XI 12
 Базелла критерий см. *Эндоцентричность критерий*
 Базовый компонент XI 2.2
 Барьерь III 6
 Баха-Питерса парадокс XII 7
 Бенефактив III 10
 Бесконтекстная грамматика см. *Контекстно-свободная грамматика*
 Бессоюзная связь IV 5
 Бинарное ветвление XIII 2
 Валентность
 — активная I 4.4; III 12
 — квазиобязательная III 3
 — невыраженная III 3
 — нереализуемая III 1.2, 3
 — облигаторная III 2
 — обязательная III 3
 — пассивная I 4.4; III 12
 — расщепление VIII 7.1
 — семантическая III 1.1
 — синтаксическая I 4.4; III 12
 — устраниенная III 3
 — факультативная III 3
 — субкатегориальная III 1.2; VII 2
 Вебельхута парадокс XIII 4
 Верификация IX 5
 Версия VIII 7.2
 Вершина I 3-4; XII 2
 — группы II 1
 — параметр X 4; XII 2
 Вершинное маркирование VII 3
 Вложение II 2
 Возглавление II 1
 Вопрос
 — диктальный IV 3
 — модальный IV 3
 — общий IV 3
 — полный IV 3
 — частичный IV 3
 — частный IV 3
 — альтернативный IV 3
 Вопросительность IV 3
 Восстановимости принцип XIII 5
 Время IV 2
 Вспомогательный символ см.
 Нетерминальный символ
 Выбор XIII 3.5
 Выделение сопоставительное IX 4
 Выразительная сила X 6; XI 3
 Высказывание IV 1
 Вычислительная система XIII 3.2
 Герундий IV 7
 Гиперроль III 10
 Главное слово см. *Вершина*
 Глагол
 — агентивный III 12
 — активный см. *Глагол агентивный*
 — аффективный III 12
 — бенефактивный III 12
 — вспомогательный IV 4
 — каузативный III 12
 — неаккузативный XIII 4
 — неэргативный XIII 4
 — пациентный III 12
 — перцептивный III 12
 — полнозначный IV 4
 — полуспомогательный IV 4

*

Введение в общий синтаксис

- полусвязочный IV 4
- связка IV 4
- семантически переходный III 12
- с разделенным контролем III 12
- Глагольная группа II 1
- Глубинная структура XI 2.2
- Глубинно-морфологический уровень XVI 2
- Глубинно-морфологическое представление XVI 2
- Глубинно-синтаксическая структура XVI 2
- Глубинно-синтаксический компонент XVI 4
- Глубинно-синтаксический уровень XVI 2-3
- Глубинно-синтаксическое отношение XVI 2
- Гнездование IV 5
- Грамматика составляющих XI 2.1
- Грамматикализация XV 2.4, 3
- Грамматичность XI 1.1
- Граф I 3
- Группа II 1
- Группа синтаксическая по Гладкому II 5
- Данное IX 3
- Дативное передвижение XI 2.3.4; XIII 2
- Деепричастие IV 7
- Деепричастный оборот IV 7; V 1.1; VI 2.2.5
- Декаузатив VIII 7.2
- Дерево I 3
 - синтаксического подчинения (зависимостей) I 3
 - полная запись II 1
 - размеченное I 6; II 1
 - составляющих II 1
 - сокращенная запись II 1
- Деривация XIII 3.2
 - неудача XIII 3.2
 - сходимость XIII 3.2
- Детерминант II 5
 - обстоятельственный II 5
 - объектный II 5
 - субъектный II 5
- Детерминатора группа XII 2
- Джэнкендоффа иерархия V 2.1
- Диатеза VIII 1
 - исходная VIII 1
 - косвенно-рефлексивная VIII 5
 - маргинальная VIII 5
 - параметрическая VIII 6
 - производная VIII 1
- Диктум IV 2
- Дистрибутивная конструкция III 7
- Дистрибуция I 4.4
- Доминация II 2
 - непосредственная II 2
- Дополнение вторичное VI 5.2
- Дочь II 2
- Дуга I 3
 - начало I 3
 - конец I 3
- Единственности вершины принцип I 3
- Единственности корневого узла принцип I 3
- Жадности принцип XIII 3.2
- Живучесть референта XV 3
- Зависимое I 3-4
 - группы II 2
- Зависимое слово см. *Зависимое*
- Зависимостное маркирование VII 3
- Зависимость морфологическая VII 3
- Зависимость синтаксическая I
 - опосредованная I 3
- Зависимый оборот IV 6
- Залог VIII 1
 - актив(ный) VIII 1
 - антипассив(ный) VIII 5
 - пассив(ный) VIII 1
 - пермутатив(ный) VIII 5
- Запрета на контур принцип I 3
- Изафет VII 4.5
- Избыточное порождение XI 3
- Именная группа II 1
- Импозиция IX 3
- Имя XIV 1
- Инверсия XI 2.3.1
- Инструмент III 10
- Инфинитив IV 7
- Инфинитивный оборот IV 7; V 1.1
 - относительный VI 2.2.3
- Информационная структура XIII 4
- Исключительное падежное маркирование XII 6
- Источник III 10
- Исходная точка передвижения XII 3
- Кандидат XIII 5
- Катафора IV 6
- Категориальная грамматика XIV
- Каузатив VIII 7.2
- Каузируемый участник VIII 7.2
- Клиэна принцип (согласование) VII 4.7

Предметный указатель

- Кинэна принцип (управление) VII 5.2
Классифицирующая категория VII 4.1
Классифицирующее описание см.
 Таксономическое описание
Клауза IV 5
 — главная IV 5
 — зависимая III 6; IV 6
 — малая V 1.6; VI 5.2
 — обстоятельственная IV 6
 — относительная IV 6
 — подчиненная IV 6
 — сложная IV 5
 — сложноподчиненная IV 6
 — сложносочиненная IV 6
Клефт IX 1
Клитики I 4.3
Командование II 2
 — асимметрическое II 2
Коммуникативные категории IX
Компетенция XI 1.1
Комплекс фонетический I 4.3
Комплемент XII 2
Комплементайзер XII 2
Комплементайзера группа XII 2
Композиция XIV 2
Компонент семантики XV 1
 — дейктический XV 1
 — ситуационный XV 1
 — упаковочный XV 1
Конгруэнтность VII 4.8
Контекстно-свободная грамматика X 6
Контрастивность IX 4
Контролер II 2; VI 2.2
 — семантический VII 4.4
Контроль PRO V 2.1
 — имплицитный V 2.1
 — объектный V 2.1
 — произвольный V 2.1
 — субъектный V 2.1
Контроля теория XII 1
Конфигурационности параметр XIII 4
Копирование XIII 3.4
Косвенная речь IV 3
Косвенный вопрос IV 3
Коэффициент раннего распознавания XV 2.2
Крайнего случая принцип XIII 3.2
Кратчайшего передвижения принцип XIII 3.2

Ламбека исчисление XIV 2
Левого ветвления (левоветвящиеся)
 языки X 3; XV 2.3
Левого края принцип XIII 5
Легкий глагол XIII 2

Лексикалистская гипотеза XI 3
 — сильная XIII 3.2
Логическая форма XII 1; 9-10; XIII 3
Локативная деривация VIII 7.2
Локус морфосинтаксический I 4.5

Максимальная проекция XII 2
Масдар IV 7
Матричный предикат (глагол) III 4.1
Мать II 2
Метки I 6
Минималистская программа XIII 3
Мишень II 2; VI 2.2
 — семантическая VII 4.4
Модальность IV 2
Моделирование языка XVI 1
Модель управления III 1.2
Модус IV 2

Наречная группа II 1
Начальный символ X 6
Нейтральный порядок слов IX 1
Неконфигурационные языки XIII 4
Нексус VII 2
Нелексические проекции XII 2
Необрамление стрелок принцип I 7
Неограниченное местоимение XIII 6
Непересечения стрелок принцип I 7
Непрозрачная область XII 7
Нераспространенная группа II 1
Нетерминальный символ X 6
Новое IX 3
Номинализация III 4.1; XI 2.3.11; 3
Нулевые единицы V

Область связывания см. *Непрозрачная область*
Область согласования VII 4.6
Обобщенная лексема XVI 2
Обобщенная трансформация XIII 3.2
Обособленный оборот V 1.3
Объяснительная база X 4
Ограничения синтаксические XI 3-6
 — на передвижение вершины
 XIII 3.2
 — на сентенциальное подлежащее XI 6
 — сложной ИГ XI 6
 — на сочиненную структуру XI 6
 — «вопросительного острова» XI 6
Ограничения теория XII 1, 3
Ограничивающая категория XII 3
Ограничивающий узел XII 3
Одного комплемента гипотеза XIII 2
Однозначно идентифицирующая
 категория XV 2.1

Введение в общий синтаксис

- Озвучивание XIII 3.2
Оптимальности теория XIII 5
Оптимальный вариант XIII 5
Опущение эквивалентной ИГ XI 2.3.8
Опущения критерий I 4.6
Остров XI 6
 - слабый XII 8
Отделимость II 4.2.1
Относительное имя VII 2
Отношение синтаксическое I 2
 - неповторяемое I 8
 - повторяющееся I 8
Отрицательная трансформация XI 2.3.6
Отсрочки принцип XIII 3.2
Оценивающее устройство XIII 5
- Падежа (абстрактного) теория XII 1, 5
Падежа фильтр XII 5
Парадигма предложения IV 2
Паразитический пробел XIII 4
Параметр XII 1
Партиципант см. *Семантическая валентность*
Парцеляция II 4.2.1
Пассив см. *Залог*
Пассивная трансформация XI 3
Пациент III 10
Передвижение XII 3—4
 - долгое XII 3
 - скрытое XII 9
 - циклическое XII 3
 - вершины XII 4
Передвижений теория XII 1, 4
Передвинальный альфа XII 4
Переключение референции VI 2.2.4
Перемешивание XIII 4
Перспектива III 11
Плавающие кванторы V 2.2
Плавающие определители V 2.2
Плоская структура XIII 2
Поверхностная структура XI 2.2
Поверхностно-морфологический уровень XVI 2
Поверхностно-синтаксическая структура XVI 2
Поверхностно-синтаксический компонент XVI 5
Поверхностно-синтаксический уровень XVI 2
Поверхностно-синтаксическое отношение XVI 2
Поддержка *do* XI 2.3.3
Подлежащее VI
 - доступное XII 7
- каноническое VI 2.2
 - финитное XII 7
 - функциональное VI 2.4
Подъем правого узла XIV 3
Подъем типа XIV 2
Позиция XI 2.1
 - актантная XII 3
 - неактантная XII 3
Понятийные категории III 10
Порождающая грамматика X 6; XI-XIII
Правового ветвления (правоветвящиеся) языки X 3; XV 2.3
Превосходства эффект XII 9
Предикат III 1.1
 - реляционный IV 4
 - симметричный III 9
 - таксономический IV 4
 - характеризующий IV 4
Предикативная основа II 5
Предикативное отношение IV 1
Предикативность IV 1
 - скрытая IV 5
Предложение II 1; IV 5; XIV 1
 - безличное V 4
 - бытийное IV 4
 - идентифицирующее IV 4
 - категорическое IX 2
 - независимое IV 6
 - неопределенно-личное V 4
 - неполное IV 5
 - номинативное IV 5
 - номинации IV 4
 - придаточное IV 6
 - с неингерентной темой IX 2
 - связочное IV 4
 - сложноподчиненное IV 6
 - сложносочиненное IV 6
 - тетическое IX 2
 - характеризации IV 4
 - экспликативное IV 4
 - элементарное см. *Клаузы*
Предложная группа II 1
Предшествование с командованием IV 6
Препозиция наречия XI 2.3.7
Претерпевающий III 10
Приведенная группа XVI 5
Приемлемость XI 1.1
Признаки в минималистской программе XIII 3.3
 - проверка XIII 3.3
 - сильные XIII 3.3
 - слабые XIII 3.3
Прилагательного группа II 1

Предметный указатель

- Прилегания принцип XII 1; 3
Прилегающая категория XII 3
Примыкание VII 6
 - сильное VII 6
 - слабое VII 6
Принцип универсальный XII 1
Принципаль см. *Актёр*
Приоритета грамматического признаки VI 1
 - абсолютивные VI 2.4
 - контролирующие VI 2.2
 - морфологические VI 2.1
 - ролевые VI 2.4
 - трансформационные VI 2.3
Присказуемостное имя V 1.1; VI 2.2.6
Присловная связь II 5
Причастие IV 7
Причастный оборот IV 7; V 1.2
Проективность I 7
 - слабая I 7
Проекции принцип XII 3
Проекции уровень XII 2
Прономинал XII 7
Прономинализация XI 2.3.9; XII 7
Пропозиция IV 6
Проформы II 4.2.4
Прыжок аффикса XI 2.3.2
Псевдоклефт IX 1
Пустая структура составляющих XIII 3.5
Пустой категории принцип III 7;
 XII 8, 9
Пустые единицы см. *Нулевые единицы*
Путь в графе I 3
 - начало I 3
 - конец I 3

Различительности принцип XV 1
Разрешения правила VII 4.9
Ранг коммуникативный VIII 3
Распознающая грамматика XIV 1
Распределение позиционное см.
 Дистрибуция
Расчлененный вопрос V 1.5
Реконструкция XIII 3.4
Рекурсивность II 1
Релевантное множество IX 4
Релятивизация III 7
Релятивное имя см. *Относительное имя*
Рема IX 1
 - максимальная IX 2; XIII 4
 - предикативная IX 2; XIII 4
 - суперпозиция IX 1
 - узкая IX 2; XIII 4
 - экспансия IX 2

Референциальное выражение XII 7
Референциальное расстояние XV 3
Рефлексив (местоимение) V 1.1;
 VI 2.2
 - нелокальный XIII 6
 - эмфатический VI 3.1
Рефлексив (залог) VIII 4
Рефлексивизация XI 2.3.10; XII 7
Реципрок (местоимение) V 1.1
Реципрок (залог) VIII 4
Роль см. *Роль семантическая*
Роль семантическая III 9
Роль тематическая см. *Роль семантическая*
Роль стержневая см. *Гиперроль*

Связанности иерархия XV 4
Связанные ограничения XIII 5
Связность I 2
Связывание XII 7
Связывания теория XII 1; 7
Связь синтаксическая I 2
Сдвиг тяжелой ИГ XIII 2; XV 2.2
Селективный признак I 4.4; VII 2
Семантическая структура XVI 2
Семантический компонент XVI 2
Семантический уровень XVI 2
Семантическое представление XVI 2
Семантической мотивированности принцип XV 1
Сентенциальная форма III 1.1
Сестра II 2
Сильной компетентности гипотеза XIV 3
Синтагма XVI 5
Синтаксема XVI 5
Синтаксическая категория IV 2
Синтаксика см. *Селективный признак*
Сирконстант III 1.2, 4
 сильный III 7
 слабый III 7
Система перифразирования XVI 3
Скобочная запись II 1
Слабый переезд XII 9
Слитность грамматическая II 4.2
Словоизменительная категория VII 4.1
Словосочетание II 1
Слуга см. *Зависимое*
Смешанная категория IV 7
Согласование VII 4
 - дефолтное VII 4.9
 - дистантное VII 4.10.3
 - именное VII 4.1
 - локальное VII 4.6
 - нелокальное VII 4.10

Введение в общий синтаксис

- сентенциальное VII 4.1
- смысловое VII 4.8
- Соединение XIII 3.5
- Сокращение с внутренним пробелом IV 6; XIV 3
- Соответствия правил гипотеза XIV 3
- Составляющая II 1—2
 - размеченная система составляющих II 2
 - система II 2
 - частичная структура II 1
- Состояние см. *Статус*
- Сохранения структуры принцип XI 3
- Сочетаемостный признак см.
 - Селективный признак*
- Сочинение IV 6; XIV 3
- Сочинительное сокращение VI 2.2.1
- Союзное слово III 6
- Спецификатор XII 2
- Стабильная категория см.
 - Классифицирующая категория*
- Стандартная функция XVI 5
- Статус (морфологическая категория) VII 3
 - независимый VII 3
 - сопряженный VII 3
- Статус коммуникативный IX
- Стимул III 10
- Стратегия коммуникативная IX
- Структурная схема IV 2
- Субкатегориальная схема XII 1
- Субъект VI 2.5
- Сфера действия II 4.1; XII 9
- Сфера идентификации составляющей XV 2.1
- Таксономическое описание IV 2
- Текущая категория см.
- Словоизменительная категория*
- Телеграфа принцип XIII 5
- Тема (гиперроль) см. *Абсолютив*
- Тема (коммуникативный статус) IX 1
 - выдвижение IX 2
- Тематическая решетка XII 1
- Терминальная категория II 3; X 6
- Терминальная цепочка II 3
- Терминальный символ X 6
- Тета-теория XII 1, 6
- Тета-критерий XII 6
- Тета-позиция XII 6
- Тип XIV 1
- Топик IX 7
- Топикализация II 4.2.1
- Точка приземления XII 2
- Трансформация II 5; XI 2.2
- Трехчастный тип XV 1
- Узел I 3
 - висячий I 3
 - высота узла I 7
 - изолированный I 3
 - корневой I 3
- Универсалы X 1
 - эмпирические X 3
- Универсальная грамматика XI 1.2
- Употребление XI 1.1
- Управление VII 5; XII 5
 - антецедентное XII 8
 - лексическое XII 8
 - модифицированное VII 5.3
 - нелексическое XII 8
 - сильное VII 5.4
 - слабое VII 5.4
- Управления теория XII 1, 5
- Фактив III 10
- Фактор непрозрачности XII 7
- Фиктивная лексема XVI 2
- Финитность I 5; IV 2
- Фокус вопроса IV 3
- Фокус контраста IX 4
- Фокус эмпатии IX 8
- Фонологическая форма XII 1; XIII 3
- Фонологический уровень XVI 2
- Форма синтаксическая VII 5
- Формализм I 1; X 4
- Формальная грамматика X 6
- Фрагментирование II 4.2.1
- Фразовая категория II 1, 4; X 6
- Функционализм X 4; XV
- Функциональная проекция XIII 1
- Хозяин см. *Вершина*
- Цель III 10
- Цепь XIII 3.1
- Часть речи II 1
- Член предложения VI 1
- Штриховая группа II 5
- Штриховая категория II 5
- Экзоцентрические сочетания I 4.4
- Экономичности принцип XV 1
- Экспериенцер III 10
- Экспрессивный порядок слов IX 1
- Экстрапозиция XI 2.3.5
- Эллипсис III 3; IV 6; V 1.1
- Эллиптический контекст III 3

Список сокращений

Эмфаза IX 6
Эндоцентрические сочетания I 4.4
Эндоцентричности критерий I 4.4
Эндоцентричности принцип XII 2
Эргатив VI 2.4
Эргативный тип XV 1
«Эффект крысолова» II 4.2.1

Юнкция VII 2

Ядро см. *Вершина*

A принцип теории связывания XII 7
B принцип теории связывания XII 7
C принцип теории связывания XII 7
D-структура XII 1, 10
S -структура XII 1, 10
phi-признаки XIII 1
PRO V2
про V3
Tough-передвижение XIII 3.1
X'-теория XII 1-2
X'-формат XII 2

Список сокращений

1 - первое лицо
1КЛ - 1-й согласовательный класс
2 - второе лицо
2КЛ - 2-й согласовательный класс
3 — третье лицо
3КЛ - 3-й согласовательный класс
АБС - абсолютив
АК - активный падеж
АКК - аккузатив
АКТ — активный залог
АОР - аорист
АППЛ - аппликатив
АРТ - артикль
АФФ — аффектив
БЕЗЛИЧН - безличная форма
БЕН - бенефактивная версия
ВЕРС - версия
ВОЗВР - возвратность
ВСП - вспомогательный глагол
Г - глагол
ГГ - глагольная группа
ГЕН - генитив
ГИнф - группа инфинитива,
инффинитивный оборот
ГМП - глубинно-морфологическое
представление
ГНар - группа наречия
ГПрил - группа прилагательного
ГСО — глубинно-сintаксическое
отношение
ГСП — глубинно-сintаксическое
представление

ГСС - глубинно-сintаксическая
структура
ДАТ - датив
ЕД - единственное число
Ж - женский род
ИГ - именная группа (группа
существительного)
ИЗАФ - изафет
ИМП — императив
ИНАК - инактивный падеж
ИНСТР - инструменталь
КАУЗ - каузатив
КГ - категориальная грамматика
КОСВ — косвенная форма или основа
КРФ - кореферентность подлежащих
ЛИЧ - личность (обозначение
человека)
ЛОК - локатив
М - мужской род
МАЛ - малефактивная версия
МАСД - масдар
МН — множественное число
МСТ — модель «Смысл<=>Текст»
Нар - наречие
НАСТ - настоящее время
НЕЗАВ — независимое состояние
НЕЛИЧ - неличность (обозначение
животного или вещи)
НЕОПР - неопределенность
НКРФ — некореферентность
подлежащих
НОМ - номинатив

Введение в общий синтаксис

ОБ — объект
ОИК — однозначно идентифицирующая категория
ОПР — определенность
ОПТ — оптатив
П - предложение
ГГ - придаточное предложение или его аналог
ПАСС - пассивный залог
ПЕРФ - перфект
ПГ — порождающая грамматика
ПЕРМ — пермутативный залог
ПО — плавающий определитель
Поел - послелог
ПП - придаточное предложение
Пр(ед) — предлог
ПрГ — предложная группа
Прил - прилагательное
ПРИЧ — причастие
ПРОШ — прошедшее время
ПРЯМ — прямая форма или основа
ПСО — поверхностно-синтаксическое отношение
ПСС — поверхностно-синтаксическая структура
С — существительное
СВ - глагол-связка
СД - сфера действия
СИЛЬН — сильная форма
СИС - сфера идентификации составляющей
СЛАБ — слабая форма
СОПР — сопряженное состояние
СР - средний род
ССл - союзное слово или его грамматический аналог
СУБ - субъект
УГ — универсальная грамматика
ЭРГ - эргатив

A - прилагательное (adjective)
Adv — наречие (adverb)
AdvP — группа наречия (adverb phrase)
Aff — аффикс
AP — группа прилагательного (adjective phrase)
Aux — вспомогательный или модальный глагол (auxiliary)
C - подчинительный союз (complementizer)
CP - группа комплементайзера (complementizer phrase)
D - детерминатор (determiner)
DP - группа детерминатора (determiner phrase)
EIC - коэффициент раннего распознавания (Early Immediate Constituent ratio)
I(nfl) - вершина, носитель финитных глагольных категорий (inflection)
IP — финитная группа, клауза (inflection phrase)
LE — принцип левого края (left edge)
N — существительное (noun)
NP - именная группа (noun phrase)
P - предлог (preposition)
Pro — анафорическое местоимение (pronoun)
PP - предложная группа (preposition phrase)
R - принцип восстановимости (recoverability)
Refl — рефлексив
SC - малая клауза (small clause)
S - предложение или клауза (sentence)
S' — придаточное предложение
T - принцип телеграфа (Telegraph)
VP — глагольная группа (verb phrase)
V — глагол (verb)